

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохраняются все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отключайте автоматические запросы.
Не отключайте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

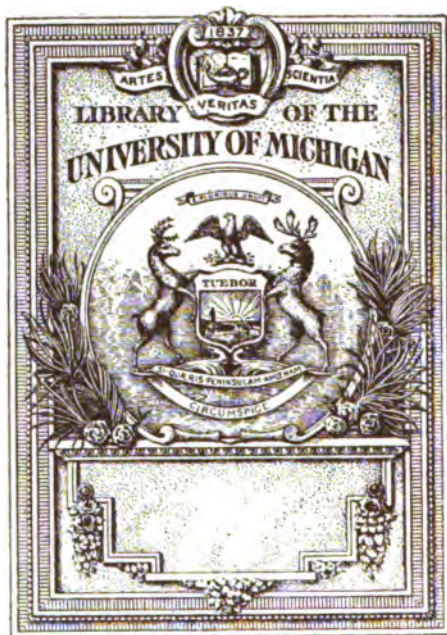
- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

B

869,798

THE GIFT OF
PROF. ALEXANDER ZIWET

Рупин, Александр Николаевич

Alexander Zinov

ИСТОРИЯ
СЛАВЯНСКИХЪ ЛИТЕРАТУРЪ

А. Н. ПЫПИНА и В. Д. СПАСОВИЧА

ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ
ВНОВЬ ПЕРЕРАБОТАННОЕ И ДОПОЛНЕННОЕ

ДВА ТОМА

ТОМЪ П

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Издание типографіи М. М. Стасюлевича

1881

1879

891.809

P99720

1879

v.2

Prof. Alex. Ziwet
1-9th 1923

(555)

СОДЕРЖАНІЕ.

	Стран.
ПРЕДИСЛОВІЕ. I. А. Пыпина. II. В. Спасовича.	
ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ. ПОЛЬСКОЕ ПЛЕМЯ	449— 782
Введеніе	449— 453
1. Древній періодъ, до половины XVI вѣка (реформація). Историческія замѣчанія. Латинская школа и письменность; первые памятники польскаго языка	454— 472
2. Золотой или классическій вѣкъ литературы (1543—1606). Состояніе государства и общества; шляхетская культура. Вліянія западной образованности; гуманизмы: Рэй изъ-Нагловицъ; Кохановскій. Поэзія идиллическая; Шимоновичъ; сатира: Клёновичъ; Станиславъ Оржеховскій. Шляхетская исключительность. Иезуитская пропаганда: Скарга	472— 515
3. Періодъ іезуитскій макароническій (1606—1764). Начало застоя и упадка. Вліяніе іезуитовъ на воспитаніе и литературу; паденіе послѣдней; макаронизмъ и риторство. Латинскій поэтъ Сарбѣвскій. Вацлавъ Потоцкій, Нечуя-Коховскій, Андрей Морштынъ. Историки; литература мемуаровъ. Сочиненія политическія; требованія реформы: Яблоновскій, Станиславъ Лещинскій. Залускій, Піаристы: Конарскій	515— 549
4. Періодъ короля Понятовскаго (1764—1796) и времена по-раздѣльнымъ до появленія польскаго романтизма (1796—1822). Историческія замѣчанія. Станиславъ-Августъ Понятовскій	549— 556
А) <i>Послѣдніе тѣхніе юды передъ крушеніемъ.</i> Венгерскій; Трембецкій; Игнатій Красицкій; Адамъ Нарушевичъ. Развитие театра	556— 582
Б) <i>Политическая литература четырёхлѣтію сейма.</i> Сташницъ; Колонтай; Нѣмцевичъ. Политическое крушеніе.	582— 593
В) <i>Переходное время послѣ третьяго раздѣла.</i> Линде; Ходаковскій; Раковецкій; Мацѣвскій. Вороничъ. Псевдоклассики. Снядецкій. Драматическая литература	593— 609
	A*

5. Періодъ Мицкевича, 1822—1863.

- А) *Романтизмъ. Предшественники и сверстники Мицкевича. Его дѣятельность.* Каз. Бродзинскій; Малческій; Тимко Падура; Б. Загѣскій; Северяня Гоцинскій. Лелевель. Филоматы и Филареты. Біографія и поэтическая дѣятельность Мицкевича 609— 675
- Б) *Раздвоенная литература: эмиграціонная и туземная (1830—1848).* Юлій Словацкій и Сигизмундъ Красинскій. Ржевускій. Домашняя литература 675— 751
- В) *Послѣдніе востоды польскаго романтизма на родной почвѣ (1848—1863).* Викентій Поля; Кондратовичъ (Сырокомля); Качковскій. Шайноха. Корженѣвскій. Крашевскій. Ослабленіе романтизма 751— 777
- Польскіе Слезакы.—Прусскіе Мазуры.—Кашубы. 778— 782

ГЛАВА ПЯТАЯ. ЧЕПСКОЕ ПЛЕМЯ. 783—1061

I. Чехи.

- Историческія замѣчанія 783— 802
1. Древній періодъ. Преданія православной славянской письменности. Открытіе древнихъ памятниковъ: содержаніе и полемическая исторія «Суда Любуши» и Краледворской Рукописи; Mater Verbohum и проч. Церковная поэзія; нѣмецкія романтическія вліянія; поэзія дидактическая и рыцарская; Смыль изъ Пардубиць; церковная драма; лѣтописи; старое чешское право; переводы. 803— 833
2. Гуситское движеніе и «золотой вѣкъ» чешской литературы. Продолженіе прежняго направленія. Первые признаки реформаторскаго движенія. Предшественникъ Гуса: Тома Штитный, Миличъ, Матвѣй изъ Янова; ученіе Виллефа и споры въ пражскомъ университетѣ. Гусъ; его личность и сочиненія, латинскія и чешскія; національный характеръ его дѣятельности. Геронимъ Пражскій. Послѣдователи и враги Гуса: умѣренные Гуситы и Табориты; литературная дѣятельность Таборитовъ. Стихи и пѣсни гуситскаго времени. Хронисты. Книгопечатаніе; гуманизмъ. Чешское право: Цтиборъ изъ-Цимбурка и Викторинъ изъ-Вшегордъ. Хельчицкій и основаніе Братской Общины. Гуситское преданіе. — «Золотой вѣкъ»: вѣдшее распространеніе литературной дѣятельности и недостатокъ внутренней силы. Духовная поэзія; историки: Гаекъ и др.; Янъ Благославъ. Велеславинъ. 833— 904
3. Періодъ паденія. Слѣдствія бѣлогорской битвы. Литературная дѣятельность «эзулантовъ»: Янъ-Амосъ Коменскій. Литература домашняя, католическая и реакціонная 904— 917
4. Возрожденіе литературы и народности. Крайній упадокъ къ концу XVIII вѣка. Первые признаки національнаго возрожденія. Правленіе Юсифа II; заботы о просвѣщеніи. Ученые историки и филологи: Добнеръ, Пель-

пель, Фойгтъ, Дуряхъ. Иосифъ Добровскій. Первые шаги литературы; обновленіе національныхъ преданій; основаніе Чешскаго Музея; открытіе древнихъ памятниковъ. Юнгманнъ; Ганка; Шафарикъ; Палацкій. Новая поэзія: Янъ Колларъ и «Дочь Славы»; Челяковскій; Воцель; Эрбенъ. Патриотическіе меньшіе поэты; повѣсть; драма. «Властенецтво».—1848 годъ. Карлъ Гавличекъ. Реакція. Новая поэтическая школа: Галекъ; Верхлицкій. Романъ и повѣсть; космополитизмъ. Историки: Томекъ; Гиндели; исторія литературы и филологія: Иосифъ Иречекъ, Вацлавъ Небескій, Гаттала и проч. Изученіе Славянства. Современное положеніе 917— 999

II. Словаки.

Историческія замѣчлія 1000—1014
Старыя времена. Гуситизмъ и протестантство; литературное единство съ Чехами. Стремленіе къ отдѣльности, особливо съ конца XVIII вѣка: Антонинъ Бернолакъ; Янъ Голый. Вліяніе Шафарика и Коллара. Политическое броженіе 40-хъ годовъ и новый литературный сепаратизмъ: Людевятъ Штуръ; Гурбанъ; Годжа. Поэтическая дѣятельность: Само Халупка; Сладковичъ; Калинчакъ.

Основаніе Матицы. Паулини-Тотъ. Писатели католическіе. 1014—1049

III. Народная поэзія у Чеховъ, Мораванъ и Словаковъ. 1050—1061

ГЛАВА ПЕШТАЯ. БАЛТІЙСКОЕ СЛАВЯНСТВО. — СЕРБЫ ЛУЖИЦКІЕ 1062—1092

Историческая судьба Балтійскаго Славянства. Его обнѣмеченіе. Сборники словъ, уцѣлѣвшихъ отъ его языка. Его этнографическіе слѣды 1062—1067

Историческое положеніе племени сербо-лужицкаго. Первые литературныя попытки со временъ реформацій. XVII вѣкъ: Михаилъ Френцель; нѣкоторое оживленіе народности. XVIII вѣкъ: основаніе проповѣдническихъ протестантскихъ обществъ въ Лейпцигѣ и Виттенбергѣ. Новѣйшіе дѣятели: Любенскій; Кливъ; Зейлеръ; Горданъ; Смолеръ. Патриотическія общества; основаніе Матицы. Михаилъ Горникъ. Нижніе-Лужичане. Современное положеніе 1068—1092

ГЛАВА СЕДЬМАЯ. ВОЗРОЖДЕНІЕ 1093—1120

Дополненія и поправки 1121—1129

Указатель къ обоимъ томамъ I—XIX

ПРЕДИСЛОВІЕ.

I.

Оканчивая второй томъ «Исторіи», я счелъ не лишними нѣсколько словъ въ объясненіе цѣли и направленія моего труда.

Важность предмета обязываетъ автора выяснитъ свою точку зрѣнія; интересъ, съ которымъ книга встрѣтилась въ литературахъ славянскихъ, побуждаетъ, кромѣ того, опредѣлитъ нѣкоторые обстоятельства, обыкновенно мало извѣстныя читателямъ славянскимъ; замѣчанія, высказанныя при появленіи 1-го изданія и теперь, о направленіи моей книги, могутъ требовать отвѣта (по крайней мѣрѣ нѣкоторыя).

Въ литературахъ славянскихъ настоящее изданіе вызвало много сочувствій, которыя надо отнести къ моему взгляду на значеніе славянскаго возрожденія; но въ отзывахъ русской славянофильской критики разныхъ оттѣнковъ, даже признаніе важности моей работы высказывалось въ тонѣ, болѣе или менѣе враждебномъ. Выдѣливши то, что надо приписать неизменнымъ соображеніямъ журнальнымъ или просто непониманію, или что надо приписать недостаткамъ моего труда (которые, кажется, могли бы быть исправляемы спокойно?), остается доля несочувствія къ самой сущности моего взгляда, который раздѣлялся вообще только не-славянофилами. Къ журнальной полемикѣ я довольно равнодушенъ; но о сущности дѣла должно сказать.

Славянскій вопросъ поставленъ у насъ довольно странно; и западное и южное Славянство едва имѣетъ понятіе о дѣйствитель-

номъ положеніи вопроса въ нашей литературѣ и обществѣ. Можно отличить три главных точки зрѣнія *): одна, «славянофильская», видитъ въ славянскомъ вопросѣ призваніе русскаго народа, которое онъ долженъ выполнить на основаніи начала православія, какъ существенно славянской формы христіанства (въ средѣ этой школы было и есть нѣсколько знатоковъ Славянства, защищавшихъ его теоріи; но не всѣ слависты были славянофилы); другая, ново-славянофильская (часто переходящая въ простой шовинизмъ), мечтаетъ о славянскомъ единствѣ подъ гегемоніей Россіи,—большей частью безъ всякаго яснаго представленія о томъ, какъ это можетъ случиться, и заимствуясь взглядами у настоящихъ славянофиловъ; третья, въ вопросахъ внутреннихъ либеральная, ищущая общественной самодѣятельности, довольно равнодушна, иногда почти враждебна къ славянскому вопросу, какъ нашему «призванію»,—полагая, что, прежде чѣмъ заботиться о немъ, русскому народу есть о чемъ подумать у себя дома, что ранѣе нѣкотораго устройства своихъ собственныхъ дѣлъ, русскому обществу странно и бесплодно заниматься дѣлами чужими,—пожалуй, даже и смѣшно.

Отглянувшись на наши внутреннія дѣла, не трудно понять послѣднюю точку зрѣнія, — какъ идеализмъ, намъ понятна даже и первая; но вообще мы не дѣлимъ ни одной изъ нихъ. Для объясненія своего взгляда, я позволю себѣ нѣкоторыя личныя воспоминанія.

Нѣсколько сознательный интересъ къ Славянству съ точки зрѣнія національнаго принципа ограничивается донинѣ очень небольшимъ кругомъ нашего общества и начался недавно. За тридцать лѣтъ назадъ, этотъ интересъ проявлялся въ литературѣ двоякимъ образомъ: еще мало высказанными теоріями славянофильской школы (въ нѣкоторомъ, но неполномъ союзѣ съ Погодинымъ) и дѣятельностью первыхъ ученыхъ славистовъ, профессоровъ недавно передъ тѣмъ основанныхъ кафедръ славянскихъ нарѣчій. Позднѣе, славянофильская теорія высказалась яснѣе, но ученые слависты стояли отъ нея въ сторонѣ. Мои первыя занятія славянскими предмета-

*) Взглядовъ и славянской политики правительства мы здѣсь не касаемся

ми—тридцать лѣтъ тому назадъ—начались подъ впечатлѣніемъ чтеній Григоровича, потомъ Срезневскаго. Ихъ взгляды не совпадали съ исключительными теоріями славянофильской школы, — быть можетъ именно потому, что подходили къ Славянству не теоретически, а по прямому изученію живыхъ обществъ и народовъ. Во все теченіе своей дѣятельности, наши ученые слависты перваго поколѣнія не слились съ славянофилами. Позднѣе, Гильфердингъ приступилъ къ славянскимъ предметамъ, уже пропитанный теоріями Хомякова.

Профессора-слависты были славянскіе энтузіасты иного рода. Григоровичъ, котораго я слушалъ нѣсколько мѣсяцевъ въ первой половинѣ 1850 г., былъ идеалистъ и мечтатель, изъ тѣхъ, которые никогда не расстаются съ своей идеей, полагаютъ на нее всю свою преданную любовь. Для слушателя, который раньше обыкновенно ничего не зналъ о Славянахъ и слышалъ о нихъ въ первый разъ отъ профессора въ выраженіяхъ самаго теплаго сочувствія, казалось немного странно, какъ раньше онъ не вѣдалъ ничего объ этихъ единоплеменникахъ, заслуживающихъ такой любви. У Григоровича не было предпочтеній; каждое племя равно вызывало его вниманіе; казалось даже, что наиболѣе слабыя и забытыя внушали ему тѣмъ больше сочувствія,—Болгары, тогда почти неизвѣстные, «Хорутане», Лужичане. Срезневскій, котораго я слушалъ со второй половины 1850 года, былъ человѣкъ другого склада — характера живого и подвижнаго, но ума точнаго, даже холоднаго. Когда онъ приступилъ, еще въ годы молодости, къ славянскимъ изученіямъ, вопросъ народности былъ сильно окрашенъ романтизмомъ; Срезневскій вложилъ въ эти изученія всю свою энергію и поэтическія влеченія. Я узналъ его еще въ полномъ развитіи его славянскихъ интересовъ и энтузіазма. Онъ, какъ немногіе среди самихъ западныхъ Славянъ, видѣлъ развитіе народнаго возрожденія у разныхъ племенъ, зналъ лично наиболѣе видныхъ дѣятелей времени, близко наблюдалъ народную жизнь, и изъ своихъ странствій и изученій вынесъ высокое представленіе о характерѣ и содержаніи «народности», къ чему его готовило и его раннее украинофильство. Жизнь народная почти представлялась ему выше жизни цивилизованной; поэзія народная, безличная,

но всѣми создаваемая и всѣми принятая, выше искусственной, книжной и личной; другими словами, цивилизація, для своего дѣйствительнаго усовершенствованія, должна изучить и воспринять тѣ достоинства, какими обладаетъ патриархальная жизнь народа. Это былъ учено-народный романтизмъ въ родѣ Гримма или Рила.

Выводъ былъ ясенъ: нужно изучать и беречь народную жизнь, потому что это родникъ нормальной національной жизни. Какъ ни мала народность, она имѣетъ свое нравственное право, потому что народность есть мудрѣйшій наставникъ, источникъ нравственности и поэзіи. Эта мысль была обставлена романтическими преувеличеніями, но въ ней было свѣжее зерно.

Около 1854 г. я встрѣтилъ Гильфердинга, который впервые выступилъ тогда на свое богатое трудами поприще, кончившееся такъ безвременно. Гильфердингъ (какъ нѣсколько позднѣе, В. И. Ламанскій) сталъ однимъ изъ первостепенныхъ знатоковъ Славянства, но, прежде чѣмъ узналъ его по личному наблюденію, онъ уже былъ готовымъ ученикомъ Хомякова, т.-е. послѣдователемъ той мысли, что Славянство есть особый міръ, противоположный міру романо-германскому, что истинное Славянство есть Славянство независимое, даже противоположное романо-германству, православное — какъ вообще *все* древнее Славянство получило свою религію на народномъ языкѣ, изъ Византіи. Отсюда слѣдовало преимущество русскаго народа надъ славянскими племенами, сохранившими слабѣе или утратившими совсѣмъ это великое основное начало. Видимо, это была другая точка зрѣнія.

Слависты-профессора, — повидимому, изъ опасенія касаться политическихъ вопросовъ, такъ или иначе имъ внушеннаго, — умалчивали о политической сторонѣ славянскаго вопроса, или она сама собой отступала на второй планъ, когда на первомъ стояла идеализація непосредственной народности; вмѣстѣ съ тѣмъ, они не опредѣляли точно и своего отношенія къ славянофильству; — но можно было видѣть, что, напр., Срезневскій и Григоровичъ не раздѣляли исключительности славянофильскаго взгляда.

Въ пятидесятыхъ годахъ славянофильская точка зрѣнія выяснилась въ «Русской Бесѣдѣ» и по русскому и по славянскому вопросу.

Въ 1858—59 и потомъ въ 1862 я жилъ за границей. Славистика не была моею спеціальностью, научная цѣль путешествія была иная; но славянское возрожденіе представляло такой широкой интересъ, притомъ столь близкій русской національности по разнымъ отношеніямъ, что значительную часть времени я отдалъ на изученія славянскія. Если раньше славянофильскій взглядъ казался мнѣ исключительнымъ, то въ этомъ еще больше убѣждало непосредственное знакомство съ славянскимъ движеніемъ: въ этомъ движеніи не оказывалось данныхъ для такого заключенія, какое строила теорія. Съ другой стороны, очевидно было, что движеніе состояло не въ одномъ платоническомъ развитіи «народности», о которомъ говорили наши слависты съ романтической точки зрѣнія. Видимо было, что Славянству приходилось вести политическую борьбу за самое бытіе своихъ народностей, которыя надо было поддерживать не-патріархальными средствами современной общественности и образованія; что братство и взаимность развиты очень мало; что для *каждой* народности всего важнѣе былъ ея ближайшій интересъ, какъ вопросъ самосохраненія; что для Славянства въ такъ называемомъ «панславизмѣ»—въ какой бы то ни было его формѣ — сохраненіе частной народности понималось какъ непремѣнное условіе. Дѣйствительнаго единства въ славянскомъ мірѣ было крайне мало; незнаніе Славянами Россіи превышало всякую мѣру—отношеніе Россіи къ вопросу понималось всего чаще самымъ превратнымъ образомъ. У насъ Славянство знали больше, хотя все-таки черезчуръ легко о немъ говорили и судили.

При такомъ пути изученія и опытѣ, и подъ впечатлѣніями нашей общественности съ половины 50-хъ годовъ — ожиданій обновленія и наступившихъ разочарованій—сложились мои представленія о Славянствѣ, когда я задумалъ составить обзоръ исторіи слав. литературъ (1865). Мои понятія о предметѣ очень не сошлись ни съ чистымъ славянофильствомъ, ни съ его популярными (и особенно фальшивыми) повтореніями, и книга моя вызвала разные нападенія съ этой стороны. Хотя моя точка зрѣнія выражена была достаточно ясно, меня обвиняли (даже чешскіе критики, у которыхъ можно было бы ждать больше привычки судить о славянскихъ предметахъ) во враждебности къ «народнымъ нача-

ламъ» славянскимъ и русскимъ, въ желаніи выставить ярче то, что дѣлится племена, вмѣсто того, чтобы утверждать ихъ «единство».

На чемъ основывались эти странныя обвиненія? Дѣло въ томъ, что я не могъ не имѣть въ виду очень распространенныхъ у насъ ложныхъ представленій о предметѣ и долженъ былъ устранять ихъ.

Въ нашемъ обществѣ очень многіе, интересуясь Славянствомъ, но не умѣя провѣрить славянофильскія теоріи, понимали славянское единство или въ совсѣмъ грубой (какъ у Погодина) или слишкомъ мистической формѣ, и полагали, что Славянамъ очень просто пристать къ намъ, что они даже жаждутъ этого. Надо было напомнить о великомъ равнообразіи славянской жизни, о различіяхъ, положенныхъ между племенами природой и тысячелѣтной исторіей, о той ровнивой привязанности, какую питаетъ каждое племя къ своей національной цѣлости, о томъ, что нельзя распорядиться «братьями», не спрашиваясь ихъ самихъ. Въ ту пору (пятнадцать лѣтъ назадъ) въ обществѣ особенно раздувалось самодовольство относительно нашего «славянскаго» значенія и рядомъ проповѣдовалась политическая между-славянская ненависть; надо было заявить нравственную обязанность уважать историческія и племенные особенности «братьевъ». (Тогда именно шли толки объ обрусеніи Польши; позднѣе — толки о несуществованіи малорусской народности; еще позднѣе — о «бѣградской губерніи», о «неблагодарности Болгаръ» и т. п.).

Критики моей книги не видѣли, что противорѣчить *этому* самодовольству значило вовсе не отвергать славянскіе идеалы, а напротивъ возвышать ихъ, очищая отъ грубыхъ и вредныхъ притязаній національнаго самомнѣнія, научая уважать чужую народную личность и искать единства въ добровольномъ и свободномъ сближеніи и союзѣ, а не въ нетерпимости и принужденіи.

Не менѣе странно было обвиненіе въ отрицаніи такъ-называемыхъ тогда «народныхъ началъ». Дѣло опять было въ томъ, что я не былъ склоненъ принимать ихъ въ истолкованіи извѣстной школы, какъ что-то будто бы уже извѣстное и впередъ опредѣленное, какъ обязательный идеалистическій консерватизмъ, — когда на дѣлѣ онъ нерѣдко совпадалъ съ грубымъ практическимъ консерватизмомъ, съ которымъ и приходилось отождествлять наши славян-

скіе интересы. Я не былъ склоненъ принимать все это, когда въ литературѣ и обществѣ еще только начинался впервые трудный процессъ сознательнаго опредѣленія этихъ «народныхъ началъ», когда литература не имѣла пока даже средствъ къ всестороннему и свободному сужденію объ этомъ предметѣ, и особенно, когда «народъ», по крайней скудости просвѣщенія и по условіямъ быта, не могъ дать своего голоса и не участвовалъ въ національной жизни и въ рѣшеніяхъ ея вопросовъ. Не было ли начало «народности», выставленное какъ официальное начало, вопіющимъ внутреннимъ противорѣчіемъ до 1861 года? И самый послѣдующій ходъ общественной и народной жизни развѣ уже устранилъ это противорѣчіе?

Въ данномъ случаѣ, мнимыя «народныя начала», непривзаніе которыхъ ставилось мнѣ въ упоръ, были дѣломъ кабинетной теоріи, немного мистически темной, очень консервативной, и гдѣ имя «народа» бывало произвольной ссылкой, если не злоупотребленіемъ. Въ своей книгѣ о Славянствѣ, я не могъ признать ихъ, когда они, какъ готовая программа, давались и остальному Славянству въ руководство, а тѣмъ Славянамъ, которые шли своимъ, инымъ, историческимъ путемъ, ставились въ осужденіе.

Участіе въ моей книгѣ г. Спасовича не обошлось (быть можетъ, и теперь не обойдется) безъ злостныхъ комментаріевъ. Дѣлались заключенія, что вся книга должна отличаться «польскимъ духомъ»; потому сосчитаны были страницы, занятыя изложеніемъ литературы польской и русской (хотя о послѣдней я предварялъ, что, назначая книгу для русскихъ читателей, сдѣлаю только общій обзоръ русской литературы, предполагая факты извѣстными). Я не отвѣчалъ тогда на инсинуаціи, слишкомъ пошлыя, но и не безопасныя, и отмѣчаю ихъ какъ черту времени.—Г. Спасовичъ участвовалъ въ книгѣ только написанными имъ страницами; изъ моихъ главъ онъ не читалъ ни одной строки до выхода книги въ свѣтъ. Критикъ болѣе серьезный замѣтилъ напротивъ, что было нѣкоторое разнорѣчіе въ мнѣніяхъ, высказанныхъ мною и г. Спасовичемъ; замѣчаніе было довольно справедливо, и разнорѣчіе было естественно у двухъ человѣкъ, работавшихъ, хотя бы при многихъ общихъ понятіяхъ, отдѣльно по отдѣльнымъ предметамъ.

Не трудно было предвидѣть инсинуаціи. Книга задумана была и писалась въ 1863—64 годахъ. Польской литературой я занимался мало и пригласилъ г. Спасовича, какъ хорошаго ея знатока, которому близка была и русская литература; полонофагомъ я не былъ, и въ особенности, самое свойство панславянской темы, какъ я ее понималъ, требовало безпристрастія ко всѣмъ славянскимъ народностямъ, и въ ряду ихъ не менѣе къ той, съ которой мы тогда враждовали. Національно-правдивое и *научно-стрное* пониманіе славянскихъ отношеній, по моему мнѣнію, тогдашнему и нынѣшнему, возможно только при уваженіи къ народной личности, и само должно внушать это уваженіе: только при этомъ предварительномъ условіи получаетъ свое право взаимная критика. Въ «Исторіи» вопросъ долженъ былъ идти не о политикѣ данной минуты, а объ историческомъ ходѣ явленій и той области національно-славянскаго идеала, гдѣ политическая вражда должна была умолкать и во взаимномъ разъясненіи народнаго содержанія могъ быть найденъ путь къ примиренію и къ дѣйствительному единству. Впослѣдствіи г. Спасовичъ приобрѣлъ и въ польской литературѣ имя какъ писатель съ независимымъ критическимъ взглядомъ, которому мы вполне сочувствуемъ (лекціи въ Варшавѣ).

Еще нѣсколько словъ о планѣ и исполненіи книги, по поводу различныхъ замѣчаній критики.

Первый томъ настоящаго изданія вызвалъ многочисленныя отзывы русской и славянской печати, и въ послѣдней встрѣтилъ сочувствія, тѣмъ болѣе мнѣ пріятныя, что оцѣнены были мои основныя понятія о между-славянскихъ отношеніяхъ и благія цѣли моей работы. Выше замѣчено, что не то было въ литературѣ отечественной. Къ сожалѣнію, въ ея запутанномъ нынѣшнемъ положеніи стали гораздо сильнѣе всякіе практическіе разсчеты, нежели вниманіе къ дѣйствительнымъ потребностямъ общественной образованности. Отвѣчать на разныя нападки я не намѣренъ *) и въ

*) Укажу лишь два-три примѣра. Одинъ развязный критикъ ставилъ мнѣ въ вину, что я не далъ такой философски обобщенной исторіи литературы, образцы

послѣдующихъ замѣчаніяхъ имѣю въ виду нѣкоторые общіе вопросы, возникающіе при изложеніи цѣлой славянской литературной исторіи.

Поводъ къ этому даетъ въ особенности отзывъ, сдѣланный о 1-мъ томѣ нынѣшняго изданія г. Ягичемъ, однимъ изъ первостепенныхъ и многостороннихъ знатоковъ Славянства въ настоящее время («Archiv für slavische Philologie», IV-er Bd., 1880). Г. Ягичъ очень хорошо видѣлъ трудность задачи и условія моей работы, на которую должно смотрѣть именно съ точки зрѣнія существующей разработки отдѣльныхъ литературъ. Мы совершенно согласны съ его замѣчаніями о необходимости выяснить внутреннюю исторію славянскихъ литературъ, но думаемъ, что донныя она еще слишкомъ трудна по недостатку изысканій био- и библиографическихъ, изученія цѣлыхъ національныхъ областей, періодовъ и направленій развитія. Укажемъ для примѣра вопросы: о началахъ старо-болгарской литературы; о темныхъ среднихъ вѣкахъ южнаго Славянства вообще; объ отвергаемыхъ теперь памятникахъ чешскихъ, съ которыми связываются выводы о цѣломъ періодѣ

которой дали Гервинусъ, Тэнъ и проч. Критикъ видимо не имѣетъ представленія о томъ, что такіе обобщенія (оставилъ въ сторонѣ историческій талантъ) возможны лишь послѣ обширной предварительной разработки историческаго матеріала, какой для славянскихъ литературъ еще не существуетъ. Гервинусъ во многомъ уже совсѣмъ устарѣлъ теперь, когда критика источниковъ подвинулась дальше.— Другой критикъ, ученый славистъ, г. Будиловичъ, въ статьѣ, напечатанной въ официальномъ «Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія» (1879, июнь) отвнесъ къ книгѣ столь же добросовѣстно, сколь добросовѣстно. Напримѣръ. На стр. 309 «Журнала» критикъ замѣчаетъ, что у меня «пропущены лучшіе хорватскіе словари — Стулли и Шулека»; обратившись къ моей книгѣ, читатель найдетъ, что словарь Стулли указанъ на стр. 166, а словарь Шулека упомянутъ даже *два* раза, стр. 166 и 260. Тамъ же: «при исчисленіи сочиненій Миклошича пропущено самое *важное*: «Vergleichende Grammatik der slav. Sprachen, которое теперь доведено до конца въ четырехъ томахъ»; но читатель найдетъ у меня подробно ея заглавіе на стр. 20, и *еще разъ* на стр. 300 въ указаніи трудовъ Миклошича находить—единственную доселѣ сравнительную грамматику славянскихъ языковъ, дошедшую теперь до четырехъ томовъ». Тамъ же указывается отсутствіе свѣдѣній о книгѣ Рачкаго: Pismo slavjensko; но читатель найдетъ ее въ исчисленіи трудовъ Рачкаго, стр. 259. На стр. 293 «Журнала», критикъ винитъ меня, что я (на стр. 438 книги) «клею» взгляды «старо-русской» партіи у Галичанъ именемъ «автпатричныхъ, ненавистныхъ, ретроградныхъ» и проч.; обратившись къ книгѣ, читатель найдетъ на стр. 438, что критикъ *мнѣ* приписалъ *чужіе* отзывы, приводимые мною какъ мнѣнія враждующихъ галицкихъ партій. Тамъ же ставится мнѣ въ попрекъ, что я виню нѣкоторыхъ галицкихъ писателей въ «презрѣніи къ народу», стр. 422; обратившись къ книгѣ, читатель найдетъ на этой страницѣ *подлинную* выписку, которая не оставитъ недоумѣнія, выражено ли въ ней уваженіе къ народу или презрѣніе, и т. д. Типографская ошибка наполняетъ критика удовольствіемъ (стр. 298). Предоставимъ читателю найти настоящее имя для подобнаго «критическаго» приема.— Третій критикъ, опять ученый славистъ (въ томъ же «Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія»!), не нашелъ ничего умнѣе какъ подробно разбирать, въ 1880, мое старое изданіе 1865 года.

чешской старины и новомъ значеніи чешской литературы; о древней и средневѣковой судьбѣ малорусскаго языка; укажемъ множество не изученныхъ писателей, не изданныхъ или еще не отысканныхъ памятниковъ, и т. д.,—не говоря о далеко не выясненныхъ вопросахъ общаго характера, какъ напр. основной вопросъ о раздѣленіи Славянства между Востокомъ и Западомъ, или современныхъ отношеній Славянства и Россіи. Я взялъ цѣль болѣе скромную—дать фактическую исторію предмета, съ тѣми обобщеніями, какія были возможны по матеріалу, бывшему у меня подъ руками, и не отягощая книги подробностями, утомительными для обыкновеннаго читателя.

Такое изложеніе требовалось и положеніемъ дѣла въ русской литературѣ. У насъ есть важные спеціальныя труды по изученію Славянства, — но нѣтъ ни одного цѣльнаго обзора ни славянскихъ языковъ, ни этнографіи (кромѣ карты Славянскаго петербургскаго комитета, съ краткими статистическими таблицами), ни исторіи, ни литературы. Но если желать возбужденія интереса къ Славянству, распространенія свѣдѣній и здравыхъ понятій объ его дѣлахъ, надо въ особенности дать эти основныя средства изученія; ихъ однако до сихъ поръ не дали профессиональные слависты. Какъ необходимы именно подобные труды, кажется, нѣтъ надобности объяснять; въ настоящей книгѣ не одно славянское имя, славное у своихъ соотечественниковъ, названо по-русски въ первый разъ. Пробѣлы, при состояніи источниковъ, при затруднительности имѣть нужныя славянскія книги, были почти неизбежны, особенно, когда время ограничено было другими занятіями. Долженъ съ удовольствіемъ упомянуть при этомъ, что помогла мнѣ не мало любезность славянскихъ друзей, лично знакомыхъ и незнакомыхъ, которые по извѣстію о моемъ трудѣ доставляли мнѣ свои изданія, и въ концѣ работы — бібліотека В. И. Ламанскаго. Мои русскіе критики сдѣлали нѣсколько полезныхъ указаній, и не мало бесполезныхъ; мнѣ прискорбно только, что сообщеніе первыхъ стоило имъ, кажется, немалыхъ желчныхъ разстройствъ.

Далѣе, г. Ягичемъ и другими сдѣланы были замѣчанія объ употребленныхъ у меня племенныхъ названіяхъ. Г. Ягичъ нашлъ «нѣсколько страннымъ» (etwas auffallend) названіе «Юго-

Славянъ», подъ которымъ я соединилъ Сербо-Хорватовъ и Словинцевъ; повидимому, не одобряетъ также названія послѣднихъ «Хорутанами»; русскіе критики ново-славянофильскаго толка поставили мнѣ въ вину терминъ: «Галицкіе Русины». На этомъ слѣдуетъ остановиться.

Нѣкоторые изъ нашихъ славистовъ и пишущихъ о Славянствѣ стараются ввести у насъ названія племенъ, мѣстностей, городовъ, лицъ, употребляемыя самими Славянами или даже извѣстныя археологически. Напр. у нихъ нѣтъ Венгровъ и Венгріи—есть «Угры» и «Угрія»; нѣтъ Эльбы и Одера—есть Лаба и Одра; нѣтъ Зары, Рагузы,—есть Задръ, Дубровникъ и т. д. Въ основѣ этого переодѣванья лежитъ, конечно, желаніе удалить ненаціональное, чужое, и водворить славянское. Противъ этого можно было бы не спорить, если бы при этомъ сохранена была мѣра; но она не сохраняется. Я не вездѣ принимаю эту номенклатуру — по очень простой причинѣ. Кромѣ пяти-шести усердныхъ славистовъ и нѣсколькихъ любителей, она мало кому у насъ извѣстна, и употреблять ее въ книгѣ, не назначаемой для специалистовъ, было бы чудачествомъ. Напр. пока не вошло въ *общее* употребленіе названіе «Угрія», я считаю болѣе удобнымъ употреблять названіе господствующее. Языкъ имѣетъ свои требованія, преданія, привычки, и въ этой номенклатурѣ *usque* есть также своего рода требованіе. Я не буду ни мало противъ «Лабы», «Одры», «Угрии» etc., если они войдутъ въ учебники географіи и исторіи, въ общественное употребленіе. До тѣхъ поръ, та или другая форма должны остаться дѣломъ личнаго предпочтенія и вкуса. Если нынѣ употребительная номенклатура въ славянскихъ предметахъ — или книжная, или слѣдующая употребленію господствующей на мѣстѣ національности *),—стала привычкой литературнаго языка, то это имѣетъ за собой свои историческія основанія **).

*) Напр. Гусъ вм. Гусь; Эльба вм. Лаба, и т. д.

**) Чехи, напр., недовольны или даже насмѣхаются, что у насъ говорятъ «Богемія», а не «Чехія»; но кто виноватъ, что «Чехія» (съ тѣхъ поръ какъ у насъ началась географія) становилась намъ извѣстна какъ нѣмецкая провинція «Богемія»? Слова имени «Гусса» пришла къ намъ не отъ XV вѣка и не отъ Чеховъ, а отъ новѣйшихъ, особенно нѣмецкихъ, протестантскихъ историковъ. Сами Чехи, до новѣйшаго возрожденія, отрекались отъ Гуса,—положимъ, вслѣдствіе тяжелыхъ событій. Кто же ослѣдъ виноватъ? Во времена Нестора мы знали «Угрію», но забыли ее, и польская форма «Венгрія» явилась опять не безъ причины. Вадумать называть Дрезденъ—

Названіе «Юго-Славянъ» — придуманное, недавно, и не мною: я слѣдовалъ извѣстной славянской энциклопедіи, чешскому «Научному Словнику», гдѣ подъ этой рубрикой, между прочимъ, помѣщенъ значительный трудъ самого г. Ягича. Терминъ этотъ, конечно, чисто книжный; но онъ произошелъ изъ желанія обобщить племена — болѣе или менѣе тѣсно связанныя единоплеменностью, географіей, историческими и литературными отношеніями.

Имя «Хорутанъ», опять не строго точное, имѣетъ за себя историческое преданіе и, въ русской литературѣ, силу привычки. Оно названо въ старину Несторомъ, а въ наше время обновлено сочиненіями Шафарика, за которымъ употребляло его постоянно первое поколѣніе нашихъ славистовъ, а за нимъ употребляетъ и второе *). Отъ имени «Словакъ» употребляютъ, по мѣстно-народному, прилагательное «словенскій» (которое и я принялъ); но по-русски слѣдовало бы говорить «словацкій» **). Подобнымъ образомъ есть двойное обозначеніе галицкихъ — «Русиновъ» или «Русскихъ». Последнее вѣрно только въ томъ общемъ смыслѣ, что галицкіе Русины принадлежатъ къ русскому племени; но въ частности даетъ поводъ къ нелѣпнымъ смѣшеніямъ. Во-первыхъ, это смѣшиваетъ ихъ съ Великоруссами, когда они однородны съ Малоруссами; выходило бы, что напр. писатели какъ Головацкій или Федьковичъ принадлежатъ тойже литературѣ, какъ Пушкинъ, Некрасовъ, Тургеневъ; а по разнымъ условіямъ литературы ихъ нельзя отождествить даже съ Малоруссами. Но, можетъ быть, таково мѣстное употребленіе? Нѣтъ; Галичане употребляютъ, правда, прилагательное галицко-русскій, но себя также называютъ «Русины» (примѣровъ сколько угодно) и, какъ достаточно указано въ текстѣ, далеко не склонны отождествлять себя съ Русскими; ближайшіе сосѣди, Поляки, также называютъ ихъ «Русины», — и литературу,

«Дражяны» или Австрію — «Ракоусы», было бы только забавно. Словомъ, просто подставлять славянскую поменлатуру огуломъ нельзя, потому что прежняя есть языкъ, имѣющій историческое основаніе. Войдутъ тѣ славянскія названія, для которыхъ найдется какой-либо новый *авторитетъ извѣстности*.

Я употреблялъ и формы именъ народныхъ, чтобы указывать ихъ, и формы, теперь находящіяся у насъ въ литературномъ обращеніи.

*) Ср. напр. Котляревскаго, Дрени, права Б. Славянъ, стр. 2; Гильфердинга, Собр. Соч. II, 28.

**) Такъ дѣйствительно писалъ Срезневскій и самъ Гильфердингъ; даже Юнгманнъ (въ Ист. Литер.).

ихъ, для устранения смѣшеній, можно назвать русинской, что у насъ нерѣдко и дѣлалось. Можетъ быть, въ русской литературѣ вошло въ обычай—называть ихъ не Русинами, а Русскими? Нѣтъ и этого; потому что когда еще не являлось спеціальнаго намѣренія изображать ихъ «Русскими» въ видахъ русскаго объединенія, ихъ называли обыкновенно «Русинами» *).

Давая отчетъ о моей книгѣ, г. Ягичъ предоставилъ разборъ послѣдней главы 1-го тома специалисту—г. Онышкевичу, профессору черновецкаго университета.

Г. Онышкевичъ дѣлаетъ нѣсколько возраженій. Онъ требуетъ болѣе точнаго распредѣленія періодовъ южно-русской литературы,—но такое, кромѣ обыкновенной трудности рѣзкаго дѣленія историческихъ процессовъ, въ этомъ случаѣ затрудняется и недостаткомъ намятниковъ, которые еще только извлекаются изъ архивовъ (какъ напр. недавно только извлечены писанія Іоанна Вишенскаго). Далѣе, критикъ недоволенъ отдѣленіемъ галицкой литературы отъ малорусской, замѣчая, что географическое дѣленіе вовсе не совпадаетъ съ дѣленіемъ литературнымъ. Намъ кажется, что именно здѣсь такое совпаденіе бросается въ глаза: при всемъ единствѣ народности, положеніе литературы въ связи съ политико-географическими условіями бывало весьма разное, напр. и въ настоящемъ столѣтіи—тѣсное отношеніе малорусскихъ силъ къ литературѣ великорусской, и большое отдаленіе отъ нея у Галичанъ; условія современныхъ стремленій и борьбы совершенно различны въ Россіи и въ Австріи; у насъ малорусская литература совсѣмъ прекратилась, и нельзя сказать, чтобы галицкая восполнила ея отсутствіе: галицкія книги даже просто къ намъ не проходятъ. Въ широкомъ смыслѣ можно и должно, конечно, связывать въ одинъ цѣльный историческій процессъ литературныя проявленія всѣхъ частей племени, — и я указывалъ ихъ общія нити; но было бы исторически невѣрно потерять изъ виду различіе условій и факторовъ въ отдѣльныхъ частяхъ племени и особенно потерять его въ наложеніи современнаго состоянія литературъ. Къ сожалѣнію,

*) Примѣровъ—сколько угодно. Приводимъ первые появившіяся: Р. Бесѣда, 1859, т. VI, статья, касающаяся «Русиновъ»; Основа, 1861; Пoesія Славянъ, стр. 204; Самаринъ, Сочин. I, 329; Письма къ Погодину, II, 309 (венгерскіе «Русины»), и т. д. и т. д.

мы видимъ, что въ сущности донынѣ лишь немногіе на той и другой сторонѣ ясно понимаютъ внутреннее единство своей народности. Г. Онышкевичъ замѣчаетъ еще, что я напрасно возвращаюсь не разъ къ спорамъ о малорусской литературѣ, и остерегаетъ отъ *nitium probe*; но г. Онышкевичу издалека вѣроятно не вполне видны внутреннія отношенія русской литературы и, напр., упомянутая статья г. Будиловича могла бы указать моему критику, что этотъ предметъ понимается превратно даже иными присяжными славистами.

Одинъ критикъ (не специалистъ) дѣлалъ мнѣ упрекъ за отсутствіе общей характеристики народной поэзіи. Я приводилъ образчики ея впечатлѣній, не хотѣлъ повторять общихъ мѣстъ, а удовлетворительную характеристику не считалъ возможной безъ специальныхъ изученій, которыхъ — мало. Есть нѣсколько прекрасныхъ сборниковъ народной поэзіи разныхъ племенъ, много второстепенныхъ, — но, кромѣ частныхъ, почти нѣтъ цѣльныхъ историческихъ изслѣдованій. Прежнія устарѣли; единственное общее, и истинно критическое, изслѣдованіе только начато Ягичемъ въ «*Gradja*» *). Я ограничился указаніемъ настоящаго положенія изслѣдованій.

Подробности діалектологіи, собственно говоря, могли не входить въ исторію литературы.

Въ библіографіи указывались главнѣйшіе труды по отдѣльнымъ предметамъ; указывались и старыя сочиненія, для нѣкотораго знакомства съ исторіей вопроса. Границы библіографіи очень неопредѣленны и растяжимы; «полнота» или «неполнота» поэтому бываетъ всегда очень условной; я старался (особенно въ первой половинѣ книги) не очень размножать библіографію; но пробѣлы, конечно, возможны, и нынѣ книги не были названы именно потому, что я не имѣлъ ихъ подъ руками, — впрочемъ, старался вообще указывать сочиненія, обратившись къ которымъ читатель, ищущій подробностей, могъ бы восполнить недостающее. Вызовъ къ самостоятельнымъ изученіямъ былъ одною изъ главныхъ цѣлей моего труда.

*) Изслѣдованія по русской нар. поэзіи здѣсь, конечно, не имѣются въ виду.

Наконецъ, читатель можетъ замѣтить неравную степень подробности изложенія. Полной равномерности не легко было достигнуть въ сложной работѣ, занявшей нѣсколько лѣтъ, веденной при разномъ количествѣ матеріала, при разныхъ обстоятельствахъ. В. Д. Спасовичъ опять велъ свой трудъ независимо; особенная подробность послѣднихъ параграфовъ написанной имъ главы объясняется малоизвѣстностью у насъ предмета, составляющаго любопытнѣйшій пунктъ новой польской литературы.

Но неизбежна и характеристична другая неравномѣрность—самыхъ явленій большихъ и мелкихъ литературъ. Скромные размеры послѣднихъ дѣлаютъ въ нихъ крупнымъ фактомъ, требующимъ вниманія—маленькій сборникъ стиховъ, народныхъ пѣсенъ, популярную книжку, которыя даже не упоминаются въ литературахъ большихъ; называются даже скромныя литературныя силы. Эти столь различныя, по внѣшнему размѣру, явленія уравниваетъ одинъ внутренній мотивъ—одинаковое служеніе дѣлу своей народности.

27 июля, 1880.

А. Пыпинъ.

II.

Слѣдуя примѣру моего товарища А. Н. Пыпина, и я тоже счелъ нужнымъ пояснить, какими путями сошлись мы съ нимъ въ общей работѣ и какія мысли руководили мною, когда дѣтъ тому шестнадцать я далъ ему мой вкладъ въ «Исторію славянскихъ литературъ» и нынѣ, когда этотъ трудъ почти заново переработанъ, —такъ какъ въ нынѣшнемъ второмъ изданіи уцѣлѣли отъ перваго весьма немногія страницы.

Я учился въ школѣ (минской гимназіи) съ обязательнымъ по всемъ предметамъ русскимъ языкомъ, но воспитаніе получилъ польское, потому что лучшіе и любимѣйшіе учителя мои были воспитанники бывшаго виленскаго университета, а образованная часть мѣстнаго общества въ среднемъ его классѣ, къ которому принадлежалъ отецъ мой, лекарь, была чисто польская. Въ этого общества, сообщаясь съ нимъ, но не сливаясь, стояли высшіе чи-

новники мѣстной администраціи, мѣняющіеся часто, кочующіе, не пускающіе корней. Въ с.-петербургскомъ университетѣ, въ которомъ я пробылъ съ 1845 по 1849 годъ, учащіеся группировались въ аудиторій по національностямъ. Суха была пища, которую мы получали съ кафедръ, за то обильны источники образованія иные, въ то время запретные: для русскихъ учащихся—грезы социализма, въ особенности Фурье (къ тому времени относится образованіе общества такъ-называемыхъ Петрашевцевъ); для насъ, бывшихъ съ западныхъ окраинъ,—лекціи Мицкевича въ Парижѣ, стихотворенія Сигизмунда Красинскаго и вся богатая литература польскаго романтизма. Мы почти всѣ были мистики, мессіанисты, ожидающіе невѣдомо какихъ благъ отъ ближайшаго будущаго. Трагикомедія 1848—1851 г. произвела отрезвляющее впечатлѣніе; послѣ разочарованія любовь къ національно-польской поэзіи осталась—и началось, руководимое ею, болѣе серьезное отношеніе къ польской исторіи, къ чему насъ пріохочивалъ живой и подвижной человекъ, болѣе поэтъ, нежели ученый, краковецъ Антонъ Чайковскій, профессоръ польскаго права въ петербургскомъ университетѣ (въ которомъ было до 1862 года нѣсколько кафедръ польскаго права, преподаваемаго на польскомъ языкѣ). Я былъ по профессіи юристъ, никогда не изучалъ спеціально филологіи, занимался литературой въ свободныя минуты. Съ лучшими по тому времени представителями русской жизни, въ томъ числѣ и съ А. Н. Пыпинымъ, я познакомился только съ 1857 года, въ петербургскомъ университетѣ и въ гостепріимномъ, открытомъ домѣ К. Д. Кавелина. Почти всю нашу умственную дѣятельность поглощалъ въ себѣ въ то время петербургскій университетъ, въ которомъ мы сообща работали... Преобразование Россіи предполагалось полное, все общество, такъ сказать, ливало, мѣняло кожу. Въ развертывающихся широкихъ реформахъ, долженствовавшихъ, повидимому, обновить весь строй жизни, усматривалось разрѣшеніе на справедливыхъ основаніяхъ и польскаго вопроса. Начинаяшееся при столь счастливыхъ условіяхъ сближеніе было прервано, по истинѣ, роковыми событіями 1863 г.; польское повстаніе тормозило и внутреннія реформы въ Россіи, національное чувство сказалось съ обѣихъ сторонъ столь энергически и сильно, что съ близкими знакомыми нельзя было раз-

суждать спокойно, казалось, что не только во внѣшнихъ отношеніяхъ, но и въ понятіяхъ мы отодвигались назадъ лѣтъ на сто. Въ эти тяжелыя минуты, ко мнѣ обратился съ своимъ предложеніемъ одинъ изъ немногихъ русскихъ, которыхъ взгляды, на жизненный для меня національный вопросъ, нисколько не поколебались отъ событий дня,—А. Н. Пыпинъ. Онъ не сообщалъ мнѣ, что и въ какомъ духѣ напишетъ, но давалъ мнѣ полный просторъ распоряжаться въ отведенномъ мнѣ, въ задуманной имъ книгѣ, участкѣ. Я принялся за работу, въ полной увѣренности, что мы сойдемся и что наше сотрудничество будетъ залогомъ того, что, не смотря ни на что, помимо страданій, развалинъ и свѣжихъ ранъ, тѣ основанія отношеній, о которыхъ мы мечтали, восторжествуютъ и прерванное сближеніе возобновится—потому, что оно лежитъ въ духѣ времени и силъ вещей, въ несознаваемой еще обществомъ, но несомнѣнной и очевидной для насъ солидарности національныхъ интересовъ. Въ моей работѣ я руководствовался мыслью, что выработанныя исторіею національныя особи въ мірѣ славянскомъ разнятся столько же темпераментами, сколько и идеалами, и что если бы возможно было представить популярно національные польскіе идеалы, запечатлѣвшіеся въ польской литературѣ, передъ русской публикою, столь воспріимчивою для пониманія всего особеннаго въ иностранныхъ цивилизаціяхъ, но и обладающею всеобще признанною за нею критическою способностью разлагать всякіе идеалы, то эта русская публика польскіе идеалы поняла бы, не смотря на свой критицизмъ, по ихъ чело-вѣчности, что она бы ихъ полюбила—и тогда шагъ громаднѣйшій сдѣланъ былъ бы къ взаимноуваженію, а слѣдовательно и къ сближенію двухъ культуръ, раздѣленныхъ китайскою стѣною предубѣжденій. Благопріятные отзывы о моемъ трудѣ со стороны моихъ соотечественниковъ убѣждаютъ меня, что я духъ польской литературы изобразилъ въ общихъ чертахъ довольно вѣрно. Второе изданіе доказываетъ, что въ моихъ коренныхъ убѣжденіяхъ я еще болѣе утвердился, а обстоятельства времени, измѣнившіяся къ лучшему, не въ области внѣшнихъ отношеній, которыя столь же тягостны, какъ въ 1863 году, но въ области идей и чувствъ, даютъ мнѣ возможность сдѣлать одинъ шагъ впередъ, который, по цензурнымъ соображеніямъ, былъ бы немислимъ въ моментъ

перваго изданія книги, въ 1865 г. Это первое изданіе обрывалось на Мицкевичѣ и не вмѣщало въ себѣ очерка запретной эмиграціонной литературы сороковыхъ годовъ, бывшей главнымъ, по моему мнѣнію, двигателемъ повстанья 1863 года. — Возможность объективно относиться къ этой литературѣ и разбирать ее свободно въ русской печати есть сама по себѣ громаднѣйшій успѣхъ, потому что знаменуетъ охлажденіе страсти до той температуры, при которой обсужденіе условій умственнаго сближенія дѣлается возможнымъ, а въ умственномъ сближеніи—вся сила, остальное сдѣлается само собою, не смотря на препятствія,—оно только вопросъ времени. Каково бы ни было качество нашего общаго труда, за нами, смѣю думать, останется заслуга, что мы поработали на пользу умственнаго общенія, а слѣдовательно сближенія двухъ славянскихъ народностей, считавшихся даже мысленно непримиримыми послѣ того, какъ, по отъѣздѣ Мицкевича въ 1829 г. изъ Петербурга, событія 1830—31 г. провели между ними глубокую борозду. Поле для работы необозримо широкое, жатва многа, но дѣятелей весьма мало.

В. Спасовичъ.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

ПОЛЬСКОЕ ПЛЕМЯ.

Послѣ того какъ южно-славянскія государства византійскаго типа: болгарское и сербское, потерпѣли въ концѣ XIV вѣка крушеніе, раздавленныя исламомъ, и до появленія Россіи на поприщѣ европейской политики и ея дѣятельнаго участія въ европейскихъ дѣлахъ при Петрѣ Великомъ, дѣйствующими на этомъ поприщѣ изъ славянскихъ народовъ являются только два западные: чешскій и польскій, оба латинскіе по своей культурѣ. Въ появленіи государствъ, послужившихъ колыбелью этимъ народамъ, сказалась общая потребность славянскаго племени оградить себя и противодѣйствовать прибою на востокъ германской волны. Болѣе западное государство, чешское, сложилось раньше, но оно денационализировалось, очутившись въ составѣ германо-римской имперіи; въ немъ утвердились нѣмецкіе порядки, сама церковная іерархія явилась проводникомъ нѣмецкаго элемента. Давимая народность вспыхнула разъ только яркимъ пламенемъ гуситизма, смѣлою попыткой и церковной, и политической, и соціальной реформы; потомъ, истощенная, она заснула послѣ бѣлогорской битвы (1620) мертвымъ сномъ на два вѣка. Польша не испытала подобнаго внутренняго раздвоенія, подобной смертоносной, кровавой междоусобной войны элементовъ: коренного народнаго съ наплывающимъ чужимъ. Римско-католическая церковь была въ ней и осталась учрежденіемъ національнымъ, котораго поколебать не могло поверхностное, въ XVI столѣтіи, распространеніе протестантизма. Хотя учрежденіе шляхты заимствовано изъ Германіи, но оно развилось столь быстро и успѣшно на аллодіальномъ корню, что позднѣйшая метаморфоза аллодіальной системы — феодализмъ не могъ не только утвердиться въ Польшѣ, но даже и проникнуть въ нее. Сильный ростъ шляхетства, совершившійся въ ущербъ всѣмъ другимъ составнымъ частямъ общественнаго организма, разрѣшился прекраснымъ на видъ, но скороспѣлымъ пло-

домъ: сеймованіемъ, системою парламентаризма, развернушагося въ Польшѣ съ особенною полнотою и послѣдовательностью раньше, чѣмъ въ Англіи, на основаніяхъ и въ формахъ, почти одинаковыхъ съ родственнымъ ему по условіямъ происхожденія парламентаризмомъ мадьярскимъ. Это стройное, сильно національное *панство* (такъ и теперь именуется государство на польскомъ языкѣ), монархія, съ аристократически-республиканскими учрежденіями, съ законами, въ которыхъ проведена была односторонне, до послѣднихъ крайностей, идея почти безпредѣльной свободы гражданина, имѣло сначала большой успѣхъ. По словамъ Гюппе ¹⁾, отъ Ягелла до Баторія (1386—1586) въ теченіи двухсотъ лѣтъ Польша была преобладающею (*tonangebende*) силою на востокѣ Европы, располагающею пространствомъ свыше 20,000 кв. миль. Но это государство не отстояло противъ Нѣмцевъ Славянъ полабскихъ и при-одерскихъ; оно не умѣло стать твердою ногою на морѣ Балтійскомъ и отгѣснено было отъ Чернаго; оно искало распространенія главнымъ образомъ на востокѣ, въ московско-русскихъ земляхъ, до предѣловъ находившагося еще тогда въ колыбели и слававшагося на діаметрально-противоположныхъ началахъ крестьянскаго царства — самодержавія московскаго. Слабая сторона этого строя заключалась въ томъ, что настоящимъ народомъ была только шляхта — сословіе, числомъ отъ 800,000 до милліона человекъ въ населеніи отъ 8 до 13 милліоновъ ²⁾; что, осуществивъ вполне свой идеаль „золотой свободы“, господствующій классъ бросилъ якорь: ему не къ чему было стремиться; неподвижный консерватизмъ сдѣлался господствующимъ настроеніемъ; общество окаменѣло, чуждаясь, какъ посягательствъ на свободу, всякихъ преобразованій, отстаивая какъ зѣницу ока, и вольную элекцію королей, иными словами — продажу короны почти съ аукціона болѣе выгодъ сулящему кандидату народомъ шляхетскимъ, поголовно собравшимся на элекцію, и *liberum veto* — право единоличнымъ протестомъ на сеймѣ со стороны одного изъ сеймующихъ не допускать состояться какому бы то ни было постановленію.

Единогласіе, какъ условіе законности постановленій, парализовало законодательную власть. Элекція давала законное основаніе вмѣшательству иностранцевъ: каждая изъ великихъ державъ организовала на свой счетъ свою собственную австрійскую, французскую и т. д. партію въ Польшѣ; обычай освящалъ даже такіа аномальныя явленія, какъ рокоши и конфедераціи, организованныя соглашенія шляхты для разныхъ цѣлей, даже для противодѣйствія королевской власти. Вошло

¹⁾ *Verfassung der Republik Polen v. Dr. Siegfried Huppe. Berlin, 1867. S. 12.*

²⁾ *Huppe. 79. Tadeusz Kozyon. Stan ekonomiczny Polski — въ варшавскомъ журналѣ „Ateneum“, за 1877 годъ.*

въ пословицу, что Польша держится безначаліемъ (nierząden stoi); мудрость ея правителей, при усиленіи кругомъ ея наследственныхъ монархій, заключалась въ томъ, чтобы дипломатически держать равновѣсіе между антагонистами — иностранными державами, и заключать союзы съ менѣе опасными противъ болѣе опасныхъ.

При тупомъ консерватизмѣ шляхты у фундамента зданія, прогрессивныя идеи могли зародиться только на вершинахъ, въ умахъ королей и государственныхъ людей, думавшихъ объ отвращеніи крушенія посредствомъ исправленія Рѣчи-Посполитой (parława R-ptej), посредствомъ ограниченія правъ шляхты, дарованія правъ другимъ состояніямъ и классамъ, и наследственности престола. Замислы эти зрѣютъ долгое время втайнѣ, высказываются боляливо; идеалы реформы распространяются медленно и туго, и проникаютъ въ общественное сознание только во второй половинѣ XVIII вѣка, то-есть, можно сказать, наканунѣ кончины. Господствующими они являются только послѣ перваго раздѣла Польши (1772). Тогда наступилъ подъ впечатлѣніемъ крайней опасности періодъ усиленной горячечной работы послѣ вѣкового застоя. Существующій порядокъ подвергается критикѣ съ точки зрѣнія философскихъ идей XVIII вѣка, распространенныхъ изъ Франціи. Народъ сознательно приступаетъ къ реформѣ; лучшія умственныя силы его вошли въ составъ четырехлѣтняго сейма, который разрѣшился конституціею 3 мая 1791 года. Но этой конституціи не суждено было осуществиться и сдѣлалась она только духовнымъ завѣщаніемъ умирающаго строя. Роковымъ образомъ, осуществленіе всякой коренной реформы обуславливалось въ Польшѣ одновременно и внутреннею и внѣшнею борьбою, потому что оппозиція сторонниковъ старины и шляхетской свободы опиралась на внѣшнее содѣйствіе, а иностранныя державы всегда готовы были оказать эту помощь, потому что имъ выгодно было имѣть дѣло съ шляхетскимъ безначаліемъ, нежели съ обрѣпшею центральною властью. Самому сильному организму почти невозможно вынести борьбу, и внутреннюю, и внѣшнюю; тѣмъ менѣе могъ ее вынести разслабленный. Послѣдній актъ потрясающей драмы послѣдовательныхъ раздѣловъ Польши, освѣщенный заревоиъ кровавыхъ событій, уличныхъ движеній черни въ Варшавѣ, патриотическихъ усилій Косцюшки, штурма Праги, кончился тѣмъ, что всѣ тѣ земли, которыя составляли Рѣчь-Посполитую, потерявъ свои учрежденія политическія, а впоследствии и гражданскія, вошли въ составъ трехъ восточныхъ великихъ европейскихъ державъ. Нынѣ прошло уже болѣе восьмидесяти лѣтъ, и можно сказать, что не сохранилась и не осталась въ дѣйствиіи ни одна частица не только прежняго государства и его учреждений, но и его законовъ. (Въ Галиціи дѣйствуетъ гражданскій кодексъ австрійскій, въ Познани —

прусскій Landrecht, въ Царствѣ Польскомъ съ 1807 г.—кодексъ Наполеона; въ западныхъ и юго-западныхъ губерніяхъ Статутъ Литовскій замѣненъ по увазу 25 іюня 1840 г. первою частью X т. Св. Зак. Гр.). Осталась послѣ этого разрушенія только одна мало замѣтная и трудно уловимая сила—историческая *національность*: домъ и семья, языкъ и нравы, извѣстныя, вѣками приобретенныя и типически отчеканенныя привычки мышленія и дѣйствованія. Жизнь этой національности, нѣкоторое время затаенная, проявилась, дѣйствуя по линіи наименьшаго сопротивленія въ области литературы и искусства, пышнымъ поэтическимъ расцвѣтомъ національной поэзіи, далеко превзошедшимъ по красотѣ и богатству содержанія все то, что было создано въ такъ-называемый золотой вѣкъ Сигизмундовъ. Развѣтлю этому скорѣе способствовало, нежели мѣшало распредѣленіе частей бывшей Польши между тремя державами Священнаго Союза, потому что препятствія, встрѣчаемыя въ одномъ государствѣ, могли не существовать въ другихъ вслѣдствіе различія въ системахъ управленія.—Это возрожденіе, отдѣлившись отъ формъ французскаго псевдо-классицизма и заявивъ себя какъ польскій романтизмъ, стремилось къ тому, чтобы укрѣпить народное самосознаніе и связать разорванныя нити народныхъ преданій при совершенно измѣнившихся внѣшнихъ условіяхъ быта, исключавшихъ всякую возможность аристократическихъ привилегій и искусственнаго преобладанія одного класса надъ другими. Въ этой литературѣ отразились всѣ условія времени, среди котораго она возникла. Она не могла не скорбѣть о погибшемъ блистательномъ прошломъ, идеализировала его черезъ мѣру, судила о случившемся поверхностно; не вникая въ его глубокія причины, останавливалась на одной политической сторонѣ вопроса, забывала социальную, и подстрекала не только къ выдержкѣ, но и къ безумнымъ попыткамъ восстановленія потерянной самостоятельности политической, либо посредствомъ открытой силы, либо посредствомъ орудія слабыхъ—дипломатическихъ заискиваній у европейскихъ властей, въ видѣ которыхъ могло входить утилизировать въ свою пользу польскій вопросъ. Нынѣ этотъ періодъ непрактическихъ мечтаній и порывовъ, начатый польскимъ романтизмомъ и завершенный нѣсколькими послѣдовательными *мостаньями*, поглотившими непроизводительно лучшія силы народа, по видимому кончился. Трудно предвидѣть, скоро-ли присканъ будетъ подходящий и удовлетворительный *modus vivendi* между родственными по крови, но различными по исторіи членами славянской семьи. Во всякомъ случаѣ появленіе такихъ свѣтилъ, какъ Мицкевичъ, Красинскій и Словацкій въ поэзіи, Шопенъ и Монюшко въ музыкѣ, Матейко въ живописи, свидѣтельствуетъ о силѣ и живучести особой польской культуры и о полномъ ея правѣ на существованіе.

По тѣсной связи польской литературы съ общимъ ходомъ польской исторіи, раздѣливъ первую изъ нихъ на періоды, представимъ въ каждомъ періодѣ сначала очеркъ и перечень главныхъ политическихъ и общественныхъ событий, а потомъ уже изложимъ факты, собственно до литературы относящіеся ¹⁾.

¹⁾ Общественно-библіографію и историографію польской литературы начинаютъ съ проф. варш. унив. Феликса Бентковскаго (Bentkowski), который издалъ въ 1814 г. въ Варшавѣ соч.: *Historja literatury polskiej wystawiona w spisie dzieł drukim otwartymuch. 2 T.*—Это былъ только библіографическій каталогъ.

— Передѣлать и дополнить работу Бентковскаго взялся, по предложенію книгопродавца Завадскаго въ Вильнѣ, Адамъ Іохеръ: *Obraz bibliograficzno-historyczny literatury i nauki w Polsce, Wilno. 1840*, но этотъ объемистый трудъ прерванъ на 3-мъ томѣ и далеко не доведенъ до конца.

— Громадный трудъ по польской библіографіи, затѣянный 1848, начатый печатаніемъ 1870 и привоженный теперь къ окончанію, принадлежитъ бібліотекарю Ягеллонскаго университета, Карлу Эстрейхеру: *Bibliografia polska XIX stolecia* (150,000 druków), первая часть задуманной еще болѣе обширной работы: *Bibliografia polska. Tom I. 1870, стр. 528, A—F; T. II. 1874, стр. 684, G—L; T. III. 1876, стр. 608, M—Q; T. IV. 1878, стр. 659, R—U. Томъ V начать съ буквы W. Мѣсто изданія Краковъ; оно издается изданіемъ краковской академіи наукъ. Въ составъ труда вошли всѣ изданія на польскомъ языкѣ или касающіяся Польши на иностранныхъ языкахъ съ 1800 года.*

Замѣчательнѣйшія систематическія сочиненія по исторіи польской литературы слѣдующія:—Леславъ Лукашевичъ, *Kuz dziejów piśmiennictwa polskiego, 1836. Kraków*, Брошюрка не важная, но имѣвшая 12 изданій.

— Михалъ Вишневскій предпринялъ подъ заглавіемъ: *Historja literatury polskiej*—нѣкую исторію цивилизаціи, основанную на обширныхъ самостоятельныхъ изслѣдованіяхъ (Краковъ, 1840—1845, томовъ 7), но довелъ свою работу только до половины XVII вѣка.—По рукописямъ и запискамъ автора, эту работу продолжали Мацевичъ (т. VIII, 1861) и Жебравскій (т. IX и X, 1857).

— Это произведеніе сократилъ и передѣлалъ поэтъ Л. Кондратовичъ (W. Syrokomla): *Dzieje literatury w Polsce od pierwiastków do naszych czasów. Wilno, 1851—1854*, 2-е изданіе, въ 3 томахъ. Warszawa, 1874.—Это сочиненіе переведено на русскій языкъ О. Кузьминскимъ, подъ заглавіемъ: *Исторія польской литературы отъ начала ея до настоящаго времени. Москва, 1862. 2 т.*

— Сочиненіе К. Влад. Войцискаго: *Historja literatury polskiej w zarysach. 4 tomu. Warszawa, 1845—1846* (2 изд. 1861), есть скорѣе хрестоматія, нежели исторія литературы.

— Янъ Маіоркевичъ, *Literatura polska w rozwinieciu historycznem. Warszawa, 1847*, опытъ разработки предмета по методу гегелевской философіи.

— Чрезвычайно богато по содержанію *Piśmiennictwo Polskie od najdawniejszych czasów aż do r. 1830. Tomów 3, Warszawa, 1851—1852*,—знаменитаго славянста Вацлава Александра Мацѣвскаго, но оно доведено только до XVIII вѣка.

— Весьма полезна очень популярная *Historja literatury polskiej*, Юліана Бартошевича, Warszawa, 1861.—Сынъ умершаго Бартошевича издалъ эту книгу вторымъ изданіемъ въ Краковѣ, 1877, въ 2 томахъ.

— Вроцлавскій профессоръ Влад. Нерингъ (Nehring) издалъ *Kurs literatury dla użytku szkół* (Розпад, 1866), въ которой довольно хорошо обработанъ періодъ Мицкевича и его послѣдователей.

— Менѣе удометворительна *Historja literatury polskiej dla młodzieży*, Карла Мехержнскаго (Kraków, 1873).

— Лучше книга Адама Куличковскаго, *Zarys dziejów literatury polskiej dla użytku szkolnego i rodzinnego. Lwów. 1873*.

— Давно обещана обширная работа по этой же части Антона Малецкаго (Małecki) бывшаго профессора львовскаго университета.

— Курсъ славянскихъ литературъ А. Мицкевича, читанный 1840—1845, въ переводѣ польскомъ Ф. Вротновскаго; 3-е изданіе въ 4 томахъ, Розпад, 1865.

— Въ 1855 г. Józef Kazimierz Tugowańki сталъ издавать новыми изданіями классиковъ и древнихъ писателей польскихъ, выписками, образованными 5 серій. Изданія

1. ДРЕВНИЙ ПЕРИОДЪ, ДО ПОЛОВИНЫ XVI ВѢКА (РЕФОРМАЦІИ).

Польскимъ историкамъ не удалось распутать лѣтописныя мнѣтческія сказанія старины, смѣсь преданій, вращающихся около Гѣзна, Крушвицы, Кракова, преданій бѣло-хорватскихъ, поморскихъ и велико-польскихъ, о Лехахъ или Ляхахъ, Кракусѣ, Вандѣ, Попеляхъ и Пястѣ. Нѣкоторыя изъ нихъ совершенно походятъ на чешскія (Кракъ и Крокъ, Пястѣ и Премисль); инныя, напр., о Ляхахъ, сильно напоминаютъ скандинавскія саги. Не очень давно Шайнока пробовалъ дать Польшѣ начало норманское, и объяснялъ, главнымъ образомъ, на основаніи филологическихъ данныхъ, что въ среду мелкихъ племенъ славянскихъ по Эльбѣ, Одру, Вислѣ внесены зачатки организаціи ляхскими норманскими дружинами, господствовавшими съ VI в. послѣ Р. X. отъ Балтійскаго моря до Карпатъ. Эта попытка не имѣла успѣха и была отвергнута (подобно тому какъ отвергается нынѣ норманское происхождение Варяговъ въ русской литературѣ: Геденонъ, Иловайскій, Забѣлинъ). Первое несомнѣнно достовѣрное извѣстіе о польскомъ государствѣ относится къ 963 г., когда при императорѣ

выходило сначала въ Савоѣ и Перемшлѣ, потомъ въ Краковѣ, прекратилось 1862, всего—болѣе 250 выпусковъ.

Основателемъ критической польской исторіи обыкновенно считаютъ Адама Нарушевича: *Historja narodu polskiego od początku chrześcijaństwa*; томы II—VII, изданы въ Варшавѣ, 1803—1804, Мостовскимъ, а I—въ Варшавѣ 1824, варшавскимъ обществомъ люб. наукъ. Іоакимъ Делезелъ писалъ чрезвычайно много монографически; сочиненія его издали Жуланскимъ въ Познаніи, 1854—1868, въ 20 томахъ, подъ заглавіемъ *Polska, dzieje i terytoryj jej rozprawy*.—Большой оригинальный, но не критическій трудъ предпринялъ близъ Теодоромъ Нарбутомъ: *Dzieje narodu litewskiego*. Wilno, 1835—1841, въ 9 томахъ.—Jędrzej Mogałowski предпринялъ представить полную прагматическую исторію Польши, съ республиканской точки зрѣнія въ *Dzieje państwa polskiego*. Poznań, 1849—1855, въ 8 томахъ; послѣдній, IX, изданъ 1855 по смерти автора (исторія доведена до 1668).—Валерианъ Врублевскій, подъ псевдонимомъ *W. Kocynowski*, сдѣлалъ оныи философію исторіи польской, но съ весьма узкой, исключительно политической точки зрѣнія.—Совершенною противоположностью обонимъ названнымъ трудамъ представляеть незначимый памфлетъ Антона Валевскаго, въ клерикальномъ духѣ: *Filozofia dziejów polskich, metoda ich badania*, Kraków, 1875. Сочиненія знаменитаго историка-художника Карла Шайноки собраны недавно, 1876—1878, въ Варшавѣ, въ 10 томахъ.—Теодоръ Моравскій, *Dzieje narodu polskiego, tomów 8. Poznań i Drezno, 1871—1872*.—Не окончена еще издаіемъ *Historja pierwotna Polski* Juljana Bartoszewicza (послѣднее изданіе въ 4-хъ томахъ). Kraków, 1878.—Walerj Przyborowski, *Dzieje Polski do 1772 dla młodzieży*, Warszawa, 1879.—

Весьма многочисленны труды по польской исторіи львовскаго ученаго Генрика Шмита (Schmitt).

Новое направленіе науки польской исторіи, совершенно противоположное школѣ Делезеля, обозначилось трудами краковскихъ профессоровъ Ягеллонскаго унив., Шуйскаго и Вобрижнскаго. Józef Szujski издалъ въ 4-хъ томахъ *Dzieje Polski wedle ostatnich badań* wіsane. Lwów, 1862—1866—лучшее и полнѣйшее до сихъ поръ руководство по этому предмету. Michał Bobrzyński издалъ 1879 въ Варшавѣ *Dzieje Polski w zagubie*, красивой очеркъ, въ которомъ кѣтко охарактеризованъ въ особенности ягеллонскій періодъ.—Весьма талантливо и оригинально изображены слободы раселенія и первичная организація общества польскаго въ соч. Тадеуша Войцѣховскаго: *Chrobaśca, rozbiór starożytności słowiańskich*. Kraków, 1873.—Нельзя не упомянуть объ Августѣ Белѣнскомъ (Bielowski), издателѣ критически обрабо-

Оттонъ I-мъ маркграфъ Геронъ побѣдилъ княжившаго надъ племенемъ Полянъ, въ странѣ на Вартѣ отъ Одера и до Вислы (Гнѣзно, Познань), языческаго князя Мѣшка, или Мѣча, и заставилъ его платить дань императору. Всему западному Славянству грозила опасность: Нѣмцы систематически покоряли и насильственно обращали въ христіанство одно за другимъ разрозненныя славянскія племена, полабскія и приодерскія, заводили пограничныя маркіи и основывали епископства, во главѣ которыхъ стала основанная въ 968 г. митрополія—архіепископство магдебургское. Тѣснимый Нѣмцами, польскій князь Мѣшко постигъ, что, дабы отстоять съ успѣхомъ славянскую народность, необходимо послѣдовать примѣру соплеменниковъ, Чеховъ, которые устроились и окрѣпли потому, что еще въ IX столѣтіи приняли христіанство;—онъ и обратился къ королю чешскому Болеславу, женился на дочери его и принималъ крещеніе въ Познани (966), гдѣ и основалъ епископство, подчиненное съ 968 митрополіи магдебургской. Скропныя начинанія и заслуги Мѣшка затмила слава гениальнаго сына его и преемника, Болеслава Храбраго (992—1025), котораго и считаютъ настоящимъ основателемъ государства, далеко распространившимъ его рубежи за черту осѣлости давшаго ему имя племени Полянъ. Болеславъ Храбрый занялъ Вѣно-Хорватію съ Краковомъ до Карпатъ и города *Червенскіе* (Галичину), Балтійское Поморье, привянувъ Оттономъ III-мъ самостоятельнымъ государемъ и союзникомъ (1000), короновался короною, полученною отъ папы. Онъ досталъ для Польши самостоятельность церковную учрежденіемъ архіепископства въ Гнѣзні, которому подчинены какъ вновь учреждаемыя епископства (кравское, вроцлавское, колоберезское и т. д.), такъ и познанское, прішедшее впоследствии, когда оно отошло отъ магдебургской митропо-

литаныхъ древнѣйшихъ памятниковъ: *Monimenta historica Poloniae vetustissima*, и объ Авт. Сиг. Гельцелѣ (Helsel), издатель древнѣйшихъ памятниковъ польскаго законодательства: *Stagodawne prawa polskiego romaniki*, 1857—1870. Kraków, два тома.—Важны также труды нѣмецкіе: Richard Rörpel, *Geschichte Polens*, до конца XIII в. (Leipzig, 1840), одинъ томъ, продолженный потомъ двумя другими подъ глѣмъ же заглавіемъ *Jaa. Care*, Getha, 1864—1869.—Съ политическими учрежденіями Польши знакомятъ: польская передѣлка нѣмецкаго писателя XVIII в. Ленгниха (Prawo państwowe Królestwa polskiego, wyd. Helcla, Kraków, 1896) и Siegfried Harnpe: *Verfassung der Republik Polen*, Berlin, 1887.

По географіи: Michał Baliński i Tymoteusz Lipiński. *Starożytna Polska, pod względem historycznym, geograficznym i statystycznym opisana*. Warszawa, 1850, томовъ 8.—Lucyan Tatowir, *Geografia ogólna. Statystyka ziem dawnej Polski*. Kraków, 1868.

Лучшій словарь до-сихъ-поръ составленный — Линде (Samuel Bogumił Linde); *Słownik języka polskiego*, 1807—1814. Warszawa, 6 t. Новое изданіе, дополненное. Львовъ 1864—1860. Лучшая грамматика, основанная на сравнительномъ языковедѣніи, *Grammatyka języka polskiego przez Antoniego Małeckiego*, Lwów, 1863.

Сборники народныхъ пѣсень весьма многочисленны за послѣднія 45 лѣтъ, начиная со сборника галиційскаго писателя Зауѣскаго (Wacław z Olcska), изданнаго 1833. Особенно замѣчательны сборники: Войцижскаго Жосты Плузск., Чарота, Зейшнера, Оскара Кольберга.

ли. Въ жестокихъ войнахъ Болеслава съ Нѣмцами, по смерти Оттона III, гибнеть безповоротно юго-западное языческое Славянство; потери съ этой стороны вознаграждаются далекими видами на востокъ (Кіевъ). Нѣтъ сомнѣнія, что въ присоединенной къ Польнѣ Вѣло-Хорватіи съ Краковомъ были уже сѣмена христіанства ¹⁾, посеянные въ то время, когда эта страна подчинена была Моравіи Святополкомъ (894) и когда изъ ней епископствовалъ Меодій (объ отномъ Меодія къ языческому князю „на Вислѣхъ“ или въ Вислицѣ, Bielowski, Мовшич. I. 107). Но хотя есть слѣды долгаго существованія потому христіанства по славянскому обряду, не сохранилось данныхъ объ его самостоятельной организаціи. Верхъ надъ нимъ одержалъ обрядъ латинскій, уверенившійся быстро и глубоко и сдѣлавшійся одною изъ главныхъ основъ жизни народной по слѣдующимъ причинамъ. Римское католичество было космополитичнѣе, слѣдовательно, уживалось со всѣми народностями, не мѣшая ихъ своеобразному развитію; введенный имъ латинскій языкъ былъ сильнѣйшимъ проводникомъ и распространителемъ античной классической культуры; признавъ главенство нации, народности польская нашла въ немъ точку опоры въ борьбѣ своей съ германо-римскою имперією; наконецъ, проводя идею о первенствѣ духовнаго ворадья предъ свѣтскимъ, церковь римская явилась первымъ дѣтелемъ въ ограниченіи власти королевской и положила первый камень при созданіи польскаго парламентаризма, который въ исторіи польской былъ дѣломъ столь же народнымъ, какъ выработка самодержавія въ древней исторіи русской. Эта сторона дѣятельности духовенства обрисовалась только впоследствии; вначалѣ движущей и всеорганизующей силой является только королевская или княжеская власть, столь же могущественная, какъ на Руси при Ярославѣ. Несмотря на народное ея происхожденіе отъ князя Пяста, нѣтъ и помяну о народныхъ вѣщахъ, а развѣ только совѣщается князь со своими дружинниками, *comites*, и епископами. Организація общества чисто военная. Земли дѣлились на *ополья* (*viciniae*), соединенныя круговою отвѣтственностью жителей по отношенію къ власти; по городамъ въ укрѣпленныхъ мѣстахъ сидѣли княжескіе военачальники-судьи, *каштеляны*. Внутри общества обозначилось различіе военного сословія отъ не-военныхъ классовъ, выдвинулась шляхта. Происхожденіе этого учрежденія объясняется нѣмъ слѣдующимъ образомъ ²⁾. У ляховъ Славянъ господствовало многобрачіе; послѣ умершаго, если не было

¹⁾ Страстная пощеника по поводу славянскаго обряда въ древней Польнѣ велась, въ 1669—1680 г., съ одной стороны между Алек. Вац. Маѣвскимъ; съ другой—Или. Рихтеромъ и Б. Островскимъ. Сoderманіе спора передано въ статьяхъ А. Малацкаго въ журналѣ лвовскомъ „Przewodnik naukowy i literacki“ 1876.

²⁾ Szałnocha (Lechicki początek Polski); Małecki въ вышеупомянутыхъ статьяхъ.

сыновей и братьевъ, остававшееся имущество (раскила) забирали князь (путемъ такъ-называемаго грабежа), который рассматривался какъ собственннмъ всей земли въ предѣлахъ своего княженія. Съ христіанствомъ введено однобрачіе, вышло изъ значенія рода, связь взаимнаго родичей или стрійцовъ, потомковъ одного родоначальника, отношеніе ихъ къ одному — имуществу, принадлежавшему этому предку. Князь сталъ своимъ дружинникамъ жаловать *ius hereditarium* (право дѣдичное) на земля, которыя становились тѣмъ, чѣмъ были аллодіальныя владѣнія на Западѣ, землями вольными, частными, навсегда выходящими изъ общей массы княжескаго владѣнія. Привилегированные по княжескому пожалованію содѣдичи и прошивались отъ нѣмецкаго слова „*Feschlecht*“ — *члалыта*, они дѣлались соучастниками одного „*Егд*“ или *герба*; ни одна частичка общей дѣдины не могла быть отчуждаема безъ согласія родичей; они имѣли общій знакъ символическій и общій влчкъ (проклама, заволапіе). Гербовные родичи, какъ служилые люди, освобождались постепенно отъ вслехъ иныхъ службъ и даней, лежащихъ на людяхъ тугихъ, а когда учрежденіе умножилось и разрослось, то въ ихъ руки перешла и власть суда надъ простыми, на ихъ земляхъ водворенными поселянами (ран—первоначально тоже, что судья). Параллельно развитію привилегированныхъ родовъ, изъ которыхъ потомъ образовалось одно сословіе шляхты, шелъ процессъ обезземеленія сельскаго состоянія; свободные землевладѣльцы-крестьяне съ теченіемъ времени совсѣмъ пропадаютъ, сливаясь въ общей массѣ крестьянъ осѣдлыхъ на чужихъ земляхъ: княжескихъ, церковныхъ или панскихъ, съ невольными людьми, рабами и потожками рабовъ (паробки, *originati*). По Статуту Вислицкому, лично свободно кмети еще не окончательно прикрѣплены; имъ служить ограниченное право выхода. Отстаивая старину и связанное съ нею язычество, низшіе классы общества подымались дважды (1034 и 1077); но безуспѣшно, причемъ служилое сословіе и духовенство тѣмъ сильны, что, справившись съ бунтующими, заставляють въ 1079 г. удалиться съ престола короля Болеслава Смѣлаго, человѣка самовластнаго и крутаго, который обогрѣвъ руки кровью отлучившаго его отъ церкви епископа Станислава. Ослабленная этимъ событіемъ, княжеская власть пронмается еще съ прежнимъ блескомъ и силой въ лицѣ Болеслава III Кривоустаго (1102—1188), который ознаменовалъ себя побѣдоносными войнами съ императоромъ Генрихомъ V, покорилъ окончательно и обратилъ въ христіанство славянское Поморье отъ устьевъ Одера до устьевъ Вислы при помощи епископа поморскихъ, св. Оттона. Но со смертью Болеслава III наступилъ для Польши столь же неизбѣжный, какъ для Руси послѣ Ярослава—удѣльный періодъ,

слѣдствіе взгляда на государство, какъ на родовую общину собственности княжескаго дома.

Прямимъ послѣдствіемъ раздробленія цѣлаго на части было, съ одной стороны, обезсиленіе едва нарождающейся народности, потеря ею нѣкоторыхъ частей болеславовской Польши, напр. Силезіи, которая сдѣлалась нѣмецкою подѣ о нѣмеченинскими князьями изъ старшей линіи дома Пястовъ; съ другой стороны, дифференціація частей, образованіе отдѣльныхъ земель, изъ которыхъ каждая устроилась по своему и замѣчательна была сильно индивидуальнымъ характеромъ. Каждый князь имѣлъ своего намѣстника, *воеводу* (палатина), канцлера, судью; ниже воеводъ по чину были каптеяны по городамъ, правители опольевъ. Всѣ эти должности были обыкновенно пожизненными. Эти *bagones* вмѣстѣ съ епископами составляли думу князя и, пользуясь междуособіями князей, присвоили себѣ громадную власть, звали и вытѣсняли князей и практически осуществляли не разъ то, что потомъ называлось *элекціою*. Власть и значеніе этого предприимчиваго вельможества были не одинаковы на сѣверѣ и югѣ. Между тѣмъ, какъ сѣверъ, то-есть коренная или Великая-Польша съ Гнѣзномъ и Мазовіа съ своимъ безчисленнымъ мелкопомѣстнымъ шляхетствомъ жили больше по старинѣ и стояли за болеславовскія преданія княжескаго самодержавія,—на югѣ, въ такъ-называемой Малой-Польшѣ, слагался порядокъ вещей, въ которомъ бароны имѣли перевѣсъ и которымъ они воспользовались для возведенія на королевскій престолъ Казимира, самаго младшаго изъ сыновей Болеслава III. Уже этотъ король Казимиръ, по прованію Справедливый, являетъ собою типъ совершенно новый, типъ правителя, законодательствующаго на сѣздахъ вмѣстѣ съ духовенствомъ и выснимъ дворянствомъ, а состоявшійся при немъ сѣздъ Ленчицкій 1080 г. обыкновенно считаютъ историки началомъ учрежденія польскаго сената. Власть княжеская, ограниченная духовенствомъ, которое тянуло къ Риму и старалось все свѣтское подчинить папскому престолу, и сокращаемая вельможествомъ, не могла справиться съ задачами, которыя ей были бы по силамъ въ прежнее время: она сама раскрываетъ настежь ворота Нѣмцамъ и впускаетъ ихъ въ самое сердце Польши. Этого рода явленіе знаменуетъ вѣкъ XIII и состоитъ въ поселеніи на нижней Вислѣ ордена тевтонскаго и въ пожалованіи нѣмецкимъ правомъ городовъ и селеній, напелняющихся, въ особенности послѣ татарскаго нашествія и разоренія, нѣмецкими выходцами. Одинъ изъ самыхъ дурныхъ правителей, Конрадъ, князь Мазовецкій, не справившись съ полудикимъ племенемъ ямчичковъ-Пруссаковъ, пригласилъ тевтонскихъ рыцарей, пожаловалъ имъ землю Кульскую и все то, что они отвоюютъ у Пруссаковъ. Орденъ поселился на Балтійскомъ Поморьѣ, и въ концѣ-кон-

цовъ восторжествовала надъ Польшею, потому что изъ него-то вышла теперешняя прусская монархія. Германизація, вслѣдствіе поселенія колонистовъ, всѣхъ польскихъ городовъ и мѣстечекъ и даже закладка новыхъ нѣмецкихъ деревень идетъ шибко въ теченіи всего XIII в., но въ особенности послѣ того, какъ въ 1241 Татары опустошили Польшу; сожгли Краковъ и Вроцлавъ. Польша превратилась въ пустыню; чтобы заселить ее, надо было звать колонистовъ, суля имъ льготы, освобожденіе отъ повинностей польскаго права, родныя учрежденія, свой судъ городской или сельскій, отъ котораго до временъ Казимира-Великаго шла аппеляція въ магдебургскій магистратъ. Селенія судимы и управляемы были солтысомъ съ лавниками (scabini); въ городахъ судилъ войтъ съ лавниками, управлялъ совѣтъ городской (магистратъ). Прельщенные привѣромъ, чисто польскіе города и селенія добывались пожалованія ихъ правомъ нѣмцевымъ.

Были князья, напримѣръ Лешекъ Черный, которые опирались на это нѣмецкое мѣщанство такихъ городовъ, какъ Краковъ, и заимствовали нѣмецкій языкъ и обычай. По городамъ, со временъ первыхъ крестовыхъ походовъ, селилось множество бѣжавшихъ изъ Германіи Евреевъ. Изъ массы народа выдѣлялись города, выдѣлялась шляхта или рыцарское состояніе, сильно связанное въ гербовыя братства, наконецъ всего больше привилегированное положеніе заняло духовенство, таящее въ Риму, освободившееся отъ княжескаго суда, имѣющее свой собственный по каноническому праву, которое оно называло князьямъ, долженствующимъ на каждомъ шагу считаться съ этими безчисленными привилегіями духовенства, дворянства, городовъ. Несмотря на раздробленіе общества на части и разныя сословія существовало, однако, чувство народнаго единства и сказалась потребность въ созданіи сильной центральной власти, которая, содѣйствуя процессу сложенія разныхъ частей въ одно цѣлое, доставила бы обществу внѣшнюю безопасность и наладила бы внутреннія отношенія. Выработалось понятіе монархическаго единодержавія. Это политическое движеніе было вмѣстѣ съ тѣмъ и сильно національное, сопровождаемое горячимъ сочувствіемъ народныя массы. Собирателями польской земли являютя представители одной изъ самыхъ младшихъ линій дома Пястовъ—мазовецко-куявской, Владиславъ Локтикъ и сынъ его, Казимиръ Великій. Локтикъ возлагаетъ на себя королевскую корону въ 1198 г. въ Краковѣ, дѣлающемся омончательно столицей, собираетъ 1231 г. первый извѣстный сеймъ или земское вѣче въ Хенцинахъ (generalem omnium terrarum conventum), одерживаетъ первыя побѣды надъ орденомъ, женить сына на дочери литовскаго Гедимина и передаетъ ему 1253 г. престолъ по праву монархическаго единонаслѣдія. Этотъ сынъ, Казимиръ Великій, болѣе дипломатъ, нежели

военный человекъ, направилъ общество на мирные пути развитія, устроилъ города, которые при немъ стали оживляться, создалъ одно общее для обѣихъ главныхъ частей Польши законодательство, известное подъ именемъ Вислицкаго Статута ¹⁾. Главныя составныя части его монархіи были Велико-Польша и Мало-Польша, въ составъ которой съ 1340 г. вошла и Галицкая Русь. Значеніе удѣльныхъ князей осталось на нѣкоторое время только за мѣщанскими и вымирающими родами мазовецкихъ Пястовъ. Остатки прежнихъ удѣловъ сохранились въ государственномъ управленіи въ должностяхъ бывшихъ княжескихъ, а по объединеніи Польши сдѣлавшихся только земскими, воеводъ, капитановъ и другихъ. Они были представителями интересовъ отдѣльныхъ земель, между тѣмъ какъ общіе интересы короны имѣли свои органы въ министрахъ королевскихъ и городскихъ старостахъ (учрежденіе, заимствованное изъ Чехіи), вооруженныхъ королевемъ властію уголовного суда по четырѣмъ статьямъ: разбой, изнасилованіе, поджогъ, нападеніе на домъ. Всѣ остальные дѣла и споры судили земскіе выборные судьи. Особенности Велико- и Мало-Польши никогда не ступившись, такъ что въ самомъ основаніи устройства Польши, какъ государства, легло начало федеративности, какъ добровольнаго, по соглашеніямъ и на основаніи равенства, единенія земель подъ одною державою — разумѣется, не на обще-гражданской, которой не могло быть въ средніе вѣка, а на аристократической подкладѣ.

Преемникъ Казимира, племянникъ его Лявоникъ или Люкъ (Loyse) изъ дома Анжу, не имѣвшій мужского потомства, желая, вопреки польскому народному обычаю, передать престолъ одной изъ дочерей, почти насильственно навязалъ польскимъ панамъ, вызваннымъ въ Кошицы, актъ (1374), равносильный по содержанию поддѣланному ратуша союзнителю, освобождающій всю шляхту отъ податей (за исключеніемъ 2 грошей съ лана — а шапо). Когда, въ силу этихъ соглашеній, дочь Люка, Ядвига, вступила на престолъ, вопреки ея желаніямъ, состоялся, по настоянію мало-польскихъ князей, богатый послѣдствіями бракъ ея съ Ягеллою, коронація въ Краковѣ (1386) и крещеніе Литвы. Первымъ плодомъ соединенія Польшы съ Литвою было нанесеніе общими силами рѣшительнаго удара общему врагу, ордену тевтонскому, на побойнѣ грюнвальдскомъ, въ 1410 г. Но соединеніе двухъ столь рѣзко разнѣющихся между собой государствъ, какъ Польша и Литва, было только личное и разрывалось моментомъ. Въ Княжествѣ Литовскомъ, вел. князь былъ дѣдичъ, господинъ почти самодержавный,

¹⁾ Главнѣе объ этомъ видѣтъ трудъ принадлежить Гельцелю, по замѣчаніямъ котораго оказывается, что были два отдѣльные статута — піотрковскій для Велико-Польши и вислицкій 1847 г. — для Мало-Польши, которымъ составленъ общій сводъ въ 1868 г.

божество сильное, землевладѣніе ограниченное, почти помѣстное или феодальное, связь съ короною поддерживалась только тѣмъ, что одинъ изъ Ягеллоновъ, даже часто не тотъ, который воссѣдалъ на престолѣ литовскомъ, возводилъ былъ по соглашенію съ сеймомъ на престолъ Польши съ королевскою властью, значительно ограничевою привилегіями состояній и вельможествомъ, которое пріучилось править судьбами общества умѣломъ, хотя тяжелой и своекорыстною рукою. Сеймакъ польскій того времени былъ только продолженіемъ врезкикъ съѣздовъ и вѣчъ (colloquia), собраніемъ, со всѣхъ земель или съ нѣкоторыхъ, коронныхъ и земскихъ сановниковъ; участіе въ немъ служивыхъ людей было самое неопредѣленное. Эта коронная дума вступаетъ иногда въ споры съ королемъ, которому корою трудно согласовать свою польскую политику съ обязанностями вел. князя литовскаго. Въ ней засѣдаютъ люди, которые фактически правятъ государствомъ при слабыхъ короляхъ; такимъ лицомъ является, напримѣръ, знаменитый краковскій епископъ, кардиналъ Збигнѣвъ Олесницкій (ум. 1454), затормозившій крѣпкою рукою движеніе гуситское¹⁾, проникавшее въ Польшу, сторонникъ Флорентійской уніи, сторонникъ легальной реформы церкви съ подчиненіемъ папѣ собору, но вънѣ государственнхъ ставившій интересы церкви, направившій сына Ягеллы, Владислава III, на престолъ венгерскій и затѣмъ на тотъ крестовный походъ противъ Турокъ, въ которомъ король Владиславъ обрѣлъ въ 1444 смерть на полѣ сраженія подъ Варной. Преемникомъ Владислава III, соединившимъ въ одѣхъ рукахъ Польшу и Литву, былъ король Казиміръ (ум. 1492), цѣнимый прежде далеко не по заслугамъ и въ которомъ только съ недавняго времени²⁾ историческія изслѣдованія открыли одного изъ замѣчательнѣйшихъ государей, всего болѣе содѣйствовавшаго преобразованію монархіи средневѣковой, *сочиненой*, въ настоящую представительную съ однимъ закономъ, законодателемъ—сеймомъ и исполнителемъ законовъ—королемъ, словомъ создателя польскаго парламентаризма. Примавка федеративности и болшей свободы заставила прусское дворянство и города изъ-подъ власти ордена стремиться къ инкорпораціи, вращиваться въ составъ короны польской, слѣдствіемъ чего была прусская война, окончившаяся присоединеніемъ къ Польшѣ по Торнскому миру 1466 г. Балтійскаго Поморья съ устьями Вислы, Данцигомъ, Мариенбургомъ и Варміею, а за орденомъ оставлены на левномъ правѣ только восточная Пруссія съ Кѣнигсбергомъ. Во время этой войны король, стѣсненный сановнымъ вельможествомъ и нуждающійся въ войскахъ и деньгахъ, предпринимаетъ ломку привилегій во

¹⁾ Гуситизмъ въ Польшѣ всего лучше разработанъ въ многочисленныхъ монографіяхъ ученаго Л. Прохавки, въ изданіяхъ краковской академіи, и друг.

²⁾ Каро и Бобржинскій.

ния общаго блага и вводить въ жизнь политическую еще не совсѣмъ зрѣлое, но выполненное въ государственной службѣ состояніе нечиновной служилой шляхты. Статуты Нѣшавскіе, 1454, Казимира ¹⁾ играютъ въ польской конституціи такую же роль какъ Magna Charta въ англійской; это—дворянская грамота правъ и преимуществъ, во главѣ которыхъ стоитъ знаменитое: *pepinem captivabimus nisi jure victum* (свобода отъ подслѣдственнаго ареста), но въ нихъ превъше всѣхъ въ государствѣ поставленъ законъ, и постановлено, что новыя законы будутъ издаваемы и подати налагаемы только по совѣщанію съ земскими сеймиками шляхты. Эти сеймики, объѣзжаемые королемъ, оказывались податливыми. Король, найдя въ нихъ точку опоры, упрощаетъ механизмъ: вмѣсто земскихъ, собираетъ общіе сѣзды для Велико-Польши, Мало-Польши, Руси (обыкновенно въ Колѣ, Новомъ-Корчинѣ, Сондовой Вишни), наконецъ, въ 1468 г. постановлено, чтобы отъ всякаго земскаго сеймика, собирающагося въ повѣтъ или землѣ, изъ которыхъ состоятъ воеводства, высылаемы были на общій сѣздъ всей короны (обыкновенно въ Пиотровѣ) по два выборные земскіе посла (*puntii terrestres*). Такъ образовался *валыный сеймъ коронный*, не имѣвшій сначала никакого первенства надъ сеймиками, потому что, не успѣвъ на сеймѣ, король могъ проводить свои замыслы на сеймикахъ. Отъ этого сейма сторонилось духовенство, отстраняющее свои привилегіи; его чуждались, хотя и были приглашаемы, мало заботящіяся объ общемъ дѣлѣ города, вслѣдствіе чего городское состояніе потеряло всякое значеніе политическое. Лѣтъ чрезъ 30 сеймъ уже сосредоточилъ въ себѣ всю законодательную власть; о законодательствѣ на сеймикахъ нѣтъ и помина; починомъ короля Яна-Альбрехта важныя преобразованія предприняты, но и дано начало легальному порабощенію шляхтою крестьянъ и исключительнымъ достоинствомъ шляхты сдѣлались высшія должности церковныя. Теряющее подъ собою почву вельможество воспользовалось военными неудачами, омрачившими конецъ жизни этого короля, чтобы по его смерти сдѣлать послѣднюю попытку установить олигархическую форму правленія, заставить великаго князя Александра подписать передъ коронаціею привилегію Мельницкую 1501 г., по которой король превращался въ предсѣдателя сената, а все правленіе переходило въ руки этой вельможной думы. Король все подписалъ, что требовалось, но затѣмъ уѣхалъ въ Литву, предоставивъ сенату править Польшею по его усмотрѣнію. Опытъ показалъ полную несостоятельность вельможскаго правленія; короля упростили пріѣхать: Мельницкій актъ былъ отмѣненъ, многое устроено, опредѣлены пред-

¹⁾ Bobrzyński, O ustawodawstwie Niezawaskiem. Kraków 1873; Sejmy polskie za Olbrachta i Alexandra, въ Ateneum, 1876.—Romuald Hube, Statuta Niezawaskie z 1454 г. Warszawa 1875.

каты вѣдомства коронныхъ министровъ (канцлеръ, подканцлерій, два подскарбія коронный и надворный, маршалы коронный и надворный), разрѣшено канцлеру Ласкому издать собраніе законовъ (въ 1506), наконецъ на сеймѣ Радомскомъ 1506 г. состоялось знаменитое постановленіе: *nil novi constitui debeat per nos et successores nostros sine consensu consiliorum et nuntiorum terrestrium consensu* (т.-е. что стынѣ не можетъ состояться постановленіе безъ согласія рады—сената и земскихъ пословъ). Общій подъемъ шляхты, воодушевленной чувствомъ равенства, подорвалъ въ корни вельможество. Никогда государственныя должности не сдѣлались наследственными, никогда сенатъ, въ котораго составъ вошли окончательно только воеводы, каштеляны, министры и римско-католическіе епископы, не получилъ самостоятельнаго значенія. Отсутствіемъ прочихъ корней у вельможества объясняется роль его и политика заискиванія—попеременно то милостей у короля, то популярности у шляхты. Оно какъ будто бы на время ступенчается среди двухъ главныхъ факторовъ: монарха и шляхты, привыкшей смотрѣть на себя, какъ на весь польскій народъ. Во всѣхъ земляхъ, вошедшихъ уже потомъ въ составъ государства, первымъ дѣломъ польской политики было съ тѣхъ поръ объединеніе разныхъ чиновъ служилыхъ сословій въ одну шляхту и затѣмъ уже введеніе государственныхъ порядковъ и устройства. Въ этой скороспѣлой переѣлкѣ средневѣкового вотчиннаго государства въ новѣйшее конституціонное были свои темныя пятна и недодѣлки: Законъ обобщенъ, но о городахъ радили безъ нихъ, а простой народъ остается даже внѣ закона. Министры несмѣняемы, нѣтъ также одного отвѣтственнаго предъ сеймомъ министерства, которое бы обеспечивало непрерывность правительственнаго почина при слабыхъ или неспособныхъ государяхъ. Король ревниво относился къ личному своему управленію, министровъ онъ бралъ изъ среды вельможеской, но неотвѣтственный передъ сеймомъ пожизненный министръ могъ легко перейти на сторону оппозиціи и связать королю руки. Устройство предполагало непрестанный сильный починъ правительства, а на престолѣ—людей энергическихъ; между тѣмъ обѣ династіи, Пястовъ и Ягеллоновъ, вымираютъ скоро и безпотошно, а послѣдняя славилась добротою, медлительностью и неразрѣшительностью характера своихъ представителей.

Такимъ мягкосерднымъ миролюбцемъ является популярнѣйшій изъ королей Сигизмундъ I Старый, державшій болѣе 40 лѣтъ бразды правленія въ своей недѣлательной рукѣ. Его хвалятъ за то, что онъ относился къ протестантизму совершенно нейтрально и отвѣчалъ Эку, что онъ предпочитаетъ быть королемъ и надъ овцами и надъ козлищами. Его мирная вѣншая политика, ладившая даже съ Султаномъ, дала шляхтѣ вкусить всѣ прелести покоя и досуга; эво-

политическое развитіе и успѣхи были неравительныя, но Смоленскъ былъ потерянъ; породившемуся съ Ягеллонами дому Габсбурговъ оказало содѣйствіе въ занятіи престоловъ чешскаго и венгерскаго, важнѣйшихъ по смерти послѣдняго потомка венгерской отрасли дома Ягеллоновъ, короля Ладовика II, павшаго въ сраженіи подъ Могачевъ въ 1526; наконецъ одними только узко-династическими соображеніями объясняется чреватая вреднѣйшими для Польши послѣдствіями отдача въ женное владѣніе въ 1526 г. племяннику Сигизмунда I по сестрѣ, Альбрехту Бранденбургскому, земель ордена тевтонскаго, секуляризованныхъ вслѣдствіе принятія Альбрехтомъ протестантизма. Во внутренней политикѣ Сигизмунда очевиденъ возвратъ къ идеямъ средневѣковымъ правителя по собственному праву, но полагающагося на шляхту, предпочитаемому вельможѣ. Верхъ берутъ интриганы, королева-итальянка Бона Сфорца торгуется мѣстами и должностями; безконтрольно тратятся и расхищаются средства казны. Тогда вельможеская же оппозиція восстанавливаетъ на короля шляхту, подстрекая ее къ отказу въ согласіи на подати, къ ограниченію власти королевской. Собранная подъ Львовомъ, въ 1538 году, на походъ въ Валахію, шляхта, вмѣсто похода, опротестовала дѣйствія короля и разошлась (такъ-называемая курная или „законная“ война — первый примѣръ послѣдующихъ рокошей). Получая все большее и большее понятіе о своихъ правахъ и подстрекаемая къ тому вельможествомъ, шляхта отвыкла отъ повинностей; одновременно доказывалось закрупощеніе ею крестьянъ и установленіе барщины.

Главные событія древняго періода.

- 963—Маркграфъ Геронъ побѣждаетъ князя польскаго Мечислава и дѣлаетъ его данникомъ императора.
- 965—Мечиславъ принимаетъ крещеніе отъ чешскихъ священниковъ.
- 968—Основаніе перваго польскаго епископства въ Познанѣ.
- 1000—Посѣщеніе Гнѣзна Оттономъ III. Учрежденіе Гнѣзненскаго архіепископства.
- 1024—Болеславъ Храбрый коронуется королемъ.
- 1034—Смуты по смерти Мечислава II; подъемъ язычества.
- 1040—Вступленіе на княжество Казимира, сына Мечислава II.
- 1079—Отлученный отъ церкви Болеславъ II Смѣлый убиваетъ краковскаго епископа Станислава.
- 1124—Обращеніе славянскаго Поморья при Болеславѣ III Кривоустомъ. Апостольство св. Оттона.
- 1139—Смерть Болеслава III; начало удѣльнаго періода.
- 1177—Казимиръ Справедливый утверждается въ Краковѣ.
- 1180—Ленчицскій съѣздъ; предполагаемое начало сената.
- 1226—Конрадъ, князь Мазоведскій, жалуетъ тевтонскому ордену кульмскую землю.

- 1241—Нашествіе Монголовъ; сожженіе Бракова; сраженіе подь Лиганцею.
 1295—Пржемыславъ коронуется польскимъ королемъ.
 1319—Коронація Владислава Локтика въ Краковѣ.
 1331—Общепольское вѣче въ Хенцинахъ.
 1333—Вступленіе на престолъ Казимира Великаго.
 1340—Казимиръ присоединяетъ къ Польшѣ Галицкую Русь.
 1347—Сеймъ въ Вислицѣ.
 1370—Смерть Казимира Великаго; вступленіе на престолъ Лонса.
 1374—Съѣздъ и договоръ въ Кошицахъ.
 1384—Пріѣздъ въ Польшу королевы Ядвиги.
 1386—Крещеніе, бракосочетаніе съ Ядвигою и коронація Владислава II Ягелла.
 1387—Крещеніе Литвы, основаніе епископства въ Вильнѣ.
 1387—Походъ Ядвиги на Червонную Русь; утвержденіе послѣдней за Польшею по изгнаніи венгерскихъ правителей, поставленныхъ Лонсомъ.
 1400—Учрежденіе Краковской Академіи.
 1410—Пораженіе ордена тевтонскаго въ сраженіи подь Гривальдомъ.
 1413—Сеймъ и унія въ Городлѣ. Сообщение литовской шляхтѣ правъ и гербовъ польской.
 1444—Смерть короля польскаго и венгерскаго Владислава III подь Варной.
 1454—Дворянство и города прусскіе ходатайствуютъ объ инкорпораціи Пруссіи. Нѣшавскіе статуты.
 1466—Конецъ прусской войны; миръ съ ордемомъ въ Торнѣ.
 1468—Учрежденіе земскихъ пословъ; начало представительнаго управленія.
 1505—Радомская привилегія короля Александра. За сеймомъ признана законодательная власть.
 1525—Альбрехтъ бранденбургскій, сложивъ съ себя званіе великаго магистра Тевтонскаго ордена, получаетъ въ Краковѣ инвеституру на ленное княжество Пруссію.
 1526—Моравія присоединена къ коронѣ польской по безпотомной смерти послѣдняго князя.
 1529—Издавіе перваго Литовскаго статута.
 1537—Война «кокошья»; шляхетское ополченіе подь Львовомъ оказываетъ открытое сопротивленіе королю.

Мы обозрѣли въ бѣгломъ очеркѣ слишкомъ нять вѣковъ государственной польской исторіи, то-есть ббольшую ея половину, но не дошли еще до начала польской литературы, потому что отъ временъ, предшествовавшихъ XVI вѣку, сохранились лишь весьма скудные остатки устной поэзіи народной и весьма слабы зачатки польской письменности ³⁾.

Въ эпоху принятія христіанской религіи, племена славянскія, изъ которыхъ составился польскій народъ, стояли на весьма низкой степенн умственнаго развитія, безъ письменности, съ весьма бѣдною системою

³⁾ Весьма спеціальное изслѣдованіе по предмету древняго польскаго языка содержитъ книга И. Бодуэна де-Куртена: «О древне-польскомъ языкѣ до XIV столѣтія». Лейпцигъ 1870.

миеологии, которая не шла дальше натурализма и чуждалась, по свидетельству современнаго Болеславу Храброму епископа мерзбургскаго Дитмара, всяких представлений о жизни загробной. Польша не может представить не только никакого эпоса, подходящаго къ „Слову о полку Игоря“ или къ расписаніямъ Кракедворской рукописи, но и никакого вообще литературнаго памятника, который бы черпалъ свое содержаніе изъ міросозерцанія языческаго и имѣлъ прямую связь со старинною языческою. Скучная поэзія народная жила устнымъ преданіемъ въ пѣснѣ и сказкѣ. Вслѣдствіе принятія христіанства по обряду римско-католическому, народная почва покрыта была толстымъ слоемъ наносной латинской культуры, которой расадниками явились школы, основываемыя духовенствомъ. Первые школы были монастырскія, основанныя древнѣйшимъ орденомъ св. Бенедикта и другими орденами; потомъ появились школы каедральныя и приходскія. Въ школахъ этихъ знанія преподаваемы были по системѣ *trivii* и *quadrivii*; сверхъ римской церковной литературы, изучаемы были классическіе римскіе поэты и историки. Школы дѣлились на высшія и низшія; высшими считались соборная въ Познани (Kollegium Lubrańskiego, основ. 1516) и церкви св. Маріи въ Краковѣ. Любопытныя дополняли свое образованіе посредствомъ путешествій и посѣщенія университетовъ иностранныхъ, болонскаго, падуанскаго, парижскаго, а съ 1348 г. пражскаго. Когда послѣ усобицъ періода удѣловъ, Владиславу Локтику удалось собрать опять въ сильныхъ рукахъ разрозненныя части державы Болеслава Храбраго, тогда сознана была польскими королями потребность украсить свое царство основаніемъ въ Краковѣ университета. Сынъ Локтика, Казиміръ Великій пытался, по примѣру Карля IV, основателя пражскаго университета, создать также университетъ, открывъ въ 1364 г. въ селѣ Баволь (нынѣ предмѣстье Кракова, Казиміръжъ) *studium generale*, изъ трехъ факультетовъ: юридическаго, медицинскаго и философскаго. Впрочемъ, попытки эти не удались; профессоровъ не доставало, преподаваніе шло безуспѣшно; наконецъ при преемникѣ Казиміра, королѣ Лейсѣ, это учрежденіе пришло въ совершенное разстройство и упадокъ, вслѣдствіе чего польская молодежь стала толпами посѣщать университетъ пражскій въ Чехіи. Настоящими основателями краковскаго университета (академіи) были королева Ядвига и Владиславъ Ягелло. По ходатайству Ядвиги, папа Бонифацій IX разрѣшилъ предполагаемому къ восстановленію заведенію имѣть, сверхъ трехъ прежнихъ факультетовъ, четвертый, богословскій. Университетъ краковскій открытъ былъ торжественно Ягелломъ въ 1400 году (уже по смерти Ядвиги). Канцлеромъ его положено быть *ex officio* епископу краковскому; эта зависимость отъ краковскаго владыки и преобладаніе богословскаго факультета надъ остальными сдѣлали изъ краковской академіи учреж-

деніе преимущественно религиозное, дочь церкви, подиору схоластики. Этому направленію академія осталась вѣрна до самаго паденія Польши. Краткій періодъ ея процвѣтанія совпадаетъ съ царствованіемъ династіи Ягеллонской; тогда-то она произвела знаменитаго мыслителя, архіепископа львовскаго Григорія изъ Санока (ум. 1477), Яна Глоговчика, изобрѣтателя френологіи (ум. 1507), Николая Коперника (1473—1543), историка Яна Длугоша. Пока волновавшій тогда умы религиозный вопросъ стоялъ только на томъ, чтобы внутри церкви произвести реформу, исправить ея іерархію и преобразовать распущенные нравы, краковская академія сочувствовала этому движенію, поддерживала литературныя связи съ пражскимъ университетомъ, внимала изрѣдка проповѣди гуситской и сдѣлалась на нѣкоторое время расадникомъ гуманизма, но стояла главнымъ образомъ на сторонѣ легальной реформы церкви, проводила мысль подчиненія папы собору. Но когда явился протестантизмъ и произвелъ рѣшительный расколъ, окончательно отщенившись отъ церкви, тогда академія отшатнулась отъ нововведеній, заключилась въ самый узкій ортодоксальный консерватизмъ, имѣвшій послѣдствіемъ совершенный упадокъ прежняго ея значенія. Профессора занимались кропаньемъ плохихъ книжонокъ, богословскими диспутами, астрологією; въ академіи царили плохая церковная латынь и затхлая схоластика. Народъ сдѣлался равнодушенъ къ учрежденію омертвѣвшему. Точно въ такой же упадокъ стали приходять и подвѣдомственныя краковской академіи низшія школы, основанныя и управляемыя ею по всему государству, числомъ до сорока. Она не въ состояніи была бороться успѣшно съ протестантизмомъ; когда же выполнить эту задачу ваялись іезуиты и стали основывать вездѣ свои коллегіи, тогда академія вступила съ ними въ споръ, доказывая, что она имѣетъ монополію въ дѣлѣ народнаго воспитанія; въ этомъ спорѣ изъ-за привилегіи она была побѣждена.

Единственнымъ письменнымъ языкомъ былъ языкъ латинскій: народъ молился и препирался въ судахъ по польски, но проповѣди и приговоры судебныя писались по латыни; этимъ же языкомъ писанъ первый кодексъ, заключающій въ себѣ земское право Польши, извѣстный подъ именемъ Статута Вислицкаго. Искусственная латинская литература въ Польшѣ весьма богата и вмѣщаетъ въ себѣ два главные рода произведеній: лѣтописи и поэзію, преимущественно лирическую. Въ лѣтописяхъ склавывается въ иностранной формѣ здоровый практической смыслъ народа, теплое чувство патриотизма и замѣчательное пониманіе общественныхъ интересовъ. Хотя до самаго XVI столѣтія историографія не выходила изъ рукъ единственнаго книжнаго сословія того времени — духовенства, но въ лѣтописцахъ польскихъ

замѣтно очень мало отшельническаго аскетизма, они люди дѣятельные, принимавшіе самое ревностное участіе въ дѣлахъ государственныхъ, гражданскихъ, дипломатическихъ и даже военныхъ; они часто изумляютъ глубокимъ пониманіемъ событій и художественнымъ ихъ воспроизведеніемъ ¹⁾. Таковы древнѣйшіе лѣтописцы: сподвижникъ короля Болеслава Кривоустаго, монахъ Галль (ум. около 1118), иностранецъ, но до того сроднившійся съ Польшей, что въ его разсказѣ, перемѣшанномъ со стихами и не лишеномъ поэтическаго колорита, слышится множество положимовъ; епископъ краковскій Викентій Бадлубекъ (ум. 1223), приверженецъ Казимира Справедливаго и его потомства, писатель, котораго хроника приобрѣла такую извѣстность, что употреблялась въ школахъ, какъ руководство для изученія отечественной исторіи ²⁾; Годиславъ Башко (ум. около 1272); желчный, талантливый Янко изъ Чарнкова, архидіаконъ гнѣзненскій (ум. около 1384), подканцлерій Казимира Великаго; наконецъ первый критическій историкъ польскій, — котораго громадный трудъ, стоявшій 25 лѣтъ усидчивой работы, *Historia polonica*, въ 12 книгахъ, составляетъ главный, а иногда единственный источникъ для исторіи царствованій трехъ первыхъ Ягеллоновъ, — ваноникъ краковскій Янъ Длугошъ изъ Недзельска, герба Вѣнява (1415—1480), другъ кардинала Збигнѣва Олесницкаго и короля Казимира Ягеллона, воспитатель дѣтей королевскихъ, замѣчательный ученый, искусный дипломатъ и великій гражданинъ съ непреклоннымъ и ничѣмъ незапятнаннымъ характеромъ. Длугошъ писалъ исторію, запасшись громаднымъ количествомъ матеріаловъ по документамъ и лѣтописямъ, какъ польскимъ, такъ и иностраннымъ; наклонъ лѣтъ онъ выучился по-русски, чтобы прочесть русскую лѣтопись, такъ-называемую Нестора ³⁾. Онъ держится постоянно на сильно-патріотической и національно-государственной точкѣ зрѣнія, не долюбиваетъ Чеховъ за гуситизмъ, чуждается и почти сожалѣетъ о наплывѣ литовскихъ и русскихъ элементовъ вслѣдствіе подвигающейя постепенно впередъ уніи народовъ. Кромѣ того, о людяхъ и событіяхъ судить

¹⁾ Весьма обстоятельно изложена польская историографія до XVI вѣка въ превосходномъ сочиненіи Генриха Цейсберга (*Zeissberg*): *Die polnische Geschichtschreibung des Mittelalters*. Leipzig 1878.

²⁾ Такъ какъ позднѣйшіе источники называютъ Викентія *Vincentius Kadlubecis*, а извѣстно также, что отецъ его былъ Богуславъ—*Gottlob*, то весьма вѣроятно, что Бадлубекъ есть испорченное отчество историка. Хроника Викентія содержитъ всѣ тѣ баснословныя сказанія о началѣ польскаго народа, которыя составляютъ донынѣ загадку и камень преткновенія польской историографіи. Стославъ Лагуна мастерски изобразилъ въ образѣ Кадлубка въ епископѣ: *Dwie wieki w Polsce w XIII wieku* въ журналѣ *Ateneum*, 1878.

³⁾ Первое полное изданіе всѣхъ 12 книгъ Длугоша сдѣлано въ Лейпцигѣ 1711 г. Генрихомъ аб Нгузвен'омъ, воспитателемъ царевича Алексѣя Петровича. Новѣйшее полное собраніе всѣхъ сочиненій Длугоша сдѣлано Александромъ Пржездецкимъ въ Краковѣ, въ томъ числѣ и исторія польская Длугоша, переведенная на польскій языкъ Карломъ Мехержинскимъ, 1867—1870, 6 томовъ.

онъ по церковному; съ этой стороны онъ весь принадлежитъ еще среднимъ вѣкамъ, и находится въ рѣзкой противоположности съ двумя своими современниками, освѣщенными лучами восходящаго солнца—гуманизма, Григорьемъ изъ Санока и тосканцемъ Каллимахомъ. Сочиненія перваго изъ нихъ не сохранились, но судя по жизнеописанію его, написанному преданнымъ ему Каллимахомъ, можно заключить, что это былъ человекъ высоко талантливыи, превосходный знатокъ классиковъ, ихъ подражатель, противникъ схоластики, называвшій ее—*somnia vigilantium*. Настоящее имя Каллимаха было *Filippo Buonacorsi da Gemignano* (ум. 1496). Этотъ пришелецъ изъ Италіи, успѣвшій войти въ большую милость у короля Яна-Альбрехта, переписывавшійся съ Полицианомъ и посвящавшій свои сочиненія Лоренцо Медичи, оставилъ неизгладимый слѣдъ въ литературѣ и исторіи. Какъ дипломату, ему поручались труднѣйшія миссіи: со словъ Григорія изъ Санока онъ написалъ великолѣпный въ художественномъ отношеніи историческій разсказъ о крестовомъ походѣ Владислава III Ягеллона на Турокъ и объ его богатирской смерти на побоищѣ подъ Варною (переводъ польскій М. Глинчинскаго: *O Królu Władysławie szuły o klęsce warszawskiej*. Warszawa, 1854). Каллимахъ писалъ латинскіе стихи; имъ и Нѣмцемъ Конрадомъ Цельтесомъ, изобразившимъ въ стихахъ разныя мѣста и части Польши, Вислу, Краковъ, Величку, начинается рядъ латинскихъ поэтовъ Возрожденія въ Польшѣ, вліяніе которыхъ на возникновеніе народной польской новны въ XVI вѣкѣ несомнѣнно. Есть еще въ литературѣ польской апокрифическіе „Каллимаховы Совѣты Королю“, 85 короткихъ наставленій въ духѣ Мавіавелева il Principe—о томъ, какъ бы снать прибрать въ руки, пословъ земскихъ отмѣнить, опереться на плебеяхъ и завести хорошо извѣстными итальянцемъ путями самодержавное правленіе. „Совѣтовъ“ этихъ не писалъ Каллимахъ, но они изображали довольно вѣрно духъ и направленіе его политики. Этому апокрифическому памфлету слѣдуетъ противопоставить записку догора правъ, барона *каштелла* Яна Остророга (*Memorandum pro ordinanda republica*), выданную имъ на сеймѣ 1459 г., о тѣхъ реформахъ въ государственномъ строѣ, которыя были желательны въ половинѣ XV вѣка ¹⁾. Остророгъ (ум. 1501) есть достойный родоначальникъ всѣхъ тѣхъ многочисленныхъ *статистовъ*, т.-е. государственныхъ людей, непрерывно думавшихъ о *narpaucie* или починѣ Рѣчи-Посполитой, которыхъ произведенія вплоть до четырехдѣтиаго сейма составляють едва ли не самую богатую отрасль литературы. Онъ—монархистъ, хотѣлъ бы по возможности стать въ болѣе самостоятельное по отношенію къ Риму положеніе. Отстаивая право

¹⁾ Jan Ostrogog i jego Pamietnik, napisal Leon Wegner. Poznań. 1869. Новое изданіе въ трудахъ Краковской Академіи Наукъ.

писанное, онъ предлагаетъ объединеніе законодательства и установленіе одного закона, вмѣсто существующихъ двухъ: земскаго польскаго, и плебейскаго нѣмецкаго, домогается отмены цеховъ и обязательнаго употребленія въ проповѣдяхъ и жизни общественной польскаго языка ¹⁾.

О народной польской литературѣ въ этомъ періодѣ не можетъ быть и рѣчи; существуютъ только весьма немногіе памятники письменности польской и начинаются похуже на дѣтскій лепетъ первоначальные опыты поэзіи на грубомъ необдѣланномъ народномъ языкѣ. Есть несомнѣнные слѣды того, что въ древнѣйшія времена кирилловская азбука была въ употребленіи въ Польшѣ, и что до XIII столѣтія ею пользовались бенедиктинцы, но въ XIII столѣтіи орденъ этотъ уналь, мѣсто его заняли цистерсы, премонстратензы, доминиканцы, которые относились болѣе неблагоприятно къ народности славяно-польской и вліянію которыхъ можно приписать, что кириллица вытѣснена была латинскимъ алфавитомъ; рукописи же, писанныя кириллицею, всѣ до одной исчезли, забытыя или даже истребленныя въ XV-мъ столѣтіи духовенствомъ, которое, будучи наугато гуситствомъ, крайне подозрительно смотрѣло съ тѣхъ поръ на древне-славянскія письма ²⁾. Такъ какъ языки славянскіе имѣютъ болѣе звуковъ, нежели латинскій, то необходимость заставила развить латинскій алфавитъ и сдѣлать его пригоднымъ для выраженія этихъ звуковъ, т.-е. дополнить его изобрѣтеніемъ новыхъ знаковъ. Въ правописаніи замѣчается страшная запутанность и сбивчивость, каждое поволеніе пишеть иначе. Въ XV-мъ столѣтіи творецъ польской грамматики Янъ Паркошъ изъ Журавницы, каноникъ краковскій (умершій послѣ 1451), пытался установить правила правописанія, совѣтовалъ употреблять іоты и носовыя гласныя а, е, ставить знаки и перечеркивать согласныя (п, б, і и т. п.). Первыми дѣателями на поприщѣ польской письменности явились духовные, которымъ надобно было научить простой народъ молиться, и такъ какъ христіанство пришло въ Польшу изъ Чехіи, а чешскій языкъ раньше польскаго получилъ литературную обработку, то съ самаго начала польская рѣчь испытала сильное вліяніе чешской. Это вліяніе продолжается замѣтнымъ образомъ вплоть до XV столѣтія, чему доказательствомъ могутъ служить выписки, сохранившіяся отъ сборника церковныхъ пѣсенъ, известнаго подъ именемъ „Канціонала Пржеворщана“ 1485 г.; слогъ этихъ пѣсенъ, болѣею частью заимствованныхъ изъ чешскаго, пестрѣтъ чехизмами. Старѣйшую изъ церковныхъ пѣсенъ вроданіе приписываютъ св.

¹⁾ Въ V томѣ изданія Краковской Академіи Наукъ помѣщенъ весьма интересный латинскій трактатъ Станислава Забородскаго о королевскихъ вѣднѣяхъ и починѣхъ государства. Трактатъ этотъ, писанный въ первыхъ годахъ XVI в. и изданный 1507 г., объясняетъ значеніе реформъ короля Александра.

²⁾ Bartoszewicz, Histor. liter. polak., I, 26.

Войтѣху, епископу пражскому, апостоу Поморанъ (ум. 997). Это пѣснь о *Богородицѣ*, которую, начиная со времени Болеслава Храбраго, пѣло воинство, идя на бой, которая была помѣщаема на первыхъ страницахъ собраній законовъ и которая до самаго паденія Польши считалась національнымъ гимномъ Поляковъ. Первоначальный текстъ этой пѣсни не дошелъ до насъ: древнѣйшіе два списка ея относятся одинъ къ 1408 г., другой къ 1456 г. Она разрасталась отъ придѣлываемыхъ къ ней каждымъ вѣкомъ новыхъ строфъ, да и языкъ ея измѣнился, такъ что онъ сдѣлался чисто польскимъ, между тѣмъ какъ первоначально онъ былъ, по всей вѣроятности, ближе къ чешскому. Народному языку церковь оказала большія услуги. Когда въ XIII столѣтіи, вслѣдствіе нашествій татарскихъ, въ обезлюдѣлой странѣ стали толпами селиться колонисты-Нѣмцы, основывая селенія и города, духовенство польское заступилось за польскій языкъ и спасло его отъ наводнявшаго страну германизма. Соборными постановленіями архіепископовъ гнѣзненскихъ Фулькона (Pełko) 1257 г. и Якова Свинки предписано духовнымъ учить народъ на польскомъ языкѣ: *Отче нашъ*, *Богородице Дѣво*, *Вѣрую*, и молитвъ: *Каюся Богу*; приходскимъ священникамъ приказано основывать школы и опредѣлять въ эти школы учителями только лицъ, знающихъ польскій языкъ. Съ конца XIII столѣтія начинаются переводы священнаго писанія на польскій языкъ, между которыми особенно замѣчательны: „Псалтирь королевы Маргариты“ (изд. 1834 въ Вѣнѣ), но вѣроятно ошибочно названный, потому что онъ, повидимому, принадлежалъ Маріи, дочери короля Лонса, и „Библия королевы Софіи“, жены Владислава Ягелла (изд. во Львовѣ 1870). Наконецъ отъ XV-го столѣтія уцѣлѣло пять пѣсней религіознаго содержанія, приписываемыхъ пріору монастыря св. Креста на Лысой горѣ, Андрею изъ Слупя или Слупуховскому (умершему послѣ 1497 г.), которыя по своей неподражаемой наивности, задушевности и яркости красокъ въ духѣ чистѣйшаго католицизма далеко превосходятъ всѣ послѣдующія произведенія того же рода. Въ этихъ пѣсняхъ поэтъ обращается къ Богородицѣ, называя ее „матушкою Божіею краше розъ райскихъ, царвеною неземною, звѣздою морскою, зарею ясною, солнцемъ вѣчнаго свѣта,—съ нею не можетъ сравняться ни лилія бѣлизною, ни роза красотою, ни цвѣтъ заморскій цѣбною, ни нарѣдъ благоуханіемъ“¹⁾. Чистые, споконные аккорды этой церковной лирики прерываются порою острыми звуками проповѣди гуситской. Отъ одного изъ послѣдователей новаго ученія, профессора

¹⁾ Приводимъ еще отрывокъ, выражающій плачъ Богородицы у креста:
*Synku! żebym cię tu niżej miała — Niecobym ci dopomagała — Twoja główka
 wisi krzywo, jaśbym ją podparła — Krew po tobie płynie, jaśbym ją otarła — Nopoję
 wolał: narpoju bym ci dała — Lecz nie mogę dzwignąć twego świętego ciała.*

краковской академіи Андрея Галки изъ Добчина, жившаго въ половинѣ XVII-го столѣтія и вытѣсеннаго изъ Кракова кардиналомъ Збигнѣвомъ Олесницкимъ, сохранился хвалебный гимнъ Виллефу, замѣчательный не по таланту, котораго мало въ этихъ виршахъ, но потому, что они представляютъ попытку обратить пѣснь въ орудіе религіозной пропаганды.

Рядомъ со старою церковною лирикою пробивалась наружу другая струя—поэзія народная, свѣтской, лирико-эпической. Народъ забылъ свою эпическую старину, но, принявъ крестъ, онъ совершилъ много славныхъ подвиговъ, создавъ могущественное государство и отстоявъ его многократно на полѣ битвы; сознаніе народности выразилось въ многихъ пѣсняхъ и думахъ военныхъ и другихъ историческихъ, которыя извѣстны намъ почти только по заглавіямъ и начальнымъ стихамъ ¹⁾.

Къ послѣднимъ годамъ XV столѣтія относится и первая историческая книга на польскомъ языкѣ, писанная, однако, не полякомъ. Это турецкая хроника такъ-называемаго Янычара. Нынѣ доказано Иречкомъ (Розрѣзу, Вѣна, 1860) что этотъ писатель былъ Сербъ Михаилъ Константиновичъ изъ Островицы, и что его лѣтопись, описывающая поражение Владислава III подъ Варною и поражение Яна-Альбрехта въ Буковинѣ, писана была вѣроятно въ Польшѣ и на польскомъ языкѣ, съ котораго переведена на чешскій.

2. Золотой или классическій вѣкъ литературы (1548—1606).

Періодъ этотъ длился немногимъ больше поль-вѣка. Его называютъ золотымъ или классическимъ, называютъ также Сигизмундовскимъ, хотя это послѣднее наименованіе невѣрно въ томъ отношеніи, что царствованіе Сигизмунда I не произвело замѣчательныхъ не только поэтовъ и писателей, но даже историковъ, а въ концѣ царствованія Сигизмунда III въ литературѣ уже ясно обозначился ея упадокъ. Начало періода совпадаетъ съ вступленіемъ на престолъ послѣдняго Ягеллона Сигизмунда-Августа, и обрывается на половинѣ чрезвычайно продолжительнаго (1586—1639) царствованія Сигизмунда III, когда уже погасли великія свѣтила польскаго Парнасса, да и въ устройствѣ самой Рѣчи-Посполитой обозначились трещины—признаки непоправимаго и ранняго отцвѣтанія и паденія скороспѣлой, хотя и блистательной цивилизаціи. Гранью, отдѣляющею этотъ періодъ отъ послѣ-

¹⁾ A witaż ze nam, witaż, miły hospodynie—при возвращеніи въ Польшу короля Казимира Обновителя; пѣснь о замиреніи Болеслава Кривоустаго съ Погорянами; пѣснь о Людгардѣ, женѣ короля Пржемыслава; пѣснь о войтѣ краковскомъ Альбертѣ, бунтовавшемъ противъ короля Владислава Локтика; пѣснь о битвѣ гронвальдской: «idzie Witold po ulicy, przed nim niosą dwie szablidy».

дунцаго, можно назначать 1606 годъ, въ которомъ погибъ въ Москвѣ посаженникъ польскими руками на престолъ первый самозванецъ, и вспыхнуло вооруженное восстаніе противъ короля, известное подъ именемъ робына Зебржидовскаго.

Главные моменты политической исторіи были слѣдующіе. Воздвигнутое руками малограмотныхъ среднявѣковыхъ военныхъ людей и латинистовъ духовныхъ и отштукатуренное слегка гуманистами стало заданіе готовое по крышу. На долю второй половины XVI вѣка выпали послѣднія работы—заключеніе сводовъ, окончательное соединеніе королевства Польши съ В. Княжествомъ Литовскимъ, о которомъ неподвѣрительный свидѣтель нѣмецъ Гюппе выражается такимъ образомъ: „Люблинская унія 1569 г. была мастерское произведеніе, которое должно изучать всякій, кто хочетъ знать, какъ могутъ быть удовлетворены и подчинены польскіе цѣлаго земскія зависти, противоположные земскіе интересы“. Мы принимаемъ это мнѣніе съ оговорками. Унія было дѣло трудное и могла состояться только соглашеніемъ; соглашеніе разстроивали ежеминутно литовско-русскіе партикуляризмъ и вельможество, но одержали верхъ истинныя привитаго Литвѣ шляхетства, любовь къ равенству и свободѣ, одушевляющія дворянскій демось, образовавшійся изъ опшлachtetченныхъ служилыхъ состояній. Единителемъ явился король Сигизмундъ-Августъ, послѣдній въ своемъ родѣ, и единеніе совершалось дорогою цѣною остатковъ королевской власти, тѣхъ правъ господарскихъ, дѣдичныхъ, на свою вотчину Литву, отъ которыхъ онъ отрезалъ въ 1564, на варшавскомъ сеймѣ. Къ медлительности отца въ немъ примѣшивались еще итальянскія верадчивость и изворотливость. Онъ достигъ того, что актомъ унии въ Люблинѣ 1569 г. два отдѣльные сейма слились неразрывно въ одинъ, государство образовалось изъ двухъ одно—избирательное, готовое на всѣ случайности междуцарствія. Но сляніе было неоконченное, недодѣланное; въ угоду свѣсивому, высокородному литовско-русскому вельможеству оставлено ему въ жертву особое литовское правительство, особія министерства литовскія обокъ съ коронными: нара главнокомандующихъ или германовъ (должность не сенаторская, установившаяся при Сигизмундѣ I), нара канцлеровъ (канцлеръ и подканцлерій), подскарбій и т. д. Этотъ процессъ конституціоннаго слянія Короны польской съ В. Княжествомъ Литовскимъ совершился одновременно съ отражавшимся на немъ другимъ явленіемъ, обще-европейскимъ, громаднымъ мировымъ теченіемъ, которое прошло крупною зыбью по поверхности польскаго общества—Реформаціею. Какъ въ западной Европѣ, такъ и въ Польшѣ, предтечею реформаціи былъ гуманизмъ, мысленный возвратъ къ античнымъ образцамъ, попытки—сеймъ уподоблять афинскому или римскому вѣчу, на пословъ земскихъ

СМОТРѢТЬ КАКЪ НА ТРИБУНОВЪ ПЛЕБСА, НА ШЛЯХТУ КАКЪ НА ДЕРЖАВНОЕ СОСЛОВІЕ, КАЖДЫЙ ЧЛЕНЪ КОТОРАГО ПОЛЪЗУЕТСЯ КОЧТИ НЕОГРАНИЧЕННОЮ СВОБОДОЮ, А СЛѢДОВАТЕЛЬНО И СВОБОДОЮ МЫШЛЕНІЯ И СОВѢСТИ. ПОЛЬСКАЯ КОНСТИТУЦІЯ РАСКРЫВАЛА НАСТЕЖЪ ВРАТА НОВИНКАМЪ ВИТТЕМБЕРГСКИМЪ И ЖЕНЕВСКИМЪ. ВЪ 1550 ГОДУ РЕБРОМЪ ПОСТАВЛЕНЪ БЫЛЪ ВОПРОСЪ О БЕЗНАКАЗАННОСТИ ПРЕСТУПЛЕНІЙ ПРОТИВЪ ЦЕРКВИ, КОГДА ОДИНЪ ИЗЪ САМЫХЪ ТАЛАНТЛИВЫХЪ, НО И БЕЗХАРАКТЕРНѢЙШИХЪ ЛЮДЕЙ ТОГО ВРЕМЕНИ, СТАНИСЛАВЪ ОРЖЕХОВСКІЙ, РУСИНЪ И СВАЩЕННИКЪ, СТАЛЪ ПРОПАГАНДИРОВАТЬ ИДЕЮ О БРАКАХЪ ДУХОВНЫХЪ ЛИЦЪ И САМЪ ЖЕНИЛСЯ. ПРИВЛЕЧЕННЫЙ КЪ СУДУ ДУХОВНОМУ ЕПИСКОПОМЪ, ОРЖЕХОВСКІЙ ПОДНЯЛЪ ВСЮ ШЛЯХТУ НА ДУХОВНЫХЪ, ПРИЧЕМЪ ОСПОРЕНЪ БЫЛЪ ЕПИСКОПСКІЙ СУДЪ О ЕРЕСИ, КАКЪ ПРОТИВНИЙ ОСНОВНОМУ ЗАКОНУ: *nequies caritativimus nisi jure victum*. ОТЛОЖЕННЫЙ НА СЕЙМЪ 1552 Г., ВОПРОСЪ ПО ДѢЛУ ОРЖЕХОВСКАГО РАЗРѢШЕНЪ КОНСТИТУЦІЕЮ 1562 Г. ТѢМЪ, ЧТО СВѢТСКАЯ ВЛАСТЬ ОТКАЗАЛАСЯ ИСПОЛНЯТЬ РѢШЕНІЯ ДУХОВНЫХЪ СУДОВЪ ОБЪ ОТСУПНИКАХЪ ОТЪ ЦЕРКВИ. ВЪ НѢДРАХЪ САМОЙ ЦЕРКВИ ПРОИСХОДИЛО РАЗДВОЕНІЕ, ПРИМАСЪ УХАНСКІЙ КОЛЕБАЛСЯ МЕЖДУ КАТОЛИЦИЗМОМЪ И РЕФОРМОЮ, МЕЧАЛЪ О СОЗДАНІИ НЕЗАВИСИМОЙ ОТЪ РИМА НАЦІОНАЛЬНОЙ ЦЕРКВИ. БЛИЗКІЙ ЕМУ ЧЕЛОВѢКЪ, УЧЕНИКЪ МЕЛАНКТОНА, ПРОТЕСТАНТЪ АНДРЕЙ ФРИЦЪ МОДРЖЕВСКІЙ (1503—1572), АВТОРЪ ЗНАМЕНИТАГО СОЧИНЕНІЯ *De republica emendanda*, 1551 ¹⁾, ПРЕДЛАГАЛЪ СОЗВАТЬ НАРОДНЫЙ СОБОРЪ, НА КОТОРЫЙ ПРИГЛАСИТЬ ВСѢ ИСПОВѢДАНІЯ. КОРОЛЬ СЪ СОБОРОМЪ ЗАКОНОДАТЕЛСТВОВАЛЪ БЫ ВЪ ДѢЛАХЪ ВѢРЫ И УЧРЕДИЛАСЯ БЫ ЦЕРКОВЬ НА ПОДОБІЕ АНГЛИКАНСКОЙ. СЛѢДОВАЛО ОСВОБОДИТЬСЯ ТОЛЬКО ОТЪ РИМСКОЙ СУПРЕМАТІИ, ЗАВЕСТИ БРАКИ ДУХОВНЫХЪ, ПРИЧАЩЕНІЕ ПОДЪ ДВУМА ВИДАМИ И БОГОСЛУЖЕНІЕ НА НАРОДНОМЪ ЯЗЫКѢ, СБЛИЗИТЬСЯ СЪ ВОСТОЧНЫМЪ КАТОЛИЦИЗМОМЪ, ОСТАВЛЯЯ ВО ВСЕХЪ ОСТАЛЬНОМЪ НЕТРОНУТЫМИ ДОГМАТЪ И ІЕРАРХІЮ. КОРОЛЮ ВЕЗЛО НЕПОМѢРНО: ПО СОВНАНІЮ НЕОБХОДИМОСТИ СОСРЕДОТОЧИТЬ ВЪ КОРОЛѢ ВСѢ СИЛЫ И ПОСТАВИТЬ ЕГО ВО ГЛАВѢ ДЛЯ ПРОВЕДЕНІЯ РЕЛИГІОЗНОЙ РЕФОРМЫ, ЧУВСТВА МОНАРХИЧЕСКІЯ ОЖИЛИ ВЪ НАРОДѢ ШЛЯХЕТСКОМЪ И ПРОЯВИЛИСЯ СЪ НЕБЫВАЮЮ СИЛОЮ; ПОПОРЧЕННОЕ ПРИ ОТЦѢ МОГЛО БЫТЬ РАЗОМЪ ИСПРАВЛЕНО И НАВЕРСТАНО. ШЛЯХТА ДОМОГАЛАСЯ ТАКЪ-НАЗЫВАЕМОЙ ЭКЗЕКУЦІИ (ИСПОЛНЕНІЯ АЛЕКСАНДРОВСКАГО СТАТУТА 1504) О ВОЗВРАЩЕНІИ ВЪ КАЗНУ НЕМЕДЛЕННО И БЕЗВѢДНО ВСѢХЪ ГОСУДАРСТВЕННЫХЪ ЗЕМЕЛЬ, НЕПРАВИЛЬНО ПРОДАННЫХЪ, ЗАЛОЖЕННЫХЪ ИЛИ РАСКИДАННЫХЪ ЦАРЬДВОРЦАМИ, — МѢРА НАПРАВЛЕННАЯ ВЪ САМОЕ СЕРДЦЕ ВЕЛЬМОЖЕСТВА, УНИЧТОЖАВШАЯ РАЗОМЪ МНОЖЕСТВО СОСТОЯНІЙ, ЛЕГКИМЪ ОБРАЗОМЪ СКОЛОЧЕННЫХЪ. КОРОЛЬ ПРОПУСТИЛЪ ВРЕМЯ, ВЕЛЬМОЖЕСТВА ОНЪ НЕ ПОДТОЧИЛЪ ВЪ КОРНЯХЪ, ВЛАСТИ СВОЕЙ НЕ УСИЛИЛЪ. ЭКЗЕКУЦІЯ

¹⁾ О Модржевскомъ сравнить статьи Малецкаго въ V томѣ изд. Библиотеки Оссол. 1864; ст. Тарновскаго въ *Przegląd Polaki* г. 1867. 1868; два чтенія Вл. Ламанскаго 8 и 28 февраля 1874 въ Петербургскомъ Отдѣленіи Славянскаго Бюжета объ Острогорѣ и Модржевскомъ, въ «Голосѣ» 1874, №№ 44 и 60.

осуществлена была только въ половину и неохотно; четверть доходовъ съ королевскихъ имѣній или такъ-называемую *кварту* король пожертвовалъ въ 1563 г. на регулярное войско—содержаніе недостаточное, средство скудное и поддерживавшее фальшивую идею, что содержаніе войска дѣло и обязанность короля. Всѣ коронныя имѣнія или такъ-называемыя королевщизны были раздѣлены на староства (помѣстья) и были обязательно раздаваемы пожизненно по усмотрѣнію короля на условіяхъ низкой аренды заслуженнымъ лицамъ (*panis bene merentium*). Для короля они имѣли значеніе только средства пріобрѣтать себѣ сомнительныхъ сторонниковъ и нажить еще большее число недовольныхъ изъ тѣхъ, которые были обойдены при раздачѣ.—На сторону протестантизма король не перешелъ, но когда подъ конецъ его царствованія протестантизмъ сталъ отцвѣтать, римскій католицизмъ возродился, усилилъ свою дисциплину, организовалъ іерархію. Началось новое теченіе, которымъ тоже воспользовались многіе монархи для усиленія своей власти. Сигизмундъ-Августъ точно съ такою же вѣрнопочвенностью отнесся и къ этому возрожденію католицизма; когда 1564 г. появился въ Польшѣ папскій легатъ Коммендони съ постановленіями Триентскаго Собора, король, не получавшій отъ Рима развода съ ненавистною ему женою (Екатерина австрійская), колебался, пока не уступилъ, побужденный умомъ и настойчивостью легата. Такимъ образомъ король оставался пассивнымъ, среди двухъ громаднхъ религіозныхъ и политическихъ партій, которыя готовились къ войнѣ и мысленно дѣлились наслѣдіемъ, имѣющимъ открыться по его смерти. Уровень политическихъ понятій, развившихся подъ господствомъ парламентаризма и гражданской свободы, былъ однако столь высокъ, что въ самый многознаменательный моментъ перваго междуцарствія явилась и сразу принята была чисто гражданская идея обязательнаго мира между вѣроисповѣданіями на почвѣ закона, то-есть того, что мы нынѣ называемъ вѣротерпимостью. На сеймѣ варшавскомъ, по смерти Сигизмунда-Августа, знаменитымъ актомъ конфедераціи 28-го января 1573 г., всѣ состоянія Рѣчи-Посполитой, подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ Варолюмеевской рѣзни во Франціи, клятвенно обязались на вѣчныя времена хранить миръ между диссидентами по религіи (разумѣя подъ этимъ словомъ и католиковъ), не проливать по причинѣ религіи крови, другъ друга не преслѣдовать и не казнить ¹⁾.—Первая вольная элекція состоялась. Способъ и порядокъ ея опредѣленъ на томъ же созваніи въ примасомъ, какъ интеррексомъ, съѣздѣ, согласно предложенію

¹⁾ Красоту этого постановленія исказаетъ характеристическій пунктъ 4, доказывающій, что и вѣротерпимость рассматривалась какъ привилегія шляхетская. Въ этомъ пунктѣ сказано, что конфедерація не должна умалять власти господъ надъ крѣпостными: *tam in saecularibus quam in spiritualibus*.

молодого и незнатнаго еще, но популярнаго староста белзскаго, Яна Замойскаго — выбирать короля не сенату и посольской избѣ, но всей съѣхавшейся шляхтѣ поголовно, отбирая голоса по воеводствамъ. Это предложеніе превращало избраніе въ азартную игру, въ которой въ концѣ-концовъ рѣшать должны были численное превосходство и вооруженная сила, при неизбѣжномъ вмѣшательствѣ иностранцевъ. Но на первыхъ порахъ сошли благополучно и эти рискованныя пробы. Послѣ неудачнаго эпизода съ Генрикомъ Валуа, выбранъ на престолъ гениальный человекъ, мадьяръ Стефанъ Баторій (1526—1586), протестантъ по воспитанію, римскій католикъ по расчетамъ политики, который держалъ бразды правленія крѣпкою рукою, провелъ на сеймѣ 1578 г. судоустройство учрежденіемъ такъ-называемыхъ *трибуналовъ*, высшихъ судовъ послѣдней инстанціи, коронаго и литовскаго, изъ судей, выбираемыхъ шляхтою на сеймахъ; обуздалъ магнатовъ въ лицѣ Зборовскихъ; выдвинулъ средней руки дворянъ въ лицѣ Замойскаго, и, увлекши народъ въ войну московскую, доставилъ польскому оружію небывалый блескъ и славу. Оппозиція замесамъ и политикѣ короля была сильная, важнѣнія предпріятія входили въ планы его, какъ средства къ тому, чтобы осилить эту оппозицію; планы эти были колоссальныя: покореніе Москвы, а потомъ изгнаніе Турокъ изъ Европы. Шляхта, которой онъ импонировалъ, слѣдовала однако за нимъ и поддерживала его. Планы Баторія были прерваны его смертію. Всѣ накинѣвшія противъ него неудовольствія обрушились на его ближайшаго сподвижника, канцлера и гетмана Замойскаго, который такъ однако былъ силенъ, что, одолевъ своихъ враговъ, образовавшихъ австрійскую партію, возвелъ на престолъ потомка по женскому колѣну дома Ягелловоу, Сигизмунда III Вазу.

Малоспособный, упрямый, фанатикъ, съ узкими клерикальными убѣжденіями, воспитанный въ кончатяхъ неограниченной власти по божескому праву, Сигизмундъ III слетѣлъ со своего вотчиннаго шведскаго престола, да и въ Польшѣ не сдѣлался популярнымъ. Не имѣя возможности дѣйствовать открыто, онъ велъ свою тайную кабинетную политику, клонился къ союзу съ Австріею, жертвовалъ интересами Польши, лишь бы только возвратитъ себѣ шведскій престолъ. Даже и то не нравилось въ немъ современникамъ, что болѣе по религіознымъ, нежели по политическимъ мотивамъ онъ поминялъ о борьбѣ съ Турціею; замыслы эти приходились не по вкусу шляхтѣ, привыкшей болше и болше къ мирнымъ занятіямъ и неохотно слѣдовавшей даже за Баторіемъ. Во главѣ оппозиціи стоялъ теперь Замойскій. На сеймѣ, такъ-называемомъ инквизиціонномъ, 1592 года, эта оппозиція хотѣла судиться съ королемъ, требовала надъ анти-конституціонными дѣйствіями его слѣдствія. По смерти Замойскаго, разрывъ дошелъ до

рокоша, то-есть до открытой междоусобной войны между регалистами и рокошанами, въ лагерѣ которыхъ очутились всѣ не-католическія исповѣданія. Борьба происходила одновременно съ экспедиціею само-званца на Москву, напущенною королею, частнымъ предпріятіемъ, въ которомъ принимали участіе честолюбивые вельможи, такъ-называемые Хмѣльницкимъ польскіе королята, и шляхетскіе удалцы, восточные Кортены и Уарренъ-Гэстингсы. Рокошане были побиты подъ Гузовомъ 1607 г. Король однако былъ еще болѣе ограниченъ сеймовыми конституціями, въ которыя вошла часть программы рокошанъ. Всего сильнѣе пострадалъ протестантизмъ, духъ политической реформы исчезъ, настали ниня времена.

Причины приближающагося упадка только теперь, надали, могутъ быть прослѣжены и указаны; въ то время не обращали вниманія на эти мелкія тучи, набѣгавшія на небосклонъ. Рѣчь-Посполитая въ теченіи всего XVI вѣка стояла на высшей, сравнительно съ тогдашними государствами западной Европы, степени довольства, благоустройства, и вмѣщала въ себѣ два необходимыя условія благосостоянія: внѣшнее могущество и внутреннюю гражданскую свободу. Польша была весьма могущественна. Ея владѣнія простирались отъ береговъ Балтійскихъ до теперешнихъ новороссійскихъ степей и отъ Карпатъ далеко за Двину и за Днѣпръ. Преемники двухъ раздавленныхъ рыцарскихъ орденовъ, Тевтонскаго и Меченосцевъ, князь прусскій и герцогъ курляндскій, были въ ленной зависимости отъ короля польскаго. Вліанію Польши подчинялись Молдавія и Валахія; не было счету окружавшимъ короля князьямъ литовскимъ и русскимъ. Громадныя матеріальныя силы Рѣчи-Посполитой обезпечивали за нею совершенную безопасность отъ внѣшнихъ непріятелей и давали ей возможность обратить всю свою дѣятельность на внутреннее развитіе. Послѣдніе два Ягеллона поддерживали дружественныя сношенія даже съ врагами всего христіанства, султанами турецкими Салиманомъ и Селимомъ II. Подъ сѣнію благодатнаго мира военное завоевательное государство, имѣвшее когда-то дружинно-вѣчевое устройство, превращается окончателно въ землевладѣльческое и земледѣльческое. Шляхта, называвшаяся въ прежнія времена рыцарскимъ сословіемъ, стала теперь преимущественно земствомъ (*ziemiaństwo*); политическою полноправностію пользуются только поземельные собственники дворянскаго происхожденія (*beneficijati et possessionati*). Шляхта ворочаетъ всѣмъ: она имѣетъ въ рукахъ мѣстное земское самоуправленіе; она превратила королевскую власть въ учрежденіе отъ себя зависимое посредствомъ избранія королей; она участвуетъ во власти законодательной съ королею и сенатомъ посредствомъ своихъ земскихъ нунціевъ или пословъ, дѣйствующихъ по даваемымъ имъ земствами инструкціямъ, и въ судѣ посредствомъ вы-

борныхъ судей. Самъ сенатъ или дума королевская былъ учрежденіе чисто шляхетское, потому что состоялъ изъ высшихъ сановниковъ государственныхъ и земскихъ, духовныхъ и свѣтскихъ, назначаемыхъ на эти должности королемъ изъ среды значительнѣйшихъ землевладѣльцевъ. Землянинъ польскій пренебрегалъ промышленностью техническою и торговлею, предоставляя ихъ мѣщанамъ, иноземцамъ, евреямъ; онъ считалъ исключительно приличными ему занятіями земледѣліе и общественную службу, гражданскую и военную. Вся шляхта представляла какъ-бы одно военно-земледѣльческое братство, готовое ополчиться поголовно въ случаѣ надобности для отраженія опасности, но ведущее только войны оборонительныя и глядящее весьма подозрительно на завоевательные замыслы и планы тѣхъ изъ своихъ государей, которые одушевлены были болѣе воинственнымъ духомъ (напр. Баторій), изъ опасенія, чтобы не увеличилась въ ущербъ шляхетской свободѣ королевская власть. Польская поэзія любитъ представлять это миролюбивое настроеніе духа въ слѣдующей характеристической картинѣ: убогій шляхтичъ, считающій себя въ душѣ равнымъ по достоинству любому воеводѣ, пашетъ землю, снявъ съ себя саблю и вонзивъ ея клинокъ въ межу своей отчины.

Россію теперешнюю называютъ иногда *музыкальнымъ* государствомъ; такъ точно Польшу можно было бы назвать *помощничьимъ* государствомъ. Оба прилагательныя не содержатъ въ себѣ ни критики, ни укора, а одно простое признаніе факта; они обозначаютъ, что главную силу Россіи составляетъ бесспорно простой народъ, между тѣмъ какъ главную силу Польши составляла владѣющая землею шляхта. Элементы земледѣльческіе, вѣчные существовали въ изобиліи и въ древней Руси, но они были разметены пришествіемъ Татаръ и московскою централизаціею; извѣстно, какъ безслѣдно пропали всѣ сѣверно-русскія народоправства. Эти же самыя элементы достигли въ Польшѣ полнаго развитія и легли въ основаніе общественнаго устройства, сообщивъ этому устройству весьма оригинальный характеръ. При всей своей односторонности, это устройство въ высокой степени способствовало развитію личности и проявленію великихъ гражданскихъ доблестей. Начало полнаго равенства, составлявшее сущность шляхетства, по которому бѣдный усадебный шляхтичъ считался ничуть не хуже первѣйшаго магната, развивало въ этомъ сословіи сильное сознаніе личнаго достоинства, безъ котораго нѣтъ настоящей свободы. Это чувство не походило нисколько на выросшій на почвѣ романтики *point d'honneur*, испанскій или французскій, щепетильный, всегда готовый бросить перчатку и обнажить шпагу за малѣйшее язвительное слово или движеніе, задѣвающее личное самолюбіе. Масштабомъ достоинства считалось только служеніе обществу; *rei privatae* противо-

полагалась постоянно *res publica*; причѣмъ долгомъ честнаго гражданина считалось жертвовать первою послѣдней; подлымъ человекомъ признаваемъ былъ тотъ, кто дѣйствовалъ изъ-за „приваты“, но для „публики“ жертвовались ежеминутно съ замѣчательнымъ самоотверженіемъ, напоминающимъ древній Римъ, и жизнь и собственность, и вся почти дѣятельность отдѣльнаго человека, потому что въ этомъ странномъ государствѣ, почти безъ центра, съ малымъ регулярнымъ войскомъ, съ плохую съ нашей современной точки зрѣнія системою финансовъ, съ весьма недостаточными уголовными средствами и безъ всякихъ почти полицейскихъ учреждений, всѣ общественныя отправленія совершались посредствомъ самодѣятельности составныхъ единицъ общественнаго тѣла. Въ иныхъ организмахъ патріотизмъ проявляется вспышками, въ минуты опасности, въ обыкновенное же время требованія его въ отношеніи отдѣльныхъ личностей не велики; но здѣсь онъ требовалъ непрестаннаго служенія—оружіемъ въ народномъ ополченіи, умомъ, словомъ и совѣтомъ на сеймикахъ и сеймахъ, и въ должностяхъ земскихъ и государственныхъ. Изъ этихъ условій быта вытекало отсутствіе всякаго низкопоклонничества предъ богатствомъ матеріальнымъ, доходящее до презрѣнія, весьма малое значеніе придаваемое имущественному цензу, тѣмъ болѣе, что и самый образъ жизни огромнаго большинства шляхты располагалъ къ умѣренности и скромности. Польша никогда не имѣла блестящаго великолѣпнаго двора, играющаго роль законодателя моды и вкуса; шляхта не любила городовъ и не имѣла въ нихъ постоянной осѣлости, она не строила замковъ, но жила разсыпанная по деревнямъ, сѣзжаясь періодически на сеймики, судебныя роки, еаденціи и выборы. Разсадниками шляхетско-польской культуры служили тѣ безчисленные дворики помѣщичьи, которыми усѣяна была Рѣчь-Посполитая. Дворикъ стоитъ среди деревни, подъ сѣнію прадедовскихъ липъ; здѣсь отдыхаетъ помѣщикъ послѣ трудовъ вѣчевыхъ и военныхъ, садясь за одинъ столъ съ своей семьей и челядью, принимая радушно гостей и сосѣдей.

Главныя событія втораго періода.

- 1548—Оппозиція на сеймѣ противъ короля Сигизмунда-Августа за его бракъ съ Барбарою Радзивилль.
- 1552—Приостановка преслѣдованія противъ еретиковъ.
- 1561—Ливонія, наземогая въ войнѣ съ Иваномъ Грознымъ, присоединяется къ Рѣчь-Посполитой.
- 1562—Сеймъ отказывается въ исполненіи приговорами духовныхъ судовъ противъ еретиковъ.
- 1564—Сигизмундъ-Августъ признаетъ постановленія Триентскаго собора.
- 1569—Унія Короны и Литвы на сеймѣ Люблинскомъ.
- 1572—Первое безкоролевіе.

- 1573—Варшавская конфедерація о вѣротерпимости. Избраніе королемъ Генриха Валуа.
 1574—Бѣгство короля изъ Польши.
 1576—Пріѣздъ въ Польшу избраннаго короля Стефана Баторія.
 1578—Учрежденіе трибуналовъ для Велико- и Мало-Польши.
 1579—1587. Война московская. Взятіе Полоцка, Великихъ-Лукъ; осада Пскова.
 1582—Перемиріе Польши съ Москвою, заключенное въ Кieverовой Горѣ (Закольѣ).
 1586—Судъ на сеймѣ Варшавскомъ надъ Зборовскими.
 1586—Смерть Баторія.
 1587—Сигизмундъ III Ваза утверждается на престолѣ.
 1592—Сеймъ инквизиціонный.
 1595—Унія Брестская.
 1599—Сигизмундъ теряетъ шведскій престолъ.
 1605—Смерть Яна Замойскаго.
 1604—Самозванецъ Дмитрій въ Краковѣ снаряжается въ походъ на Москву.
 1606—1608. Рокшъ Зебржидовскаго и Радзивилла. Паденіе и смерть перваго Самозванца.

Въ XVI столѣтіи еще едва были замѣтны оборотныя темныя стороны исключительно шляхетской цивилизаціи; напротивъ того, шляхетство было въ полномъ цвѣтѣ, безъ колочекъ и терній. Сторону общеславянскую въ немъ составляли, но мѣткому замѣчанію Мицкевича (34 лекція), семейныя отношенія, добродушіе, домашнія добродѣтели, между которыми особенно выдается гостепріимство; сторона исключительно народная, собственно польская, славывалась въ общественной дѣятельности, въ отношеніяхъ гражданина къ государству; наконецъ сторону европейскую и общечеловѣческую составляли представленія религіозныя и соціальныя, которыя находили къ шляхтѣ легкой доступъ и, заносимыя съ Запада, распространялись быстро, будучи усвоиваемы съ свойственною славянскою натурѣ воспріимчивостію. Юношество польское толпами ѣздило за границу для усовершенствованія въ наукахъ и привозило съ собою назадъ въ отечество свѣжія и новыя идеи. Магнаты и государственные люди польскіе были въ постоянной корреспонденціи съ знаменитѣйшими учеными и писателями западно-европейскими. Реформаторы и новаторы, преслѣдуемые за вольнодумство религіозное или политическое, бѣжали въ Польшу и находили здѣсь спокойное пристанище и послѣдователей. Въ ничтожнѣйшихъ селеніяхъ и деревушкахъ основывались типографіи, которыя отпечатывали и пускали въ обращеніе несмѣтное количество книгъ и брошюръ политическихъ, богословскихъ, научныхъ и полемическихъ. При такомъ благосостояніи матеріальномъ и при такой свободѣ политической, при воспріимчивости для культурныхъ идей Запада и сильно пробужденномъ національномъ самосознаніи, литература народная

должна была появиться. Ея внезапное появленіе и быстрые успѣхи объясняются тѣмъ, что они были подготовлены предшествующимъ имъ развитіемъ въ Польнѣ латинской литературы и словесности. Такое образовательное значеніе и такія услуги оказала латынь только съ эпохи Возрожденія, въ лицѣ такъ-называемыхъ гуманистовъ, людей, относившихся отрицательно къ средневѣковой культурѣ и порядкамъ, увлекшихся древнимъ греческо-римскимъ міромъ, и ставившихъ это язычество, съ его вѣрованіями и идеями, какъ недосыгаемый образецъ для подражанія. Въ XVI столѣтіи такіе гуманисты были въ Польнѣ, не только заѣзжіе, какъ Целтесъ и Каллимакъ, но и свои собственныя. Разсадницею была Краковская академія, въ которой первымъ профессоромъ штиіемъ былъ Павелъ изъ Кросьна. Ученикъ его Янъ изъ Вислицы написалъ эпическую поему о грюнвальдскомъ сраженіи, на подобіе Энеиды. Два другіе ученика: Андрей Крайцкій, примасъ и епископъ вармійскій (ум. 1578), и Янъ Фляксбиндеръ, болѣе извѣстный подъ именемъ Дантиска (онъ былъ уроженецъ города Данцига, отсюда и латинское прозвище, которымъ онъ сталъ себя именовать), писали лирическіе и сатирическіе стихи. До высшей степени совершенства, изящества и чистоты довелъ отдѣлку латинскаго стиха питомецъ Крайцкаго, сынъ велико-польскаго крестьянина, Климентъ Яницкій (1516—1543), который до того проникнутъ духомъ римской литературы, что его можно бы принять за современника Каталла или Овидія ¹⁾. Слабыхъ сторонъ этого направленія заключались въ томъ, что гуманизмъ весьма мало былъ свѣдущъ въ греческомъ и предлагалъ главнымъ образомъ только римское, что, ища высокихъ покровительствъ въ великосвѣтскомъ обществѣ и при дворахъ, онъ считалъ пониманіе утонченныхъ красотъ древней литературы и поэзіи доступнымъ весьма небольшому числу избранныхъ и съ пренебреженіемъ относился ко всякому національному вульгарному языку. Но такъ сложились обстоятельства, что этотъ вульгарный языкъ былъ выведенъ на первый планъ; имъ должны были заговорить на сеймѣ, въ проповѣди и въ книгѣ. Толчкомъ къ его употребленію данъ былъ протестантизмомъ, который ктому такъ и распространился, что объяснялъ удобопонятно народнымъ языкомъ священное писаніе, переведенное на народный же языкъ. Классически образованные люди поставили себѣ патриотическую задачу играть на этомъ инструментѣ. Польскій языкъ былъ уже до того времени разрабатываемъ подъ вліяніемъ болѣе стараго чешскаго; теперь онъ подвергся вліянію формъ и въ особенности синтаксиса латинскаго. Имъ стали передавать классическія идеи. Великіе народные поэты золотого вѣка: Кохановскій, Шимоневичъ, Клёновичъ, оди-

¹⁾ Монографія Сиг. Вондлевскаго о Крайцкомъ (Краковъ, 1874) и Яницкомъ (Варшава, 1869).

наково упражняются и въ польскомъ и въ латинскомъ стихѣ. Латинскія произведенія были потомъ почти забыты, но когда въ наше время, въ пятидесятыхъ годахъ, занялся ихъ поэтическимъ переводомъ Людвигъ Бондратовичъ, то показалось, какъ будто отисканъ былъ новый родникъ народной поэзи. По странному стеченію обстоятельствъ, только старѣйшій изъ польскихъ писателей, Рэй, былъ не классикъ и въ дѣлѣ знаменитости съ древнимъ міромъ совершенный профанъ. Вслѣдствіе такого сильнаго вліянія на нее классическихъ преданій, народная литература съ перваго же раза становится на такую высоту, что ея произведенія до сихъ поръ считаются образцовыми. При этихъ произведеніяхъ кажутся блѣдными, тусклыми и слабыми воѣ послѣдующія созданія польской литературы до самаго нео-романтизма, то-есть до Мицкевича. Литература эта не богата элементомъ эмпирическимъ и живетъ вся въ настоящемъ; она отличается чувствомъ довольства, сповойнымъ настроеніемъ, положительнымъ направленіемъ, чуждымъ мечтательности. Она имѣетъ характеръ сильно политической и вся кружится вокругъ государственныхъ и общественныхъ вопросовъ. Она не создала драмы народной; драматическіе опыты остались на степени искусственныхъ произведеній учености и подражаній. За то особенно выдѣлились и доведены до высokaго совершенства дидактика и лирика въ лицѣ двухъ главныхъ литературныхъ дѣятелей золотого періода: Рэй изъ-Нагловицъ и Кюгановскаго, изъ которыхъ первый можетъ быть названъ творцомъ польской прозы, а второй считается прашуромъ польской пѣсни. Оба были Мало-Поляки, и обработанное ими мало-польское нарѣчіе сдѣлавалось литературнымъ польскимъ языкомъ.

Рэй изъ-Нагловицъ, герба Окша, происходилъ изъ древняго рода, издавна осѣдлаго въ землѣ краковской. Отецъ его переселился въ Червенную Русь, женился богато и получилъ за женою огромныя помѣстья близъ города Жидичова надъ Днѣстромъ. Здѣсь, въ мѣстечкѣ Журавнѣ, родился Николай Рэй около 1507 года (ум. 1569). Отецъ, добрякъ и домохозяинъ, души не чаялъ въ единственномъ сынѣ, не отпускалъ его отъ себя ни на шагъ и не училъ его ничему; поодио онъ отдалъ сына въ школу во Львовѣ, а потомъ въ Краковъ, но сынъ оказывалъ такую наклонность къ шалостямъ, вутужу и веселой компаніи, что отецъ ваялъ его къ себѣ назадъ и держалъ дома неуча, который то и дѣлалъ, что удилъ рыбу въ Днѣтрѣ, стрѣлялъ дичь, ловилъ голубей и бѣлокъ. Отецъ рѣшился опредѣлить его дворникомъ къ кому-нибудь изъ магнатовъ, съ чего и начинала обыкновенно тогдашняя шляхта свою общественную карьеру. Молодой Рэй изрѣзавъ въ куски купленную ему по этому случаю на парадный кафтанъ матерію и, наловивши сорокъ и воронъ, забавлялся привязываніемъ къ хвостамъ ихъ и крыльямъ нарѣзанныхъ кусковъ матеріи, и затѣмъ

пустякъ летать птице, такимъ образомъ наряженникъ. Въ двадцать лѣтъ Рѣй былъ въ полномъ смыслѣ слова дитя природы, безъ всякаго научнаго образованія, когда поступилъ на дворъ въ Андрею Тунчинскому, воеводѣ сандомирскому. Умный воевода, замѣтивъ въ Рѣѣ необыкновенныя способности, заставилъ его читать и упражняться въ письмѣ. Самому Рѣю стало стыдно, и началъ онъ учиться по латини и читать безъ разбора книги богословскія и политическя, брошюры полемическя, латинскихъ историковъ, компиляторовъ и анекдотистовъ средней руины; чего не понималъ, о томъ онъ разспрашивалъ свѣдущихъ людей. Все шло въ прокъ и укладывалось своеобразно, хотя безъ всякой системы и критики, въ гениальной головѣ автодидакта, у котораго въ самыхъ зрѣлыхъ его произведеніяхъ сивоеъ заимствованную ученость проскакиваютъ самыя странныя анахронизмы, Сократъ слѣдуетъ по времени за Эпикуромъ, Помпей считается первымъ римскимъ императоромъ, король аррагожскій Антигонъ сражается подъ стѣнами Ассизъ. Знанія, которыхъ нахватался Рѣй, не залежались у него долго, они шли тотчасъ въ дѣло: Рѣй сталъ писать весьма много о самыхъ разнообразныхъ предметахъ, стихами и прозою, и обнаруживалъ изумительную авторскую изловитость при самыхъ неблагоприятныхъ вѣнскихъ условіяхъ, при жизни самой разгульной и шумной. Страстный охотникъ до веселой компаніи, охоты, музыки и бражничанья, Рѣй писалъ по ночамъ; написанное имъ расходилось тотчасъ между шляхтою, которая любила безъ ума своего доморожденнаго воста и у которой онъ пользовался огромной извѣстностью. Рѣй не бывалъ никогда за границею, однажды только онъ сдѣлалъ поѣздку въ В. Княжество Литовское; онъ не совершилъ ни одного похода, не видалъ ни одного сраженія, а если когда-нибудь вынулъ саблю, то разѣвъ только чтобы ровнять и обезоружить поспорившихъ за столомъ собесѣдниковъ, но онъ не пропустилъ ни одного свѣда шлякты, ни одного сейма и часто показывался при дворѣ королевскомъ. Его любили королева Вона, короли Сигизмунды I и II. Никакихъ должностей земскихъ или придворныхъ онъ не согласился принять, боясь потерять двѣ драгоценнѣйшия вещи: независимость и совѣсть, и предпочитая почестямъ официальнымъ славу остроумнѣйшаго человека въ Польнѣ и добродушнѣйшаго юмориста. *Nemini molestus*, говоритъ объ немъ бюграфъ его Тржедецкій.

Коренной вопросъ того времени былъ вопросъ религіозный. Рѣй прельстился женеваскими новостями (т.-е. кальвинизмомъ) и сдѣлался ревностнымъ агостоломъ протестантскимъ, переводилъ псалмы, писалъ толкованія евангелія (*Postylla polska*), катихизисъ въ разговорахъ, объяснялъ Апокалипсисъ. Всѣ эти сочиненія нынѣ совершенно забыты: Рѣй слишкомъ мало имѣлъ научныхъ знаній, чтобы связать что-нибудь

свое, онъ повторялъ чужіе доводы, популяризовалъ мысли латино-французскихъ и латино-нѣмецкихъ протестантскихъ богослововъ, переснивалъ ихъ бранью и до тривіальности доходящими насмѣшками надъ монахами, католическимъ духовенствомъ и обрядностью. Приученный къ мелодическимъ напѣвамъ самаго музыкальнаго въ элементъ славянскихъ — червонно-русскаго, Рэй былъ охотникъ до стиховъ и диссалъ ихъ невѣроятно много на всякій случай. Изъ-подъ плодотворнаго пера его сыпались и мелкіе стихи (*Figliki* или „Шуточки“, и „Звѣринецъ“, 1562) и обширныя поэмы, каково, наприимѣръ, „Изображеніе жизни честнаго человѣка“ (*Wizerunek własny żywota człowieka rozsiewego*, 1560), нѣчто въ родѣ божественной комедіи, въ которой онъ изображаетъ юношу, отправляющагося странствовать по свѣту и искать что ни есть лучшаго. Этотъ юноша посѣщаетъ греческихъ философовъ и ветхозавѣтныхъ пророковъ, всходитъ на небеса, попадаетъ въ преисподнюю и получаетъ вездѣ множество назидательныхъ наставленій. Рэй пытался даже написать драму, взявъ за сюжетъ жизнь ветхозавѣтнаго Іосифа. Стихотворенія Рэя, сильно интересовавшія современниковъ, были не болѣе какъ римованная проза. Настоящей новизны напрасно въ нихъ искать, потому, что Рэй не доставало культуры, что вкусъ его не былъ выработанъ на классическихъ образцахъ, которыхъ духъ оставался ему недоступенъ, что жизнь его, гулящая и разсыпанная, не давала ему возможности сосредоточиться, наконецъ потому, что въ его натурѣ, сильной и даровитой, но грубой, мало было струнъ патетическихъ, что въ ней преобладала трезвая расудочность, и что фантазія его скользила по поверхности земли, не ощущая потребности влетать въ заоблачный край идеала.

Съ годами пришла рефлексія, страсти перебородили, Рэй остепенился, сталъ серьезнѣе, пресытившись шумомъ и удовольствіями свѣта, сталъ уединяться; умъ его, богатый опытомъ, достигъ полной зрѣлости: тогда-то на старости лѣтъ (1564—1567) онъ написалъ знаменитѣйшее изъ своихъ сочиненій, исполненное глубокой мудрости житейской, которая въ немъ рдѣветъ, точно густое старое устоявшееся вино, налитое въ цвѣтную чашу чрезвычайно живописнаго и величольнаго слога. Въ этомъ сочиненіи Рэй является нравоучителемъ, тонкимъ наблюдателемъ и вѣрнымъ портретистомъ человѣческой природы въ условіяхъ польскаго быта. Оно носитъ заглавіе: *Зерцало или жизнь честнаго человека* (*Zwierciadło albo żywot rozsiewego człowieka*, 1567).

„Зерцало“ Рэя есть родъ энциклопедіи знаній, пригодныхъ для шляхтича, трактатъ практической философіи, раздѣленный на три части по возрастамъ: юношескому, зрѣлому и старческому. Трактатъ начинается созданіемъ міра и человѣка, причемъ хотя Рэй протестантъ, но міросозерцаніе его весьма мало разнится отъ католическаго. Богъ

создалъ человѣка изъ четырехъ элементовъ, отсюда различіе въ темпераментахъ. Богъ подчинилъ человѣка вліянію свѣтила небесныхъ, сіявшихъ на небосклонѣ въ моментъ его рожденія, такъ что ему при самомъ уже рожденіи предопредѣлено имѣть хорошія или дурныя наклонности. Для противодѣйствія этому фатальному животной стороны человѣка ему даны бессмертная душа, которой Рэй не отличаетъ отъ разума, и Богомъ данныя заповѣди. Разумъ данъ на то, чтобы освѣщать пути человѣка; заповѣди на то, чтобы укрощать страсти. Обузданію страстей содѣйствуютъ воспитаніе, образованіе и самый выборъ занятій. Рэй приводитъ, между прочимъ, приквѣръ, который въ сущности долженъ былъ бы опровергнуть всю его теорію предопредѣленія; онъ рассказываетъ, что у нѣкоего купца родилось дитя злое, которое обнаруживало сильную наклонность къ жестокости; отецъ отдалъ его къ мяснику на ученіе, и изъ будущаго разбойника вышелъ весьма порядочный мясничкаго дѣла мастеръ. Желая содѣйствовать благой цѣли просвѣщенія людей и обузданія дурныхъ наклонностей, Рэй беретъ человѣка у колыбели и ведетъ его чрезъ всю жизнь, научая его обязанностямъ. Подъ челоуѣкомъ Рэй разумѣетъ только шляхтича; весь міръ существуетъ, по понятіямъ Рэя, только для Польши, а вся Польша выражается въ шляхетствѣ. Обо всемъ, что ниже шляхты, Рэй имѣетъ весьма смутное понятіе, — вовсе не потому, чтобы онъ былъ высокоумреть, не потому, чтобы онъ презиралъ людей неродовитыхъ; напротивъ того, онъ клеймитъ рѣзко всякаго рода слѣсъ, основаніемъ шляхетства считаетъ личныя доблести и требуетъ гуманнѣйшаго обращенія съ челоуѣкомъ; — но потому, что единственная, настоящая, полная жизнь — это жизнь общественная, а этою жизнью общественною жило одно шляхетское сословіе. Идеальный типъ челоуѣка, по Рэю, соединяетъ въ себѣ такія черты, которыя могли встрѣтиться только въ одномъ шляхтичѣ, а именно: этотъ челоуѣкъ долженъ имѣть сердце великое, пренебрегающее превратностями судьбы, за которую гоняется и которой служить мѣрекопеецъ, купецъ, ремесленникъ. „Кто пріучится мыслить только о дѣлахъ важныхъ, себѣ и отечеству пригодныхъ, тотъ уже смотритъ на всѣ отношенія какъ орелъ съ высоты, тотъ мало цѣнитъ и не задумывается надъ мелкими случайностями этого свѣта и судьбы, и объ одномъ только мечтаетъ, чтобы сдѣлаться полезнымъ не одному себѣ, но всѣмъ вообще по достоинству. Такому челоуѣку все равно: счастье или несчастье, лечь ли и уснуть на розахъ, или на иривѣ и колыбѣ. Просвется ль онъ, мысль его оцѣнитъ влѣтаетъ, какъ орелъ, на высоту“. Когда Рэй говоритъ о выборѣ званій достигшимъ зрѣлости челоуѣкомъ, то подъ званіями онъ разумѣетъ только занятія, приличныя шляхтичу. Такихъ званій главныхъ три: служба военная, служба придворная на дворѣ королевскомъ или втораго-нибудь изъ магна-

товъ, наконецъ служба земская и государственная въ качествѣ сановника, депутата земскаго на сеймъ или сенатора Речи-Посполитой. Рэй останавливается долго надъ каждымъ изъ этихъ поприщъ.

Такова схема сочиненія Рэя. Оно драгоценно не по своимъ нравоученіямъ, но потому, что на этой довольно грубой канвѣ набросано безконечное число снятыхъ съ натуры эскизовъ, представляющихъ всѣ типы тогдашняго общества, — такъ что оно составляетъ лучшую физиономію этого общества, галерею этюдовъ, набросанныхъ немногими штрихами съ неподражаемымъ юмеромъ и напоминающихъ манеру фламандской школы. Въ этой пестрой толпѣ есть военные люди и нарядныя дамы, придворные и духовные, пьяницы и скужки, надменные франты, корыстолюбцы и льстецы. Все сочиненіе Рэя сократятъ изъ подобныя картинковъ. Приведемъ для примѣра портретъ гордца: „Идетъ онъ, надѣвъ пестрые чепоты, на людей не смотритъ, самъ на себя глядитъ, лобуется своею тѣлою, идетъ на сторону, срываетъ перчатку съ руки, на которой кольцо, и держитъ эту перчатку въ другой рукѣ, кашляетъ нехотя, переступаетъ осторожно съ камня на камень, оглядываясь на слухъ своихъ, а когда сидитъ между добрыми товарищами, то молвитъ всякое слово съ расстановкой, раскусывая его на части, занекался, чтобы всѣ знали, что онъ говоритъ обдуманно; осматриваетъ ногги, поправляетъ шапку, а товарищикошпенники льстятъ ему да ухмиваются, глядя другъ на друга, и такъ его умаслятъ, что онъ ихъ подкуетъ всякимъ добромъ, чего только потребуютъ... Чего ты дуешься, мизерная муха? Сидишь, точно малюванный болванъ за камнемъ невзываемымъ, или за пестрымъ воромъ, ведернувъ носъ вверхъ, а не знаешь, что тѣ, вторые льстятъ тебѣ въ глаза, надѣваются надъ тобою за глаза. Надѣвай на себя камія хочешь платья, обливайся духами: если тебѣ не ураниаютъ добродѣтель и рассудокъ, то и духи не помогутъ, будешь везать какъ козелъ, будешь точно лошака, покрытый парчемъ; спишите-ка съ него парчу, окажется, что у него уши, хвостъ, голова, шея — все къ черту, все гадко и безобразно“. Рэй слѣдующимъ образомъ возражаетъ противъ страсти подражать иностраннымъ модамъ: „Изобрѣти кто-нибудь десять покрововъ платья въ недѣлю, всякій покровъ хвалить будутъ. Если платье съ воротникомъ по волосъ, скажутъ: красиво и удобно, етъ вѣтра закроешься, да притомъ и не слишкомъ больно, когда кто ударитъ по спинѣ палкою. Въ другомъ платьѣ нѣтъ воротника ни на одинъ палецъ: и то хорошо, можно куда хочешь обернуться — воротъ шовъ не кусаетъ. Иное платье съ предлиннѣйшими, двойными или тройными рукавами; скажутъ: мужика видѣе держитъ, когда рукава вокругъ него мотаются. Въ иномъ платьѣ рукава по локоть: и то хорошо, самому свободнѣе, да и удобнѣе садиться на

ловнадь. Иное платье длинное до земли, скажутъ: вѣтеръ не гаркуеть вокругъ волынъ... Я увѣренъ, что еслибы кто возложилъ рога и надѣлъ ихъ на голову себѣ; то и о немъ бы сказали: славно, потому что все славно, что явилось сегодня и чего мы вчера не видали". Рэй превосходно изображаетъ жизнь придворную и военную; сердце его радостно трепещетъ, когда земля дрожитъ, когда жѣрно идутъ сомкнутые ряды и раздаются звучные бубны и литавры; но всего больше любитъ онъ домъ, племню и семейную жизнь. Прелестны у него описанія хозяйства и занятій польскаго землянина по временамъ года, но трудно себѣ представить что-нибудь теплѣе, проще, поэтичнѣе глубоко прочувствованныхъ картинъ семейнаго быта. Жену Рэй предписываетъ любить, уважать, съ нею обо всемъ совѣтоваться, потому что „слаще жить волею съ волчицею въ лѣсу, нежели мужу съ женою, когда явится этотъ скверный нарывъ домашнихъ раздоровъ". „Какая радость, какое утѣшеніе, — говоритъ онъ, — когда на тебѣ повиснутъ милыя дѣточки, эти прирожденные скomorохи, когда они щебечутъ словно птички, бѣгая вокругъ стола, когда они рѣвятся и фиглярничаютъ, одинъ что-нибудь скватитъ и другому подаетъ, да такъ взаимно тѣшатся, что не водержившися отъ смѣху. Когда дѣти начнутъ говорить, то оно лепечетъ всякій надоръ, а между тѣмъ какъ все это хорошо и мило". Но замѣчательнѣйшая, безъ сомнѣнія, часть „Зеркала" — та, которая посвящена политической дѣятельности чело-вѣка; она показываетъ, какъ высокъ былъ въ шлахтѣ уровень политическаго образованія и даетъ весьма ясное понятіе о сущности польской конституціи. Рэй отлично знаетъ механизмъ представительнаго правленія: сеймы установлены для обузданія правителей и надзора относительно законности ихъ дѣйствій; на сеймы не могутъ ѣздить всѣ вообще, нѣкими толпами, а потому они избираютъ повѣренныхъ, представителей, и называютъ ихъ прекраснымъ именемъ пословъ или стражей Рѣчи-Посполитой. Должность эту Рэй считаетъ просто священнодѣйствиемъ, потому что послу земскому довѣряютъ братья его, шляхта, свои права и вольности, свои имущества и животы. Такой чело-вѣкъ долженъ остерегаться посуловъ, немотыма, угощеній, и слушать прилежно, что кто говорить, и вѣнчивать каждое слово, потому что не разъ кажется будто и дѣлается нѣчто во благо Рѣчи-Посполитой, но снизверъ лишь краиниву съ горнива и обнаружится, что въ горнивъ прѣсть волынъ вмѣсто щавеля. Еще труднѣе, опаснѣе и отвѣстнѣе высочайшій мотъ, какого мотъ достигнуть гражданинъ польскій, самъ сенатора Рѣчи-Посполитой, королевскаго совѣтника.

Нигдѣ власть королевская не была слабѣе, нежели въ Польшѣ; но вмѣстѣ съ тѣмъ въ рѣдкой странѣ король пользовался такою любовью и уваженіемъ. Нравственный авторитетъ его былъ огроменъ; онъ былъ

та сила, приводящая въ движеніе весь конституціонный механизмъ, безъ которой этотъ механизмъ дѣйствовать не можетъ. „Король,—говорить Рэй,—святая святыхъ, божій человекъ, избранный и названный. Приступать къ нему подобаетъ со страхомъ, потому что будь онъ добрейшій человекъ, въ немъ все-таки есть нѣчто грозное и божественное, и имѣетъ онъ вѣролатно волчьи волосы, какъ говорятъ, между очами“. Со страхомъ и благоговѣніемъ приступая къ нему, сенаторъ обязанъ однако безъ всякаго подобострастія, не обращая вниманія на глѣзъ и неудовольствіе короля, говорить ему всю правду, напоминать ему всѣ обязанности, предостерегать его отъ страстей и порывовъ, потому что „умъ государя похожъ на пламень, который стремится вверху, когда къ нему подлаживаютъ дрова корошня, но если подложить дрова мокрыя и сырыя, то огонь вмѣстѣ съ дымомъ будетъ разстилаться по землѣ; такъ точно и совѣтъ, данный государю: или парить съ нимъ къ небу, или стелется съ нимъ по землѣ“.

Въ пятидесятихъ годахъ XVI-го столѣтія, когда Рэй былъ въ полномъ блескѣ таланта и славы, въ одной компаніи, собранной въ землѣ Сендомирской, гдѣ и онъ находился, нѣкто прочелъ, какъ новость, только-что привезенные изъ-за границы стихи молодого, никому неизвѣстнаго поэта, жившаго въ Парижѣ. Стихи воспѣвали славу Бога и начинались такъ:

Szego chcesz od nas Panie za twe hojne dary?
Czego za dobrodziejstwa, którum niemaaz miary?
Kościół cię nieogarnie, wszędy pełno ciebie,
I w otchłaniach i w morzu, na ziemi i w niebie.

(Чего отъ насъ требуешь, Господи, за твои щедрные дары, чего за благодѣянія, которыми нѣтъ мѣры? Церковь не вмѣщаетъ тебя, все исполнено тобою, бездны и море, земля и небо...)

Стихи поразили всѣхъ необыкновеннымъ изяществомъ формы. Рэй былъ восхищенъ болѣе другихъ и съ энтузіазмомъ, который дѣлаетъ ему величайшую честь, привѣтствовалъ пѣснь импровизированнымъ двустипіемъ:

Temu w nauce dank przed sobą dawam
I pieśń bogini słowiańskiej oddawam.

(Ему я шлю поклонъ и предоставляю первое мѣсто въ наукѣ, ему передаю я пѣсню музы славянской).

Молодой поэтъ, которому Рэй передавалъ скипетръ поэзии и который съ тѣхъ поръ воцарился на польскомъ Парнаосѣ, былъ Янъ Кохановскій (1530—1584), герба Корвинъ, изъ земли Сендомирской¹⁾. Весь родъ Кохановскихъ отличался поэтическимъ дарова-

¹⁾ Есть хорошія монографіи о Кохановскомъ: Johann Kochanowski und seine lateinischen Dichtungen, von Raphael Loewenfeld. Posen 1878; J. Przyborowski, Wiadomość o życiu i pismach J. Kochanowskiego. Poznań 1857.

немъ: родной братъ Яна переводитъ „Энеиду“; двоюродный, Николай, писалъ мелкіе стихи; племянникъ, Петръ (1566—1620), перевелъ „Освобожденный Иерусалимъ“ Тасса. Двадцати лѣтъ отъ роду, Янъ учился въ краковскомъ университетѣ (1544—1549), отправился за границу и семь лѣтъ пробылъ въ Италіи и во Франціи, посѣщалъ Падуанскій университетъ вмѣстѣ съ Яномъ Замоискимъ, посѣтилъ Венецію, Римъ, Кампанію, долго жилъ въ Наринѣ; и въ 1557 году возвратился въ Польшу. Жизнь его вообще не богата происшествіями. Король Сигизмундъ-Августъ пожаловалъ ему почетный титулъ королевскаго секретаря, а другъ его, Петръ Мишковскій, вице-канцлеръ, выхлопоталъ ему разнымъ церковнымъ бенефиціямъ, приходъ познанскій, прелатуру въ капитулѣ; монахи монастыря съдеховскаго намѣренны даже были избрать Кохановскаго аббатомъ, но этотъ выборъ какъ-то не состоялся ¹⁾. Подобнымъ образомъ духовныя бенефиціи и должности жалуемы были иногда, какъ доходныя статьи, даже свѣтскимъ лицамъ, лишь бы только неженатымъ, на основаніи факціи, что владѣлецъ бенефиціи можетъ со временемъ вступить въ духовное званіе. Въ военныхъ дѣйствіяхъ Кохановскій участвовалъ только однажды, въ походѣ противъ Москвы 1568 г. Несмотря на всѣ старанія Мишковскаго, Кохановскій не сдѣлался духовнымъ лицомъ, не чувствуя къ тому никакого призванія, и предпочелъ блестящей карьерѣ скромную, тихую жизнь простаго землянина. Онъ покинулъ дворъ, отказался отъ бенефиціи, женился въ 1574 г. и поселился въ родовой вотчинѣ своей, Чернолѣсѣ. Онъ до того полюбилъ сельскую жизнь, что неохотно и рѣдко показывался въ публичныхъ многочисленныхъ собраніяхъ, тѣмъ болѣе, что не обладалъ талантами оратора и политика, и нисколько не былъ честолюбивъ. Когда при Баторіѣ, другъ Кохановскаго, Замоисскій, сдѣлавшійся любимцемъ и правой рукой короля, предложилъ Кохановскому одно изъ сенаторскихъ мѣстъ—кастелянію половецкую, Кохановскій отклонилъ это предложеніе, сказавъ, что не желаетъ впускать въ свой домъ надменнаго кастеляна, который растратитъ все то, что онъ, убогій землянинъ, собралъ своими трудами. Король опредѣлилъ его, однако, на должность войскаго сендонирскаго, — должность земскую, безденежную, какъ всѣ земскія, но

¹⁾ Gdzież potem niabył, czego niekosztował?

Jażem przez morze głębokie żeglował
Jażem Francuzy, ja Niemce, ja Włochy
Jażem nawiedził Sybillitackie łąchy.

Dziś żak spokojny, jutro przyrasany
Do miecza rycerz, dziś między dworzany
W pańskim pałacu, jutro zasię chłoby
Książd w kapitule—tylko że nie z mnichy.
W szarej kapicy a z dwojakim płatem;
I to szemu nie? jeśliż opatem.

совершенно спокойную, потому что въ случаѣ народнаго ополченія войскай обязанъ былъ оставаться на мѣстѣ земскимъ козакомъ и заботиться о женахъ и дѣтяхъ ополченцевъ. Конецъ жизни Кохановскаго омраченъ былъ раннею смертію любимой дочери поэта Урсулы. Кохановскій скончался въ 1584 году и погребенъ въ фамильномъ склепѣ рода своего, въ Зволонѣ.

Любовь современниковъ къ Яну Кохановскому была безпрядѣльна, онъ считался первымъ поэтомъ, и утвердилось мнѣніе, что Польша не имѣла никогда и не будетъ имѣть равнаго ему пѣвца.

Современной критикѣ придется значительно нагнѣвать этотъ приговоръ и отказавъ Кохановскому, при всей его художественности, въ названіи народнаго польскаго поэта; онъ великъ какъ писатель, отлично усвоившій себѣ духъ античной поэзіи, но эта восприимчивость нанесла ущербъ оригинальности его творчества, такъ что за нимъ остается только слава величайшаго и талантливейшаго подражателя древнимъ образцамъ на языкѣ польскомъ, который онъ преобразовалъ, отдѣлалъ, смягчилъ и довелъ почти до степени музыкальнаго инструмента, способнаго къ произведенію нѣжныхъ звуковъ. Кохановскій былъ вполне человекъ Возрожденія, натура въ высокой степени гармоническая, свѣтлая, спокойная, любящая, но неспособная сгнать жгучимъ огнемъ сильной страсти. Эта натура была еще болѣе смягчена воспитаніемъ и долговременнымъ пребываніемъ Кохановскаго за границею. Германія осталась для него, какъ и для Польши вообще, terra incognita. Съ литературами испанскою и португальскою онъ не былъ знакомъ (современникъ его Камонсъ гораздо позже возвращенія его въ Польшу издалъ свою поэму, а Сервантесъ еще не былъ писателемъ въ то время). Въ Парижѣ Кохановскій свелъ знакомство съ Ронсаромъ. Девефальдъ приписываетъ этому знакомству важное вліяніе на Кохановскаго: Ронсаръ могъ внушить Кохановскому мысль, которую онъ самъ осуществилъ во Франціи—писать на родномъ языкѣ. Первые польскіе стихи Кохановскаго совпадаютъ съ его пребываніемъ въ Парижѣ. Въ Италіи предшественниками Кохановскаго были Данте, Петрарра, Боккаччо и Аріостъ. Данта Кохановскій не могъ понимать; ему былъ недоступенъ глубокой восторженный мистицизмъ и страшная энергія воли сосредоточеннаго въ самомъ себѣ автора „Божественной Комедіи“. Равнымъ образомъ онъ не могъ породниться съ Аріостомъ, потому что рыцарство и романтизмъ, на которыхъ основанъ эпосъ Аріоста, были элементы совершенно чуждые славянскому міру, и что тонкая иронія и шутивый скептицизмъ, знаменующіе упадокъ и разложеніе общества итальянскаго, не могли приходиться по вкусу народу молодому, свѣжему и вѣрующему въ свои идеалы, къ которому принадлежалъ Кохановскій. Такимъ образомъ тѣ образцы,

которые содѣйствовали поэтическому воспитанію Кохановскаго, были отчасти итальянскіе лирики (въ томъ числѣ Петрарка), которыхъ приторная сладость не пришлась однако къ нему, а болѣе всего классическіе поэты, въ особенности римскіе, и изъ нихъ преимущественно Гораций и Виргилій. Онъ началъ съ латинскихъ стиховъ, потомъ принялся за польскіе и съ такимъ успѣхомъ, что могъ справедливо сказать потомъ о себѣ:

I wdarłem się na skałę pięknej Kallionu,
Gdzie dotychczas nie było śladu polskiej stopy.
(И взобрался я на утесъ прекрасной Калліоны,
На которомъ до тѣхъ поръ не было слѣда польской стопы).

Мацѣевскій говоритъ: „Посвятивши себя ознакомленію своихъ земляковъ съ античною поэзіею, Кохановскій пропитался ею насквозь до того, что она постоянно носилась передъ его глазами и надъ его челою: что ни задумывалъ онъ, все выходило античное“. Древніе открыли ему тайну красоты, научили законченности и совершенной опредѣленности формъ, его стихъ походить на чистѣйшій граненый хрусталь, и если Рэй можетъ славиться колоритомъ, то Кохановскій скульптурнымъ совершенствомъ очертаній. Производительность его была велика, онъ перепробовалъ всѣ роды поэзіи и всѣ размѣры стиховъ, усвоилъ Польшѣ терцину и сонетъ (Pieśni, ks. IV, № 28 do Franc., 32 do Stanis.), переводилъ Гомера (Единоборство Париса съ Менелаемъ), писалъ оды, элегіи, сатиры, эпиграммы, даже драмы.

Къ эпическому роду принадлежатъ: *Шахматы*, подражаніе итальянскому поэту Вида; *Сусанна*, повѣсть взятая изъ библіи; *Знамя* (Prągłec albo hołd pruski) — великолѣпное описаніе ленной присяги и инвеституры на Пруссію, данной Сигизмундомъ-Августомъ Альбрехту Бранденбургскому, въ которомъ изображается исторія Польши въ картинахъ; *Походъ на Москву* гетмана Христофора Радзивилла (1581); отрывокъ героической поэмы о битвѣ съ Турками подъ Варной, въ которой палъ король Владиславъ III Ягеллонъ. Эти отрывки доказываютъ, что Кохановскій имѣлъ замѣчательный эпическій талантъ, но великаго національнаго эпоса онъ создать не могъ по недостатку пригодныхъ къ тому элементовъ въ польскомъ тогдашнемъ обществѣ, чуждомъ романтизма, весьма склонномъ къ нововведеніямъ въ религіи, притомъ очень довольномъ своими блестящимъ настоящимъ, въ сравненіи съ которымъ прошедшее казалось весьма невзрачнымъ и незавиднымъ. При подобныхъ условіяхъ нельзя было построить эпосъ ни на одномъ изъ двухъ сильнѣйшихъ его мотивовъ, ни на религіозности, которой идеалы сильно были потрясены реформаціею, ни на патриотизмѣ, который при успокоеніи государства не требовалъ никакихъ

особенныхъ геройскихъ подвиговъ и усилій. Кохановскій, дитя своего вѣка, не покидалъ римскаго католицизма, но въ душѣ былъ теистъ (его гармоническая натура не допускала въ себя сомнѣнїя и избѣгала внутренней борьбы), но этотъ теизмъ уживался какъ нельзя лучше съ дѣльнымъ языческимъ Олимпомъ и оставлялъ Кохановскаго совершенно равнодушнымъ къ религиознымъ спорамъ, такъ что и до сихъ поръ неизвѣстно, на чью сторону онъ болѣе склонялся, былъ ли онъ въ душѣ католикъ или протестантъ ¹⁾. Изъ миеологии христіанской онъ не заимствовалъ никогда картинъ или красокъ. Кохановскій опасается для Польши послѣдствій долговременнаго покоя и хвалить добрыя старыя времена, исполненныя тревоги, бдѣній и битвъ ²⁾, но эти сожалѣнїя только поэтическая фигура и сопровождаются сознаниемъ невозможности возвратиться къ минувшему желѣзному панцирному вѣку.

Важнѣе эпическихъ отрывковъ драма Кохановскаго: *Отпускъ посланца греческаго* (Odrzawa posłów greckich), написанная имъ для Яна Замойскаго по случаю его свадьбы съ племянницею Баторїа и разыгранная въ 1578 г. передъ королемъ Баторїемъ въ Уяздовѣ близъ Варшавы. Зародышъ драмы въ Польшѣ, какъ и въ другихъ странахъ западной Европы, заключался въ мистерїяхъ, порожденныхъ католицизмомъ. Еще и нынѣ на святкахъ хлопцы воятъ такъ-называемыя ясла или палатъ (szorki), на которыхъ представляются посредствомъ куколъ Рождество Христово, поклоненіе волхвовъ, и въ концѣ-концовъ чортъ отрубаетъ голову Ироду и тащить его въ преисподнюю. Подобнаго рода діалоги въ лицахъ съ масками разыгрывались въ церквяхъ и само духовенство принимало въ нихъ участіе. Папа Иннокентій III въ XII в. строго порицалъ за это духовенство польское, — съ

¹⁾ Въ XVII ст. Веспасіанъ Коховскій считъ нужнымъ защищать память Кохановскаго отъ подозрѣнїа въ ереси. *Liric. I, 22 Apologia za Janem Kochanowskim, którego niektórzy rozumieją być heretykiem.*

²⁾ Święty pokoju, ty masz wadę w sobie,
Ze łatwo ludzie zgnusnieją przy tobie.

(Святой покою, ты тѣмъ нехорошь, что люди нивѣжняются скоро подъ твоимъ господствомъ).

Szczęśliwe szasy kiedy giermak szary
Był tak posaciwy, jako te dzisiejsze
Jedwabne bramy coraz kosztowniejsze;
Wprawdziec niebyło kosztu na mąszkaru.
Ale był zawsze kość na stajni gżekwy,
Drzewiec, tarcz pewna i pancerni na ścienie,
Szabla przy boku; sam pacholek trzewny
Nieszkukał pierza, wypadł się na ścienie,
A bił się dobrze. Bodaj tak uboga
Dziś Polaka była, a poganom sroga.

(Важное время Острый армїа заслуживалъ много драгоцѣнныхъ шитьевъ, остроченныхъ шелкомъ, и не тратились деньги на маски; но были всегда на готовѣ конь добрый осѣдланнй, конь, щитъ и панцирь на стѣнѣ, сабля у пояса; всякій молодець былъ трезвъ, не искалъ перинъ, спалъ на снѣгѣ, за то дрался онъ славно. О, еслибы Польша была теперь такая убогая, но такая страшная для бусурманъ!).

тѣхъ поръ драматическія представленія изъ церквей переселяются на кладбища и въ стѣны училищъ и превращаются въ зрѣлища полу-духовныя, полусвѣтскія; въ важныя сюжеты библейскіе вставляемы были обыкновенно забавныя интермедіи. Духовными сюжетами воспользовались потомъ іезуиты для своихъ піестивическихъ діалоговъ; что же касается до комическихъ интермедій, то изъ нихъ могла выработаться комедія въ чисто народномъ духѣ. Въ 1530 г. вышла: „Komediya o mizoropisicie“, въ 1553 „Разговоры“ Вита Корчевскаго, потомъ появилось множество безымянныхъ сценъ (Albertus z wojny; Peregrynacja dziadowska) и діалоговъ, въ которыхъ принимаютъ участіе простолюдины, взятые изъ живой дѣйствительности и превращенные въ типы, какъ-то: кметъ Янъ, отстаивающій старыя обычаи, сынокъ его студентъ нѣмецкій, нахватавшійся протестантскихъ ученій, приходскій священникъ, причетникъ церковный, прислуживающій и священнику и ектору и отправляемый въ народное ополченіе, ваяторъ, деревенные нищія, наковецъ рыбацкій или органистъ. Кроме того, наконецъ, есть извѣстія и о представленіяхъ въ трагическомъ родѣ; такъ, напр., во время Дуготы (XV вѣкъ) представляема была на сценѣ смерть королевы Людгарды. Кохановскій не воспользовался для своей драмы этими данными, не пробовалъ усовершенствовать и развить грубые зачатки, выросшіе изъ родной почвы. Онъ искалъ для отборнаго меньшинства, прочитаннаго, какъ онъ самъ, классическими воспоминаніями и знавшаго прошедшее Греціи и Рима лучше, нежели исторію своего собственнаго отечества. Онъ взялъ темой страницу изъ Илиады и изобразилъ ее въ дѣйствіи въ формахъ трагедіи греческой, которая ему была совершенно знакома. Улиссъ и Менелай пріѣхали послами отъ Грековъ требовать выдачи Елены, увезенной Парисомъ. Парисъ заскиваетъ друзей, собираетъ партію; съ другой стороны, недоступный подаркамъ и лести, честный Антеноръ намѣревается доказывать на вѣчѣ необходимость выдать Менелая жену. Характеръ Елены облагороженъ въ сравненіи съ „Илиадой“. Она представлена въ видѣ жены, насильственно похищенной отъ мужа, котораго она любитъ. Въ тревожномъ ожиданіи она ждетъ рѣшенія своей участи. Возвращающійся съ вѣча Троянецъ передаетъ ей, что происходило на вѣчѣ, и возвѣщаетъ, что голосъ страсти взялъ верхъ надъ внушеніями долга и что, получивъ отказъ, послы возвращаются съ пустыми руками. Вскорѣ являются и сами послы; проникательный Улиссъ предрекаетъ паденіе Трои, управляемой неопытными, пристрастными совѣтниками; пылкій Менелай взываетъ къ богамъ и мечетъ проклятія. Послѣ ухода пословъ, передъ собравшимися въ ожиданіи важныхъ событій Троянцами явлется такая же, какъ въ „Орестей“ Эсхила, бѣснующаяся Кассандра, которая произноситъ злобшія пророчества. Наконецъ драма оканчивается точно глухимъ

раскатымъ далекаго грома, извѣстномъ, что Греки высадились на берегъ и что война началась. Эта драма, изъ 600 съ небольшимъ стиховъ, не рифмованныхъ стиховъ, не раздѣляется на дѣйствія и состоитъ изъ короткихъ сценъ, перемежающихся съ пѣніемъ хора; въ ней нѣтъ интриги, сценической завязки и развязки, и весь интересъ основанъ на идеальной борьбѣ между страстью и нравственною необходимостью. Въ этой драмѣ Кохановскій далъ блистательное доказательство своего глубокаго пониманія древняго міра и изумительное мастерство въ искусствѣ художественно его воспроизводить. Только, въ новѣйшее время Гёте создалъ, въ „Ифигенія въ Тавридѣ“, произведеніе, которое равняется въ этомъ отношеніи съ „Отпускомъ по слову“. Но, не имѣя никакой связи съ жизнью народною, эта драма стоитъ совершенно одиноко въ литературѣ,—Кохановскій не нашелъ послѣдователей, позднѣйшія поколѣнія перестали понимать эту драму и совершенно о ней забыли.

Тотъ родъ поэзіи, которымъ Кохановскій оказалъ великое вліяніе на современниковъ и въ которомъ онъ достигъ совершенства и сдѣлался на два съ половиною столѣтія типомъ поэта, была лирика. Онъ сдѣлалъ полный переводъ псалмовъ Давида (1578), лучший, какой до сихъ поръ есть, и находящійся до нынѣ въ употребленіи въ устахъ народа. Онъ писалъ оды, элегии, эпиграммы, идилліи (Sobótka, Druga zamieszka). Въ „Сатиры“ или „Лѣшемъ“, посвященномъ Сигизмунду-Августу, онъ влагасть въ уста бога лѣсовъ критику народныхъ пороковъ: страсти подражать иностранцамъ, легкомысленности въ сужденіяхъ о дѣлахъ вѣры и политикѣ, и впадающей въ общественную жизнь роскоши. Въ 1580 г., по смерти любимой дочери Урсулы, которую онъ называлъ „славянскою Сафо“ и которой онъ надѣялся передать свою лиру въ наслѣдство, Кохановскій написалъ „Трени“ или скорбныя размышленія, въ которыхъ перо, отрѣшавшееся отъ классическихъ воспоминаній и отъ сухой учености, онъ становится оригинальнѣе, когда съ простотою и безыскусственностью, составляющею верхъ искусства, онъ передаетъ свое горе въ тонѣ простионародной пѣсни ¹⁾. Къ замѣчательнѣйшимъ произведеніямъ Кохановскаго при-

¹⁾ Nie do takiej łożnice, moja dziewczko droga,
Miała cię mać uboga
Doprowadzić. Nietakęć dać obiecowała
Wyprawę, jakęc dała.
Gieźleczko tylko dała, a lichą tkaneczkę,
Ojciec ziemi bryłeczkę
W główki włożył; niestetyż i posag i ona
W jednej skrzynce zamknięta.

(Не до такого ложа надѣялась довести тебя бѣдная мать, о моя жена! Не такое обѣщала она тебѣ дать приданое. Она дала тебѣ только рубашенку, да чепчикъ; отецъ подложилъ глыбку земли подъ твою головку. Увы! и приданое, и она сама уложены въ одну деревянную ящикъ).

надлежитъ собраніе его „Вендлауніекъ“ (Глязек), издаваемое въ годъ послѣ его смерти (1584). Здѣсь иривая мысль блещетъ остроуміемъ, южная шутка перемежается съ колкою эпитрамой, юмористически обрисованы собесѣдники поэта, прославляются и любовь и вино; надъ веселой компаніею раскинула свои тѣнистыя, дуннстыя вѣтви знаменитая лина червогбоская, многократно воспѣтая поэзою¹⁾.

Кохановскій умеръ въ полной увѣренности въ свое бессмертіе²⁾. Значительною долею этого бессмертія онъ обязанъ тому, что былъ человекомъ цѣльный, поэтъ столько же въ жизни, сколько и въ пѣсни, добрый, честный, умѣренный, скромный³⁾, и что онъ былъ молчаливымъ выраженіемъ своего общества и умѣлъ высказывать тѣ благородныя республиканскія чувства, которыми одушевляли это общество, чувства свободы, человеколюбія и глубокаго сознанія личнаго достоинства.

Теперь прослѣдимъ дальнѣйшія судьбы польской поэзіи послѣ Кохановскаго и укажемъ на тѣ второстепенныя таланты, которые приобрѣли извѣстность на этомъ несприцѣ. Николай Семль Шаржинскій (преждевременно умеръ въ 1581 г., двадцати съ небольшимъ лѣтъ отъ роду) подражалъ удачно Петраркѣ и написалъ нѣсколько глубоко провѣтованныхъ религіозныхъ лирическихъ произведеній. Лирика видимо

¹⁾ Приведемъ очень извѣстное стихотвореніе: «За здоровье», въ которомъ Кохановскій оспариваетъ обычай частіи востовъ на играхъ:

Prze zdrowie gospodarz pije,
Wstawaj gościu! A prze czyje?
Prze królewskie! powstawajmy
I także ja wypijajmy.
Prze króloweś! Wstać się godzi
I wypić, ta za tą chodai.
Prze królowny! już ja stoję
A podaj co rychłej moje.
Prze biskupie! Powstawajmy,
Albo raczej nie siadajmy.
To prze zdrowie marszałkowe!
Owa gościu wstań na nowe.
To prze hrabi! Wstańmyż tedy!
Odproczniemy nogom kiedy?
Gospodarz ma w ręku szaszę,
My widzmy powinność naszą.
Chłopię, wymkni ławkę moję,
Już ja tak obiad przestoję, i пр.

(Вставай, гость, хозяинъ пьетъ за здоровье.—А за чье?—За королевское. Встанемте живѣе и выпьемъ.—За королеву!—Да, стоить встать и выпить.—Теперь само собой разумется: за королеву!—Я уже стою и жду, пока назолятъ мою чашу.—За епископское!—Встанемте или, лучше сказать, не будемте садиться.—За маршала!—Нельзя же, гость, еще не приподняться.—Теперь, за графа!—Будетъ ли когда-нибудь отдыхъ ногамъ? Хозяинъ держитъ чашу въ рукахъ, нельзя гостямъ не исполнить ихъ повинности.—Хлопецъ, уберн-ка моя скамья. Ужъ я простоя такъ, до конца обѣда).

²⁾ O mnie Moskwa, i będą wiedzieć Tatarowie

I różnego mieszkańcy świata Anglikowie,
Mnie Niemiec i waleczny Hiszpan, mnie poznają
Który głęboki strumień Tybrowy pijają.

³⁾ To pał zdaniem mojem

Kto przestał na swojem.

(Тотъ баринъ, по моему мнѣнію, кто доволенъ тѣмъ, что имѣеть).

слабость и падасть, морча вкуса обнаруживается въ томъ, что сдѣлано ренія нагружаются все больше и больше мифологическимъ балластомъ и классическими воспоминаніями. У нѣкоторыхъ поэтовъ замѣтенъ поворотъ къ мистикѣ, аскетизму и возвратъ къ поэзіи церковно-христіанской. Такими поэтами, составляющими уже переходъ къ послѣдующему періоду іезуитско-магароническому, являются Гроховскій и Мясковскій. Ксендзь Станиславъ Гроховскій (1554—1612), человекъ очень посредственныхъ дарованій, сквернаго характера, искатель бенефіцій, злой на языкъ и вмѣстѣ съ тѣмъ странный льстець, куритъ оміамъ предъ всѣми великими міра сего, притомъ былъ попрошайка и абыдникъ: Писалъ онъ чрезвычайно много плохихъ по содержанию виршей, духовныхъ и свѣтскихъ, переводилъ, по совѣту іезуитовъ, церковныя гимны изъ *breviarium romanum* и сочинялъ въ томъ же родѣ оригинальныя пѣснопѣвія. За сатиру „Бабій кругъ“ (*Babie koło*), онъ былъ сильно преслѣдуемъ выведенными въ этой сатирѣ современными епископами. Гораздо даровитѣе Гроховскаго былъ Касперъ Мясковскій (1549—1622), изъ земли Равской, настоящій типъ шляхтича-домосѣда, предавнаго сельской жизни, горячій католикъ и консерваторъ. Когда при Сигизмундѣ III борьба партій дошла до открытой междоусобной войны, извѣстной подъ именемъ рокоша Зебржидовскаго, на одной сторонѣ стали прогрессисты, преимущественно протестанты, на другой—король, поддерживаемый іезуитами и реакціей. Мясковскій громилъ рокошанъ исполненнымъ силой и негодованіемъ стихомъ (*Dyalog o zjezdzie Jędrzejowskiem*). Лучшими его произведеніями считаются его *Walecia włoszczowska* (Прощаніе съ родной) и релігіозныя пѣсни, алегіи покаянія, „Цвѣты на ясли Спасителя“ и „Исторія страданія І. Х.“, раздѣленная на часы. Особенное значеніе получили два вида дидактической поэзіи, по которымъ и Кохановскій оставилъ образцы, а именно: идиллія и сатира. Развитие этихъ двухъ видовъ объясняется причинами социальными, положеніемъ шляхты въ средѣ общества и отношеніемъ ея къ другимъ сословіямъ въ первой половинѣ XVII столѣтія. Польша переживала тогда одну изъ тѣхъ критическихъ минутъ, отъ которыхъ зависятъ судьбы народа и которыя рѣшаютъ, вознесется ли этотъ народъ еще выше или ступитъ на тотъ отлогій скатъ, въ концѣ котораго ждетъ его неизбежная пропасть. Шляхта была всѣмъ въ Рѣчи-Посполитой; ей Польша обязана тѣмъ могуществомъ и благосостояніемъ, котораго она достигла. Чтб же требовалось отъ всемогущей тогда шляхты для дальнѣйшаго преуспѣванія Рѣчи-Посполитой? Эти требованія ясно высказаны въ сочиненіи Андрея Фрича Модржевскаго: *De Republica emendanda*, 1551 г. (перевелъ на польскій языкъ Киприанъ Базилікъ): „Господи Боже! дай всему состоянію рыцарскому такое сердце, чтобы они, отложивъ въ сторону любовь са-

никъ себя, возлюбили всю Рѣчь-Посполитую, то-есть всѣхъ людей, пребывающихъ вмѣстѣ съ ними въ этомъ общественномъ тѣлѣ; чтобы они обо всѣхъ пеклись и защищали всѣхъ людей животы, интересы и честь. Когда это будетъ, то и окажется, зачѣмъ господа сенаторы и сословіе шляхетское приставлены къ королю, какъ участники въ верховной власти". По отсутствіи среднего сословія и малочисленности городского населенія, шляхта непосредственно принимала къ крестьянству; ей надлежало позаботиться поднять крестьянство, дать ему просвѣщеніе и права, ей надлежало поставить себѣ цѣлью дать шляхетство всему народу и стремиться постепенно въ осуществленію этой цѣли. Литература своимъ вѣрнымъ чутьемъ наводила на эту мысль и, прорвавшись сквозь закодированный кругъ шляхетства, опустилась въ идиллію до крестьянъ, заимствовала картины и типы изъ мужицкаго быта, стараясь ихъ поэтизировать. Такова была задача, которую себѣ поставила дѣлая школа червонно-русскихъ поэтовъ, во главѣ которыхъ стоитъ Шимоновичъ. Эти стремленія не были никогда осуществлены и остались на степени *pia desideria*, никакая внѣшняя сила не заставляла шляхту сближаться съ массами и идти впередъ по пути, въ окончательномъ результатѣ котораго виднѣлось самоуничтоженіе шляхетства, посредствомъ распущенія его въ цѣломъ народѣ. Никакая сила политическая не рѣшается сама собою на самоубійство и не расположена къ самоотреченію безъ предварительнаго боя; тщетно было бы ожидать этого и отъ шляхты. Она почилъ на лаврахъ и была пробуждена отъ этого сладкаго сна только свирѣпымъ демономъ соціальной революціи, въ видѣ войскъ возацкихъ. Одолѣвъ со страшными потерями стоглавую гадру всколебавшейся подъ ея ногами массы, шляхта заключилась въ самый узкій сословный консерватизмъ, причѣмъ вышли наружу и яственно обозначились всѣ слабыя стороны ея, представлявшія обильную пищу для сатиры.—Мы рассмотримъ сначала поэзію буколическую, а потомъ перейдемъ къ сатирическимъ поэтамъ.

Въ восточной половинѣ теперешней Галиціи, надъ маленькою рѣчкою Целгевью, въ великолѣпной мѣстности, у предгорій Карпатскихъ, разстилаются далеко на востокъ широкія равнины. Равнины эти—открытый путь для саранчи и Татаръ. Здѣсь лежитъ, раскинувшись живописно, старинный городъ князя Льва, сердце Руси Червонной, вмѣщающій въ себѣ три духовныя столицы: архіепископскую римско-католическую, митрополичью армянскую и епископскую православную у св. Юра. Въ этой странѣ, которая со временъ Казимира, въ XIV вѣкѣ, входила въ составъ короны польской, и въ этомъ городѣ, окруженномъ крѣпкими стѣнами и составлявшемъ оплотъ Рѣчи-Посполитой съ востока, родился въ 1557 г. отъ Шимона (Семена) изъ Бржезинъ, городского ратмана, сынъ Шимонъ, который по отчеству долженъ былъ

называться Шимоновичемъ или Шимоновичемъ, но, сдѣлавшись ученымъ, предпочелъ называться и подписываться по гречески Симонидомъ¹⁾. Шимоновичъ учился въ краковской академіи, потомъ ѣздилъ въ Нидерланды и Францію, гдѣ подружился съ знаменитымъ гуманистомъ Іосифомъ-Юстомъ Сталигеромъ (сыномъ), котораго совѣтъ имѣли рѣшительное вліяніе на всю его жизнь и будущую литературную дѣятельность. По возвращеніи изъ-за границы, Шимоновичъ познакомился съ Яномъ Замоискимъ, уже канцлеромъ въ то время, поступилъ къ нему въ секретари и содѣйствовалъ ему въ образованіи академіи въ Замостѣ. Замоискій поручилъ ему воспитаніе единственнаго сына своего, далъ ему въ пожизненное владѣніе деревню, успѣлъ сдѣлать то, что, по внушенію его и по ходатайству пословъ земскихъ въ сеймъ, король Сигизмундъ III пожаловалъ Симониду шляхетство, съ фамильнымъ названіемъ Бендоньскій, и украсилъ его почетнымъ титуломъ королевскаго поэта (1590 г.). Симонидъ умеръ въ глубокой старости въ 1629 году. Его произведенія дѣлятся на два рода: латинскія оды и польскія идилліи. Остановимся на однихъ только стихотвореніяхъ его буколическихъ. Симонидъ изучилъ основательно Теокрита и проникнулся имъ весь; онъ началъ съ простыхъ переводовъ изъ Теокрита, Біона и Мосха, отчасти изъ Виргилія и Овидія, или съ такихъ передѣлокъ и подражаній, въ которыхъ все содержаніе—античное, но пастухамъ и пастушкамъ даны только названія славянскія (Милко, Собонь и т. п.). Потомъ Симонидъ сдѣлалъ еще одинъ шагъ впередъ и пробовалъ брать темой сельскіе нравы дѣйствительныя, не воображаемыя, идеализируя ихъ по возможности; иными словами, онъ сталъ писать картины изъ простонароднаго быта. Такъ какъ съ живымъ воображеніемъ онъ соединялъ наблюдательность и талантъ тонкаго психологическаго анализа, то сцены, вставляемыя имъ въ тѣсныя рамки идилліи, плѣняли современниковъ, несмотря на недостатокъ наивности и простоты. Симонидъ не могъ никакъ избѣжать двухъ недостатковъ, неразлучныхъ съ самымъ родомъ буколической поэзіи: тривиальности, когда поэтъ старается вѣрно копировать природу, и приторности, когда поэтъ, идеализируя своихъ героев, сходитъ съ почвы дѣйствительности и поселяется въ небывалой странѣ условностей и вымысловъ, безжизненныхъ и безцвѣтныхъ. Желая сдѣлать своихъ пастуховъ правдоподобными, онъ влагаетъ имъ порою въ уста площадныя шутки и скептическія насмѣшки, несвойственныя крестьянамъ, порою же заставляетъ ихъ вести разговоры, исполненные колкаго остроумія и тонкой вѣжливости. Среди

¹⁾ Сочиненія Шимоновича изданы Вендлэвскимъ, въ Хелми, 1864. Szymon Szymonowicz, przez Aug. Bielowskiego, 1875, см. Pamiętnik Akad. Um. Krakowskiej, II, 105—213. Здѣсь помѣщены біографія поэта, неизвѣстныхъ или малоизвѣстныхъ его произведенія и переписка.

множества неудачныхъ, нѣкоторыя сцены поражаютъ реализмомъ, воспроизведеніемъ въ художественной формѣ народныхъ представленій и повѣрій. Такова идиллія 15-я, *Чары*, въ которой жена, оставленная невѣрнымъ мужемъ, сыплетъ прося на угли, топить воскъ, сожигаетъ осеневыя листья и употребляетъ заклинанія и заговоры, чтобы привлечь къ себѣ невѣрнаго и извести его любовницу. Такова еще прелестная идиллія 12-я, *Коровай* (Коласъ), взятая, впрочемъ, болѣе изъ нѣмецкаго быта и изображающая свадебные обряды ¹⁾).

Наконецъ Симониду пришла счастливая мысль вложить въ уста простаго народа патетическія жалобы на его горькую судьбину, на притѣвленія со стороны помещиковъ. Эти жалобы писались не въ видахъ демократической пропаганды, потому-что поэзія Симонида по своей искусственности никакъ не могла рассчитывать на распространеніе въ простонародіи, да и Симонидъ былъ вовсе не революціонеръ, а человѣкъ глубоко преданный существующему порядку. Она заключала въ себѣ только предостереженіе на будущее время и обнаруживаетъ въ авторѣ не только художника, но и человѣка съ направленіемъ, мужественнаго гражданина, который рѣшился говорить весьма непріятныя вещи въ глаза всемогущему тогда сословію, нерасположенному слушать ничего подобнаго. Въ идилліи 17-й, *Пастухи*, мужики толкуютъ о вымогательствахъ со стороны панскихъ лѣсничихъ, о взысканіяхъ за лѣсныя порубки. Въ идилліи 18-й, *Жницы*, барскій управляющій съ кнутомъ въ рукахъ понуждаетъ въ работѣ деревенскихъ бабъ; одна изъ нихъ, Петруха, заводитъ слѣдующую пѣсню: „Солнышко, око свѣтлое, око дня прекраснаго, ты не то, что нашъ староста: ты встаешь, когда пора придетъ; ему этого мало, онъ бы хотѣлъ, чтобы ты въ полночь подымалось. Солнышко, ты день за днемъ водишь, пока не исполнится долгій годъ, а онъ бы хотѣлъ все сдѣлать въ одинъ часъ; ты иногда припекаешь, иногда даешь вѣтерку повѣять и разсѣять зной, а онъ то и дѣлаетъ, что кричитъ: не лѣнись, жни да

1) Sroczka krzекce na płocie, będą goście nowi;
Sroczka czasem omyli, czasem prawdę powie,
Gdzie gościom w domu radzi, sroczce zawsze wierzą
I nie kładą się kwapić kucharżom z wieszerczą...
Sroczka krzекce na płocie, pewnie się raduje
Serdużko, bo miłego przyjaciela czuje.
Jedzie z swoją drużyną panicz urodziwy,
Panicz z dalekiej strony, pod nim koń chodziwy,
Koń łysy, białonogi, rząd na nim ze złota,
Panno, gotuj się witać, już wjeżdża we wrota... i t. d.

(Сорока гаркаетъ на заборѣ — будутъ новыя гости. Сорока иногда обманетъ, иногда правду скажетъ. Въ которомъ домѣ рады гостямъ, тамъ сорокѣ всегда вѣрять и крикливо зовутъ поварамъ не торопиться съ ужиномъ. Сорока гаркаетъ на заборѣ, а сердце скачетъ у дѣвушки, потому-что она чувствуетъ милаго друга. Ѣдетъ съ дружиною панчикъ красивый, панчикъ съ дальней стороны; подъ нимъ конь рѣзвый, конь бѣлоногий, сбруя на немъ золотая. Дѣвица, готовится привѣтствовать его! вотъ онъ въезжаетъ въ ворота, — и т. д.)

жни; онъ и знать не хочетъ, что при работѣ серпомъ, потъ льется въ три ручья съ лица. Тебя, солнышко, заслоняютъ иногда тучи, но ихъ скоро разгонитъ вѣтеръ; нашему старостѣ не гляди прямо въ глаза, потому-что у него постоянно нахмуренныя брови. Ты даешь росу, вставая и заходя, у насъ же все постъ отъ утра до вечера“ и т. д.

Отъ идилліи перейдемъ къ сатирѣ. При всемъ блескѣ и великолѣпіи тогдашней Польши, передовые люди чувствовали, что не все ладно въ Рѣчи-Посполитой. Замѣчались симптомы болѣзни, дѣлалась по временамъ ея діагноза, но причина зла оставалась тайною. Янъ Кохановскій и Петръ Збылитовскій (1571—1649) вмѣсто лекарства предлагаютъ одни нравоченія въ родѣ слѣдующихъ: будьте скромны, воздержны, гуманны въ отношеніи къ низшимъ, не гоняйтесь за модою, остерегайтесь роскоши, храните крѣпко старыя добрыя нравы. Разумѣется, что эти нравоченія не вели ни къ чему. Потомъ времени увлекалъ съ собою общество въ противоположномъ направленіи. Былъ одинъ только писатель, одаренный замѣчательнымъ критическимъ умомъ, который заглянулъ поглубже въ общественныя отношенія и, дотронувшись до основанія шляхетства, осмѣлился занести руку на самый корень его въ Польшѣ, отвергнуть значеніе и превосходство породы, усомниться въ преемственности наслѣдованнаго отъ предковъ благородства. Это сомнѣніе выражено было намеками, обиняками; при всей слабости выраженія, оно требовало значительнаго гражданскаго мужества. Этотъ писатель, рѣшившійся сознательно идти противъ теченія вѣка и общества, едва замѣченный современниками, но котораго позднее потомство должно привѣтствовать какъ родного брата, былъ Себастьянъ Клѣновичъ (или по латыни, отъ асег — клень, Асегниус, 1545—1602). Клѣновичъ ¹⁾ происходилъ изъ мѣщанъ города Сульмержицъ, на пограничьи Силезіи, воспитывался въ краковской академіи, поселился въ Люблинѣ, былъ ратманомъ и писаремъ городского суда, наконецъ бургомистромъ города Люблина, исправлялъ притомъ должность судьи или войта въ имѣніяхъ монастыря свѣцеховскаго, въ которомъ аббатомъ былъ другъ Клѣновича, позднѣйшій епископъ кievскій Верещинскій. Исслѣдованія архивиста въ Люблинѣ Юсіфа Детмерскаго подвергли сильному сомнѣнію установившееся въ исторіи литературы преданіе о томъ, будто бы Клѣновича разорила злая и распутная жена, и о томъ, что онъ скончался въ крайней нищетѣ, въ больницѣ іезуитской св. Лазаря въ Люблинѣ. (См. статью Пржеборовскаго). Неподлежитъ спору, что Клѣновича преслѣдовали сильные, вліятельные непріатели. Ученый бібліотекаръ краковскаго университета Юсіфъ Мучковскій открылъ случайно, кто были главные гонители

¹⁾ Przyborowski, Rok smierci Klonowicza, въ журналѣ Atenëum, 1878, № 2.

Кленовича (брошюра Мучковского издана 1840). Въ иезуитскихъ бумагахъ онъ нашелъ извѣстie, что отцы-иезуиты передъ смертію Кленовича привели его къ раскаянію и заставили его просить прощенья въ томъ, что онъ издалъ безъименно въ 1600 г. брошюру: *Equitis poloni in Jesuitas actio prima*, въ которой онъ доказывалъ, что орденъ занимается больше интригами, нежели наукою, и что орденъ причинилъ вредъ Польшѣ, завладѣвъ народнымъ воспитаніемъ. Рука ордена тяготѣла и надъ произведеніями поэта, которыя были по возможности истребляемы. Въ особенности преслѣдовалась его *Victoria Deorum*, заклеянная слѣдующимъ иезуитскимъ двустишіемъ:

Quid praemii versibus tam dignis?
Nisi carnifex et ignis.

(Чего достойны эти стихи? только огня и руки палача).

Если на Кленовича смотрѣть съ художественной точки зрѣнія, то приговоръ о немъ выйдетъ не въ пользу автора: поэтическое дарованіе его было слабое; творчествомъ поэтическимъ, умѣющимъ великую мысль облечь въ соотвѣтствующую ей форму, онъ не отличался вовсе. Въ его натурѣ преобладали двѣ способности: острая наблюдательность и умъ аналитическій, разлагающій всякую общую мысль, взятую имъ за тему, на безчисленное множество частныхъ. Ухватившись за такую мысль, Кленовичъ возился съ нею долго, по цѣлымъ годамъ, обращая ее на всѣ стороны, выводилъ по всѣмъ правиламъ логики цѣлую сѣтку систематическихъ дѣленій, и дробныя вѣточкі этой канвы онъ наполнялъ постепенно содержаніемъ, заимствуемымъ или изъ запаса своей учености, или изъ собственнаго житейскаго опыта. За исключеніемъ *Надѣробнаго плача на смерть Яна Козановскаго*, ряда пѣсней въ лирическомъ родѣ, всѣ остальные поэмы Кленовича растянуты, носятъ на себѣ слѣды продолжительной и усидчивой работы, читаются съ трудомъ, но изобильны живописнѣйшими частностями. Недавно открыто и издано 1875 г. въ Варшавѣ Владиславомъ Окэнцкимъ еще одно произведеніе Кленовича на латинскомъ языкѣ, которое однако ничего не можетъ прибавить къ славѣ поэта: *Gorais*, прославляющее дворянскій родъ Горайскихъ. Поэмы Кленовича могутъ быть отнесены къ двумъ родамъ: землеописательному (такова его поэма, писанная по польски, *Flis*, и по латыни, *Roxolania*), и правоучительному (таковы: *Worek Judassow* или „Мошна Іуды“, и *Victoria Deorum*). Флисами называются судовицкіи вислинскіе. Кленовичъ садится съ ними на шкуту (баржу) у варшавскаго моста и совершаетъ плаваніе до самаго Данцига. Поэма начинается созданіемъ міра, образованіемъ рѣкъ; выводитъ изъ глубочайшей древности, отъ Язона и Одиссея, исторію плаванія по водамъ и торговли, излагаетъ энциклопедически теорію

судостроенія, описываетъ нравы судовщиковъ и шкиперовъ, ихъ техническій языкъ и поговорки, ихъ преданія и, останавливаясь при каждомъ поворотѣ и каждомъ рукавѣ рѣки, рисуетъ картины ея береговъ и усѣвшихъ на нихъ селеній и городовъ. Въ латинской *Роксоланѣ*, приемышъ Руси Червонной или Галицкой—Кленовичъ взялся описать красоты своего отечества по усмотренію и, раздѣливъ свой предметъ на три части, въ первой описываетъ дары и произведенія природы, а также и промыслы жителей: лѣсоводство; земледѣліе, скотоводство, пчеловодство; во второй — червенно-русскіе города: Люблинъ, Львовъ, Кіевъ, Перемишль, Каменецъ; въ третьей — бытъ и нравы жителей, крестины и проводы покойниковъ, посты, чары и религиозное суевѣріе простонародья, бѣдствія и радости мужика, алчность Евреевъ. Великій мастеръ пейзажной живописи, Кленовичъ по существу и складу своего ума предпочиталъ однако обрабатывать матеріи важныя, нравственные вопросы, „писать смѣхотворно не смѣха ради, а для исправленія людскихъ обычаевъ, въ особенности для исправленія людей молодыхъ“. Какъ судья, долго возившемуся съ грязью и осадками общества, ему хорошо была извѣстна изнанка человѣческой природы,—онъ и далъ волю своему, наболѣвшему отъ созерцанія зла, сердцу въ поэмѣ на польскомъ языкѣ: *Мошна Іуды*, странномъ произведеніи, которое неизвѣстно куда отнести, къ юридической-ли литературѣ или къ поэзіи. По приемамъ автора, оно скорѣе походитъ на комментарий къ „Саксонскому Зерцалу“, которымъ руководствовались городскіе суды; это ничто иное, какъ юридическій трактатъ, по всѣмъ правиламъ науки, о воровствѣ-кражѣ и о разныхъ иныхъ предосудительныхъ способахъ пріобрѣтенія собственности въ ущербъ другимъ лицамъ. Христовъ предатель, обаянный Іуда, носилъ у пояса пеструю мошну, спитую изъ четырехъ родовъ кожи: волчьей, лисьей, леопардовой и львиной. Четыремъ составнымъ кускамъ мошны соотвѣтствуютъ четыре способа користоваться чужою собственностью: кража, мошенничество, ябеда и насиліе, что и даетъ поводъ автору описать и перебрать поштучно всѣ виды этихъ преступленій.

Къ первому куску мошны приурочены простая кража и святокупство, выдраніе пчелъ и конокрадство, казнокрадство и лихоимство. Наконецъ безстрашною рукою записного юриста-техника начертанъ драматически и картинно весь ходъ суда надъ ворами, съ палачомъ и поднятіемъ на дыбу, съ прожиганіемъ тѣла свѣчами и повѣшеніемъ воришки на высокой перекладинѣ, въ полѣ пережатомъ, между небомъ и землею, чтобы онъ не вредилъ болѣе человѣческому племени. Подъ кожу лисью подведены обманщики, испрашивающіе милостыню, нищія, выдумывающіе чудеса, надувалы, живущіе на счетъ мужей, волочасъ за женами. Къ леопардовой кожѣ отнесены ябедническое врючкотвор-

ство, иудовская лива и вымогательство монахами записей у умирающих на монастыри и церкви. Наконецъ, дошедши до кожи львиной, авторъ вдругъ замолкаетъ, „такъ-какъ страшно говорить объ этой кожѣ“, и прервавъ свою рѣчь, заканчиваетъ поэму просьбою, обращенною къ грабителямъ, забравшимъ чужое добро, чтобы они по примѣру того, что сдѣлано изъ сребренниковъ Иуды, купили по-крайней-мѣрѣ какую-нибудь „землю ярове“ для потребенія обобранныхъ ими жертвъ. У Кленовича болѣе, чѣмъ у кого-нибудь другого изъ его современниковъ, надобно читать между строками: въ этой недомолвкѣ, какъ полагаютъ, скрывается мысль политическая—подъ львинымъ насилиемъ Кленовичъ разумѣлъ вѣроятное насилие и притѣсненія со стороны преобладающей въ государствѣ аристократіи въ отношеніи къ другимъ сословіямъ, но слово замерло на устахъ передъ трудностью задачи. Трудность задачи заключалась не въ опасеніи гоненій со стороны власти—потому что учрежденія были въ Польшѣ свободныѣ, чѣмъ гдѣ-либо и писатель пользовался полною свободою слова и печати; она состояла въ томъ презрительномъ невниманіи, съ какимъ настроившееся на извѣстный ладъ общество отнесется въ неприятнымъ для него истинамъ и совѣтамъ, мѣняющимъ его покою. Кленовичъ хотѣлъ, во что бы то ни стало, заставить себя слушать, онъ нарядилъ жесткую мысль въ мягкія формы, онъ заявилъ со всевозможными оговорками и уступками протестъ противъ существующаго порядка и идею о необходимости коренной социальной реформы въ предлинной дидактической повѣсти, состоящей изъ 44-хъ глѣвъ на латинскомъ языкѣ, подъ заглавіемъ *Victoria Deorum*. Это произведеніе поэтично только по своей стихотворной формѣ, въ сущности оно ничто иное, какъ огромный трактатъ нравственной философіи, весь состоящій изъ тезисовъ, опроверженій, доказательствъ и примѣровъ. Названіе его, совершенно произвольное, взято изъ помѣщеннаго въ концѣ поэмы (XXXIX, XL) эпизода о борьбѣ Титановъ съ Юпитеромъ: въ Титанахъ олицетворены магнаты и шляхта, потрясающіе тронъ, въ Юпитерѣ—королевская власть. Существовало предположеніе, что Кленовичъ имѣлъ въ виду рокинь Зебржидовскаго 1606, но это предположеніе падаетъ при установленіи года его смерти 1602 и открытіемъ еще другомъ фактѣ, что *Victoria Deorum* уже писалась въ 1587 году. Настоящее названіе поэмы должно бы быть *de vera nobilitate*, а коренная мысль ея заключается въ томъ, что тотъ лишь хорошо рожденъ (т.-е. благороденъ), кто хорошо живетъ, а хорошо живетъ, кто хорошо умираетъ. Кленовичъ преклоняется передъ необходимостью существованія шляхетства, потому что люди рождаются не съ одинаковыми способностями, и во всякомъ обществѣ должны быть и управляющіе, и управляемые. Но, допустивъ аристо-

кратію, Клёновичъ требуетъ, чтобы она была настоящая, а не подложная, настоящая же только и можетъ основываться на *добродѣтели* (въ особенности на храбрости — *virtus*) и на трудѣ, а не на породѣ и не на богатствѣ.

Такъ-какъ шляхетство должно пріобрѣтаться доблестью, то оно превращается у Клёновича изъ родового въ личное, что и подтверждаетъ онъ безчисленнымъ множествомъ примѣровъ объ искаженіи и вырожденіи аристократическихъ фамилій и о даровитости простолюдиновъ и бастардовъ. Вопреки господствующимъ предубѣжденіямъ, Клёновичъ утверждаетъ, что ручной трудъ не унижаетель для шляхтича; онъ энергически возстаетъ противъ помѣщиковъ, заступаясь за крестьянъ. Клёновичъ только критикъ, а не реформаторъ; указывая на причину зла, онъ не предлагаетъ никакихъ средствъ леченія: средствъ этихъ и не было въ польской Рѣчи-Посполитой, которой органическимъ порокомъ былъ родовой аристократизмъ. Клёновичъ не подозревалъ, что зло столь глубоко, что народъ и освободиться отъ него можетъ не иначе, какъ посредствомъ политической своей смерти. Клёновичъ полагалъ, что его оцѣнять по достоинству современники или по-крайней-мѣрѣ ближайшіе потомки ¹⁾, но память объ немъ затихла, и только послѣ двухъ съ половиною вѣковъ, послѣ паденія Рѣчи-Посполитой, тѣнь его дождалась того, что ей воздана должная почеть и что ей воздвигаютъ надгробные памятники ²⁾.

Вмѣсто реформы въ либеральномъ духѣ, которую звалъ Клёновичъ, близилась быстрыми шагами нелиберальная, нетолерантная реакція, возвратъ къ старому, оцѣненныи мысли, разнудавшейся вслѣдствіе реформаціи, безъ преобразования учреждений. Свободныя учреждения требуютъ въ народѣ, который хочетъ ими пользоваться, здоровыхъ нравовъ и выработки характеровъ. Эту выработку сообщала характерамъ въ средніе вѣка религія. Протестантизмъ въ Польшѣ, отвергнувъ авторитетъ церкви, не поставилъ никакого новаго закона нравственнаго вмѣсто католическаго, и видимо стремился въ арианствѣ, анабаптизмѣ и другихъ сектахъ къ превращенію религій въ чистую философію, оправдывающую по мѣрѣ надобности и кровосмѣшеніе, и вѣбрачныя связи, и захваты духовныхъ имуществъ, и всякій произволъ. Притомъ этотъ польскій протестантизмъ заключалъ въ себѣ множество противорѣчій, которыя должны были неминуемо привести его къ паденію; онъ пустилъ корни только въ словѣ высшей шляхты, онъ искалъ поддержки

¹⁾ Forsitan ad Manes dulcedo posthuma laudis
Pervenit nostros et seri sensus honoris.

²⁾ Прекрасную оцѣнку своихъ заслугъ нанесъ Клёновичъ у Мацѣевского, *Pis'm. Polak.*, т. 1, стр. 522—556.

въ магнатахъ, долженъ былъ по необходимости угождать своимъ покровителямъ, спускать имъ многое недостойное, мало заботился о массахъ и привыкалъ смотрѣть на свободу вѣроисповѣданія, какъ на прерогативу, принадлежащую исключительно шляхетству. Протестантская шляхта наслаждалась свободою вѣрованія во что-либо или ни во что невѣрованія, и цѣнила высоко эту свободу; но она вмѣстѣ съ тѣмъ сознавала, что для простонародья религія нужна, чтобы держать чернь въ уздѣ. Этотъ союзъ протестантской религіи съ аристократіею могъ продолжаться только до поры до времени, до того момента, когда бы обѣ соединившіяся силы не увидали, что онѣ теряютъ отъ этого союза; религія, потому-что она оскорбляется зависимою отъ своихъ свѣтскихъ покровителей; аристократія, потому-что протестантизмъ, какъ элементъ критики и отрицанія, долженъ развѣдать всякій авторитетъ, а слѣдовательно и авторитетъ шляхты, ея господство надъ крестьянами, ея преобладаніе политическое, ни на чемъ другомъ не основанное, какъ на исторіи и на преданіяхъ. Этотъ моментъ насталъ въ концѣ XVI и началѣ XVII столѣтія. Подготовителемъ новаго направленія, его предвозвѣстникомъ, теоретикомъ и мощнымъ сѣятелемъ сѣмянъ самаго коснаго консерватизма, который въ слѣдующемъ вѣкѣ далъ обильнѣйшіе всходы, былъ тотъ самый Станиславъ Оржеховскій, котораго дѣло въ средній XVI вѣка чуть-чуть не увлекло Польшу въ протестантизмъ, парализировавъ карательную дѣятельность епископства. Въ этомъ типическомъ лицѣ воплощаются, совмѣщаются, всѣ крайности и противорѣчія блистательной эпохи. Такъ какъ притомъ оно достигло полнаго господства надъ умами многихъ новогнѣннй людей періода упадка, то намъ и слѣдуетъ на немъ остановиться ¹⁾.

Сынъ православной матери, внукъ православнаго священника, Станиславъ, герба Окна, Оржеховскій (1515—1566), *gente Ruthenus, natione Polonus*, перемышльскій шляхтичъ, нареченъ былъ перемышльскимъ каноникомъ еще въ волюбели, отправленъ 14-ти лѣтъ за границу, учился въ Виттенбергѣ, гдѣ пользовался расположеніемъ Лютера, но затѣмъ пробылъ долгое время въ Италіи, и изъ столицы католицизма, Рима, вынесъ какъ глубокое убѣжденіе въ непоколебимой прочности и силѣ этой церкви, такъ и сознаніе потребности нѣкоторыхъ внутри ея реформъ, а именно сближенія съ восточнымъ католицизмомъ, или православіемъ, для общей борьбы съ протестантскими сѣтями,—и отиѣны обязательнаго для духовенства безбрачія. Даровитый, увлекательный, имѣвшій всѣ качества агитатора, Оржеховскій своимъ обрученіемъ, а потомъ женитьбою поднялъ противъ епископовъ всю мало-польскую шляхту; за него стояли всѣ протестанты; противъ него

¹⁾ L. Kubala, Stanislaw Orzechowski. Lwów, 1870.

было произнесено отлучение отъ церкви за ересь. Между тѣмъ этотъ ослушникъ противъ церковныхъ правилъ никогда въ душѣ не былъ еретикомъ, а съ другой стороны—епископы поняли, какого опаснаго нажили себѣ врага. Между Оржеховскимъ и епископами состоялось соглашеніе, отлученіе съ него снято, дѣло объ узаконеніи его женитьбы представлено на усмотрѣніе папы. Въ томительномъ ожиданіи разрѣшенія этого представленія, которому не суждено было когда-нибудь послѣдовать, этотъ почти разстрига, поставившій себя въ самое двусмысленное положеніе, подвергавшійся католическимъ духовенствомъ въ томъ, что онъ тайный еретикъ, поносимый протестантами какъ явный отступникъ, сдѣлался негласнымъ совѣтникомъ епископовъ, бойцомъ католицизма, бичомъ протестантовъ. Одинокій, малоуважаемый, Оржеховскій обнаружилъ изумительную дѣятельность и явилъ первостепенный талантъ полемиста и памфлетиста. Его идеями питались въ слѣдующемъ столѣтіи католическіе писатели, заимствуя живыя цѣлыя страницы; нѣкоторыя его сочиненія, напр. *Arosalursis*, имѣли до 11 изданій. — Во всѣхъ этихъ брошюрахъ, письмахъ и діалогахъ, мысль проводится одна: безвыходная необходимость основать безбрежную политическую вольность шляхетскую на полной ужасной неволѣ, на полномъ подчиненіи ума церковному авторитету. Нѣтъ народа на свѣтѣ—говоритъ Оржеховскій въ своемъ діалогѣ *Quincunx* (*Q. to jest wzór krowy polskiej na synku wystawioy, 1564*)—выше польскаго и по равенству (нѣтъ у него ни графовъ, ни князей) и по вольности. „Ты, Литвинъ, ходишь точно волъ въ прирожденномъ ярмѣ, а я, Полякъ, парю какъ орелъ, потому-что я подчиненъ не наследственному государю, но королю, котораго я самъ себѣ выбралъ. Полякъ носитъ одежду знаменитую—вольность, равную королевской, а на рукѣ имѣетъ золотой перстень—шляхетство, въ силу котораго наибольшій равенъ меньшему; съ королевемъ у него волъ общій, то-есть то псполитое право, которое одинаково служить и ему и королю. Пользуясь всѣмъ этимъ, Полякъ вседится и пляшетъ, не неся никакихъ невольныхъ обязанностей и не будучи ничѣмъ инымъ обязанъ королю—нану своему высшему, кромѣ титула на исковой, двухъ грошей съ лана и народнаго ополченія. Въ наследственныхъ государствахъ нѣтъ защиты отъ государя, но въ Польгѣ есть, а именно: королевская присяга. Кто же заставитъ короля соблюсти присягу? Тотъ, кто отъ него эту присягу принималъ, кто его короновалъ, слѣдовательно кто ему и далъ власть королевскую, кто можетъ и разрѣшить народъ отъ послушанія въ отношеніи къ королю—архіепископъ гнѣзненскій, *pater regis et regni princeps*, ключникъ отъ вратъ небесныхъ. Были времена безъ королей, будутъ, когда короли всѣ изведутся передъ страшнымъ судомъ, но не было и не будетъ времени безъ священства. Священникъ—должность вѣчная, а ко-

релевство—самъ временной; насколько король выше народа, настолько священникъ еще выше короля“.—Такова теорія Оржековскаго: въ Польшѣ нѣтъ людей, кромѣ шляхты; каждый шляхтичъ—самодержавный владыка, надъ всѣми этими владьками высится ими же избираемый и мало отъ нихъ отличающийся царь царей—король, да на него, въ интересахъ вольности шляхетской, накинута уда, которую держитъ въ своихъ рукахъ священникъ. Эта теорія представляетъ собою до крайности доведенное увлеченіе одностороннею идеею вольности шляхетской, но она кѣрно попадала въ цѣль, указывая на тѣснѣйшее родство развившагося до послѣдней степени, а потому сдѣлавшагося консервативнымъ шляхетства, съ авторитетомъ въ дѣлѣ вѣры, на опасность, грозящую отъ всякихъ нововведеній, какъ религіозныхъ, такъ и политическихъ. Забѣтнвъ эту опасность, большинство послѣдователей протестантизма отшатнулось отъ него такъ же легко, какъ легко къ нему пристало, отказалось отъ свободы мышленія, подчинилось опять авторитету откровенія, представляемому церковью, и римскій католицизмъ, повидимому совершенно было упавшій, воскресъ опять, какъ фениксъ изъ пепла, обновленный, очищенный и болѣе завоевательный, чѣмъ когда-либо въ прежніе времена. Ряды противниковъ его рѣдѣють, одинъ за другимъ переходятъ къ нему протестантскіе магнаты, переходятъ и князья, и вельможи литовскіе и русскіе, слѣдовавшіе доселѣ православію. Восторженная пропаганда совершаетъ чудеса, собираетъ опять разсѣявшихся овецъ въ едино стадо, подъ старое знамя, и ставить себѣ цѣлью положить основаніемъ государству единство вѣроисповѣданія, заставить всѣхъ еретиковъ (протестантовъ) и схизматиковъ (православныхъ) признать главенство римскаго папы. Эти стремленія католицизма совпадали съ наибольшимъ распространеніемъ границъ Польши на востокъ, съ моментомъ, когда орлы польскіе направлялись на самый Кремль московскій, когда существовали не лишенины основанія надежды, что рано или поздно сама Московія будетъ вовлечена въ систему польской шляхетско-католической федераціи или посредствомъ избранія кого-нибудь изъ московскихъ государей на польскій престолъ (по примѣру династии Ягеллоновъ), или посредствомъ возведенія на московскій престолъ лица, которое бы взялось быть исполнителемъ замысловъ польской политики. Главными дѣятелями на поприщѣ пропаганды религіозной были іезуиты; о вліяніи ихъ на народное воспитаніе, на умственное развитіе народа мы скажемъ впоследствии, при разсмотрѣніи слѣдующаго періода, когда ихъ дѣятельность принесла уже свои плоды; адѣсь только замѣтимъ, что ихъ направленіе было во многомъ демократичнѣе шляхетскаго протестантизма, что многіе изъ нихъ были проникательнѣе Оржековскаго и предчувствовали паденіе государства отъ застоя, въ который общество будетъ

погружено вслѣдствіе окончательнаго обезсиленія королевской власти; наконецъ что между іезуитами попадались и люди честные, исполненные самоотверженія, восторженно преданные своему дѣлу, которые именемъ Бога говорили горькія истины народу и самой шляхтѣ, укоряли сильныхъ міра сего, не унижая себя никогда лестью. Однимъ изъ такихъ чистыхъ и честныхъ дѣателей по части прозелитизма и воплощеніемъ, можно сказать, католической пропаганды былъ знаменитый священникъ Петръ Паванскій, болѣе извѣстный подъ фамильнымъ прозвищемъ Скарга, стяжавшій себѣ по увлекательному своему краснорѣчію эпитетъ Златоустаго. Вліяніе его на современниковъ было столь громадно и дѣятельность его ораторская и литературная столь тѣсно связаны со всѣми тогдашними политическими событіями, что необходимо изложить подробнѣе главные моменты его 76-лѣтней жизни, посвященной сначала до конца одной только идее¹⁾.

Петръ Скарга, дворянинъ мазовецкій, родился 1536 г., учился въ краковской академіи, вступилъ въ духовное званіе, сдѣланъ былъ каноникомъ львовскаго капитула и проповѣдникомъ соборной церкви въ Львовѣ. Священство свѣтское, которому онъ принадлежалъ, не удовлетворяло души его, склонной къ аскетизму, сдержанной и любящей дисциплину. Онъ его оставилъ, отправился въ Римъ, и тамъ, въ столицѣ католицизма, вступилъ въ 1568 г. въ ряды того недавно возникшаго ордена, который былъ построенъ на чиновачалин, болѣе нежели военномъ, на слѣнномъ и безусловномъ подчиненіи ума и воли челоуѣка пользамъ и видамъ церкви. Возвратившись въ 1571 г. въ Польшу, онъ былъ поставленъ въ 1573 г. на посту весьма важномъ, но трудномъ, на востокъ Рѣчи-Посполитой, въ Вильнѣ, среди преобладающаго на Литвѣ кальвинизма. Скарга отличился вскорѣ какъ проповѣдникъ, онъ обратился въ католичество магнатскую фамилію Ходкевичей и несвижскую линію дома Радзивилловъ, онъ велъ диспуты съ протестантскими богословами, основывалъ братства религиозныя и благотворительныя, былъ первымъ ректоромъ образованнаго въ 1579 г. изъ іезуитской гимназіи виленскаго университета, задалъ устраивать іезуитскія collegia, школы и церкви въ Полоцкѣ, Дерптѣ, Ригѣ. Изъ Вильна Скарга переѣхалъ въ 1584 г. въ Краковъ; въ 1588 г., избранный королемъ, Сигизмундъ III Ваза сдѣлалъ его своимъ придворнымъ проповѣдникомъ. Въ теченіи 24 лѣтъ Скарга пользовался неограниченнымъ довѣріемъ Сигизмунда III. По выраженію проповѣдника Бирковскаго, какъ передъ римскими императорами носимы были зажженные факелы, такъ точно Скарга былъ такимъ горящимъ факеломъ передъ лицомъ польскаго короля и народа. Деньги тысячами прохо-

¹⁾ Rychcicki (M. Dzieduszycki), Piotr Skarga i jego wiek. Kraków, 1850. 2 тома.

дли через его руки, потому что придворный проповѣдникъ былъ и распорядителемъ денегъ, жертвуемыхъ королю на бѣдныхъ, но для себя онъ жалѣлъ и гроша, жилъ въ добровольномъ убожествѣ, въ тѣсной монашеской кельѣ, отказывая себѣ въ малѣйшихъ удобствахъ. Слово его значило много у короля, но ни за кого онъ не просилъ, ни для кого не заискивалъ ни малѣйшей милости. Какъ политическій дѣятель, онъ принималъ живое участіе въ двухъ весьма важныхъ событіяхъ: въ униі брестской (1596 г.) и въ рокошѣ Зебржидовскаго. Унию брестскую онъ подготовилъ своими политическими сочиненіями, направленными противъ православія („O jedności Kościoła Bożego pod jednym pastewem i o greckiem od tej jedności odstąpieniu“, Wilno, 1577). Онъ ораторствовалъ и на соборѣ брестскомъ 1596 г. въ числѣ лицъ, уполномоченныхъ отъ короля; на этомъ съѣздѣ онъ вынуждалъ на публичный диспутъ несоглашавшихся на унию православныхъ и описалъ весь ходъ дѣла въ книгѣ: „Synod Brzeski i jego obrot“, 1597. Униа брестская, насилія и гоненія со стороны католиковъ противъ слабѣйшихъ числомъ протестантовъ, по наущенію іезуитовъ, и ненавистныя для народа связи короля съ домомъ австрійскимъ вызвали междоусобную войну. Составилась коалиція изъ всѣхъ враждебныхъ королю и іезуитамъ элементовъ, изъ протестантовъ, изъ дисунитовъ православныхъ, изъ магнатовъ, противныхъ союзу съ Австрією и боявшихся стремленія короля къ *absolutum dominium*. Дошло до вооруженнаго возстанія или рокоша, во главѣ котораго сталъ ближайшій другъ покойнаго Замойскаго, краковскій воевода Зебржидовскій. Въ этой игрѣ страннымъ образомъ переменялись карты: на одной сторонѣ стала королевская власть, служащая ширмами для ордена и орудіемъ, посредствомъ котораго іезуиты проводили мысль религіознаго объединенія народа во что бы то ни стало; на другой сторонѣ—разнообразныя, ненавидящія другъ друга вѣроисповѣданія и секты акаатолическія подавали себѣ руки, соединенныя общемъ грозившею имъ опасностью, и поддерживали на своихъ плечахъ честолюбивое вельможество, охотно при всякомъ удобномъ случаѣ сопротивлявшееся королю. Скарга ѣздилъ отъ короля къ Зебржидовскому уговаривать его смириться, рокошане требовали отъ короля, чтобы онъ удалилъ отъ себя іезуитовъ; Скарга, не отступавшій отъ короля ни на шагъ, явился бойцомъ ордена и защищалъ его и устно, съ проповѣдническаго амвона, и письменно: „Próba zakonu societatis Jesu“, Kraków, 1607.

Трагическое въ этой борьбѣ партій было то, что въ чью бы сторону ни склонилась побѣда, польское общество должно было неминуемо потерять; оно и осталось въ двойномъ проигрышѣ. Король осилилъ рокошанъ, но не настолько, чтобы власть его могла въ какой бы то ни было степени облегчить судьбу низшихъ рабочихъ классовъ наро-

донаселенія; за то диссиденты были рабичи, и Скарга дожилъ до полнаго торжества католицизма. Онъ умеръ въ Краковѣ, въ 1612 году.

Литературные труды Скарги могутъ быть раздѣлены на сочиненія полемическо-богословскія, на сочиненія, относящіяся до исторіи церкви, и на проповѣди. Скарга полемизировалъ весьма много съ православными, съ протестантами различныхъ толковъ (*Siedm filarów, na których stoi katolicka nauka*, 1582; *Wzywanie do jednej zbawiennej wiary* и мн. другія), писалъ сильныя диатрибы въ особенности противъ арианъ (*Zawstydzienie nowych argunów*, Kraków, 1608; *Mesjasz nowy argunów wedle alkoranu tureckiego*, Kraków, 1612). Эти сочиненія не подлежатъ нашему разбору, также какъ и опыты его по церковной исторіи, состоящіе въ томъ, что онъ издалъ житія святыхъ (*Żywoty Świętych*, 1579) и далъ въ переводѣ сокращеніе труда кардинала Баронія: *Annales Ecclesiastici* (1603—1607). Житія святыхъ написаны безъ критики, но великолѣпнымъ увлекательнымъ слогомъ, которому они одолжены тѣмъ, что имѣли до 25 изданій и болѣе извѣстны и распространены въ массахъ, нежели какое-либо другое произведеніе словесности. Всего важнѣе проповѣди Скарги (*Kazania na niedziele i święta*, 1595; *Kazania o siedmiu sakramentach* i *Kazania przegodne*, 1600) и въ особенности *проповѣди сеймовыя* (*Kazania Sejmowe*, 1600). Восемнадцать разъ случилось ему читать передъ собравшимися для законодательныхъ работъ сеймами проповѣди, имѣющія значеніе рѣчей политическихъ; четыре раза пришлось ему произносить проповѣди хвалебныя по поводу величайшихъ побѣдъ, какими прославило себя польское оружіе: въ 1588 г. по случаю взятія въ плѣнъ подъ Бичиною эрцгерцога австрійскаго Максимилиана, въ 1600 г. по случаю подчиненія Молдавіи Польшѣ Замойскимъ, въ 1605 г. по случаю пораженія подъ Кирхгольмомъ надъ Двиною Карла Зюдерманландскаго, дяди Сигизмунда III, Ходкевичемъ, и въ 1611 г. по случаю взятія Смоленска. Сила его краснорѣчія была столь велика, что враги его, диссиденты, называли его *тираномъ души человеческой* (*psychotyranus*). Чтобы оцѣнить по достоинству его рѣчи, надобно забыть, что онъ іезуитъ, надобно войти въ его положеніе, стать на его точку зрѣнія. Онъ былъ въ полномъ смыслѣ слова священникъ-гражданинъ, какъ ни страшнымъ можетъ показаться это опредѣленіе; онъ представлялъ собою рѣдкій типъ іезуита-патріота. Родину свою онъ любилъ горячо и страстно, ревниво желалъ ея величія, распространенія ея предѣловъ и могущества и, съ ужасомъ замѣчая признаки гнѣнія и разложенія, предвѣщавшіе упадокъ Рѣчи-Посполитой, онъ страдалъ сильнѣе, нежели менѣе проникательные его современники, отъ этихъ болѣзней. Доискиваясь причины зла, онъ ее находилъ прямо и непосредственно въ отщепенствахъ, въ разномыслии и разъединеніи въ дѣлѣ вѣры, по тому еван-

гельскому праву, что всякое царство, раздѣлившееся въ самомъ себѣ, запустѣетъ и домъ на домъ надеть (ев. отъ Луки, XI, 17). Онъ очень хорошо зналъ, что онъ вызываетъ противъ себя страшную ненависть со стороны диссидентовъ; его называли инквизиторомъ, льстецомъ, королевскимъ паразитомъ, апостоломъ *absoluti dominii*; онъ не былъ безопасенъ отъ самыхъ наглыхъ и насильственныхъ нападеній и обидъ, въ Вильнѣ онъ былъ однажды избитъ, въ Варшавѣ дважды получилъ кубничью пощечину, и всякій разъ не только не озлился на обидчиковъ, но испросилъ имъ великодушно прощеніе. Никогда онъ не позволялъ себѣ нападать или наговаривать на какія бы то ни было личности, никогда онъ не подстрекалъ католиковъ къ грубому насилію въ отношеніи къ протестантамъ, къ разрушенію ихъ оборонъ или церквей, къ насильственному помѣнательству ихъ богослуженію; тѣмъ не менѣе однако его усилія и совѣты направлены были въ достиженію того же самаго результата, въ искорененію раскола съ помощью свѣтской власти и къ гражданской нетерпимости отщепенства, потому-что терпимость, по его понятіямъ, ведетъ прямо къ атеизму.

Королевская власть нужна, по мнѣнію Скарги, для доставленія церкви торжества надъ иновѣрцами, для приведенія въ исполненіе приговоровъ духовныхъ судовъ. Онъ не скрываетъ своего расположенія къ идеалу теократическаго правленія (4-е Kazanie sejmowe), къ царскому священству, и къ священническому царству, то-есть къ такому устройству, въ которомъ бы священникъ управлялъ вмѣстѣ съ королемъ и посредствомъ короля. Изъ священнаго писанія и природы вещей вытекаетъ необходимость единовластія или монархіи. Скарга не былъ бы прочь и отъ самодержавія, если бы монархъ былъ всегда безгрѣшенъ и мудръ, но какъ это рѣдко случается, то разумъ человѣческой прилагаетъ къ королю совѣтъ и законы, опредѣляя и ограничивая власть его, чтобы онъ не сдѣлался злымъ тираномъ (6-е Kazanie sejmowe). Въ томъ и состоитъ настоящая свобода, золотая вольность, чтобы имѣть королей, которые бы правили не самовластно и произвольно, не по тирански; но на основаніи закона; такую вольностью Богъ жалуетъ Поляковъ, давая имъ въ теченіи 600 лѣтъ королей добрыхъ, справедливыхъ и святыхъ. Понятно, что при столь монархическомъ настроеніи своемъ, Скарга относится враждебно ко всѣмъ учрежденіямъ, которыя считались палладіумами свободы въ Польшѣ. Онъ не долюбливаетъ прерогативы шляхты избирать королей. Онъ положительно возмущенъ тѣмъ, что по кардинальному закону Рѣчи-Посполитой: *Neminem carivabimus nisi jure victum*. Скарга сильно вооружается противъ многоголовой гидры собранія земскихъ пословъ, усилившаго свой авторитетъ съ ущербомъ для короля и сената. „Господа послы земскіе,—говоритъ онъ,—не обращайтесь Польши въ нѣмец-

кій городъ имперскій, не дѣлайте изъ короля малеванную фигуру, на подобіе Венеціи, потому-что вы не имѣете ума венеціанскаго, да и не живете въ стѣнахъ одного и того же города". Шляхтѣ онъ ставилъ наглядно передъ глазами въ картинахъ, ужасающихъ мрачностью колорита, всѣ недуги, которыми страдаетъ Рѣчь-Посполитая (7-е Kazanie sejmowe; Wzywanie do pokuty, Wilno, 1610). „Боже мой, какая роскошь проникла въ это царство. Отъ мала и до велика всѣ отвергли святую умѣренность и презрѣли жизнь старо-польскую, воинственную. Всякій хочетъ пить вино, рѣдкій панъ безъ иезука, безъ шестерки лошадей и ливрен. Пропало и состраданіе къ Рѣчи-Посполитой. Никто не озабочится поддержаніемъ крѣпостей и стѣнъ. Рѣчь-Посполитая становится убогою, богатѣютъ лишь отдѣльные дома. Завелось такое казнокрадство, что почти безъ зазрѣнія совѣсти хранители казны смазываютъ общественнымъ грошемъ свои руки, такъ что лишь половина податей, взимаемыхъ съ мѣщанъ и крестьянъ, доходитъ по назначенію. Кто исчислитъ всѣ клеветы, ябеды, обманы и измѣны въ судахъ? всѣ кровосмѣшенія, прелюбодѣянія и лже-свидѣтельства? А этотъ кровавый потъ живыхъ подданныхъ или крестьянъ, который льется безпрестанно, не наливаетъ ли онъ кару Божью на все государство?.. По какому праву кмети вольные, Поляки и христіане убогіе обращаются въ крѣпостныхъ, какъ будто бы они были купленные невольники или военнопѣнные? По какому праву помѣщики дѣлаютъ съ ними, что хотятъ? Почему эти люди не имѣютъ ни защиты, ни суда, который бы охранялъ ихъ жизнь, здоровье и собственность? Почему мы распространяемъ на нихъ *supremum dominium*, котораго сами для себя терпѣть не можемъ? Зачѣмъ обращаться съ ними какъ съ невольниками, а не какъ съ наймитами? На твоей землѣ сидитъ крестьянинъ и не дѣлаетъ того, что долженъ; прогони его съ твоей пашни, но не отнимай у него свободы природной и христіанской и не становись верховнымъ властителемъ его здоровья и живота, помимо всякаго суда"... Скарга зналъ, что его политическіе совѣты противны духу времени и приняты не будутъ, сердце его переполняется скорбію, уста его произносятъ слова, полныя гнѣва и поражающія какъ громъ; съ ясновидѣніемъ древняго пророка предрекаетъ онъ гибель своему отечеству: „Что мнѣ дѣлать съ тобой, бѣдное государство? Если бы я былъ Исаія, то я бы ходилъ нагъ и босъ, взывая къ вамъ, преступники и преступницы закона Божія! Стѣны вашей Рѣчи-Посполитой трескаются безпрестанно, а вы говорите: ничего, пустыя. *Polska держится безначаліемъ* (nierządem). Вы не понимаете, что нельзя Польшѣ держаться безначаліемъ, что это противно разуму. Безначаліемъ и безпечностью все валится и падаетъ, а такъ какъ безначаліе простекаетъ отъ слѣпоты грѣховной, то выпило

бы, что Польша держится грѣхами, и уходитъ какъ-то отъ божьяго наказанія. Она падеть, когда вы и чаать не будете, и всѣхъ васъ раздавятъ развалинами. Если бы я былъ Іеремія, я бы надѣлъ оковы на ноги и узы на шею и возопилъ бы къ вамъ грѣшнымъ: такимъ образомъ скваны будутъ старѣйшины ваши; и показалъ бы я изгнившую одежду, и, встряхнувъ ее, сказалъ бы: такъ испортится и въ ничтожество обратится ваша слава и всѣ ваши достатки и имущества“ (8-е Kazanie sejmowe; Wzowanie do pokuty). „Наступитъ на васъ врагъ вѣщній; воспользовавшись вашими распрями, скажетъ: радѣлилось сердце ихъ, теперь они погибнутъ. Эти раздоры заведутъ васъ въ плѣнь, въ которомъ всѣ вольности ваши утонутъ и въ смѣхъ обратятся. Земли и княжества великія, которыя соединились и въ одно тѣло срослись съ короною, отпадутъ и разорвутся; вы, управлявшіе нѣвогда дружики народами, будете на подобіе вдовицы осиротѣлой, носимшицею и игрушкою враговъ вашихъ. Вы погубите народъ вашъ и языкъ, единственный свободный между всѣми славянскими языками; вы растеряете остатки этого народа, столь древняго и столь широко разросшагося, и поглощены будете другими народами, которые васъ ненавидятъ. Вы лишитесь не только государя изъ крови вашей и права избирать его, но и королевства и отечества; вы станете нищими изгнанниками, презрѣнными бродягами, которые будутъ попираемы ногами тамъ, гдѣ ихъ прежде превозносили и славили. Вамъ ли стяжать другое отечество, въ которомъ бы вы могли имѣть такіе достатки, деньги, сокровища и удовольствія? Возможно ли, чтобы для васъ и для дѣтей вашихъ родилась другая такая же мать? Если вы настоящую потеряете, то другой такой же вамъ и не вообразить“ (3-е Kazanie sejmowe).

Скаргою заключается достойнымъ образомъ золотой періодъ польской литературы; онъ довелъ прозу польскую до высокой степени совершенства, но, по справедливому замѣчанію Мацѣевского (Piśmienn., II, 359), никто изъ писателей польскихъ не содѣйствовалъ болѣе его построенію рѣчи польской на ладъ латинскій, никто болѣе Скарги не вводилъ въ синтаксисъ чисто латинскихъ оборотовъ. Къ Скаргѣ, какъ проповѣднику, примыкаютъ Христофоръ Варшевицкій (1524—1603) и Іосифъ Верещинскій, сѣцеховскій аббатъ, епископъ кievскій (ум. 1599; его проповѣди собраны и изданы 1854 въ Петербургѣ Головинскимъ; всѣ прочія сочиненія въ библиотекѣ Туровскаго).

Прежде, нежели разстаться съ золотымъ вѣкомъ, бросимъ бѣглый взглядъ на польскую исторіографію того времени. Историковъ польскихъ можно раздѣлить на писавшихъ по-латыни и по-польски. Писаніе по латыни подраздѣляется на компиляторовъ, сокращавшихъ труды предшественниковъ и пытавшихся составить прагматическую систему на-

ціональної історії, і на істориків-очевидців, з першої руки розповідаючих події, в яких вони самі приймали участь или которія совершались по крайній мірѣ на їхъ пам'яті, на їхъ очахъ. Къ першому класу принадлежать: астрологъ Міховита (ум. 1523), ополчившійся Нѣмецъ изъ Эльзаса Децій (ум. послѣ 1576), ученій астрономъ и священникъ Бернатъ Ваповскій (ум. 1585), єпископъ вармійскій (єрмеландскій) Мартинъ Кромєрь (1512—1589). Между писателями второго класу особливо замѣчательні два лица: Свєнтославъ Оржельскій и Райнгольдъ Гейденштейнъ. Оржельскій (род. 1549, ум. послѣ 1588) составилъ съ замѣчательнимъ талантомъ історію чотирьохъ лѣтъ (1572—1576), отъ смерти Сигизмунда-Августа до избранія Баторія, в теченіи которихъ Польша окончатально превратилась в монархію избирательную: *Interregni Poloniae libri VIII*. Гейденштейнъ (1566—1620) былъ секретаремъ у Яна Замойскаго и Стефана Баторія и сдѣлался чѣмъ-то в родѣ офіціального історіографа, потому что Замойскій, замѣтивъ в немъ необыкновенныя способности, поручилъ ему описать подїи войны Баторія съ Москвою и другія, затѣмъ слѣдованія, и самъ вѣроятно продиктовалъ ему и добавилъ многое. Рядъ істориковъ, писавшихъ по-польски, начинается съ дворянъ Бѣльскихъ или Вольскихъ. Изъ нихъ отецъ, Мартинъ (1495—1575), сдѣлалъ первый опытъ начертанія всеобщей історіи отъ созданія міра, подъ заглавіемъ „*Kronika swiata*“, а сынъ его Іоакимъ (ум. 1599), взявъ ту часть хроникъ отцовской, которая относится къ Польшѣ, передѣлалъ ее и выдалъ подъ названіемъ „*Kronika polska*“. Лука Гурницкій (во второй половинѣ XVI вѣка) писалъ *Dzięje w Koronie Polskiej*, родъ мемуаровъ о дворѣ королевскомъ при Сигизмундѣ-Августѣ, но онъ гораздо болѣе извѣстенъ по своему дидактическому сочиненію *Dwoorsanin polski*, написанному в подражаніе итальянской книгѣ Вальтасара Кастильоне, *Libri del Cortegiano*. Гурницкій даетъ своему трактату слѣдующую рамку. Онъ представляетъ, что на мыѣ єпископа краковскаго и канцлера Самуила Магѣвскаго, близъ Кракова, собрались дворяне єпископа и для препровожденія времени задаются вопросомъ, какими качествами долженъ быть надѣленъ придворный человекъ идеальний, то-єсть таковъ, какимъ ему слѣдуетъ бытъ? Каждый говорить по очереди, другіе возражаютъ; все сочиненіе состоитъ изъ подобныхъ разговоровъ. Бартошъ (Варєоломей) Папроцкій, герба Ястржембець изъ Мазовіи (ум. 1614), проторилъ новую стезю в литературѣ своими геральдическими изслѣдованіями объ отдѣльныхъ знаменитѣйшихъ родахъ польской шляхты: *Herby rycerstwa polskiego*, Kraków, 1584. Совершенно отдѣльно отъ другихъ стоитъ весьма оригинальный писатель Матвѣй Осостовичъ Стрыжковскій (Maciej Osostowicjusz Prekonides Strykowski, род. 1547, ум. вѣ

восьмидесятихъ годахъ XVI столѣтія). Хотя онъ былъ родомъ Мазуръ, но, переселившись въ Литву, онъ до того пристрастился къ новому своему отечеству, что сталъ жалѣть о потерѣ Литвою отдѣльнаго политическаго существованія и о томъ, что она покрылась сверху слоємъ польской цивилизаціи и рѣшился увѣковѣчить въ литературѣ остатки пропадающей съ каждымъ днемъ старины древне-литовской. Задача была прекрасная, но не по силамъ Стрыйковскому, который не имѣлъ достаточно ни критики, ни научной подготовки; — онъ имѣлъ за то два качества, которыя сообщаютъ его труду цѣну необыкновенную: любознательность и усидчивость. Онъ научился языкамъ русскому и литовскому, извѣдалъ всю Литву и Ливонію, обозрѣлъ мѣста побойщъ, арсеналы, раскапывалъ курганы и городища, осматрѣлъ множество замковъ и церквей, однимъ словомъ—былъ первымъ археологомъ литовскимъ. Всѣ разнообразныя, добытыя такимъ образомъ свѣдѣнія онъ изложилъ безъ всякой системы, стихами и прозою, перемѣшивая факты исторіи литовской съ событіями своей собственной жизни и пересылая ихъ порядочною дозою самохвальства въ сочиненіи, которому онъ далъ шумное названіе „невиданной до сихъ поръ хроникѣ польской, литовской, русской“ и т. д.: *Kronika polska, litewska, znuudzka i wszystkiej Rusi kijowskiej, moskiewskiej, siewierskiej, wołyńskiej, podolskiej, podgórskiej, i podlaskiej, która przedtem nigdy świata nie widziała*. Królewiec, 1582.

3. ПЕРИОДЪ ПЕЗУИТСКІЙ МАКАРОНИЧЕСКІЙ (1606—1764).

Во всей европейской исторіи вѣкъ XVII и первая половина XVIII представляютъ время переходное, а потому весьма безцвѣтное и мало-характерное ¹⁾. Послѣ языческаго Возрожденія, которое соединило на одинъ моментъ въ искусствѣ двѣ культуры и изъ средневѣковой заимствовало ея религіозныя вѣрованія только какъ эстетическіе мотивы, прошла Реформація—сильное оживленіе вновь религіознаго чувства, запечатлѣннаго страстною нетерпимостью. Вездѣ реформація подѣйствовала какъ ферментъ въ процессѣ химическихъ соединеній; если она задержала свободное спокойное умственное развитіе общества, то она же ускорила стоящія на череду политическія и социальныя метаморфозы: въ Англіи окончательное торжество аристократической пар-

¹⁾ Ant. Walewski, *Historja wyzwolonej R-piej za panowania Jana Kazimierza*. Kraków, 1870—72, 2 tomy; *Dzieje bezkrólewia po skonie Jana III*. Kraków, 1874;—Karm. Jarochocki, *Dzieje panowania Augusta II od smierci Jana III*. Poznań, 1856;—*Dzieje panowania Augusta II od wstąpienia Karola XII na ziemię polską*. Poznań, 1874.

ламентской системы, на материкѣ западно-европейскомъ—королевской власти, въ Польшѣ—шляхетскаго народоправства. Въ Европѣ слагаются самодержавные порядки, личная самодѣтельность заключается въ самые узкіе предѣлы, свобода сужена, выигрываетъ равенство; политика становится дѣломъ исключительно правительственнымъ, кабинетнымъ; точно также специализируется и наука, подготовляющая въ единеніи и вдали отъ дѣлъ общественныхъ тѣ успѣхи знанія, которыми ознаменованы новѣйшія времена. Посредствомъ этой строгой дрессировки отдѣльнаго лица, создались демократическія условія жизни современнаго общества. Опередившая во многихъ отношеніяхъ, и по учрежденіямъ, и даже по образованности западно-европейскія государства, Польша пошла по діаметрально-противоположному направленію, къ застою, окостенѣнію, упадку. Наибольшая свобода для каждаго члена шляхетскаго народа достигнута, идеаль осуществленъ, остается только оберегать приобрѣтенное. Всѣ силы и способности поглощаетъ жизнь общественная, но она безъ задачъ; въ ея, мало интересуютъ наука и искусство, разсматриваемыя какъ развлеченія. Консерватизмъ въ отношеніяхъ повелъ и къ консерватизму въ идеяхъ, къ возврату къ церковному, къ религіи, основанной на авторитетѣ, приложенной къ шляхетскому народоправству, главнымъ дѣломъ считающей обрядность и не прощающей одного только вольномыслія.

Великіе люди перевелись, характеры измелъчали, отечество Коперника не можетъ похвалиться ни однимъ ученымъ, пульсъ бьетъ все тише и тише, есть цѣлыя царствованія (напр. Августа III) прошедшія изо-дня въ день безъ историковъ, которые бы осмыслили происшедшее. Вслѣдствіе такого застоя, Польша и очутилась во второй половинѣ XVIII вѣка колоссальнымъ анахронизмомъ въ современной Европѣ, между великими западно-европейскими централизованными организмами и подроставшею Россією. Ея учрежденія были прямо противны самодержавнымъ системамъ управленія. Почти китайская косность въ понятіяхъ привязаннаго къ этимъ учрежденіямъ общества отталкивала революціонныхъ мыслителей. Духъ обновленія проникъ въ это общество, но слишкомъ поздно, когда оно было на краю гибели. Намъ надо прослѣдить ступени, по которымъ оно шло къ этой роковой гибели, а потомъ отмѣтить признаки стремленій къ лучшему, которые приобрѣтаютъ большое значеніе въ слѣдующемъ періодѣ.

Некрасивы итоги царствованія Сигизмунда III Вазы. Этотъ король, подражатель Филиппу II, проникнутый идеями о власти по божескому праву, связался по политическимъ мотивамъ съ Австрією, давалъ ей въ помощь польскихъ Лисовичиковъ или Элеаровъ (1619) на подавленіе Чеховъ и Мадьяръ (30-лѣтняя война). Его московская политика провела кровавую полосу между двумя славянскими наро-

дами. Затѣянная при участіи его унія Брестская (1595) осталась неподѣланною, безъ равноправности съ католицизмомъ, безъ достаточной поддержки и устоевъ въ простого званія мірянахъ и въ дворянствѣ, которое предпочло обращаться прямо въ католицизмъ. Его отношенія къ Швеціи запутали Польшу въ войну съ Густавомъ-Адольфомъ, въ которой потеряны Рига и Лифляндія (1621). Несмотря на то, что по религіознымъ мотивамъ король возился съ мыслью о турецкой войнѣ, въ его царствованіе пибко шло закрѣпощеніе украинскаго народа и подавленіе козаковъ, за ихъ набѣги на Турцію и Татаръ. Его абсолютистическіе пріемы дѣлали власть его непопулярною, а эта непопулярность и подозрительность шляхты сдѣлались камнемъ преткновенія, о который разбились широкіе, но крайне фантастическіе замыслы сына его Владислава IV (1632 — 1648). Новый король, помирившійся съ Москвою (1634) и Швеціею (1635), при содѣйствіи итальянца Типоло, въ союзѣ съ Венеціею затѣялъ турецкую войну. Въ этомъ предпріятіи должно было участвовать цѣнное Владиславомъ по достоинству козачество. Между королемъ и казаками состоялись тайныя соглашенія, на средства короля вербовались войска. Оппозиція на сеймѣ 1646 г. обратила ни во что начатое, король обязанъ былъ распустить войска и удалить иноземцевъ. Война турецкая была единственнымъ средствомъ предупредить давно назрѣвшее народное движеніе въ Украйнѣ; теперь это движеніе вспыхнуло подъ вождемъ Богданомъ Хмѣльницкимъ, почти одновременно со смертію короля (1648). Оно размырывается при его преемникѣ, послѣднемъ изъ Вазовъ, Янѣ-Казиміръ, съ ужасающею быстротою, обнажая съ полною очевидностію уродливость общественнаго и непрочность политическаго строя.

Движеніе было главнымъ образомъ социальное, народность и религія входили въ него какъ второстепенные мотивы; оно не только подняло на ноги весь украинскій простой людъ, но откликнулось до Карпатскихъ горъ и въ Велико-Польшѣ въ видѣ бунтовъ крестьянскихъ; самъ Хмѣльницкій не могъ съ нимъ совладать, и послѣ колебаній между Польшею, Турціею и Московскимъ государствомъ подчинилъ Украйну послѣднему. Своими легкими побѣдами онъ открылъ дорогу въ сердце Польши почти одновременно (1655) войскамъ царя Алексѣя Михайловича и смѣлаго авантюриста Карла-Густава шведскаго, который явился какъ непрощенный покровитель диссидентовъ, навязывающійся въ защитники отъ Москвы и козаковъ. Король долженъ былъ бѣжать въ Силезію. Шведы держали Краковъ и Варшаву, московскія войска Вильно и Минскъ, Хмѣльницкій осаждалъ Львовъ. Столь же быстро, какъ паденіе, совершилась и реставрація посредствомъ партизановъ и Тышовецкой конфедераціи, образованной для защиты вѣры и отечества. Все движеніе шляхетское, востановившее

короля, запечатлѣно религіознымъ характеромъ и патріотическою ненавистью къ иностранцу. Въ тяжелую годину испытаній сознаваема была необходимость измѣнить форму правленія, дѣлаемы были обѣты улучшить тяжелую участь крестьянскаго состоянія. Эти благія намѣренія перзабыты при измѣнившихся обстоятельствахъ; имъ также не суждено было осуществиться, какъ и Гадячской сдѣлкѣ съ козаками при Выговскомъ (1658), по которой православіе предполагалось уравнять съ католицизмомъ съ пожертвованіемъ ему униі, ввести въ сенатъ православныхъ епископовъ, наконецъ козаковъ и Русь сдѣлать третьимъ членомъ въ польско-литовскомъ государствѣ. Мирныя отношенія къ сосѣдямъ восстановлены (Оливскій трактатъ 1660, Андрусовскій 1667, еще раньше Велавскій 1657, которымъ электоръ бранденбургскій освободился отъ вассальныхъ отношеній и сдѣлался полнымъ собственникомъ восточной Пруссіи); но внутренняя неурядица возобновилась по поводу задуманныхъ бездѣльнымъ королемъ и женою его, французшею Марією-Луизою, плановъ реформы по французскому образцу, первымъ шагомъ къ чему должно было служить обезпеченіе избранія въ короли знаменитому принцу Конде. Суду и осужденію на сеймѣ подвергся разстроившій эти планы глава оппозиціи, князь Юрій Любомирскій; за него вступилась шляхта; изъ-за частной обиды магната началась упорная междоусобная война, кончившаяся пораженіемъ королевской власти. Король отказался отъ престола. При новой элекціи шляхетскій демосъ разстроиваетъ всѣ интриги роялистовъ и французскаго, и австрійскаго отгѣнковъ, избирая въ короли никому до того невѣдомаго кандидата Пяста, востъ отъ костей своихъ, Михаила Вишневецкаго, сына завзятѣйшаго врага козаковъ Іереміа, короля, въ раста conventa котораго заключила она условіе, чтобы отъ престола онъ не отрекался.

Новый избранникъ оказался совершеннымъ ничтожествомъ. Въ его царствованіе среди раздирающихъ государство конфедерацій Голубской за короля противъ магнатовъ, войсковою за гетмановъ противъ шляхетскаго демоса, Польша испытала, въ 1672, величайшій позоръ въ своей исторіи: потерю (на 27 лѣтъ — до карловицкаго трактата 1699 г.) Каменца, отдачу Туркамъ его съ Украиною и Подолією по миру Буцацкому, данничество короля польскаго падишаху. Позоръ этотъ смитъ былъ слѣдующимъ за тѣмъ королемъ Пястомъ, Яномъ III Собѣскимъ (1674—1696). Внутреннихъ отношеній въ Польшѣ Собѣскій не поправилъ; его побѣды были въ этомъ отношеніи бесплодны; даже его внѣшняя политика не лишена своекорыстныхъ династическихъ расчетовъ и колебаній между Австрією, съ которою онъ связалъ свои династическіе интересы, и Францією, къ которой влекло его воспитаніе; самъ вѣнскій походъ 1688 былъ столько же хрестіанскій подвигъ, сколько и ударъ, нанесенный на Дунаѣ политикѣ Людовика XIV, сто-

явшаго заодно съ султаномъ. Тѣмъ не менѣе цѣлый рядъ войнъ съ Турціею и походовъ въ теченіи полутора десятка лѣтъ,—дѣло какъ личное короля, такъ и всего народа, съ увлеченіемъ и сознательно исполнявшаго свое призваніе постоять за христіанство, быть его брустверомъ (*antemurale christianitatis*). Мотивы увлеченія были преимущественно религіозныя, въ немъ проявилась положительная сторона того возрожденія римскаго католицизма, которымъ ознаменованъ въ Польшѣ XVII вѣкъ; имъ она и обязана послѣдними имѣющими всемірно-историческое значеніе страницами своей исторіи, славою нанесенія грозной турецкой силѣ рѣшительныхъ ударовъ, съ которыхъ и начинается паденіе Турціи. Эта слава не покрываетъ явленій печальныхъ: по приговору сейма 1689 свершилось въ Варшавѣ *auto-da-fe*: шляхтичъ Лыщинскій сожженъ за атеизмъ; лаврами увѣнчанный король извѣрился въ людей, поддался своекорыстной женѣ Маріи-Казимірѣ, конецъ его жизни ознаменованъ продажничествомъ, копеніемъ денегъ для обезпеченія престола дѣтямъ, раздорами въ этой семьѣ. Кандидатура Собѣскихъ сдѣлалась невозможна, но вмѣстѣ съ тѣмъ корона поступила въ полномъ смыслѣ слова въ продажу съ аукціона: завладѣть ею долженъ былъ тотъ изъ иностранныхъ соискателей, который завербууетъ больше сторонниковъ и предупредитъ другихъ занятіемъ престола. Такимъ ловкимъ покупщикомъ явился подражатель Людовика XIV, саксонскій курфирстъ Августъ II, который принялъ католицизмъ и подписалъ *pacta conventa* съ тѣмъ, чтобы ихъ совсѣмъ не исполнять. Ни одинъ изъ королей не оказывалъ такого презрѣнія въ конституціоннымъ формамъ, ни одинъ не стремился столь открыто къ самовластью, опирался на свои саксонскія войска, которыя онъ держалъ вопреки конституціи въ предѣлахъ Рѣчи-Посполитой. Король заключалъ трактаты помимо Рѣчи-Посполитой, запуталъ ее и втянулъ въ Сѣверную войну, переговаривался о раздѣлѣ ея съ Россіею и Пруссіею. Главный театръ Сѣверной войны—Польша была разорена изъ конца въ конецъ иностранными войсками. Послѣ пораженія Карла XII шляхта образовала (1715) Тарногородскую конфедерацію, чтобы заставить короля вывести изъ Польши саксонскія войска. Конфедерація обратилась для охраненія вольностей шляхетскихъ къ посредничеству Петра Великаго. При посредничествѣ этомъ состоялось варшавское соглашеніе (1717), по которому король обязался не только вывести Саксонцевъ, но и численность регулярныхъ войскъ Рѣчи-Посполитой ограничена числомъ 24,000 ч. Съ этого момента Польша фактически перестаетъ быть государствомъ самостоятельнымъ. — Слѣдующая вѣтъмъ элекція и всѣ позднѣйшія совершались при дѣятельномъ участіи иностранной вооруженной силы. Новый король Августъ III, обязанный русскимъ штыкамъ устраненіемъ французскаго кандидата Станислава Ле-

пийскаго, слѣдовалъ правилу полной уступчивости въ отношеніи къ Россіи, чѣмъ и доставилъ Польшѣ спокойствіе, цѣною достоинства и самостоятельности народа. Чего нельзя было купить у полномочнаго королевскаго министра Брюля, то можно было выхлопотать по протекціи чрезъ Петербургъ. Туда и стали забѣгать честолюбивѣйшіе и предприимчивѣйшіе изъ искателей мѣстъ и должностей. Патологическій процессъ разложенія государства подвигался быстро впередъ, начиная съ окончательности, съ общественныхъ вершинъ.

Мы старались объяснить, почему застои въ жизни польскаго общества были полныи и одинаково распространялись и на область политической и общественной жизни, и на область умственнаго развитія. На всемъ этомъ періодѣ тяжелымъ камнемъ лежитъ печать воспитанія іезуитскаго. Чтобы объяснить успѣхи іезуитовъ на этомъ поприщѣ, надо вернуться назадъ, къ эпохѣ реформаціи, и указать на обстоятельства, облегчавшія эти успѣхи. Академія краковская съ своими многочисленными филиальными школами находилась въ состояніи оцѣпенѣнія, застоя, упадка; боясь нововведеній, она прервала всѣ связи съ заграничными учеными, ея матеріальныя средства уменьшились, потому что многія доходныя статьи перешли въ руки протестантовъ. Возникло множество протестантскихъ училищъ, низшихъ и среднихъ, въ которыхъ выписанные болѣею частью изъ-за границы ученые преподавали въ новомъ духѣ, по новымъ методамъ, но въ которыхъ преподаваніе подчинено было цѣлямъ и видамъ односторонней, узкой, севтаторской пропаганды. Лютеранскія школы процвѣтали главнымъ образомъ на сѣверѣ, въ земляхъ прусскихъ, принадлежавшихъ нѣкогда ордену: Кульмѣ, Торнѣ, Данцигѣ. При Сигизмундѣ-Августѣ вассалу Польши, князю прусскому Альбрехту, удалось устроить въ Кенигсбергѣ академію или университетъ; этотъ университетъ былъ по духу лютеранскій, а по языку преподаванія первоначально польскій, потомъ въ XVII вѣкѣ онъ онемечился и не могъ имѣть почти никакого вліянія на ходъ образованія въ Польшѣ. Моравскіе (чешскіе) братья имѣли знаменитыя школы свои въ велико-польскихъ городахъ Лешнѣ и Козьминѣ, кальвинисты въ Вильнѣ. Аріане или соцініане, гнѣбдившіеся преимущественно въ Малой-Польшѣ, завели свои высшія училища и типографію сначала въ Пиньчовѣ (надъ Нидою), потомъ въ Левартовѣ (надъ Венржемъ) и въ особенности съ конца XVI столѣтія въ Раковѣ (недалеко отъ Сендомира). Этотъ городъ, спеціально для нихъ выстроенный фамиліею Сѣвильскихъ, сталъ средоточіемъ всѣхъ крайнихъ протестантскихъ сектъ, проповѣдывавшихъ чистый теизмъ или доходявшихъ даже до атеизма (унитаріи, антиритаріи, анабаптисты, и др.), и слылъ у нихъ подъ названіемъ сарматскихъ Аоннъ. Академія краковская не въ силахъ была

боротся съ размножающимися учебными заведениями протестантства. Для борьбы съ ними высшее духовенство польское вызвало и акклиматизировало въ Польшѣ орденъ іезуитовъ. Епископъ вармійскій, кардиналъ Гозій (Hosius) учредилъ первое въ Польшѣ іезуитское *collegium* въ Врунсбергѣ въ 1564 г.; вслѣдъ затѣмъ епископъ плюцкій Носовскій учредилъ вторую коллегію въ Пултускѣ, третью въ Вильнѣ епископъ Валеріанъ Протасовичъ. Примѣру епископовъ послѣдовали свѣтскіе ревнители и ревнительницы католицизма, дѣлая богатыя пожертвованія и записи въ пользу іезуитовъ; такимъ образомъ возникли коллегіи въ Ярославлѣ (въ Червонной-Руси), въ Повнани, Калишѣ, Люблинѣ, Львовѣ, Ригѣ, Дерптѣ, Данцигѣ, Полоцкѣ, Несвижѣ, Варшавѣ. При всѣхъ коллегіяхъ состояли школы, на которыя обращено было особенное вниманіе ордена. Устройство этихъ школъ представляетъ примѣръ несмысленной нигдѣ до тѣхъ поръ централизаціи. Онѣ были устроены однообразно; малѣйшее отступленіе отъ общаго плана требовало особаго разрѣшенія пребывающаго въ Римѣ и облеченнаго диктаторскою властью генерала ордена. Преподаваніе было въ полномъ смыслѣ слова космополитическое, вѣ въ всѣхъ условіяхъ мѣста и времени, вполнѣ подчиненное одной только идеѣ всемірнаго господства римско-католической церкви — одно и то же въ Италіи, Испаніи, Австріи и Польшѣ; каковымъ оно было задумано основателемъ іезуитской педагогики и сподвижникомъ Лойолы Петромъ Канвиемъ, такимъ почти оно и осталось до наденія ордена. Оно пренебрегало народною мѣстною литературою и новѣйшею исторіей, науками общественными и естествознаніемъ. Главнымъ предметомъ его заботы былъ языкъ церкви римско-католической, то-есть языкъ латинскій и римская литература, тщательно очищенная отъ всякихъ идей, несогласныхъ съ церковною ортодоксіей (всѣ классики изучаемы были по такъ называемымъ *editiones castigatae*). Ученіе изучалъ въ двухъ низшихъ классахъ (*infima* и *grammatica*) основанія латинскаго языка по знаменитому учебнику іезуита Альвара; въ 3-мъ классѣ (*syntaxis*) онъ оканчивалъ грамматику; въ 4-мъ классѣ (*poësis*) онъ изучался свободно читать и понимать труднѣйшихъ прозаиковъ (въ особенности Цицерона) и поэтовъ латинскихъ; въ 5-мъ классѣ (*rhethorica*) онъ былъ занятъ теоріей краснорѣчія, вспомогательными науками и упражненіями въ стилистикѣ. Сверхъ этихъ пяти классовъ, при нѣкоторыхъ важнѣйшихъ коллегіяхъ состояли еще два высшіе курса: философскій (философія преподавалась преимущественно по Аристотелю) и богословскій (въ которомъ господствовалъ авторитетъ св. Фомы Аквината). Заключивъ ученіе въ самую узкую рамку, іезуиты старались, чтобы это небольшое усвоено было учениками въ совершенствѣ (*non multa sed multum*), прилагали всевозможныя старанія въ

приготовленію хорошихъ учителей; всякаго молодого человека блестящихъ способностей они старались привлечь въ свой орденъ, а всякій, вступившій въ братство, прежде достиженія высшей степени профессора, долженъ былъ начинать свою дѣятельность съ учительскихъ занятій. Іезуиты старались возбуждать и поддерживать соревнованіе между учениками посредствомъ наградъ, повышеній, диспутовъ, съ учениками обходились гуманно, мягко, въ особенности съ дѣтьми знатныхъ и богатыхъ родителей, шалостямъ которыхъ они не разъ оказывали поблажку; вообще въ ихъ школахъ вѣялъ духъ аристократизма и съ раннихъ лѣтъ наблюдалось начало неравенства состояній. Хотя главнымъ образомъ орденъ одоленъ былъ своимъ распространеніемъ въ Польшѣ королевской власти, но онъ скоро понялъ, что не королевская власть составляетъ главное въ государствѣ, и старался примкнуть къ вельможеству, снискать съ этой стороны поддержку. О народномъ воспитаніи орденъ не заботился нисколько и элементарныхъ школъ не заводилъ вовсе. Со времени введенія ордена въ Польшу, онъ стремился къ тому, чтобы основать здѣсь свой особый университетъ, съ правомъ раздачи ученыхъ степеней, чего онъ и достигъ въ 1579 году, когда Стефанъ Баторій подписалъ грамоту на учрежденіе въ Вильнѣ іезуитской академіи изъ двухъ факультетовъ: философскаго и богословскаго. Къ этимъ факультетамъ, стараніями подканцлеря литовскаго Казиміра-Льва Сапѣги и на пожертвованныя имъ деньги, присоединенъ былъ въ 1644 г. третій факультетъ, юридическій, который, впрочемъ, держался не долго и упалъ тотчасъ по смерти его основателя. Іезуиты содержали 4 collegia nobilia — въ Варшавѣ, Острогѣ, Львовѣ и Витебскѣ, и 55 среднихъ школъ.

Пусть въ глубокіе корни въ народѣ, іезуиты открыли на всѣхъ пунктахъ государства упорную войну противъ училищъ протестантскихъ. Они старались дѣйствовать на публику и привлекали ее великолѣпнѣмъ торжественныхъ процессій, разнообразіемъ сценическихъ представленій, публичными диспутами, на которые они вызывали протестантовъ. Чего не могла сдѣлать пропаганда, то довершалось насиліемъ: во многихъ городахъ сборы (церкви протестантскія) были разрушаемы народомъ по наущенію іезуитовъ, школы были разгоняемы учениками іезуитскими, и на это насиліе нельзя было нигдѣ найти ни суда, ни управы. Большая часть учебныхъ заведеній лютеранскихъ и кальвинистскихъ пропадаетъ совсѣмъ; множество народныхъ элементарныхъ училищъ, которыхъ число въ XVI столѣтіи Іосифъ Лукашевичъ (*Historya szkół w Kogonie i W. X. Litewak. I, 1849*) доводитъ до 1500 съ 30,000 учащихся, исчезаетъ бесслѣдно. Школа арианъ въ Раковѣ была закрыта въ 1638, по распоряженію сейма, наконецъ всѣ ариане выгнаны изъ Рѣчи-Посполитой закономъ 1658 года.

Первоначально краковская академія была рада іезуитамъ, находя въ нихъ дѣятельныхъ поборниковъ католицизма, но вскорѣ учебная ворворація ужаснулась быстрымъ успѣхамъ своихъ союзниковъ и стала оспаривать у нихъ право основывать школы въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ уже существовали заведенія, подвѣдомственные академіи краковской. Академія не допустила іезуитамъ открыть въ Познани высшее училище на ряду съ академическою школою Либраньскаго; но іезуитамъ удалось основать въ 1622 свою школу св. Петра въ самомъ Краковѣ. Въ страстной полемикѣ, которой далъ начало этотъ споръ ¹⁾, академія была не права и руководствовалась только одною эгоистическою завистью; война съ іезуитами, она сама въ научномъ отношеніи подражала іезуитамъ и завела въ своихъ учебныхъ заведеніяхъ методы преподаванія іезуитскіе. Вліяніе іезуитовъ было столь огромное и повсемѣстное, что оно простиралось даже на ихъ религіозныхъ противниковъ. Всѣ главнѣйшіе православные противники униі вышли изъ школъ іезуитскихъ, да и планъ преподаванія въ кievской академіи, основанной въ первой половинѣ XVII вѣка Петромъ Могилою и послужившей образцомъ для всѣхъ духовныхъ учебныхъ заведеній въ Россіи, былъ чисто іезуитскій. Односторонность іезуитскаго воспитанія, не имѣвшая никакой связи съ общественною жизнью и готовившая не гражданъ, но поборниковъ католицизма, не могла не поражать лучшихъ и проникательнѣйшихъ людей въ Польшѣ; впрочемъ, всѣ попытки реакціи, имѣвшія цѣлю поколебать систему ордена, оставались безуспѣшны до самаго XVIII столѣтія. Къ такимъ попыткамъ слѣдуетъ отнести основаніе академіи Замойской и появленіе въ Польшѣ новаго воспитательнаго ордена—шаристовъ. Канцлеръ Янъ Замойскій основалъ въ 1595 г. своими частными средствами особую академію въ своей вотчинѣ Замосыцѣ. Хотя онъ былъ весьма богатый че-

¹⁾ Замѣчательнѣйшее изъ сочиненій, родившихся среди этой полемики и направленныхъ противъ іезуитовъ было: «*Gratis albo Discursus ziemianina z plebanem*», 1626, написанное знаменитымъ математикомъ Яномъ Бржоскимъ (Brwscius). Приведемъ изъ него отрывокъ: Іезуиты все время употребляютъ на ученіе дѣтей претрудной грамматику Альвара по такимъ причинамъ: а) чтобы какъ можно больше брать денегъ съ родителей; б) чтобы на свой ладъ дрессировать молодыхъ волчатъ; в) чтобы уразумѣть характеры дѣтей; д) на случай, если родители захотятъ взять назадъ дѣтя, чтобы имѣть готовую отговорку: пускай оно изучитъ по крайней мѣрѣ грамматику—основаніе всѣхъ знаній; е) чтобы удержать учащихся до зрѣлаго возраста въ школы, послѣ чего если взрослый ученикъ остеръ, порадоченъ, если онъ надѣется получить наслѣдство или пособіе отъ родныхъ, то отцы стараются вслѣдствіи втѣнуть его въ свою компанію; если же ученикъ тутъ, и не хочетъ учиться или не хочетъ у нихъ остаться, то они пускаютъ его на свободу. Куда же дѣваться усатому школярю? пристать на службу къ знатному барину? онъ на то слишкомъ простъ и глупъ. Учиться какому либо наукамъ? время прошло. Учиться ремеслу? стыдно. Онъ и обращается къ отцамъ и упрямиваетъ ихъ, чтобы они его пристроили. Они его и поощряютъ надзирателемъ или писаремъ у кого-нибудь изъ своихъ благодѣтелей, или канцеляномъ, или приходскимъ священникомъ, послѣ чего они его употребляютъ въ смыслѣ орудія для своихъ цѣлей и интересовъ.

ловѣвъ, но все же приличное содержаніе академіи было ему одному не по силамъ; вотъ почему съ самаго основанія своего новая академія не могла идти успѣшно по скудости жалованья для учащихся и по недостаточности учебныхъ пособій. Профессора голодали, ученикамъ негдѣ было помѣщаться. Опытные люди совѣтовали канцлеру открыть одинъ только факультетъ философскій, онъ открылъ три факультета: философскій, медицинскій и юридическій, изъ которыхъ особенно заботился о послѣднемъ. Взглядъ канцлера на тогдашнее законовѣдѣніе былъ весьма здравый и вѣрный; канцлеръ былъ недоволенъ преобладаніемъ каноническаго права и пренебреженіемъ, оказываемымъ римскому праву въ университетѣ краковскомъ; онъ рѣшился притомъ расширить преподаваніе отечественнаго законодательства, которое ограничивалось однимъ только земскимъ правомъ (шляхты), дополнивъ его изученіемъ городского права. Главнымъ лицомъ въ юридическомъ факультетѣ былъ Тома Дрезнеръ, отличный знатокъ римскаго права, преподававшій законовѣдѣніе по методу сравнительному. Академія замойская дѣйствовала съ успѣхомъ очень не долго, и вскорѣ послѣ смерти Яна Замойскаго пришла въ совершенный упадокъ, подчинилась академіи краковской, и стала однимъ изъ филиальныхъ заведеній этой послѣдней. Основателемъ ордена піаристовъ (*patres scholarum piarum*) былъ Калазанца (*Josephus de Calasanza*, ум. въ Римѣ, 1648). Орденъ исключительно посвященъ былъ воспитанію юношества, имѣя въ половинѣ XVIII вѣка до 28 школъ, училъ почти тому же самому чтó и іезуиты, то-есть латинскому языку и словесности, но піаристы держали учениковъ въ гораздо болѣе строгой дисциплинѣ, учили бесплатно и принимали охотно ничего неимущихъ бѣдняковъ. Іезуиты изъ зависти стали такъ относиться къ піаристамъ, какъ относилась нѣкогда къ іезуитамъ академія краковская, то-есть стали гнать піаристовъ самымъ недобросовѣстнымъ образомъ, учреждать свои школы во всѣхъ тѣхъ пунктахъ, гдѣ существовали піаристскія, переманивать къ себѣ піаристскихъ учениковъ и разорять піаристовъ, заводя съ ними безконечныя тяжбы въ судахъ. Такимъ образомъ, воспитаніе было почти исключительно монашеское въ двухъ видахъ: для баричей, въ конвиктахъ, — іезуитское, и для простыхъ и незнатныхъ — у піаристовъ.

Главные событія третьяго періода.

- 1610—Побѣда подъ Клушинымъ. Взятіе польскими войсками Москвы.
 1619—Битва подъ Цедорою. Смерть Жолтѣвскаго.
 1621—Хотинская кампанія спасаетъ Польшу отъ Турокъ. — Война шведская; потеря Риги.
 1632—Вступленіе Владислава IV на престолъ.
 1634—Поляновскій миръ съ Москвою.

- 1635—Штумсдорфское перемиріе съ Швеціею.
 1644—Colloquium charitativum между вѣроисповѣданіями въ Торнѣ.
 1646—Замыслы Владислава IV о европейскомъ походѣ на Турцію.
 1648—Начало козацкихъ войнъ, побѣда Хмѣльницкаго подъ Желтыми Водами, смерть Владислава IV.—Палевекій погромъ. Избраніе Яна-Казимира.
 1657—Сраженіе подъ Берестечкомъ. Бѣлоцерковская сдѣлка.
 1651—Сеймъ въ Варшавѣ разорванъ впервые посредствомъ *liberum veto*.—Пораженіе подъ Батогомъ.
 1654—Хмѣльницкій съ козачествомъ поддается Москвѣ.
 1655—Шведская война. Король Густавъ въ Варшавѣ и Краковѣ, войска Александра Михайловича въ Вильнѣ. Хмѣльницкій у Львова.—Защита Ченстоховы.—Тышовецкая конфедерація.
 1657—Велавскій трактатъ Польши съ великимъ электоромъ, освобождающій Пруссію отъ ленной зависимости.
 1658—Изгнаніе арианъ изъ государства. Гадячскій договоръ съ козаками.
 1660—Оливскій трактатъ.
 1664—Сеймовый судъ надъ Любомірскимъ.
 1665—1666. Роконъ Любомірскаго.
 1667—Андрусовское перемиріе съ Москвою.
 1668—Янъ-Казиміръ отказывается отъ престола.
 1669—Избраніе въ короли Миханла Вишневецкаго.
 1672—Взятіе Турками Каменца-Подольскаго. Польша—данница Турціи по Бучацкому договору, уступлены Подоля и Украйна.
 1674—Янъ III Собѣскій королемъ.
 1683—Освобожденіе Собѣскимъ осаждаемой Турками Вѣны.
 1686—Миръ съ Москвою или такъ-называемый трактатъ Гржимутовскаго. Окончательная уступка Смоленска и Кіева.
 1696—Смерть Собѣскаго.
 1697—Двойное избраніе въ короли. Августъ II одерживаетъ верхъ.
 1698—Карловицкій миръ европейскихъ державъ съ Турками.
 1699—Трактаты Августа II съ Петромъ Великимъ противъ Швеціи, начало Сѣверной войны.
 1704—Детронизація Августа II. Избраніе Станислава Лещинскаго.
 1706—Миръ Альтранштадтскій.
 1709—Послѣ Полтавскаго сраженія Августъ II возвращаетъ себѣ польскій престолъ.
 1715—1717. Тарногородская конфедерація шляхты противъ короля.
 1733—Избраніе королемъ Августа III.

Прямымъ послѣдствіемъ іезуитскаго воспитанія была страшная порча вкуса и ничтожество литературы въ отношеніи внутренняго ея содержанія, при необыкновенной ея плодovitости и тщательномъ, повидимому, воздѣльваніи ея обществомъ. Духъ критики, старинный врагъ авторитета, былъ побитъ, подавленъ, держимъ на возжахъ, наука разошлась съ жизнью, превратилась въ школьную, ни на что непригодную ученость: на этомъ полѣ могли произрастать и успѣвать одни только посредственности. Литература, отлучившись заниматься общественными

вопросами, перестала быть дѣломъ серьезнымъ, превратилась для иныхъ въ ремесло, для другихъ въ забаву, въ роскошь, въ игрушку. Чѣмъ бесплоднѣе становилась литература, тѣмъ болѣе она пресыщалась недантивомъ, тѣмъ недоступнѣе она становилась для массы и тѣмъ болѣе важную роль придавали ей умники того вѣка, какъ средству похвастать своею ученостью, озадачить умнѣеиъ говорить много о пустякахъ и разсмѣшить неожиданными *conceits*, забавными сопоставленіями мифологии и исторіи съ проишествіями жизни обыденной. Большая часть шляхты говорила бѣгло по латыни, римская литература была единственнымъ источникомъ учености, отсюда проистекъ обычай не только испещрять польскую рѣчь отдѣльными латинскими терминами, но вставлять въ нее цѣлыя латинскія фразы и пересыпать ее этими макаронизмами такимъ образомъ, что послѣ всякаго періода польскаго долженъ былъ непрежѣнно идти латинскій и наоборотъ, и что вся рѣчь являла собою подобіе слоенаго пирога. Первый пригвѣръ подобной смѣси представляетъ въ шутку написанное стихотвореніе Яна Кокановскаго, *Carmen macaronicum*:

Est prope wuzokum celeberrima sylva Krakovum
Quercubus insignis multo miranda zolędzio,
Istuleam spectans wodom Gdańskumque gościńcum,
Dąbie nomen habet, Dąbie dixere priores.

Hanc ego, cum suchos tofreret Syrius agros
Et rozganiaret non mądra canicula żakos,
Ingredior multum de conditione żywota
Deque statu vitae mecum myślando futurae, etc. etc.

Что у Кокановскаго было сдѣлано въ шутку, то въ XVII столѣтїи дѣлалось серьезно съ полною увѣренностью, что въ томъ-то и состоитъ красота слога. Такъ какъ была разорвана связь между литературою и жизнью, и утвердилось понятіе, что искусство говорить существуетъ само по себѣ, то никто не стѣснялся особенно въ хваленїи другихъ и не затруднялся осыпать ихъ самыми преувеличенными похвалами, зная, что никто, конечно, не приметъ словъ его за настоящую монету. Панегирики шли цѣлымъ проливнымъ дождемъ, приторный дымъ отъ сожигаемаго еиміама заражаетъ воздухъ въ теченїи полутораста глѣть. Иезуиты хвалили своихъ благодѣтелей, священники своихъ етиторовъ, шляхта магнатовъ, сенаторы другъ друга. Самымъ цѣннымъ качествомъ чловека въ шляхетской Польшѣ XVII вѣка считалась родовитость. Знатность происхожденія доказывалась родословною и гербами, отсюда пристрастіе къ геральдикѣ, замѣнившей почти исторїю, и необыкновенно важное значеніе гербовъ въ панегирической литературѣ. Всякій старается доказать, что гербовый клейнодъ его весьма древенъ, и вывести его изъ Италїи, Германїи, Испанїи; если нельзя отъ Ноя, то по крайней мѣрѣ отъ греческихъ героевъ или отъ римскихъ импера-

торовъ. Появляется безконечное число фальшивыхъ родословныхъ; каждый панегиристъ считаетъ непремѣнною обязанностью взять темой гербъ хвалимаго лица и разыграть на эту тему какъ можно болѣе вариаций. Названія гербовъ входятъ какъ главный элементъ въ заглавія похвальныхъ словъ, поэмъ и сочиненій; заглавія эти становятся до того вычурными, кудравыми, темными и натянутыми, что наконецъ въ нихъ пропадаетъ всякій человѣческой смыслъ ¹⁾.

Всѣ творческія силы народа ушли въ краснорѣчіе, оно сдѣлалось искусствомъ, преобладающимъ надъ всѣми прочими искусствами и родами литературы, столь національнымъ по преимуществу, какъ валяне у Грековъ, вокальная музыка у Итальянцевъ, театръ у Французовъ. Республиканская форма правленія заставляла по необходимости всю шляхту принимать участіе въ гласномъ обсуживаніи дѣлъ общественныхъ; съ юныхъ лѣтъ упражнялся въ живой рѣчи и словопреніи всякій сколько-нибудь образованный человѣкъ; вслѣдствіе чего, полюбивъ страстно ораторское искусство, общество польское ввело его въ кругъ жизни не только общественной, но и частной и изобрѣло безчисленное множество формъ его и видовъ, посредствомъ всевозможныхъ примененій къ разнымъ явленіямъ и случаямъ быта домашняго и семейнаго. Краснорѣчіе имѣло два главные вида: оно было свѣтское или духовное. Краснорѣчіе свѣтское подраздѣлялось на парламентское (на сеймикахъ и сеймахъ), трибунальное (въ судахъ), военное въ рѣчахъ, которыми вожди воспламеняли воинство предъ боемъ, похоронное, наконецъ домашнее и семейное при встрѣчѣ сановитаго гостя, поздравленіяхъ съ полученіемъ должности, крестинахъ, свадьбахъ и иныхъ

¹⁾ Приведемъ въ примѣръ нѣсколько такихъ заглавій: *Trakt wscześniej drogi traktatem wiekszej przyjaźni opisany do wiekującego w dziedzicznej bramie domu J. W. Jegomości Pana Marjana z Kozielca Ogińskiego z herbownym bawołem dążącej J. W. Jejomości rannu Teresy Tuzenhauzówniej w szczyplym gumie dymensą poetyczną akreślony i t. d....* т. е. Счастливыи путь, описанный посредствомъ трактата вѣчной приязни, краткимъ стихомъ, дѣвцомъ Терезин Тузенгаузъ, направляющейся съ гербовнымъ буйволомъ своимъ къ Г. Маріану изъ Ковельца Огниському, на вѣки пребывающему въ гербовныхъ воротахъ дома своего (буйволъ, и ворота—два герба: одинъ Тузенгаузовъ, другой Огниськихъ). Или: *Raszełki ziemskiego kwiescia do niebieskiego lecące ula....* т. е. Пчелки, отъ земныхъ цвѣтовъ летящія въ улей небесный. Или: *Topy z prochu pogrzebowego wupolerowale...* т. е. Топоры, очищенные отъ похороннаго праха. Далѣе: *Wschód nieśmiertelnej sławy na zachodzie życia śmiertelnego, zakreś triumfalny J. O. Książceji Sanguszków pogoni...* и проч., т. е. Восхожденіе безсмертной славы на закатѣ жизни смертной, служащей триумфальнымъ предѣломъ княжеской погони Сангушковъ (погоня или вѣдокъ—гербъ Сангушковъ); *Ścierka do utarcia gęby zakamieniałemu gżesznikowi...* т. е. Утиральникъ для утиранія устъ нераскаляному грѣшнику; *Ogród ale niepleniony, brog, ale co znor to innego zboża, kram rozlicznego gatunku,* т. е. Садъ, но не выхолотный, скверъ, но таковой, въ которомъ каждый спознъ иного глѣба, лавочка разныхъ товаровъ, и т. п.

высоторажественныхъ случаяхъ. Понятно послѣ сказаннаго, что ораторское искусство составляло пробный камень достоинства чловѣка и необходимое условіе его общественной карьеры, такъ-что Старовольскій, писатель XVII вѣка, говоритъ вполне основательно: „не можетъ въ Польшѣ называться гражданиномъ и даже (смѣю сказать) Полякомъ тотъ, кто не умѣетъ красно и изячно говорить о какомъ бы то ни было предметѣ не только по латыни, но и на отечественномъ языкѣ“ (De claris oratoribus Sarmatiae, 1628). Чтобы показать, въ чемъ состояло краснорѣчіе по понятіямъ XVII вѣка и до какой степени рѣчь польская пестрѣла маваронизмами, приведу два отрывка, одинъ изъ рѣчи извѣстнаго въ свое время оратора, воеводы минскаго Кристофора Станислава Завиши къ королю Августу II, произнесенной въ 1697 году, другой, относящійся къ 1660 году, изъ превосходныхъ записокъ Пассека, которыя придется еще разбирать впоследствии. Завиша слѣдующимъ образомъ поздравляетъ короля по поводу его коронаціи ¹⁾: „Наша польская *Niobe*, которая еще недавно *effusa in lachrymas, hodie concrevit in gemmas*; послѣ темныхъ ночей печали *candida mundi sidera currunt*, потому что ты воссѣлъ на польскій престолъ *vultu sidereo discutiens nubila*. Возвращаются *cum foenore* потерянные надежды. Отечество *cum suis ordinibus*, созерцая въ нѣдрахъ своихъ *primum majestatis ordinem*, то-есть вашу королевскую милость *in diademate suo*, покидаетъ видъ тоскующей горлицы, облекшись въ орлиныя перья. Оно смотритъ въ благоприятное небо развеселившимися очами и паритъ на ту высоту, съ которой оно привыкло *contra superbum orientis tyrannum ignea vibrare tela*; оно восклицаетъ на весь шаръ земной ликующимъ голосомъ: *O! qui nominibus cum sis generosus avitis, exsuperas morum nobilitate genus*“... Яну Пассеку пришлось говорить похоронную рѣчь въ честь умершихъ товарищей Рубѣшовскаго и Войновскаго: „Какими отъ той конституціи защищаться волуминами, въ какомъ подавать жалобу парламентамъ, у кого изъ могущественнѣйшихъ міра сего монарховъ исать спасенія отъ неизбежнаго угнетенія, претерпѣваемаго родомъ чловѣческимъ со стороны смерти? Не знаю, средства не нахожу, но убѣждаюсь, что законъ не въ состояніи никому въ томъ помочь, когда читаю гіероглифъ гелуэзской республики: *Parcam falcem tenentem minaci manu superbam*, которая указываетъ на слѣдующую надпись: *leges lego, reges rego, judices judico*. Кто же можетъ сопротивляться такому насилию?“... Далѣе ораторъ утѣшаетъ себя тѣмъ что, на основаніи конституціи союза, заключеннаго прежде всѣхъ вѣкъ между небомъ и землею, намъ обѣщано *morte renasci* и *ad communem*

¹⁾ Wybor mów staropolskich świeckich, sejmowych i innych zebranych przez Antoniego Małeckiego, w Bibliotece polskiej Turowskiego. Kraków 1860.

возвратиться *societatem*... Потому онъ упоминаетъ о томъ, что по закону вѣнскому умершій воинъ долженъ былъ быть почтенъ хвалебной рѣчью краснорѣчивѣйшаго его сограждана. Пассекъ сознаетъ, что обязанность восхвалять товарищю ему не по силамъ, но „такъ-какъ желѣзный Марсъ презираетъ золоченую пышность, то потому любезная ему Минерва, закопченная дымомъ селитры, рѣшилась принять на себя обязанность восхваленія его сослуживцевъ. Съ дѣтства и, даже можно сказать отъ колибели своей, они поступили на ученіе къ суровой Беллонѣ, не давъ себя прельстить ласками нѣжной Паллады и Аполлона. По обычаю древнихъ воиновъ польскихъ, они какъ пенцы благородной орлицы избрали себѣ директоромъ суроваго Марса и обрекли себя ему пожизненно въ жертву“..... и т. д. Меньшей порчѣ вкуса, нежели свѣтское, подверглось краснорѣчіе духовное, чему причиною отчасти то, что оно не могло въ такой степени какъ свѣтское пользоваться примѣрами изъ языческой мифологии, отчасти то, что въ немъ жили и сохранялись преданія Петра Скарги. Достойнымъ преемникомъ его былъ другъ его, доминиканецъ Фабіанъ Бирковскій (1566—1636), дѣлившій многократно лагерные труды польскаго войска въ качествѣ проповѣдника королевича Владислава Сигизмундовича въ кампаніяхъ московской и хотинской. Проповѣди его пахнутъ дымомъ пороку, дышать воинственнымъ энтузіазмомъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ онѣ пропитаны въ отношеніи къ протестантамъ всею фанатическою ненавистью католическаго монаха время тридцатилѣтней войны. Но и въ Бирковскомъ замѣтны изысканность, напыщенность, остроумничанье и игра словъ, качества, которыя до высочайшей степени доведены проповѣдниками конца XVII и начала XVIII вѣка. Когда проповѣднику этой эпохи приходилось говорить рѣчь на смерть короля или вельможи, то онъ давалъ ей заглавіе „цвѣтовъ вѣнца“ и перечислялъ поштучно всѣ цвѣты, разумѣя подъ цвѣтами добродѣтели, или представлялъ эти добродѣтели въ видѣ зеренъ на четкахъ или брался строить покойнику Мавзолей, и дѣлилъ свою проповѣдь на портики, пирамиды и колонны. Основной планъ всякой проповѣди теряется, заслоняемый безчисленнымъ множествомъ эпизодовъ; проповѣднику достаточно взять малѣйшее слово въ св. писаніи, напр., слово: *быль*, или *во время оно*, чтобы попустить бразды фантазіи; проповѣдникъ вдается въ разговоръ съ Богомъ, со святыми и переодѣваетъ въ польскій костюмъ всю священную исторію; Мадіаниты у него являются Татарами, Израильтjане имѣютъ старость, епископовъ, сеймуютъ, воюютъ, дѣлаютъ рокоши и конфедерации, словно Поляки, даже Христосъ принимаетъ видъ короля шляхетской республики, точно какъ на старинныхъ картинахъ древнѣйшихъ фламандскихъ живописцевъ.

Безвкусіе, составлявшее общее правило и главный признакъ эпо-

хи, всего сильнѣе отразилось въ сценическихъ представленіяхъ. Дворъ любилъ костюмированныя маскарады, балеты. При Янѣ-Казимірѣ, который женатъ былъ на французкѣ Марин-Луизѣ, придворная французская труппа давала большія эффектныя представленія битвъ и штурмовъ. Въ 1661 представленъ былъ въ Варшавѣ при дворѣ корнелевскій „Сидъ“ въ переводѣ Морштына. По городамъ ѣздили кочующія труппы комедіантовъ, забавлявшія толпу фарсами изъ простонароднаго быта. Но эти представленія не находили поддержки въ шляхтѣ, рѣдко посѣщавшей города и дѣлавшей обыкновенно оппозицію двору. Въ запискахъ Пассека сохранилось слѣдующее характеристическое извѣстіе: въ 1664 придворные актеры представляли сраженіе Французовъ съ Нѣмцами и взытіе въ плѣнъ императора. Это зрѣлище понравилось шляхтѣ, которая присутствовала, вооруженная по своему обычаю, и сильно не долюбила Габсбурговъ. Она стала кричать Французамъ на сценѣ, чтобы они не церемонились съ императоромъ и зарѣзали его поскорѣе. Актеры поставлены были въ тупикъ, тогда одинъ изъ настаивавшихъ зрителей натанулъ лукъ и провалялъ императора стрѣлою, другіе послѣдовали тому же примѣру и напшиговали порядочно кого попало изъ актеровъ. Зрѣлище было прервано, зрители, сдѣлавъ свое, разсѣялись; несмотря на всѣ поиски, виновники кровопролитія не были открыты и наказаны. Гораздо болѣе цѣнились тогдашнимъ обществомъ діалоги духовнаго и свѣтскаго содержания, которые устраиваемы были школьными начальствами и въ которыхъ настоящіе, живые типы замѣнялись бездушными аллегоріями, олицетворенія отвлеченныхъ понятій являлись на сцену вмѣстѣ со святыми церкви и божествами Олимпа. Іезуиты были мастера въ постановкѣ подобныхъ представленій, великолѣпію которыхъ они и обязаны отчасти усиѣшностью своей религіозной пропаганды. Для примѣра приведемъ программу торжества, „устроеннаго ими въ Вильнѣ 4 марта 1604 г., по поводу канонизаціи св. Казимира ¹⁾. Торжественная процессія съ хоругвью св. Казимира шла черезъ городъ, останавливаясь на всѣхъ главнѣйшихъ пунктахъ. У Рудницкихъ воротъ, устроенныхъ въ видѣ исполниской птицы, явилась женщина въ глубокомъ траурѣ, изображавшая городъ Вильно, который страдалъ, какъ извѣстно, отъ частой заразы. Эта женщина утѣшаетъ себя тѣмъ, что послѣ канонизаціи св. Казимира она получитъ въ небѣ надежнаго ходатая и защитника. Два ангела съ лиліями въ рукахъ возвѣщаютъ ей, что надежды ея исполнились и что канонизація совершилась. Тогда женщина — Вильно — мгновенно преобразуется въ царицу съ багряницею, короною и скипетромъ, садится

¹⁾ М. Baliński, Dawna Akademia wileńska, 1862, стр. 103.

въ колесницу и направляется въ городъ, предшествуемая Славою, держащею въ рукахъ золотую трубу. Близъ ратуши путь ея загороженъ огромнымъ картоннымъ замкомъ съ высокими башнями. Четыре ангела и четыре добродѣтели: Мужество, Умѣренность, Расторонность и Справедливость, ведутъ между собою передъ замкомъ разговоръ, послѣ котораго замокъ загорается и исчезаетъ среди пламени, шума и ружейныхъ выстрѣловъ. Передъ академическою церковью св. Яна предшествующая кортежу Слава зоветъ академію, чтобы она приняла участіе въ празднествѣ. Является академія, сопровождаемая богословіемъ, философіею, исторіею, краснорѣчіемъ, поэзіею, филологіею, грамматикою, наконецъ девятью музами, повинувшимися Олимпѣ и поселившимися на берегахъ Вилни. Послѣднюю часть празднества составлялъ диалогъ, въ которомъ участвовало семь юношей, олицетворявшихъ семь главныхъ виленскихъ церквей.

Перейдемъ въ обзоръ выдающихся поэтическихъ произведеній длиннаго переходнаго періода. Существовало мнѣніе, что въ теченіи его не появился ни одинъ поэтический талантъ, а дѣйствовали и писали одни только бездарности. Это мнѣніе нынѣ оставлено; бесплоднымъ по отношенію къ поэтическому творчеству можетъ считаться только первая половина XVIII вѣка, но въ теченіи всего XVII поэзія имѣетъ далеко недюжинныхъ представителей, замѣчательныхъ и по силѣ и богатству мыслей, и по яркости колорита. Была еще и критика, писатели знаютъ другъ друга. Замѣчательно только, что ихъ произведенія либо не были изданы и только теперь откапываются (Wojna Chocimska), либо хотя и были изданы, но не особенно нравились современникамъ, или, наконецъ, хотя и получили нѣкоторую извѣстность, но затѣмъ были почти совсѣмъ позабыты послѣдующими поколѣніями, когда порча вкуса дошла до крайняго предѣла и общество находило удовольствіе только въ напыщенномъ, вычурномъ, каррикатурномъ и безобразномъ. Отъ нѣкоторыхъ поэтовъ остались одни только голыя имена съ указаніями, что они дѣялись когда-то очень высоко (Skatczewski по словамъ Коховскаго, Gretkowski по словамъ Морштына и др.). Можетъ быть, ихъ произведенія еще оцѣнятся. Изъ тѣхъ, которые и по произведеніямъ извѣстны, главными являются трое: Вацлавъ Потоцкій, Веспасіанъ Коховскій и Андрей Морштынъ; ихъ окружаетъ множество второстепенныхъ. Два брата Зиморовичи, львовскіе мѣщане изъ Армянъ, подражаютъ въ буколическомъ родѣ Шимоновичу. Младшій изъ нихъ Шимонъ (1604—1629) умеръ рано и не успѣлъ развить свой талантъ (Rocholanki). Старшій Іосифъ-Вареоломей (1597—1628) сочинилъ 17 идиллій весьма замѣчательныхъ, потому что въ нихъ много эскизовъ, схваченныхъ съ природы, языкъ живописецъ и пестрѣтъ провинціализмами (solowej, władyka, spas, praznik, derewnia). Двѣ идилліи

(Kozaszuza, Burda guka) представляют собою почти страницы изъ исторіи, потому что въ нихъ изображены очевидцемъ походъ Хмѣльницкаго съ Татарами на Червонную Русь, ужасы осады и опустошенія Львова. Къ той же школѣ идилической принадлежитъ Янъ Гавинскій, краковянинъ (стихотворенія издавъ 1843, во Львовѣ, Жегота Паули). Главнѣйшія войны XVII столѣтія и посольства переданы довольно тяжелыми стихами въ многочисленныхъ эпическихъ поэмахъ плодовиата Самуила изъ Сержина Твардовскаго (род. около 1600, ум. послѣ 1660). Ъдгія, желчныя сатиры, не отличающіяся особеннымъ талантомъ, писалъ Кристофоръ Опалинскій (1609—1655), воевода познанскій, который на дѣлѣ оказался нисколько не лучше осмѣиваемаго имъ общества; человекъ онъ былъ гордый, злой, самолюбивый, подкуной и измѣнилъ отечеству, предавъ Велико-Польшу въ руки Шведа Карла-Густава. Почти всѣ польскіе поэты того періода владѣютъ и латинскимъ стихомъ, но былъ одинъ лирикъ, іезуитъ Матвѣй-Казиміръ Сарбѣвскій (ум. 1640), Литвинъ, профессоръ виленьской академіи и придворный проповѣдникъ, который писалъ только по-латыни и потратилъ непроизводительно замѣчательное по огню и силѣ поэтическое дарованіе на лирическія гѣсногѣнія на языкѣ, который становился мертвымъ, послѣ того какъ расцвѣли новѣйшіе народныя. Сарбѣвскій занимаетъ первое мѣсто между европейскими латинистами XVII вѣка; его ставили наряду съ Горациемъ; его, какъ классика, изучаютъ до сихъ поръ въ школахъ, особенно въ Англии; папа Урбанъ VIII увѣнчалъ его лавровымъ вѣнкомъ въ Римѣ. Предметы, воспѣваемые имъ, были вѣра, церковь и война съ Турками; подобно всѣмъ польскимъ поэтамъ XVII вѣка, онъ зоветъ свой народъ и Европу на крестовый походъ противъ Турокъ ¹⁾.

Наиболѣе характерное поэтическое произведеніе XVII в. есть, безъ сомнѣнія, большая поэма въ 10 гѣсняхъ *Wojna Chocimska* (Хотинская кампанія), хранившаяся въ рукописи и изданная только въ 1850 г. ²⁾.

Первоначально приписывали эту поэму Андрею Липскому, подвоеводѣ сандецкому, потомъ Ахатию Писарскому, старостѣ вольбромскому; наконецъ Шайноха ³⁾ доказалъ, что поэма написана Вацлавомъ Потоцкимъ, подчашимъ краковскимъ, родившимся около 1622 г., умершимъ около 1696 или 1697 года ⁴⁾, авторомъ считавшихся неваж-

¹⁾ Латинская поэсія въ Польшѣ оставалась бы мертвымъ капиталомъ, если бы лучшія ея произведенія не были переведены въ пятидесятныхъ годахъ великогѣнными стихами Людвигомъ Кондратовичемъ (Сирокомлей).

²⁾ *Wojna Chocimska, poemat bohaterki przez Andrzeja Lipkiego, wydany przez Stanisława Przyłęckiego. Lwów, 1850.*

³⁾ *Szajnocha, Szkice Historyczne, 1854.*

⁴⁾ *Ad. Bełcikowski, Wacław z Potoka Potocki. Kraków, 1868. (Въ Przeglądzie polakim).*

ными произведеніи: аллегорическаго романа въ стихахъ, заимствованнаго изъ Барклая: *Аргенида* (Барклай писалъ его 1582—1611, переделка Потоцкаго издана 1697), другаго такого же романа изъ древней исторіи *Силорета*, вольныхъ шутовъ (*Jovialitates*), плохой религиозной поэмы изъ жизни Христа (*Nowy zaciąg pod chorągiew starą triumfującego Jezusa syna Bożego nad światem, czartem, śmiercią i piekłem* изд. 1890, гербовника въ стихахъ (*Poczet herbów*); наконецъ *Хотинской Кампаніи*.—Красоты послѣдняго произведенія заставили обратить вниманіе и на предыдущія; оказалось, что въ своемъ гербовникѣ и въ вольномъ переводѣ Барклаевой Аргениды разсѣяно чрезвычайно много цѣнныхъ намековъ, сужденій и колкихъ замѣтокъ о людяхъ и учрежденіяхъ Польши XVII вѣка. Авторъ ненавидитъ Вазовъ, врагъ Австріи и иностранцевъ, горячій поклонникъ Собѣскаго и его анти-турецкой политики, рѣшительный противникъ избранія королей ¹⁾. Что касается до „Хотинской Кампаніи“, то сюжетъ этой поэмы составляетъ одинъ изъ эпизодовъ той исполинской борьбы христіанства съ исламомъ, которая дала начало сказаніямъ франко-каролингскаго цикла и ученой поэмѣ Тасса, и которой послѣдній актъ разыгрался подъ Вѣною, освобожденіемъ ея отъ Турокъ Яномъ III Собѣскимъ. Въ 1620 г. на Цепорской равнинѣ близъ Яссы Полякамъ нанесено было Турками страшное пораженіе, убитъ великій гетманъ Жолкевскій, взятъ въ плѣнъ польскій гетманъ Конецпольскій. Въ слѣдующемъ 1621 г. нависла надъ Польшею страшная туча турецко-татарскаго нашествія, султанъ Османъ намѣревался воздвигнуть мечеть въ Краковѣ и дѣлилъ уже Польшу на пашалыки; огромная его армія вмѣщала въ себѣ 300,000 человекъ всѣхъ цвѣтовъ кожи и всѣхъ націй востока, 150 пушекъ, множество слоновъ, 10,000 вьючныхъ верблюдовъ. Турко-татарскимъ полчищамъ загородили дорогу 65,000 войска польскаго и запорожскаго подъ предводительствомъ престарѣлаго и при смерти больного Ходкевича. Объ эту рать, окопавшуюся надъ Днѣстромъ у стѣнъ хотинскаго замка разбивалась какъ о скалу въ теченіи 40 дней волна нашествія и, ничего не сдѣлавъ, ушла назадъ. Таковъ сюжетъ—недалній, въ свѣжей еще памяти сохранявшійся и описанный весьма обстоя-

¹⁾ Jako Chrystus z kościołem i jako mąż z żoną, tak z królem Pospolita Rzecz ma być złączoną. (Poczet).

(Какъ Христосъ съ церковью и мужъ съ женою, такъ долженъ быть соединенъ король съ Рѣчью Посполитою).

Bo tam jako się król z światem pożegna
Otwierają swej woli wrota Interregna,
Gdzie kto duższy ten lepszy....
Az przyjdzie elekcyja, kędy hurmem bieżą
Konkurenci i w sztuki koronę porzeżą,
Jednych obietnicami, drugich gotowizną
Korumpują; a trzeci ledwie kość oblizną.

(Аргенида).

тельно въ запискахъ множества современниковъ-очевидцевъ. За обработку этого предмета Потоцкій вылся по всей вѣроятности между 1669 и 1672 гг. въ царствованіе Вишневецкаго, когда надъ Польшою опять нависла грозная туча турецкаго похода и народъ былъ опять оживленъ рыцарски-религіознымъ духомъ протанувшихся до конца XVII вѣка крестовыхъ походовъ. Его произведеніе въ 10 пѣсняхъ имѣетъ только форму героической поэмы, но всего меньше можетъ быть названо народнымъ эпосомъ. Поэма безъ всякой фабулы, безъ замысла эпического, безъ всякой примѣси двухъ необходимыхъ элементовъ всякаго и классическаго и средневѣковаго эпоса: чудеснаго и любви къ женщинѣ. Какъ въ Аргенидѣ Потоцкій взялъ за канву готовую работу Барклая, такъ въ „Хотинской Кампаніи“ онъ слѣпо придерживается записокъ Якова Собѣскаго (отца короля Яна III: *Commentariorum belli Chotinensis libri tres*) и сочинилъ стихами живописную исторію кампаніи, не позволяя себѣ никакого вымысла, но дополняя только недобозаказанное очевидцами. Несмотря на то, что „Хотинская Кампанія“ не есть вовсе плодъ поэтическаго творчества, а только опозитивированная исторія, талантъ Потоцкаго столь великъ, что воспроизводимое имъ прошедшее воскресаетъ какъ живое, съ движущимися лицами, въ картинахъ самаго яркаго колорита, въ чертахъ оригинальныхъ, плѣнительныхъ или забавныхъ, что эти картины вызываютъ въ душѣ читателя тѣ чувства, которыя одушевляли защитниковъ Хотина и что мы переживаемъ опять одинъ изъ самыхъ драматическихъ и блистательныхъ моментовъ польской исторіи. Преобладающія въ авторѣ качества: юморъ, порывистый лиризмъ и тонкая наблюдательность, а потому поэма богата прекрасными описаніями, патетическими мѣстами ¹⁾ и при всей важности ея сюжета,

¹⁾ Приведемъ нѣсколько стиховъ изъ обращенія поэта къ Богу (pieśni I и II):

Pojrzyj, o wieczny Boże, któryś niegdyś tęgiem
 Ujął gniew sprawiedliwy przez niebo popręgiem
 I wiecznieś malowaną zawiązał obręczą
 Swój arsenał, skąd grozy twe nad światem brzęczą...
 Patrz na świecznik twej chwały, który w tej koronie
 Ogniem niezagaszony ku cści twojej płonie
 I chociaż przez złość naszą, przez nasze nieszczęsty
 Częste go w oczu twoich zaciemniają knoty,
 Utrzyj knot, masz nożyce miłosierdzia w ręce,
 Że nie zgasisz, ufamy Jezusowej ręce.

(Посмотри, Боже прелъчвый, ты, который прекратилъ вѣкогда праведный гнѣвъ, препоясавъ небо подругою и завязалъ разноцвѣтнымъ обручемъ твой арсеналъ, въ котораго раздадутся громы твои на весь міръ!.. Взгляни на свѣтильникъ славы твоей, зажженный въ честь твою непогасаемымъ огнемъ въ коронѣ польской. Свѣтъ этотъ помрачается порою въ очахъ твоихъ нагаромъ, образуемымъ нашею злобою, нашими неправдами, но ты имѣешь ножицы милосердія въ рукахъ, поправь свѣтильникъ, обрѣзавъ фитиль; что ты его не погасишь, въ томъ мы надѣемся на Христа и его мученія).

въ ней прорывается порохъ сатиры. Отъ Потоцкаго, какъ отъ ревностнаго католика XVII вѣка, нельзя, конечно, и ожидать той объективности, того полного безпристрастія въ отношеніи къ врагамъ христіанства, которыя были доступны, можетъ быть, немногимъ только людямъ времени возрожденія. У него некрести—ночи не люди, всё они злодѣи и негодяи, ихъ страданія и гибель не возбуждаютъ никакого сочувствія; поэтъ описываетъ съ наслажденіемъ (пѣснь VI), какъ кони боевые вьвнутъ въ грудахъ мяса человѣческаго, какъ застывающая кровь трясется студеномъ, какъ умирающіе запутываются въ своихъ собственныхъ кишкахъ. Потоцкій не стѣсняется вовсе и въ отношеніи къ своимъ соотечественникамъ, онъ иронически соболѣзнуетъ королевичу Владиславу, страдавшему лихорадкою и все время пролежавшему подъ шатромъ, и къ его наемнымъ Нѣмцамъ, разболѣвшимися отъ излишняго употребленія сочныхъ динь молдаванскихъ: „покинь лихорадку,—говоритъ онъ Владиславу,—вспомни, ты, Александръ, что Дарій стоитъ у твоего изголовья, надѣнь желѣзныя латы, садись на буцефала, стоящаго передъ шатромъ, Марсъ тебя вылечитъ кровью или потомъ! Недостойно вождя щеголять чужими перьями, не сидѣвъ на конѣ и не выдавши Турка“. Потоцкій ядовито насмѣхается надъ тѣми изнѣженными галантомами, которые тятотятся панциремъ и не любятъ, чтобы шинакъ сминалъ ихъ напомаженную прическу; онъ трунитъ надъ книжными политиками и надъ домосѣдами. Сигизмунда III онъ падитъ менѣе другихъ; немногими штрихами превосходно очерчена толстая, молчаливая, надутая фигура упрямаго короля, который забавляется охотою въ окрестностяхъ Львова, не торопясь нисколько на выручку своей изнемогающей рати.

„Поспѣшай, поспѣшай, Сигизмундъ, въ четыре недѣли ты можешь расположить войска свои на Дунаѣ! Поспѣшай, орломъ пронесись надъ Подоліей, весной, дастъ Богъ, ты будешь уже въ Константинополь“. Но король не внемлетъ, онъ предпочитаетъ вести войну не рукою, а ушами (пѣснь IX): „такова уже болѣзнь всѣхъ королей, что они всего охотнѣе слушаютъ совѣты любовницъ, карликовъ, скрипачей, льстецовъ и вообще такихъ людей, которые не промолвятъ трехъ словъ, не сопряженныхъ съ частнымъ интересомъ“. Оставленное королевемъ, войско заключило перемиріе съ Турками, съ подлинникомъ трактата отправленъ всендѣ Шолдрскій къ Сигизмунду, „который, будучи занятъ ловлею зайцевъ, слушаетъ вѣсти о войнѣ точно сказку, сидитъ на одномъ мѣстѣ съ сотнею тысячъ сарматской молодежи, дожидаясь велико-польскаго ополченія, точно утка, которая возится съ молодыми цыплятами и не можетъ сладить съ ними, потому что она плаваетъ, между тѣмъ какъ они бѣгаютъ... Когда Шолдрскій прочелъ ему трактатъ, король рассердился и гнѣвно воскликнулъ,

сжимаемая въ рукѣ эфесъ шпаги: „меня не пождали съ этими-то силами, осмѣлились безъ меня входить съ Османомъ въ сѣлки, хованничать, хованина не спросясы! (Здѣсь онъ съ досадою ударилъ въ столъ шляпою). Не знаю, чѣмъ извинятся предо мною Владиславъ съ Любомірскимъ?—Иду догонять Турокъ, не скроютъ ихъ отъ меня ни Дунай, ни снѣжные Балканы; если шляхтъ не по вкусу война, какъ въ томъ я убѣдился, то я отправлюсь самъ, хотя бы съ одною только наемною ратью“.—Такимъ-то образомъ бѣсится король, шагая по комнатѣ, но собственно онъ радуется въ душѣ непомерно, что вернется завтра въ любимую Варшаву. Впрочемъ, эту радость онъ тщателью тамъ, зоветъ Фридриха, приказываетъ ему готовить кнехтовъ въ путь, осмотрѣть, есть ли у каждаго изъ нихъ шпага, порохъ, мушкетъ съ фитилемъ. „Дальше медлить нельзя, не остановлюсь, доколѣ не дойду до Геллеспонта!“ Стой король, спать вамъ, а не воевать. Короля въ его азартѣ убавлялъ всворѣ Боболя, подкоморій коронный“.

Героевъ, на которыхъ сосредоточивался бы интересъ поэмы, нѣтъ; выдающимися лицами являются—Сагайдачный со своими запорожцами, сѣдой Ходкевичъ, храбрый Любомірскій, а въ особенности та старая крѣпкая шляхта средней руки, не занскивающая у короля богатыхъ староствъ, слѣдующая неуклонно прагматическимъ обычаямъ и всегда готовая сложить голову по чувству долга за Бога, вѣру и край свой родной. Прекрасный типъ такой шляхты представилъ поэтъ въ старомъ ротмистрѣ гусарскомъ, Янѣ Липскомъ, который съ четырьмя дородными сыновьями сражается подъ однимъ значкомъ, который совѣтуетъ Ходкевичу вѣшать всѣхъ помышляющихъ объ отступленіи и который до того изсѣченъ и изрубленъ, что не можетъ получить новой раны спереди, которая бы не задѣла какого нибудь изъ многочисленныхъ рубцовъ, которыми покрыто его тѣло. Этотъ Янъ Липскій говоритъ съ гордостью, указывая на свои рубцы: „вотъ гербы мои, вотъ мои красныя Шрженявы ¹⁾, съ ними встану я изъ гроба на ключъ архангельской трубы на генеральный смотръ всѣхъ умершихъ и когда я ихъ покажу, то святой полководецъ (т.е. Христосъ) пожалуетъ мнѣ индигенатъ въ небесахъ“ ²⁾.

Заклучимъ оцѣнку поэмы мѣткими словами Балциковскаго (стр. 59): „Суровая совѣсть недопускала вымысловъ фантазій; все то, что было записано на страницахъ исторіи, авторъ принялъ къ сердцу, разогрѣлъ

¹⁾ Шрженява—бѣлая рѣка въ красномъ полѣ, одинъ изъ извѣстнѣйшихъ польскихъ гербовъ.

²⁾ To herby, to są moje Szreniawy rumiane,
Z temi z grobu na trąbę archanielską wstanę.
W on popis generalny i da mi wozz święty
Niebieski indygenat za takie prezenty.

воображеніемъ и пропѣль—не эпопею, которая была ему не по силѣ, но побѣдннй гимнъ, родъ Пиндарова пѣана, нѣчто вмѣщающее въ себѣ и эпосъ, и лирику. Этнмъ двойнымъ чувствомъ Потоцкій испыталъ первородный грѣхъ своего произведенія и это непозитически зачатое произведеніе нмъ было поэтически выполнено¹.

В. Потоцкій ведавню еще не былъ вовсе извѣстенъ; современникъ его Іеронимъ-Веснасіанъ Нечуа Коховскій¹⁾ былъ извѣстенъ, но потому забытъ, отчего и не цѣнился по достоинству. Въ послѣднее время на него обратили особое вниманіе и признали въ немъ самаго все-сторонняго, самаго характернаго представителя XVII вѣка, вмѣщающаго въ себѣ, кромѣ того, зачатки идей и направленій, которые проявились въ литературѣ слишкомъ сто лѣтъ спустя въ польскомъ романтизмѣ. Уроженецъ земли Сендомірской, Коховскій (род. между 1630 и 1633 гг.) учился въ краковской академіи, но, не кончивъ курса, промѣнялъ перо на саблю и велъ (1651—1663) исполненную приключеній жизнь солдата, принималъ участіе во всѣхъ козацкихъ и шведскихъ войнахъ. Удалство война, его рѣшительность и развязность въ обращеніи, его спорова ловить на лету всѣ удовольствія жизни отпечатлѣлись въ пѣсняхъ бойкихъ, всегда веселыхъ и игривыхъ, часто весьма вольныхъ²⁾. Досуги и скуку лагерной жизни усаждала муза не „аттическая дѣва, но славянка“ (посвященіе Лырикъ), протчемъ, простою эта муза названа только скромности ради, не да-

¹⁾ Adam Rządewski, Hieronim Wespazyjan Nieczuja z Kochowa Kochowski. Warszawa. 1871, стр. 146.

²⁾ Nie puściłem pełnej darmo,
 Szedłem w gallaredy...
 Nie mierzyla mię w trapieniu
 Udatna dziewoja,
 Choćby była i w zamknięciu
 Ruszyłem podwoja...
 Na wesele szedłem chutnie
 I małżeńskie gody...
 (Konkluzje liryków).
 Liryk. ks. III, 4, do Bachusa:
 Niechaj kto tam chce z fryki
 Mądry dyskurs wiedzie,
 Myśa wolim saać kufiki
 Przy długim obiedzie.
 U nas w taniec iść mieniony
 Przyjemne gonitwy....
 Kto zwyciężył nieprzyjaciół
 Stawiaj obeliski
 Ja się wolę wcisnąć za stół
 Gdzie gęste kieliszki...
 Sam mi Krymski han niesrogi
 Z swojemi Tatory.....
 Chociaż leży tam pod Wilnem
 Moskal o tej dobie,
 Wnetże mu ja będę silnym
 Gdy podpiję sobie.

ромъ онъ учился мисологiи; онъ щеголяетъ тѣмъ, что начинаетъ почти всякую пьесу книжною ученостью, вывода Феба, Півридъ и весь Олимпъ классическiй. Разница между нимъ и гуманистами XVI вѣка, напр., Кохамовскимъ та, что послѣднiе усвоивали себѣ содержанiе, а не однѣ только формы античной поэзи и относились къ божествамъ Олимпа какъ къ живымъ вѣрованiямъ, воспринятымъ посредствомъ изученiя, между тѣмъ какъ у Коховскаго эти божества только слова, условные знаки, сухiя аллегорiи, безъ которыхъ не подобаетъ, однако, обходиться поэзи, потому что поэзи, ученая забава, представлялась имъ какъ-бы вѣрность, вооруженная вмѣсто валовъ и пушекъ именами боговъ Греци и Рима (Rzadewski, 71),—въ которую имѣлъ доступъ только тотъ, кто эту мисологiю понималъ. Эта поэтическая фразеологiя, не имѣющая ничего реальнаго, сочетается самымъ страннымъ образомъ съ христіанскими вѣрованiями поэта. Коховскiй — римскiй католикъ, притомъ католикъ XVII вѣка, слѣдующiй за церковнымъ авторитетомъ, какъ солдатъ по командѣ; чуждающiйся, какъ грѣха, всякаго вольномыслия; относящiйся къ ереси, какъ Испанецъ. Раненый въ сраженiи, онъ приписывалъ эту рану маловѣрiю, съ которою относился къ вровъ испускающему кресту въ соборѣ Гѣвженскомъ (Liryki, 11, 16). Въ его *Лирикахъ* (II, 25) есть ода на одно изъ нечальнѣйшихъ событiй — изгнанiе арианъ (Vando на Агуару: вьнди вавилонская сваха, непотребная женщина, тля Сарматскаго трона, вѣчный позоръ отечества....). Вѣра эта чувственная, подчиняющая себѣ человѣка не отвлеченными понятiями, а сильными образами, дѣйствующими на нервы. Значительная часть стихотворенiй Коховскаго религіознаго содержанiя. Онъ сочиняетъ *Садъ двичий* въ честь Богородицы (Ogród panieński pod sznur pisma św. kwiatami tytułow Matki Boskiej wysadzony); онъ пишетъ Страсти Христовы (Chrystus cierpiący), длинную поэму изъ 5,000 стиховъ по евангелiю — эпосъ грубо-тривіальнiй, подобострастно изображающiй всѣ раны и струпы на тѣлѣ Распятаго, но вводящiй тутъ же въ поэму и Феба, и Эриннiй, и Ахеронъ, и весь хламъ классическихъ общихъ мѣстъ. Колея бездѣлки (Fraszki), полная остроумiя и игривой веселости картинки, эротическіе стихи и религіозныя поэмы составляютъ меньшую часть произведенiй Коховскаго; онъ былъ кромѣ того еще гражданинъ и патріотъ, и не пропалъ побѣда, элекція, походъ, сеймъ или конфедерація безъ того, чтобы онъ не выразилъ сильными и звучными стихами чувства той средней руки шляхты, которая въ минуты патріотическаго воодушевленiя еще способна была совершать великія дѣла и дружнымъ дѣйствіемъ спасать Рѣчь-Посолитую отъ угрожающихъ ей отвсюду опасностей. Онъ стоялъ храбро при Янѣ-Казиміръ и ненавидѣлъ холоштво козацкое съ емо украинскимъ Спартакомъ — Хме-

лемъ (Хмельницкимъ), звалъ родъ этотъ Каиновимъ поволѣніемъ (Ligisum erodop 12). Впоследствии вмѣстѣ съ большинствомъ шляхты Коховскій противодѣйствовалъ королю и французской партіи при дворѣ, стараясь обезпечить напередъ избраніе въ короли Конде. Въ дѣлѣ Любомірскаго, онъ смотрѣлъ на этого послѣдняго какъ на мученика и написалъ въ защиту его цѣлую эпическую поему: *Камень Свидѣтельства* (Kamień świadectwa). Онъ ожидалъ спасенія для Польши отъ избранія обоихъ Пястовъ; очевидно просчитавшись на Вишневецкамъ, онъ сдѣлался до конца жизни вѣрнѣйшимъ сподвижникомъ Яна Собскаго, который, вознаграждая его труды историческіе (Климактеры), сдѣлалъ его королевскимъ historiographus privilegiatus. Короля соединяло съ Коховскимъ общее чувство ненависти къ Туркамъ и сознаніе религиозной обязанности войны съ басурманами. Прелестна скорбь поэта о потерянной Каменцѣ ¹⁾. Ему дано было въ очію зрѣть освобожденіе Вѣны, которое онъ и изобразилъ старческою рувою въ одной изъ послѣднихъ своихъ поэмъ (Dzieło Boskie albo pieśni wybawionego Wiednia). — Коховскій умеръ въ 1699 г., доживъ до возвращенія Каменца по Карловицкому трактату. Прежде, чѣмъ разстаться съ нимъ, слѣдуетъ упомянуть еще объ одномъ его произведеніи, написанномъ отрывками подъ вліяніемъ и домашнихъ, и политическихъ событій послѣднихъ лѣтъ жизни, когда кончался автору шестой десятокъ лѣтъ и начинался седьмой: это такъ-называемая *Польская Псалмодія* (Psalmodya polska, 1693), 35 псалмовъ, писанныхъ прозою, библейскимъ слогомъ, въ подражаніе Давидовымъ. Чтобы понять это произведеніе, перенесемъ мысленно въ вотчину поэта, деревню Голенуву въ Краковскомъ; здѣсь онъ пишетъ свои лѣтописи, устраиваетъ богадѣльню для своихъ крестьянъ, здѣсь онъ воспѣваетъ жизнь скромную земледѣльческую: „Господи! и за то тебя благодарю, что ты далъ устами моимъ достатокъ хлѣба... Вольше ничего не желаю, тѣмъ довольствуюсь. О, нива моя, нива, полная земли плодородной, когда ты положишь

¹⁾ A jam na naszych miłych braci przyjście
 Zbierał to darnie to dębowe liście...
 Chcąc im uwić nowy
 Wieniec na głowy.
 Com już wawrzyuu nałamał gałęzi
 Co tryumfantom pięknie skronie więzi
 Kładącze z lauru za wzięcie Kamieńca
 Godni są wienca.
 Jam sie spodziewał iże na Wawelu
 W prędcie uderzyć miano z kartaun wielu
 I Bogu dzięki dając (co jest gruntem)
 Ruszyć Zygmantem ..
 Więc ja mурową, wałową, polową
 Koronę chowam nie temu gotową
 Co gładko mówi, lecz co Turkom dnuży
 Onę wysłuży.

спокойно на мою голову поочередно то вѣнокъ ржи, то вѣнокъ пшеницы, тогда, о, короли, ваши короны мнѣ ни почемъ“ ¹⁾). Въ этомъ уединеніи поэтъ-историкъ наблюдалъ за ходомъ дѣлъ общественныхъ, гремѣлъ противъ пословъ земскихъ, разрывающихъ сеймы, на извѣженность, обжорство и роскошь современниковъ, приходилъ къ замѣчательнымъ по его вѣку заключеніямъ, что вреднымъ можетъ быть избытокъ даже такого блага, какъ свобода ²⁾). Чѣмъ старѣе, тѣмъ дѣлался Коховскій задумчивѣе, серьезнѣе, разстался съ миеологією, отогналъ отъ себя всѣ свѣтскіе мотивы и, вдохновившись одною только библією, излилъ въ подражаніяхъ ветхозавѣтнымъ пророкамъ всѣ свои страданія и опасенія, и вмѣстѣ съ тѣмъ и вѣру въ судьбу своего народа. Онъ чувствуетъ, что въ прежнее состояніе нельзя государство поставить: „мы сокращаемся, — говоритъ онъ, — какъ кожа на огнѣ или какъ кровь, приливающая къ сердцу“ (VIII). Онъ задается вопросомъ, чѣмъ Польша виновата, и не находитъ никакого объясненія (XIV); отсюда вытекаетъ прямо предположеніе, что видъ свободной самой полной, какая существуетъ, порождаетъ зависть, и что свободолюбивое общество обружено врагами, стремящимися подавить эту свободу, выше которой нѣтъ ничего на свѣтѣ, но свобода—дѣло Божье, заботясь о которомъ Онъ не допуститъ, чтобы она погибла (VII). Въ этихъ мистическихъ предсказаніяхъ и поученіяхъ кроются уже всѣ задатки польскаго мессіанизма, которому было суждено выработаться въ половинѣ XIX вѣка въ цѣлую религіозно-философскую теорію.

Родъ Морштыновъ происходитъ отъ краковскихъ мѣщанъ. Въ польской литературѣ XVII вѣка есть нѣсколько Морштыновъ; одинъ изъ нихъ Іеронимъ, стольникъ бѣльскій, написалъ аллегорическую поэму въ эротическомъ родѣ „Swiatowa Roskosz“ (1606); другою — Станиславъ, воевода мазовецкій, перевелъ „Андромаху“ Расина; но несравненно даровитѣе и важнѣе ихъ былъ Андрей Морштынъ (род. около 1620, ум. въ началѣ XVIII вѣка), ловкій царедво-

¹⁾ *Paanie i zato dziękować ci trzeba
Żeś gębie mojej dał dostatek chleba...
Więcej nie pragnę tém się kontentuje...
Niwo ma niwo, skibo ziemi plennej
Ty coraz wieniec żytny, także pszenny
Spokojnie na mej gdy położysz głowie:
Za fraszkę wasze korony, królowie.
(Lir. II, 12).*

²⁾ Lir. I, 16: Мила мнѣ свобода, а въ ней родился, я ея украшаюсь и горжусь, но я долженъ ее такъ употреблять, чтобы не повредить отечеству... Любитель твоего отечества, Сарматъ, обходись съ этимъ алмазомъ теперь и потомъ такъ, чтобы лекарь въ адъ неперевратился.

Fraszki: dixit et facta sunt: Богъ словомъ (да будетъ) создалъ міръ, но и мы словомъ (не позволивъ) разрушимъ Польшу.

Pierścieniej wolności: Въ перстнѣ злато, въ златѣ знаменитая жемчужина Клеопатры, но въ этой жемчужинѣ запрятанъ адъ. Злато—это корона (польская), жемчужина — это воляность сего отечества; берегитесь, чтобы въ этой жемчужинѣ не оказался адъ.

рець; любимецъ Маріи-Луизы, возведенный Яномъ-Казиміромъ, 1668, въ важную и доходную должность короннаго подскарбія (министръ финансовъ). Всѣ Морштыны были по воспитанію, вкусамъ и наклонностямъ сильно офранцузенныя. Поляки, предшественники того направленія, которое сдѣлалось преобладающимъ въ послѣдующемъ періодѣ. Морштынь былъ одною изъ сильнѣйшихъ опоръ французской партіи, весьма непопулярной между шляхтою. Въ 1684 году, когда отношенія короля Собѣскаго къ Людовику XIV были самыя дурныя, Морштынь былъ уличенъ, что состоялъ едва ли не на службѣ у короля французскаго, вслѣдствіе чего долженъ былъ оставить Польшу и поселился во Франціи, гдѣ купилъ себѣ помѣстья и носилъ титулъ — графа de Chateauevillain. Морштынь своихъ произведеній не печаталъ; онъ ими обсылалъ только своихъ знакомыхъ; большая часть его стихотвореній до сихъ поръ не издана. Какъ истинный представитель своего вѣка, умѣвшаго соединять галантное съ религіознымъ, Морштынь въ прелестномъ аскетическомъ стихотвореніи *Покаяніе* (*Pokuta*), являетъ примѣръ самобичеванія, сокрушаясь о своихъ грѣхахъ. Кромѣ сдѣланнаго имъ перевода Корнелева *Суда* (перевода, который дониндѣ считается образцовымъ), онъ написалъ легкимъ стихомъ съ изящною простотою, чуждою всякаго педантизма, который составлялъ главный недостатокъ въ произведеніяхъ Коховскаго и его современниковъ, прелестную повѣсть *Писмаля*. Канвою послужилъ Морштыну греческій мифъ въ итальянской обработкѣ, какую этотъ мифъ получилъ въ 4-й глѣсѣ поэмы „Адонисъ“ Марини. Но Морштынь передѣлалъ итальянскій образецъ и умѣлъ вставить множество остроумныхъ намековъ, относившихся къ современному обществу и къ тогдашнимъ политическимъ событіямъ ¹⁾.

Переходимъ къ прозѣ. Въ настоящемъ періодѣ процвѣтали тѣ только отрасли ея, которыя имѣли ближайшую связь съ весьма дѣятельною, хотя и довольно безплодною политическою жизнью народа. Польская исторія XVII и первой половины XVIII вѣка употребляетъ, какъ и въ прежнія времена, два языка: латинскій и польскій, и вмѣщаетъ въ себѣ двоякаго рода произведенія: опыты прагматическаго изложенія въ связныхъ разсказахъ, по источникамъ, цѣлыхъ царствованій или цѣлыхъ періодовъ изъ политической жизни народа, и отрывочные мемуары. Перваго рода произведенія всѣ безъ изыатія писаны по латыни; польская историографія, заговорившая у Бѣльскихъ и Стрыйвовскаго по польски, надѣла на себя опять латинскій нарядъ.

¹⁾ Andrzej Morsztyn, статья проф. Антонія Малецкаго въ сборникѣ (*Pismo Zbiogowe*) Иосафата Огризки. Спб. 1859. Т. I, стр. 268. — Статья проф. Nehring'a въ журналѣ *Biblioteka Warszawska*, 1876. — Статья Тита Свидерскаго въ львовскомъ журналѣ *Przewodnik naukowy i literacki*, за 1878 годъ.

Мемуары писаны почти всё на языкъ польскомъ или, лучше сказать, на ломаномъ макароническомъ. Извѣстнѣйшіе изъ писателей, заслуживающихъ названіе историковъ, были: Павелъ Пясецкій (1580—1649), епископъ вереминскій, замѣчательный своею религіозною терпимостью и враждою къ іезуитамъ, описалъ царствованія Сигизмунда III и Владислава IV, и извѣстный уже намъ какъ поэтъ, Веснасіанъ Коховскій, описавшій царствованія Яна-Казимира и Михаила Вишневецкаго въ четырехъ книгахъ, которыя онъ назвалъ климактерами (сѣмьюшами), потому что каждая изъ этихъ книгъ вмѣщаетъ въ себя событія за 7 лѣтъ. Этотъ громадный трудъ, написанный бойко и отчетливо, составляетъ главный источникъ для второй половины XVII вѣка. Лаврентій Рудаевскій, мѣщанинъ, пожалованный въ дворня, каноникъ варшавскій, приверженный къ Австріи до такой степени, что готовъ былъ всю Польшю жертвовать интересамъ габсбургскаго дома, передъ которымъ онъ работничествуетъ. Рудаевскій описалъ событія отъ вступленія на престолъ Яна-Казимира до Оливскаго мира (1648—1660); его сочиненіе важно тѣмъ, что представляетъ оцѣнку съ самодержавной точки зрѣнія тѣхъ событій, которыя Коховскій описывалъ съ точки зрѣнія старо-шляхетской. Съ Коховскимъ видимо склоняется къ упадку искусство историческаго повѣствованія. Уровень политическаго образованія понижается быстро, характеры мельчаютъ, событія политическія становятся менѣе интересными, вмѣстѣ съ тѣмъ слабѣетъ и пониманіе общей ихъ связи и зависимости. Вмѣсто историческаго разсказа, епископъ вармійскій и канцлеръ Андрей Хривостомъ Залускій (ум. 1711) оставилъ пять огромныхъ томовъ своей переписки (*Epistolae historice-familiares*), драгоценный, но совершенно сырой матеріалъ. Недостатокъ исторической критики выкупается отчасти чрезвычайнымъ обиліемъ разнообразнѣйшихъ записокъ, журналовъ или діаріевъ, замѣтокъ, въ которыхъ современники записывали все то, что лично ихъ касалось или что съ ними происходило, причемъ они затрогиваютъ на каждомъ шагу и общія политическія событія. Этотъ рудникъ исторіи, чрезвычайно богатый, открытъ недавно и раскопанъ въ незначительной только части; но всей вѣроятности большая половина подобныхъ мемуаровъ хранится еще подъ спудомъ. Чтобы понять весь интересъ подобныхъ мемуаровъ въ этомъ періодѣ, необходимо сообразить, что свободныя учрежденія въ родѣ польскихъ имѣютъ громадную живучесть, что упрямая вѣра въ свой политическій идеалъ, изумительная стойкость въ самыхъ трудныхъ обстоятельствахъ, умѣнье единицъ группироваться въ массы по всякому призыву во имя угрожаемаго отечества, сообщали нравамъ шляхетскаго сословія характеръ въ высокой степени эпической. Представимъ, что на этомъ фонѣ картины рисуются властолюбивые замыслы

королей, вронски заискивающихъ популярности магнатовъ, проникающія во внутренность Рѣчи-Посполитой вліянія иностранныхъ государствъ; что жизнь общественная, самая шумная и дѣятельная разгнѣвается въ безвѣчныхъ сеймикахъ, сеймахъ, конфедераціяхъ, при звуѣ чокающихся бокаловъ, бряцаніи сабель и скрежетѣ стали,—и мы легко поймемъ, какой богатый матеріалъ для зрителя представляло польское общество XVII столѣтія. Задачи жизни были гораздо мельче, нежели въ XVI вѣкѣ, цѣли людей ограниченнѣе и эгоистичнѣе, но жизнь текла широкимъ русломъ, шумная, разнообразная. Съ упадкомъ просвѣщенія извелся родъ великихъ наблюдателей, которые бы умѣли понимать жизнь общества во всѣхъ ея разнообразныхъ до безконечности явленіяхъ, но за то появилось великое множество рассказчиковъ, которые описываютъ, съ точки зрѣнія своей партіи, своего кружка, тѣ событія земскія и государственныя, въ которыхъ они сами принимали непосредственное участіе. Этихъ рассказчиковъ такъ много, что съ помощью ихъ можетъ быть самымъ нагляднымъ образомъ воспроизведенъ бытъ Польши, во всей ея поразительной пестротѣ. Важнѣйшія изъ открытыхъ и заданныхъ до сихъ поръ записокъ принадлежать слѣдующимъ лицамъ: Альбрехту Радзивиллу канцлеру (ум. 1656); Николаю Іежеловскому (ум. около 1693); Іоакиму Ерличу, Русину, шляхтичу волынскому (ум. около 1673); Яну-Стефану Выдзгѣ, прimate (ум. 1686); Войтѣху изъ Коноядъ Демболоенцкому, францисканцу, капеллану эзаровъ или лисовчиковъ, описавшему подвиги этой дружины въ Германіи и Польшѣ; Эразму Отвиновскому, описавшему весьма обстоятельно событія всего почти царствованія Августа II; Кристофору Завишѣ, воеводѣ минскому, въ началѣ XVIII столѣтія. Во главѣ всѣхъ писателей записокъ стоитъ поражающей своимъ обширнымъ литературнымъ талантомъ и неистощаемымъ юморомъ, Янъ-Хризостомъ Пассекъ герба Долива ¹⁾, шляхтичъ мазовецкій, храбрый солдатъ и завзятый рубака, который воевалъ подъ начальствомъ Чарнецкаго со Шведами въ Польшѣ и въ Даніи, съ Москвою на Литвѣ, бывалъ въ пренюгихъ оказіяхъ, провожалъ изъ Москвы въ Варшаву московскихъ пословъ, побилъ однажды, поспорившись, Мазепу, будущаго гетмана козацкаго, былъ любимцемъ королей Яна-Казимира и Яна Собѣскаго, наконецъ прошедши, какъ говорится, свозъ огонь, воду и мѣдныя трубы, поселился въ землѣ краковской, гдѣ и дожилъ до глубокой старости (умеръ между 1699 и 1701 годами; см. *Ateneum*, 1878, іюль). Пассекъ записывалъ свои воспоминанія безъ малѣйшихъ прикрасъ на авторскую извѣстность, но онъ до того наглядно воспроизводитъ фізіономію своего вѣка, что можетъ

¹⁾ Bronisław Chlebowski, Jan Chryzostom Pasek i jego Pamiętniki, въ варшавскомъ журналѣ *Tygodnik ilustrowany* за 1879 годъ.

надолго служить неисчерпаемымъ матеріаломъ для историковъ и романистовъ.

Конецъ періода освѣщенъ еще болѣе ярко другимъ весьма замѣчательнымъ писателемъ, Матушевичемъ, котораго драгоценныя записки недавно изданы (*Pamiętniki Marcina Matuszewicza, kasztelana brzesko-litewskiego, 1714—1765*, изд. А. Раѵиński. Warszawa, 1876, 4 t.). Этотъ Матушевичъ, — средней руки шляхтичъ, пройдоха и интриганъ, — не угодивъ Чарторыскимъ, заискивалъ у нихъ противниковъ Радзивилловъ и у Браницкаго, и, несмотря на свои дарованія только подъ конецъ жизни добился почестей и каштелянства за свое участіе въ радомской конфедераціи, имѣвшее всѣ признаки измѣны отечеству. Записки его не доходятъ до этого некрасиваго событія; онѣ обрываются на коронаціи Станислава Понятовскаго, но въ нихъ снята почти фотографически вся эпоха Августа III, съ ужасающею правдою, во всей наготѣ испорченности и разврата ¹⁾).

Цѣлая бедна отдѣляетъ Пассека отъ Матушевича, уровень нравственный страшно понизился, общее благо стало фразою, представительное правленіе превратилось въ призракъ, нѣтъ почти трибунала непродажнаго, всѣ сеймики подтасовываются или разрываются по произволу, пьянство господствуетъ повальное, выигрываетъ и въ судѣ и на выборахъ тотъ, кто лучше кормитъ братью-шляхту, шляхта покривляется на сеймикахъ, но пресмыкается передъ магнатами и напрашивается къ нимъ на службу; изъ магнатовъ тотъ сильнѣе, кто побогаче и кто соединенъ связями съ дворами иностранными. Матушевичъ, принимавшій непосредственное участіе въ этой грязной страпнѣ, рассказываетъ наивно о всѣхъ ея подробностяхъ безъ зазрѣнія совѣсти. Записки Матушевича представляютъ картину быта Польши въ первой половинѣ XVIII вѣка — весьма правдивую, но одностороннюю: по нимъ суда, можно бы заключить, что нѣтъ здороваго мѣста во всемъ тѣлѣ общественномъ. Гниль распространялась, но была и реакція противъ нея, пробуждалось народное сознаніе, рождались и развивались, хотя весьма медленно, въ борьбѣ съ громадными препятствіями, идеи реформы.

Требовалось совершить разомъ громадный политическій переворотъ, захвативъ въ свои руки власть, декретировать отмену *Libertum veto*, упорядоченіе сеймованія, реформу суда, ограниченіе власти гетмановъ и министровъ, увеличеніе войска и податей. Реформа вела неизбѣжно къ усилению монархической власти, къ ея наследственности; она задумывается первоначально королями съ ихъ ближайшими совѣтниками, и хранится въ тайнѣ, какъ опасный государственный секретъ. Но при явномъ нерасположеніи къ ней послѣдняго короля саксонскаго дома,

¹⁾ W. Spasowicz, M. Matuszewicz jako pamiętnikarz, въ *Ateneum*, 1876.

является сознаніе о необходимости готовить ее исподоволь, помимо короля, къ первой ближайшей алекціи. Носителемъ реформы явилась такъ называемая *фамилія*—княжескій литовскій родъ Гедиминовичей Чарторыскихъ, шедшихъ настойчиво къ ясно опредѣленной цѣли, рассчитывая на свои связи, на внѣшнюю матеріальную поддержку Россіи и на содѣйствіе всѣхъ благомыслящихъ людей, одушевленныхъ просвѣтительными идеями XVIII вѣка.—Политическая реформа въ Польшѣ была тѣснѣйшимъ образомъ связана съ рационализмомъ XVIII вѣка. На ея сторонѣ стояли люди или офранцузившіеся даже по языку и костюму, или по крайней мѣрѣ привыкшіе думать по французски, относиться отрицательно къ родному варварству, къ родной исторіи, смотрѣть на польскія учрежденія и отношенія съ внѣ-національной, космополитической точки зрѣнія. Въ среду польскаго общества идея реформы вносила никогда небывалый расколъ. Чтобы дѣйствовать успѣшно на современниковъ, она создала цѣлую политическую литературу, которая и составляетъ звено, связующее въ исторіи литературы періодъ іезуитскій-макароническій съ блистательнымъ періодомъ Понатовскаго.

Разсмотримъ эту политическую литературу въ ея главныхъ представителяхъ. Обыкновенно ставятъ первымъ въ этомъ ряду ¹⁾ Яна Яблоновскаго, воеводу русскаго, приверженца короля Станислава Лещинскаго, который издалъ въ 1730 г. во Львовѣ безымянную брошюру, надѣлавшую много шума и вооружившую противъ автора столько враговъ, что, самъ будучи нерадъ своему произведенію, онъ выкупалъ его и истреблялъ по возможности. Полное заглавіе слѣдующее: *Skrupił bez skrupiłu w Polsce etc.* („Что дѣлается безъ зазрѣнія совѣсти въ Польшѣ,—объясненіе грѣховъ, болѣе свойственныхъ польскому народу, но не считаемыхъ грѣхами, трактатъ написанный вѣкимъ Полякомъ тѣми же грѣхами грѣшнымъ, но кающимся, изданный во исправленіе его самого и людей“). Собственно эта книга не трактатъ политики, а нравоученіе, не предлагаетъ почти никакихъ мѣръ реформы, кромѣ обновленія нравственнаго, но чрезвычайно мѣтко и беспощадно бичуетъ тѣ мелкія обыденныя нечестности и пороки, которымъ общество молча побижало, потому что всѣ были имъ болѣе или менѣе причастны: систематическое черненіе министровъ, склонность перечить и досаждать королю, пусканіе въ ходъ ложныхъ вѣстей для поддержанія духа въ своей партіи, пользованіе со стороны стражей казны разными небезгрѣшными доходами, ябедничество и при-

¹⁾ Собственно первымъ въ числѣ реформаторовъ стоитъ Карвинскій. Его сочиненіе, написанное еще въ 1709, напечатано впервые въ Краковѣ 1871 (*de ordinanda republica*). Карвинскій предлагаетъ ограниченіе монархизма отнятіемъ у короля различа должностей, превращаемыхъ въ избирательныя.

страсти въ судахъ, наконецъ безпорядочный образъ сеймованія, которое „подобно бурному и бездонному морю волнуется Богъ вѣсть откуда вырывающимися вѣтрами страстей и интригъ людскихъ“¹⁾.

Въ два года послѣ брошюры Яблоновскаго появилось безымянно въ Нанси во Франціи другое сочиненіе, несравненно болѣе существенное по содержанию: *Głos wolny wolność ubezpieczający* („Вольный голосъ, обезпечивающій свободу“). Писалъ его бывшій король, готовившійся вторично добиваться короны, Станиславъ Лещинскій (1677—1766)²⁾. Авторъ сознаетъ, что старое зданіе рухнетъ (*moie suaruit*) отъ излишней свободы (*summa libertas etiam regere volentibus*); онъ замскиваетъ у преемщицы въ Польгѣ власти, признаетъ „безъ лести“, что шляхтѣ прирождены всѣ добродѣтели и таланты, предлагаетъ однако слѣдующія мѣры, чтобы сообщить конституціи, не разрушая ея, *debitam formam*. Элекція королей не отмѣнена, но она должна происходить сначала на земскихъ сеймикахъ, которые называютъ только кандидатовъ; потомъ на сеймѣ выборомъ по большинству голосовъ одного изъ четырехъ первыхъ, названныхъ земствами, кандидатовъ. И передъ *liberum veto* авторъ притворно преклоняется, въ сущности же практически сводитъ его почти къ нулю, къ праву подачи особаго мнѣнія, которое предлагается къ инструкціямъ, даваемымъ посламъ на сеймѣ; но ни на сеймикахъ, ни на сеймѣ, ни выборы представителей, т.-е. маршаловъ, ни сила сеймовыхъ постановленій не зависятъ отъ произвола отдѣльнаго лица. Авторъ лишаетъ права участвовать въ сеймикахъ лицъ военныхъ и въ частной службѣ у кого бы то ни было состоящихъ. Сохраняя двупалатную систему въ устройствѣ сейма, Лещинскій переноситъ центръ тяжести народнаго представительства изъ общихъ собраній палаты въ предлагаемыя имъ министеріальныя совѣты, то-есть въ сеймовыя комитеты изъ извѣстнаго числа сенаторовъ и земскихъ пословъ, числомъ четыре, по четыремъ главнымъ предметамъ: войны, казны, юстиціи и полиціи. Совѣты вырабатывали бы законопроекты во время сейма, а въ промежуткахъ отъ сейма до сейма дѣйствовали бы, какъ высшія судебныя инстанціи. Староства (*panis bene merentium*) авторъ предлагаетъ взять въ казну и приобщить къ источникамъ государственныхъ доходовъ, министровъ назначать не пожизненно, а на шестилѣтія посредствомъ голосованія на сеймѣ, въ которомъ бы участвовали обѣ палаты и король; сдѣлать ихъ отвѣтственными за всѣ дѣйствія правительства, подчинить ихъ надзору министерскихъ совѣтовъ, образовать по воеводствамъ воеводскіе совѣты изъ воеводы и 4 земскихъ пословъ,

¹⁾ Какъ непрактиченъ Яблоновскій, какъ реформаторъ, видно изъ того, что онъ предлагаетъ чтобы подскарбій давалъ отчетъ въ приходахъ и расходахъ не передъ сеймомъ, а передъ сеймиками.

²⁾ Aleksander Rembowski, Stanisław Leszczyński jako statysta. «Niwa», 1878, zeszytu 80—86.

судейскія должности изъ избирательныхъ превратить въ пожизненныя. Не вводя въ свою программу участіе низшихъ безправныхъ классовъ въ народномъ представительствѣ, король-философъ кладетъ однако палецъ на большое мѣсто Польши—на неправильное отношеніе шляхты къ плебеямъ. „Всѣмъ, чѣмъ мы славимся, — говоритъ онъ, — мы обязаны простому народу. Очевидно, что я не могъ бы быть шляхтичемъ, еслибы хлѣбъ не былъ клопомъ. Плебенъ суть наши хлѣбодатели, они добываютъ для насъ сокровища изъ земли, отъ ихъ работъ намъ достатокъ, отъ ихъ труда богатство государства.—Они несутъ бремя податей, даютъ рекрутъ; еслибы ихъ не было, мы бы сами должны были сдѣлаться землепашцами, такъ что, вмѣсто поговорки: панъ изъ пановъ, слѣдовало бы говорить: панъ изъ клоповъ“. Предлагавшій эти поумѣры въ формѣ, исполненной дипломатическихъ недомолвокъ, правитель Лотарингій оказалъ въ теченіе многихъ десятковъ лѣтъ громадное личное вліяніе на общественное мнѣніе въ Польшѣ. Къ нему ѣздили на поклоненіе ревнители реформы; его дворъ въ Люневилѣ былъ тѣмъ сборнымъ пунктомъ, въ которомъ, знакомясь съ французскимъ интеллектуальнымъ движеніемъ Франціи, передовые люди Польши проникались французскою культурою и, пристращаясь къ ней, переносили ее потомъ на польскую почву. Дѣти высшей польской аристократіи воспитывались въ военной (рыцарской) школѣ, устроенной Лещинскимъ въ Люневилѣ. Новой формациі патриоты, любящіе свою родину, какою она должна быть, но думающіе и чувствующіе по французски, хотя они и выражались на преобразуемомъ ими, утончаемомъ и очищаемомъ отъ латыни польскомъ языкѣ, или гораздо дальше въ своихъ планахъ, нежели Лещинскій, были гораздо радикальнѣе во взглядѣ на устарѣлыя и варварскія по ихъ понятіямъ учрежденія родины. Изъ толпы ихъ выдѣляются особенно два лица духовнаго званія, весьма неравныя по заслугамъ, но тѣсно связанныя какъ по совокупной дѣятельности, такъ и по близости своей къ Люневильскому двору: Залускій и Конарскій.

Иосифъ-Андрей Залускій (1701—1741), епископъ кievскій, чешовѣцъ, пржесполненный аристократическихъ предразсудковъ и до того французоманъ, что читалъ на французскомъ языкѣ проповѣди для варшавскаго бо-монда; кромѣ того, страшный библиоманъ, собралъ богатѣйшее по части польской исторіи книгохранилище (около 300,000 книгъ, полтора десятка тысячъ рукописей), которое отказалъ потомъ во духовному завѣщанію народу (оно вывезено изъ Варшавы какъ русскій трофей и легло въ основаніе Императорской С.-Петербургской публичной бібліотеки). Подъ его руководствомъ образовался первый польскій бібліографъ Енишъ, переименовавшійся Яноцкимъ (соч. его: Janosiana); по почину Залускаго занялся издательствомъ старин-

ныхъ латино-польскихъ лѣтописцевъ лекарь Laurentius Mizler a Kołof. Станиславъ Конарскій (1700—1773) происходилъ изъ знатнаго семейства, вступилъ въ 17 лѣтъ въ орденъ піаристовъ, окончилъ свое образованіе въ Римѣ и Люневилѣ, вернулся въ Польшу въ 1730 г. и совершилъ три предпріятія, блистательно удавшіяся и богатыя послѣдствіями: реформу воспитанія, изданіе полнаго собранія законовъ и полное разоблаченіе передъ общественнымъ мнѣніемъ несостоятельности *liberum veto*. При помощи и поддержкѣ со стороны Залускаго Конарскій издалъ, въ 6 томахъ, такъ называемыя *Volamina legum*, полное собраніе законовъ Польши, начиная съ Вислицкаго Статута ¹⁾. Сначала ректоръ піаристской семинаріи въ Ржешовѣ, потомъ провинціалъ этого ордена, онъ открылъ въ Варшавѣ въ 1740 образецный закрытый пансіонъ (конвиктъ) для дѣтей аристократическихъ домовъ: *collegium nobilium*; потомъ ему удалось преобразовать всѣ вообще піаристскія школы. Альваръ былъ изгнанъ изъ преподаванія, болѣе развитіе получили математика, исторія, географія; наряду съ латынью преподавались новѣйшіе европейскіе языки и народный. Конарскій и его сподвижники приготовили отличные учебники по всѣмъ отраслямъ науки. Конвикты, заводимые Конарскимъ, не были, конечно, народными, ни даже шляхетскими школами, а модными заведеніями для великосвѣтской молодежи, въ которой эта молодежь получала блестящее свѣтское, хотя и не очень глубокое образованіе во французскомъ вкусѣ; но не слѣдуетъ забывать, что Конарскій былъ болѣе политическій, нежели научный дѣятель, что науку онъ любилъ не для самой науки, что посредствомъ воспитанія онъ хотѣлъ приготовить не столько ученыхъ, сколько вліятельныхъ людей, которые бы могли взять на себя починъ реформы политической, а въ дальнѣйшихъ ея результатахъ и социальной. Первостепеннымъ публицистомъ явился Конарскій въ 4-томномъ безымянномъ памфлетѣ: *O skutecznyu gad zrowobie* (1769—1763), въ которомъ, разбирая порядокъ сеймованія, обнаруживаетъ величайшій вредъ *liberum veto* и предлагаетъ способъ рѣшенія вопросовъ по большинству голосовъ. Авторъ бралъ зло такъ сказать за самые рога и поражалъ самый его корень, съ неотразимою логикою и громадвою начитанностью. Конарскій хотѣлъ бы видѣть престолъ наследственнымъ, короля лишить раздачи вакантныхъ должностей; думаетъ, что иностранныя державы не воспротивятся отъбѣгъ *liberum veto* и положенію такимъ образомъ предѣла анархіи; наконецъ считаетъ требованіе сеймованія возможнымъ при дружномъ усиліи преданныхъ идеѣ реформы патриотовъ; его дѣятельность не была обусловлена политикою дома Чарторыскихъ, но содѣйствовала не мало Чарторыскимъ

¹⁾ Второе изданіе полныхъ *Volamina legum* въ VIII томахъ съ инвентаремъ, сдѣлано Иосифомъ Огравко. Петербургъ, 1869—1880.

въ ихъ политикѣ. Книга эта произвела необычайно сильное впечатлѣніе, увлекла за собою всю знать, подвѣствовала и на шляхту ¹⁾, такъ что, когда наступить давно ожидаемый моментъ смерти послѣдняго короля изъ Саксонцевъ, людей, серьезно отстаивающихъ эту зеницу ока шляхетской вольности, уже почти не оказывалось.

Въ концѣ этого періода появляются первые опыты критической обработки исторіи Польши. Пруссіе Нѣмцы Гарткнохъ (ум. 1687), Ленгнихъ (1689—1774), Браунъ (ум. 1737), съ нѣмецкою усидчивостью и аккуратностью берутся за самый трудный и самый темный въ жизни народа предметъ, за исторію польскаго права. Чрезвычайно плодотворъ былъ историкъ, публицистъ и археологъ Симонъ Старовольскій, каноникъ краковскій (ум. 1656), оставившій до 60 сочиненій; современники называли его, по причинѣ обширной его начитанности, польскимъ Варрономъ. Иезуитъ Касперъ Несецкій (ум. 1744) оставилъ драгоценный матеріалъ для исторіи польской въ геральдическомъ сочиненіи, въ которомъ онъ собралъ и расположилъ по гербамъ исторію всѣхъ сколько-нибудь замѣчательныхъ родовъ шляхетскихъ. Это сочиненіе въ четырехъ огромныхъ томахъ издано было во Львовѣ 1728—1748, подъ заглавіемъ *Korona Polska* ²⁾.

4. ПЕРИОДЪ КОРОЛЯ ПОНЯТОВСКАГО (1764—1796) и ВРЕМЕНА ПРАЗДЪЛЬНЫЯ ДО ПОЯВЛЕНІЯ ПОЛЬСКАГО РОМАНТИЗМА (1795—1822).

Главные событія.

- 1764, 7 (19) октября—избраніе королемъ С.-А. Понятовскаго.
- 1766—Конфедерациа диссидентовъ, поддерживаемая Россією.
- 1767—Радомская конфедерациа. Ссылка сенаторовъ въ Калугу.
- 1768, 12 (24) февраля—Трактатъ съ Россією, гарантирующій кардинальныя права.
- 1768, 29 февраля (12 марта)—образованіе Барской конфедерациа.
- 1769—Коплявица.
- 1770—Барскіе конфедераты отрѣзаютъ Понятовскаго отъ престола.
- 1771, 3 (15) ноября—Покушеніе барскихъ конфедератовъ на короля.
- 1772—Первый раздѣлъ Польши.
- 1773—Сеймъ. Оппозиціа Рейтана.
- 1774—Уничтоженіе ордена иезуитовъ; учрежденіе Эдукаціонной Комиссіи.
- 1775—Учрежденіе непрестаннаго совѣта.
- 1787—Свиданіе въ Каневѣ Екатерины II съ Понятовскимъ.
- 1788, 5 (17) октября—Открытіе четырехлѣтняго сейма.
- 1791, 3 (15) мая—Новая польская конституціа.
- 1792, 14 (26) мая—Актъ Тарговицкой конфедерациа.
- 1792, 24 ноября (6 декабря)—Король присоединяется къ ней.

¹⁾ *Pamiętniki Matuszewicza* IV, 189.

²⁾ Трудъ Несецкаго, значительно дополненный, издавъ вновь Яномъ-Неломукомъ Боброянцемъ, въ 10 томахъ, Лейпцигъ, 1839.

- 1793—Второй раздѣлъ Польши; нѣмой гродненскій сеймъ.
 1794, 24 марта (6 апрѣля)—Возстаніе Косцюшки въ Краковѣ.
 1794, 17 (29) апрѣля—Переворотъ въ Варшавѣ.
 1794, 8 (20) ноября—Занятіе Варшавы Суворовымъ.
 1795—Третій окончательный раздѣлъ Польши.
 1807—Образованіе герцогства Варшавскаго.
 1815—Образованіе Царства Польскаго.

Со всякими затрудненіями сопряжено правдивое воспроизведеніе и оцѣнка тревожной эпохи, начавшейся съ избранія Понятовскаго и отличающейся тѣ порывистыми стремленіями къ радикальному преобразованію, то вакханаліями безпощаднѣйшей реакціи. Всѣ событія этого бурнаго времени имѣютъ двойственный смыслъ и характеръ. Во-первыхъ, онѣ представляютъ неудавшуюся запоздалую попытку спѣшной починки разваливающагося политическаго зданія. Та особенность, что осуществленію предпріятія помѣшало внѣшнее вмѣшательство, оставляетъ, повидимому, нерѣшимымъ вопросъ, насколько бы народъ осилилъ трудную задачу, еслибы вовсе не было этого препятствія; хотя, съ другой стороны, это внѣшнее вмѣшательство было роковымъ результатомъ застоя въ хронической анархіи, которой поддержаніе, имѣя существенный интересъ для сосѣдей, вошло какъ нѣчто существенное въ ихъ политику и сдѣлалось руководящимъ ея началомъ, такъ что всякое внутреннее преобразование въ Польшѣ XVIII в. осложнялось роковымъ образомъ внѣшнею войною и судьба народа становилась въ высшей степени трагическою. Но, во-вторыхъ, отъ тѣхъ же событій послѣдней катастрофы ведетъ свое начало возрожденіе, и социальное и литературное, которое по стеченію обстоятельствъ проявилось у Поляковъ раньше, чѣмъ у другихъ славянскихъ народовъ, но запечатлѣлось нѣкоторыми типическими чертами, мѣшающими иногда признать совпаденіе и сходство, вслѣдствіе наружнаго различія въ формахъ проявленія. Среди борьбы за гибнущую самобытность политическую проясняются у лучшихъ людей XVIII вѣка въ Польшѣ условія будущаго ея быта,—условія, вовсе не существовавшія въ старой Польшѣ и имѣющія быть созданными вновь. Всѣ эти люди имѣютъ въ виду цѣль весьма опредѣленную и чисто политическую, для нихъ горячаго патріотизма невозможное не существуетъ, они сильно заблуждаются на счетъ осуществимости задачи разомъ и надѣются внезапно создать условія и предпосылки, отъ которыхъ зависитъ осуществленіе ихъ идеала; при неизбѣжныхъ неудачахъ такихъ попытокъ ихъ стремленія вырождаются въ политическое мечтательство, но вмѣстѣ съ тѣмъ цѣль политическая отходитъ все болѣе въ неизмѣримую даль, а на первомъ планѣ становятся заботы дня, выработка предпосылокъ и условій уже не особеннаго

политическаго, а просто только особеннаго національнаго существованія. Хотя людямъ разсматриваемаго нами періода чужда еще была такая постановка подьскаго вопроса, которая выяснилась лишь недавно, послѣ множества неудачъ и разочарованій, но такъ какъ они внесли въ свой политическій идеалъ идеи, которыя сдѣлались руководящими началами современныхъ демократій, равенство людей, права человѣка, коренное измѣненіе не только неудачней средневѣковой политической машины, но и законовъ, не только законовъ, но и нравовъ, то они и являются любимцами—героями для будущихъ поколѣній, и если не творцами, то предвосвѣстниками воздвѣжнаго возрожденія.

Съ этой стороны литература времени короля Станислава-Августа представляетъ большой интересъ; она вся переплетена съ политикой ¹⁾.

Какъ политика, такъ и литература имѣють отпечатокъ французскій. Польская реформа шла по міровому, величайшему послѣ реформаціи, теченію просвѣдительныхъ идей XVIII вѣка. Королевскую власть ей пришлось, конечно, не умалить, а усилить; *tiers-état*, котораго вовсе не было, ей пришлось искусственно создавать; отъ французской философіи XVIII вѣка она заимствовала понятія о правахъ человѣка и отрицаніе всякихъ кастъ. Весьма еще малъ былъ процентъ людей руководимыхъ идеями реформы, а между тѣмъ медлить было невозможно, государственный корабль тонулъ, наполняясь водою по самый бортъ. Оставался одинъ нуть скрыто-задуманнаго, смѣло-исполненнаго государственнаго переворота или путь такъ-называемой политической интриги. Эту задачу предприняла *фамалія*, то-есть партія Гедиминовичей Чарторискихъ. (братья Михаилъ, канцлеръ литовскій, и Августъ, воевода русскій), обладавшіе громадными богатствами (вслѣдствіе бракосочетанія Августа съ послѣднею въ родѣ Сѣнявскихъ) и обширными родственными связями (съ Понятовскими, гетманомъ Клеменсомъ Браницкимъ). Отъ всѣхъ великопольскихъ программъ планъ Чарторискихъ отличался тѣмъ, что въ основѣ его лежала вполне государственная идея. Точки опоры для преодоленія анархіи они искали внѣ Польши; жертвуя призракомъ несуществующей уже самобытности политической и образуя русскую партію

¹⁾ Szujski, Dzieje Polski, t. IV.

— Henr. Szmitt, Panowanie Stanisława Augusta, 2 t. Lwów 1868—1870.

— W. Kalinka, Ostatnie lata panowania Stanisława Augusta, 2 t. (Въ Pamiętnikach z XVIII w., изданныхъ Жульскимъ, Познань 1868).

— J. I. Kraszewski, Polska w czasie trzech rozbiorów 1772—1799. Studia do historii ducha i obyczajów. Poznań, 3 tomu, 1873—1875.

— С. Соколовъ, Исторія паденія Польши. Москва 1865.

— С. Соловьевъ, Исторія Россіи, т. 28. Москва 1876.

— Н. Костомаровъ, Послѣдніе годы Рѣчи Посполитой. Петербургъ 1870.

— Roesfeld, Polen um die Mitte des XVIII Jahrhunderts. Gotha, 1876.

— Brügger, Polens Auflösung. Leipzig 1878.

— D. Angeberg, Recueil des traités et conventions concernant la Pologne, 1762—1862. Paris, 1862.

въ Польшѣ, они полагали, что въ интересахъ Россіи будетъ приобрести всю Польшу безъ дѣлежа, и что подъ крыломъ Россіи Польша возможно будетъ устроить свои внутреннія отношенія. Моментъ дѣйствія наступилъ для фамиліи со смертію въ 1763 г. короля Августа III; подъ охраною русскихъ штыковъ состоялся конвокаціонный сеймъ, на которомъ Чарторыскіе, заставивъ удалиться оппозицію въ лицѣ гетмана Браницкаго и Карла Радзивилла и превративъ его въ конфедерацію, то-есть въ собраніе, рѣшающее дѣла по большинству голосовъ, учредили комиссію войсковую и казенную, ограничивающую власть гетмановъ и подскарбія, преобразовали судъ, посягнули на *liberum veto*. Не вполне по ихъ волѣ, но по указанію русскаго правительства возведенъ въ 1764 г. на престолъ ихъ племянникъ, человекъ ихъ партіи и семьи, знакомый лично Екатеринѣ II, Станиславъ-Августъ Понятовскій, внукъ Андрея Морштына, поэта, и сынъ тончайшаго дипломата генерала Станислава Понятовскаго, почти безроднаго выскочки, бывшаго сподвижникомъ Лещинскаго и Карла XII, и кончившаго тѣмъ, что при Саксонцахъ онъ занималъ первое кресло въ польскомъ сенатѣ¹⁾. Удача Чарторыскихъ озадачила сосѣднія правительства, въ расчеты которыхъ вовсе не входило дать Польшѣ устроиться и окрѣпнуть; онѣ вдругъ потеряли свою вѣнскую точку опоры, и вся ихъ хитрая многолѣтняя работа рушилась. Россія потребовала равноправности для диссидентовъ и поставила Чарторыскихъ въ невозможное положеніе; поддерживать эти требованія они не могли, не теряя всей своей популярности, не прослывя измѣнниками. Съ другой стороны, въ Берлинъ и Петербургъ забѣжали польскіе анархисты, и на сеймѣ 1766 подать со стороны Россіи и Пруссіи протестъ противъ отмены *liberum veto*. Обереганію неприкосновенности этой „звѣзды ока“ шляхетской свободы рукоплескало большинство воснѣвшаго въ консерватизмъ шляхетскаго народа. Труднѣе было подвинуть сеймъ на противное и по остаткамъ чувствъ народной независимости и по религіознымъ понятіямъ—допущеніе до политическихъ правъ диссидентовъ. И эта цѣль была однако достигнута русскою политикою. По ея почину образованы диссидентскія конфедераціи въ Торнѣ и Данцигѣ, а потомъ (1767) генеральная въ Радомѣ. Устраненные отъ правленія олигарки, съ прощеннымъ императрицею изгнанникомъ, „литовскимъ медвѣдемъ“, княземъ Карломъ Радзивилломъ во главѣ, ополчились при содѣйствіи русскихъ солдатъ за нравственно противныя имъ права иновѣрцевъ, чтобы возвратить себѣ потерянное вліяніе и низвести короля съ престола. Эти надежды озлобленнаго вельможества не осуществились, только Чарторыскіе удалились со сцены; обезсиленный и униженный невольнымъ подписаніемъ Радом-

¹⁾ Kantecki, Ojciec Stanisława Augusta, въ *Ateneum* за 1876 г.

своей конфедерации король остался на мѣстѣ безъ званія и власти, между тѣмъ какъ настоящимъ посредникомъ партій и рѣшителемъ судебъ сдѣлался русский посолъ, князь Репнинъ. Попытки сеймовой оппозиціи были устранены ссылкой краковского епископа Солтыца и гѣсколькихъ друзей сенаторовъ въ Калугу; сеймомъ приняты и по своему трактату 12 (24) февр. 1708 г. гарантированы Россією какъ права польскихъ подданныхъ диссидентомъ, такъ и вѣрительныя права польскаго народа, въ томъ числѣ *liberum veto* во всѣхъ важнѣйшихъ вопросахъ внутренней и внешней политики (такъ называемая *materie status*).

Прямыхъ послѣдствіемъ Радомской конфедерации и трактата сейма о гарантіи была Варшавская конфедерация. Задѣтое стѣпни общими, народное чувство вызвало произвольное, внезапное религіозно-патріотическое движеніе. Весь край покрывалъ стучащими отрядами партизановъ, „кавалеровъ креста—рыцарей Маріи“. Легендарными лицами сдѣлались предводители движенія: недольскій епископъ Красявскій, Пулавскіе, монахъ кармелитъ ксендзъ Маршъ, козаки Сава; движеніе увлекло за собою и самого маршала Радомской конфедерации Радзивилла. На югѣ оно вызвало кровавую гайдамачину, бунтъ, извѣстный подъ именемъ *Колішаньши*. Это безпорядочное, переживавшееся съ мѣсто на мѣсто движеніе ни мало не соответствовало своей политической задачѣ. Конфедераты пошли на путь дальнихъ дипломатическихъ заискиваній, короли отрѣшились отъ престола, нѣкъ изгнѣнника, и даже покушались его вооруженною рукою изъ Варшавы похитить, вступали Россію въ турецкую войну и только усумрили раздѣлъ Рѣчи-Посполитой. Попытки преемника Репнина, князя Волконскаго, образовать опять русскую партію и противопоставить ее съ королямъ во главѣ конфедератамъ, оказались неудачными; нельзя было подвинуть на это дѣло людей, сколько-нибудь уважаемыхъ и честныхъ. Тогда императрица склонилась къ давнишнимъ предложеніямъ Фридриха-Великаго; Австрія приняла также участіе въ дѣлѣ, по которому Россія получила нѣкоторыя Бѣлорусскія губерніи, Австрія—Галицію, кромѣ Кракова, и часть Люблинской губерніи, Пруссія—Вармию и такъ-называемую Королевскую Пруссію отъ моря и устьевъ Вислы за рѣку Нотецъ (Netze), за исключеніемъ оставшихся при Польшѣ городовъ Данцига и Торна. Съ 13,300 квадр. миль поверхность Рѣчи-Посполитой сократилась до 9438 миль, съ народонаселеніемъ въ 8 миллионновъ жителей ¹⁾. Уступчивость короля не подлежала сомнѣнію, надлежало заставить сеймъ принять раздѣльный трактатъ. Главная роль въ этомъ актѣ самоуничтоженія выпала на долю продажнаго и безстыжаго циника

¹⁾ Корзонъ, въ *Ateneum*, 1877, № 5.

Адма Пошываго (протестъ на сеймѣ Т. Рейтана). Устранявъ правленіе на новыя началахъ предоставлено сеймовой делегации, которая продолжала эту работу не торопясь, вплоть до 1775 г. Новая форма правленія была вполне олигархическая, отъ короля отнята даже задача вакантныхъ должностей и старостствъ; несомнительная власть передана Непрестанному Совѣту (Rada Nieustająca) изъ 86 человекъ (18 сенаторовъ и министровъ и 18 человекъ отъ шляхетскаго сословія, избираемыхъ сеймомъ на два года), подраздѣляющемуся на департаменты (внѣшнихъ дѣлъ, войска, полиціи, юстиціи и казни). Въ Варшавѣ шелъ пиръ горой, совершался шумный дѣлежъ участникомъ власти шѣстами, деньгами, имѣніями. Предметами наживы были по-прежнему имѣнія, предназначенныя послѣ упраздненія ордена маію Климента XII (21 июля 1778) на дѣло народнаго просвѣщенія, и старостствъ или королевскихъ. Какъ тѣ, такъ и другія, весьма низко оцѣненные, раздаваемы были двумя радзоточными комиссіями на эмфитевтическомъ правѣ удостоивавшимся по слѣзкамъ получить ихъ, лицамъ. Король одобренъ улагодой его долговъ и предоставленіемъ ему укомментовать на первый разъ Непрестанный Совѣтъ. Рѣшителемъ судебъ были съ тѣхъ поръ не король и не совѣтъ, а представитель Россіи въ Варшавѣ—Штакельбергъ. Этотъ моментъ наибольшаго не только политическаго, но и нравственнаго паденія народа послужилъ началомъ дѣлому двадцатилѣтнему періоду (1772—1793), на который личность короля Станислава-Августа имѣла большее вліяніе, такъ что именемъ его бываетъ ознаменованъ этотъ періодъ. На личности этой, еще болѣе замѣчательной въ исторіи литературы чѣмъ въ политической, слѣдуетъ остановиться ¹⁾.

Станиславъ-Августъ Понятовскій былъ бесспорно одинъ изъ образованнѣйшихъ философовъ XVIII в., притомъ человекъ несомнѣнно благонравнѣйшій, трудолюбивый и серьезно старавшійся сыграть съ достоинствомъ и наилучшимъ по возможности образомъ многотрудную роль польскаго короля. Умъ онъ имѣлъ тонкій, критическій, проникательный, вкусъ отгѣнно-наидный; онъ цѣнилъ поразительно вѣрно людей и событія, былъ расудителемъ и расчетливъ, безъ огня страсти, безъ мессии и увлеченія. Нельзя отказать ему и въ выдержкѣ при осуществленіи намѣреній, но дѣятельность его лишена была всякихъ нравственныхъ устоевъ, нравственной подкладки; отсутствовала та сила воли, которая заставляетъ человека идти почти на невозможное, ставить жизнь на карту, умирать за идею. Стоять во главѣ консервативаго чухъ старымъ испытаннымъ знаменемъ шляхетства и отстаивать старую Польшу, съ Барскими конфедератами заодно, ему мѣшали его

¹⁾ Лучшая характеристика короля Станислава-Августа въ приведенной выше книгѣ Калинки, *Ostat. lata etc.* См. также *Correspondance du Roi Stan.-Auguste P. et de M-me Geoffrin*, par Charles de Mouty. Paris. 1875.

философія убѣжденія. Идемъ во главѣ негаторова, на встрѣчу величайшей катастрофы и призвать въ крайнемъ случаѣ даже революціонные элементы на національную войну противъ сосѣдей—онъ не могъ, но наделяя энергію въ характерѣ, но отсутствію снѣлаго почина. Но онъ не былъ бадръ даже настолько, чтобы запечатлѣть свою вѣрность убѣжденіямъ страдательнымъ сопротивленіемъ, отказомъ наложить руку на то, что онъ самъ создавалъ и устранивалъ. Когда, по его ображеніямъ, потерпаны были средства отклонить неизбежное событіе, Станиславъ-Августъ мирился съ нимъ, умывая руки, принималъ предлагаемое, проходилъ подъ иго требованій, какъ бы они для него унижительно ни были, и продолжалъ лицедействовать, какъ будто бы не случилось вовсе перемѣны. Не будь этой уступчивости, очень можетъ быть, что уже въ 1772 г. Польша была бы ованчательно раздѣлена, слѣдовательно ей обяваны своими успѣхами литература, просвѣщеніе и идеи политическія, развившіяся въ теченіи двадцати лѣтъ зависимаго и непрочнаго существованія, когда главнымъ лицомъ въ Варшавѣ былъ не король, а Штакельбургъ. Несмотря на свое олигархическое происхожденіе, Непрестанный Совѣтъ былъ первымъ организованнымъ центральнымъ учрежденіемъ, подраздѣляющимся по замону дѣленія труда на департаменты по роду дѣлъ, и принесъ громадную пользу. Вслѣдъ за отдѣломъ по-іезуитскихъ книгъ на дѣло народнаго просвѣщенія, установлена, въ 1773 году, Эдукаціонная Комиссія, которой передано все воспитаніе народное и которая была первымъ въ Европѣ министерствомъ народнаго просвѣщенія.

Это установленіе совершило дѣло несравненно болѣе яркое, нежели всѣ политическія преобразованія, потому что оно пережило паденіе Польши и содѣйствовало въ значительной степени сохраненію польской народности и усиленію въ XIX столѣтіи ея всесторонняго нравственнаго вліянія во всѣхъ странахъ, входившихъ въ составъ прежней Рѣчи-Посполитой, и даже за ея предѣлами. Эдукаціонная Комиссія состояла изъ восьми лицъ, между которыми особенныя услуги оказали: Хрестовичъ, подданцлерій литовскій; Игнатій Потоцкій, писарь литовскій; Адамъ Чартерновій, генераль подольскихъ земель; Андрей Замоискій, ванцлеръ; секретаремъ Комиссіи былъ Григорій Пиромовичъ, главный составитель ея уставовъ. Комиссія имѣла мѣсто-пробываніе въ Варшавѣ, носила для осмотра училищъ особыя инспекторовъ и дала сейму отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ. Преобразовала до основанія обѣ академіи, краковскую и виленскую, и измѣнивъ въ нихъ и планъ и методы преподаванія, Эдукаціонная Комиссія сдѣлала изъ нихъ центры управленія—изъ краковской академіи для Корони, изъ виленской, переименованной въ шлявскую школу—для Литвы. Республика раздѣлена въ учебномъ отношеніи на 9 округовъ; въ важ-

домъ округѣ открыта одна высшая школа съ гимназическимъ курсомъ и нѣсколько подъ-обруженныхъ, въ родѣ нѣмецкxъ училищъ. Общій уставъ для польскихъ и литовскихъ училищъ, выработанный Коммиссіею, введенъ въ дѣйствіе въ 1788 г. Для снабженія школъ королевскими учебниками учреждено при Коммиссіи общество элементарныхъ книгъ, въ которомъ засѣдали ученѣйшіе изъ тогдашнихъ Поляковъ (Гуго Коллентай, Янъ Смидецкій, Онуфрій Попчинскій). Общество открыло конкурсъ на составленіе душевн. учебниковъ и посредствомъ этой мѣры польская литература обогатилась возникшею внаслѣдствіе цѣлою педагогическою литературою. Всего труднее было найти способныхъ учителей; на первый разъ пришлось довольствоваться эвсъ-іезуитами, которые по старой привычкѣ не могли сочувствовать вводимымъ въ преподаваніе переменамъ; учительскія семинаріи, открытыя въ Краковѣ, Вильнѣ, Кельцахъ, Лембурѣ, не вдругъ могли принести плоды. Впрочемъ и этотъ недостатокъ поновился къ началу великаго четырехдѣятнаго сейма; вѣковская академія очнувшись отъ своего вѣковаго сна, и вилновская главная школа развивалась быстро подъ энергическимъ руководствомъ своего неутомимаго ректора, эвсъ-іезуита Мартина Одляницкаго Почобута (род. 1728, сложилъ должность ректора 1799, ум. 1810).

На основаніи своихъ речей сейма король обязался учредить своимъ коштомъ военное училище. Не щадя издержекъ, онъ устрояетъ въ 1786 г. въ Варшавѣ (въ Казимировскомъ дворцѣ, гдѣ теперь университетъ) корпусъ кадетовъ или рыцарскую школу, которой король былъ шефомъ, а командиромъ Адамъ Чарторискій. Поступали въ этотъ корпусъ юноши уже взрослые (16 до 18 лѣтъ), число кадетъ не превышало 80, направленіе преподаванія было не столько техническое, сколько философское, гуманное, въ воспитанникахъ старались развить въ возможно большей степени чувства гонера и любви къ отечеству. Изъ этой школы вышли Косцюзко и Нѣмецкичъ.

Ограниченный со всѣхъ сторонъ и зависимый, король имѣлъ полную возможность заниматься на досугѣ литературою, окружать себя отборными поэтами и артистами, ободрять ихъ словомъ, поощрять ихъ деньгами, устраивать свои четверговые обѣды, и старался славой покровителя наукъ и художествъ прикриты позоръ уменьшенной на поминку короны. Другимъ любимымъ королевскому центромъ сдѣлалась Пулава, гостеприимный магнатскій домъ князей Чарторискихъ.

А) Последніе тихіе года передъ крушеніемъ.

Въ обществѣ польскомъ XIX вѣка, послѣ Мицкевича, завелось обыкновеніе пренебрегать литературою царствованія Понятовскаго. На ней вознѣтъ тяжелымъ камнемъ обвиненіе въ подражательности француз-

жизнь, въ измѣнѣ народному духу. Замѣчательно, что это обвиненіе явилось только въ XIX столѣтіи, что въ свое время польская старина оказывала этой подражательности одно лишь пассивное сопротивленіе инерціи, одно тупое и бессмысленное отрицаніе всякой новизны; въ рѣшительную минуту, отъ которой зависѣла жизнь или смерть народа, старина собралась съ силами на то только, чтобы сказать свое слово и самоубійственно посягнуть на самое существованіе государства (конфедерація тарговицкая). Когда Польша пала, шляхетство отодвинулось въ даль, усилѣ обрости мехомъ и вѣсьнянь, тогда-то послышались голоса, выражавшіе сожалѣніе о томъ, что эта старина исчезла; умершее въ жизни стало воскресать въ пѣсни, причемъ требованія и краски настоящаго подвѣдывались весьма часто подъ образъ предвѣснаго. Старое шляхетство было уже исчерпано въ XVIII столѣтіи, идеалы его оказывались несостоятельными, общество требовало обновленія, проложенія новыхъ путей въ творчеству. Для своего обновленія оно должно было прибѣгнуть къ заимствованіямъ. Изъ Франціи вѣяло тогда на всю Европу сухой и рѣзкій вѣтеръ рационализма. Популярная философія французскихъ энциклопедистовъ, дѣйствовавшая орудіемъ здраваго человѣческаго смысла во имя неотъемлемыхъ правъ личности, пришлась какъ разъ въ пору польскому обществу XVIII вѣка и помогла ему взглянуть на свой бытъ критически, опредѣлить и сформулировать свои неясныя стремленія къ лучшему порядку вещей. Всѣ переходные люди тогдашняго времени—раціоналисты, поклонники Вольтера и Руссо, любители французской культуры. Они пропитаны ею до мозга костей и потому съ превѣніемъ относятся къ стариннымъ учрежденіямъ Польши, къ ея „варварству“, съ превѣніемъ тѣмъ болѣе понятнымъ, что они сознавали въ себѣ призваніе къ безпощадной войнѣ со всѣми порожденіями среднихъ вѣковъ. Заимствованія начались, какъ обыкновенно водится, съ внѣшностей, съ простыхъ подражаній модѣ, костюмамъ, складу рѣчей. Потомъ постепенно подражаніе стало уступать мѣсто сознательному усваиванію того, что приходилось обществу польскому по темпераменту и росту, и постепенной переработкѣ чужого въ собственную плоть и кровь. Оба эти момента отразились въ польской поэзіи, которая представляетъ разнообразнѣйшіе типы и легкомысленнаго пренебреженія роднымъ и просвѣщеннаго патріотизма, умѣющаго цѣнить свое собственное. Литература эта, которая носитъ названіе классической, есть отголосокъ и конія французской литературы освобожденія, а французская литература освобожденія, какъ ни далека она отъ придворнаго классицизма своими внутренними тенденціями, во внѣшней формѣ и приѣмахъ часто носитъ отпечатокъ той же сухости и холодности, которыми отражались вдвое сильнѣе въ подражаніяхъ. Тѣми же свойствами отличается поэтому и ея польская

воля; она бѣдна творчествомъ, но блещетъ остроуміемъ, отличается изысканнымъ изяществомъ формы, шлифуетъ тщательно и тонко всякій стихъ и всякую фразу. Главная сила ея заключается въ сатиру. Эта сатира рѣвно и безошибочно бичуетъ общественные недостатки и пороки и въ патристическомъ негодованіи доходитъ до насоса, поражаетъ мрачною глубиною и искренностью чувства. Въ искусственно насажденномъ дѣтннкѣ польскаго классицизма есть всякія растенія и ядовитыя и полезныя; въ ядовитымъ можно отнести Венгерскаго, къ наиболее здоровымъ и полезнымъ Красицкаго и Нарушевича; если къ нимъ прибавимъ два тревестепенныя свѣтила: Каринискаго, Князнина, наконецъ, драматурга Заблонскаго, то этими семью лицами можетъ быть представленъ почти весь польскій Парнасъ въ періодъ затишья между первымъ раздѣломъ и окончательною катастрофою. Намъ слѣдуетъ звучать каждому изъ этихъ поетовъ.

Она-Казтанъ Венгерскій (1755—1787) представляетъ примѣръ полного увлеченія иностраннымъ, которое доведено до низвоклонства и кончается тѣмъ, что описывая свои задушевные мечтанія, свое желаніе посѣтить Парижъ, а потомъ поселиться на родинѣ Руссо, въ мѣстѣ жительства Вольтера, на прелестныхъ берегахъ Женевскаго озера, поэтъ восклицаетъ: „Куда ты меня увлекаешь, мысль моя неспокойная! надобно остаться въ отечествѣ въ числѣ несчастныхъ, среди варваровъ, едва выдвигающихся изъ тѣмъ, и стонать подъ ярмомъ грубѣйшихъ предрассудковъ“¹⁾. Сынъ незнатныхъ родителей, одаренный блистательнымъ поэтическимъ талантомъ, Венгерскій вторся ко двору, сдѣланъ королевскимъ шамбеляномъ, но надобѣлъ всѣмъ своимъ злымъ, острымъ языкомъ, который не слу-

1) Najpierwej twe Paryżu szedłbym widzieć dziwy,
I z źródnia różnych zabaw czerpiąc potrosze
Chwilebym na nauki dzielił i roskosze,
Póki by krew gorąca i potrzebne siły
Takiego mi sposobu życia dozwoliły.
Ale jakbym się tylko zbliżał do starości
Gdzie mniej trzeba uciechy a więcej wolności
Tamby najpierwsze osiąść było me staranie,
Kędy ojczyzna Russa, Woltera mieszkanie.
Tam wespól z pracownemi obcując Szwajcary
Paliby tym dwóm mężom niezgasłe ofiary,
J od brzegów Genewy rzekłbym sobie z cicha:
Darmo Polak do dawnej szczęśliwości wzdychał
Ale gdzie mnie uwodzisz obłądliwa myśl!
Próżno sobie mój umysł obraz szczęścia kryśli.
Trzeba zostać w ojczyźnie, w liczbie nieszczęśliwych...
Chwalić wartych nagany, przed podłemi klękać,
Pod jarzmem najgłębszego uprzedzenia stękać,
Widzieć co dzień nieuków mędrcami nazwanym.
I bzdurzących o cnocie za cnotliwych mianym...
Nie sądzicie że jesteście bliźcy oświecenia;
Ledwie się z barbarzyństwa dobywacie cienia.

свалъ даже самому королю ¹⁾ и стажалъ Венгерскому безчисленное множество враговъ. Въ 1779 г. вслѣдствіе пасквиля на императрицу онъ долженъ былъ оставить дворъ, отправился за границу, велъ жизнь очень веселую, къ чему давала ему средства счастливая карточная игра, посѣтилъ Италію, Францію, Америку, Англію, наконецъ, истощивъ свои силы всевозможными излишествами, умеръ отъ чахотки въ Марсели на 33 году жизни. Венгерскій смотрѣлъ на жизнь какъ на шумную оргію, какъ на непрерывающійся маскарадъ; онъ былъ эпикуреецъ и воспѣвалъ одну только философію наслажденія. Мастеръ острить, въ остротахъ онъ всего ближе подходитъ къ Вольтеру. Венгерскій осмѣиваетъ священнѣйшіе предметы ²⁾, муза его любитъ нескромные сладострастные рассказы, наконецъ онъ доходитъ до крайнихъ предѣловъ цинизма во множествѣ сальныхъ стихотвореній, которыя ходили въ рукописи по рукамъ, остались неизданными и могутъ соперничать съ знаменитѣйшими французскими произведеніями подобнаго свойства изъ послѣдней четверти XVIII вѣка.

Внѣреннй, легкомысленный, Венгерскій при всѣхъ недостаткахъ былъ все-таки, что называется, добрый, честный малый; не торговалъ своимъ талантомъ, и стоялъ, если не по искусству писать звучные стихи, то по нравственному характеру, несравненно выше другого шамбелана королевскаго, такого же атеиста и эпикурейца, Станислава Трембецкаго, въ которомъ можно видѣть образецъ придворнаго паразита-стихотворца (род. около 1723, ум. 1812). Трембецкій имѣлъ бойкое перо, тонкій вкусъ, и былъ хорошо знакомъ съ латинскими классиками и даже съ мало читаемыми въ то время старинными польскими поэтами періода Сигизмундовъ. Ему принадлежитъ безъ всякаго спора слава перваго въ свое время стилиста, услуги оказанныя имъ языку велики; будучи курьезомъ, онъ по возможности изгонялъ изъ языка иностранныя слова и обороты и изобрѣлъ множество новыхъ, поражающихъ своею силою и выразительностью. Самъ Мицкевичъ считалъ его первокласснымъ мастеромъ по отдѣлкѣ стиха, и научился у него

¹⁾ *A ukońce obiady: kawał to może imię
Gdzie połowa niegada, a połowa drzymie,
W których król wszystkie musi zastąpić ekspensą
Dowcipu, wiadomości, i wina, i mięsa.*

(А ученье обѣды на которыхъ половина собесѣдниковъ молчатъ, половина дремлетъ, король же самъ несетъ всѣ издержки ума, познаній, и мяса, и вина.)

²⁾ *... załbym widzieć Pana Boga,
Jak powaźnie na tronie z djamentów siada,
Jak grzeszenie bez ministrów tą machiną włada,
Bo jak moim rozumem słabym mogę sądzić
Trudno kawałkiem ziemi, trudniej światem rządzić etc.*

(Хотѣлъ бы я видѣть Господа Бога, какъ воссѣдаетъ онъ престолю на алмазномъ тронѣ, какъ управляетъ онъ лозью машиною, обходясь безъ министровъ. Насколько могу я судить слабымъ умомъ, трудно управлять кускомъ земли, труднѣе еще вселенною... и т. д.)

многому. Впрочемъ, величественные образы и торжественные аккорды прикрывали мысль очень часто убогую и пошлую. Трембецкій не отличалъ поэзіи отъ стихотворства, за формою не видѣлъ содержанія, онъ былъ жрецъ чистаго искусства, для котораго всякое содержаніе безразлично. Если бы онъ поставленъ былъ судьбою въ другое общественное положеніе, то по всей вѣроятности онъ бы и ограничился любезничаньемъ съ дамами, сочиненіемъ легкихъ стипендіальныхъ анакреонтическихъ содержанія и другихъ подобныхъ бездѣлушекъ, въ родѣ французскихъ vers de société того времени ¹⁾; но Трембецкій очутился на дворѣ королевскомъ, среди сильнѣйшаго разгара политическихъ страстей, его и заставили писать политическіе памфлеты на заданныя темы, хвалить по приказанію или ругать тѣхъ, кого онъ прежде превозносилъ. Трембецкій, который отличался полнымъ отсутствіемъ убѣжденій, готовъ былъ на всякія услуги. Своё достоинство чувствовалъ онъ такъ слабо, что въ одномъ изъ своихъ стихотвореній онъ уподоблялъ себя собачкѣ короля Понятовскаго. Онъ раточаетъ передъ королемъ самую пошлую лесть, называя его „отцомъ отечества“. „Отъ тебя,—говоритъ онъ,—идетъ свѣтъ, сіяющій между нами, который сдѣлаетъ насъ опять достойными имени Славянъ. Твоими стараніями просвѣщенный полякъ умѣетъ предпочитать прекрасную смерть безславному бытію... Ты насъ наставлялъ, прославилъ и украсилъ. Явись, Фурія, и скажи: что могъ онъ сдѣлать и чего не дѣлалъ“ ²⁾. Король былъ въ самомъ дѣлѣ умный, любезный человекъ и благодѣтель Трембецкаго; можно было бы подумать, что благодарность ослѣпила стихотворца, скрыла отъ него недостатки короля и заставила забыть о необходимыхъ приличіяхъ. Но не одному королю льститъ Трембецкій; есть много произведеній его, которыя не иначе могутъ

¹⁾ Приведу для примѣра пьесу, въ которой Трембецкій изобразилъ всего лучше самого себя и свое направленіе:

O, wdziękow zbioru,
Piękności wzory,
Panie, królowe, boginie!
Niech wasze oko
Sięga głęboko,
Niesądząc gracza po minie.
Włos mi ubielił
I twarz podzielił
Srogi czas w różne zagony,
Lecz za tę szkodę
Dał mi w nagrodę
Serdeczny upał związony.

Tak Hekla siwa
Smieglem pokrywa
Swoje ogniste pieczary;
Wierzch ma pod lodem,
Zielona spodem
I wiesane karmi pożary.
Płyn mi w potoku
Bachowy soku,
Ręką przełaną żyźliwą,
Gdy na cześć waszę
Pełniąc tę słaszę,
Przudaszam ogień otwą.

(Прелестныя созданія, образцы красоты, мои царицы, мои богини! Вглядитесь въ меня пристальнѣе и не осудите игрока по наружности. Жестокое время убѣдило мою голову и взбороздило лицо, но въ замѣнъ оно удвоило жаръ сердечный. Такова сѣдая Гекла, покрывающая свѣгомъ свою огненную утробу; ея голова одѣта льдомъ, ея стопы зеленѣютъ, а въ сердцѣ вѣчно пламя. Струюсь живѣй, Вакховъ влага, наливаемая добродетельной рукой. Въ честь вашу, наполю я эту чашу; тую наслоню огонь).

²⁾ Wieraz do St. Augusta powracającego z podróży Wołyńskiej, 1787 r.

быть объяснены какъ литературной его врожденностью. Когда орденъ иезуитовъ уничтоженъ былъ напою Климентомъ XIV, Трембецкій, атеистъ въ душѣ, пишетъ элегію на его паденіе ¹⁾. Будучи въ числѣ вѣтербургскихъ пансіонеровъ, Трембецкій прославляетъ высочайше-личному тономъ доблести сѣверной Минервы и ея сподвижниковъ, соединяющихъ версальскую любезность съ отвагою Скивовъ. Онъ воспѣваетъ подобнаго ведру дамасскому Потемкина и Румянцова, который повергъ двурогую луну подъ стопы своей повелительницы ²⁾. Совершенно невозможный, чуждый всякаго патриотизма, Трембецкій воспѣваетъ, однако, патристическими стихами кузнеца, который пожертвовалъ нѣсколько походныхъ фургоновъ для войска Рѣчи-Посполитой ³⁾, во время грануль громъ и на сеймѣ въ Гроднѣ, послѣ знаменитаго нѣмаго засѣданія, поднятъ былъ второй раздѣлъ Польши, у Трембецкаго достало смѣлости и духу утѣшать возвращавшихся изъ Гродна сеймовыхъ пословъ и хвалить ихъ за ихъ радѣніе о Рѣчи-Посполитой. Чтобы чѣмъ-нибудь оправдать свою наглѣбу, Трембецкій и изобрѣлъ нѣкую панславистическую теорію и на свѣжей могилѣ отечества онъ, воспѣваетъ, поетъ о братскомъ единеніи единопольныхъ племенъ ⁴⁾. Въ одѣ къ князю Репнину, по поводу замышляемой войны съ Турціею, Трембецкій говоритъ слѣдующее: „сроспихъ силами и укѣпившись, мы разрушимъ рѣшетки гаремовъ и потанцуемъ въ Стамбулѣ съ обво-

1) ... synów Ignacego ta sława przed światem —
Tysiąc z nich męczenników, żaden nie był katem.
Chcąc zupełnie wywrócić gmach świątyni stary
Trzeba było najpierwej obalić filary:
Tym końcem towarzystwu cios zadając silny,
Ten raz wierzę, Klemensie, żeś jest nieomylny!..
Z tych kolumn zgruchotanych zbierając kamuki,
Możecie mieć, królowie, piękne mozaiki.

(Смыслъ Лойоли тѣмъ могутъ похвалиться, что орденъ далъ тысячи мучениковъ, во ни одного палача. Для подпопанія стариннаго храма, надобно было прежде всего сокрушить столбы; если съ этою цѣлію ты нанесъ ударъ ордену, о Климентъ, то я вѣрю, что ты непогрѣшимъ... Цари! собирая камни изъ дребезговъ опрокинутыхъ колоннъ, вы можете составить прекрасныя мозаики).

2) Dorodni, oświeceni i pełni zaszczytów
Łącząc grzeszność wersalską z walecznością Scytów...
Jako na damasceńskiej cedr wyniosły górze
Śród jaworów obłoki wyższą głową porze,
Tak Potemkin szlachetny między całym dworem...
Był i Romadcow przy niej, który dumne rogi
Książęcowe podesał pod Pani swej nogi.

(Do Ad. Naraszewicza z powodu podróży Kaniowskiej).

3) Wiersz do Jana Maryjańskiego, kowala.

4) Z tegoż się co my szczeru, Rosstjanin rodzi,
Równiej mu się odwagi uwłóczyć niegodzi.
Lecz kraj ludny, rozległy, a monaraze wierny,
Z trzech powodów przed naszym trzymam przed niemierny.

(Россіянинъ происходитъ изъ того же племени, изъ котораго и мы, мы не можемъ отказать ему въ равномъ нашему мужествѣ. Но страна эта, обширная, населенная и вѣрная своимъ монархамъ, имѣетъ передъ нами преимущество въ этихъ трехъ отношеніяхъ).

рожительными дочерьми солнца“¹⁾). Въ дополненіе къ характеристикѣ Трембецкаго скажемъ, что эпиграммы его были грубыя и плоскія, а политическія пьесы смакиваютъ на поэтическіе доносы. Одинъ изъ самыхъ гнусныхъ доносовъ такого рода носитъ заглавіе: *Joannes Sarcasmas*, и направленъ противъ подозрѣваемаго въ явобинствѣ публициста Войтѣха Турскаго, которому Трембецкій сулитъ розги въ исправительномъ заведеніи, послѣ чего совѣтуетъ помѣстити его въ домъ сумасшедшихъ.

Конецъ Трембецкаго былъ плачевный. Когда короля не стало, Трембецкій нашель пріютъ при дворѣ одного изъ самыхъ высочайшихъ вельможъ и самыхъ мрачныхъ политическихъ дѣятелей того времени, Феликса Потоцкаго, зачинщика торговицкой конфедераціи. Потоцкій женатъ былъ на гречанкѣ Софіи, купленной за деньги на базарѣ невольницъ въ Стамбулѣ и славившейся на всю Европу своею красотой и своимъ развратомъ; въ честь ея Потоцкій устроилъ садъ, стоившій милліоны, близъ Умани въ Подоли, который назвалъ Софіевкой (*Zofjówka*). Услаждая досуги своего новаго господина, семидесятилѣтній Трембецкій сочинилъ длинную описательную поэму по образцу Деллия, которая воспѣваетъ всѣ прелести Софіевки и завершается философскимъ мировоззрѣніемъ умирающей цивилизаціи, заимствованнымъ отъ *Лукреція*: „Основа бытія безъ конца и начала, оно не прибываетъ и не убываетъ, но является все въ новомъ видѣ. Нѣтъ во мнѣ ни одного атома изъ тѣхъ, которые составляли мое тѣло назадъ тому полвѣка, но на ихъ мѣсто пищу, ѣдою и питьемъ я усвоилъ себѣ частицы другихъ существъ. Ежеминутно выдѣляя изъ себя частицы, я питаю другія созданія. Когда портящееся постепенно строеніе нашего тѣла перестанетъ быть способнымъ къ воспріятію небеснаго огня, наступаетъ то, что мы называемъ смертію, наши же остатки раздаетъ другимъ живущимъ существамъ утроба великой матери“²⁾).

На старости лѣтъ Трембецкій видимо опустился, впалъ въ нищету; этотъ блестящій нѣкогда кавалеръ, который имѣлъ до 30 поединковъ, большею частью изъ-за женщинъ, сталъ грязнымъ веряхомъ и чудачкомъ-нелюдимомъ; онъ умеръ незамѣченный и всѣми забытый въ концѣ памятнаго 1812 года.

Успѣхъ Трембецкаго, при всемъ внутреннемъ ничтожествѣ его произведеній, есть явленіе патологическое, болѣзненный плодъ гніенія. Но общественный организмъ при всей своей порчѣ пускалъ изъ себя здо-

¹⁾ Wkrótce zrosłem krzepcy siłami
Rozkwaszy kratae haremu,
Z uwolnionemi słońca corami
Naszą w Stambule będniewmy.

²⁾ Wątek wazech rzeczy nie ma początku i końca...
Nigdy go nie przygasta, nigdy nie ubywa, etc.

ровне и сильныя ростки, свидѣтельствующіе о присутствіи нравственныхъ силъ. Выдающимся и вѣрнѣйшимъ представителемъ XVIII вѣка въ Польшѣ—въ томъ, что этотъ вѣкъ имѣлъ благороднаго, гуманнаго, общечеловѣчнаго—явился Игнатій Красицкій ¹⁾, епископъ варшавскій (род. на Руси Червоной, въ Дубецѣ, 1735, ум. въ Берлинѣ, 1801). Съ дѣтства онъ былъ поставленъ въ самыя благоприятныя условія и по происхожденію, и по богатству, и по общественному положенію. Родъ его весьма старинный и знатный, и получилъ когда-то графское достоинство отъ германскихъ императоровъ. Родители его имѣли значительныя помѣстья въ землѣ санокской; не желая раздробить этихъ помѣстій между своимъ многочисленнымъ потомствомъ, они обрели съ равныхъ лѣтъ Игнатія и трехъ младшихъ братьевъ его въ духовное званіе, въ надеждѣ, что при ихъ связяхъ дѣти ихъ достигнутъ высшихъ мѣстъ въ церковной іерархіи. Нельзя сказать, чтобы наклонности живого и впечатлительнаго мальчика соответствовали поприщу, къ которому его предназначали, на священство смотрѣлъ онъ какъ на карьеру. Онъ учился во Львовѣ у іезуитовъ и занимая уже нѣсколько доходныхъ духовныхъ должностей, отправился въ Римъ обанчивая свое воспитаніе. Здѣсь (1760—1761), въ столицѣ католицизма, умъ юноши-священника былъ болѣе всего пораженъ не блескомъ богослуженія и преданіями церкви, но великими воспоминаніями античнаго Рима. Онъ самъ говоритъ о себѣ, что онъ съ благоговѣніемъ касался почвы, по которой ходили нѣкогда Катоны; любимымъ мѣстомъ прогулокъ его было *forum romanum*.

Воображеніе рисовало ему на этомъ мѣстѣ роstralную трибуну, ему слышались рѣчи Гракховъ, Гортезиовъ, Цицероновъ; монахи бернардинцы, обладатели остатковъ храма Юпитера Олимпійскаго, казались ему древними авгурами; даже гусей на скалѣ Тарпейской считалъ онъ потомками тѣхъ, которые спасли Римъ отъ Галловъ. Любознательный путешественникъ, восторгающійся прошедшимъ, не теряетъ изъ виду и дѣлей практическія, думаетъ о томъ, какъ бы себя пристроить и родъ свой возвеличить, украсить и роднымъ людямъ помочь. „Ты будешь посредствомъ экономки имѣть деньги,—писалъ онъ шутя изъ Рима къ брату,—а я буду посредствомъ дамскаго шарлатанства добиваться повѣщенія, а коль скоро хотя по одному изъ этихъ путей будетъ удача, можетъ быть, даму посчастливится“. По возвращеніи въ Польшу въ 1762, образованный, молодой аббатъ, прославившійся проповѣданіи въ церквахъ, а еще болѣе неистощимымъ искромет-

¹⁾ J. I. Kraszewski, Krasicki, życie i dzieła, kartka z dziejów literatury, въ журналѣ Ateneum, 1873, № 2, 3, 5, 7; Ad. Mieszko Maliszkievicz, Kilka szczegółów do biografii Krasickiego, въ Kłosach, 1878, № 688—691; P. Chmielowski, Charakterystyka I. Krasickiego, въ журналѣ «Niwa», 1879.

нымъ остроуміемъ въ салонахъ, встрѣтился въ Варшавѣ съ столянникомъ литовскимъ, угадавшимъ въ немъ сразу будущаго польскаго Вольтера; вслѣдствіе чего, когда столярникъ сдѣлался королемъ, Красицкій сталъ къ нему близкимъ человѣкомъ, любимцемъ, которому въ письмахъ къ г-жѣ Жоффренъ король даетъ фамилярное прозвище Минета (Minet). Дружба короля пригодилась Красицкому въ очень непродолжительномъ времени. Въ этой части королевской Пруссіи, которая называлась Варміею (Ermland), доживалъ послѣдніе дни свей старій епископъ Грабовскій. Слѣдовало освободиться пріноканіемъ коадьютора (викарія), который бы по его смерти занялъ его мѣсто. Отъ коадьютора-епископа требовалось, чтобы онъ былъ обывателемъ прусскій, членъ капитула, чтобы Грабовскій предложилъ его капитулу и чтобы капитулъ его выбралъ. Друзья помогли Красицкому удовлетворить двумъ первымъ условіямъ: то-есть получить прусскій индигенатъ и склонить одного изъ канонниковъ капитула, чтобы онъ уступилъ Красицкому свое мѣсто. Труднѣе было уломать старика Грабовскаго, человѣка старомоднаго, которому Красицкій съ его великосвѣтскими манерами и умомъ долженъ былъ показаться лицомъ неподходящимъ къ епископскому сану: Красицкій въ самомъ дѣлѣ болѣе занимался стихами нежели требникомъ, любилъ дамское общество, въ памфлетахъ того времени носилъ прозвище *Гладима* или *Умизальскаю* (волокиты) и даже ходила по рукамъ карикатура, изображавшая Красицкаго служащаго обѣднѣ и оруженнаго дамами въ фижахъ, исправляющими обязанности церковнаго причта. Просьбы короля были однако такъ убѣдительны, что старикъ не устоялъ и согласился. Предложенный имъ Красицкій избранъ въ 1766 г. коадьюторомъ вармійскаго епископа. Въ томъ же 1766 г. умеръ Грабовскій и тридцатилѣтній Красицкій сдѣлался его преемникомъ. Вармійскій епископъ считался первымъ прусскимъ сенаторомъ; со времени, когда Вармія принадлежала ордену Крестоносцевъ, онъ носилъ титулъ князя священнон римской имперіи, имѣлъ обширную судейскую власть, великолѣпный замокъ въ Гейльсбергѣ, а по доходности вармійская епископская столица была третья,—она давала до 400,000 злотыхъ дохода и уступала только архіепископству гнѣзненскому и епископству краковскому въ этомъ отношеніи. Вслѣдъ за возвышеніемъ Красицкаго послѣдовало большое охлажденіе къ нему чувствъ короля. Король рассчитывалъ на дѣятельную помощь и услуги въ политикѣ обязаннаго ему человѣка; между тѣмъ Красицкій проявилъ себя тѣмъ, тѣмъ и былъ до конца—свѣтскимъ человѣкомъ, держащимъ открытій барскій домъ въ Варшавѣ и литераторомъ, но держался въ сторонѣ отъ всякихъ интригъ и партій. Вслѣдствіе того въ перепискѣ короля съ

г-жею Шюффранъ постоянныя жалобы на Минета за то, что онъ лѣнтивъ ¹⁾, что онъ эгоистъ ²⁾, его журять, наконецъ прямо обвиняють въ червой неблагодарности ³⁾ вѣроятно за безусловную нейтральность, которую вармійскій епископъ соблюдалъ въ трудный и печальный для короля, и не красивый періодъ его одиночества во время барской конфедераціи: Сама судьба пресѣяла всякія дѣловыя отношенія между разочаровавшимся иноврителемъ и бывшимъ его любимцемъ, когда (1772) по первому раздѣлу Польни вся Вармія отошла къ Пруссіи и Красицкій остался за граничнымъ вѣдомствомъ, превращенный изъ сенатора республѣки въ подданнаго самодержавной монархіи съ обрѣзанными крѣпкомъ порядкомъ доходами вслѣдствіе вѣбора значительной ихъ части въ казну по распоряженію Фридриха Великаго. Обыкновеннымъ мѣстопребываніемъ Красицкаго былъ теперь старинный епископскій замокъ въ Гейльсбергѣ, иногда посѣщаль онъ Берлинъ и Санъ-Суси, куда звалъ его король-реформаторъ, любившій собирать вокругъ себя для бесѣдъ безъ церемоній литераторовъ и философовъ. Князь-епископъ сдѣлался искреннимъ поклонникомъ короля: оба они были рационалисты, проникнутые прогрессивными идеями XVIII вѣка. Удаленный въ другое государство, Красицкій съ тѣхъ только поръ проявилъ въ настоящемъ свѣтѣ свой первоклассный талантъ распространителя просвѣтительныхъ идей, во имя разума и свободы проповѣдывавшаго радикальное преобразование всего человѣчества, безъ крови и насилія, посредствомъ одного только знанія и успѣховъ просвѣщенія. Идеямъ XVIII вѣка онъ служилъ исключительно только какъ литераторъ, но, по обширности и энциклопедичности своихъ знаній, по разнообразію поднимаемыхъ задачъ и небывалой до него плодovitости и красотѣ формъ, онъ превзошелъ всѣхъ современниковъ, онъ сдѣлалъ для философіи XVIII в. въ Польшѣ болѣе, нежели всѣ современники вмѣстѣ взятые. Граль (Grael) печатаетъ въ Варшавѣ поэмы, собранія стиховъ, романы отиѣченныя только буквами X. B. W., не расходящіяся быстро и извѣстныя въ публикѣ подъ прозвищемъ *nowale warmin'skie* (вармійскія новинки): *Museis*, *Monachomachia* (1775), *Przygody Doświadczalskiego* (1776), *Satury* (1778), *Ran Podstoń* (1778) и др. Каждое сочиненіе сѣтлицю, поучало, поученіе было въ забавной формѣ, рождать имѣлъ всѣ качества политическаго памфлета, стихъ былъ щеголевато-утонченный, сатирической, исполненный аттической соли и самаго добродумнаго, безобиднаго юмора. Не надо искать въ этихъ произведеніяхъ ни глупыни, ни силы чувствъ, ни настоящей поэзіи, но стрѣлы попадали

¹⁾ 13 mai 1867: Minet est allé faire la retraite du rat dans son fromage. J'ai grande peur que ce Minet si aimable, si spirituel, si appliqué et qui me doit tant, ne devienne un fainéant qui ne se soucie de rien.

²⁾ 24 sept. 1767: Le défaut de Minet est d'être personnel.

³⁾ 27 oct. 1771: ingratitude affroyable.

мѣтко, аллюзии были тотчасъ угадываемы, счастливые выраженія заучивались и переходили въ поговорки; никто изъ современниковъ не вспыхнулъ такъ тщательно одичавшую ниву умственной культуры отсталого народа, никто не содѣйствовалъ болѣе Красицкаго очисткѣ вкуса, разсѣянію предрасудковъ. Князь-епископъ вармійскій превратился въ „князя поговѣй“ и Трембейскій выразилъ не лезть, а искреннее чувство народа въ словахъ: „достояннаго искусства писать остроумно и съ вкусомъ ты далъ первый примѣръ при нашемъ Августѣ“¹⁾. По мѣрѣ того, какъ росла слава поэта, поправлялись и его отношенія къ королю; не было помину о неблагодарности; напротивъ того, поэтъ платилъ съ лихвою за прежнія одолженія, ратовалъ въ „Миниендѣ“ за тѣ же идеи, которые проводилъ король, въ сатирахъ порождалъ обиды противниковъ, превозносилъ обходительность короля, его любовь къ просвѣщенію, покровительство наукѣ и искусству. Король сталъ гордиться поэтомъ, если не созданиемъ своимъ, то наковною; принимая его великодушно въ 1782 г., помѣстилъ въ своемъ дворцѣ и вочленилъ отчеканенною въ честь его медалью: *inusa vetat moti*. Посѣтивъ послѣ Варшавы Русь Червоную, уже австрійскую, и родное Дубецко, Красицкій вернулся въ Гейльсбергъ, откуда всего чаще сталъ онъ помышлять о переселеніи въ Польшу, куда его тянуло не только желаніе сближенія съ умственнымъ средоточіемъ страны, Варшавою, но и простое житейскіе расчеты. Ни въ чемъ онъ не любилъ стѣсняться, домъ его былъ всегда колонъ родни и гостей, столъ его былъ превосходный, дорогіа воллежкіа гравюры и книги, страсть къ садоводству поглощали все доходы; этотъ владѣлецъ одного изъ доходнѣйшихъ епископствъ иногда приходилъ къ заключенію, что терять тѣсноту и недостатокъ; онъ и родни забѣгали въ Варшаву, чтобы открыть ему дорогу въ приматовству или во крайней мѣрѣ къ епископству краковскому. Эти надежды заставили его совершить безуспѣшную поѣзду въ Варшаву (1789) въ самый разгаръ четырехлѣтняго сейма и окунуться въ глубоко противный ему омутъ возбужденныхъ демократическихъ страстей наканунѣ катастрофы. Положеніе вещей онъ осудилъ вѣрно²⁾, къ будущему отнесся скептически и удалился въ свой Гейльсбергъ, заниматься книгами, въ ясномъ и довольно спокойномъ предвидѣніи великаго крушенія. Но когда роковой вѣнецъ наступилъ, то этотъ человекъ, съ виду равнодушный, съ тою же бодростью и даже веселостью сталъ собирать

1) *A snej sztuki pisania z dowcipem i gustem*

Tuŝ pierwsze dał przykłady pod nazwym Augustem.

2) Желаетъ знать, — говоритъ онъ, — что такое сеймуция состояніа; однимъ словомъ отбѣчу: это органъ, въ которомъ каждая клавиша звучитъ, когда ее тронуть какъ слѣдуетъ, а играетъ на нихъ органистъ Луккезини, мѣхи наполненные надеждою грядущаго счастья, нажимаются взвѣсившися за руки высокобріемъ и мезью“.

Chcesz wiedziec co są dzisiaj zgromadzone stany, etc.

возвругь себя уцѣлѣвшіе остатки блистательнаго общества и занялся поддержаніемъ въ немъ умственной жизни, литературнаго движенія. Въслѣдствіе послѣднихъ раздѣловъ Польши не только Познань, но и половина теперешнаго Царства Польскаго влючены въ составъ Пруссіи. Король прусскій, желая очистить Вармию для какого-нибудь Нѣмца, назначилъ Красицкаго въ 1796 г. архіепископомъ гнѣзненскимъ; гнѣзненскій же престолъ, какъ извѣстно, былъ первымъ въ польской церкви, да и послѣ раздѣловъ за него осталась часть прежняго блеска и значенія.

Въ осиротѣлой и опустѣвшей Варшавѣ, въ резиденціи своей Святишницѣхъ, въ Ловичѣ, собиралъ онъ подъ свое крыло уцѣлѣвшихъ отъ великаго кораблекрушенія писателей, и старческими руками своими работалъ надъ поддержаніемъ свѣточа народной литературы, въ которой онъ видѣлъ залогъ будущаго возрожденія націи. Въ Ловичѣ сталъ онъ издавать газету „Ежедѣльникъ“ (*Co tydzień*), въ Варшавѣ поощрялъ онъ друга, которому поручилъ изданіе собранія своихъ сочиненій, Ф. Ке. Дмюковскаго, къ изданію учено-литературнаго журнала, наконецъ, при его содѣйствіи возникло незадолго до его смерти Варшавское Общество любителей наукъ (*Towarzystwo przystajęci nauki*), въ которомъ и сосредоточилась почти вся умственная дѣятельность польскаго народа въ первой четверти XIX столѣтія.

Приступая къ разбору сочиненій Красицкаго, мы воснемся мимоходомъ его переводовъ и подражаній и остановимся дольше на произведеніяхъ его оригинальныхъ. Красицкій былъ хорошо знакомъ съ классическою древностью; онъ перевелъ всего Плутарха и всего Лукіана Самосатскаго. Лучшіе люди XVIII вѣка вдохновлялись республиканскими доблестями великихъ мужей Плутарха, а между злымъ насильственнымъ Лукіаномъ и Красицкимъ было весьма много общаго. Въ подражаніе Плутарху и Лукіану, Красицкій написалъ много біографій великихъ мужей новѣйшаго времени и „разговоровъ въ царствѣ мертвыхъ“. Чрезвычайную услугу оказалъ Красицкій изданіемъ обширной энциклопедіи всѣхъ знаній въ алфавитномъ порядкѣ подъ заглавіемъ *Zbiór wiadomości* (1781—1792, 2 тома); онъ же предпринялъ первый въ своемъ родѣ въ Польшѣ опытъ исторіи всеобщей поэтической литературы европейской подъ заглавіемъ: „О стихотворствѣ и стихотворцахъ“ (книга эта издава по его смерти). Задача была громадная, книга поражаетъ не столько объемомъ, сколько обширною начитанностью Красицкаго, который долженъ былъ для составленія этой хрестоматіи познакомиться съ цѣлымъ міромъ поэтовъ отъ Орфея и Пиндара до Вольтера и Геснера, — изъ всякаго поэта послѣ краткой его характеристикѣ надлежало привести въ переводахъ отрывки. Въ своихъ сужденіяхъ о поэтическомъ творчествѣ Красицкій — поклонникъ

Аристотеля и не стоитъ выше Буало; поэзію онъ считаетъ пріятнымъ вымысломъ, въ драмѣ требуетъ стараго соблюденія трехъ единствъ; отъ эпоса требуетъ, чтобы герой былъ одинъ и притомъ, чтобы этотъ герой былъ во всѣхъ отношеніяхъ достойный уваженія (Мильтонъ, по мнѣнію Красицкаго, поступилъ неприлично, избравъ главнымъ своимъ героемъ Сатану). О Шекспирѣ Красицкій судитъ по вольтеровски: „въ этомъ писателѣ недостатокъ науки выкупался величіемъ ума; его произведенія дышатъ какою-то дивностью, посреди грубѣйшихъ ошибокъ у него прорываются порою такіе проблески, которые ставятъ его превыше мастеровъ“. О народности въ поэзіи Красицкій не имѣлъ ни малѣйшаго понятія: индивидуальности всякаго народа, всякаго писателя и всякаго вѣка ступшевываются и стираются въ его гладкомъ переводѣ, который болѣе походитъ на парафразу и въ которомъ о точной передачѣ оригинала переводчикъ не заботится нисколько. Отсутствие исторической критики и элемента народности въ поэзіи имѣли то послѣдствіе, что всѣ эпические опыты Красицкаго слабы, а нѣкоторые ниже всякой критики. Его заставили написать и издаными издатель 1782 г. національную героическую поэму въ высокомъ родѣ, на тотъ же сюжетъ, который вдохновилъ Вацлава Потоцкаго. Не зная вѣроятно даже о существованіи „Хотинской войны“ Потоцкаго, онъ написалъ октавами вторую „Хотинскую войну“, — блѣдную копію „Генриадъ“ Вольтера со множествомъ аллегорическихъ олицетвореній, каковы Слава, Вѣра и т. п., поэму, гдѣ являются и пустынные, и чернокожники, и ангелы, и черти, но нѣтъ природы края, служившаго мѣстомъ событій, который столь вѣрно изображенъ у Потоцкаго, нѣтъ живыхъ лицъ, а только куклы, нѣтъ наконецъ ни малѣйшаго уваженія къ исторической истинѣ, — такъ что напримѣръ герой поэмы, сѣдой, шестидесятилѣтній Ходкевичъ, превращенъ въ пылающаго огнемъ любви новобрачнаго. Машинная искусственность и ложь основы не окунаются, какъ въ „Генриадѣ“ нравственнымъ содержаніемъ и направленіемъ поэмы; нѣтъ философской идеи, которая была бы положена въ основаніе эпопеи. Когда въ кульминаціонномъ ея пунктѣ духъ Владислава Ягеллона, погибшаго подъ Варной, увлекается во свѣтъ Ходкевича на небо, на то пустынное холодное небо XVIII столѣтія безъ образовъ и лицъ, населенное одними только планетами, солнцами и кометами, то весь смыслъ рѣчей путеvodителя-духа заключается только въ томъ, что все земное—суета суеть и что не слѣдуетъ къ нему прилѣпляться. Гораздо лучше героическаго удаляса Красицкому эпосъ шуточный, происходящій въ мірѣ животныхъ или займствованный изъ быта монастырскаго. И по складу своего ума и по духу времени, занятого разрушеніемъ всякаго рода кумировъ, Красицкій былъ сатирикъ и только тамъ чувствовалъ себя на просторѣ, гдѣ могла

разыграться его наивная веселость и тонкая иронія, опирающаяся на необшиновенно мѣткую наблюдательность. Къ разряду такихъ ироничныхъ эническихъ произведеній принадлежатъ три поэмы: *Мышида*, *Монахомахія* или война монаховъ, и *Аниммонахомахія* (1780). У древняго польскаго лѣтописца Кадлубека сохранилось преданіе о сказочномъ царѣ польскомъ Попелѣ, котораго заѣли мыши на острову овера Гонла, не вдалекѣ отъ доисторической польской столицы Крушвицы. Это преданіе, общее Польшѣ и Германіи, которое новѣйшая историческая критика ¹⁾ считаетъ отголоскомъ норманскихъ набѣговъ на племена славянскія въ дали временъ языческихъ, Красицкій взялъ за канву для поэтического разсказа, въ которомъ онъ описалъ гонимое, возмущенное на мышей царемъ Попелемъ, взявшимъ себѣ въ любимцы кота Мручислава, бурное мышиное вѣче, кровавую битву котовъ съ собравшимися со всѣхъ сторонъ свѣта мышиными полчищами, наконецъ отчаяніе и плачевную кончину царя Попела, который съ горя напивается пьянъ. Въ мышиномъ вѣчѣ, въ распряхъ между породами мышей и крысъ оскѣяны польскій способъ сеймованія и антагонизмъ между сословіями сенаторскимъ и шляхетскимъ. Въ засѣданіи царской думы представлены въ карикатурахъ тогдашніе политическіе дѣятели: „Идетъ по очереди дальнѣйшее голосованіе, поднимаются споры, не лишеныя основанія; подскарбій ворщаетъ мнѣніе канцлера, канцлеръ винитъ маршала, гетманы совѣгуютъ епѣскуую войну, суматоха длится часа четыре; иной присутствующій одобряетъ или порицаетъ, что другіе говорятъ, чтобы только не сидѣть по пустому. Приходится собирать разрозненные голоса, чтобы придти къ заключеніямъ. Мнѣнія столь же раздѣлены, какъ и умы. Оказывается, что болтовня была напрасная; чтобы дойти до желаемого результата, рѣшили слѣдующее: для сохраненія авторитета престола пусть государь дѣлаетъ все, что ему угодно“. Другая шуточная поэма Красицкаго, „Монахомахія“, итѣвшая громадный успѣхъ, есть подражаніе „Налю“ Буало и написана по вызову Фридриха Великаго, выразившаго желаніе, чтобы Красицкій ознаменовалъ свое пребываніе въ Санъ-Суси какимънибудь воэтическимъ произведеніемъ. Въ угоду королю esprit-fort, Красицкій учинилъ нѣчто весьма скандальное по понятіямъ тогдашняго времени: онъ поднялъ на смѣхъ монастыри, уштенную лѣнь монаховъ и несвоечасныя попойки ²⁾, ихъ ученые диспуты, ихъ привязанность въ Арн-

¹⁾ Szajnoch, Lechicki początek Polski.

²⁾ См. напр. алострофу къ королю Польковскому въ 3-й пѣсни:
 Z góry zły przykład idzie w kaŕdej stronie,
 Zgóry naszego nieszczęścia przyczyna,
 O ty, na polskim który siedzisz tronie,
 Wzgardziłeś miodem i nielubisz wina;
 Cierpisz pijaństwo, że w ostatnim zgonie,
 Z ciebie gust książek a piwnic ruina,

столею, уродивую напыщенность ихъ торжественныхъ рѣчей „Въ одномъ изъ тѣхъ мѣстечекъ, которыхъ такъ много въ Польшѣ, гдѣ гибнѣются только мужики и Барон, гдѣ градъ и земство помѣщаются въ развалинахъ стараго замка, гдѣ на девять монастырей приходится три ворчли да немного домиковъ“, возникаетъ соперничество между орденами доминиканцевъ и варшавитовъ, доходящее до вызова на ученый диспутъ. Этотъ диспутъ оканчивается рукопашнымъ боемъ спорщиковъ; судьи-рѣшители боя, благочинный и мѣстный адвокатъ, вносятъ торжественно на мѣсто битвы наполненную виномъ большую монастырскую чашу, *citrum gloriosum*. Одинъ видъ этого почетнаго предмета усмиряетъ бойцовъ и водворяетъ мигомъ блаженное согласіе. Трунить надъ монастырями было не новою въ XVIII столѣтіи, но этотъ неожиданнй ударъ шель отъ руки одного изъ князей церкви и сильно потрясъ старую Польшу, въ которую монашескіе ордена вросли множествомъ корней. „Антимонахомахія“ имѣла дѣльно успокоить раздраженныхъ и помириться съ ними, представить „Монахомахію“ въ видѣ веселой шутки. Въ польскомъ блестящъ сатирической талантѣ Красицкаго выражается въ его басняхъ, посланіяхъ, особенно въ сатирахъ, которыя исполнены тонкой, свѣтлицеской ироніи въ отношеніи къ тѣмъ гѣкамъ варварства и суевѣрія, когда „лавники съ бурмистромъ жгли вѣдьмъ на площади, между тѣмъ какъ помощникъ старости—чтобы вполнѣ удостовѣриться въ ихъ виновности—опускалъ ихъ на веревкѣ въ прудъ; когда старухи снимали съ двѣти заровн, когда чортъ плясалъ нѣвичиво на развалившихся башнѣ, когда свирѣствовалъ колтунъ вслѣдствіе чарованій и болтали по французски обонующіяся бабы или, чихая на папертахъ церквей по святымъ мѣстамъ, наводили немисловѣдннй страхъ на зрителей“¹⁾. Владѣя въ совершенствѣ стихомъ, Красицкій есть въ то же время публицистъ, проповѣдующій свою теорію преобразования. Для распространения идей имѣлъ формы болѣе удобной, болѣе завлекающей, какъ прованскаго объемистый тенденціозный романъ. Этою формою воспользовался Красицкій. Славнѣйшіе его опыты въ этомъ родѣ суть: *Исторія, Приключенія Николая Дослѣдннскаго* (1776) и *Панъ Подстолий*. Его „Исторія“ есть злая насмѣшка надъ историографами, родъ мемуаровъ, написанныхъ неумирающимъ человекомъ, который молодѣетъ и возрождается при помощи чудеснаго бальзама.

Tyś narod z kufłow, szklanic, bezcekek złupii,
Woda jeś w życiu nigdy się nie przyi.

(Сверху идетъ дурной примѣръ, у верхнимъ причина нашихъ бѣдствій. О ты, возсѣвшій на польскомъ престолѣ, брезгающій медомъ и не жалующій вина, ты допускаешь падать пьянству, отъ тебя идетъ страхъ въ шпигамъ и гибель погребамъ. Ты лишилъ народъ кружекъ, чашъ и бочекъ, да не озохлалишься ты ни разу въ своей жизни).

1) Satyra 2 części 2: Pochwała wieku.

Этот бессмертный человек переживает всё важнейшія историческія эпохи, сражается съ Александромъ Македонскимъ и съ Аннибаломъ, философствуетъ въ Афинахъ, дружится съ Помпоніемъ Атикомъ, живетъ потомъ при дворѣ Оттона В. и рассказываетъ то же что историкъ, но не такъ какъ они; событія у него выворочены такъ сказать на изнанку. „Приключенія Досвадчинскаго“ изображаютъ въ живомъ, остроумномъ разказѣ модное воспитаніе, получаемое отъ шутовъ французовъ, выдающихъ себя за маркизовъ, роскошь и карточную игру, страсть къ путешествіямъ за границу, крѣпкостворство адвокатовъ, судейскую продажность и политическія партіи. Въ концѣ концовъ Красицкій, который такъ силно въ сатирѣ, снимаетъ въ „Досвадчинскомъ“ покрывало съ своихъ собственныхъ идеаловъ и рисуетъ свою Утопію. Герой, вслѣдствіе кораблекрушенія, выброшенъ на островъ Нипу, гдѣ дикари учатъ его уму-разуму. Они не знаютъ желѣза, а слѣдовательно и войны, ни серебра, ни золота, не ѣдятъ мяса, не читаютъ книгъ, презираютъ всякое краснорѣчіе, занимаются земледѣліемъ, не имѣютъ ни частной поземельной собственности, ни политическихъ учрежденій кромѣ родительской власти, ни судовъ кромѣ третейскаго, наконецъ исповѣдуютъ одну только естественную религію, то-есть сухой разсудочный теизмъ въ духѣ „profession de foi савойскаго викарія“. Утопія Красицкаго есть общество, состоящее изъ однихъ философовъ-раціоналистовъ XVIII вѣка, перенесенныхъ въ то небывалое состояніе, которое будто бы предшествовало общественному договору и исторіи, пустая фантазія безъ идеи, скучное по несбыточности своей построеніе, состоящее изъ однихъ только отрицаній всего существующаго порядка. Еще важнѣе двухъ предыдущихъ, капитальнѣйшее изъ прозаическихъ произведеній Красицкаго: „Панъ Подстолий“, съ эпиграфомъ *modis antiquis*, въ которомъ поставленъ главный вопросъ XVIII вѣка: какъ согласовать требованія разума съ преданіемъ, что сохранить отъ прошлаго, обновляясь и преобразовываясь? Авторомъ начертанъ идеальный типъ гражданина, какимъ онъ долженъ быть дома и въ церкви, на судѣ, въ своемъ кругу и между крестьянами. Первая часть „Подстолия“ издава 1778, вторая 1784; пока написана была третья 1798, польское государство, панское, шляхетское, успѣло развалиться; подъ обломками остался хранителемъ народныхъ преданій польскій помѣщикъ, ограниченный тѣснымъ кругомъ своихъ отношеній къ другимъ, точно такимъ же какъ онъ, единицамъ и къ крестьянскому народонаселенію. Красицкій, съ философскимъ спокойствіемъ помирившійся съ паденіемъ государства, изображаетъ въ „Панѣ Подстолий“ образцоваго помѣщика въ его домашнемъ быту и хозяйствѣ, въ его занятіяхъ и увеселеніяхъ, и вла-

гасетъ въ уста его наставленія, исполненныя житейской мудрости. Красицкій превосходный баснописецъ и первоклассный сатирикъ.

Элегантная сатира Красицкаго самаго незлобнаго характера; она одѣта въ кружева, носитъ нудру и манжеты и кевинскимъ образомъ подсмѣивается, выставляя на показъ общіе пороки и недостатки переживаемаго вѣка. Наконецъ съ 1780 Красицкій, устраивая въ Гейльсбергѣ домашніе спектакли, писалъ и издавалъ подъ именемъ Михаила Мовинскаго драматическія сцены въ комическомъ родѣ. Само заглавіе этихъ пьесъ: Мудрець, Ябедникъ, Лжець, Франтъ и т. д. показываетъ, что это комедіи характеровъ, а не интриги и дѣйствія; выведено нѣсколько типовъ, они обрисовываются въ разговорахъ, нѣтъ узла и развязки, фабула самая натянута и конецъ является немотивированный, случайный. Эти блестящіе писались на скорую руку и мѣнѣе чѣмъ другія произведенія Красицкаго извѣстны ¹⁾.

Совершенною противоположностью съ Красициемъ составляетъ другой стихотворецъ-епископъ, Адамъ Нарушевичъ (1733—1796), который смотритъ угрюмымъ, желчнымъ моралистомъ среди шумной оргіи времени Понятовскаго и произноситъ „*inemento mori*“, самъ не подозревая того, какъ скоро оправдаются на дѣлѣ его мрачныя предчувствія. Красицкій былъ явленіемъ совершенно новымъ въ польской литературѣ, объясняемымъ только вліяніями французской культуры и литературы. Нарушевичъ стоитъ на народной почвѣ, и въ польской литературѣ легко указать на его предшественниковъ, съ которыми онъ имѣетъ весьма много общаго. Такимъ образомъ если не по характеру, который не можетъ назваться вполне безуморизненнымъ, то по крайней мѣрѣ по складу ума, Нарушевичъ можетъ считаться преемникомъ Клѣновича и продолжателемъ начатаго имъ дѣла. Нарушевичъ знаменитъ и какъ стихотворецъ и какъ историкъ; мы начнемъ съ оцѣнки его стихотворной дѣятельности. Родомъ изъ Пяйтска, потомокъ знаменитой, но обѣднѣвшей литовской фамиліи, Нарушевичъ съ раннихъ лѣтъ вступилъ въ орденъ іезуитовъ, ѣздилъ для усовершенствованія въ наукахъ за границу, и занималъ кафедру пѣтики, первоначально въ виленской академіи, потомъ въ collegium nobilium на Старомъ мѣстѣ въ Варшавѣ. Іезуитское воспитаніе пустило глубокіе корни, отъ которыхъ Нарушевичъ не могъ во всю жизнь свою освободиться. Отъ іезуитовъ перенялъ онъ свой напыщенный и шумвоторжественный слогъ, которымъ писаны всѣ его лирическія произведенія, тяжелыя и безвкусныя ²⁾. Въ качествѣ профессора пѣтики,

¹⁾ Первое изданіе сочиненій Красицкаго, посмертное, сдѣлано Дмоховскимъ Варшава, 1802, 10 томовъ. Дополненіе, томы 11—18, Варшава 1880—82. Новое изданіе, Варшава, 1878—79, сдѣлано редакціей «Клосовъ».

²⁾ Въ особенности поражаютъ своею вычурностью сочетанія прилагательныхъ: *miodorupne słowa, wodogromna Tetyda, jędze płaszorode, losy ludotłumne, rzeczno-*

преподавшаго правила стихосложенія и практически обучающаго воспитанниковъ сочиненію стиховъ на заданныя темы, Нарушевичъ и самъ предавался пѣтническимъ упражненіямъ, вторяя только по языку своему, очищенному отъ макаронизмовъ, стоятъ выше панегириковъ XVII столѣтія, но по содержанію могутъ смѣло съ ними состязаться. Нарушевичъ плачетъ надъ гробомъ Августа III и радуется восшествію на престолъ столыника литовскаго; прославляетъ своихъ покровителей Чарторьскихъ, ихъ дачу Повонки, даже сани жены Адама Чарторьскаго, генерала земель подольскихъ, и считаетъ обязанностью слагать гимны, оды и идилліи при бракосочетаніяхъ разныхъ магнатовъ и другихъ тому подобнѣхъ омазіяхъ. Его поэтическая плодовитость сблизила его съ королемъ, которому Нарушевичъ сталъ съ тѣхъ поръ посвящать безъ мѣры и счета свои лирическіе восторги по случаю всякаго носѣщенія шевалье королемъ, всякихъ именинъ, всякой годовщины коронаціи или по случаю полученія отъ короля медали, часовъ или ордена, или при поднесеніи королю чернильницы или перевода изъ Горація. Иногда муза его становилась даже попрошайкою; когда орденъ іезуитовъ былъ уничтоженъ нашою, и сорокалѣтній поэтъ остался безъ крова и хлѣба, онъ написалъ римоважное прошеніе, въ которомъ, перечисляя свои заслуги, выражалъ надежду, что не будетъ оставленъ милостію монарха.

Однако въ этомъ напыщенномъ панегириствѣ жила душа великаго и доблестнаго гражданина, и ошибся бы сильно тотъ, кто, основываясь на его лирическихъ произведеніяхъ, поставилъ бы его на одномъ ряду, на примѣръ, съ ливоблюдомъ Трембецимъ. Конечно, Нарушевичъ платилъ обильную дань своему вѣку, копошился вѣстѣ съ другими въ тинѣ пошлости, и брызги этой грязи пристали къ полямъ его расы, но въ оправданіе его слѣдуетъ замѣтить, что тогдашній

ja złotogwara, tęsknosmtny widok, sowy smutnowrocie i t. d. Въ одѣ къ солнцу Нарушевичъ дѣлаетъ слѣдующее обращеніе къ дневному свѣтлу:

O ty, prawicy twórczej najdroższy sygnecie!
(O ты! дражайшее гербовное кольцо на десницѣ Создателя).

Приведемъ изъ оды на мраморную залу въ замкѣ варшавскомъ строфу о Янѣ Собьскомъ, которая долго слылá образцовою въ своемъ родѣ:

Już widzę jako wdziawszy hart niezłomnej zbroje
Zmiata z karków niewiernych odęte zawoje,
A pozoką i prochem ozdobnym okryty,
Trafuje zdarte członki końskimi koputy.
Na wzrok jego ogromny, na blask płytkiej stali
Kupami się od Wiednia zbita gawiedz wali,
Stoi zdrętwiały Dunaj, że na bystrym grzbiecie
Mości mu z trupów uniany pławne barki gniecie.

(И вижу я—какъ, надѣвъ на себя закалѣ несокрушимыхъ латы, сметаешь онъ съ затылковъ одуговатые турбаны,—и какъ, покрытый кровью и почетнымъ прахомъ, топчетъ онъ копытомъ своего коня разорванные члены. Предъ взоромъ его громаднымъ (?), предъ блескомъ гиблага булата, бѣжитъ толпами отъ Вѣны пережѣванная чернь, самъ Дунай остановился, остолбенѣвъ отъ того, что на спинѣ его быстротечной сталъ мостъ изъ труповъ, который давятъ его судаконныя лавки).

вѣкъ не былъ такъ пріятельнъ, какъ индѣйскій на счетъ поэзіи, не относился къ ней серьезно, не считалъ ее служительницею истины, не простиралъ уваженія къ ней до культа, а смотрѣлъ на нее просто, какъ на пріятное развлеченіе и благородную забаву. Прибавимъ къ тому, что перомъ Нарушевича руководила не одна только лѣсть и даже не одна только благодарность къ королю, который отличалъ его, обласкалъ, сдѣлалъ его своимъ приближеннымъ другомъ и совѣтникомъ, который наконецъ внушилъ ему мысль и далъ средства совершить громадный трудъ, увѣковѣчившій его имя,—первую критическую исторію Польши. Нарушевичъ былъ просто очарованъ королемъ, ослѣпленъ его умомъ и вкусомъ, его любовью къ прекрасному, его обширными планами относительно обновленія и возрожденія Польши. Это возрожденіе представлялось Нарушевичу въ иномъ видѣ, нежели Красицкому; Красицкій изъ неурядицы настоящаго спасался въ туманную, пустую глубь философскихъ абстракцій. Нарушевичъ въ сравненіи съ Красицкимъ былъ человѣкъ положительный, до мозга костей Полякъ и притомъ Полякъ стараго покроя. Его уму представлялась блестящая картина славнаго прошедшаго Польши, передъ которой современники были просто картинками. Мысль его стремилась въ даль, къ временамъ Пястовъ, въ тому періоду польской исторіи, когда нравы были демократичнѣе, когда не раздѣлялись рѣзко сословія и когда подъ мощною десницею самодержавныхъ еще королей слагалось польское государство. Демократъ въ дуплѣ, и оттого монархистъ, Нарушевичъ понималъ, что настала пора повончить съ спѣхъ и исключительностью шляхетскою, а реформу понималъ онъ какъ возвратъ къ старому, къ давно-минушему; однимъ словомъ, еслибы можно было употребить сравненіе, заимствованное изъ другого общества и изъ настоящаго времени, то Нарушевича слѣдовало бы назвать первымъ представителемъ того направленія, которое въ Россіи носитъ названіе славянофильства. Въ этомъ отношеніи онъ—предшественникъ Лелевеля; онъ прокладываетъ путь цѣлому поколѣнію польскихъ историковъ и поэтовъ XIX вѣка. „Правленіе въ Польшѣ всегда было дурное,—восклицаетъ онъ,—но люди были лучше. Отмѣченные клеймомъ стародавней добродѣтели, они имѣли прекраснѣйшія души при вѣшней простотѣ. Они были ближе къ тѣмъ счастливымъ временамъ, когда умы связывались сильнѣе узломъ славы и чести. Измѣнчивый міръ совершаетъ круговой оборотъ: послѣ золотого вѣка наступилъ вѣкъ изъ худшаго металла; потомъ серебро смѣнено было жѣзью; Богъ вѣсть, можетъ быть, сыновья наши будутъ глиняные послѣ жѣзвнхъ родителей. Черты лѣтъ молодости ступевались,—ржавчина летаргическаго сна вѣлася въ оружіе. Чрезмѣрная свобода, въ видахъ частнаго интереса, угнетаетъ слабѣйшихъ, грязью заливаетъ ровныхъ, попираетъ авторитеты. Нѣтъ навазаній

за злѣдѣнія, развѣ гдѣ нибудь въ статутѣ; насиліе кусть законы, которые беззависимо нарушаютъ злѣба; продажное правосудіе склоняетъ нѣкъ въ ту сторону, на которой тяжелѣеное золото или гровный булатъ. О вы, мощнымъ скипетромъ управляшіе нѣбогда краемъ, вы почиваете ннѣ жемѣннымъ сномъ въ глухой обители смерти; ваши брѣнные остатки лежатъ на горѣ Вавель, плата должную дань смертной природѣ человѣческой. Приподнимитесь на минуту изъ праха, мощный Владиславъ, воплотившій Стефанъ!— посмотрите, во что обрашается стародавняя земля“...¹⁾). При подобномъ взглядѣ на прошедшее Польши, помнтно, что въ настоящему ея Нарушевичъ долженъ былъ относиться какъ строгій судья и нещадный сатирикъ; сердце его переполняется негодованіемъ и въ гнѣвѣ льются горькія рѣчи. Въ сатирахъ Нарушевича слышатся проповѣдникъ и наставникъ; онъ говорить правду просто, безъ прикрасъ, такъ что весь балабастъ мнелогіи, весь вопрежъ классическихъ воспоминаній оказывается ненужнымъ. Подобно Клёновичу, Нарушевичъ возмущается до глубины души несправедливостью; онъ прежде всего задается нѣвѣстнымъ нравственнымъ вопросомъ, начинаетъ работать мыслью, подбирая доводы, жемчь его разливается, и онъ пишетъ картины, начерченные рѣзко и грубо, но трепещущія жизнью, поражающія сильнымъ колоритомъ. Мнръ весь вертится кругомъ сатирика, вихремъ несутся пляшущія пары, идетъ бѣшеннй маскарадъ среди великаго поста: „нищета прикрывается парчєю, дураки понавѣшали бѣлыя философіи бороды, женщины свачуть верхомъ, а всякій мужчина глядитъ бабой: сердце насъ, выдержки мало, безсилны мысль и руки. Старики превратились въ дикіе панталонѣвъ, молокососы—въ арлекниѣвъ съ лисьиными хвостами; Вахковы ягоди дѣлуютъ на щекакъ у священниковъ, носы стали точно гродья, животы точно колоды. Легкомысліе, слѣсъ и корысть затѣяли непрерывный балъ. Полякъ свачеть на одной ногѣ подъ музыку иностранцевъ. Не надо искать въ Гомеровыхъ сказкахъ Цирцею,—которая людей превращала въ бесловесныхъ,—хочешь ли видѣть подборъ всевозможныхъ животныхъ? Пройдись по ратушамъ, по благочестивымъ монастырямъ, посѣти судебныя избы и присутственныя мѣста: подъ собольими шапками и подъ рясами—ты увидишь чудеса: кричи, преклонивъ колѣна: „волы, ослы и всякій скоть, хвалите Господа“²⁾). Въ шелку и золотѣ, въ пышной каретѣ, запроженной кровными свакунами, мчитъ господинъ Берн-деньги, который ввалъ вчера десять талеровъ у лакея, сегодня занимаетъ сто у трубачиста и выманнмъ двѣнадцать у той бабы, которая продаетъ вруку съ лотка блинъъ церкви св. Яна. У этого господина только и осталась деревня *Големин*, усадба *Засл-*

¹⁾ Oda na obrazy Polaków starożytnych.

²⁾ Reduty, Satyra 7.

щина, да борьма *Нестдавай*. Расталкивая толпу и сердито подбоченясь, идетъ бравный молодецъ Сорви-голова, изъ глазъ блещутъ искры какъ изъ-подъ пистолетнаго курка; кобьемся объ закладъ, что онъ сѣшитъ въ Маримонтъ драться на дуэли. Я самъ былъ свидѣтелемъ, какъ онъ камнями сговалъ галокъ съ крышъ, какъ Евреи почтительно разступались передъ нимъ, какъ сто красивныхъ веркушевъ срѣзалъ онъ однимъ вымахомъ булата. Но сердце зачѣе у этого параднаго героя съ аксельбантами, ему бы только разгонять безоружныя толпы на сеймикахъ или бряцать саблею по мостовой; онъ готовъ за столомъ при бутылкѣ головою жертвовать отечеству, зная, что никто этой головы не возьметъ... Церемониальнымъ маршемъ валитъ блестящая ватага—дворъ перваго министра царя Фараона: два трефовые туза, запряженные въ побѣдную колесницу, саженные валеты стоятъ на запяткахъ, а поводи тянется длинный хвостъ, подборъ всякой пшави; босая нищета безъ шапки и въ лохмотьяхъ, грязное проклятіе, отчаяніе съ пониженимъ взоромъ, потасовка съ повязанною головою и подбитымъ глазомъ, мешенники и шулера въ шелковыхъ перчаткахъ. Нарядная мадамъ ѣдетъ на балъ съ нанудреннымъ аббатомъ и разговариваетъ съ господиномъ Хамелеономъ, который торгуетъ убѣжденіями, точно Жидъ товаромъ: вчера былъ монархистъ, сегодня республиканецъ, ругалъ дворъ на чемъ свѣтъ стоитъ, а теперь хвалитъ его, въ надеждѣ получить по-іезуитское имѣніе, напоминетъ манегирки; если же не достанетъ желаемаго, то скажетъ: здѣсь не дѣлать заслугъ, и—уѣдетъ въ Италію.

„Лицемѣръ, повстрѣчавшись на среднѣй улицѣ съ монахомъ, дѣлуетъ его въ плечо; этотъ господинъ—волье въ овечьей шкурѣ, онъ то и дѣло перебираетъ пальцами четки, онъ мизилалъ языкомъ весь лавъ на иконахъ, полъ церковный испорченъ отъ его поклоновъ. Чернь считаетъ его святымъ угодникомъ за то, что онъ отколотилъ кротестантскаго прудиканта, что онъ утопилъ двухъ вѣдьмъ и вѣруетъ въ унйрей. Этотъ же самый господинъ запираетъ дверь передъ должниками, на однихъ и тѣхъ же четкахъ считаетъ и молитвы и проценты, читаетъ десять Отче нашъ, а беретъ пятнадцать со ста, чернитъ ближняго тотчасъ послѣ азаенста и волочится за чужою женою...

„Тощему литератору нечего ѣсть, нечѣмъ одѣться. Другъ мой! люди едва не замучатъ тебя похвалами, они величаютъ тебя красою народа, пчелою Галикона, крѣтомъ, жемчужиною, канарейкою, солнцемъ польской земли. Однако, судя по виду, ты живешь на кабомъ-то навозномъ Парнаосѣ, и твоя худая кляча, Пегазъ, которою надѣлили тебя за кровавыя услуги Аполлонъ, привыкла возить тебя только кормиться къ святому Лазарю. За то какая толпа низкопоклонниковъ и

паразитовъ окружила высороднаго магната. Одинъ ему говоритъ: эчеленца, а никогда въ жизни не видалъ ничего подобнаго вашему блестящему двору; другой примолвить: кто можетъ похвалиться именемъ болѣе знаменитымъ? родъ вашъ можетъ насчитать десятоуъ кастелянновъ, дважину воеводъ, пуда два жезловъ, ключей и печатей; а тысячу лѣтъ первый предокъ вашъ, прїѣхавъ изъ Монголіи вмѣстѣ съ царемъ Кракомъ, изволялъ сдѣлаться Полякомъ. Третій свирѣпый жабяка, въ лесинкахъ, съ рубцомъ на лбу, съ преобладающей рапирой увѣраетъ, что онъ прочитъ всякаго, кто не воздастъ господину его должной чести. Его слова подхватили многіе другіе: прикажи намъ разогнать сеймигъ—мы готовы; прикажи сдѣлать наѣздъ на чужой домъ, отодратъ палками сосѣда—для твоего удовольствія мы рады умереть. Пускай весь край въ развалинахъ, твоя бы только честь уцѣлѣла!...” Нарушевичъ выходитъ изъ себя при видѣ беззаконій и раздражается порою и проклятіями: „Лучше, говоритъ онъ, жить съ козаками въ Сѣчи, нежели съ ясновельможными панами живодерами, потому что у этихъ разбойниковъ кто что нагребилъ на чужбинѣ, того не возьметъ ни сотникъ, ни кошевой. Савка можетъ спокойно гулять по майдану, съ люлькою во рту, въ шароварахъ чепника и въ жупанѣ подсудка, а Микита можетъ смѣло гарцовать на рысакѣ панцирнаго знака. У насъ же никто не знаетъ, для кого онъ сѣетъ и молотитъ хлѣбъ, всякій можетъ ему разрушить гумно и усадьбу, напустить на него наемныхъ злодѣевъ, заграбить, повосить, изрубать, разгородить. сжечь и утащить. Гдѣ же правосудіе? дожидайся, его когда усопшіе услышать гласъ трубы Страшнаго Суда“¹⁾. „Имяна, вымогательство, наѣзды слывуть добродѣтелями, потому что господа грабители имѣютъ деньги, гербы и помѣстья, а ты, бѣдный мужикъ, за кражу снопа пойдешь упитывать тѣломъ своимъ алчныхъ вороновъ, потому что золотая вольность польская держится такихъ правилъ: сажай мужика на волю, барину спусти, а шляхтича запри въ тюрьму“²⁾.

Сильный талантъ, который обнаружилъ Нарушевичъ въ сатирахъ, еще ярче сіяетъ въ его *Исторіи Польскаго народа*, произведеніи, замѣчательномъ и по плану и по способу выполненія, и составляющемъ безъ всякаго сомнѣнія самый прочный памятникъ царствованія короля Понятовскаго. Король оцѣнилъ великія способности бывшаго іезуита, пріютилъ его, выхлопотавъ ему приходъ въ Нѣменчинѣ, а потомъ коадьюторію епископства смоленскаго и предложилъ ему быть королевскимъ историографомъ Польши; всѣ издержки по собранію матеріаловъ, по перепискѣ рукописей, король бралъ на себя, много уче-

¹⁾ Fragment X.

²⁾ Satyra 2, Szlachetność.

нихъ отправлено было за границу для собранія источниковъ въ архивъ Ватикана, въ канцеляріяхъ шведскихъ, берлинскихъ и вѣнскихъ; перерывы были государственныя метрики и архивы знатныхъ польскихъ родовъ. Нарушевичъ, весь отдавшійся великому труду, покинулъ Варшаву и шесть лѣтъ, 1774—1779, прожилъ въ глухой тишинѣ среди полѣсныхъ болотъ за кучами ветхихъ бумагъ. Король случалъ и безпрестанно звалъ его въ себѣ. Нарушевичъ, наконецъ, возвратился въ Варшаву съ цѣлою канцеляріею, и съ готовыми первыми томами своей исторіи. Король помѣстилъ его въ замкѣ и слѣдилъ за ходомъ работъ, которыя подвигались быстро впередъ, несмотря на то, что король отрывалъ Нарушевича отъ работъ, заставляя его сопутствовать себѣ въ своихъ путешествіяхъ, и что сеймъ выбралъ Нарушевича въ 1782 секретаремъ Непрестаннаго Совѣта. Отъ 1780 по 1786 изданы всѣ семь томовъ исторіи Польши съ древнѣйшихъ временъ до вступленія на престолъ дома Ягеллоновъ. Нарушевичъ разсмотрѣлъ критически обширную область пржеданаго Польши, отбросилъ сказочныя преданія, проверилъ источники. Его трезвый, полный содержанія рассказъ имѣлъ для Польши точно такое значеніе, какое для русской исторіи повѣствованіе Карамзина. Онъ поставилъ рамку для будущимъ изслѣдованій, закладывалъ основанія зданія будущей науки и предлагалъ готовый методъ. Нарушевичъ не подозревалъ, что изданный имъ седьмой томъ будетъ послѣднимъ—планы его были обширныя, матеріаловъ много. Близились политическая сумятица, наступилъ великій четырехлѣтній сеймъ, рѣшительная минута, въ которую молодому новоблѣнцу, выросшему среди пятнадцатилѣтняго повоая, пришлось подъ страхомъ смерти совершить въ одинъ мигъ юрениую реформу или погибнуть. Нарушевичъ засѣдалъ въ этомъ сеймѣ сначала какъ епископъ смоленскій, потомъ какъ епископъ луцкій; онъ вѣрилъ, что мысль, которую онъ дѣлѣалъ вмѣстѣ съ другими людьми реформы, станетъ дѣломъ, но дѣйствительность разочаровала патріота. Слабость людей реформы, интриги магнатовъ, вѣсовая анархія, воскресающая съ своимъ тупымъ сопротивленіемъ, навели мрачную тоску на Нарушевича; онъ усомнился, можно ли построить зданіе изъ грязи на рыхломъ пескѣ, и въ припадѣ разѣдающаго душу отчаянія написалъ знаменитое стихотвореніе: *Голосъ мертвецовъ*, въ которомъ съ паосомъ, достойнымъ Скарги, онъ предрекаетъ смерть обществу, но видя ея причину не въ религіозномъ разѣединеніи, какъ Скарга, а въ ослабленіи королевской власти. Это стихотвореніе Бартошевичъ ¹⁾ справедливо называетъ философіею польской реформы конца XVIII столѣтія. Вотъ

¹⁾ Znakomici Męzowie Polscy XVIII wieku, t. 1, str. 130.

что говорятъ въ потомствѣ великіе мѣртвецъ, покоящіеся въ гробницахъ краковскаго собора:

„Сокрушивъ увы мира и согласія, заключающагося въ верховной власти, вы разбѣжались—точно стадо безъ вождя, правленія, совѣта и защиты. Остыло сердце для общественнаго блага: всѣ вы или льстецы или клеветники.

„Ни въ чемъ отечеству не было успѣха, съ тѣхъ поръ какъ члены отдѣлялись отъ главы; кметъ пересталъ промышлять, ремесла пришли въ упадокъ,—бѣзница спрятала острый мечъ въ ножны, священникъ сталъ скопидомомъ, ванъ—нарунителемъ порядка, король—кажущимся королемъ, солдатъ—параднымъ солдатомъ.

„Святое достоинство Ягеллоновъ и Пястовъ пошло на удовлетвореніе подлуге высокомѣрія; по вразднымъ дворамъ обжираются толпы позолоченныхъ паразитовъ,—разбѣжалось нагребленное королевское добро, вѣтеръ козыничаетъ по замкамъ и обрываетъ башни.

„Несмѣтны были соединенныя подъ однимъ скипетромъ вооруженныя ряды воинственныхъ полчищъ. Передъ ними дрожали берега двухъ морей, которымъ Днѣпръ и Висла плывали свои произведенія. Сегодня нѣтъ ни рыцарей, ни военной славы, хотя число гетмановъ и стало больше.

„Дружина бѣдныхъ птенцовъ прычетъ подъ распростертыя крылья одной матеръ: когда на нихъ налетаетъ сверху коршунъ съ острыми когтями; вы общипали у этой матери перья,—чѣмъ же она можетъ васъ прикрыть?

„Какъ свѣтъ свѣтитъ, во всей подсолнечной нѣтъ правленія, въ которомъ бы творились большія чудеса. Зачѣмъ сиять королевскому величію, когда оно—маска для бездѣйствія? Зачѣмъ искать королей дорогою цѣною, если дознано, что короли—враги нации?

„Если король—отецъ, то почему же не довѣряютъ ему дѣти? Если король—гоударь, то чѣмъ же подданные удостовѣряютъ свою подчиненность? Если король—верховный полководецъ, то почему же онъ безъ солдатъ? Если король—судья, то гдѣ же его мечъ и книга законовъ? Безумная, бѣдная и дикая страна, гдѣ вѣдценосцы царствуютъ только по имени.

„Блуждающее стадо гербовныхъ голышей! Гляди на твоихъ хитрыхъ предводителей, само ты не знаешь, какъ, издѣваясь надъ твоею простотой, они пользуются тобой для своей частной выгоды, склеивая или разрывая продажныя соймки. Ты ищешь свободы, свободу имѣютъ только они одни.

„Ты продаешь палладіумъ унаслѣдованныхъ вольностей за рюмку вина, за вѣжливый поклонъ; ты выбрасаешь ясноречивыхъ пословъ, охрипнувъ отъ нападокъ на самодержавное правленіе; не для тебя

они удасть твоєю же удочкою; ты пахнешь плугомъ, они будутъ пахать тобою“.

Суровый моралистъ искалъ спасенія въ монархизмѣ, переставалъ вѣрить въ народъ и всѣ свои надежды возлагалъ на короля. Этотъ послѣдній яворъ спасенія былъ потерянъ. Тотъ, кого Нарушевичъ считалъ героемъ, не выдержалъ и малодушно измѣнилъ народному дѣлу. Въ послѣдній разъ онъ имѣлъ свиданіе съ королемъ въ Семятичахъ, въ декабрѣ 1798 г., когда король возвращался съ гродненскаго сейма; король совѣтовалъ Нарушевичу продолжать начатый историческій трудъ. Нарушевичъ съ негодованіемъ замѣтилъ, что онъ не возьметъ пера въ руки, что ему не для кого писать. Сердце его надорвалось, нравственныя страданія ускорили его кончину, случившуюся въ сельской глуши въ Яновѣ, надъ Бугомъ; онъ не долго пережилъ паденіе государства. Въ числѣ трудовъ Нарушевича заслуживаютъ еще вниманіе переводъ Тацита и жизнеописаніе Ходкевича, прекрасная монографія, въ которой изображены главные моменты царствованія Сигизмунда III, наконецъ „Таврика“, исторія и описаніе Крыма, посвященная Екатериной II во время Каневскаго свиданія ея съ Понятовскимъ, въ свитѣ котораго находился Нарушевичъ.

Одновременно съ великими свѣтилами литературы, каковыми безспорно были Красицкій и Нарушевичъ, и второстепенными, каковъ Трембецкій, появилось нѣсколько мелкихъ третъстепенныхъ, имена которыхъ, нѣкогда довольно популярныя, повторяются по преданію въ учебникахъ, а произведенія почти совсѣмъ забыты; такова пара стихотворцевъ — Карпинскій и Князинецъ. Францискъ Карпинскій (род. на Руси-Червоной, 1741—1825), сентиментальный элегикъ и идиллистъ (*Laurea i Filon*), исполненный высокаго самоуваженія и попавшій въ знаменитости вслѣдствіе того только, что заявилъ себя въ удачный моментъ, когда Чарторыскіе и король отыскивали таланты и можно было прославиться, написавъ два-три удачные стиха. Принятый съ изысканною предупредительностью въ Варшавѣ, Карпинскій напомнилъ о себѣ элегією: „Возвращеніе изъ Варшавы въ деревню“, которой главное содержаніе то, что онъ бѣденъ ѣхалъ, бѣднѣе еще возвратился потому, что меценаты кормили его ласками, но не пожаловали чѣмъ-нибудь болѣе существеннымъ. „Пѣвецъ сердца“ достигъ, наконецъ, цѣли и получилъ аренду въ гродненской губерніи. Пѣсни его ходили по рукамъ въ особенности въ мелко-шляхетской средѣ, и плѣнили нѣжныя сердца менѣе разборчивыхъ людей простотою очищеннаго отъ всякой учености, приторно-сладкаго стиха. Они вводили подъ соломенныя крыши французскую псевдо-классическую галантную пастораль, понижая поэзію до уровня пониманія мало образованныхъ людей. На старости лѣтъ, Карпинскій, уже не бѣдный помѣщикъ, посвятилъ импе-

ратору Александру I свой переводъ „Разговоры Платона“¹⁾. Бѣлорусъ Францъ-Діонисій Князенинъ (род. 1750) происходилъ отъ того же рода смоленской шляхты, который проживалъ русскаго драматурга Якова Бор. Князенина, учился у іезуитовъ, работалъ въ библиотекѣ у Залускаго, потомъ сдѣлался секретаремъ князя Адама Августовича Чарторыскаго и домашнимъ бардомъ рода Чарторыскихъ и двора ихъ Пулавскаго. Болѣе вскормленный древне-греческою, нежели французскою поэзіею, Князенинъ воспѣвалъ сельскую природу, сочинялъ драмы и оперы („Ѳемистоклъ“, „Гекторъ“, „Цыгане“). Струна патриотическая, которой нѣтъ у Барпинскаго, звучитъ сильно у Князенина, переимѣниваясь съ республиканскими воспоминаніями классической древности (траг. Мать Спартанка). Паденіе Польши свело его съ ума. Одиннадцать лѣтъ, 1796—1807, прожилъ онъ въ этомъ печальномъ состояніи и умеръ въ Консковоля близъ Пулавъ²⁾ на рукахъ ближайшаго своего друга, мѣстнаго приходскаго священника, бывшаго литератора Франца Заблоцкаго, который, будучи не менѣе Князенина пораженъ неизлечимой тоскою послѣ утраты отечества, искалъ успокоенія въ объятіяхъ религіи подъ расою.

Судьба Заблоцкаго (1754—1821) связана со сценическими начинаніями драматическаго искусства въ Польшѣ, въ царствованіе Понятовскаго. Созданіе постоянной сцены входило въ планы короля, который открылъ съ большимъ торжествомъ такой первый публичный постоянный театръ въ Варшавѣ въ 1765 г., но повредилъ его успѣхамъ тѣмъ, что далъ на содержаніе его исключительную привилегію камердинеру своему Ривсу, а слѣдовательно укрѣпилъ его за монополистомъ, который болѣе заботился о деньгахъ, нежели объ искусствахъ. Представленія начались съ пьесы Бѣлявскаго (1789—1809): *Natrcsi*. Для этой сцены сочинялъ оперы и комедіи эскъ-іезуитъ Францискъ Богомолецъ (1720—1790). Съ 1780 по 1794, для нея же поставилъ до 80 пьесъ болѣею частью переводныхъ или заимствованныхъ секретарь адукаціонной комисіи, Заблоцкій, который, не довольствуясь однако переводами и заимствованіемъ, поиробовалъ создать современную комедію оригинальную; извѣстнѣйшія его оригинальныя пьесы: „Сувѣрный“ (*Zabobonnik*), „Ухаживанія Вертопраха“ (*Fircyk w zalotach*), „Сарматизмъ“. Замыселъ былъ прекрасный; матеріалъ, обильный для комедіи, состоялъ въ наличности, старое переимѣнивалось съ новымъ въ общество, какъ въ маскарадѣ, старое, косное было карриатурное, подражаніе иностранному доходило до обезьянства. Но задачѣ не

¹⁾ Сочиненія его изданы Дмоховскимъ въ Варшавѣ, 1806, 4 т. Живнеописаніе написалъ А. Корниловичъ. Вильно. 1827.

²⁾ Сочиненія изданы Ф. Дмоховскимъ въ Варшавѣ, 1828—29, въ 7 томахъ.

соотвѣтствовать крошечный талантъ Заблоцкаго, не хватало самобитности; на польскую сцену онъ перенесъ цѣликомъ мольеровскій театръ съ его любовниками, кохадцами на свиданія помимо родительскаго запрета, съ необходимыми резонерами-лакеями и фиглярными-субретками, безъ которыхъ не было тогда никакого фарса, съ смѣшными по костюму и языку лекарями и адвокатами; со множествомъ щедро расточаемыхъ палочныхъ ударовъ. На этой совершенно условной и иностранной канвѣ выведены и иштетены въ нее наблюденные авторомъ современные типы, представленныя въ довольно плоскихъ каррикатурахъ: модный фразеръ, который то обигрываетъ въ карты, то ухаживаетъ за дамами; скупой старикъ, помѣшанный на предсказаніяхъ, котораго дурятъ; глупые усаичи, Сарматы стараго покроя, которые съ сосѣдями дерутся (Gigolos, Żegota), между тѣмъ какъ жены ихъ напиваются (Rukwa); въ этотъ растянутый фарсъ, въ эту смѣсь своего съ иностраннымъ насыпано вдвоемъ перцу—намисковъ на современные лица и происшествія. Такова комедія Заблоцкаго, почтенная по нагѣрніи, слабая по исполненію ¹⁾.—Настоящимъ создателемъ польской сцены явился человекъ, ничѣмъ не воспользовавшійся отъ милостей вероловскихъ, во призванію актеръ, Войцѣхъ Богуславскій, котораго главныя дѣятельность относится во временахъ по-рядѣльнимъ.

В) Политическая литература четвернадцатого вѣка.

Французская по духу, подражательная литература середины царствованія Станислава Понятовскаго, служила почти исключительно политикѣ, мало заботясь о законахъ искусства. Она имѣетъ за собою одну только громадную заслугу: что съ малыми исключеніями она помогала всѣми силами реформѣ и поддѣвала масла въ огонь, воспламеняла любовь къ отечеству и звала народъ на работу немедленнаго, внезапнаго, кореннаго преобразованія, совершить которое предстояло, не колеблясь и не останавливаясь ни предъ какими жертвами, или неминуемо погибнуть. Вліаніе этой литературы на нравы общества, а еще въ несравненно ббльшей степени на идеи было не истиннѣ громаднее; оно можетъ быть оцѣнено только сопоставленіемъ слѣдующихъ событій. Въ 1775 учрежденъ Непрестанный Совѣтъ, который общественное мнѣніе заклеивило прозвищемъ „непрестанной измѣны“ (zdrada niustająca), олигархическое правительство, зависящее отъ Петербурга чрезъ Штакельберга, при которомъ состоялъ призракъ короля, превратившагося въ сущности въ наместника императрицы,—правительство, оказавшее все-таки нѣкоторую пользу потому, что оно было хотя

¹⁾ Сочиненія его издалъ Дмоховскій. Варшава, 1829—30. Новѣйшее изданіе, Варшава, 1877.

люкою, но все-таки организациею послѣ совершеннаго безначалія и анархїи. Духъ реакціи былъ настолько силенъ, что когда по постановленію сейма 1775 г. поручена была кодификація законовъ одному изъ пресвѣщеннѣйшихъ людей того времени, эвсъ-вандлеру Андрею Замойскому, который и обнародовалъ (1778) проектъ этого кодекса, весьма не радикальный, проектъ, въ составленіи котораго принимали дѣятельное участіе король, епископъ Шембекъ, канцлеръ Хребовичъ, проектъ этотъ оскорбительнымъ для автора образомъ былъ отвергнутъ и похороненъ на сеймѣ 1780 г. потому только, что содержалъ робкую попытку предоставить нѣкоторую долю личной свободы крестьянамъ¹⁾. Въ пять лѣтъ послѣ того появляется сильнѣйшій политическій памфлетъ того времени, подѣйствовавшій какъ электрическій ударъ: *Uwagi*, Сташица; а въ 1788 г. начинается четырехлѣтній сеймъ, создавшій дѣльный осмысленный планъ неудавшейся, но до мелочей послѣдовательно и логично разработанной реформы. Внезапно, съ открытіемъ четырехлѣтняго сейма, общество было наводнено несмѣтнымъ количествомъ книгъ, листовъ, брошюръ; эта политическая литература образована, по выраженію Пилля (o liter. polit. sejmia czteroletniego, str. 5), какъ бы второй сеймъ подлѣ настоящаго, сеймъ свободный, въ которомъ всякій, кто хотѣлъ, имѣлъ право голоса. Намъ необходимо войти въ эту мастерскую реформы, гдѣ разрабатывались все вопросы дня, прежде чѣмъ поступали на очередь сеймовыхъ преній. По глубинѣ мыслей, силѣ увлеченія и блеску дарованія, партія такъ-называемая „патріотическая“ имѣетъ рѣшительный перевѣсъ и въ сеймѣ и въ литературѣ, а въ ней на первомъ планѣ стоятъ два лица: два всендза, являющіеся звѣздами первой величины, одинъ только писатель — хотя одаренный всеми качествами народнаго трибуна, другой — писатель и ораторъ, но еще болѣе государственный человѣкъ: Сташица и Колонтай.

Всендзъ Станиславъ Сташица (1755—1826)²⁾, мѣщанинъ, сынъ бургомистра въ городѣ Пилля въ Великопольнѣ, по необходимости, а не по призванію былъ духовный и избралъ это званіе только потому, что все-михитину все пути были закрыты. Очень молодымъ человѣкомъ поѣхалъ онъ учиться за границу въ Германію, потомъ въ Парижъ, облизываясь съ энциклопедистами, приобретаѣтъ большія познанія въ естественныхъ наукахъ, особенно въ геологіи. Пребываніе его за границею совпадало по времени съ движеніемъ барской конфедерации и съ обращеніями агентовъ конфедерации къ знаменитымъ европей-

¹⁾ Zbiór praw sądowych przez Andr. Ord. Zamoyskiego, wydany przez W. Dutkiewicza. Warszawa, 1874.

²⁾ Józef Szujski, St. Staszic jako pisarz polityczny, w Rozzręsanjach i opowiadaniach historycznych, Kraków, 1876. Justyn Wojewodski, Stanisław Wawrzyniec Staszic w Warszawie, 1879. M. Glücksberg. St. Staszic, w журналъ Niviu, 1875.

скимъ философамъ-публицистамъ за консультаціями и рецептами. Одинъ изъ такихъ агентовъ Вильгортскій обращался въ автору *Contrat social* (1768) и къ аббату Мабли и получилъ отъ перваго изъ нихъ: *Considérations sur le gouvernement de la Pologne*, а отъ втораго: *De la situation politique de la Pologne, 1776*. — Почти боготворимый тогда авторъ политической библіи XVIII вѣка, Руссо отнесся къ задачѣ съ своей французской точки зрѣнія и сильно доктринерски; изъ не нависти къ абсолютивму предлагалъ децентрализацію, совѣтовалъ федеративную форму правленія, пощадилъ даже элекцію королей и не рѣшался отгнѣить, а только ограничивалъ *liberum veto*, однимъ словомъ, проповѣдывалъ демократію въ такихъ политическихъ формахъ, которыя для Польши были непригодны, а мысли его послужили потомъ теоретическими мотивами политики для несправимыхъ шляхетскихъ анархистовъ, для будущихъ торговчанъ. Мабли посмотрѣлъ на дѣло гораздо практичнѣе и проще, въ сужденіи сомнѣвался, но совѣтовалъ наследственную конституціонную монархію. Молодой Сташицъ былъ горячій поклонникъ Руссо, проникнулся началами „Общественнаго Договора“, и сохранилъ на всю жизнь извѣстную долю республиканскаго доктринерства. Но, возвратившись въ Польшу, онъ по счастливому стеченію обстоятельствъ попалъ (1772) въ домъ къ Андрею Замойскому, поручившему ему воспитаніе своихъ сыновей и преподаваніе французской словесности въ Замосцкой академіи. Сдѣлавшись домашнимъ человѣкомъ у польскаго „Ликурга“, будучи въ постоянномъ общеніи съ его сотрудниками по проекту кодекса, заимствуя отъ нихъ взгляды на состояніе Польши, а изъ богатаго Замосцскаго архива историческія данныя, все передуманное о судьбахъ отечества Сташицъ вылилъ въ безымянный, довольно безпорядочный памфлетъ (изданный 1785 г. въ Варшавѣ), носящій случайное на первый взглядъ заглавіе, имѣющее мало общаго съ его содержаніемъ: *Zamychania na życie J.на Замойскаго* (*Uwagi nad życiem J. Zamoyskiego etc.*). Памфлетъ имѣетъ исходною точкою психологію сенсуалистовъ, дѣлается безъ строгаго плана наставіи (воспитаніе, законодательство, исполнительная власть и т. д.), пользуется именемъ Замойскаго, о которомъ авторъ имѣлъ вообще мало точныхъ свѣдѣній, чтобы сопоставить современную приниженность и паденіе съ славнымъ величіемъ эпохи Ваторія. Это возведеніе великаго свободнаго республиканскаго прошлаго въ непрестанно созерцаемый идеалъ сообщало памфлету чарующую силу; оно выдѣляетъ Сташица изъ числа тѣхъ заурядныхъ революціонеровъ, которые все въ прошедшемъ закидывали грязью. Книга Сташица вызвала до 22 отвѣтовъ, породила цѣлую литературу. Вскорѣ затѣмъ мечтанія патріота стали осуществляться, во Франціи начиналась революція, въ Польшѣ собирался четырехлѣтній сеймъ. Происхожденіе не-шляхетское лишило Сташица

возможности прѣимаго участія въ законодательствѣ, а сеймъ—сильнѣйшаго оратора, но Станицъ служилъ общему дѣлу перомъ и издалъ 1790 свои *Предостереженія для Польши* (Przestrogi dla Polski z terazniejszych politycznych Europy związków i z praw natury wypadające). Эта книга есть не что иное, какъ дальнѣйшее развитіе и болѣе подробное изложеніе того, что содержалось въ „Замѣчаніяхъ“. Оба сочиненія были готовая программа реформы, и общій смыслъ ихъ слѣдующій: Станицъ—республиканецъ, но еще болѣе патриотъ, выше всего ставить онъ бытіе своей націи: „сперва народъ—потомъ свобода; сперва жизнь, потомъ удобство“. Бытію народа онъ жертвуетъ всѣмъ, даже доктринаю, совѣтуетъ изъ золъ выбирать меньшее, рѣшается идти отъ великаго прошлаго, созерцаемаго въ свѣтѣ немного туманномъ, идеальномъ, къ будущему тоже свободному, хотя бы чрезъ абсолютизмъ; установить хотя бы самодержавіе, если иначе нельзя охранять себя отъ самодержавныхъ кругомъ Польши государствъ, для которыхъ первое правило—ослаблять всячески сосѣдей. Станицъ совѣтуетъ увеличить войска, подати, завести наследственнаго короля, непрестанный сеймъ, сосредоточить исполнительную власть въ комиссіяхъ. Но сверхъ этихъ весьма разумныхъ совѣтовъ, книги Станица содержали въ себѣ еще нѣчто гораздо болѣе новое и цѣнное. Писалъ ихъ человѣкъ, не путемъ отвлеченія додумавшійся до необходимости подъема, освобожденія и уравненія съ шляхтою народа, а настоящій демократъ, лично пострадавшій все то, что терпѣли не-шляхтичи отъ вѣковой несправедливости и домогающійся простора и мѣста для отверженныхъ элементовъ, рѣчью неурвною, но порывистою, словами неотразимыми, какъ глубокое убѣжденіе и жгучими, какъ расплавленная лава. Онъ не стѣсняется и называетъ предметы настоящими именами; вину паденія вваливаетъ безъ обиняковъ на вельможество¹⁾; онъ исчислилъ, что половина пространства Польши—это имѣнія монопольныя (староства, духовныя имѣнія, королевскія столовня), что изъ остальной половины только 800 кв. миль, на 10000 настоящая собственность за исключеніемъ крестьянскаго надѣла. Нельзя содержать 300,000 войска безъ податей, нельзя имѣть ни войска, ни податей безъ отгѣны барщины и распространенія права собственности на всю землю. „200 милліоновъ морговъ земли и 7 милліоновъ людей—вотъ матеріалъ, изъ котораго надо создать 300,000 солдатъ и нѣсколько сотенъ милліоновъ податей. Земля увеличитъ свою производительность, когда усилятся трудъ ея обработки; а тѣ только люди будутъ больше работать, которые сдѣлаются

¹⁾ «Кто учить на сеймикахъ измѣнѣ, подлости, насилію? кто шляхту обманываетъ, подкупаетъ и ошалаваетъ? Паны. — Кто парализуетъ законодательную власть, рветъ сеймы? Паны.—Кто судъ превращалъ въ торгъ правосудіемъ? Паны.—Кто продавалъ корону? Паны. — Кто покупалъ корону? Паны. — Кто приводилъ чужеземныя войска? Паны».

способными приобретать *поземельную* собственность". Автором брошено слово надѣленія крестьянъ землею въ дальнемъ будущемъ, въ которому слѣдуетъ идти черезъ политическія реформы, черезъ равноправность, отміну привилегій, истребленіе тунеядства и классовъ, чужимъ трудомъ живущихъ, и черезъ закрытіе новіцятъ духовныхъ орденовъ. Сташицъ является первымъ апостоломъ настоящей польской демократіи. Онъ соединяетъ въ себѣ два новыя и рѣдкія качества: онъ сознаетъ, что центръ тяжести общества лежитъ въ безправныхъ массахъ, которыя надо поднять; но зоветъ онъ ихъ на дѣло не раздраженіемъ въ нихъ животныхъ инстинктовъ, а во имя долга для труда и въ духѣ строгой дисциплины. Въ замислахъ своихъ онъ радикальнѣе кого-бы то ни было изъ современныхъ; но всѣ нововведенія проектируются сверху внизъ и имѣютъ задачей нравственную дрессировку признаваемыхъ къ общественной дѣятельности массъ. Въ литературномъ отношеніи онъ не произвелъ ничего подходящаго къ „Замѣчаніямъ“ и „Предостереженіямъ“, но во второй, одинаково плодотворной половинѣ своей общественной дѣятельности онъ показалъ, насколько серьезно радѣлъ онъ о крестьянахъ и о благосостояніи массъ. На сколоченный трудомъ и выслуженный у Замойскихъ капиталъ онъ купилъ, въ 1801, обширную волость (ключъ) Грубешовскую въ люблинскомъ воеводствѣ, устроилъ ее и освободилъ крестьянъ, всѣ помѣщичьи грунты подаривъ общинѣ. Всѣ свои средства онъ обращалъ на филантропическія цѣли, ходилъ въ театръ въ раекъ, а уплатилъ 70 т. золотыхъ Торвальдсену за памятникъ Копернику въ Варшавѣ передъ зданіемъ Общества Любителей Наукъ (нынѣ 1-я гимназія), въ которомъ съ 1808 онъ председательствовалъ; онъ создалъ горное дѣло въ Царствѣ Польскомъ, былъ дѣятельнымъ членомъ комиссии просвѣщенія и исповѣданій, почетнымъ статсъ-министромъ, засѣдающимъ въ совѣтахъ государственномъ и административномъ царства. Въ 1812 г. Сташицъ защитилъ въ государственномъ совѣтѣ Герцогства Варшавскаго эдукаціонный училищный фондъ, подвергнѣйся сильной опасности расхищенія по спорному вопросу, имѣютъ ли училища преимущественное право на удовлетвореніе изъ по-іезуитскихъ имѣній, или онѣ получаютъ удовлетвореніе по разверсткѣ съ другими кредиторами владѣльцевъ этихъ имѣній. Голоса дѣлились по этому вопросу, но защитники кредиторовъ замолкли, когда старикъ Сташицъ произнесъ: „да не надѣется народъ нашъ на возрожденіе; его погубятъ наши дѣти, обреченные отцами своими на невѣжество“. Въ политическомъ отношеніи Сташицъ сдѣлался поклонникомъ императора Александра I, какъ возстановителя Польши, и панславистомъ, полагающимъ благо польской народности въ тѣсномъ единеніи съ Россією¹⁾.

¹⁾ Ostatnie do współrodaków słowo. Warszawa 1814; Myśli o równowadze polii-

Въ Станищѣ реформа имѣла своего теоретика, въ Колонтай она обрѣла свое живое воплощеніе. Гугонъ Колонтай, изъ смоленскихъ дворянъ выходцевъ, поселившихся послѣ Андрусовскаго перемирія въ Сандомірской землѣ (1750—1812), сдѣлался духовнымъ лицомъ только потому, что это званіе облегчало карьеру, а честолюбіе было у него безгнѣрное, сопровождаемое первостепенными блистательными дарованіями и кипучею дѣятельностью и энергіею. Все удавалось молодому ученому, за что онъ ни брался умѣлою, ловкою рукою. Предстояла реформа затхлоу краковской академіи; Колонтай отправленъ былъ 1777 туда визитаторомъ отъ эдукаціонной комиссіи, очистилъ эти авгіевы конюшни схоластикеи, не смотря на жестокое сопротивленіе; три года тамъ ректорствовалъ (1782—1785), послѣ чего возвратился въ Варшаву, въ самый центръ политическаго движенія, и въ среду, въ которой враждался, какъ въ своемъ элементѣ, этотъ умъ гибкій, эта натура властная, этотъ темпераментъ революціонный, стремящійся на проломъ или обходомъ къ цѣли, не очень разбирая средства. Скромная должность литовскаго референдаріа не давала ему доступа къ кормилу правленія, даже въ сеймѣ нельзя было безъ попастьъ связей; Колонтай избралъ печать ступеню для достиженія власти, и издалъ „Письма анонима къ Станиславу Малаховскому“ (Do St. Małachowskiego o przystąpieniu seumie apouywa listów kilka), брошюру, въ которой съ необычайною точностью и ясностью, съ изумительною логикою, превосходнымъ языкомъ формулировались задачи реформы ¹⁾. Въ этой брошюрѣ Колонтай явилъ себя могучимъ діалектикомъ и первымъ прованкомъ конца XVIII вѣка. Колонтай собралъ вокругъ себя цѣлую партію въ литературѣ, сталъ во главѣ крайнихъ прогрессистовъ; множество листовъ и памфлетовъ выходили, но современному выраженію, изъ „Колонтаевской кузницы“. Самымъ неутомимымъ его сотрудникомъ по этой части былъ ѣдкій сатирикъ, всендѣзъ Ф. С. Езерскій, авторъ „Говорка“ (1789), „Ржевпихи“ (1790), „Катикизиса о таинствахъ польскаго правленія“ (1790). Авторитетъ Колонтая, пріобрѣтенный имъ такъ-сказать съ боя, былъ такъ силенъ, что его, не состоявшаго членомъ сейма, избрали въ 1790 въ особую сеймовую депутацію для реформы правленія. Отстаивая проектъ законѣвъ на сеймѣ, онъ отличился какъ ораторъ; наконецъ, если бы можно было приписать одному лицу коллективный трудъ дѣятельности сейма, то Колонтая слѣдовало бы назвать главнымъ

tuszej w Europie. Warszawa 1815. Ср. Первольфа, Slovanské hnutí mezi Polaky 1800—1830, въ чешскомъ журналѣ Osvěta, 1879.

¹⁾ Приведемъ образчикъ: «Что такое нашъ край? Не монархія, такъ какъ монархія прекратилась съ пресѣченіемъ дома Ягеллоновъ. Не республика, потому что эта республика бываетъ представляема только каждые два года въ теченіи шести недѣль. Что же она наконецъ? Она—плохая попорченная машина, которую одинъ двигать не въ силахъ, всѣ вмѣстѣ двигать не хотятъ, а остановить можетъ каждый по одиночкѣ вытѣи.»

авторомъ конституціи 3 мая; всѣ остальные лица въ сущности были только его пособниками; идею реформы омы самъ и изъяснилъ въ мотивированномъ проектѣ ея, изданномъ 1790, подъ заглавіемъ: „*Prawa polityczne narodu polskiego*“. Кульминаціоннымъ пунктомъ въ карьерѣ Колонтыя былъ тотъ моментъ, когда послѣ обнародованія конституціи 3 мая 1791 г. нелюбившій его король, въ воздаяніе его несомнѣнныхъ заслугъ, возвелъ его въ министры, сдѣлавъ короннымъ подканцлеріемъ. Теперь именно пришло испытаніе и оказалось, что характеръ Колонтыя не соотвѣтствовалъ его гениальности, не выдерживалъ пробы. 24 іюля 1792 г., въ засѣданіи совѣта министровъ (*straża*) по поводу требованія императрицы о немедленномъ отступленіи отъ конституціи и соединеніи съ торговичанами, Колонтай подавъ голосъ за вступленіе въ торговичкую конфедерацію и самъ лично въ ней присоединился, льстя себя несбыточною надеждою повліять, можетъ быть, на конфедерацію, то-есть помириться съ смертельными врагами реформы и кое-что снасти отъ конституціи, уѣхалъ въ Силезію, написалъ 1793 памфлетъ въ формѣ историческаго сочиненія о конституціи (*O ustanowieniu i upadku konstytucji polskiej 3 maja*), въ которомъ искажая истину, обѣлгалъ по-адвокатски свою партію, а всѣ винны изваливалъ на короля, представляя его измѣнникомъ не мѣтѣ торговичанъ; потомъ (1794) явился опять въ лагерь Косцюшки и въ Варшавѣ яркимъ демагогомъ, сочувствующимъ движеніямъ черни, интригующимъ противъ народнаго вождя и прокладывающимъ себѣ путь въ диктаторы ¹⁾. Потомъ послѣдовало долгое заключеніе его въ Ольмицѣ, и жизнь скитальческая на Волини, и въ герцогствѣ Варшавскомъ. Ни умъ, ни бодрость духа и предприимчивость, ни дружба съ Чацкимъ и Снядецкимъ не изгладили воспоминаній о событіяхъ 1793 и 1794 г., въ которыхъ Колонтай выказалъ себя съ столь слабой стороны.

Партія патриотовъ, по ученіямъ, заимствованнымъ отъ Руссо, была республиканская; перейти рѣшительно на сторону наследственной монархіи и къ усиленію централизаціи заставила ее другая, не менѣе многочисленная группа дѣятелей болѣе умѣреннаго направленія, такъ называемыхъ монархистовъ или сторонниковъ короля, имѣвшая своихъ писателей и своихъ поэтовъ въ Нарушевичѣ и Трембецкомъ. Наконецъ отъликались и отстрѣливались въ литературѣ консерваторы, анархисты, будущіе торговичане, подраздѣлявшіеся на два отѣнка, просто шляхетскій и магнатскій. Вліятельнымъ писателемъ въ этомъ лагерѣ былъ гетманъ Северинъ Ржевускій (1743—1793), сосланный въ Калугу по распоряженію Репнина, озлобленный за умаленіе гетманской власти, а кончившій тѣмъ, что сдѣлался столбомъ торговичкой конфедераціи (*O suk-*

¹⁾ Kraszewski, Polska w czasie 3 rozb., t. 3.

sessy i troni w Polsce, 1789). Намѣтимъ между публицистами весьма оригинальнаго и порою остроумнаго чудака Яцка Езерскаго, востельна Луковскаго, требовавшаго конфискаціи церковныхъ имуществъ, но противившагося свободѣ городовъ и дачѣ правъ мѣщанамъ; бѣшеннаго революціонера въ родѣ парижскихъ якобинцевъ, Войтѣка Турскаго, которому монархистъ Трембецкій сузилъ исправительное заведеніе, и множество другихъ. Вся эта громадная по объему литература распространялась посредствомъ летучихъ листовъ, стиховъ и брошюръ, но не посредствомъ газетъ, которыя были тогда самыя ничтожныя и содержали сухіе голые факты безъ всякихъ разсужденій. Необходимымъ дополненіемъ этой чисто политической литературѣ четырехлѣтняго сейма служилъ театр; есть пьесы, неразлучныя съ воспоминаніемъ объ извѣстныхъ моментахъ великаго предсмертнаго усилія и характеризующія наилучшимъ образомъ данную ситуацію во всей ея полнотѣ. Таково „Возвращеніе Посла“, трех-актная высоко-патріотическая комедія молодаго лифляндскаго сеймоваго посла Юліана-Урсина Нѣмцевича (родившагося 1754, адъютанта Косцюшки, потомъ его товарища по заключенію въ Петербургѣ, потомъ секретаря сената, послѣдняго предсѣдателя Общества любителей наукъ, умершаго эмигрантомъ въ Парижѣ 1841), писателя плодовитаго, благонамѣреннаго, но весьма посредственнаго. Пьеса эта, разыгранная впервые 15 января 1791 г. въ Варшавѣ, приобрѣла громадную популярность, хотя крайне слаба по содержанію. Пьеса переноситъ насъ въ деревню, и представляетъ два помѣщичьи семейства: прогрессиста-патріота подкоморія и заскоружлаго въ шляхетскихъ предразсудкахъ старосту, воспоминающаго съ грустью о короляхъ Саксонцахъ, когда „человѣкъ ѣлъ, пилъ, ничего не дѣлалъ и полонъ у него былъ карманъ“; когда „безъ интриги и безъ магійшей измѣны одинъ посолъ могъ остановить сеймовое рѣшеніе, когда онъ держалъ въ рукахъ вѣсы отечества, сказалъ: не позволю, да и удралъ на Прагу... а за свой поступокъ получилъ повнѣшеніе, а иногда и нѣсколько деревень“. Сынъ подкоморія — земскій посолъ на сеймѣ, весь занятый великими вопросами общественными, пріѣзжаетъ домой, пользуясь отсрочкою засѣданій, влюбляется въ дочь старосты, но мачиха ея, сентиментальная дама, сватаетъ ее за новомоднаго франта, который однако мѣтитъ на приданое и отказывается, когда узнаетъ, что приданаго нѣтъ, между тѣмъ какъ его безкорыстный соперникъ беретъ невѣсту безъ приданаго. Патріотическія мѣста въ этой пьесѣ приводили публику въ восторгъ, легкое и игривое остроуміе попадало въ цѣль, ретрограды оскорблялись и въ 1792 г. въ одномъ изъ универсаловъ тарговицкой конфедераціи Феликсъ Потоцкій намекалъ на Нѣмцевича словами: „вскорѣ гистріоны на театрахъ дерзнутъ осмѣивать прежнее правленіе и въ-

новья права народа". Другая пьеса под заглавіемъ „Чудо или Краковяки и горцы“ связана столь же тѣсно съ повстаніемъ Косцюжки; она не содержитъ въ себѣ ничего политическаго, и есть смѣсь драмы, фарса и балета. Удачно предвосхищая любимые мотивы будущаго романтизма, она выводила на сцену живой простонародный элементъ въ его костюмахъ, съ его типическими поговорками и свадебными обрядами; она дѣлала это въ то самое время, когда мужикъ призывался къ оружію, образовались отряды восставшихъ и когда народный вождь надѣвалъ бѣлую крестьянскую сермягу. Авторомъ пьесы были чрезвычайно популярный въ то время челоѣкъ, имя котораго упомянуто выше, отставной офицеръ, потомъ актеръ и драматическій писатель Войтѣхъ Богуславскій (1760—1829), который послѣ паденія государства объѣзжалъ всѣ почти бывшія его области со своею труппою, а въ 1811 основалъ драматическую школу въ Варшавѣ и сдѣлался такимъ образомъ настоящимъ создателемъ сценическаго искусства въ Польшѣ и его преданій ¹⁾. Наконецъ для завершенія обзора дѣятельности польской литературы XVIII в. отмѣтимъ чрезвычайное обиліе интереснѣйшихъ мемуаровъ, которыхъ списокъ постоянно увеличивается. Первое мѣсто между ними по богатству подробностей для характеристики нравовъ занимаютъ труды Андрея Китовича (1728—1804), бывшаго барскаго конфедерата, потомъ священника, челоѣка бывалаго, юмориста и чудака, который съ пристрастіемъ и безъ критики порою сплетничая и утрируя, начертилъ однако самый живой образъ Рѣчи-Посполитой ²⁾.

Послѣ изображенія литературнаго движенія XVIII вѣка въ Польшѣ въ главныххъ ея проявленіяхъ до роковой катастрофы, положившей конецъ государству и приостановившей на продолжительное время умственное развитіе общества, слѣдуетъ коснуться самой этой катастрофы съ тѣмъ, чтобы опредѣлить потомъ, насколько она повліяла на дальнѣйшія судьбы польской національности и въ особенности на польскую литературу, какъ на выраженіе самосознанія продолжающаго работать надъ неисчерпанными еще задачами народнаго бытія.

Вслѣдствіе политически зависимаго отъ сосѣдей положенія Польши, обновленіе ея и переустройство обуславливались не только внутреннею подготовкою, но и особенно благоприятными внѣшними обстоятельствами. Эта пора случилась, когда 1787 Россія занялась на продолжительное время войною съ Турціею, въ чемъ ей помогала Австрія, противъ обѣихъ державъ образовался союзъ англо-нидерландо-прусскій, и новый король прусскій Фридрихъ-Вильгельмъ предложилъ

¹⁾ Собраніе соч. Богуславскаго, болѣею частью переводныхъ, издано въ Варшавѣ Глюксбергемъ, 1820—1823, въ 12-ти томахъ.

²⁾ Разныя сочиненія его изданы гр. Э. Рачинскимъ въ Познани, 1840—1845.

Пальшѣ свою поддержку противъ Россіи. Всѣ такъ называемые патріоты рѣшились воспользоваться этимъ предложеніемъ. Представлявшійся случай былъ до такой степени заманчивъ, что партія патріотовъ успѣла привлечь на свою сторону, хотя не безъ труда и послѣ колебаній, партію монархистовъ и самого короля, который не былъ лишенъ ни благихъ намѣреній, ни послѣдовательности, ни желанія сообразоваться съ общественнымъ мнѣніемъ народа и который не имѣлъ только никакого героизма въ критическую минуту. Это сближеніе двухъ партій, рѣшавшее обудущемъ реформы совершилось въ продолженный чрезъ мѣру періодъ дѣятельности сейма, созваннаго въ октябрѣ 1788 г., съ тѣмъ, чтобы вопіровать помощь Россіи въ турецкой войнѣ согласно Каневскому свиданію 1787, но начавшаго съ отмѣны Непрестаннаго Совѣта и пошедшаго на прусскій альянсъ, къ которому манилъ вкрадчивый итальянецъ, прусскій посолъ Луквезини (изображенный Красицимъ въ видѣ органиста). На сторонѣ Россіи остались рѣдкіе консерваторы съ олигархами Ксаверіемъ Браницимъ и Феликсомъ Потоцкимъ во главѣ. Эта партія ревнителей привилегій и „золотой свободы“, не мыслимыхъ безъ виѣшней поддержки, не могла противиться прямо, но тормозила ходъ преобразованій, пользуясь всѣми конституціонными средствами для проволочекъ. Сеймъ затягивался и таялъ; чтобы продлить свое существованіе, саймъ, 1790, рѣшилъ произвести новые выборы, съ тѣмъ, чтобы послы отъ этихъ новыхъ выборовъ усилили прежній составъ пословъ и чтобы изба пословъ засѣдала въ удвоенномъ составѣ. Основныя начала реформы уже были готовы, проектъ конституціи выработанъ. Онъ отмѣнялъ *liberum veto* и конфедерацию, дѣлалъ престолъ наследственнымъ по смерти бездѣтнаго короля въ домѣ саксонскомъ, къ которому переходилъ тогда престолъ, власть законодательную вручалъ палатѣ пословъ, давалъ сенату только право передать законъ, принятый палатою пословъ, не утверждая его, на разсмотрѣніе слѣдующаго сейма. Властью исполнительною облеченъ былъ король купно со „стражею“ или совѣтомъ министровъ. Министры были отвѣтственные; указы короля должны были быть скрѣпляемы министрами. Суды комплектовались по выборамъ. Представители городовъ допущены въ сеймъ по дѣламъ городовъ; города получили самоуправленіе, мѣщане привилегію: *pepinem cartivabimus*, и право покупать шляхетскія имѣнія, открытъ имъ притомъ широкій доступъ въ шляхетское сословіе. Крестьянству обѣщано покровительство законовъ и намѣченъ переходъ въ будущемъ въ оброчному положенію съ барщины и къ личной свободѣ. Обстоятельства заставляли торопиться, прусскій союзъ шатался, Пруссія мирилась съ Австріею и явно требовала въ смыслѣ вознагражденія за альянсъ отдачи себѣ Данцига и Торна. Тогда условленъ между королемъ съ вожаками патріотовъ въ величайшей тайнѣ пере-

воротъ 3 мая 1791 г.; въ одно 9-часовое засѣданіе готовый проектъ конституціи внесенъ на сеймъ, подвергнутъ обсужденію, принятъ и закрѣпленъ присягою короля и членовъ сейма. Событіе поражало своею неожиданностью и принято съ такимъ всеобщимъ сочувствіемъ, что оппозиція на первыхъ порахъ совсѣмъ замолкла и годъ цѣлый правительство польское имѣло свободу дѣйствія. Въ этотъ годъ оно не приготовилось, чтобы себя отстоять, не создало войска, ни казны; между тѣмъ тучи подходили грозныя: 6 января 1792 Россія заключила миръ съ Турціею, состоялись соглашенія дворовъ петербургскаго съ берлинскимъ и вѣнскимъ, а въ маѣ того же года русскія войска вступили въ Польшу и образовалась тарговицкая конфедерація противъ конституціи 3 мая, потребовавшая возстановленія стараго порядка при помощи Россіи. Сеймъ счелъ свою задачу конченною и разѣхался, возложивъ всѣ полномочія на короля. Король по требованію Россіи сдался и, отрекаясь отъ конституціи, приступилъ къ тарговицкой конфедерации. Въ концѣ 1793 г. послѣдовалъ второй раздѣлъ Польши на сеймѣ гродненскомъ, затѣмъ въ 1794 возстаніе Косцюшки, взятіе Варшавы, и третій окончательный раздѣлъ трактатами 1795 года. Россія досталась ея теперешняя западная полоса, кромѣ Царства Польскаго и Бѣлостокской области, по Нѣманъ и Западный Бугъ; нинѣшнимъ Царствомъ Польскимъ съ частью гродненской губерніи подѣлились Австрія и Пруссія, разграничившись Пилицею и Бугомъ; Варшава вошла въ составъ прусской части. Съ обществомъ польскимъ произошло то, что потомъ повторялось при каждомъ изъ послѣдующихъ крупныхъ повстаній, что верхній культурный слой былъ если не срѣзанъ, то по крайней мѣрѣ глубоко перепаханъ, политическіе дѣятели пали или томились въ ссылкѣ или бѣжали за границу и положили основаніе польской эмиграціи, имѣвшей значительное и не всегда полезное вліяніе на судьбы народности и литературы. Большая часть магнатовъ пристроилась къ дворамъ петербургскому, вѣнскому и берлинскому. Одины изъ умнѣйшихъ польскихъ патріотовъ по-раздѣльной эпохи и изъ вліятельнѣйшихъ ея писателей, Янъ Снадецкій выражаетъ слѣдующимъ образомъ настроеніе всѣхъ трезво мыслящихъ, разсудительныхъ современныхъ людей въ потерпѣвшемъ крушеніи обществѣ: „Потерявъ отечество, величайшее благо душъ благородныхъ и преданныхъ общимъ интересамъ, мы осуждены жестокимъ приговоромъ на уничтоженіе и подавленіе въ насъ самихъ движеній, порождаемыхъ въ насъ воспитаніемъ, привычкою и жаждою общественнаго блага, оживляемыми всѣ наши умственные силы, способности и таланты. Нинѣ Полякъ долженъ пережить самого себя, создать въ себѣ иную душу и заключить свои чувства въ тѣсныхъ предѣлахъ личнаго бытія. Это предназначеніе жестоко, но оно — законъ ничѣмъ не преодолимой дѣйстви-

тальности, которому надо покориться. Употребимъ же плоды просвѣщенія на то, чтобы сдѣлать сносной жестоко удручающую насъ судьбу“¹⁾.—Люди, соединенные чувствомъ народности, потеряли свою обычную общественную среду и почувствовали себя въ совершенно чуждыхъ имъ стихіяхъ: не вдругъ стали они приспособляться къ новымъ средамъ и, привыкая группироваться, въ новыхъ сочетаніяхъ. На первыхъ порахъ произошла какъ бы нѣкоторая приостановка въ органическихъ функціяхъ жизни, такъ что въ исторіи литературы образуется довольно большой перерывъ нѣчто въ родѣ сѣрой полосы, отдѣляющей моментъ политическаго упадка отъ начала литературнаго возрожденія. Въ этомъ промежуточномъ періодѣ факты литературные немногочисленны и бѣдны, но въ европейскомъ мірѣ совершаются громадные перемены, знаменовавшія революціонную и Наполеонову эпохи. Жизнь польскаго общества устраивается совершенно иначе въ каждой изъ раздѣленныхъ послѣ 1795 г. частей бывшей Рѣчи-Посполитой. Подробнѣе разсмотрѣніе этихъ разновидностей входитъ въ исторію государствъ, участвовавшихъ въ раздѣлѣ; на долю историка литературы приходится только намѣчать самыя общія черты быта отдѣльныхъ частей, насколько они отразились въ удѣлѣвшемъ народномъ сознаніи и въ органѣ его—литературѣ.

В) Переходное время послѣ третьяго раздѣла.

Всего слабѣе мерцаетъ свѣточъ литературы въ сдѣлавшихся австрійскими областяхъ. Для Галиціи настала полувѣковой, считая съ 1772 года, періодъ глубокаго умственного сна, въ теченіи котораго производимъ былъ опытъ обнѣмеченія населенія посредствомъ заѣзжихъ чиновниковъ и преподаванія въ школахъ на нѣмецкомъ языкѣ. Учрежденный во Львовѣ 1817 г. университетъ былъ по языку нѣмецкій. Знать галиційская отличалась своимъ отчужденіемъ отъ родного языка и обычая и воспитаніе получала салонное, французское²⁾. Несравненно послѣдовательнѣе и систематичнѣе проводилась та же система обнѣмеченія въ частяхъ, достаншихся Пруссіи, соединенная притомъ съ рядомъ правительственныхъ мѣръ для колонизаціи въ этихъ земляхъ Нѣмцевъ и замѣны польскаго землевладѣнія нѣмецкимъ. Польское общество чуждалось службы государственной. Учрежденъ лицей въ Варшавѣ, разрѣшено Общество Любителей Наукъ, долженствующее служить для праздныхъ умовъ невиннымъ развлеченіемъ. Лучшіе остатки польскаго общества осѣдали въ Варшавѣ, но здѣсь же во флигелѣ королевскаго замка, въ такъ-называемомъ дворцѣ „подъ бляхою“, зани-

¹⁾ Письмо 12 янв. 1804 г. въ книгѣ: «Listy Jana Sniadeckiego 1788—1830 z autografów». Poznań 1878.

²⁾ Zawadzki, Literatura w Galicyi. Przewodn. nauk. i lit. 1877.

маломъ князѣмъ Юсефомъ Понятовскимъ, племянникомъ бывшаго короля, кутила праздная молодежь изъ такъ-называемыхъ хватовъ (tężyzwa), увлекаемыхъ примѣромъ храбраго солдата, который отличился вмѣстѣ съ Косцюзкою, и обреченъ былъ на недѣлительность, прежде чѣмъ открылась ему возможность сѣсть на коня и сражаться въ наполеоновскихъ войскахъ за честь родного имени (honor Polaków). Гораздо менѣе крупна была перемѣна, испытанная польскимъ обществомъ въ предѣлахъ Россіи. Въ планы правительства не входило изолированіе польскаго элемента, родного по крови и потому близкаго русскому несмотря на исторію. Къ Петербургу обращались взоры даже многихъ патріотовъ. Однимъ изъ приближенныхъ къ молодому государю Александру I людей былъ князь Адамъ Адамовичъ Чарторыйскій, членъ государственнаго комитета, министръ иностранныхъ дѣлъ съ 1803 по 1806 и печатель вилнскаго университета ¹⁾, явный продолжатель традиціонной политики своего дома, мечтавшій о восстановленіи своего отечества подъ сѣнью русской державы. Государь не чуждался этой идеи, но, прежде чѣмъ явились условія для ея осуществленія, ее недвѣялъ и пустилъ въ ходъ для достиженія своихъ властолюбивыхъ замысловъ Наполеонъ, ознакомившійся съ нею вслѣдствіе того, что сначала подъ знаменами французской республики, а потомъ подъ его орлами сражались выходцы, надѣявшіеся не на востокъ, а на западъ и рассчитывавшіе на восстановленіе Польши посредствомъ европейскихъ переворотовъ, исходящихъ изъ Франціи, какъ изъ центра революціоннаго все-европейскаго движенія. Разгромивъ Пруссію подъ Іеною, Наполеонъ по тильзитскому трактату 1807 г. создалъ вольный городъ Данцигъ, Россіи передалъ Бѣлостокскую область, а изъ частей отъ Польши, инкорпорированныхъ Пруссіею по двумъ послѣднимъ раздѣламъ, образовалъ маленькое герцогство Варшавское, которымъ онъ надѣлилъ своего союзника, короля саксонскаго. Новое созданіе политики получило призрачную конституцію, войско, администрацію на подобіе французской, кодексъ Наполеона и личное освобожденіе крестьянъ; его назначеніе было доставлять для императора Французовъ наибольшее количество денегъ и солдатъ. Оно щекотало народное чувство самими неопредѣленными обѣщаніями. Въ 1809 году герцогство сдѣлалось театромъ войны Франціи съ Австріею. Варшаву заняли австрійскія войска, между тѣмъ какъ польскія подъ кн. Юсефомъ Понятовскимъ завоевали западную Галицію, Краковъ, Люблинъ—пріобрѣтенія, которыя присоединены къ герцогству по вѣнскому миру 1809 г. Во время приготовленія къ памятнаму походу на Россію 1812 г., по волѣ Наполеона образована въ Варшавѣ генеральная конфедерація, поль-

¹⁾ Alexandre I et le prince Czartoryski, correspondance et conversations, avec une introduction de Ch. de Mazade. Paris, 1865.

ския и литовская, во главѣ которой поставленъ недавно бывший австрійскій фельдцейхмейстеромъ Адамъ Чарторыскій-отецъ, между тѣмъ, какъ сынъ его, Адамъ, поставленный въ неловкое положеніе, просилъ у Александра I увольненія отъ службы, котораго однако не получилъ. Россія восторжествовала. Участіе Польша въ походѣ Наполеона не вызвало репрессалій, но не могло не поселить непріязненныхъ чувствъ въ русскомъ народѣ. Императоръ Александръ еще болѣе укрѣпился въ своихъ намѣреніяхъ быть восстановителемъ Польши, но намѣренія эти встрѣтили препятствіе, какъ въ европейской дипломатіи на вѣнскомъ конгрессѣ, не допустившей собрать всѣ части бывшей Польши подъ русскою державою, такъ и въ чувствахъ русскихъ патриотовъ, не допускавшихъ, чтобы восстановленіе могло коснуться вошедшихъ въ составъ Россіи въ 1795 г. областей („ни пяди земли ни врагу ни другу“— слова записки Карамзина 18 октября 1819). Результатомъ этой сложной ситуаціи были: возвращеніе Пруссіи—одной части герцогства Варшавскаго, Австрій—части Галиціи, учрежденіе вольнаго города Кракова, образованіе конгрессоваго Царства Польскаго съ дву-палатнымъ сеймомъ, по необходимости удаленнаго отъ своего государя и сносящагося съ нимъ чрезъ намѣстника. Все это искусственное построеніе было непрочное и шаткое; оно покоилось на выбѣйшій почвѣ непримиренныхъ и смутно ощущаемыхъ національных антагонизмовъ и недоверій; оно способствовало поддержанію неопредѣленныхъ надеждъ въ умахъ на что-то еще большее въ будущемъ, соединяло въ одной рукѣ два режима: самодержавный и конституціонный, изъ которыхъ послѣдній неминуемо долженъ былъ уступить первому при столкновеніи національных интересовъ и при общемъ духѣ реакціи, вѣявшемъ въ Европѣ послѣ наполеоновскихъ войнъ. Хотя конституція была роковымъ даромъ и, по всей вѣроятности, судя по далекимъ послѣдствіямъ, предпочтительнѣе ей была бы провинціальная автономія съ политическою инкорпораціею бывшаго герцогства Россію, тѣмъ не менѣе на первыхъ порахъ она привѣтствуема была съ всеобщимъ восторгомъ. Настала минута наслажденія настоящимъ, пользованія благами мира послѣ столькихъ невгодъ, появилось стремленіе къ умственному развитію; преобразованы школы, устроенъ 7 ноября 1816 г. варшавскій Александровскій Университетъ. Замѣчается еще одна, совершенно новая черта: забота о сближеніи и общеніи съ восточными единоплемениками на почвѣ славянскій идеи¹⁾. Неожиданно появляются по этой части замѣчательныя работы. Торнскій уроженецъ, Нѣмецъ по происхожденію, Сам. Бог. Линде (1771—1847) директоръ варшавскаго лицея, издавъ въ шести томахъ (1807—1814)

¹⁾ Первольфъ, въ вышеуказанной статьѣ.

польскій словарь, въ которомъ сравнилъ польскій языкъ лексикографически съ другими славянскими и пояснилъ слова примѣрами изъ писателей. Адамъ Чарноцкій, болѣе извѣстный подъ именемъ Зоріана-Долзига Ходаковскаго (1784—1825) предпринималъ свои странствованія по славянскимъ землямъ съ цѣлью открыть и изъяснить бытъ племена до-историческій. Игнатій Раковецкій изслѣдовалъ Русскую Правду (Варшава, 1820). Наконецъ, готовилъ свой обширный трудъ по части сравнительной исторіи славянскихъ законодательствъ, послѣдній изъ оставшихся еще въ живыхъ ученыхъ славистовъ того времени Александръ-Вацлавъ Мацѣевскій (род. 1793; первое изданіе этой исторіи въ четырехъ томахъ 1832—1835; 2-е изд. въ шести т. 1856—1865).

Въ области поэзіи представителемъ этого славянофильствующаго направленія, которое недолго длилось и исчезло почти безслѣдно, было выдающееся во всѣхъ отношеніяхъ лицо, недостаточно съ этой стороны оцѣненное—Янъ-Павелъ Вороничъ (1757—1829). Этотъ волинецъ родомъ, варшавскій каноникъ, потомъ въ 1816—1827 епископъ краковскій, наконецъ, съ 1827, примасъ-епископъ варшавскій, имѣлъ даръ слова увлекательный, напоминающій Скаргу. Онъ имѣлъ подобно Скаргѣ случай проповѣдывать если не по поводу великихъ событій, то по крайней мѣрѣ у великихъ могилъ: по случаю торжественныхъ похоронъ Іосифа Понятовскаго 1817 и Косцюшки 1818 въ Краковѣ, по случаю смерти Адама Чарторыскаго отца (1823), императора Александра. Какъ поэтъ, Вороничъ идетъ по той стезѣ, по которой не въ дальнемъ за нимъ разстояніи пойдетъ и романтическая поэзія, но послѣдуетъ также и Янъ Колларъ съ его „Дочерью Славы“ (Slavy Dcega, 1821). Въ его поэзіи легко прослѣдить, какъ его горячій національный патриотизмъ пробуетъ обобщиться и пытается перейти въ панславянскій. Грануль громъ, сбылись пророчества о паденіи, раздававшіяся начиная со Скарги, мѣсто злобной бичующей сатиры заняли чувства безпредѣльной печали, плачь Іереміи на развалинахъ Іерусалима. Поэтъ не можетъ забыть потоковъ крови, людей, умирающихъ на Мацѣвицкомъ побойщѣ, бойца, который съ обломкомъ косы бросался съ высоты Вавеля на враговъ и того развѣнчаннаго короля, „колеблющагося, разный видъ имѣющаго съ разныхъ сторонъ, всѣмъ добраго, себѣ одному вредящаго, котораго уводить на чужбину въ плѣненіе, а за нимъ перевязанную челядь“¹⁾. „Куда мы дѣнемся, заблудшія сироты, какъ пчелы безъ матери, изгнанныя изъ улья, лишенные значенія, естества, языка, имени? Какая же земля приметъ меня скитальца и дашь мнѣ сладкое имя сына твоего и гражданина? Тщетно каждая

¹⁾ Sybilla, pieśń III.

въ васъ будетъ меня прельщать подобною надеждою,—я тебѣ буду вѣсною, а ты мнѣ маяча. Помѣсти меня между твоими сатрапами, мнѣ это ни почемъ, если я долженъ перестать быть Полякомъ. Не пламенѣлъ тотъ небесный огонь любви къ отчизнѣ и не былъ вскормленъ ея доблесть вливающею грудью, кто охотно мирится съ новымъ бытомъ на ея могилѣ. На что мнѣ тотъ воздухъ, которымъ дышу въ плѣненіи? И тотъ свѣтъ, который освѣщаетъ мою бѣдственную участь¹⁾. Сворбѣ наводитъ на размышленія, поднимаются этические вопросы, которые будутъ неотвязчиво тревожить все послѣдующее поколѣніе плѣдовъ: страданіе за что? по какой причинѣ и по чьей винѣ? Ни Вороницъ, ни послѣдовавшее за нимъ поколѣніе рѣшить этихъ вопросовъ не могли, никто еще не прослѣдилъ этой исторіи до ея корней, а зналъ ее по послѣдней катастрофѣ и по великолѣпному, по запоздалому усилію, котораго вѣнцомъ были работы четырехлѣтняго сейма. Поэтъ описываетъ съ энтузіазмомъ, какъ заперты были „ржавыя врата безкоролья“ какъ воскресаютъ поправные старыя законы и возникаютъ новыя, кованныя молотомъ рѣдкаго согласія, какъ братаются и обнимаются не знавшія другъ друга дѣти одной матери²⁾. При невозможности открыть внутреннюю причину паденія, Вороницъ выводитъ ее изъ совокупности внѣшнихъ обстоятельствъ; онъ шлетъ громовое проклятiе „драконову роду“ изчѣнниковъ, наемнымъ служителямъ политики иноземной, онъ уязвляетъ самолюбивый Альбионъ за его безсердечіе³⁾, но главную вину онъ относитъ почти цѣликомъ на Нѣмцевъ, на преемницу ордена—Пруссію. Онъ не можетъ забыть Кимврамъ и Германцамъ истребленныхъ славныхъ побратимовъ Гавеловъ, Литяковъ, Оботритовъ. Сигизмунду I онъ не прощаетъ отдачи Пруссіи въ ленъ племяннику⁴⁾; онъ больше всего винитъ сѣверо-германскую державу за коварный союзъ, за то, что она „съ сладкимъ видомъ хвалитъ созданіе, братается съ его творцами, одною рукою подписываетъ альянсъ, а другою обнажаетъ скрытый кинжалъ, и придавивъ пружину мѣтитъ въ сердце, гордяся ловкостью, съ которою умѣла вунуть къ себѣ довѣріе“⁵⁾. Объясненія эти недостаточны, выводъ не

¹⁾ Sybilla, pieśń IV.

²⁾ Wszystko razem zakwita, wszystko zazielenia...
I prawa podeptane z pleśni wydobywa
I nowe rzadkiej zgody młotem przekowywa.
Na ich głos pękły dumne bratodzielcze wały
Nieznanne jednej matki dzieci się poznały
I z czułym rozrzwieniem wzajem się sciskają,
Wzajem się kochać, wspierać, bronić przysięgają. (Sybilla, III).

³⁾ Powiedz tym samolubcom, tym wyspiarzom hardym
Na jęk cierpiących ludów nieczułym i twardym,
Że już niema tej ziemi, której chlebem żyli,
Której lasem żeglowne nawy swe pławili (Sybilla, IV).

⁴⁾ Czy ten lennik twym wnukom gorzko nie odsłuży.

⁵⁾ Sybilla, III.

полонъ, фактъ наденія не мотивированъ; умъ поэта усновоюется, соединяя этотъ неразрѣшенный вопросъ въ одну цѣль съ двумя великими тайнами: тайною прошедшаго и тайною будущаго; какъ это прошедшее, такъ и будущее—общеславянскія. Слѣдуя за баснословнымъ выводомъ всѣхъ Славянъ или Сарматовъ отъ библейскаго праправнука Симона Сармова или Ассармота (Кн. Бытія, X), Воронинъ задумалъ изобразить судьбы славянщины и польскаго народа въ дѣломъ цѣлѣ эпическихъ сказаній, образующихъ одну книгу гѣсней (*pieśniokniąg*). Замыселъ этотъ не выполненъ, остались одни отрывки: *Ассармотъ*, патриархъ сарматскихъ народовъ, благословляющій, пророчествуя, грядущія племена (писано 1805); *Лехъ*, мистическій основатель польскаго государства (1807); наконецъ *Вислицкій Сеймъ*. Съ этими отрывками въ непосредственной связи единственная изъ законченныхъ его историческихъ поэмъ: *Осичала*, въ 4 гѣсняхъ. Праотцы представляются въ чудномъ сіяніи. Еще въ землѣ Сеннаарской Ассармотъ, отказывая имъ сѣверныя страны, даетъ слѣдующій завѣтъ: „когда несмѣтны будучи какъ звѣзды, а соединены сѣрдцами и языкомъ, вы застроите окраину двухъ міровъ (Европы и Азіи), блюдите по наслѣдству послѣ меня слѣдующій вѣчный законъ: вашей стихіей да будетъ добродѣтель, а ремесломъ слава“¹⁾. Пришелецъ Лехъ садится между сѣверными Славянами не какъ завоеватель, а какъ братъ: „мы кость отъ костей отцовъ нашихъ, мы одинъ родъ, вездѣ мы однимъ духомъ дышемъ“²⁾. Если бы Славяне захотѣли соединиться, то они весь міръ бы разнесли³⁾. Но братья вставали другъ на друга и ссорились. Поэтъ внушаетъ Сигизмунду III: „сглаживая недоувѣріе узломъ вѣчнаго согласія, соедини два родственные славянскіе народа“⁴⁾.

Совѣтъ не исполненъ, но неосуществившееся донинѣ осуществится въ будущемъ. Настоящее есть только промежуточная ступень къ этому будущему, моментъ испытанія. Плачъ малодушныхъ и ропотъ малоувѣровъ заглушены громовымъ голосомъ божества: „о вы, жалкая смѣсь величія и ничтожества, до какихъ поръ, не вѣдая вашего назначенія, будете предпочитать сновать изъ нея паутинную пряжу жалобъ, вмѣсто того, чтобы вникнуть въ прочную основу вашего естества... Если на отца вашего и правителя (Бога) не падаетъ вина, то между вами

1) Gdy więc jak gwiazdy niepoliczeni

Sercem, językiem z sobą spojeni

Krawędź dwóch światów zabudujecie...

Te odemnie w dziedzictwie macie wieczne prawa:

Cnota waszym żywiołem a rzemiosłem sława.

2) Kość z kości ojców naszych, ród jeden składamy

I jednym wazędzie duchem oddychamy.

3) Złączcie się z sobą, a świat roztrąćcie.

4) Tak zglądając nieufność węzłem wiecznej zgody,

Połącz te dwa pokrewne słowiańskie narody. (Sybilla, II).

должны быть всему источникъ и причина... Человѣчеству редстоитъ преобразиться; новый фениксъ, можетъ быть, возникнетъ изъ вашего зенита. Коль скоро вы соединитесь новымъ заветомъ (съ Богомъ) и заслужите за то, чтобы ваша слава воскресла, не поглотитъ вашего рода эта могилка: Троя на то погубла, чтобы отъ нея Римъ родился“¹⁾. Эти иррицидія поражаетъ тѣмъ-то совершенно новымъ. Энергическое сознаніе жизни пробуждается посреди смерти въ разлагающейся массѣ, притомъ оно соединено съ поразительно трезвымъ пониманіемъ того, что новое бытіе не есть продолженіе стараго и его восстановленіе, но полнѣйшая его метаморфоза. „Частицы прошлаго кошатся въ развалинахъ и повидимому возрождаются въ нежданныхъ растеніяхъ“. Но это чувство, свѣжее и новое, не находятъ у Воронича подходящаго выраженія; оно отливается въ старыя и изношенныя формы. Кое-что, — и притомъ самое лучшее, — онъ заимствовалъ отъ ветхозавѣтныхъ пророковъ; это религиозное чувство библейское было новостью послѣ философовъ XVIII вѣка; ему обязаны произведенія Воронича, которыхъ онъ при жизни не издавалъ, быстрымъ распространеніемъ въ рукописяхъ²⁾. Во всемъ остальномъ онъ классикъ, любящій, подобно Нарушевичу, уметрѣвать витурныя слова, выводить фурий, наядъ и всѣ божества Олимпа. Самая поэма „Сивилла“ есть не что иное, какъ по примѣрамъ Дашаля и Трэмбцеваго описаніе дворца и сада Пулавъ, и въ Пулавѣ храма Сивиллы, воздвигнутаго на подобіе храма въ Тиволи, и другихъ владій, гдѣ кривились, какъ въ музеѣ, собраніе Чарторыскими намятники польской старины.

Превратившіеся въ непреложный канонъ формы давили содержаніе. Формы эти были псевдо-классическія, литература польская подражала французской, а французская въ свою очередь была слабымъ подражаніемъ древнимъ образцамъ и не обновлялась ихъ непосредственнымъ созерцаніемъ и изученіемъ, которое помогло образоваться Кохановскому, а въ новѣйшее время Лессингу, Гёте и Шиллеру. Литераторы того времени, — болѣею частью разсудительные, систематическіе люди, притомъ горячіе патриоты, лишенные возможности устраивать государство, — обратились всецѣло на устраиваніе области прекраснаго, которую стали обдѣлывать и превращать въ садъ, на подобіе версальскаго съ цвѣтниками и клумбами, съ прямыми аллеями, соблюдая законъ дѣленія труда и дисциплину политическихъ партій и заводя строгіе полицейскіе порядки, не допускающіе никакихъ самовольныхъ

¹⁾ O zlepkі akazitelne wielkości i nędzy,
Pókiż waszych przexpaczeń niewiadomi przędzy
Wolicie z niej pajęczce pasmo skarg układać,
Niż się • stały wątek jestestw waszych badać, etc. (Sybilla, IV).

²⁾ Первое изданіе въ Краковѣ, 1832 г., въ 2 томахъ. Особенно славою пользовался *Нуми до Бога*.

уклоненій отъ правилъ искусства, разъ на всегда преподаваемыхъ Аристотелемъ и Буало, Горациемъ и Латарпомъ. Работа была коллективная. Общество любителей наукъ, котораго первымъ предсѣдателемъ былъ историкъ-воинъ-полковникъ, епископъ Альбертранди (1731—1808), вторымъ—Сташицъ, третьимъ и послѣднимъ—Нѣмецкичъ, поставило себѣ задачей не оставить впускъ въ этотъ садъ ни одного уголка и озаботиться, чтобы каждый родъ литературы имѣлъ своего представителя: одни компилировали исторію, другіе воздѣлывали эпосъ, драму или романъ. Нѣмецкичъ сочинилъ лиричныя веселыя правды и таланта „Пѣсни историческія“ (*Śpiewy historyczne*, 1816); Каетанъ Козьмянъ (1771—1866) воспроизводилъ виргиліевы Георгіки въ поэмѣ *Ziemianstwo polskie* (1830, Раѣау) и писалъ эпопею *Отецъ Чарнецкій*, которая появилась въ печати не только послѣ смерти автора, но и послѣ эпохи романтизма (Poznań, 1868). Расплодилось много романовъ сантиментальныхъ, тенденціозныхъ (*Lejbe i Siora* 1821, Нѣмецкича), псевдо-историческихъ и вальтер-своттовскихъ (*Pojata*, 1826, Бернатомича). Большинство стихослагателей покушалось на самыя трудныя по роду творчества задачи и упражнялось въ сочиненіи полированныхъ слогомъ высокопарныхъ одъ и трагедій въ духѣ Расина, которая при строгомъ соблюденіи условныхъ приличій и трехъ единствъ: времени, мѣста и дѣйствія, лишены были всякаго историческаго колорита и имѣли цѣлью не изображеніе настоящихъ характеровъ и живыхъ личностей, но борьбу чувствъ и столкновеніи отдѣльныхъ страстей въ идеальномъ человѣкѣ, разсматриваемомъ внѣ времени и мѣста. Въ этомъ родѣ отличились генералъ Людвигъ Кропинскій (1767—1844; „Людгарда“), Францискъ Венжикъ (1785—1862) и въ особенности директоръ кременецкаго лицей Алексій Фелинскій (1771—1820), написавшій трагедію „Барбара Радзивилъ“, которая при появленіи своемъ принята была съ неописаннымъ восторгомъ. Историческаго въ этомъ произведеніи ничего нѣтъ, кромѣ именъ дѣйствующихъ лицъ: Сигизмунда-Августа, Барбары, Боны Сфорци, Тарновскаго; никакой заботы не приложено объ историческихъ характерахъ, замѣтно полное непониманіе учреждений. Но въ немъ есть бездна патетическихъ фразъ, удачныхъ выраженій, заключающихъ въ себѣ ряды умствованій въ нѣсколькихъ словахъ; оно пересыпано, по образцу Альфieri, множествомъ намековъ, затрогивающихъ задушевныя мысли тогдашняго общества о любви къ отечеству, объ обязанностяхъ монарха, о криволахъ и высокоуміи магнатовъ. Современники не были требовательны; немногими стихами, съ чисто внѣшними достоинствами, можно было угодить въ генію, слѣдовало только соблюдать правила, не быть новаторомъ. Разумѣется, что творчество было въ загонѣ, всплывали однѣ посредственности, и высшія почетнѣйшія мѣста занимали не настоящіе поэты, а

критики и рецензенты. Чтобы быть причисленнымъ къ ряду замѣсныхъ прѣнителей искусства, не требовалось глубокихъ и равностороннихъ познаній, ни методовъ науки, достаточно было имѣть дипломъ, быть прѣнителямъ собесѣдникомъ въ варшавскихъ салонахъ, имѣть звучную и эффектную дикцію. Литература образовала въ родѣ общества великаго помяненія; въ этомъ союзѣ едва ли не самымъ большимъ авторитетомъ пользовался профессоръ польской словесности въ Варшавскомъ университетѣ, зять Богуславскаго и директоръ послѣ него съ 1814 польскаго театра, Людвигъ Осинскій (1776 — 1838). Прибавимъ для полноты картины, что страсть къ писательству была весьма распространена, что заслуги литературныя смѣнивались съ гражданскими; наконецъ, что при отсутствіи критическаго духа и молчаливыхъ знаній, вся эта варшавская литература сдѣлалась крайне отсталой. Внося ей перчатку въ 1828 г. Мицкевичъ (въ статьѣ: o krzykach i rewolwentach warszawskich) имѣлъ полное основаніе, цитируя Байрона, сказать, что спорить съ кѣмъ-либо изъ привнанныхъ варшавскихъ критиковъ (напр. съ Фр. С. Дмоховскимъ) значить тоже самое, что рассуждать въ Ая-Софіи о бессмыслицахъ въ коранѣ, полагаясь на просвѣщеніе и вѣротерпимость улемовъ.

Гораздо благоприятнѣе складывались условія умственной жизни въ русскихъ западныхъ и вѣсто-западныхъ, пріобрѣтенныхъ отъ Польши, областяхъ имперіи. Хотя наносный пластъ французской культуры и манеръ былъ здѣсь, повидимому, тоньше и не сглаживалъ типическихъ особенностей старо-польшаго польскаго быта на не-польскомъ корню, но лучшимъ людямъ, участвовавшимъ послѣ погрома, удалось въ предѣлахъ Россіи взять въ свою руку школу, образовать университетъ и университетскій округъ, привить къ учебному дѣлу всѣ организаціонныя идеи и приемы эдукаціонной комиссіи и внести въ школу, а чрезъ нее и въ общество широту взглядовъ и духъ научнаго изслѣдованія, которыхъ не доставало обществу въ Царствѣ Польскомъ. Во главѣ этихъ дѣятелей стоитъ самый великій изъ людей переходной эпохи, Янъ Снядецкій, тройнѣ знаменитый, какъ организаторъ, профессоръ и литераторъ. По важному вліянію этого лица на послѣдующія поколѣнія, на немъ необходимо остановиться ¹⁾. Братья Снядецкіе Янъ (1756 — 1830) и Андрей (1768 — 1838), оба профессора, оба естественспытатели, были велико-польскіе уроженцы. Янъ былъ астрономъ, получилъ воспитаніе въ школѣ Любранскаго, въ Познани, учился потомъ въ Краковскомъ университетѣ; гдѣ и былъ замѣченъ визитаторомъ Колонтаемъ, послѣ чего отправленъ эдукаціонною комис-

¹⁾ M. Baliński, Pamiętniki o Janie Sniadeckim, Wilno, 1865, 2 тома; Maur. Straszewski, Jan Sniadecki jego stanowisko w dziejach oświaty i filozofii w Polsce.

сією для усовершенствованія (1778—1781) въ Гёттингенъ и въ Парижъ. Съ Нѣмцами Снядецкій не сошелся, готовящагося великаго художественнаго и философскаго движенія не замѣтилъ ¹⁾ и вынесъ убѣжденіе, что отъ нихъ нечего заимствовать; но онъ подружился съ Ламаркомъ, д'Аламберомъ, Кондорсе, проникся вполнѣ началами и усвоилъ себѣ пріемы той опытной философіи, которой родоначальниками были итальянцы и Бэконъ, а послѣдователями, послѣ и чрезъ Ньютона и Локке, французскіе энциклопедисты. „Знать, выражался Снядецкій въ 1781, значить обнимать въ одномъ созерцаніи тончайшія и разнороднѣйшія отношенія и подробности, слѣдить заутраченныя истины, чтобы овладѣть цѣлымъ и вывести изъ нихъ точныя и очевидныя начала“. Снядецкій никогда не былъ чистымъ сенсуалистомъ, онъ не допускалъ правда априорныхъ готовыхъ формъ мысленія, но онъ думалъ, что хотя источникъ знанія данъ природою, но разумъ отрываетъ и отвѣчаетъ какое-нибудь качество, развитое по всей природѣ (напр. величину) и, оперируя надъ нею, доходитъ до дальнѣйшихъ результатовъ и сочетаній, которыхъ онъ самъ есть создатель. Имѣя умъ живой и въ полномъ смыслѣ слова философскій, сильно и быстро обобщающій, Снядецкій вѣрилъ въ знаніе; его занималъ методъ изслѣдованія едвали не столько же, сколько и результаты; стремился онъ въ наукѣ къ совершенно ясному, точному, но чувствовалъ себя въ своей стихіи гораздо больше тогда, когда пускался мыслію въ ширь маленіи великой природы, нежели когда останавливался надъ бездонною глубиною области законовъ чловѣческаго ума. По этой части Снядецкій не былъ самостоятеленъ. Предохраняя себя отъ скептицизма и матеріализма, онъ цѣплялся за шотландскую философію здраваго смысла Рида (Reid) ²⁾. Кромѣ этой поддержки была еще и другая—религія. Снядецкій и самъ былъ религіозенъ и жилъ онъ въ эпоху, когда среди величайшаго народнаго крушенія сердца инстинктивно пригвѣщались къ тому, что всего прочіе, къ вѣрѣ въ нравственный порядокъ, къ религіи со стороны ея не догматической, которая мало и обращала на себя его вниманія, а съ чисто практической, какъ якорь, на которомъ утверждается весь общественный строй и нравственный порядокъ. Настоящее призваніе Снядецкаго была очевидно кафедра, которую онъ и занялъ въ Краковѣ, но его отъ науки постоянно отрывали событія. Надо было по дѣламъ университета хлопотать въ Варшавѣ. Надо было ѣхать на Гродненскій сеймъ, дѣйствовать съ изворотливостью дипломата, спасая имѣнія и капиталы университета отъ расхищенія, такъ какъ ими

¹⁾ Лессингъ, Гердеръ были уже тогда въ полной силѣ и славіи. Кавтъ профессорствовалъ съ 1771, Гёте издавалъ Гёта 1773 и Вертера 1774 г.

²⁾ Съ этой философіей Снядецкій познакомился въ 1787, когда онъ ѣздилъ въ Англію работать съ Гарцелемъ.

хотѣли подѣлиться вождя тарговицанъ ¹⁾). Астронома сталили потомъ съ обсерваторіи, когда въ Бразовѣ учинилъ повстаніе Костюшко; его заставили набирать и продовольствовать солдатъ. Снядецкій вышелъ въ отставку, путешествовалъ туристомъ по Европѣ 1803—1805, изучилъ некрасивое общество временъ имперіи, въ которомъ, — говоритъ онъ, — „салоны есть, но только шулерскіе, выиграли же отъ переворотовъ одни мужики да ученые, превратившіеся въ пресмыкающихся льстецовъ“. Почитатели Снядецкаго манили его въ Вильно; уступая Колонтаю, Чацкому, Адаму Чарторыскому-отцу, Снядецкій принялъ сдѣланное ему съ согласія министра Завадовскаго вилненскимъ попечителемъ Адамомъ Чарторыскимъ-сыномъ предложеніе и поступилъ въ 1806 г. по контракту на мѣсто астронома, вакантное послѣ Почобута. По прибытіи въ Вильно его выбрали (1807) тотчасъ въ ректоры; должность эту онъ занималъ до 1815 г. при самыхъ трудныхъ и внезапно измѣняющихся условіяхъ, такъ какъ ему пришлось въ апрѣлѣ 1812 представляться съ ученымъ сословіемъ императору Александру, въ іюнѣ Наполеону, участвовать для охраненія университета отъ грабежа въ составѣ временнаго правительства въ занятыхъ Французами областяхъ, а вскорѣ потомъ опять привѣтствовать императора Александра. Чтобы понять дѣятельность Снядецкаго какъ ректора, необходимо принять въ соображеніе, чѣмъ былъ этотъ университетъ въ первыхъ годахъ XIX вѣка. Иезуитская академія, секуляризованная при Понятовскомъ и обновленная въ своемъ составѣ подъ вѣдѣніемъ эдукационной комиссіи неутонченными трудами Почобута, подверглась большой опасности при императорѣ Павлѣ попасть опять въ руки Исусова общества ²⁾. Генераль ордена Груберъ уже распорядился академіею, но по вступленіи на престолъ Александра планы его рушились; вызванный въ Петербургъ ректоръ иаристъ Іеронимъ Стройновскій достигъ того, что по уставу 18 мая 1803 за университетомъ осталась прежняя его организація, послужившая образцомъ и для другихъ университетскихъ уставовъ 1803 и 1804 годовъ. Университетъ былъ и высшимъ учебнымъ заведеніемъ, и центромъ управленія школами округа и сословіемъ ученыхъ въ родѣ академіи наукъ, дававшимъ направленіе умственной дѣятельности общественной. Какъ учебному заведенію, ему предстояло, при несуществованіи вовсе въ то время національнаго русскаго университетскаго преподаванія, быть по преподаванію или нѣмецкимъ или польскимъ учебнымъ заведеніемъ. Стройновскій тащилъ за собою Нѣмцевъ, Снядецкій предвидѣлъ (Pamiętniki, 1,358), что отъ этой нѣмецкой колоніи, хотя бы она вѣщала и знаменитыхъ людей, проку не будетъ: они будутъ писать

¹⁾ Къ этой эпохѣ относятся главнымъ образомъ *Listy Sniadeckiego*, изданныя 1878 въ Познани Крашевскимъ.

²⁾ Мих. Морозкинъ, *Иезуиты въ Россіи*. Петербургъ, 1862. Т. I, стр. 450.

мудрыя книжки, но для страны не природныя, въ интересѣ тиеселамъ, а не образованія. Преподаваніе и по языку и по духу было польское, но слѣдуетъ замѣтить, что между національностями еще не было той розни и той подозрительности, которыя выросли въ послѣдующіе годы (1), и что между образованными людьми обѣихъ націй существовало общеніе, продлившееся до временъ пребыванія Мицкевича въ Петербургъ и Москвѣ. Виленскій округъ былъ громаднѣй, онъ вмѣщалъ въ себѣ губерніи западныя, юго-западныя и бѣлорусскія. Университетъ назначалъ директоровъ училищъ, обозрѣвалъ училища посредствомъ визитаторовъ, и подчинилъ себѣ всѣ духовныя орденскія училища, кромѣ іезуитскихъ. Стараніями гр. Жозефа де-Мэстра іезуиты выхлопотали себѣ независимую академію въ Полодѣѣ. Однимъ изъ такихъ университетскихъ визитаторовъ былъ знаменитый ученый Феликсъ Чацкій (1765—1813), который на добровольныя пожертвованія дворянства юго-западныхъ губерній основалъ, 1805, волынскую гимназію въ Кременцѣ, преобразованную потомъ въ Кременецкій лицей. Этотъ лицей Чацкій силился поставить на одной ногѣ съ университетомъ, — затѣя, которая подвергла сильному испытанію старую дружбу его со Снядецкимъ, не сочувствовавшимъ этой идеѣ. Событія 1812 г. хотя не лишили Снядецкаго довѣрія государя (2), но повліяли на его отношенія къ министерству народ. просв., которому враги Снядецкаго, нѣмецкіе профессора, убѣдившіе передъ Французами въ Петербургѣ (Voianus, Lobenwein), бросили тѣнь подозрѣнія на образъ дѣйствія Снядецкаго. Въ 1815 году онъ оставилъ постъ ректора, и съ тѣхъ поръ доживалъ послѣдніе ясные дни старости, занимаясь только наукою, литературою и являясь на торжественныхъ актахъ записнымъ ораторомъ по какимъ-нибудь отвлеченнымъ, но общимъ и важнымъ современнымъ вопросамъ: о методахъ науки, о философіи, о религіи. Каждая фраза въ этихъ рѣчахъ отточена, слогъ важный, слегка напыщенный; для соображенія нынѣ впечатлѣнія этихъ рѣчей на слушателей слѣдуетъ вспомнить, что онѣ произносились въ нѣсколько театральн. обстановкѣ, въ залѣ, расписанной фресками Смутлевича (нынѣ музей въ стѣнахъ зданія церкви Св. Іоанна), профессора сидѣли въ красныхъ тогахъ, передъ ректоромъ лежалъ серебряный скипетръ—даръ университету Ваторія. Въ этихъ рѣчахъ и въ послѣднихъ сочиненіяхъ Снядецкій отнесся отрицательно къ двумъ великимъ новымъ явленіямъ умственной жизни, которыхъ и оцѣнить не могъ: къ нѣмецкому идеализму и къ нарождаю-

1) Pamiętniki, t. 2, str. 258. Письмо министра и. пр. гр. Завадовскаго къ Снядецкому 1807 г.: „я, какъ и вы, имѣю удовольствіе изъясняться на моемъ родномъ языкѣ, который столько сходенъ съ польскимъ, что Россіянину не трудно понимать Поляка, а сему Россіянина“.

2) Pamiętniki, t. 2. J'ai du plaisir à vous voir, M. Sniadecki, — слова императора Александра при представленіи ему Снядецкаго.

целуся романтизму. За эти два похода онъ просилъ у слѣдующаго поколѣнія не только педантомъ, но чуть ли не обскурантомъ, между тѣмъ какъ новѣйшіе писатели-позитивисты производятъ Снядецаго чуть ли не въ предтечи Огюста Конта, и позитивизма. Какъ тѣ, такъ и другія сужденія крайне несправедливы. Легко понять, что Снядецкій никакъ не могъ отнестись иначе къ двумъ новымъ направленіямъ движенія и долженъ былъ стать поперекъ имъ сознательно, хотя и неудачно. Снядецкій, рационалистъ и опытный естествоиспытатель, не только не вдавался въ изученіе тѣхъ процессовъ въ умѣ, посредствомъ которыхъ ощущенія претворяются въ понятія, но считалъ модъ конецъ этого рода изслѣдованія столь же тщетною работою, какъ недоступное для науки постиженіе первыхъ причинъ. А между тѣмъ явилась философія, которая вся ушла въ критическое изученіе формъ и апіорныхъ началъ мышленія: лекціи Канта посѣщали въ Кенигсбергѣ Поляки, Фихте пробылъ нѣкоторое время въ Варшавѣ, а въ средѣ ученаго сословія въ Вильнѣ сильнымъ вліяніемъ пользовался Эрнестъ Гроддекъ, профессоръ древней филологіи и кантіанецъ. Молодые люди стали бредить метафизикою и вѣстѣ съ тѣмъ романтикой, потому что была неразрывная связь между этими двумя явленіями, какъ есть такая же связь между эмпирическимъ рационализмомъ и псевдо-классическою литературою эпохи шариковъ. Философское мышленіе и искусство рвались къ невѣданному, неясныя великія идеи искали формы. Снядецкій оскорбленъ былъ какъ философъ-любитель однихъ только ясныхъ понятій, удивленный, что въ XIX вѣкѣ нашлись умы XIV-го, смѣшивающіе темное съ мудрымъ; слабыя стороны Канта онъ ловко подмѣтилъ, но сущности и оригинальности ученія не понял; онъ его ученіе считалъ просто подкрашеннымъ аристотелизмомъ. Снядецкій обиженъ былъ и какъ эстетикъ и какъ словесникъ-нуристъ; онъ—другъ Делиля, почитатель циркуля и мѣры въ искусствѣ, строгій блюститель правилъ Горациа, Воаю и Дмоховскаго. Наконецъ была еще причина, заставившая его особенно рѣзко полемизировать противъ новаго духа, новыхъ путей; онъ, постепеновецъ, человѣкъ мѣрнаго и безукоризненно легальнаго прогресса, инстинктивно предчувствовалъ, что въ побораемыхъ имъ явленіяхъ кроются бури, клочуютъ элементы, которые прорвутъ плотину и какъ стихійныя силы увлекутъ любимое имъ общество въ невѣдомыя пустыни, поставятъ его среди развалинъ и страданій. По чувству долга онъ шелъ на встрѣчу опасному кризису; кризисъ этотъ дѣйствительно близился вулканически блистательный и бурный...

Но прежде чѣмъ перейти къ изображенію этого кризиса въ послѣдующемъ періодѣ, надо остановиться на одномъ и послѣднемъ явленіи, зарожденномъ до романтизма, проявившемся почти одновременно съ зачатками романтизма, но по духу принадлежащемъ къ растеніямъ

классической почвы. Настоящая, а неподражаемая польская комедія родилась именно въ эту веселую, беззаботную и сравнительно счастли- вую эпоху краткаго отдыха въ промежуткѣ между наполеоновской эпо- пей и эмиграціоннымъ скитальчествомъ. Отецъ ея былъ наполеонов- ской солдатъ, галичанинъ изъ Перемишля, потомокъ одного изъ самыхъ аристократическихъ родовъ, графъ Александръ Фредро (1793—1876). Расцвѣтавшую въ одно почти время съ романтиз- момъ, комедію Фредры поносили и тѣмъ, что она салонная, и тѣмъ, что она мольтеровская, не польская, не народная; несмотря на то она пережила всѣхъ своихъ попревателей, держится послѣ полу- вѣка существованія на сценѣ, превосходить нынѣ все послѣ того въ этомъ родѣ написанное; формы ея нежно устарѣли, но содержаніе влечетъ къ себѣ и понимѣ неувядаемою красотою юности, шутиваго и неалюбнаго остроумія. Послѣ трехъ корифеевъ романтизма нѣтъ имени, которое было бы въ массѣ болѣе, нежели Фредро, популярно и пользо- валось такою почетною извѣстностью ¹⁾. Причины такого прочнаго успѣха заключаются въ слѣдующемъ.

Когда въ первой четверти XIX в. образованное общество взялось за восдѣлываніе литературы, какъ за національную задачу, причемъ усердія было больше, нежели дарованій, при этой работѣ толкались и ковылились посредственности и тѣмъ посредственнѣе были труженники, тѣмъ за болѣе высокіе предметы они хватались, за трагедію, эпопею или оду, одна комедія осталась въ запустѣніи: политическая комедія не могла существовать послѣ раздѣловъ и оборвалась на „Возращеніи Посла“ Нѣмцевича, а жанровая по отсутствію тенденціи не представляла никакой, повидимому, пицци патріотическимъ чувствамъ писателей; она была въ пренебреженіи, считалась тѣмъ-то однороднымъ съ сатирою, родомъ поэзіи отрицательнымъ. Новая жизнь между тѣмъ изобиловала явле- ніями, исполненными высокаго комизма; обокъ отживающихъ остат- ковъ шляхетства красовалась военница наполеоновскихъ временъ съ ея развязностью и волокитствомъ; при рыцарствѣ, галантно- сти и наружномъ боготвореніи женщины, обрисовывались жадность и тщеславіе доходящей до значенія и господства буржуазіи, проза жизни прикрывалась однако легкою дымкою стремленія къ идеаль- ному; сильно смакуемы были формы кругляя, гладкія, изящныя, и во всему примѣшивалась бойкая веселость сангвиническаго народ- наго темперамента, склоннаго въ спокойныя минуты безъ удержу жить, любить и наслаждаться. Всю эту свѣжесть и полноту жизни, не сму- щаемой никакими тенденціями, изобразилъ какъ въ зеркалѣ Фредро. Ничему онъ систематически не учился, съ 1809 г. вель по 1835 г.

¹⁾ St. hr. Tarnowski. Komedye Aleksandra hr. Fredry, trzy odszyty publiczne. Warszawa, 1876.

жизнь вочувшую, солдатскую, былъ въ 1812 г. въ плѣну у Русскихъ; потомъ побывалъ въ Парижѣ, пристрастился тамъ къ театру, но основательно познакомился съ Мольеромъ только тогда, когда, по возвращеніи во-своихъ въ Галицію, купилъ у антиварія-разнощива творенія великаго французскаго комическаго писателя. Вдохновившись Мольеромъ, этотъ вполне самородный поэтъ сталъ самъ писать комедіи, какъ дилеттантъ, вдали не только отъ политическихъ событій, но и отъ литературныхъ партій, не принимая никакого участія въ борьбѣ классиковъ съ романтиками. Въ 1819 г. написалъ онъ первую комедію: „Гельдтабъ“, представленную въ Варшавѣ въ 1821 г.; затѣмъ въ пространствѣ времени съ 1819 по 1835 г. подарилъ сцену еще семнадцатью произведеніями, сильно нравившимися, но въ 1835 г. немного избалованный поэтъ вдругъ замолкъ и совершенно уединился, ужаленный критическою, нисколько, впрочемъ, не рѣзкою статью въ журналѣ „Ramiętnik naukowy Krakowski“, писанною романтикомъ Севериномъ Гоцинскимъ и подвергавшею сомнѣнію національный характеръ произведеній Фредры ¹⁾. Въ послѣдующія затѣмъ со-рокъ лѣтъ Фредро писалъ только для себя и оставилъ въ портфель зѣвную драму *Wzupan Wzup* ²⁾ и пятнадцать еще не напечатанныхъ комедій, постепенно ставимыхъ на сцену, о достоинствѣ которыхъ сужденія еще не установились ³⁾. Есть между этими посмертными произведеніями нѣкоторыя, повидимому, весьма талантливыя, напр. „Wielki człowiek do małych interesów“, но даже и въ этой пьесѣ манера писать иная, характеры болѣе индивидуализированы, гораздо болѣе вставокъ и эпизодовъ и менѣе тѣхъ особенностей, которые обезначили прочное господство Фредры на сценѣ. Не касаясь этихъ посмертныхъ комедій, остановимся на тѣхъ 18, которые обнародованы имъ при жизни. Въ одной изъ пьесъ (*Rap Jowialski*, 2 сцена, 1 дѣйствіе) Фредро выражается такимъ образомъ о комедіи: „Мольеровской комедіи пришелъ конецъ... теперь всѣ характеры опшлифовались, нѣтъ рельефности, всякій думаетъ, что о немъ скажутъ. Въ прежнія времена скупецъ ходилъ въ изношенномъ платьѣ, держа въ карманахъ руки. Нынѣ скряга—скрягой только въ уголкѣ: онъ и нищему подастъ, лишь бы о томъ всѣ знали. Ревнивый закусываетъ губы, но молчитъ; трусъ залѣзаетъ въ мундиръ, тиралъ нѣжится, все облачается въ приличные формы. Сцена должна бы имѣть два фаса, какъ медали“. Собственно не люди измѣнились, а только приемы мастерства стали

¹⁾ При жизни обнародованныя комедіи Фредры напечатаны 4-мъ изданіемъ въ Варшавѣ, въ 5-ти томахъ, 1871.

²⁾ Напеч. въ Biblioteka Warszawska, 1878, т. 2.

³⁾ См. Kronika rodzinna за 1877 и 1878, статьи Станислава Тарновскаго: *O późniejszych komedjach Fredry*.

инны. Въ природѣ нѣтъ типовъ, а каждое лицо есть явленіе бесконечно сложное, вмѣщающее въ себѣ неисчислимыя черты и отпечатки, занесенныя въ нихъ ихъ обстановкою. Нынѣшняя реалистическая комедія пытается фотографировать эти живыя особи, въ связи съ породившими ихъ средою и моментомъ. Моментъ пропущенъ, среда измѣнилась, тогда и эти, созданныя искусствомъ, лица дѣлаются болѣе далекими, болѣе чуждыми, именно потому, что въ нихъ болѣе видовыхъ, переходящихъ чертъ, нежели общаго фонда человѣческой природы. Не такова была классическая комедія цѣльныхъ отвлеченныхъ типовъ: обстановка дѣйствія только слегка намѣчалась, само дѣйствіе происходило въ условной сферѣ, съ устраненіемъ всёхъ осложненій и эпизодовъ и выводились характеры по возможности простые и цѣльные, ставимые въ такія положенія, въ которыхъ бы ихъ рѣзкія типическія черты обозначались всего типичнѣе и рельефнѣе. Комедіи, составившія созданный при жизни театръ Фредры, принадлежать всё къ роду классическому; отъ пьесъ Богуславскаго и преемника сего послѣдняго Яна-Непомука Каминьскаго (1778—1855, по 1838 былъ директоромъ львовскаго театра), онѣ отличаются тѣмъ, что онѣ не суть пьесы, на-скоро сколоченныя для занятія публики, но вполне художественныя произведенія. Отъ пьесъ Заблоцкаго онѣ отличаются тѣмъ, что онѣ не воспроизведеніе мольтеровскихъ типовъ съ примѣсю наблюдаемаго представленнаго въ карикатурахъ, но онѣ только писаны въ духъ мольтеровской комедіи, а изображаютъ творчески воссозданныя типы и характеры своего домашняго общества, какъ воспроизвела въ то же почти время то же мольтеровская по методу и приѣмамъ комедія Грибоѣдова (сверстника Фредры, такъ-какъ Грибоѣдовъ родился 1795 г.) настоящую барскую двадцатыхъ годовъ Москву. Фредро осмѣялъ подражаніе иностранному въ комедіи „Cudzoziemaszczuzna“, представилъ разбогатѣвшаго выскочку Geldhab, ростовщика (Dożuwosie); любви посвящены двѣ пьесы „Maz i Zona“ и „Sluby rajjeńskie“; наконецъ отходящій старо-шляхетскій міръ превосходно изображенъ въ весельчакѣ, любителѣ басенокъ, анекдотовъ и пословицъ панѣ Iowialскомъ, и въ „Zemsta za mug gnaniczną“ изображенъ споръ вспыльчиваго рубака, пана чесника, съ кричотворомъ пристомъ рентомъ: изъ нихъ первый, чтобы насолить другому, женить его сына на своей племянницѣ, къ полному счастью влюбленной четы. Въ комедіяхъ Фредры такъ много остроумія, что этимъ качествомъ часто окушается и слабость дѣйствія, и искусственность развязки, и вставной элементъ нравоученій и добродѣтельнаго резонёрства, котораго не мало въ его комедіяхъ.

Въ комедіи „Мизантропы и поэтъ“ (Odludki i poeta) Фредро такимъ образомъ скорбитъ о положеніи польской литературы: „Слава, скажешь,—но для насъ прошла ея пора. Теперь вся Европа—родина

автора, произведенія Германіи, Италиі, Франціи расходятся, скрещиваясь, а нании вращаются въ ужасно узкихъ границахъ. Два-три театра да книгопродавческая телѣжка—вотъ теперь арена славы для польскаго писателя“. Эти слова перестали вскорѣ быть правдою, когда явился нервоклассный гениальный поэтъ, прославившій имя польской литературы не только между Славянами, но и на европейскомъ западѣ, писатель, именемъ котораго можетъ быть и названъ весь послѣдующій и до сихъ поръ продолжающійся періодъ польской литературы—Мицкевичъ.

5. Періодъ Мицкевича, 1822 — 1863 ¹⁾.

А) Романтизмъ. Предшественники и сверстники Мицкевича. Его дѣятельность.

Литературное движеніе, сообщившее небывалый дотолѣ блескъ польской литературѣ и широкую извѣстность, должно быть разсматриваемо, во-первыхъ,—въ связи съ замѣченнымъ въ началѣ нынѣшняго столѣтія обновленіемъ и возрожденіемъ всѣхъ литературъ славянскихъ, въ томъ числѣ и польской, а одновременно и русской (Мицкевичъ былъ только пятью мѣсяцами старше Пушкина—оба были родоначальниками новой поэзіи у своихъ народовъ); во-вторыхъ,—польское литературное возрожденіе въ двадцатыхъ годахъ имѣло еще и свои спеціальныя причины. Ему предшествовали три условія, при которыхъ всегда происходитъ новыи расцвѣтъ литературы: коренное измѣненіе состава общества, расширеніе умственнаго кругаозора вслѣдствіе внесенія въ жизнь новыхъ идей, наконецъ досугъ и занятія необходимыя для всходовъ. Составъ общества подвергся глубокому и радикальному измѣненію. Самый крупный фактъ, который знаменуетъ XIX-й вѣкъ, какъ въ западной Европѣ, такъ и въ обществѣ польскомъ, послѣ паденія польскаго государства, есть безъ сомнѣнія торжество и преобладаніе демократическаго элемента. Старыя аристократическія учрежденія рушились, сословія перемѣшались, исчезъ король съ блестящимъ дворомъ, знатные роды перевелись или были истреблены, или, заключенные именемъ измѣнниковъ народному дѣлу, стали искать счастья при дворахъ иностранныхъ, обрусѣли или обнѣмечились; густая фаланга средней шляхты была тоже въ дребезги разбита, въ образовавшіеся въ ея расстрескавшейся массѣ промежутки и щели стали со всѣхъ сторонъ втискиваться люди новые, безъ гербовъ и преданій, подстрекаемые жаждою наслажденій и довольства и сильныя увѣренностью въ томъ, что умомъ и упорнымъ трудомъ можно всего на свѣтѣ добиться и

¹⁾ 1822—годъ изданія перваго тома стихотвореній Мицкевича (Роекуе. Wilno). Предполагались три тома; второй изданъ—1823, третій не вышелъ.

стоять въ ряду между людьми извѣстными и вліятельными. Въ этомъ новомъ обществѣ, которое уже не брезгаетъ ни выкредомъ нѣтъ евреевъ, ни лицомъ нехристіанскаго исповѣданія, ни выслужившимся канцелярскимъ чиновникомъ, ни вушцомъ и ремесленникомъ, положеніе писателя сдѣлалось совершенно иное. Просвѣщенныя писателей-дилеттантовъ изъ аристократіи, въ родѣ Красицкаго, стало меньше; за то умножилось число голышей и плебеевъ, пишущихъ нѣтъ-за куса хлѣба, но эти плебеи стали несравненно самостоятельнѣе, потому что они не пресмыкались болѣе въ переднихъ и гостинныхъ у магнатовъ. Мецената замѣнилъ книгопродавецъ-издатель, аристархомъ сталъ простой журнальный рецензентъ, а дарителемъ славы и успѣховъ—многоголовое собирательное существо, читающая публика. Одновременно съ демократизмомъ въ нравахъ и съ измѣненіемъ обстановки писателя, расширился и умственный кругозоръ людей XIX-го вѣка. Германія проникала въ бывшую Польшу съ сѣверо-и юго-запада посредствомъ административныхъ системъ, порядковъ и законовъ австрійскихъ и прусскихъ, и посредствомъ школъ, въ которыхъ преподаваніе совершалось на нѣмецкомъ языкѣ. Полчища Наполеоновы изборождали бывшія земли польскія по всѣмъ направленіямъ въ многочисленныхъ своихъ походахъ, между тѣмъ какъ польскіе легіоны пребывали въ Германіи, Франціи, и познакомились съ горячимъ небомъ юга въ Италіи и Испаніи. Отъ столкновенія столькихъ языковъ, народностей, цивилизацій увеличилась масса знаній; великія свѣтила германской поэзіи Шиллеръ и Гёте стали точно родные; Вальтеръ-Скоттъ увлекалъ всѣхъ съ собою въ романическія горныя ущелія Шотландіи; могучій геній Байрона имѣлъ безчисленное множество обожателей; вдали виднѣлись Оссіанъ и Петрарка, Шекспиръ и Данте, а еще глубже за ними—Римъ и Греція, и царства дальняго Востока. Всѣ эти новыя міры освѣщала своимъ свѣточемъ новая критика историческая и эстетическая, которая учила вдумываться въ давноминувшее прошедшее и воссоздавать нагляднымъ образомъ не только внѣшнія стороны быта, но мысли и чувства минувшихъ поколѣній. Болѣе пытливымъ умамъ, внимающимъ въ самый корень вещей, предлагала свои услуги нѣмецкая трансцендентальная философія, младшая сестра религіи, отправляющаяся отъ апріорныхъ началъ въ мышленіи, дѣйствующая посредствомъ рефлексіи и убѣжденная въ возможности открывать этимъ путемъ истины, столь же несомнѣнныя, но болѣе близкія къ дѣйствительности, нежели тѣ, которыя предлагала положительная религія, въ формѣ чувственныхъ образовъ. — Умственное развитіе происходило свободно, не развлекемое никакими политическими осложнениями и вопросами. Обществу, испещренному примѣсью къ нему множества разнообразнѣйшихъ элементовъ, имѣющему плебейскіе нра-

ны, пылливый, не стѣсняющійся авторитетомъ умъ и подвижное воображеніе, способное переноситься во всѣ вѣка, не могла служить достаточною пищею отошавшая салонная литература временъ короля Понятовскаго и четырехлѣтняго сейма—литература не самостоятельная и подражавшая притомъ не наилучшимъ изъ сдѣлавшихся извѣстными образцовъ. Потребность въ обновленіи была такъ настоятельна, что переворотъ совершился мгновенно съ быстротою, съ которою въ театрахъ мѣняются декорации. Прелюдіями къ возрожденію послужили появленіе романтиковъ и бой ихъ съ классиками, усѣвшимися спокойно на польскомъ Парнассѣ и выбиваемыми теперь изъ своихъ позицій; потомъ вдругъ и одновременно появляются Залѣвскій, Гоциньскій, дѣлая школу украинскихъ поэтовъ, Мицкевичъ съ своими литвинами. Бывавшіе общими потребностями времени, они возникаютъ и развиваются безъ всякаго вліянія другъ на друга, между тѣмъ какъ старше ихъ по времени, но союзникъ по направленію, Лелевель, прокладываетъ новыя пути для исторической науки.

Первыми плодами романтизма были дѣтскіе опыты, переводы съ иностраннаго, подражанія: появилось множество романтическихъ балладъ; весь сценическій гардеробъ мѣнялся: вмѣсто божествъ Олимпа и Атридовъ, выводились на сцену вѣдьмы и отшельники, рыцарскіе турниры и привидѣнія. Въ Варшавѣ—Витвицкій, въ Вильнѣ—Занъ, Одновець и многіе другіе, пошли этимъ путемъ; самъ Мицкевичъ началъ свою дѣятельность съ идиллическихъ, сентиментальныхъ балладъ, романсовъ и сказокъ (*Switezianka, Kurhanek Maryli, To lubi, Tuka*). Романтики надѣляли много шума и скандалу, они бунтовали противъ установившихся издавна правилъ и порядковъ, а между тѣмъ и сами не могли опредѣлить, чего именно они желаютъ и въ чемъ состоитъ сущность романтизма ¹⁾. Выигрышъ отъ новизны былъ бы не великъ, если бы все это кончилось тѣмъ, что какъ прежде подражали французскому, такъ потомъ стали бы подражать средневѣковому и нѣмецкому; но романтизмъ служилъ только оболочкою для выклеивающейся новой поэзіи совершенно своеобразной, и еще въ большей степени національной, нежели которая бы то ни было изъ предшествовавшихъ ей литературъ, даже въ золотую эпоху вѣка Сигизмундовъ ²⁾. Въ ней есть черты, характеризующія блестящіе моменты наибольшаго процвѣтанія искусства: превосходная техника стиха, богатство мотивовъ и—что всего важнѣе—могучая индивидуальность. Царству недантовъ-критиковъ положенъ конецъ, господство Париза кончилось, во главѣ

¹⁾ Статьи и лекціи Бродзинскаго; введеніе къ стихотвореніямъ Мицкевича: о *roezuy goshamuskaj*; статья Свидецкаго, 1818: о *pisnach klasycznych i romantycznych*.

²⁾ Лучшее всего эта сторона литературнаго движенія въ двадцатыхъ годахъ оцѣнена въ талантливѣйшемъ сочиненіи лучшаго критика тогдашняго Маврикія Мохнадкаго: *O literaturze polskiej w wieku XIX*. Warszawa, 1880.

движенія стали настоящіе поэты. Сознано, что, дабы быть поэтомъ, необходимо имѣть весь запасъ знаній, какимъ только располагаетъ современная наука, покинуть салонъ и окунуться въ народныя массы, наконецъ что для отысканія народныхъ мотивовъ поэзіи необходимо имѣть шаровку и взглядъ историка, вскрывать народное прошлое и умѣть имъ вдохновляться. Поставивъ себѣ сознательно задачу—національность въ поэзіи, романтики двадцатныхъ годовъ съ первыхъ же поръ не могли не натолкнуться на два нестерпаемые источника: на непочатый запасъ непосредственной простонародной поэзіи, къ которой они имѣли влеченіе по своей страсти къ сверхъестественному, чудесному, и на свѣжія преданія только-что уложившагося въ могилу великаго прошедшаго, которое они и попытались возстановить въ пѣсни съ точностью, свойственною археологамъ, во всей рѣзкости и шероховатости средневѣковыхъ формъ быта. Въ обихъ этихъ направленіяхъ имъ предшествовалъ, въ качествѣ вожаго, чело-вѣкъ, одаренный необыкновенно вѣрнымъ эстетическимъ чутьемъ, самъ поэтъ, но еще болѣе извѣстный какъ профессоръ литературы и критики, Казиміръ Бродзинскій, котораго по справедливости называютъ предтечею не только Мицкевича, но и всѣхъ направленій польской поэзіи XIX вѣка ¹⁾. Бродзинскій былъ бѣдный галиційскій шляхтичъ (род. 1791 въ Крулевкѣ близъ Бохни, умеръ въ Дрезденѣ 1835), натерпѣлся вдоволь съ малолѣтства отъ злой мачихи, которая его не любила, отъ деревенскаго учителя Нѣмца, который училъ посредствомъ розги на непонятномъ Поляку языкѣ. Нѣжный, пугливый, впечатлительный мальчикъ бѣгалъ изъ дому къ крестьянамъ, которые не разъ его отогрѣвали и кормили, и съ бытомъ которыхъ онъ сроднился съ первыхъ дней молодости. Лучшее его произведеніе, *Вѣславъ*, по замыслу есть подражаніе „Герману и Доротеѣ“ Гёте, а по содержанію есть живая картина деревенской свадьбы по обычаю краковскихъ крестьянъ. Способному юношѣ нѣмецкіе учителя въ тарновской школѣ старались привить любовь къ литературѣ нѣмецкой; читать польскія книги запрещалось, да и достать ихъ было весьма трудно: Бродзинскій только случаю обяванъ знакомствомъ съ Яномъ Кохановскимъ; онъ нашелъ экземпляръ стихотвореній этого поэта у бабы, рыночной торговки, которая употребляла листы его на обертки. Когда сѣверная часть Галиціи вошла въ составъ В. Герцогства Варшавскаго, 18-лѣтній Бродзинскій вступилъ (1809) въ ряды польскаго войска, ходилъ съ Французами въ Москву въ 1812 г., испыталъ всѣ ужасы бѣгства (великой арміи изъ Россіи и попалъ въ 1813 въ плѣнъ къ Пруссакамъ подъ Лейпцигомъ. Этимъ и окончилась его военная дѣятельность; съ 1815 года онъ поселился въ Варшавѣ, писалъ стихи, давалъ уроки, наконецъ получилъ

¹⁾ Adam Belcikowski, Kasimierz Brodzinski, studjum literackie. Lwów, 1875.

каедру польской литературы (1822—1828) въ варшавскомъ университетѣ. Въ одно и то же время этотъ предметъ преподавался здѣсь двумя профессорами. Людвигъ Осинскій, деканъ филологическаго факультета, царилъ въ салонахъ и привлекалъ къ себѣ въ аудиторію толпы великовѣтской публики, которая восторгалась его звучною дикціею и краснорѣчіемъ; Казиміръ Бродзинскій читалъ тихимъ голосомъ для немногихъ цѣнителей науки свои богатя содержаніемъ лекціи, въ которыхъ знакомилъ слушателей съ Шекспиромъ, Гёте, Шиллеромъ, съ новыми направленіями эстетической критики. Съ духомъ ученія и методомъ Бродзинскаго всего лучше могутъ познакомить слѣдующіе отрывки изъ его критическихъ статей.

„Мы были народъ могущественный, единственный по оригинальности своей формы правленія, по быстротѣ своего паденія и скорости возрожденія. Опережая Европу, мы прошли сквозь всѣ крайности ея тенерешняго развитія. Учрежденія отцовъ нашихъ были пріятнымъ воспоминаніемъ быта древнихъ свободныхъ народовъ и содержали въ себѣ въ зачаткѣ всѣ тѣ начала, на которыхъ стараются основать свое устройство новѣйшія государства. Одни только ангелы съумѣютъ управляться успѣшно, при столькихъ свободахъ, которыми мы пользовались; во всякомъ случаѣ насъ надобно назвать людьми хорошими, если при столькихъ свободахъ и безначаліи, такъ мало совершалось у насъ возмущеній и злодѣяній сравнительно съ другими народами, которые содержатся въ крѣпкомъ послушаніи. Мы пали, сраженные внезапнымъ громомъ, и такъ же нечаянно воскресли, получивъ существованіе и нераздѣльную съ нимъ свободу отъ рукъ величайшаго изъ монарховъ (Александръ I). Обожженный громовымъ огнемъ, пень пустилъ изъ себя вѣщую вѣточку; въ ней вѣтаетъ наше прошедшее и наше будущее. Мы нынѣ въ полной силѣ молодости и вмѣстѣ съ тѣмъ мы увѣчаны сѣдымъ вѣковымъ опытомъ. Цѣль наша можетъ быть только одна: обогащаться въ мирѣ нравственнымъ просвѣщеніемъ и достоинствомъ народнымъ. Запасъ нашихъ средствъ для слѣдованія по этому пути не великъ. До сихъ поръ мы имѣемъ только желанія, способности да надежды, но не болѣе. Выродившись политически, мы исказились и нравственно. Политически разбитые на разные куски, мы разрознены до безконечности въ нашихъ мнѣніяхъ и вкусахъ. Тридцать лѣтъ продолжались наши скитальчества по чужбинѣ на службѣ у разныхъ народовъ. Не могли сдѣлать у себя ничего въ теченіи этого времени и обреченные на пассивное созерцаніе величайшихъ событій въ Европѣ, сильнѣйшихъ переворотовъ въ мнѣніяхъ и вкусахъ, мнѣная системы воспитанія каждыя десять лѣтъ, при переходѣ изъ рукъ въ руки,—мы нынѣ едва ли образуемъ нѣчто цѣльное, котораго бы всѣ части могли быть управляемы единымъ духомъ. Законы, обы-

чан, вкусы и литература — все у насъ иностранное. Если при этомъ столпотвореніи не стерлись наши народныя пригѣты, это — залогъ того, что онѣ не изгладятся и въ будущее время. Мы толкуемъ много о народности, но народность эта есть духъ, который нигдѣ до сихъ поръ не являлся въ своемъ собственномъ видѣ. Древность не можетъ насъ спасти въ литературѣ, потому что намъ надобно идти впередъ, рука объ руку съ духомъ времени. Споры классиковъ съ романтиками бесплодны; классицизмъ требуетъ строгаго ума, романтизмъ или лучше сказать, новѣйшая литература требуетъ новыхъ представленій. Намъ слѣдуетъ уважать старый умъ, но мы не можемъ принести ему въ жертву то, чѣмъ обогатилось просвѣщеніе со временъ Квинтиліана. Мистицизмъ и идеализмъ нѣмецкій не могутъ быть для насъ достаточною пищею, потому что божественная правда всегда проста и не можетъ состоять въ путаницѣ понятій. Въ теченіи многихъ вѣковъ мудрецы должны были блуждать и спорить, чтобы сдѣлать истину яснѣе и чище; запутывать ее — значить уничтожить работу вѣковъ. Мы заимствовали зло и добро отъ иностранцевъ. Какъ намъ поступать съ этими металлами разнокалиберными и разноцѣнными? Намъ слѣдуетъ выбирать лучшія штуки, и перечеканивать ихъ, вкладя на нихъ народное клеймо; слѣдуетъ также переплавлять и нашу собственную старинную монету, давая ей номинальную цѣну, сообразную нынѣшнему времени; весь этотъ капиталъ долженъ быть разсчетливо обращаемъ на насущныя потребности страны. Не въ томъ дѣло, чтобы наполнить книгохранилища нашими трудами, но въ томъ, чтобы эти труды обращались быстро, соответствовали потребностямъ массы и могли доходить до послѣдняго изъ рабочихъ. Я не желаю народу имѣть ни столько философовъ какъ въ Греціи, ни столько ученыхъ книжниковъ какъ въ Германіи, ни столько стихотворцевъ какъ въ Парижѣ. Я даже убѣжденъ, что когда-нибудь закроются тѣ исполнискія литературныя фабрики, которыя мы видимъ теперь, и что дошедши до практическихъ результатовъ наукъ, люди освободятся отъ того громаднаго сырого матеріала, который, отрывая отъ настоящаго дѣла множество руей, дѣлаетъ народы иногда изнѣженными, а иногда фанатическими. Всѣ эти фоліанты, комментаріи, философскія спекуляціи и ученые споры будутъ когда-нибудь забыты, какъ тѣ рыцарскіе доспѣхи, которые показываются нынѣ въ видѣ курьезовъ въ старинныхъ замкахъ. Ученые труды должны имѣть то главное назначеніе, чтобы связать какъ можно сильнѣе понятія политическія, религіозныя и философскія съ интересомъ народа“ ¹⁾.

¹⁾ См. сочиненія Броданскаго въ *Biblioteka polska*, Туровскаго: о *dażeniu polskiej literatury*, str. 374—394; о *klasyzmoznosci i romantycznosci*, str. 1—105. Новое изданіе соч. Броданскаго въ 8 томахъ, *Романъ*, 1872—74, исправленное Крашев-

Поэтическія произведенія Бродзинскаго, кромѣ „Вѣслава“, мало читаются въ настоящее время; они были и граціозны, но блѣдны и слащавы въ сравненіи съ произведеніями его же слушателей и Мицкевича. Бродзинскому дано было дожить до такихъ успѣховъ въ творчествѣ поэтическомъ, которыми превзошли самыя смѣлыя его ожиданія и заставили забыть о скромномъ предшественникѣ и учителѣ, но онъ дожилъ также и до печальнаго повстанія 1830 г., разрушившаго пылку увѣренность въ томъ, будтобы достаточно имѣть сильное ощущеніе своей народной личности, чтобы получить право на личность политическую, будтобы первая есть не только главное, но и почти единственное условіе послѣдней. Событія 1831 г. увлекли впечатлительнаго Бродзинскаго и сообщили его мыслямъ несвойственный вообще его трезвой натурѣ отпечатокъ экзальтаціи, отразившейся въ „Рѣчи о народности Поляковъ“¹⁾, читанной 3 мая 1831 г. въ обществѣ любителей наукъ, и написанномъ незадолго до смерти въ Краковѣ „Посланіи къ братьямъ изгнанникамъ“, изданномъ Богданомъ Залѣскимъ (1850), гдѣ Бродзинскій является уже совершеннымъ мессіанистомъ, мистически пророческуюющимъ о будущности народа. Бродзинскій не эмигрировалъ, но уѣхалъ за паспортомъ за границу. Скончался въ Дрезденѣ 1835 г., на рукахъ у А. Э. Одмица.

Въ то самое время, когда Бродзинскій въ Варшавѣ своими лекціями и критическими статьями расчищалъ дорогу романтизму, въ этомъ же городѣ, отчасти подъ его вліяніемъ, а отчасти и безъ всякаго къ нему соотношенія, зарождалась, слѣдуя духу времени, новая школа поэтовъ, извѣстная подъ именемъ польско-украинской; эти пѣвцы, продолжая уже начатое когда-то Клёновичемъ и Шимоновичемъ усвоеніе польской поэзіи южно-русскихъ мотивовъ, вносили въ эту поэзію думу казацкую, то заунывную, то удалую напѣвы народныхъ пѣсенъ и живое чувство упоенія необозримою ширью украинскихъ степей.

Первый по времени изъ этихъ польско-украинскихъ поэтовъ, Антонъ Мальческій (1798—1826), жилъ особнякомъ, умеръ въ совершенной почти неизвѣстности и написалъ одну только небольшую поему *Марія*, которая при выходѣ въ свѣтъ (1825) не имѣла никакого успѣха и не окупила издержекъ изданія, и только много лѣтъ спустя, когда авторъ давно лежалъ въ могилѣ, сдѣлалась самымъ популярнымъ поэтическимъ произведеніемъ въ Польшѣ. Мальческій²⁾ провѣлъ первые годы молодости въ Дубнѣ на Волыни, полу-

скимъ: здѣсь нашли мѣсто и университетскія лекціи Бродзинскаго, по рукописи, сохраненной Дмоховскимъ.

¹⁾ *Naród polski jest Kopernikiem w swiecie moralnym* (Народъ польскій между народами—тоже, что Коперникъ между людьми—т.-е. что онъ открылъ законъ тяготѣнія всѣхъ народовъ вокругъ моральнаго центра—идеи человечества. Ему дано было уравновѣсить права трона и народа на вѣсахъ, къ самому небу прикрѣпленныхъ....)

²⁾ *Wojcicki, Smentarz powązkowski*, 1855. I, 41. *Lucyan Siemieński, Portrety literackie*, t. IV, s. 57.

члѣмъ блистательное аристократическое образованіе во французскомъ духѣ въ домѣ родителей. Побывавъ въ кременецкомъ лицейѣ, онъ вступилъ въ военную службу въ наполеоновскіе войска, былъ тяжело раненъ, потомъ пять лѣтъ странствовалъ за границею, любилъ, стрѣлялся на дуэли, прожилъ все свое состояніе, испилъ, можно сказать, до дна чашу наслажденій, но и познакомился со всѣмъ, что имѣло лучшаго западно-европейское общество, съ литераторами, учеными, артистами. Потомъ онъ вернулся на родину, заарендовалъ небольшое имѣніе въ Волынской губерніи, въ свободное отъ занятій время писалъ задуманную имъ поэму въ байроновскомъ родѣ и вкусѣ. Въ близкомъ сосѣдствѣ Мальческаго жила молодая его кужна, больная нервами и оставленная, какъ безнадежная, докторами; оказалось, что поэтъ обладаетъ большою нервною силою и можетъ ее успокоивать, магнетизируя во время пароксизмовъ. Лечение повело къ любви, она бросила мужа, онъ оставилъ хозяйство, и оба очутились въ Варшавѣ почти безъ средствъ, въ обществѣ, которое покировано ихъ воступкомъ. Поэта поддерживала надежда на успѣхъ его произведенія, но критика отнеслась къ нему недружелюбно,—поэма не пошла. Голодъ и нужда появились у изголовья больного поэта: когда онъ умеръ, не на что было его похоронить. Мальческій былъ что называется бѣлоручка, нѣжный и красивый, какъ женщина; нервный и раздражительный въ высшей степени, болѣзненно страдавшій отъ всякой неудачи, онъ постоянно носился съ горькими осадками неудовлетворенныхъ желаній въ душѣ. Прибавимъ къ этимъ даннымъ близкое знакомство Мальческаго съ Байрономъ. Они познакомились въ Венеціи; преданіе говоритъ, что рассказъ Мальческаго о Мазепѣ вдохновилъ Байрона и послужилъ ему темою для поэмы. Съ другой стороны, Мальческій поддался обаянію демонической природы Байрона и сталъ въ искусствѣ его подражателемъ. У Байрона пресниженіе жизни раздражалось ненавистью и презрѣніемъ къ людямъ, и ѣдкимъ осмѣиваніемъ всего, что условлено считать святымъ; у Мальческаго тоже невольгитимое разочарованіе выразилось въ снѣдающей душу безпредѣльной и безнадежной тоскѣ: „Я много ѣлъ горькихъ, отравленныхъ калачей,—говоритъ поэтъ:—мое увидшее лицо поблѣднѣло, изъ одичавшей души моей искоренена радость“...⁴⁾). Отъ Байрона Мальческій заимствовалъ форму его поэтическаго разсказа, а сюжетъ взялъ изъ весьма извѣстнаго на Украинѣ уголовного дѣла, котораго главными фигурантами

⁴⁾ ...Co szięe, zszlachetne chwilkę tylko świcięci....

(Нѣжное благородное свѣтитъ только минуту)...

...Rola wzniósłszy uszuć nigdy się nie uda,

Bo w śliczny welon cnoty stroi się obłuda.

(Посѣвъ возвышенныхъ чувствъ никогда не успѣваетъ, потому что лицемѣрие навязываетъ на себя прекрасную вуаль добродѣтели).

были Феликсъ Потоцкій, мрачный, скучный и недалновидный герой тарговицкой конфедераціи и его отецъ, воевода кievскій. Феликсъ Потоцкій въ юности своей женился противъ воли родителей на молодой шляхтянѣхъ незнатнаго происхожденія, Гертрудѣ Коморовской. Родители Потоцкаго, недовольные неравнымъ бракомъ, извели ее невѣжливскимъ образомъ. Феликсъ превратился у Мальческаго въ прекраснаго Вацлава (чего онъ, конечно, вовсе не заслуживалъ), Гертруда—въ Марію. Бессердечный и непреклонный воевода, тая въ душѣ злобныя замыслы, шлетъ казака съ письмомъ къ старому Мечнику—отцу Маріи, въ которомъ, расточая лесть, онъ проситъ примиренія и амнистіи съ тѣмъ предлагаетъ Мечнику начальство надъ войскомъ, въ экспедиціи, снаряжаемой противъ татаръ, въ которой долженъ принять участіе и Вацлавъ. Экспедиція была только благовиднымъ предложеномъ для удаленія Вацлава и Мечника изъ дому. Въ то время, когда Вацлавъ съ Мечникомъ сражаются храбро съ крымскими хищниками, на дворъ Мечника валитъ шумная ватага масляничныхъ гостей въ маскахъ и костюмахъ. Напрасно старый слуга отпугиваетъ отъ дому незванымъ гостямъ, у него самого зарыло въ глазахъ, когда начали передъ нимъ плясать цыгане, вѣдьмы, арлекины и черти. Всѣ эти маски—никто иначе, какъ подосланные воеводою убійцы: они топятъ въ пруду Марію. Побѣдоносный Вацлавъ, тревожимый страннымъ предчувствіемъ, опережая Мечника, летитъ къ женѣ, прискакавъ ночью во дворъ Мечника, стучится въ домъ, влѣзаетъ въ окно и находитъ холодный, распухшій трупъ любимой женщины. Таинственный пажа, лицо фантастическое, добрый или злой духъ Вацлава—неизвѣстно, сообщаетъ ему о виновникахъ смерти его жены; сердце у Вацлава пропиталось ядомъ въ одну минуту: испытывая всѣ муки ада, онъ исчезаетъ съ жаждою крови и мщенія, съ мыслью объ отцеубійствѣ въ душѣ. Поэма оканчивается изображеніемъ сѣдого Мечника, угасающаго тихо безъ слезъ и ропота, на могилѣ дочери. Главная задача, которую поставилъ себѣ Мальческій, была конечно психологическая: изобразить развитіе страсти, порчу и искаженіе благородной души, изнывающей въ желѣзныхъ и роковыхъ тискахъ несчастія. Подобно Байрону, онъ преимущественно лирикъ, его поэма есть, можно сказать, вырванная страница изъ его же автобіографіи, передача имъ самимъ прочувствованнаго; свою собственную личность выводитъ онъ вездѣ на сцену то въ образѣ доврчиваго Вацлава, то въ образѣ таинственнаго ангела или демона—пажа, юнаго и между тѣмъ безотрадно грустнаго, то въ прелестномъ образѣ блѣдной и чистой, какъ голубица, Маріи ¹⁾. Подобно Байрону, онъ грѣшитъ по-

¹⁾ Ani ży, ani żalu w jej mglistém spojrzaniu;
O nie; przeszłych już zgrzyot niewidac tam wojny,

рою изысканностью подобранныхъ эффектовъ и злоупотребленіемъ аллегорією, олицетворяя отвлеченныя помятія, страсти и чувства ¹⁾). Но, несмотря на эти недостатки, и несмотря на невыгодное совпаденіе момента появленія поэмы съ появленіемъ величайшихъ произведеній первой поры польскаго романтизма, *украинская поэмка „Марія“* сдѣлалась произведеніемъ самымъ любимымъ, самымъ популярнымъ, привлекающимъ къ себѣ глубиною и искренностію чувства души болѣзненно страдающей и разочарованной. Притомъ, хотя воспроизведеніе прошедшаго составляетъ весьма второстепенный элементъ въ планъ поэмы, однако Мальцескій, какъ великій художникъ, умѣлъ изобразить это прошедшее немногими, но весьма типическими чертами. Ястребинный профиль воеводы наводитъ ужасъ, исполнская фигура стараго Мечника кажется высѣчена изъ камня и просится въ эпосъ. Впрочемъ, Мальцескій схватилъ только нѣкоторыя стороны этого прошедшаго. Его Украина есть Украина магнатская и шляхетская. Простонародье является у него только какъ живописный аксессуаръ въ пейзажѣ, въ видѣ воеводскаго гонца-козака, скачущаго съ письмомъ къ Мечнику: „Простъ былъ его поклонъ, коротко привѣтствіе, но онъ видимо выдѣется изъ толпы служителей; онъ крѣпостной, но свобода врождена ему отъ отца. Когда, гордо взглянувши, онъ требуетъ, чтобы его повели къ барину, то онъ имѣетъ видъ господина среди провожающей его дворни“... Мальцескій былъ совершенно чуждъ украинскому простонародью по своему воспитанію, онъ не видѣлъ его за шляхетствомъ, но онъ понялъ сердцемъ артиста красоты украинской природы и неподражаемо передаетъ широкіе прямолинейныя контуры степного пейзажа: „Взоръ бродитъ въ пространства; но ему негдѣ пріютиться, и не подмѣтитъ онъ движенія. Солнце косвенно оваряетъ разстилающіяся нивы, иврѣдка пронесется воронъ, каркая и бросая отъ себя тѣнь, иврѣдка застрекочетъ полевая стрекоса въ бурьянахъ. Глухо кругомъ, только во воздухѣ какой-то гулъ. Мысли о прошед-

Tylko znikłej nadziei grobowiec spokojny,
Tylko się lampa szczęścia w jej oczach paliła,
I zgasła—i swym dymem cała twarz zaśmiła.

(Нѣтъ ни слезъ, ни скорби въ ея туманномъ взорѣ, не видать въ немъ борьбы минувшихъ страданій, а одинъ только покойный гробъ печальныхъ надеждъ. Въ глазахъ горѣла когда-то лампада счастья, но погасла и только дымомъ своимъ прикрыла все лицо).

¹⁾ Приведемъ для характеристики манеры Мальцескаго слѣдующее четверостишіе, изображающее тоску Маріи послѣ отъѣзда Вацлава; здѣсь что ни слово, то аллегорія:

Już w jego próbném miejscu zadumana, blada
Ciszę budząc westchnieniem samotność osiada,
A na odłogu szczęścia zgryzota korzeni
Swe kolczaste łodygi robaczalijęj rżemii.

(Въ оставшемся послѣ него пустомъ пространствѣ садится блѣдное, задумчивое уединеніе, прерывающее тишину вздохами, а на паревоиъ полѣ счастья коренится тоска и пускаетъ колючіе стебли, точиные червяки).

нѣтъ нѣльзя отдохнуть въ цѣлой этой странѣ ни на одномъ памятникѣ отцовъ, въ которомъ бы она могла сложить бремя скорбныхъ чувствъ. Ей слѣдуетъ развѣ, опустивъ крылья, погрузиться въ землю, тамъ найдетъ она древнія заржавѣлыя латы и кости, невѣдомо чьи: тамъ найдетъ она надежное зерно въ плодоносномъ неплгѣ или червей, упитывающихся свѣжимъ еще трупомъ, но по полямъ мысль эта блуждаетъ, ни за что не цѣпляясь, какъ отчаяніе, безъ пріюта, безъ цѣли, безъ границъ“.

Одновременно съ Мальцескимъ нѣсколько молодыхъ украинцевъ, герадо моложе его по возрасту, отыскивали сообща, руководимые артистическимъ чутьемъ, богатый, всѣми оставленный и, какъ казалось ¹⁾, посабитый кладъ поэзіи козацкой. То были Падуря, М. Грабовскій, В. Залѣскій и С. Гоцинскій. Всѣ они смотрѣли на козачество какъ на составную часть польскаго народа и польской исторіи. Изъ нихъ Падуря (1801—1872), воспитанникъ временецкаго лицея, задумалъ смѣлое предпріятіе: стать пѣвцомъ простонародія, странствующимъ рапсодомъ, слагая пѣсни на простонародномъ, то-есть южно-русскомъ языкѣ. Онъ исходилъ страну вдоль и поперекъ, посѣтилъ мѣста, гдѣ была Сѣчь; привязался къ одному эксцентричнѣйшему чудаку того времени Вацлаву Ржевускому (сыну тарговичанина Северина), который, живя долго на востокѣ, породнился съ арабами, усвоилъ себѣ ихъ нравы и костюмъ и на всю жизнь остался эмиромъ Таждъ-уль-Фахромъ ²⁾ даже по возвращеніи своемъ въ родное имѣніе Савранъ (1825). Въ Савранѣ Падуря сдѣлался домашнимъ человѣкомъ, пѣснеслагателемъ, котораго пѣсни распростиранлись потомъ торбанисомъ Виторгомъ и другими, посредствомъ устнаго преданія, но долго не печатались, вслѣдствіе чего самъ Падуря считался какимъ-то сказочнымъ существомъ, пока онъ не издалъ въ Варшавѣ въ 1844 году: „*Ukrainky s nutaju, Tymka Padurzy*“ (имя собственное переименовано; оно было Тома, а не Тимошей). Впослѣдствіи Падуря былъ почти совершенно позабытъ, умеръ въ Козятинѣ, а похороненъ въ Махновеѣ, Кіевской губ. ³⁾. Весьма немногочисленные въ сложности опыты Падуря курьезны въ слѣдующемъ отношеніи. Чувства и мысли у него были чисто польскія, а только языкъ, формы и артистическія средства украинско-народныя. Въ его дѣятельности сквовила и тенденція — та самая, которая породила козацкій полкъ К. Ружицкаго въ 1831 году. Вотъ почему лирику Падуря покинулъ для думки, а въ думкѣ (напр. о Романѣ Коширскомъ,

¹⁾ До первыхъ изданій думъ; до сочиненій Квятки и др. въ тридцатыхъ годахъ и до появленія, въ 1840-хъ годахъ, Шевченка.

²⁾ Siemieński, Portrety literackie, t. IV: Emir Tadz el Fahr. Другое названіе, подъ которымъ его прославилъ Падуря, было „Золотая борода“.

³⁾ Статя В. Пржиборовскаго о Падурѣ въ Tygodnik Ilustrowany 1872 г. № 229, и въ Библиотекѣ Варшавской, 1872.

т.-е. Сангунжѣ) онъ поэтизировалъ лѣтописныхъ героевъ той эпохи воячества, когда оно еще витало подъ крыльями блага польскаго орла, то-есть до Хмѣльницкаго.

Остальные три названные нами украинца отправлялись около 1820 г. учиться въ Варшаву, сообща слушали лекціи Вродзинскаго и жили въ тѣснѣйшей дружбѣ. Одинъ изъ нихъ, Михайлъ Грабовскій (1805—1863), болѣе извѣстенъ какъ писатель повѣстей въ родѣ Вальтеръ-Скотта и критикъ (*Literatura i krytyka*, Wilno, 1837—40, статьи въ московскомъ *Днѣ* Аксакова и др.), жилъ въ Кіевѣ, имѣлъ вліяніе на Кулиша и кончилъ жизнь въ Варшавѣ директоромъ комиссіи просвѣщенія и исповѣданій при Велопольскомъ. Іосифъ-Богданъ Залѣскій (род. 1802 г., и уже давно переставшій писать) и Северинъ Гоцинскій (ум. 1876) прославились какъ первостепенные поэтическіе таланты, но по особенностямъ своихъ темпераментовъ пошли они по совершенно противоположнымъ направленіямъ. Залѣскій ¹⁾ прежде всего и исключительно почти художникъ, въ поэтическомъ творчествѣ только лирикъ, одинъ изъ самыхъ субъективныхъ, притомъ лирикъ, лучше всего передающій чувства веселія, вѣжнѣна, одну граціозную сторону изображаемыхъ предметовъ, съ неподражаемою яркостью цвѣтовъ и игривостью. Содержание этой чрезвычайно красивой по внѣшней формѣ поэзіи не отличается ни разнообразіемъ, ни глубиной идей и задачъ. — Залѣскій воспѣваетъ только свое Поднѣпровье. „Меня, своего груднаго ребенка, — пишетъ онъ, — спеленала пѣснью мать Украина... и сказала Русалкѣ: пѣстуй мое дитятко, корми его молокомъ думъ и сокомъ цвѣтовъ, подавай ему на сонъ красивые образы моей вѣковой славы, да разцвѣтутъ вокругъ него всѣ сказки народа моего писаннаго золотомъ и лазурью. О, звучные какъ пѣсенка, поцѣлуй моей мамки Русалки воспламенили кровь мою навсегда“... (*Duch od stery*). Приведемъ еще отрывокъ, въ которомъ Залѣскій поясняетъ автобиографическіе источники своего вдохновенія и творчества: „Съ торбаномъ выросъ я — вижу Днѣпръ, Ивангору, хату въ дубравѣ, старика-знахаря, точно простился я съ ними вчера. Пѣли тамъ птицы чуть-чуть божій день, и дѣвы пѣли на майданѣ, то раздавался мужественный голосъ воинской славы атамановъ — все смѣшалось въ одну живую пѣсню и я исполнилъ эту пѣсню“... (*Zywa pieśń*).

Изъ этого заколдованнаго круга съ дѣтства усвоенныхъ представлений Залѣскій не можетъ видѣти никакимъ образомъ. Среди Альпійскихъ горъ онъ вспоминаетъ Рось, Тясьмину, въ римской Кам-

¹⁾ Piotr Chmielowski, *Poezye I. B. Zaleskiego*, см. Niwa, 1877, №№ 65, 66. — Последнее изданіе стихотвореній Залѣскаго, Львовъ 1877, въ 3 томахъ. Справ. *Przegląd Tygodniowy*, 1878, №№ 18—21.

паніи тоскуеть по степямъ, настоящимъ варваромъ прохаживается по Капитолію, но въ немъ вскипаетъ кровь при видѣ брата Славянина—умирающаго гладіатора (Przechadzki po za Rzument). Когда въ послѣдствіи Залъскій пытался въ „Святомъ Семействѣ“ (Przenajświętsza Rodzina) изобразить юность Христа, то и въ это библейское произведение онъ внесъ также свою родину, такъ что въ ней мало галилейскаго, іорданскаго, а толпы народа, спѣшанція въ Іерусалимъ на праздникъ, точь въ точь похожи на чумаковъ, располагающихся ночлегомъ, или на богомольцевъ, странствующихъ въ святымъ мѣстамъ, въ Почаевъ или въ Кіево-печерскую Лавру.

Жизнь „чумацкая“ выходца за-границу послѣ 1831 года еще болѣе содѣйствовала развитію этой односторонней исключительности въ оторванномъ отъ почвы пѣвцѣ. Кругъ сюжетовъ поэзіи Залъскаго былъ и остался ограниченъ. Отношеніе этихъ сюжетовъ къ фантазіи поэта таково, что всѣ проходящія чрезъ эту фантазію лучи дѣйствительности преломляются необыкновенно сильно, даютъ изображенія хроматическія. Каждая линія превращается въ радугу, подъ этими радугами, подъ трельми и фіоритурами, подъ налетомъ субъективнѣйшихъ ощущеній исчезаетъ прикрываемый ими первоначальный мотивъ, и есть цѣльня поэмы, которыхъ содержаніе только съ трудомъ можетъ быть объяснено. Таковы, напримѣръ, первое всего больше прославившее имя поэта произведение: *Русалки* (около 1830 г.), въ которомъ онъ самъ себя изображаетъ въ образѣ козака Цислава Зори и передаетъ всѣ перипетіи своей юношеской любви къ чародѣйкѣ, капризницѣ Зоринѣ, своихъ разколбовъ съ нею и примиренія, а изъ позднѣйшихъ—*Калиновыи мосты*, мечтанія о юности—пѣвца, дожившаго до сѣдыхъ волосъ. Такъ какъ образованіе Залъскаго было только артистическое, а не философское, то этимъ объясняется, почему онъ не создалъ ни одного великаго и цѣльнаго произведенія, для чего необходима философская мысль въ качествѣ цемента. На чужбинѣ, подъ впечатлѣніемъ горькихъ утратъ и тоски по родинѣ, Залъскій, подобно большинству своихъ сверстниковъ—эмигранціонныхъ поэтовъ, впалъ въ мистицизмъ и сдѣлался на весьма короткое время, вмѣстѣ съ другомъ своимъ Мицкевичемъ, послѣдователемъ религіозной секты Товянскаго, но вскорѣ вернулся къ строгому церковному римскому католицизму. Въ этомъ второмъ мистическомъ періодѣ своего творчества, онъ пытался въ поэмѣ *Духъ степей* (Duch od stepi) изобразить въ связаномъ эпосѣ исторію человѣчества, но при красивыхъ подробностяхъ поэма вышла неудачна по убожеству содержанія, и мѣстами она поражаетъ своею ретроградностью, отрицательнымъ отношеніемъ автора къ великимъ открытіямъ и событіямъ послѣднихъ вѣковъ: реформаціи, революціи XVIII вѣка. Поэтъ рассказываетъ исторію своей души до рожденія: мать-Украина

отдала эту душу на воспитание русалкамъ; по мановенію Божію, воздушная нялунья опускается, воплощается, тоскуетъ по своей заоблачной родинѣ и проживаетъ мысленно всѣ моменты развитія человѣчества, причеиъ виновникомъ всѣхъ бѣдствій является горделивый разумъ, бунтующій противъ вѣры, и плотиція похоти, — какъ будто слыииниъ исповѣдь любого средневѣкового монаха-аскета. Мѣстами рассказъ оживляется и блещетъ красотаи, наприиѣръ, когда поэтъ рисуеъ переселеніе народовъ и Атиллу, но и то по той только причинѣ, по которой онъ не можетъ равнодушно относиться къ Умиравшему Гладіатору, то естъ потому, что онъ натолкнулся на варвара и на полчища, которыя представляютъ какъ бы первообразъ будущихъ козакоевъ ¹⁾. Особеннаго вниманія заслуживаютъ по своимъ достоинствамъ и недостаткамъ эпическія расповідя Залѣскаго. Малоросійскій народъ имѣлъ два эпоса, народныя былины Владимірова днцла, почти забытыя самимъ народомъ и уцѣлѣвшія только въ отрывочныхъ преданіяхъ, и — замѣнившія ихъ въ позднѣйшую эпоху козація думы, новый національный героическій эпосъ, живо сохранившійся до настоящаго времени, но проникнутый духомъ, далеко не дружелюбнымъ для Польши. Залѣскому всего ближе знакомы были козація думы. Козачество возникло и развилось подъ крыломъ Польши, и только съ XVII-го вѣка обратило противъ Польши оружіе междоусобной войны. Эта послѣдняя сторона козачества, обрызганная кровью, противна Залѣскому, и по его натурѣ, ясной и мягкой, и по народности, какъ Поляку. Онъ и поставленъ былъ въ необходимость вернуться дальше назадъ, въ XVI-му вѣку и воспѣвать событія и людей, о которыхъ онъ вычиталъ нѣчто въ старыхъ польскихъ хроникахъ, но которыхъ украинскій народъ успѣлъ перезабыть со временъ Богдана, напр.: походы Запорожцевъ за Черное море, Евстафія Дашковича, Ляха Сердечнаго (Предслава Ланцкоронскаго), атамана Косинскаго и храбраго Сагайдачнаго, ведущаго подъ Хотинъ свои полки подъ начальствомъ королевича Владислава. Всѣ выведенныя лица движутся стройно, рѣзко, красиво, живописно и складно, но въ томъ-то и ложь, что они не настоящіе, а балетные козаки, что они гладко причесаны, что отъ нихъ несетъ духами, а не дегтемъ, и что въ-подъ ихъ бу-

¹⁾ «Закованный въ сталь вождь ѣдетъ, ведетъ по безпутыямъ, — конная статуа Альгунрика (всѣхъ Гунновъ царя), мохнатая какъ медвѣдь, сухожильная, сухошавая, изъ однихъ костей состоящая, Божій гнѣвъ, ликъ грозный и дивный, взоръ никогда несмыкающійся, потому что рѣсницаи приросли ко лбу. Подобно рѣкѣ, прокладывающей себѣ путь между крутыхъ скалъ, шумять текуція за нимъ толпы: Римъ, Римъ, гдѣ же Римъ?»

«Конная статуа — вождь неприступенъ, глухъ и нѣиъ, ѣдетъ, ведетъ по безпутыямъ, вдругъ онъ останавливается: здѣсь отдыхъ. Въ ту ли, въ другую ли сторону поидетъ въ степяхъ? то скажетъ намъ комета ночью. Римъ, Римъ не далеко, за семью гораи, за девятью рѣками!»...

лата брызжетъ кровь красивыми малиновыми струями. Всѣ они бойкіе хваты, лихіе удалцы, ни о чемъ другомъ, болѣе серьезномъ, кромя удалства не думающіе. Кромя того въ явный ущербъ исторической правдѣ въ нихъ вложены чувства, имъ несвойственныя. Несомнѣнно, что и Косинскій (въ концѣ XVI в.) и Сагайдачный (въ началѣ XVII-го) по долгу службы вѣрно и честно дрались съ Татарами и Турками подъ польскими знаменами, но у каждого изъ этихъ вождей козачества были свои сословные и племенные интересы и расчеты, вслѣдствіе которыхъ не могъ онъ смотрѣть на свои отношенія къ Польшѣ съ точки зрѣнія польскаго шляхтича и патриота. Не могъ Косинскій убѣждать свою „чернобровую“: „слезъ и очей пожалѣй, Господи; что же поможетъ ломать себѣ руки, когда воля сейма и короля велитъ сражаться намъ“ (*Dumka hetmana Kosinskiego*). Фальшивая нота, которая звучитъ въ думкахъ Залъскаго, не только не ровняла ихъ, но была причиною чрезмѣрной ихъ популярности, какъ духу времени отвѣчавшее стремленіе эстетическаго ополяченія козачества. М. Грабовскій формулировалъ отношеніе украинскихъ поэтовъ къ Украйнѣ такимъ образомъ, что Мальцескій живописалъ Украйну шляхетскую, Залъскій—козацкую, а Гоцинскій—гайдамацкую. По проторенному пути пошло безчисленное множество подражателей, которые довели его манеру до карикатурнаго и вызвали въ 1838 г. слѣдующую замѣтку въ письмѣ Мицкевича (Ког. I, 124): „Украинцы сѣли верхомъ на Богдана и ѣдутъ на немъ покрививая: гошъ, гошъ, цушъ, цушъ. Они меня бѣсятъ. Стоитъ этихъ писакъ стащить съ украинскаго коня“. Всѣ лица, выводимыя въ думкахъ Залъскаго, миловидны, но миниатюрны, точно рассматриваемыя сквозь вогнутое стекло. Въ этой миниатюрной живописи не отличишь вѣщаго Бояна отъ Вернигоры, князей и бояръ кievскихъ отъ Хмѣльницкаго и Мазепы. Эта способность примирять противоположности и сглаживать диссонансы дѣлаетъ изъ Богдана Залъскаго настоящаго панслависта. „Любо мнѣ въ славянскомъ гулѣ, — восклицаетъ онъ, — я рукоплещу, стоя на украинской могилѣ. Молодецъ Шафарикъ! Славно, Копитаръ! Давай побольше пѣсенъ, Вузь Караджичъ! Остальное доскажемъ мы, гуслары“ (*Gwar słowiański*). Въ особенности же эта способность поражаетъ насъ въ религиозно-миссионерскихъ произведеніяхъ Залъскаго. Онъ до того сжился съ народными малороссійскими повѣрьями, что порою не различилъ, кто онъ, римскій ли католикъ, или православный, а за христіанскими образами и представленіями видѣется у него старая славянско-языческая подкладка изъ древнихъ, померьшихъ до-историческихъ временъ (*Książka Nauka, Podzwonne ku ojeom*).

Послѣдній изъ писателей украинской группы, Северинъ Гоцинскій, человекъ крѣпкій физически, сильныхъ убѣжденій, энергическій.

Его жизнь мало известна въ своихъ подробностяхъ. Онъ былъ въ числѣ зачинщиковъ повстанія 1830 г., нападеніемъ на Вельведерскій дворецъ въ ночь 29 ноября давшихъ сигналъ народному движенію. Онъ участвовалъ въ этомъ движеніи, какъ солдатъ и пѣвецъ, потомъ жилъ нѣкоторое время въ Галиціи; кончилъ онъ тѣмъ, что сдѣлался мистикомъ, послѣдователемъ Товянскаго, и въ началѣ сороковыхъ годовъ почти совершенно пересталъ писать. Гоцинскій олицетворяетъ собою тотъ моментъ развитія романтизма, когда поставлена была задача воспроизводить природу и ея жизнь въ духѣ престонароднаго міросозерцанія, правдиво, серьезно, реалистически и объективно. Особенности личнаго его темперамента сказываются только въ томъ, что изъ природы и изъ народной фантазіи онъ заимствуетъ одни сильные и темныя краски, беретъ только дикое, страшное, трагическое, бѣсовское: зловѣщіе крики совъ, скрипѣніе мертвеца, катаемаго вѣтромъ на висѣлицѣ, и черную ночь, среди которой безпугій играетъ съ людьми злая лгуки. Онъ безподобный колористъ и обладаетъ рембрандтовскою кистью для изображенія огневого свѣта въ ночномъ мракѣ. Подъ днѣпровскими липами паробки и дѣвчата сонлись на вечернику, поють, пляшутъ и цѣлуются вокругъ пылающаго востра, а немного подалеже собралась иная, болѣе тихая компанія: тамъ бесѣдуютъ между собою бѣднякъ, несомый злымъ вихремъ, красный ушуръ, который въ полночь доить изъ косяка кровь сонныхъ дѣтей; вѣдьма, росой цвѣтовъ окропляющая сметану; некрещеная душа, которая стонетъ на висяхъ; огненный змѣй, иссушающій бабъ (Zapek Kaniowski).

Но идя въ народъ для изученія его повѣрій и суевѣрій, Гоцинскій, какъ истый романтикъ, до того проникся изучаемымъ, что усвоилъ себѣ если не все, то по крайней-мѣрѣ самое существенное изъ этого міросозерцанія, которому свойственъ антропоморфизмъ и которое одушевляетъ и олицетворяетъ всѣ силы природы. Въ его собственномъ умѣ были несомнѣнно задатки мистицизма, родственнаго престонародному: онъ и самъ вѣровалъ въ существованіе въ природѣ тѣхъ таинственныхъ живыхъ силъ, невѣдомыхъ естествоиспытателю, къ которымъ простой человѣкъ, при всей грубости его понятій, стоитъ ближе нежели ученый, потому что древній союзъ съ природою разрушенъ для цивилизованнаго, между тѣмъ какъ онъ существуетъ еще для простолюдина. Однимъ словомъ, съ Гоцинскимъ совершилось тоже что съ многими гуманистами XVI столѣтія, которые увлечены были артистическимъ изученіемъ древности до усвоенія себѣ даже вѣрованій религіозныхъ античныхъ. „Земля стародавняя!—говоритъ поэтъ,— во время оно, теперешнее диво не было дивомъ; невидимыя силы играли видимо и сторожили человѣка, какъ ребенка. Въ воздухѣ, въ

деревьяхъ, въ камняхъ, подъ водою, люди обрѣтали кровное сочувствіе; потому что они не презирали природу, они ее знали и любили какъ мать" ¹⁾. „Природа,—говоритъ П. Хиглѣвскій ²⁾,—вознаграждая Гощинскаго за его любовь, одарила его помыслами смѣлыми, идеями оригинальными. Фантазія ничѣмъ не сдерживаемая, ожила, укрѣпилась и высоко взлетѣла, увлекая въ край волшебный тѣхъ, которые предали себя ея руководству". Беспорядочность и разнузданность, но вмѣстѣ съ тѣмъ свѣжесть, правда и сила — таковы свойства этой поэзи. Приемы ея иные, нежели у всѣхъ предшественниковъ Гощинскаго, фабула хитрѣе и сложнѣе, событія сплетаются неожиданно, но завязываются въ крѣпкіе узлы, на сцену выведены настоящіе характеры, осмысленные психологически, не въ видѣ китайскихъ тѣней и силуэтовъ, какъ воевода и мечникъ у Мальческаго, и не въ эмалевыхъ миниатюрахъ, какъ у Залѣскаго, но въ живомъ движеніи, въ борьбѣ и столкновеніи. Въ этомъ изображеніи характеровъ Гощинскій обнаружилъ громадный драматическій талантъ, котораго нѣтъ и задатковъ ни у Мальческаго, ни у Залѣскаго. Кровь его не пугаетъ, руки его не дрожатъ, когда онъ вскрываетъ живую грудь съ художественнымъ, почти шекспировскимъ безстрастіемъ, съ равнодушіемъ анатома. Гощинскій писалъ немного; онъ—украинскій поэтъ только по первому и капитальнѣйшему изъ своихъ произведеній, *Зажу Каневскому* (1828), заимствованному изъ кроваваго событія, хлопскаго бунта, извѣстнаго подъ именемъ „Колывицины“ (1768), укропченнаго и вывавшаго самаго жестокаго репрессалии со стороны польскаго правительства и помѣщиковъ. Содержаніе поэмы слѣдующее.

Въ окрестностяхъ Смилы родился и выросъ козаць Небаба, статный, смѣлый, ловкій молодець, который обольстиль дѣвушку изъ того же селенія, Ксенію. Ксенія была испорчена и каждую ночь она, бывало, ждала къ себѣ огненнаго летуна—любownika. Небаба изъ пустой шалости выдалъ себя за такого летуна; но когда Ксенія привязалась къ нему на дѣлѣ и стала его преслѣдовать своею докучливою любовью, то Небаба бросилъ ее въ Днѣпръ, а самъ бѣжалъ. Эти событія случились до начала поэмы. Ксенія спаслась какимъ-то образомъ

¹⁾ Ależ bo wówczas, ziemio starowiecka!
Dzisiejsze dziwy dziwami nie były:
Grały widomię niewidome siły
I pilnowały człowieka, jak dziecka.
W powietrzu, w drzewach, w kamieniu, pod wodą,
Krewne społecznice ludzie znajdowali,
Bo nie gardzili na ówczas przyrodą,
Bo ją jak matkę znali i kochali.

(Sobótka.)

²⁾ *Sobótka*. Zestawienie dwóch wieków i dwóch indywidualności; въ Tygodniku illustrowanym, 1875. №№ 867—875.

изъ воды, окончательно помѣшалась и бѣгала изъ селенія въ селеніе, растрепанная, дикая, какъ зловѣщее привидѣніе, предсказывающее недобрія событія. Страшныя событія готовились въ самомъ дѣлѣ: крестьяне точили ножи на пановъ, рѣзня готова была вспыхнуть. Ксенія появляется въ окрестностяхъ Канева—зámка, принадлежащаго знаменитому по своей лютости старостѣ Николаю Потоцкому. Зámокъ расположенъ надъ Днѣпромъ и господствуетъ надъ городкомъ того же названія. Въ зámкѣ живетъ и бывшій любовникъ Ксеніи Небаба, который, поступивъ на службу къ старостѣ, за свою смѣлливость, храбрость и расторопность, поставленъ начальникомъ надъ замбовыми козаками старосты. Онъ страстно влюбленъ въ козачку Орлику, которая имѣла несчастіе обратить на себя вниманіе управляющаго зámкомъ. Управляющій хочетъ на ней жениться и изобрѣтаетъ слѣдующую хитрость, чтобы вынудить отъ нея согласіе на этотъ бракъ. Братъ Орлики, козакъ, поставленъ ночью на часахъ близъ висѣлицы; управляющій сманилъ его съ поста и приказалъ во время его отсутствія снять трунъ съ висѣлицы. Вина ошлопнаго караульнаго такова, что онъ долженъ быть самъ повѣшенъ. Управляющій предлагаетъ Орликѣ на выборъ: или смерть брата или бракъ. Орлика рѣшается на послѣднее. Бракъ состоялся, Небаба внѣ себя отъ ярости; онъ клянется отмстить измѣнницѣ и ея Ляку, и навести на зámокъ гайдамаковъ, но на всякомъ шагѣ ему мѣшаетъ докучливая Ксенія, отъ которой онъ не можетъ никакъ отдѣлаться. Онъ ударилъ ее въ високъ и обезобразилъ, онъ ранилъ ее ножомъ, но несчастная любитъ его пуще прежняго. Небаба отправляется тайкомъ въ разбойничій лагерь Швачки, но Швачка, старикъ, тяжелый на подъемъ и пьяница, не рѣшается на предлагаемое Небабою предпріятіе; между тѣмъ, когда Швачка, охмѣлѣвши отъ горѣлки, лежитъ безъ чувствъ, Небаба увлекаетъ за собою всю его ватагу, разсыпаетъ гайдамакъ въ оврагахъ и кустарникахъ подъ самымъ Каневомъ, съ тѣмъ, чтобы въ слѣдующую ночь сдѣлать нападеніе—завладѣть зámкомъ. Когда Швачка, вытрезвившись, увидѣлъ себя всѣми оставленнымъ, хитрый старикъ смекнулъ въ чемъ дѣло и вздумалъ предупредить Небабу; онъ бѣжитъ въ Каневъ и возмущаетъ мѣщанъ. Ни Швачка, ни Небаба не знаютъ, что регулярное войско польское приближается къ Каневу и окружаетъ ихъ со всѣхъ сторонъ и собирается накрыть ихъ. Въ то же время несчастная Орлика, которой не въ терпезѣ брачное ложе, рѣшается зарѣзать мужа ночью. Раньше всѣхъ начинаютъ дѣйствовать Орлика и Швачка. Этотъ послѣдній врывается съ мѣщанами въ зámокъ, поджигаетъ его, вламывается въ комнаты управляющаго и находитъ тамъ трупъ и помѣшанную женщину, облитую кровью. Орлика бѣжитъ, ее преслѣдуютъ, бѣшеная погоня длится долго, преслѣдующіе взламываютъ дверь за

дверью, и узнаютъ, куда бѣжала несчастная, по кровавому отпечатку руки ея на стѣнахъ. Последнее убѣжище Орлики — главная башня замка; убійцы готовы проникнуть туда, но въ ту самую минуту обрушились стропила пылающаго зданія и въ его развалинахъ гибнуть и гонимая, и чернь, и самъ Швачка. Между тѣмъ Небаба, собравъ свою ватагу, направляется въ Каневскому замку, но наталкивается на регулярное войско. Происходитъ страшная сѣча, которую освѣщаетъ зарево отъ пожара замка и которая оканчивается тѣмъ, что раненаго Небабу Поляки берутъ въ плѣнъ. Замокъ не существуетъ, но на его дымящемся пожарищѣ побѣдители пытаются арестантовъ и совершаютъ казни. Небабу посадили на колъ, къ торчащему на деревѣ въ предсмертныхъ судорогахъ подбѣгаетъ Ксенія и ничѣмъ уже не удерживаемая кладетъ на замирающихъ устахъ страстный поцѣлуй. Поэтъ великолѣпно заканчиваетъ свой потрясающій разсказъ: „Когда духъ мой посѣщалъ побережье Днѣпра и останавливался на развалинахъ Канева, онъ отыскалъ еще слѣды ужаснаго дня гибели и разрушенія. По стѣнамъ алѣла еще кровь въ тѣхъ мѣстахъ, которыхъ касалась жена рукою, обогрелною въ крови мужа, спасаясь отъ преслѣдующихъ ее убійцъ; крови этой ничто въ свѣтѣ не могло смыть, на мѣсто смытыхъ выступали новыя пятна, но само тѣло несчастной преступницы обратилось въ пепелъ и разсыяно вѣтрами. Въ укромномъ уголку, прикрытомъ мягкою травой, духъ мой нашелъ пряди растрепанныхъ кудрей Ксеніи, въ которыхъ птичка свила себѣ гнѣздо. Тутъ же лежала сталь отъ оружія Небабы, перегорѣвшая и почеркѣвшая отъ огня; наконецъ, блуждая среди нагихъ череповъ, онъ откопалъ подъ обломками зданія торбанъ и одну только струну на этомъ торбанѣ. Ни годы, ни ненастья не могли помрачить золотистый блескъ этой струны, а любовникъ ея, вѣтеръ изъ сосѣдней рощи, каждую ночь повторялъ съ нею старое былое. Мыѣ полюбились ея хриплые звуки“.

Художественныя достоинства „Каневского Замка“ велики, но еще важнѣе значеніе его племенное и социальное; взять за предметъ поэмы фактъ историческій, еще недавній, крайне печальный для Поляка и изображенъ съ поразительнымъ безпристрастіемъ и съ глубокимъ и спокойнымъ пониманіемъ рокового характера кровавой рѣзни, которой можетъ позавидовать историкъ.—Нѣсколько лѣтъ послѣ того, тоже событіе поэтизировалъ потомокъ тѣхъ же героевъ, Шевченко, но его повѣствованіе о славѣ козацкой, „какъ ходили гайдамаки съ святыми ножами“, и о томъ, какъ Гонта передъ громадою „ривалъ“ собственныхъ дѣтей отъ католички, потому только что „вони—католики“ (Гонта въ Умани), противно по звѣрству и безчеловѣчности того, что выдается за геройство. Не будь языкъ, нельзя было бы узнать—сочувствія Гощинскаго на чьей сторонѣ. Для него противоположности уже сгладились;

пшякетство и возачество примирились въ царствѣ тѣней, „съ послѣднимъ дымомъ угасшаго пламени вернулись въ адъ демоны разрушенія, надъ побѣдителями и надъ побѣжденными усыпана травой поросшая могила“ (III, 29), а на могилѣ играетъ поэтъ на мѣдныхъ струнахъ своей лиры, предсказывая болѣе гуманное будущее.—Двухлѣтнее пребываніе между татранскими горами дало Гоцинскому матеріалъ для превосходнаго отрывка: „Суботка“ или праздниѣ Ивана Купалы, частицы недоконченной поэмы „Koscielisko“ (1834). Онъ написалъ еще стихами повѣсть *Anna z Nadbrzeża*, прозою фантастическій рассказъ *Czarzawami* (*Król zamczyska*, 1842) и мистическо-религіозное *Posłanie* къ Польшѣ (1856, изд. 1869).

Какъ ни замѣчательны были дарованія писателей украинской группы, не на ихъ долю, а на долю Мицкевича и Литвиновъ выпала слава полной и окончательной побѣды надъ узкими правилами, подражательностью въ поэзіи и старою рутинною классикою. Мицкевичъ образовался въ Вильнѣ, подъ вліяніемъ университетскаго преподаванія и коллективныхъ стремленій цѣлаго кружка молодежи, изъ котораго вышло весьма много другихъ, болѣе или менѣе талантливыхъ литераторовъ. Изъ профессоровъ онъ болѣе другихъ обязанъ филологу нѣмцу Эрнсту Гроддеку ¹⁾ и Леону Боровскому; не безъ вліянія на него остался основатель новой исторической школы въ Польшѣ, историкъ Лелевель. Намъ слѣдуетъ теперь перенестись мысленно въ литовскіе гѣсы и Ягеллово Вильно, изучить условія, при которыхъ совершилось поэтическое воспитаніе литовскаго гѣвца, а также очертить при этомъ случаѣ и личность Лелевеля, который у молодежи, учившейся въ Вильнѣ, начиналъ пользоваться большимъ авторитетомъ.

Преобразованный въ 1803 г., виленскій университетъ достигъ высшей степени процвѣтанія послѣ паденія Наполеона и вѣнскаго конгресса, при преобладаніи либеральнаго направленія въ дѣйствіяхъ правительства, подъ попечительствомъ князя Адама Чарторыскаго, при ректорахъ Янѣ Снядецкомъ и Симонѣ Малевскомъ. Старые профессора изъ іезуитовъ перевелись; для пополненія персонала выписаны были изъ-за границы, въ первыхъ годахъ XIX в., многіе ученые нѣмцы и итальянцы (Боянусъ, Гроддекъ, Лангдорфъ, Франкъ, Теронги, Капелли; ориенталистъ Мюнихъ). Лекціи читались по-польски, по-латыни и по-французски. Братья Снядецкіе отличались пуризмомъ въ языкѣ и понятіяхъ; литературу преподавали два классика, Евсевій Словацкій, отецъ Юлія, и Леонъ Боровскій; впоследствии, съ 1822, нѣмецкая трансцендентальная философія нашла даровитаго защитника въ лицѣ

¹⁾ Zyg. Węclewski, Wiadomość o życiu i pismach Godfr. Ern. Grodka. 1876. Kraków.

шеллингианца Иосифа Голуховскаго. Въ разнообразіи не было здѣсь, конечно, недостатка. Въ этотъ разношерстный, если можно такъ выразиться, университетъ, поступилъ сначала въ 1814 по 1818, потомъ вторично (послѣ кратковременнаго пребыванія въ Варшавѣ съ 1820 по 1824 годъ) на кафедре всеобщей исторіи Іоакимъ Лелевель, бывшій воспитанникъ того же университета, родившійся въ Варшавѣ въ 1786 г. ¹⁾ Первоначальное названіе этой фамиліи—Loelheffel a Loewensprung, и родомъ она изъ Пруссіи; дѣдъ Іоакима былъ королевскимъ лейбъ-медикомъ, отецъ совсѣмъ уже ополчился, получилъ въ 1777 г. польскій индигенатъ и былъ кассиромъ въ эдукаціонной комиссіи; сынъ и не подписывался иначе какъ „Mazur“, то-есть мазовецъ по происхожденію. Іоакимъ родился, можно-сказать, книжникомъ; страсть къ сочинительству и оригинальничанью обнаружилась въ немъ почти съ младенчества. Десятилѣтній мальчикъ дѣлалъ уже компілиціи, составлялъ извлеченія и таблицы изъ своихъ школьныхъ книгъ, и упрямился, несмотря на розги, продолжая давать субботѣ болѣе правильное, по его мнѣнію, названіе „шества“. Первые труды свои Лелевель сталъ издавать будучи студентомъ въ Вильнѣ (*Historika, Edda Skandinawska, Rzut oka na Herule* 1807, 1808). Всѣ силы и способности его ушли въ этотъ книжный міръ, такъ что для дѣйствительной жизни не осталось ничего. Въ жизни практической онъ былъ самый ненаходчивый человекъ и чудакъ; но умъ его, необыкновенно живой и дѣятельный, работалъ безпрестанно, сочетая, группируя все, чтб онъ вычиталъ и усвоилъ обширною своею памятью, и строя безчисленное множество смѣлыхъ и новыхъ гипотезъ. Такимъ образомъ въ этой счастливой въ научномъ отношеніи психической организаціи совмѣщались въ равной почти степени два рѣдкія условія, встрѣчающіяся обыкновенно врозь: необыкновенная усидчивость при усвоеніи себѣ самаго обширнаго и безвкуснаго матеріала, самыхъ сухихъ подробностей, и умъ самый индуктивный, способный по нѣсколькимъ чертамъ возстановить характеръ или событіе. При этихъ данныхъ замѣчалось еще и совершенное отсутствіе художественности и полная неспособность къ историческому живописанію угадываемыхъ и превосходно понимаемыхъ событій. Лелевель игралъ странную роль во всѣхъ совѣщательныхъ собраніяхъ, на примѣръ, на сеймѣ въ Царствѣ Польскомъ и въ составѣ революціоннаго правительства въ 1831 г., гдѣ онъ служилъ громоотводомъ для остальныхъ членовъ этого правительства; публика считала его

¹⁾ Автобіографія Лелевеля: *Przygody w poszukiwaniach i badaniu rzeczy nagodowych polskich, przez Joachima Lelewela. Poznań u Żupańskiego. 1858.* Его письма къ Гродзеку въ *Przew. nauk. i liter.* 1876. Изданіе его писемъ начато Жуланскимъ въ Познаніи въ 1878 г. Его корреспонденція съ Сенкевичемъ, *Roknał*, 1872. Его переписка съ Ф. Булгаринимъ въ «Библіотекѣ Варшавской», 1877.

радикаломъ, между тѣмъ какъ Лелевель, мысленно не соглашался съ товарищами и пожимая плечами, авторитетомъ своего имени санкціонировалъ мѣры и мнѣнія, которымъ иногда вовсе не сочувствовалъ. Но на кафедрѣ Лелевель былъ точно въ своей стихіи; какъ ученому кабинетному, знающему свѣтъ изъ книгъ и посредствомъ книгъ, ему нужны были для того, чтобы одушевиться, отрывокъ хроники, старый пергаментъ или древняя монета. У Лелевеля было всегда больше мыслей, нежели словъ; о внѣшности своего преподаванія онъ нисколько не заботился, такъ что онъ никогда не выучился совладать съ своимъ слогомъ, который у него былъ самый варварскій и запутанный, но вмѣстѣ съ тѣмъ лаконическій и оригинальный. Отвращеніе отъ рутинны и отъ торныхъ дорогъ заставило его изобрѣсти даже свое особенное правописаніе. Совершенный аскетъ, одинокій, безсемейный, дѣйствующій всегда особнякомъ, отрицающій пользу собирательнаго труда и ученыхъ обществъ, Лелевель работалъ съ трудолюбіемъ болландиста и вмѣстѣ чрезвычайно быстро, и производилъ страшно много, писалъ о самыхъ разнообразныхъ предметахъ—о судьбѣ древней Индіи и царствованіи Станислава-Августа, о меркантильной политикѣ Каролага, о древнихъ Славянахъ, куфическихъ монетахъ и о польскомъ летописцѣ Матвѣй герба Холева; передѣлывалъ старые учебники (Teodor Waga przegrobionu) и составлялъ новые (Dzieje powszechnie); выдавалъ руководство къ библиографіи (Bibliograficznyc Ksiąg dwoje) и древніе памятники польскаго законодательства (Księgi ustaw polskich i szlowskięskich). Лелевель далекъ былъ отъ всякой національной исключительности, съ такою же любовью относился къ корсунскимъ вратамъ св. Софіи въ Новгородѣ, какъ и къ гнѣзненской святинѣ, къ Руси какъ и къ Польшѣ ¹⁾. Въ польской исторіи онъ всего больше потрудился надъ періодомъ Пястовъ. Товарищи Лелевеля по виленскому университету не умѣли надлежащимъ образомъ оцѣнить его ²⁾, что и заставило его въ 1818 покинуть Вильно и искать счастья въ Варшавѣ; но молодежь осталась сердцемъ привязана къ изслѣдователю. Общество сожалѣло о его потерѣ, такъ что когда Лелевель былъ избранъ вторично по конкурсу въ 1821 г. на ту же кафедру, то возвращеніе его сдѣлалось настоящимъ торжествомъ. Оно памятно, между прочимъ, и по стихамъ, которые въ честь возвращающемуся написали

¹⁾ По вѣрствѣ Булгарина, онъ 1821 написалъ для «Сѣвернаго Архива» критику на исторію Карамзина. Любопытны письма Булгарина: «вся партія, господствующая въ министерствѣ, желаетъ смирить Карамзина за его неуваженіе къ Греціи, Риму, Фукидиду и Тациту.—Начало критики произвело сенсацію, рады ей Оленинъ, Сперанскій, Голицынъ. Всѣ говорятъ: что-жъ вашъ Лелевель, что онъ умоляетъ?...» и т. д.

²⁾ Янъ Снядецкий писалъ о Лелевелѣ Чарторискому: «это человекъ еще недоѣданный, немного недантъ въ вѣмцѣхъ всусь».

въ классическомъ еще стилѣ Мицкевича¹⁾. Впрочемъ, Лелевелю пришлось не долго быть профессоромъ. Въ Вильно назначенъ былъ преподавателемъ сенаторъ Новосильцевъ: начались строгія преслѣдованія студентскихъ обществъ; Лелевель былъ удаленъ отъ должности вмѣстѣ съ Голуховскимъ и многими другими товарищами. Онъ возвратился въ Варшаву, избранъ посломъ на сеймъ въ 1829 г., участвовалъ во всѣхъ его дѣйствіяхъ и былъ до самаго вонда повстанья членомъ революціоннаго правительства и предсѣдателемъ радикальнаго клуба. Онъ долженъ былъ бѣжать за границу и влечь горькую жизнь скитальца безъ денегъ, безъ книгъ, записокъ и извлеченій, на которые онъ потратилъ столько труда. Изгнанный изъ Франціи, онъ съ 1832 г. поселился въ Брюсселѣ, гдѣ и провелъ 29 лѣтъ въ страшной, но добровольной нищетѣ, передѣлывая, дополняя старыя сочиненія (*Polska, dzieje jej i gzeszu, w 12 tomach, 1851—1864*), издавая новыя работы по части нумизматики (*La numismatique du moyen âge, 1835*) и географіи (*Rythéas de Marseille, Géographie du moyen âge*), питаемая скудными гонораріями въ нѣсколько десятковъ или сотенъ франковъ за томъ, а иногда отказывая себѣ въ дровахъ и теплой пицѣ, чтобы приобрести какую-нибудь книгу или атласъ. Лелевель умеръ, имѣя 76 лѣтъ, въ 1861 г. въ Парижѣ, куда перевезенъ былъ друзьями передъ самую свою вончиною.

Этотъ кабинетный труженикъ и нелюдимъ основалъ цѣлую школу историческую, идеи которой господствовали до послѣдняго времени; только недавно явились оспариванія ихъ и опроверженія. Историческая теорія Лелевели была въ духѣ времени и представляла собою проявленіе, въ иной только сферѣ, того стремленія окунуться въ свою собственную національность, уразумѣть ея содержаніе, которое въ области искусства произвело романтизмъ и литературное возрожденіе.—Требовалось отыскать въ прошедшемъ черты столь особенныя и своеобразныя, которыхъ не найти ни въ какой другой исторіи, приискать этимъ особенностямъ корни въ старинѣ до-исторической, славянской, обусловить ростъ и успѣхи народа наибольшою вѣрностью его своему призванію, своимъ кореннымъ началамъ, а паденіе—отступленіемъ отъ

¹⁾ O, długo modłom nazwum będący na celu,
Znowuż do nas koronny znijdiesz Lelewelul...

Въ слѣдующемъ отрицѣ изображено направленіе преподаванія Лелевели:

A słóisce prawdy wachodu niezna ni zachodu,
Równie chętnie każdego plemionom narodu,
I dzień lubiące każdej rozszerzać ojszynie,
Wazystkie ziemie i ludy poszycza za bliźnie.
Z tąđ kto się w przenaświętszych licach jej zasieka,
Musz sobie zostawić szystą treść sąłowiska.

(Солнце истины не знаетъ ни востока, ни запада, оно охотно и безразлично даритъ день всѣмъ племенамъ и всякому отечеству, а потому тотъ, кто хочетъ наслаждаться его лучезарніемъ, долженъ быть вполне человекомъ).

этих началъ и подчиненіемъ навѣянному извѣію, иностранному. Это стремленіе очень знакомо и русскому обществу: въ историографіи оно произвело „Исторію“ Карамзина, эпосъ сложенія Россіи въ формѣ самодержавія С. Соловьева, взгляды московскихъ славянофиловъ. Разница между ними и историками школы Лелевеля та, что они величали и выводили изъ общеславянскаго источника свое специально-русское, а послѣдніе—свое специально-польское. Такимъ специальнымъ славяно-польскимъ началомъ являлось у Лелевеля вѣче, славянская община, народоправство. Онъ сильно скорбѣлъ, какъ демократъ, о порабощеніи кметей въ XI столѣтіи, чувствовалъ особое расположеніе къ великимъ собирателямъ польской земли, Болеславу Храброму и Ложтику; какъ республиканецъ въ душѣ, онъ въ сеймѣ видѣлъ только переработку древне-славянскаго вѣча, и съ этой точки зрѣнія относился свысока и критически ко всѣмъ бывшимъ въ ходу преобразовательнымъ теоріямъ XVIII вѣка, которыя стремились къ тому, чтобы преобразовать Польшу на иностранный ладъ, съузивъ свободу частнаго лица и заведя централизацію;—съуженное аристократизмомъ народоправство слѣдуетъ, по его мнѣнію, только расширить, чѣмъ и достигнется осуществленіе идеала, который уже былъ сознанъ былою Польшею въ ея счастливыя эпохи. Неодвѣнимою заслугою этой школы было приобрѣтеніе умственной самостоятельности во взглядахъ на собственное прошедшее; положительнымъ зломъ—идеализированіе всякихъ своеобразныхъ особенностей въ прошломъ, даже уродливостей, и несомнѣннымъ заблужденіемъ было предположеніе о какихъ-то апіорныхъ началахъ, присущихъ будто бы народности отъ самаго ея зарожденія и составляющихъ ея приваніе. Такихъ началъ нѣтъ ни въ какой бы то не было народности славянской, порознь вяттой, ни въ цѣломъ до-историческомъ Славянствѣ вообще.

Въ умственной жизни литовскихъ губерній, которая сосредоточивалась въ Вильнѣ, имѣли важное значеніе не только университетское преподаваніе, но и разнообразныя виленскія общества, къ организаціи которыхъ существовала всеобщая наклонность въ первой четверти XIX вѣка, еще не стѣсняемая позднѣйшими строгими законодательными запретами. Существовало повсемѣстно распространенное масонство, образовались союзы для забавы, развлечения, усовершенствованія въ наукахъ, литературѣ, имѣвшія свои серьезныя или шутковскія уставы. Одно изъ такихъ обществъ обязано было своимъ происхожденіемъ издаваемому съ 1817 года адъюнктомъ, секретаремъ и бібліотекаремъ виленскаго университета Казиміромъ Контримомъ (ум. 1836), еженедѣльнику: „Вѣдомости съ мостовой“ (Brukowe wiadomości). Контримъ образовалъ редакцію, редакціонный комитетъ этого изданія и составилъ общество *шубравцевъ* (проказниковъ), просуществовавшее съ

1817 по 1822 г., подъ предсѣдательствомъ съ 1818 г. знаменитаго химика и фізіолога Андрея Снядецкаго, брата Яна ¹⁾). Похожее во многихъ отношеніяхъ на „Арзамасъ“ ²⁾, это общество имѣло свои засѣданія и протоколы, своихъ сановниковъ, свои символическіе знаки: кубшинъ съ водою, aqua fontis, передъ предсѣдателемъ и лопата, которою постукивали стражники для востановленія порядка. Но подъ шутковствомъ скрывались болѣе серьезныя намѣренія, бичемъ сатиры преслѣдовались общественные пороки, косность, невежество. Шубравцы были продолжателями сатирическаго направленія Красицкаго и Нарушевича и исправителями нравовъ, подчинявшимся извѣстной дисциплинѣ; они обязаны были воздерживаться отъ пьянства, игры, читать, сотрудничать въ „Вѣдомостяхъ съ мостовой“. Шубравцы носили мисологическія названія литовскихъ божествъ; самый талантливый изъ нихъ, Андрей Снядецкій (Sotwagos), заимствовалъ изъ Свифтова Гулливера форму, которой потомъ подражалъ не разъ въ русской литературѣ виленецъ Сенковскій, въ рассказахъ барона Брамбеуса. Шубравцы комплектовались изъ людей болѣе пожилыхъ, были юристы, рационалисты и классици. Почти одновременно съ образованіемъ веселаго кружка болѣе пожилыхъ шубравцевъ, состоялся (1817) въ младшемъ поколѣніи между студентами товарищескій кружокъ изъ нѣсколькихъ лицъ (сначала 5, потомъ до 14), который чуждался всякихъ политическихъ цѣлей и ставилъ себѣ задачей усовершенствованіе и развитіе умственное и нравственное. Этотъ тѣсный кружокъ, сильно сплоченный и оставшійся негласнымъ — *филоматы*, послужилъ руководителемъ и ядромъ для другой болѣе обширной и совершенно явной организаціи такъ-называемыхъ *филаретовъ*. Нѣсколько сотъ студентовъ записались въ филареты; правила этого союза были утверждены въ маѣ 1820 г. ректоромъ Семеномъ Малевскимъ, въ которыхъ они названы: *bracia rozuytecznej zabawy*. Члены дѣлились по разрядамъ изучаемыхъ ими наукъ на отдѣленія. Группы работали порознь, бывали и общія собранія и прогулки за городъ. Душою какъ явнаго товарищества филаретовъ, такъ и руководящаго филоматовъ былъ Тома Занъ. Союзъ филаретовъ вполне однороденъ съ студентскими тугендбундами Германіи; время его образованія совпадало съ годами сильнѣйшей реакціи противъ этого рода союзовъ въ Европѣ и противъ всякихъ вообще обществъ въ Россіи. Въ 1822 г. послѣдовало распо-

¹⁾ Piotr Chmielowski, Towarzystwo Szubrawców i Iędrzej Śniadecki, въ Tygodniku Ilustrowanym, 1878, № 106 — 114. «Въ Русскомъ Архивѣ» 1874 помѣщенъ извлеченный изъ официальныхъ источниковъ, но лишенный критики и безъ всякаго значія для составленія очерка виленскихъ обществъ Баркатцева: «Изъ исторіи виленскаго учебнаго округа».

²⁾ Статья проф. Члѣйскаго унив. Игн. Домейки: List o Filaretach i Filomatach, въ изданіи Rocznik Towarzystwa historyczno-literackiego w Paryżu, 1870—1872.

ряженіе попечителя Чарторьскаго, имѣвшее послѣдствіемъ закрытіе товарищества филаретовъ, что не остановило въ 1823 г. слѣдствія надъ соучастниками въ немъ, которое поручено сенатору Новосильцову. Чарторьскій вышелъ въ отставку (1824), мѣсто его занялъ политическій противникъ его Новосильцовъ¹⁾, удалены отъ мѣстъ профессора Лелевель, Голуховскій, Даниловичъ,—блестящая эпоха существованія вилленскаго университета кончилась. Какъ ни кратковременна была дѣятельность филломатскаго братства, вліяніе его на входящихъ въ составъ его членовъ оказалось громаднѣмъ и чрезвычайно благотворнѣмъ: оно заключалось въ общеніи не только литературномъ, но и всестороннѣйшемъ нравственномъ; національность представлялась, вслѣдствіе указаннаго выше возрожденія ея въ романтизмъ, съ совершенно новой стороны, какъ нѣчто новое, еще неопредѣленное, но несказанно великое; чтобы усвоить ее себѣ необходимо переродиться и умственно, и нравственно, и обречь себя всецѣло на службу правды и добра. Въ строгости своей морали филломаты были еще бѣльшіе пуритане, нежели шубравцы, но не сатирики, а энтузіасты, не классики, а искатели новыхъ эстетическихъ формъ для передачи увлекающаго ихъ содержанія. Общество филаретовъ организовалъ Занъ, но съ первыхъ же поръ любимѣйшимъ изъ товарищей, о которомъ всѣ заботились и на котораго всѣ возлагали надежды, сталъ Мицкевичъ, для живнеописанія котораго въ послѣднія 15 лѣтъ собрано весьма много матеріаловъ. Эти данныя разъясняютъ до подробностей жизнь и дѣятельность характернаго лица, занимающаго дониндѣ кульминаціонное положеніе въ польской литературѣ²⁾. Мицкевичъ принадлежалъ къ числу тѣхъ рѣдкихъ поэтовъ, которые являются совершенно готовыми, во всеоружіи исполнѣ развитаго весьма многосторонняго дарованія, за то имѣютъ періодъ творчества сравнительно непродолжительный. Для Мицкевича этотъ періодъ продолжался съ изданія перваго сборника его стихотвореній, 1822, до окончанія „Пана Тадеуша“ въ 1834, но можетъ быть подраздѣленъ на двѣ разнохарактерныя части повстаніемъ 1830—31 года. Главные моменты въ жизни и дѣятельности поэта были слѣдующіе.

Адамъ Мицкевичъ родился въ селѣ Засовѣ близъ Новогрудка,

¹⁾ См. характеристику Новосильцова въ статьѣ Ципринуса (Пржецлавскаго): *Kalendarzkość wspomnień*, въ «Русскомъ Архивѣ», 1872, № 5.

²⁾ *Korrespondencja Adama Mickiewicza. Paryż, 2 tomu, 1870—1872. Wyodrędział A. Mickiewicza w sprawie Towiańskiego. 2 t. Paryż 1877. A. E. Odyńca, Listy z Podróży. Warszawa. 4 t. 1875—1878. Статья Ципринуса о А. М. въ Русскомъ Архивѣ, 1872 г. № 10. Статья г-жи Духинской въ 1 т. «Библиотеки Варшавской» 1871 г., въ отдѣленіи Иностранной Литературы. — Примѣчанія и прибавленія въ *Mélanges posthumes d' A. M.*, изданныхъ сыномъ Мицкевича въ Парижѣ: 1-я серия 1872, 2-я серия 1879. Уступъ з рamięтників М. Malinowskiego о pobycie A. M. w Petersburgu, въ *Kronika rodzinna*, 1875, str. 359, 377. W. Korotyński, *Kilka asceggółów o rodzinie, miejscu urodzenia i młodości A. M.* Wilno 1861. Alb. Gąsiorowski, *Ad. Mickiewicza od wyjazdu z Petersburga i Pan Tadeusz. Wadowice 1874.**

Минской губерніи ¹⁾, наканунѣ Рождества 24 декабря 1798 г. (слѣдовательно, пятью мѣсяцами раньше Пушкина, род. 26 июня 1799 г.), и происходилъ изъ стараго литовскаго рода Рымвидовъ-Мицкевичей, имѣющихъ гербъ Порай и княжескую митру въ этомъ гербѣ. По средствамъ, шляхта эта была мелкая; отецъ Мицкевича Николай, безпомѣстный, владѣлъ только домикомъ въ Новогрудѣ и адвокатствовалъ, держа довольно многочисленную семью изъ пяти сыновей, изъ которыхъ одинъ, Александръ, былъ потомъ профессоромъ римскаго права въ харьковскомъ университетѣ. Адамъ былъ въ числѣ братьевъ по порядку второй. Хилаго и слабого ребенка обронула неосторожно мамка изъ окошка; чудесное спасеніе семья приписала заступничеству Богородицы Остробрамской ²⁾. На десятомъ году Адама отдали въ училище къ отцамъ доминиканамъ, въ Новогрудѣ. Въ 1812 г. онъ, имѣя 14 лѣтъ, былъ свидѣтелемъ величайшаго событія первой четверти XIX в. — похода Наполеона на Россію, совершавшагося при пробужденныхъ патріотическихъ надеждахъ, возлагаемыхъ большинствомъ Поляковъ на Наполеона, между тѣмъ какъ гораздо меньшая ихъ часть надѣялась на Александра. Это событіе, какъ лучезарное видѣніе, ослѣпило пылаго юношу и навсегда врѣзалось въ его память. Домъ его родителей заняли на главную квартиру короля Вестфальскаго (Од., III, 54). Съ Наполеономъ шли польскіе легіонисты, бѣлые орлы слѣдовали вмѣстѣ съ золотыми орлами первой имперіи. Оба представленія связались неразрывно въ душѣ Мицкевича ³⁾, который ушнвался видомъ героевъ-усачей, поглядывая на нихъ украдкою изъ-за домашняго забора, и который съ тѣхъ поръ сдѣлался наполеонистомъ, предсказывалъ въ Римѣ, въ 1829 году (Од., III, 49), возвращеніе на престолъ династіи и пѣталъ въ узнику св. Елены родъ культа, дѣлавшагося подъ конецъ жизни все болѣе и болѣе мистическимъ. Мицкевичъ учился хорошо, а такъ-какъ дядя его въ Вильнѣ, всендѣзъ Іосифъ Мицкевичъ занималъ должность декана факультета естественныхъ наукъ, то его и направили было въ

¹⁾ Kongser. Adam. Mick. I, 228, list Aleks. Mick.

²⁾ «Панъ Тадеушъ», 1 пѣсня, переводъ Берга, 1875, стр. 4:

Какъ умирающій лежалъ я на одрѣ

И ты спасла меня, Заступница святая.

Сравни «Путешествіе» Одннда, III, 69.

³⁾ «Годъ присвопаметный, великій и единый,
Останешься въ Литвѣ священной ты годяной!
Ты, урожайная красавица—весна,
Вѣкъ будешь снится намъ, обильна и красна
Густыми алавами и вонновъ одеждой,
Грозами славныхъ битвъ и ясною надеждой.
Досель переносясь въ минувшіе года,
Тебя какъ сладкій сонъ я вижу иногда
И скорбію повять, лью слезы и тоскою:
Увы! я въ жизни зналъ одну весну такую!...» (пѣсня XI).

1815 г. къ этому дядѣ, въ надеждѣ помѣщенія въ университетѣ на казенный коштѣ. Вакансія была одна, а соискателей двое: Адамъ, предлагаемый деканомъ, и Тома Занъ, предлагаемый Контримомъ. Оба соискателя, тутъ же, при первой встрѣчѣ на испытаніи, подружились, стипендію получилъ Мицкевичъ, а Зана взялъ къ себѣ Контримъ (Од. I, 359). Оба поступили на филологическій факультетъ, оба писали стихи, оба прошли строгую школу классическаго вкуса на лекціяхъ и упражненіяхъ у Леона Боровскаго. Мицкевичъ сильно вчитывался въ переводъ Тасса Петра Козановскаго и въ Трембецкаго, знакомился съ древними Римлянами и Греками посредствомъ Гроддека, со взглядами на всеобщую исторію посредствомъ Лелевели, но первые его опыты въ поэзіи не обѣщали ничего особеннаго,—то были опыты въ дидактическомъ родѣ. Такова *Городская зима* (напеч. 1818 г. въ *Tygod. Wilen.*), изображеніе зимнихъ забавъ и удовольствій въ городѣ. Въ томъ же классическомъ стилѣ написаны впоследствии стихи къ Іоахиму Лелевели, къ доктору С., поэма „Шашки“. Поэтъ долго носился съ замысломъ большого произведенія, на половину эпическаго, на половину описательнаго: „Картофель“, хотѣлъ въ героической части изобразить открытіе Америки, а въ дидактической — представить очеркъ земледѣлія и сельской жизни. Но эти классическія упражненія вскорѣ были оставлены: волна романтизма подмывала почву, починъ въ стремленіи къ новому данъ былъ Заномъ, одна изъ его элегій поразила Мицкевича непосредственностью чувства при простотѣ содержанія и навела на мысль, что поэзію надобно исвать въ „правдѣ“ жизни, а не наоборотъ (Од., I, 356). Они жили, въ 1818, въ стѣнахъ университетскихъ, на томъ же корридорѣ квартировалъ профессоръ русской литературы Чернявскій, сынъ котораго, любимый ими мальчикъ, прочиталъ имъ однажды съ восторгомъ, который раздѣлили и слушатели, заученную имъ появившуюся балладу Жуковскаго — *Людмилу*, передѣлку Бюргеровой „Леноры“. Оба стали писать баллады, сначала Занъ, потомъ Мицкевичъ ¹⁾. Первая баллада Мицкевича, *Лилии*,

¹⁾ Сынъ Мицкевича, Владиславъ, помѣстилъ во 2 серіи (1879) *Mélanges posthumes d'A. M. dix безименныя повѣсти прозою, извлеченныя изъ Tygodnik Wilenaki за 1819 г. «Живилу» и «Карилу», будто бы написанныя отцомъ его, о чемъ онъ узналъ отъ какого-то (не названнаго) друга отца. Единственныя доказательства принадлежности М. этихъ повѣстей заключается какъ въ этомъ весьма неопредѣленномъ преданіи, такъ и въ томъ, что дѣйствующимъ лицомъ въ «Карилѣ» является рыцарь Порай, а Порай есть названіе герба Мицкевича и одно изъ лицъ, введенныхъ въ отрывкахъ 1 части «Дядювъ». Эти доказательства кажутся намъ недостаточными и неубѣдительными. Обѣ повѣсти ни по бѣдному своему содержанію, ни по тусклому слогу не обличаютъ дарованія ни одному чертовъ, въ нихъ не видно ни той образности, которою запечатлѣны первые опыты М. въ классическомъ родѣ, ни того вѣянія новаго духа, пониманія и усвоенія себѣ поэзіи простионародной, которыми проникнуты всѣ съ 1818 романтическія произведенія М. Не можетъ быть, чтобы Мицкевичъ, передававшій Однцу всѣ обстоятельства, сопровождавшія рожденіе своей поэзіи, умолчалъ и передъ нимъ и передъ всеми другими объ этихъ повѣстяхъ, еслибы онѣ имъ были написаны.*

написана по простонародному сказанію, съ примѣсю неизбежныхъ жертвоцвѣтв и привидѣній. За „Лиліями“ послѣдовали другія. Освободившись уже значительно отъ этихъ романтическихъ аксессуаровъ, Мицкевичъ, передавалъ въ 1829 и 1830 г., въ бесѣдѣ Одынку свою исходную точку зрѣнія въ творчествѣ, точку зрѣнія, съ одной стороны вполнѣ *реалистическую*, съ другой—*религіозную*. Источники поэзіи: дѣйствительность и правда. Поэзія рождается, когда поэтъ почувствовалъ и полюбилъ *свое собственное* (т.-е. народное). Предметы и чувства, заимствованные изъ книгъ,—тоже что засушенные или искусственные цвѣты (I, 343). Мицкевичъ имѣлъ самое невыгодное мнѣніе о „Возрожденіи“, погрузившемъ духъ художниковъ въ цѣлое море раздражительности (Од., III, 22). Возрожденіе, по его понятіямъ, умертвило чрезъ эту раздражительность языческому, поэзію христіанскую, уже развивавшуюся въ правдѣ средневѣковаго чувства (I, 139), но и простонародную поэзію онъ не обоготворялъ. Простонародная поэзія—не источникъ поэзіи; она черпаетъ непосредственно и то рукою, точно сельская дѣвушка воду ключевую, которая потомъ будетъ проведена въ городъ на фонтаны, посредствомъ водопроводовъ (I, 343). Сущность романтизма состоитъ въ томъ, что романтики пишутъ, имѣя передъ собою *науку* правду, точно живое тѣло, а классики довольствуются манекенами (IV, 301). Классики разумѣютъ подъ формами лишь архитектонику мысли и реторику слога; Мицкевичъ же подъ формою понималъ гармонию, тонъ и колоритъ слова, которые даже независимо отъ содержанія производятъ уже поэтическое впечатлѣніе. Но Мицкевичъ никогда не отдѣлялъ въ поэзіи эстетическаго отъ этическаго. Особенность и времени, въ духѣ котораго было стремленіе ко всестороннему возрожденію, и того кружка молодежи, въ которомъ развивался Мицкевичъ, составляло то, что правда поэтическая разсматривалась только какъ одно изъ средствъ правды моральной, которой міръ жаждетъ и къ которой онъ прокладываетъ себѣ дорогу чрезъ искусство, но не искусство отжившее, придворное, манерное, раздражительное, а чрезъ извлеченіе изъ дѣйствительности новыхъ эстетическихъ формъ, искомыхъ въ простонародной поэзіи, въ которой натура всегда преобладаетъ надъ искусствомъ (I, 138). Однако и простонародная поэзія не могла быть для Мицкевича тѣмъ, чѣмъ была она для Гоцинскаго: альфою и омегою; она слишкомъ узка по своему умственному кругозору и элементарна. Главный ключъ, изъ котораго струится высшее поэтическое вдохновеніе есть религіозность, есть откровеніе правды душъ, смиреніемъ проникнутой и расположенной къ ея воспріятію. Отъ начала и до конца своей умственной дѣятельности Мицкевичъ былъ и остался поэтомъ наиглубочайшимъ, образомъ религіознымъ. Къ религіозности этой его располагали и первыя силь-

нѣйшія впечатлѣнія дѣтства, культъ къ испѣлительницѣ-Богородицѣ, воспоминаніе о первомъ причащеніи ¹⁾, и собственный темпераментъ, расположеніе къ состояніямъ души экстагическимъ, къ творчеству внезапному, по находящему нечаянно вдохновенію. Онъ былъ импровизаторъ, могъ по часамъ цѣлымъ говорить стихами, лицо горѣло румянцомъ, глаза сіяли, порою онъ даже не могъ и объяснить смысла всего того, что высказалъ въ моментъ, когда, по выраженію Пушкина, „быстрый холодъ вдохновенія власы подымалъ на челѣ“. Товарищи знали и уважали этотъ мистическій уголокъ, эту святиню личныхъ ощущеній и религіознаго чувства, о которыхъ Мицкевичъ не любилъ и разговаривать, а тѣмъ меньше разсуждать. Общество тогдашнее вообще не отличалось благочестіемъ, оно находилось въ живомъ и близкомъ сопривосновеніи съ ученіями энциклопедистовъ и идеями французской революціи, но вмѣстѣ съ тѣмъ сказывалась тогда уже въ цѣлой Европѣ реакція противъ матеріалистическихъ ученій XVIII в.: въ польскомъ обществѣ эта реакція заставляла общество окунуться въ консервативнѣйшія начала духа народнаго, — въ его прошедшее, въ его вѣрованія. Если закоренѣлый раціоналистъ Янъ Снядецкий вслѣдствіе этой потребности становится искренно религіознымъ, міря разсудочно крайнія противоположности, то наоборотъ, при полномъ свободомысліи, отличавшемъ виленское университетское преподаваніе и при индифферентизмѣ молодежи къ исполненію религіозныхъ обрядностей, молодые люди, являя себя романтиками и антираціоналистами, сразу допускали реальное существованіе вещей, о которыхъ, по словамъ Гамлета, и не снилось нашимъ философамъ, считали чѣмъ-то совершенно возможнымъ непосредственное общеніе и съ личнымъ Богомъ и съ невидимымъ міромъ духовъ. Между двумя поколѣніями, изъ которыхъ во главѣ одного стояли Снядецкіе (раціонализмъ и положительная религія), а въ другомъ — молодые люди, ищущіе выраженія для новаго міросозерцанія, произошли разрывъ и столкновеніе. Рознь эту формулировалъ Мицкевичъ, ставя боевую программу новаго направленія въ своей балладѣ: *Романтичность*, — гдѣ введены на сцену дѣвушка, воображающая, что она разговариваетъ съ умершимъ своимъ любовникомъ, толпа, которая молится за душу умершаго, вѣруя, что эта душа витаетъ гдѣ-нибудь по близости отъ любимой женщины, и мудрецъ со стеклышкомъ (хотя онъ и не названъ, но очевидно передъ поэтомъ носился образъ Яна Снядецкаго), который гласитъ съ само-

¹⁾ Густавъ въ *Dziady*, IV, по варианту въ парижскомъ изданіи Мицкевича. 1860, III, 157: «Помнишь, когда ты былъ девяти или десяти лѣтъ, и впервые въ восторгѣ духа сталъ ты на колѣни у перилъ, сокрушенный... и вдругъ на алтарѣ отверглась заваясь, блеснула чаша, зазвенѣли колокольчики и священникъ вложилъ въ твои уста Божье Тѣло?...—Охъ, тогда мнѣ повезало, что моя душа разстается со мною».

увѣренностью: вѣрите моему глазу и стеклу, я ничего не вижу; духи—плодъ кабачной черни, выкованные въ кузницѣ глупости, дѣвушка бредить, а чернь хулу возлагаетъ на разумъ. Поэтъ отвѣчаетъ мудрецу: „дѣвушка чувствуетъ, а чернь глубоко вѣруеть, чувство и вѣра сильнѣе для меня мудрецова глаза и стеклышка. Тебѣ знакомы мертвыя правды, чуждыя народу, ты видишь ихъ въ былинкѣ, во всякой звѣздной искрѣ, но не знаешь правды живой, не увидишь чуда: *imty serdce i gady o serdce*“! ¹⁾). Въ этомъ обращеніи къ чувству кроется и великая сила и вся односторонность польскаго романтизма вообще и направленія Мицкевича въ особенности. Необходимо было одолѣть рутину и сухую математическую дедукцію, онѣ и были превзойдены посредствомъ новыхъ приемовъ творчества, новыхъ методовъ умствования и углубленія области изслѣдованія; но у молодыхъ бойцовъ было сознаніе силы безъ пониманія, въ чемъ она заключается, и новое направленіе опредѣлялось въ смыслѣ отрицанія рефлексіи, въ смыслѣ утвержденія господства чувства надъ умомъ, котораго роль только подначальная. Настоящую правду, по мнѣнію Мицкевича, недостаточно было знать, необходимо еще проникнуться ея свѣтомъ и теплотою, тогда только будешь дѣйствовать какъ солнце, а не какъ зеркало, отражающее лучи и пускающее зайчики (III. 283). Баллады слѣдовали одна за другою; самая сильная производительность началась въ то время, когда Мицкевичъ, окончивъ университетъ повинулъ Вильно и былъ опредѣленъ въ Ковнѣ учителемъ латинскаго языка. Между ковенскимъ учителемъ и его друзьями въ Вильнѣ существовала тѣснѣйшая связь; они его навѣщали, пѣли его пѣсни, думали о пріисканіи средствъ отправки его для усовершенствованія за границу и для напечатанія перваго сборника его стихотвореній. Онъ пріѣзжалъ самъ читать „Оду къ молодости“, „Гражину“. Въ ихъ кругу стало несомнѣннымъ фактомъ, что родился великій поэтъ, когда еще никто изъ старшихъ о немъ не зналъ. Во время учительства въ Ковнѣ, продолжавшагося съ 1820 по 1823 годъ, душу поэта взволновала первая сильная страсть, которая по словамъ друзей (Когг. II, 6), оставила слѣды точно пожара въ лѣсу. Этотъ первый романъ крайне простъ и несложенъ. Въ 1818 г. во время каникулъ Занъ завезъ Мицкевича къ знакомымъ богатымъ помѣщикамъ Верещакамъ, въ Новогрудскомъ уѣздѣ, въ селѣ Плужавахъ, въ усадьбѣ Тутановичахъ, на берегу озера Свитези. Здѣсь Мицкевичъ влюбился въ красивую блондинку, Марію, чувствительную, но положительную женщину, которая любила съ нимъ читать, играть въ шашки и мечтать, но, не колеблясь и, какъ кажется, безъ всякой борьбы съ собою, отдала руку и сердце подходящему жениху, моло-

¹⁾ Dziady, IV: «Какъ волкъ или какъ астрономъ глядятъ они на небо»...

дому зажиточному и весьма образованному помѣщику, Лаврентію Путкаммеру, великому притомъ поклоннику поэтическаго таланта Мицкевича. Мицкевичъ нашелся почти въ такомъ же положеніи, какъ Гёте между Лоттою и Кестнеромъ, хотѣлъ стрѣляться съ счастливымъ соперникомъ, испыталъ адскія муки, тѣмъ болѣе страшныя, что добродушное безупречное отношеніе къ нему счастливой четы, предлагающей ему искреннюю дружбу, не давало возможности претендовать въ „Марылѣ“ и на нее жаловаться, такъ какъ, по его же признанію, она его не вызывала на любовь и не обнадеживала никогда ни словечкомъ ¹⁾. Передъ выходомъ замужъ она съ нимъ объяснилась и взяла съ него слово—если не забыть о ней, то совладать по крайней мѣрѣ съ своимъ чувствомъ. Какъ у Гёте, блеснула и у Мицкевича мысль о самоубійствѣ. Мицкевичъ продолжалъ у Путкаммеровъ иногда бывать (Когт. I, стр. 4), болѣлъ, чуждался людей, искалъ уединенія въ пустынѣйшихъ мѣстахъ ковенской долины на Нѣманѣ, скорбя и сокрушаясь, поддерживая себя только непомѣрнымъ употребленіемъ кофе и трубки. О силѣ чувства, доводившей его до отчаянія, до безумія, можно судить по его продолжительности. Весною 1823 во время посѣщенія Мицкевича Одинцемъ, въ Ковнѣ, Мицкевичъ, читая свой переводъ Чайльдъ-Гарольдова прощанія, пришелъ въ такое волненіе при словахъ: „зачѣмъ мнѣ плавать, по комъ и о комъ, когда никто обо мнѣ не плачетъ“, что блѣдный какъ полотно упалъ въ обморокъ. Ближайшіе друзья Мицкевича не смѣли напоминать ему о Марылѣ. Много лѣтъ послѣ какъ этихъ страданій, такъ и посвященія „Сестрѣ своей Марылѣ“, изданнаго въ 1823 второго тома стихотвореній, въ которомъ онъ проситъ ее воспоминанія любовника принять отъ руки брата, — рана сердца открылась опять въ 1829 г. При переездѣ Мицкевичемъ Альпійскихъ горъ въ Сплугенѣ, призракъ Марыли воскресъ и поэтъ писалъ слѣдующее: „Итакъ не могу я разстаться съ тобою, никогда, никогда; плывешь ты моремъ за мною и идешь по сушѣ; я вижу на ледникахъ твои блестящіе слѣды и голосъ твой слышу въ шумѣ альпійскаго водопада“. Испытанное имъ сильное глубокое потрясеніе воспламенило и окрылило его дарованіе. Какъ только улеглись первыя судороги раздраженнаго чувства, обнаружилась характернѣйшая особенность психической организаціи Мицкевича, необыкновенная мужественная чувствительность, дѣлающая его способнымъ ощущать несравненно сильнѣе другихъ и радость и горе и тотчасъ же сплавлять ихъ и претворять въ произведенія искус-

¹⁾ -Увлекла ли меня двусмысленнымъ словечкомъ? Должна ли вызывающе увлекать?... Гдѣ ея клятвы, какія обѣщанія? Давала ли мнѣ она хотя бы во снѣ надежду? Нѣтъ, нѣтъ, самъ я питаю воображаемые призраки; самъ я приготавливалъ ядъ, сводилъ меня съ ума-. (Dziady, IV).

ства—не при посредствѣ рефлектирующаго воображенія, какъ дѣлалъ Гёте, но со всею непосредственностью и теплотою первыхъ ощущеній. Эту способность онъ сознавалъ и изобразилъ въ крымскомъ сонетѣ *Аюдая*, въ которомъ сравнилъ переживаемое поэтомъ съ волною моря, которая, уходя, оставляетъ на берегу раковины и жемчужины. „И въ твоемъ сердцѣ, молодой поэтъ, страсть подымаетъ бурныя невгоды, но едва ты взялъ лиру, какъ она, безъ вреда для тебя, бѣжитъ погружаться въ забвеніе, роняя за собою безсмертныя пѣсни, вѣнцомъ которыхъ вѣка украсятъ твое чело“. Его энтузіазмъ для всякой великой идеи былъ пламенный, активный, потрясающій всѣ нервы, напрягающій всѣ мышцы воли, далекій отъ идеальной мечтательности Шиллера, никогда не забывавшаго о неосуществимости абсолютнаго добра, о томъ что *das Dort ist nimmer hier*. Его любовь къ добру не была платоническая, не отдѣляла слова отъ дѣла, и направляема была вѣрою на достиженіе даже несбыточнаго и невозможнаго. Таковъ смыслъ его извѣстной „Оды въ юности“ (напеч. впервые 1828, но написанной гораздо ранѣе), сдѣлавшейся марсельскою молодого поколѣнія. „Кто, бывъ ребенкомъ, въ колыбели еще обезглавилъ гидру, тотъ, возмужавъ, задавитъ кентавровъ, исторгнетъ жертвы у ада, взойдетъ на небо за лаврами. Хватай, чего взглядъ не емлетъ, ломи, чего разумъ не сломить. О юность! орлиная—сила твоего полета и молніеносна твоя рука. Друзья! рука въ руку! онопшемъ земной шариче, соединимъ мысли и духъ въ одинъ фокусъ. Впередъ, впередъ, мѣръ-громада, мы толеваемъ тебя на новыя пути, пока освободившись отъ заплесѣлой коры, не вспомнишь ты зеленые года!“ На первыхъ порахъ послѣ того, что, не будучи измѣною со стороны Марыли, отравило однако жизнь поэта, книги ему опостыли, развлекалъ его только Байронъ, котораго онъ обожалъ за его, по понятіямъ Мицкевича, правдивый реализмъ и въ которомъ впоследствии находилъ много сходнаго съ другимъ своимъ любимцемъ — Наполеономъ (Когг. I, стр. 5; *Mélanges*, I, 269). Затѣмъ онъ искалъ испѣленія, какъ и Гёте, въ томъ, что отдѣлился отъ своей любви своимъ произведеніемъ. Онъ изобразилъ романъ этой любви, въ IV части, широко задуманной, но никогда не оконченной *тетралогіи* „Дяды или Поминки“, которой планъ и сюжетъ, вслѣдствіе неоконченія дѣла, навсегда останутся загадочны, значеніе же имѣютъ отдѣльныя только части, изъ которыхъ въ 1823 изданы въ 2-мъ томикѣ „Стихотвореній“ 2-ая и 4-я ¹⁾. Заглавіе поэмы случайное и не объясняетъ ея

¹⁾ Лекціи Стан. Тарновскаго о «Дядахъ» въ Biblioteka Warszawska, 1877, II 185; P. Chmielowski, Kobiety Mickiewicza, Słowackiego i Krasińskiego. Warszawa 1873; W. Cybulski, Dziady Mickiewicza. Poznań, 1883; L. Siemieński, Religijność mistyka w życiu i poezjach Mickiewicza. Kraków, 1871.

свѣта. Въ римско-католической церкви день 2 ноября (день *задушный*) посвященъ памяти умершихъ предковъ. По обычаю, восходящему ко временамъ языческимъ и сохраняющемуся несмотря на противодействие со стороны духовенства, простой народъ собирается въ этотъ день на кладбищѣ, ставитъ на могилахъ яствы и напитки и угощаетъ ими мертвецовъ. Поэтизированію этого обряда, который по своей связи съ міромъ духовъ и по своей простонародности вполне отвѣчалъ требованіямъ романтизма, вѣровавшаго въ обновленіе поэзіи посредствомъ введенія въ нее живьемъ простонародныхъ повѣрій, посвящена 2-я часть „Дзядовъ“. Въ уединенной капищѣ на кладбищѣ собрались крестьяне, при изображеніи которыхъ поэтъ не отдѣлялся еще отъ преданій классической идилліи. Нота—простонародная, слогъ—цвѣтистый, а дѣйствующія лица—пастухи, пастушки, хоръ и главное лицо—гусярь, знахарь и волхвъ, который зажатіемъ огня въ темнотѣ и заклинаніями вызываетъ страдающія въ аду или блуждающія въ чистилищѣ души, чтобы ихъ напоить, накормить и отогнать съ Богомъ, когда имъ нельзя уже ничѣмъ болѣе помочь. Является постепенно рядъ видѣній, то ясныхъ, то страшныхъ; балованныя дѣти, вымаливающія зернышко горчицы, потому что не попадетъ въ небо человекъ, не испытавшій горечи ни разу; жестокий панъ помѣщикъ, котораго терзаютъ вороны и совы—замученные имъ мужики; безсердечная красавица, только игравшая любовью другихъ. Переходомъ къ слѣдующимъ частямъ служитъ появленіе духа самоубійцы изъ любви, неподдающагося заклинаніямъ и исчезающаго только тогда, когда вывели изъ капища женщину, изъ-за которой онъ наложилъ на себя руку. Этотъ рядъ сценъ красивыхъ и граціозныхъ, полу-фантастическихъ, но съ фантастичностью дѣланною, до извѣстной степени машинною—служитъ только предлюдію и имѣетъ значеніе простого аксессуара, фона, рамки для послѣдующаго. Такое же значеніе аксессуаровъ, романтической шелухи, которую можно, какъ несущественную, выбросить, имѣютъ по смерти автора изданные ковенскіе отрывки первой части „Дзядовъ“. Дѣвушка, начитавшаяся моднаго въ свое время романа *Valérie* г-жи Брюднеръ, мечтаетъ о сродствѣ душъ и о атомахъ, которымъ предопредѣлено соединиться и которые себя взаимно ищутъ; есть и *Густавъ*, котораго имя заимствовано изъ романа г-жи Брюднеръ. Ведомый гусяромъ хоръ народа отправляется на кладбище. Единственная личная черта замѣтна лишь во вставной легендѣ о *Порай* (гербъ Мицкевича), любовникъ Марыли, который окаменѣлъ по поясъ, но можетъ быть спасенъ, если разбить волшебное зеркало; Порай до такой степени сжился со своимъ страданіемъ, что, вмѣсто того, чтобы разбить зеркало—поцѣловалъ его, вслѣдствіе чего весь превратился въ камень. Третьей части „Дзядовъ“ вовсе нѣтъ; то, что

носить это заглавіе, написано поддѣе, въ Дрезденѣ, и изображаетъ слѣдствіе Новосильцова надъ филаретами, событія 1824 г., преображеніе невиннаго мечтателя въ гѣвца и дѣятеля политическаго. Вся суть изданнаго въ 1823 г. подъ неопредѣляющимъ ничего именемъ „Дядювъ“ заключается въ 4-й ихъ части, и притомъ въ этой четвертой части интересна вовсе не фабула, которая обнаруживаетъ свойства молодой еще руки, не приобыкшей владѣть волюнъ идеею, сдѣлать произведеніе впослѣ осмысленнымъ, сдѣлать замыселъ полностью прозрачнымъ. Въ „задушный“ день старикъ вдовецъ всендѣ садится ужинать съ дѣтвми. Входитъ странникъ, одѣтый въ листья, цвѣты и лохмотья, съ кинжаломъ у пояса, съ дикими выходками. Его принимаютъ изъ состраданія и угощаютъ. Въ этомъ, повидимому, сумасшедшемъ всендѣ мало-по-малу узнаетъ любимаго ученика своего Густава. Въ чередующихся на устахъ Густава смѣхъ и стонъ, извѣстной ироніи и безпредѣльномъ горѣ есть однако связь и логика, но логика страсти. Юноша раснабилъ воображеніе книжными романами и искалъ идеальной любовницы, которой нѣтъ въ подсолнечной; онъ ее однако нашелъ и испыталъ всѣ блаженства любви (среди этого разсказа прошелъ *первый* часъ любви и погасла одна свѣча въ избѣ всендѣ). Но любимая женщина оставляетъ юношу, беретъ съ него слово забыть ее, отдастъ руку другому. Съ растерваннымъ сердцемъ Густавъ посѣщаетъ бесѣдку послѣдняго свиданія, проникаетъ украдкой между пирующихъ на свадьбѣ, и падаетъ за-жертво безъ чувствъ; потомъ онъ готовится идти убить выродившееся чудовище, потомъ смягчается, вспоминая ея доброту, то, что она его ничѣмъ не обнадеживала. Гордость мужчины беретъ верхъ надъ страданіемъ, онъ проситъ всендѣ передать ей, что онъ былъ веселъ, что онъ ее забылъ, что, танцуя, онъ упалъ, ушибся и умеръ—но въ тоже время пронзаетъ самъ себя кинжаломъ. Въ этотъ моментъ гаснетъ другая свѣча, кончился часъ *отчаянія*, привидѣніе должно бы исчезнуть, но оно остается, на цѣлый третій часъ *предостереженія*. Густавъ—не человѣкъ, а привидѣніе, духъ его обреченъ на то, чтобы ежегодно въ задушный день перестрадать опять выстраданное, доведшее его до самоубійства. Всендѣ онъ убѣждаетъ не мѣшать народу справлять Дядю. Все кругомъ наполнено такими страдающими духами, въ сундукѣ кается духъ сребролюбца въ видѣ червячка толкача, на свѣчку летитъ тусклый рой ночныхъ мотыльковъ: цензоровъ и мраколюбцевъ. Не понятно въ этой фабулѣ: кто Густавъ? сумасшедшій или несумасшедшій, а только болѣющий субъектъ, и притомъ не ясно, привидѣніе ли онъ или живой человѣкъ? Приврачнаго въ немъ ничего нѣтъ, всѣ его чувства въ высшей степени реальны. Ему, несчастному страдальцу, незачѣмъ собственно и баяться и казниться; поэма вовсе не построена на богослов-

ской идеѣ о грѣховности самоубійства, задача состоитъ въ мотивированіи неизбежности рокового финала и цѣль поэтическая достигнута: возбуждено сильнѣйшее состраданіе въ несчастному. Фантастическій элементъ введенъ, но онъ не существуетъ,—устранимъ его: представимъ, что свои страданія передастъ живой человѣкъ—и въ результатъ получимъ произведеніе колоритнѣе страданій Вертера и потрясающее еще сильнѣе. Призраки и фантастическое введены по примѣру „Фауста“ Гёте, а еще болѣе подъ вліяніемъ „Манфреда“. Байрономъ ограничивался въ то время Мицкевичъ, оставивъ даже и Шекспира, чрезъ котораго передъ тѣмъ онъ протискивался съ лексикономъ въ рукѣ, точно богачъ евангельскій чрезъ игольное ушко (Когт. I, стр. 7). Подобно Гёте, Мицкевичъ вполне сознаетъ болѣзненную надломленность своего я въ прошедшемъ, и относится къ безповоротно прожитому съ точки зрѣнія изцѣлившагося человѣка, въ которомъ сохранилось только воспоминаніе. Къ несчастной любви расположилъ юншу книжный сентиментализмъ— „юности моея адъ и пытка; они-то, эти книги, вывихнули мои крылья и сдѣлали меня неспособнымъ летѣть внизъ, а только вверхъ“. Книжки эти названы: Страданія Новой Элоизы—Руссо, пѣсенки Шиллера, Вертеръ. „Одна только и есть искра въ человѣкѣ, которая зажигается разъ только въ юности; если ее радуло дыханіе Минервы, то встанетъ мудрецъ и Платоновою звѣздой будетъ освѣщать міровой путь; если гордыня воспламенила факеломъ эту искру, тогда встаетъ герой, передѣлываетъ жезлъ пастуха на скипетръ и разваливаетъ старыя престола; если искру зажжетъ вѣрвь женщины, она будетъ сама въ себѣ перегорать, какъ лампада въ римскомъ гробу“. — На первыхъ порахъ поэтъ, вѣроятно, и думалъ, что все въ немъ кончено, что несчастная страсть убила въ немъ всѣ задатки будущаго, что вслѣдствіе ея въ немъ умеръ и „Годфредъ Бульонскій“ и „Янъ Собѣскій“; вѣроятно онъ и отвѣчалъ друзьямъ, какъ Густавъ на вопросъ всендва: а знаешь ты евангеліе?—словами: а знаешь ты несчастіе? Но это состояніе духа не продолжалось уже, когда онъ писалъ чудную, поэтически-правдивую и лучшую, какая есть въ польской литературѣ, поему страданія любви. Для исцѣленія не потребовалось вовсе толчка извнѣ, средства нашлись въ самомъ искусствѣ.— Въ то самое время, когда друзья боялись, что поэтъ свихнулся и тревожно слѣдили за „нелестнымъ впечатлѣніемъ отъ несвоевременнаго обличенія его любовныхъ чувствъ“ (Когт. II, 6), сочинялась другая поэма, наиболѣе объективная, эпосъ древне-литовскій—*Гражина*, вещь до таковой степени классическая по совершенству формы, по величавому спокойствію и простотѣ, что еслибы польскіе классики понимали что-нибудь въ искусствѣ, то они должны-бы были преклониться предъ этимъ произведеніемъ, безупречнымъ со стороны „правиль“,

но не по „правиламъ“ задуманнымъ и исполненнымъ. Гёте былъ способенъ на этого рода творчество, но только послѣ итальянскаго путешествія; въ Гёте, какъ извѣстно, одно направленіе медленно смѣнялось другимъ, въ Мицкевичѣ онѣ совмѣщаются уже въ ранней молодости: субъективнѣйшій лирикъ есть вмѣстѣ съ тѣмъ и первоклассный эпикъ, совсемъ закрытый своимъ произведеніемъ, которое, не имѣя ничего общаго по содержанію съ современными вопросами и интересами, можетъ привлекать только эстетическими своими красотами. Дѣйствіе происходитъ въ языческой Литвѣ, въ Новогрудскомъ замкѣ и его окрестностяхъ. Князь Литаворъ, недовольный Витольдомъ, призвалъ въ помощь тевтонскихъ рыцарей; жена его, Гражина, не успѣвъ убѣдить его отказаться отъ этой измѣны своему племени, сама распорядилась отказать въ приемѣ Нѣмцамъ, а когда разгнѣванные союзники направили свой ударъ на княжескую столицу, вмѣсто того, чтобы идти на Витольда, Гражина, надѣвъ доспѣхи мужа и выдавая себя за него, вступаетъ съ Нѣмцами въ сраженіе, въ которомъ хотя побѣда остается за Литовцами, благодаря подоспѣвшему во время Литавору, но княгиня смертельно ранена выстрѣломъ изъ нѣмецкой пицали. Справляя ей похороны по языческому обряду, сожигаютъ вмѣстѣ съ ея тѣломъ плѣннаго командора ордена — ея убійцу, но въ пламя востра бросается, ища смерти, и самъ Литаворъ.

„Гражина“ заканчивала циклъ первыхъ эпопеевскихъ произведеній, съ появленіемъ которыхъ совершился, не безъ боя и не безъ крайняго раздраженія сторонъ, переломъ въ обществѣ въ пользу романтизма. Раздраженіе доходило до личностей. Послѣ появленія перваго тома стихотвореній, 1822, старикъ Янъ Снядецкій, выведенный въ „Романтичности“ не въ лестномъ образѣ мудреца со стеклышкомъ, заставъ у коллеги профессора Бжего Мицкевича, сдѣлалъ видъ, что его не узнаетъ, и безмолвно глумился надъ произведеніями, которыхъ не понималъ, не слушая и автору, причемъ Снядецкому вторилъ и помогать и самъ ховяинъ, тоже классикъ. Мицкевичу не ловко было возражать, онъ былъ застѣнчивъ, онъ былъ притомъ въ отношеніи подчиненнаго въ начальству, какъ ковевскій учитель. Онъ смолчалъ, но не забылъ и въ страстной его душѣ Снядецкіе и классики изъ партіи литературной превратились въ людей отжившихъ, въ противниковъ того дѣла, которое выпадало на долю молодому поколѣнію и самаго молодого поколѣнія¹⁾.

Въ концѣ 1823 г. дружескій студентскій кружокъ еще сильнѣе смятлся и оживился, когда филаретами наполнились виленскіе монастыри, превращенные въ тюрьмы, причемъ самый духъ общества

¹⁾ Ant. Małeckī, Juliusz Słowacki, jego życie i dzieła. 2 t. Lwów, 1886. I, 57.

преобразился; прибавилось новое начало, ёдкій политическій ферментъ. Преобразование это, изображенное впоследствии въ 3-й части „Дзядовъ“, отмѣчено Мицкевичемъ: *calendis novembris MDCCCXIII obiit Gustavus. Natus est Conradus*. Заключение не было очень строго; заключенные посѣщали другъ друга въ кельяхъ, обвинялись мыслями, сокращая томительную скуку ожиданія. Дѣло кончилось безъ суда, по конфирмованному 14 августа 1824 г. докладу новосильцовскаго комитета: нѣсколько человекъ сосланы; сильнѣе другихъ пострадалъ Заць, взявшій на себя всевозможныя вины. Мицкевичъ и другъ его, сынъ бывшаго ректора, Франць Малевскій, которымъ была предложена служба во внутреннихъ губерніяхъ, избрали Одессу, гдѣ Мицкевичъ надѣялся получить мѣсто въ Ришельевскомъ лицейѣ. Они направились на Петербургъ, прибыли туда въ ноябрѣ 1824 г., тотчасъ послѣ наводненія. Въ Одессѣ Мицкевичъ не получилъ мѣста, воспользовался только случаемъ и посетилъ (осенью 1825 г.) южный берегъ Крыма, въ компаніи съ талантливымъ разсказчикомъ, знавшимъ старую Польшу наизусть, графомъ Генрикомъ Ржевускимъ. Мицкевичу открылся Востокъ, хотя не самый дальній, но все-таки поражающій яркостью красокъ; онъ сталъ изучать восточныхъ поэтовъ въ подлинникахъ и издавъ въ Москвѣ томикъ сонетовъ, между которыми есть подражанія Петраркѣ, но роскошнѣе другихъ писанныя въ пестромъ восточномъ стилѣ *Kramskie Sonety*.—Здѣсь, въ Москвѣ, гдѣ Мицкевичъ числился состоящимъ на службѣ въ генераль-губернаторской канцеляріи, написанъ былъ въ 1827 г. и отправленъ въ Петербургъ для напечатанія (1828 г. у К. Края) *Konradъ Waszkrodtъ*, переведенный нѣсколько разъ, равно какъ и сонеты, на русскій языкъ, и сдѣлавшійся тотчасъ-же громко извѣстнымъ въ общій литературныхъ, — самое глубокое изъ его произведеній первой эпохи и едва-ли не самое характерное для оправданія русско-польскихъ отношеній въ тридцатыхъ годахъ. Для уравновѣнія его необходимо принять въ соображеніе слѣдующее. Слѣдствіе Новосильцова не было явленіемъ мѣстнымъ; оно совпадало съ дѣятельностью Рунича, Магницкаго, архимандрита Фотія, со всеобщою реакціею; оно ослѣпилось только національнымъ вопросомъ, который не ставился, однако, ребромъ, не выходилъ изъ ряда внутреннихъ вопросовъ русской жизни. Студенты виленскіе глубоко были опечалены преслѣдованіемъ преподаванія и тѣмъ, что распаднику умственной жизни, университету, нанесенъ былъ страшный ударъ; вѣроятно каждый изъ нихъ давалъ въ душѣ обѣтъ не допустить, чтобы замѣненный въ Вильнѣ свѣточъ просвѣщенія погасъ, но затѣмъ дальше этого намѣренія не простирались и не переходили въ агитацію. Значительная часть бывшихъ филаретовъ достигла впоследствии вліятельныхъ мѣстъ, почетныхъ должностей и

пользовалась репутаціей людей благонамѣренныхъ и спокойныхъ. Нѣкоторые изъ бывшихъ въ заключеніи, являли видъ мучениковъ и отшельниковъ, но Мицкевичъ потѣшался надъ ними; по его словамъ ¹⁾, можно бывать въ обществѣ, танцовать, пѣть, даже играть въ карты, не оскорбляя другой новой любовницы (отчизны), которая вовсе того не требуетъ, чтобы рыцарь ея вызывалъ на бой, какъ Донкихотъ, проѣзжихъ по дорогамъ или удалялся въ пустыни; онъ признается, что онъ не прочь ѣсть трѣфный бифштексъ Моабитовъ и питаться мясомъ отъ алтаря Дагона и Ваала. Поэтъ утверждаетъ, что онъ повеселѣлъ у базилианъ (въ тюрьмѣ), что онъ сталъ въ Москвѣ спокойнымъ и даже разумнымъ человекомъ; что муза его облѣнилась. Онъ былъ постоянно развлекаемъ, потому что, сверхъ своего польскаго общества, русское принимало его весьма радушно и чуть не баловало. Полевой предлагалъ ему сотрудничество въ „Телеграфѣ“; его другомъ былъ князь П. А. Вяземскій; кружокъ литераторовъ—въ числѣ ихъ братья Кирѣевскіе, Баратынскій, Полевой, Шевыревъ, С. Соболевскій—поднесли ему при разставаніи кубокъ съ вырѣзанными на немъ стихами И. Кирѣевскаго ²⁾; личныя задушевные отношенія Мицкевичъ сохранялъ къ Русскимъ даже и послѣ того, когда всякій спокойный споръ о національномъ сдѣлался между Поляками и Русскими невозможенъ. Онъ и третью часть „Двадковъ“ посвятилъ друзьямъ-Москалямъ, „которыхъ знакомыя лица имѣютъ право гражданства въ его мечтаніяхъ“ и въ отношеніи къ которымъ онъ „хранилъ всегда чистоту голубя“. Но во своей исключительно-національной точкѣ зрѣнія Мицкевичъ раздѣлялъ народъ и государство; недоступна и непонятна была ему, вскормленному преданіями самоопредѣляемости личности, противоположная тому формула развитія. Свои впечатлѣнія, вынесенныя изъ Россіи, Мицкевичъ изобразилъ впоследствии въ известномъ отрывкѣ, прибавочномъ въ „Двадамъ“: „Край этотъ пусть, бѣлъ и открытъ какъ листъ бумаги для письма. Будетъ ли Богъ по ней писать перстомъ? Напишетъ ли онъ буквами—добрыми людьми—святую правду, что родомъ людскимъ управляетъ любовь и что трофей міра—жертвы?... Тѣ люди сѣвера—здоровые и крѣпкіе, но ничто не выражаютъ лицами, потому что огонь сердецъ ихъ кроется точно въ подземныхъ вулканахъ, не перешелъ на лица, не играетъ на распаленныхъ устахъ, не застываетъ въ морщинахъ чела, какъ на лицахъ другихъ народностей востока и запада, чрезъ которые прошло столько преданій и событий, скорбей и надеждъ, что каждое лицо стало памятникомъ дѣлаго народа“. Отвлечите государство отъ національности, вообразите,

¹⁾ Корт. I, 15: list do Szeczota i Zana 1827 r. 5 stycznia.

²⁾ Р. Архивъ, 1874, № 7.

что оно само по себѣ, а народъ—заключенная въ личинкѣ гусеница, самъ по себѣ, тогда эта сторукая, всевластная машина представится чѣмъ-то подавляющимъ личность превосходствомъ матеріальной силы, которою она располагаетъ. Неравенство силъ вызываетъ вопросъ о средствахъ для борьбы. Мицкевичъ, который въ январѣ 1827 г. писалъ друзьямъ (Когт. I, 17), что онъ читаетъ „Фіеско“ Шиллера и Маккиавели, ступилъ мысленно на пологій путь, избранный и итальянскимъ патриотомъ, отъ котораго онъ и заимствовалъ эпиграфъ для Валенрода: *dovete adunque sapere come sono due generazioni da combattere... bisogna essere volpe e leone* ¹⁾. Жгучій вопросъ современный ставился Мицкевичемъ совершенно отвлеченно какъ простая, никѣмъ еще, кромѣ него, неугадываемая возможность въ будущемъ, и возникъ при разработкѣ сюжета, который не имѣлъ, повидимому, ничего общаго съ современностью. То былъ второй отрывокъ изъ исторіи языческой Литвы, изъ которой Мицкевичъ уже извлекалъ „Гражину“: съ одной стороны машина—орденъ, съ другой—засыпаемая прибоемъ волны, наносящей пласты иностраннаго песку,—Литва; да среди этой борьбы загадочное лицо въ хроникѣ—великій магистръ ордена Валенродъ, пьяница, едвали не еретикъ, содѣйствовавшій дурнымъ управленіемъ паденію ордена. Мицкевичъ объяснилъ это лицо, превративъ его въ замаскированнаго Литовца. Этотъ вскормленный и вышколенный орденомъ волченочъ, при первой огази, бѣжитъ въ лѣсъ къ своимъ, женится на дочери Кейстута Альдонѣ, но покидаетъ ее и родину, чтобы, исчезнувъ, послѣ того, какъ память о немъ пропала, явиться орденскимъ рыцаремъ, добиться власти и подсесть жюри ордену, истощивъ его и разоривъ вражескимъ образомъ умышленно. Лицо Валенрода задумали было въ духѣ господствовавшей тогда поэзіи—по-байроновски; это ослобленный и исказившійся человекъ громадныхъ размѣровъ, въ которомъ большое сердце—все равно что большой улей: „если не наполнять его пчелы медомъ, тогда оно ставится гнѣздомъ для ящерицъ“. Въ чувствахъ Валенрода по отношенію къ ордену и Нѣмцамъ было много аналогичнаго съ чувствами самого Мицкевича и его современниковъ. Отождествляя себя болѣе и болѣе съ своимъ героемъ, Мицкевичъ примѣсю этого субъективнаго элемента испортилъ въ художественномъ отношеніи свой эпосъ, сдѣлавъ его и необъективнымъ и не-историческимъ. Въ 1829 г. Мицкевичъ самъ сознавалъ, что Валенродъ въ цѣломъ—произведеніе неудавшееся (Одынецъ I, 128). Дѣйствіе идетъ скачками, многое интересное только намѣчено, наиримѣръ главная задача Валенрода—походъ

¹⁾ Сравни рассказъ Вайделота въ Валенродѣ: «ты рабъ,—единственное оружіе раба есть измѣна».

на Литву. Старый Альфъ—Валенродъ, мужъ крови и дѣла, въ которомъ замерли всѣ чувства, кромѣ непримиримой ненависти къ ордену, сентиментальничаетъ съ не менѣе пожилую Альдоною—отшельницею, поселившюся въ пригородной замуравленной башнѣ. Онъ медлитъ походомъ, чтобы не терять возможности бесѣдовать съ нею по ночамъ; вернувшись изъ похода, въ которомъ онъ извелъ тысячи Нѣмцевъ, онъ ей рассказываетъ о вербахъ и цвѣткахъ любимой ковенской долины. Альдона отказывается покинуть башню и бѣжать съ Альфомъ, боясь, что онъ увидитъ, что она стара и безобразна. Всѣ эти анахронизмы забываются при созерцаніи неполиниской фигуры Альфа въ минуту, когда, съ величавымъ презрѣніемъ, скидая съ себя маску лицемерія и попирая ногами магистерскій крестъ, онъ смѣется адскимъ смѣхомъ удовлетвореннаго злорадства: „Вотъ грѣхи моей жизни. Я готовъ умереть, чего-жъ хотите болѣе? Желаете ли отчета по должности? Посмотрите на тысячу погибшихъ, на выжженные владѣнія... Слышите вихрь, онъ мчитъ тучи снѣга—тамъ замерзаютъ остатки вашей рати! слышите—воютъ стада голодныхъ исковъ,—они грызутся изъ за остатковъ пирал.. Все сдѣлалъ я; горжусь и величаюсь: сколько головъ у гидри отсѣкъ я однимъ ударомъ; подобно Самсону, однимъ потрясеніемъ столба я разрушилъ все зданіе и гибну подъ нимъ!“... Нивогда „Валенродъ“ не былъ, по понятіямъ автора, политическою программою, онъ даже и не предлагалъ его какъ идеаль, но онъ облюбовалъ созданное имъ лицо, носился долго съ идеями Валенрода, а въ этихъ идеяхъ есть доля яду, опасная, вредоносная мораль, вселяющая полное недоумѣріе по одной сторонѣ и дающая возможность по другой всякимъ ренегатамъ прикрываться, корчить изъ себя валенродствующихъ ¹⁾. Ни свои, ни чужіе не уразумѣли практическихъ послѣдствій идеи, запрятанной глубоко на днѣ произведенія. Сонеты и „Валенродъ“ распространились въ русскихъ многочисленныхъ переводахъ почти одновременно съ подлинникомъ ²⁾. Мицкевича считали байронистомъ. Е. Баратынскій писалъ ему:

Когда тебя, Мицкевичъ вдохновенный,
Я застаю у Байроновыхъ ногъ,
Я думаю: поклонникъ униженный,
Возстань, возстань и вспомни: самъ ты Богъ.

(Р. Арх., 1872, № 10, с. 1906).

Предъ Мицкевичемъ открылись аристократическія гостинны, въ

¹⁾ Juliusz Słowacki, *Wieniowski*, стр. 11: «Валенродичность или Валенродизмъ сдѣлалъ много добра—премного! Они ввели навѣстникъ методъ въ измѣну, вмѣсто одного создали десять тысячъ измѣнниковъ».

²⁾ Лучшій переводъ Шершеневича, 1858, въ «Современникѣ»; есть переводы Шенгера, Бронченки, Пинигонцаго, Бенедиктова. Сонеты переводили кн. Вяземскій, Дмитриевъ, Ковалевъ, княгиня Зинаида Волконская.

томъ числѣ гостепріимный домъ писательницы, княгини Зинаиды Волконской; вскорѣ потомъ Мицкевичу разрѣшено пріѣхать въ Петербургъ (конецъ 1827 г.), а вслѣдъ затѣмъ и совсѣмъ переселиться. Съ апрѣля мѣсяца 1828 по май 1829 г. проведены въ шумномъ круговоротѣ самыхъ разнообразныхъ удовольствій въ отборномъ интеллигентномъ обществѣ сѣверной столицы. Мицкевичъ былъ, какъ у себя дома, у европейской знаменитости, піанистки Маріи Шимановской, урожденной Воловской (умершей отъ холеры въ 1831 г.), на дочеряхъ которыхъ женились впоследствии Малевскій и Мицкевичъ. Его окружали преданные друзья, товарищи ссылки и восторженные почитатели, для которыхъ наканунѣ Рождества, 1827, онъ на предложенный Николаемъ Малиновскимъ сюжетъ импровизировалъ въ два часа цѣлую историческую драму стихами: „Самуилъ Зборовскій“ ¹⁾. Три дня спустя, за обѣдомъ у Фаддея Булгарина ²⁾, Мицкевичъ сильно нападалъ на Сенковского за тенденціозныя искаженія истины въ его *Collectanea* въ подробностяхъ, касающихся польской исторіи ³⁾. Сенковского онъ не любилъ и считалъ ренегатомъ и опаснымъ человекомъ (Коттерр. I, 33). Мицкевичъ душевно привязался къ живописцу Іосифу Олешкевичу, теозофу и мистіку, евангельски простому и сердобольному (ум. 1830 г.), руководившему до закрытія тайныхъ обществъ масонскою ложою Бѣлаго Орла. Мицкевичъ былъ обласканъ русскимъ поэтомъ Жуковскимъ, и посѣщалъ женатаго на польскѣ министра просвѣщенія Шишкова. Сестра Генриха Ржевускаго, К. Собанская (нынѣ г-жа Лакруа, жена Жюль Лакруа), заставила его ближе познакомиться съ Пушкинымъ, уже значительно измѣнившимся въ своихъ воззрѣніяхъ сравнительно съ александровскою его эпохою ⁴⁾, но добродушно откровеннымъ съ людьми, съ которыми онъ сходилса повороче. По словамъ Пржецлавскаго ⁵⁾, Пушкинъ открыто признавалъ въ Мицкевичѣ превосходство начитанности и болѣе систематическихъ литературныхъ знаній; въ отзывѣхъ о Мицкевичѣ слышится неизмѣнно глубокое уваженіе и сочувствіе ⁶⁾. И Мицкевичъ засвидѣ-

¹⁾ Ustęp z pamiętników M. Malinowskiego. Kronika godzinna 1875, №№ 23—24.

²⁾ Въ письмахъ къ Делевелю Булгаринъ заявляетъ, что онъ любитъ Польшу, но comme un être métaphysique qui n'existe que dans la raison, но боится, чтобы его не заподозрили въ помыслахъ, причемъ пришлось бы разстаться съ довѣріемъ публики (Bibl. Warsz. 1877, I, 222).

³⁾ Echo, rok 1878.

⁴⁾ Статья Мицкевича о Пушкинѣ въ *Globe*, 25 мая 1837 г., и въ его лекціяхъ литературы славянской—объ въ *Mélanges* I, стр. 277.

⁵⁾ Ципринуса, въ Р. Архивѣ 1872, № 10.

⁶⁾ «Средь племени ему чужого, злоби
Въ душѣ своей къ намъ не питалъ онъ; ми
Его любили... Съ нимъ
Дѣлились ми и чистыми мечтами
И пѣснями (онъ вдохновень былъ свыше
И съ высоты взиралъ на жизнь). Нерѣдко

тельствоваль, что онъ душевно побратался съ великимъ сверстникомъ ¹⁾. Оба они, обмѣнявшись мыслями не объ однихъ только предметахъ искусства; оба стояли однажды на дождѣ, прикрытые плащомъ Мицкевича, передъ *мѣднымъ всадникомъ* Фальконета ²⁾ и даже слѣды ихъ бесѣды остались съ одной стороны въ отрывкѣ *Pomnik Piotra Wielkiego*, съ другой въ посмертномъ Пушкинскомъ „Мѣдномъ Всадникѣ“. Конечно, поэтический вымыселъ слетѣлъ съ правдою въ словахъ, влагаемыхъ Мицкевичемъ въ уста Пушкину. Не могъ Пушкинъ, никогда не бывавшій за границею, сравнивать двѣ конныя статуи Марка-Аврелія и Петра; самъ Мицкевичъ пораженъ былъ мѣднымъ капитольскимъ Маркомъ-Аврелемъ только въ 1829 г., даже сравненіе о близнецахъ—альпійскихъ вершинахъ—явилось вѣроятно послѣ заграничнаго путешествія и послѣ того, какъ событія 1830 годовъ провели между двумя величайшими поэтами Славянства бездонную, даже мысленно-непереходимую пропасть ³⁾,—но въ сущности и Пушкинъ въ позднѣйшемъ „Мѣдномъ Всадникѣ“ признаетъ происхожденіе отъ него мысли о гигантѣ, который „на высотѣ уздой желѣзной Россію задернулъ на дыбы“—мысли, составляющей основу рѣчи Пушкина въ бесѣдѣ у памятникъ въ отрывкѣ Мицкевича.

Пятилѣтнее пребываніе въ Россіи повліяло на Мицкевича въ двоякомъ отношеніи; оно ему доставило громадную массу новыхъ впечатлѣній, познакомило его со множествомъ людей и отношеній, сдѣлало его универсальнѣе. Изъ застѣчиваго провинціала оно его превратило въ свѣтскаго человѣка, любимаго дамами. Но эти развлеченія отнимали время, Мицкевичъ производилъ мало (на все годовое пребываніе въ Петербургѣ пришелся одинъ „Фарисъ“, поэма въ восточномъ вкусѣ), поэтическое творчество уходило на эфемерное, на импровизацію; представляла опасность облѣниться и измелъчать въ великосвѣтскомъ эпику-

Онъ говорилъ о временахъ грядущихъ,
Когда народы, распри позабывъ,
Въ великую семью соединятся» (10 авг. 1834).

- 1) «Они знакомились не долго, но тѣсно,
И подружались назадъ тому нѣсколько дней;
Ихъ души выше преградъ земныхъ,
Подобныя двумъ редотвеннымъ альпійскимъ вершинамъ,
Которыя на вѣки раздѣлила струя потока,
И едва слышать шумъ своего врага,
Клоня къ себѣ поднебныя вершины».

(*Pomnik Piotra Wielkiego*).

²⁾ Испанскій арко-коричневый плащъ Мицкевича, подаренный ему потомъ Одяну (Од. II, 177).

- ³⁾ Конецъ приведеннаго выше стихотворенія Пушкина:
«Нашъ мирный гость намъ сталъ врагомъ.
О Боже! Возврати
Твой миръ въ его озлобленную душу».

Козловъ передалъ о Мицкевичѣ Одяну: «Vous nous l'avez donné fort et nous vous le rendons puissant» (Од. I, 56).

реизмѣ. Поэтъ стремился за границу, на артистическое путешествіе, которое бы дополнило его поэтическое образованіе; при помощи влиятельныхъ друзей и покровителей, ему удалось, хотя не безъ труда, получить заграничный паспортъ ¹⁾, съ которымъ онъ и отплылъ 13 мая 1829 изъ Кронштадта, давъ слово виленскому пріятелю чисто-ровному романтику, А. Э. Одынцу съѣхаться съ нимъ въ Дрезденъ и отправиться вмѣстѣ въ классическую страну искусства, Италію. Моложе пятию годами, Одынецъ относился къ Мицкевичу какъ ученикъ къ учителю и записывалъ изо дня въ день въ путевыхъ письмахъ (4 тома) всѣ похождения странниковъ въ теченіи 1829 и 1830 г. Они направились прежде всего съ рекомендательными письмами въ Веймаръ къ старику Гёте на поклоненіе и пробыли въ его обществѣ цѣлыя двѣ недѣли. Несмотря на ласки и предупредительность хозяина и на щедрые его подарки на память, едва ли можно сказать, что между Гёте и Мицкевичемъ произошло сближеніе. 80-лѣтній старикъ зналъ музу Мицкевича только по отрывкамъ, переведеннымъ изъ „Валенрода“ московскою знакомою Мицкевича, Каролиною Енишь. Въ молодомъ байронизирующемъ поэтѣ-романтикѣ ему могъ представиться призракъ его собственныхъ юношескихъ лѣтъ и безповоротно прожитыхъ идей и опущеній изъ *Drang und Sturmpériode* ²⁾. Съ другой стороны, Мицкевичъ ни въ чемъ почти не сходился съ великимъ явчникомъ, не только потому, что при всѣхъ своихъ вольностяхъ мышленія онъ имѣлъ религиозное міросоверзаніе, но и потому, что они расходились во взглядахъ на методы творчества и изслѣдованія истины. Старикъ Гёте былъ колоссъ положительнаго знанія, великій одинаково въ философіи, естествознаніи, искусствѣ; не было предмета, которымъ бы пренебрегало его трезвое, всеобъемлющее пониманіе. Въ сравненіи съ нимъ Мицкевичъ представлялся молодымъ человѣкомъ, еще окончательно невыработаннымъ, стоящимъ притомъ на ложномъ пути, который и повелъ его потомъ къ крайнему мистицизму, отрицающимъ мертвое, сухое, систематическое знаніе и безусловно послушнымъ внушеніямъ одного непосредственнаго чувства. Знанія его, хотя и значительныя по сравненію съ Пушкинскими, были ничтожны по сравненію съ Гётевскими: онъ читалъ въ Ковнѣ Канта и Шеллинга, но не усвоилъ себѣ результатовъ трансцендентальной философіи; онъ былъ филологъ, но безъ критики; не любилъ Нибура (Од. IV, 61) за его критицизмъ, думалъ, что настоящій историкъ—не лѣтописецъ, а поэтъ, которому правда открывалась не натурами анализирующаго разума, а въ счастли-

¹⁾ М. не былъ преслѣдуемъ за своего „Валенрода“, нашедшаго уже слишкомъ обширное распространеніе въ русскомъ обществѣ, но подождавшаго на поэтѣ цензоръ Анастасевичъ былъ сѣжденъ во запискѣ Новосильцова (Цигринусъ, тамъ же).

²⁾ P. Chmielowski, Listy Odyńca, въ журналѣ *Ateneum*, 1878, № 9.

вый моментъ вдохновенія (Од. I, 137). Понятно, что при подобномъ расположеніи само изученіе искусства на его родинѣ, въ Италіи, не могло быть систематическимъ, какимъ оно было въ свое время у Гёте, и особенно не могло быть плодоноснымъ. Среди сокровищъ искусства онъ болѣе наслаждался формами и приѣмами или „свою Литву воспоминалъ“. Предметомъ, надъ которымъ, кромѣ филологіи и искусства, работала мысль его, была политика, но и въ политикѣ онъ только фантазировалъ, написавъ еще въ Петербургѣ по-французски на 30 листахъ мечтательную *исторію будущаго*, начиная съ 2000 года и представлявъ въ этомъ никогда неизданномъ сочиненіи торжество чистаго эгоистическаго разума, вооруженнаго всѣми изобрѣтеніями цивилизаціи, надъ вѣрою, чувствомъ и духомъ, какъ правдоподобную будущность Европы (Од. I, 57). Въ Италіи Мицкевичъ объяснялъ Однцу (IV, 149): бываетъ умъ простой или мужицкій—здравый смыслъ, достаточный для живущихъ въ подвалахъ; бываетъ разумъ мудрый, свыше освѣщенный, свойственный обитателямъ верхняго этажа; но въ антресоляхъ пріютился школьный разумъ, зажегшій газовые рожки и заведшій фабрики, лавки и аудиторіи. Шумъ и трескотня въ антресоляхъ не допускаютъ обитателямъ подваловъ слышать голоса съ верхняго этажа, развѣ наступаетъ гроза или землетрясеніе, тогда торговцы разбѣгаются и замолкаютъ, а жители подваловъ берутся за укрѣпленіе фундаментовъ зданія, по указаніямъ людей съ верхняго этажа.—Оба странника испытали во время бытности у Гёте леденящее впечатлѣніе при соприкосновеніи съ этимъ яснымъ умомъ, въ которомъ они не находили искомой ими въ правдѣ теплоты, съ этимъ своеобразнымъ самообладаніемъ, въ которомъ они усматривали непостижимое для нихъ омертвѣніе религіознаго чувства (Од. I, 153—240). Странники проѣхались по Рейну, спустились въ Италію черезъ Сплитъ, посѣтили Миланъ, Венецію, Флоренцію и очутились въ Римѣ, между знающими, въ самомъ отборномъ космополитическомъ обществѣ ученыхъ, артистовъ, аристократовъ и дамъ изъ всѣхъ націй. Общество имѣло три центра: домъ княгини З. Волконской, которой сына училъ Шевыревъ, гдѣ бывали Брюловъ и Бруни; домъ Хлюстиныхъ (пріятельница Мицкевича, Торвальдсена и Вонштеттега, одна изъ остроумнѣйшихъ женщинъ, Настасья Хлюстина вышла вскорѣ потомъ за француза графа де-Сиркура); наконецъ, на Via Mercede домъ польскаго магната графа Анквич-Скарбека, поселившагося въ Италію для излеченія слабой здоровьемъ дочери Генриетты-Эвы. Генриетта имѣла подругу Марцелину Лемпицкую, готовящуюся къ вступленію въ монашенки. Здѣсь, среди раутовъ, прогулокъ по Риму и за Римомъ съ археологами и знатоками искусства, пережить былъ Мицкевичемъ послѣдній въ его жизни романъ любви, длившійся два года, 1829—1831 г. Дочь

графа, нѣжная дѣвушка, во многомъ напоминавшая Марылю, влюблена была въ него по его стихамъ, не зная еще его, и полюбила его еще болѣе, узнавъ въ немъ не гиганта въ родѣ Микель-Анджеловскаго Монсея, какииъ его воображала, но задумчиваго и мало говорящаго молодого человѣка, у котораго во взорахъ зажатся святой огонь гениальности, когда онъ оживлялся и приходилъ въ вдохновеніе. Обѣ подруги были набожны, ихъ непріятно поражала жествая улыбка байроновскаго сарказма и непочтительные порою отзвыы поэта о священныхъ предметахъ. Онѣ молились и постились за обращеніе того, кого онѣ считали маловѣромъ. Мать была расположена въ пользу Мицкевича, но гордый магнать и слышать не хотѣлъ о Мицкевичѣ, какъ о женихѣ, считая его совсѣмъ неподходящею партіею для своей высокородной и богатой дочери. Анквичъ и Мицкевичъ то раздѣжались (Анквичъ уѣхалъ изъ Рима съ дочерью, а Мицкевичъ посѣтилъ Неаполь и Сицилію), то изъ опасенія за здоровье дочери Анквичъ опять встрѣчался съ Мицкевичемъ,—такъ проведена была вѣсть осень 1830 г. въ Швейцаріи, въ обществѣ Анквичей и Хлустинныхъ. Здѣсь познакомился съ Мицкевичемъ сынъ генерала Викентія Красинскаго, Сигизмундъ, подававшій уже надежды какъ поэтъ. На обратномъ пути въ Римъ, въ Миланѣ, произошелъ кризисъ; отецъ всыхнулъ и заявилъ, что желалъ бы лучше видѣть дочь въ гробу, нежели женою Мицкевича. Мицкевичъ порывался ѣхать на Востокъ, но въ Анконѣ его отвелъ отъ этого предпріятія Генрихъ Ржевускій и привезъ въ Римъ, гдѣ проводили зиму Анквичи и гдѣ графъ опять принималъ у себя Мицкевича, не подавая вида, что онъ знаетъ о взаимныхъ чувствахъ дочери и поэта. Въ теченіе этой римской зимы, проведенной въ частомъ общеніи съ Генрихомъ Ржевускимъ, всендзомъ Холоневскимъ, Монталанберомъ, Ламизъ, произошло роковое по своимъ послѣдствіямъ повстаніе 29 ноября 1830, унесшее съ собой конституціонный режимъ въ Царствѣ Польскомъ и языкъ польскій въ школахъ и судахъ на западныхъ окраинахъ Имперіи, и виленскій и варшавскій университеты. Поэтъ слѣдилъ за событіями издали, не чувствовалъ въ себѣ призванія кидаться въ круговоротъ событій, не сознавая за собою способностей военнаго или государственнаго человѣка. Вѣсть съ тѣмъ Мицкевичъ становился религіознѣе. Сбылись горячія пожеланія дѣвицы Анквичъ и Лампицкой, исчезло философское вольнодумство, которое нивогда не относилось къ сущности вѣры, а только къ обрядамъ, сама любовь получила отгѣнокъ религіозно-мистическій. Послѣ многолѣтняго не-быванія у исповѣди, Мицкевичъ никому о томъ не говоря, причастился; того же дня г-жа Анквичъ передала ему, что дочери ея Мицкевичъ приснился въ бѣлой одеждѣ съ агнеиномъ на рукахъ. Мицкевичъ, вѣрившій въ предчувствія, имѣвшій видѣнія и

предсказывавшій не разъ будущее и себя и другимъ, былъ какъ бы громомъ пораженъ. Вдругъ весною въ 1831 г. наступила внезапная и самая неожиданная развязка. Въ то самое время, когда отецъ Генриетты, повидимому, слабѣлъ въ своемъ сопротивленіи склонности дочери, 19 апрѣля 1831 г. Мицкевичъ внезапно уѣхалъ изъ Рима и никогда уже въ жизни не встрѣтился съ Анквичами, а прислалъ только Генриеттѣ экземпляръ „Пана Тадеуша“, съ отмѣченными карандашомъ страницами, изображающими любовь Яцеа Солицы къ дочери свѣсиваго стольника ¹⁾.

Мицкевичъ покинулъ предметъ своей любви безъ достаточной причины. Нѣсколько лѣтъ потомъ, когда онъ уже былъ женатъ, старикъ Анквичъ сказалъ Однцу: „описалъ меня панъ Адамъ въ стольникѣ; но имѣеть же отецъ право требовать, чтобы его дочь у него вымаливали“ (aby się o córke kłaniało). Гордость поэта не допустила ему, бѣдному человѣку, не имѣвшему другихъ средствъ, кромѣ скромныхъ гонораріевъ отъ изданій, вымолвить слово за себя, просить руки дочери Анквича. Съ отъѣздомъ Мицкевича изъ Рима начинается другая эпоха въ его жизни, тяжелая, исполненная лишений и страданій: свѣтскій человѣкъ исчезаетъ, остается только горячій патриотъ и добровольный изгнанникъ; сама гениальность его подвергается затмѣнію въ густомъ туманѣ мистицизма, въ которому онъ былъ расположенъ съ дѣтства, но отъ котораго его предохраняли въ молодости другія вліянія. На этомъ закатѣ дней своихъ онъ напишетъ еще два самыя сильныя произведенія: 3-ю часть „Дзядовъ“ и „Пана Тадеуша“. Прослѣдимъ главные моменты этого хмураго, страдальческаго втораго періода въ жизни поэта.

Мицкевичъ, котораго Настасья Хлюстина славилъ пророкомъ ²⁾ въ августѣ 1830 г., потому что онъ предсказалъ июльскую революцію, и который тогда же предрекалъ возвратъ Наполеонидовъ, не имѣлъ никакого предчувствія о варшавской катастрофѣ, повидимому ея не желалъ и на ея успѣхъ не надѣялся; онъ не торопился ѣхать на родину, куда отправился сражаться изъ римскихъ его друзей Стефанъ Гарчинскій, бывшій берлинскій студентъ гегельянецъ. Вѣсти съ родины волновали Мицкевича сильно: „мокрый листъ нѣмецкой грязной газеты“, писалъ онъ живописцу Штамлеру, собираясь ѣхать, „восхищаетъ меня болѣе всѣхъ Винчи и Рафаэлей“ ³⁾. Движеніе распространялось и въ апрѣлѣ 1831 г. имѣло даже нѣкоторые успѣхи. Мицкевича влекло туда

¹⁾ Переданный г-жею Духинскою собственный рассказъ недавно умершей Генриетты-Эви, вдови по первому мужу Шембекъ, а по второму мужу Кучковской, въ Biblioteka Warszawska 1871, I, стр. 445. Тамъ же, во II томѣ, статья Однца. Его же письмо къ Семенскому, въ Relig. i mistyka, Семенскаго.

²⁾ Gloire au prophète. Однецъ, IV, 257.

³⁾ Korr. I, 50.

по долгу совѣсти, но пока онъ ѣхалъ чрезъ Парижъ ¹⁾, въ вел. кн. Познанское, уже повстаніе догорало, Варшава была сдана Паскевичу 8 сентября, а 5 октября перешли прусскую границу остатки польскаго войска съ двумя палатами сейма, штабами, клубами и всѣмъ персоналомъ конституціоннаго и повстанскаго режима. Мицкевичъ, державшійся въ сторонѣ отъ повстанія, когда оно было въ ходу ²⁾, отождествился вполне сознательно съ уже проиграннымъ польскимъ политическимъ дѣломъ, когда всѣ шансы и надежды въ настоящемъ были потеряны, и явился публицистомъ, ораторомъ и политикомъ польскаго выхода, продолжающаго вести упорную идейную пропаганду противъ неизбежныхъ послѣдствій повстанія, укротительныхъ мѣръ и денационализаціи. Политика эта, въ облакахъ витающая, болѣе рассчитывала на Господа Бога, нежели на земныя средства, чѣмъ и объясняется, еще въ Римѣ совершившееся постепенное усиліе религіозности въ Мицкевичѣ ³⁾, который сталъ теперь демонстрировать свой католицизмъ, радъ былъ, когда его тѣмъ попрекали, и участвовалъ вскорѣ потомъ, 1834 г. 19 декабря, въ основаніи въ Парижѣ особаго польскаго религіознаго общества *Соединенныхъ Братьевъ* (Когг. I, 115). Политика эта не стѣснялась условіями времени, строила самобытную Польшу въ старинномъ видѣ, съ національными чертами до-раздѣльнаго промѣла, и средство для производства реставраціи усматривала въ подъемѣ западной Европы при ожидаемой въ будущемъ революціи, направленной остріемъ противъ Россіи. Перенесеніе польскаго вопроса на почву иностранной политики разрывало сразу связи, установившіяся между Мицкевичемъ и русскимъ обществомъ. Личныхъ друзей и доброжелателей Мицкевичъ сохранилъ между Русскими ⁴⁾, но національное чувство заговорило съ обѣихъ сторонъ и альпійскія вершины раздѣлили не одинъ только горячій потокъ: прежде того онѣ склонялись одна къ другой, а теперь отклонились и перестали себя взаимно понимать. Такъ напримѣръ Пушкинъ писалъ:

«Нашъ мирный гость сталъ намъ врагомъ. И нѣтъ
Въ своихъ стихахъ, *угодникъ черни буйной,*
Поэтъ онъ ненавистъ...» ⁵⁾.

¹⁾ По рукописной запискѣ С. Соболевскаго, они отправились изъ Рима 19-го апрѣля, и послѣ двухнедѣльнаго артистическаго путешествія, побывавъ во Флоренціи, Болоньѣ и др. мѣстахъ, разстались 2-го мая въ Пармѣ.

²⁾ Когг. II, 83. Письмо кн. З. Волконской, 20 марта 1832. «Vous avez de la religion... Voyez le ciel: il n'y a là ni division ni frontières».

³⁾ Этимъ, а не общеніемъ въ Римѣ съ богословами католицизма. Ср. въ Когг. I, 120: Ламне основывалъ все на полемикѣ и проискахъ. Это—сухой рациональный богословъ.

⁴⁾ Письмо къ брату 29 апр. 1833 г. Когг. I, 59.—Я не могу получать что бы то ни было отъ Комитета, *не будучи ступанъ* въ теперешнюю революцію... Я никогда подъ русское правительство не возвращусь, никогда, никогда.

⁵⁾ Тоже стихотвореніе 10 авг. 1834 г. въ изд. 1874, т. I, 470.

Въ этихъ стихахъ нѣтъ правды. Мицкевичъ никогда не былъ ни льстецомъ, ни угодникомъ черни буйной: явился онъ въ княжествѣ Познанскомъ, а потомъ въ Дрезденѣ послѣ крушенія, среди упавшихъ духомъ выходцевъ, озлобленныхъ и продолжающихъ возлагать другъ на друга отвѣтственность за неудачу. Скорбь о случившемся произвела усиленное возбужденіе патріотическаго чувства и открыла поэтическое творчество поэта. Производительность его вообще ослабла послѣ „Валенрода“ въ велико-свѣтскомъ разнообразномъ обществѣ, въ которомъ онъ вращался въ Римѣ. Пробужденію ея мало содѣйствовало и совершаніе сокровищъ западно-европейскаго искусства, но теперь онъ окунулся въ національную струю и созналъ, что къ нему возвращается съ небывалою силою вдохновеніе. Въ Дрезденѣ онъ, по совѣту Одынца, взялся переводить „Гаура“ Байрона, но прервалъ эту работу, почувствовавъ во время молитвы въ церкви, что надъ нимъ точно разбилась и пролилась чаша съ поэіей: *jakby się nademną bania z rzezuą gozbiła* ¹⁾. Онъ работалъ послѣшно и читалъ написанное по вечерамъ друзьямъ своимъ въ Дрезденѣ: Одынцу, Гарчинскому, Домейкѣ. Кое-что онъ заимствовалъ изъ рассказовъ очевидцевъ о послѣднихъ событіяхъ, напримѣръ, написанный со словъ Гарчинскаго *рассказъ адъютанта*, „объ Ордоновомъ редутѣ“, взорванномъ на воздухъ самими защищавшимися въ немъ польскими войсками во время послѣдняго штурма на укрѣпленія Варшавы. Но главная забота Мицкевича заключалась въ постановкѣ, по обстоятельствамъ того времени, польскаго вопроса въ формѣ фантастической драмы, въ которой дѣйствуютъ живые люди, духи безплотные, самъ Богъ, сокрытый гдѣ-то за облаками, а также поэтъ изъ породы мятежныхъ титановъ, всходящій мысленно на самое небо и требующій у Бога отчета, во имя оскорбленнаго чувства, за явныя несовершенства въ созданіи, за допускаемыя неправды, за страданія безвинныхъ. Что касается до основной идеи вызова на борьбу и отказа въ признаніи, то у Мицкевича были весьма знаменитые предшественники—неизвѣстный авторъ книги Іова, Эсхилъ въ „Прометей“, котораго Мицкевичъ тщательно изучалъ въ Римѣ (Одуп. III, 82), Гёте въ „Фаустъ“, и особенно Байронъ въ „Манфредъ“ и „Кайнъ“. Вліяніе Байрона на Мицкевича было еще живое и сильное съ 1822 г.: оно господствуетъ въ „Валенродѣ“, оно замѣтно еще и въ драмѣ, которую Мицкевичъ связалъ внѣшнимъ образомъ съ виленскими и ковѣнскими своими произведеніями и назвалъ 3-ею частью „Дядювъ“. Онъ самъ сообщаетъ Одынцу (стр. 148, у Семенскаго), что главную сцену импровизаціи въ этой части „Дядювъ“ онъ считаетъ поворотнымъ пунктомъ байронов-

¹⁾ Письмо къ Одынцу, у Семенскаго, Rel. i mistyka, стр. 146.

скаго направленія въ поэзіи. Она была, какъ увидимъ, и окончательнымъ прощаніемъ съ байронизмомъ въ дѣятельности поэта. Обстановка драмы—реальная, основа ея заимствована изъ дѣйствительно пережитаго, но уже отдалившагося на извѣстное разстояніе, изъ студентскихъ временъ, обстоятельствъ слѣдствія и того заключенія у отцовъ базилианъ, въ которомъ поэтъ, по одному изъ прежнихъ его писемъ, укрѣпился духомъ и повеселѣлъ. Къ главной основѣ присовокуплены вставныя сцены, представленъ сельскій домикъ въ окрестностяхъ Львова, гдѣ за поэта молятся, не зная его, двѣ дѣвицы, Эва и Марцеллина (Аневичъ и Лѣмпичка), изображены варшавскіе салоны съ ихъ классическими привычками, съ ихъ пустотою и гнилью. Сама основа состоитъ изъ ряда сценъ, происходящихъ въ Вильнѣ, то въ тюрьмѣ, гдѣ товарищи, знакомыя все лица, сходятся по ночамъ, при содѣйствіи стараго служиваго, добраго католика капрала, на бесѣды за чаемъ, пока разбѣгутся по велямъ по знаку, что рундъ приближается; то въ гостиныхъ и спальнѣ сенатора, стараго развратника, который среди выпиваемыхъ бокаловъ вина, въ промежуткахъ между фигурами танцевъ, подъ звуки менуэта изъ „Донъ-Жуана“ распорядается слѣдственными дѣйствіями и пытками. Мицкевичъ не щадитъ, по волюности поэтической, самыхъ густыхъ красокъ для изображенія этихъ мукъ и терзаній. Подобно Данту, онъ не стѣсняется помѣщеніемъ въ самой нижней части этого ада людей знакомыхъ, на которыхъ владеть безъ заврѣнія совѣсти печать вѣчнаго осужденія. Передъ сенаторомъ выслуживаются два лица, подставляющія другъ другу ножку: ректоръ университета и докторъ, котораго внезапно въ концѣ пьесы поражаетъ молнія въ его университетской квартирѣ; оба лица—реальныя. И личныя черты и родъ смерти указывали, что поэтъ мѣтилъ въ того профессора Бэку, въ домѣ котораго отдѣлялъ Мицкевича Снядецкій за его поэзію. Бэку былъ консерваторъ и классикъ, на него сердились Лелевель и вышедшіе изъ университета профессора за то, что онъ съ группою стариковъ подчинился новымъ введеннымъ Новосильцовымъ порядкамъ, но до конца жизни онъ остался честнымъ человѣкомъ, чему ручательствомъ могла служить неизмѣнившаяся къ нему дружба Снядецкихъ. Вильно, оргія и слѣдствіе — это только обстановка для монодрамы, которой героемъ является человѣкъ, называвшійся нѣкогда Густавомъ, теперь переродившійся въ Конрада (имя заимствованное либо у Байрона изъ „Корсара“, либо указывающее на мысленную связь съ Валенродомъ, на тождество узника съ великимъ магистромъ и съ самимъ поэтомъ, который какъ Альфъ — Валенродъ „счастья не обрѣлъ дома, потому что его не было въ отчизнѣ“). Поэтъ страшно несчастливъ, скорбь его потрясаетъ всѣхъ, потому что, имѣя всю силу личной, она возбуждена поводомъ общественнымъ: „Мое имя миллионъ,

потому что я люблю и страдаю за миллионы". „Я люблю весь народъ, я объалялъ всё прошлыя и пришлыя его племена и прижалъ къ груди какъ другъ, любовникъ, мужъ, отецъ“.... Атмосфера, которою окружень узникъ, не виленская двадцатыхъ годовъ, а позднѣйшая, созданная послѣдствіями повстанья, тяжелая, душная, полная мрачнаго отчаянія и скрежета зубоваго. Въ душѣ узника цѣлая буря, сраженіе мыслей добрыхъ и злыхъ, олицетворенное въ носящихся кругомъ рояхъ духовъ добрыхъ и злыхъ ¹⁾). Бунтъ поднять мысленный, но въ сущности настоящее поле всякихъ рѣшающихъ битвъ—только душа: „О зналъ ли бы ты, человекъ, какъ велика твоя власть, когда мысль въ головѣ блеснетъ, точно искра въ тучѣ.... Зналъ ли бы ты, что едва ты успѣлъ создать мысль, уже ее поджидаютъ, точно чающія грома стихіи, сатана и ангелы, ударишь ли въ адъ или засіяешь въ небѣ... О люди! каждый изъ васъ могъ бы одинокій, скованный, разрушать или созидать мыслью и вѣрою престолы!“ Глубокое различіе между Мицкевичемъ съ одной стороны, и съ другой стороны—Гёте и Байрономъ, разработывавшими ту-же тѣму идейной борьбы съ божествомъ—то, что у послѣднихъ явѣрившійся умъ пытливый (Фаустъ) или озлобленный (Манфредъ) относился къ противнику скептически, доискивался кроющагося за представленіемъ и догадывался о какой-то бездонной пустотѣ. Напротивъ того, Мицкевичъ стоитъ на вполне религиозной почвѣ; для него, какъ для Данта, личный Богъ и безсмертіе души наглядно очевидны; онъ католикъ вполне и даже въ большей степени, нежели церковъ, въ немъ есть нѣчто изъ того духа, который вдохновлялъ пророковъ и ересіарховъ, духа, непосредственно и помимо синагоги или церкви ищущаго съ Богомъ общенія. Онъ въ сущности въ „Дядядахъ“ тотъ же, какъ и въ письмѣ къ Гоцинскому 1843 г. (Когт. I, 200): „мы не вѣтвь церкви; мы вырастаемъ изъ пня ея вверхъ тѣмъ же древеснымъ мозгомъ; мы не рукавъ и не заливъ, а самое среднее русло жизни церкви“. Конрадъ обращается къ Богу, вооруженный всею силою мысли, которая раскрыла тайны вселенной, вооруженный знаніемъ о Богѣ, превосходящимъ знаніе архангеловъ, но онъ обладаетъ еще болѣе сильнымъ орудіемъ—безпредѣльной властью чувства, самопитающагося какъ вулканъ и дымащагося только въ словахъ. „Ту власть я не взялъ,—говорить онъ,—съ плодовъ райскаго дерева, я не приобрѣлъ ее отъ книгъ или разсказовъ или отъ разрѣшенія задачъ; я родился творцомъ“. Вѣрный исходной точкѣ романтизма, поэтъ не сомнѣвается, что

¹⁾ Въ отрывкѣ «Виднѣе» I, 253, Мицкевичъ такимъ образомъ излагаетъ свои понятія объ этомъ безлотномъ мірѣ:

«Кругомъ стояли духи черные, ангелы блѣдые, враги и защитники душевные, крыльями студящіе или воспламеняющіе огонь, смѣющіеся, плачущіе, а всегда послушные тому, кого держатъ въ объятыхъ, какъ послушна бываетъ нянька дитяти, которое доверитъ ей отецъ дитяти—знатный баринъ».

это чувство всемогуще и чудотворно, что оно не заимствовано, а выработано имъ самимъ,—что когда онъ со всею силою души всмотрится въ стаю перелетныхъ птицъ или комету, то онъ осадитъ ихъ на жѣстѣ. Той власти не признаютъ только люди, не признаютъ насъ обоихъ, говорить узникъ: на нихъ онъ ищетъ управы и испрашиваетъ, чтобъ ему дано было управлять такъ людскими душами, какъ управляетъ онъ природою, не оружіемъ, не науками, не пѣснями и не чудесами, а чувствомъ, въ немъ обрѣтающимся, управлять, какъ говорятъ, что Ты управляешь непрестанно и тайно. „Да будутъ люди и для меня, какъ мысли и слова, изъ коихъ, когда захочу, свяжется строеніе пѣсни. Я бы создалъ мой народъ, какъ живу пѣснь, и совершилъ бы ббльшее, нежели Ты, диво, я бы пропѣлъ пѣснь счастья. Частичка этой власти достаточна; дай ту, которую овладѣла гордыня, съ одною этою частицею сколько бы я произвелъ блаженства“.—Отвѣта нѣтъ, узнику кажется, что онъ постигъ тайну: „Лжець, кто Тебя звалъ любовь, Ты только премудрость; тотъ лишь, кто вѣлся въ книги, въ металлъ, въ цифры, въ трупное тѣло, успѣетъ присвоить себѣ часть Твоего могущества; мысли Ты предназначилъ наслаждаться міромъ, сердце Ты посадилъ на вѣчное покаяніе. Зачѣмъ Ты далъ мнѣ кратчайшую жизнь и наисильнѣйшее чувство?“ Слѣдуютъ слезныя моленія: „Отвѣчай, если правда, что Ты любишь, какъ я слышалъ это съ сыновнею вѣрою; если чувствительное сердце было въ числѣ звѣрей, спасенныхъ въ ковчегѣ отъ потопа, если на миллионъ вопіющихъ „спасенія“ Ты не глядишь, какъ на выводъ уравненія“... — За моленіемъ слѣдуетъ угроза: „Чувство сожжетъ, чего мысль не сломитъ; это чувство я сожму, заражу имъ желѣзное орудіе моей воли, и выстрѣлю противъ Твоей природы; если не сокрушу, то потрясу все Твое царство, потому что прокричу во всѣ области созданія голосомъ, который изъ поволеній пройдетъ въ поволенія, что Ты не отецъ міровъ, а только деспотъ“. Узникъ упалъ въ изнеможеніи, не договоривъ послѣднато изъ этихъ словъ, которое за него досказано уже чертами. Капраль приводитъ для поданія помощи потерявшему чувства узнику монаха есендва Петра; слѣдуетъ затѣмъ сцена эзорцизма, задуманная въ шуточномъ родѣ, какъ у Данта или въ средневѣковыхъ мистеріяхъ. Изгоняющій кувыркающихся чертей, монахъ Петръ, пророкъ и духовидецъ, можетъ быть, списанъ съ Олешкевича или представляетъ собою другого двойника поэта (первымъ былъ Конрадъ), т.-е. состояніе его духа, уже прозрѣвшаго, покорнаго судьбѣ вѣрующаго и чающаго пришествія новаго мессіи. Вся эта часть внѣшнимъ образомъ связана съ прежними „Дзядами“, сценою, въ которой является женщина, напрасно вызывающая духъ любовника посредствомъ гусляра, но узнающая его въ одномъ изъ выво-

зимнихъ по дорогѣ близъ ваплицы ссыльныхъ. Такова путанная и несовсѣмъ стройная внѣшность произведенія, въ которомъ главное и первостепенное значеніе имѣетъ одна только сильно выдающаяся и потрясающая сцена *импровизации* уэнкиа. Она написана вся въ одинъ присѣсть, въ одну ночь, послѣ которой Одынецъ засталъ его блѣднаго, полу-одѣтаго, въ изнеможеніи спящаго на полу (Relig. i mistyka, стр. 148). Въ ней высказался Мицкевичъ весь съ величавымъ презрѣніемъ орла, парящаго на крыльяхъ чувства, пренебрегающаго тропами и стезями индуктивнаго аналитическаго ума, который только съ трудомъ и осторожно взбирается на горныя выси. Импровизація имѣетъ ближайшую связь съ первыми виленскими лирическими опытами, но счастливый инстинктъ, который въ Вильнѣ помогъ сокрушить требованія рутинны, возведеть въ принципъ всемогущества чувства, и на этомъ необузданномъ конѣ несется всадникъ и разбивается о стальную стѣну невозможнаго. Непосредственной власти надъ дѣлами людей поэтъ не домогилъ, но власть надъ ихъ чувствами онъ приобрѣлъ неограниченную и полную. Его порывистый энтузіазмъ поддерживалъ духъ, хранилъ отъ отчаянія, давалъ строй чувствамъ нѣсколькихъ поколѣній, которые вслѣдъ за нимъ бѣшено неслись и разбивались точно также о стальную стѣну, торопясь на бесполезное и погибая въ по-встанской пропагандѣ, пока пренебрегаемое пресмыкающееся насѣкомое—аналитическій разумъ—не добралось до стѣны, о которую разбивались фантасты, и не указало, какъ ее обойти и какъ приладиться къ новымъ неизбѣжнымъ условіямъ жизни, согласовавъ ихъ съ старыми привязанностями и воспоминаніями. Стѣна теперь обойдена, сама 3-я часть „Дядювъ“, вмѣстѣ съ изданнымъ совокупно съ нею отрывкомъ: „Петербургъ“, посвященнымъ „друзьямъ-Москалямъ“ (Парижъ 1833), является нынѣ пережитымъ моментомъ, историческимъ памятникомъ, поэтическимъ выраженіемъ настроенія извѣстнаго общества въ самый критическій моментъ его существованія, но также однимъ изъ немногихъ великихъ произведеній, какими можетъ похвастаться не всякая литература (заковы: Прометей, Фаустъ, Манфредъ), въ которыхъ поставлены, хотя и не разрѣшены глубочайшія и труднѣйшія задачи бытія и совѣсти. Въ 3-й части „Дядювъ“ Мицкевичъ окончательно распрощался съ байронизмомъ, даже начатый переводъ „Гаура“ ему оостылъ и оконченъ былъ съ трудомъ. Какъ одновременно съ 4-ю частью „Дядювъ“, писалась ничего съ ними общаго не имѣющая „Гражина“, такъ непосредственно послѣ окончанія 3-ей части „Дядювъ“ укладывалось изъ давнишнихъ матеріаловъ и мотивовъ, иное провведеніе, самое полное, самое совершенное, самое зрѣлое, ставимое нынѣ выше всѣхъ остальныхъ произведеній Мицкевича, произведеніе,

которое новейшая критика ¹⁾ уподобляет непосредственно „Илиадъ“, спокойный, ясный, шляхетскій эпосъ въ 12 пѣсняхъ, — *Панъ Тадеушъ*, переданный недавно (1875, Варшава) весьма талантливо, хотя не совсемъ точно Н. Бергомъ, въ котораго переводѣ есть уклоненіе отъ подлинника въ подробностяхъ, но что важнѣе — огонь вдохновенія подлинника усвоенъ переводу.

Объяснимъ вѣшнія условія, сопровождавшія рожденіе этой поэмы. Мицкевичъ сильно бѣдствовалъ въ Дрезденѣ, потомъ съ половиною 1832 года въ Парижѣ; въ числѣ его страданій самую малую долю составляла заглядывавшая къ нему нужда, сдѣлавшаяся до конца жизни неотступною его спутницею. Рынокъ для сбыта произведеній ограничивался теперь неимущимъ выходствомъ и Вел. Княж. Познанскимъ, да и тотъ скудный кусокъ хлѣба отнимала дрезденская контрафавція (Kongress., I, 84). Поэтъ озабоченъ, какъ бы продать право собственности на всѣ произведенія за пожизненную пенсію въ 1000 злотыхъ (150 р.), каковую передать брату Францу выходцу: „а я самъ — писалъ поэтъ, — какъ-нибудь проживу“ (Kongress. I, 71); „видѣлъ ли ты когда-нибудь меня заботящимся о завтрашнемъ днѣ“ (I, 66). Кругомъ все были страдающіе и нищіе, вдобавокъ грызущіеся изъ-за прошлаго, изъ-за влчезъ: аристократіи и демократіи, консерватизма или революціонерства, католицизма или совершеннаго безвѣрія. Ему, Поляку, несущему свое народное начало, отвлекаемое отъ всѣхъ другихъ партій и теченій западно-европейской жизни, глубоко противны были интриги, ссоры, сплетни, да и самъ суетный „проклятый“ Парижъ съ своими баррикадами. („О чемъ тутъ будемъ гнѣть средь вѣчной суеты парижскихъ мостовыхъ или грязи и проклятій, неистощимыхъ слезъ и воплей меньшихъ братій“?). Къ этимъ обиденнымъ огорченіямъ присоединилась болѣзнь отъ чахотки и смерть поэтического питомца Мицкевича, молодого поэта Стефана Гарчинскаго (род. 1805, ум. 1833). Гарчинскій, познанецъ и ученикъ Гегеля, имѣлъ несомнѣнное поэтическое дарованіе, которое пробудилось въ немъ при чтеніи произведеній Мицкевича, поѣхалъ въ Римъ и привязался къ Мицкевичу, несмотря на нескончаемые споры между ними, Мицкевичемъ и Однцомъ изъ-за философскаго его пантеизма. Въ Дрезденѣ 1832 г. они опять сѣхались; Мицкевичъ въ душѣ сожалѣлъ, что, подобно Гарчинскому не поступилъ въ повстанскіе солдаты. Въ началѣ мая 1833 г. Гарчинскій прислалъ въ Парижъ для намечатанія рукопись поэмы „Вацлавъ“, отъ которой Мицкевичъ пришелъ въ неописанный

¹⁾ Hugo Zathay, Uwagi nad Panem Tadeuszem. Pocknań 1873; W. Nehring, Pan Tadeusz Mickiewicza, въ Atenenm 1877, № 11. Ненаданныя публичныя лекціи Ст. Гарновскаго, читанныя въ 1878 г. въ Варшавѣ о Панѣ Тадеушѣ. Alex. Pechnik, Goethe's Hermann und Dorothea und Herr Thaddeus, eine Parallele. Leipzig. 1879.

восторгъ ¹⁾. Мицкевичъ вообще не всегда былъ хорошимъ оцѣнщикомъ произведеній искусства: въ настоящемъ случаѣ онъ сильно ошибся, потому что „Вацлавъ“ есть не болѣе, какъ разбавленная парафраза его Однъ въ молодости и „Валенрода“, а главное 3-й части „Дядювъ“ ²⁾; Мицкевича, очевидно, подкупили звучащія въ поэмѣ его же собственные мотивы, причемъ онъ не обратилъ вниманія на ходульное и каррикатурное. Вацлавъ просто — фантастъ съ разстроенными нервами; онъ врывается въ церковь въ страстную пятницу и вызываетъ на споръ священника, обывая религію шарлатанствомъ, потомъ возрождается къ новой жизни посредствомъ патриотизма, слыша какъ паробки поютъ: *Jeszcze Polaka nie zginęła*, наконецъ, превращается въ заговорщика. Въ половинѣ 1832 г. Гарчинскій уже угасалъ; Мицкевичъ совместно съ сердобольною покровительницею выходцевъ, Клавдією Потоцкою, перевезъ его изъ Швейцаріи въ Авиньонъ, гдѣ 20 сентября на рукахъ его Гарчинскій скончался, послѣ чего Мицкевичъ писалъ: „я — какъ французъ, возвращающійся послѣ 1812 г., деморализованный, слабый, оборванный, почти безъ сапоговъ“ (Когг. I, 94). Кислый, пасмурный, состарѣвшійся, сдѣлавшійся даже неряшливымъ, Мицкевичъ жилъ только въ маломъ кружкѣ ближайшихъ друзей и поклонниковъ, затывалъ уши на происходящее вокругъ, и отъ горькаго настоящаго, и отъ шумихи европейской бѣжалъ мысленно въ край, „гдѣ легче мнѣ забыть свою тоску, гдѣ есть хоть малая отрада Поляку, край дѣтскихъ лѣтъ; ...гдѣ весело игралось мнѣ бывало, гдѣ рѣдко я грустилъ и плакалъ очень мало“... (Вступленіе). Чѣмъ пасмурнѣе становилось все кругомъ, тѣмъ чаще туда удалялся поэтъ и продолжительнѣе оставался: поэма, задуманная въ малыхъ размѣрахъ, дошла до громадныхъ. Первое извѣстіе о ней встрѣчаемъ ³⁾ въ письмѣ отъ 8 дек. 1832 (Когг. I, 66): „пишу сельскую поэму въ родѣ Германа и Дороней, накропалъ уже тысячу стиховъ“. Писалъ онъ ее, бросалъ и опять къ ней возвращался, потому что „когда я писалъ, то мнѣ чудилось, что я въ Литвѣ сижу“; „писаніе потѣшало меня несказанно, переносило меня въ милую родину“ (Коггер. I, 74, 100). Въ моментъ смерти Гарчинскаго были уже написаны 4 гѣсны, и автору казалось, что поэма уже на три-четверти готова; наконецъ въ письмѣ къ Одмицу, въ февралѣ 1834 г., записано: „Вчера кончилъ Тадеуша — огромныя двѣнадцать гѣсемъ; много пустаго, но много и хорошаго,

¹⁾ Коггер. I, 6: „Ничто меня такъ несамомъ съ тѣхъ поръ, какъ я читалъ Шиллера и Байрона. Еслибы Вацлавъ не былъ твое произведеніе, то я бы позаивдовалъ, можетъ быть, автору.

²⁾ St. Tańnowski, Stefana Garczyńskiego *Wacław i drobne poezye. Przegląd Polski*, marzec 1872.

³⁾ Есть предположеніе, что Мицкевичъ началъ ее писать еще въ Луковѣ, въ вел. кн. Познанскомъ, въ первой половинѣ 1832, но извѣстія эти сомнительны.

....лучшее, что тамъ есть — картинки съ природы, нашего края и нашихъ домашнихъ обычаевъ. — Пера я, кажется, никогда уже не обращу на пустяки, — прибавляетъ онъ; — можетъ быть, я и Тадеуша бы бросилъ, но онъ былъ близокъ къ концу. Кончилъ съ трудомъ, потому что духъ порывалъ меня въ другую сторону, къ дальнѣйшимъ Дздамъ, изъ которыхъ я намѣренъ сдѣлать единственное произведение мое, достойное чтенія“¹⁾). Относительно „Тадеуша“ Мицкевичъ положительно ошибался: „Дяды“ скорѣе состарились, а то, что онъ считалъ пустякомъ и развѣченіемъ, сияетъ неуываемою юностью, потому что въ этой поэмѣ совмѣщена кристаллизованная цѣлая отошедшая культура исторически жившаго народа со всѣми сторонами ея быта, живо, полно, рельефно, картинно, начиная отъ яствъ, питья и одежды, охоты, драки, земледѣлія, домашнего очага, семьи, до молитвы, до нестираемыхъ воспоминаній и задушевнѣйшихъ пожеланій и надеждъ. Коверъ вытканъ кропотливо, нитка по ниткѣ, ярко и пестро, дѣйствующихъ лицъ выведены многіе десятки, цвѣта подобраны и согласованы гармонически, ни одного узора, ни лица не выкинешь, не испортишь цѣлага; патетическое сливается съ юмористическимъ; не только внѣшность быта живописана реальнѣйшимъ образомъ, но фиксирована сама его душа. Вотъ отзывъ о „Панѣ Тадеушѣ“ Красинскаго 1840 г. (Dodatek do Czasu, 1859): „Донъ-Кихотъ слился съ Илиадою. Поэтъ стоялъ на перешейкѣ между исчезающимъ поколѣніемъ людей и нами, видѣлъ ихъ до смерти, а теперь ихъ уже нѣтъ, это и есть эническая точка зрѣнія; онъ увѣковѣчилъ мертвое племя; оно не умретъ“. Главный и коренной мотивъ и ось, вокругъ которой вращается все произведение, это—вѣковая національная вражда Поляковъ и Русскихъ, изображенная столь объективно, что любишь и уважаешь добрую, храбрую и честную натуру капитана Рыкова; понимаешь, что виноваты въ старомъ спорѣ не люди, а роковое прошлое и разная политическая выправка. Сердце поэта конечно между своими политически-умершими, но духомъ не упавшими соотчичами; отмѣчены ихъ добрыя качества, не пропущены и дурныя: усобицы, процессы, рознь изъ-за частныхъ счетовъ и личныхъ партій. Обовъ зажиточныхъ средней руки помѣщиковъ доживаютъ свой вѣкъ шляхетскія селенія—буйная армія раздрадѣльной анархіи, готовая драться съ кѣмъ угодно, лишь бы призывъ былъ скрашенъ предлогами, что онъ дѣлается *pro publico bono* и сопровождался поклономъ братьямъ шляхтичамъ. Нашушываются причины распаденія, но на зло существуетъ и лекарство, событія польскія вpletены въ обще-европейскія — тѣ самыя, которыя и Гёте вялъ за фонъ своего мѣщанскаго апоса. За сценою событийъ стоитъ тотъ „див-

¹⁾ Коттеар., I, 86, 88, 99.

ный вождь, богъ брани, геній смѣлый... съ златыми въ рядъ серебряныхъ орловъ, въ побѣдоносную запрыганій колесницу и заносащій грозящую десницу надъ Сѣверомъ" (п. 1). Его пришествія чають какъ спасенія, при его появленіи въ одинъ мигъ въ огнѣ патриотическаго энтузіазма облобызаются Соплицы и Горешки, обнимутся и шляхта и доктринеръ изъ Нѣмцевъ Бухманъ и патриотъ Еврей Янкель, въ жертву общему благу принесены будутъ всѣ права, освобождены будутъ и крестьяне, но для сохраненія традиціи и ихъ надѣлать шляхетскими гербами (п. XII). Наполеонъ понять, какъ воплощеніе величайшаго міроваго событія — французской революціи, и какъ человѣкъ, получившій призваніе сокрушать и обновлять обветшалыя общества; при его посредствѣ совершается бракосочетаніе въ общемъ славѣ новыхъ великихъ міровыхъ идей съ національнымъ преданіемъ.—Профессоръ Нерингъ объяснилъ довольно удовлетворительно употребленные при созданіи эпоса приемы и мотивы. Мицкевичъ по природѣ своего таланта былъ столько же эпикъ, сколько лирикъ: съ самыхъ раннихъ лѣтъ муза его не пренебрегала предметами самаго обыденнаго содержанія (Warsaby, замисель поэмы о картофелѣ); въ Вильнѣ еще онъ глубоко изучалъ Иліаду; изъ современныхъ критиковъ очень уважалъ А. В. Шлегеля (изложившаго цѣлую теорію эпопей въ *Jenauer Allgemeine Literatur Zeitung*, 1797, по поводу Гетевского *Hermann und Dorothea*). Самъ Мицкевичъ писалъ, что онъ имѣлъ сначала намѣреніе написать нѣчто въ родѣ Германа и Доротеи; въ обѣихъ поэмахъ рѣшающимъ лицомъ является духовная особа; въ обѣихъ, по вѣрному замѣчанію Шлегеля, обыденное возвышено тѣмъ, что поставлено на подкладкѣ великихъ міровыхъ событій. Согласно совѣтамъ Шлегеля, взять изъ Иліады только духъ, а не формы, ноэтъ прочиталъ ее и точно забылъ, усвоивъ только объективность, спокойствіе и мѣрный ритмъ постепенно развертывающагося разсказа. Наконецъ, стройная правильность этого вполне классическаго произведенія далась отчасти поэту, можетъ быть, и вслѣдствіе его непосредственнаго общенія съ классическою Италіею и съ произведеніями античнаго искусства. Несомнѣнно также, что Мицкевичъ кое-чѣмъ позанимствовался не столько относительно матеріала, сколько относительно приемовъ у даровитѣйшаго, каковаго имѣла польская литература, разсказчика, нѣсколько позже широко прославившагося, графа Генриха Ржевускаго. Они сблизились въ Крыму, посѣщали другъ друга въ Петербургѣ, прожили всю зиму 1830 г. въ Римѣ. Ржевускій сталъ записывать по настоянію Мицкевича свои разсказы: „Записки Северина Соплицы“ (1839), въ которыхъ являются Рейтанъ, Володковичъ и другія лица, упоминаемая въ „Панѣ Тадеушѣ“, носящемъ тоже фамильное имя Соплицы. Не видно, чтобы Мицкевичъ заимствовалъ отъ

Ржевускаго фабулу разсказа, но онъ восхищался манерою и вѣдностью разсказа и считалъ Ржевускаго, какъ юмориста, послѣднимъ самымъ типическимъ преемникомъ Рея изъ Нагловиць (Одмн. II, 20). Очень небольшое взято Мицкевичемъ изъ вычитаннаго или слышаннаго, но къ числу такихъ заимствованій принадлежитъ эпизодъ, который далъ второе названіе поэмѣ (*Pan Tadeusz albo Ostatni Zajazd na Litwie*), а именно „Заѣздъ“—самоуравное осуществленіе своего права или исполненіе судебного рѣшенія частными лицами, помимо суда, застѣпною шляхтою въ Соплицовскомъ дворѣ. Въ эпоху юности Мицкевича такіе заѣзды уже принадлежали къ области исторіи. Наибольшая часть матерьяла дана непосредственными личными воспоминаніями; поэма вся составлена изъ знакомыхъ поэта, изъ настоящихъ портретовъ: Ассесоръ и Регентъ, Гервасій и Протасій, уланы и шляхтичи усачи; романическій графъ чудакъ и цимбалистъ Янвель. Столичная испорченная и офранцузенная кокетка Телимена изображаетъ одну изъ одесскихъ или петербургскихъ свѣтскихъ красавицъ; въ Зосѣ есть кое-какія черты Марыли, хотя вообще она очерчена слабо, съ заурядными свойствами сельской простоты и наивности. Вообще обрисовка женскихъ характеровъ и типовъ не далась ни Мицкевичу, ни другимъ его великимъ сверстникамъ, и въ новзіи польская женщина не занимаетъ подобающаго ей мѣста, какое ей приличествовало бы по заслугамъ въ жизни. Женщины сильной, самостоятельной, женщины-гражданки они не изображали. Несравненно богаче мужскіе типы, но и между ними наименѣе типиченъ самъ панъ Тадеушъ, добрый, прямой, но недалекій малый: „пригожъ и крѣпокъ и здоровъ, имѣлъ въ родню въ Соплицъ военныя хватки... Онъ въ школѣ по ружью и саблѣ тосковалъ, а надѣ грамматику отчаянно зѣвалъ“ (пѣсня 1). Онъ поставленъ вмѣстѣ съ Зосею только какъ внѣшняя связка, соединяющая враждующіе дома Горешковъ и Соплицъ. Герой поэмы не онъ, а его отецъ, кающійся грѣшникъ, скрывающій подъ монашескою рясою и каптуромъ есендза Робака свое прежнее имя Яцка Соплицы, убившаго когда-то мѣткимъ выстрѣломъ знатнаго пана стольника Горешку, въ то время, какъ этотъ послѣдній отражалъ русскія войска и потому прослывшій сынциномъ Русскихъ, измѣнникомъ и Тарговичаниномъ. Есендзъ Робакъ искупалъ вину какъ только могъ, далъ воспитаніе ввучкѣ стольника, въ надеждѣ женить на ней своего сына, служилъ польскому дѣлу какъ наполеоновскій агентъ, подготовлялъ обширное повстаніе; но его же прошлое разстраиваетъ его планы, его намеки истолковываются превратно, старинный слуга дома Горешковъ, Гервасій, пользуется возбужденіемъ шляхты, чтобы поднять ее на Соплицъ и „заѣхать“ домъ главы этого рода, судьи Соплицы, брата монаха Робака. Торжество горешковской партіи было недолгое, явились русскіе сол-

даты и охмѣлѣвшую сонную шляхту перевязали какъ барановъ. Тогда Робакъ выручаетъ арестантовъ изъ бѣды, сторонники Соплиць вмѣстѣ съ сторонниками Горешковъ нападаютъ на солдатъ и производятъ послѣ жестокаго боя избіеніе москалей, послѣ чего, кто можетъ, удираетъ за Нѣманъ подъ наполеоновскія знамена. Въ бою смертельно раненъ Робакъ, и предсмертной исповѣди его посвящена цѣлая 10-я пѣсня. Гордый стольникъ пользовался услугами хвата Яцка на сеймикахъ и трибуналахъ, но когда Яцекъ страстно полюбилъ его дочь, которая отвѣчала ему взаимностью, знатный панъ сдѣлалъ видъ, что вовсе ничего не замѣчаетъ, а потомъ отказалъ Яцку и несчастную дочь свою выдалъ за воеводу. Эта холодная жестокость подвинула Яцка на преступленіе, которое онъ потомъ пытался загладить подвигами патриотическаго самопожертвованія. На исповѣди Яцка собственно и обрывается дѣйствіе; все остальное: легионисты, 1812 годъ, крестъ почетнаго легиона, повѣщенный на могилѣ Яцка, пиръ и игра Янкеля на цимбалахъ, это только великолѣпный эпилогъ съ послѣдними аккордами. Но эта-то именно фигура Яцка, занимающая центральное мѣсто въ произведеніи, есть диссонансъ въ цѣломъ: до того она по своему характеру не эпична и не подходитъ по тону и ритму ко всему остальному. Въ Яцкѣ совмѣщаются два лица: ветхій и новый—ветхій необузданный, новый поборающій ветхаго съ сверхъестественною силою. Двѣ личности не сошлись, коллизія ихъ высоко драматична, но не эпична, потому что какъ лихорадочная порывистость одного, такъ и сверхъестественная мощь другого одинаково выходятъ изъ простой нормы, изъ характеризующихъ область эпоса качествъ: простоты, человѣчности, удобопонятности. Робакъ есть послѣднее преображеніе прежняго идеала поэта, сокрушенный байронистъ и романтикъ, кающійся, искупающій безпредѣльнымъ самоотреченіемъ и практическими дѣлами увлеченія своего чувства, свою грѣшную гордыню и самолюбіе. Но Яцекъ Соплица въ поэмѣ не только—видоизмѣнившійся первичный идеаль поэта, онъ еще частица и собственной его души: исповѣдь его есть собственная автобіографія Мицкевича. Эта особенность хранима была долгое время въ тайнѣ, даже по смерти поэта, пока въ началѣ семидесятыхъ годовъ съ одной стороны письма Одынца, съ другой—разсказъ, переданный госпожею Духинскою, Генриетты-Эвы Анквичъ-Скарбекъ, по первому мужу Шембекъ, по второму—Кучковской, не обнаружили, что Яцекъ былъ самъ Мицкевичъ, что Эва была Генриетта¹⁾, а стольникъ—графъ Анквичъ, съ убійственною, невозмутимою вѣжливостью осаживающій зазнавагося сонскателя...²⁾ Впечатлѣніе, произведенное Паномъ Тадеушемъ въ обще-

¹⁾ «Но Эва, подойдя, такой кидала взглядъ, что въ вроткихъ ангеловъ могъ прервать весь адъ». Пѣсня X.

²⁾ «Знай, что дочь моя—уже почти жена, За каштелянича помолвлена она, Но ви-

ствѣ польскомъ; было громаднѣйшее и весьма продолжительное; признаніе достоинствъ полнѣйшее. Въ то время поэтъ уже порывался духомъ къ иному, болѣе возвышенному, по неизмѣнному стремленію своей натуры, этические идеалы ставящей неизмѣримо выше эстетическихъ. Къ Одмнцу онъ писалъ въ приведенномъ уже письмѣ 1834 г. (Когт. I, 99): „Мое правило—не оглядываться ни на кого, смотрѣть только на себя, мало печись о свѣтѣ и людяхъ... Я убѣждаюсь, что слишкомъ много жилось и работалось для міра сего, для пустыхъ похвалъ и мелкихъ цѣлей. То только писаніе чего-нибудь стоитъ, посредствомъ котораго человекъ можетъ исправиться и научиться мудрости“.—Но задуманное не осуществлялось и даже „Дяди“ остались не отдѣланными, потому, что Мицкевичъ созидалъ только тогда, когда на него сходило вдохновеніе, а оно сходило на него рѣже и рѣже. Последнее отмѣченное его посѣщеніе было въ 1840 г., когда друзья давали обѣдъ Мицкевичу въ день Рождества, и онъ, вызванный на импровизацію Словацкимъ, отвѣчалъ съ жаромъ, котораго не чувствовалъ со времени писанія 3-й части „Дядювъ“ (Когт. I, 174). Въ домашней жизни Мицкевича произошла перемѣна: въ половинѣ 1834 года онъ женился (Когт. I, 103). Слыша похвалы дѣвицѣ Селинѣ Шимановской, дочери пианистки, которую знавалъ бойкою, капризною, но миленькою дѣвочкою въ Петербургѣ, Мицкевичъ проговорился предъ друзьями, что онъ бы радъ на ней жениться. Друзья устроили дѣло, вызвали Селину въ Парижъ—бракосочетаніе состоялось и хоти совершилось оно не по влеченію любви, но нѣкоторое время Мицкевичъ вполнѣ былъ счастливъ съ женою, веселою, довольствующеюся самымъ малымъ (Когт. I, 103). Явились дѣти, росли заботы о хлѣбѣ насущномъ; жена съ 1839 г. по смерть свою, въ 1855 г., сходила три раза съ ума.—Въ 1837 г. Мицкевичъ пробовалъ силъ своихъ въ совершенно новомъ родѣ творчества, онъ далъ для постановки на театрѣ Porte Saint-Martin драму на французскомъ языкѣ ¹⁾ *Барскіе конфедераты*, которую сильно поддерживала Жоржъ Зандъ. Драма, несмотря на то, не была принята какъ несценичная; она—произведеніе слабое; три послѣднія ея дѣйствія гдѣ-то, ходя по рукамъ, затерялись, остались только первыя два. Въ 1839 г. Мицкевичъ устроился, получивъ, не смотря на свое вѣронсповѣданіе, катедру латинской словесности въ весьма протестантскомъ университетѣ въ Лозаннѣ; вскорѣ потомъ, въ концѣ 1840 г., ему открылось гораздо болѣе обширное поприще для дѣятельности: ему поручено было французскимъ правительствомъ преподаваніе на французскомъ языкѣ, на вновь открытой катедрѣ, сла-

дши, въ Витебскѣ не въ Виленѣ катедранъ, Совѣмъ не мудрый стулъ или креслишко въ Сенатѣ. Что скажешь мнѣ на то коханий пане брате*? (II. X.)

¹⁾ *Mélanges posthumes d'Ad. M. par Ladislas Mickiewicz, 1872. Paris. 1-re Série.*

ванскихъ литературъ, въ Collège de France. Постъ былъ въ высшей степени почетный, публика по своей развитости безподобная, соотечественники ожидали весьма многого отъ безспорно перваго современнаго поэта Польши и Славянства (Пушкинъ ум. 1837 г.), но срочная, систематическая кропотливая работа преподавателя не приходилась Мицкевичу по душѣ; она его истощала и не удовлетворяла. Въ ученые онъ не годился, но изъ славянскихъ литературъ онъ коротко зналъ двѣ главныя: русскую, до тридцатыхъ годовъ, и польскую. Онъ могъ если не овладѣть вполне предметомъ, то во всякомъ случаѣ воодушевлять слушателей, передавая имъ, положимъ, не о Славянствѣ, но о Польшѣ, много глубокихъ и поэтическихъ мыслей. Но именно въ это самое время, когда Мицкевичъ началъ второй курсъ лекцій (въ іюль 1841), онъ умственно свихнулся, оступился въ мистицизмъ, котораго обильные задатки имѣлись въ его душевной организаціи; вмѣсто науки сталъ преподавать религіозное ученіе и политику, и подвергся удаленію съ кафедръ (последняя лекція была 28 мая 1844), вслѣдствіе явнаго уклоненія отъ обязанностей преподаванія. Эта печальная перемена вызвана была появленіемъ въ Парижѣ теософа Андрея Товянскаго и образованіемъ въ лонѣ католицизма особой раскольнической церкви или такъ-называемаго „товянизма“. Участіе Мицкевича въ этомъ дѣлѣ ¹⁾ интересно болѣе въ патологическомъ отношеніи, оно повліяло однако и на содержаніе курса славянскихъ литературъ ²⁾. Оно можетъ быть объяснено только сопоставленіемъ того, что дѣлалъ Мицкевичъ послѣ 1841, съ идеями, разсѣянными въ его статьяхъ въ журналѣ „Pielgrzym“, и съ книжкою, которую онъ писалъ еще въ Дрезденѣ и Парижѣ и издалъ 1832 г. въ Парижѣ: *Книги польскаго народа и странничества* ((Księgi narodu polskiego i pielgrzymstwa polskiego),

Книжку эту онъ стѣснялся продавать и раздавалъ даромъ (Когг. I, 173); она написана библейскимъ слогомъ, прозою, была переведена почти тотчасъ же на многіе европейскіе языки и послужила образцомъ для евангельски-соціалистическихъ размышленій Ламне въ *Paroles d'un stoïcien*. Она—книга бытія, книга исхода и катихизисъ польскаго странника; она изображаетъ, какъ любо было христіанскимъ народамъ послѣ крестовыхъ походовъ, „когда свобода распространялась медленно, но постоянно и жѣрно, отъ короля на знатныхъ пановъ, отъ этихъ послѣднихъ на шляхту, отъ шляхты на города; вскорѣ она должна была

¹⁾ Współdział A. Mickiewicza w sprawie Andreja Towiańskiego, Listy i przemówienia, 2 t., Paryż. 1877.

²⁾ Извлеченія изъ курса въ *Politique du XIX siècle* par Adam Mickiewicz. Paris, 1870. Курсъ, напечатанный на французскомъ языкѣ и переведенный по нѣмецки, изданъ въ польскомъ переводѣ Вротновскимъ: *Literatura Sławiańska wykładana w Kolegium francuzkiém*, 4 tomu. Poznań, 1865.

низойти на весь людъ, а со свободою равенство(?)". Но короли все испортили и натворили идоловъ, послѣдній и самый мерзкій изъ этихъ идоловъ былъ „интересъ“. Паденіе Польши объяснено тѣмъ, что этотъ народъ не преклонялся предъ идоломъ интереса и творилъ добро безкорыстно; когда Польша возстановится, то войнъ не будетъ. Въ ожиданіи этого возстановленія странники должны держаться въ кучкѣ, не ссориться, сора изъ избы не выносить, не искать покровительства у князей міра сего, не учиться у мудрецовъ (у лжеучителей Вольтера и Гегеля, у пустомелей Гизо и Кузена). И Мицкевичъ и его соотечественники видѣли только одну сторону дѣла, одни доблести прошлаго безъ его грѣховъ, безъ внутреннихъ причинъ обѣихъ катастрофъ 1795 и 1830 г. Они не понимали, тѣмъ менѣе могли они додуматься до практическихъ путей выхода изъ несомнѣнно тягостнаго положенія. Иного выхода они и не допускали кромѣ реставраціи, то-есть отгнѣни совершившагося факта, на которомъ, какъ на каменномъ фундаментѣ, уже утвердилась и обстроилась политическая система современныхъ правительствъ. Энергическое сознаніе живучести народа, которое они питали, и совершенное безсиліе, возбужденіе нервовъ чувства и параличъ нервовъ движенія, вели роковымъ образомъ къ мистической вѣрѣ въ спасеніе невѣдомымъ образомъ, посредствомъ чудесъ. Страданія въ настоящемъ вознаграждаемы были великолѣпнѣйшими мечтаніями о царствѣ славы въ будущемъ, когда неисполнившій своего призванія народъ явится опять осуществителемъ христіанской идеи въ гражданскихъ и международныхъ отношеніяхъ. Какъ можетъ совокупность лицъ, которыя и слабы, и неуживчивы, и мало способны при приведеніи въ исполненіе простѣйшихъ предпріятій, быть подвинута на ображеніе всей Европы? Отвѣтомъ на этотъ вопросъ служило, съ одной стороны, указаніе на сотрясенія европейской почвы, предвѣстники переворота 1848 г. (отъ переворота монархической принципъ не ослабѣлъ, а усилился, но въ то время предполагалось, что дни его сочтены и приводились слова Наполеона: *dans cinquante ans l'Europe sera republicaine ou cosaque*); во-вторыхъ, предположеніе превратившееся въ увѣренность, о предстоящемъ появленіи великаго человѣка, „живого закона“, новаго Моисея, Христа, Наполеона, въ которомъ идея будущаго найдетъ свое подходящее воплощеніе (*incarnation*), послѣ чего уже она получитъ осуществленіе (*réalisation*). Случайно и явилось лицо, которое выдаю себя за такого, Богомъ посланнаго „человѣка судьбы“, и передъ которымъ Мицкевичъ сразу преклонился, ставъ въ положеніе покорнаго ученика къ „учителю“, послѣ чего своимъ словомъ и примѣромъ онъ увлекъ многихъ другихъ товарищей выходцевъ. Это лицо былъ нѣкто Андрей Товянскій (род. 1798, ум. 13 мая 1878), бывшій судья по выборамъ въ главномъ литовскомъ судѣ (въ Вильнѣ), сосредоточенный

въ себѣ мечтатель, мало читавшій, мало образованный, но съ раннихъ лѣтъ помышлявшій о религіозной реформѣ и дошедшій до такого совершенства въ духовной жизни, что ему казалось, что онъ получалъ на все приказанія свыше ¹⁾. Подобно многимъ своимъ землякамъ современникамъ, Товянскій былъ наполеонистъ, суевѣрный почитатель духа Наполеона; онъ слѣдилъ кой-за-какими результатами открытій въ естественныхъ наукахъ, въ особенности за ясновидѣніемъ и магнетизерствомъ и составилъ себѣ особые понятія о силѣ воли и о невидимомъ мірѣ, облегающемъ видимый, — нѣчто похожее на ученіе о переселеніи душъ. Онъ пришелъ къ убѣжденію, что наступила пора осуществлять начала христіанства, вводя ихъ въ практику частной и общественной жизни, съ чѣмъ связано и будущее Польши. Онъ отправился съ этимъ призваніемъ, взявъ паспортъ, за границу (іюнь, 1840). Такъ какъ онъ былъ совсѣмъ не рѣчистъ, не находчивъ въ большихъ собраніяхъ и даже на письмѣ выражался неясно и съ величайшимъ трудомъ, то единственный способъ къ исполненію задуманнаго только и могъ заключаться въ томъ, чтобы обратиться въ свое ученіе одного или нѣсколькихъ сильныхъ и вліятельныхъ людей, посредствомъ которыхъ управлять потомъ движеніемъ, стоя такъ-сказать за облаками. Товянскій всегда твердилъ самымъ упорнымъ образомъ, что онъ правовѣрный римскій католикъ, только понималъ онъ эту религію немного по-своему; въ выборѣ адептовъ и въ дѣйствіи на нихъ онъ обнаружилъ необыкновенную проницательность, стойкость и ловкость. Адептовъ искалъ онъ только между вѣрующими; первые опыты не удались: архіепископъ Дуинъ въ Познани и бывшій главнокомандующій повстанія генералъ Скржинецкій въ Брюсселѣ, выслушали его, но потомъ отступились, почуявъ ересь. Послѣ того въ іюлѣ 1841 г. Товянскій сразу подчинилъ себѣ Мицкевича отерывъ ему нѣкоторыя обстоятельства прошлой жизни поэта, никому, какъ полагалъ Мицкевичъ, неизвѣстныя, и содѣйствовалъ исцѣленію находившейся тогда въ заведеніи для умалишенныхъ жены Мицкевича, связанными ей нѣсколькими сильными словами, которыя тотчасъ на нее подѣйствовали ²⁾. Загадочное въ средствахъ обращенія объясняется очень просто. Товянскій въ Вильнѣ слышалъ много подробностей о Мицкевичѣ отъ его виленскихъ друзей, отъ Марыли, Путкаммера, отъ живописца Ваньковича; кромѣ того, оказывается, что двѣ зимы 1835 и 1836 г. онъ провелъ въ Дрезденѣ, выдавая ежедневно съ Одинцомъ, и ведя нескончаемые

¹⁾ „Иногда я по цѣлымъ днямъ обдумывалъ, какъ должны быть шиты сапоги; по нѣсколькимъ часамъ молился, какъ купить гвозди на прибывку крыши для отца, чтобы все это было *съ правды*“.— „Бывъ судьей, я по утрамъ сидѣлъ въ церкви, послѣ чего мнѣ трудно было сбить съ результата, какой я отиѣтилъ себѣ въ молитвѣ по какому нибудь дѣлу (Współud. I, 196).

²⁾ Срав. статью: Z powodu wspomnienia o Mick., въ журналѣ Niwa 1879, № 113.

разговоры о Мицкевичѣ (Siem., Relig. str. 149). Сѣмя падало на почву вполне подготовленную. Тоскливыя выжиданія выходца опережали время, заставляли его чаять чудеснаго; дѣйствіе той прямой власти надъ душами, которой онъ добивался въ 3-ей части „Дзядовъ“ отъ Бога, онъ испыталъ на себѣ въ новомъ откровеніи... Такъ какъ онъ никогда не ходилъ у официальной церкви на помочахъ, то всѣ возраженія съ этой стороны онъ устранялъ словами: „когда народъ движется въ гробу, потому что высшій духъ отваливаетъ камень, вы спрашиваете у того духа, имѣетъ ли онъ патентъ на званіе механика и форменное разрѣшеніе входа на кладбище“¹⁾. Мицкевичъ звалъ изъ Чили въ Европу друга проф. Домейку въ октябрѣ 1842: „пока ты пріѣдешь въ Европу, уже начнутся событія и знамя наше будетъ развѣваться походомъ въ Польшу“ (I, 44). Ученикъ рвался къ дѣлу и увлекалъ за собою учителя. Самъ Товянскій склоненіе былъ бы къ выжиданію, его идеи были: писать посланія къ императору Николаю (I, 189), собираться въ Римъ, дабы дѣйствовать на папу, пытаться обратитъ Ротшильда, но, вѣроятно по настоянію Мицкевича, начались богослуженія по парижскимъ церквямъ съ рѣчами Мицкевича и Товянскаго, произведшія скандалъ и послужившія поводомъ къ изгнанію Товянскаго изъ Франціи (іюль, 1842), послѣ чего главнымъ дѣйствующимъ лицомъ товянизма въ Парижѣ остался Мицкевичъ, въ двойномъ характерѣ „вождя святаго дѣла“, организатора новой религіи въ группахъ, по семи человекъ въ каждой, и преподавателя въ Collège de France, вносившаго начала новаго вѣроисповѣданія въ свое преподаваніе. Успѣхи товянизма не были особенно блистательны даже среди эмиграціи. Гоцинскій и Словацкій применули къ движенію, Б. Залѣскій уклонился, Витвицкій и священники Поляки (Геронимъ Кайсевичъ) явились рѣзкими противниками новаго ученія; пропаганда расширена и производилась, сверхъ Поляковъ, между Евреями и Французами. Тѣмъ усерднѣе шли бесѣды, проповѣди и молитвы по семикамъ; цѣль духовныхъ упражненій состояла въ томъ, чтобы настроить себя на надлежащій *тонъ*, неопредѣлимый никакими признаками, познаваемый только чутьемъ и составляющій всю силу и всю заслугу исповѣдывающаго. Послѣдніе курсы славянскихъ литературъ въ Collège de France представляютъ крайнюю идеализацію особенностей древне-польскаго быта, даже такихъ, какъ избраніе королей и *liberum veto*; исторія Польши представлена какъ порядокъ, поддерживаемый непрестаннымъ энтузіазмомъ; племя славянское изображено какъ нѣчто единое, въ которомъ дѣйствуютъ, развиваясь, двѣ діаметрально противоположныя и исключаютія себя взаимно идеи: русская и польская (Австрія, какъ совершенная аномалія, устраняема была изъ

¹⁾ Współudź. I, 22: письмо къ Скржинецкому 7 апр. 1842.

расчета). Идеѣ польской предрекаема была побѣда при ополченіи противъ сѣвернаго колосса европейскаго Запада, то-есть собственно Франціи, дѣйствующей въ христово-наполеоновскомъ тонѣ и духѣ. Терпкія слова съ кафедръ противъ бездушія и утраты силы дѣйствія официальной церкви произвели разрывъ между Мицкевичемъ и большинствомъ эмиграціи, явлившіи послѣдствіемъ сложеніе имъ съ себя званія предсѣдателя польскаго историко-литературнаго общества въ Парижѣ (апрѣль 1844). Сама кафедра была у Мицкевича отнята послѣ того какъ онъ сталъ обращаться къ публикѣ, спрашивая, видѣли ли слушатели воплощенное откровеніе, и дѣлать воззванія къ духу Наполеона для духовнаго съ нимъ общенія. Съ тѣхъ поръ еще три года (до мая 1847) продолжались сношенія Мицкевича съ поселившимся въ Швейцаріи учителемъ, постепенно хладѣющимъ и становящимся болѣе и болѣе натапнутыми. Положеніе Мицкевича было по истинѣ трагическое. Не смотря на коренную въ своей натурѣ наклонность къ мистицизму, онъ славился и могучъ былъ знаніемъ; когда онъ не увлекался, за нимъ признавали порою его соотечественники проницательный взглядъ и вѣрную оцѣнку отношеній. Анализъ и мистицизмъ уравновѣшивались въ этой организаціи и всѣ произведенія творчества были глубоко осмыслены. Теперь приходилось отъ этого ума и отъ воли отказываться, стремиться къ тому „оглубнѣнію ради Христа“ (Współudz. I, 235), которое предлагалъ учитель, искать видѣній, ждать этихъ видѣній и предзнаменованій. Сначала были въ душѣ поэта только сѣтованія на себя: „ты даждь мнѣ стонъ къ Господу, но мощь меня не освѣняетъ, полета не имѣю“... (Współ. I, 39, 40: письмо 11 сент. 1840). Потомъ онъ извѣрился въ учителя, который изъ двухъ задачъ: практическаго осуществленія польскаго вопроса и духовныхъ упражненій, совсѣмъ оставилъ первую и замкнулся въ болѣе покойной второй, между тѣмъ какъ для Мицкевича дорога была только первая, а ко второй онъ охладѣлъ и даже получилъ къ ней отвращеніе: „содроганіемъ духа мы хвастались, — писалъ Мицкевичъ, — выставляя его напоказъ...; всякаго, кто не хотѣлъ быть эхомъ нашимъ, мы провозглашали бунтовщикомъ. Мы отнимали у братій послѣднюю свободу, уважаемую даже въ тиранніяхъ: свободу молчанія. Всѣ злоупотребленія древней синагоги и всѣ тѣ, которыя совершены церковною властью, принялись между нами и принесли плоды“ (Współ. II, 88). Послѣ этого письма отъ 12 мая 1847, переписка прервалась, учитель не переставалъ укорять при удобномъ случаѣ ученика за „недостаточное несеніе креста“. Воздемъ слова и намѣстникомъ учителя въ Парижѣ сдѣланъ Карлъ Ружицкій. Мицкевичъ сталъ опять самостоятеленъ и при первыхъ движеніяхъ февральской революціи отправился въ Италію съ цѣлю образованія польскаго легіо-

на ¹⁾; потомъ вернулся въ Парижъ, гдѣ оживали для него надежды, вслѣдствіе осуществлявшагося возврата къ власти наполеонидовъ. Здѣсь онъ основалъ газету *Tribune des peuples*, которая, просуществовавъ годъ, была закрыта въ іюнѣ 1849. Къ этому времени относится мѣткій портретъ его, начерченный въ немногихъ словахъ Искандеромъ, присутствовавшимъ на обѣдѣ по случаю основанія газеты. Неисправимый мечтатель, Мицкевичъ не отсталъ отъ своихъ наполеоновскихъ идей даже послѣ того разлива крови, въ которую ступилъ новый кесарь Французовъ, овладѣвая престоломъ. Не могъ онъ понять, что то правительство, единственное, по его мнѣнію, которому Полякъ, не унижаясь, можетъ служить ²⁾, держало Поляковъ только на послыжахъ и играло ими только какъ пѣшками, предназначенными на то, чтобъ ихъ, употребивши, бросить. Какъ только возгорѣлась крымская война, оvdовѣвшій Мицкевичъ оставилъ полученную имъ при Наполеонѣ скромную должность библіотекаря при арсеналѣ и отправился въ Константинополь, съ порученіемъ отъ французскаго правительства содѣйствовать образованію польскихъ легионовъ въ Турціи. Труды и неудобства путешествія и пребыванія на Востоѣ ускорили его кончину. Онъ умеръ 28 ноябрѣ 1855 въ Константинополѣ и похороненъ въ Монморанси близъ Парижа.

Таковы были странныя судьбы гениальнаго человѣка, который, пока жилъ, считался бевспорно первымъ польскимъ поэтомъ, хотя при его же жизни явились другіе самостоятельные таланты, которые понини по совершенно новымъ направленіямъ. Объ его заблужденіяхъ и о вліяніи, какъ хорошемъ, такъ и дурномъ, его поэин на современниковъ и на послѣдующія поколѣнія, скажемъ впоследствии, а здѣсь же отмѣтимъ главную и нераздѣльно ему принадлежащую заслугу, заключающуюся въ томъ, что сдѣлавъ поэію польскую болѣе національною, онъ освободилъ ее отъ вассальной зависимости отъ иностранныхъ литературъ. Прекрасно оцѣнилъ эту заслугу русскій критикъ Ив. Кирѣевскій ³⁾ въ слѣдующихъ словахъ: „польская литература какъ и русская не только была отраженіемъ другикъ, но и существовала единственно силою чуждаго вліянія. Чтобы обѣ литературы вступили въ непосредственныя сношенія и заключили союзъ прочный, нужно было хотя одной изъ нихъ имѣть своего уполномоченнаго въ сеймѣ первоклассныхъ правителей европейскихъ умовъ, ибо одно господствующее въ Европѣ можетъ имѣть вліяніе на подвластныя ей литературы. Мицкевичъ, сосредоточивъ въ себѣ духъ польскаго народа, первый далъ польской поэіи право имѣть

¹⁾ *Mémoires de la légion polonaise de 1848*, изд. Влад. Мицкевичъ. Парижъ. 1877.

²⁾ Когг. II, 279, письмо 11 сент. 1855.

³⁾ Обзоръ Русской Словесности за 1829 г., въ Сочиненіяхъ Кирѣевскаго, Москва, 1861. I, стр. 42.

свой голосъ среди умственныхъ депутатовъ Европы и вмѣстѣ съ тѣмъ дать ей возможность дѣйствовать и на русскую поэзію". Замѣтимъ отъ себя, что роли Мицкевича въ польской, соответствуетъ роль Пушкина въ русской литературѣ и что будущая критика вѣроятно еще болѣе подтвердитъ подобіе этихъ Славянъ-братьевъ—если не по характеру, который у Мицкевича былъ тверже и чище, то по дарованію—двумъ смежнымъ горнымъ вершинамъ, наклоняющимся одна къ другой.

Б) Раздвоенная литература: эмиграционная и туземная (1830—1848).

Переселеніе послѣ повстанія 1830 г. интеллигентнѣйшей части общества за границу и преимущественно во Францію, куда направились и не замѣняемые въ движеніи, но тяготѣвшіе стѣсненіями и предпочитавшіе свободу слова писатели, произвело ненормальный уродливый фактъ раздвоенія литературы на эмиграционную и туземную, и преобладаніе первой, блистательной, исполненной движенія и свободной надъ послѣднею, вялою, безцвѣтною, боязливою, косившею въ слѣпой привязанности къ родному старому и чужающемуся всякой новизны. За исключеніемъ Вел. Княж. Познанскаго, въ другихъ областяхъ, гдѣ обрѣтался польскій элементъ, никакихъ практическихъ вопросовъ жизни, напримѣръ, вопроса объ освобожденіи крестьянъ, нельзя было касаться; вообще даже въ наукѣ или искусствѣ навледало на себя подозрѣніе какъ вольнодумство съ одной,—и отталкивало, какъ неизна старому національному, съ другой стороны. Писатель долженъ былъ сильно считаться съ катехизисомъ и остерегаться отъ всякихъ непочтительныхъ отывоковъ о старинѣ, чтобы не оскорблять святни народной исторіи. Общество ограждало себя отъ денационализаціи, пригнѣпляясь безъ критики къ національному старому; изъ описанія панславизма, оно чуждалось всякой славянской взаимности. При этихъ условіяхъ продолжительнаго востоя, плоды туземной почвы не могли быть питательны и вкусны; подроставшія поколѣнія воспитывались не на нихъ, а на запрещенныхъ произведеніяхъ, пронизавшихъ контрабандою изъ-за границы. Такимъ образомъ распространились, во-первыхъ, интеллектуальные продукты гнилого европейскаго движенія, предшествовавшаго 1848 году, теоріи социализма и коммунизма, идеи матеріалистической философіи, сочиненія крайне отрицательнаго направленія; но распространились также, во-вторыхъ, и „Дзядзи“ и „Панъ Тадеушъ“ и поэтическія созданія эмиграціи. Эмиграція очутилась за-границею въ видѣ оторваннаго отъ своего основанія правительства, состоявшаго изъ людей всѣхъ партій и отгнѣковъ и продолжавшаго представлять собою народъ и дѣйствовать, какъ будто-бы оно имѣло власть, то заходя съ

задняго крыльця къ европейскимъ дворамъ, то высылая на родину на вѣрныя казни за возбужденіе къ мятежу миссіонеровъ, то приставая ко всевозможнымъ революціоннымъ движеніямъ въ Европѣ, въ ожиданіи всеобщаго европейскаго переворота. То былъ своего рода политическій романтизмъ, гонимый вмѣсто настоящаго политическаго дѣла за поэтическимъ его подобіемъ; программа была, конечно, самая широкая: реставрація въ предѣлахъ до 1772, спорили только о средствахъ, выбирая то дипломатическія, то революціонныя; въ концѣ какъ тѣхъ, такъ и другихъ виднѣлось новое повстаніе. Настоящими рулевыми эмиграціоннаго корабля были не бывшіе генералы и министры и даже не публицисты, а поэты, люди воображенія и чувства, которые по вдохновенію рѣшали обще-человѣческіе и народныя вопросы, разсѣкая гордіевы узлы политики, рубя слеза и не считаясь съ условіями времени, мѣста и пропорціональности силъ. Эта школа, никуда въ педагогическомъ отношеніи негодная, воспитавъ послѣдовательно одно послѣ другого нѣсколько поколѣній въ повстанскихъ идеяхъ и чувствахъ, послужила прамымъ подготовленіемъ къ послѣдовавшему много лѣтъ потомъ гибельному послѣднему повстанію 1863 г. Хотя въ послѣдствіи и поэзія по смерти великихъ ея представителей измѣлчала, но духъ ея и направленіе остались тѣже. Усвоенныя привычки ума и чувства при первомъ полученномъ просторѣ дѣятелія должны были, при отсутствіи внутри самого общества польскаго достаточно сильно противодѣйствующихъ элементовъ и при неизмѣнившейся въ сущности системѣ между-славянскихъ отношеній, привести въ роковому результату. Но если поэзія эмиграціи не хороша была какъ школа воспитанія, развивая одни способности душевныя въ ущербъ другимъ, она оказалась необычайно плодотворною и обогатила литературу первоклассными современниками искусства, почти неизвѣстными русской публикѣ, такъ какъ знакомство этой послѣдней съ польскою литературою XIX вѣка, только-что возникавшее посредствомъ Мицкевича въ первомъ періодѣ его дѣятельности, на немъ оборвалось. Мицкевичъ представляется несомнѣнно главнымъ дѣйствующимъ лицомъ, съ которымъ состоятъ въ связи всѣ почти современные писатели не только въ эмиграціи, но и на родинѣ его, и къ которому они относятся либо какъ притоки, либо какъ рукава одной громаднѣйшей рѣки. Но вслѣдъ за Мицкевичемъ появляются два могучія дарованія, которыя становятся рѣдомъ съ нимъ и дѣлать съ нимъ тронъ и скипетръ поэзіи, такъ-что только эти три лица въ совокупности взятыя, дополняя себя взаимно, могутъ быть разсматриваемы какъ полное выраженіе духа польской поэзіи въ моментъ наивысшаго ея развитія котораго она достигла въ промежуткѣ между 1830 и 1848 гг. Эти гѣвы, уже упомянутыя выше

въ жизнеописаніи Мицкевича, были Юлія Словацкій и Сигизмундъ Красинскій.

Когда профессоръ литературы Евсеій Словацкій переселялся 1809 г. изъ Кременца на кафедру въ Вильно, у него уже былъ сынъ Юлія (род. 23 августа 1809 г.), отъ Саломей, урожденной Янушевской¹⁾. Вскорѣ потомъ 1814 г. Евсеій Словацкій скончался; вдова его, — которую знавшіе ее изображаютъ, какъ женщину чрезвычайно симпатичную и увлекательную, несмотря на ея некрасивость, по ея добротѣ и живому, поэтическому, радужному (Одынецъ, I, 150) воображенію, — вернулась въ Кременецъ, но не надолго, потому что въ 1817 году она рѣшилась, главнымъ образомъ въ виду доставленія лучшаго воспитанія сыну, выдти вторымъ бракомъ за вилненскаго профессора, вдовца Огюста Бакю. Мальчикъ, чрезвычайно скороспѣлый, былъ сильно балуемъ старшими по возрасту дочерьми Бакю отъ перваго брака, Александрю и Герсилью; онъ вышелъ весь въ мать, которую обожалъ, съ которою жила всю жизнь душа въ душу, сообщая ей всѣ свои помыслы, фантазіи и имѣя въ ней строгаго порою критика своихъ произведеній. Съ самаго ранняго возраста въ немъ выдалась одна черта характера: безмѣрное, болѣзненное самолюбіе, но получившее совершенно своеобразное направленіе. Этотъ ребенокъ задался страннымъ желаніемъ сдѣлаться великимъ поэтомъ. На 9-мъ году молитъ отъ Бога въ вилненскомъ соборѣ дать ему жизнь хотя-бы наиболѣе страдальческую, но поэтическую; „да буду я презираемъ весь мой вѣкъ, но да получу бессмертную славу по смерти“ (письмо 25 янв. 1845); „при жизни для себя не буду ничего домогаться, но по смерти отъ тебя, Боже, всего потребую“ (Mał. I, 7). Вслѣдствіи, еще почти ничего не начатавши, Словацкій пишетъ пренаивно къ матери: „вѣрнѣ ли, что, узнавъ о смерти Гёте (22 марта 1832), я подумалъ: должно быть Богъ его привалъ, чтобы мнѣ, начинающему, очистить мѣсто“ (Mał. I, 52). Эти не по лѣтамъ претензіи, при своей уродливости, сильно озадачивали знакомыхъ, потому что были поддерживаемы рѣдкимъ врожденнымъ дарованіемъ. Надо всѣми способностями души преобладало воображеніе самое живое, огненное и творческое. Полезное, глассообразное для него какъ будто-бы не существовало, но ко всему

¹⁾ Главный матеріалъ для оцѣнки Словацкаго составляетъ донинѣ сочиненіе проф. А. Малазцакаго: *Juliusz Słowacki, jego życie i dzieła*, 2 tomu, Lwów. 1866—1867. Недавно опубликованы (*Przegląd polski*, 1879) автобиографическія замѣтки Словацкаго изъ ранней его молодости, оказавшіяся въ рукахъ у В. Гаштовта.

При жизни изданія произведенія Словацкаго собраны въ изданіи Лейпцигскомъ Врокгауза, 1869, томовъ 4. Посмертныя изданія Малазцака въ 3-хъ томахъ, въ Львовѣ, 1866. — *Listy J. Słowackiego do matki* (1830 — 1849), 2 тома, Lwów 1876; *Genesis z ducha J. Słow.* Lwów. 1874; P. Chmielowski, *Ostatnie lata Słowackiego* въ журналѣ *Ateneum* 1877, № 9; Przyborowski, *Serce poety*, въ журналѣ *Niwa* №№ 37—39; St. Tarnowski, статья о Словацкомъ, *Przegląd polski* 1867.

красивому у него была необыкновенная отзывчивость. Нѣтъ ничего прелестнѣе его переписки съ матерью, гдѣ сказывается въ полной силѣ даръ, называемый у его біографа Словацкаго даромъ поэтически на мѣрѣ воззрѣнія, то-есть способность подмѣчать, передавать правдиво типическія черты наблюдаемаго, и притомъ только такія, которыя способны возбуждать эстетическія ощущенія въ читателяхъ. Собраніе этихъ писемъ—одна изъ самыхъ лучшихъ автобіографій художника, живущаго только искусствомъ и для искусства. Это воображеніе работало и находилось въ состояніи постоянного кипѣнія; не успѣвали возникнуть представленія, какъ они уже группировались и укладывались въ цѣлыя вереницы идеальныхъ образовъ, съ которыми онъ носился и жилъ болѣе, нежели съ живыми людьми и которые для него были дѣйствительнѣе живой дѣйствительности. Всѣ страсти у Словацкаго были такъ-сказать головныя, то есть имѣли источникъ въ воображеніи. Тысячу разъ мечталъ онъ находись въ изгнаніи, о жизни съ обожаемой матерью среди родныхъ, но когда судьба сближала его съ этими родными за-границей, то онъ отъ нихъ бѣжалъ въ бѣшеное его обыкновеннымъ состояніемъ одиночество. Судьба сводила его съ прелестными женицами, которыя въ него влюблялись, но съ той минуты, какъ онѣ къ нему привыкали, онѣ становились для него неинтересны; для страсти съ его стороны необходимо было испытанное препятствіе, которое бы его раздражило и поддѣйствовало такимъ образомъ на воображеніе. Особенности дарованія опредѣляли и самый родъ поэтическаго творчества. Форма у Словацкаго съ самыхъ раннихъ лѣтъ была блистательная, равняющая его съ величайшими мастерами слова; богатство сравненій и фигуръ, въ которыя оживались каждая мысль, непомѣрное; роскошь образовъ встрѣчается такая только у Шекспира и у Гюго, только образа эти нѣжныѣ, весь внѣшній міръ отливается въ этихъ гармоническихъ стихахъ. Богатство фантазій, сильное преломленіе въ приемѣ ея лучей свѣта мѣшали даже совершенству произведеній, главная мысль выходила неясная; притомъ, освѣтивъ капитальныя мѣста, поэтъ мало заботился о связкахъ и небрегалъ отдѣлкою подробностей, что въ особенности поражаетъ въ его драмахъ. Главныя дѣйствующія лица уставлены и главныя ситуации очерчены точно изваянными мраморныя группы, но затѣмъ переходы отъ одной ситуации къ другой недостаточно мотивированы, и дѣйствіе идетъ впередъ капризными скачками, вмѣсто того, чтобы развертываться по законамъ строгой необходимости, какая подобаешь этому, самому требовательному роду поэзіи. Словацкому присущъ еще одинъ важный недостатокъ. Были поэты, наприимѣръ Шекспиръ, которые всегда заимствовали фабулу извнѣ, но влагали въ нее свой собственный главный эстетическій мотивъ, доставленный имъ исторіею,

философскимъ міросозерцаніемъ или ихъ собственною жизнью. Словацкій жилъ больше головою, то-есть идеями, воображеніемъ, и потому онъ часто сживался съ идеями предшественниковъ, бралъ готовые мотивы у современниковъ, или у Шекспира, или у Кальдерона, и разрабатывалъ ихъ самостоятельно, одѣвая ихъ неисчерпаемымъ богатствомъ образомъ изъ своей собственной фантазіи. По вѣрному замѣчанію проф. Тарновскаго, въ немъ было вѣчто напоминающее плутъ или каприфолій, нуждающіеся въ томъ, чтобы обвиваться вокругъ могучихъ стволовъ. Такovy были главныя черты дарованія, опредѣляемая господствующею способностью; остальное объясняется условіями среды, въ которой жилъ Словацкій, его личнаго темперамента, его горделиваго самолюбія, легко настраивающагося на тонъ грусти, наконецъ и случайностей его жизни. Университетскіе годы его пришлось на тотъ періодъ, когда преподаваніе находилось уже въ сильномъ упадкѣ, влѣдствіе дѣятельности Новосильцова; но романтизмъ стоялъ въ полномъ цвѣту. Словацкій, еще будучи ребенкомъ, видывалъ Мицкевича въ домѣ матери. Польскій романтизмъ сопровождался подъемомъ національнаго чувства; Словацкій выросъ въ этой атмосферѣ и проникся безпредѣльною любовью къ своеобразному родному. Романтикомъ онъ сдѣлался на всю жизнь въ гораздо болѣеи степени, нежели Мицкевичъ, который былъ теоретикъ и котораго многія лучшія и самыя зрѣлыя произведенія выходятъ изъ рамокъ романтизма, между тѣмъ какъ муза Словацкаго всегда была причудлива, капризна, чуждалась всякихъ правилъ и гарцовала на дикомъ конѣ безъ сѣдла и удечки. Словацкій выразилъ въ запискахъ, какъ онъ понималъ романтизмъ: „Романтизмъ, истаяя изъ души, имѣетъ то свойство, что искра поэзіи гухнетъ въ человѣкѣ, но скоро потеряно имъ самоуваженіе. Жизнь романтическаго поэта должна быть романтична; хотя она можетъ обходиться безъ многихъ событій, но требуетъ, чтобы эти событія были чисты и возвышали душу“.

Требованію поэтичности въ жизни, а не только въ стихахъ, удовлетворялъ въ то время, какъ высшій образецъ такой жизни, лордъ Байронъ, умершій въ 1824 г. въ Миссолунги и безконечно много отъ этой поэтической смерти выигравшій. Его пѣсни раздались, когда уже погасли или погасали великіе гѣвцы нѣмецкіе (Шиллеръ и Гёте); когда его пѣсни прекратились, то послѣдніе ихъ звуки подхвачены были новыми свѣтлами европейской поэзіи славянскаго племени, Мицкевичемъ и Пушкинымъ. На Словацкаго поэзія и сама личность Байрона имѣли неотразимое вліяніе. Знакомыхъ непріятно поражалъ байроновскій горькій сарказмъ на устахъ мальчика, еще ничего не испытывающаго, и выборъ выводимыхъ имъ героев—мрачныхъ, таинственныхъ злодѣевъ, отступниковъ. Мрачное настроеніе еще усилилось отъ не-

удачи первого въ жизни романа. Словацкій влюбился въ дочь Андрея Свядецаго, профессора и члена общества Шубравцевъ, Людвигу (впоследствии г-жу Чайковскую). Дѣвушка, старше его лѣтами, весьма образованная, много читавшая, и даже писавшая стихи, отнеслась къ любви юноши-студента какъ къ ребячеству. Въ запискахъ Словацкаго есть описаніе того „адскаго“ дня, одного изъ послѣднихъ въ Вильнѣ, когда произошло окончательное свиданіе и объясненіе. Дѣвушка внушила ему, что страсть пройдетъ, гордость заставила его скрыть на лицѣ всѣ чувства, хотя отъ удара онъ пошатнулся на ногахъ; даже руки отъѣзжающей онъ не подалъ; вслѣдъ затѣмъ друзья передали ему, что его обонли наградомъ за успѣхи въ наукахъ, на которую онъ рассчитывалъ. Весь въ пламени онъ бродилъ по городу, потомъ заперся и плакалъ, и присягнулъ, что не увидитъ больше Вильна ¹⁾. Таковъ былъ конецъ его университетскихъ годовъ 1824—1828, проведенныхъ въ Вильнѣ уже по смерти вотчина и прерванныхъ только краткою поѣздкою (1826) въ Кременецъ и Одессу, съ посѣщеніемъ на обратномъ пути Тульчина—Потоцкихъ. Чѣмъ быть, что дѣлать? Мать окончательно оставляла Вильно и переселялась въ родной Кременецъ, мечтала о путешествіи съ сыномъ на малые средства за границу, но сыну вовсе не улыбалась такая ассистенція, отнимающая у путешествія все неожиданное, романическое; онъ скучалъ, рвался на волю, въ одиночество. Рѣшено, что онъ поступитъ на службу въ Варшаву, гдѣ въ началѣ 1829 г. онъ и опредѣлился сверхштатнымъ чиновникомъ министерства финансовъ, управляемаго княземъ Любецкимъ. Два года прошли довольно безцвѣтно, наступило повстаніе (ноябрь, 1830). Словацкій впервые сдѣлался публикѣ извѣстнымъ нѣсколькими лирическими пѣснями, исполненными національнаго и революціоннаго энтузіазма, но этотъ пылъ сталъ скоро проходить, его тонкій вкусъ не могъ не быть пораженъ комическимъ и нескладнымъ обонъ великаго, присущимъ всякому народному движенію, а въ особенности движенію 1830 г. Среди самаго разгара повстанья, въ самые лучшіе его дни, Словацкій, не списавшись съ матерью, вдругъ выѣхалъ въ мартѣ 1831 за границу, взявъ паспортъ отъ повстанскаго правительства. Этотъ выѣздъ рѣшилъ его участь, онъ окончательно расстался съ родиною, послѣдующія событія закрыли ему возможность возвращенія; онъ обрекъ себя на скитальчество, превратился въ бездомнаго странника, живущаго и печатающаго свои произведенія на скромныя средства, высылаемыя матерью, такъ какъ сынъ и не пытался избрать родъ дѣятельности, который бы ему доставилъ средства самому зарабатывать свой хлѣбъ, а вся его

¹⁾ Эти омущенія уже нѣсколько переработаны и переименованы въ стихотвореніи *Godzina myśli*: «дѣтя блѣднымъ лицомъ упало ницъ, дрожа гордыя стѣномъ, потому-что оно имѣло гордость великаго челоуѣва, питаемую предчувствіемъ».

робота была только о стяжаніи славы посмертной¹⁾. Отъѣздъ за границу не былъ ничѣмъ мотивированъ. Причины такого рѣшительнаго воступа загадочны; вѣроятно только, что онѣ имѣли чисто личный характеръ. Въ Дредаунѣ Словацкій получилъ порученіе свезти деньги повстанскаго правительства въ Лондонъ, что дало ему возможность познакомиться съ Лондономъ, послѣ чего онъ поселился въ Парижѣ, гдѣ отпечаталъ два тома своихъ первыхъ стихотвореній (апрѣль, 1832) и съ замираніемъ сердца выжидалъ, что скажутъ рецензенты. Между тѣмъ былъ готовъ уже и третій томикъ (Ламбро), появившійся въ слѣдующемъ году, 1833. Остановимся на этихъ произведеніяхъ молодости, между которыми есть и талантливыя, но есть и такія, которыя заслуживали бы названіе грѣховъ юности поэта. Между ними двѣ драмы: „Миндовъ“ и „Марія Стюартъ“ и шесть поэтическихъ повѣстей (Гуго, Змѣя, Бѣлецкій, Монахъ, Арабъ и Ламбро). Словацкій полюбилъ этотъ Байрономъ распространенный родъ поэзіи, самый свободный, вилетающий произвольно въ эпическую основу безчисленное множество лирическихъ нормовъ. Во всѣхъ этихъ поемахъ, проникаетъ ли дѣйствіе въ языческую Литвѣ, описанной по Мицкевичу (Гуго) на извозьяхъ Дубира, которыхъ авторъ не знаетъ, но изображаетъ по Гоцинскому, или на дальнемъ Востоцѣ, совершаемомъ въ свѣтѣ поэзіи Байрона и Мура, на первомъ планѣ стоитъ какой-нибудь проваливаемый мрачный герой, сознательно и дерзко борющійся со всѣми обычаями и порядками общества и гибнущій въ этой борьбѣ; артистическая цѣль автора та, чтобы возбудить въ своему герою возможно большее либо состраданіе, либо удивленіе, во всякомъ случаѣ сочувствіе. Такія натуры сдѣлалъ Байронъ медными, но упорное ихъ воспроизведеніе и повтореніе у Словацкаго удаиваются на нѣчто большее, нежели простая подражательность; онѣ—въ связи съ цѣльнымъ міросозерцаніемъ Словацкаго, нашедшимъ выраженіе въ повдѣйшихъ, болѣе архаичныхъ его произведеніяхъ, — а его міросозерцаніе было въ тѣснѣйшей связи съ его душевною организаціею и окружающею его атмосферою романтизма. Отношеніе его къ мировымъ порядкамъ и обыкновенному ходу вещей было чисто отрицательное. Какъ гѣвецъ и почитатель одного только необычайнаго, Словацкій и не трудился изучать атомы и составныя части мирового и общественнаго устройства, исследовать корни существующаго въ прошедшемъ, спѣшеніе частей въ настоящемъ, необходимость и устойчивость мелкаго, обыденнаго. Онъ, называвшій себя (3-я п. Бениовскаго) „немного пантеистомъ и романтикомъ“, сторонился

¹⁾ Письмо 26 апр. 1833. «Часто думаю я съ горечью о тѣхъ, которые съ малымъ талантомъ содержатъ цѣлыя семейства, а я похожъ на ненужное зелье, — я и тебѣ, мать, въ тягость.—Прости, что я избралъ такой путь, но вернуться не могу» (Мат. I, 165).

иронически отъ усѣвавшихся за „тайною вечерей“ востовъ польскихъ въ Парижѣ (предисл. къ 3-му тому стихотвореній, 1833), и хотя не былъ атеистъ, даже и не отходилъ отъ христіанства, но имѣлъ о Богѣ понятіе, отъ которыхъ бы повзрѣло строгаго католика:

„Вижу, что Онъ—Богъ не червяковъ и не той твари, которая пресмыкается. Онъ любитъ шумный лѣтъ гигантскихъ птицъ и не обуздываетъ скачущихъ коней. Онъ—огненное перо на гордыхъ пиналахъ, великое дѣло смягчить его, но не правдая слеза, оброшенная у церковнаго порога. Предъ нимъ я падаю ницъ—онъ мой Богъ“ (5-я глѣба Веніовскаго).

Въ обществѣ, по тѣмъ же причинамъ, Словацкій относился съ безпредѣльнымъ презрѣніемъ къ среднему челоуѣку, къ черни, къ толпѣ, и обоготворялъ только натуры сильныя и властныя, попирающія ногами всѣ уставы божескіе и челоуѣческіе, однимъ словомъ—натуры демоническія, ведущія со всѣмъ окружающимъ міромъ борьбу. Таковой челоуѣкъ и самъ безконечно несчастливъ и другихъ мучить и тиранить, но ими-то и творится все, что дѣлается великаго въ челоуѣчествѣ, жестокостью и тиранствомъ они не даютъ другимъ людямъ власть въ непробудную дремоту. Эту философію исторіи Словацкій вывелъ потому въ одной изъ послѣднихъ поэмъ „Царь духъ“ (1847):

„Увидѣлъ я тогда страшную тайну, что духи всѣ туда летать, гдѣ бой, гдѣ сокрушаются сердца и щиты, а бѣгутъ отъ мѣстъ, гдѣ ложь сна духа. Какая равнина между тѣми умершими и между живыми, мечтающими о вѣчномъ новѣй и желающими, чтобы люди были плотны и здоровы.... О заблужденіе, неосстигаемое людьми во плоти! О жалость, оплакивающая мирныхъ царей! Знай, что тотъ лучше, кто кровожаденъ и орлу подобенъ, кто разбиваетъ народъ о народъ“...

Эти строфы обличаютъ революціонный темпераментъ и направленіе. Были въ исторіи великіе люди революціонеры, слѣдовательно насильники, но изъ этого не слѣдуетъ обратное, то-есть чтобы всякій необузданный челоуѣкъ и насильникъ былъ непременно герой,—а между тѣмъ въ первыхъ стихотвореніяхъ Словацкаго, что ни герой, то жестокій, страстный и кровавый челоуѣкъ, не украшаемый часто даже високою цѣлью, въ которой бы онъ стремился, и даже неоправдываемый вниманіемъ среды, силою совратившихъ его съ прямого пути обстоятельствъ. Змѣя—Татаринъ, изъ личной мести превратившійся въ кошеваго агана Запорожскихъ казаковъ; Арабъ—воплощенный демонъ; Ягъ Вѣлецкій—рenegатъ обиженный, наводящій изъ мести на родину Татаръ; еще хуже корсарь Ламбро, вождь Грековъ въ возстаніи противъ Турокъ (XVIII в.), мстачій за повѣшеннаго Турками пѣвца Ригу, безсердечный, скучающій и пьяный. Лучше другихъ только Монахъ синайскій, крестившійся по убѣжденію, но роковымъ образомъ, вслѣдствіе

такой переживы вѣри, обреченный на убійственную борьбу со своими соотчичами, Арабами пустыни. Точно такими же воплощенными демонами являются Миндого или Мендогъ и Вотсуэль въ „Маріи Стюартъ“, — два по злокачественности родственные характера въ первыхъ двухъ драматическихъ опытахъ, игнорирующихъ весьма неравную цѣнность. — Князь литовскій, притворно крестившійся, чтобы получить корону отъ папы и защиту отъ ордена, погибаетъ подъ проклятіемъ матери и отъ руки народа, не прощающаго ему его политическое отступничество отъ вѣри отцовъ и общаевъ. Онъ могъ бы быть настоящимъ героемъ трагедіи, но дѣйствіе построено вовсе не на тѣхъ мотивахъ; убивающій Мендога Довмонтъ мститъ за личную обиду — похищеніе жены его Альдоны. Тройная воцаряется послѣ Мендога при содѣйствіи тѣхъ же крестоносцевъ. — Гораздо вѣрлѣе и красивѣе „Маріи Стюартъ“, которая играла успѣхъ и держится до-сихъ-поръ на сценѣ. „Маріи Стюартъ“ Словацкаго драматичнѣе даже Шиллеровской „королевы унизки“, которая, въ сущности, страдательное лицо, гибнущее безъ вины за то, что была воплощеніемъ двухъ ненавистныхъ началъ: непопулярной династической политики и непопулярной религіи. Драма Словацкаго — не историческая картина, въ ней поднятъ только психологическій вопросъ и яро освѣщена только молодая обаятельная женщина, ненавидимая народомъ, но зажигающая огонь любви во всѣхъ приближающихся къ ней и пользующаяся легкомысленно удовольствіемъ, доставляемымъ проявленіемъ этой силы. Роковая любовь эта сидитъ жизни заикающемуся арфисту Риццо, котораго убиваютъ въ глазахъ королевы гордые бароны при содѣйствіи мужа ея Даррлея. Смертельно оскорбленная, она кидается въ объятія Вотсуэля, Даррлей взорванъ на воздухъ, послѣ чего Вотсуэль увлекаетъ прикованную къ нему общностью злодѣянія жертву въ безславное бѣгство при кликахъ преслѣдующаго ихъ разъяреннаго народа. Въ драму вставлено прелестное лицо, шутъ Даррлея Никъ; драма безконечно бы выиграла, если бы столько же заботъ было приложено къ мотивированію поступковъ дѣйствующихъ лицъ, сообразно задуманнымъ ихъ характерамъ, сколько ихъ употреблено на сильные сценическіе эффекты. Впечатлѣніе, сдѣланное произведеніями Словацкаго, далеко не соответствовало его ожиданіямъ. Вышняя форма и стихъ были прелестны, блистательны; нашлись восторженные, немногіе, впрочемъ, почитатели, которые подзадоривали Словацкаго, вооружая противъ Мицкевича и приписывая ему пальму первенства, что вскакивало лстыло тщеславію Словацкаго. Но популярнымъ имя поэта въ широкихъ кругахъ не сдѣлалось, что онъ признавалъ и самъ въ предисловіи къ 3-му тому въ словахъ: „не обладающій похвалами, не убитый критикой, бросаю третій томъ въ ту безмолвную бездну, которая два первые поглотила“. Толпѣ приходилось не по вкусу его

неопредѣленное отрицаніе, она требовала указанія на положительныя цѣли бытія и идеалы и находила таковых, конечно, не у Словацкаго. Болѣе чѣмъ отъ всякихъ другихъ цѣнителей, Словацкій горѣлъ нетерпѣніемъ слышать мнѣніе Мицкевича, пріѣхавшаго въ Парижъ въ срединѣ 1832 г., но самолюбіе удерживало отъ авансовъ. „Не пойду къ нему,—писалъ Словацкій къ матери,—развѣ онъ захочетъ познакомиться со мною“. Мицкевичъ захотѣлъ познакомиться, друзья устроили свиданіе у третьяго лица за обѣдомъ. Первый шагъ сдѣланъ Мицкевичемъ, произошелъ обмѣнъ взаимныхъ учтивостей и похвалъ, вскорѣ потому Словацкій сдѣлался членомъ комитета въ литературномъ польскомъ обществѣ (въ Парижѣ), въ которомъ предсѣдательствовалъ Мицкевичъ. Но налаживавшіяся хорошія отношенія вскорѣ испортились. Друзья передали Словацкому отрывъ Мицкевича о его произведеніяхъ: „это прекрасная поэзія, похожая на чудный храмъ, но въ этомъ храмѣ нѣтъ Бога“. — Эти слова не содержали обвиненія въ атеизмѣ, они обозначали только, что въ сравненіи съ Словацкимъ Мицкевичъ былъ реалистъ, что онъ отъ поэзіи требовалъ облагораживающаго вліянія на человѣка, увлеченія его къ добру, а бѣснующіеся и невѣдомо къ чему стремящіеся герои-фантасты Словацкаго моралили его своими диссонансами. Съ тѣхъ поръ все стало противно Словацкому въ Мицкевичѣ и его „помятая рубашка и засаленный фракъ“ и его папизмъ (письма 4 окт. и 9 ноября 1832), словомъ—Мицкевичъ изображается какъ человѣкъ, совсѣмъ въ поэзіи ослѣпленный. Какъ легкомысленны были подобныя сужденія, доказавало появленіе 3-й части „Дядювъ“, но оно-то и довело до остраго кризиса нерасположеніе обоихъ поэтовъ. Вся вина въ этомъ столкновеніи на сторонѣ Мицкевича, изображавшаго въ своей поэмѣ совсѣмъ не двусмысленными чертами, а такъ-сказать—тыкая пальцемъ, вотчина Словацкаго, дорогаго ему и обожяемой его матери человѣка, профессора Бэку, какъ одного изъ подлѣйшихъ клеветниковъ сенатора-попечителя. Въ первомъ пилу гнѣва Словацкій хотѣлъ стрѣляться съ Мицкевичемъ: „ненавижу его“—писалъ онъ къ матери (письмо 30 ноября 1833). Друзья удержали его съ трудомъ отъ вызова, но остаются въ Парижѣ и переносятъ молча видъ ненавистнаго человѣка стало ему не по силамъ. „О мать,—писалъ онъ,—теперь мнѣ остается только покрыть тебя такими лучами славы, чтобы тебя не могли уже коснуться стрѣлы другихъ людей. Богъ меня вдохновилъ... то будетъ болѣе ровная съ Адамомъ борьба“. Тихій уголокъ, изъ котораго писаны эти строки,—Женева, время писанія—годъ послѣ выѣзда изъ Парижа, а произведеніе, на которое намекалъ Словацкій, дѣйствительно писано въ новомъ духѣ и носитъ заглавіе *Kordian*. Скажемъ нѣсколько словъ объ этомъ женеvскомъ житіи,

а потомъ и о выработанныхъ въ этомъ уединеніи произведеніяхъ второй манеры творчества Словацкаго.

Плодовитый женеvскій періодъ начался въ концѣ 1832 г. и продолжался до итальянскаго путешествія въ первыхъ мѣсяцахъ 1836 года, слѣдовательно, слишкомъ три года. Весна и лѣто уходили на поѣздки по Швейцаріи, увеселенія, забавы, исканіе впечатлѣній, осенью разверзались источники вдохновенія и закипала работа. Весною окружала поэта дивная природа, привлекалъ взоръ сѣдой Монбланъ, точно „изваянная статуя Сибири“, кругомъ въ пансіонѣ мадамъ Паттэгъ, гдѣ онъ поселился, происходилъ живой приливъ и отливъ самыхъ разнообразныхъ лицъ, англичанъ, французовъ, русскихъ, поляковъ. Словацкій сильно нравился женщинамъ, привлекаемымъ къ нему „какимъ-то магнетизмомъ“ (Mał. I, 163), остроумный, щегольски одѣтый, первый мазуристъ. Въ него влюбилась дочь содержательницы пансіона уже немолодая сентиментальная дѣвица Этмантина Паттэгъ. Жизнь была привольная, разнообразная, доставлявшая ему пронасть досуга для работы, омрачаемая только мыслью о матери: „сынъ простираетъ къ тебѣ руки издалека и проситъ прощенія, что онъ оставилъ тебя на свѣтѣ одинокою безъ удовольствій жизни, среди умножающихся гробовъ семейства“ (Mał. I, 212). По вѣснѣ удовольствіямъ разстилается легкая дымка грусти. Произведение, въ которомъ онъ хотѣлъ составиться съ Мицкевичемъ: „Кордіанъ, 1-я часть трилогіи—Коронаціонный заговоръ“, вышло анонимно въ Парижѣ, сильно понравилось и называемо было многими Мицкевичу. Въ немъ Словацкій дѣйствительно отрѣшился отъ байронизма, но какъ каприфолій обвился вокругъ чужой идеи. Его Кордіанъ есть продолженный Конрадъ 3-й части „Дядювъ“ или Вацлавъ Гарчинскаго, возрожденный патриотизмомъ, поставившій себѣ опредѣленную цѣль въ жизни и осуществляющій ее съ великимъ пожертвованіемъ жизни какъ собственной, такъ и чужихъ,—однимъ словомъ, типъ польскаго бунтаря тридцатыхъ годовъ. Въѣвъ настоящій—сѣрый и безцвѣтный, точно седьмой субботній день созданія (въ шестой день Богъ слѣпилъ Наполеона; нынѣ седьмой—Богъ сложилъ руки, почиваетъ, никто не создаль). Тѣмъ дѣятельнѣе работаютъ черти, и назавутѣ перваго дня XIX в. собираются испечь на весь этотъ вѣкъ, который „порадуетъ сатану“, людей, которые будутъ все искажать и портить. Изъ чортова котла добываются поочередно Хлюницкій, Чарторыскій, Лелевель, Нѣмцевичъ (девяти султаншъ Феба евнухъ), Крувовецкій, однимъ словомъ—всѣ, управлявшіе въ повстаніи 1830 г. Идея совершенно фальшивая: не названные лица произвели восстаніе, его вызвали шальные энтузіасты,—эту кашу, которую заварилъ своего времени красные, пришлось расклебывать неучастнымъ къ ней бѣлымъ, противъ воли попавшимъ въ правительство.—Среди

этого бессильнаго вѣка вырастають поколѣнія, имѣющее почти всѣ черты того, какое изобразилъ впоследствии Мюссе въ началѣ своихъ *Confessions d'un enfant du siècle*,—нервное, воспламеняющееся какъ порохъ, въ желаніяхъ необузданное. Одинъ изъ такихъ сыновъ вѣка и есть *Кордіанъ*. Подростающее дитя уже возится съ мыслью о самоубійствѣ, въ его любовь къ Лаурѣ влетены собственныя воспоминанія автора о Людвигѣ Снядецкой. Во второмъ дѣйствіи (1828) Кордіанъ перебралъ всѣ удовольствія, отталкиваетъ продажную любовь, изъ устъ напы въ Ватиканѣ, вмѣсто благословенія, получаетъ внушеніе о поворности установленнымъ властямъ, послѣ чего, разумѣется, разстается съ религіей, неизвѣстно зачѣмъ подымается на вершину Монблана. Эти два приговорительныя дѣйствія можно бы бросить, настоящая драма начинается съ третьяго, съ такъ-называемаго „національнаго“ заговора (1829); изъ слабаго намера на преступный замыселъ, отмѣченнаго у Мохнацкаго, выросъ цѣлый организованный заговоръ, въ подземельяхъ собора св. Яна, съ вымышленными дѣйствующими лицами, изъ которыхъ одно главное: сѣдовласный предсѣдатель, отводящій отъ покушенія на политическое убійство, и, въ лицѣ воспитанника школы подпоручиковъ, Кордіанъ, рвущійся на это покушеніе. Предсѣдатель не названъ, но въ немъ изображенъ Нѣмцевичъ, причѣмъ становится понятнымъ, почему авторъ представилъ его въ началѣ пьесы испеченнымъ чертами адскими отродьемъ. Съ своей революціонной точки зрѣнія онъ пытался заклеить старика, который гнушается убійствомъ, какъ пятномъ, налагаемымъ на народность; но впечатлѣніе выводитъ въ результатѣ не то, котораго авторъ ожидалъ, потому что въ сущности старикъ совершенно правъ, а неправъ безумецъ, которому даже и совершить задуманное не достало силы, потому что въ рѣшительную минуту ему изменили нервы; его одолѣли призраки его же собственнаго распаленнаго воображенія. Не смотря на этотъ промахъ, послѣднія три дѣйствія драмы (сцена въ подземельѣ, заключеніе и казнь Кордіана) принадлежать къ числу лучшихъ произведеній польской драматической литературы.

Начиная съ „Кордіана“, Словацкій, хотя много писалъ въ Женевѣ, ничего не печаталъ вплоть до 1848 г., по совершенному отсутствію фондовъ. Поэтъ жилъ на средства матери, скромно, но комфортабельно. Едвали нашелся бы другой, который бы столько вниманія обращалъ на свою житейскую обстановку, на ея внѣшность, даже на свой костюмъ, покрой его, модность, цвѣтъ перчатокъ. Такъ какъ его произведенія приносили ему отъ времени до времени лишь нѣсколько десятковъ франковъ, то и приходилось, повинуясь „бѣшеной силѣ творчества“ (письмо 21 мая 1836), писать, да написанное прятать на лучшія времена. Дарованіе его было въ полномъ блескѣ и зрѣлости, производи-

тельность велика. Тогда, въ эти женеvскіе года (1833 до нач. 1836 г.) задуманы и написаны „Мазепа“, „Балладина“, „Въ Швейцаріи“, „Валласъ“, „Горштынскій“, но изъ всѣхъ произведеній Словацкаго только немногимъ больше половины опубликованы имъ при жизни, набралось, сверхъ того, на три тома сочиненій посмертными, изданныхъ по черткамъ Малецкимъ (*Pisma posmierne*, Львовъ 1866); нѣкоторыя же произведенія утеряны, пропали (напр. трагедія изъ шотландской исторіи „Валласъ“, 1834), или дошли до насъ въ отрывкахъ, хотя вѣроятно были написаны цѣльнымъ (напр. драма „Горштынскій“, 1835, изъ послѣднихъ дней Польши) или, наконецъ, были преданы огню самимъ авторомъ (первая обработка „Мазепы“ 1834 г.). Бумаги Словацкаго, сложенные теперь въ книгохранилищѣ Оссолинскихъ во Львовѣ, служатъ и будутъ служить обильнѣйшимъ матеріаломъ для разработки со стороны илущихъ по стопамъ поэта его полюбившихъ, пытающихся додѣлывать, что имъ не домыслено или что временемъ и случаемъ изъ цѣльныхъ вещей было истреблено. Разберемъ подъ годами ихъ изданія всѣ эти произведенія, кромѣ одного, кромѣ поэмы: „Въ Швейцаріи“, которая вмѣстѣ съ *Godeina mysli* изображающей его дѣтство, принадлежитъ къ числу автобиографическихъ, то-есть изображаетъ лично имъ пережитое въ дѣйствительности, но уже переработанное въ перлъ поэзіи, какъ перерабатывалъ Гёте свои жизненные опыты въ *Wahrheit und Dichtung*. — Съ конца 1833 г. въ Женеvѣ проживала польская семья В(одзинскихъ). Старшая дочь Марья не понравилась Словацкому („некрасивая, ученица Фильда, хорошая пляхетства“). Лѣтомъ 1834 г. состоялась въ большой компаніи, къ которой принадлежалъ и Словацкій, экспедиція въ горы на С.-Бернардъ, чрезъ Гемми, по озерамъ Тунскому, Бриенцскому, въ Грюндельвальдъ и на озеро Четирехъ Кантоновъ; тогда среди этихъ дивныхъ картинъ природы завязалось знакомство, которое потомъ перешло въ идиллію любви, когда весной 1835 г. семья В. поселилась на короткое время въ пансіонѣ Паттвгъ, гдѣ Словацкій былъ свой домашній человекъ. „Атмосфера воображенія, страна прощеднаго, островъ идеала, орошаемый рѣкою слезъ“... пишетъ онъ къ матери (30 іюня 1835). Страсть—единственный, можетъ быть, разъ въ жизни Словацкаго—однаково была сильна съ той и съ другой стороны; притомъ это была страсть безъ застраивающаго дня, все въ настоящемъ, съ сантиментальнѣйшими мечтами о жизни весь вѣкъ въ какомъ-нибудь красивомъ ущеліи, тревожимыми предвидѣніемъ, что у поэта отобьютъ эту „лилейную“ душу какой-нибудь „подвожоричъ изъ страны Ляховъ, снабженный шляхетскою развязностью, усамн и шпорами“. Поэта терзала мысль о предстоящемъ отъѣздѣ семьи В.; онъ предполагалъ послѣ отъѣзда уединиться и поселиться въ горахъ. Но неожиданныя обстоятельства ускорили развязку и заставили поэта

бѣжать въ горы гораздо раньше отъѣзда изъ Женевы семьи В.; Эглантина Паттагъ не вынесла того, что Словацкій заинтересовался другою женщиною и заболѣла, итъ ея вступилась за нее, вышли сцены, вслѣдствіе которыхъ Словацкій переѣхалъ на другой конецъ озера (Veveyoux насупротивъ Meileries) и писалъ стихотвореніе *Проклята*: „Будь проклята, ты разстроила послѣднія минуты счастья моего на землѣ, ты изгнала меня въ уединеніе!.. Будь вѣчно проклята, каждый мой стоиць знаетъ тебя и каждая слеза тебя помнитъ“.. Не надо думать, что этими стихами и опредѣлились окончательно отношенія Словацкаго къ проклинаемой; она провожала отъѣзжавшую семью В. и была у поэта, плакала и просила его возвратиться въ пансіонъ. Добрыя отношенія отчасти возстановились, Словацкій имѣлъ всегда слабость въ тѣмъ, которыхъ называлъ подпорками (письмо 20 іюля 1836), нуждался въ томъ, чтобы надѣй него была нѣжная женская душа, засматривающаяся на него, съ которой бы онъ дѣлился поэтическими мечтами. Но самъ пансіонъ ему опостылъ, онъ въ него нескоро вернулся и написалъ въ Вейту свою швейцарскую поэму. Настоящей Маріи В. совсѣмъ тамъ не найтн, но центръ поэмы занимаетъ любимая женщина въ фантастической обстановкѣ. Она появляется впервые поэту у каскада Аарскаго: „тамъ я ее увидѣлъ и, вдругъ влюбившись, увѣровалъ и вѣрую, что она вышла изъ радуги и изъ пѣны потока... Когда мои глаза обняли ее отъ стоиць до коудрей, то въ нее влюбились глаза, а за тѣмъ чувствомъ, которое заставляеть любить, послѣдовало сердце, а за сердцемъ душа. Такъ я сталъ клеветать романъ, что хотѣлъ я летѣть къ ней чрезъ каскадъ, потому что я боялся“... что она исчезнетъ какъ привидѣніе... Слѣдуетъ радъ сценъ у родника Ромы и передъ часовнею Телля на озерѣ, въ сталактитовомъ гротѣ и въ домикѣ пустынника. Какія-то пренятствія возникаютъ, сердце щемитъ предчувствіе разлуки, потомъ слѣдуетъ безпредѣльная печаль объ этой совершившейся разлукѣ. По отношенію къ формѣ и по части живописанія альпійской природы поэма эта, безъ положительнаго содержанія, есть верхъ совершенства... Красинскій, прочитавъ ее, писалъ (Małeski II, 68): „не знаю ни на одномъ языкѣ ничего подобнаго о мечтаніяхъ любви... послѣ того нельзя писать стиховъ; только безстыжій человекъ возьмется писать стихи послѣ Юлія“... Поэма доказывала полную зрѣлость таланта, которой несомнѣнно способствовали уединеніе и пребываніе среди красоты природы, прочувствованныхъ поэтомъ всѣми нервами его организма. „Эти три мѣсяца,—писалъ онъ (20 октября 1835),—научили меня многому. Я наблюдалъ гармонию, которая все соединяетъ и наливаетъ однимъ колоритомъ, я вникалъ въ деревья, цвѣты, шумъ и звуки природы“... Онъ объяснялъ и способъ поэтическаго творчества по отношенію къ пейзажу. У него отражались въ памяти два образа: одинъ—

страны, какою ее себѣ представлялъ поэтъ въ воображеніи—красивѣе дѣйствительности; другой—какова эта страна въ дѣйствительности; изъ этихъ двухъ образовъ по слитіи ихъ образуется, наконецъ, третій—самый красивый, „сотканный изъ воображенія и соннаго воспоминанія“ (Mał. I, 240). Послѣдніе слѣды байронизма исчезли, Словацкій сдѣлался спокойнѣе и какъ будто бы совсѣмъ забылъ о цѣляхъ, которыя онъ себѣ поставилъ, бѣжа изъ Парижа. Сокровища поэзіи накопились въ его портфель, онъ не пересталъ сѣтовать о томъ, что они не печатаются, и довольствуется ихъ сообщеніемъ немногимъ симпатичнымъ людямъ. Мало того, онъ даже и съ Мицкевичемъ примирился въ душѣ; это своего рода чудо было послѣдствіемъ появленія „Пана Тадеуша“. Извѣстно, что Словацкій былъ ядовитъ по отношенію къ тѣмъ, кого онъ почему либо не любилъ, къ Лелевелю, къ Шопену, на котораго Словацкій, какъ говорили, былъ особенно похожъ. Мицкевича онъ имѣлъ причины не щадить, и еще 13 іюля 1834 г. по одному слуху писалъ саркастически, что Адамъ сочинилъ поэму о какомъ-то шляхтичѣ, который авантюриничаетъ между 1811 и 1812 г. Но, прочитавъ поэму, онъ сложилъ оружіе, смирился, все прошлое простилъ и слѣдилъ съ тѣхъ поръ мысленно за великимъ гѣвцомъ, возмущаясь его стѣсненнымъ положеніемъ, граничащимъ съ нищетою: „должно быть, у васъ тамъ календари, что ли, наполняютъ полки библіотекъ“, писалъ онъ въ маѣ 1835 года. Въ концѣ этого года одно извѣстіе привело Словацкаго въ лихорадочное состояніе: его дядя по матери, Теофілъ Янушовскій собрался съ женою въ Италію и звалъ туда Словацкаго, который пламенно желалъ посѣтить эту страну; вся зима прошла въ хлопотахъ о паспортѣ; въ февралѣ 1836 г. Словацкій направился чрезъ Марсель въ Чивита-Веккію и очутился въ Римѣ между родными, по которымъ онъ такъ тосковалъ вдали отъ нихъ на чужбинѣ, но съ которыми онъ въ дѣйствительности послѣ трехъ мѣсяцевъ сожителства не очень ладилъ, потому что его произведеній они не смаковали, не понимая ихъ смысла и значенія, и были требовательны, а онъ не любилъ стѣсняться и предпочиталъ общество молодыхъ сверстниковъ (Голынский, Бржозовскій), любителей искусства и энтузіастовъ, съ которыми онъ могъ отвести душу и подѣлиться и впечатлѣніями и пѣснями. Въ числѣ этихъ новыхъ знакомыхъ былъ человѣкъ съ громаднымъ по своему времени знаніемъ и поэтическимъ дарованіемъ, Сигизмундъ Красинскій, котораго обстоятельства такъ сложились, что онъ не могъ признавать себя гласно авторомъ своихъ произведеній, довольствовался тѣмъ, что пускалъ ихъ безымянно, и котораго дарованіе было извѣстно только самому тѣсному кругу его близкихъ знакомыхъ. И Словацкаго извѣстность была весьма мала въ то время и не соответствовала его творческой силѣ. Оба поэта сошлись, сблизились самою тѣснѣйшею дружбою,

одинаково для обоих полезно, потому что многимъ они позанимались другъ у друга. Эта дружба, длившаяся семь лѣтъ, кончилась, правда, на девятомъ громкомъ разрывомъ по разницѣ въ убѣжденіяхъ, но такъ какъ она сильно повліяла на ихъ творчество, то подобно тому, какъ нѣмецкихъ Дюскурровъ, Шиллера и Гёте, нельзя изучать порознь, такъ и польскихъ необходимо сопоставить. Потому, прерывая жизнеописание Словацкаго, постараемся опредѣлить, кто былъ то новое лицо, которое вошло съ нимъ въ столь исключительныя отношенія.

Изученіе этого лица представляетъ въ настоящее время большія затрудненія: жизнь Мицкевича и Словацкаго можно прослѣдить по годамъ и мѣсяцамъ, по собственной ихъ корреспонденціи; еще болѣе обильные матеріалы остались послѣ Красинскаго—болѣе 8,000 его писемъ, но малая только часть ихъ издана, нѣкоторыя письма вѣроятно никогда не будутъ обнародованы, изъ обнародованныхъ нѣкоторыя (напр. письма къ Ярошинскому) сдѣланы библиографическою рѣдкостью вслѣдствіе того, что ихъ скупилъ семейство поэта ¹⁾.

Сигизмундъ Красинскій, родившійся 19 февраля 1812 г., въ Парижѣ, принадлежалъ по происхожденію къ той же части прежней Польши, поступившей подъ русское владычество, которая произвела и Мицкевича, и Словацкаго. Эти послѣдніе, хотя далеко не являясь, были по общественному положенію люди все-таки мелкіе въ сравненіи съ нимъ, кровнымъ аристократомъ, весьма богатымъ, знатнымъ, принадлежавшимъ къ роду, имѣвшему съ державными домами (саксонскимъ и савойскимъ) родственныя связи и видное положеніе при дворѣ. Дѣдъ Красинскаго, Янъ, посолъ на 4-лѣтнемъ сеймѣ, женатъ былъ на Чацкой (сестрѣ Таддея Чацкаго). Отъ этого брака родился 1782 Вяцентій Красинскій ²⁾, герба Корвинъ, человекъ красивый, храбрый, честолюбивый, который соперничалъ съ княземъ Юсифомъ Понятовскимъ по части кутежей и успѣховъ въ праздномъ тогдашнемъ бомондѣ варшавскомъ, во времена прусскаго владычества. Этотъ В. Красинскій женился (1803) по расчету на княжнѣ Маріи Радзивиллъ, изъ Бердичевской линіи Радзивилловъ, падчерицѣ извѣстнаго патріота, бывшаго маршала 4-лѣтняго сейма, прозваннаго польскимъ Аристидомъ, Станислава Малаховскаго; потомъ онъ предупредилъ Понятовскаго поступленіемъ въ Наполеоновскія войска, отличился, произве-

¹⁾ Лучшая оцѣнка поэзіи Красинскаго сдѣлана Тарновскимъ въ предисловіи къ изданію его сочиненій: *Pisma Z. Krasin'skiego*. Львовъ, 1875.

— *Wyjątki z listów Z. Krasin'skiego*. Парыжъ. 1861.

— *Moja Beatrice*. Zygmunta Krasin'skiego. Kraków. 1878.

— *Listy Z. Kras.* 1835 — 1844 do Edwarda Jaroszyńskiego, ogłosił Marius Gorzkowski. Kraków. 1871.

— Статья Тарновскаго о письмахъ Красинскаго къ Адаму Солтану въ *Przegląd Polski*, январь 1877.

²⁾ J. Falkowski, *Obrazy z życia kilku ostatnich pokoleń w Polsce*. Poznań. 1877.

день въ императорскіе адъютанты и остался вѣренъ Наполеону до самаго отреченія его въ Фонтенебло, послѣ чего ему поручено было отвезти на родину польскіе полки, сдѣлавшіеся зародышемъ особаго польскаго войска, подъ державою Александра I. Генераль Красинскій достигъ высокихъ мѣстъ сенатора, воеводы; у него во дворцѣ, на Бравковскомъ предмѣстьѣ, въ салонѣ собирались на вечера ученые, литераторы, все больше классики; здѣсь царилъ безъ соперниковъ, какъ Аристархъ, Людвигъ Осинскій. Хозяинъ дома, самъ классикъ, былъ однимъ изъ сильнѣйшихъ столповъ русской партіи въ Польшѣ. Популярность его стала сильно падать по мѣрѣ того, какъ портились добрыя отношенія между народностями и близилась революція, въ особенности начиная съ сеймоваго суда 1828 г. надъ политическими заговорщиками, въ которомъ онъ одинъ стоялъ за строгое осужденіе подсудимыхъ ¹⁾. Послѣ того, какъ вспыхнуло повстаніе, генераль Красинскій оставилъ Варшаву и переѣхалъ въ Петербургъ. Въ 1856 г. по смерти Паскевича онъ даже исправлялъ временно обязанности намѣстника. Молодой Сигизмундъ воспитывался частью въ Дунаевцахъ, Подольской губ., у бабки по отцу, старостини Опиногорской, частью въ Варшавѣ. Когда ему было 8 лѣтъ, къ нему былъ опредѣленъ гувернеромъ знаменитый впоследствии писатель Корженевскій, который не могъ ужиться однако съ генеральшею, капризною и высокомерною женщиною ²⁾. Вліяніе матери, умершей, впрочемъ, рано, въ 1822, было самое незначительное на ребенка; за то надъ сыномъ тяготѣла всю его жизнь властная рука отца. Никогда сынъ не измѣнилъ долгу сыновней преданности и любви; онъ отца и любилъ по своему, довѣрялъ ему даже свои сердечныя тайны, далъ отцу руководить собою въ важныхъ дѣлахъ, наприимѣръ, въ женитьбѣ; но была область извѣстныхъ чувствъ, въ которыхъ сынъ оставался неприступенъ, нѣмъ и глухъ къ требованіямъ и мольбамъ отца. Ни въ чемъ они не подходили другъ на друга—ни во вкусахъ, ни въ идеяхъ. Самое высокое общественное положеніе отца было причиною, робовымъ образомъ повліявшею на то, что сынъ обрекъ себя сознательно на полнѣйшую бездѣтельность общественную и столь же полную анонимность литературную. Судьба заставила его, когда онъ былъ подростающимъ только юношею, претерпѣть жесточайшую, какую можетъ понести человѣкъ, обиду за непопулярность отца. Въ 1829 г., на похоронахъ предсѣдателя сеймоваго суда, воеводы Бѣлинскаго, явились массою, по уговору между собою, всѣ студенты университета, оставивъ пустыми ауди-

¹⁾ Неизвестный портретъ его имѣемъ въ письмахъ кн. П. А. Вяземскаго. См. «Русскій Архивъ», 1879 г., № 5, стр. 110.

²⁾ Klemens Kantecki, Dwaj Krzemieńczanie. П. J. Korzeniowski. Lwów, 1877, str. 189.

торіи; примѣру товарищей не послѣдовать только Сигизмундъ Красинскій, по приказанію отца отправившійся на лекцію, за что на слѣдующій день товарищи (Леонъ Лубенскій) побили его и вытолкали. Впечатлѣніе этой минуты осталось сильное; оно отражается въ слѣдующихъ словахъ послѣдняго произведенія Красинскаго, *Niedokonssony poemat*: „Вижу то старое аданіе, въ залахъ котораго сидитъ тысяча сверстниковъ, а учителя читають съ каедръ. Вижу змѣною завертывающуюся лѣстницу. Неправда ли, смѣлый я былъ мальчижь, хотя недороспій и слабый силами? Я шелъ изъ дому, проходилъ мимо ихъ всѣхъ съ гордостью на челѣ, зная, что меня ненавидять, но за что— не зная. Они окружили меня, тѣснить со всѣхъ сторонъ, кричать: „паничь, паничь“, какъ будто бы позорно, что я могу указать, гдѣ положилъ голову не одинъ изъ моихъ отцовъ и въ какой онъ церкви погребенъ. Боже! въ дѣтской груди впервые зародился адъ — я ухватился за желѣзные перила, а они меня тащатъ за руки, за ноги, за складки плаща. Я, можетъ быть, палъ бы имъ подъ ноги, но ты явился.... мой добрый геній, и сказалъ: „они несправедливы; будь богѣе, нежели справедливы; прости имъ въ душѣ и возлюби ихъ въ дѣлахъ твоихъ“ „.... Этотъ отрывокъ характеризуетъ и человѣка и всю его послѣдующую дѣятельность. Онъ до мозга костей рыцарь, аристократъ, сознательный боець за прошлое, готовый дать себя распять за то, что онъ носитель унаслѣдованныхъ идей великой, но погибающей цивилизаціи. Свой личный случай онъ обобщаетъ до послѣдняго предѣла обобщенія, дѣлая изъ него міровой вопросъ аристократіи и демоса и идя на встрѣчу ему съ незлобивымъ сердцемъ и христіанскимъ закономъ всепрощенія и добровольнаго страданія. Сама природа обрекла его въ страдальцы, сдѣлавъ его больнымъ, подверженнымъ нервнымъ припадкамъ, слабымъ глазами и постоянно угрожаемымъ утратою зрѣнія. Постоянно лечащійся на водахъ или въ тепломъ климатѣ, онъ только и находилъ отраду въ дружбѣ съ весьма немногими короткими товарищами и знакомыми, съ которыми онъ дѣлился мыслями (Константинъ Гагинскій, съ которымъ онъ сочинялъ первыя свои юношескія произведенія, и который одинъ защищалъ его въ 1829 предъ товарищами; Даниелевичъ, философъ и музыкантъ, умершій на рукахъ его въ Фрейбургѣ 1841; Адамъ Солтанъ; Эдуардъ Ярошинскій) и съ которыми вель самую дѣятельную переписку. Большое значеніе имѣли во всей его жизни женскія знакомства и сердечныя связи. По особенностямъ своей всеобобщающей натуры, Красинскій сознательно возбуждалъ и формулировалъ теоретически женскій вопросъ какъ одну изъ задачъ будущаго. Случай 1829 г. заставилъ генерала Красинскаго отправить 17-лѣтняго сына, не кончившаго курса наукъ въ университетѣ, за границу, сопровождаемаго

наставникомъ Якубовскимъ. Къ первымъ временамъ его бытности за границею въ Женевѣ, относится письмо его къ Боншеттену, помѣщенное безымянно въ *Bibliothèque universelle de Genève*, 1830, и содержащее писанную для иностранцевъ краткую исторію польской литературы, въ которой, не отрицая заслугъ классиковъ, Красинскій является романтикомъ и горячимъ поклонникомъ Мицкевича ¹⁾. Вскорѣ потомъ Мицкевичъ пріѣхалъ въ Женеву лѣтомъ 1830 г. съ Одынцомъ, который бывалъ у генерала Красинскаго на его вечерахъ въ Варшавѣ и который представилъ юношу Адаму. Устроилась поѣздка въ горы; Красинскій узналъ поближе великаго пѣвца, который сначала былъ замкнутъ и неразговорчивъ. „Я научился отъ него,—писать Красинскій,—смотреть хладнокровнѣе, красивѣе, безпристрастнѣе на вещи, освободился отъ многихъ предрасудковъ ²⁾. Онъ меня убѣдилъ, что всякая шумиха—вздоръ въ дѣлахъ, рѣчахъ и писаннѣхъ, что одна правда хороша, что всѣ орнаменты и цвѣты слога—ничтожество, когда нѣтъ мысли.... Встрѣча съ нимъ много мнѣ добра принесла“ (письма 5 сент. и 22 окт. 1830). Одынецъ изображаетъ Красинскаго рѣзвымъ, веселымъ юношею, влюбленнымъ по уши въ одну дѣвицу англичанку (миссъ Генриетта). Красинскій познакомился съ Анквичами, отправился въ Италію, и двѣ зимы 1830—31 и 1831—32 провелъ въ Римѣ, первую изъ нихъ въ обществѣ Мицкевича, вторую въ обществѣ Г. Ржевускаго и Анквичей. Польскія событія 1830—31 года произвели на Красинскаго потрясающее впечатлѣніе. Жизнь отца его могла подвергаться опасности, какъ явнаго противника повстанья, послѣдовавшаго за Цесаревичемъ. Викентій Красинскій былъ въ числѣ лицъ наиболѣе непопулярныхъ; ему только и была одна дорога въ Петербургъ. Когда повстанье получило трагическую развязку, отецъ потребовалъ сына въ Варшаву, оттуда онъ по приглашенію повезъ его въ Петербургъ, гдѣ Сигизмундъ долженъ былъ бы поступить на государственную службу, еслибы отъ этой, повидимому, неизбежной, но несоотвѣтствующей его желаніямъ волеи, не избавили его нервное расстройство и глазная болѣзнь — послѣдствія душевнаго потрясенія, вызваннаго событіями 1830—31 года ³⁾. Во время бытности въ Петербургѣ Красинскій два раза только вышелъ изъ своей комнаты, когда ѣздилъ представляться, былъ отпущенъ лечиться, и въ 1833 г. уѣхалъ въ Вѣну съ другомъ своимъ Даніелевичемъ, изъ Вѣны въ Римъ, от-

¹⁾ *Kronika Rodzinna* 1876, № 15.

²⁾ О женевскомъ путешествіи см. письма Одынца, т. IV, въ концѣ котораго помѣщены письма Красинскаго къ отцу.

³⁾ Письмо 1832 изъ Женевы: «Глазамъ моимъ угрожаетъ слѣпота, все тѣло разстроено, можетъ быть скоро я отойду туда, куда многие пошли, отойду безъ славы, безъ любви и сожалѣнія людей. Однако не подлое сердце билось въ этой груди; я бы могъ пѣть и сражаться». *Listy Z. Kras.* 7.

куда, 21 ноября 1833 г. (Kronika Rodz. 1874, стр. 309), сообщалъ по секрету другу Гагинскому о написанномъ, первомъ изъ зрѣлыхъ и сильныхъ своихъ произведеній — *Небожественной Комедіи*, которой давалъ въ то время иное еще названіе: *Мужъ*. Драма, хотя написанная только на 21 году, была не первымъ произведеніемъ; ей предшествовали нѣкоторые другіе, но совсѣмъ еще юные опыты. Еще студентомъ въ Варшавѣ Красинскій, увлекаясь Вальтеръ-Скоттомъ, сталъ писать съ товарищами квази-историческіе романы, — съ Гагинскимъ: *Могила рода Рейхсталей* (1828 въ Kogtes. Warszawski), а съ Гагинскимъ и Доминикомъ Магнушевскимъ: „Władysław Herman i dwór jego“ (Warszawa 1829). Изъ этихъ сотрудниковъ Гагинскій (род. 1809, выходецъ съ 1831, ум. 1866), писалъ кое-что впоследствии и оставилъ неизданныя еще записки о своихъ отношеніяхъ къ Красинскому. Гораздо сильнѣе по таланту Магнушевскій (1810—1847), авторъ „Польской женщины въ трехъ эпохахъ“, „Мести Урсулы Мейеринъ“, неданныхъ драмъ „Радзѣвскій“ и „Владиславъ Бѣлый“¹⁾, который любилъ архаизмы, поддѣлывался подъ старинный слогъ, искалъ народности въ поэзіи, но, самъ того не замѣчая, былъ раздражателемъ „растрепанной“ школы французскихъ романиковъ (В. Гюго и др.). Безъ содѣйствія другихъ Красинскій написалъ еще затерявшіяся новѣсти, все прозою: *Завиша*, староста Вильчекъ, Теодоръ—царь лѣсовъ, наконецъ, изданный въ Вроцлавѣ 1834, романъ *Асайханъ*. Едвали этотъ романъ напоминаетъ Вальтеръ-Скотта, а скорѣе д'Арленкура, и если есть въ немъ достоинства, то развѣ по части слога, а не содержанія. Героиня романа—Марина Мнишекъ, съ момента смерти Тупинскаго вора, къ которой пылаютъ безумною страстью казаки Зарудскій и татаринъ Агайханъ. И лица, и обстановка вымышленныя, въ рисовкѣ мѣстъ и описаніи событій видна наклонность къ безгѣрному преувеличенію, къ вычурному до карикатурности. Главный недостатокъ этихъ поэтическихъ грѣховъ юности—полное отсутствіе правды. Даниелевичъ писалъ о Красинскомъ (Kt. rodz. 1874, стр. 309): „онъ безъ устали пишетъ. Должно быть, въ немъ *furibunda aena* поэтическая, и бѣшеная выносливость. Вѣроятно онъ когда-нибудь отречется отъ того, что теперь пишетъ; эпоха писанія еще для него не пришла“. Несомнѣнно, что знакомство съ Мицкевичемъ помогло начинающему страхнуть съ себя реторику, подойти къ правдѣ, остальное довершено созерцаніемъ польскихъ и европейскихъ событій 1830 г. Писатель вдругъ возмужалъ и преобразился. Написанная въ Римѣ 1833 г. *Небожественная Комедія* (*Nieboska Komedia*), изданная въ Парижѣ 1835, есть вполне зрѣлое произведеніе, запечатлѣнное всѣми

¹⁾ Во Львовѣ 1877 вышелъ первый томъ полнаго собранія его сочиненій (Dzieła Dominika Magnuszewskiego).

индивидуальными характерными признаками творчества, присущими всемъ послѣдующимъ произведеніямъ. Оригинальность ея велика, и заключается въ томъ, что Красинскій является въ области искусства метафизикомъ, олицетворяющимъ средствами искусства самыя отвлеченныя идеи. Каждая его поэма есть философская теорія, продуманная посредствомъ образовъ, имѣющихъ по отношенію къ кореннымъ ея идеямъ значеніе символическое. Эти теоріи иногда предпосылаются произведеніямъ въ предисловіяхъ (Przedświt), иногда вставляются въ самый текстъ поэмъ (Psalm Wiary). Въ перепискѣ съ друзьями, гораздо ранѣе формулируются тѣ социальныя и политическія вопросы, которые составляютъ потомъ основу той или другой драмы или эпоса; но именно вслѣдствіе того, что общее и всемірное стоитъ на первомъ планѣ, чисто личное сравнительно мало занимаетъ въ нихъ мѣста, такъ что ключъ къ произведеніямъ Красинскаго находится не столько въ лично имъ испытанномъ, сколько въ общемъ состояніи умовъ въ Европѣ, съ іюльской революціи до войны, кончившейся осадой Севастополя ¹⁾. Этимъ свойствомъ объясняется и, замѣченный Ключкою ²⁾, ходъ развитія поэзіи Красинскаго *исходящій*, обратный ходу развитія *восходящему* другихъ поэтовъ, которые начинали съ своего національнаго и затѣмъ возносились до общеміровыхъ идей, между тѣмъ какъ у Красинскаго эти послѣднія составляютъ исходную точку, а національное является вѣнцомъ и заключеніемъ эволюціи. Эта метафизичность въ творчествѣ Красинскаго имѣетъ послѣдствіемъ то, что никогда не можетъ быть онъ такъ популяренъ въ массахъ, какъ Мицкевичъ или даже Словацкій. Его поэзія меньше доступна, она всегда важна, серьезна, діамантъ ея всегда выше обыкновеннаго нѣсколькими тонами, она чуждается всего вульгарнаго, она изрѣдка пынеть гнѣвомъ, негодованіемъ, но въ ней не было ни малѣйшей примѣси комизма. Онъ самъ отлично понималъ эту невульгарность своей музыки. „Примѣшивай, — писалъ онъ изъ Рима 1840, къ Словацкому, — немного желчи къ твоей лазури, ты увидишь, какъ этотъ химическій земной элементъ привлечетъ къ тебѣ все земное. На землѣ болѣе печеней, нежели сердецъ. О, какъ тогда станутъ понимать тебя печенки.... Попробуй, они того требуютъ, они только тогда почувствуютъ твою руку, когда ты съ размаха ударишь, когда

¹⁾ Когда 1841 г. по поводу Лѣтней Ночи, Словацкій доискивался въ письмѣ къ Красинскому личной основы этого произведенія, онъ получилъ (письмо 16 марта 1841, Римъ. Мад., II, 116) только слѣдующій отвѣтъ: «Не касайся смертельныхъ ранъ; не испытывай слишкомъ неизмѣримыхъ сердецъ. Когда бросишь въ море якорь, не знаешь, куда онъ пошелъ, потому что глубь темна. Можешь ли сказать, что твое желѣзо не попало на живое существо и не пронзало его или не изранило.... Будь добротъ ангелу свѣта и звука, а опыты оставь старому Виллю (т. е. Шекспиру) и анатомамъ. Простри тихую и лучистую радугу надъ тѣмъ, кому жизнь была горька».

²⁾ *Revue des deux Mondes*, 1862, janvier: Le poète anonyme de la Pologne.

тяжелая, костлявая, она падает на виски. Пока она подъята къ небу, къ звѣздамъ.... до тѣхъ поръ они мнятъ, что это бѣлая дѣля, растущая невинно на лугу“. Живя постоянно на наибольшихъ высотахъ мысли и чувства, Красинскій, какъ полнѣйшій идеалистъ, былъ настоящимъ антиподомъ современнаго реальнаго направленія; но, какъ идеалистъ, онъ былъ близокъ къ тѣмъ древнимъ Грекамъ времени Перикла, которые создавали мраморныхъ Олимпійцевъ, дивно красивыхъ, но красотою, не копированною съ живыхъ натурщиковъ и моделей. Самые приемы его въ творчествѣ скорѣе приемы скульптора, нежели живописца. Созданныя имъ лица пластичны, но безкровны, въ нихъ нѣтъ колорита, а одинъ только рисунокъ, но совершенство этого рисунка таково, какъ въ древней пластинѣ, въ которой по одной головѣ или торсу, безъ всякихъ атрибутовъ, угадаешь сразу, что статуя изображаетъ, того или другого бога или героя. О задачахъ поэзии онъ имѣлъ своеобразныя и довольно странныя представленія. „Поэзія, — писалъ онъ, — есть предвидѣніе совершеннѣйшихъ формъ, въ какия когда либо на землѣ или въ небѣ облечется реальная жизнь“ (1840 г., *Listy Kras.* 181). Легко объяснить особенностями фантазіи Красинскаго и его литературнымъ предпочтеніемъ. Онъ въ восхищеніи отъ „Виконта де-Бражелонъ“ и всей трилогіи „Мускетеровъ“: „Дюма доходитъ до гомеровскихъ ситуаций и описаній, изъ сердца челоувѣчества выхваченныхъ, правдивыхъ, поэтическихъ, точно по правилу Цицерона: *fac imagi-nes quibus pulsantur animae*. Не соблазнился онъ погоней за деньгами, онъ бы сравнялся съ Шекспиромъ“ (*Listy*, стр. 172). Шекспиру Красинскій удивляется, но ему не сочувствуетъ. „Шекспиръ хотя широкъ, какъ сѣверное сіяніе, но ниже Байрона, который сверкнулъ только молніею средъ бури“ (1837 г., *Listy*, стр. 26). „Люблю я больше одну трагедію Шиллеровскую на сценѣ, нежели всѣ Шекспировскія. Шиллеръ шествуетъ полубогомъ, какъ Аполлонъ Вельведерскій съ подъятымъ челомъ. Весна кругомъ его, и до гроба, въ сердцахъ героевъ, и послѣ смерти и на гробахъ ихъ все цвѣты да звѣзды“ (стр. 31). „Шекспиръ — великій мастеръ диссонансовъ, дѣлающій опыты на характерахъ, какъ физикъ и химикъ дѣлаютъ ихъ надъ тѣлами. Знаетъ, какъ мучатся люди, какъ текутъ слезы и кровь, но не знаетъ, зачѣмъ? Его точка зрѣнія еще дѣтская“ (*Listy*, стр. 177—180). „Онъ какъ дипломатъ, разсказывающій, что всѣ войны и революціи пошли отъ какой-нибудь мелкой интрижки. Интрига была, но было еще и нѣчто большее — перстъ Божій: тутъ кончается Шекспиръ и начинается Шиллеръ“ (32). Этотъ странный взглядъ на Шекспира зависитъ не только отъ вкуса, но и отъ особеннаго пониманія цѣлей жизни и искусства. Красинскій, съ одной стороны, наибольшій противникъ теоріи искусства для искусства, простирающій свое отрицаніе до того, что, по его понятіямъ,

выше всѣхъ тотъ, кто поэтъ въ жизни, и что тотъ уже нравственно измелчалъ, кто отъ поэзіи отдѣлился пропастью слова, а недостойнъ ея тотъ, кто ею забавляется, играетъ и предаетъ на праздное наслажденіе людямъ (вступленіе въ „Небож. Ком.“). Съ другой стороны, онъ вѣруетъ, что истинная поэзія есть правда, но не настоящаго, а будущаго; все то, о чемъ она мечтаетъ, когда-нибудь осуществится; она—цѣль чувства, котораго плодъ—религія, родительница философіи, а всѣ три вмѣстѣ нераздѣльны. Она—непремѣнное видѣніе будущаго и пророчествованіе о будущемъ (Listy, стр. 69), вызываемое несовершенствами настоящаго. Съ его метафизической точки зрѣнія все осязаемое и видимое—не реально, а дѣйствительную реальность имѣютъ только его мечты о томъ, что должно быть и что будетъ¹⁾. Такимъ образомъ у Красинскаго заслуживаютъ вниманія: критика настоящаго и идеалы будущаго. Какъ же понималъ Красинскій это настоящее? Онъ постигъ его въ иномъ видѣ, нежели современники, нежели самъ Мицкевичъ. Для всѣхъ первымъ на череду есть вопросъ національный, онъ разрѣшается реставраціею, реставрація есть дѣло времени не очень отдаленнаго²⁾. Для Красинскаго подобныя иллюзіи не существуютъ. Вся современная западно-европейская цивилизація, со включеніемъ и польской, съ ея идеалами, съ ея рыцарственностью, съ самымъ могучимъ костемъ ея—христіанствомъ, вымираетъ, трупныя пятна выступили наружу и распространяются; поэтъ слѣдитъ за признаками смерти, запускаетъ зондъ въ раны и пишетъ Гашинскому (1834, Римъ; Listy, стр. 9): „Знаю, что цивилизація наша кончается, что близится время, въ которомъ новыя злодѣянія явятся, чтобы казнить за прошлыя и самихъ себя осудить передъ Богомъ, но знаю также, что эти злодѣянія ничего не создадутъ, не построятъ, что они пройдутъ какъ божья Атиллы и сами заглохнутъ. Затѣмъ то, чего ни ты, ни кто бы то ни было, не знаетъ, не понимаетъ,—придетъ, выдѣлится изъ хаоса и составитъ новый міръ,—но въ то время и твои, и мои кости окажутся давнымъ давно истлѣвшими“. Въ этихъ словахъ содержится уже цѣликомъ вся *Небожественная Комедія*, которая въ главныхъ своихъ чертахъ сводится къ слѣдующему.

Разстиляется поверхность совершенно мертвеннаго, бездушнаго, изжившагося официального общества, въ которомъ нѣтъ стремленій, идеаловъ, задачъ, а царитъ одна условная ложь, говорятся условныя

¹⁾ Widoma rzeczywistość przemogła w tobie nad niewidomą, świętą, wiekiustą prawdą: zgubionys! *Pokusza*.

²⁾ «Панъ Тадеушъ», пѣсня II:

О милый сердцу край! Когда-жъ дозволятъ боги
Узрѣть мнѣ отчизнѣ хать знакомые пороги?

«Исторія будущаго» Мицкевича была только фантазія, которую М. забавлялся, не придавая ей серьезнаго значенія.

фразы и творятся условные обряды. Встрѣчаются отдѣльныя личности, которымъ не живется спокойно въ этомъ гробу: таковъ—мужъ или графъ Генрихъ, въ которомъ воплотилась вся гордость, вся рыцарственность прошлаго, но имъ негдѣ развернуться. Отъ пошлой среды, отъ законной жены Генрихъ бѣжитъ, чтобы не спать „сномъ оцѣвѣнѣлымъ, сномъ обжоръ, сномъ фабриканта-нѣмца при женѣ нѣмкѣ“, и гонится за призраками любви юныхъ лѣтъ, славы, небывалаго рая—на эти скитанія онъ потратилъ лучшую часть жизни, не принеся никакой пользы людямъ, потому что, въ сущности, онъ почиталъ и возлюбилъ только себя и свои мечтанія. Когда онъ возвращается изъ этихъ скитаній, оказывается, что домъ его пустъ, родился у него сынъ, но жена сошла съ ума, помѣшавшись на томъ, что въ ней позвѣнѣтъ, и что она не можетъ доставить счастья мужу; на крестинахъ она, вмѣсто имени крестнаго, нарекла ребенка поэтомъ. Великолѣпна сцена въ домѣ сумасшедшихъ, гдѣ она умираетъ на рукахъ мужа, а со всѣхъ сторонъ слышатся голоса помѣшанныхъ, воспроизводящіе всѣ клички, лозунги и формулы современныхъ партій и теорій. Дитя растетъ, болѣзненное, хилое, скороспѣлое, обреченное отъ природы на раннюю слѣпоту; мышленіе испортило въ немъ тѣло. Заклинаніе матери подѣйствовало: Жоржъ (Orcio)—поэтъ, и когда его заставляютъ молиться, то по неодолимому влеченію въ слова молитвы онъ вставляетъ образы, тѣснящіеся въ его воображеніи: „Богородице, дѣво, радуйся, царица небесная, владычица всего, что цвѣтетъ на землѣ по полямъ, надъ ручьями“.... Красинскій изобразилъ себя и свои страданія, и свою жизнь душевную въ этомъ Жоржѣ. Между тѣмъ проходятъ года и ближаются для стараго общества день суда и расчета, въ трупѣ завелись черви, поднято знамя кровавой соціальной революціи. Что появленіе отъ времени до времени краснаго призрака принадлежитъ къ числу безусловно устраненныхъ возможностей въ ходѣ развитія нашей цивилизаціи, то едвали подлежить сомнѣнію въ виду конвента, утопій 1848 г., интернационали и землетрясеній, колеблющихся отъ времени до времени нашу почву. Опасность есть, но она предупреждается приматіемъ своевременно различныхъ мѣръ. Красинскій, будучи прирожденнымъ противникомъ разнузданныхъ силъ стихійныхъ, предчувствовалъ опасность и даже преувеличивалъ ее. „Изъ кого ты составишь французскую республику,—писалъ онъ,—изъ господствующихъ купцовъ, или изъ работниковъ? кромѣ нихъ, я никого не вижу (1834, Listy, стр. 9). Въ „Неоконченной Поэмѣ“, составляющей позднѣйшую передѣлку идей „Небожественной Комедіи“, Красинскій влагаетъ въ уста Данту слѣдующія слова: „Когда я жилъ, были работники и знамена ихъ цеховъ развѣвались на перилахъ башенъ; они торговали багрянницею и камнями на ярмаркахъ, но они имѣли мечи за поясомъ и носили

четки, рука ихъ ужъла править кормиломъ на высокихъ волнахъ, строить на сушѣ неприступныя укрѣпленія. Они серебро брали, но грязь съ серебра смывали кровью битвъ. Чтѣ сдѣлаете съ пальцами, мягкими какъ воскъ, съ устами, никогда не произнесшими молитвы, безъ силы земной и безъ надежды на Бога, вы алчущіе одного влата?« Во главѣ побѣдоносной черни стоитъ Панкратій, мощный диктаторъ, съ холоднымъ умомъ, желѣзною волею, великимъ презрѣніемъ для слѣпо слѣдующихъ за нимъ людей. Съ другой стороны, обстоятельства выдвинули впередъ графа Генриха и дали ему, какъ сильному энергическому человѣку, власть и начальство надъ послѣдними бойцами стараго порядка, остатками дворянской касты, духовенства, преданныхъ старинѣ крестьянъ, заключенными въ послѣднемъ своемъ оидотѣ—фортѣ Св. Троицы ¹⁾. Какъ ни силенъ матеріально Панкратій, ему бы однако хотѣлось одержать надъ противникомъ нравственную побѣду, склонить его на почетную капитуляцію. Онъ посылаетъ къ Генриху требовать свиданія, съ другой стороны—графъ Генрихъ посѣщаетъ тайкомъ лагерь Панкратія, собранія разныхъ клубовъ, присутствуетъ при обрядахъ новой религіи, изобрѣтаемой сѣдомъ Панкратія, его Сень-Жюстомъ, Леонардомъ. Слѣдуетъ капитальная сцена свиданія, въ крѣпости Св. Троицы, двухъ людей, принциповъ, одинаково властолюбивыхъ, одинаково презирающихъ тѣхъ, кому они приказываютъ, одинаково неразборчивыхъ на средства. Ситуація на видъ та же, что въ Quatre-Vingt-Treize Гюго между Симурдэномъ и Лантенакомъ, еслибы ихъ свести и заставить спорить, но эти послѣдніе—фанатики идеи, между тѣмъ какъ ни Панкратій въ сущности не вѣритъ въ свою утопію ²⁾, ни Генрихъ въ отжившіе идеалы своей расы и касты. Графъ Генрихъ даже поколебался, когда Панкратій, подкладывая палецъ подъ сердце его и трогая нервъ поэзіи, приказываетъ ему: „Если ты любишь искренно правду и искалъ ее, если ты человѣкъ по образу человечества, а не на подобіе маменькиныхъ пѣсенокъ, то брось все и слѣдуй за мною“. Но соглашеніе невозможно. Уходя, Панкратій на порогѣ выдаетъ проклятіе, слѣдующее всему отжившему. Въ послѣдней битвѣ графъ Генрихъ приказываетъ штыками гнать на стѣны и шанцы князей и графовъ, умоляющихъ его начать переговоры о сдачѣ; его проклинають, умирая, даже вѣрные его слуги за упрямство; возлѣ него падъ отъ пули сынъ его слѣпецъ, онъ самъ кидается въ бѣдну съ верхней террасы замка, когда все уже погибло. На опустѣвшую террасу всходятъ Панкратій съ Леонардомъ. Панкратій чувствуетъ, что

¹⁾ Фортъ дѣйствительно существуетъ надъ Днѣстромъ близъ Хотина. Здѣсь Кашкиръ Пулавскій съ Барскими конфедератами отражалъ русскія войска. Захвативъ, что Красинскій провель юнне года по близости отъ этихъ мѣстъ—въ Дунаешдахъ.

²⁾ «Скажи мнѣ, во что ты вѣруешь—легче тебѣ жизни лишиться, нежели изобрѣсти новую вѣру» (Вступленіе къ Неб. Ком.).

совершилъ только одну половину дѣла, что надо заселить эти пространства, создать рай земной, сдѣлать, чтобы закипѣла жизнь, гдѣ одни развалины и трупы. Но въ эту минуту его поражаетъ страшное знаменіе: его поражаетъ несомое на тучахъ видѣніе, ликъ снѣжно-бѣлый, опирающійся на крестъ, въ терновомъ вѣнкѣ изъ сплетенныхъ молній. Отъ устремленныхъ на него взоровъ этого видѣнія Панкратій опускается мертвый на руки, зовущаго братьевъ-демократовъ на помощь, Леонарда, произнесъ слова Юліана Отступника: *Galilae, vicisti*. Видѣніе, отъ котораго умеръ Панкратій, есть во образѣ Христа являющаяся та правда будущаго ¹⁾, отъ которой одинаково далеки и животный утилитаріанизмъ доктрины Панкратія, и кастовые предрасудки, за которые идетъ на бой и смерть графъ Генрихъ. Сердце поэта лежитъ, конечно, къ Генриху; хотя онъ его осудилъ, но въ письмѣ къ Гашинскому, въ которомъ онъ проситъ его издать „Небожественную Комедію“, приписавъ ее небывалому лицу Фирлею (21 ноября 1833), онъ выражается слѣдующимъ образомъ: „это защита того, на что посягаютъ многіе голыши, то-есть, религій и славы прошлаго“. Даніелевичъ прибавилъ въ припискѣ: „сочиненіе не понравится ни одной партіи, мало кто его пойметъ, можетъ быть всѣ его обругаютъ“ (Кг. годз. 1874, стр. 309). Живя въ Римѣ, Красинскій ожидалъ съ нетерпѣніемъ, какое произведетъ впечатлѣніе запаадывающая изданіемъ, посланная въ Парижъ „Комедія“; между тѣмъ его занимали уже другія идеи, и писалась, также какъ и все предыдущее, провою, смѣшанная поэма—въ половину эпосъ, въ половину драма изъ исторіи кесарскаго Рима *Иридіона* (изд. въ Парижѣ 1836), состоящая, несмотря на античные костюмы дѣйствующихъ лицъ, въ ближайшемъ родствѣ съ „Валенродомъ“ Мицкевича и содержащая въ примѣненіи къ національному совершенно противоположное рѣшеніе поставленной Мицкевичемъ задачи: можетъ ли для реставраціи, поглощающей всѣ помыслы патриотизма, быть подходящимъ средствомъ чувство мести, котораго идеальнымъ воплощеніемъ былъ Валенродъ, а практическимъ—работы эмиграціи?

Не подлежитъ сомнѣнію, что въ древнемъ мірѣ вѣчный городъ являетъ примѣръ самаго безпощаднаго высасыванія жизненныхъ соковъ изъ безчисленнаго множества культуръ и народностей, въ томъ числѣ изъ высокой культуры греческой. То чувство ненависти и мести, которое одушевляло Аннибала и Митридата, могло существовать и у сѣверныхъ варваровъ, и у Грека. Одинъ такой знатный Грекъ,

¹⁾ См. Кроніка годз. 1875, стр. 36, письмо 1 февр. 1837: «Въ республиканствѣ не заключается весь духъ человечества, надъ бурей виситъ нѣчто болѣе совершенное, нравственность, порядокъ, гармонія, то все, на что если потребуется символа, нѣтъ нинѣ иного, кромѣ христіанства».

заклятый врагъ Рима, Амфилохъ Гермесь, породнился въ Кимврскомъ Херсонесѣ (Даніи) съ однимъ изъ норманскихъ морскихъ королей, Сигурдомъ, женившись на вѣщей жрицѣ Одина Хримгильдѣ, и воспиталъ въ духѣ ненависти сына Иридіона и дочь Эльсиноэ, при которыхъ гостить, въ качествѣ ихъ наставника, таинственное лицо—старикъ Нумидіецъ Массинисса. Гостепримный домъ Иридіона открытъ не только для римскихъ сановниковъ и вельможъ, но и для грековъ и варваровъ. Случай къ осуществленію долго лелѣянныхъ злобныхъ замысловъ, повидимому, наступилъ, потому что владыкою міра сдѣлался злой, развратный и сумасшедшій Геліогабалъ, на котораго можно имѣть безусловное вліяніе. Иридіонъ жертвуетъ дѣлу сестру, обрекая ее дѣлить судьбы и ложе кесаря. Въ кесарѣ она возбуждаетъ подозрительность ко всему его окружающему, заставляетъ его смѣло довериться брату. Располагая исполнѣ кесаремъ, Иридіонъ толковываетъ этому Сирійцу, жрецу Митры, что самый злѣйшій врагъ его есть тотъ духъ старо-римскій, который существовать будетъ, пока существуетъ седьми-холмный городъ, слѣдовательно, что надо раздавить городъ и удалиться на родной Геліогабалу Востокъ. Все подготовлено къ перевороту, цѣлыя полчища варваровъ, цѣлыя ватаги гладиаторовъ, между которыми скрываются обездоленные потомки аристократическихъ фамилій Сципіоновъ, Верресовъ, ждутъ только сигнала. Сопротивленія можно ожидать отъ преторіанцевъ и войска, отъ жителей Рима и черни, да отъ той небольшой группы людей, хранителей старо-римской политики и преданій, идущихъ еще отъ республики, которые сосредоточиваются около влемянника кесаря, Александра Севера, и во главѣ которыхъ стоитъ воплощеніе старо-римской доблести, исключительности и достоинства—Ульпіанъ. Но рѣшающее въ этомъ покушеніи на Римъ значеніе имѣютъ не кесарь и не наемныя ватаги и даже не когорты преторіанцевъ, а подземелья, то-есть міръ христіанскій, славословящій Назорея въ катакомбахъ. Александръ Северъ и мать его Маммея—тайные христіане; но Ульпіанъ—иного мнѣнія: онъ вѣруеть, что городъ можетъ держаться только тѣмъ, чѣмъ въросъ—несокрушимымъ мужествомъ и таинственными обрядами правдѣдовъ. Руководимый Массиниссою, Иридіонъ проникаетъ въ подземелья, принимаетъ крещеніе и имя Геронима, производитъ расколъ въ церкви и увлекаетъ за собою страстнымъ словомъ людей между христіанами новообращенныхъ, горячихъ, молодыхъ, невольниковъ, варваровъ, пришельцевъ изъ египетской Оиванды. Главными его сподвижниками въ этомъ дѣлѣ являются соотечественникъ Симеонъ Коринескій и славимая за свою святость благородная Римлянка, Корнелія Метелла („чтобы воплотить неземное царство въ земныя страсти—на то нужна женщина“), которую онъ сознательно соблазняетъ и заставляетъ звать,

но вдохновенію будто бы свыше, братьявъ-христіанъ въ оружію на святое мщеніе. Среди огней бунта, зардѣвшихся въ катакомбахъ, появляется и Массинисса, который становится все больше и больше загадочнымъ и радуется уже не подходящему моменту гибели Рима, но тому, что въ сердцахъ христіанъ возмущены вѣра, надежда, любовь; что „съ тѣхъ поръ не пройдетъ дня безъ того, чтобы не ссорились люди за качества и имена Бога, чтобы именемъ его не сожгали и себя и другъ друга и не убивали, чтобы не распинали вновь Христа своего мудростью и невѣдѣніемъ, своимъ расчетомъ и уличеніемъ, смиреніемъ своей молитвы и богохуженіями своей гордливости“. Въ рѣшительную минуту Массинисса даже какъ будто бы измѣняетъ Иридіону: „О Римъ, благословляю тебя, ты смасенъ ради подлости и жестокости твоей“.

Наступаетъ катастрофа: въ то самое время, когда императоръ передалъ всю власть Иридіону, котораго гладиаторы и наемники поджигаютъ Римъ со всѣхъ концовъ, въ катакомбахъ епископъ Викторъ возстановилъ потрясенную власть, передалъ анаемѣ Симеона и Иридіона. Метелла умираетъ каюцаяся, Иридіонъ срываетъ съ себя крестъ и уводитъ за собою варваровъ, восклицающихъ: „мы тебѣ вѣрны, Іисусъ да судитъ насъ потомъ“. Епископъ Викторъ приказываетъ молиться за Александра Севера. Между тѣмъ преторіанцы врываются въ кесарскій дворецъ, провозглашая Севера. Гелиогабалъ ирубленъ въ куски, Эльсиноэ завололась сама. Северъ отсылаетъ ей тѣло брату, обѣщая ему прощенье, если онъ смирится. Въмѣсто отвѣта посланному съ предложеніемъ Ульпіаму, Иридіонъ выдаетъ въ пламя завітное кольцо съ таинственнымъ именемъ Рима, изображеннымъ на немъ,—талисманъ, довѣренный ему кесаремъ. Ульпіанъ уходитъ, обречая злодѣя на aquae et ignis interdictio. Въ послѣднюю минуту на кострѣ Эльсинои возлѣ Иридіона появляется пропадавшій во время перипетій дѣйствія Массинисса и берется спасти его. Кто же ты? — я бессмертный, я богъ,—отвѣчаетъ старецъ и исчезаетъ вмѣстѣ съ Иридіономъ. По объясненію самого Красинскаго (письмо 1837 г., въ Kronika rodz. 1875, стр. 98), Массинисса есть нѣчто въ родѣ античнаго Мефистофеля—символическое олицетвореніе начала зла, начала отрицанія, тотъ мракъ, безъ котораго не было бы свѣта, то непонятное Сатанино неизвѣстное, которое вѣчно пугаетъ насъ тайною безконечности, пока мы его не узнали, но ежеминутно претворяется въ нѣчто и входитъ какъ необходимый факторъ въ свѣтъ и гармонию. Массинисса уноситъ далеко отъ Рима Иридіона, у котораго въ сердцѣ осталось страданіе отъ неудавшейся мести, а въ ушахъ раздается, какъ упрекъ, крикъ умирающей Метеллы. Иридіонъ охотно бы поклонился Богу Метеллы, но Массинисса болѣе, нежели Рима, врагъ

Назорея, за то, что онъ завладѣлъ старымъ небомъ и одряхлѣвшею землею, между тѣмъ какъ есть еще пространства, гдѣ нѣтъ его имени; за то, что онъ одѣнетъ кесареву багряницу; за то, что, прижавъ къ его стопамъ, придутъ въ дѣтское состояніе люди Сѣвера, и „Рома“ будетъ вторично обоготворена. Иридіона онъ улаживаетъ на сонъ многолѣтней и даетъ ему слово разбудить его и показать исполненныя завѣтныя желанія, когда на форумѣ будетъ только прахъ, въ цркъѣ одинъ мусоръ, а въ Капитоліѣ одинъ мизеръ. Массинисса сдержалъ слово, повелъ пробужденнаго Грека по Via Sacra въ панскій Римъ тридцатыхъ годовъ XIX столѣтія. У портика церкви св. Петра два сѣдые старика въ красныхъ плащахъ, чествуемые монахами именемъ князей церкви, убогіе мысля, сѣли въ повозку, везомую тощими клячами, свали ихъ слуга съ фонаремъ, какой держитъ вдова надъ умирающимъ съ голоду ребенкомъ, на рамахъ дверецъ слѣды позолоты — то преемники кесаря, то колесница капитолійской Фортуны. На форумѣ двое нищихъ спятъ подъ лохмотьями одного плаща — то остатки народа Римскаго. На аренѣ Колизея является призракъ Метеллы и начинается борьба за Иридіона между Массиниссою, предъявляющимъ на него свои права, потому что онъ ненавидѣлъ Римъ, и Метеллою, отстаивающею эту душу за ея любовь къ Эладѣ. Иридіонъ спасенъ, и его заставляютъ еще разъ жить, страдать между людьми, любя ихъ и никого не ненавидя. Земля могилъ и крестовъ, куда посылается Иридіонъ, не названа, но подъ нею поэтъ подразумѣваетъ свою собственную родину. Въ послѣдней, такъ-сказать, строкѣ запрятана основная патріотическая мысль произведенія, выведенная абстрактно, теоретически, мало понятно для современниковъ, которымъ притомъ имя Красинскаго, по причинѣ анонимности его сочиненій, было совершенно неизвѣстно.

Иридіонъ есть главное произведеніе первой манеры Красинскаго, манеры символической, которая господствуетъ въ его произведеніяхъ вплоть до 1840 года, и къ которой принадлежатъ сверхъ „Небожественной Комедіи“ и „Иридіона“, еще слѣдующія поэмы прозою: *Три мысли Лизенды* (изд. 1840 г.), *Лютная ночь* (изд. 1841 г.), *Искушеніе* и большая часть *Недоконченной поэмы*.

Прежде чѣмъ передать содержаніе этихъ произведеній, замѣтимъ, что онѣ отражаютъ міросозерцаніе Красинскаго, но вовсе не его личную жизнь души.—Въ эти годы онъ выстрадалъ много. Онъ былъ влюбленъ въ женщину замужнюю, имѣвшую дѣтей; переписка попала въ руки людей, которые ее огласили; любимая имъ женщина рѣшилась вернуться къ мужу, котораго она сама извѣстила о своихъ отношеніяхъ къ поэту (поздняя осень 1835). Послѣ зимы, проведенной въ Вѣнѣ, Красинскій видѣлся съ нею опять на водахъ дважды

(1837 и 1838). Отец Красинскаго, недовольный этою склонностью и старавшийся женить сына знатно и богато, вызвалъ его въ Царство Польское, но, не успѣвъ ни вымолить, ни вынудить отказа, поѣхалъ къ той, отъ которой хотѣлъ оторвать сына, и выпросилъ у нея письмо, которымъ она сама прекращала связь съ Сигизмундомъ. Съ тѣхъ поръ Сигизмундъ Красинскій не имѣетъ съ нею прямыхъ сношеній, слѣдитъ за нею чрезъ друга Ярошинскаго ¹⁾). Отношенія его къ отцу охладѣли; онъ проситъ въ займы денегъ у Ярошинскаго, чтобы не обращаться къ отцу. Его чувство къ женщинѣ, которую онъ продолжаетъ любить, походитъ больше на любовь по долгу совѣсти, соединенную съ состраданіемъ и съ нелишеннымъ горечи воспоминаніемъ, что онъ содѣйствовалъ ухудшенію ея несчастнаго положенія. — Красинскій странно мучился; его сердце страдало и отъ личныхъ неприятностей и отъ деморализаціи въ цѣломъ народѣ, отъ того, что „все кругомъ становилось плоско, продажно, подло“, что „мы больше и больше уподобляемся Евреямъ“, трупныя пятна становятся все темнѣе и темнѣе (Pis. Pol. 1877, янв. 86). Онъ и физически былъ боленъ: въ глазахъ носились черныя пятна, нервы были разстроены, порогъ его что-то влекло къ самоубійству, о которомъ онъ помышляетъ съ нѣкоторымъ сладострастіемъ. „Міръ матеріальный двоится въ моихъ глазахъ, міръ нравственный трескается и разбивается въ десятки кусковъ въ умѣ и сердцѣ моемъ“ (94). Единственная, хотя временная отрада заключалась въ наслажденіи произведеніями искусства, живя въ мірѣ наиболѣе разнствующемъ отъ того, который его окружалъ. „Тогда я чувствую, что не совсѣмъ еще я сгнилъ, что теплится еще искра въ груди: не моя вина, если изъ нея не выйдетъ пламя. Боже! благодарю тебя, что ты уравновѣсилъ на землѣ подлость поэзіей“ (93). Въ 1839 г. Красинскій спѣшитъ въ Италію, которая своими развалинами и воспоминаніями, дѣйствовала всегда оживляющимъ образомъ на его творчество. На этотъ разъ и это средство оказывается слабѣе. „Я въ мѣсяцъ проѣхалъ всю Италію,—пишетъ онъ Ярошинскому, 16 іюля 1839,—отъ Венеціи до Неаполя, я понималъ ея красоту, но не чувствовалъ; совершенно противное бывало въ прежніе года.“ Въ Неаполѣ однако его ожидало новое знакомство и новая связь, которая заставили его забыть прежнюю и привязаться къ новой любовницѣ, страстно и навсегда. „Ты знаешь,—писалъ онъ къ Солтану,—что когда я встрѣчу существо, которое не требуетъ утѣшенія, то я гляжу на ея побѣдное шествіе какъ на зрѣлище, но не приближаюсь къ ней, будетъ съ меня глядѣть на нее какъ на Венеру Медицейскую. Такова причина, почему я бѣгу отъ дѣвицъ: такъ я уже созданъ. Иное дѣло,

¹⁾ Listy Z. Kras. do Edw. Jarosz. 30. 81.

когда я увижу на чьемъ-нибудь челѣ траурный слѣдъ жизненной колени“¹⁾). Въ первыхъ письмахъ изъ Неаполя онъ упоминаетъ мимоходомъ о дамахъ и о разведенной съ мужемъ г-жѣ Дельфинѣ П., притомъ довольно пренебрежительно²⁾). Потомъ оказывается, что они сблизились: онъ глядѣлъ въ нее какъ въ зеркало, отчасти воспроизводящее черты прежней Марин; она, бесѣдуя съ нимъ, отказалась отъ фанциона, отъ парижскаго тона и передавала ему печально свои судьбы, являя себя женщиною гордою, не вымаливающею состраданія. Потомъ слѣдоваль постигшии Красинскаго тифъ, его новая янвояма окружила его нѣжнѣйшими попеченіями. 16 марта 1839 г. Красинскій пишетъ Солтану, что любилъ ее искренно и „навсегда“. Насколько онъ былъ сообщителемъ относительно Марин, настолько онъ несообщительнымъ становится теперь, всякія дружескія изліянія о новой страсти прекращаются. За то объ этой страсти свидѣлствуютъ изданныя по смерти поэта лирическіе отрывки стихами, составляющіе какъ бы прелюдію въ „Разсѣяты“ (Przedświt), въ новой манерѣ Красинскаго, и обращенные къ той, которую онъ, имѣя въ виду возлюбленную Данта, называлъ своею Беатриче³⁾). Если, оставляя въ сторонѣ эти отрывки, остановиться только на изданномъ, то оно не содержитъ переживаемаго, а только проникнуто тѣмъ же общимъ настроеніемъ печали, полно самыхъ мрачныхъ предчувствій о будущемъ, но не личномъ, а всемірномъ, и самыхъ неопредѣленныхъ надеждъ на неизгнримо далекое будущее.—Туманъ символизма становится гуще и гуще. Въ „Трехъ мысляхъ Литензы“ (псевдонимъ, избранный для сокрытія собственнаго имени), введение: *Сонъ тѣней*—принадлежитъ уже къ роду тѣхъ метафизическихъ стихотвореній, которыми изобилуетъ позднѣйшая поэзія Красинскаго и изображаетъ челоуѣчество въ видѣ титана. *Сонъ Цезаря* изображаетъ смертный походъ родного народа и роковое исчезновеніе его въ могилѣ. Въ третьей мысли, подъ названіемъ *Легенда*, предсказанъ конецъ самаго римскаго католицизма. — *Сцена дѣйствія* — Римская Кампанья. Къ берегу моря присталъ пароходъ; на немъ тѣя странниковъ, въ алыхъ шапкахъ и бѣлыхъ плащахъ;

¹⁾ Przegląd Polaki, 1877, январь, стр. 101.

²⁾ Listy do Jarosz., стр. 21; письмо 20 янв. 1839.

³⁾ Изъ Moja Beatrice, стихотвореніе помѣченное Неаполемъ 1839.

«Опять чувствую какъ вокругъ меня обвивается змѣй,
Опять чувствую увлекающаго меня Бога,
Сонъ смерти исчезаетъ, а въ пространствахъ вѣселной
Со всѣхъ сторонъ раздается гимнъ вознесеній.
Опять сердце бьется, опять весна, обоняю запахъ
Розы, слышу пѣніе птицъ... Мой парусъ бѣлѣтъ
Точно знамя, подо мною море азури...»

Мюнхенъ, 1840, въ Kr. rodz., 1873, стр. 175:

«Объ для меня призракъ единый, святой, близій, только вѣчное сталь я въ любви
и въ жизнь моего идеала вѣрую».

странники, сойдя съ корабля спрашиваютъ: „гдѣ Римъ? мы—остатки польской шляхты, намъ сказано быть въ церкви св. Петра — потому что сегодня послѣдній канунъ Рождества.“ — Весь Римъ въ огняхъ, несметныя толпы народовъ стекаются къ собору св. Петра, преграждая дорогу этимъ послѣднимъ героямъ земли, но по мановенію св. апостола Іоанна, явившагося во образѣ юнаго кардинала, имъ дается пропускъ. Начинается великая папская обѣдня, юный кардиналъ прислуживаетъ, и возвѣщаетъ, что Христосъ народился. „Правда-ли, что въ послѣдній разъ?“ спрашиваютъ странники.—Среди недоконченной обѣдни, юный кардиналъ объявляетъ, что совершились времена, вызываетъ изъ гроба св. Петра, возвѣщаетъ ему, что отнынѣ ему, Іоанну, дано заключить весь міръ въ свои объятія, затѣмъ предлагаетъ молящимся уходить, потому что своды храма начинаютъ трескаться. Народы въ ужасѣ бѣгутъ за юнымъ кардиналомъ, остаются въ храмѣ только папа да фаланга польскихъ странниковъ, которые, сказавъ: „не подобаетъ намъ оставить старца“, подняли мечи вверхъ остриями надъ головою папы.—Храмъ весь превратился въ кучу развалинъ, на развалинахъ воссѣлъ юный кардиналъ, преобразившійся въ лучезарнаго юношу, съ книгою въ рукахъ. Вопросающаго его поэта св. Іоаннъ успокоилъ тѣмъ, что съ тѣхъ поръ Христосъ не будетъ рождаться, ни умирать, а мертвымъ воддастъ Господь за то, что они оказали старцу послѣдній долгъ.—Въ *Искушени* (Pokusia), не смотря на символическую форму, сквозятъ кой-какія воспоминанія петербургскія. Всего таинственнѣе *Ламияя ночь* (Noc letnia, Paŕyż, 1841)—загадочная аллегорическая поэма прозою, внутренняя выдача, по принужденію, нѣсколькихъ знатныхъ Полякъ замулъ за иностранцевъ, и трагическою судьбою жертвъ такихъ смѣнанныхъ браковъ.

Разобравъ и главныя событія жизни и производительность Красинскаго въ первомъ періодѣ его творчества, отодвинемъ нѣсколько назадъ къ веснѣ 1836 г., когда послѣ недавняго раздирающаго разставанія съ прежнею своею любовницею, онъ изъ Вѣны переселился въ любимыи Римъ, и познакомился съ Юліемъ Словацкимъ. Ихъ встрѣчи были непродолжительны и нечасты, но вліяніе оказали они другъ на друга громадное; оно было гораздо сильнѣе со стороны Красинскаго на Словацкаго, нежели на оборотъ.

Оба были люди молодые, живые; днемъ бѣгали по окрестностямъ, любили гулять на Палатинѣ въ садахъ Villa Mills, по ночамъ вели нескончаемыя и страстныя споры. По силѣ поэтическаго таланта Словацкій, съ его огненнымъ воображеніемъ и дивнымъ стихомъ, былъ не въ примѣръ выше своего, тремя годами младшаго, собрата; но по многосторонности развитія, глубинѣ и сосредоточенности мысли Кра-

синский имѣлъ громадный перевѣсъ. Онъ и оцѣнилъ мѣтко собрата ¹⁾: „здѣсь находится Словацкій, милый человекъ, одаренный бездною поэзій; когда эта поэзія придетъ въ равновѣсіе, когда онъ согласуетъ диссонансы, то сдѣлается великимъ. Гарчинскій, до небесъ восхваленный Мицкевичемъ, не имѣлъ и третьей части его дарованія“. Вислѣдствіемъ, когда они еще сильнѣе подружились, и когда талайтъ Словацкаго достигъ полнаго развитія, Красинскій въ письмѣ 23 февр. 1840 (Mał. II, 45) писалъ, что онъ знаетъ только трехъ живыхъ великихъ людей, свидѣтельствующихъ, что не умерло все то, что считаютъ умершимъ. Одинъ изъ нихъ философъ Августъ Цѣшковскій, другой Мицкевичъ—гранитный обелискъ въ пустынѣ; третій владѣеть всѣмъ, чего недостаетъ Мицкевичу, и подчинилъ себѣ всѣ горизонты воображенія. То, что въ Мицкевичѣ было твердымъ гранитнымъ сосредоточеніемъ, у послѣдняго превратилось въ жидкость воздуха, въ игру радугъ, въ волны музыки: есть извѣстный пантеизмъ въ этомъ всеогражающемъ чародѣѣ, который притомъ располагаетъ польскою рѣчью какъ послушною и предупредительною рабинею, преданною ему на жизнь и смерть. Этотъ третій—Словацкій. „До сихъ поръ только великій артистъ пойметъ тебя,—писалъ Красинскій Словацкому,—но ты выйдеши и просачиваться будешь въ сердца маленькихъ. Одно тебѣ я бы посовѣтовалъ: гранитъ подложи подъ твою радугу“. Красинскій, какъ видно изъ этого письма, наслаждался Словацкимъ, относился къ его дарованію съ энтузіазмомъ. Можетъ быть, примѣръ и совѣтъ Словацкаго увлекли Красинскаго къ переимѣннѣ прозы на стихи, которымъ онъ овладѣлъ во второмъ періодѣ своей дѣятельности въ совершенствѣ. Дальше того, едвали простиралось вліяніе Словацкаго. Что касается до сего послѣдняго, то 22 іюля 1838 (Listy Słow. do matki, 1836—1848, стр. 56) онъ пишетъ: „жаль, что нѣтъ З. К., всего общества въ Римѣ имѣло для меня въ умственномъ отношеніи врачебное, исцѣляющее вліяніе.“ Красинскаго можно считать единственнымъ по тому времени человекомъ, который въ состояніи былъ идеи Словацкаго какъ поэта понять, дать ему совѣтъ и наконецъ поставить передъ глаза его новыя, имъ на что знакомое непохожіе образцы поэзій совершенно своеобразной, символической. Какъ извѣстно, въ натурѣ Словацкаго было стремленіе обвиваться плетнемъ вокругъ чужого гениальнаго. Податливость Словацкаго сказалась не вдругъ; съ 1834 по 1838 имѣется пробѣлъ въ его надательской дѣятельности: вліяніе могло сказаться только въ проповѣданіяхъ, изданныхъ 1838 и 1839, между тѣмъ какъ въ іюль 1836 друзья уже расстались, и для Словацкаго настала элиподъ, самый, можетъ быть, яркій и красивый,

¹⁾ Письмо 22 мая 1836, Римъ, въ Кг. годъ., 1874, стр. 372.

самый поэтический, обогативший его громаднѣйшею массою свѣжихъ разнообразныхъ чувственныхъ впечатлѣній—повадка его на востокъ.

Устроилось это путешествіе въ Неаполѣ. Убѣдили Словацкаго ѣхать Голынокіе, устранивъ денежныя препятствія; рѣшили сомнѣнія стихъ Библии, развернувшейся подъ руками гадающаго поэта на словахъ: „дѣлуютъ вы церкви Асійскія“ (1 посл. къ Коринѣ. XVI, 19). Путешествіе совершенно моремъ съ остановкою въ Греціи, экскурсіями въ Патрасъ, окрестности Аѣны, посѣщеніемъ гробницы Агамемнона въ Микенахъ. Греція восхитила Словацкаго болѣе нежели Римъ, но и она поблѣдѣла передъ Египтомъ. Словаціи всходилъ на пирамиды, побывалъ на катарактахъ Нила въ Нуби, въ развалинахъ на островѣ Филъ и Фивахъ. На пути въ Сирію, въ Эль-Аришъ въ голой пещавой степи онъ выдержалъ въ барантѣхъ, провелъ бессонную ночь у Св. Гроба, былъ на Тиверіадскомъ озерѣ и въ Дамаскѣ, ѣздилъ верхомъ на верблюдахъ, былъ на Ливанѣ и Антиливанѣ, на развалинахъ Бальбека, заперся по доброй волѣ на 6 недѣль въ ливанскомъ монастырѣ Бельхембаль, и изъ Бейрута вернулся въ июлѣ 1837 г. чрезъ Кипръ въ Ливерно. Объ этомъ 10-мѣсячномъ путешествіи, пишетъ онъ слѣдующее: „Я столько видѣлъ, что не понимаю, какъ глаза мои могли вывести все, что испытало чувство зрѣнія; много я прочувствовалъ, веселился, восторгался, плакалъ.“ Онъ поселился во Флоренціи, богатый воспоминаніями, имъ интересовались свѣтскіе люди и дамы, по случаю его покомденій по малоизвѣстнымъ мѣстамъ; онъ пробылъ здѣсь полтора года, и только въ декабрѣ 1838 отправился въ Парижъ вѣдѣвъ за предпосланною туда одною поэмю и съ множествомъ другихъ въ портфель. „Ѣду,—писалъ онъ,—ударить челомъ моей царницѣ славы, сказать себя ей вѣрнымъ по смерти путешъ“ (Listy Slow. II, 44; 1837, октября 3). Разумѣется, что въ эти полтора года писалось многое о замѣченномъ на востокѣ, но перебиралось и отдѣливалось старна зажевавшаяся вещь, работы начатыя въ Женевѣ или въ Римѣ или въ Сорренто, куда Словацкій ѣзжалъ отъ своихъ родственниковъ на мѣсяцъ. Последние мѣсяцы флорентинскаго житія, имѣя заинтересовалась красивая, избалованная дочь пріѣзжихъ, весьма богатыхъ помѣщиковъ М., Англія, но, несмотря на предупредительность родителей, относившихся повидимому благосклонно въ расположенію дочери, а можетъ быть, именно вслѣдствіе этихъ авансовъ, Словацкій оттолкнулъ предложеніе, болѣе быть замодернннмъ въ ворястныхъ расчетахъ. Между тѣмъ, семейныя его отношенія сильно разстроились. Красинскій привезъ ему въ концѣ 1838 печальное извѣстіе, что, по возвращеніи на родину, Теофилъ Янушовскій сосланъ былъ въ Пермь, а мать Словацкаго, должна была оправдываться передъ слѣдственною комиссіею въ Киевѣ, и лишена была всякой возможности переписы-

ваться съ сыномъ и посылать ему тѣ скромныя средства, которыми онъ содержался. Самъ страдающій и физически и нравственно въ роковомъ для него 1838 г., Красинскій утѣшалъ однако какъ могъ друга, который выразилъ свою благодарность стихами: *Do Zygmunt* (*Żegnaj, o żegnaj, archaniole wiary, Coś przyzwedił robić z mojm sercem szary...*). Весьма разстроенный Словацкій переселяется въ Парижъ и начинаетъ издавать оригинальнѣйшія и блистательнѣйшія свои произведенія, которыя расходятся лучше, чѣмъ предыдущія.—Произведенія эти были слѣдующія.

Прежде всего, посланная имъ изъ Флоренціи поэма провою *Ангели* (Парижъ, 1838). Не будь оглашено въ заглавіи имя автора, можно бы прямо сказать, что поэму писалъ Красинскій,—дотога, въ противность всѣмъ приѣмамъ Словацкаго, любящаго вообще яркія краски и сильныя движенія страсти, поэма исполнена тумана, символизма, инсказаній и безпредѣльной тихой, душу щемящей тоски, не переходящей никогда въ вопль отчаянія, но и не пропускающей ни одного луча надежды на счетъ личнаго счастья. Малецкій относитъ эту поэму ко временамъ женеваскимъ (1835), но дѣлаетъ это по однимъ догадкамъ, безъ положительныхъ доказательствъ. Если принять въ соображеніе, что въ перепискѣ Словацкаго нѣтъ ни одного прямого указанія о томъ, когда поэма написана; что онъ писалъ послѣ свиданій съ Красинскимъ многое, даже по заглавіямъ неизвѣстное, въ Сорренто, Бельхешбанѣ, Бейрутѣ и Флоренціи; что поэма писана прозою, слогомъ, напоминающимъ правда Библию, но также „Небожественную Комедію“ и „Иридіона“, картинами, похожими на Дантовскія, но также и воспроизводящими манеру Красинскаго, въ его двухъ названныхъ произведеніяхъ; что основу ея составляетъ широкая философская схема, которой прежде не было у Словацкаго, но которая составляла неизмѣнную подкладку всякихъ произведеній Красинскаго; что Красинскій пишетъ, что Словацкій показывалъ ему „Баладину“ въ Римѣ (письмо Крас. 28 февр. 1840; *Mał.* II, 46), но не упоминаетъ объ Ангели, между тѣмъ, какъ еслибы въ то время (1837) Ангели былъ готовъ, то вѣроятно его бы прежде всего представилъ Красинскому Словацкій; что аллегорія, составляющая всю суть Ангели, слабѣетъ, какъ элементъ новизны Словацкаго, въ послѣдующихъ его созданіяхъ,—то слѣдуетъ допустить что въ „Ангели“ есть заимствованіе и подражаніе, но до того талантливо, что оно поразило и плѣнило современниковъ, несмотря на свою неясность. Красинскій былъ отъ него въ восторгѣ, а по смерти Словацкаго предлагалъ на гробѣ его начертить только слѣдующіе два слова: „автору Ангели“.

Подъ видомъ фантазматоріи при лунномъ освѣщеніи, поэма содержитъ родъ философіи польскаго страданія и выходства во 2-й четверти

XIX столѣтія. Поэтъ намѣренно избѣгаетъ реальнаго и мысль свою символизируетъ, переносясь въ Сибирь, имѣющую, впрочемъ, столь мало общаго съ настоящею Сибирью, сколь мало она имѣла общаго съ Монбланомъ, съ которымъ, какъ имъ видѣли, связывало оба представленія воображеніе поэта. „И пришли изгнанники на землю сибирскую, построили домъ, чтобы жить сообща,... а правительство доставило имъ женщинъ, чтобы они женились, такъ какъ въ приговорѣ сказано было, что они посланы на поселеніе“... Въ этой фантастической Сибири есть льды и сѣверныя сіянія, ужасающая темень рудниковъ и сѣверные олени и людъ остяцкій, дружелюбно встрѣчающій несчастныхъ, но въ описаніе вплетены намѣренно черты, никакъ не специально сибирскаго быта: система воспитанія, тюрьмы, прогнаніе съвозъ строй, наконецъ сцены, видимо взятая живемъ изъ исторіи выходства... „стали изгнанники работать, кромѣ тѣхъ, которые хотѣли прослыть мудрыми и пребывали въ бездѣйствіи, говоря: мы думаемъ о спасеніи отечества“. И раздѣлились изгнанники на три партіи, изъ коихъ каждая думала о спасеніи отечества. Одна имѣла предводителемъ графа Скира, держащаго сторону тѣхъ, которые переодѣлись въ кунтуши и прозвались шляхтою, какъ бы новоприбывшими съ Лехомъ въ край пустой. А другая имѣла вождемъ сухошаваго солдата Свартебеллу, который хотѣлъ подѣлать землю и провозгласить свободу хлопозъ и уравненіе шляхты съ Евреями и Цыганами. А третья имѣла вождемъ всендза Бонифата, который хотѣлъ спастись молитвою и предлагалъ идти и гибнуть, не защищаясь, какъ мученики. Споры изъ-за принциповъ, спорщики дошли до топорозъ, наконецъ, рѣшили учинить Божій судъ и пригвоздить къ кресту по одному отъ каждой партіи, а который долѣе другихъ проживетъ, тотъ будетъ побѣдителемъ. И были распяты три человѣка, одинъ кричалъ: равенство, другой: кровь, а третій: вѣра. Но появилось сѣверное сіяніе, испугало толпу и заставило ее разбѣжаться, не замѣтивъ, что всѣ распяты мертвы. Очевидно, что Сибирь—только фантастическая рамка, въ которую вставлена вся современная поэту разбросанная Польша отъ Сены до Камчатки, съ намѣренно отгнѣнною ужасающею безтолковостью и неспособностью къ дѣлу ея представителей: „добрые бы они были люди въ счастьи, но несчастіе превратило ихъ въ людей злыхъ и вредныхъ“. Столь же условно и нереально и одно изъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ, князь остяцкій, шаманъ, прорѣжь и волшебникъ, который знавалъ еще отцовъ этихъ изгнанниковъ, привѣтствуетъ ихъ доброжелательно, говоритъ имъ слова правды, за что и погибаетъ впоследствии отъ ихъ руки. Шаманъ олицетворяетъ высшее начало, ту правду, которой нѣтъ въ изгнанникахъ; изъ среди ихъ онъ избираетъ одного, чтобы сдѣлать изъ него испуителя, и передаетъ ему чрезъ рукоположеніе любовь въ

людямъ и милосердіе. Этотъ избранникъ шамана, Ангелли, есть нечто иное, какъ идеальное изображеніе духа самого поэта, какъ самъ поэтъ, мучимый сомнѣніями и преслѣдуемый вопросами о томъ, зачѣмъ онъ созданъ, что ему дѣлать и какъ помочь судьбѣ бѣднаго, безпутнаго племени изгнанниковъ? Это—тотъ же Кордианъ, но совлекшій съ себя страсти и кипучій темпераментъ, роднившій его съ Конрадомъ; сдѣлавшійся тихимъ, кроткимъ, незлобнымъ какъ агнеюкъ. Какъ Виргилій Данта, такъ шаманъ обводитъ Ангелли по всѣмъ отношеніямъ вѣчнаго бытія, точно по кругамъ Дантова ада, бесѣдуетъ съ воскресшими мертвыми и съ скрежещущими зубами живыми, которые въ отчаяніи доходятъ до того, что поѣдаютъ другъ друга и убиваютъ шамана, пытавшася ихъ образумить. Со смертью шамана поэма становится еще аллегоричнѣе. Ангелли переносится въ страны полярныя съ сѣверными оленями шамана и съ привязавшеюся къ нему ссыльною преступницею; умираетъ она, умираетъ и самъ Ангелли среди полугодовой полярной ночи въ полномъ невѣдѣніи о лучшемъ будущемъ; надъ трупомъ сидитъ, наклонившись, ангелъ Элоэ, самое таинственное изъ дѣйствующихъ лицъ, по всей вѣроятности олицетвореніе „славы“, но не такой, о какой Словацкій мечталъ въ дѣтствѣ, а славы тихой, оберегательницы могилъ. Раздался топотъ, среди огней сѣвернаго сіянія пронесся всадникъ, кличущій: „здѣсь былъ воинъ, да воскреснетъ, воскресаютъ народы, настало время жизни для сильныхъ людей“. Элоэ не допустила проснуться умершей жертвѣ и возрадовалась, когда огненный всадникъ усвакалъ, не разбудивъ усопшаго. Въ чемъ же заключалось *искушаніе*, ради котораго былъ избранъ и рукоположенъ Ангелли? Онъ только человѣкъ чувствующій, но вовсе не способный двигать на дѣло своихъ современниковъ; въ тоскѣ своей онъ говоритъ ангеламъ: „скажите Богу, что если душа моя годна на жертву, я отдаю ее, да умереть; мое горе такъ велико, что для меня безразлична вѣчность“. Ему дается такой отвѣтъ: „а знаешь ли ты, не избранъ ли ты на тихую жертву, между тѣмъ ты бы хотѣлъ превратиться въ насильственную молнію и быть брошеннымъ во тьму для устрашенія черни“. Въмѣсто опредѣленнаго отвѣта, мы погружаемся въ бездонную глубь мистицизма. Человѣкъ, безконечно и безнадежно страдающій, тѣмъ только, что онъ страдаетъ, вымалываетъ для своего народа спасеніе. Другого отвѣта по тому времени не было: многіе сверстники Словацкаго, эмигранты, держались на томъ же якорѣ; какъ они, такъ и Словацкій сдѣлались жертвами товьянизма, вслѣдствіе того, что папки были на мистицизмъ, дѣйствующій на нихъ въ видѣ средства, усыпляющаго, какъ пріемъ хлороформа, не только боль, но и самосознаніе. За „Ангелли“ слѣдовалъ цѣлый потокъ почти одновременно обнародованныхъ, вновь написанныхъ или давно заготовлен-

ныхъ поэмъ неравнаго достоинства: *Poema Piasta Dantyska herbu Lelewa o Piekle*, 1839. *Trzy poemata: Ojciec zadumionych— W Szwajcaryi— Waslaw*, 1839. *Balladya*, 1839. *Lilla Weneda*, 1840. *Mazera*, 1840. Оставимъ въ сторонѣ Пяста Дантиска и Вацлава; первый изъ нихъ есть слабое подражаніе Данту, а второй есть также неудавшаяся передѣлка послѣ Мальческаго той же темы, которую онъ избралъ, т. е. легенды о Феликсѣ Потоцкомъ, но только съ другаго конца: Вацлавъ, изжившійся и старый, съ Кайновымъ клеймомъ измѣнника на челѣ, обманываемый гречанкою и гибнущій вмѣстѣ съ единственнымъ, привязаннымъ къ нему сыномъ отъ первой жены-утопленницы (замѣтимъ, что это лицо совершенно вымышленное, первая жена не оставила потомства). Не смотря на накопленіе ужасающихъ подробностей въ обстановкѣ Тульчинскаго Атрида, сюжетъ испорченъ. Никто еще донныѣ не извлекъ всего, что можно извлечь изъ дѣйствительно трагической судьбы Тульчинскаго пана въ его послѣдніе дни; въ этомъ случаѣ отерывающаяся при изслѣдованіи простая дѣйствительность едва ли не превзошла вымыслы поэтовъ ¹⁾. О прелестной идилліи: „Въ Швейцаріи“, сказано выше. Рядомъ съ нею поставленъ потрясающій правдою рассказъ, проникнутый духомъ библіи и впечатлѣніями пустыни: „Отецъ зачумленныхъ въ Эль-Аришъ“. Трудно представить себѣ что-нибудь болѣе реальное. Основа поэмы — впечатлѣніе карантинна въ мѣстѣ совершенно пустомъ, между Средиземнымъ моремъ и сыпучими песками Аравійской степи, подъ одинокимъ шатромъ, по сосѣдству съ построенною на приморскомъ курганѣ могилою Шѣха, въ склепахъ которой складывались трупы зачумленныхъ. Страшная буря разразилась надъ этимъ шатромъ, наканунѣ Рождества, и „Ангелли уже думалъ, что вихорь его смететъ и унесетъ въ тихую страну“. Черезъ нѣсколько дней потомъ „верблюды опять преклонили колѣна и, взявъ на себя задумчиваго странника, вытанули свои длинныя, звѣжамъ подобныя, шеи къ сторонѣ Св. Гроба“. Въ эту мѣстность перенесенъ Арабъ съ семерыми дѣтьми и женою, у котораго умирають отъ чумы всѣ дѣти по очереди, а наконецъ и жена, такъ что остался онъ одинъ какъ персть. Этотъ несчастный Арабъ, котораго страданія выражены съ силою, равняющеюся той, съ какою изваяны группы Лаокоона или Ниобе, или описаны страданія Узника Шильонскаго или Уголино, перенося то, что превосходить, повиднимо, человѣческія силы, остался вѣренъ до конца духу своего племени, и выговариваетъ: „О, будь же благословляемъ мною ты, Аллакъъ, въ шумѣ пожара, истребляющаго селенія, въ трясеніи земли, опрокиды-

¹⁾ См. D. Antoni J. (Rolle), *Opowiadania historyczne*, Lwów, 1876, V. Dwór Tulczyński.

варшемъ города, въ зарязѣ, истребляющей можъ дѣтей и исторгающей ихъ изъ лона родительницы! О Алла, Агбаръ-Алла, ты великъ!“

Если поэмы „Въ Швейцаріи“ и „Отецъ зачумленныхъ“ паразительны по правдѣ непосредственнаго впечатлѣнія, то съ *Балладами* начинается рядъ созданій чисто вымышленныхъ, порожденныхъ самою огненною, самою необузданною фантазіею, подсмѣивающагося „надъ толпою, надъ обыкновеннымъ ладомъ и порядкомъ, надъ непредвидѣнными плодами, которыя даютъ порою деревья, прививаемыя рукою человѣка“ (предисловіе въ „Баллады“). Вдохновеніе шептало Словацкому нивогда неслышанныя слова, ставило передъ глаза даже и во снѣ невиданные образы; тѣни небывшихъ людей, вышедшія изъ до-начальнаго тумана, обступали его широкою толпою, а то, что рождалось, складывалось „на переборъ разсудку и исторіи, по божьему только закону“. Еще въ Женевѣ 1834—35 года, Словацкій задался дерзкою мыслью, которая удавалась только немногимъ людямъ гениальнымъ,—драматизировать лѣтописныя басни до-историческаго быта народа предъ Пастомъ, о Лекалѣ, Кракусѣ, Попеляхъ, пользуясь ими такъ, какъ пользовался Шекспиръ, извлечшій изъ легендъ и мифовъ своей родины Макбета, Лира, Гамлета. Задуманъ цѣлый циклъ такихъ миѳическихъ драмъ, пять или шесть нумеровъ, но при обработкѣ авторъ уклонился отъ хронологическаго порядка, и началъ чуть ли не съ конца, то есть съ послѣдней пьесы, соответствующей болѣе близкому времени,—эпохѣ, непосредственно предшествовавшей воцаренію Паста. Лѣтописный польскій матеріалъ крайне бѣденъ; въ убогое его содержаніе влетены событія и лица изъ простонародныхъ сказокъ и басенъ, люди и духи, смѣшное чередуется съ вродавымъ и ужаснымъ. Подъ всѣ причудливыя хитросплетенія, порою столь забавныя и странныя, что, казалось, и придти въ голову могли они только во снѣ, подложены однако общечеловѣческія идеи, изъ тѣхъ, какія любилъ особенно Шекспиръ: о тщетѣ намѣреній человѣческихъ, объ ироніи судьбы, превращающей негаданные плоды на искусственно привитыхъ деревьяхъ. Люди расчитываютъ и дѣйствуютъ, наутинныя сѣти ихъ намѣреній ежеминутно путаетъ и обрываетъ случай, разъ они оступились, ихъ вталкиваетъ все далѣе въ бездну логика событій, рокамы, ихъ же худыхъ дѣлъ послѣдствія; прибавимъ еще демонизмъ, и порою вмѣшательство въ исторію Божія перста—и мы получимъ сумму переживающихся факторовъ, взаимодействие коихъ разрѣшается нигѣмъ нечеловѣческимъ способомъ, превосходящимъ разумѣніе человѣческое. Такова коренная идея драмы, какъ формулировалъ ее не безъ основанія Малацкій. Уважемъ въ самыхъ краткихъ чертахъ какъ олицетворенны факторы и какъ осуществлена руководящая идея.

Въ Гѣззиѣ княжить послѣдній Попель IV, свергнувшій съ пре-

стола брата своего Попеля III, жестокой и бродящей въ крови. Тяжесть власти усиливается еще повторяющимися общенародными бѣдствами, происходящими отъ того, что и вѣнецъ княжій—фальшивый, а настоящая чудотворная корона праотца Леха унесена и спрятана Попелемъ III, поселившимся въ лѣсахъ и ведущимъ жизнь отшельника. Къ этому отшельнику, напоминающему шекспировскаго Просперо, обращается богатый, храбрый, прямой, но недалекато ума, рыцарь, графъ Киркоръ, за совѣтомъ, гдѣ ему искать жены? Отшельникъ отрывается передъ нимъ въ своемъ настоящемъ имени и званіи, а что касается до выбора жены, то совѣтуетъ искать ее не въ пышныхъ хороммахъ, а въ наипростѣйшемъ быту. Таковы благія намѣренія; ихъ то и начинаетъ путать случай, воплощенный въ фантастическихъ образахъ феи озера Гопляны и прислуживающихъ ей духовъ: Искорки и Хохлика. Какъ Титанія влюбилась въ осла Боттома, такъ Гопляна влюбляется въ глупаго плотнаго мужика Грабца, который ухаживаетъ за одною изъ дочерей бѣдной вдовы. У вдовы двѣ дочери: добрая и нѣжная—Алина, злая и разгульная—Балладина. Чтобы разстроить ночныя свиданія Грабца съ Балладиною, Гопляна напускаетъ своихъ геніевъ на искателя жены, Киркора. Коляска Киркора поломалась возлѣ хаты; войдя въ хату, Киркоръ одинаково обѣими дочерьми очарованъ; выходъ изъ затрудненія предложенъ вдовою случайный, тотъ, который имѣлся уже въ балладѣ, сочиненной Александромъ Ходзькою: „Малины“. Которая наберетъ скорѣе кружку малины, та и будетъ невѣста. Собрала скорѣе, разумѣется, Алина, но озлобленная Балладина зарѣзала ее въ лѣсу, близъ вѣлы отшельника, а сама вышла за Киркора, сказавъ про сестру, что та, должно быть, сбѣжала. Балладина достигла цѣли, остается ей только наслаждаться судьбою, но это опять благія намѣренія, надъ которыми насмѣхается фатализмъ событий. Между тѣмъ, какъ Киркоръ ухаживать свергать Попеля IV, свергъ его и предложилъ обрадованному народу въ Гнѣзнѣ провозгласить королемъ того, у кого окажется корона Леха, то-есть, по его убѣжденію, отшельника Попеля III, въ собственномъ замкѣ Киркора господствуетъ злая Балладина, терзаемая страхомъ открытія убійства и мучимая тѣмъ, что отъ убійства осталось несмываемое кровавое пятно на ея вискѣ. Она связалась съ проходивцемъ Нѣмцемъ фонъ-Костриномъ, который, угадавъ ея положеніе, предложилъ ей свои услуги; дѣйствуя сообща, они выгоняютъ изъ замка мать вдову, которая идетъ скитаться среди бури и ненастья по лѣсу, какъ король Лиръ. Они убиваютъ и отшельника, который, при совѣщаніи съ совѣтовавшимся съ нимъ по поводу пятна, обнаружилъ, что ему извѣстно убійство сестры. Корона Леха достается по игрѣ случая въ руки Грабца, который при содѣйствіи со стороны геніевъ превращается въ настоя-

шаго бубноваго короля и въ этомъ видѣ принимается и угощается въ замкѣ Киркора. Потомъ Балладина совсѣмъ предается Кострину, вмѣстѣ съ нимъ и по его неотразимому вліянію она убиваетъ ночью бубноваго короля, чтобы завладѣть его вѣнцомъ, при обстоятельствахъ, сильно напоминающихъ 2-е дѣйствіе „Макбета“; ими убитъ еще и гонецъ Киркора, съ которымъ теперь всѣ связи разорваны и съ которымъ идетъ теперь открытая война подъ стѣнами Гѣзна. Зло, разумѣется, торжествуетъ, благородный Киркоръ палъ въ сраженіи. Похожая на Регану, Балладина съ любовникомъ своимъ Костриномъ, напоминающимъ Эдмунда, оба одѣтые въ желѣзные доспѣхи, одержали побѣду, Балладину провозглашаютъ княгиней, она чувствуетъ необходимость отрѣшиться отъ своего злого демона Кострина и затѣмъ уже царствовать по правдѣ. Она запаслась ножомъ, котораго одна сторона лезвія отравлена ядомъ, а другая безвредна, и на пиру, дѣлясь съ любовникомъ разрѣзаннымъ яблокомъ, предложила ему отравленный кусокъ. Теперь она у цѣли: „жизнь, полную труда, пресѣкла корона на двѣ половины. Прошлое отлетѣло, какъ та почернѣвшая половина яблока, которую отдѣляли булатъ по сторонѣ, напитанной ядомъ“. Но это опять лишь благое намѣреніе; до вѣнчальнаго пира надо совершить еще одинъ обрядъ, надо по древнему обычаю судить преступниковъ. „То первый мой судъ,—говоритъ княгиня,—если покривлю, да будетъ изъ меня гнѣздо червей, да истребитъ меня огонь!“ Передъ княгиней книга законовъ и крестъ, канцлеръ вызываетъ обвинителей, появляются обличители отравленія, неизвѣстно кѣмъ совершеннаго на Костринѣ. Княгиня изрекаетъ смертную казнь. Разбирается убійство Алины; рѣшена тоже смертная казнь. Наконецъ, ослѣпшая вдова жалуется на отрекшуюся отъ нея дочь. По старому закону, за неблагодарность дѣтей смертная казнь, которой убоавшись, старуха не хочетъ сказать имя дочери; старуху питаютъ, чтобы исторгнуть имя, она подъ пыткой умираетъ. Надъ князьимъ градомъ стоить, между тѣмъ, громовая туча, и когда княгиня произноситъ по неволѣ третій смертный приговоръ, Божій громъ убиваетъ ее, вслѣдствіе чего, вмѣсто на вѣнчаніе, канцлеръ велитъ трезвонить на похороны. Слабыя стороны драмы очевидны; она задумана въ духѣ Шекспира, но въ нее вошли не только шекспировская психологія, но и шекспировскія ситуаціи и мотивы изъ „Сна въ лѣтнюю ночь“, „Лира“, „Макбета“, и при томъ вошли безъ нужды, потому что богатство творческаго воображенія у Словацкаго изумительное, измышленныя имъ лица правдивѣе реальныхъ, и обрисовываются они въ столкновеніяхъ, въ мощномъ развитіи дѣйствія, которое, доходя до послѣднихъ предѣловъ ужаснаго, въ искусныхъ градаціяхъ, не даетъ ни минуты отдыха читателю до самой катастрофы. Фантастическій эле-

менть злоупотреблень, духи и феи вмѣшиваются столь часто въ дѣла человѣческія при всякомъ освѣщеніи и дневномъ и ночномъ, что не разграничиваются достаточно рѣзко эти два міра людей и духовъ. „Балладина“, какъ драма, не сценична, слишкомъ длинна; несмотря на то, въ области польской драматургіи она занимаетъ первое мѣсто, по красоте ея такого рода, что весьма немногіе могли ихъ сразу понять и оцѣнить. Въ предисловіи къ „Балладинѣ“ Словацкій сравнилъ себя съ слѣпцомъ Гомеромъ, который, принимая шумъ моря за говоръ людской, удивляется, что этотъ говоръ не унялся, когда онъ началъ пѣть и не разразился громами одобреній, когда онъ кончилъ пѣть, вслѣдствіе чего онъ бросилъ съ негодовавіемъ арфу, не догадываясь, что его рандодія погрузилась не въ сердца людей, а въ волны Эгейскаго моря. Въ этомъ сравненіи было много правды. Весьма даже было еще то время, когда бы его пѣсни стали, по предсказанію Красинскаго, „просачиваться въ сердца маленькихъ“. Онъ объ этомъ будущемъ мало и думалъ, когда писалъ какъ-бы для одного Красинскаго первую, по хронологіи событій, изъ своихъ мнѣическихъ драмъ: *Лиллу Венеду*. „Ты только не рази меня холодомъ, который отъ другихъ лицъ вѣетъ, — писалъ онъ въ посвященіи автору „Иридіона“:— когда я былъ съ тобою, мнѣ чудилось, что всѣ люди имѣютъ глаза Рафаэля, что достаточно однимъ словомъ очертить красивую духовно личность, ... что всѣ люди обладаютъ Платоновымъ и аттическимъ вниманіемъ. Крылья мои опускаются, когда я соприкасаюсь съ дѣйствительными предметами, и я становлюсь печаленъ какъ передъ смертью или гнѣвенъ какъ въ моемъ стихѣ о Фермопилахъ¹⁾. Я льстилъ себя сладкою надеждою, что ты будешь меня, мертваго, держать на груди и молвить слова надежды и воскресенія, которыя при жизни я слышалъ отъ тебя одного“. Если и въ „Балладинѣ“ насъ поражаетъ неумѣніе автора осуществлять дѣйствительную идею средствами драматическаго искусства, если порою выходило при облеченіи идеи въ форму уродливое, неправдоподобное и дикое, то эти недостатки, вдвое замѣтнѣе въ „Лиллѣ Венедѣ“, въ которой необходимо различать ос-

¹⁾ Словацкій имѣетъ здѣсь въ виду свою, дивной красоты, пьесу—«Гробница Агамемнона», изъ которой заимствуемъ слѣдующій отрывокъ:

«Меня отъ Фермопильской могилы готовъ отогнать легионъ умершихъ Спартацевъ, потому что я изъ печальной страны Илотовъ, въ которой отчаяніе не воздвигаетъ кургановъ и послѣ несчастій полъ-войска остается въ живыхъ.

«На Фермопилахъ я не рѣшусь остановити хоя на гробѣ въ ущелье, потому что тамъ должны быть такіа глядяща лица, что сердце сокрушитъ стыдъ. На Фермопилахъ какой бы я далъ отчетъ, когда бы мужи стали надъ могилой и показавъ свои кровавыя груди, спросили прямо: а сколько вась было»....

Проводя параллель и замечивая, что на Фермопилахъ трупъ Леонида лежитъ безъ золотого пояса и краснаго контуша, поэтъ совѣтуетъ и Польшѣ сбросить съ себя мерзкіе покровы прошлаго, ту жгучую рубаху Деяниры, и встать въ безсмертной наготѣ древнихъ статуй.перестать быть нависшимъ народовъ и ихъ поугаемъ.

новную идею несомненно гениальную и форму, во многих отноше-
ніях неудачную и даже просто невозможную.

Что касается до содержания, то мы удаляемся на громадное раз-
стояніе отъ психологін Шекспировеюй, отъ тонкой диссекціи лицъ
и характеровъ—и имѣемъ передъ собою этюдъ изъ области психоло-
гін не отдѣльныхъ лицъ, но цѣлыхъ народовъ, одну изъ тѣхъ задачъ,
которыя склоненъ былъ ставить метафизическій умъ Красинскаго,
вліяніе коего на „Лиллу Венеду“ несомнѣнно. Отчего народы умира-
ютъ? Этотъ ягучій вопросъ своего вѣка и народа Словацкій пы-
тался рѣшать въ „Ангелли“ аллегорически, въ условіяхъ настоящаго;
но можно его ставить и такъ, какъ ставилъ современный вопросъ Кра-
синскій въ „Иридионѣ“, то есть отнеся въ прошлое и воодушевивъ
„колоссальныя личности прошлаго вулканическою душою нашего вѣ-
ка“ (пред. къ „Валладигѣ“). Прошлое взято неизгнѣримо дальнее, го-
раздо отдаленнѣе временъ Нонелей, само пришествіе Лэка и его пол-
чищъ, которыя, по неясному преданію, дали начало шляхтѣ и соста-
вили верхній слой населенія. Нинѣ принято отвергать объясненіе на-
чала государства пришествіемъ ивнѣ чуждаго элемента, но есть воз-
можность ставить предположеніе и о насильственномъ пришествіи Ле-
хитовъ въ Польшу или Варяговъ на Русь, и о насильственномъ по-
кореніи одного народа другимъ, который, раздавивъ побѣжденных
железною пятою, основывалъ на слезахъ и трупяхъ свое тяжелое гос-
подство. Въ такомъ именно видѣ представилось Словацкому прише-
ствіе Лехитовъ въ край, Венедями обитаемый. Венеды—народъ добрый,
правъ ихъ мягкій, темпераментъ пылкій, поэтический; во главѣ ихъ стоятъ
поэты-арфисты; ихъ святыня, арфа, находится въ рукахъ ихъ масти-
таго короля Дервида—они невредимы, пока арфа не попадетъ въ руки
враговъ. И дѣло ихъ, левидимому, святое: они защищаютъ свою ро-
дину отъ хищныхъ пришельцевъ. Побѣда этихъ пришельцевъ не объ-
ясняется вовсе нравственнымъ превосходствомъ послѣднихъ. Вождь
Лехитовъ, Лехъ, говоритъ женѣ—жесткой Свандинавкѣ, Гвино-
нѣ: „смотри, какой этотъ народъ рослый; я—комаръ, а выцѣдилъ изъ
него кровь“. Лехиты—народъ лѣнчивый; лѣтвовѣрный, крабрый, но не
мыслящій; самъ Лехъ изображенъ въ видѣ пращуря Собѣскаго, съ
тою же лавиною отзаговъ въ полѣ и съ мольеровскою слабостью дома
предъ женою. Комическое лицо въ драмѣ, Слэзъ, котораго сочинъ Вене-
ды Лехитомъ, говоритъ, отрекающъ: „развѣ во мнѣ вы видите грубость,
пьянство, обжорство, озорничество; страсть къ кислинѣ огурцагъ, къ
гербамъ, обычай присатать *in verba magistri*, овечья свойства (*owczystwo*)“ и т. д., всѣ крупныя недостатки шляхетскаго народа. Хотя Лехи-
ты и малочисленны, по одиночѣ взяты мелки, джки и не-символическіи,
но именно потому, что въ нихъ есть табунное чувство, вѣра въ себя [и

воля дѣйствовать сообща, они одерживаютъ побѣду надъ своими противниками, которые усомнились въ своей будущности, умѣютъ только ворожить, да играть на арфахъ, а лишились той бодрости и увѣренности въ себя, безъ которой немислимо никакое недѣлимое собирательное. У Дервида двѣ дочери: одна—Лилла Венеда, добрая, нѣжная, уже христіанка; другая—похожая на Валькирію, ворожея, Роза Венеда, которая гадала на трупахъ Венедовъ и у одного нашла сердце поблѣднѣвшее и дрожавшее какъ основной листъ; у другого, вмѣсто сердца, гнѣздо червей; у третьяго же не нашла никакого сердца, а просто пустоту. Въ дѣйствіе введенъ проповѣдникъ христіанства, св. Гвальбертъ, котораго усилія обратить поѣдающія себя взаимно племена въ религію мира и братства, представлены въ комическомъ видѣ. Царская арфа Венедовъ взята Лехитами, Дервидъ закалываетъ себя, цѣлый народъ гибнетъ съ вѣрою отчаянія въ будущую когда-то месть. Изъ загадочныхъ „Леля и Полеля“, божество славянской мифологіи, поэтъ сдѣлалъ живыя лица, двухъ братьевъ-близнецовъ, сыновей Дервида, связавшихся желѣзною цѣпью за руни такимъ образомъ, что они вмѣстѣ взяты составляютъ какъ бы одно двуглавое существо, одинъ держитъ щетъ, а другой мечъ. Побѣжденные въ послѣдней битвѣ, они погибаютъ на одномъ кострѣ. „Знаешь ли ты, Ирридонъ,—писалъ Словацкій,—что, созидавая этотъ мнѣ единства и дружбы, я увлекался сладкою надеждою, что и насъ такъ свяжутъ люди въ воспоминаніяхъ и поставятъ на одномъ кострѣ“. Отъ всего рода Дервидова остается только ворожея Роза Венеда, согласно предсказанію своему въ прологѣ: „Я одна останусь жива, послѣдняя съ краснымъ фавеломъ, и влюблюсь въ врахъ рыцарей и прахъ меня околдотворитъ. Кто, умирая, увѣруетъ въ меня, умретъ покойный, а отомщу за него лучше, чѣмъ огонь и вода, лучше, чѣмъ сто тысячъ враговъ, лучше чѣмъ Богъ“. Эти слова послужили исходною точкою для другого, позднѣйшаго произведенія Словацкаго, „Царь-Духъ“. Печальныя судьбы Венедовъ, подъ которыми подразумѣвались судьбы болѣе близкаго поэту народа, въ не столь отдаленное время, онъ, по его словамъ, задумалъ отлить въ формы Эврипидовской трагедіи. Сходство—малое и самое внѣшнее, на сцену введенъ ирридонъ появившійся хоръ; въ сущности драма эта—шекспировская, отличающаяся тою же беспорядочностью дѣйствія, перебрасывающагося съ мѣста на мѣсто, тѣмъ же нагроможденіемъ ужасовъ, съ прибавкою событій физически невозможныхъ, которыя сошли бы въ сонномъ видѣніи или въ сказкѣ, но негодятся въ драмѣ. Таковы всѣ сцены, въ которыхъ Лилла Венеда спасаетъ трижды чудесными средствами и способами отца Дервида, находящагося въ плѣну у Лехитовъ.

Третья драма *Мазена* ¹⁾, отличается отъ предыдущихъ совершенно противоположными качествами какъ замысла, такъ и исполненія. Легенда о привязанномъ къ дивому коню козацѣ за его любовныя похождения была извѣстна въ Польшѣ; изъ записокъ Паска видно, что этотъ козацъ, сдѣлавшійся потомъ малороссійскимъ гетманомъ, былъ пажемъ короля Яна-Казимира. Можно было заставить короля и пажа влюбиться въ одну и ту же женщину, поставить воцѣл этой женщины мрачную фигуру ревниваго мужа; на этихъ страстяхъ, съ одной стороны, на любви короля и пажа, съ другой — на ревности, можно было построить эффектную драму. Словацкій выстроилъ ее по испанскимъ образцамъ: еще въ 1831 онъ учился по испански, чтобы читать Кальдерона, а немного спустя послѣ путешествія на Востокъ, даже перевелъ прекрасными стихами произведеніе Кальдерона *El príncipe constante* (*Książę niezłomny*). У Кальдерона есть пьеса, изображающая подобный сюжетъ: „Врачъ своей чести“ (*El médico de su honra*), въ которой донъ Гуттиере-де-Солисъ тѣмъ спасаетъ свою супружескую честь, угрожаемую со стороны инфанта дона-Эрика, что выпускаетъ всю кровь изъ жилъ жены, донны Менции, а потомъ справляетъ ей торжественныя похороны, что король Петръ Жестокій находитъ совершенно естественнымъ, и что самъ авторъ оправдываетъ какъ истый Испанецъ. Словацкій вложилъ жестокою изобрѣтательностью Испанца, но и всю грубость полудивара и всю гордость польскаго магната въ лицо старика воеводы, который ревнуетъ молодую жену и къ королю и къ пажу, между тѣмъ какъ настоящая склонность сердечная влечетъ жену къ своему пасынку, сыну отъ перваго брака, Збигнѣву. Въ первоначальномъ замыслѣ драмы, въ томъ видѣ, въ какомъ она сожжена въ 1835 г., вѣроятно, на первомъ планѣ стоялъ бойкій, веселый, сладострастный, но рыцарски благородный пажъ-козацъ. При послѣднемъ пересозданіи драмы, по уцѣлѣвшимъ воспоминаніямъ и обрывкамъ, выдвинулись на первый планъ безнадежно и безъ взаимнаго признанія другъ другу, любящіе себя не плотскою, но роковою любовью, мачиха Аналія и пасынокъ Збигнѣвъ. По обыкновенію Словацкаго, интрига запутана и исполнена самыхъ неправдоподобныхъ приключеній. Король представленъ безъ всякой заботы о правдѣ исторической, ханжой, развратникомъ, провораживающимся между двумя „*Ave Maria*“ на любовныя свиданія; пажа, спасавшагося въ комнатахъ воеводши, замуровывають за-живо, зацѣпляя стѣны кирпичами. Его выручаетъ случай; устраивается родъ судебного поединка между Збигнѣвомъ и Мазею. Збигнѣвъ, котораго сердечную тайну угадалъ Мазена и ему, Збигнѣву, объяснилъ, какое чувство онъ питаетъ къ

¹⁾ *Mazera Słowackiego*, статья Тарновскаго въ *Kron. rocz.* 1874, стр. 164, 179.

мачикъ,—самъ себя убиваетъ выстрѣломъ изъ пистолета и умираетъ на рукахъ Мазепы. Воеводша отравила себя, король бѣжитъ изъ замка разсвирѣпѣваго воеводы, послѣ чего возвращается съ войскомъ и беретъ замокъ силою, но до этого момента воевода приказалъ совершить надъ Мазею легендарную казнь. Драма плохо сложена, исполнена неестественныхъ натяжекъ ситуаций, не мотивированныхъ дѣйствій, мелодраматическихъ эффектовъ, напоминающихъ самыя дурныя произведенія французской романтической школы, случаю отведено слишкомъ много мѣста, король смѣшонъ и низокъ, воевода до отъращения жестокъ, грубъ, дикъ, лишенъ всякаго человѣческаго чувства; несчастіе, постигающее любовниковъ, лишено трагическаго элемента, оно не обусловлено никакою, съ ихъ стороны, виною. Эти недостатки такъ велики, что современникамъ пьеса не понравилась, Красинскій ее не похвалялъ, но, несмотря на то, она появилась 1874 на варшавской сценѣ съ громаднымъ успѣхомъ, а недавно она съ такимъ же успѣхомъ даваема была на пражской сценѣ, въ чешскомъ переводѣ. Кромѣ блестящей образности слога и бойкости дѣйствія, которое развертывается неожиданнымъ образомъ съ поразительною быстротою, что придаетъ пьесѣ необычайную сценичность, въ ней есть три характера дивно красивые: Збигнѣвъ, воеводша и пажъ, и два отношенія, исполненные поэзіи: любовь между мачикомъ и пасынкомъ и дружба въ Збигнѣву удалаго, но исполненнаго чувства рыцарственнаго говора козала. Эти отношенія и характеры производятъ на душу возвышающее впечатлѣніе, которое романтизмъ и ставилъ задачею поэзіи и которое придало Словацкому значеніе перваго въ польской литературѣ драматурга и архи-романтика. Силѣ его таланта соответствовала рѣдкая сопровождающая эту силу, страшная производительность; писались сочиненія, невзданныя при жизни автора: трагедія „Беатриче Чейчи“, фрагментъ „Золотой Черепъ“ и множество другихъ. Произведенія Словацкаго находили сбытъ, распространились, имя его пробывалось наружу не безъ труда, однако, и въ степени далеко еще не соответствующей мѣсту, какое подобало его высокому дарованію. Съ Красинскимъ дружба продолжалась самая тѣсная, которую скрѣпилъ еще случай, давшій пріятелямъ возможность постоянно и сразиться другъ за друга на литературной аренѣ, и явить изъ себя образъ того многочислаго двуглаваго Лем-Поледа, съ однимъ щитомъ и однимъ мечомъ, который придуманъ былъ Словацкимъ въ „Лилѣ Венедѣ“. Случай этотъ былъ слѣдующій.

Когда на Рождество 1840 г. польская эмиграція сошлась на обѣдъ въ честь Мицкевича, данный Евстафіемъ Янукевичемъ снустя три дня по открытіи курса славянскихъ литературъ, въ числѣ гостей былъ и Словацкій, въ отношеніи къ которому Мицкевичъ почти всегда оба-

звался крайне пристрастнымъ и несправедливымъ, не только въ началѣ его поприща, но и впоследствии. Посвящая много времени даже второстепеннымъ свѣтиламъ польской поэзіи, въ своемъ курсѣ литературы, Мицкевичъ умышленно Словацкаго обошелъ ледянымъ и крайне незаслуженнымъ молчаніемъ. Словацкій, за „Пана Тадеуша“ простившій Мицкевичу все прошлое, до того примирился съ нимъ въ душѣ, что за бокаломъ вина провнесъ въ честь бесспорно перваго пѣвца родины импровизацію. Во всѣмъ лирическомъ изліяніи Словацкаго примѣшивалось всегда много субъективнаго; въ импровизаціи прорвалось нѣчто изъ горечи личныхъ воспоминаній, нѣчто и о своемъ я, о его крови и слезахъ, и о своихъ правахъ въ странѣ фантазіи, въ которой и онъ заслужилъ на столько, чтобы отчизна и его полюбила. Импровизація сказана была безъ желчи, сердечно; возбужденный ею, Адамъ отвѣчалъ въ томъ же тонѣ, причемъ ощутилъ, въ послѣдній, можетъ быть, разъ въ жизни осѣившій его духъ поэзіи. „Люди разныхъ партій,—пишетъ Мицкевичъ (Когг. I, 175),—расплакались, полюбили насъ (т.-е. меня и Словацкаго) и исполнились любви“. Онъ соѣтовалъ Словацкому обудать въ себѣ духъ самолюбія, но призналъ за Словацкимъ талантъ и даже припомнилъ, какъ предсказывалъ его матери въ Вильнѣ будущую славу Юлія. „Тѣмъ онъ совсѣмъ меня подкупилъ,—пишетъ Словацкій (Listy do matki, стр. 97),—мы были какъ братья, обнимались и ходили, рассказывая о прошлыхъ неудовольствіяхъ“... Но бездѣяныи достаточно было, чтобы эти наладившіяся добрыя отношенія разстроить. Въ память вечера присутствовавшіе рѣшили поднести Мицкевичу серебряный кубокъ и постановили возложить поднесеніе кубка на Словацкаго. Словацкій вспыхнулъ, подозрительность и самолюбіе его заговорили, къ предложенію онъ отнесся, какъ будто бы его принуждали къ публичному признанію съ его стороны своего вассальства въ отношеніи къ Мицкевичу. Недоброжелатели Словацкаго раздули этотъ случай, родились слухи, въ журналѣ Tygodnik literacki Roznanski помѣщена была ядовитая статья, исполненная преувеличеній и искаженій истины, въ которой Мицкевичу приписывалось, будто бы въ своей импровизаціи онъ прямо Словацкому сказалъ, что Словацкій—не поэтъ. Мицкевичъ, который однимъ словомъ могъ бы поправить дѣло и его разъяснить, принялъ по отношенію къ Словацкому роль, которая, и прежде и послѣ, всего больше бѣсила Словацкаго—роль горделиваго молчанія. Прежде чѣмъ Словацкій собрался съ отвѣтомъ, за него вступился Красинскій, незадолго предъ тѣмъ получившій отъ Словацкаго симпатичное письмо по поводу „Лѣтней Ночи“. Онъ рѣшился дать первую серьезную критическую оцѣнку музѣ Словацкаго. Внушала эту статью дружба: „подумай,—писалъ онъ (Mat. II, 117),—что на „дачѣ Розъ“ (villa Mills)

было нѣкогда двое людей, которые дали себѣ взаимно обѣтъ дружбы и исполнили его“; но внушало эту статью также и чувство справедливости. Статья о Словацкомъ въ *Tug. lit. rozp.* 1841 (№№ 21—23) не была подписана, но составлена мастерски. Она представляет Словацкаго несравненнымъ чародѣемъ слова, Корреджіемъ и Ветковеномъ формы, между тѣмъ какъ Мицкевичъ больше походитъ на ея Мивель-Анджело. Но и по содержанію поэзіи они оба одного роста—гиганты: Мицкевичъ изображаетъ собою центростремительную силу воплощеній и утвержденій; другой, Словацкій, центробѣжную силу отрицаній; это—та сила, которая отдѣляетъ жидкое отъ твердаго, газообразное отъ жидкаго, и съ республиканскою ироніею шипитъ молніями на остріяхъ гранитныхъ вершинъ: „*mołitugi*“. Статья старалась доказать, что Мицкевичъ и Словацкій дополняютъ себя взаимно,—чего недостаетъ одному, то съ избыткомъ содержится въ другомъ. Въ то время, когда Красинскій вступался за малоцѣннаго друга, Словацкій готовилъ на своихъ попревателей и зоиловъ бить собственнаго надѣля, тонкій, гибкій, долженствующій оставить ссадины и красныя полосы на тѣхъ весьма многихъ, по тѣламъ которыхъ онъ долженъ былъ пройти. Еще во время восточнаго путешествія Словацкій пробовалъ описать его по-байроновски октавами въ родѣ „Чайльдъ-Гарольда“; потомъ, еще до Мицкевичеваго обѣда у него были наброски другой поэмы такими же октавами по тому типу, который созданъ Байрономъ въ „Донъ-Жуанъ“ и столь блистательно усвоенъ Пушкинимъ въ неизвѣстномъ, конечно, Словацкому „Евгеніѣ Онѣгинѣ“. Это произведеніе, которое авторъ называлъ (*L. J. S.* 1836—1848, 197): „мой маленький злючка“, носитъ заглавіе: *Beniowski*, 1841. Въ такого рода произведеніяхъ фабула—последнее дѣло и выбирается она растяжимая до безоначности, съ тѣмъ, чтобы можно было расписывать по ней самыя фантастическія узоры. Тему эту дали Барскіе конфедераты въ ихъ состязаніяхъ съ королевскими и русскими войсками и въ ихъ заштырованіи съ Турціею и Крымскимъ ханомъ. Сохранились записки одного такого конфедерата Маврікія Беніовскаго (1741—1786), который былъ взятъ въ плѣнъ Русскими, сосланъ въ Камчатку, произвелъ тамъ бунтъ, ушелъ въ море и, прибывъ въ Мадагаскаръ, былъ провозглашенъ царемъ этого острова туземцами-дикарями. Поэтъ заставляетъ Беніовскаго влюбиться въ дочь чудака старосты, Англію, которой приданы имя и черты своенравной барышни, пробованшей плѣнить и покорить его сердце во Флоренціи. Отецъ желаетъ выдать дочь за Дзѣдуницкаго, лицо противное, душою преданное врагамъ отечества. Конфедераты съ Пулавскимъ, отцомъ Маркомъ и козакомъ Савою во главѣ, берутъ замокъ и убиваютъ Дзѣдуницкаго. Беніовскій между тѣмъ дерется съ козакомъ-конфедератомъ Савою, приревнованнымъ

его въ степной красавицѣ, полу-цыганкѣ Свѣтлинѣ, и по разбитіи дерущихся отцомъ Маркомъ, получаетъ порученіе отъ сего послѣдняго ѣхать въ Крымъ къ хану, союзнику конфедератавъ. Такое содержаніе первыхъ пяти пѣсней наданныхъ, а въ рукописи осталось нѣсколько ненаданныхъ о похищеніяхъ Бениовскаго въ Крыму. Не только нѣтъ въ этой поэмѣ ничего цѣльнаго, но цѣлое даже и не намѣчено, остаются только подробности, живыя лица: всендѣзь Маркъ, козакъ Сава, Свѣтлина, Ангѣля, написанныя съ поразительною яркостью и свѣжестью колорита, но всего больше жѣста отведено, конечно, самому повѣствователю, изобразившему себя во весь ростъ, со всѣми и чарующими сторонами и недостатками своей гениальной натуры. Можно сказать, что не знаетъ Словацкаго, его вѣка и среды, кто его не изучалъ именно въ „Бениовскомъ“. Грезь дѣтства осуществились, жизнь создалъ Словацкій, о какой онъ мечталъ, поэтическую, съ тѣмъ ореоломъ артистической славы, которая для него была все на свѣтѣ и искупала и одиночество и отчужденіе отъ страстно обожанной родины. „Горе тому, кто дастъ отчизнѣ половину души, а другую половину побережетъ для счастья“ (пѣсня III). Славу онъ завоевалъ, о непризнающихъ еще его господства не заботится, онъ чувствуетъ, что онъ ничуть не ниже Мицкевича, и онъ оканчиваетъ „Бениовскаго“ великолѣпнымъ бросаніемъ перчатки великому литовскому пѣвцу: „Мы—два бога на двухъ противоположныхъ солнцяхъ... Не пойду я съ вами вашимъ ложнымъ путемъ, пойду инымъ путемъ и народъ пойдетъ со мною; когда захочетъ любить, я ему сообщу лебединыя звуки; клясться—мною онъ будетъ клясться; горѣть—я его воспламеню, поведу тамъ, гдѣ Богъ—въ безконечность“ (пѣсня V). Въ своемъ міросозерцаніи Словацкій шире Мицкевича, смѣлѣе, независимѣе, не любитъ катехизиса, официальнойности, клерикализма; онъ даже не католикъ, а имѣетъ свою религію, онъ въ самомъ дѣлѣ напуганъ и притомъ своеобразный: „кто Тебя (Боже) не чувствовалъ въ содроганіи природы, въ широкой степи или на Голгоѣ; кто не сознавалъ, что Ты еси въ благоуханіи вѣтешескихъ чувствъ; кто Тебя не нашелъ, срывая цвѣты, въ ландышахъ и незабудкахъ, а ищетъ Тебя въ молитвахъ и добрыхъ дѣлахъ, тому я говорю, что онъ Тебя найдетъ, конечно найдетъ, и желаю людямъ малаго сердца смиренной вѣри, чтобы они могли кончатся спокойно. Лице Иеговы молніеносное громадно. Когда я сочту иласты развертой земли, то вижу, что лежатъ подъ горными хребтами кости, точно знамена погибшихъ войскъ, свидѣтельствующія о Тебѣ, Боже, своими скелетами“ (п. V). Мощь свою онъ сознаетъ вполне, и когда достигаетъ крайнихъ висотъ лирическаго экстаза, и когда орудуетъ бичомъ сатиры,—какой удары сыплются безъ разбора на всѣ партіи, на аристократовъ и каніей, на

эмиграционную демократію, на клубы и генераловъ и офицеровъ отъ революціи, на „Дзяды“ и на „Важнопрода“, на всѣхъ современныхъ литераторовъ и критиковъ: „придетъ время, когда тѣхъ Иродовъ, побивающихъ монжъ дѣтей, я буду въ аду поѣдать какъ Уголино“. Насмѣшивъ его ѣдва, она пронизываетъ насъ сквозь; Словацкій и себя не падить и надъ собою шутить, издѣваясь, напримѣръ, надъ днѣю жаждою носертнаго плача, ведущею примехонько въ клинику психіатрическую, но шутки Словацкаго не имѣютъ ничего общаго съ шутками Гейне. И Гейне и Словацкій были настоящіе Эллины въ пониманіи искусства, въ мастерствѣ формъ, но Гейне—клоунъ въ душѣ и любитъ потѣшать публику, кривляясь и кувыркаясь, между тѣмъ какъ Словацкій въ этомъ отношеніи совершенный недотрога, одаренный не только чувствомъ безгливости въ тому, что недостойно, унижительно и гадко, но и съ ничѣмъ несравнимою гордою независимостью, въ силу которой поэтъ высился, точно одинокій утесъ надъ мелвою зыбью дѣлъ людскихъ. Этотъ гордый духъ, вѣющій изъ каждой строки, дѣйствуетъ и нынѣ возбуждающимъ образомъ; ни одинъ поэтъ не вліялъ такъ рѣшительно, какъ Словацкій, на настроеніе послѣднихъ младшихъ поколѣній общества польскаго, — ни одинъ не вселялъ такого самоуваженія, которое возвышаетъ человѣка, хотя бы онъ былъ обездоленный и обезкураженный, въ убожествѣ и въ лохмотьяхъ, безъ почвы подъ собою и отечества. „О, будь хотя одна грудь выкроена, — пишетъ поэтъ, — не по мѣрѣ портнаго, а по мѣрѣ Фидія, звучи хотя одна, какъ статуя Мемнона, но нѣтъ ея, вотъ что меня пугаетъ; Косцюшко васъ предчувствовалъ, восклицая: „кончено...“ Нынѣ, когда громы Божіи меня столкнули внизъ съ вершинъ пирамидъ, съ вулканическихъ высотъ, я страдаю — но продолжаю презирать, и этотъ ѣдкій стихъ кусаетъ васъ въ самое нутро. Онъ плыветъ, какъ шальные корабли, отъ волнъ откидываемые въ синеву небесъ, откуда онъ идетъ и куда вернется, когда смерть сядетъ на парусахъ корабля“ (вѣсна IV).

„Беніовскій“ произвелъ большое впечатлѣніе: автора ругали, но читали и разрывали книгу; во Франкфуртѣ онъ былъ вызванъ даже на поединокъ, явился по вызову, но его противникъ струсилъ и извинился. Этотъ успѣхъ не вскружилъ, однако, головы Словацкому. Это разлитіе желчи, это раздраженіе наисубъективнѣйшихъ чувствъ, которое составляетъ всю прелесть „Беніовскаго“, не были и не сдѣлались нормальнымъ состояніемъ Словацкаго. Въ письмахъ къ матери (въ концѣ 1841; *Listy Słow. 1836—1848*, стр. 97) онъ почти извиняется за „малютку-злючку“, который былъ необходимъ потому, что „обратилъ на меня глаза всѣхъ и заставилъ преклониться тѣхъ, которые никогда мнѣ не кланялись“. „Я пересталъ быть вполне, по-твоему, ангеломъ;

но подумай, что въ моихъ устахъ огонь и я не выношу несправедливости. Мнѣ грустно, что признали, что я на своей почвѣ, когда именно я съ нею-то сошелъ. Будь увѣрена, что моя біографія будетъ вполне достойная, хотя теперь, когда я *иду вверхъ по ступенямъ*, я долженъ быть иногда на себя не похожъ". — Последнее-то предсказаніе и не оправдалось; никто не могъ думать, чтобы безъ всякихъ внѣшнихъ причинъ и перемѣнъ въ условіяхъ физическаго организма, этотъ блистательный художникъ находился уже въ то время наванути дна, когда онъ сталъ не идти вверхъ, а спускаться, что онъ, уйдя весь въ себя, разлюбилъ искусство, отвернется даже отъ красоты; что неукротимый и невыносившій узды даже церковной обрядности, онъ отречется отъ самостоятельнаго мышленія и подчинится почти монашескому послуванію. Это превращеніе, однако, совершилось; оно произведено доктриною Товянскаго, которая подѣйствовала и на Словацкаго, но, разумѣется, подчинила его себѣ по инымъ, нежели Мицкевича, причинамъ, которыя и слѣдуетъ разобрать.

Изъ приведенныхъ отрывковъ писемъ къ матери видно, что несмотря на многое въ немъ мелочное, какъ-то: щеголеватость, пристрастіе къ красивымъ формамъ, почти болѣзненное славолубіе и самолюбіе, душа Словацкаго была полна болѣе возвышенныхъ стремленій, неудовлетворенныхъ и неудовлетворимыхъ пожеланій, что міросозерцаніе его точно чернымъ флеромъ водернуто было скорбью о печальныхъ судьбахъ отечества и что, несмотря на свою пантеистичность, онъ стоялъ со всѣми великими представителями своего поколѣнія на почвѣ религіозной, а отъ римской церкви отталкивала его только узкость взглядовъ „фарисеевъ“, которые внушили ему омерзѣніе къ церковному порогу, новазывая стезю къ Богу маленькую и фальшивую, по какой могутъ проползати только червяки" ¹⁾ (Listy II, стр. 108). Оффиціальная церковь могла предлагати въ утѣшеніе только общія мѣста о неисповѣдимыхъ путяхъ Провидѣнія, но для столь неспокойнаго темперамента, подобнаго утѣшенія было мало, слѣдовательно, когда явился реформаторъ и пророкъ, который увлекъ польскую эмиграцію и объявилъ, что имѣеть откровеніе свыше, который взялся устроить чудесными путями и способами будущее и своего народа и человѣчества, и предложилъ каждому изъ своихъ учениковъ начать съ того, чтобы совлечь съ себя ветхого человѣка, возродиться духомъ, то Словацкій, никогда не отличавшійся пронипательнымъ умомъ и разсудкомъ, а слѣдовавшій скорее сердцу, инстинкту и воображенію, пошелъ за Товянскимъ однею изъ первыхъ и увѣровалъ въ непосредственное общеніе съ Богомъ, чрезъ Товянскаго. Ему показалось, что онъ обрѣлъ то, въ чемъ про-

¹⁾ Ateneum 1877, № 9: P. Chmielowski, Ostatnie lata Slowackiego.

медная его жизнь не могла его удовлетворить, и что онъ сталъ изъ празднаго мечтателя настоящимъ человѣкомъ дѣла. Словацкій не только увѣровалъ, что вслѣдствіе новаго возрожденія духомъ въ весьма скоромъ времени произойдетъ реставрація дѣйствіемъ воспріявшихъ новое откровеніе вѣрующихъ, но увѣровалъ также и въ то, что совершается родъ метемпсихозиса, что насъ со всѣхъ сторонъ окружаютъ міриады безплотныхъ душъ, воплощающихся постоянно въ новыя тѣла (Listy, II, 114—177). Въ перепискѣ его съ матерью происходитъ вдругъ самая крутая перемѣна; вмѣсто сердечныхъ изліаній, идутъ поученія, онъ становится вполне мистическимъ. — „Я, нѣкогда неувертливое дитя, огонь ходячій, нынѣ живу какъ бы во мнѣ не было ни крови, ни похоти, ни кипѣнія, ни верня“ (181). Не только онъ чуждается перчатокъ и паркетовъ, и всякой праздной меланхоліи (104, 109), всякаго байронизма (136), но ему омерзительны даже похвалы другихъ (141), а жизнь и смерть для него одинаково безразличны. Всякое желаніе личнаго счастья отошло, а проникла его насковъ любовь къ людямъ; онъ сдѣлался простъ и добръ и окончательно помирился и побратался въ Тованевжѣ съ Мицкевичемъ (106); господствующимъ въ душѣ его сдѣлалось чувство тихой радости (141).—Жилъ онъ отшельникомъ и аскетомъ въ Парижѣ или ѣздилъ гдѣто въ мало-посѣщаемыя французскія морскія купанья на берегахъ Атлантическаго океана. Вѣткій человѣкъ оставался, однако, и въ новомъ, только въ сильно видоизмѣненной формѣ. То колоссальное самоиѣніе, которое внушаемо ему было талантомъ, превратилось въ чувство фанатизма, который относится къ озабоченнымъ его идеямъ какъ къ вдохновенію Божию и глубоко презираетъ людей не раздѣляющихъ убѣжденій, въ его глазахъ имѣющихъ наглядную очевидность. Переворотъ, сдѣлавшій Словацкаго мягче и добрѣе, отразился на его поэтической производительности самымъ невыгоднымъ образомъ: Словацкій пересталъ обдумывать и исправлять свои произведенія, потому что пересталъ вникать, „откуда мысли приходятъ и куда идутъ“ (148), онъ пускалъ ихъ въ томъ видѣ, въ какомъ они являлись на бумагѣ. Изъ всѣхъ поэтовъ въ это время онъ больше всего поддавался католику и отчасти мистикъ Кальдерону. Двѣ драмы: „Książę Marek“, 1841, и „Srebrny Sen Salomei“, 1844,—написалъ онъ съ такимъ пренебреженіемъ формы, что онѣ даже не входятъ на произведенія искусства, а скорѣе на бредъ воображенія, которому свята страшные сны: колливиндіа и конфедераты, живьемъ сожигаемые гайдамаки, пытки, изнасилованія и всякія муки. Богатство образовъ, какъ всегда у Словацкаго, неисчерпаемое, но фантазія несетъ разнузданная, не слушается разсудка. Послѣ этихъ жалкихъ созданій наступилъ періодъ болѣе спокойнаго творчества, въ которомъ Словацкій пытался проводить въ словѣ новое ученіе, мистическое, теорію *воплощеній*: такое значе-

ніе нѣбуть неизданныя при жизни *Генезисъ отъ духа* ¹⁾ и *Царь-Духъ*, котораго первая рапсодія напечатана безъименно въ Парижѣ 1847, а цѣлый рядъ неизданныхъ послѣдующихъ рапсодій, подраздѣленныхъ на пѣсни, написанныя прелестными октавами, свидѣтельствуютъ о томъ, какъ усиленно и долго Словацкій работалъ надъ замысломъ, положеннымъ въ основаніе неконченной, громадной по размѣрамъ, поэмы. Свой *Генезисъ* Словацкій высоко цѣнилъ, между тѣмъ оказывается, что въ немъ онъ открывалъ уже открытую Америку и, будучи незнакомъ съ „натур-философами“, воспроизводилъ выработанныя ими, уже ходячія понятія. Его *духъ* есть то же, что гегелевская идея, работающая на созданіе формы, по иснолинской гѣстницѣ созданій отъ камня и кристалла до растенія, отъ растенія до организма и отъ простого организма до человѣка. Грезы натур-философовъ переиѣшаны съ платоновскою „анамнезисъ“, каждая форма есть воспоминаніе предшествовавшей и откровеніе будущей. Въ поэмѣ *Царь-Духъ* Словацкій вернулся къ любимой темѣ, къ полумистическимъ гѣтописнымъ сказаніямъ о первыхъ временахъ своего народа; въ прежнее время онъ пользовался этими сказаніями для постановки психологическихъ задачъ („Валладива“) или животрепещущихъ вопросовъ настоящего („Лилла Венада“),—теперь онъ употребляетъ ихъ для доказательства своей мистической теоріи воплощенія ²⁾, для осуществленія ученія Товянскаго въ поэзии и открытія ключомъ этого ученія всѣхъ тайнъ и загадокъ народной исторіи. Мы уже указали особенную черту въ умственной организаціи Словацкаго, его культъ героевъ, вѣру въ великихъ людей, дѣйствующихъ средствами необычайными. Для него, не вдающагося въ анализъ и тотчасъ олицетворяющаго самня отвѣченныя идеи, вся исторія сводилась къ исторіи героевъ, а сами герои были послѣдовательными воплощеніями одного и того же духа, который вселяется поочередно въ нѣсколько тѣлъ, переживаетъ безконечный рядъ жизней, ведя народъ или толпаю его насильственно на высшія и выснія ступени его развитія. Такимъ образомъ, руководителемъ жизни народа является все одинъ и тотъ же Царь-Духъ, который самъ рассказываетъ исторію своего бытія, воздѣйствія на народъ, своихъ смертей и превращеній. Являются одинъ за другимъ великіе насильщики, которые, точно кузнецы, кууютъ мягкій матеріалъ—свой народъ—на наковальѣ, сильными ударами меча и молота, бессердечіемъ, жестокостью, тиранствомъ, такъ что дѣйствіемъ этихъ Божіихъ бичей, народъ опрощенный завалается, опредѣляется и идетъ впередъ по ступенямъ развитія. Оригинально въ этой попыткѣ не столь-

¹⁾ *Genesis z ducha*. Modlitwa. Lwów i Poznań. 1872.

²⁾ Król Duch, Słowackiego, статья Асника, въ Przegląd n. i lit. 1879, № 5.

ко возвеличеніе и обоготвореніе тиранства, сколько то обстоятельство, что апологія насильщиковъ дѣлаема была независимѣйшимъ пѣвцомъ свободолюбивѣйшаго народа, который погибъ потому, что не сдѣлалъ никакихъ уступокъ власти государства надъ личностью. Словацкій выводитъ такихъ тирановъ, которые не уступаютъ Іоанну Грозному и даже изображены заимствованными отъ Грознаго чертами. Мрачная глубина этой идеи поразительна; справедливо замѣчаетъ Асениъ, что она только и могла народиться въ душѣ польскаго поэта, претерпѣвшаго всѣ боли униженія и упадка и жажущаго битія, хотя бы купленнаго истязаніями цѣлыхъ повогѣвій. Передадимъ въ краткихъ словахъ, какъ осуществилъ Словацкій эту идею въ послѣднемъ изъ своихъ великихъ произведеній.

Въ концѣ своей „Республики“ Платонъ, чтобы объяснить свое ученіе о врожденныхъ идеяхъ, выводитъ Арманнина Гера, который, бывъ убитъ въ сраженіи, ожилъ и рассказалъ, какъ души судятся по смерти и какъ набираютъ они, въ какія тѣла и формы иждѣтъ воплотиться, послѣ чего вкушаютъ уже изъ Леты воды забвенія. На чемъ кончается Платонъ, съ того начинается Словацкій: еще Геръ не вкусилъ воды Леты, а только обмилъ свои раны, когда явился ему дивный „видѣ“, дочь *Слова*, мистическое лицо, въ которомъ поэтъ хотѣлъ изобразить идею отечества, какъ ее понимали лучшие люди въ народѣ ¹⁾. Геръ такъ былъ увлеченъ красотой видѣнія, что, возлюбивъ ее навсегда, почувствовалъ жажду жить, воплотился и очнулся въ пустынѣ, ребенкомъ у женщины-вѣдьмы, изъ словъ которой видно, что она Роза Венеда, оплакивающая погибшія свой народъ и родившая дитя послѣ того, какъ была оплодотворена прахомъ и пепломъ убитыхъ, вслѣдствіе чего она и нарекла дитя сыномъ пепла или Понелемъ. Растетъ Попель, поступаетъ отрокомъ на дворъ Лека, храбростью и безстрашіемъ дослужился до званія перваго воеводы. Слава его возбудила зависть, его свергли въ темницу, изъ которой его выводитъ счастливица, дочь Лека, Ванда. Вѣглець встрѣчаетъ дружину Германцевъ, возвращающихся съ римскаго похода, поражаетъ ихъ силою и, провозглашенный ими кайзеромъ, идетъ на землю Лека, въ которой по смерти сего послѣдняго княжить Ванда. Гордый побѣдитель требуетъ, чтобы Ванда пришла ему служить и наливать вино. Ванда избѣгаетъ униженія, бросаясь въ Вислу. Тогда начинается полное и неоспоримое господство Попеля, которое постепенно становится суровѣе и тяжелѣе и доходитъ до послѣднихъ предѣловъ необузданной жестокости, вызываемой не сопротивленіемъ или крамолами управляемыхъ, но ту-

¹⁾ «Зачатіе всякаго народа предшествуемо было созданіемъ идеи, ради которой работали люди, кристаллизовавшиеся въ форму, соответствующую этой идее». Словацкій, у Мал. II, 273.

ноу апатыю и косностью, медленнымъ теченіемъ дѣлѣ въ народѣ, похожимъ на ходъ черепахи, мракомъ и тишиною, точно въ часы до рассвѣта. Попель рѣшился расшевелить народъ, позвать въ откѣту само божество, если оно есть: „И рѣшился я потревожить небеса, ударить въ небо какъ въ мѣдный щитъ, злодѣйствомъ развалить и отверсть голубое небо, и потрясти въ основаніяхъ столбы законовъ, на которыхъ воссѣдаетъ ангелъ жизни, чтобы самъ Богъ показался мнѣ—поглядѣвшій“. Безъ отвѣта оскантся опять за опытомъ, вызовъ за вызовомъ, жеревъ изведено безъ счету; Попель адски изобрѣтателенъ въ выборѣ мукъ, причѣмъ не только не терять спокойствія и сна, но даже пріобрѣтаетъ популярность: „всего страннѣе, что меня палубили за силу, и за страхъ, и за муки, что когда я показывался, передо мною народъ становился на колѣни“. Безнаказанность кровопійцы подстрекаетъ его на дѣла противоестественныя, на покушенія противъ самого духа. Мать свою онъ приказываетъ съечь и велитъ казнить воеводу Скитина, которому былъ обязанъ расширеніемъ царства отъ моря и до моря. Казнь Скитина предшествуетъ поэтической эпизодъ, дѣяніемъ заимствованный изъ жизни Грознаго, возникшаго свой жезлъ въ ногу Василья Шибанова при чтеніи письма отъ Курбскаго. Скитинъ возсыплетъ посланіе къ Попелю чрезъ своего ивѣда Зорьяна, котораго Попель пригвоздилъ къ полу мечомъ, а потомъ отправилъ на казнь. Семья Скитина вырѣзана, въ окровавленномъ его замкѣ пируетъ король, провозглашая: „нѣтъ ничего въ небесахъ, а самъ, какъ Господь Богъ, буду себя судить“. Тогда появляется на небѣ хвостатая звѣзда, комета-комета; Попель видитъ подходящую смерть. Въ послѣднемъ словѣ отходящаго Попеля заключается весь смыслъ поэмы: „Надо мною была мысль солнечная, золотая; къ ней вели меня на порогъ высокихъ дѣлей несвоячелныя окровавленныя ступени. Я шелъ, какъ рыцарь, врозавымъ путемъ, но безъ тревоги. Жизнь звучала въ каждой струнѣ моего духа, мощенъ былъ каждый мой шагъ.... Чрезъ меня эта отчаяна возросла, отъ меня она получила названіе и идетъ впередъ взмахомъ моего весла. Не разъ ее снесла волна съ пути и изъ духа ея выросали бездыханныя мертвые цвѣты, но что я выдавилъ кровавымъ образомъ, тѣмъ духъ этотъ всегда побѣждалъ, когда пришлось ему блеснуть... Идите. Вы—уже не слуги моего бѣшенства, но вѣрные рыцари. Я купилъ народъ кровью и надъ ея потоки—и вознесъ духъ, иррацирующій смерть. Не одинъ крестьянинъ усладитъ ивѣсью длиннѣйшій вечеръ и тѣмъ ирѣободритъ себя, что вспомнить о своихъ отцахъ, какъ отважно шли они на смерть, когда король ихъ рѣзалъ“.

Своеобразная философія „Царя-Духа“ въ то время, когда поэма появилась, не могла нравиться и едва ли когда можетъ имѣть успѣхъ, потому что нравственныя основы ея фальшивы и никого не можетъ

убѣдить эта похвала проповѣдству, какъ способу высѣкать духъ изъ мертвой массы, точно искру изъ кремня. Это извращеніе нравственныхъ чувствъ и понятій поражаетъ лишь какъ психологическая загадка. Новое направленіе Словацкаго должно было охладить и разстроить добрыя отношенія его къ друзьямъ по сердцу, которыхъ у него было весьма много, и въ особенности къ Красинскому. Съ тѣмъ горячечнымъ увлеченіемъ, съ какими онъ вступилъ въ новое ученіе, онъ сталъ обращаться письменно Красинскаго въ свою вѣру, объясняя (14 дек. 1842), что съ нимъ совершилось то, что онъ уже предчувствовалъ въ Ангелии, и что, „будучи побѣжденъ громовыми проявленіями духа, онъ проклиналъ явительство, хотя не можетъ забыть, что оно было ему милостивымъ господиномъ, что его Діаны были ему, Словацкому, любовницами, а его прочность казалась почти вѣчностью“. Красинскій, который съ самаго начала и до конца относился къ товарищамъ скептически, писалъ (27 авг. 1841) весьма резонно: „Дорогой Юль! въ чуда а вѣрую, вездѣ и всегда, въ чудотворцевъ почти никогда; не знаю тицеславіа тицеславнѣ того, которое мнитъ себя проводникомъ тока чудесь... Чудо есть что-то въ родѣ забастовки въ природѣ, въ родѣ ожиданія, что жареный голубокъ самъ тебѣ свалится на зубокъ... Не вселяй въ себя днаго убѣденія, что можно вѣка перевернуть одной строфой“. Чѣмъ настойчивѣе были письма Словацкаго, тѣмъ дипломатичнѣе и уклончивѣе были отвѣты и опроверженія Красинскаго, направленныя однако въ болѣе мѣсто новаго адепта, въ крайнюю узость и нетерпимость товарищамъ. Переписывавшихся сблизжало когда-то искусство, теперь ихъ раздѣляла вѣра, отношенія охладѣли и съ 1843 прервались; наконецъ, когда оказалось, что въ политическихъ убѣжденіяхъ они діаметрально противоположны, то дошло до открытаго разрыва и до поэтической борьбы бывшихъ друзей. Прежде чѣмъ коснуться этой перипетіи, я долженъ возвратиться къ Красинскому и прослѣдить его отъ времени, когда муза его получила въ началѣ сороковыхъ годовъ новое направленіе и когда самый родъ его поэзіи измѣнился.

Это новое направленіе обусловилося двумя событіями: во-первыхъ, связью съ Дельфиною П., которую Красинскій называетъ въ поэмахъ то своею сестрою, то своею Беатриче, и во-вторыхъ, весьма прилежнымъ изученіемъ и усвоеніемъ себѣ Гегелевой философіи. Что касается до женщины, во всякомъ случаѣ не совсѣмъ обыкновенной, которая сдѣлалась его музой, то эта, недавно умершая, одинокая, жена разведенная съ недостойнымъ мужемъ ¹⁾, была красива, остроумна, артистка, но любила позировать и привлекала поэта больше картиною

¹⁾ То былъ сынъ отъ Гречанки. лица, которое въ польской поэзіи выводится не-разъ подъ именемъ Вацлава.

страданій своей испорченной жизни, а потому, вѣроятно, прива-
зала къ себѣ тѣмъ, что передавала ему въ отраженіи его собствен-
ные помыслы и идеи. Она странствовала съ Красинскимъ по итальян-
скимъ озерамъ, слѣдовала за нимъ въ Германію, овружла иванѣйшими
попеченіями смертельно больного Даніелевича, умершаго на рукахъ Кра-
синскаго, и сонутствовала Красинскому въ прогулкахъ по окрестно-
стямъ Ниццы въ памятное лѣто 1843 года, когда писался „Разсвѣтъ“.
Тотчасъ потомъ въ жизни Красинскаго произошла весьма существенная
перемена, которой причины еще не вполнѣ во всѣхъ подробностяхъ
выяснены. Уступая волѣ отца и исполняя ее, Красинскій рѣшился
жениться на графинѣ Елизаветѣ Браницкой. До женитьбы онъ раз-
стался съ тою, которую не пересталъ любить и написалъ ей радис-
рующее *Прощаніе* ¹⁾, но и послѣ женитьбы привязанность и пере-
писка продолжались, и только въ послѣдніе годы, на смертномъ одрѣ,
Красинскій охладѣлъ къ предмету послѣдней своей страсти, неохотно
видѣлся съ нею и оставлялъ письма ея безъ отвѣта ²⁾.—Что касается
до нѣмецкой философіи, то, по словамъ Красинскаго, когда въ 1831
скончался учитель, который „ставилъ себя между Платономъ и Хри-
стомъ“ (*Listy do Jagoz.*, стр. 36), началось разложеніе его школы, воз-
никли споры по вопросамъ, которые онъ дипломатически обходилъ
посредствомъ недомолвокъ; всего сильнѣе себя заявила лѣвая сто-
рона Гегелианцевъ, которая представила гегелианство тѣмъ, чѣмъ
оно въ сущности и было, — чистымъ пантеизмомъ, разлагающимъ въ
абсолютной идеѣ и личность Бога, и личность человѣка, распаки-
вающимъ занавѣсъ и показывающимъ, что за религіозными пред-
ставленіями нѣтъ ничего, кромя безпредѣльной пустоты. Такой пан-
теизмъ, равносильный атеизму, не могъ никакъ соответствовать на-
строенію народа, въ которомъ нилія надежды на будущее и стра-
данія въ настоящемъ не притупили, а возбудили религіозное чувство
и заставляли искать точек опоры въ божествѣ. Еще въ 1836 Кра-
синскій писалъ (*Kr. god.* 1876, стр. 35): „Пантеизмъ Спинозы то же,
что атеизмъ. Душа индивидуума дѣлается чѣмъ-то въ родѣ электри-
чества. Есть только вѣчность силы, нѣтъ вѣчности мысли. Индія на
6000 лѣтъ передъ Евреемъ Спинозой уже додумалась до такихъ от-
чаяній“. Логическія послѣдствія Спинозы и премиссы Гегелевой филосо-
фіи пугали и Красинскаго и его соотечественниковъ, ихъ пугалъ пан-
теизмъ либо суровый—у Спинозы, либо шитый золотомъ—у Шеллинга
и Гегеля (*Listy do Jag.*, 39). Тѣхъ, которые нускались по слѣдамъ

¹⁾ -Молись обо мнѣ, чтобы меня не утѣкло въ адъ вѣчное соматніе о тебѣ.

«Молись, чтобы у Бога, въ небесахъ, я послѣ вѣковъ когда-нибудь встрѣтилъ
тебя.»

²⁾ *Moja Beatrice*, статья Яна Гнатовскаго; *Niwa*, 1879, №№ 119 и 120.

Гегеля въ добри метафизики, смутила мысль о томъ, что жизнь полнѣе и шире, чѣмъ философская идея, что душа не есть одинъ только философствующій разумъ, что односторонность Нѣмцевъ, доводящихъ философію до чистаго отрицанія, вытекаетъ изъ ихъ протестантизма; они думали, что можетъ быть создана особая философія—славянская, которая примиритъ романскій эмпиризмъ съ германскимъ идеализмомъ и, взявъ исходную точку Гегеля и его діалектическій методъ трехстепенной эволюціи мысли, докажетъ личность Бога, бессмертіе души, выдвинетъ впередъ и дастъ первенствующее значеніе волѣ, поставивъ ее между чувствомъ и мыслью; они думали, что мы вступаемъ въ новый періодъ бытія, въ которомъ главную роль сыграютъ народы славянскіе съ Польшею во главѣ, въ царство св. Духа-Параклета. Эти идеи выражены были съ особеннымъ талантомъ и силою другомъ Красинскаго съ дѣтства, Августомъ Цѣшковскимъ (род. 1814), въ книгѣ *Prolegomena zur Historiosophie* (Berlin, 1838), которая произвела громадное впечатлѣніе на Красинскаго (Listy do Jag. 47) и отразилась несомнѣнно въ видѣніяхъ о разваливающейся церкви Св. Петра въ третьей мысли „Лигены“. Разработка въ этомъ направленіи Гегелевской философіи лежала тогда въ духѣ времени. Кромѣ Цѣшковскаго, по тому же пути пошли три мыслителя не малыхъ способностей: Карлъ Либельтъ (1807—1875), Брониславъ Трентовскій (1807—1869) и Юсіфъ Кремеръ (1806—1875) ¹⁾. Кромѣ Цѣшковскаго, на Красинскаго оказала еще вліяніе другъ его, музыкантъ, Константинъ Данилевичъ, предъ „бронзовымъ разумомъ“ котораго Красинскій преклонялся и котораго онъ, похоронивъ въ Мюнхенѣ (онъ умеръ 27 марта 1842), горько оплакивалъ ²⁾, приписывая ему лучшее, что есть, въ своихъ произведеніяхъ. Поэтъ будущаго естественно былъ заодно съ философами будущаго, дедуцировавшими это будущее посредствомъ формулъ, игнорирующихъ точность геометрическихъ теоремъ. Начавши незадолго предъ тѣмъ писать стихами, Красинскій сталъ облачать философскія теории въ стихотворную форму ³⁾, что не могло, конечно, возвышать достоин-

¹⁾ Обстоятельныя свѣдѣнія о судьбахъ гегелианства въ Польшѣ могутъ быть почерпнуты изъ статьи: *Filozofia w Polsce*, Ф. Крупинскаго, приложенной къ изданію 1862 г. въ Варшавѣ переводу «Исторіи философіи» Шлегера.

²⁾ Кг. годъ. 1874, стр. 50. Fryburg.

«Онъ былъ мнѣ силой, давшей мнѣ разумъ, потому что гналъ меня бичомъ вѣчной правды. Онъ умѣлъ настраивать мое сердце прелестью страданія на побѣднныя звуки мукъ»... Данилевичъ отлично зналъ системы Шеллинга и Гегеля. Въ «Недоконченной Поэмѣ» онъ выведенъ подъ именемъ Алгieri, т. е. Данта.

³⁾ Такелъ «Синъ Тѣней»—первая мысль «Лигены» и самому «Вѣра», начинающаяся слѣдующимъ образомъ:

«Тѣло и духъ—два крыла, которыми въ поступательномъ своемъ движеніи духъ мой раскидаетъ преграды времени и пространства; когда они вносятся соотвѣтныя моменты и омыты, то отпадаютъ, но онъ не умираетъ, хотя то называется смертію у людей». Три ипостаси Троицы объясняются дальше какъ три категоріи: бытія, мысли и жизни.

ства его произведений, такъ какъ мысль философскую передаетъ лучше и точнѣе сухая формула, нежели литературная фраза или стихъ. Онъ былъ мыслитель, но въ то же время и поэтъ. Съ его личной точки зрѣнія, уместованіе есть цвѣтъ, растущій изъ сердца; „безъ той животельной росы (сердечной) оно усыхаетъ“... „Если меня спасетъ что-либо, — писалъ онъ, — то развѣ то, что чувство красоты неогладимо живетъ въ глубинѣ моей души. Я только въ эстетической формѣ и понимаю добро“ (*Listy do Jagosz.*, стр. 19, 29). Это соединеніе двухъ рѣдкихъ качествъ въ одномъ лицѣ, дало Красинскому возможность отнестись особеннымъ образомъ къ національному вопросу и разрѣшить его съ такимъ высокимъ пониманіемъ и исторіи человечества, и судьбы своего народа, что восторженная пѣсня, которую онъ пропѣлъ, сдѣлала его сразу любимымъ, вѣстнымъ, вліятельнымъ, поставила его на ряду съ Мицкевичемъ и Словацкимъ. Уступая имъ по силѣ поэтическаго дарованія, Красинскій превосходитъ ихъ тѣмъ, что являетъ собою видъ альпійской снѣжной вершины, зардѣвшейся отъ первыхъ лучей занимающейся денницы, между тѣмъ какъ все кругомъ погружено еще въ густѣйшій мракъ ночной. Всѣхъ его современниковъ угнетала роковая для нихъ необходимость бездѣйствія; изнывая въ этомъ бездѣйствіи, лучшіе люди или затѣвали сумасбродныя предприятия, или попадали въ мистицизмъ и слѣдовали за блуждающими огоньками самыхъ дикихъ фантазій, думая въ нихъ найти спасеніе. Отношеніе Красинскаго къ подземнымъ работамъ, къ революционерству, могло быть только отрицательное. Что касается до печальныхъ проявленій мистицизма, то онъ былъ того мнѣнія, что это—психическое состояніе опасное, изъ котораго вырождается вообще шарлатанство, въ религіи—ханжество, въ новіи—преувеличеніе и умопомраченіе, въ практической жизни—подлость и преступленіе. Успѣхъ Товянскаго онъ объясняетъ, какъ появленіе змѣи на водѣ передъ бурей, а блаженное довольство его адептовъ, не упроченное ни на какомъ основательномъ умозаключеніи, ни на какомъ точномъ знаніи, онъ считалъ чѣмъ-то въ родѣ чувственнаго опьяненія, въ которое они приведены магическимъ зеромъ Товянскимъ (*Listy Kras.* 135, 126). Однако, фактъ образованія „светы“ не могъ не подействовать и на Красинскаго, заставивъ поэта углубиться въ себя и найти основанія той осмысленной вѣры въ будущее, которая должна послужить залогомъ спасенія народа. Съ мыслями этими онъ носится въ 1841 и 1842 г. Онъ сообщаетъ (*Ptż. polski*, 1877, янв., стр. 107) въ январѣ 1842, что вѣра его становится положительнѣе. Въ декабрѣ 1841 онъ пишетъ (тамъ же, стр. 106): „не думай, чтобы на меня дѣйствовали Мицкевичъ или Товянскій: то совершеннѣйшее дурачество. Нѣтъ, аналогія нашего міра съ римскимъ до Христа, собственное мое чувство, нынѣшнее положеніе вещей за-

ставляютъ меня вѣрить и надѣяться". Осенью въ Ниццѣ 1842 г. пишется имъ быстро, въ порывѣ сильнаго одушевленія, лирическая поэма *Przedświt*, которая потомъ въ мартѣ 1843 отправлена въ Римъ въ Кошк. Гашинскому для нанечатанія подъ именемъ этого послѣдняго. Нельзя не признать, что зубъ времени проиелся уже на этой поэмѣ, въ которой много кажется несовременнымъ, пережитымъ. Судьба погрузила Красинскаго, хотя не выходя, въ струю того теченія польской жизни, которая въ то время направлялась на западъ Европы и которой представителемъ было выходство. Красинскій еще исполнѣ мессіанствъ, разнаващій, самъ того не зная, идею Веснасіана Коховскаго и другихъ до Бродовскаго и Мицкевича включительно, возводившихъ свой страдающій народъ въ санъ Мессіи, представляющихъ этому народу главенство и предводительство между всѣми другими націями. Настоящихъ причинъ паденія Польши Красинскій еще не ошупываетъ, а потому прошлое съ его аристократическими преданіями личнаго достоинства и свободы является ему въ апофеозѣ. Какъ истый аристократъ, онъ видитъ одно только хорошее въ славныхъ предкахъ, державшихъ свѣточъ идеальныхъ стремленій, не осуществившихся въ прошломъ, но осуществимыхъ въ будущемъ; наконецъ, онъ цѣлью своихъ мысленій ставилъ реставрацію. Громадная разница между нимъ и его современниками только та, что онъ рассчиталъ условія возможности и невозможности, что онъ реставрацію отодвинулъ въ неизмѣримую и неопредѣленную даль, что онъ требовалъ, чтобы этой сіяющей въ неизмѣримой дали неземнымъ блескомъ чистой цѣли соотвѣтствовали и безусловно чистыя средства, чтобы, подвигаясь къ этой цѣли по нескончаемымъ ступенямъ исполнинской лѣстницы, соотечественники поэта отрывались отъ всѣхъ чувствъ, которыя бы слѣдовало назвать нехристіанскими, отъ ненависти, своекорыстія, злобы ¹⁾. Предисловіе, предпосланное поэмі, служитъ ей комментариемъ; оно построено на аналогіи нашего міра съ римскимъ. То же бездушіе людей, которые во все извѣрились, то же высшее совершенство формъ цивилизаціи, то же могучее объединеніе матеріальныхъ интересовъ въ видѣ государственныхъ болоссовъ, въ то самое время, когда въ области вѣрованій все измельчало и растерто въ песокъ. И тамъ и здѣсь два исполнскія воплощенія матеріальной силы: одно во образѣ Цезаря, другое въ лицѣ Наполеона. Цезарь былъ только предтеча, равняющій путь Св. Петру и Павлу, облегчающій распространеніе христіанства. И Наполеонъ—точно такой же предтеча новаго

¹⁾ См. Listy Z. Кошк., стр. 195, письмо 1841 изъ Мюнхена:

«Мы должны войти *благородно, аристократично*, на небо (въ будущее), имѣя на себѣ гербовую печать исторіи человѣческаго рода, слѣдъ приснопамятныхъ страданій и трудовъ не знаю уже сколькохъ десятковъ тысячъ лѣтъ или вѣковъ.»

откровенія, и предтеча въ томъ смыслѣ, что своими войнами, своими передѣлами карты Европы, онъ пробудилъ національныя сознанія въ европейскихъ народностяхъ. Искусственныя построенія государственныя провалятся, челоѣчество ляжетъ въ новомъ образѣ какъ совокунность сочлененныхъ національностей. Христіанству, окристіанившему отдѣльныя души, предстоитъ преобразовать область политики и международныхъ отношеній. Религіозно-философскія идеи соединяются такимъ образомъ съ теоріею національностей, которой роль была велика въ подходящихъ смутахъ 1848 г., въ объединеніяхъ Італіи, Германіи и иныхъ движеніяхъ будущаго. Съ ожиданіями подъема національностей сочетались надежды патриота, „прошедшаго какъ Дантъ чрезъ адъ при жизни“. Его сопровождаетъ неотступно „сестра“, его Беатриче, дѣлывшая съ нимъ кѣнецъ изъ терній. Они вдвоемъ на ладѣ, среди одного изъ озеръ сѣверной Італіи, проводятъ ночь въ ожиданіи разсвѣта. Темными тучами несутся души отцовъ. Потомокъ молитъ ихъ на колѣняхъ, чтобы они ему объяснили, зачѣмъ они такъ безумно расточили жизнь и оставили въ наследіе дѣтямъ только одну громадную могилу. Отвѣчать берется гетманъ Чарнецкій. Отвѣтъ звучитъ довольно странно: „Ты не ищи вины въ предкахъ, ты не осмѣивай ихъ,—если бы они шли по стезямъ другихъ народовъ, то вы были бы такъ же бездушны, какъ тѣ народы, которые считаются въ силѣ и славѣ“. Предки не загубили Польши, они только носили идеалъ, который въ то время былъ неосуществимъ, а составляетъ задачу будущаго. Тѣни исчезаютъ, свѣтаетъ, во всей огненной красѣ восходящаго солнца является видѣніе будущаго, кривѣтствуемое гимнами самаго возвышеннаго лиризма. Это будущее—свободное, безкровное, съ подъемомъ мертвыхъ массъ народа на высоты сознанія, обходящееся безъ каръ и казней, съ уравненіемъ женщины въ достоинствѣ и правахъ съ мужчиною. Поэтъ сознаетъ, что та только молитва хороша, которая начинается гимномъ, а кончается дѣломъ и созданіемъ вокругъ себя дѣйствительности, равной по красѣ идеалу. Онъ предоставляетъ послѣ себя шѣтъ неминимымъ дѣтямъ, а самъ растворяется со словомъ и, отталкивая арфу съ тѣмъ, чтобы ее не брать уже въ руки, заключаетъ: „пропадайте мои кѣсны, вставайте мои дѣянія!“

Зарокъ, наложенный Красинскимъ на свою поэзію, не могъ быть имъ строго соблюденъ. Необходимость заставила его принять участіе въ практическихъ вопросахъ дня, и постараться дѣйствовать на современниковъ—единственнымъ орудіемъ дѣйствія, бывшимъ въ его распоряженіи, *тѣмъ*, но кѣсною, посвященною не красотѣ, а прямому дѣлу, предостерегать и удерживать своихъ соотечественниковъ отъ самой безумной затѣи, которую они когда-нибудь предпринимали. Бездѣйствіе становилось не въ терпѣжъ выходству; оно рвалось на

катастрофу, предупреждая общеевропейское революціонное движеніе, котораго признаки становились съ каждымъ днемъ примѣтнѣе. Самъ Товянизмъ былъ однимъ изъ симптомовъ срывающейся грозы, въ истину ударились одни, въ подземныя работы и заговоры другіе; между большимъ количествомъ партій въ выходствѣ рѣшительный перевѣсъ приобрѣла революціонно-демократическая, или такъ называемая *коммунистическая* (центры организаціи: Пешть и Версаль), которая поставила себѣ задачей (1844—1845) повстаніе во всѣхъ земляхъ бывшей Польши, начиная съ австрійскихъ и прусскихъ ея частей. Поднять народъ надѣялись призывомъ земельнаго надѣла; политическій переворотъ долженъ былъ осуществиться посредствомъ социальнаго, то-есть посредствомъ убѣченія верхняго культурнаго слоя общества, всѣхъ помѣщиковъ, всей шляхты, точь-въ-точь пропагандисты начитались рѣчей Панертія въ „Небожественной Комедіи“. Пропаганда имѣла свою печать, въ которой ѣдкостью и тонканиемъ въ грязь всего прошлаго сызномъ отличались брошюры подъ именемъ *Правдоосказаніе* (*Prawdy żywotne*, Бриссель 1844; *Katechizm demokracji*, Парижъ 1845), настоящимъ авторомъ которыхъ былъ Генрихъ Каменскій. Тифозные миазмы этой пропаганды заражали воздухъ; они дѣйствовали даже на людей, совсемъ непричастныхъ подземнымъ работамъ „централизаціи“, но мало образованныхъ политически, наприимѣръ на Словацкаго, которому, по его живому воображенію и революціонному темпераменту, явился самый процессъ революціи, точно красивый огонь пожара, и который не находилъ ничего удивительнаго въ томъ, что стодитъ появиться восамъ, воткнутымъ на древки, и раздаться пѣснѣ, чтобы развалились Іерихонскія стѣны современныхъ государствъ. — Совершенно противоположное дѣйствіе должна была произвести также пропаганда на Красинскаго, который проводилъ осень 1844 г. въ Варшавѣ и въ которому явился какой-то апостолъ-эмигрантъ, предлагая вступить въ тайное общество, имѣвшее цѣлью революцію съ употребленіемъ шпалы. Характеръ политическихъ убѣжденій Красинскаго былъ съ давнихъ поръ совершенно опредѣленный. Его образъ мыслей остался въ этомъ отношеніи неизмѣннымъ. Вотъ что писалъ онъ еще въ 1837 (*Listy Kras.*, стр. 37): „Дворянству присуще могущество, завалъ, то, что составляетъ богатырскій элементъ въ народѣ. — Геройства не найдешь въ юристахъ, въ купцахъ и работникахъ, но только въ дворянствѣ и въ простонародіи (мужиковомъ),— вотъ почему во всё времена дворянство шло отъ сохи и пашни, а не отъ мостовой и ремня. Въ простомъ мужикѣ зародится всѣхъ величій. Этотъ зародышъ, послѣ того, какъ онъ очистится отъ земляныхъ частицъ, сохранивъ твердость и блескъ жемчуга, именуется дворянствомъ. Въ немъ поэзія. Развѣ можно написать поэму объ эписерьѣ? нѣтъ, развѣ только комедію или фарсъ“.

Красинскій сразу постигъ, что ему предлагаютъ коушеніе на національное самоубійство. Тогда же были имъ написаны „Три Псалма“ (Вѣры-Надежды-Любви), появившіеся въ 1845 г. въ Парижѣ, подъ псевдонимомъ Спиридїона *Правдзицкаго*, изъ которыхъ особенно важное значеніе имѣлъ послѣдній, то-есть „Псаломъ Любви“. Красинскій ставилъ вопросъ менѣе рѣзко, чѣмъ въ „Разсвѣтѣ“, не отрицалъ историческихъ грѣховъ, лежащихъ на своемъ народѣ, но утверждалъ, что рѣзня—ребячество и безуміе и совѣтовалъ „бросить гайдамацкіе ножи“.

Когда, такимъ образомъ, одинъ изъ вѣщихъ пѣвцовъ въ Христовомъ духѣ кинулся какъ консерваторъ противъ теченія, которое онъ не безъ основанія считалъ пагубнымъ и роковымъ, другой, въ Христовомъ тоже духѣ мистикъ и революціонеръ, не вытерпѣлъ и пустилъ въ ходъ пѣснь, предназначенную на то, чтобы разжигать страсти и осмѣять всякую сдержанность, всякое благоразуміе. Словацкій никогда не привязывался къ людямъ, а только къ мечтамъ съ Красинскимъ его разлучилъ Товянникъ. Вскорѣ потомъ онъ еще больше охладѣлъ къ другу, вслѣдствіе аристократической женитьбы Красинскаго по настоянію отца и вопреки сердечному влеченію къ женщинѣ, которую онъ въ „Разсвѣтѣ“ возвелъ на таковой пьедесталъ. Въ самомъ „Разсвѣтѣ“ были несомнѣнно мѣста, исполненныя благоговѣйнаго почитанія отцовъ, которые не могли не раздражать Словацкаго. Любопытный примѣръ накоплявшагося неудовольствія сохранился въ посмертной драмѣ Словацкаго *Nieroprawni* (3-й томъ, стр. 97—193), весьма странномъ произведеніи, въ которомъ красивую и блестящую роль играетъ русскій майоръ изъ Черкесовъ, Владиміръ Гавриловичъ, а некрасивую—подольскіе помѣщики, въ домахъ которыхъ ищетъ себѣ партію богатый графъ Фантазіи Дафинцкій, за комъ, какъ тѣнь, слѣдуетъ разведенная съ мужемъ сентиментальная графиня Идалия. Дафинцкій говоритъ высокимъ слогомъ, что ни слово, то поэтическая фигура или воспоминаніе объ Италіи, о Римѣ, о Коллизеѣ; онъ даже и называетъ графиню Идалию—своею Беатриче. Вся драма не что иное, какъ въ карриатурѣ представленное отношеніе двухъ короткихъ знакомыхъ. Но не она произвела разрывъ и дала поводъ къ поэтическому единоборству. Прекращены были прежнія сношенія распространеніемъ стихотворенія: *Къ асторы трезъ псалмоу* ¹⁾. На нѣжную дружбу прошлыхъ лѣтъ поставленъ крестъ, извѣстѣйшими стрѣлами сарказма пронизанъ испугавшійся дѣла „сынъ шляхетскій, пославшій вѣщія рѣшмы попарно рысцою и усадившій въ колесницу Христа, какъ Овидій Фаэтона“... „Кто тебѣ при-

¹⁾ Оно было напечатано противъ воли автора и съ грубѣйшими ошибками въ 1848 г., когда Словацкій сильно уже раскалывался въ его написаніи.

грозилъ ножомъ? Можетъ, тебѣ приснилось Запорожье? Можетъ, съѣтъ проходилъ черезъ красныя гардины твоихъ оконъ, а тебѣ почудилась кровь, такъ что ты закричалъ: не рѣжьте шляхты. Я имѣлъ то смиреніе, что не проклиналъ ни одного движенія. Не думай, чтобы Божія мысль являлась только съ ангелами; иногда Богъ родитъ ее въ крови, а иногда посылаетъ черезъ Монголовъ". Словацкій возвѣщалъ ясневельможному пану, пишущему стихами, похожими на жемчужные, что шляхты нѣтъ, что она давно извелась, что онъ считаетъ Красинскаго вреднымъ тормозомъ, гнетущею формою, которую необходимо сокрушить. — Раньше чѣмъ можно было ожидать, судьба рѣшила, кто правъ изъ двухъ противниковъ и кто жестоко ошибается... Въ февралѣ 1846 г. прусское правительство пресѣло заговоръ до вспышки; въ Галиціи вспышка повела только къ тому, что разнузданная повстанцами стихійная сила — мужикъ, — помогла власти подавить мятежъ: мѣстные помѣщики были перерѣзаны; кровавая расправа, случившаяся даже и не въ русинскихъ мѣстностяхъ, а въ сплошно Поляками населенномъ Тарновскомъ округѣ, была грознымъ, хотя вполнѣ безплоднымъ предостереженіемъ, даннымъ польской интеллигенціи, о томъ, что она пошла по ложному пути. Не въ прокъ этой интеллигенціи пошли и общеевропейскія смуты 1848 года. Обѣ жестокія неудачи нѣмого не остановили, ничему не научили. Силою инерціи, съ тѣхъ поръ вплоть до окончательной катастрофы 1863 г., всѣ практическія усилія народности были направлены къ реставраціи, становившейся съ каждымъ годомъ болѣе и болѣе невозможною, причемъ движенію этому арсеналомъ служила рѣзко-повстанческая литература нѣждатыхъ и сороковыхъ годовъ. Но корифеи этой литературы были послѣ событій 1846 и 1848 жестоко, въ самое сердце, поражены, извѣрились, приуныли и, походя больше на тѣни прошлаго, нежели на другихъ людей, сходили малозамѣтнымъ образомъ въ могилу. Мы знаемъ конецъ жизни Мицкевича, остается сказать немногое о Словацкомъ и о Красинскомъ.

Послѣ событій 1846 г. Словацкій сильно упалъ духомъ, раскаялся и написалъ къ Красинскому письмо, если не извинялся прямо, то объясняя свой образъ дѣйствій, ссылаясь на нѣжныя чувства любви и требуя по крайней мѣрѣ уваженія къ себѣ (Małeski, II, 312). Письмо дышало мистицизмомъ, какъ все, что выходило съ 1842 г. изъ-подъ пера Словацкаго. Корреспонденція съ Красинскимъ возобновилась, но отношенія были холодныя, не задушевныя, какъ въ былыя времена. Среди сильнѣйшей революціонной суматохи Словацкій съѣхался на одну недѣлю съ матерью въ Броцлавъ (іюнь, 1848), вернулся во Францію, сильно занемогъ въ началѣ 1849 и угасъ въ Парижѣ 3 апрѣля 1849 года, на рукахъ пріятели послѣднихъ дней, тогда еще студента Фе-

лиса (сына Алоязія) Фелинского (впоследствии архіепископа Варшавскаго). Умирая, Словацкій былъ почти незнаваемъ: прежнее самолюбіе и гордость его оставили, онъ сталъ безвѣрно тихъ и скромнѣе, высокій полетъ мыслей уступилъ мѣсто инымъ мечтаніямъ, замечательнѣе чуждымъ доселѣ поэту, практическимъ реализмомъ, заботами о бѣднякахъ, о крестьянахъ, объ ихъ освобожденіи и отмиѣнѣ барщины. Онъ стыдился своихъ юническихъ „байроновскихъ мажандолій“. Въ бумагахъ его осталось поэтическое духовное завѣщаніе, лучший портретъ его жизни и характера. Извлекаемъ изъ него слѣдующія строфы:

„Я жилъ съ Вами, терпѣлъ и плакалъ; никогда не былъ я равнодушнѣе къ благородному. Нынѣ я покидаю васъ и иду въ мракъ съ духами, иду печальный, какъ будто бы здѣсь было счастье.

„Не оставилъ я наслѣдника ни имени моему, ни лютиѣ. Имя мое прошло какъ молнія и пройдетъ пустымъ звукомъ черезъ поколѣнія.

„Но вы, знавшіе меня, передайте, что отчизнѣ посвятилъ я мои молодые годы, что пока корабль сражался, я сидѣлъ на мачтѣ, а когда тонулъ—и я погрузился въ воду съ кораблемъ.

„Когда-нибудь, размышляя о печальныхъ судьбахъ моей отчизны, долженъ будетъ всякій благородный человѣкъ признать, что плавецъ, носимый моимъ духомъ, былъ не вымоленный, но сіялъ красною монхоу дамныхъ предковъ...

„Заклинаю васъ: да не теряютъ надежды живые, да несутъ предъ народомъ фавель просвѣщенія, а когда нужно, да идутъ на смерть по очереди, точно камни, кидаемые Богомъ на постройку укрѣпленія.

„Что до меня касается, то я оставляю маленькую дружинну изъ полюбившихъ мое гордое сердце и знающихъ, что я сослужилъ тяжелую, суровую Божью службу и рѣшился имѣть неоплакиваемый гробъ.

„Кто же другой согласился-бы такъ идти безъ рукополюсканій, имѣть мое равнодушіе для свѣта, быть ворччимъ духами выполненной ладьи и тихо отойти, какъ отлетающій духъ?

„Но послѣ меня останется та ровная сила, которая мнѣ живому ни на что не годилась, а только украшала; но послѣ смерти моей будетъ васъ давить невидимая, пока не превратитъ Васъ, ѣдоковъ хлѣба, въ ангеловъ“.

Еще печальнѣе, но продолжительнѣе и мучительнѣе былъ конецъ жизни аристократическаго Юліева сверстника, Красинскаго. Слабый и болѣзненный его организмъ безусловно зависѣлъ отъ душевныхъ состояній;—послѣ 1848 въ немъ развились всевозможныя болѣзни: аневризмъ, расстройство нервовъ, глазныя страданія, онъ посѣдѣлъ, и въ 34 года сдѣлался почти дряхлымъ старикомъ. Послѣдніе годы были непрерывною почти агоніею трудно отходящаго человѣка. Тревожнѣйшія его опасенія, преслѣдовавшія его какъ коммари, превзойдены дѣй-

ствительностью. Никто не могъ уже обвинять его въ томъ, что онъ своимъ слащавымъ заоблачнымъ идеализмомъ помогалъ будто-бы только фарисеямъ и обезсиливалъ народъ въ минуту дѣйствія, внушая ему мученическій, безропотный, неподвижный квіетизмъ. Вихрь событій увезъ все идеальное, національныя движенія перепутались съ социальными, ступевалось все промежуточное и столкнулись въ бѣшеной борьбѣ двѣ безусловныя и безпощадныя силы: бѣлая реакція и красный революціонизмъ; послѣдній гораздо ненавистнѣе для Красинскаго, нежели первая. Свѣтлую ризу грядущей отчизны загрязнили безчинствами грязныя руки анархистовъ. Въ шумѣ событій поэту слышались звуки адской пѣсни, которыя онъ такъ передаетъ въ *Сегодняшнемъ Днѣ*: „Мать твоя—привракъ падшаго своеволия, а братья твои—прахъ, истлѣвающій въ гробу. Жизнь твоя ушла на то, чтобы гордо агонизировать или чтобы лить прайдныя слезы на пашнѣ ничтожества. Народъ твой достался другому на пищу и возобновленіе крови. Наслѣдіе твоихъ предковъ врагъ превратилъ въ смерть и тлѣніе; онъ этою смертью обновить жизнь, потому что возьмется рѣшать задачу будущаго, которую вамъ не было дано рѣшить. Онъ ее разсѣчетъ, пошпая ваши кости. Усните на вѣки: вамъ ночь, ему утро“. — „Заволоклося на долго, — писалъ онъ въ 1848 (Prz. polski 1877, янв. 112), — намъ не уврѣтъ конца; невѣдомо какъ, и отъ чьихъ рукъ погибнемъ.“ Одно только для него ясно, что въ такихъ грозахъ, какъ настоящая, ни одинъ софізмъ не устоитъ и *наиблагороднѣйшій* въ концѣ-концовъ побѣдитъ. Безъ этой вѣры, я бы, — говоритъ онъ, — издохъ (110). Онъ самъ себя опредѣляетъ словами: *spesavit contra spem*. Въ февральскую революцію онъ отъ начала до конца не вѣрилъ, и когда Мицкевичъ пріѣхалъ въ Римъ образовать легіоны въ 1848, Красинскій писалъ: „прежній любимецъ нашъ рѣзалъ мнѣ сердце и разстраивалъ нервы въ теченіе двухъ мѣсяцевъ“; но когда Мицкевичъ умеръ, то Красинскій его оплакиваетъ: „онъ былъ для моего поколѣнія молоко и медъ, желчь и кровь. Мы отъ него всё. Онъ насъ увлекъ на высокой волнѣ вдохновенія и бросилъ въ свѣтъ. Столѣтъ онъ огромный, хотя надтреснутый“ (стр. 113). Хотя съ Словацкимъ состоялось примиреніе, но въ 1848 г. появился *Psalm żalu* съ суровымъ опроверженіемъ софізмовъ, содержащихся въ пьесѣ: „Къ автору трехъ псалмовъ“. Какъ глубоко ранено было сердце Красинскаго Словацкимъ, видно изъ того, что уже по смерти Словацкаго, сочиняя 1850 — 1851 въ Римѣ „Неоконченную поэмъ“, Красинскій вывелъ въ ней Словацкаго подъ именемъ Юлинича въ видѣ пророка демагога, на службѣ и послыгахъ у положительнаго революціонера и уравнителя Панкратія. Творчество въ Красинскомъ ослабло — и послѣ 1851 почти совершенно прекратилось. За весь остатокъ его жизни съ 1846 по 1859 годъ приходится пять псалмовъ (*Żalu, — Dzień dzisiejszy, — Ostatni,*

—*Resurrecturis*,—*Psalm dobrej woli*). Тарновскій считаетъ „Псаломъ доброй воли“ (1848) вънцомъ поэзіи Красинскаго, не только лучшимъ его произведеніемъ, которому уступаетъ даже *Razsiewtę*, но и послѣднимъ словомъ великой поэзіи польской, въ періодъ полнаго ея процвѣтанія, который начался 1822 „Гражиною“ и „Дзядами“ и достойно закончился 1848 *Псалмомъ Доброй Воли*, послѣ 26 лѣтъ, изъ которыхъ каждый почти отмѣченъ первостепенной красоты произведеніями. Красинскій рѣдко и только по необходимости пріѣзжалъ въ Варшаву или гостилъ въ имѣніяхъ отца, къ женѣ былъ довольно равнодушенъ, дѣтей нѣжно любилъ. Въ ноябрѣ 1858 умеръ его отецъ, Викентій, съ которымъ ни въ чемъ почти онъ не сходился, ни въ идеяхъ, ни въ чувствахъ, а въ 1859, 29 февраля, скончался въ Парижѣ и самъ Сигизмундъ Красинскій, младшій и послѣдній изъ трехъ великихъ свѣтилъ великаго періода. Триада поэтовъ была окружена въ дѣйствительности множествомъ спутниковъ и мелкихъ свѣтилъ выходства, которыхъ слѣдуетъ отмѣтить прежде, чѣмъ перейти къ неказистой доморощенной литературѣ тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ.

Главные спутники трехъ полубоговъ польской литературы были уже названы, но не всѣ, такъ что слѣдуетъ дополнить этотъ списокъ.

Наполеоновскій солдатъ и одинъ изъ виленскихъ „шубравцевъ“ Антонъ Горецкій (1787—1861), выходецъ съ 1831 г., писалъ басни, эпиграммы, мелкіе стихи, побывалъ съ Мицкевичемъ въ Товянизмѣ, но скоро возвратился въ лоно церкви. Товянизмъ былъ причиною разрыва Мицкевича съ другимъ еще сподвижникомъ его въ выходствѣ, Степаномъ Витвицкимъ (1801—1847), авторомъ „Вечеровъ Странника“ (1837 и 1842), повѣстей и стихотвореній въ романтическомъ духѣ.—О остающемся въ живыхъ, почти послѣднемъ изъ друзей юности Мицкевича, Эдуардъ-Антонъ Одынецъ было уже упомянуто. Онъ былъ моложе Мицкевича 6 годами (род. 1804) перевелъ множество первоклассныхъ произведеній западно-европейской литературы, издавалъ газеты, пытался писать оригинальныя драмы (Фелицита, 1849, Барбара Радзивилъ, 1858, и Юрій Любомірскій, 1861), но съ малымъ успѣхомъ, а оказалъ большую услугу изданіемъ своихъ „Путевыхъ писемъ“ (*Listy z podróży. Warszawa, 1875—1878*), передающихъ мельчайшія подробности его общенія съ Мицкевичемъ въ Вильнѣ, Петербургѣ и за границею до ноябрьскаго повстанія 1830 г. Къ сожалѣнію, въ этихъ письмахъ не различить писаннаго во время путешествія отъ позднѣйшихъ вставокъ и прибавокъ. Одынецъ издавалъ съ 1840 по июнь 1859 г. въ Вильнѣ правительственный „Виленскій Вѣстникъ“, а съ 1865 поселился въ Варшавѣ. Поклонявшійся Мицкевичу, Одынецъ состоялъ въ то же время въ самыхъ тѣсныхъ дружескихъ и литературныхъ отношеніяхъ къ романтику Юліану

Курсаку (1807—1855) и Игнатию Ходзькѣ (1794—1861), классику, который издалъ съ 1840 г. нѣсколько серій „Картинокъ Литовскихъ“ изъ литовской старины, и въ нихъ идеализировалъ прошлое въ духѣ той школы романистовъ, которой корифеемъ явился въ тоже время Генрихъ Ржевускій. Къ числу друзей и послѣдователей Мицкевича принадлежить и Александръ Ходзько (род. 1804), занимающій съ 1859 г. катедру славянскихъ литературъ въ Collège de France (послѣ Сиприена Робера). Съ именемъ Сигизмунда Красинскаго неразрывно связанъ поэтъ и нувеллистъ Константинъ Гашиинскій. Изъ поэтовъ-украинцевъ въ эмиграціи очутились, кромѣ Богдана Залѣскаго, двое: одинъ талантливый лирикъ и эпикъ Тома Олизаровскій (1811—1879), авторъ „Заверухи“ и другихъ произведеній, изъ которыхъ часть только издана 1852 г. (въ Вроцлавѣ, въ 3 т.), а прочія остались въ рукописи; и другой, Михаилъ Чайковскій (род. 1808), принявшій въ послѣдствіи исламъ и имя Садика-паши, писатель довольно плохихъ украинскихъ повѣстей, пользовавшихся однако въ свое время большою извѣстностью.

Мы видѣли, какъ литературное возрожденіе Польши въ національномъ духѣ, на широкой религіозной подкладкѣ, дошло до кризиса, слѣдуя по болѣе или менѣе ошибочнымъ путямъ. Чѣмъ сильнѣе становился острый кризисъ болѣзни, тѣмъ больше и больше выросло цвѣтовъ, хотя и красивыхъ, но вредныхъ и ядовитыхъ. Почва общественная, послѣ великаго крушенія, не могла не располагать въ тому, чтобы вслиывала свободно наружу вся гниль прошедшаго, магнатство, ослabiaющее свой потерянныи рай, клерикализмъ, отрицающій разумъ, его права и всякую свободу мышленія. Ближайшимъ средствомъ явие реакціонной пропаганды могъ быть старопляхетскій эносъ, артистическое воспроизведеніе святаго прошедшаго, не только въ его похвальныхъ чертахъ, какъ сдѣлалъ Мицкевичъ въ „Панѣ Тадеушѣ“, но и въ грубѣйшихъ заблужденіяхъ и порокахъ. Всѣ элементы темнаго царства соединилъ въ себѣ талантливый человекъ, имѣвшій связи съ эмиграціею, но котораго настоящіе корни были въ прежде польскихъ, нынѣ русскихъ областяхъ, графъ Генрихъ Ржевускій, достигшій въ сорочникъ годахъ громаднаго и почти неоспариваемаго господства надъ умами современниковъ. Его имя уже появлялось на предыдущихъ страницахъ: онъ былъ спутникомъ Мицкевича въ его крымскомъ путешествіи и знакомымъ его въ Петербургѣ и въ Римѣ въ теченіи двухъ лѣтъ 1829—1831.

Генрихъ Ржевускій ¹⁾ родился въ Славутѣ, Волын. губ., въ са-

¹⁾ Piotr Chmielowski, Henryk Rzewuski, studium literackie. «Niwa», 1877, № 68—72; 1878, № 73—78.

ный день провозглашения конституции 3 мая 1791, что дало повод остроумному замечанию, что в день рождения конституции родился и злейший ее противник. Родъ Ржевускихъ былъ, въ полномъ смыслѣ слова, магнатскій; отецъ его, Адамъ-Лаврентій, въ юныхъ лѣтахъ Барскій конфедератъ, а потомъ витебскій кастелянъ и Тарговицанинъ, сдѣланъ, послѣ наденія Польши, русскимъ сенаторомъ и губернскимъ предводителемъ дворянства. Молодой Генрихъ провелъ первые годы у бабки, въ Минской губерніи, и вслѣдствіе того выдавалъ себя всегда за кровнаго Литвина. Уже тогда славились, какъ учебныя заведенія, виленскій университетъ и кременецкій лицей, но въ очень аристократическихъ кругахъ оба разсадника просвѣщенія считались зараженными вольтеріанствомъ и фармазонствомъ; руководящими свѣтилами признаваемы были Бональдъ и де-Местръ. Генрихъ Ржевускій пробылъ самое короткое время въ кармелитской школѣ въ Бердичевѣ, учился дома у abbé Garnier, потомъ въ Петербургѣ, въ пансіонѣ іезуита Николая; въ 17 лѣтъ онъ уже былъ готовъ, пробылъ годъ въ польскихъ уланахъ 1809 г., вышелъ съ чиномъ подпоручика, неизвестно, гдѣ былъ и что дѣлалъ въ 1812, вѣроятно сидѣлъ въ Петербургѣ, къ этому времени относится его личное знакомство съ сардинскимъ посланникомъ Жюв. де-Местромъ. Съ 1817 начались его праздныя скитанія безъ опредѣленной цѣли за границею по всей западной Европѣ, прерываемыя частыми возвращеніями въ Россію. Въ 1822 онъ слушалъ въ Парижѣ курсы Кузона и Вильмена, которые обогатили его знанія и развили его діалектическія средства, но не измѣнили образа мыслей, основаннаго на безусловномъ подчиненіи авторитету. Ржевускаго привлекали къ себѣ больше всего богословы и мистики, съ которыми онъ былъ въ самомъ живомъ общеніи: Грабянка, Пошманъ, Олешевичъ. Въ 1826 Ржевускій женился и почти четыре года (1829 — 1832) провелъ въ Италіи, въ томъ числѣ двѣ зимы въ Римѣ, въ обществѣ Мицкевича, которому онъ и обязанъ пробужденіемъ своего литературнаго таланта. Ржевускій былъ сильный спорщикъ и неопытный разказчикъ. Мицкевичъ посоветовалъ ему однажды писать, предсказывая, что онъ сдѣлается великимъ писателемъ. Ржевускій передаетъ начало своихъ литературныхъ опытовъ нѣсколько иначе и говоритъ, что, работая въ Ватиканской библіотекѣ, онъ шутя сочинилъ нѣсколько разказовъ стариннаго слога челоуѣка прошлаго столѣтія, кунтушоваго любителя старины.—Разказчикъ былъ лицо вымышленное—Северинъ Соллица, Парнавскій Чесникъ, когда-то Барскій конфедератъ, побывавшій и въ русскихъ тюрьмахъ, слуга и приверженецъ Карла Радзивила „Пане-коханку“. Разказы идутъ одинъ за другимъ, безъ цѣльности и связи, точно настоящія записки, нравственный центръ которыхъ составляютъ

Барская конфедерація и литовскій идолъ, какъ самое типическое, возведенное въ идеальное изображение старины. Ржевускій былъ большой баринъ, вовсе и не думавшій о литературныхъ лаврахъ; этикъ и объясняется, что съ 1832 по 1839 рукопись его пролежала безъ опубликованія и напечатана она была съ предисловіемъ Вятвицкаго въ Парижѣ, чуть ли не противъ воли автора, по рукописи, привезенной изъ Рима, между тѣмъ какъ авторъ, вернувшись на родину, исправлялъ выборную должность предводителя дворянства житомирскаго уѣзда ¹⁾. Неописанный восторгъ, съ которымъ приняты были эти карандашные наброски, объясненъ будетъ впоследствии. Въ духѣ тогдашняго времени лежало художественное воссозданіе недавней старины. „Воспоминанія Солицы“ читаемы были на расхватъ, безъ критики, какъ произведеніе, изображающее самую подлинную истину, какъ настоящія записки. Оспаривать точность фактовъ, отыскивать пятна въ прошедшемъ значило, по тому времени, быть не-патріотомъ, сдѣлаться чуть не измѣнникомъ народному дѣлу. Надобно признаться, что „Воспоминанія“ подкупали читателя тѣмъ, что Чесникъ Парнавскій страдалъ за отечество въ смоленской тюрьмѣ (XI), что онъ мечтаетъ и о народной самостоятельности (XVII), готовъ даже смерть пріять за конституцію 3 мая (XIX), что онъ даже предсказываетъ величіе грядущаго поколѣнія (St. Rzew.) и неизбежность новыхъ условий для жизни общества (Król Stan.). Правда, что, дѣлая эти уступки, панъ Чесникъ по всѣмъ вопросамъ общественнымъ высказываетъ ретрограднѣйшія сужденія, но такъ, повидимому, и слѣдовало: человекъ прошлаго не могъ не быть ретроградомъ среди настоящаго. Прошлое онъ изображалъ не все, а только его сторону шумную, удалую, захватскую, но съ такою поразительною правдою, что, благодаря искусству, нравилась и увлекала жизнь прошлаго, даже въ ея грубой, хотя и простодушной деморализаціи, батоги, прохаживающійся по спинѣ всякаго, хотя бы и взрослого сына, выдача замужъ дочерей безъ спроса согласія,—религія, сведенная до значенія безмысленно проносимыхъ молитвъ и совершаемыхъ обрядовъ, сервиллизмъ по отношенію къ магнатамъ, несмотря на пресловутое будто бы равенство шляхтичей съ воеводою. Солица ставитъ себѣ въ заслугу, что защищалъ неправо дѣло своего господина князя Радзивила, жертвуя своимъ убѣжденіемъ. Всякимъ поползновеніямъ къ самостоятельности полагало конецъ замѣчаніе: „тебѣ платять, ты ѣшь хлѣбъ князя, да притомъ и вкусный“ (IV и XV). Критика была озадачена и одинъ изъ ея корифеевъ, Грабовскій, провозгласилъ, что „Воспоминанія“—книга просто гениальная; которая

¹⁾ Pamiętki P. Seweryna Soplicy, 4 тома; тоже, переделанное въ виду требованій русской цензуры: P. starego s. szlachcica litewskiego. Wilno 1844—1846.

дасть то, чего не дали намъ ни классицизмъ, ни романтизмъ, а именно, что она — живое и искреннее народное преданіе.

Громадный и превосходящій заслуги сочиненія, успѣхъ „Воспоминаній“ вскружилъ Ржевускому голову и далъ ему превратное понятіе о его дарованіи. Въ Ржевускомъ сошлись, можно сказать, два лица: великій эпикъ, въ весьма тѣсномъ кругу творчества, живописующій только людей XVIII вѣка, притомъ консерваторовъ, враговъ реформы, и желчный резонеръ-моралистъ, не только осуждающій все настоящее, всѣ его начинанія и надежды, но и находящій особенное удовольствіе въ осмѣяніи всего считаемаго прогрессивнымъ, щеголяющій своимъ абсолютнымъ ретроградствомъ. Художественное въ своихъ произведеніяхъ онъ подчинялъ правоучительному и считалъ себя гораздо больше философомъ, чѣмъ новеллистомъ. Тотчасъ послѣ появленія „Воспоминаній“, у него была готова (1840) рукопись объ исторіи цивилизаціи, которой руководящая мысль—та, что народъ не можетъ одновременно воплощать повсюду и внутренно (въ политическихъ дѣяніяхъ, обычаяхъ, законахъ) и внѣшне (въ литературѣ); что внезапное появленіе богатой содержаніемъ литературы есть признакъ смерти либо народа, либо той политической формы, которая обуславливала жизненность поэтическую этого народа. Литература выросла какъ испарисъ на могилѣ; могила эта поглотила народъ вслѣдствіе того, что онъ самъ, посредствомъ реформы, посягнулъ на себя, разрушилъ свою жизненную старопляхетскую форму быта. Нѣкоторое время кипарисъ этотъ будетъ красоваться, затѣмъ послѣдуетъ смерть и самой литературы; она обратится въ пшцу другихъ литературъ. Въ концѣ-концовъ проповѣдывался фаталистическій отказъ отъ малѣйшихъ надеждъ на дальнѣйшее національное существованіе. Этихъ выводовъ Ржевускій при жизни не печаталъ (по смерти вышли отрывки: *Próbki historyczne*, 1868, съ предисловіемъ Волеславны, т. е. Крашевскаго). Но увлекаемый страстью поучать, Ржевускій далъ волю своему сатирическому настроенію и издалъ въ Вильнѣ 1841—1843 въ двухъ томахъ: *Mieszczaniny obuszczone przez Jagosza Wejłę*, въ которыхъ изобразилъ, въ самыхъ черныхъ краскахъ, общество польское, по его волынскимъ образцамъ, т. е. помѣщиковъ, ихъ невежество, погоню за наживой, недостатокъ стойкости въ убѣжденіяхъ, развратъ и т. под. Ни эта книга, ни другіе позднѣйшіе сатирическіе опыты, напр. *Raź złotowłosu*, въ которомъ, въ вымышленной Царствѣ „Скотостанъ“, онъ представилъ, подъ именемъ Вабакама, генераль-губернатора Библикова и его отношенія къ мѣстному дворянству, не имѣютъ прочныхъ достоинствъ, которыя бы обезпечили за ними долгую память. Ржевускій стоялъ внѣ общества, которое описывалъ, ни въ чемъ съ нимъ не сходился, а потому изъ-подъ пера его выходили каррикатуры, но не живыя лица. Яронъ Вейла никого не на-

училъ, а только раздражалъ множествомъ задирающаго свойства тезисовъ, въ числѣ которыхъ красовались и такіе: „Герои колонизации были настоящіе демократы. Настоящій демократъ—тотъ, кто требуетъ раздѣла по ровну имущества, притомъ повтораемаго чрезъ нѣсколько лѣтъ. Умѣренная демократія—абсурдъ“, и т. под. Вскорѣ потомъ попытка полученія легкаго барыша, отдача имѣнія въ залогъ по подрадамъ, поставила Ржевускаго въ самое затруднительное положеніе и заставила его переселиться въ 1849 г. въ Петербургъ, гдѣ тотчасъ онъ вошелъ въ литературный кружокъ подходящей масти, то-есть ретрограднѣйшаго свойства, распространявшій широко, безпренятственно и почти безъ возражателей, среди общественнаго безмолвія въ сороковыхъ годахъ, свои идеи клерикально-шляхетскія. Польская журналистика находилась еще въ зародышѣ. Съ началомъ 1841, сталъ выходить въ Варшавѣ старѣйшій помѣсячный журналъ *Biblioteka Warszawska*, донинѣ существующій; въ томъ же году молодой, подававшій большія надежды писатель Игнатій-Иосифъ Крашевскій, живя въ Волынской губерніи, сталъ издавать въ Вильнѣ сборникъ по 6 книжекъ въ годъ, озаглавленный *Athenaeum*, который онъ на своихъ, можно сказать, плечахъ пронесъ цѣлыя 11 лѣтъ, исправляя обязанности редактора, секретаря, переписчика, сотрудника и даже капиталиста-издателя. Съ 1830 года въ Петербургѣ имѣлся также самостоятельный польскій органъ *Tygodnik petersburgski*, официальная газета Царства Польскаго, — выходившая дважды въ недѣлю, подъ редакцію Иосифа Пржедлавскаго. Его сильно поддерживалъ вліятельный человѣкъ, вышедшій въ люди изъ бѣдняковъ, силою воли и умомъ, Игнатій Головинскій (1807—1855), ректоръ духовной академіи, а съ 1851 митрополитъ римско-католическихъ церквей въ имперіи, переводившій Шекспира, довольно впрочемъ неудачно, подъ псевдонимъ Кефалинскаго, и пробовавшій писать драмы, легенды, повѣсти, записки подъ именемъ Жюготы Костровца. Имъ помогали новеллистъ средней руки, полковникъ Людвигъ Штырмеръ, присылали статьи Крашевскій и Грабовскій. Когда въ этотъ ареопагъ вступилъ Ржевускій, то скорѣе сталъ онъ первымъ лицомъ и-внесъ въ кружокъ всю нетерпимость и всю намѣренно-скандализирующую рѣзкость своихъ крайнихъ ретроградныхъ убѣжденій. Онъ сталъ главнымъ писателемъ *Tygodnika* и помѣстилъ въ немъ прежде всего свой лучшій романъ „Ноябрь“ (*Listopad*, 1845 и 1846), исторію двухъ братьевъ Стравинскихъ, изъ которыхъ одинъ воспитанъ по французски и состоялъ въ числѣ приближенныхъ короля Понятовскаго, другой—человѣкъ стараго покроя и слуга радзивилловскаго дома Первый увозитъ невѣсту брата и кончаетъ самоубійствомъ, второй поступаетъ въ Варшавскіе конфедераты, участвуетъ въ покушеніи на похищеніе короля, за что и подвергается разстрѣлянню. Два общества сопоставле-

ны и изображены не въ видѣ отрывочныхъ эскизовъ, но цѣльно, обдуманно и довольно безпристрастно; однако публика была уже возстановлена противъ Яроша Вейлы, несчастныя приписки подъ текстомъ задирающаго и вызывающаго свойства, которыми Ржевускій изощрилъ свое произведеніе, еще болѣе озлобили ее, критика оказалась для него далеко не снисходительною. Еще меньшимъ успѣхомъ пользовались позднѣйшія повѣсти Ржевускаго, „Краковскій замокъ“, „Шмигельскій“, „Лиздейко“ и другіе, которыя содержатъ повторенія уже прежде выведенныхъ типовъ и обнаруживаютъ малое знакомство со стариною вѣдъ предѣловъ XVIII вѣка. Великая гордыня надменныхъ умовъ, засѣвшихъ въ „Тыгодникъ“, отталкивала отъ нихъ. Крашевскій отвернулся. Съ Ржевусскимъ полемизировали даже такіе рьяные и искренніе католики, какъ всендѣзъ Станиславъ Холоневскій, дальній его родственственникъ и римскій знакомый (1792—1846), талантливый авторъ философскихъ повѣстей, направленныхъ противъ увлеченій романтизма („Sen w Podhoczach“, 1842). Между тѣмъ, какъ болѣе извѣстные люди сторонились, противъ кружка „Тыгодника“ и его нападеній на разумъ вооружились молодые люди совершенно неизвѣстные, основавшіе въ Петербургѣ сборникъ „Звѣзду“ (Gwiazda, 1846), которая потомъ переведена въ Кіевъ (въ 1847—49): то были большею частью гегельянцы и послѣдователи Трентовскаго, хотѣвшіе понимать христіанство свободнѣе по своему (Зенонъ Фишъ, Альбертъ Марциновскій, Антонъ Новосельскій; псевдонимы ихъ: Падалица, Грифъ и Долыга). Тонъ полемики былъ заносчивый и грубый; она отличалась искренностью, но полемизировавшіе не имѣли ясныхъ понятій и достаточной стойкости въ убѣжденіяхъ. Съ петербургскимъ кружкомъ не безопасно было спорить; изданіе „Звѣзды“ было превращено въ угоду имъ, по распоряженію цензуры. Наступили событія 1848 г., повліявшія на литературу внутри имперіи самымъ роковымъ образомъ. Не только усилилась строгость цензуры и уменьшился интересъ публики къ литературѣ, такъ, что „Варшавская Библіотека“ поколебалась, а Крашевскій долженъ былъ закрыть послѣ 1851 г. „Атеней“ по недостатку подписчиковъ, но что важнѣе, опустили руки у людей прогресса, потому что у нихъ (какъ и у русскихъ западниковъ въ родѣ Грановскаго) потрясена была вѣра въ силы европейской цивилизаціи, отъ которой почерпаема была, главнымъ образомъ, умственная пища для народа. Была еще одна чувствительная потеря: зачахло нѣжное, чуть-чуть почкующее растеніе польской философіи, а вмѣстѣ съ тѣмъ, и исчезла надежда на привитіе духа прогресса къ старому шию католицизма. Контрасты поставлены рѣзкіе: катихизисъ либо безвѣріе; точно также и въ области политики среднія партіи ступшевались, боролись крайнія, кончилось побѣдою бѣлаго террора надъ краснымъ призракомъ. Хотя сумятица

не коснулась вовсе востока Европы, но ее влияние отразилось, во-первыхъ, въ такомъ усиленіи мѣръ надзора за мыслью, при которомъ даже помышлявшіе объ освобожденіи легальнымъ путемъ крестьянъ могли считаться поджигателями, во-вторыхъ, въ исчезновеніи на время всякихъ идей прогрессивныхъ, потерявшихъ почву для себя въ умахъ современниковъ. Насталъ періодъ глубокаго сна на старыхъ, впрочемъ, идеалахъ, который для Ржевускаго показался наиболее удобнымъ для распространенія идей, въ конецъ реакціонныхъ, для отрицанія всякаго прогресса, для уравненія всякой реформы съ ересью, для безусловнаго подчиненія въ области идей—церкви, въ области житейской—хранительницѣ преданій, аристократіи. Ржевускій вступилъ на новое для него поприще журналиста; магнатъ, поразстроившійся въ дѣлахъ, поступилъ чиновникомъ особыхъ порученій къ князю Паскевичу въ Варшавѣ, высокыхъ чиновъ онъ достигъ главнымъ образомъ не дѣловыми работами, но потому, что былъ забавнымъ и острымъ собесѣдникомъ. Съ 1851 онъ сталъ издателемъ газеты *Diennik Warszawski*, пользовавшейся крупною казенною субсидіею, въ которой немедленно и началъ крестовый походъ противъ разума, въ статьяхъ: „*Cywilizacya i religia*“. Но оказалось, что Ржевускій, дѣйствуя такимъ образомъ, совершилъ грубую ошибку въ расчетѣ. Особенно сильной оппозиціи онъ не встрѣтилъ между пишущими; даже такіе люди, какъ юмористъ Августъ Вильконскій (*Ramoty i ramotki*, 4 тома; род. 1805 въ в. кн. Позн., ум. 1852) и историкъ Юліанъ Бартошевичъ (1821—1871) и мн. др. принимали участіе въ изданіи, появленіе котораго было положило основаніе варшавской газетной прессѣ. Варнѣ негодованія послѣдовали въ самой читающей публикѣ, которая осудила сразу публициста за его направленіе, перестала подписываться, нѣсколько сотъ подписчиковъ возвратили нумера газеты. Публика показала, что она консервативна, но, не жалуя демократіи, она была далека отъ безшабашной реакціи. Ржевускій вселилъ еще большее къ себѣ отвращеніе, напечатавъ 1856—57 въ 8 т. записки Варломея Михаловскаго, паразита, торговчанина, въ припискахъ къ которымъ онъ прославлялъ Тарговицкую конфедерацію, чернилъ и закидывалъ грязью творцовъ конституціи 3-го мая. Отправивъ 1857 печатать во Львовѣ свою сатиру: *Злато-властий пажъ*, такъ какъ „Галиція—самая образованная изъ бывшихъ польскихъ областей“, Ржевускій оставилъ Варшаву, поселился въ своемъ имѣніи Чудново, на Тетеревѣ, близъ Житомира, дождался крайне неприятой для него крестьянской реформы и дошедши почти до идиотизма, скончался въ 1866 году.

Ржевускій, при всемъ своемъ несомнѣнномъ талантѣ, интересенъ всего больше какъ патологическое явленіе въ жизни польскаго общества, въ предѣлахъ Имперіи, въ сороковыхъ годахъ, объясняющее все-

го лучше косный застои, которому онъ съ своей стороны премного содѣйствовалъ. Совершалось однако и прогрессивное движеніе, но робкое, весьма неопредѣленное и медленное. На югѣ жило нѣсколько талантливыхъ людей, которые оставили прочные слѣды въ литературѣ. Въ Киевѣ дѣйствовали „примасъ“ Грабовскій, какъ его прозвалъ иронически Словацкій, человекъ, при своей падкости къ аристократіи и клерикализму, умный и трезво смотрѣвшій на національные вопросы, склонный разнь между Поляками и южно-Русскими разсматривать какъ порожденіе причинъ не политическихъ и религіозныхъ, а социальныхъ; но въ 1843 г. распространилась вѣсть, что онъ хлопоталъ у правительства о разрѣшеніи издавать журналъ „Słowianin“ въ духѣ, который бы мы теперь назвали примирительнымъ и общеславянскимъ. Огласка повлекла за собою сильное паденіе репутаціи Грабовскаго по подозрѣнію въ національной измѣнѣ. Другъ Грабовскаго, Александръ Гроза (1807—1875), романтикъ украинской школы, шелъ по стопамъ Залѣскаго и Гоцинскаго, обращаясь къ простонародной украинской поэзіи, какъ главному источнику (Starosta Kapiowski, Jassyr Batowski). Въ Киевѣ, а потомъ Харьковѣ писалъ драматическія сочиненія Іосифъ Корженіовскій, котораго встрѣтилъ въ Варшавѣ, въ слѣдующемъ періодѣ. Волынскій помѣщикъ а потомъ почетный попечитель Волынской гимназіи, Игнатій-Іосифъ Крашевскій (род. 1812 въ Варшавѣ, воспитанникъ Виленскаго университета), уже въ то время обнаруживалъ неисчерпаемую плодовитость, разносторонность и постоянство въ трудѣ; онъ одинъ работалъ за десятокъ человекъ, писалъ историческія книги („Wilno“, 1838—40, 4 т.), путешествія, компіляціи философскихъ сочиненій, составилъ даже обширный эпосъ изъ преданій и исторіи языческой Литвы, — которой прошедшее собиралъ по кусочкамъ и восстанавливалъ трудолюбиво, но безъ критики, историкъ Теодоръ Нарбутъ (1784—1864; *Dzieje starożytne narodu litewskiego*. Wilno, 9 t., 1835—1841). Стихотворный эпосъ Крашевскаго *Anafelas* („Гора вѣчности“, литовскій Олимпъ), дѣлится на три части: „пѣсня о Витолѣ“ (*Witologauda*), „Миндовсъ“ и „Витольдовы битвы“. Начиная съ мифическихъ сказаній, онъ доводитъ свою повѣсть до слиянія крестившейся Литвы съ Польшею. Настоящее призваніе Крашевскаго были впрочемъ не стихи, а повѣсть, и притомъ не столько историческая, — хотя онъ писалъ историческія повѣсти превосходныя (напр. *Ostatnie chwile Księcia Wojewody*, 1875), — сколько современная, воспроизведеніе живыхъ типовъ, ходячихъ идеаловъ, возбужденіе жгучихъ вопросовъ дня и его задачъ. Самъ Крашевскій опредѣлилъ значеніе рода, который онъ предпочтительно передъ другими разрабатывалъ, слѣдующими словами въ своей юбилейной рѣчи 3 окт. 1879 года: „я избралъ старѣйшую форму, которая была нѣмкою народамъ востока, форму, предлагающую читателямъ наиболѣе усвоиваемую

ими пишу, создающую большой круг читателей и служащую пропедевтикой къ мышлению и утѣвительнымъ занятіямъ". Крашевскій былъ идеалистъ, любилъ писать на тему о разладѣ идеаловъ съ дѣйствительностью, сплетающимъ терновый вѣнецъ для носта (*Poeta i świat*, 1839; *Sfinks*, 1847; *Powese bez tytułu*, 1855), чувствовалъ некоторую слабость въ отходящему старому барству (*Dwa światy*, 1856), но вмѣстѣ съ тѣмъ особенно горячо заступался за крестьянъ и во имя поругаемаго человѣческаго чувства громилъ крѣпостное состояніе и изображалъ тяжесть крестьянскаго быта, въ длинномъ ряду неполненныхъ драматизма рассказовъ (исторія Савки въ *Latania szagunkiewiczka* 1843, *Ulana* 1843, *Ostap Bondareczuk* 1847, *Jaguna* 1850, *Chata za wsią* 1854, *Jarmoła* 1857), порою забавлялся востроеніемъ утопій, (*Dziwadała*, 1853). Въ Витебской губ. Карлъ Буйницкій (1788—1878) основалъ органъ „*Рубонъ*“ (древнее названіе Западной Двины) для провинціальной бѣлорусской литературы, какъ составной части общей польской. Въ Варшавѣ въ началѣ сороковыхъ годовъ стали какъ будто-бы обозначаться зачатки новой поэтической школы, которая, происходя отчасти отъ Байрона, отчасти отъ корифеевъ польской поэзіи выходства, отличалась бурными стремленіями впередъ, въ весьма неопредѣленной формѣ: Романъ Зморскій, Владиміръ Волъскій, братья Людовигъ и Кирианъ Норвиды, Антонъ Чайковскій (род. 1816 въ Краковѣ, умеръ въ 1873 отставнымъ профессоромъ Петербургскаго университета). Талантливейшая изъ польскихъ писательницъ того времени, Нарциса Жмиховская (1825—1876), обратила на себя вниманіе сборникомъ прелестныхъ стихотвореній: *Wolne chwile Gabrielli* (Розпап, 1844). Счастливымъ собирателемъ старыхъ сказокъ, басенъ и поговорокъ, археологомъ и компиляторъ весьма малыхъ способностей, Казиміръ-Владиславъ Войцицкій (1807—1879) приобрѣлъ весьма обширную извѣстность. Помѣщикъ Вилейской губ. Эдуардъ Желиговскій (род. 1820, ум. въ Женевѣ 1864), издалъ въ 1846 г. драматическую фантазію *Иорданъ*, идею сатиры социальнаго характера, на современное общество, фарисействующее на мягкомъ ложѣ крѣпостнаго состоянія. Таковы были самыя крупныя явленія въ области польской литературы, въ предѣлахъ Россіи. Намъ остается сказать нѣсколько словъ о судьбахъ ея въ предѣлахъ Пруссіи и Австріи.

Великое Княжество Повнанское, доставившее наибольшій контингентъ Гегелю, имѣло средней руки стихотворца Наполеоновскаго войска, генерала Франца Моревскаго (1785—1861), бывшаго классика, обратившагося въ романтизмъ, и историка Андрея Морачевскаго, изъ школы Лелевеля (1804—1855), доведшаго исторію Польши, писанную въ республиканскомъ духѣ, въ 9 томахъ (1842—1855), до Яна-Казиміра.

Въ маленькомъ, по имени вольномъ городѣ Краковѣ, ученый Михаилъ Вишневецкій (1794—1865), подъ именемъ исторіи польской литературы, задаясь мыслью создать цѣлую исторію польской цивилизаціи, довелъ свою работу (въ семи томахъ, 1840—1845; потомъ еще наданы три) до XVII вѣка и представилъ скорѣе собраніе сырыхъ матеріаловъ, нежели органическое цѣлое. Прелестными поэтическими произведеніями прославилъ себя лирикъ Эдмундъ Василевскій (1814—1846), авторъ поэмы „Соборъ на Вавелѣ“ и множества враковяковъ, сдѣлавшихся народными.

Галиція подвергалась опытамъ обнѣмеченія, личный составъ администраціи наполнялся Нѣмцами и обнѣмеченными Чехами, въ школахъ преподаваніе было нѣмецкое, нѣмецкимъ было университетъ, основанный во Львовѣ въ 1784 Іосифомъ II. Годъ 1817 памятенъ основаніемъ, по пожертвованію ученаго графа Максимилиана Оссолинскаго, „Института имени Оссолинскихъ“ во Львовѣ, съ громадною бібліотекою, музеемъ и періодическимъ изданіемъ историко-литературнаго содержанія. Въ 1830 году основанъ во Львовѣ журналъ, пробудившій умственную жизнь, *Галичанинъ*, Хлэндовскаго. Между Львовскими поэтами отличались талантомъ: Іосифъ Борковскій, Александръ или Лешекъ Борковскій (Рагабицъszczyzna) и Августъ Вѣльевскій (1806—1876), который началъ съ эпическихъ произведеній въ архаическомъ родѣ, съ перевода Слова о Полку Игоревѣ, а впоследствии прославилъ себя глубоко критическимъ изданіемъ: *Historica Poloniae Monumenta*; и Люціанъ Семеновскій (1809—1870), переводчикъ Кракедворской рукописи и Одиссеи, поэтъ, новеллистъ и критикъ.

В) Последніе виходы польскаго романтизма на родной почвѣ (1848—1863).

Роль польскаго выходства кончилась съ 1848 г.: обнаружилась полная несостоятельность его затѣй; національныя стремленія, на которыхъ предполагалось перестроить Европу, если и прорывались, то не выросло, однако, ни одно новое государство на чисто-національномъ корню; напротивъ того, старыя державы, какъ Австрія, давно обреченныя на сломку, обновились и зажили бодрѣе и здоровѣе прежняго. Галиційскія событія 1846 г. и торжество реакціи послѣ 1848, пронесли какъ безплодныя предостереженія. Убѣжденіе въ цѣлесообразности употреблявшихся средствъ было, правда, разрушено; отъ европейской передраги 1848 остались утомленіе и желаніе словойно пользоваться настоящимъ,—но самыя цѣли и идеалы оставались тѣ же, какими ихъ поставила литература выходства начала сороковыхъ годовъ,

съ привраками старыхъ границъ и надеждами на реставрацію когда-нибудь при болѣе удобныхъ обстоятельствахъ. Идеи были тѣ же, старыя, повторяющіяся; онѣ сдѣлались мельче, но не стали чрезъ то положительнѣе; высокой полетъ романтизма въ его первыхъ годахъ отсутствуетъ; титановъ, вызывающихъ весь свѣтъ и Бога на бой—больше нѣтъ, за то изъ всѣхъ элементовъ польскаго романтизма выдвинулся и получилъ преобладающее значеніе, въ ущербъ остальнымъ, тотъ, который занималъ въ первоначальномъ романтизмѣ далеко не главное мѣсто („Панъ Тадеушъ“ и „Воспоминанія Солицы“), а именно *старо-шляхетскій эпосъ*, воспроизведеніе безъ устали, весьма яркое и талантливое, и пережевываніе, такъ сказать, вновь воспоминаній сошедшей въ могилу старины. Вездѣ и въ западной Европѣ появился историческій романъ, какъ любимая отрасль литературы (Вальтеръ-Скоттъ), но нигдѣ онъ не занималъ такого мѣста, нигдѣ онъ не господствовалъ такъ исключительно и продолжительно, нигдѣ это господство не отозвалось такими тяжелыми послѣдствіями, точно *febris recurrens*, отъ котораго и понинѣ приходится порою пользоваться дозами хинина. Между тѣмъ, нѣтъ ничего естественнѣе и проще этого явленія. Послѣ великаго крушенія въ концѣ XVIII в., Поляки очутились въ условіяхъ быта діаметрально противоположныхъ прежнимъ, точно въ новой несвойственной имъ общественной стихіи. Всякій организмъ, а слѣдовательно и національность, при перемѣнахъ среды, долженъ либо приноровиться къ ней, развить въ себѣ новыя привычки дѣйствія и отвыкнуть отъ прежнихъ, не соответствующихъ новымъ условіямъ быта, либо погибнуть. Приспособленіе къ новой средѣ совершается не вдругъ; оно сопровождается болѣзненными для отбывающаго этотъ опытъ ощущеніями и занимаетъ періодъ времени болѣе или менѣе продолжительный, смотря по тому, какъ относится къ національности заключившая ее среда, содѣйствуетъ ли она тому, чтобы національность распускалась или чтобы она еще сильнѣе сплывалась въ своихъ первобытныхъ кристаллахъ; иными словами: предполагаетъ ли среда ассимилировать себѣ народъ, денационализируя его предварительно или вовсе не денационализируя, а только прикрѣпляя его къ себѣ политически. Въ Пруссіи выполняема была послѣдовательно система денационализаціи, но легальными средствами и на почвѣ формальной равноправности Поляковъ съ коренными подданными. Въ Австріи до 1848 господствовала система обѣщанія и только въ 1859 избрана совершенно противоположная. Въ Россіи до 1830 г. данъ былъ просторъ развитію національности, но послѣ 1830 г. наступилъ естественный поворотъ въ противоположномъ направленіи, причемъ оказываемо было предпочтеніе не новымъ, свѣжимъ демократическимъ элементамъ, но старымъ партиямъ аристократіи и клерикализму (примѣръ Ржевускаго),

имѣющимъ корни только въ прошедшемъ и всего болѣе противнымъ процессу приспособленія національности къ новой средѣ и, само собою разумѣется, освобожденію крестьянъ. Обреките людей, очутившихся въ новой средѣ, на практическое бездѣйствіе, — и мысли ихъ будутъ неудержимо переноситься въ потерянный рай, въ прошлое счастье, а люди прошедшаго будутъ имъ казаться героями силы и доблести въ сравненіи съ измелъчавшимъ и въ карликовъ превратившимся потомствомъ, — породю, имѣющею ростъ сверхъестественный, размѣры эпические; даже дурное покажется хорошимъ, лишь бы оно было характернее. Юлій Словацкій, который самъ былъ не прочь переноситься въ прошлое, съ гениальнымъ предвидѣніемъ угадалъ вредныя послѣдствія апогеоза прошлаго и въ „Гробницѣ Агамемнона“ совѣтовалъ скинуть эту жгучую рубаху Деяниры, кунтушъ красный, да золотой поясъ старо-шляхетскій, и восхищаться лучше общечеловѣческимъ, чѣмъ старо-шляхетскимъ. Его не слушали, съ любовью и предпочтеніемъ воспѣвались кунтушъ и конфедератка, удалыя попойки и шумныя сеймики. Во главѣ поэтовъ, поставившихъ себѣ задачей поклоненіе великому и святому прошлому, стоятъ два даровитые поэта: Викентій Польш¹⁾ и Людвигъ Кондратовичъ, изъ коихъ только первый остается вѣренъ своей задачѣ, а лирика второго, сама того не замѣчая, даетъ отвѣтъ на иные, исполнѣ новыя современные мотивы. Романъ историческій нашель замѣчательнаго представителя въ Сигизмундѣ Качковскомъ; романъ современный разрабатывали съ успѣхомъ Юсіфъ Корженіовскій и Крапивскій. Если къ этимъ пяти именамъ прибавимъ шестое, историка-художника Карла Шаинохи, то эти шесть именъ изображаютъ собою всю суть умственнаго движенія въ области поэтическаго творчества въ переходную, изображаемую нами, эпоху отцвѣтающаго романтизма, съ чуть-чуть замѣтными вѣяніями другого, болѣе положительнаго направленія.

Отецъ поэта Викентія Поля былъ Варміецъ родомъ, кончившій науки въ Краковской академіи, сдѣлавшійся потомъ австрійскимъ чиновникомъ въ Галиціи. Онъ подписывался *Poll*, женился на львовской мѣщанкѣ Элеонорѣ Лоншанъ (*Longchamp*), служилъ по судебной части и былъ введень 1815 за заслуги въ дворянство съ титуломъ *von Pollenburg*. Викентій Польш родился 20 апрѣля 1807 г. въ Люблинѣ, воспитывался во Львовѣ въ родительскомъ полу-нѣмецкомъ домѣ и изъ воспитанія вынесъ основательное знаніе нѣмецкой и польской литературы, такъ что когда 1825 г. отецъ умеръ и семейныя дѣла разстроились, молодой Польш отправился въ 1830 г. въ Вильно

¹⁾ Мои лекціи о Польш въ *Ateneum* 1878, апрѣль; *Dzieła Wincentego Pola*, въ восьми томахъ, Львовъ, 1875—1877.

искать кафедры нѣмецкой словесности и опредѣленъ въ университетъ вступавшимъ мѣсто лектора по этой кафедрѣ, которую занималъ впрочемъ не долго, потому что уже въ началѣ 1831 г. мы видимъ его въ повстанскихъ рядахъ, потомъ выходимъ въ Дрезденъ. Въ Вильнѣ, которое было гнѣдомъ польскаго романтизма, Польша пронесся духомъ этого направленія; въ 1832 году онъ встрѣтился съ Адамомъ Мицкевичемъ и съ Клавдією Потоцкою. Въ его замѣткахъ подъ 1832 г. записано: „я сталъ писать пѣсни по поводу А. Мицкевича и по вдохновенію отъ Клавдіи Потоцкой“. Эти пѣсни, которые были одобрены Мицкевичемъ, изданы въ Парижѣ въ 1833 г. подъ заглавіемъ *Pieśni Janusza*, съ перваго же разу покрыли гнѣзда громкою славою, всѣмъ понравились, по своей бойкости, по своему ухарству и превосходной пластичѣ. Онѣ закончены, такъ сказать, пороховымъ дымомъ сраженій. Янушъ—не мудрый философъ, онъ рубить съ плеча, вся бѣда, по его мнѣнію, та, что рубили мало, что господа штабные нѣжились и занимались гастрономіей въ лагерѣ (Gawęda Dorosza), что знатные люди вели переговоры; онъ вполне революціонеръ, для него всѣ средства хороши, даже и кровавыя, онъ бы скоро расправился съ панами, онъ мечтаетъ только о грядущемъ великомъ человѣкѣ, „который мечомъ святаго палача выточитъ цѣлое море крови“; сама пѣсня потому только годится, что она тоже боевое орудіе и иногда замѣняетъ стрѣлы. Въ концѣ 1832 года Польша пробрался въ Галицію, въ 1834 г. посѣтилъ впервые Краковъ, въ 1835 г. изучилъ (послѣ Гоцинскаго) Татры и красивое племя польскихъ горцевъ и напелъ друга и повровителя въ лицѣ Ксаверія Красицкаго, который, чтобы спасти его отъ преслѣдованій австрійской полиціи, поселилъ его въ одномъ изъ горскихъ своихъ помѣстій Каленицѣ (1837). Незадолго предъ тѣмъ Польша, сблизившись съ профессоромъ Іосифомъ Кремеромъ во время бытности послѣдняго въ горахъ, введенъ былъ Кремеромъ въ лабиринтъ Гегелевой философіи („со времени знакомства съ Кремеромъ наладилось немного въ моей головѣ“, говоритъ онъ), а въ 1837 женился на Корнеліи Ольшевской, съ которой былъ помолвленъ еще передъ отъѣздомъ въ Вильно, въ 1827 году. Онъ сталъ съ усидчивостію чисто нѣмецкою заниматься географіей. Къ этому періоду относятся прелестныя по формѣ и лучшія, можетъ быть, изъ всего, что написалъ Польша, „Картины изъ жизни и путешествій“ (*Obrazy z życia i podróży*), напечатанныя, впрочемъ, только въ 1847 г. Повстанецъ очутился въ горахъ среди дикой, величавой природы, которая какъ нельзя больше соотвѣтствуетъ его собственной натурѣ, суровой, малоподвижной, любящей высокое, грандіозное, и хотя сочувствующей маленькимъ, которые сильны числомъ, потому что ихъ много и довольствуются немногимъ, но предпочитающей въ сущности страданія и

одиночество на высотах бытія, гдѣ дышется свободнѣе. Повстанецъ вплотнѣлся въ горскую дивчину, снискалъ расположеніе степенныхъ газдовъ-хозяевъ, и побратался съ юхасами-пастухами, которые сообщили ему прекрасныя горскія сказанія, но остаться среди этого красиваго горскаго люда не можетъ. Его влекутъ назадъ въ солнцемъ залитыя равнины воспоминанія, его манятъ къ себѣ башни Маріацкой церкви Кракова и ширь необъятная страны, съ народамъ, который когда-то самъ управлялся и судился. Про эту широкую страну золотыхъ пашень и дремучихъ лѣсовъ, сватертью распростершуюся отъ Балтики и до Чернаго моря, можно написать нѣчто еще болѣе сильное, нежели про Татранскія выси. Таково начало „Пѣсни о нашей землѣ“ (1843), наиболѣе популярнаго изъ всѣхъ произведеній Поля, и что всего страннѣе, наименѣе выдерживающаго эстетическую критику, потому что эта пѣсня не что иное, какъ трактатъ географіи въ 12 стахъ стихахъ, слѣдовательно, вещь уже по замыслу крайне не поэтическая. Поль не могъ стать великимъ поэтомъ, потому что у него не хватало широкихъ замысловъ поэтическихъ; когда онъ задумывалъ нѣчто болѣе сложное, чѣмъ простой рассказъ или лирической порывъ чувства, то въ умѣ его являлась какая-нибудь сухая и неподвижная логическая схема съ перегородками (какъ у Клёновича), которую онъ брался потомъ описывать по всѣмъ правиламъ старомоднаго искусства, уже справедливо осужденнаго въ „Лаокоонѣ“ Лессинга, наполняя кропотливо кѣлочку за кѣлочкой. Несмотря на коренной порокъ въ основѣ, картинки хороши и притомъ не столько картинки природы, сколько племенныхъ разновидностей народовъ, населяющихъ эти пространства: онѣ бойко и размашисто очерчены, съ намеками на будущее, съ патриотическими мечтаніями о силахъ, скрытыхъ въ этихъ массахъ, которыя проявятся, когда настанетъ пора историческаго дѣйствія. И гаданія, и мечтанія тѣмъ сильнѣе дѣйствовали, что были самыя розовыя, самыя неопредѣленныя и дешевыя. Поэту жилось хорошо въ томъ укромномъ уголку Каленицѣ, гдѣ онъ, благодаря Ксаверію Красицкому, могъ вести жизнь, похожую на жизнь Яна Кохановскаго въ Чернолѣсѣ. Онъ примиряетъ противоположности жизни, не разрѣшая ихъ и даже не чувствуя, что онѣ существуютъ; онъ и демократъ, увѣренный въ томъ, что будущее возникнетъ на плечахъ простонародья и будетъ держаться мужицкимъ умомъ, но и шляхту онъ обожаемъ и ублажаетъ, и хотя порою прорываются рѣзкія осужденія сѣвскихъ пановъ волынскихъ, плантаторовъ, полупановъ подольскихъ, то они являются какъ мѣстныя изъятія, какъ тѣни на идеалической картинѣ райскаго счастья, которыми бы могли восхищаться вслѣдъ даже и крѣпостники. до того любовь къ простонародью была далекая отъ дѣла,—платоническая. Столь же идеалически стройно слагалась

и обще-славянская картина у Поля, единственного изъ современныхъ ему польскихъ поэтовъ сороковыхъ годовъ, который оказался восприимчивымъ сверхъ національной польской еще и къ обще-славянской идеѣ. Обѣ идилліи были беспочвенны и разлетѣлись при первомъ суровомъ урокѣ, данномъ дѣйствительностью: политико-соціальная — событіями въ Галиціи въ 1846 г., славянская — насильственнымъ разогнаніемъ славянскаго стѣзда въ Прагѣ, въ 1848, по распоряженію Виндшиггеца. Оба удара были жестоки, въ особенности первый ранилъ поэта до глубины души. Въ февралѣ 1846 г. Польша, противодѣйствовавшій всѣми силами затѣямъ польскихъ революціонеровъ и собиравшійся съ семьей во Львовѣ, подвергся въ селѣ Полянкѣ нападенію вооруженныхъ по призыву австрійской администраціи крестьянъ. Его истязали привязавъ къ дереву, жену его ранили топоромъ, затѣмъ ихъ доставили подъ стражу во Львовѣ, гдѣ Польша подвергся продолжительному заключенію; все его состояніе разстроилось. Революція 1848 г. опять желькнула лучомъ надежды, Польша привѣтствовалъ всеславянское вѣче въ Прагѣ стихотвореніемъ: *Słowo i siława*, которое не было въ то время напечатано и составляетъ любопытный, и рѣдкій въ польской литературѣ, памятникъ фантазій на тему объединеннаго Славянства. Въ немъ то же, какъ у славянофиловъ московскихъ, убѣжденіе о гнилости запада, о его суемудріи, но объединеніе происходитъ все-таки на римско-католическомъ корню въ утопическихъ формахъ какаго-то патріархально-вѣчевого уклада, которыя, по преданіямъ, были будто бы присущи Славянству еще въ до-историческомъ его быту, пока Славянъ не коснулось порабощающее оружіе западнаго кесаря. Въ 1849 г. Польша получилъ мѣсто профессора географіи въ Краковскомъ университетѣ, которое онъ занималъ не долго, до отставки, данной при министрѣ просвѣщенія Львѣ Тунѣ, четыремъ профессорамъ университета, а въ томъ числѣ и Польшу, на новый годъ 1853, послѣ чего въ 1854 г. введено преподаваніе въ университетѣ на нѣмецкомъ языкѣ. При оставленіи имъ Краковскаго университета Польша уже былъ весьма популяренъ и славенъ своими новыми произведеніями, которыя глубоко отличались отъ всего прежде имъ писаннаго и отражали новое направленіе общества назадъ, къ старымъ идеаламъ. Онъ и самъ глубоко измѣнился; переиѣна заключалась въ слѣдующемъ.

Польша былъ человекъ сердечный, воображавшій себя вождемъ общества, между тѣмъ, какъ его всегда несла на себѣ волна собитій. Простому народу, обощедшемуся съ нимъ грубо въ Полянкѣ, онъ того по смерти не забылъ; весь его демократизмъ разомъ пропалъ, улетучился. Онъ сдѣлался ярымъ консерваторомъ, который съ тѣхъ поръ будетъ считать благоразумнымъ только того, „кто и то дѣлаетъ и о томъ радѣетъ, что на него пришло отъ отца и дѣда, и знаемымъ путемъ ве-

детъ лошадей; и тамъ сидить, гдѣ они сидѣли" (V, 35). Народные типы, которыми обилдовали гѣсни Януша, „о нашей землѣ" и татранскія, совсѣмъ почти перевелись и находятъ милость въ его глазахъ только когда являются въ видѣ совершенно ручныхъ, одомашненныхъ и привыкшихъ къ послушанію. Лирическая струна точно оборвалась и замолкаетъ, Поль становится почти исключительно эпикомъ, изобрѣтаетъ новый родъ повѣствованія, „шляхетскую розказню или *авенду*", въ старомъ стилѣ съ нравоученіемъ, которое клонится къ тому, что свято то, что старо, и что надо преклоняться предъ авторитетомъ и поддерживаніемъ вѣры народной и преданій, противодѣйствовать разрушительному вліянію отрицательныхъ идей нашего вѣка,—о которомъ онъ имѣлъ самое мрачное понятіе и въ которомъ усматривалъ черты, свойственныя подходящимъ, по предсказанію, временамъ Антихриста. При такомъ настроеніи воспроизведеніе старины тенденціозно, оно не можетъ быть правдиво, художникъ приступаетъ къ нему съ пѣтетомъ, крестясь и молясь, и можно было бы предположить, что часть этого благоговѣйнаго чувства перейдетъ въ читателя. Выходитъ совсѣмъ противное; изображенное хотя и правдиво, но дико, а порою гадео, мало того—высокая мораль правоученій почти вездѣ въ явной враждѣ съ иллюстраціями, т.-е. отдѣльными картинками разсказа. Рядъ этихъ картинъ начинается съ *трилоніи*, озаглавленной „Записки Бенедикта Винницкаго" (старый бывалый человекъ, котораго заслушивался Поль, когда былъ еще мальчикомъ и учился въ Тарнополь). Первая часть, „Приключенія молодости" (*Przygody młodości*), написана раньше и напечатана 1840 въ Львовѣ; она содержитъ похвальное слово ременной плетей, которую убогій мелкопомѣстный шляхтичъ-отецъ выпоролъ своего уже взрослого сына, возвращающагося со службы на распутныхъ дворахъ высокихъ баръ, за неснятіе шапки предъ крестомъ въ полѣ и за недостаточно низкій поклонъ родителю. Вторая часть, „Сенаторская мировая" (*Senatorska Zgoda*, 1852), старается доказать устойчивость общественнаго порядка въ Польшѣ тѣмъ, что когда въ землѣ Саноцкой пошла рознь изъ-за пустяковъ, потому что повздорили два столба земли: Баль и Мнишехъ, то епископъ Вармійскій, извѣстный Игнатій Красицкій, по званію сенаторъ, помирилъ враговъ остроумною выходкою, заставившею ихъ послѣ крѣпкой выпивки облобызаться. Третья часть, „Сеймикъ въ Судебной Висни" (1853), представляетъ ужасающій образъ парламентскихъ нравовъ Польши наканунѣ ея паденія, пьяныя толпы шляхты, которыя предъ выборами задобриваются угощеніемъ со стороны соискателей мѣстъ; видны одни подвохи и интриги, въ концѣ концовъ добытыя сабли въ церкви, гдѣ происходитъ собраніе; дѣло кончилось бы рѣзней, если бы не пришла духовенству мысль явиться съ святыми дарами въ

окровавленной уже церкви и прекратить междоусобіе, что предлагается Полемъ какъ назидательный для настоящаго времени при-
мѣръ того, что людей прошлаго иногда обуздывала и смягчала рели-
гія. Несмотря на господствовавшую тогда моду на гавенды, репутація
Поля немного пошатнулась послѣ Трилогіи во мнѣніи людей, болѣе
разсудительныхъ. Онъ старался ее поправить издавъ въ 1855 году
еще раньше готеваго „Мохорта“, лучшее изъ своихъ произведеній
въ эпическомъ родѣ. Мы переносимся во времена короля Понятов-
скаго. Въ то время, когда все разлагается внутри государства, послѣд-
нія преданія солдатской дисциплины хранятся въ пограничныхъ
поляхъ или хоругвахъ украинскаго рубежа, расположенныхъ по Си-
нюхъ и Роси отъ Буга до Днѣпра, несущихъ службу тяжелую и опас-
ную при малыхъ средствахъ, какія могла имъ дать Рѣчь-Посполи-
тая. Мохортъ, Литвинъ и уніать, поручивъ въ одной изъ такихъ хо-
ругвей, человѣкъ древній, кожа да кости, храбрый и честный, какъ
паладины Карла Великаго или рыцари Круглаго стола, почти превратив-
шійся въ камень отъ лѣтъ, сросшійся со степью, но движущійся съ
автоматическою правильностью заведенныхъ часовъ. Къ нему король
шлетъ для подготовки въ строю своего племянника, знаменитаго впо-
слѣдствіи князя Юсіфа Понятовскаго, а потомъ жалуетъ его крестомъ,
чиномъ ротмистра и слободою, но Мохортъ отклоняетъ эти дары:
крестъ онъ получилъ при крещеніи, не желаетъ покидать своей хо-
ругви, а что касается до земли, то ея немного потребуется на могилу.
Подходить конецъ Рѣчи-Посполитой, войска подъ начальствомъ Юсіфа
Понятовскаго (1792), отступаютъ предъ Русскими, авангардъ ведетъ
Костюшко, въ арьергардѣ Мохортъ подъ Борышковцами спасаетъ от-
ступающихъ при переходѣ чрезъ плотину, но и самъ гибнетъ, испол-
няя долгъ воина. Красивѣйшія воспоминанія прошедшаго влечены
въ рассказъ о Мохортѣ, но Мохортъ самъ по себѣ—лицо не эпическое;
онъ какой-то ископаемый человѣкъ, движущійся какъ машина по за-
веденному порядку. Поль обнаружилъ великій талантъ въ живописаніи
степной природы, точное знаніе подробностей, но эти описанія и эти
эпизоды до того разрастаются, до того заслоняютъ главную основу раз-
сказа, что самъ рассказъ кажется только сѣткою, придуманною для
расположенія въ клѣткахъ этой сѣти подробностей, и что рассказчикъ
изъ поэта превращается въ археолога-антикварія, разставившаго въ
своемъ произведеніи, какъ въ музей, разныя рѣдкости и курьезы и
останавливающегося съ подобострастіемъ на каждомъ изъ нихъ. Та-
кой же характеръ художественнаго музея средневѣковой архитектуры
и скульптуры имѣетъ поэма „Витъ Ствошъ“ (писано въ 1853), посвя-
щенная скульптору конца XV и начала XVI вѣка, котораго Нѣмцы
себѣ присвоиваютъ подъ именемъ Вейтъ Штоса и изъ-за котораго и

донныя спорятъ Краковъ съ Нюрнбергомъ, потому что и въ томъ и въ другомъ мѣстѣ онъ прославилъ себя великими произведеніями искусства въ средневѣковомъ стилѣ, котораго еще не коснулись лучи возрожденія. Украсивъ соборъ на Вавелѣ гробницею короля Казимира Ягелона, а алтарь церкви (Св. Маріи) рѣзною работою, Ствошъ переселился въ Нюрнбергъ; здѣсь на старости лѣтъ его судили за подлогъ и клеймили, послѣ чего онъ ослѣпъ. Поэтъ легко могъ превращать Ствоша въ безвиннаго страдальца, осужденнаго по ложнымъ доносамъ завистниковъ. Онъ представилъ въ лицѣ Ствоша образецъ не только средневѣковаго артиста, но художника всѣхъ временъ, который долженъ вдохновляться только идеалами вѣры и не выводитъ искусства за предѣлы церковной традиціи и котораго судьба покарала за то, что онъ не обладалъ достаточнымъ смиреніемъ и возгордился своимъ талантомъ. Въ томъ же архаическомъ стилѣ, съ тѣми же тенденціями писаны еще многія произведенія послѣ изданія „Вита Ствоша (1857) вплоть до смерти автора, ослѣпшаго подъ конецъ жизни и скончавшагося въ Краковѣ 2 декабря 1872 года,—произведенія растянутыя и отлѣченные признаками слабѣющаго съ лѣтами дарованія. Сюда относятся: *Stryjanka* (изд. 1861), „Гетмановъ отрокъ“ (*Rachole Hetmańskie*, 1862), „Рапсодія изъ вѣнскаго похода Собѣскаго“ (1865), „Календарь охотника“ (1870), „Кисляцкій староста“ и драма „Наводненіе“, изданныя уже по смерти автора. Въ этихъ сказаніяхъ— съ моралью чрезвычайно узкою (напр. легенда *Czarna Krówka*, 1854), съ стремленіями явно ретроградными, съ самымъ отрицательнымъ отношеніемъ къ разуму и его усилямъ, нѣтъ уже почти ничего общаго съ юношескими, пылкими, отважными пѣснями Януша или съ бойкою „Исторією сапожника Яна Килинскаго“, 1843. Въ польской литературѣ Поль занимаетъ такое же мѣсто, какое въ русской занимаютъ крайніе люди славянофильскаго лагеря. Кругъ его понятій не выходитъ за предѣлы его народности и вѣры, которой онъ вовсе не отдѣлялъ отъ народности; въ своей привязанности къ одной и къ другой онъ доходитъ до шовинизма, соединеннаго съ осужденіемъ иностраннаго, съ непризнаваніемъ ничего обще-человѣческаго. Горькія неудачи въ жизни выбросили его изъ волеи, толкнули въ средніе вѣка, въ которыхъ онъ съ тѣхъ поръ и поселился мысленно, не ожидая ничего отъ будущаго и въ убѣжденіи, что лучшее уже прошло. Косный обскурантизмъ Поля имѣлъ самое невыгодное вліяніе на современниковъ, которое уже теперь значительно ослабѣваетъ. Любовь къ старинѣ похвальна вообще; въ эпоху, которую мы описываемъ, она доходила, по изложеннымъ нами основаніямъ, до односторонняго поклоненія прошедшему, какъ святынь, — но даже и это поклоненіе не исключало возможности быть прогрессивнымъ, содѣйствовать успѣху идей, пре-

обладающихъ въ общемъ теченіи нашего вѣка, готовить преусиѣвіе массъ, содѣйствовать ихъ просвѣщенію и саморазвитію. Эту возможность союза старыхъ національныхъ преданій съ демократизмомъ и духомъ вѣка доказалъ практически современникъ Поля, цѣннымъ въ свое время нисколько не ниже послѣдняго, а нынѣ занимающій еще гораздо болѣе высокое положеніе, литовскій поэтъ Людвигъ Кондратовичъ, болѣе извѣстный подъ псевдонимомъ Владислава Сырокомли.

Людвигъ-Владиславъ Кондратовичъ герба Сырокомля ¹⁾ родился 17 сентября 1823 г. въ Минской губ. и былъ сынъ весьма мелкаго и убогаго человѣка, когда-то землемѣра, потомъ арендатора въ радзивилловскихъ имѣніяхъ. Начатое въ училищѣ у отцовъ доминиканъ въ Несвижѣ школьное образованіе его кончилось въ 5 классѣ уѣзднаго училища въ Новогрудкѣ, послѣ чего отецъ, убѣдившись въ малой способности сына къ хозяйству, помѣстилъ его въ 1842 г. писцомъ въ канцелярію главнаго управленія радзивилловскими имѣніями въ Несвижѣ. Молодой канцеляристъ былъ робокъ, неуклюжъ, но остроуменъ и веселъ, кропалъ стихи съ необычайною легкостью, заслужилъ любовь товарищей, влюбился въ столь же бѣдную, какъ онъ, дѣвину Митрашевскую, женился, получилъ въ арендное содержаніе маленькое радзивилловское имѣніе надъ Нѣманомъ, Залучье, и зажилъ посессоромъ или арендаторомъ на самомъ крошечномъ помѣстьѣ съ женою, а вскорѣ и съ дѣтьми, которыхъ народилось пятеро. Казалось, что этотъ человѣкъ окончательно похороненъ въ глухомъ уголку и что нѣтъ возможности для него развиться и образоваться до того, чтобы стать вліятельнымъ лицомъ въ литературѣ, на поприщѣ, требующемъ продолжительной и глубокой подготовки. Однако это невѣроятное совершилось: въ девять лѣтъ пребывания въ Залучьѣ (1844—1853) Кондратовичъ успѣлъ при самыхъ скудныхъ средствахъ развить себя и доставить себѣ образованіе если не обширное и не полное, то въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ солидное. Отъ доминиканъ еще онъ выучился полатыни; жениась, получилъ въ видѣ свадебнаго подарка отъ друзей „Исторію литературы“ Вишневецаго. Ученые и образованные люди въ радзивилловскомъ главномъ управленіи пріохотили его переводить стихами латино-польскихъ поэтовъ XV вѣка вплоть до Сарбѣвскаго; ему предложили участіе въ предпріятіи, затѣянномъ книгопродавцемъ М. О.

¹⁾ Моя статья въ *Ateneum* 1876, № 1 и 3: *Nowe studyum nad Syrokomlą. Poezye*, wydanie na rzecz wdowy, t. 10, Warszawa, 1872; L. K., *Dotyczy literatury w Polsce*, 3 t. Wilno, 1861—64.

— J. I. Kraszewski, *Władysław Syrokomla*. Warszawa, 1863.

— Тузгуński, *Kondratowicz i jego poezye*, въ *Biblioteka Warszawaka* 1872, августъ и сентябрь.

Избранныя стихотворенія Людвима Кондратовича. Москва. Изданіе Лаврова и Федотова, т. I, 1879. Статья Н. Аксакова въ № 1 «Русской Мысли» 1890.

Вольфомъ переводить латино-польскихъ историковъ. Такимъ образомъ Польшу, начиная съ конца среднихъ вѣковъ, онъ узналъ какъ ее не многие знаютъ—по источникамъ. Объ общемъ смыслѣ всемірной исторіи и о движеніи идей въ современномъ обществѣ, онъ узнавалъ изъ все-какихъ книжекъ и отъ друзей студентовъ, которые изъ разныхъ университетовъ съѣзжались на каникулы и возмущали спокойствіе глухого уголка ожесточенными спорами. „Голова трещить, — пишетъ онъ въ 1851, — отъ прогрессивныхъ криковъ, мысль разбивается, не могу сосредото-читься“. Вскорѣ потомъ онъ посѣтилъ Вильно и пишетъ: „я не понималъ, какая у насъ господствуетъ борьба понятій. *Obstupii*. Одни съ крестомъ въ рукахъ отсылаютъ въ адъ всякій рационализмъ, называютъ всякую любознательность дѣломъ дьявольской гордыни. Другіе, славословя прогрессъ и братство, плюютъ на вѣру, преданіе, на все, что дорого и свято. Христосъ на устахъ, но христовой любви къ людямъ, ей-Богу, я не нашелъ.—Хотѣлъ я поселиться въ Вильнѣ, те-перь вижу, что хотя бы я и получилъ отъ того умственную пользу, но сердце мое высохло бы въ порошокъ. — Я вовсе не діалектикъ“. Несмотря однако на его отвращеніе къ спорамъ, обстрѣльства за-ставили его переселиться въ Вильно и жить въ атмосферѣ, преиспол-ненной драгмами, нареканіями и сплетнями. Его переводы латино-польскихъ поэтовъ, помѣщенные въ „Атенеѣ“ Крашевскаго, были одо-бренны, его первыя *zawady* или рассказы сильно понравились, книгопро-давецъ Вольфъ купилъ первое изъ его большихъ произведеній: *Urodzony Jan Doborog* (изд. въ Петербургѣ, 1859), съезъ его познакомить съ Крашевскимъ, проживавшимъ на Волыни. Въ Вильнѣ Кондратовичъ могъ получать книги и совѣты отъ интересовавшагося его развитіемъ исто-рика Николая Малиновскаго, и отъ того кружка людей просвѣщенныхъ и ученыхъ, которые удерживали за Вильномъ значеніе одного изъ цент-ровъ умственной дѣятельности. Друзья устроили Кондратовича; въ аренду взято для него верстахъ въ 14 отъ Вильна помѣстье Борейковщина на гр. Тышневича, гдѣ онъ могъ продолжать вести любимую сельскую жизнь, но и сообщаться ежедневно почти съ городомъ. Но Борей-ковщина была слишкомъ близко отъ города, поэта наѣзжали и объѣ-дали знакомые, отнимая у него самую дорогую вещь—время. Городъ исполнять былъ соблазновъ, Кондратовичъ полюбилъ веселую бездере-монную компанію изъ литераторовъ и актеровъ, кутилъ, не былъ прочъ и выпить, связался съ замуженою женщиною, бывшею актрисою, остав-ляя жену и дѣтей. Свои произведенія онъ продавалъ издателямъ, болъ-шею частью виленискимъ евреямъ-книгопродавцамъ, какъ продаютъ хлѣбъ плохіе землевладѣльцы еще на корню. Случалось, что въ минуты, когда представленія его театральныхъ пьесъ („Касперъ Карлинскій“, предст. въ Вильнѣ, январь, 1858) вызывали всеобщій энтузіазмъ и

публика его носила такъ-сказать на рукахъ, онъ стыдился признаться, что ему было не на что изготовить объѣдъ. Кондратовичъ нѣсколько разъ ѣздилъ въ Варшаву, въ 1858 собрался въ Гѣзно и Краковъ, но вывезенныя имъ оттуда впечатлѣнія мало имѣли интереснаго и немного доставили матеріала для его поэзіи. Умственная работа сверхъ силъ и излишества истощили его организмъ и породили сложную неизлечимую болѣзнь, быстро сводившую его въ могилу. Въ срединѣ 1859 онъ писалъ: *solum tibi superest sepulchrum*. Съ тѣхъ поръ, до смерти, послѣдовавшей въ Вильнѣ 1862, 15 октября, при полномъ сознаніи о близящемся концѣ, среди невыносимыхъ страданій и при полномъ недостаткѣ средствъ на первыя потребности (только послѣ смерти Кондратовича, дворянство юго-западныхъ губ. сложило на обозначеніе семейства его и издало въ пользу вдовы и дѣтей полное собраніе его стихотвореній съ предисловіемъ ученика его, Винцентія Коротынскаго)—Кондратовичъ писалъ прелестнѣйшія вещи, блестящія полною свѣжестью и силой таланта: *Cupio dissolvi*, юмористическія мелодіи изъ дома сумасшедшихъ съ забавнымъ описаніемъ своихъ же похоронъ; *Смерть соловья*¹⁾; *Овидій въ Польшу*.

Кондратовичъ—послѣдній поэтъ литовской школы, созданной Мицкевичемъ, заканчивающій ее достойнымъ образомъ; полетъ его невысокъ, кругъ идей его маленькій, но онъ настоящій нѣманскій соловей, пѣвецъ съ огнемъ вдохновенія, съ глубокимъ искреннимъ чувствомъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ съ необычайною простотою, чуждающеюся всего ходульнаго. Отъ великихъ и славныхъ своихъ предшественниковъ Кондратовичъ отличается тѣмъ, что онъ несравненно ближе къстоитъ въ своей публикѣ, что онъ ставитъ себѣ задачей быть не только народнымъ, но и простонароднымъ писателемъ, что онъ умѣетъ изображать немного и то только обыденное, но за то съ такою хватающею за душу правдивостью, которая его дѣлаетъ другомъ и учителемъ мелкихъ людей и простачковъ. „Когда я берусь за карандашъ,— пишетъ онъ,—и не зная, что изобразить, ставлю черточки, то всегда выйдетъ у меня либо литовская хата, либо сельская церковь, либо литовскій дворикъ. Ничего иного не могу я чертить,—только то, что возлюбилъ всею силою души; я бы и хотѣлъ научиться иному, хотѣлъ бы писать барскія хоромы, но всякій разъ карандашъ ломается“ (VII, 220). Такъ какъ громадному поэтическому дарованію Кондратовича не соотвѣтствовало его школьное образованіе, то вслѣдствіе этого несоотвѣтствія произведенія Кондратовича имѣютъ весьма неравное достоинство и наименѣе цѣнны именно тѣ, на которыя онъ потратилъ наиболѣе вре-

¹⁾ «Въ шумной улицѣ подъ крышею душнаго жилья злыя руки посадили въ клетку соловья... Пѣсню звонкую защелкалъ узникъ соловей и, какъ будто въ бой вступая съ шумомъ городскимъ, мыслить: «я его осилию голосомъ своимъ».

мени и которымъ онъ приписывалъ наибольшее значеніе. Чтобы опредѣлить, какія произведенія его заслуживаютъ особеннаго вниманія, слѣдуетъ вникнуть въ условія, при которыхъ совершалось развитіе дарованія Кондратовича.

Начало дѣятельности Кондратовича совпало съ моментомъ, когда послѣ неудачъ революціонныхъ попытокъ и неосуществленія мечтаній о будущемъ общество погрузилось въ созерцаніе прошедшаго. Кондратовичъ обоготворяетъ это прошлое, отождествляя его съ первыми воспоминаніями дѣтства, съ вѣрою, съ дорогою родиною. „Что ни шагъ въ Литвѣ можно слѣдъ найти событій. Холмъ ли, гряда ли разваливъ, крестъ ли при пути, столбъ, часовня или даже постоялый дворъ, все здѣсь—памятникъ старинный и съ давнишнихъ поръ, любопытнаго такъ много о Литвѣ даетъ“ (Deborog). И извлекать матеріалъ для эпоса не трудно: „подложите подъ микроскопъ души что угодно, головку ли мотылька или людское сердце, слезу текущую съ заплаканныхъ очей или цвѣтокъ, сорванный съ литовскаго поля; расскажите все это совѣстливо и правдиво, блескъ каждой краски, каждое бѣшеніе сердца, движеніе малѣйшаго атома—и пѣсня навѣрное сложится сама собою“ (Kęs chleba, II, 117). Столь же безотчетно, какъ прошлое родины, любитъ онъ и самую родину („Ночлегъ Гетмана“, ч. II):

...„Отчизна! это—домъ твой, хата,
Крыша, подъ которой росъ ты, жаль когда-то;
Пашня—хлѣбъ насыщенный твой въ голодный годъ;
Рѣчка, гдѣ ты лѣтомъ плавалъ безъ заботъ.
Это—очи милой, это—другъ сердечный,
Это—наше небо съ далью безконечной,
Тѣнь родного сада, старый дубъ и кленъ
И зовущій въ церковь колокольный зовъ.
Это—домъ твой, воля, сила молодая,
И отца родного борода сѣдая...
Вотъ, что значить это слово: край родной,
И въ частицахъ мелкихъ и въ семьѣ одной!...“

Эту привязанность къ родинѣ, почти физическую, Кондратовичъ выразилъ много разъ съ поразительною силою: „Родные луга знаю я по аромату, воду родины могу опознать по вкусу, меня не обманетъ пѣніе иныхъ птицъ, по шуму я отгадаю принѣманскія деревья вѣтеръ принѣманскій различу моими легкими... Хлѣбъ! по твоему вкусу и запаху чую я боровую поляну надъ Нѣманомъ, вижу часовню съ соломенной крышей, слышу звонокъ, звенящій надъ головою“ (Kęs chleba). И къ вѣрѣ своей римско-католической Кондратовичъ былъ привязанъ со стороны религіознаго чувства, которымъ былъ всегда проникнутъ, но не со стороны догмата, котораго онъ никогда не разбиралъ и не касался. По его трезвымъ понятіямъ, род-

нигъ чудесъ, простая (kruchciana) вѣра, улетѣла и не гостить больше въ христіанскихъ сердцахъ (Studziński). Для него, вѣротерпимѣйшаго изъ людей, весь смыслъ религіи заключается въ любви къ ближнему, но онъ любитъ изображать вліяніе церковнаго обряда въ наипростѣйшей обстановкѣ, въ убогомъ сельскомъ востелѣ, на души людей смиренныхъ и совершенно простыхъ. Взявъ за исходную точку прославленіе прошедшаго, Кондратовичъ большую часть жизни преслѣдовалъ одну мысль—созданіе великаго эпоса народнаго, но всѣ усилія его въ этомъ направленіи кончались полнѣйшими неудачами. Какъ человекъ весьма логическій, онъ заботился о томъ, чтобы подъ событіе была подложена соответствующая эпоха, а какъ самоучка, онъ эту эпоху дорисовывалъ по учебникамъ, по избитымъ общимъ мѣстамъ, которыя онъ разбавлялъ, парафразируя, и думалъ, что въ этихъ-то общихъ мѣстахъ кроется весь смыслъ исторіи. Идя по стопамъ Мицкевича, Кондратовичъ пытался изобразить въ „Маргерѣ“ (1855) борьбу литовскаго язычества съ орденомъ Тевтонскимъ, но къ характеристикѣ борющихся сторонъ не прибавилось у него ни одной черты, кромѣ имѣвшихся уже у Мицкевича, а дикіе Литовцевъ онъ надѣлилъ такими свойствами добродушія, мягкосердечія, такими чувствами рыцарственности и чести, что эта героическая поэма, подражаніе въ стилѣ и формахъ „Энеидѣ“ Виргиліевой, является скучнымъ, напыщеннымъ, искусственнымъ произведеніемъ, не выдерживающимъ критики ¹⁾. Не лучше Маргера „Каноникъ Пржемысльскій“ (то-есть Станиславъ Оржеховскій), не конченная поэма, и всѣ вообще большихъ размѣровъ рассказы, въ которыхъ Кондратовичъ важничаетъ, но предметъ оживаетъ каждый разъ, когда либо въ повѣствованіе входятъ живые простонародные типы, либо когда, слѣдуя сатирическому настроенію, къ которому у него было всегда расположеніе, авторъ звенитъ всѣми бубенчиками шутовской палочки, когда онъ изображаетъ забавныя легендарныя лица: дѣлающаго все не въ попадѣ пана Филиппа изъ Коноплей, залѣзающаго къ знатнымъ лицамъ пана Марка, трусливаго рыцаря Белину на форпостѣ. Любимая форма произведеній Сырокомли — та же *awenda*, которую сдѣлалъ популярною Польша, но разница между обоими гавендистами та, что Польша — поборникъ панства и власти, а Сырокомли — тѣхъ забытыхъ, бѣдныхъ и загнанныхъ, для которыхъ древняя Польша не была раемъ, но которые любили свой край не хуже счастливецевъ и клали за него свои головы. Въ душѣ этого, до мозга костей шляхтича, при всей его добротѣ, таится неизгладимое злопамятство къ тому льстивому спѣсивому магнатству, которое, по его понятіямъ, несетъ и непосредственную отвѣтствен-

¹⁾ Переводъ ея на русскій языкъ въ 1 № „Русской Мысли“, 1880.

ность за паденіе государства. „Пока застѣжковая шляхта, святые мои предки были нужны панамъ на сеймы и боеванія, до тѣхъ поръ паны ласкали насъ, и спаливали и называли насъ: милостивыми братьями“ (Podkowa). „Слишкомъ ты рѣзко рубила и выпивала, о веселая дружина; въ панскихъ бовалахъ остался одинъ осадокъ, горькая желчь съ укусомъ для убогой брати. Горе тому, кто не платитъ чинша за пашню, сѣнокосъ, за воду въ прудѣ, за кровь, за лучъ солнца, за вдыхаемый воздухъ и за росу увлажненный цвѣтокъ“ (Kęs chleba). Нынѣ шляхты въ прежнемъ смыслѣ нѣтъ, сеймиковъ нѣтъ, переимѣнилась бытовая обстановка. Кондратовичъ такимъ обращеніемъ къ застѣжочной шляхтѣ кончаетъ свой рассказъ *Подкова*: „вы будете нужны опять, не на сеймигъ съ саблею, но съ перомъ, но съ умомъ. Миръ — широкое поле и хлѣба на немъ много, только надо учиться и трудиться“. — Но при новой обстановкѣ чувства прежнія остались, сердце поэта лежитъ къ человѣку мелкому, бѣдному, къ самоубійцѣ, къ простому мужичку. Поэтъ за него страдает; никогда не вмѣшиваясь въ политику, онъ отступаетъ отъ этого правила, онъ становится завзятымъ и желчнымъ сатирикомъ, когда заходитъ рѣчь объ освобожденіи крестьянъ; онъ стыдится своей гербовой печати, въ виду того, что виленскій крестьянскій комитетъ медлитъ заключить объ освобожденіи крестьянъ съ землей (VII, 193); онъ бичуетъ крѣпостниковъ, управляющихъ посредствомъ ременнаго скипетра своими вассалами (VII, 126). Въ стихотвореніи „Кукла“ (I, 191; 1851 г.) онъ заставляетъ дѣвочку рассуждать: „ты, кукла, не знаешь, что мы — паны, а есть еще иной народъ — хлопцы, которымъ Господь-Богъ приказалъ на крѣпко работать на пановъ. Грязные, скверные, пьяные, точно нищие, въ оборванныхъ зипунахъ, еле двигаются, но сами виноваты, Богъ за то ихъ караетъ, что они не слушаютъ папаша“. За то какъ же радуется поэтъ, когда рассказываетъ про великое событіе — учрежденіе сельской школы (IV, 167). Пѣвецъ простонародья, Кондратовичъ гордится именно тѣмъ, что онъ — сельскій свриначъ или лирникъ, который на сельской пирушкѣ займетъ первое мѣсто, но на пиру богатыхъ былъ бы послѣднимъ изъ послѣднихъ и стоялъ бы только у порога (VI, 313: Skrzyrak wioskowy). Пѣвецъ — человѣкъ простой, но ревниво бережетъ свою независимость и радуетъ о томъ, чтобы пѣсня его была въ чести. „Знай, что гордость пѣвца. Я ни предъ кѣмъ не преклоню ни пѣсню, ни голову; гордый сельскій лирникъ, а умру, играя на лирѣ“ (Lirnik wioskowy; VI, 242). По гордому чувству своей независимости Кондратовича превосходитъ только Словацкій; ни предъ кѣмъ онъ не склонилъ ни своей головы, ни лиры, которая по смерти его и донинѣ не нашла подходящаго преемника.

Не только таланты стали, по сравненію съ прежнимъ, односторон-

нѣе и мелче, но и въ преобладаніи и господствѣ родовъ прежней литературы произошла большая перемѣна. Общество не было настолько зрѣло, чтобы находить наслажденіе и чувствовать влеченіе къ чистой наукѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ оно охладѣло къ высокой поэзіи, къ полету въ область міровыхъ идей. Стихъ вытѣсняется прозою, а въ прозѣ всего сильнѣе развиваются на счетъ всѣхъ другихъ отраслей литературы образная живописная исторія — въ лицѣ Шайнохи, и романъ, какъ историческій, такъ и современный, который нашелъ блистательнаго представителя въ лицѣ Сигизмунда Качковскаго, всего лучше изобразившаго въ своихъ произведеніяхъ духъ боязливой, консервативной эпохи отрезвленія послѣ вакханалій романтизма.—Непродолжительно было царствованіе этого романиста, который съ 1851 года, когда появились первыя крупныя его произведенія, сразу поставленъ былъ публично неизмѣримо выше Ржевускаго, а послѣ 1861 г. почти совершенно замолокъ, оставивъ послѣ себя пропасть сочиненій, изъ которыхъ далеко не всѣ нашли себѣ мѣсто въ 11-ти томахъ Варшавскаго изданія Унтера, 1874—75 ¹⁾. Самъ онъ прошелъ, можно сказать, чрезъ огонь и воду и вынесъ въ полной мѣрѣ революціонную лихорадку. Родившійся въ 1826 г., въ одномъ изъ горскихъ ущелій Саноцкаго округа (у верховьевъ Оана, въ Галиціи), Качковскій получилъ образованіе почти исключительно литературное, въ 19 лѣтъ уже кончилъ курсъ наукъ во Львовскомъ университетѣ, а на 20-мъ, въ памятномъ 1846 году, уже сидѣлъ съ отцомъ во львовской тюрьмѣ, доставленный туда крестьянами. Отецъ и сынъ были приговорены, какъ демократическіе агитаторы, первый къ 20-ти годамъ каторги, второй къ повѣшенію. Исполненію приговора помѣшала 1848 г., доставившій обоимъ свободу. Въ этомъ году Качковскій ѣздилъ въ Прагу на съѣздъ Славянъ, какъ делегатъ отъ галиційскихъ Поляковъ; въ 1849 году опять долженъ былъ скрываться послѣ бомбардированія Львова Гаммерштейномъ, но въ концѣ этого года онъ уже поселился во Львовѣ и превратился въ трудолюбиваго многопроизводящаго писателя. Въ тюрьмѣ произошло превращеніе революціонера въ консерватора, противнаго не только революціонному образу дѣйствія, но и самымъ идеямъ революціи. Всѣ причины увлеченій Качковскій отнесъ прежде всего къ романтизму. „Народъ,—разсуждаетъ онъ (Dziwożona, Epilog),—вступая въ новую фазу жизни предпосылаетъ впередъ свои желанія, которыхъ блескъ и отражается въ литературѣ. Эта новая поэзія наша, романтическая, пробудила спящую душу народа, но кто вснигъ до дна эту чашу, испытать

¹⁾ Въ 11-мъ томѣ помѣщается біографія автора, написанная Викентіемъ Коротнскимъ. См. еще Piotr Chmielowski, Z. Kaszkowski, studium literackie; Niwa, 1876. №№ 45—48.

головкруженіе, которое могло бы превратиться въ сумасшествіе“. Наибольше шальной изъ поэтовъ-романтиковъ былъ, по мнѣнію Качковскаго, Юлій Словацкій. Страхнувъ съ себя романтизмъ, Качковскій очутился въ литературѣ какъ просвѣщенный католикъ и аристократъ-прогрессистъ, совѣтующій интеллигенціи своего народа заниматься земледѣліемъ, не раскидываться на всѣ стороны, теряясь въ безцѣльномъ дилеттанствѣ, но стремиться къ образованію специальному и, не задаваясь общими задачами, достигать большихъ результатовъ трудомъ медленнымъ, въ маломъ кругу, но трудомъ органическимъ. Само собою разумѣется, что въ постоянно выводимыхъ и повторяемыхъ мотивахъ борьбы революціонерства съ реакціею, демократіи съ аристократіею, выспренной фантазіи и трезваго разсудка, красивая роль выпадаетъ всегда на долю разсудка, авторитета и знати, какъ хранителя преданій, и некрасивая—на долю выскочки, ловкаго „добробовича“, быстро создающаго состояніе спекуляціями. Таково содержаніе длиннаго ряда современныхъ повѣстей Качковскаго, начинающихся „Катономъ“ (1851), продолжаемыхъ „Движоною“ (1854), „Внучатами“ (1855) „Байронистомъ“ (1855), и завершаемыхъ произведеніями: *Stach z Kępy* (1856) и „Rozbitek“ (1861). Всѣ эти романы разыгрываются въ Галиціи, вертятся вокругъ событій 1846 и 1848 годовъ, небогаты психологическимъ анализомъ, но отражаютъ довольно вѣрно общее движеніе и настроеніе умовъ и нравовъ. Чего не достаетъ имъ въ артистическомъ отношеніи, то наверстала авторъ похвальными по тому времени и полезными тенденціями.

Но не эти современныя повѣсти упрочили за Качковскимъ его громкую славу. Защитникъ шляхетской традиціи, мирящій ее, по своему разумію, съ прогрессомъ, онъ почерпнулъ ее изъ первыхъ рукъ, непосредственно изъ источника. Галиційское общество, отдѣленное отъ Польши еще въ 1772, сохранилось, какъ окаменѣлость, вплоть до XIX вѣка; земля Саноцкая была край горскій, а въ горскихъ краяхъ старина устойчивѣе; въ домѣ Качковскаго жила бабка его, Дзямборогъ-Быльчинская (ум. 1853), которая помнила еще времена Аугуста III и рассказывала съ величайшею точностію о временахъ Понятовскаго и о Барской конфедераціи. Въ тюрьмѣ, прочитавъ все напечатанное о XVIII вѣкѣ въ Польшѣ, Качковскій остановился на конфедераціи и рѣшилъ сдѣлаться историкомъ этого движенія, послѣдняго чисто національнаго, послѣ котораго началось столь же почти противное Качковскому, какъ Ржевускому, проникновеніе французскихъ идей, нравовъ и порядковъ. По выходѣ изъ тюрьмы, онъ погрузился въ громадный рукописный и печатный матеріалъ, относящійся къ XVIII в., хранимый въ Институтѣ Оссолинскихъ и изучилъ этотъ матеріалъ вполне. Исторіи конфедераціи онъ не на-

писалъ, но лица и событія стали укладываться въ повѣсти и рассказы, имѣющіе между собою тѣсную связь, потому что событія совершаются болѣею частью въ Саноцкой землѣ, дѣйствуютъ во многихъ повѣстяхъ однѣ и тѣ же лица, кромѣ того, употребленъ приемъ, который помогъ Ржевускому, — рассказчикомъ является человѣкъ стараго покроя, послѣдній изъ рода Нечуевъ, скарбниковичъ въ Закрочимѣ, Мартинъ Нечуа, который, по выраженію Хмѣлевскаго, обозрѣваетъ Рѣчь-Посполитую съ высоты соломенной крыши своего двора, и въ религіи видитъ главный двигатель дѣлъ домашнихъ и общественныхъ. Цикль Нечуевскихъ повѣстей обширенъ и совмѣщаетъ въ себѣ слѣдующія: *Bitwa o CharaŹankę*, 1851; *Kasztelanice Lubaczewscy*, 1851; *Swaty na Rusi, Murdeho, MaŹ Szalony*, 1852; *Gniazdo Nieuczujow*, 1855; *Starosta Hołobucki*, 1856; *Grób Nieczni*, 1858. Въ нечуевскій циклъ не входятъ *Bracia ślubni*, 1854; *Annuncjata*, 1858; *Sodalis Morianus* 1858. Качковскій — не безусловный обожатель прошедшаго: онъ цѣнитъ развитія въ сословіи братство, идею самоуправленія, онъ отмѣчаетъ грубое невѣжество шляхты, бессердечное отношеніе къ низшимъ классамъ. Но не эта оцѣнка прельщала читателей, а превосходная пластика въ изображеніи дѣйствующихъ лицъ и въ группировкѣ ихъ. Въ 1855, утомленный работою, Качковскій посѣтилъ западную Европу и познакомился со всѣми знаменитостями выходства (Красинскій, Мицкевичъ, Лелевель). Въ послѣднихъ произведеніяхъ элементъ разсужденій и критики беретъ верхъ надъ художественною стороною произведеній (*Sodalis Morianus*, *Rozbitek*). Романъ: „*Źydowscy*“, 1860, былъ скорѣе памфлетъ, направленный противъ романтиковъ въ политикѣ. Съ начала 1881 г. Качковскій сдѣлался даже журналистомъ и сталъ издавать въ Львовѣ газету „Голосъ“, но газета имѣла самое эфемерное существованіе. Въ самомъ началѣ дѣятельности Шмерлингова министерства въ іюлѣ 1861 г. газету запретили, а ея консервативнаго редактора осудили на пяти-лѣтнее заключеніе въ крѣпости, отъ котораго его освободило въ 1862 помилованіе со стороны императора. Оно совпало съ моментомъ, когда въ Россіи появилось послѣднее повстаніе, сопровождаемое соответствующимъ движеніемъ въ Галиціи, въ которомъ главную роль играли эгалитаривные романтики. Качковскій счелъ за нужное оставить Галицію, переселился въ Вѣну, въ Парижъ, принялъ участіе въ западно-европейской журналистикѣ, въ биржевыхъ спекуляціяхъ, прекратилъ связи съ польскою литературою ¹⁾.

Между тѣмъ какъ Качковскій, предположивъ сдѣлаться историкомъ, впоследствии сталъ только романистомъ, совершенно обратное явленіе

¹⁾ Последняя его повѣсть, „Графъ Ракъ“ въ *Gazeta Polska*, 1879, весьма слаба.

перехода отъ поэтическихъ опытовъ къ величайшему искусству въ исторической живописи представляетъ Карль Шайноха, сынъ поселившася въ Галиціи Чеха, который подписывался еще Scheinoha Wtellenky и былъ мелкимъ чиновникомъ судебнаго вѣдомства. Шайноха ¹⁾ родился въ 1818. Въ 1835 г., будучи еще гимназистомъ, за найденные у него стихи онъ былъ арестованъ и подвергнутъ тяжкому заключенію. Полугодовое содержаніе подъ стражею разстроило его здоровье и закрыло ему путь къ высшему образованію. Самое пребываніе въ Львовѣ было ему на первыхъ порахъ запрещено. Молодой немущій человекъ зарабатывалъ хлѣбъ уроками, а потомъ стихами, повѣстями и драмами въ львовскихъ газетахъ, наконецъ сотрудничествомъ въ журналахъ. Въ критическій для Галиціи 1846 годъ, Шайноха совсѣмъ уже перешелъ въ область исторіи и сталъ ее разрабатывать всесторонне то по кускамъ, разрѣшая множество интересныхъ вопросовъ въ многочисленныхъ историческихъ эскизахъ, составляющихъ по совершенству отдѣлки настоящія жемчужины, то обрисовывая великія эпохи, главныя, рѣшающіе моменты въ жизни народа. Свое историческое поприще Шайноха началъ двумя историческими картинами: *Вѣкъ Казимира Великаго* (нап. 1846, печ. 1848) и *Болеславъ Храбрый* (нап. 1848, печ. 1849). Полной зрѣлости и наибольшему блеску его таланта соответствуетъ „Ядвига и Ягелло“, историческій рассказъ въ трехъ томахъ, 1855—1856. По красотѣ рисунка и блеску колорита это капитальное сочиненіе, изданное въ 1879 въ переводѣ Кеневича на русскій языкъ, можетъ смѣло выдержать сравненіе съ „Завоеваніемъ Англій Норманнами“ Огюстена Тьерри и „Исторію англійской революціи“ Маколея. Въ 1855, Шайноха, поступившій на должность помощника управляющаго Институтомъ Оссолинскихъ, женился, но вскорѣ потомъ отъ усиленныхъ трудовъ и работъ онъ потерялъ зрѣніе (съ половины 1857 г.). Съ тѣхъ поръ и до смерти 1868 г. слѣдуетъ періодъ непрестанной дѣятельности при пособіи чтецовъ и по диктовкѣ. Свѣжесть ума и страшная память давали возможность слѣпому ученому разрѣшать громадныя задачи. Въ 1858 выведено начало польскаго государства отъ заморскихъ Варяговъ. (*Lechicki początek Polski*). Раньше еще объяснено (*Nowe szkice historyczne*, 1857) начало шляхты и гербовъ въ Польшѣ. Въ 1860 г. предпослано начало повѣствованія о Янѣ III Собѣскомъ, которому не суждено было имѣть продолженіе. Наконецъ смерть застигла историка, когда онъ дописывалъ послѣднія главы въ описаніи великаго кризиса польской исторіи, а именно козацкихъ войнъ: *Dwa lata dziejów naszych*, 1865—1869.

¹⁾ Изданіе его историческихъ сочиненій сдѣлано Унгромъ въ Варшавѣ въ 10 томахъ: *Dzieła Karola Szajnochy*, 1876—1878. Въ десятомъ томѣ помѣщено обширное жизнеописаніе Шайнохи, составленное Климентомъ Кантецкимъ.

Самое большее число и самых сильных талантов доставила литература въ периодъ послѣ 1848 г. Галиція, столь долго считавшаяся самою отсталой провинціею, возмущенная до самыхъ основаній общества жестокою междоусобною соціальною борьбою, но начинающая пользоваться послѣ 1859 г. плодами болѣе свободнаго отношенія къ народностямъ центральнаго австрійскаго правительства. Производительность польской литературы въ предѣлахъ Россійскаго государства не увеличилась даже послѣ 1856 г., когда началась при новомъ царствованіи эпоха коренныхъ и всестороннихъ реформъ. Дѣятелей было мало, публика серьезнаго чтенія чуждалась, но пріохотилась къ роману. Корифеевъ польскаго современнаго романа было двое: Корженіовскій и Крашевскій.

Іосифъ Корженіовскій ¹⁾ род. въ 1797, въ мѣстечкѣ Бродахъ, воспитывался въ Кременецкой гимназій, возведенной при немъ въ званіе лицея, и кончивъ здѣсь въ 1819 г. курсъ наукъ, отправился въ Варшаву, гдѣ принялъ на себя обязанности гувернера при маленькомъ сынѣ генерала Вивентія Красинскаго, Сигизмундѣ, вскорѣ потомъ женился на дочери профессора варшавскаго университета, живописца Фогеля, и назначенъ въ 1829 г. попечителемъ Чарторыскимъ на ту самую кафедру исторіи польской литературы, въ Кременецкомъ лицей, которую прежде занималъ Алоизій Фелинскій. Молодой профессоръ былъ электикъъ, до конца жизни въ немъ осталось много классическихъ вкусовъ и привычекъ. Людвигу Осинскому, съ которымъ онъ познакомился въ гостиниой Красинскихъ, онъ поклонялся и „Барбару“ Фелинскаго считалъ образцовою трагедіею; но и на него подѣйствовало личное знакомство съ Бродзинскимъ, онъ полюбилъ и Шекспира и Шиллера и старался мирить по мѣрѣ возможности, въ своемъ курсѣ, классиковъ съ романтиками. Мирнымъ занятіямъ преподаванія любимаго предмета помѣшали событія 1830 г.: лицей былъ закрытъ; изъ его денежныхъ средствъ, собраній, музеевъ и даже изъ личнаго состава его преподавателей образованъ университетъ св. Владимира, въ которомъ Корженіовскаго заставили преподавать миеологію и римскія древности, а въ 1837 г. его перевели директоромъ гимназій въ Харьковъ. Пребываніе въ Харьковѣ во многихъ отношеніяхъ принесло пользу Корженіовскому: общество польское онъ здѣсь имѣлъ пріятное (Александръ Мицкевичъ, филологъ профессоръ Альфонсъ Валицкій), досугу много, работалось скоро и послѣвали драмы, трагедіи, комедіи, писанныя бѣлыми метри-

¹⁾ Полное собраніе сочиненій, изданіе редакціи журнала Kłosy, въ 12 томахъ, въ Варшавѣ, 1871—1873. Этюдъ о Корженіовскомъ Ржонжевскаго въ Bibl. Warsz., 1875, I. Жизнеописаніе Корженіовскаго написалъ Клементъ Кантецкій: Dwaj Krzemieńczykowie. Wizerunki literackie. II, Korzeniowski. Lwów, 1879.

ческими стихами или прозою. Первые опыты начаты еще въ Кременцѣ: „Анѣля“, „Клара“ (1826), „Монахъ“ и мн. др., хотя хорошо осмыслены, но сама начитанность автора вредила творчеству, и произведенія строились не на оригинальныхъ, а на вычитанныхъ и заимствованныхъ мотивахъ. Однако, талантъ развивался, и это развитіе совершалось посредствомъ перехода отъ высокихъ сюжетовъ и высокаго слога къ простой помѣщичьей и мѣщанской драмѣ и комедіи, причѣмъ проявлялись весьма мѣткая наблюдательность и тонкое остроуміе, а форма была всегда красива и привлекательна. Нѣкоторыя изъ этихъ драмъ, впрочемъ немногія поразительны по силѣ страсти, напр. *Карпатскіе юрты* (1843), въ которой главный герой, галиційскій крестьянинъ Ревизорчукъ, взятый въ рекруты, бѣжитъ и дѣлается разбойникомъ, или по глубинѣ мысли, напр. „Евреи“ (1843), въ которой настоящіе дѣйствующіе въ пьесѣ Евреи не лишены благородства, а своекорыстіемъ и происками опередили ихъ баре и помѣщики, разные съ натуры списанные типы современнаго шляхетскаго общества ¹⁾. Только въ „Карпатскихъ горахъ“ Корженіовскій сходилъ въ подвалы простонароднаго быта, большею же частью онъ не переступаетъ предѣловъ средняго состоянія и предпочитаетъ веселое трагическому; мелочь, ничтожный случай, анекдотъ достаточны для созданія пьесы. Этими пьесами пробавлялась главная сцена польская того времени—театръ варшавскій. Намѣстникъ Паскевичъ бывалъ на представленіяхъ, чѣмъ воспользовались доброжелатели Корженіовскаго изъ высшаго польскаго общества и исходатайствовали опредѣленіе его, въ 1846, въ Варшаву по учебному вѣдомству, въ которомъ онъ оставался по смерть свою, послѣдовавшую въ Дрезденѣ 17 сентября 1863, когда онъ состоялъ въ должности директора отдѣла народнаго просвѣщенія, вѣроисповѣданій и просвѣщенія, на которую опредѣленъ былъ маркизомъ Велепольскимъ.—Еще во время бытности своей въ Харьковѣ Корженіовскій со сценическихъ подмостковъ сталъ переходить въ повѣсть и написалъ два превосходные романа Коллокасу (изд. 1857) и „Спекулянтъ“ (изд. 1846). Въ Варшавѣ онъ главнымъ образомъ посвятилъ себя этому болѣе свободному и менѣе стѣсняемому цензурными условіями роду творчества (*Wedrówki oryginala*, 1848; *Garbaty*, 1852; *Tadeusz Bezimienny*, 1852; *Krewni*, 1857, и мн. др.). Корженіовскій писалъ сравнительно меньше, нежели Крашевскій, отдѣлывалъ свои созданія тщательнѣе и какъ художникъ, можетъ быть, стоять выше, но во всѣхъ другихъ отношеніяхъ уступаетъ своему сопернику. Онъ былъ умный человекъ, по природѣ умѣренный и спокойный, не любящій натянутаго положенія, трагическихъ коллизій, неизлечимаго горя. Онъ прославлялъ трудъ,

¹⁾ Переведена въ „Современникъ“ 1861.

честность, семейныя добродѣтели, но онъ вполне цѣнилъ счастье имѣть состояніе, обеспеченное положеніе, въ его герои исполнены филистерской добродѣтели, свойственной людямъ, которымъ живется по ихъ житейской обстановкѣ легко и хорошо и пригодной тѣмъ, которые никогда не плывутъ противъ теченія. Заключившись въ кругу людей зажиточныхъ, онъ ничего впоследствии внѣ этого общества не изучалъ и не изображалъ.

Излагать въ подробности дѣятельность Крашевскаго мы не станемъ, потому что она шла, постепенно развиваясь, въ теченіи описываемаго нами періода (1848—1863), и не только не слабѣла съ годами, но въ настоящую минуту сильнѣе и разнообразнѣе, чѣмъ въ періодѣ 1848—1863 и по количеству производимаго и по содержанию ¹⁾. Ограничимся нѣсколькими хронологическими указаніями. Съ 1837 по 1853 г. Крашевскій дѣлилъ время между литературою и земледѣліемъ, пребывая въ Волынской губерніи въ Омельнѣ, потомъ 1840—1849 въ Грудкѣ близъ Луцка, а потомъ въ Губинѣ, дѣлая отъ времени до времени поѣздки въ Кіевъ на контракты, въ Одессу, въ Варшаву. Съ 1838 г. онъ былъ уже семейный человѣкъ (женился на Софіи Вороничъ). На эти годы приходится издательство „Атenea“ (1841—1852), охлажденіе отношеній къ Грабовскому, разрывъ съ вліятельнымъ, а порою опаснымъ кружкомъ „Петербургскаго Тыгодника“, изученіе и близкое знакомство (съ 1845) съ Гегелевою философією. Рядъ хозяйственныхъ неудачъ по имѣнію заставилъ Крашевскаго покинуть деревню и поселиться съ 1853 въ Житомирѣ. Здѣсь, вмѣсто ожидаемаго спокойствія, онъ очутился въ центрѣ весьма оживленнаго и своими маленькими провинціальными интересами занятаго общества, полу-чиновничьяго, полу-помѣщичьяго. Съ официальнымъ міромъ Крашевскаго связало почетное попечительство въ житомирской гимназіи, директорство театра (польскаго), директорство въ дворянскомъ клубѣ. Хорошія отношенія въ волынской помѣщичьей средѣ были подвергнуты испытанію, когда законодательною властью возбужденъ былъ и предложенъ губернскимъ комитетамъ крестьянскій вопросъ. Не принимая участія въ работахъ по этому вопросу, Крашевскій счелъ долгомъ понуждать соотечественниковъ къ наиболѣе радикальному рѣшенію его и подавалъ совѣты, письменно и печатно, что „свобода безъ собственности ни на что не пригодна, что одна усадьба—не собственность, а прикрѣпленіе; что надо придумать нѣчто побольше и иначе“ (біогр. въ *Książka jubil. LXXXI*). Значительная часть шляхты волынской сочла эти совѣты за личную для себя обиду, но молодое поколѣніе поддержало Крашевскаго и выборъ

¹⁾ Матеріалъ для живнеописанія и обзоръ дѣятельности въ изданіи: *Książka jubileuszowa dla uczczenia pięćdziesięcioletniej działalności J. I. Kraszewskiego*, 1880.

его въ почетители состоялся 1859 г., хотя не безъ сильной оппозиціи. Пока шло крестьянское дѣло въ комитетахъ, Крашевскій побывалъ въ первый разъ за границею, посѣтилъ Италію; волынскія отношенія ему надоѣли, вслѣдствіе розни по крестьянскому вопросу; потому онъ охотно принялъ въ 1860 г. предложенное ему редакторство „Ежедневной Газеты“ въ Варшавѣ (вскорѣ потомъ переименованной, въ 1861 г., въ *Gazeta polska*), предложенное ему извѣстнымъ капиталистомъ Леопольдомъ Кроненбергомъ. Положеніе Крашевскаго въ Варшавѣ было весьма вліятельное, но трудное, исполненное несприятностей и не по его характеру. Уже началось въ Царствѣ Польскомъ то національное движеніе, которое потомъ разыгралось повстаньемъ 1863 г.; ему предшествовало совершившееся въ эти года сліяніе еврейскаго элемента съ польскимъ, на почвѣ равноправности. Главнымъ проводникомъ этой идеи былъ Кроненбергъ, владѣтель „Ежедневной Газеты“, съ которымъ сошелся Крашевскій, потому что сознавалъ своевременность сліянія и рассуждалъ: „въ моихъ глазахъ нѣтъ Евреевъ, а есть только граждане и тѣ, которые не заслуживаютъ этого имени“ (XCVII). Какъ бы то ни было, консерваторы, ультра-аристократы и ультрамонтаны подняли крикъ о томъ, что Крашевскій запродавъ себя Евреямъ. Движеніе шло, существовала надежда, что можно его затормозить во-время и войти въ русло либеральныхъ реформъ. Въ сущности программа Крашевскаго совпадала съ программой Велепольскаго: равноправность состояній, соединеніе ихъ въ одно цѣлое, гуманность безъ космополитизма, прогрессъ не въ ущербъ народности; развитіе въ христіанскомъ духѣ съ предоставленіемъ каждому свободы совѣсти („Польская Газета“, № 57, 1861). Но сверхъ программы былъ вопросъ о средствахъ, а чѣмъ дальше шло движеніе, чѣмъ выше подымались волны, тѣмъ труднѣе было человѣку, просто либеральному, но чуждающемуся принадлежности къ какой-бы то ни было партіи сохранять свободу слова между крайностями. Краснымъ Крашевскій противодействовалъ, но и маркиза не удовлетворилъ и долженъ былъ въ концѣ 1862 оставить редакторство газеты, а въ январѣ 1863 г. получилъ предложеніе уѣхать за границу. Съ тѣхъ поръ и донинѣ Крашевскій пребываетъ за границею; онъ поселился въ Дрезденѣ, написалъ подъ именемъ Болеслава нѣсколько серій годовыхъ „Счетовъ“, или итоговъ послѣ печальной неудачи 1863, и много повѣстей, на основѣ событій того времени; цѣлый рядъ историческихъ повѣстей изъ древняго быта Польши, изображающій ходъ развитія жизни народа, въ картинахъ, по идеѣ Фрейтаговскихъ *Album*; цѣлый рядъ повѣстей изъ савсонской исторіи, временъ Августовъ II и III; большое историческое произведеніе въ трехъ томахъ: *Polska w czasie trzech rozbiorów* (Розрап, 1873—1875), безчисленное множество нар-

респонденцій во всѣ газеты, — наконецъ онъ дождался признанія, въ первыхъ числахъ октября 1879 г., въ Краковѣ, своего пятидесяти-лѣтняго юбилея. По расчету библиографа Эстрейхера, къ тому дню Крашевскій издалъ 250 дѣлъхъ произведеній въ 440 томахъ.

Въ связи съ поименованными шестью главными дѣятелями періода состоитъ безчисленное множество второстепенныхъ, изъ которыхъ укажемъ на нѣсколько, особенно выдающихся. Въ ближайшемъ отношеніи съ Качковскимъ Иванъ Захарьясевичъ, родомъ изъ восточной Галиціи, родившійся 1825 и въ 1842 уже посаженный за писательство въ австрійской крѣпости Шнильбергѣ, снискалъ большую извѣстность въ области тенденціознаго романа, построеннаго на животрепещущихъ вопросахъ дня, на послѣднихъ заботахъ общества (*Jednopiówki*, 1855; *Sw. Jur*, 1862; *Na kresach*, 1860). Бывшій профессоръ польской литературы въ Львовскомъ университетѣ, авторъ исторической грамматики польскаго языка, изданной въ 1879, и біографъ Словацкаго, Антонъ Малецкій, родомъ Познанецъ (род. 1821), написалъ превосходную историческую драму, на тѣмъ крѣпостнаго состоянія въ XVII вѣкѣ, „Опасная грамота“ (*List żelazny*, 1854) и комедію „Гороховый Вѣнокъ“, изъ записокъ Паска (1855). Весьма талантливый лирикъ Корнелій Уйтскій, Галиціанинъ (род. въ 1823), сблизился въ Парижѣ съ Словацкимъ и является вплоть до нашего времени продолжателемъ первоначальнаго романтизма въ его великихъ, не считающихся съ возможностью, порывахъ и даже въ его практическихъ приложеніяхъ; онъ былъ и глѣвомъ послѣдняго повстанія (хоралгъ: *Z dymem rozagów*). Его поэма „Марсезонъ“, „Плачь Іереміи“, 1847, и „Виблейскія мелодіи“ 1852, исполнены огня и силы. Ёдкій и односторонній критикъ, онъ ожесточенно полемизировалъ (1861) съ Полемъ—за его отсталость, и съ Качковскимъ—за его умѣренность по поводу романа: „Жидовскіе“. Талантливейшимъ публицистомъ и литературнымъ критикомъ выходства, въ Парижѣ, въ духѣ романтической школы, явился Юліанъ Клячко, родомъ Еврей, изъ Вильна (род. 1826), ученикъ Гервинуса. Варшава имѣла глубокаго знатока старины и изслѣдователя въ лицѣ Юліана Бартошевича (1821—1870, восп. въ петерб. унив.), автора весьма многихъ монографій и изданной недавно по его смерти „Первоначальной исторіи Польши“ (*Historya pierwotna Polaki*, 1878—1879, въ 4 томахъ), доведенной до конца XII вѣка. Замѣчательный труженикъ, Бартошевичъ не можетъ считаться однако великимъ историкомъ, по своей точкѣ зрѣнія, ограниченной, строго церковной. Изъ группы варшавскихъ поэтовъ 1840-хъ годовъ, вышелъ способный и одаренный поэтическимъ чутьемъ, Теофилъ Ленартовичъ (род. 1822), уѣхавшій въ 1848 за границу и поселившійся въ Италіи, скульпторъ и лирикъ, замѣстующій содержаніе своихъ красивыхъ нѣсней изъ

религиозныхъ и простонародныхъ польскихъ мотивовъ и изъ картинъ итальянской природы (Ligenka 1851; Nowa ligenka, 1857; Poezyc, 1868; Album włoskie, 1868). Волынский уроженецъ Аполлонъ Наленчъ-Корженіовскій (1821 — 1869) оставилъ послѣ себя двѣ въ драматической формѣ ѣдки сатиры на общество польское конца пятидесятихъ годовъ (Komedia, 1856; Dla miłego grosza, 1859). Подъ самый конецъ періода появились первые опыты талантливаго новеллиста Сигизмунда Милковскаго (род. въ 1820, въ Подольской губ., живущаго въ Швейцаріи), который отличился впоследствии своими романами изъ польской истории и изъ быта южныхъ славянъ, подъ псевдонимомъ Омни-Федора Ежа (Handzia Zahognicka, Szandor Kowacz, Historia o praprawniku i prapradziadku).

Будучи только отблескомъ и ослабленнымъ повтореніемъ мотивовъ блистательной эпохи романтизма, литература переходнаго періода 1848—1868 г., не имѣла прямого вліянія на послѣдующія событія и на самую катастрофу 1863 г. Въ общей сложности, она прилагала всевозможныя усилія въ тому, чтобы этотъ роковой исходъ отворотить и ослабить, но не могла успѣть очевидно потому, что для этой цѣли требовалось бы перевоспитаніе общества, наладившагося, въ теченіе нѣсколькихъ десятилѣтій, извѣстнымъ образомъ думать и чувствовать и утвердившаго свои убѣжденія какъ на якорѣ на ненормальной постановкѣ польскаго вопроса, которая дана этому вопросу послѣ событій 1831 года, доведшихъ взаимное озлобленіе славянскихъ націй до крайняго предѣла. Чувство—плохой совѣтникъ, а между тѣмъ въ теченіи многихъ лѣтъ оно говорило и дѣйствовало одно, раскиная свои цѣпты и ставя вожатыми народу не людей трезво-разсудочныхъ, но людей воображенія—поэтовъ. Катастрофа 1863 г. не могла не подѣйствовать разрушительнымъ образомъ и на самую литературу; но въ сущности она весьма немногимъ уменьшила литературную производительность и подготовила внутри литературы пережвѣн, которыя нельзя не признать весьма полезными. Одна изъ особенностей положенія польскаго общества подъ тремя державами заключается въ томъ, что упадокъ производительности не можетъ быть одновременно повсемѣстный: производительность эта сокротилась и почти исчезла на западной окраинѣ Имперіи, но увеличилась въ Варшавѣ, которая служитъ теперь умственнымъ центромъ для западныхъ и юго-западныхъ губерній, потерявшихъ свои умственные центры въ Вильнѣ, Кіевѣ, Житомирѣ, и въ которой число новременныхъ и другихъ изданій не въ примѣръ больше, чѣмъ оно было до 1863. Познань замѣчательна какъ центръ издательства польскихъ книгъ (Жуванскій). Въ Галиціи, пользующейся широкою провинціальною автономіею, сверхъ введенія преподаванія на польскомъ языкѣ въ двухъ университетахъ

(краковскомъ и львовскомъ) возникла въ Краковѣ въ 1873 г. Академія знаній (преобразованная изъ бывшаго Общества любителей наукъ), которая по организаціи собирательнаго труда и по многочисленности изданій приобрѣла весьма почетную извѣстность. Конечно, на полѣ письменности цвѣты поэзіи перевались. Послѣдній, кто напоминаетъ великую минувшую поэтическую эпоху, лирикъ Адамъ Асныкъ (род. 1838), живущій въ Краковѣ (Poezycze przez El...y, Rienzi, 1874; Kiejstut, 1879), подходитъ къ своимъ предшественникамъ болѣе по формѣ, нежели по духу. Произведенія великихъ мастеровъ польскаго романтизма отошли въ даль, превратились въ предметъ критическаго изученія въ родѣ ископаемой флоры каменноугольной формациі, прикрытой наносными пластами идей и ученій, составляющихъ прямую противоположность безнравственному идеализму, служившему почвою романтизму. Нѣтъ ничего естественнѣе того разлитія матеріалистическихъ ученій или, лучше сказать, позитивизма, котораго мы были свидѣтелями въ послѣдніа десять лѣтъ. Почва отощала, бывъ столько лѣтъ безъ перемѣжки цвѣтникомъ; она требовала удобренія, удобреніемъ и явилось положительное современное знаніе, стремящееся согласовать два міра—души и матеріи—въ общемъ синтезѣ, но на подкладѣ результатовъ, добытыхъ естествознаніемъ. Съ тѣхъ поръ на современныхъ людей пересталъ дѣйствовать одуряющій ароматическій запахъ, который распространяла превратившаяся нинѣ въ ископаемую флора романтизма въ то время, когда она была еще въ полномъ цвѣту, а между тѣмъ ея подпочвенные пласты столь богаты, что ихъ и на многіе вѣка достанетъ для удовлетворенія тѣмъ потребностямъ природы, которыхъ требуетъ поэзіа, какъ нища. Они остаются и останутся на виду, и если когда-нибудь, вѣроятно, весьма не скоро, появится при соотвѣствующихъ обстоятельствахъ новая поэзіа, первымъ условіемъ, которое отъ нея потребуетъ, будетъ то, чтобы она превзошла по красотѣ формъ великіе образцы прежней блистательной эпохи. Нынѣшнее время не благоприятствуетъ поэтическому творчеству, потому что въ немъ преобладаетъ сухой и трезвый духъ критики, начавшій съ коренной повѣрки взглядовъ на свое прошедшее, съ отрѣшенія и отреченія отъ предположеній будто бы прошлое Польни представляетъ собою нѣчто столь идеально-высшее, что будь эти идеи исполнѣ осуществлены, ими бы и разрѣшились всѣ міровыя задачи настоящаго и будущаго. Новѣйшіе нслѣдователи, стоящіе во главѣ исторической науки—краковскіе профессора: Іосифъ Шуйскій (род. 1835), Михаилъ Бобржинскій, познавскій ученій Казиміръ Яроховскій; по части литературной критики: профессоръ графъ Станиславъ Тарновскій (род. 1837), Петръ Хмѣлевскій—склоняіе преувеличивать темныя пятна и недостатки или неадаѣлки въ прошломъ и думать,

что первое условіе хода къ лучшему заключается въ томъ, чтобы отвыкнуть отъ анархическихъ привычекъ и фантазій и, работая надъ самими собою, привыкнуть къ строгой дисциплинѣ, къ труду упорному и органическому въ маломъ кругѣ дѣятельности. Нельзя сказать, чтобы изящная литература была въ совершенномъ запущеніи; она не преобладаетъ, но имѣетъ замѣчательныхъ представителей. Современная повѣсть съ реалистическимъ направленіемъ—въ лицѣ Генриха Сенкевича (*Szkice węglem*), сатира—въ Львовскомъ писателѣ Янѣ Лямѣ (род. 1838: *Koconiasz w Galicyi*, 1869; *Panna Emilia, Głowy do pozłoty*, 1873); проживающая въ Гроднѣ писательница Элиза Оржешко разрабатываетъ съ талантомъ въ своихъ повѣстяхъ (*Eli Mekozer, Meir Ezołowicz*) еврейскій вопросъ. Всего больше посчастливилось комедии и драмѣ. По этой части имѣется цѣлая фаланга юныхъ писателей, которые поддерживаютъ польскую сцену на весьма приличной высотѣ: Наржимскій (ум. 1872), Любовскій, Валуцкій, Казиміръ Залевскій, Свентоховскій, Бливинскій, Фредро сынъ. Нельзя не отмѣтить, что хотя существуетъ несомнѣнная склонность въ новейшей польской литературѣ въ научноѣ отношеніи къ позитивизму, въ области искусства къ реализму, но движеніе совершается весьма не быстро, послѣ величайшихъ усилій и совсѣмъ непохоже на то, что дѣлается иногда въ другихъ литературахъ, напр. въ русской, гдѣ волны новаго движенія заливаютъ иногда все, прежде того уже установившееся, которое какъ бы совсѣмъ исчезаетъ въ этихъ волнахъ. Корни романтизма въ польской литературѣ еще весьма крѣпки; каждое нападеніе на издавна установившееся мнѣніе, на имя поэта, увѣнчанное ореоломъ и имѣющее авторитетъ, вызываетъ цѣлую бурю скороби, которые ведутся съ крайнимъ оживленіемъ и даже ожесточеніемъ. Иначе и быть не можетъ въ литературѣ, имѣющей свои традиции, а эти традиции въ польской письменности особенно крѣпки и вѣрны, вслѣдствіе того, что вся почти жизнь народа въ теченіи XIX вѣка ушла почти исключительно въ литературу и искусство и въ ней одной только и могла отражаться.

Примѣчаніе къ стр. 471. Древнѣйшая польская пѣснь «Богородица» была всесторонне исследована и критически разработана въ слѣд. сочиненіяхъ:

— Dr. Rymarkiewicz, *Pieśń Boga-Rodzice w Rocznikach Pozn. Tow. Przyjaciół nauk.* t. X (1878) str. 393.

— W. Nehrung, *Ueber den Einfluss der altostreichischen Literatur auf die altpolnische*, въ *Archiv für slavische Philologie*, 1876.

— Dr. Roman Piłat, *Pieśń Bogarodzica, restytucya tekstu*, Kraków, 1879.

— Dr. Antoni Kałina, *Razmów krytyczny pieśni «Bogarodzica»*. Lwów 1890.

Польскіе Слезаци.—Пруссіе Мазури.—Кашуби.

Со времени заключенія Губертбургскаго мира 1763, Силезія принадлежит Пруссіи, за исключеніемъ двухъ маленькихъ кусковъ этой земли, герцогства Троппавскаго и герцогства Цѣзинскаго. Съ 1335 г. когда Казиміръ Великій отказался отъ всякихъ притязаній на эту землю по договору въ пользу Іоанна, изъ дома Люксембургскаго, короля чешскаго, всякая политическая, а вмѣстѣ съ нею и литературная связь, были прерваны между Польшею и Силезіею. Эта земля—древне-ляшская, населенная народомъ чисто польскаго происхожденія; но его верхніе слои, дворянство, духовенство обомъ вѣроисповѣданій, римско-католическаго и протестантскаго, давно потеряли свой національный характеръ, и подчинились либо чешской культурѣ, либо нѣмецкой, а города заселены сплошь Нѣмцами, родной же языкъ держался только по деревнямъ и то почти въ одной только верхней Силезіи и употреблялся почти исключительно въ домашней жизни, даже не въ церкви, такъ какъ по обыкновенію, восходящему во временахъ когда Силезія входила въ составъ чешской короны, духовенство обомъ вѣроисповѣданій въ населенныхъ Славянами мѣстностяхъ, предпочитало употребить въ проповѣдяхъ и пѣсняхъ, вмѣсто польскаго, чешскій языкъ. Когда львовичъ епископъ Карлъ Антоновичъ въ сороковыхъ годахъ посѣтилъ Силезію въ качествѣ страствующаго проповѣдника, и въ обращеніи къ слушателямъ назвалъ ихъ „польскимъ людомъ“, мѣстное духовенство просило его не употреблять это оскорбительное названіе, а называть народъ „прусскимъ“ или „верхне-силезскимъ“.

Польское литературное возрожденіе между Слезацими началось однако въ XIX столѣтіи, но не раньше какъ въ началѣ пятидесятихъ годовъ. Начато оно было одновременными усиліями нѣсколькихъ въ одномъ духѣ дѣйствовавшихъ безъ всякаго согласенія лицъ, учителей, проповѣдниковъ, журналистовъ. Въ австрійской Силезіи въ Цѣзинѣ въ 1851 году сталъ издаваться мѣсячный журналъ, Gwiazdka

Слезуѣка, Павломъ Стальмахомъ. Ксандръ Янушъ, приходскій священникъ въ Зыбранидовѣ затѣялъ замѣнить языкъ чешскій польскимъ, при богослуженіи. Еще важнѣе заслуги Нѣмца по происхожденію, достигаемаго сана епископа и званія рейнрунгс-рата въ Оппелнѣ и инспектора училищъ въ Горной Силезіи, Бернарда Богедайна (1810 — 1860). Сынъ крестьянина изъ окрестностей Гроссъ-Глогау, кончившій курсъ наукъ въ Вроцлавскомъ университетѣ, Богедайнъ пристрастился къ польскому языку и литературѣ въ Познани, гдѣ былъ рукоположенъ во священника, потомъ въ Быдгощи и Парадизѣ, гдѣ былъ учителемъ. Онъ задался мыслью просвѣщать сельскій народъ горно-силезскій на наиболѣе понятномъ ему родномъ его языкѣ, издавая катехизисы, духовныя пѣсни, основалъ „Еженедѣльникъ“ для крестьянъ (1849), недолго впрочемъ просуществовавшій въ Оппелнѣ. Его вліятельное положеніе въ управленіи училищами давало ему возможности выбирать сотрудниковъ, открывать молодыя дарованія. Однимъ изъ такихъ имъ созданныхъ дѣятелей явился человекъ, который нынѣ считается главнымъ представителемъ національнаго польскаго литературнаго движенія въ верхней Силезіи, Карлъ Марка¹⁾, родившійся въ 1824 въ селѣ Пѣльгржимовицахъ. Марка, бывшій школьнымъ учителемъ въ родномъ селѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ органистомъ деревенской церкви, писалъ иногда рассказы и статейки по-нѣмецки. Его заставили учиться, познакомиться на 37 году жизни съ богатствами польской литературы и исторіею своего племени. Первая его польская повѣсть *Górka Klementowa*, явилась въ 1841 у Стальмаха, въ „Звѣздочѣ Цѣминской“. Школьный учитель сдѣлался вмѣстѣ съ тѣмъ и редакторомъ журнала, издаваемого въ Цеварахъ „Zwiastun górnoślązki“, а съ 1869 г. оставивъ званіе учителя, онъ исключительно отдалъ себя журналистикѣ, посвященной поддержанію и развитію народности въ сельскомъ населеніи верхне-силезскомъ.

Первый толчокъ литературному возрожденію народности дано между Слезакими римско-католическимъ духовенствомъ; такой же толчокъ дало и протестантское духовенство между прусскими Мазурами, почти сплошнымъ яншскимъ, мазовецкаго оттѣнка, сельскимъ населеніемъ, занимающимъ длинную полосу отъ Гольдапа и Лыба, т.-е. отъ рубежей Сувалской губерніи, вплоть до Торна, Хелма (Culm) и Грудзиондза (Graudenz) на Вислѣ. Часть этой полосы входила въ составъ такъ-называемой княжеской или ленной Пруссіи, окончательно отошедшей отъ Польши по Велавскому трак-

¹⁾ См. о немъ Tygodnik Ilustrowany Warszawski, 1860.

тату 1657 года; часть захватывала южную окраину Вармии и Хелмское воеводство, доставнився Пруссии въ 1772 году. Что касается литературы не погасъ послѣ паденія Рѣчи-Посполитой и что продолжала процвѣтать единственная возможная отрасль словесности — простонародная, тѣмъ польскій народъ въ Пруссии обязанъ прежде всего весьма извѣстному и уважаемому человѣку, Кристофу Целестину Мронговіусу (1764 — 1855), родомъ померанцу, польскому проповѣднику евангелической общины въ Данцигѣ и преподавателю польской словесности въ данцигской гимназіи. Мронговіусъ собралъ и издалъ церковныя пѣсни ¹⁾, употребляемыя въ прибалтійскихъ странахъ (въ это изданіе вошли и псалмы Яна Кожановскаго), написалъ польскую грамматику на нѣмецкомъ языкѣ (*Poľnische Grammatik*, 1-е изданіе, въ Креловцѣ, 1794; 2-е 1805), словари нѣмецко-польскій (1823) и польско-нѣмецкій (1835), проповѣди, издалъ для простонародья „Флиса“ Кленовича (*Gdańsk*, 1829), переводилъ Ксенофонта, Платона, переписывался съ княземъ Адамомъ Чарторыскимъ, съ канцлеромъ Румянцовымъ, отъ котораго получилъ порученіе (1826) объѣхать и изучить поселенія Кашубовъ. Мронговіусъ былъ членомъ множества ученыхъ обществъ и пользовался особеннымъ расположеніемъ короля Фридриха-Вильгельма IV. Другой дѣятель на томъ же поприщѣ Густавъ Гизевіусъ (1810 — 1848), пасторъ протестантскій въ Остероде, женившійся на ревностной Мазуркѣ, которая умѣла вселить въ него любовь къ польскому языку и рѣшимость явиться борцомъ за польскую народность и однимъ изъ дѣятелей обще-славянскаго движенія въ сороковыхъ годахъ, въ которомъ онъ принималъ участіе, завязавъ литературныя связи съ варшавскими, краковскими, познанскими литераторами и учеными славистами. Гизевіусъ ѣздилъ въ Данцигъ познакомиться съ Мронговіусомъ, въ Варшаву, писалъ стихи на польскомъ языкѣ, основалъ въ Лыбѣ, просуществовавшій нѣсколько лѣтъ, журналъ: „Przyjaciel ludu łecki“, отстаивалъ въ нѣмецкихъ газетахъ интересы польскаго языка въ школь и администраціи, жаловался на притѣсненія со стороны Нѣмцевъ, и избранъ былъ депутатомъ въ прусскій сеймъ въ 1848 г., когда его постигла смерть. Изъ позднѣйшихъ дѣятелей на томъ же поприщѣ слѣдуетъ отмѣтить Игнатія Лисковскаго ²⁾, основаннаго въ 1850 году въ Хелмѣ недѣльный журналъ *Nadwislania* (прекратившійся въ 1863 г.), и дѣйствовавшій въ качествѣ члена польской группы въ прусскомъ сеймѣ, — Юсифа Хоцишевскаго, издателя многихъ книжекъ и повѣ-

¹⁾ *Pieśnioksiąż czyli Kaucyonał Gdański...* (ochotnym nakładem obywateli pomorskich). Gdańsk, 1808.

²⁾ Въ 1854 г. въ Бродницѣ (Strassburg) онъ издалъ: *Pieśni gminne i przysłowia ludu polskiego w Prusach Zachodnich*.

стей для дѣтей и простолюди, — и Игнація Даниелевскаго, издателя Торнской газеты на польскомъ языкѣ.

Отъ Вислинской дельты на западъ до береговъ Пудскаго (Pützig) залива, въ бывшей Королевской Пруссіи, и по самому побережью въ Помераніи разсѣяны, сильно перемѣшанныя съ Нѣмцами, деревенскія поселенія одного изъ старѣйшихъ славянскихъ племенъ Кашубовъ или Кашебовъ, которое насчитываетъ нынѣ нѣсколькимъ болѣе ста тысячъ человекъ. Въ Помераніи это населеніе — протестантское и оттѣняется все болѣе и болѣе къ морю, такъ что оно держится главнымъ образомъ въ убогихъ рыбацкихъ деревняхъ поморья; въ бывшей Королевской Пруссіи, выдѣленной только въ 1772 г. изъ состава Рѣчи-Посполитой, оно болѣе католическое и разсѣяно въ Картузскомъ и Вейеровскомъ (Neustadt) округахъ.

Древность племени и его языка, въ значительной степени уклоняющагося отъ польскаго, обратила на него вниманіе славянскихъ ученыхъ и особенно русскихъ. Послѣ путешествія въ страну Кашубовъ Мронговіуса, описавшаго результаты своего посѣщенія въ *Baltische Studien*, 1828, ихъ изучали Konitz или Хойницкій по порученію померанскаго общества исторіи и древностей, русскій ученый П. Прейсъ въ 1840 году, потомъ А. О. Гильфердингъ ¹⁾. Въ 1843, постановленіемъ прусскаго сейма въ Кролевцѣ рѣшено ввести въ богослуженіе у Кашубовъ нѣмецкій языкъ, вмѣсто употреблявшагося духовенствомъ польскаго, но это постановленіе вслѣдствіе сильныхъ стараній и ходатайствъ со стороны Мронговіуса отмѣнено въ 1846 году, а въ 1852 введено было въ школахъ и въ гимназіи въ Вейеровѣ преподаваніе кашубскаго языка ²⁾. И племя и языкъ видимо таятъ и могутъ постепенно исчезнуть въ недалекомъ будущемъ. Главнымъ и, можно сказать, почти единственнымъ дѣятелемъ по письменности кашубской является докторъ Флоріанъ Цейнова, составившій кашубско-нѣмецкій словарь и написавшій подъ именемъ Войкашина множество книжекъ для народа ³⁾. Катихизисъ Лютера на

¹⁾ Писавшій объ нихъ въ книгѣ: «Остатки Славянъ на южномъ берегу Балтійскаго моря». С.-Петербургъ, 1862 (въ V выпускѣ Этнограф. Сборника Русск. Геогр. Общ. 1858).

²⁾ П. Лавровскій, Этнографическій очеркъ Кашубовъ, въ «Филологическихъ Запискахъ», издаваемыхъ въ Воронежѣ Хованскимъ, 1873, вып. IV—V; П. Стремльеръ, Фонетика кашубскаго языка, въ этихъ же «Запискахъ», 1873, вып. III; 1874, вып. I и V.

³⁾ Pjnc głównych wóddziałov ewangelickjeho katechizmu, przelożeł Wojkasin ze Sławośena (Цейнова), 1861, v Svjescu nad Wisłą.

— Rozmowa Pólocha (Поляка) z Kaszebą, napisano przez s. p. хѣдза Szmuka z

кашубскомъ языкѣ изданъ былъ впервые въ 1643 году, потомъ вторымъ изданіемъ въ 1752 и третьимъ, стараніями Мронговіуса, въ 1828 году.

Руска a do dréku pódano przez Sewa Wojkwojca ze Sławoséna, 1850; 2-е изданіе, 1865, въ Швеці.

— Książeczka dlo Kaszebow, przez Wojkasena. Ve Gdąnsku, 1850.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

ЧЕШСКОЕ ПЛЕМЯ.

I. Чехи.

Чешская литература, одна из первостепенных литератур Славянства, имѣетъ значеніе не только въ средѣ собственно славянскихъ отношеній, но и болѣе широкой интересъ обще-исторической, какъ самый народъ чешскій оказалъ сильное и блестящее внимательство въ судьбы западно-европейскаго просвѣщенія. Повторимъ опять давно сказанныя слова чужого наблюдателя — известной нѣмецко-американской писательницы о Славянахъ, г-жи Тальви: „Изъ всѣхъ славянскихъ языковъ, одно чешское нарѣчіе и его литература могутъ возбудить болѣе общій интересъ въ сердцѣ читателя. Не столько, впрочемъ, своимъ характеромъ, въ которомъ оно мало отличается отъ другихъ славянскихъ нарѣчій, сколько тѣми замѣчательными обстоятельствами, которыя, во мракѣ выродившагося романизма, сдѣлали чешскій языкъ—за исключеніемъ голоса Виллефа—первымъ органомъ истины. Вліяніе Виллефа, какъ, впрочемъ, оно ни было велико и рѣшительно, тѣмъ не менѣе ограничивалось богословами и писателями того времени; его голосъ не нашелъ того отвѣтнаго отклика въ простомъ народѣ, который одинъ можетъ дать жизнь отвлеченнымъ ученіямъ. Въ Чехіи въ первый разъ эта искра блеснула живымъ пламенемъ, которое черезъ сто лѣтъ распространило освѣщающій огонь по всей Европѣ. Имена Гуса и Иеронима Пражскаго не могутъ погибнуть никогда, хотя меньшій успѣхъ сдѣлалъ ихъ менѣе известными, чѣмъ имена Лютера и Меланхтона. Ни на одномъ языкѣ въ мірѣ Библія не была изучаема съ большей ревностью и благочестіемъ; ни одинъ народъ не былъ такъ готовъ запечатлѣть свою кровью свои права на слово Бога. Долгая борьба Чеховъ за свободу совѣсти и ихъ окончательное паденіе представляютъ одну изъ самыхъ поражающихъ трагедій, какія только можно найти въ человѣческой исторіи“. Но и

кромѣ этого всемірно-историческаго интереса, который полагаетъ центр тяжести чешской жизни на эпохѣ Гуса и гуситовъ, въ средѣ отношеній славянскихъ чешская литература любопытна какъ отраженіе исторіи племени, поставленнаго въ непосредственную связь и борьбу съ Германствомъ, отчасти подчиняясь послѣднему, но, съ другой стороны, упорно отстаивая національную самобытность. Послѣ эпохи гуситской, наиболѣе яркимъ проявленіемъ этой самобытности было чешское Возрожденіе, ознаменовавшее конецъ прошлаго и нынѣшнее столѣтіе, когда чешская литература оказала сильное возбуждающее вліяніе и на національное возрожденіе другихъ славянскихъ племенъ ¹⁾.

¹⁾ Литература предмета очень обширна. Укажемъ здѣсь только немногихъ авторовъ, въ томъ числѣ книги, популярно изложенныя,—другія указанія читатель найдетъ въ самомъ текстѣ.

По исторіи и описанію Чехіи см.:

— Frant. Palascký, Dějiny národu českého v Čechách a v Moravě. Прага, 1848—60; 2-е изданіе, тамъ же 1862; новѣйшее изданіе, для народа, съ биографіей автора, пис. Иос. Калоускомъ, портретомъ и съ указателями, Прага, 1878, 5 томовъ или 10 частей. Изданіе нѣмецкое, Geschichte von Böhmen, выходило съ 1836 года.

— V. V. Tomek, Исторія Чехіи, Исторія Праги, Исторія Австріи (см. въ текстѣ). Русскій переводъ: «Исторія Чешскаго королевства». Пер. В. Яковлева. Спб. 1868.

— Sommer, Das Königreich Böhmen. Prag, 1838—34. 12 томовъ.

— Čechy, země a národ, обширный трактатъ въ «Научномъ Словникѣ» чешскомъ, 1868, и отдѣльно. Отсюда: «Краткій очеркъ исторіи чешскаго народа», пер. Н. Задерацкаго, Кіевъ, 1872, и книжка: «Чехія и Моравія», изд. Слав. Благот. Комитетомъ. Спб. 1871.

— J. E. Vocel, Právek země české. Прага, 1866—1868. Русскій переводъ Задерацкаго: «Древнѣйшая бытовая исторія Славянъ вообще и Чеховъ въ особенности». Кіевъ, 1876.

— Al. V. Šembera, Západní Slované v právěku. Пр. 1868.

— О. Успенскій, Первые славянскія монархіи на сѣверо-западѣ. Спб. 1872.

— Ant. Gindely, Geschichte der böhm. Brüder; Rudolf II und seine Zeit; Dějiny českého povstání léta 16 18, и проч., указаны въ текстѣ.

— Herm. Jireček, Slovanské právo v Čechách a na Moravě. Прага, 1863, 1864, 1872.

— Jar. Haněl, O vlivu práva německého v Čechách a na Moravě. Пр. 1874.

— А. Гильфердингъ, «Обзоръ исторіи Чехіи», въ Собр. Сочиненій, т. I, стр. 341—412, до Бѣлгорской битвы, и друг. статьи.

— Edm. Chojecki, Czecha i Czechowie przy końcu pierwszej połowy XIX-go stulecia. Berlin, 1846—47, 2 тома.

— По исторіи Моравіи, старыя книги: Pilar et Moravetz, Moraviae historia. Brun. 1785—87, 3 тома; Gebhardi, Geschichte des Reichs Mähren. Halle, 1797.

— Beda Dudík, Dějiny Moravy, 8 частей. Прага, 1875—79; другіе труды — въ текстѣ.

— D'Elvert, Beiträge zur Geschichte der Rebellion, Reformation, des 30-jährigen Krieges und der Neugestaltung Mährens in 17 Jahrh. Brünn, 1867.

— K. Kofistka, Die Markgrafschaft Mähren und das Herzogthum Schlesien. Wien und Olmütz, 1861.

— V. Brandl, Kniha pro každého Moravana, v Brně, 1863; о другихъ трудахъ—въ текстѣ.

— А. Будиловичъ, Нѣсколько данныхъ и замѣчаній изъ области общественной и экономической статистики Чехіи, Моравіи и Силезіи въ послѣдніе годы, — въ Слав. Сборникѣ, т. I, Спб., 1875, стр. 205—317 (съ указаніемъ литературы).

— Общія книги по исторіи Австріи, напр. Anton Springer, Geschichte Oesterreichs seit dem Wiener Frieden 1809, 2 тома. Лейпц. 1868—85; Louis Léger, Histoire de l'Autriche - Hongrie depuis les origines jusqu'à l'année 1878. Paris, 1879, и друг.

Припомнимъ главнѣйшія черты чешской исторіи, которыми объясняются и самое положеніе литературы въ ея разные періоды. Не останавливаясь долго на темныхъ временахъ Воиеръ и Маркоманновъ, первыхъ обитателей чешской земли, скажемъ только, что Чехи и соплеменники ихъ Маравае являются несомнѣнно на своихъ нынѣшнихъ мѣстахъ съ V—VI столѣтія по Р. Х., послѣ гуннскаго нашествія. Роль Славянства въ „переселеніи народовъ“ и дальнѣйшія отношенія его съ своимъ сосѣдствомъ до IX—X в., до сихъ поръ мало выяснены; но можно принять съ большимъ вѣроятіемъ, что еще задолго до исторіи достоверной Славяне чешскіе были во враждѣ и войнахъ съ Германцами. Иногда Западное Славянство успѣвало слюотить свои силы: такъ было въ половинѣ VII вѣка, когда полу-баснословный, впрочемъ, Само основалъ сильную славянскую монархію или союзъ, отражавшій Тюр-

По языку:

— Старыя сочиненія: Іос. Добровскій, *Geschichte der böhm. Sprache und Altere Literatur*, Prag, 1818; *Lehrgebäude der böhm. Sprache*, Prag, 1819; П. І. Шафарикъ, *Ročátkové staročeské mluvnice*. Пр. 1845.

— V. Zikmund, *Skladba jazyka českého, v Litomyšli a v Praze*, 1868.

— M. Hattala, *Zvukoslavi*, 1854; *Skladba*, 1855; *Srovnávací mluvnice*, 1857, и пр.; *моревѣдѣ въ пр.*

— Труды Гебауэра, Бартоша и друг.

— І. Юнгманнъ, *Slovník česko-němcký*. Прага, 1835—39, 5 томовъ; Чельковскій, *Dodávky do Slova Jungm.* Прага, 1851.

— Новые словари чешско-нѣмецкіе издавали: Іорданъ, Конечный, Шумавскій (2-е изд. Іос. Ранкъ); русско-чешскій—Ранкъ; англійско-чешскій—К. Іонашъ и другие В. Е. Моурекъ; французско-чешскій—К. Фастеръ. Чешско-нѣмецкій, особенно грамматико-фразеологическій—Фр. Коттъ.

По исторіи литературы:

— J. Jungmann, *Historie literatury české aneb soustavný přehled spisů českých v krátkou historii národu, osvícení a jazyka*. 1-е изд. Прага, 1825; 2-е, 1849, большой томъ (трудъ чисто библиографическій).

— Al. V. Šembera, *Dějiny řeči a literatury československé. Věk starší*. Вѣна, 1858; 4-е изд. 1878. *Věk novější*. Вѣна, 1861, 8-е изд. 1872.

— K. Sabina, *Dějepis literatury české*. Одинъ большой томъ (9 вып.). Прага, 1860—64.

— K. Tieftrunk, *Historie liter. české*. Прага, 1874—76, въ 2 выпускахъ; 2-е изд. 1880 (изданіе размноженное, въ одной книжкѣ).

— *Vybor z liter. české*. Т. I, до Гуса, изд. Шафарикомъ, Пр. 1845; т. 2-й, изд. Эрбеномъ, Пр. 1857—64, 3 вып.

— *Rozbor staročeské literatury*. Пр. 1842—45, 2 тома.

— J. Jireček, *Rukověť k dějinám liter. české do konce XVIII věku*. Пр., 1874—76, 2 части.—биографическій и библиографическій словарь. Его же: *Anthologie*. 1) изъ старой литературы, Пр., 1860; 2) изъ средняго періода, Пр., 1868; 3) изъ новой литер. Пр. 1861.

— Frant. Doucha, *Knihopisný Slovník česko-slovenský etc. Co rukověť přátelům literatury, zároveň co dodatek k Jungmannově «Hist. liter. české»*. Прага, 1863—65.

— Множество монографій разсыяно въ журналахъ, особенно въ «Часописѣ Чешскаго Музея», съ 1827 г. и понинѣ, также въ Запискахъ корол. ученаго общества, въ журналахъ «Osvěta», «Světobor», «Květy», въ альманахахъ и проч.

— Библиографическія свидѣнія даеъ въ изобиліи «Slovník Naučný», и биографическіе сборники, напр.: «Slavin. Pantheon, sbírka podobizen, autografů a životopisů předních mužů československých» (текстъ составилъ Fr. Jar. Peřina). Прага, 1878, и друг.

ринговъ и Аварь; потому въ IX вѣкѣ, когда основалась держава Велико-Моравская. Съ паденіемъ послѣдней чешское Славянство снова открыто было захватамъ нѣмецкаго племени и живѣтъ съ тѣмъ разнороднымъ вліяніемъ западной культурной жизни. Борьба двухъ племенныхъ стихій наполняетъ чешскую исторію и до настоящей минуты.

Эта борьба есть только одинъ, впрочемъ, наиболѣе замѣчательный эпизодъ изъ долгой, широко раскинувшейся борьбы германской и славянской расы: борьба шла съ отдаленнѣйшими вѣковъ, о которыхъ помянуть исторія, на всей славяно-германской границѣ отъ западнаго края Балтійскаго моря до Адриатическаго. Славянскіе историки всего чаще давали своимъ сужденіямъ объ этомъ фактѣ отгнѣсъ сентиментальной элегіи, изображая Нѣмцевъ грубыми притѣснителями благодушнаго Славянства; но этимъ тономъ едвали точно опредѣляются дѣйствительныя отношенія: древнее Славянство само бывало не очень благодушно, да и международныя отношенія никогда не руководились человеколюбіемъ и великодушіемъ. Писатели ультра-славянскіе (какъ наша московская школа), прибавляли, что Славянство представляло и высшій нравственно-общественный принципъ въ своей демократической общинности, а позднѣе—въ восточномъ христіанствѣ. Но каковы бы ни были національные характеры и при всѣхъ добрыхъ качествахъ славянскаго племени, дѣйствительно существующихъ, но слишкомъ часто сопровождаемыхъ мягкой расплывчатостью, при открытомъ реальномъ столкновеніи германскій элементъ обнаружилъ силу, какой не было въ славянскомъ мірѣ,—и нѣтъ даже до сихъ поръ. Примкнувъ еще къ античному римскому міру, Германство стало рано пріобрѣтать извѣстное просвѣщеніе, церковно-императорскую централизацію, солидарность съ другими народами европейскаго Запада, въ то время когда Славянство оставалось еще разсѣяно и разъединено, и при всѣхъ привлекательныхъ свойствахъ племеннаго характера, которыя признавались нерѣдко даже его врагами, не могло противопоставить Нѣмцамъ ни той же степени просвѣщенія, ни той же политической силы. Балтійское Славянство, крайнія поселенія котораго доходили, какъ говорятъ, почти до Рейна, Славянство полабское, исчезло въ этой борьбѣ почти безъ остатка, истребленное или оуѣмеченное. Въ трагической защитѣ своей народности, оно возставало противъ нѣмецко-латинской проповѣди христіанства съ оружіемъ въ рукахъ. Но какъ ни мало внушаетъ сочувствія такая проповѣдь и позднѣе борьба католицизма противъ восточнаго славянскаго христіанства на народномъ языкѣ,—въ нѣмецко-латинскомъ „просвѣщеніи“ была сторона чисто умственного движенія впередъ, которое совершалось отчасти въ связи, но также и совсѣмъ независимо отъ господствующихъ политическихъ и религіозныхъ началъ или даже наперекоръ имъ (какъ, напр., средне-вѣковые

опыты рационалистической философии) и сильно дѣйствовало въ литературной образованности: тамъ, сами Чехи гордятся своимъ просвѣщеніемъ XIV вѣка, которое однако пришло изъ этого западнаго, латинскаго и нѣмецкаго источника.

Чешская исторія распадается вообще на три главные періода, которые опредѣляются различными моментами борьбы Чеховъ съ германизацией и проявленій чешской національности. Высшимъ пунктомъ этой борьбы была эпоха гуситства, эпоха могущественнаго религіознаго возбужденія, которая представила вѣсть высшій пунктъ чешскаго самостоятельнаго развитія и участія чешскаго народа во всемірной исторіи. Такимъ образомъ древній періодъ можно считать до 1403, или до начала гуситскихъ волненій; средній до 1620—1627, или до окончательнаго пораженія Чеховъ и наступленія католической реакціи; третій періодъ заключаетъ сначала времена католической реакціи и политическаго порабощенія, отразившихся крайнимъ упадкомъ чешской народности, и потомъ поворотъ къ возрожденію, обозначившійся съ конца XVIII столѣтія и положившій начало современному развитію чешской литературы. Если угодно, можно съ этого поворота начинать особый четвертый періодъ, какъ иногда и дѣлается.

Древнѣйшая исторія Чеховъ, по обыкновенію, „покрыта мракомъ неувѣстности“. Преданіе, записанное старою лѣтописью, рассказываетъ о древнемъ предводителѣ народа, Чехѣ, о баснословномъ Крокѣ и дочери его, княжѣ Любушѣ, которая выбрала себѣ мужемъ простаго поселянина Премысла, родоначальника княжеской и королевской династїи Премысловцевъ. Христіанство появляется у Чеховъ и Мораванъ еще съ первой половины IX столѣтія: въ 836 г. въ Нитрѣ была освящена христіанская церковь, въ 845 четырнадцать чешскихъ пановъ уже крестились въ Регенсбургѣ; но настоящее введеніе христіанства начинается только съ призванія Кирилла и Меѳодія княземъ Ростиславомъ моравскимъ, который хотѣлъ этимъ освободиться отъ церковнаго вліянія Нѣмцевъ; въ 873—874 чешскій князь Боривой крестился отъ Меѳодія при дворѣ Святопола морavsкаго. Такимъ образомъ въ Чехіи, на Моравѣ (и у Словавовъ) господствовали два обряда: византійскій, съ славянскимъ языкомъ въ церкви, и римскій, съ церковнымъ языкомъ латинскимъ; но первый не былъ достаточно силенъ уже по одной отдаленности отъ Византіи, а паденіе Моравскаго царства въ Панноніи, разрушеннаго Венграми, совсѣмъ прервало эту связь и дало перевѣсъ нѣмецко-латинской церковности, — хотя преданіе славянскаго богослуженія держалось и долго послѣ. Въ то же время Чехія подпала съ X вѣка феодальной зависимости отъ нѣмецкихъ императоровъ, и съ тѣхъ поръ нѣмецкій элементъ въ Чехіи все больше и больше усиливается. Преобладаніе латинской церкви

кончилось совершеннымъ упадкомъ славянскаго богослуженія и карпатовской письменности въ Чехіи: Сазавскій монастырь, гдѣ еще держалось то и другое, въ 1096 г. сдѣлался окончательно латинскимъ. Выѣстъ съ тѣмъ, въ теченіе XII и XIII столѣтій, начинаютъ и другіе признаки нѣмецкаго вліянія. До 1126 года (Собѣславъ I) придворные и земскіе порядки удерживали нѣкогда славянскій характеръ. Побѣда латинскаго духовенства была уже началомъ обнѣмеченія: тѣмъ дальше, тѣмъ больше въ чешскомъ обществѣ является стремленіе ввести тѣ привилегіи и исключительныя права (иммунитеты), которыя составляли характеристическую черту нѣмецкаго феодализма, и отъ духовенства, руководившагося властолюбивымъ духомъ касты, это стремленіе переходитъ и къ владѣльческому сословію. Политическія связи съ Нѣмцами, участіе въ крестовныхъ походахъ и нѣмецкихъ феодальныхъ войнахъ, еще болѣе усиливали вліяніе нѣмецкихъ нравовъ и политическихъ учрежденій: король Вацлавъ I (1230—1253) былъ почти намѣреннымъ германизаторомъ своей страны. Король и дворъ приняли не только нравы и обычаи, но даже нѣмецкій языкъ и литературу; сильнѣйшіе паны перенимали вкусы двора, и уже начали давать нѣмецкія имена своимъ замкамъ; привилегіи и иммунитеты въ нѣмецкомъ смыслѣ стали щедро раздаваться не только дворянамъ, но и городамъ; города устроивались на нѣмецкій ладъ не только для переселившихся въ Чехію и Моравію Нѣмцевъ (призываемыхъ самими королями), но и для туземнаго населенія.

Тѣмъ не менѣе въ періодъ до 1253 г. въ Чехіи все еще преобладали славянскіе порядки. Съ этой поры, со вступленія на престолъ Премысла Отакара II, начинается положительное преобладаніе феодальныхъ учрежденій и нѣмецкихъ нравовъ. Правда, Чехія достигла въ это время высшей степени внѣшней силы, но славянскія начала внутренней жизни сильно пострадали отъ этого знаменитаго короля. Желая поддержать королевскую власть противъ богатой и опасной политической аристократіи, Отакаръ построилъ новыхъ городовъ и крѣпостей, и населилъ ихъ по большей части нѣмцами колонистами и преданными людьми изъ низшаго дворянства и народа. Король отдалъ даже цѣлыя края Чехіи Нѣмцамъ, которымъ покровительствовалъ, между прочимъ, какъ горнымъ промышленникамъ, доставлявшимъ ему большія денежныя богатства. Съ того времени начинается отдѣльное городское сословіе; феодальныя порядки распространялись; судебная власть земства перенесена къ королю. Всѣ эти и подобныя мѣры подрывали старый славянскій бытъ, — хотя, собственно говоря, Отакаръ не былъ врагомъ своей чешской народности. Нѣкоторые изъ сильныхъ пановъ противились иногда Отакару, но вовсе не для сохраненія народнаго духа. Политическое значеніе Чехіи возрастало иногда въ эту

вору до весьма обширныхъ размѣровъ: она приобретала (и потомъ опять теряла) съ одной стороны Австрію, Штирію, Каринтію и приморскія земли до Триеста, съ другой — Саксонію, Краковъ и даже Польшу: это политическое положеніе, среди запутанныхъ феодальныхъ и династическихъ распрій, было иногда несчастливо для нея, но никогда ставило ее на высокое мѣсто между европейскими государствами, и, главное, втягивало въ феодальныя, вредно отзывавшіяся внутри на положеніе народа.

Въ 1306-мъ году Премиславскій родъ прекратился и съ новой династіей славянскій бытъ Чехіи понесъ еще больше ущерба. Короли, выбиравшие изъ чужихъ земель, особенно изъ Германіи, почти всегда, и очень естественно, оставались чужды чешскому національному интересу и руководились своими личными династическими соображеніями. *Янъ Люксембургскій* навсегда остался чужимъ чешской землѣ; проводя на чужбинѣ цѣлые годы, занятый вѣчными войнами, въ которыхъ онъ помогалъ своимъ иностраннымъ пріятелямъ, Янъ приходилъ въ Чехію только на деньгахъ или за рейсвольтомъ. Признанность его къ чешской землѣ была такъ мала, что 1318 г. разнесся даже слухъ, что онъ задумалъ выгнать Чеховъ изъ ихъ земли и занять ее одними Нѣмцами. Народъ, конечно, не могъ ни любить, ни уважать власти, которая отзывалась для него только разными способами выжиманія денегъ со стороны ворака, и феодальнымъ угнетеніемъ отъ пановъ. Дурное впечатлѣніе, оставленное Яномъ, казалось долженъ былъ исполнѣ исправить его сынъ и преемникъ, Карлъ I, или впоследствии императоръ баварскій *Карлъ IV* (1346 — 1378), время котораго считается вообще одной изъ самыхъ счастливыхъ эпохъ чешской исторіи. Карлъ дѣйствительно любилъ свою чешскую родину, онъ снова привелъ Чехію въ цвѣтущее состояніе, достигая этого благоразумнымъ управленіемъ и дипломатическою ловкостью. Самъ человекъ хорошо образованный на своемъ времени, онъ покровительствовалъ наукамъ и былъ основателемъ Прагскаго университета (1348), перваго университета въ средней Европѣ, предшествовавшаго всѣмъ подобнымъ учрежденіямъ Германіи. Прагскій университетъ, въ которомъ онъ и самъ былъ сильнымъ мѣсяцкій элементъ, имѣлъ потомъ рѣшительное вліяніе на развитіе народнаго духа, и даже на историческую судьбу Чехіи: изъ него вышли люди, рѣшившіе переворотъ въ чешской жизни въ началѣ XV столѣтія. Искусства, промышленность, торговля чрезвычайно оживилась; самовластіе пановъ было умиротворено. Но вѣсть съ тѣмъ усиливалась и оживленіе странъ, до такой степени, что самъ Карлъ увидѣлъ необходимость поддерживать чешскую національность. Чешскіе историки восхваляютъ Карла и какъ законодателя, — но, разрушая естественную старую земскую устроительную по странѣ и вводя мѣсто наго

феодалныя отклоненія и патристичальныя суды, Карлъ IV, противъ воли и самъ того не сомняая, продолжилъ дорогу послѣдующему порабощенію низшихъ слоевъ населенія. Сынъ его, Вацлавъ IV, дальше былъ дѣйствовать въ эпоху, когда общественныя и національныя элементы дошли до крайняго броженія; успокоить волненіе было ему не по силамъ; какъ его отецъ, Вацлавъ также рѣшимо смотрѣлъ на князья духовенства и арнокоратин, но не имѣлъ достаточно энергій, чтобы совладѣть съ ними; они вынуждали его оружіемъ поворотиться своей волѣ. Въ это же время произошла знаменитая схизма западной церкви, тотъ скандальный споръ нѣсколькихъ папъ, который такъ сильно подорвалъ кредитъ римской іерархіи, не ослабивъ, впрочемъ, клерикальных притязаній. Вацлавъ неудачно вѣдывался и въ спорѣ имперскихъ князей. Видя свою неудачу, онъ нарушилъ управление браку своему Сигизмунду, но и тотъ, поссорившись съ нимъ, выдалъ его австрійскимъ владѣтелямъ, у которыхъ онъ зробилъ въ нѣмцу потора года. Дѣла съ папами дошли до того, что Сигизмундъ запросилъ своимъ подданнымъ повиноваться распоряженіямъ Бонифація IX. Все это какъ нельзя больше помогало усиленію общественнаго недовольства, которое ясно высказывалось еще съ конца XIV вѣка, а Вацлаву IV пришлось быть свидѣтелемъ бури, которая должна была завершить развитіе враждебныхъ элементовъ, замануть барабу officialной церкви съ религіозной омишленией, впрямую въ обществѣ и народѣ, и борьбу феодализма съ требованіями свободы.

Мы видѣли постепенное усиленіе нѣмецкаго элемента, которое имъ сдѣлае вещей, которому помогали сами короли; даже патристы, какъ Оттаверъ II. Связи съ Нѣмцами мало по малу усилили раздѣленіе сословій, феодализмъ; съ нѣмцами употребленіемъ провозгласило сильное и вѣднѣе империальныя общественныя порядковъ, нравовъ и обычаевъ. Все это не проходило безъ слѣда въ народномъ сознаніи; стремленіе съ чужими началами пробуждало національную энергію, и старый демократическій духъ, благодаря вліанію образованія, началъ овладѣваться въ дѣятельную омишлению. Иродій упадокъ королевскаго и клерикальнаго авторитета усерилъ развитію. Все недовольство націй, вся живешность, недовольствъ игошниковъ свободы и ипуненія новыхъ идей, приобрѣтенныхъ образованіемъ, вырвались и ружу въ энергическомъ народномъ движеніи. Сообразно съ духомъ времени, оно приняло почти исключительно религіозную форму: явилась реформа Гуса и гуситскія войны.

Мы не будемъ пересказывать подробностей этой національной трагедіи; достаточно указать, въ какихъ гонимыхъ направленіяхъ выразилась борьба чешскаго народа противъ империально-феодалнаго порядка и вѣдствѣ на защиту своей національности. Прямое возмездіе

вился вопросъ религіозный. Первымъ вѣдшимъ источникомъ, изъ котораго вышло новое движеніе, былъ Пражскій университетъ. Карлъ IV и пражскіе архіепископы его времени заботились еще прежде объ исправленіи жизни духовенства, начавшей скандализировать народъ, и поддерживали предшественниковъ чешской реформаціи, Конрада *Вандшера* и *Милита* Кремернижскаго, которые уже начинали пробуждать общественное мнѣніе, хотя ихъ проповѣдь относилась еще не къ догмату, а къ церковной дисциплинѣ. Университеты распространяли между тѣмъ въ обществѣ свои знанія и приготавлили то общество, на которое должны были дѣйствовать послѣдующіе подвизники реформы. *Милитой* изъ *Ямы*, переведши въ цѣлой библіи на чешскій языкъ, шелъ уже дальше Конрада и Милита, но настоящіи реформатскіи воззрѣнія открываются только съ тѣхъ поръ, какъ въ Пражской высшей школѣ нашло приѣмъ и успѣхъ ученіе Виллефа. Главными поддержками его были мистръ (магистръ) Янъ *Гусъ*, деканъ и потомъ ректоръ Пражскаго университета, и его другъ *Иеронимъ Пражскій*, чешскій дворянинъ. Въ первое время университетъ два раза (1403—1408) запрещалъ ученіе Виллефа, но не могъ остановить мысли, разъ задвинутой, и она распространялась наконецъ и въ массахъ. Гусъ воссталъ противъ папскаго авторитета не только свѣтскаго, но и церковнаго; безпорядки въ жизни духовенства, явныя злоупотребленія и неправды только привели къ распространенію оппозиціи въ обществѣ и народѣ. Когда Гусъ, въ слѣдствіе папскаго прокламаціи, долженъ былъ оставить Прагу, ученіе его распространилось и внѣ столицы. Преслѣдованіе духовной власти не остановило броженія, которое уже вскорѣ стало принимать широкіе размѣры; вскорѣ сговорились объ отнятіи ивѣстий духовенства, затѣявъ началъ отвергать авторитетъ церкви вообще. Союзники Гуса и Иеронима Пражскаго имѣли слѣдствіемъ открытое возстаніе противъ духовенства. Послѣдователи Гуса отдѣлились отъ латинъ и вѣнчанъ образомъ; принявъ таинство причащенія подъ обоими видами: (sub utraque specie; оттого — „подобои“, „утракисти“; отъ чашки, kalich — „кашишникъ“). Теперь и Пражскій университетъ призналъ себя на сторонѣ реформы. Религіозныя волненія кончились кровавыми гундичскими войнами, въ которыхъ чешскій народъ обнаружилъ неумеренную энергію. Религіозный вопросъ сталъ вмѣстѣ политическимъ; націонализмъ возросъ; въ народѣ выросло сознаніе своей національной личности, которое и сдѣлало возможнымъ такое необыкновенное проявленіе силы. Национальное движеніе шло съ глубиною въ мысли, что впоследствии, спустивъ вѣны вѣны, предавъ его можно назвать свою императорскую сину — въ новѣйшихъ чешскомъ Возрожденіи. Народныя востанія были вызваны съ самаго начала; потому что церковныя и политическія злоупотребленія соединя-

лись съ господствомъ Нѣмцевъ: въ университетѣ нѣмецкая партія была консервативна; противъ реформы было употреблено чужое (считавшееся опять нѣмецкимъ по преимуществу) оружіе; восстаніе противъ феодализма, приведенное религіознымъ увлеченіемъ, было восстаніемъ въ пользу народа, его интереса матеріальнаго и національнаго. Разъ поднятые народныя истинности уже не усповошались до тѣхъ дѣръ, пока не высказались всѣ антипатіи, возбужденныя предыдущей исторіей, и всѣ исканія лучшаго религіознаго и общественнаго порядка. Броженіе народнои мысли выразилось, какъ и слѣдовало ожидать, множествомъ самыхъ разнообразныхъ стремленій и заблужденій: тутъ были и мирные преобразователи и восторженные утописты, приверженцы преданія и рационалисты, терпимость и фанатизмъ, аристократія и демократія, адамитство и хилиазмъ, социализмъ и коммунизмъ. Гуситы скоро раздѣлились на умѣренныхъ и болѣе рѣшительныхъ реформаторовъ: одни довольствовались принятіемъ чашы въ обрядѣ причащенія и немногими другими улучшеніями, такъ что мало дѣлились отъ католиковъ; другіе отвергли всякій клерикальный авторитетъ и положили своимъ единственнымъ закономъ священное писаніе. Но, среди всѣхъ увлеченій и крайностей, которыя были необходимы въ жаднявшейся массѣ цѣлаго народа, ясно высказалось, во-первыхъ, отвращеніе отъ испорченной церкви, во-вторыхъ, эпизодична противъ аристократіи и феодализма (въ своемъ собственномъ устройствѣ Табориты доходили до коммунизма), наконецъ, чувство самосохраненія народности. Табориты и Смертны призыво говорили, что они сражаются не только за вѣру, но и за народность. Нѣмцы скоро увидѣли, что начавшееся религіозное движеніе было нѣкъ демократическое и национальное: они или стали на сторонѣ враговъ гуситства и гибели, или бѣжали въ соседнія страны въ надеждѣ вернуться въ болѣе благопріятное время, — такъ что нѣмецкій элементъ, такъ долго и старательно вводившій, вдругъ исчезъ почти совсѣмъ изъ чешской земли, уцѣлѣвши только въ болѣе отдаленныхъ краяхъ... Но Табориты, которые поддержали нѣсколько католическихъ крестовныхъ походовъ чуть не съ цѣлою Европою, пали отъ внутреннихъ расдоръ. Разныя гуситскія партіи не сходились въ своихъ цѣляхъ и средствахъ; Празднскій соборъ не успѣлъ помирить Европу съ гуситами и мнѣзъ новаго несогласія въ среду послѣднихъ: умѣренные „вашишани“ присоединились къ католикамъ; феодали ободрились. Въ битвѣ у Ливанъ (1434), императорско-феодалная армія разбила герардское и народное войско. Эта битва, кончившаяся патнадцатилѣтнею гуситскою войною, нанесла рѣшительный ударъ начавшимся народу, въ которыхъ было столько чистыхъ и благородныхъ стремленій. Но волненія не окончилась; съ паденіемъ Таборитова, гуситства не была сломана, и во смерти не-

ператора Сигизмунда на чешскій престолъ избранъ былъ предводитель гуситской партіи, Юрій Подѣбрадъ. Правленіе *Подѣбрада* (1438—71),— одна изъ блестящихъ и характерныхъ эпохъ чешской исторіи, — доставивши нѣкоторое спокойствіе странѣ, не могло однако возстановить народнаго дѣла. Церковная реакція стала приобрѣтать большіе и большіе силы уже при его преемникѣ, *Владиславѣ Ягеллонѣ*, и хотя зансъ Кутногорскаго сейма въ 1485 г. надолго осталося церковныя споры, объявивъ свободу исповѣданія въ Чехіи, но, съ другой стороны, судьба народа подверглась новымъ опасностямъ. Начались внутренніе социальныя споры, борьба сословій, въ которой народу осталась послѣдняя роль. Аристократія послѣ погрома снова собрала свои силы, и съ конца того же XV столѣтія, которое видѣло самыя рѣзкія выходы демократіи и равенства, открылся порядокъ вещей, притомнившій будущее окончательное порабоженіе и закрѣпленіе народа. Самы „кодебен“ и „Братская Община“ способствовали этому порабоженію,—проповѣдуя, что всякая власть идетъ отъ Бога, и поддерживая законъ, что великій, кто не власть, долженъ быть подъ властью, и что несправедливо повиноваться и принадлежать мизу. Споры между городами и дворянствомъ, составляющіе исторію этого времени, шли мимо народа. Угнетеніе народа происходило нѣсколько крестьянскихъ восстаній, но всѣ они были частныя и отдѣльныя; кровопролитныя усмиренія оставили ихъ.

Съ начала XVI вѣка Чехія на свою бѣду выбрала себѣ короля изъ Габсбургскаго дома (1526), который не перестаетъ благодѣтельствовать ей и до сейкѣ поръ. Съ *Фердинандомъ* началось религиозныя преслѣдованія, несмотря на объявленную вѣрже свободу исповѣданія; съ разикитомъ Лютеровой реформации, въ Чехіи появилось много лютеранъ изъ прежнихъ противниковъ католической церкви; Фердинандъ преслѣдовалъ ихъ и „Чешскихъ Братство“, подъ предлогомъ, что тѣ и другіе не были настоящими утравнистами (которые были теркима). Ко второй половинѣ XVI столѣтія положеніе еще ухудшилось; взглядовіе нѣръ Габсбургскихъ королей, лютеранское населеніе, составлявшее большую массу народа, непризнаваемое официально, должно было вселой централизациі, административной и моральной, разлагалось и теряло свою нравственную силу. Внѣшнее положеніе общества и народа способствовало религиозному разброду; королевскій дворъ былъ нѣмецкій, съ пріемами испанско-австрійскаго и „апостольскаго“ деспотизма, и морали одна изучивалась немоще по чешски: придворная аристократія, всего больше католическая, пополнялась иностранцами, собиравшимися изъ другихъ владѣній Габсбургскаго короля, и становилась всецѣмъ чуждой для народа; политическая нравственность была часто аморальна и дворянсская.

Съ Фердинанда идеть уже видное паденіе чешскаго дѣла и самой Чехіи. Габсбурги умѣли воспользоваться ослабленіемъ націй послѣ гуситскихъ бурь, для двухъ дѣлей своей политики.—господства католичества и абсолютизма. Въ теченіе ста лѣтъ этотъ переворотъ совершился.

Гуситизмъ не достигъ своей цѣли — образованія новой церкви. Привнесши громаднаа жертвы этой идѣи, народъ утомился, а между тѣмъ революціонный переворотъ, каковыи былъ гуситизмъ, вызвалъ реакцію. Гуситская церковь, условно допущенная Базельскимъ соборомъ, все-таки отвергалась папами; ея послѣдователи равничи отъиномъ не въ состояніи были прийти въ единству и прочной организаціи, и когда явилась лютеранская реформація, гуситизмъ распался: одни возвратились въ чистому католицизму (иногда сохраняя только „чашку“, изъ которой давали имъ причащеніе и сами іезуиты), другіе применили къ лютеранству и кальвинизму,—и Чехія должна была снова выносить на себѣ тяжелаа послѣдствія начавшейся борьбы католицизма съ реформой. Народная свобода, которой ведали гуситизмъ въ своихъ общественикихъ стремленіяхъ, также не была достигнута; уже асюрѣ послѣ гуситскихъ войнъ, Подѣбрадъ долженъ былъ бороться противъ притязаній аристократіи. Въ концѣ-концовъ послѣдняя приобрѣла господствующее положеніе.

Фердинандъ, ставъ чешскимъ королемъ, стремился объединить Чехію съ другими своими землями подъ однимъ испанско-австрийскимъ абсолютизмомъ и, слѣдовательно, подавить всѣ земельности и права чешскихъ сословій. Горожане и аристократія явились бороться противъ этихъ притязаній,—но у нихъ уже не было старой анархіи и онѣ потерпѣли безпрекословно, когда Фердинандъ явился съ войсками. „Кровавый сеймъ“ 1547 ограничилъ права чешскихъ янговъ; аристократію Фердинандъ пощадилъ, но горожане сильно пострадали; „тридцать братьевъ“ были лишены. Въ 1556 были привезены въ Чехію первые іезуиты. Съ уназдкомъ „чашковъ“, аристократія одна представляла собой дѣло чешской національности, и въ ея средѣ шла послѣдняя борьба изъ народную александрію. Неподатное королевство *Математическое*, означавшееся чешской терпимостью, но имѣвшее суверенныя полномочія. Не представляло чешской сойма, *Математическое* означилъ въ 1567 знаменитые Базельские конвокаціи, которыми гуситы надѣлились дѣло когда признать свое ученіе съ предаціемъ католической церкви: за три года народъ тѣмъ Фердинандъ добился утвержденія этихъ конвокаціонныхъ со стороны янговъ, такъ что они стали гуситской унией и катерили дѣло для іезуитской пропаганды. Въ ихъ отиѣнѣ янговъ приобрѣтена была свобода конвокаціи, а конвокаціи лютерны окончательно явились къ западнымъ протестантамъ. Съ правленіемъ Рудольфа, безаристократическа,

иногда полуупомянутого, католицизмъ сталъ захватывать все больше и больше вліанія, трудами придворной іезуитской партіи, къ которой стали переходить и сильныя чешско-моравскіе магнаты, какъ Оловетта (выброшенный потомъ съ Мартиницомъ изъ овна пражскаго замка), Карлъ изъ Лихтенштейна, знаменитый Альбрехтъ-Вячеславъ изъ Вальдштейна (Валленштейнъ).

Старая гуситская борьба перешла теперь въ борьбу чешскихъ законовъ съ придворной іезуитско-магнатской партіей, которая еще усиливалась оттого, что Рудольфъ избралъ Прагу своей столицей. Партія іезуитско-магнатская не останавливалась передъ самыми наглыми мѣрами для достиженія своихъ цѣлей, такъ что дѣло дошло до возстанія въ Венгріи, Австріи и Моравіи. Восстаніе швыряло правителямъ брата Рудольфа, *Матвея*; свобода проповѣданія и земская автономія были восстановлены; но Мораване, предводителемъ которыхъ былъ знаменитый Карлъ изъ Жеротина, не успѣли привлечь къ участию Чеховъ. Рудольфъ остался въ Чехіи; въ минуту опасности онъ обѣщалъ дать Чехіи свободу исповѣданія, но потомъ отказался, — такъ что въ 1609 почти готово было и здѣсь вооруженное возстаніе; чешскіе паны побоялись однако принять рѣшительныя дѣйствія, удовлетворились такъ-называемымъ „магистратомъ“, грамотой величества, которую вынужденъ былъ Рудольфъ подписать и которая, конечно, представляла мало прочнаго. Въ 1611 произошло такъ-называемое „Пассавское нападенье“, неудавшаяся попытка реакціонной партіи подавить противниковъ съ помощью иностраннаго войска, отнять у протестантовъ уступленныя имъ права и отнять у Матвея его земли. Вслѣдствіе вторичнаго похода Матвея на Чехію Рудольфъ долженъ былъ отказаться отъ престола. Матвей не примирилъ однако протестантской партіи, а между тѣмъ въ 1617, въ Прагѣ, коронованъ былъ какъ наследникъ престола, агліинскій вѣръ Чехіи, Фердинандъ II. Католическая партія дошла до насилія, закрывала и разрушала протестантскія церкви, и на жалобу Чеховъ Матвей отвѣчалъ, что это дѣлалось по его приказанію. Разрывъ былъ неминуемъ и завершился вѣдѣстннмъ событіемъ 28-го мая 1618 г., когда Чехи выбросили въ окно двухъ королевскихъ канцеляристовъ съ правительственнымъ секретаремъ. Это была послѣдняя борьба Чеховъ за національную свободу. Они сначала одержали верхъ надъ императорскимъ войскомъ, и когда тѣмъ временемъ Матвей умеръ (1619), избрали въ чешскіе короли курфюрста пфальцскаго; *Фридриха*; — но успѣкъ былъ не долготъ; чешское дѣло, перешедши въ руки иностранннхъ союзниковъ, открыло тридцатилѣтнюю войну. Сама Чехія погибла при самомъ началѣ этой борьбы. Дѣло рѣшилось печально-знаменитой битвой при Бѣлой Горѣ у Праги, 8 ноября 1620.

Дѣло Чехіи пало потому, что оно велось уже не народомъ, — кото-

рый нѣкогда такъ побѣдоносно защищалъ свою страну въ гуситскія войны. „Дѣло чешской аристократіи, — говоритъ Гильфердингъ, — не могло уже стать народнымъ дѣломъ. Между аристократіей и народомъ какъ будто не осталось ничего общаго. Народъ началъ восставать только нѣсколько лѣтъ спустя, когда дѣло было уже окончательно проиграно аристократіей и когда габсбургское ищеніе, со всѣми своими ужасами, коснулось непосредственно домашняго очага поселенина: тогда было вѣдно, и эти частныя всиньки простонародья легко тунились въ потокахъ крови. Но нова дѣйствовала одна аристократія, и хотя она поднималась и пошла въ бой за независимость отечества, за права Чешской земли, за свободу народнаго исповѣданія, народъ однако оставался совершенно равнодушнымъ въ борьбѣ. Онъ поставилъ рекрутъ въ земскую рать, когда являлись ихъ требовать, но не выходилъ изъ амагін, въ которую привела его сама аристократія, сосредоточивъ въ себѣ всю земскую жизнь. Вожди движенія до такой степени чувствовали слабость свою, что рѣшились нанять въ себѣ въ службу иностраннаго генерала Манюфельда съ 14-ти тысячнымъ корпусомъ войскъ, который былъ имъ набранъ въ равнинныхъ краяхъ Германіи“...

Послѣ Бѣлогорской битвы совершается окончательный упадокъ Чехіи. Фердинандъ II воспользовался побѣдой какъ побѣдѣ католическому фанатизму того времени. Судьба Чехіи за это время была по истинѣ ужасна. Вслѣдъ за страшными казнями, конфискаціей имѣній, заключеніемъ главныхъ замишниковъ, началось преслѣдованіе цѣлаго населенія; всѣ не-католики, не соглашавшіеся перейти въ католической церкви, подверглись изгнанію, — лютеранскіе и „братскіе“ священники, потому горожане, наконецъ дворяне и рыцари. Эти десятки тысячъ семействъ ждали сначала, что придетъ для нихъ болѣе счастливая времена возврата на родину, но наконецъ многочисленнымъ чешскимъ родамъ безъ слѣда заглохли въ земляхъ ихъ пріютившихъ. Тридцатилѣтняя война, послѣдъ за Бѣлогорской битвой, сдѣлавшая Чехію одной изъ главныхъ своихъ сценъ, окончательно привела страну въ упадокъ: Чехи, разоренные нравственно, были разорены и матеріально. Наконецъ, дѣло обращенія въ католичество, вѣтое на себя іезуитамъ, было исполнено ими съ обвиненнымъ усердіемъ; масса народа забыла старое протестанство, за исключеніемъ немногихъ его послѣдователей, особенно „братскаго“ толка, срывавшихся въ тайнѣ. Чешскія „селенія“ (въ которыхъ прибавилось духовное) потеряли всякое участіе въ законодательствѣ; въ городахъ исчезли всѣ слѣды прежней свободы надъ гнетомъ имперскихъ судей и чиновниковъ; у всего народа отпало даже воспоминаніе о прежнемъ литературномъ развитіи — систематическимъ уничтоженіемъ чешскихъ книгъ. Образованность прошлаго времени исчезла. Цифра населенія страшно упала.

Въ теченіи XVII и XVIII столѣтій чешскій народъ, почти совершенно превратившійся въ одно чешское простонародье, подчиненное высшимъ нѣмецкимъ или оуѣмечивавшимся классамъ, жила почти растительною жизнью, потерявши всякую мысль о національной самостоятельности и свободѣ. Въ концѣ XVIII столѣтія наступили времена просвѣщеннаго абсолютизма, но *Иосифъ II*, при всей гуманности своихъ стремленій, сдѣлался начинателемъ той германизаторской сметемы, на которую Чехи продолжаютъ жаловаться до-сихъ-воръ. Съ этого времени начинаетъ дѣйствовать усиленная централизація, которая должна была отнять у отдѣльныхъ земель ихъ мѣстныхъ историческихъ права и отличія и подвести подъ одну бюрократическую мѣрку. Но принудительныя мѣры противъ чешскаго историческаго права и народнаго языка, который окончательно устранился изъ оффиціальной жизни, вывели однако еще разъ отпоръ со стороны націи: явилъ, вытѣсненный изъ школъ и управленія, нашелъ ревнителей въ нѣсколькихъ патріотахъ и возродился въ книгѣ. Національное стремленіе опредѣлилось: съ послѣднихъ годовъ XVIII столѣтія, съ правленія *Иосифа II*, считается свое начало новая чешская литература, ознаменовавшая возрожденіе чешскаго народа.

Иосифъ II не успѣлъ осуществить своихъ плановъ; послѣ кратковременнаго правленія его брата, *Леопольда II*, который, кажется, хотѣлъ дать болѣе простора мѣстнымъ автономіямъ, новое направленіе внутренней политики проводилъ сынъ *Леопольда*, *Францъ I*, съ 1804 первый императоръ австрійскій. Онъ опять, какъ и его отецъ, короновался въ Прагѣ, но испуганный французской революціей, смотрѣлъ съ опасеніемъ на какія-нибудь народныя права, и хотя оставилъ за земскими сеймами права, какими они пользовались до *Иосифа II*, но его царствованіе, въ которомъ главнымъ дѣйствующимъ лицомъ былъ знаменитый *Меттернихъ*, было образцомъ правленія обскурантнаго, реакціоннаго. Національное возрожденіе, начавшееся со временъ *Иосифа*, возросло силою вещей между славянскими народами Австріи; ему вслѣдствіе мѣшала подозрительная бюрократія, но національные интересы всякихъ племенъ все больше выбивались изъ-подъ ферулы и искали себѣ свободнаго выраженія. При *Фердинандѣ V*, сынѣ и преемникѣ (съ 1845) *Франца*,—коронованномъ въ Прагѣ еще въ 1836,—бюрократическій гнетъ нѣсколько ослабѣлъ, и общественное мнѣніе стало смѣлѣе высказываться противъ абсолютизма. Въ 1847 чешскій сеймъ рѣшился даже отказать въ одномъ налогѣ, который былъ постановленъ правительствомъ—дѣло неслыханное. Наконецъ, въ 1848, въ Австріи отразилась революція, вспыхнувшая во Франціи. Старый порядокъ рухнулъ сразу; императоръ отставилъ *Меттерниха*, бюрократія растерялась и разнородные политическіе элементы Австріи высказались:

Ломбардо-Венеція востала, чтобы присоединиться въ Италиі; Венгрія стремилась приобрести отдѣльное правленіе и исключительнымъ мадьярствомъ вызвала сопротивленіе Хорватіи; нѣмецкія области (а также богемскіе Нѣмцы) высказались за германское единство и послали депутатовъ во франкфуртскій парламентъ; Чехи (въ первый разъ въ собраніи 11 марта) настаивали на сохраненіи государственнаго единства, но требовали выполненія своего историческаго права и уравниенія народностей. Правительство обѣщало конституціонныя учрежденія, разрѣшило чешскій сеймъ, потому объявляло о выборахъ въ вѣнскій обще-государственный сеймъ, а между тѣмъ въ странѣ происходили выборы въ обще-германскій парламентъ франкфуртскій. Эти національныя и правительственныя противорѣчія дали поводъ къ славянскому съѣзду, который собрался въ Прагѣ 2 іюня 1848 изъ главныхъ представителей славянскихъ народовъ Австріи и долженъ былъ обдумать и принять мѣры къ обезпеченію ихъ судьбы. Совѣщанія сейма были прерваны рѣзней въ Прагѣ (революціонной случайностью, которая не была дѣломъ народа, но была эксплуатирована реакціонной партіей), 12 іюня; но вѣнскій государственный сеймъ собрался и успѣлъ провести законъ объ отмѣнѣ крѣпостного права; послѣ осады и взятія Вѣны Видингрецомъ и Елачичемъ, сеймъ перенесенъ былъ въ Кромѣржижъ (Кремсъ) въ Моравіи, выработалъ здѣсь проектъ конституціи, — но уже поздно. Консервативная партія оправилась, и министерство князя Шварценберга и гр. Стадіона было началомъ реакціи. Въ декабрѣ 1848, императоръ Фердинандъ отказался отъ престола въ пользу своего племянника *Франца-Иосифа*. Несмотря на молодость, новый императоръ показавъ себя достойнымъ Габсбургомъ. Въ мартѣ 1849 онъ распустилъ имперскій Кромѣржижскій сеймъ, въ то же время обнародовалъ свою, „жалованную“ конституцію, а затѣмъ, осмотрѣвшись, когда венгерское возстаніе, главнымъ образомъ силами Россіи, было подавлено, а революціонныя силы уже не были страшны, въ августѣ 1851 отгѣнилъ недавно данную конституцію, въ декабрѣ того же года давъ новыя обѣщанія и опять ихъ не исполнивъ. Изъ общественныхъ приобрѣтеній недавняго времени осталось только уничтоженіе крѣпостного права и патримоніальнаго управленія. Взамѣнъ всѣхъ конституцій возобновлена была бюрократическая централизація стараго закала, съ прежнимъ господствомъ Нѣмцевъ и полицейскихъ порядковъ. Во главѣ управленія сталъ упорный централистъ и консерваторъ Бахъ, съ которымъ возвратились времена Меттерниха. Положеніе Чеховъ и чешской народности опять стало невыносимо; нѣкоторое право, которое чешскій языкъ приобрѣлъ—было въ школахъ, было опять почти потеряно, такъ какъ чиновничество ставило всякія препятствія его примѣненію. Но на этотъ разъ, язва абсолютизма назрѣла скорѣе. Новая

система требовала много денегъ, а налоги истощили государство; война съ Франціей и Италіей кончилась потерей богатыхъ итальянскихъ провинцій. Старая система пала снова, и Францъ-Иосифъ 20 октября 1860 издалъ манифестъ „къ своимъ народамъ“ и нестѣпанный „дипломъ“, которыми народы Австріи опять призывались къ конституціонному участию въ рѣшеніи государственныхъ дѣлъ. Это было, повидимому, дѣйствительное намѣреніе исполнить желанія народовъ Австріи, направленные къ федерализму; но уже скоро произошелъ поворотъ въ другую сторону, и 26 февраля 1861 появился такъ-называемый „патентъ“ (составленный нѣмецкой централистическою партіей и исполнителемъ котораго былъ Шмерлингъ), который долженъ былъ служить дополненіемъ диплома, а въ сущности сильно подрывать мѣстныя автономіи, переноса главный центръ политическаго дѣйствія отъ мѣстныхъ сеймовъ въ рейхсратъ, усиливая особой системой выборовъ нѣмецкій элементъ въ представительствѣ и централистическую партію. Протесты Чеховъ противъ этого положенія вещей повели только къ усорному преслѣдованію чешской журналистики. Въ 1866, Австрія получила новый политическій урокъ подъ Садовой, и правительство опять стало помышлять о примиреніи съ „своими народами“. Всего настоятельнѣе казалась правительству необходимость соглашения съ Венгріей, и этого должна была достигнуть основанная въ 1867 г. система „дуализма“, по которой политическое господство было раздѣлено между Нѣмцами, господствовавшими въ Цислейтаніи, и Венграми. Для австрійскаго Славянства, и въ частности для Чеховъ положеніе еще ухудшилось: національная историческая автономія утверждена была только за Венграми, но за то должна была быть стѣснена у народовъ другихъ земель. Предоставивъ, въ земляхъ „венгерской короны“, господство мадьярскому элементу, какъ государственному, правительство должно было стараться и въ Цислейтаніи создать такое же политическое единство съ преобладаніемъ Нѣмцевъ—иначе, съ мѣстными автономіями въ Цислейтаніи, сильнѣйшимъ ядромъ всего государства могли стать Венгры. Правда, были введены нѣкоторыя либеральныя реформы, облегчившія внутренній политическій бытъ у самихъ Чеховъ, но въ вопросѣ конституціонномъ правительство встрѣтилось съ довольно стойкимъ сопротивленіемъ славянскихъ федералистовъ, особенно единодушнымъ у Чеховъ. Какъ Венгры стояли за „корону св. Стефана“, такъ Чехи настаивали на историческомъ правѣ „чешской короны“, и когда вѣнское правительство, при соглашеніи („Ausgleich“) 1867 года, предоставило Венграмъ участвовать въ опредѣленіи отношеній Венгрии къ Австріи, а въ Цислейтаніи просто предложило Славянамъ прислать своихъ депутатовъ въ вѣнскій рейхсратъ, Чехи открыли конституціонную борьбу: если бы они не послали своихъ депутатовъ

въ рейхсратъ, онъ по конституціонному праву становился некомпетентнымъ и во всякомъ случаѣ терялъ авторитетность правильного общегосударственного представительства: этимъ средствомъ Чехи и воспользовались, и съ 1867 не посылали въ Вѣну своихъ представителей. Въ апрѣлѣ 1867 они протестовали въ чешскомъ сеймѣ противъ выборовъ въ рейхсратъ; лѣтомъ того же года произошла поѣздка Славянь въ Москву, съ чешскими предводителями, Палацкимъ и Ригеромъ, во главѣ; въ июлѣ 1868 происходило торжественное празднованіе 500-лѣтняго юбилея рожденія Гуса; въ августѣ Чехи издали декларацію въ защиту своего историческаго права — все это были яркія національныя манифестаціи, на которыя правительство отвѣчало объявленіемъ въ Прагѣ осаднаго положенія. Чехи однако не уступали, и ненормальное положеніе длилось. Такъ какъ объединенія Цислейтаніи достигъ было невозможно, въ послѣдніе годы Венгрія дѣйствительно получала преобладающій голосъ въ дѣлахъ Австріи, и для самихъ Нѣмцевъ являлось желательнымъ примиреніе съ Славянствомъ и федерализмомъ для противодѣйствія венгерскому преобладанію... Въ 1879 году правительство предприняло попытку въ этомъ направленіи и намекнуло на уступки: тогда Чехи послѣ многихъ лѣтъ прекратили свою пассивную оппозицію и послали въ вѣнскій рейхсратъ своихъ депутатовъ — въ ожиданіи, что ихъ національность получитъ при этомъ свои выгоды. Осуществятся ли ихъ ожиданія, — покажетъ будущее.

Таковы историческія обстоятельства, въ которыхъ развивалась чешская литература. Сообразно съ этими главными событіями народной жизни, историки чешской литературы принимаютъ обыкновенно въ ея исторіи четыре періода: древній, идущій до первыхъ началъ гуситства (до 1403); второй, обнимающій гусситскую эпоху (до 1620); третій, періодъ паденія націи и литературы до реформъ Іосифа II (приблизительно до 1770 — 80); наконецъ новѣйшій періодъ Возрожденія, съ послѣднихъ десятилѣтій пренлаго вѣка ¹⁾. Если вообще можетъ быть принято подобное разчисленіе литературы по годамъ, то здѣсь оно особенно можетъ имѣть мѣсто, такъ-какъ переходы литературнаго развитія совершались параллельно съ рѣзкими характеристическими явленіями исторической жизни, какъ возростаніе гуситства, его трагическое паденіе въ первой половинѣ XVII столѣтія и замѣчательное возрожденіе чешской народности съ конца прошлаго вѣка.

¹⁾ Новѣйшій историкъ чешской литературы, Тифтрункъ, въ 1-мъ изданіи своей книги принимаетъ четыре періода: 1-й — до 1410; 2-й — до 1620; 3-й — до 1774 (до удаленія чешскаго языка изъ школы и управленія); 4-й — до нашего времени. Во 2-мъ изданіи онъ считаетъ только три періода: 1-й — до 1410; 2-й — до второй половины XVIII вѣка («богатое развитіе прозы, но и большой упадокъ литературы»); 3-й — новѣйшая литература. Чешскіе критики одобрили это дѣленіе; но, во нашему мнѣнію, имъ скрадывается періодъ національнаго упадка, особенно съ Бѣлогорской битвы.

Главные событія чешско-моравской исторіи.

- Половина V-го вѣка до Р. Х.: приходъ чешскаго народа въ страну. Борьба съ германскими племенами.
- 627—642 (или 625—655). Славянское государство Само, обнимавшее Чехію, Моравію и сосѣднюю Дунайскую область.
- Въ Моравіи:
- 803—Зависимость Моравіи отъ Франковъ.
- 836—Первая христіанская церковь въ Нитрѣ.
- 846—Паденіе и плѣнъ моравскаго князя Моймира. Ростиславъ.
- 868—Привзаніе Кирилла и Меѳодія.
- 870—Святополкъ выдалъ Ростислава Людовику Нѣмецкому; смерть Ростислава.
- 873—Боривой, чешскій князь, крестится отъ Меѳодія.
- 894—Смерть Святополка. Моймиръ II.
- 895—Сыновья Боривоя, Снитигиѣвъ и Вратиславъ, принимаютъ покровительство нѣмецкаго государства.
- 906—Паденіе велико-моравскаго государства. Моравія присоединяется къ Чехіи.
- 928—935. Князь чешскій, Вацлавъ I, святой.
- 967—999. Болеславъ II.
- 1037—1055. Бретиславъ I, чешскій князь. Присоединеніе Моравіи (послѣ подчиненія ея Венгріи и Польшѣ) къ Чехіи.
- 1061—1092. Вратиславъ II; съ 1086 первый чешскій *король*.
- 1197—1230. Премисль Отакаръ I. Наслѣдственное королевство въ родѣ Премисловцевъ.
- 1197—Моравское маркграфство, съ братомъ Премисла Отакара, Владиславомъ-Генрихомъ, подъ властью Чехіи. Ожнвленіе Моравіи и вмѣстѣ начало германизации, черезъ нѣмецкихъ колонистовъ.
- 1230—1253. Король Вацлавъ I.
- 1253—1278. Премисль Отакаръ II.
- Половина XIII вѣка: въ Моравіи, опустошенія отъ Татаръ и Половцевъ.
- 1306—Прекращеніе династіи Премисловцевъ, умерщвленіемъ Вацлава III.
- 1310—Начало Люксембургской династіи, до 1437.
- 1346—1378. Король чешскій Карлъ I (императоръ германскій Карлъ IV).
- 1378—1419. Вацлавъ IV.
- 1415, 6 іюля. Сожженіе Гуса въ Констанцѣ.
- 1419—1434. Гуситскія войны.
- 1424—Смерть Жижка.
- 1434—Битва у Липавъ.
- 1438—1471. Юрій Подѣбрадъ. 1452, окончательное паденіе Табора.
- 1471—1517. Владиславъ II Ягеллонъ.
- 1517—Свято-вацлавскій договоръ. Людовикъ Ягеллонъ.
- 1526—Смерть Людовика Ягеллона въ битвѣ при Могачѣ.
- 1526—1564. Фердинандъ I, первый король изъ Габсбурговъ, избранный чешскими чинами. Моравія вступаетъ подъ власть Габсбурговъ вмѣстѣ съ Чехіей.
- 1564—Максимилианъ II. Новое усиленіе протестантовъ въ Моравіи.
- 1576—Рудольфъ II. Католическая реакція.

- 1608—Братъ Рудольфа, Матвѣй—маркграфъ моравскій; война съ Рудольфомъ.
 1609—Королевская грамота, объявлявшая свободу протест. исповѣданія.
 1611—Отреченіе Рудольфа отъ престола. Матвѣй—король чешскій.
 1617—Коронованіе Фердинанда I въ чешскіе короли, какъ наслѣдника престола.
 1618—Чешское возстаніе. Начало 30-лѣтней войны.
 1619—Смерть Матвѣя. Избраніе въ Чехіи Фридриха Пфальцскаго. Фердинандъ II. Присоединеніе Мораванъ къ возстанію.
 1620, 8 ноября. Битва при Бѣлой-Горѣ.
 1621—Казни въ Прагѣ.
 1627—«Возобновленное земское устройство». Изгнаніе утравквистовъ. Иезуиты.
 1648—Вестфальскій миръ. Паденіе и запусѣніе Чехіи.
 1680—Крестьянское возстаніе.
 1711—Карлъ VI.
 1745—Потеря Силезіи.
 1773—Закрытіе иезуитскаго ордена.
 1775—Облегченіе крѣпостного права.
 1780—1790. Иосифъ II.
 1781—Патентъ о вѣротерпимости.
 1784—Иосифъ II отослалъ чешскую корону въ архивъ императорской казны.
 1791—Леопольдъ II короновался въ Прагѣ.
 1804—Францъ, первый императоръ *австрійскій*.
 1815—Нижняя Лузація и часть Верхней уступлены Саксонію Пруссіи, и имп. Францъ отказался отъ леннаго права чешской короны на эти земли. Вступленіе Австріи въ Германскій союзъ безъ спроса о согласіи чешскаго сейма.
 1836—Коронованіе Фердинанда, какъ наслѣдника престола, въ Прагѣ.
 1845—Фердинандъ V.
 1848—Революціонныя волненія. 2 іюня—открытіе славянскаго съѣзда въ Прагѣ. 12 іюня—уличныя стѣчки въ Прагѣ и бомбардированіе. 2 декабря—отреченіе Фердинанда и вступленіе на престолъ Франца-Иосифа.
 1849, 4 марта. Распусценіе сейма въ Кремсѣ (Кромѣржижѣ), и октроированная для всей имперіи конституція; 30 декабря—новая конституція Чешскаго королевства.
 1861, 20 августа. Отмѣна названныхъ конституцій; 31 декабря—новый патентъ (господство централистической системы Баха).
 1859—Австрія теряетъ Ломбардо-Венеціанское королевство. Паденіе Баха.
 1860, 20 октября. Императорскій «дипломъ», призывавшій народы къ конституціонному участию въ правленіи.
 1861—Февральскій «патентъ».
 1866—Австро-прусская война («der 7-tägige Krieg»)
 1867—Система дуализма. Поездка Славянъ на этнографическую выставку въ Москву.
 1868—Празднованіе 500-лѣтней памяти рожденія Гуса.
 1879—Вступленіе Чеховъ въ рейхсратъ.

1. Древній періодъ.

Христіанство пришло въ Чехію и Моравію изъ двухъ источниковъ, латинно-нѣмецкаго и греко-славянскаго. Съ двумя обрядами богослуженія явилась и двоякая письменность, латинская и кирилловская. Латинское письмо могло явиться еще въ языческія времена въ сношеніяхъ съ Нѣмцами, а со времени крещенія моравскаго князя Моймира, оно, вѣроятно, утвердилось; но враждебныя отношенія съ Нѣмцами мѣшали утвержденію латинскаго христіанства, и тогда Ростиславъ, князь моравскій, призвалъ Меѳодія, который впослѣдствіи назначенъ былъ отъ папы архіепископомъ Моравіи и крестилъ также чешскаго князя Боривою и его жену, Людмилу, — причисленную потомъ въ число чешскихъ святыхъ. Древняя легенда о св. Вячеславѣ, сохранившаяся въ русскихъ памятникахъ, говоритъ, что Людмила сама списывала книги и отдала своего внука, Вячеслава, учиться „словенскимъ книгамъ“. По преданію, еще въ половинѣ XI вѣка существовала въ Вышеградѣ славянская школа (*famosum studium sclavonicae linguae*), гдѣ учился и св. Прокопій, аббатъ Сазавскаго монастыря, построеннаго для него княземъ Ольдрихомъ. Преданіе приписало этому Прокопію кирилловскую часть знаменитаго (кирилло-глаголическаго) Реймскаго евангелія.

Но греко-славянскій обрядъ и соединявшаяся съ нимъ кирилловская письменность очень рано стали уступать обряду и письму латинскому. Упадокъ первыхъ начался уже вскорѣ по смерти Меѳодія; ревностнымъ распространителемъ латыни былъ особенно пражскій епископъ Войтѣхъ, въ концѣ X столѣтія. Кирилловская письменность, нашедшая пріютъ въ Сазавскомъ монастырѣ, оставалась исключеніемъ; папа осуждалъ славянское богослуженіе и, наконецъ, въ исходѣ XI вѣка, Сазавскій монастырь былъ отданъ латинскимъ монахамъ. Съ тѣхъ поръ латинскій обрядъ получилъ окончательное господство, и такъ какъ уже совершилось раздѣленіе церквей, то Чехія стала католической. Есть, однако, историческія указанія, что остатки стараго преданія сохранялись отчасти въ народѣ, напр., что причащеніе подъ обоими видами (хлѣбъ и вино) держалось до самыхъ временъ Гуса, когда оно стало однимъ изъ лозунговъ народнаго религіознаго движенія у Чеховъ; что еще въ XIV вѣкѣ были люди „схизматики и невѣрные“ (по выраженію папской буллы 1346 г.), не принимавшіе ученія на латинскомъ языкѣ, — и для нихъ-то Карлъ IV основалъ, съ разрѣшенія папы, славянскій монастырь Эммаусы, гдѣ монахи-глаголиты, призванные изъ Босніи, Далмаціи и Хорватіи, совершали богослуженіе на славянскомъ языкѣ. Чешскіе ученые предполагали глагольскую

письменность и въ древнѣе вѣка своей старинны; по соображеніямъ другихъ ученыхъ, существующіе памятники чешской глаголиты могли принадлежать болѣе поздней эпохѣ, именно глаголитамъ эммаусскимъ ¹⁾).

Но памятники этой древнѣйшей эпохи не сохранились, ни кирилловскіе, ни глаголическіе, кромѣ самыхъ скудныхъ остатковъ. Единственнымъ живымъ слѣдомъ славянской церковности у Чеховъ осталась коротенькая духовная пѣсня *Hospodine pomiluj ny* ²⁾, сохранившаяся только въ спискѣ XIV вѣка и приписываемая прежде св. Войтѣху (ум. 997). По мнѣнію Добровскаго, пѣсня эта была гораздо старѣе, и Шафарикъ относилъ ее если не къ самимъ славянскимъ апостоламъ Кириллу и Меѳодію, то къ ихъ ближайшимъ ученикамъ; по мнѣнію Макушева, она могла быть составлена сазавскими монахами XI вѣка ³⁾.

Переходимъ къ мудреному вопросу старо- и ново-чешской литературы, сильно волнующему славянскихъ ученыхъ особенно въ послѣдніе годы.

Во всѣхъ новѣйшихъ литературахъ Европы съ конца прошлаго и

¹⁾ О старо-чешской письменности есть значительная литература:

— I. J. Hanuš, Das Schriftwesen und Schriftthum der böhmisch-slovenischen Völkerstämme in der Zeit des Ueberganges aus dem Heidenthume in das Christenthum. Prag, 1867.

— Е. Новиковъ, Православіе у Чеховъ, въ «Чтеніяхъ» Моск. Общ. Исторіи и Древностей, 1848.

— W. Wattenbach, Die slawische Liturgie in Böhmen und die altrussische Legende von heiligen Wenzel. Breslau, 1857.

— А. Гильфердингъ, Гусъ. Его отношеніе къ православной церкви. Спб. 1871.

— К. Невоструевъ, О восточной церкви у Чеховъ и о старой службѣ св. Вячеславу; Rad jugoslav. akad. 1872. XXI.

— P. J. Schaffarik, Glagolitische Fragmente. Prag, 1857.

— И. Срезневскій, Глагольскіе отрывки, найденные въ Прагѣ, въ «Извѣстіяхъ» П отдѣленія академіи, т. VI, 1857; о кievской глагольской рукописи, въ «Трудахъ» 8-го археологич. съѣзда, т. II, и въ Сборникѣ русскаго отдѣл. акад., т. XV.

— Jos. Kolář, въ «Часописѣ» Чешскаго Музея, 1875, II, и 1878, III.

— Ad. Pateta, Ceaké a starobulharské glossy XII století, въ «Часописѣ» 1878, IV.

— В. Макушевъ, Изъ чтеній о старо-чешской письменности. Филолог. Зап. Воронежъ, 1877, вып. IV—VI; 1878, вып. III. Къ этимъ статьямъ мы особенно обращаемъ читателя.

— О Рейскомъ евангеліи, которое употреблялось при коронаціи французскихъ королей, есть цѣлая литература. См. П. Биларскаго, Судьба церк. языка II. Спб., 1848; Макушева, тамъ же и др.

²⁾ Vybor z lit. české, I, 27; Hanuš, Malý vybor etc. Пр. 1863, стр. 64—66.

³⁾ Памятники, въ которыхъ прямо или косвенно сохранились слѣды кирилловскаго преданія у Чеховъ, слѣдующіе:

— Такъ называемыя панионскія житія св. Кирилла и Меѳодія.

— Житіе св. Вячеслава, князя чешскаго, сохранившееся въ старыхъ русскихъ рукописяхъ.

— Служба и канонъ въ честь св. Вячеслава, въ русскихъ рукописяхъ.

— Рейское евангеліе.

— Пражскіе и кievскіе глагольскіе отрывки церковныхъ службъ.

— Старо-болгарскія глоссы, рядомъ съ чешскими, открытыя въ рукописи XII вѣка Ад. Патерой.

Наконѣцъ, различныя указанія историческія.

особенно съ начала нынѣшняго столѣтія открылось усиленное изученіе и реставрація старины. За рѣдкими исключеніями, гдѣ старина литературная помнилась по исключительной славѣ отдѣльныхъ произведеній, памятники ея для новѣйшаго общества были открытіемъ, какъ нѣсколько позднѣе была открытіемъ и живая поэзія народная. Это любопытство къ старинѣ возникало и изъ движенія исторической науки и изъ самой жизни, искавшей новыхъ общественныхъ опоръ и національнаго сознанія. Результаты этихъ изученій дѣйствительно повлияли и на расширеніе научно-историческихъ идей и вмѣстѣ на постановку общественно-національныхъ вопросовъ. Археологія и этнографія вмѣшались въ практическую жизнь; возбуждая національные инстинкты, онѣ становились немаловажнымъ факторомъ въ политическихъ движеніяхъ. У славянскихъ народовъ онѣ въ особенности играли эту роль въ восторженныхъ порывахъ національнаго Возрожденія. Выше говорено, какое сильное впечатлѣніе въ этомъ смыслѣ произвело появленіе на литературной аренѣ сербской народной поэзіи. У Чеховъ въ ту пору еще не было ничего подобнаго; не появлялось никакого яркаго факта національной старины или современности, который могъ бы произвести равное дѣйствіе. Начались усиленныя заботы о розысканіи національныхъ сокровищъ: современная народная поэзія не была замѣчательна; поэтому обратились къ старинѣ, — это и больше отвѣчало уже существовавшей привычкѣ къ книжной археологіи. Хлопоты не остались безплодны. Со втораго десятилѣтія нашего вѣка у Чеховъ сдѣланъ былъ длинный рядъ открытій: ископана сокровища нашихъ.

Такъ какъ судьба этихъ произведеній тѣсно связана съ новѣйшими вопросами чешской литературы, то необходимо остановиться на нихъ подробнѣе, и притомъ въ связи съ этой новѣйшей литературой.

Въ хронологическомъ порядкѣ, съ 1816 явился слѣдующій рядъ новыхъ открытій:

Въ 1816 открыта была Іосифомъ Линдой, въ то время студентомъ (о немъ рѣчь далѣе), *Пѣсня подъ Вышеградомъ*, на пергаменномъ переплетѣ старой книги. Самъ Добровскій относилъ пѣсню къ XIII вѣку.

Въ 1817, въ сентябрѣ, Вацлавъ Ганка нашелъ на чердакѣ церковной башни, въ городкѣ Краловъ-дворѣ, 12 пергаменныхъ листовъ маленькаго формата, составлявшихъ остатки обширной рукописи. Эти листки, съ оригинальнѣйшими эпическими поэмами изъ древне-чешской старины и лирическими пѣснями, получили названіе *Рукописи Краледворской*. Ее отнесли къ XIII—XIV вѣку.

Въ 1818, когда оберъ-бургграфъ Чешскаго королевства, графъ Колловратъ-Либштейнскій издалъ, въ апрѣлѣ, воззваніе къ любителямъ

научъ и патриотамъ съ приглашеніемъ къ пожертвованіямъ для учрежденія тогда Чешскаго Музея, въ ноябрѣ онъ получилъ по городской почтѣ четыре пергаменныхъ листа, съ безыменнымъ письмомъ какого-то патриота, говорившаго, что эти заброшенные листки идутъ изъ фамильнаго архива одного аристократа, „заключенаго Нѣнца“, который скорѣе сжегъ бы ихъ, чѣмъ пожертвовалъ для Чешскаго Музея. На листахъ оказалось два эпическихъ отрывка съ тѣмой изъ древнѣйшей старины. Это былъ знаменитый потомъ *Любушинъ Судъ* (съ 1859, рукопись стали называть Зеленогорской), предполагаемый древнѣйшій остатокъ чешской письменности X, даже IX вѣка.

Въ 1819, опять на пергаменномъ переплетѣ старой рукописи найдена была *Любовная пѣсня короля Вацлава I* и при ней „Олень“, одна изъ пѣсенъ „Краледворской рукописи“; нашелъ ее нѣкто Янъ-Непомукъ Циммерманъ, тогда скрипторъ при университетской библиотекѣ, который и послалъ находку чешскому оберъ-бургграфу. Патриоты съ прискорбіемъ замѣчали, что у Циммермана было еще нѣсколько подобныхъ листовъ, но они были у него унесены вѣтромъ въ открытое окно. Ганка считалъ рукопись „Любовной пѣсни“ лѣтъ на сто древнѣе „Краледворской Рукописи“.

Въ 1827, когда нѣмецкій профессоръ Граффъ, разсматривалъ въ Чешскомъ Музеѣ, вмѣстѣ съ бібліотекаремъ Музея Ганкой, рукопись средневѣковаго словаря *Mater Verborum*, въ словарѣ сдѣлано было важное открытіе,—именно: при латинскихъ словахъ оказались, рядомъ съ глоссами или толкованіями старо-нѣмецкими, также замѣчательныя чешскія глоссы и, кромѣ того, въ прекрасныхъ миниатюрахъ рукописи оказались имена писца Вацерада, иллюминатора Мирослава, и годъ написанія, прочтенный сначала за 1102, потомъ за 1202. Рукопись отнесать теперь къ XIII вѣку.

Въ 1828, Ганка открылъ, опять на переплетѣ книги „*Disciplina et doctrina gymnasii Gorlicensis*“ (Гёрлицъ, Згорѣлецъ), отрывки чешскаго перевода евангелія отъ Іоанна. Это—такъ-называемые *Згорѣльскіе Отрывки*, которые отнесены были чешскими учеными къ X вѣку.

Наконецъ, много позднѣе, въ 1849, Ганка сдѣлалъ еще послѣднее открытіе: именно, подъ швомъ переплета рукописи XV вѣка онъ нашелъ обрѣзки пергамена, на которыхъ оказались написанными „Пророчества Любуши“, въ чешскихъ стихахъ. Латинскій текстъ этихъ пророчествъ, отнесенный чешскими учеными къ XIV вѣку, былъ открытъ имъ раньше.

Эти открытія, именно первыя, составляли фактъ великой важности. Ранѣе извѣстны были только немногіе и мало-оригинальные памятники чешской старины; но здѣсь открывались такіе горизонты древности, о какихъ только могло мечтать національное чувство патриота. Въ

чешской древности обазывались произведенія, какія бываютъ гордостью литературь: чешская письменность уходила своими началами въ отдаленнѣйшіе вѣка, представляла замѣчательные плоды древней самобытной поэзіи и образованности, давала національности длинную и славную генеалогію. Въ самомъ дѣлѣ, въ то время, какъ Згорѣльскіе отрывки представляли у Чеховъ столь же древній памятникъ христіанскій, какъ Фрейзингенскіе отрывки у Словинцевъ, „Любушинъ судъ“ давалъ невиданную нигдѣ въ славянскомъ мірѣ поэму изъ эпохи дохристіанской, съ рѣзко заявленнымъ національнымъ противоположеніемъ Славянства Германству; „Mater Verborum“ своими чешскими глоссами, именами писца и искусстваго рисовальщика свидѣтельствовала о замѣчательномъ состояніи чешской образованности (какъ предполагалось, на переходѣ изъ XI въ XII столѣтіе), и въ глоссахъ, при толкованіи латинскихъ міеологическихъ именъ и другихъ словъ, давала опять невѣдомна дотогдѣ указанія на славяно-чешскую языческую теогонію и древнѣйшій бытъ; „Краледворская Рукопись“ являлась образчикомъ эпическихъ народно-искусственныхъ поэмъ, которыя, за исключеніемъ одного „Слова о Полку Игоревѣ“, были несслыханнымъ явленіемъ въ славянскихъ литературахъ; такой же образчикъ древней поэзіи представляли „Пѣсня подѣ Вышеградомъ“ и „Любовная пѣсня короля Вацлава“.

Знаменитѣйшіе изъ перечисленныхъ памятниковъ—„Судъ Любуши“ и Краледворская Рукопись.

„Судъ Любуши“ заключаетъ въ себѣ два отрывка: во-первыхъ, девять стиховъ, составляющихъ, какъ предполагается, конецъ описанія сейма о родовомъ управленіи, и во вторыхъ, 111 стиховъ, представляющихъ начало разсказа о судѣ княжны Любуши въ спорѣ двухъ братьевъ, Хрудоша и Стаглава о наслѣдствѣ. По важности спора, Любуша созвала сеймъ изъ „метовъ, лѣховъ и владыкъ“: она сѣла въ блестящей ризѣ на „золотой отчій столъ“, около нея стали двѣ мудрыя дѣвы, одна съ „досками праводатными“, другая съ мечомъ, варящимъ кривду, передъ ними были „правдозвѣстный пламень“ и подѣ ними „святопудная вода“ (орудія божьяго суда). Сеймъ, размысливъ о вопросѣ княжны, рѣшилъ, что братья должны владѣть наслѣдствомъ вмѣстѣ. Но буйный Хрудошъ воспротивился рѣшенію и оскорбилъ Любушу словами, что „горе мужамъ, которыми владѣетъ жена“. Любуша предложила сейму выбрать между собою мужа, который бы владѣлъ ими „по желѣзу“—потому что дѣвичья рука для этого слаба. Отрывокъ кончается извѣстными стихами:

«Nechvalno nám v Němcech iskati pravdu,
u nás pravda po zákonu svatu
juže přinesechu otci naši
v seže (žirné vlasti pres tri reky)»....

Основная тема стихотворения нашлась у латино-чешского летописца, Козьмы Пражского.

Не менѣе сильное впечатлѣніе произвела открытая годомъ ранѣе Краледворская Рукопись: время ея чешскіе ученые полагали между 1290—1310 годами, или нѣсколько раньше. Эта рукопись, красиво написанная на маленькихъ листахъ пергамена, составляетъ только небольшую часть первоначальнаго сборника: именно въ ней сохранились только конецъ 25-й, 26-я, 27-я, и начало 28-й главы третьей книги. Эти четыре неполныя главы одной третьей книги заключаютъ шесть большихъ поэмъ и восемь мелкихъ пьесъ: можно было поэтому судить о богатствѣ цѣлаго сборника, который притомъ былъ вѣроятно не единственный въ своемъ родѣ. Словомъ, Краледворская Рукопись, кромѣ ея наличнаго содержанія, давала угадывать цѣлую область національнаго эпоса и лирики въ чешской литературѣ до XIV вѣка. Не смотря на свой поздній вѣкъ, рукопись наряду съ поэмами наприимѣръ XIII столѣтія, сохранила и произведенія замѣчательной древности, которыя наряду съ „Судомъ Любуши“ открывали цѣлую картину языческаго быта Чехіи,—произведенія, отличавшіяся притомъ такими чертами народно-поэтического творчества, что большая часть критиковъ принимали ихъ прямо за самый народный эпосъ, перенесенный на пергаментъ. Лирическія пѣсни Крал. Рукописи имѣли свои параллели въ народной поэзіи славянскихъ племенъ, и предполагались записанными прямо изъ устъ народа или народнаго пѣвца. Въ другихъ пьесахъ надо было видѣть поэзію уже искусственную, хотя по содержанию она оставалась національною.

Изъ всѣхъ поэмъ Краледворской Рукописи, древнѣйшею по содержанию и складу считалась эпическая поэма *Забой и Славой*, гдѣ описывается освобожденіе Чеховъ отъ какого-то иноземнаго короля двумя героями Забоемъ и Славоемъ,—событіе это неизвѣстно изъ исторіи; но его относили не позже какъ къ IX столѣтію, или даже къ первой половинѣ VIII вѣка. Чешская старина рисуется здѣсь въ яркихъ чертахъ, съ энергическимъ чувствомъ народной свободы, могучими боевыми подвигами, жертвами языческимъ „богамъ-спасамъ“ и съ воспоминаніями о славномъ пѣвцѣ Люмирѣ, который „словами и пѣньемъ двигалъ Вышеградомъ и всѣми областями“. Другая поэма, *Честмиръ и Влаславъ*, рассказываетъ о пораженіи лужицкаго князя Властислава храбрымъ Честмиромъ или Цтимиромъ, воеводой князя Неклана,—событіе, извѣстное изъ Козьмы Пражскаго и другихъ чешскихъ летописцевъ и относящееся къ первой половинѣ IX вѣка. Здѣсь та же картина героическихъ подвиговъ и языческихъ нравовъ; но, несмотря на сходство сюжета, состоящаго въ рассказѣ о битвахъ, походахъ и жертвоприношеніяхъ, „Честмиръ“ имѣетъ свои особенности. Затѣмъ *Олемъ*—

поэтическая картина смерти юноши, льстиво убитого въ горахъ лѣтнимъ врагомъ: „лежитъ юноша молодецъ въ холодной землѣ, на юношѣ расстелъ дубецъ, дубъ, раскладывается въ сучья шире и шире“. Въ этомъ небольшомъ разсказѣ чешскіе критики видятъ отпечатокъ далекой древности¹⁾. *Яромиръ и Ольдрихъ*—отрывокъ, которымъ начинаются удѣлѣвшіе листы рукописи: здѣсь прославляется поражение Болеслава Храбраго, короля польскаго, и освобожденіе Чеховъ отъ польскаго владычества, въ 1004 г. *Збыгонь*, небольшая пѣса, также какъ „Олень“ соединяетъ эпическій тонъ съ лирическимъ, но не считалась столько первобытно-древней,—она рассказываетъ о похищеніи милой у юноши: онъ тоскуетъ о ней въ лѣсу съ голубемъ, у котораго коршунъ отнялъ голубицу, но потомъ юноша бросается въ замокъ, убиваетъ „молодомъ“ Збыгоня и побиваетъ всѣхъ людей въ его замкѣ. Освобожденная голубка летала, гдѣ хотѣла, въ лѣсу съ голубомъ, и спала съ нимъ на одной вѣткѣ; освобожденная дѣвушка „ходила тамъ и здѣсь, вездѣ, гдѣ хотѣла,—съ милымъ спала на одной постелѣ“. Поэма *Бенешъ Германовъ*, въ рукописи называемая „О побитыи Саксонцевъ“, относится опять къ событію 1203 г., извѣстному исторически. Это поражение Саксонцевъ Бенешемъ (извѣстнымъ по чешскимъ грамотамъ 1197—1220 г.) произошло въ отсутствіе короля Отакара I, когда въ Чехію вторглось войско маркграфа Мейссенскаго, мстившаго за удаленіе королевы Аделаиды. „Бенешъ“ уже отличается отъ упомянутыхъ произведеній своимъ содержаніемъ и формой; это образчикъ искусственной поэзіи, историческая пѣсня со строфами, не только описаніе „побитыя“, но и лирическое выраженіе радости о спасеніи отъ врага. Дальше пѣсня *Людмиша и Люборъ*, озаглавленная въ рукописи „О славномъ сѣданьи“, т.-е. турнирѣ, описываетъ турниръ, происходившій будто бы во времена какого-то древняго князя залабскаго, хотя турниры были введены у Чеховъ не раньше XIII столѣтія. Одна изъ самыхъ большихъ пѣсень Краледворской Рукописи, *Ярославъ*, названная въ подлинникѣ „О великихъ бояхъ Христіанъ съ Татарами“, относится къ извѣстной исторически побѣдѣ Ярослава изъ Штернберга надъ Татарами въ 1241, при Ольмюцѣ,—побѣдѣ, освободившей отъ Татаръ Моравію. Чешскіе критики находили, что въ „Ярославѣ“ народная поэзія является на вершинѣ своего искусственнаго развитія: весь складъ поэмы,—разсказъ о прекрасной татарской (русской) княжнѣ Кублаевнѣ; о побѣдѣ у Ольмюца и гибели монгольскаго царевича; о чудѣ на Гостинѣ; извѣстное намѣренное распредѣленіе матеріала,—по-

¹⁾ Палацкій говорилъ объ этой пѣснѣ: «Та, преимущественно свойственная славянскимъ народнымъ пѣснямъ, символика природы, въ отношеніи къ субъективнымъ моментамъ человеческой жизни, всего сильнѣе выступаетъ въ этой пѣснѣ и даетъ ей таинственный, мистическій тонъ».

буждая критиковъ заключать, что эта поэма была дѣломъ автора, знакомаго съ искусственными поэмами тѣхъ временъ, что здѣсь уже является вліяніе средневѣковаго романтизма. — Наконецъ, маленькія пьесы: *Вьнокъ, Ягоды, Роза, Кукушка, Жаворонокъ*, считаются за народныя пѣсни, занесенныя въ сборникъ непосредственно изъ устъ народа, съ чертами, знакомыми и въ современной народной поэзіи славянской.

Два эти открытія въ особенности измѣнили прежнее представленіе о чешской старинѣ, давая вмѣстѣ неожиданный матеріалъ для ея историческаго объясненія. На основаніи этихъ произведеній стали отличать разные періоды чешской образованности, отъ эпохи языческой и чисто-славянской до эпохи искусственной поэзіи и легендарной романтики подъ нѣмецкимъ вліяніемъ: между „Забоемъ“ и „Ярославомъ“ надо было предположить вѣка литературнаго развитія. Большинство чешскихъ историковъ принимали, что древнѣйшія пѣсни „Краледворской Рукописи“ составляютъ произведенія народной, а не искусственной поэзіи, и сравнивали ихъ съ эпосомъ Сербовъ и Русскихъ. Вѣшность древнѣйшихъ пѣсней измѣнялась, конечно, отъ поколѣнія къ поколѣнію, но въ нихъ сохранились однако отголоски отдаленнѣйшаго быта; присутствіе языческаго элемента объяснялось какъ въ „Словѣ о полку Игоревѣ“, причемъ припоминали, что язычество держалось долго по введеніи христіанства, что еще въ XI — XII столѣтіи чешскій князь Бретиславъ выгонялъ изъ страны гадателей и чародѣевъ, велѣлъ сжечь роци и деревья, почитаемыя народомъ, и вообще истреблялъ еще жившіе въ народѣ языческіе обычаи.

Но вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ эти находки открывали перспективу въ историческую жизнь далекихъ вѣковъ, онѣ получали чрезвычайное значеніе въ настоящемъ, давая пищу для національной гордости и самосознанія. Ни одинъ славянскій народъ не обладалъ такимъ богатствомъ древнихъ поэтическихъ памятниковъ — особенно если принять въ соображеніе, что въ Краледворской Рукописи дошла до насъ лишь небольшая доля обширнаго сборника. Необычайное открытіе было сильнымъ возбужденіемъ тѣхъ національныхъ стремленій, которыми исполненъ былъ тогда тѣсный, а потомъ все болѣе размножавшійся кругъ патріотовъ. Они имѣли славное прошедшее; ихъ трудъ — не строить все вновь, а воссоздавать уже существовавшее нѣкогда богатство національной жизни. Древнія поэмы свидѣтельствовали о свободномъ и независимомъ отношеніи къ Нѣмцамъ: уже въ IX — X вѣкѣ сказано было, что „непохвально искать у Нѣмцевъ правды“ — оставалось исполнять завѣтъ предковъ, данный тысячу лѣтъ назадъ, чтобы достигнуть національной самобытности. Подъ этими впечатлѣніями складывалось изученіе прошедшей исторіи, развивалась новѣйшая ли-

тература. „Любушинъ Судъ“ и „Краледворская Рукопись“ стали національнымъ сокровищемъ.

Ихъ двойное, научно-историческое и національное значеніе отразилось и на другихъ славянскихъ литературахъ. Эти памятники стали для славянскихъ ученыхъ (лишь съ тремя-четырьмя исключеніями, о которыхъ далѣе) одними изъ драгоцѣннѣйшихъ подлинныхъ свидѣтельствъ о чешской, а иногда и обще-славянской древности, языкѣ, мнѣологій, нравахъ и обычаяхъ, образованности; ссылками на „Любушинъ Судъ“, Краледворскую Рукопись, „Mater Verborum“, подтверждались мнѣологическія теоріи, изысканія о древнемъ общинномъ бытѣ, о формахъ древней славянской поэзи и т. д., не только у чешскихъ ученыхъ (какъ Шафарикъ, Палацкій, Эрбенъ и пр.), но не меньше того у ученыхъ русскихъ (Бодянский, Срезневскій, Аванасевъ, Буслаевъ, Котляревскій, Гильфердингъ, К. Аксаковъ и пр.). На этихъ памятникахъ начинало учиться чешскому языку новое поколѣніе нашихъ славистовъ, которымъ Любуша и герои Краледворской Рукописи были такъ же близко знакомы, какъ герои русской лѣтописи и Слова о полку Игоревѣ. Въ представленіи обще-славянскаго единства, въ сознаніи славянской культурной особенности, извѣстныхъ преимуществъ національнаго характера, древнія чешскія поэмы принесли свою немалую долю вліянія, какъ сербскій эпосъ, какъ Несторова лѣтопись и другіе первостепенные памятники славянской литературной старины.

Но та радость и удовлетвореніе, какія доставляли чешскіе памятники своими историческими, поэтическими, національными достоинствами, были однако неполны. Съ самаго начала возникло фатальное подозрѣніе, сначала о нѣкоторыхъ, а потомъ о всѣхъ остальныхъ упомянутыхъ выше открытіяхъ десятихъ и двадцатыхъ годовъ, что онѣ — *подложны*. Когда явились первыя открытія былъ еще живъ „патріархъ“ славянской филологіи, знаменитый аббатъ Добровскій. При первомъ взглядѣ на „Любушинъ Судъ“, между прочимъ представлявшій необычныя палеографическія особенности, онъ объявилъ его фальсификатомъ; Краледворскую Рукописью онъ самъ восхищался; повѣрилъ было „Пѣсни о Вышеградѣ“, но впоследствии призналъ подлогъ и въ этой пѣснѣ и потомъ въ Згорѣльскихъ отрывкахъ. Подъ вліяніемъ приговора Добровскаго, въ Прагѣ долго не рѣшались напечатать „Судъ Любуши“; о Згорѣльскихъ отрывкахъ онъ обѣщалъ молчать, если будетъ молчать Ганка, — но Добровскій сообщилъ свое мнѣніе Копитару, на случай, если бы потомъ эти отрывки были изданы. Когда „Любушинъ Судъ“ былъ все-таки напечатанъ, Добровскій (въ 1824) открыто назвалъ это произведеніе подлогомъ. Съ тѣхъ поръ подозрѣніе не прекращалось; послѣ Добровскаго, на немъ упорно настаивала Копитаръ, къ которому послѣ присоединился, молчаніемъ отрицавшій эти открытія —

Миклошичъ. Подозрѣнія падали всего болѣе на Ганку, который былъ разнымъ образомъ прикосновенъ къ этимъ открытіямъ. Здѣсь была главная причина той вражды, которую въ Прагѣ питали къ Копитару, какъ недоброжелательному отрицателю и „Мѣфистофелю“, и которая перешла потомъ къ нѣкоторымъ изъ русскихъ ученыхъ. Вопросъ становился серьезнѣе, и потому въ 1840, Шафарикъ и Палацкій, двѣ главныя ученныя силы у Чеховъ, сдѣлали специальное изданіе, снабженное большимъ ученнымъ аппаратомъ, и которое должно было побѣдоносно доказать подлинность „Любушина Суда“, Згорѣльскихъ отрывковъ и пр. Графъ Матвѣй Тунъ въ 1845 издалъ, съ предисловіемъ Шафарика, нѣмецкій переводъ чешскихъ поэмъ, чтобы познакомиться съ ними Нѣмцевъ и заинтересовать національной стариной понѣмеценныхъ чешскихъ аристократовъ. Въ пятидесятыхъ годахъ поднялась однако новая буря, которая на этотъ разъ захватила и „Краледворскую Рукопись“. Противниками открытій явились нѣмецко-австрійскій ученый Максъ Бюдингеръ и въ особенности талантливый (и рано умершій) Юліусъ Фейфаликъ. Защита, изданная Герменегильдомъ и Іосифомъ Иречкамъ, не выяснила вопроса, который потомъ нашелъ еще новыхъ бойцовъ. Къ числу скептиковъ (относительно „Любушина Суда“ и Згорѣльскихъ отрывковъ) присоединился чешскій ученый Ал. Шембера. Раньше еще поддѣльность „Пѣсни подъ Вышеградомъ“ и „Любовной пѣсни короля Вацлава“ была окончательно доказана. Наконецъ, въ 1877, Адольфъ Патера, кустосъ Чешскаго музея, издалъ замѣчательное изслѣдованіе объ упомянутомъ „Mater Verborum“, показавшее, что изъ всего числа чешскихъ глоссъ этого знаменитаго словаря только четвертую долю (339) можно считать подлинно древними, а всѣ другія (950) составляютъ новѣйшую поддѣлку. Фактъ былъ знаменателенъ: въ самой чешской ученой средѣ былъ открыто заявленъ фактъ поддѣлокъ, совершенныхъ въ сосѣдствѣ Чешскаго Музея. Споръ начался съ новой силой: Алоизъ Шембера, Макушевъ, Петрушевичъ, выступили рѣшительно противъ „Суда Любуши“ и отчасти другихъ памятниковъ; Срезневскій, близко знавшій виновника или непосредственнаго свидѣтеля чешскихъ открытій, Ганку, присоединился прямо или косвенно къ защитникамъ. Въ 1879 В. Ламанскій предпринялъ цѣлое обширное изслѣдованіе о „новѣйшихъ памятникахъ древне-чешскаго языка“.

Изъ сказаннаго выше о томъ, что должны были представлять эти памятники въ историческо-національномъ смыслѣ, понятно, какъ рѣзко долженъ былъ стать вопросъ между противниками и защитниками новѣйшихъ памятниковъ. Одни съ негодованіемъ подозрѣвали (а потомъ видѣли) поддѣлку исторіи, научный обманъ, патриотизмъ, опирающійся на подлогъ; другіе, вѣрившіе, не менѣе упорно отстаивали

вали то, что было, по ихъ мнѣнію, національнымъ сокровищемъ, священнымъ завѣтомъ предковъ. Споръ длится и по настоящую минуту.

Но откуда взялись и были ли основательны подозрѣнія?

Онѣ возникали изъ поводовъ внѣшнихъ и внутреннихъ. Всѣ открытія являлись въ болѣе или менѣе странныхъ обстоятельствахъ: то это были пергаменные листы съ переплетовъ книгъ, нигдѣмъ кромѣ открывателя невидѣнныхъ и послѣ исчезавшихъ („Пѣсня о Вышеградѣ“, „Любовная пѣсня Вацлава“); то — таинственная присылка отъ неизвѣстнаго, который оставался неизвѣстнымъ и послѣ, когда бы могла быть хотя нѣсколькимъ компетентнымъ лицамъ довѣрена истина объ открытіи („Любушинъ Судъ“); то замѣчательные остатки древности, послѣ оказывающіеся явно поддѣльными, открываются въ древней рукописи поздно и случайно, при посредствѣ иностраннаго ученаго, тогда какъ рукопись уже много лѣтъ находилась въ Чешскомъ Музеѣ („Mater Verbovum“); то памятникъ открывается въ захолустьѣ, гдѣ никто, кромѣ открывающаго лица и незнающаго мѣстнаго обывателя, не можетъ засвидѣтельствовать точныхъ обстоятельствъ дѣла (Краледворская Рукопись). Открытія дѣлались исключительно въ одномъ литературномъ пражскомъ кружкѣ. Подлогъ нѣкоторыхъ памятниковъ былъ заявленъ съ самаго начала умнымъ критикомъ, знавшимъ притомъ обстоятельства и лица, Добровскимъ, приговора котораго нельзя было не принять во вниманіе; позднѣе, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, подлогъ былъ доказанъ. Съ другой стороны, вызвало сомнѣнія и содержаніе памятниковъ: они представляли такую старину, какой не было примѣра во всей древней славянской письменности; современная имъ и послѣдующая, подлинная, чешская литература не имѣла съ ними никакихъ связей и параллелей (какова, напр., у насъ связь „Слова о полку Игоревѣ“ съ Волынской лѣтописью и „Задонщиной“), или же представляла связи подозрительныя (какъ напр.: „Ярослава“ съ переводнымъ „Милліономъ“ Марко Поло); романтика Краледворской Рукописи казалась похожей не столько на первобытную средневѣковую, сколько на самую новѣйшую (имена героевъ Краледворской Рукописи, какъ Забой, Славой, Люмиръ, напоминаютъ тѣ имена, какія сочинялись въ новѣйшихъ романахъ изъ древней жизни). По мѣрѣ большаго изученія средневѣковой древности вставали и новыя возраженія: иное, что нѣсколько десятковъ лѣтъ могло казаться вѣрнымъ древнему быту, оказывалось ему не совсѣмъ вѣрнымъ, поэтическіе образы — невозможными, мифологія — придуманной. Между прочимъ обратилъ на себя вниманіе и языкъ памятниковъ. Особенно въ „Судѣ Любуши“ увидѣли искусственное стараніе дать образчикъ мнимо - архаическаго языка: старій языкъ сочинялся подъ вліяніемъ тѣхъ понятій о первобытной близости или единствѣ нарѣчій въ древнее время, какія составлялись при первыхъ

сравнительныхъ изученіяхъ; но слова такого рода не встрѣчались потому нигдѣ, кромѣ этихъ мнимо-древнихъ памятниковъ, и—къ удивленію,—обнаруживали ту же наклонность пользоваться при этомъ русскимъ языкомъ, какая замѣчена была въ собственныхъ трудахъ Линды и Ганки. Романъ Линды, *Zaře nad rohanstwem*, 1818, представилъ странныя точки соприкосновенія съ древними памятниками.

Полемическій огонь тлѣлся съ самаго перваго появленія новыхъ открытій: онъ не разгорался главнымъ образомъ потому, что не было еще достаточнаго научнаго матеріала для его окончательнаго рѣшенія. Въ концѣ пятидесятыхъ годовъ раздоръ выразился съ такой рѣзкостью, что палеографическій и археологическій вопросъ сталъ предметомъ уголовного судебного разбирательства, и дѣло рѣшено было тогда въ пользу памятниковъ. Въ послѣдніе годы споръ возобновился въ области научной критики съ новой силой и, надо думать, приведетъ наконецъ къ разъясненію дѣла.

Исторія названныхъ выше памятниковъ древне-чешской литературы составила уже значительную литературу.

Относительно «Пѣсни подъ Вышеградомъ», «Любовной пѣсни короля Вацлава», чешскихъ Пророчествъ Любуши и пр., см. Hanuš, *Die gefälschten böhmischen Gedichte aus den Jahren 1816—1849*. Prag, 1868.

«Любушинъ Судъ», заподозрѣнный, какъ мы замѣтили, Добровскимъ, сперва не осмѣлился явиться въ Прагъ. Первое изданіе, не очень исправное, по списку, присланному изъ Праги, сдѣлано было польскимъ ученымъ Раковецкимъ, въ его «Русской Правдѣ» (Варшава, 1820); отъ Раковецкаго повторилъ изданіе Шишковъ, въ «Извѣстіяхъ Россійск. Академіи», 1821, ч. IX; только послѣ этого «Любушинъ Судъ» появился въ Прагѣ, въ журналѣ «Krok», 1822, гдѣ болѣе исправно издалъ его Юнгманнъ. Раздраженный изданіемъ заподозрѣннаго писанія, Добровскій высказалъ свои подозрѣнія въ печати, въ «Hortmaug's Archiv» и въ «Wiener Jahrb. der Literatur», 1824. Шафарикъ и Палацкій въ книгѣ «Die ältesten Denkmäler der böhmischen Sprache» (Prag, 1840), собрали доказательства въ пользу подлинности памятника, и ихъ авторитетъ надолго устранилъ какія-нибудь сомнѣнія. Чешскіе и православынскіе ученые (за упомянутымъ исключеніемъ Копитара, Милошича, отчасти Кажетя, Воцеля), безболзненно пользовались какъ «Судомъ Любуши», такъ и Краледворской Рукописью для изображенія не только чешской, но обще-славянской древности; стихъ «Любушина Суда»: «neschválnu pamť Němcech iskati pravdu»—становился лозунгомъ славянскаго (противо-нѣмецкаго) патриотизма; на «Судѣ Любуши» строились теоріи древняго славянскаго быта (между прочимъ у К. Аксакова).

Краледворская Рукопись не внушала сомнѣній и Добровскому; напротивъ, онъ смотрѣлъ на нее какъ на драгоценный памятникъ чешской старины (*Gesch. der böhm. Sprache und Lit.*, 2-е изд. 1818, стр. 385—390). Первое изданіе ея сдѣлалъ Ганка: *Rukopis Kralodvorský. Sebrání lučicko-epickýchъ zpěvův*. Прага, 1819 (какъ особенный томикъ его сборника, *Starobylá Skládanie*); потомъ рядъ другихъ изданій Ганки (вмѣстѣ

съ «Судомъ Любуши») до 1861. Фотографическое изданіе А. Вртятка (преемника Ганки въ Чешскомъ Музеѣ), Прага 1862. Нѣмецкій переводъ В. Свободы, при изданіи 1829; I. М. графа Туна, *Gedichte aus Böhmen's Vorzeit*. Prag, 1845, съ предисловіемъ Шафарика, который вмѣстѣ съ Палацкѣмъ выправилъ чешскій текстъ при этомъ изданіи. Русскія изданія, переводы и комментаріи: адм. Шишкова, въ «Извѣст. Россійск. Акад.», ч. VIII (и отдѣльно), 1820; А. Соколова, въ Ученыхъ Записк. Базан. унив. 1845 — 46; стихотворный переводъ Н. Берга, Москва, 1846, и въ Ганковой «*Polyglotta*», Прага, 1852; Ив. Некрасова, Спб., 1872.

Изъ чешскихъ комментаріевъ можно замѣтить статьи Шафарика, Воцеля (въ «*Часописѣ*», 1854) и особенно В. Небескаго (*Kralodvorsky Rukopis*. Прага, 1853, изъ «*Часописа*», 1852 — 53). Но главнымъ образомъ литература Брадевъ. Рукописи (а также «Суда Любуши») разрослась съ конца 50-хъ годовъ. Въ это время старія сомнѣнія были заострены и высказаны въ статьяхъ газеты «*Tagesbote aus Böhmen*»: «*Handschriftliche Lügen und paläographische Wahrheiten*», 1858, ноябрь, неизвѣстнаго автора, въ трактатахъ Макса Вюдингера (*Die Königinhofer Handschrift und ihre Schwestern*, въ *Hist. Zeitschrift*, Зибеля, 1859 и др.), Эд. Шваммеда (*Denkschriften der Wiener Akad.*, 1860) и особенно Юліуса Фейфалика (*Ueber die Königinhofer Handschrift*. Wien, 1860).

Историко-литературный споръ принялъ характеръ національнаго столкновенія. Оспариваемыя рукописи бѣли въ глазахъ Чеховъ національною драгоценностью, украшеніемъ ихъ литературы; онѣ возбуждали національную гордость и духъ независимости противъ Нѣмцевъ. Не мудрено, что и противная сторона внесла въ ученый вопросъ національную вражду и нетерпимость. «*Handschriftliche Lügen*» вызвали формальный процессъ въ Прагѣ, который кончился осужденіемъ редактора газеты за клевету. По этому поводу устроено было цѣлое литературное слѣдствіе, — отыскано было, кто послалъ безыменно «Любушинъ Судъ» для Чешскаго Музея, и пр. Рукопись «Суда» получила съ тѣхъ поръ названіе Зеленогорской. Слѣдствіе это вложено въ статью Томка въ «*Часописѣ*» и въ нѣмецкомъ ея изданіи: *Die Grünberger Handschrift*. Prag, 1859. Кромѣ судебныхъ, явились и ученые защитники обонхъ памятниковъ.

Объ стороны собирали все, что могли, за и противъ этихъ памятниковъ, съ разныхъ точекъ зрѣнія — палеографія, исторія, литература, эстетика. Главнымъ защитительнымъ сочиненіемъ была книга бр. Иречковъ: *Die Echtheit der Königinhofer Handschrift kritisch nachgewiesen*. Prag, 1862.

Потомъ выступили Брандль, въ «*Часописѣ*», 1869, I, 1870, II и пр.; Гебауэръ (*Filologické Listy*, II, 97—114); Гаттала (*Beiträge zur Kritik der Königinh. und Grünb. Handschrift*, въ *Sitz.-Ber. der kön. böhm. Gesellschaft*, 1871); также Ганушъ (*Das Schriftwesen und Schriftthum der böhmisch-slovenischen Völkerstämme*, Prag, 1867), Вртятко (въ «*Часописѣ*» 1871) и друг. Въ русской литературѣ А. Куникъ, въ *Зап. Акад.* 1862, II. (Ср. Котляревскаго, *Uspechy slavistiky na Rusi*, Прага, 1874, стр. 31).

Библиографическіе обзоры литературы вопроса сдѣланы были Ганушемъ, *Schriftwesen etc.*, стр. 55 — 67; Л. Круммелемъ, въ *Heidelberger Jahrbücher der Literatur*, 1868; Иос. Иречкомъ, *Rukověť*, I, 406 — 411; II, 354 — 355.

Но эта длинная полемика не рѣшила спора, и въ послѣдніе годы явились новые отрицатели подлинности обоихъ промѣведеній. Чте причиною нападеній была вовсе не одна національная враждебность или недоброжелательство партій (какъ чешскіе критики говорили это о Бюдлингерѣ, Фейфаликѣ, Копитарѣ), обнаружилось тѣмъ, что на этотъ разъ противники открытій явились изъ круга самихъ славянскихъ, даже чешскихъ ученыхъ. Престарѣлый чешскій ученый, Алоизъ В. Шембера, въ новомъ изданіи своей Исторіи чешской литературы, сталъ опровергать подлинность «Суда Любуши» и Евангелія отъ Іоанна, или такъ называемыхъ Згорѣльскихъ отрывковъ (Dějiny, изд. 4-е, 1878, стр. 30—32, 149—153); галицкій ученый Антоній Петрушевичъ выступилъ съ своими опроверженіями противъ «Суда Любуши» въ галицкомъ «Словѣ», 1877—1878; хорватскій ученый В. Ягичъ, въ упомянутой выше «Gladja», называлъ Краледворскую Рукопись «книгой съ семью печатами»; русскій славистъ В. Макушевъ (въ Филол. Запискахъ). Противъ Шемберы слова возсталъ І. Иречекъ (въ «Часописѣ», 1878, 1879). Принялъ участіе въ вопросѣ Срезневскій, въ статьѣ: «Былина о судѣ Любуши» (Р. Филол. Вѣстникъ, Варшава, 1879, вып. 1), гдѣ, не отвѣчая на идущій споръ, косвенно явился защитникомъ подлинности памятника; именно, онъ изложилъ свои прежнія изысканія о предметѣ, гдѣ подлинность «Суда Любуши» не подвергалась ни малѣйшему сомнѣнію, а только вѣкомъ его принимался не IX, какъ думали чешскіе авторитеты, а XI—XII.

Послѣдними фактами полемики были:

— Особая книжка Шемберы: «Libuřin Soud domnělá nejstarší památka řeči české jest podvržen, tež zlomek Evangelium Sv. Jana». Вѣна, 1879 (послѣ вышло еще доволненіе), гдѣ онъ собралъ всѣ свои аргументы противъ «Суда Любуши» и также Згорѣльскихъ отрывковъ, и авторами первого прямо называетъ Лиду и Ганку.

— Съ начала 1879, сталъ выходить въ Журналѣ Мин. Нар. Просв. рядъ замѣчательныхъ статей В. Ламанскаго: «Новѣйшіе памятники древне-чешскаго языка», которые обѣщаютъ быть самой полной и категорической постановкой вопроса, какъ съ научно-критической, такъ общественно-политической точки зрѣнія.

— V. Brandl, Obrana Libuřina Soudu—противъ Шемберы, 1879.

— Совершенно рѣзко поставилъ вопросъ и Антонинъ Вашекъ (профессоръ гимназій въ Вѣрнѣ), въ книжкѣ: «Filologický důkaz že Rukopis Kralodvorský a Zelenohorský, tež zlomek evangelia Sv. Jana jsou podvržená díla Václava Hanky». V Brně, 1879.

— Чешскій журналъ «Osvěta», 1879, помѣстилъ біографію Іос. Лиды, писанную І. Иречкомъ, и біографію В. А. Свободы, писанную Ант. Рыбичкой, откуда должна слѣдовать невозможность обвиненія ихъ въ поддѣлкахъ или участіи въ нихъ.

Вопросъ еще не исчерпанъ. Защитники памятниковъ не въ самомъ выгодномъ положеніи; но и противникамъ остается еще не мало труда. Безпристрастные зрители этой борьбы, заинтересованные однако живо въ ея исходѣ, ожидаютъ, что отрицательная критика, налагая свои доказательства противъ подлинности памятниковъ, объяснитъ также, какъ возможны были поддѣлки, гдѣ могли быть ихъ источники и средства исполненія.

Въ чешскихъ изложеніяхъ исторіи литературы, принимающихъ подлинность „Суда Любуши“ и „Краледворской Рукописи“, говорится обыкновенно, что древнѣйшая пора чешской письменности была само-стоятельно-народная, какъ и свидѣлствуютъ эти памятники; но что затѣмъ, въ болѣе позднее время начинается упадокъ самобитно-народнаго и преобладаніе вліяній латинско-нѣмецкихъ. Но для тѣхъ, кто не принимаетъ этихъ памятниковъ, вліянія латинско-нѣмецкія должны представляться гораздо болѣе ранними: онѣ очень рано проявились въ жизни общественно-политической; естественно ожидать, что онѣ должны были равномерно проявиться и въ жизни литературной,—такъ что народно-поэтическая „Краледворская Рукопись“ и съ этой стороны заключала бы въ себѣ внутреннее противорѣчіе.

Чехи, какъ вообще Славянство на западѣ, встрѣтились въ своей исторіи съ культурными началами германо-романскими, которыя обладали уже большимъ развитіемъ и не могли остаться безъ дѣйствія на славянскую почву. Если короли принимали Нѣмцевъ, принимали нѣмецкіе обычаи и т. д., это не было случайностью. Новѣйшіе историки по вѣнѣйшимъ соображеніямъ нерѣдко упрекаютъ ихъ въ недостатокъ національнаго чувства, но этотъ недостатокъ былъ порожденіемъ самой тогдашней чешской жизни: она не представляла достаточнаго національнаго отпора чужимъ учрежденіямъ, а съ другой стороны—германо-романство было единственнымъ проводникомъ образованности.

Чешскіе историки жалуются, что латинское образованіе вредило народности, отвлекая много силъ отъ ея развитія, но признаютъ также, что оно доставляло и значительныя выгоды: латынь не была большой опасностью для народнаго языка, потому что не была языкомъ живымъ, но, какъ языкъ обработанный, приносила съ своей литературой богатство готовыхъ понятій, для которыхъ еще не доставало бы языка народнаго. Но, очевидно, что народность все-таки теряла: употребленіе чужого языка—въ церкви, въ отношеніяхъ юридическихъ, въ исторической книгѣ (какъ это было у Чеховъ), ставило народность на задній планъ, какъ ставили ее вѣдомъ нѣмецкіе обычаи и нѣмецкій языкъ. Литературныя отношенія чешскаго языка съ латынью и элементомъ нѣмецкимъ были только отраженіемъ дѣлаго историческаго факта,—отношеній Славянства къ стоявшему въ упоръ подлѣ германо-романству: была здѣсь выгода—въ усвоеніи европейской образованности, была невыгода—въ водчиненіи, которому подверглась славянская народность и борьба противъ котораго составила всю исторію чешской національности.

Первымъ фактомъ, которымъ обнаружился упадокъ народнаго начала, было—вытѣсненіе славянскаго христіанства и кирилловской письменности. Этотъ фактъ совершился еще тогда, когда матеріальное

давленіе Нѣмцевъ было, вѣроятно, еще весьма незначительно: повидному, народность уже въ ту пору не умѣла защитить себя отъ оружанной ея силы латинской церковности.

Латинское образованіе было прежде всего принадлежностью духовенства и его школы; изъ церкви латынь перешла въ суды и управленіе; школа церковная дѣлалась школой общею. Къ собственнымъ латынщикамъ прибавились еще нѣмецкіе монахи и учителя. Къ числу старѣйшихъ памятниковъ чешской письменности принадлежитъ поэтому цѣлый рядъ глоссъ и словарей. Замѣчательнѣйшимъ изъ нихъ былъ словарь, извѣстный подъ названіемъ *Mater Verborum* („Мать словъ“), сохранившаяся рукопись котораго (относимая прежде по поддѣльной припискѣ къ 1202, даже къ 1102 году) принадлежитъ XIII вѣку. Съ переходомъ въ XIV столѣтіе, число памятниковъ этого рода все больше увеличивается, указывая на распространеніе латыни. Таковы словари: Велешина, Словава Ровеханаго, далѣе *Nomenclator*, *Sequentionarius*, *Catholicon magnum*; они писались по чешски въ стихахъ, какъ *Bohemarius*.

Когда начались новѣйшія изслѣдованія чешской старины, великую славу приобрѣлъ одинъ изъ этихъ словарей, именно „*Mater Verborum*“. Это былъ собственно латинскій толковый словарь, составленный, какъ полагали, въ X столѣтіи саль-галленскимъ аббатомъ и констанцскимъ епископомъ Соломономъ (ум. 920). Между прочимъ словарь попалъ и въ Чехію, видимо изъ Германіи. Въ чешскомъ спискѣ словаря находятся, во-первыхъ, нѣкоторое число нѣмецкихъ толкованій латинскихъ словъ, а во-вторыхъ—чешскія глоссы. Небольшое число этихъ чешскихъ толкованій писано въ строку, такъ что, очевидно, онѣ внесены были при самой перепискѣ оригинала (въ XIII вѣкѣ); но множество другихъ, и очень оригинальныхъ чешскихъ глоссъ вписано между строками,—повидному, также старымъ почеркомъ. Рукопись замѣчательна еще миниатюрами въ заглавныхъ буквахъ, и на одной изъ нихъ подъ изображеніями двухъ молящихся монаховъ означены имена „писца Вацерада“ и „рисовальщика Мирослава“, и отмѣченъ упомянутый годъ (прочитанный одними за 1102, другими за 1202). Въ историческомъ и литературномъ отношеніи словарь представлялъ величайшій интересъ по этимъ чешскимъ глоссамъ, которыя съ одной стороны давали указанія о характерѣ и лексическомъ объемѣ чешскаго книжнаго языка XII—XIII вѣка, а съ другой—въ особенности о древнихъ мнѣологическихъ преданіяхъ и божествахъ, славянской и чешской языческой старины. Оказывалось, что въ XII—XIII столѣтіи языкъ былъ значительно выработанный, болѣе близкій къ другимъ нарѣчіямъ, напр., русскому; сохранявшаяся здѣсь память объ язычествѣ, которая выразилась обиліемъ названій языческихъ божествъ, могла,

какъ параллель, объяснить языческое свойство „Любушина Оуда“ и тѣхъ пѣсней Кракедворской Рукописи, какъ „Забой“ и т. п.

Въ самомъ дѣлѣ въ „Mater Verborum“ являлось цѣлое собраніе языческихъ боговъ — былъ „Свантовитъ“ въ роли Марса, „Ірія“ какъ богиня любви или славянская Венера, „Жива“ въ роли Цереры, да еще „Велесъ“, „Радигооть“, „Бѣлбогъ“, „Шерувъ“, „Дѣвана“, „Морана“ въ роли Гекаты и т. п.; въ некоторыхъ случаяхъ указывалась и генеалогія божествъ; далѣе упоминаются „тризна“, „чародѣи“, „гадачи“, „трѣба“ (жертвоприношеніе), „вѣщбы“ (предсказанія)—упоминаемая, между прочимъ, и въ „Судѣ Любуши“; приводятся многія слова бытованія и выраженія, не обычные въ чешскомъ языкѣ, но известныя изъ языка русскаго,—что должно было свидѣтельствовать о древней близости славянскихъ нарѣчій между собою.

Чешскія глоссы изъ „Mater Verborum“, изданныя въ первый разъ Ганушъ, потомъ Шафарикомъ и Палацкиемъ ¹⁾, причислены были въ тѣмъ драгоцѣнностямъ старой литературы, которыя давали ей высокое историческое значеніе не только для самихъ Чеховъ, но и для остальнаго Славянства. Но уже съ перваго появленія, эти глоссы возбуждали сомнѣніе у Коппетара; эти сомнѣнія отвергались чешскими учеными какъ недоброжелательство. Въ послѣдніе годы научная критика пришла однако къ убѣжденію, что памятникъ далеко не безупреченъ. Первымъ замѣчаніемъ высказалъ Ганушъ, а въ послѣднее время памятникъ самымъ внимательнымъ образомъ исследовали Ад. Патера и Баумъ, изъ которыхъ одинъ разобралъ рукопись въ палеографическомъ и лексическомъ отношеніи, а другой разсмотрѣлъ ея миниатюры ²⁾. Въ результатъ этихъ и другихъ исследованийъ оказалось, что имя „писца Вацерада“, который долго считался авторомъ чешскихъ глоссъ и долго игралъ роль крупнаго авторитета въ славянской минеологій, имя рисовальщика „Мирослава“, годъ рукописи, множество самыхъ глоссъ написаны никакъ не въ XIII столѣтіи, а скорѣе въ XIX, что словомъ, рукопись „Mater Verborum“ прошла черезъ руки новѣйшаго фальсификатора. Именно, Патера выдѣлилъ изъ цѣлаго ихъ количества только 339. подлинно древнихъ ³⁾; между тѣмъ втрое болѣе было прибавлено

¹⁾ Ганка, *Zbírka nejdávnejších slovniků latinsko-českých*, Прага, 1833, стр. 1—24; Шафарикъ и Палацкій, *Die ältesten Denkmäler der böhm. Sprache*, Prag, 1840, стр. 208—238.

²⁾ Ганушъ, въ *Sitz-berichte der böhm. Gesellschaft*, 1865, I; статьи Патера и Баума, въ чешскомъ «Часописѣ» 1877; русскій переводъ статьи Патера, съ замѣчаніями Срезневскаго (въ *Сборникѣ рус. Отдѣл. Академіи*, т. XIX, 1878, стр. 1—152), который, назвавъ свою статью лукавыми похвалами труду Патера, дѣлаетъ ловкую защиту по существу тѣхъ глоссъ, которыя были заподозрены послѣднимъ съ палеографической стороны. Разборъ этой двусмысленной статьи и цѣлаго вопроса у В. Даманскаго, въ упомянутыхъ статьяхъ: «Новѣйшіе памятники древне-чешскаго языка».

³⁾ Въ этомъ числѣ: глоссы, находящіяся въ самомъ текстѣ и, следовательно, неиз-

фальсификаторомъ, и въ ихъ числѣ находятся именно тѣ, которые обращали на себя вниманіе своей чрезвычайной оригинальностью и мисеологической стариной.

Со времени издавія 'глоссы „*Mater Verborum*“ почти ни одно сужденіе о древней славянской мисеологіи не обходилось безъ ссылки на „*Вадерада*“; съ его обильной помощью строилось изображеніе древняго славянскаго міровоззрѣнія. Превратить эту мистификацію въ науку будетъ уже большимъ дѣломъ.

Мы остановились на словарѣ „*Mater Verborum*“ потому, что о немъ много говорилось въ послѣдніе годы, и потому, что его исторію дастъ видѣть настоящее положеніе вопроса о древней чешской литературѣ; надъ ней еще стоитъ туманъ. До послѣднихъ лѣтъ чешскіе историки отвергали всякое сомнѣніе въ истинности памятникахъ чешской древности, какъ покаяніе на историческое достоинство ихъ національности. Теперь, критическія требованія заявлены не только „недоброжелателями“ (Контаръ), но и самими чешскими учеными (Шембера, Патера, Ваумъ, Эмлеръ, Гебауръ). Съ чешской древностью связаны тѣсно историческія представленія и о древностяхъ остальнаго Славянства. Если „*Любушикъ Судъ*“ есть произведеніе не IX, а XIX вѣка; если Краледворская Рукопись принадлежитъ не XIII—XIV столѣтію, и мисеологическіе глоссы „*Mater Verborum*“ не 1102 или 1202, а также XIX столѣтію, то этимъ предполагается огромная лопка во всемъ, что писалось доселѣ о древнемъ славянскомъ бытѣ, нравахъ, мисеологіи, языкѣ, поэзіи; должны быть выброшены и забыты многія страницы въ изслѣдованіяхъ, между прочимъ и первоначальныхъ ученыхъ, не только славянскихъ, но и нѣмецкихъ, какъ Гриммъ и другіе.

Если даже не предпринять теперь окончательнаго вопроса о произведеніяхъ, какъ „*Судъ Любуши*“, Краледворская Рукопись, глоссы „*Mater Verborum*“ и т. д., то можетъ показаться страннымъ, исторически не логичнымъ, что другіе памятники чешской старины не представляютъ или ничего, или мало похожего на то рѣзкое національно-патріотическое направленіе, которое замѣчается въ западославянскихъ памятникахъ, на богатство ихъ архаическихъ воспоминаній и ихъ поэзіи. Въ самомъ дѣлѣ, внѣ этихъ заподозрѣнныхъ или вполне обличенныхъ памятниковъ, чешская литература не представляетъ ни такихъ опредѣленныхъ преданій національной древности, ни такихъ ярыхъ заявленій національной (именно противогѣмецкой) исключительности, ни такого обилія своенародной поэзіи, и, напротивъ, представляетъ много

сенныхъ во время самаго написанія рукописи,—всего 12; глоссы между строками, но также древнія—42; наконецъ, приписанныхъ другимъ старымъ почеркомъ, вскорѣ по написаніи рукописи—285.

свидѣтельство, что германо-латинскія вліянія проникали, и уже издавна, во всё отрасли письменности. Правда, и въ литературѣ подлинной бывали національно-патріотическія зазвонія, какъ у Далимила; но эти зазвонія и рѣдки и не такъ сильны, а во всемъ остальномъ ряду другихъ памятниковъ не сохранилось отголоска ни *того чувства своей народности, даже походяго на новѣйшую тенденціозность* ¹⁾, ни *той поэтической романтики, какихъ находимъ въ „Судѣ Любуши“ и Бразедворской Рукописи, ни той мнелогіи, какову узнаемъ изъ „Mater Verborum“*, и проч. Напротивъ, мы видимъ, что въ эти самыя вѣка сиювыно и послѣдливо принимаются тѣ формы и содержаніе, какія имѣла вообще западная средневѣковая литература; не видятъ слѣда какой-нибудь борьбы между двумя литературными „школами“, какія предполагаются въ эту эпоху чешскими историками и которыя представлялись, по ихъ мнѣнію, съ одной стороны Бразедворской Рукописью, съ другой—подражаніями западной романтикѣ.

Итакъ, скорѣе можно думать, что германо-романское вліяніе развивалось постепенно, безъ особенной помѣхи, съ тѣхъ поръ, какъ одержало свою первую побѣду въ IX—X вѣкѣ, когда оно устранило изъ Чехіи и Моравіи церковъ греко-славянскую и поставило на ея мѣсто латинскую, т.-е.; говоря по нынѣшнему, обратило Чехо-мораванъ изъ православія въ католицизмъ.

Первымъ результатомъ знакомства съ латинской литературой было развитіе духовной поэзіи, или стихотворства, и легенды. Послѣ упомянутой пѣсни: *Voerodite* и другой: *Sv. Vaclave*, въ чешскихъ памятникахъ не сохранилось особенно старинныхъ духовныхъ пѣсней. Дравнѣйшей должна считаться пѣсня въ 16 стиховъ: „*Slovo do svѣta stverenie*“, недавно открытая Ад. Патерой въ рукописи XIII вѣка и сложенная видимо по латинскому образцу въ обычной приемовой формѣ ²⁾. Другія известныя пѣсни этого рода восходятъ по рукописямъ не далѣе XIV вѣка ³⁾. Относительно духовныхъ пѣсней, взятыхъ съ латинскаго, какъ и о переводахъ св. писанія, замѣчаютъ, что сначала просто дѣлались объясненія латинскаго оригинала чешскими глоссами, и уже изъ нихъ происшелъ сверва связанный переводъ, а потомъ правильные стихи. Вислѣдствіи, нѣкоторыя старыя пѣсни воины, вмѣстѣ съ новыми, въ „Канціоналы“, о которыхъ скажемъ далѣе.

Послѣ первыхъ легендарныхъ памятниковъ, указывающихъ на общее нѣкогда церковное преданіе у Чеховъ и южнаго Славянства, чешская легенда, представляемая значительнымъ числомъ памятниковъ,

¹⁾ Ср. «Nechvalno nam v Němcech iskat pravdu» (Судъ Любуши). Или: «Nemes barbarus, tardus, obtusus, imparitus, stolidus» etc. (Mater Verborum).

²⁾ См. «Часописъ» Чешскаго музея, 1878, II, 289—294.

³⁾ Образцы въ «Выборѣ», I, стр. 322 и слѣд.; Rukovět, II, 120.

была воиной латинских и германских образов, но содержанием и по формѣ. Легенды писались прозой и стихами, и стариннѣя, какія известны—стихотворныя. Въ противоположность славянскому народному стику, не взиющему рими, стихъ чешской легенды и свѣтскихъ произведеній является неизменно съ рямой. По содержанию и выбору святыхъ, это—легенда или обще-христіанская, составленная по католическому источнику, или специально католическая. Рядъ стихотворныхъ легендъ начинается, по рукописямъ, съ конца XIII вѣка, и старѣйшія сохранились только въ отрывкахъ, напр. отрывокъ легенды о *Дневъ Маріи* (изъ апокрифическаго евангелія св. Матвея de otia beatae Mariae et infantia Salvatoris; Шафарикомъ была принята сначала за легенду объ Аннѣ, матери Самуила), о *страданіяхъ Спасителя*, о *сосланіи св. Духа*, о *апостолахъ*. Къ началу XIV вѣка относятся написаніе легендъ о *Иудѣ* и *Пилатѣ*, легенду о *св. Алевотѣ*, въ половинѣ того же вѣка легенды о *св. Доротѣ*, о *св. Катеринѣ*, о *Маріи Магдалинѣ*, *апостолѣ Іоаннѣ*, о *св. Прокотѣ*. Далѣе *Иисуса во молодости* (изъ апокрифическаго перво-евангелія Іакова), *Плачь* св. Маріи, и друг. Легенды прозаическія собраны въ „*Пассіональ*“, составленномъ въ правленіе Карла IV: въ основаніи его лежала *Legenda Aurea* Якова de Voragine, но она утроблена съ выборомъ, и между прочимъ прибавлены жизнеописанія чешскихъ святыхъ, напр. Кирилла и Меѳодія, Людмила, Вячеслава и Годувити. „*Пассіональ*“ былъ потомъ напечатанъ въ числѣ первыхъ чешскихъ книгъ (1480—1495). Изъ легендъ стихотворныхъ, лучшей по исполненію считается легенда о св. Катеринѣ, отысканная въ недавнее время въ Стокгольмѣ, куда попало много чешскихъ рукописей во время 30-лѣтней войны, и изданная въ 1860 Эрбеномъ; легенда отличается лживостью стиха и красивымъ языкомъ. Большое мастерство стиля видѣть и въ отрывкѣ легенды о св. Маріи, по апокрифическому евангелію Матвея ¹⁾.

Въ этотъ періодъ готовилась и переводъ цѣлой библіи. Выше упомянуто, что древнѣйшимъ памятникомъ этого рода считались такъ называемые Эгоръльскіе отрывки (изъ евангелія Іоанна), которые относимы были къ X вѣку. Добровскій и Коппгаръ сомнѣвались въ этомъ памятникѣ; Шафарикъ, Палацкій, теперь Иречекъ защищали его подлинность; въ послѣднее время Шембера, Вапшекъ называли его прямо подлогомъ, Макушевъ въѣсто X вѣка относилъ его къ XIII-му. Книги св. писанія переводились не вѣрнѣе и не послѣдовательно, а частями, и настоящіе переводы являются уже поздно: началось въ

¹⁾ Добровскій, *Gesch. der böhm. Sprache*, etc. 103—103; Ганка, *Starobylá Skládanie*, díl III, 1818; *Vybor z liter. I*; Шафарикъ, *Sebrané spisy*, т. III, 1865 (klasobrani); Feffalik, *Studien zur Geschichte der althöhmischen Literatur* (Sitzber. der böhm. akademie), 1860; loc. Иречекъ, *Rukověť*, I, 446—447; Ад. Патера, въ „*Часописѣ*“, 1879, I.

(какъ выше замѣчено и о переводахъ церковныхъ пѣсень) были простые глоссы, толкованія латинскихъ текстовъ для священниковъ; мало по малу глоссы перешли въ священный переводъ. Нѣкоторыя библейскія книги, какъ говорятъ, были переведены еще до XIII вѣка; другіе появились въ XIII—XIV вѣкахъ; наконецъ первый полный сводъ перевода библейскихъ книгъ сдѣланъ въ 1410—1416. Первое печатное изданіе чешской библіи вышло въ Прагѣ 1488 ¹⁾).

Первоначальная поэзія представляетъ дагдѣ рядъ духовно-поучительныхъ и аллегорическихъ поэмъ и стихотвореній, писанныхъ также во известной мѣрѣ латинскою и нѣмецкою, съ нравоучительнымъ характеромъ и рифмованнымъ стихомъ. Таковы, напр., *Десять заповѣдей замовѣдей*—поэма XIV вѣка, гдѣ десять заповѣдей объясняются съ помощью наглядныхъ описаній чорта и легиновъ, даже иногда фривольныхъ анекдотовъ, въ томъ родѣ, какъ нѣмецкіе проповѣдники тѣхъ временъ для большого интереса своихъ проповѣдей вставляли въ нихъ чисто свѣтскіе рассказы (vísreč), анекдоты и сказки. Цѣль нравоученія достигалась за разъ двумя путями. Въ другомъ стихотвореніи: *Смоль души съ тѣломъ*, аллегорически разсказывается судьба челоука по смерти. Послѣ длиннаго предисловія о томъ, какъ должно жить въ ожиданіи смерти, передается разговоръ души съ тѣломъ. Тѣло предано роскоши, душа говоритъ ему о смерти и замѣчаетъ, что будетъ за него наказана. Тѣло умираетъ, дьяволъ ухватился за душу, взвѣсилъ ее съ грѣхами на вѣсахъ и ваялъ въ адъ. Душа жалуется Божьей Матери, которая отнимаетъ ее у дьявола и молится за нее у Сына; Сынъ отдаетъ душу на судъ Правды, Миру, Справедливости и Милосердію. Дьяволъ жалуется на несправедливость, но Марія и судьи заступаются за душу: Миръ обѣщаетъ ей милость отъ Иисуса, а Милосердіе вѣроятно сжалилось надъ ней,—чего, впрочемъ, въ рукописи недостаетъ. То же духовно-поучительное содержаніе представляютъ слѣдующіе, болѣе или менѣе обширные рассказы и размышленія въ стихахъ: *о вѣчнѣ*, погубившемъ свою душу; *о смертности*, отъ которой челоукъ нигдѣ не можетъ скрыться; *о шести источникахъ* (грѣха); *о двадцати семи мушкетѣ*, т.-е. людяхъ, не знающихъ нравственности и душевнаго спасенія; *о немостоященъ сетлѣ* и т. п. ²⁾).

Другой стороной германо-латинскаго вліянія было появленіе въ чешской литературѣ средневѣковаго романтизма. Какъ Чехи не могли воспротивиться матеріальному вліянію Нѣмцевъ въ ихъ дѣла, вліянію нѣмецкихъ нравовъ и учреждений, такъ они оказались уступчивы и въ литературномъ отношеніи. Несмотря на то, что „Любушинъ судъ“ строго порицалъ исваніе правды у Нѣмцевъ, а „Забой“ внушалъ

¹⁾ Rukovět, II, стр. 116—120.

²⁾ См. въ «Starobyta Sklád.» и въ «Выборѣ изъ чешской литературы», т. I.

ненависть къ врагу, который „чужими словами прилаживаетъ“ на чешской родинѣ, — на дѣлѣ чешская книжность не устояла противъ замечивости инородной поэзии, говорившей этики „чужими словами“, и съ охотой обратилась въ европейскому романтизму, пришедшему вмѣстѣ съ нѣмецкими обычаями и феодальными учрежденіями. Какъ скоро Чехія не сдѣлала оборотъ своего древняго княжеско-демократическаго устройства, покорилась притязаніямъ не-народной церкви и приняла новую королевскую власть съ ея аристократической обстановкой, народное начало можно было считать побѣжденнымъ (это произошло въ XIII вѣкѣ), — надо думать, что и раньше въ немъ мало было общественной силы для отпора феодализму, и, съ другой стороны, не было своихъ средствъ удовлетворить нарождавшимся потребностямъ образованія. Вліяніе средневѣкового романтизма, а вмѣстѣ съ нимъ и феодальной общественной морали, становится понятно ¹⁾.

И такъ, средневѣковыя романтическія поэмы пришли къ Чехамъ, какъ естественное дополненіе нѣмецкихъ обычаевъ, которые утвердились при дворѣ и въ жизни высшихъ сословій еще съ половины XII столѣтія. Вмѣстѣ съ турнирами, рыцарскими учрежденіями, при дворѣ чешскихъ королей явились нѣмецкіе миннезингеры. Король Вацлавъ I даже самъ, по преданію, былъ нѣмецкимъ миннезингеромъ. Нѣмцы являлись не только при дворѣ; они составили значительную часть городского населенія ²⁾, такъ что вкусы нѣмецкой литературы легко могли распространиться и въ среднемъ классѣ. Къ концу XIII вѣка романтизмъ былъ такъ привыченъ, что въ одномъ изъ первыхъ его памятниковъ мы находимъ уже весьма законченное произведеніе, которое чешскіе критики считаютъ лучшимъ плодомъ своей христіанско-рыцарской поэзии. Это была чешская обработка поэмы объ Александрѣ. Чешская *Александрейда* сохранилась только въ отрывкахъ, и хотя известна въ спискахъ съ XIV столѣтія, считается произведеніемъ второй половины XIII вѣка. Чешская поэма обработана была по латинской поэмѣ Гетье Шатильонскаго (Gautier de Lille, ab Insalis), написанной во второй половинѣ XII столѣтія и передѣланной въ XIII нѣмецкимъ поэтомъ Ульрихомъ Эшенбахомъ, который въ своихъ странствованіяхъ заходилъ въ Прагу и посвятилъ часть своей книги королю Вацлаву II. Чешскій поэтъ взялъ за основу латинскій подлинникъ, хотя зналъ и нѣмецкую обработку: сравненіе чешскаго текста съ латинскимъ убѣждаетъ однако, что чешскій поэтъ, взявъ главныя черты сюжета, остался очень независимъ въ поэтическомъ изложеніи. Это былъ, безъ сомнѣнія,

¹⁾ Ср. любопытныя отзывы Ферд. Шульца: *Z dějin rodu lidu v Čechách*, въ журналѣ «Osvěta» 1871, № 3, 4, 6 и 8.

²⁾ Продолжатель Козьмы Пражскаго замѣчаетъ подъ 1281 г., что въ это время пришло въ Чешскую землю такое множество Тевтоновъ, что многіе полагали, что ихъ было здѣсь больше, чѣмъ мухъ.

даровитый писатель, проникнутый христианско-рыцарским духом времени; его поэма есть наиболее самобытное и вообще лучшее произведение старо-чешской романтики ¹⁾. Поэт разделяет аристократический и жизненный чешской шляхты, но вместе с тем отличается и патристически-народным духом: Нѣмцы были для него таинки не неприятными гостями, какъ для знаменитаго патриота, лѣтописца Далимила (ср. „Выборъ“, I, 166). Другая известная поэма, изъ Артурава цикла— *Тристрамъ* (Тристанъ и Изольда)—обработана была во второй половинѣ XIV вѣка, вѣроятно по нѣмецкой редакціи Готтфрида Страсбургскаго (около 1282), дополненной потомъ Ульрихомъ Турлингомъ (половина XIII вѣка) и Генрихомъ Фрейбергскимъ (около 1300). Здѣсь мы опять встречаемся съ нѣмецкимъ поэтомъ въ Чехии, потому что Генрихъ Фрейбергскій сдѣлалъ свое продолженіе Готтфрида для чешскаго пана Раймунда изъ Лихтенбурга ²⁾. Дальше: *Тандаріасъ и Флорибелла*, также поэма изъ цикла Круглаго Стола, — найдетъ, еще не рѣшено, какими путями дошедшая до чешской литературы во второй половинѣ XIV вѣка ³⁾.

Въ числу полу-романтическихъ, полу-дидактическихъ произведеній принадлежатъ „Ткадлѣчек“, въ прозѣ, который можно назвать маленькимъ романомъ. Лудмилъ Ткадлечекъ и возлюбленная его Адличка жили во второй половинѣ XIV столѣтія при дворѣ вдовы Карла IV, королевы Елизаветы, въ Краловомъ-Градцѣ (ум. 1399). Адличка была красавица, и когда она досталась другому, Ткадлечекъ горько ее оплакивалъ, и рассказывалъ о ея влестяхъ въ разговорѣ между Жалующимся и Несчастнымъ, которое передаетъ ему правила смиренія передъ судьбой. „Ткадлечекъ“, порядочно монотонный по сюжету, считается за образецъ по легкости и силѣ языка. Имя „Ткадлечка“ (Ткача) было неслыханнымъ: это — ткачь книжный, его инструментъ — перо. Есть старый нѣмецкій переводъ этой книжки ⁴⁾.

Въ слѣдующемъ періодѣ чешской литературы встрѣтятся намъ уже новая масса романтическихъ произведеній, происхождение которыхъ отчасти падаетъ вѣроятно еще въ эту эпоху. Краемъ романа, средне-

¹⁾ Разборъ чешской Александриды сдѣлалъ близъ В. Небескииъ, въ „Часописъ“ 1847, отд. II, вид. 1—2. Отрывки Александриды печатались въ Starob. Sklad. Ганки (II, 151), въ „Часописъ“ 1828 и 1841, и собраны въ „Выборъ“, ст. 135 и 1071. Сличеніе отрывковъ показываетъ, что во второй половинѣ XIV столѣтія имѣлась и другая редакція этого сюжета. См. еще Шафарика, Sebrané Spisy, III, 336 и слѣд.; Іосифа Пречка, въ „Крозъ“ 1866.

²⁾ О чешскомъ Тристрамѣ см. ст. Небескаго въ „Часописъ“, 1846, Ферд. Шульда въ „Литеръ“, 1876; ср. „Часописъ“, 1861, стр. 273. Текстъ въ „Starob. Skladanie“, ч. IV, въ „Выборъ“, I.

³⁾ „Starob. Skladanie“, т. V, 1823; „Выборъ“, I. Небескій, въ „Часописъ“, 1846, II.

⁴⁾ Изданіе Ганки, Прага, 1824; отрывокъ въ „Выборъ“, т. I, стр. 626—634. Вукотѣт, II, 289—290.

рѣковая западная дидактика, басня, сатира и т. д. также нашла у Чеховъ свой отголосокъ, болѣе или менѣе самостоятельный: иногда маюра чешскихъ писателей самымъ близкимъ образомъ напоминаетъ немецкихъ писателей, соединяющихъ басню и анекдотъ съ нравоучительнымъ наставленіемъ, поученіемъ и проповѣдью. Таковъ ученый папъ Смило изъ Пардубицъ, по прозванію Фляшка (Jan Smil' Flaška z Pardubic a z Ruzomberka, род. передъ серединой XIV в.). Пронесша изъ знатнаго рода, онъ жилъ въ молодости при дворѣ своего родственника архіепа пражскаго Арношта, получилъ степень бакалавра въ пражскомъ университетѣ, былъ друженъ съ королевичемъ, певомъ съ 1378 королемъ Вацлавомъ IV. Не черезъ нѣсколько лѣтъ они поссорились изъ-за феодальнаго имѣнія, которое король хотѣлъ у него отобрать, и Фляшка отсталъ отъ королевской партіи. Фляшка былъ убитъ въ смутахъ 1403, въ сраженіи между его, панской партіей и германами Кутной Горы. Это былъ одинъ изъ важныхъ чешскихъ пановъ, котораго кваліи за мудрость и опытность въ дѣлахъ; взгляды его были феодальныя, но они смягчались личнымъ характеромъ, образованностью и патристическимъ чувствомъ. Наконецъ, это былъ искусный писатель. Ему приписывалось много аллегорично-дидактическихъ сочиненій; но по новѣмъ исследованіямъ, съ несомнѣнностью можно приписать ему два. Первое изъ нихъ—*Новый Совѣтъ* (*Nová Rada*, 1394—1395 г.), гдѣ разсказывается о томъ, какъ царь левъ, разсказавши послова, собралъ со всѣхъ сторонъ своихъ вилловъ и пановъ на совѣтъ, и каждый подаетъ королю совѣтъ по своему разумѣнію. Чешскіе критики полагаютъ, что аллегорія относится къ двору Вацлава IV. Совѣты звѣрей состоятъ главнымъ образомъ въ общей благочестивой морали; авторъ старался иногда собираніи индивидуальными отличіями звѣрей, заставлялъ, напр., зайца давать совѣтъ бѣгать съ ораженія, медвѣдя—совѣтовать сладко пить, ѣсть и спать въ свое удовольствіе, свиному—давать волю своимъ желаніямъ и „смирнѣству“, и т. д.; но въ то же время орелъ лексали дланно проповѣдувать о страхѣ божіемъ съ пригнрами изъ св. писанія, а лебедь завлнчиваетъ совѣтъ проповѣдью о страшномъ судѣ; но общая мораль примѣняется иногда ближайшимъ образомъ къ чешскому быту; авторъ въ своей аллегоріи даетъ королю смѣлыя и благоразумныя совѣты, которые выгодно свидѣтельствуютъ объ общественномъ характерѣ писателя-пана ¹⁾. Смило изъ Пардубицъ при-

¹⁾ Янъ Дубравскій (Dubravina) перевелъ для короля Лудовика «Новый Совѣтъ» на латинскій языкъ, подъ названіемъ Theriobulia (Нюрнб. 1520, Брак. 1521, Бресл. 1614). Новый нѣмецкій переводъ Венцига: Der Neue Rath des Herrn Smil von Pardubic. Leipz. 1855. Названіе «Новаго Совѣта» объясняли различно, относи его или къ другому «Совѣту» (Rada otse k supu), которая приписывается также Смило, или къ «Совѣту звѣрей» (Rada zvířat), который ему вѣроятно вовсе не принадлежитъ; наконецъ Иречекъ объясняетъ его (едва-ли не всего правильно) просто

надлежитъ также собраніе чешскихъ пословицъ (*Proverbia Basse-nis, generosi domini et vassalarum Pragensis*), которое любознательнымъ образомъ свидѣтельствуеетъ объ его пониманіи народности, — чешскіе историки съ удовольствіемъ замѣчаютъ это явленіе, когда, напр., даже у Нѣмцевъ первый сборникъ пословицъ явился только въ концѣ XVI вѣка. Кроме этого чувства народности, его патристическою любовью къ иноземнымъ вліяніямъ, у него угадываютъ и книжное значеніе своей старини; въ сочиненіяхъ его слышны отголоски предшествующей литературы, напр. Александриды, Далимилы. Самъ онъ былъ хорошо извѣстенъ послѣдующимъ писателямъ: о немъ съ большимъ уваженіемъ говорили Корнелій изъ Вшегорды, знаменитый юристъ XV вѣка, какъ о „доброй памяти Чехъ“; съ похвалами отбывается о немъ Лукачъ, историкъ „Братской Общины“ (чешскихъ братьевъ) въ XVI столѣтіи ¹⁾.

Смылю изъ Пардубицъ приписывались нѣсколько другихъ произведеній, аллегорическаго или нравоучительно-сатирическаго рода, — о которыхъ можно упомянуть здѣсь же. Одно только изъ этихъ произведеній можно съ вѣроятностію считать трудомъ Смыля; это — любовныя *Советы отца сыну* (*Rada otce k synu*), по манеру и стику дѣйствительно напоминающіе „Новый Совѣтъ“. Отецъ хочетъ въ смыгъ „воспитать рыцаря изъ своего племени“, и даетъ ему много наставленій, занимательныхъ по отношенію къ быту и нравамъ чешскаго дворянства XIV вѣка. Прежде всего онъ учитъ сына страху божию, усердной молитвѣ, чистотѣ совѣсти, учитъ быть вѣрнымъ своему слову, соблюдать честь, „какъ ведетъ рыцарскій законъ, — потому что нѣтъ ничего дороже чести“; совѣтуетъ быть справедливымъ со всѣми людьми, не желать чужого имѣнья, но строго защищать и свое отъ другихъ, быть щедрымъ, милостивымъ въ челяди и т. д. Наконецъ, совѣты относительно обращенія съ дамами, изложенные по извѣстнымъ рыцарскимъ понятіямъ средневѣковой Европы, лучшимъ выраженіемъ которыхъ была превансальская поэма. Отецъ даетъ сыну это наставленіе, какъ необходимое для „рыцарства“: научаеъ его уважать всѣхъ добрыхъ дамъ, защищать и прославлять ихъ честь; совѣтуетъ вѣрную (рыцарскую) любовь, — благосклонность павны онъ долженъ цѣнить выше золота и драгоценныхъ каменьевъ, — „дороже ея нѣтъ ни одной

стариннымъ обычаемъ называть «новымъ» произведеніе, являющееся въ первый разъ изъ рукъ автора.

¹⁾ «Новая Рада» напечатана была въ «Выборѣ» и въ изданіи Яна Гебауэра: *Nová Rada. Básně pana Smila Flašky z Pardubic (Památky staré literatury české. I.)*. Прага. 1876. Сочиненія Смыля вызвали уже довольно много изслѣдованій. напр. Вонгеля: разборъ «Новой Радн» и біографія автора, въ «Часописѣ», 1855; Фейфагика, *Studien zur Gesch. der altdöhm. Literatur*, III; Иречка, *Rukovět I*, 194—195, и особенно Гебауэра, въ предисловіи къ упомянутому выше изданію.

венци въ цѣломъ свѣтѣ". Они благодарятъ отъ за включеніе и общасть служить сначала „Воду милѣму“, и заботятся о добрыхъ поступкахъ, а потомъ служить „и даматъ и павнать вообще всѣмъ“, и одной паннѣ всего больше ¹⁾).

Слѣло приписывался также *Споръ воды съ виномъ* (*Star vody a vĕnem*), но нѣтъ критики предпологаютъ здѣсь соствѣзъ много писателя. „Споръ“ есть довольно забавный расказъ. Дѣло произошло такъ: одинъ „мистръ св. письма“, т.-е. вѣроятно магистръ богословія (пражскій университетъ былъ уже основанъ), накушался сладкихъ яствъ и выпилъ достаточно вина. Во снѣ ему привидѣлось, что ангелъ вознесъ его на третье небо и онъ увидѣлъ Бога; сидящаго въ своемъ великолѣпнѣи, — какъ будто готовился судъ. Вода спорила съ виномъ, и мистръ слышалъ всѣ ихъ рѣчи. Вино хвасталось, что безъ него не обойдется ни одинъ пиръ, и всегда имъ заканчиваютъ какъ лучшимъ напиткомъ; вода отвѣчала, что ея хотѣлъ напитокъ самъ Христось, что она — одна изъ четырехъ стихійъ міра и т. п. Споръ шелъ очень долго: обѣ стороны прибѣгали часто къ священному писанію, — вода хвалилась, что она исцѣляла болѣзни въ известной мунели, что въ ней крестился Христось, что она текла изъ его бока, „все за грѣшнаго человѣка“, что она — мать всего творенія, она освѣщаетъ луга, рѣками украшаетъ города и селеня; укоряетъ потомъ вино, что оно одуряетъ человѣка, что оно привело Ноя и Лота на край грѣха и погибели и т. д. Вино отвѣчаетъ, что, напротивъ, оно выше, Христось назвалъ своею кровью вино, а не воду; что вода есть вещь весьма презрѣнная, въ ней живутъ всякіе гады, ее пьютъ корова, лошади и коза, и лаетъ всякій хищный звѣрь; что воду льютъ подъ лавку, тогда какъ вино берегутъ въ чистой склянницѣ; что когда человѣкъ смѣло подопьетъ вина, то чувствуетъ себя правымъ витяземъ, хоть, можетъ быть, самъ не стѣбитъ гроша. Вода однако побѣждала въ спорѣ, — мистръ очнулся и испугался, что вода могла загубить вино и ему нечего было бы пить: „воды много на этомъ свѣтѣ, а вина мало, — это известно каждому ребенку“. Мистръ сталъ жрить ихъ и самъ держалъ рѣчь: Богъ сотворилъ ихъ одинаково, назначивши воду свѣтскому, а вино духовному чину, — и они должны жить вѣстѣ, какъ нельзя быть духовному чину безъ свѣтскаго и свѣтскому безъ духовнаго. Потому мистръ совѣтуетъ имъ жить въ мирѣ и безъ зависти, и не спорить о томъ, кто пьетъ больше вина, нежели воды: „потому что кто хочетъ пить больше воды, тому вѣрно нечѣмъ заплатитъ за ви-

¹⁾ Идано въ Starob. Sklad. V, и въ «Выборѣ». Ср. Feifalik, Studien, III; Gebauer, Nová Rada, стр. 9.

но, — поэтому оставьте то на волю Божию: пусть люди пьютъ, кто что можетъ". Аллегорія намекала на нравы духовенства.

Остается упомянуть еще одно произведение, въ которомъ также видѣли, но опять несправедливо, трудъ Смилы изъ Пардубицъ: *Кемель и школьникъ* (*Satira et scholasticus*, Podkoné a žák; над. въ числѣ старѣйшихъ чешскихъ „первопечатковъ“, Пильзень, 1498). Это — опять „споръ“: воинокъ и школьникъ, вѣроятно очень взрослый, сбились въ кортѣ и спорятъ о своихъ взаимныхъ преимуществахъ. Авторъ „сатирически“, но довольно добродушно, описываетъ ихъ независимое положеніе; изъ ихъ разсуждений можно, между прочимъ, извлечь понятіе о бытѣ тогдашняго школьнаго народа, напоминающаго бурсацкій бытъ старинныхъ нашихъ семинарій.

Указанныя сочиненія папа Смилы изъ Пардубицъ и другихъ авторовъ, которымъ принадлежали послѣдніе изъ названныхъ пьесъ, даютъ довольно полный образчикъ общественной поэзіи того времени. Смилы былъ, конечно, изъ числа образованнѣйшихъ людей своего времени и патриотъ; но, несмотря на нелюбовь къ „чужеземцамъ“, еще въ литературномъ дѣлѣ слѣдуетъ за чужеземцами: въ его писаніяхъ высказываются феодальные вкусы и идеи, занесенныя въ чешскую жизнь Нѣмцами, и литературная манера отзывается западнымъ и особенно нѣмецкимъ характеромъ. „Советы отца сыну“, „Советъ звѣрей“, „Споръ воды съ виномъ“, и наконецъ, „Коинокъ и школьникъ“, хотя сатира ихъ и относится къ чешскимъ нравамъ, навѣяны знакомствомъ съ нѣмецкими книгами. Эти произведенія удачно переводились для чужой публики, какъ „Новый Советъ“ или „Ткацкое дѣло“, нѣмецкое изданіе котораго вышло въ числѣ первыхъ напечатанныхъ нѣмецкихъ книгъ. Какъ въ упомянутомъ сейчасъ стихотвореніи изображается сатирически воинокъ и студентъ, такъ и другія произведенія XIV вѣка сообщаютъ насмѣшливые рассказы „о саломничкахъ“, которые уприваются въ пьянствѣ; „о живыхъ судьяхъ“, которые кривятъ душой за деньги; „о злыхъ кузнецахъ“, которые помогаютъ вѣрамъ; „о пивоварахъ“, которые обманываютъ простодушныхъ поселянъ; „о церюльничкахъ“, которые пьянствуютъ и худо исполняютъ свое дѣло — плоха брѣвуть и пускаютъ кровь, и т. п.

Съ латинскимъ церковнымъ образованіемъ и европейскими обычаями у Чеховъ появилась и средневѣковая драма, въ общей западной формѣ мистеріи, смѣшанной съ фарсомъ. Первоначально, мистеріи пришли сюда въ латинскомъ текстѣ, къ которому прибавлялись чешскіе переводы. Въ рукописяхъ XIV—XV в. сохранилось нѣсколько подобныхъ пьесъ, частью цѣлыхъ, частью въ отрывкахъ, и въ разныхъ редакціяхъ. Такъ, есть чешскій отрывокъ изъ „*ludus palmarum*“; разговоръ распятаго Христа съ Маріей и Іоанномъ, такъ называемый

Плачь Маріи (въ трехъ редакціяхъ); „Ordo trigram perzovagam“, гдѣ разсказывается о покупке мазей, приводъ женщины ко гробу, разговоръ съ Христомъ и извѣщеніе о томъ апостолахъ (также въ трехъ редакціяхъ) и друг. Въ этому послѣдному сюжету принадлежатъ древнѣйшій извѣстный образецъ чешской религиозной драмы: *Продавецъ мазей* (Mastická), изъ начала XIV столѣтія. „Продавецъ мазей“ есть только небольшой отрывокъ пьесы, которая представляла особую редакцію мистеріи о погребеніи Спасителя (Ordo trigram perzovagam). „Продавецъ мазей“ отличается въ особенности соединеніемъ серьезнаго и комическаго; вслѣдъ за весьма крѣпкими, даже грубо неумеренными островами шутокъ, играющими роль слуги продавца, являются на сцену три Маріи и благочестиво вносятъ на латыни и по чешски о смерти Спасителя и о своей горести, продавецъ отвѣчаетъ имъ также серьезно по латыни; но затѣмъ является Авраамъ съ умершимъ Исаакомъ, котораго продавецъ мазей воскрешаетъ съ помощью своего лекарьства опять самымъ непримечательнымъ образомъ ¹⁾. Одинъ изъ чешскихъ критиковъ указывалъ, что чешскій „Продавецъ мазей“ перенесенъ былъ въ нѣмецкую литературу въ нѣсколькихъ мистеріяхъ, которымъ носятъ явные слѣды знакомства съ Чехами и чешскимъ языкомъ, — и въ одной изъ нихъ указываетъ полный сюжетъ мистеріи, отрывокъ которой мы видимъ въ чешской пьесѣ ²⁾. Грубоватое шутовство „Продавца мазей“ направлено въ особенности противъ монаховъ и монахинь. Другой драматическій отрывокъ, относимый по языку къ XIV столѣтію, представляетъ тотъ же сюжетъ въ серьезномъ тонѣ: дѣйствующія лица въ немъ Иисусъ, Марія Магдалина, Петръ и Іоаннъ, три ангела и т. д. ³⁾.

Чешская историографія также началась латынью. Первые чешскіе лѣтописцы, по общему обычаю западной Европы, писали по латыни и представляютъ обыкновенныя качества средневѣковыхъ анналыстовъ, какъ ученые и баснословныя замашки. Кромѣ Козьмы Пражскаго (ум. 1126), другія латынскія хроникѣ написаны были: монахами Сазавскимъ и Опатовицкимъ; Винцентіемъ, каноникомъ пражскимъ; Яркохомъ, аббатомъ Милевскимъ; Петромъ Житавскимъ; Франтишкомъ, пробстомъ пражскаго капитула, и т. д. Затѣмъ появляются съ XIV вѣка лѣтописи и на чешскомъ языкѣ, отчасти отдѣльными хрониками, отчасти въ видѣ лѣтописныхъ сборниковъ, въ которые

¹⁾ Mastická изданъ былъ въ первый разъ съ поправками Ганкой, въ Starob. Skladanie, V; потомъ повторенъ въ «Виборѣ».

²⁾ См. у Небаскаго, въ «Часописѣ», 1847, I, вып. 3, 335—340; у Галуша, Die lateinisch-böhmischen Oster-Spiele des 14—15 Jahrh. Prag, 1863, стр. 70—73.

³⁾ Этотъ отрывокъ, подъ произвольно даннымъ заглавіемъ «Hrob boží», изданъ въ Starobylá Sklad. III, и у Галуша. Послѣдній, въ «Oster-Spiele» и въ «Malý Vybor ze staročeské literatury», Прага, 1863, издавъ вообще цѣлый рядъ латинско-чешскихъ пьесъ.

входили и старѣйшія записи ¹⁾. Старѣйшая и знаменитѣйшая изъ чешскихъ лѣтописей есть римованная хроника начала XIV вѣка, которая приписывалась обыкновенно нѣкому Далимилау Мезираницкому, канонику Болеславской церкви. Такъ волагали, основываясь на томъ, что предѣльнѣйшій историкъ Гаекъ ссылался на „Далимила“; но вѣроятнѣе, что авторомъ хроникъ былъ чешскій рыцарь, ученый и патриотъ, въ родѣ Смилы изъ Пардубиць; притомъ въ началѣ этого авторъ самъ ссылается на Болеславскую хронику, которой пользовался. Въ хроникѣ рассказываются событія чешской исторіи отъ древнѣйшихъ временъ до Яна Люксембургскаго (1314); съ конца XIII вѣка лѣтописецъ говоритъ уже по личному знанію событій. „Далимила“ принадлежалъ видимо къ оппозиціи, не одобрявшей вліянія Нѣмцевъ, и при каждомъ удобномъ случаѣ высказываетъ къ нимъ свою антипатію; какъ горячій патриотъ, онъ заботился о сохраненіи національной чести и родного языка, хотя въ нелюбви къ Нѣмцамъ участвовала у него антипатія шляхтича въ мѣщанству. Онъ хорошо знаетъ свою страну, дорожитъ преданіями чешской шляхты; по своему времени очень образованный человекъ. Хроника его — всего больше стихотворство на историческій сюжетъ, но иногда не лишена поэтическаго достоинства. Въ рассказу прибавляетъ онъ и хорошія патриотическія наставленія. По всему этому, „Хроника Далимила“ давно приобрѣла большую популярность; многочисленныя рукописи ея идутъ съ XIV вѣка, въ разныхъ редакціяхъ: въ роковомъ 1620 году она была въ первый разъ напечатана, но тогда же сожжена, такъ что уцѣлѣло лишь нѣсколько экземпляровъ изданія ²⁾. Другая обширная хроника, съ древнихъ временъ до 1380, въ прозѣ, также весьма извѣстная, принадлежитъ священнику Пулкавѣ (Přibyslav z Račovicъ или Přibsk Pulkaва, ум. 1380). Хроника была написана первоначально по латыни, по порученію Карла IV, и потому переведена самимъ Пулкавой на чешскій. Тотъ же Пул-

¹⁾ Палацкій, Würdigung der alten böhm. Geschichtschreiber. Prag, 1830. Стара чешскія лѣтописи собраны Палацкимъ въ изданіи: «Starí letopisové čeští» (Scriptores rerum bohemic., т. III, 1829). Чешскій переводъ лѣтописи Козьмы Пражскаго сдѣлалъ Томекъ: Prameny dějin českých. 1878.

²⁾ Первое изданіе: Kronyka Stará kláštera Boleslawského: o Poelaupnosti kníza a Králů Czeských и проч., Прага, 1620. Второе изданіе сдѣлалъ Ф. Прохазка: Kronika Boleslawská, o Poelaupnosti etc. Прага, 1738, съ подновленіемъ языка. Третье и слѣд. изданія—Ганка: Dalimilova Chronika česká v nejdávnejší čtení navrhána. Прага, 1849, 1861, 1876. Наконецъ новое ученое изданіе приготовилъ I. Иречекъ: Vymovalna kronika česká tak řečeného Dalimila (Památky staré literatury české, II). Прага, 1878 и Prameny dějin českých, III. О Далимила въ предисловіи Иречка къ его изданію и въ «Часописѣ», 1879.

Въ XIV же вѣкѣ Далимила былъ переведенъ на нѣмецкій языкъ, причемъ рѣзости его противъ Нѣмцевъ были смягчены; этотъ переводъ также изданъ Ганкой въ сборникѣ нѣмецкаго литер. общества въ Штутгартѣ: Dalimil Chronik von Böhmen. Stuttg., 1859.

языка, какъ полагаютъ, перевелъ автобиографію Карла IV на чешскій языкъ ¹⁾.

Наконецъ, въ этомъ періодѣ значительно развилась и литература чешскаго права. Мы только назовемъ главныя произведенія. Къ первой половинѣ XIV вѣка относится такъ называемая *Книга старша нана изъ Розенберка* (коморникъ короля чешскаго въ 1318—1346, ум. 1347), гдѣ объясняется, какъ слѣдуетъ вести дѣла въ земскихъ судахъ чешскаго королевства, — замѣчательный памятникъ старикъ юридическій обычаявъ Чехіи. Дальше *Земное Право* (*Kád práva zemského*, 1343—1355), написанное сначала по латини, потомъ свободно переданное на чешскій языкъ, — также какъ книга нана изъ Розенберка, трудъ частнаго человѣка, не имѣвшій силы официальной. Важнымъ юридическимъ памятникомъ надобно дальне назвать *Объясненія на право чешской земли* Андрея изъ Дубы (*Ondřej z Dubé*, ум. 1412; *Výklad na právo země české*, около 1400) — съ посвященіемъ королю Вацлаву, занимательнымъ не меньше самой книги ²⁾. Затѣмъ извѣстны переведенныя съ латинскаго „Права великаго города Праги“, „Магдебургское право“, „*Majestas Carolina*“ Карла IV въ чешскомъ переводѣ, постановленія судовъ и сеймовъ и т. д. Хотя въ чешской жизни XIV вѣка было уже много чужихъ вліяній, но въ этихъ книгахъ сохранилось не мало юридическій обычаевъ, идущихъ изъ древнѣйшихъ временъ. Непосредственные источники древнѣйшаго чешскаго права бѣдны и заключаются главнымъ образомъ въ старикъ юридическій актахъ и лѣтописныхъ извѣстіяхъ.

Наконецъ, назовемъ еще нѣсколько произведеній, уцѣлѣвшихъ отъ XIV столѣтія: *Аланъ* (1527 стих.), аллегорическое стихотвореніе о нравственномъ обновленіи человѣка. Природа желаетъ усовершенствовать человѣка, поработеннаго грѣхами: она совѣтуется объ этомъ со всѣми добродѣтелями; Мудрость, сопровождаемая Разумомъ, семью Свободными Художествами и пятью Чувствами, отправляется на девятое небо (все это описывается съ баснословными подробностями), и Богъ обѣщаетъ спасеніе человѣка черезъ своего Сына. „Аланъ“ сокращенъ и пересказанъ чешскимъ стихотворцемъ по латинской поэмі *Anticlaudianus*, Алана Рисселя (*Alanus ab Insulis*, ум. 1203). Это образчикъ схоластической философіи и космогоніи среднихъ вѣковъ ³⁾.

¹⁾ Хроника Пулавы, съ подновленіемъ языка, издана Прохазкой, въ Прагѣ, 1786. Отрывки (главнымъ образомъ по рукописи 1426 г.) въ «Выборѣ». Первое изданіе Житіеописанія Карла IV, Оломуць, 1555; второе изданіе Фр. Тожси, Прага, 1791; третье, по старой рукописи XV вѣка, въ «Выборѣ».

²⁾ Всѣ названныя памятники изданы въ «Чешскомъ Архивѣ» Палацкаго, въ *Codex Juris bohemicis*, Герм. Иречка. Кромѣ того, *Книга старша нана* была издана ранѣе Кухарскимъ, а въ новѣйшее время Брандлемъ: *Kniha Rojmberská*. Прага, 1872.

³⁾ Издано въ *Starob. Sklád.* III; ср. Feifalik, *Studien etc.* IV.

Далѣ—энциклопедическій *Луцидаріусъ*, знаменитый во всей Европѣ и передающій научныя знанія среднихъ вѣковъ вмѣстѣ съ множествомъ басенъ и чудесныхъ повѣрій, которыя также считались научнымъ знаніемъ. Чешскій „Луцидаріусъ“ относится еще къ XIV столѣтію. Какъ въ другихъ литературахъ, это была очень читаемая книга, и первое изданіе сдѣлано въ Пльзень, 1498. Переводились тогда и поодиѣ другія книги нравоучительнаго и образовательнаго содержанія, какъ *Cisiojanius*, *Ray Души* Альберта Великаго, *Дистихи* „мистра“ Катона, историческія и географическія книги какъ *Римская Хроника* (или такъ называемый „Мартиніанъ“), переведенная Бешеномъ изъ Горжовицъ въ концѣ XIV или началѣ XV в., или извѣстное *Путешествіе* Мандевилля, переведенное съ нѣмецкаго Лаврентіемъ изъ Бржезова (Пльзень, 1510—1513, и др.). Наконецъ, назовемъ въ особенности переводъ знаменитаго путешествія Марко Поло въ монгольское царство въ XIII столѣтіи. Чешскій переводъ этой книги, сдѣланный въ XIV вѣкѣ, подъ именемъ „Милліона“, въ послѣднее время обратилъ на себя вниманіе историковъ странными совпаденіями съ нимъ, оказавшимися въ „Ярославѣ“ Краледворской Рувоникѣ 1).

2. ГУСИТСКОЕ ДВИЖЕНІЕ И „ЗОЛОТОЙ ВѢКЪ“ ЧЕШСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

Новый періодъ чешской литературы довольно опредѣлительно можно начать съ XV вѣка, хотя переходъ идей отъ XIV столѣтія въ XV-е былъ довольно постепенный. Въ реформаторскихъ стремленіяхъ Гуса высказалась и проявилась на дѣлѣ новая мысль, опредѣлившая дальнѣйшій ходъ чешской исторіи, но въ другихъ литературныхъ направленіяхъ продолжалось предыдущее развитіе, съ которымъ и самыя идеи Гуса имѣютъ большую связь. Поэтому въ исторіи XV столѣтія мы еще будемъ возвращаться къ XIV-му 2).

1) См. статью Гебауэра, въ Ягичевомъ Archiv für slav. Philologie, I Bd.

2) Объ этомъ періодѣ чешской литературы, см. вообще:

— Bohuslav Balbini, Bohemia docta, ed. Raphael Ungar. 1776.

— Ad. Voigt, Acta litteraria Bohemiae et Moraviae. 1774—1784.

— V. Tomek, Gesch. der Prager Universität. Prag, 1849; Dějepis města Prahy, томи III—IV.

— V. Hanka, Bibliografie prvotiskův českých od 1468 až do 1626 léta. Прага, 1868.

— I. A. Helfert, Mistr Jan Hus aneb počátkové církevního rozvojení v Čechách. Прага, 1857 (съ католической точки зрѣнія).

— Евг. Новиковъ, Православіе у Чеховъ, 1848; Гусъ и Литеръ (въ «Р. Вѣстѣ» и отдѣльной книгой), 1859. (Главное изложеніе славянофильскаго взгляда на этотъ вопросъ).

— Гильфердингъ, Гусъ. Его отношеніе къ православной церкви. Спб., 1871, и въ «Исторіи Чехіи».

— В. Надеръ, Причины и первыя прозвѣнія оппозиціи католицизму въ Чехіи и западной Европѣ въ концѣ XIV и началѣ XV в. Харьковъ, 1864.

Развитіе чешской литературы въ XIV вѣкѣ усиливалось особенно вслѣдствіе того, что расширялись средства образованія и возрастало благосостояніе страны въ правленіе Карла IV. Чрезвычайно большое вліяніе имѣло при этомъ основаніе Пражскаго университета (1348); правда, и здѣсь, какъ въ другихъ книжкахъ западной Европы, наука передавалась на латинскомъ языкѣ, но латынь была очень распространена и образованіе расходилось по всей странѣ. Съ другой стороны, въ усиленіи литературной дѣятельности имѣло свою значительную долю участіе нѣмецкой образованности. Время Карла IV и его сына, Вацлава IV, вообще признается блестящимъ періодомъ чешскаго образованія.

Знаніе латинскаго языка распространялось все больше; въ религиозныхъ спорахъ, которые привлекли теперь всеобщее вниманіе націи, это знаніе было и необходимо. Мы встрѣчаемъ поэтому цѣлую массу словарей латинскихъ и другихъ иностранныхъ, которые обнаруживаютъ сильное литературное движеніе и связи Чеховъ въ эту эпоху ¹⁾. Кромѣ латинскаго языка, въ этихъ словаряхъ появляется греческій, нѣмецкій (всего чаще), французскій, итальянскій, венгерскій и польскій. Латынь была языкъ универсальный, и чешскіе писатели, на ряду съ другими европейскими, любили переводить или передѣлывать свои имена на латинскій ладъ. Распространеніе знаній, вмѣстѣ съ бурнымъ религиознымъ движеніемъ, чрезвычайно распространили литературную дѣятельность, такъ что съ XV столѣтія является огромная масса произведеній въ самыхъ разнообразныхъ направленіяхъ.

Остановимся сначала на томъ романтическомъ средневѣковомъ содержаніи, которое прочно утвердилось у Чеховъ еще съ XIV столѣтія.

— А. С. Клевановъ, Очеркъ исторіи чешскаго вѣроисповѣднаго движенія, въ «Чтеніяхъ Моск. Общ.», 1869, т. III и слѣд.

— Const. Höfler, Geschichtschreiber der hussitischen Bewegung in Böhmen, 3 Bde, 1856—1866; Magister Johannes Hus und der Abzug der deutschen Professoren und Studenten aus Prag, 1409. Prag, 1864. (Враждебно къ Гусу и чешскому національному движенію).

— Fr. Palacký, Historie; Dějiny doby husitské (переработанныя) 1871—72; Die Vorläufer des Hussitenthums in Böhmen. Prag, 1846; Die Geschichte des Hussitenthums und Prof. Const. Höfler. Prag, 1868; Documenta Mr. J. Hus vitam, doctrinam, causam illustrantia. Edidit Franc. Palacký. Pragae, 1869.

— Fr. de Bonnechose, Jean Hus et le concile de Constance. Paris, 1844, 2 тома; Lettres de Jean Hus, écrites durant son exil et dans sa prison, traduites du latin en français. P. 1846.

— Ernest Denis, Huss et la Guerre des Hussites. Paris, 1878.

— Anton Gindely, Geschichte der böhmischen Brüder, Prag, 1857—58, 2 тома; Rudolf II und seine Zeit, 1600—1612. Prag, 1868, 2 тома; Quellen zur Gesch. der böhm. Brüder. Wien, 1859; Dějiny českého povstání 1618 (до сихъ 8 части).

¹⁾ Небольшой словарь составленъ былъ однимъ изъ главнѣйшихъ дѣятелей умѣреннаго гуситства Рокицаной; другіе словари: „Mammotrectus“, „Hupnagus“, дальше „Оломудскій“, „Вѣнскій“ триязычный, но въ особенности „Lactifer“; затѣмъ въ XVI столѣтіи латинско-чешско-нѣмецкій словарь Петра Кодичилла (или Книж-ки), „Sylva“ и „Nomenclator quadrilinguis“ Велеславина и много другихъ.

Средневѣковыя поэмы, и поодѣе выродившіяся изъ нихъ стихотворный и прозаическій романъ, переходятъ въ чешскую литературу цѣлымъ обширнымъ запасомъ. Изъ античнаго цикла переведена была знаменитая *Троянская исторія*, Гвидона де-Болумны, въ 1411 г., и напечатана первой чешской книгой въ Пильзенѣ, 1468, въ Прагѣ, 1488, и еще нѣсколько разъ, потому что была весьма любимымъ чтеніемъ; *Аполлоній Тирскій*, извѣстный въ рукописи 1459 г. и много разъ печатанный. Изъ духовныхъ романовъ пользовались не меньшимъ успѣхомъ: *Варлаамъ и Иосафатъ*, рукописи котораго извѣстны со второй половины XV вѣка (изд. 1504 и др.); *Иосифъ и Ассенасъ* (*Kniha o Josefovi a Assenach manželce jeho*, рукопись 1465, изд. 1570), извѣстная апокрифическая исторія о ветхозавѣтномъ Иосифѣ; *Сольфернъ* (*Solfegnius aneb život Adamův*), романъ, рассказывающій споръ дьявольскихъ силъ съ Богомъ о небѣ, переведенъ съ латинскаго въ первой половинѣ XV вѣка, передѣланъ Гайкомъ Либочанскимъ и издавъ Сикстомъ изъ Оттерсфорда въ 1553 г. и др. Множество средневѣковыхъ романовъ и повѣстей, перешедшихъ въ чешскую литературу, ходило въ рукописяхъ и печаталось, напр., извѣстные романы: *Flore et Blancheflore* (*Velmi pěkná nová kronika aneb historia vo velicé milosti knížete a krále Floria a jeho milé paní Bianceflore*, 1519 и др.); исторія о *Малюзинѣ* (*Kronika kratochvilná*, 1555 и др.); о рыцарѣ *Петрѣ* и княгинѣ *Мачелонѣ* (Кр.-Градецъ, 1565); Боккаччьева повѣсть о *Гризельдѣ*, извѣстная по рукописямъ съ XV столѣтія и много разъ издаваемая; повѣсть о цесарѣ *Юстиніанѣ*; о *Семи мудрецахъ* (*Kratochvilná kronika o sedmi mūdrcích*); о *Фортунатѣ*; о *Тиллѣ Эйленштетелѣ*; разговоры *Соломона съ Маркольтомъ*, и много другихъ подобныхъ произведеній, ближайшимъ источникомъ которыхъ была нѣмецкая литература. Эти и подобныя исторіи у Чеховъ были такими же популярными книгами, какъ по всей Европѣ, сначала какъ чтеніе рыцарей и высшаго сословія, а потомъ въ публикѣ простонародной, въ которой онѣ отчасти живутъ и до сихъ поръ. Были и собственные исторіи въ томъ же вкусѣ. Таковы, напр., исторія о князѣ и панѣ чешскомъ *Штильфридѣ и ситѣ ея Брунцвикѣ*, о паннѣ *Властѣ* (чешской амазонкѣ), извѣстныя по изданіямъ XVI вѣка; повѣсть о чловѣкѣ рыцарскаго сословія *Палечкѣ* (Прага, 1610 и др.), нравоучительная повѣсть Бартоша Папроцкаго (Прага, 1601 и друг.). Исторія о Штильфридѣ принадлежитъ, собственно говоря, болѣе раннему времени: по рукописямъ она извѣстна съ XV вѣка, но составлена была первоначально, какъ думаютъ, еще въ XIV вѣкѣ, въ видѣ стихотворной повѣсти ¹⁾. Впослѣдствіи, эти старыя повѣсти также перешли въ

¹⁾ Напечат. въ «Выборѣ», II. Исторія о чешскомъ королевичѣ Брунцвикѣ извѣстна была и въ русской письменности XVII вѣка. См. въ моемъ «Очеркѣ стар. повѣстей», etc. 1857, стр. 223—227. Иречка, Die Echtheit, стр. 123.

разрядъ престопаго чтепіа, особенно когда для чешской литературы наступили времена упадка.

Мы видѣли выше, что кромѣ „Любушипа Суда“ и Краждворской Рукописи,—считавшихся выраженіемъ чисто національнаго направлепіа, а теперь такъ сильно заподозрѣнныхъ,—чешская литература, какъ цѣлая политическая и общественная жизнь, обнаруживаетъ такое сильное вліяніе латино-нѣмецкихъ формъ и содержанія, что это вліяніе скорѣе приходится считать очень давнимъ и общимъ. Наконецъ съ XIV вѣка въ литературѣ стали возвышаться голоса, требовавшіе восстановленія народнои чести и народнаго языка. Такими патріотами были авторъ Далимиловой хроники, поэтъ Александренди, Смиль изъ Пардубиць и др. Эти первыя патріотическія воззванія XIV столѣтія приготавливаютъ насъ къ національному движенію, которое открылось въ Чехіи въ началѣ XV вѣка, съ появленіемъ Гуса.

Движеніе въ основѣ было чисто религіозное, но вскорѣ уже приобрѣло самый широкій національный смыслъ. Что религіозный вопросъ сталъ здѣсь на первомъ планѣ и могъ потомъ повлечь за собою такой обширный переворотъ, какой произошелъ у Чеховъ въ XV столѣтіи, — это объясняется средневѣковымъ значеніемъ религіозныхъ интересовъ и католической церкви въ западной Европѣ вообще, и тѣмъ особеннымъ положеніемъ, которое заняла эта церковь въ Чехіи. Католичество пришло не совсѣмъ мирно въ Чехію, и латинская церковь съ самаго начала сталкивалась съ интересами народа и народности,—она принесла измѣненіе въ общественный порядокъ, открывая дорогу клерикальнымъ притязаніямъ и феодализму; ея латинская церковность и образованіе были непонятны массамъ; заботясь о вещественныхъ благахъ духовенства, она слишкомъ мало заботилась о народѣ; у этого народа не было притомъ нивакихъ римскихъ традицій, но за то были, какъ говорятъ, хотя темныя воспоминанія о своей славянской церкви. Политическія и общественныя злоупотребленія духовенства, владѣвшаго имѣніями въ ущербъ народному богатству и подававшаго соблазнъ для народнои нравственности, и злоупотребленія королевской власти, нарушавшей и національное чувство и земскія вольности, съ разныхъ сторонъ подрывали авторитетъ и когда было сказано противъ этого авторитета первое сильное слово, въ массѣ пробудилась сознательная потребность новаго порядка.

Предыдущій періодъ приготавливалъ уже къ этому сознанію, прежде всего на церковнои почвѣ. Развитіе чешской литературы при Карлѣ, значительно распространило образованность и направило вниманіе на нравственные и религіозные вопросы. Легкая иронія по поводу жизни духовенства пресвѣчиваетъ уже въ сатирическихъ пьесахъ, приписываемыхъ Смилю изъ Пардубиць. Но мало по малу, вопросъ ставился

шире, отъ частныхъ недостатковъ переходилъ къ болѣе широкимъ причинамъ, и наконецъ принялъ національный характеръ. Оппозиція противъ существующихъ церковныхъ порядковъ явилась наконецъ среди самаго духовенства: Карлъ IV, самъ указывавшій папѣ на церковныя неурядиства, покровительствовалъ проповѣдникамъ: Нѣмцу Конраду Вальдгаузеру (ум. 1369 имѣ написаны: латинская *Apologia* противъ доминиканцевъ и августинцевъ; *Postilla studentium sanctae Pragensis Universitatis super Evangelia dominicalia*) и Чеху Яну Милнчу (ум. 1374), которые ревностно проповѣдывали противъ свѣтской и церковной испорченности, такъ что тѣ, кому не нравились эти поученія, придумали обвинить ихъ въ ереси. Милнчъ былъ уже характернымъ представителемъ наступавшаго религіознаго возбужденія, хотя не выходилъ нисколько изъ принятыхъ католическихъ формъ. Бывши священникомъ и католикомъ, онъ служилъ въ царской канцеляріи, получилъ въ награду хорошее мѣсто и доходы „у св. Вита“ въ Прагѣ, и по примѣру Вальдгаузера пошелъ на проповѣдь. Она была сначала неудачна, надъ нимъ смѣялись, но „сильный духъ, посланный въ немъ по милости Божіей“, доставилъ ему власть надъ умами. Сила проповѣди увеличивалась строгимъ аскетизмомъ и безкорыстіемъ проповѣдника. „Въ жизни и одеждѣ онъ былъ скромнѣе, даже черезъ мѣру,—говорятъ о немъ:—что имѣлъ, онъ раздавалъ бѣднымъ, забывая о себѣ. Общественно каждый день онъ проповѣдывалъ два раза, иногда три и четыре раза. Ученые люди удивлялись быстротѣ, съ какою онъ составлялъ свои поученія. Для студентовъ и священниковъ онъ говорилъ проповѣди по-латини, въ вѣрѣхъ глѣтахъ выучился еще по-чѣмски. Строгий къ самому себѣ, онъ не останавливался передъ обличеніемъ самыхъ сильныхъ лицъ, чѣмъ приобрѣлъ себѣ опасныхъ враговъ, отъ которыхъ спасало его только покровительство Карла IV и пражскаго архіепископа“. Но Милнчъ не избѣгъ преслѣдованій: въ своей благочестивой ревности онъ утверждалъ, между прочимъ, что антихристъ явился видимо на землѣ, и однажды указалъ его въ самомъ Карлѣ IV; многіе изъ среди духовенства были противъ него сильно вооружены; Милнчъ попадалъ въ тюрьмы, ѣздилъ въ Римъ, находилъ покровителей при папскомъ дворѣ, и умеръ въ Авиньонѣ ¹⁾). Милнчъ былъ еще тѣсно привязанъ къ церковному авторитету, но уже не могъ быть сподвижникомъ зрителемъ гражданской и церковной распушенности. Сильное искреннее убѣжденіе, съ какимъ онъ говорилъ, должно было воспитать столько же искреннее

¹⁾ Сочиненія Милнча были очень распространены въ рукописяхъ. Изъ нихъ известна «Postilla» и книга «O zamččeních velikých cterkve svatě i každě duše věrně, které mají trpěti od draka na poslednie dni Antikristovy» (изд. 1542). О Милнчѣ см. у Палацкаго и др., в *Rukověti*, II, 30—33.

желаніе—идти дальше въ обличеніяхъ ала и исканіи правды. Такииъ ученикомъ его былъ Матвѣй изъ Янова (ум. 1394), ученый богословъ и „парижскій мистръ“, изъ рыцарскаго рода; онъ погналъ еще смѣлѣе Миллча въ проповѣди нешпорченнаго христіанства: въ большомъ богословскомъ сочиненіи (de regulis Veteris et Novi Testamenti) онъ защищалъ писаніе противъ церковной традиціи и чистое ученіе Христа противъ позднѣйшихъ прибавокъ людскаго вымысла; онъ также подвергся церковному суду по обвиненію въ ереси.

Но замѣчательнѣйшимъ изъ учениковъ Миллча былъ рыцарь Ома Штитный (Tomáš Štítný или Toma ze Štítného, род. въ 1325 — 26, ум. около 1400). Получивши дома первое воспитаніе въ стретомъ религіозномъ духѣ, Штитный учился, кажется, въ монастырской школѣ, вступилъ потомъ въ только-что основанный пражскій университетъ, гдѣ изучалъ философію, богословіе и каноническое право. „Огненные слова“ тогдашнихъ проповѣдниковъ произвели на него сильное впечатлѣніе, и онъ сталъ горячимъ приверженцемъ Миллча, подѣ влияніемъ котораго онъ сдѣлался и писателемъ. Штитный есть одинъ изъ самыхъ крупныхъ людей XIV вѣка; по ясности ума, патриотическому образу мыслей, легкости и плавности языка его ставятъ во главѣ писателей его времени. Сочиненія его посвящены исключительно христіанской философіи и нравоученію. Тогдашняя христіанская философія заключалась въ извѣстной схоластической теологіи и обычнымъ языкомъ ученыхъ „мистровъ“ была латинь. Штитный отступилъ отъ обычая и въ содержаніи и въ формѣ: его философія не есть та сухая богословская кабулестика, какая господствовала у иезуитскихъ ученыхъ; напротивъ, онъ избѣгалъ безплодныхъ хитросплетеній схоластики и съ простымъ чувствомъ вылагалъ свою религіозную философію, главною цѣлью которой было живое практическое поученіе, назначаемое не для ученыхъ, а для всякаго читателя. Его философія есть угѣренный христіанскій мистицизмъ, направленный къ нравственному исправленію людей. Это было совсѣмъ не въ духѣ тогдашней иезуитской учености, и въ самомъ дѣлѣ сочиненія Штитнаго принимались очень враждебно цеховыми теологами: его осуждали, что, самъ не будучи „мистромъ“, онъ занимается вещами, только „мистрамъ“ принадлежащими, и профанировалъ высокое знаніе, говоря о немъ народу. Штитный дѣйствительно хотѣлъ обращаться къ народу и для своихъ христіанско-философскихъ разсужденій принялъ чешскій языкъ. Здѣсь ему также приходилось защищаться: указавши на примѣръ ап. Павла, писавшаго посланія къ каждому народу на понятномъ ему языкѣ, онъ говоритъ: „буду писать по чешски, потому что я—Чехъ и нашъ Богъ любитъ Чеха столько же, какъ латынника“. Сочиненія Штитнаго состоятъ въ небольшихъ трактатахъ по разнымъ предметамъ христіан-

скаго ученія и нравственности; до сихъ поръ ихъ найдено до 26, отчасти соединенныхъ въ сборники. Главнымъ сочиненіемъ по христіанской философіи были „Reči besednie“ (или Rozmluvy nábožné, между отцомъ и дѣтьми); по христіанской нравственности: „Knížky šestery o obecnýchъ věcechъ křest'anskýchъ“, и „Knihu naučení křest'anského“. Всѣ эти трактаты остались въ двухъ переработкахъ, отъ 1375 до 1400 года ¹⁾.

Всѣ эти попытки церковнаго исправленія и вмѣстѣ патриотической защиты народности получили общественную силу только тогда, когда вождемъ ихъ явился знаменитый „мистръ“ (магистръ) Янъ Густь, проповѣдникъ въ Виленемской часовнѣ въ Прагѣ, профессоръ и потомъ ректоръ пражскаго университета. Янъ Густь, величайшее лицо въ чешской исторіи и славное имя въ исторіи всемірной, родился въ 1369 въ Гусинцѣ, Праженскаго (теперь Писецкаго) округа. О первыхъ лѣтахъ его извѣстно только, что онъ учился въ Прагѣ. Въ 1393 онъ сталъ бакалавромъ, въ 1394 держалъ испытаніе на бакалавра св. писанія, въ 1396 сдѣлался магистромъ свободныхъ искусствъ. Съ тѣхъ поръ онъ самъ началъ учить въ факультетѣ свободныхъ искусствъ, а также и теологіи, и вскорѣ сталъ однимъ изъ дѣятельнѣйшихъ членовъ университета. Въ 1401—1402 онъ былъ деканомъ своего факультета. Около того же времени онъ сталъ проповѣдникомъ при Виленемской часовнѣ и принялъ при этомъ посвященіе. Въ 1402—1403 онъ избранъ былъ ректоромъ трехъ факультетовъ, соединяя профессуру и проповѣдничество. Человекъ искреннаго благочестія, онъ не могъ остаться равнодушнымъ въ общему вопросу церковной жизни, поднятому въ концѣ XIV вѣка; какъ Милчъ, онъ производилъ сильное впечатлѣніе своими проповѣдями во всемъ пражскомъ обществѣ, пріобрѣтая съ одной стороны горячихъ друзей, съ другой — непримиримыхъ враговъ. Но какъ Милчъ и Штитный, онъ въ сущности дѣла еще не отступалъ отъ католическихъ ученій, пользовался даже особымъ довѣріемъ пражскаго архіепископа. Вѣроятно, слава его проповѣди и безупречной жизни была поводомъ, что королева Софья, жена Вацлава IV, выбрала его своимъ духовникомъ. Церковныя злоупотребленія,

¹⁾ Сочиненія Штитнаго, очень извѣстны въ свое время, были почти имѣю открыты въ импѣриумѣ столѣтіи. Паладій впервые обратилъ вниманіе на ихъ историческое значеніе; съ тѣхъ поръ, многие чешскіе ученые занимались ихъ изслѣдованіемъ, какъ Челяковскій, Юнгманъ (въ «Равборѣ» староч. лѣтер.), Чупръ (въ «Часослѣ», 1847, II), І. Вендигъ (Stüdien über Ritter Th. v. Šitné, Leipz. 1856), І. Ганушъ (Rozbor filosofie Tomaše ze Št. Пр. 1852); Иосифъ Пречекъ («Часослѣ», 1861; Руковетъ, II, 266—272), и друг. Изданія: обширныя замеченія въ «Виборѣ», I; дажѣ: «Knížky šestery o obecnýchъ věcechъ křest'anskýchъ» издалъ К. Яр. Эрбенъ, съ биографіей Штитнаго (на память основанія пражскаго унн. за 500 лѣтъ назадъ), Пр. 1860; «Thomy ze Šitného knihy naučení křest'anského», над. А. Вржяко. Пр. 1873.

раздоры въ самой высшей іерархіи римской церкви, скандалъ троепанства и т. д. еще больше возбуждали сочувствіе къ обличительной проповѣди, и Гусъ нѣмѣлъ сторонниковъ не только въ народѣ, но и при дворѣ и въ высшей шляхтѣ. Живѣйшимъ образомъ церковный вопросъ поднятъ былъ, когда другъ Гуса, Іеронимъ Пражскій (род. около 1379, въ Прагѣ, ум. 1416), чешскій шляхтичъ и бакалавръ свободныхъ искусствъ, принесъ изъ Оксфорда богословскіе трактаты Вилкела, рѣзко стоявшіе за ту реформу, которой до тѣхъ поръ умѣреннѣе требовали чешскіе ея защитники. Ученія Вилкела нашли у Чеховъ готовую почву—религіозные запросы: уже Тома Штутгнъ, при всей своей умѣренности, сомнѣвался въ пресуществленіи; Матвій изъ Янова стоялъ за подлинное христіанство противъ новѣйшей перчи; авторитетъ іерархіи былъ уже подверженъ сомнѣнію. Гусъ и его друзья между духовенствомъ и университетскими мистрами приняли ученія Вилкела съ сочувствіемъ, но, собственно говоря, реформатскія стремленія самого Гуса высказались еще раньше, какъ только онъ сталъ публичнымъ учителемъ. Новыя положенія Вилкела проповѣдывались и въ университетѣ ¹⁾, хотя въ первое время ихъ принимали только немногіе изъ членовъ университета и въ нихъ видѣли еще не столько прямой вызовъ, сколько ученое мнѣніе о церковныхъ предметахъ ²⁾.

Не рассказывая подробностей начинавшейся борьбы, упомянемъ только главныя ея черты. Вопросъ религіозной реформы уже вскорѣ сталъ дѣломъ пражскаго университета, который былъ тогда высшимъ ученимъ учрежденіемъ, единственнымъ для всей средней Европѣ. Пражскій университетъ въ ту пору привлекалъ множество слушателей, огромное большинство которыхъ состояло изъ иностранцевъ. *Націи*, на которыя дѣлились университетскіе граждане, были: *чешская* (съ Моравянами и Венграми), *саксонская* (съ сѣверными Нѣмцами), *баварская* (съ южными Нѣмцами, Швейцаріей, Каринтіей, Крайномъ и т. д.), наконецъ *молельная* (съ Силезцами, Лужицанами, Пруссаками, т. е. въ большинствѣ Нѣмцами или Славянами означенными, такъ что эта „нація“ была только топографически славянская, а въ сущности была

¹⁾ Такъ какъ уставъ пражскаго университета дозволялъ профессору читать не только свои сочиненія, но и другія сочиненія, если только они были написаны какимъ нибудь магистромъ пражскимъ, парижскимъ или оксфордскимъ (*de iure sicut ab aliquo famoso de universitate Pragensi, Parisiensi, vel Oxoniensi magistro compilata. Helfert, стр. 56*), т. е. если только достаточно была обозначена ученость сочиненія.

²⁾ Въ Стогоньской бібліотекѣ хранится сдѣланный Гусомъ списокъ трактатовъ Вилкела: *De individuatione temporis et instantis, De ideis, De materia et forma*. Списокъ оконченъ былъ 1898 г., in die v. Hieronymi Slav. Любопытна въ немъ чешскія приписки, напр.: «Bůh daj Wiklefovi nebeaké kraleovství», или: «O Wikleř, Wikleř, nejednomu ty hlavu zviklejš!»

также нѣмцевъ). Въ числѣ иностранцевъ бывали въ университетѣ и Французы, Итальянцы, Англичане. Чешская нація, со всѣми студентами, бакалаврами и магистрами, составляла только около 6-й доли цѣлаго университета, такъ что по національности пражскій университетъ далеко не былъ народно-чешскимъ. По своему характеру онъ былъ въ особенности теологическій и латинскій, какъ вообще ученые учрежденія того времени. Такимъ образомъ, въ этомъ составѣ съ одной стороны университетъ легко могъ быть, и въ то время дѣйствительно былъ, опорой католическаго правовѣрія, съ другой — его латинисты оставались чужды интересамъ чешской народности, на которую ученые профессора, особенно иностранцы, смотрѣли высокоумно и не хотѣли съ ней имѣть ничего общаго. Въ этихъ условіяхъ готовился поводъ къ будущему столкновенію. Какъ выше сказано, Ома Штитный въ концѣ XIV вѣка уже восставъ противъ школьныхъ латинщиковъ, чуждыхъ народу и считавшихъ свое знаніе цеховой тайной. „Богу также угоденъ Чехъ, какъ и латинщикъ“, говорилъ онъ; цѣлью трудовъ его было именно дать людямъ, не обученнымъ латини, то ученіе, о которомъ писалось только по-латини. Латинщики отвѣсили въ этому враждебно; Штитный отвѣчалъ: „Святой Павелъ писалъ свои посланія языкомъ тѣхъ, къ кому писалъ, Евреямъ по-еврейски, Грекамъ по-гречески.... почему бы Господь Богъ и Чехамъ не написалъ и не напомнилъ своей воли письмомъ, у нихъ употребительнымъ?“ Онъ съ своей стороны глумится надъ школьными мудрецами, которые боялись, что простой читатель употребитъ во зло высокое ученіе: „развѣ же не дѣлать моста изъ-за того, что глухой человѣкъ можетъ съ него свалиться?“ Преобладаніе чужихъ національностей въ университетѣ только усиливало это взаимное нерасположеніе. Можно было ожидать, что въ случаѣ спора сторона народная и патріотическая востанетъ противъ представителей оффиціальной латинской науки.

Этотъ случай представился въ столкновеніи по поводу положеній Виллефа, принявшихъ Яномъ Гусомъ, тогда уже очень вліятельнымъ лицомъ въ университетѣ, и другими ревностными приверженцами реформы, въ числѣ которыхъ былъ и подканцлеръ университета, Ниволай Литомишльскій. Въ 1403, 28 мая, собраніе всѣхъ пражскихъ „мистровъ“ должно было разсуждать о 45 положеніяхъ выбранныхъ изъ сочиненій Виллефа, которыя осуждались церковью и однако преподавались нѣкоторыми учителями университета. Собраніе должно было рассмотреть всѣ пункты этого ученія, противъ которыхъ было уже высказано обвиненіе въ ереси. Несмотря на всѣ старанія Гуса, опровергавшаго правильность выбора этихъ положеній, защитники Виллефа оказались въ меньшинствѣ, и большая часть голосовъ постановила: что ни одинъ членъ пражскаго университета не долженъ учить ни одному

изъ 45 артикуловъ Виллефа. Это рѣшеніе—не заставивши Гуса отказаться отъ его убѣжденій, ясно опредѣлило положеніе враждебныхъ сторонъ: постановленіе, сдѣланное не-національнымъ большинствомъ мистровъ, сочтено было за дѣйствіе противъ чешской народности, потому что Гусъ и его товарищи были чешскіе патриоты и друзья народа въ смыслѣ Штитгаго, а Нѣмцы, вмѣстѣ съ другими чужими „націями“ университета, оказались на сторонѣ клерикально-консервативной партіи, враждебной Гусу и реформѣ. Такимъ образомъ два стремленія, сначала независимыя, соединились въ одно: религиозная оппозиція чешскихъ проповѣдниковъ слилась съ національной антипатіей къ иноземному преобладанію, и защитники народности стали смѣлѣе, поддержанные реформаторами университета. Уже въ первый моментъ борьбы Гусъ и приверженцы преобразованій являются поэтому дѣятелями чисто народными, а сторона противо-гусситская, нѣмецкіе элементы въ университетѣ и въ городскомъ населеніи, являются вмѣстѣ и партіей противо-народной.

Новое ученіе, которое подвергало сомнѣнію разныя церковныя постановленія и обычаи, противныя чистому христіанству, и отрицало авторитетъ іерархіи, подверженныя злоупотребленію,—распространялось все дальше, несмотря на запрещенія: церковная власть начинала преслѣдовать священниковъ и мірянъ, обвиняя ихъ въ ереси, но какъ часто бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, она не замѣчала всего значенія грозившей опасности. Внѣшнія условія благопріятствовали Гусу: за него стояли приближенные короля Вацлава IV, много пановъ и рыцарей чешскихъ, которымъ хотѣлось забрать въ руки имѣнія духовенства, потому что секуляризація церковныхъ имѣній уже полагалась необходимой у защитниковъ реформы; король Вацлавъ также покровительствовалъ Гусу, поддерживая національное движеніе изъ политическихъ отношеній къ церкви; Гусъ долго сохранялъ хорошія отношенія и къ архіепископскому двору. Борьба въ университетѣ продолжалась; Гусъ продолжалъ проповѣдывать съ явнымъ виклефовскимъ оттѣнкомъ. Въ 1408 заведенъ былъ еще одинъ процессъ о ереси, и вскорѣ потомъ въ университетѣ собрана была чешская „нація“ для разбора тѣхъ же 45 положеній,—потому что въ этой націи собственно и былъ интересъ къ новому ученію. Подъ предсѣдательствомъ ректора собралось 64 мистра и доктора, 150 бакалавровъ и до 1000 студентовъ, и хотя было постановлено, чтобы ни одинъ членъ чешской націи не отваживался признавать, распространять или защищать какое-нибудь изъ этихъ положеній, но къ этому рѣшенію была сдѣлана оговорка, что запрещеніе относится только къ тому въ положеніяхъ Виллефа, что въ нихъ есть ошибочнаго или еретическаго (*in sensibus eorum haereticis aut erroneis aut scanda-*

locis). Но если каждому предоставлялось рѣшать, есть ли ересь или нѣтъ въ данномъ положеніи, то очевидно, что оговорка уничтожала всю силу рѣшенія.

Наконецъ одно событіе дало окончательный перевѣсъ народному началу въ университетѣ и, по связи его съ дѣломъ реформы, перевѣсъ самому ученію Гуса. Международная вражда, начавшаяся въ университетѣ изъ-за религиозныхъ мнѣній и народного самолюбія, еще прежде выдвинула вопросъ о количествѣ голосовъ, принадлежащихъ отдѣльнымъ націямъ. До сихъ поръ каждая нація имѣла по одному голосу, но такъ какъ изъ четырехъ „націй“ было три чужихъ, то Чехи всегда оставались въ невыгодномъ положеніи, если только поднималось дѣло, затрогивавшее народный интересъ. А такихъ дѣлъ было теперь много. Чешская нація требовала, для справедливаго отношенія иностранцевъ къ туземцамъ, чтобы ей предоставлено было три голоса, а остальнымъ націямъ по одному. Король Вацлавъ сначала было рѣшительно отказалъ въ этомъ, но потомъ, подъ вліяніемъ окружающихъ его патріотовъ, неожиданно рѣшилъ дѣло въ пользу Чеховъ и предоставилъ имъ желаемые три голоса въ университетѣ (декретъ Кутногорскій). Это было для чешской націи великимъ торжествомъ: съ этой минуты обезпечивалось ея вліяніе въ высшей школѣ, необходимое для успѣха начатаго дѣла. Чтобы ввести въ университетѣ этотъ новый порядокъ, нужно было вмѣшательство власти; иноземныя націи, огорченныя и оскорбленныя, рѣшились на послѣднее средство. Въ 1409 г. иноземные мистры и студенты, въ числѣ около 5000 человекъ, оставили Прагу навсегда и, болѣею частію, избрали себѣ новый пріютъ въ Лейпцигѣ: это было основаніемъ лейпцигскаго университета ¹⁾. Это событіе, прискорбное и для ушедшихъ и для самой Праги, терпящей массу интереснаго и прибыльнаго ему населенія, было однако побѣдой національно-реформатской партіи. Выходъ Нѣмцевъ развязывалъ руки чешскому движенію, и оно осталось національнымъ на все время гуситской борьбы. Первымъ ректоромъ, который былъ выбранъ въ новомъ университетѣ послѣ этого событія, былъ (во второй разъ) Янъ Гусъ, 1409 — 1410. Очевидно, что на немъ большинство сосредоточивало надежды и интересы, не только церковной, но и національной борьбы.

Изъ дальнѣйшихъ событій упомянемъ только главныя ихъ черты. Время было вообще смутное. Въ самомъ разгарѣ были папскія междоусобія; король Вацлавъ враждовалъ съ пражскимъ архіепископомъ Збинкомъ и покровительствовалъ національной партіи, которая стремилась

¹⁾ Другіе направились въ Эрфуртъ, Гейдельбергъ, Кельнъ, что содѣйствовало потомъ процвѣтанію высшихъ школъ Германіи и замѣчательному равномерному распространенію ея образованности.

къ религиозной реформѣ, осуждаемой архіепископомъ. Ни король, ни архіепископъ не шли на уступки; столбовеніе было неминуемо. Духовенство жаловалось архіепископу на распространеніе ереси; Збынекъ, получивъ отъ папы полномочія для строгаго преслѣдованія Виллефовыхъ ересей, принялъ, наконецъ, свои мѣры: онъ издалъ приказъ объ отобраніи и сожженіи Виллефовыхъ книгъ, и запретилъ проповѣдь въ часовняхъ и другихъ мѣстахъ, кромѣ приходскихъ и коллегіальныхъ церквей. Противъ перваго возсталъ университетъ, считая осужденіе книгъ нарушеніемъ своего права; послѣднее направлялось противъ Гусовой проповѣди въ Виалеемской часовнѣ, и Гусъ жаловался папѣ, не прекращая своей проповѣди. Король также отвергалъ рѣшеніе архіепископа, но послѣдній стоялъ на своемъ, и 16-го іюля 1410 Виллефовы книги были въ самомъ дѣлѣ сожжены, а на третій день Гусъ былъ преданъ проклятію за неповиновеніе. Эти мѣры прозывали тяжелое и враждебное впечатлѣніе и въ университетѣ, и при дворѣ, и въ пражскомъ населеніи; король заступался за Гуса у папы, дѣлалъ репрессалии на доходахъ духовенства, но Збынекъ еще усилить проклятіе противъ Гуса и даже наложилъ на всю Прагу интердиктъ, прекращеніе богослуженія (1411). Попытки примиренія между королемъ и архіепископомъ, и смерть послѣдняго не остановили развитія событій. Гусъ послалъ къ папѣ изложеніе своего исповѣданія, гдѣ объяснялъ, что положенія Виллефа понималъ вовсе не въ томъ еретическомъ смыслѣ, какой имъ приписывался его врагами. Онъ еще держался церкви, и неповиновеніе Збынку объяснялъ тѣмъ, что самъ апеллировалъ къ высшему авторитету. Между тѣмъ, настроеніе Гуса все болѣе теряло мирный характеръ, и новыя столкновенія съ церковной властью, въ Пресбургѣ и потомъ въ Прагѣ (1412), перешли въ открытую вражду. Дѣло въ томъ, что надежды на исправленіе церкви не предвидѣлось; напротивъ, злоупотребленія не прекращались, на папскій престолъ вступилъ Іоаннъ XXIII, по словамъ самихъ католическихъ писателей, одинъ изъ постыдѣйшихъ осквернителей церкви. Въ 1412, въ Прагѣ началась продажа индульгенцій для погашенія папской казны. Гусъ сильно возсталъ противъ этой продажи въ университетской диспутации (7-го іюня), въ проповѣдяхъ, въ посланіяхъ, которыя разсылалъ въ Чехіи, Моравіи, Силезіи, даже Польнѣ. На этотъ разъ самъ папа подтвердилъ проклятіе противъ Гуса, велѣлъ сравнять съ землей Виалеемскую часовню и наложилъ интердиктъ на Прагу, пока Гусъ ея не оставитъ. Въ декабрѣ 1412, Гусъ по желанію короля оставилъ Прагу; старанія Вацлава о примиреніи остались безуспѣшны. Гусъ поселился въ провинціи, у друзей, и несмотря на папскую клятву продолжалъ проповѣдовать сельскому люду, собирая его въ поляхъ, на праздники и при другихъ стеченіяхъ народа; пи-

салъ свои латинскіе и чешскіе трактаты. Въ упомянутой университетской диспутации онъ впервые высказалъ мысль, что вѣрующіе не обязаны исполнять папскихъ повелѣній, если онѣ не будутъ согласны съ закономъ Христовымъ — этимъ открывался путь къ свободѣ толкованія св. Писанія. Проклятіе и удаленіе Гуса изъ Праги, такимъ образомъ, не остановили распространенія его идей и, напротивъ, расширили ихъ и вдали отъ столицы. Имя Гуса стало столько же популярно и въ сельскомъ народѣ, какъ между его слушателями въ Вилемской часовнѣ.

Между тѣмъ, король искалъ средствъ успокоить религиозное броженіе, и такимъ средствомъ казался соборъ, который по стараніямъ брата Вацлавова, Сигизмунда, созванъ былъ папою Іоанномъ XXIII въ Констанцѣ. Гусъ долженъ былъ изложить на соборѣ свои мнѣнія, чтобы соборъ одобрилъ ихъ или отвергъ; Сигизмундъ давалъ ручательство въ его свободѣ предъ соборомъ и безопасномъ возвращеніи домой. Въ октябрѣ 1414. Гусъ отправился въ Констанцъ въ сопровожденіи трехъ чешскихъ пановъ. Черезъ три недѣли своего пребыванія въ Констанцѣ, Гусъ былъ, однако, взятъ и заключенъ въ тюрьму. На соборѣ произведенъ былъ предательскій „судъ“, въ концѣ котораго Гусъ былъ объявленъ, 6 іюля 1415, упорнымъ еретикомъ, лишенъ священства, „переданъ свѣтской власти“ и по законамъ противъ еретиковъ сожженъ живой на кострѣ—одно изъ безчестнѣйшихъ дѣяній во всемирной исторіи и одно изъ высочайшихъ свидѣтельствъ силы убѣжденія и человѣческаго достоинства. Еще въ тюрьмѣ Гусъ дождался извѣстій изъ Чехи о первыхъ результатахъ своей проповѣди и объ измѣненіи церковныхъ обычаевъ, которое должно было изъ нея произойти; другъ его, Якубекъ изъ Стрибра, сталъ давать причастіе народу „подъ обоими видами“; начиналось таборитское движеніе — не случайно въ томъ самомъ краѣ, гдѣ передъ тѣмъ Гусъ проповѣдывалъ по удаленіи изъ Праги. Въ 1417, его послѣдователи, при посредствѣ Пражскаго университета, провозгласили его святымъ мученикомъ, и память его праздновалась 6 іюля въ теченіе двухъ слѣдующихъ столѣтій ¹⁾.

¹⁾ О Констанцкомъ соборѣ, кромѣ указанныхъ выше книгъ о гуситской эпохѣ, см.: Von der Hardt, *Magnum Oecumenicum Constantiense Concilium*; церковная исторія; Hefele, *Conciliengeschichte* и друг. Отмѣтимъ еще одно русское изданіе. «Новолатинскій соборъ, 1414—1418. *Concilium Constantiense MCDXIV—MCDXVIII*. Изданіе Имп. русск. археологич. общества». Спб. 1874, 4°. Это—изданіе рисунковъ, принадлежащихъ къ «Хроникѣ Конст. собора», которая была написана гражданскомъ города Констанца, Ульрихомъ ф. Рихенталемъ, участвовавшимъ въ самомъ соборѣ. Первое печатное изданіе хроники Рихентала явилось въ Аугсбургѣ, 1488: *Das Concilium Basch geschehen zu Costenz*, съ 44 листами картинокъ и вогретоу. Второе изданіе—Аугсбургъ, 1586; третье—*Handlung deaz Conciliums zu Costenz*, Франкф. на Майнѣ, 1575, съ 84 гравюрами на мѣди. Всѣ изданія имѣютъ варианты. Въ 1869, издана рукопись хроники, находившаяся въ Конст. городскомъ архивѣ: *Chronik des*

Вся послѣдующая національно-религіозная борьба чешскаго народа на два вѣка оивачается именемъ Гуса. Вліяніе Гуса, какъ великаго великаго историческаго лица, объясняется съ одной стороны назрѣвавшими требованіями вѣка, которымъ онъ далъ сильнѣйшее выраженіе; съ другой—его замѣчательной личностью. Чешскіе историки характеризуютъ его такъ. Менѣе суровый въ своей проповѣди, чѣмъ Вальдгаузеръ, меньше фантазировавшій, чѣмъ Милитчъ, онъ не производилъ на слушателей такого быстраго впечатлѣнія, какъ его предшественники: но дѣйствіе его рѣчи было глубже и прочнѣе. Онъ обращался прежде всего къ уму и здравому смыслу, и только послѣ убѣжденія дѣйствовалъ на чувство. Быстрота и ясность мысли, способность проникать въ самую сущность предмета и раскрывать ее для всѣхъ, необыкновенная начитанность, особливо въ св. писаніи, твердая защита своихъ положеній давали его проповѣди великую силу и увлекательность. Къ этому присоединялись высокія качества характера: строгая правдивость, живая и крѣпкая вѣра, безупречно-чистая жизнь, горячее стремленіе къ нравственному возвышенію народа и къ исправленію церкви, твердость убѣжденія, шедшая до героическаго самопожертвованія ¹⁾. Какими ни были историческія условія, создавшія чешское движеніе, личность Гуса несомнѣнно имѣла громадное вліяніе на возбужденіе національныхъ силъ, которыя съ тѣхъ поръ сознали себя и выступили на дѣятельное поприще. О характерѣ его личности и реформаторской дѣятельности считаемъ еще нужнымъ привести сужденіе Гильфердинга:

„Гусъ далъ толчокъ реформаціонному движенію, онъ сдѣлался основателемъ протестантизма; историки и говорятъ, что онъ хотѣлъ быть реформаторомъ. Но справедливо ли это?... Гусъ тѣмъ-то и отличается отъ Виклефа, Лютера, Цвингли, Кальвина, Хельчицаго и другихъ основателей протестантскихъ сектъ, что онъ не думалъ создавать новаго ученія. Почитателей Гуса озадачиваетъ его отношеніе къ Виклефу. Теорія вся принадлежитъ Виклефу, Гусъ изъ этой теоріи взялъ только немногіе и то въ вѣроисповѣдномъ смыслѣ наименѣе существенные пункты, самъ ничего новаго къ нимъ не прибавилъ,— а между тѣмъ какъ неизмѣримо выше онъ Виклефа! Дѣло въ томъ, что Виклефъ былъ догматикъ; Гусомъ же владѣла одна мысль: испол-

Concils zu Constanz von Ulrich v. Richental. 1414—1418. Constanz. Изданіе—фотографированное, съ 106 рисунками и множествомъ гербовъ, и съ текстомъ богѣе полнѣе, чѣмъ печатныя изданія. Русское изданіе есть воспроизведеніе рукописи, принадлежащей Петербургской академіи художествъ, XV вѣка, на 36 листахъ, содержащей одни рисунки только съ подписями на латинскомъ языкѣ. Рисунки подлинника исполнены довольно художественно, и въ археологическомъ отношеніи представляютъ много особенностей сравнительно съ прежними изданіями печатными и фотографическими. Наше изданіе есть fac-simile, въ краскахъ. На л. 21—22 изображеніе Гуса.

¹⁾ Палацкій, Dějiny, III, 1, изд. 1850, стр. 65—66.

нить вѣрно нравственный законъ христіанства. Трудно найти въ исторіи человѣка, который съ такою безусловною правдивостью осуществлялъ свою жизнью заповѣди Евангелія. Онъ подражалъ Творцу христіанства и въ томъ, что его ученіе не имѣло характера догматическихъ формулъ, а живаго нравственнаго наставленія. Онъ не отличался ни необыкновенною ученостію, ни гениемъ первокласснаго писателя или проповѣдника: его сочиненія, его проповѣди не стоятъ выше средняго уровня произведеній тогдашняго схоластическаго богословія. Та изумительная сила обаянія, которую Гусъ получилъ на весь народъ чешскій, истекала единственно изъ нравственнаго величія его личности и нравственнаго значенія его проповѣди“....¹⁾.

Личное вліяніе Гуса, какъ проповѣдника, поддерживалась его литературной дѣятельностію. Его сочиненія, латинскія и чешскія, посвященныя почти исключительно богословскому толкованію Писанія, нравственному ученію и вавонецъ непосредственнымъ спорнымъ вопросамъ времени, несмотря на всю теологическую спеціальность, имѣютъ высокій интересъ и историческое значеніе. Въ нихъ больше, чѣмъ въ какихъ бы то ни было другихъ произведеніяхъ того времени, обнаруживается стремленіе вѣка къ преобразованію. По духу времени, Гусъ слишкомъ много останавливался на схоластической догматикѣ; но это не помѣшало ему самымъ живымъ образомъ вмѣшаться въ дѣло національнаго развитія.

Какъ писатель, Гусъ выказалъ чрезвычайную плодовитость: можно удивляться, что при жизни столько бурной и занятой онъ могъ оставить такой длинный рядъ книгъ и трактатовъ, чешскихъ и латинскихъ, такое множество писемъ и посланій. Латинскія сочиненія были давно собраны подъ заглавіемъ: *Historia et monumenta Joannis Husi* („Исторія и памятники І. Гуса“, Нюрнб., 1558, 1715; адѣсь и латинскій, впрочемъ дурной, переводъ нѣкоторыхъ писемъ, писанныхъ Гусомъ во чешски). Отдѣльно вышли: *De unitate Ecclesiae* („о единствѣ церкви“, Майнцъ, 1520); собраніе писемъ, переведенныхъ съ чешскаго: *Epistolae quaedam piissimas et eruditissimas Johannis Husi*, съ предисловіемъ Лютера (Виттенб., 1537). Латинскія сочиненія Гуса, — посредствомъ которыхъ онъ приобрѣталъ себѣ обширное поприще дѣятельности во всей ученой Европѣ, — отличаются приемами тогдашней диалектики и схоластической философіи, такъ какъ рассчитывали на ученыхъ теологовъ и университетскихъ слушателей.

Важнѣйшимъ трудомъ Гуса было латинское сочиненіе: *O церковь* (*Tractatus de Ecclesia*), написанное по поводу пражскаго синода 1413 года: отсюда выбраны были тѣ 44 обвинительные пункта, въ которыхъ

¹⁾ Гильфердингъ, Гусъ и др., стр. 3—4.

Гусъ долженъ былъ оправдываться на Констанцскомъ соборѣ. Здѣсь изложены главныя основы его ученія, и это сочиненіе можетъ считаться символической книгой отпаившей потомъ чешской церкви. Мы укажемъ въ нѣсколькихъ словахъ содержаніе трактата, чтобы ввести читателя въ кругъ идей гуситскаго движенія. Гусъ начинается съ ученія о предопредѣленіи: первовъ внѣшняя заключаетъ въ себѣ и добрыхъ, „предопредѣленныхъ“ (*praedestinati*) къ небесному благословенію, и злыхъ, „предузнанныхъ“ (*praesciti*) къ вѣчной погибели. Единный глава церкви есть Христосъ, — внѣшній глава по своему божеству, внутренній по своему человѣчеству: первымъ онъ былъ съ начала міра, вторымъ — отъ своего вочеловѣченія. Потому и апостолы не назывались святѣйшими или главами церкви, а только слугами Господа и слугами церкви. Впослѣдствіи это измѣнилось: со времени Константина В. и его преемниковъ, папа, римскій епископъ, сталъ считаться за начальниа церкви (*capitaneus*), за Христова намѣстника на землѣ. Но на дѣлѣ папа, „какъ папа“, вовсе не можетъ быть такимъ намѣстникомъ, и кардиналы, „какъ кардиналы“, вовсе не могутъ считаться преемниками апостоловъ. Папа можетъ считаться преемникомъ Петра только тогда, когда равняется съ Петромъ вѣрою, смиреніемъ и любовью, — но тоже слѣдуетъ разумѣть и о другихъ людяхъ, не бывшихъ ни папами, ни кардиналами. Св. Августинъ больше принесъ пользы церкви, чѣмъ нѣсколько папъ вмѣстѣ, а въ ученіи сдѣлалъ можетъ быть больше, чѣмъ всѣ кардиналы съ самаго начала и до нынѣ. Если же папа и кардиналы не исполняютъ своихъ обязанностей и, забывая Христа, заботятся только о вещахъ свѣтскихъ, о роскоши и блестящихъ одеждахъ, и расточительностью превосходятъ даже мірянъ, — тогда они вовсе не намѣстники Христа, или Петра, или апостоловъ, а намѣстники Сатаны, Антихриста, Иуды Искариотскаго. Папа, какъ и другой человѣкъ, не можетъ вавѣрное знать о себѣ, не „предузнанный“ ли онъ; а „предузнанный“ не только не можетъ быть главой, но и настоящимъ членомъ церкви. Папскаго достоинства и не нужно для спасенія церкви; въ первобытной христіанской церкви были только двѣ священныя должности: діаконы и священники, все остальное явилось послѣ и было людскимъ установленіемъ. Если и до папъ церковью управляли апостолы и вѣрные священники, то можетъ легко быть, что папъ и опять не будетъ до суднаго дня. Все сказанное слѣдуетъ разумѣть и о цѣломъ духовенствѣ: ихъ два — одно Христово, другое Антихристово. Не должность дѣлаетъ священника, а священникъ дѣлаетъ должность; не каждый священникъ святъ, но каждый святой есть священникъ; вѣрующій христіанинъ принадлежитъ къ божіей церкви, а прелатъ, не исполняющій своей обязанности, не будетъ имѣть никакой части въ цар-

ствѣ Христовомъ. — Изъ этого ясно, какъ должно понимать „церковное послушаніе“. Послушаніе есть дѣйствіе разумнаго существа, которое свободно и по собственному сужденію (*voluntarie et discrete*) подчиняется своимъ начальникамъ. Поэтому каждый, получая приказаніе отъ своей власти, долженъ испытать, есть ли это приказаніе дозвольтельное и честное, потому что, если бы приказаніе было ко вреду церкви и душевнаго спасенія, онъ долженъ ему воспротивиться. Такъ, если приходитъ повелѣніе даже отъ папы, вѣрный христіанинъ долженъ испытать его, и если не найдетъ его согласнымъ съ ученіемъ Христовымъ, то долженъ воспротивиться, чтобы повиновеніемъ своимъ не совершить преступленія противъ Христовой вѣры (*devianti parae rebellare est Christo domino obedire*). „Власть ключей“, т.-е. власть вязать и рѣшать, принадлежитъ одному Богу, который предопредѣляетъ къ спасенію или погибели. Устной исповѣди не нужно для спасенія души, — доказательствомъ могутъ служить малыя дѣти, глухіе и нѣмые отъ рожденія, обитатели пустынь и насильственно умерщвленные. Грѣхи смыываются покаяніемъ и исповѣдью сердца. Ни священникъ, ни папа не можетъ разрѣшать вины, потому что для этого долженъ бы быть непогрѣшимымъ, а непогрѣшимъ только одинъ Богъ. Поэтому и клятва какого-нибудь прелата имѣетъ силу только тогда, когда согласна съ волей божіей; въ противномъ случаѣ она нисколько не вредитъ тому, на кого провнесена, — какъ говорить и Писаніе, повелѣвающее благословлять проклинающихъ.

Въ другихъ сочиненіяхъ Гусъ еще подробнѣе развиваетъ свои взгляды на церковные порядки. Уже въ констанцской тюрьмѣ Гусъ написалъ нѣсколько трактатовъ въ защиту своего ученія, напр.: „О достаточности закона Христова для управленія церкви“ (*de sufficientia legis Christi ad regendam Suam ecclesiam*), гдѣ онъ доказываетъ, что истинный и вѣрный законъ есть правда, которая ведетъ человѣка по дорогѣ къ блаженству; что всѣ добрые законы находятся въ св. Писаніи, а тѣ, которыхъ тамъ нѣтъ, законы безбожные; что этого Христова закона совершенно достаточно для церкви, и что его не вѣтъ ни сокращать, ни расширять и т. д. Не менѣе важна рѣчь, приготовленная имъ для той же цѣли въ тюрьмѣ: „*Sermo de fidei suae eluciatio*“, о томъ, какъ онъ понимаетъ вѣру и ея познаніе. Основная мысль этого и другихъ подобныхъ трактатовъ состоитъ въ защитѣ истиннаго, простаго, первобытнаго христіанства и въ опроверженіи церковной порчи, которая измѣнила и исказила его истины людскими прибавками и ошибками: онъ признаетъ постановленія церкви только до тѣхъ поръ, пока находятъ ихъ согласными съ первоначальнымъ ученіемъ Христа. Въ трактатѣ „О мирѣ“ (*De pace*), писанномъ также въ Констанцѣ, Гусъ объясняетъ, что миръ человѣка съ Богомъ и

свѣтомъ основывается на исполненіи закона, что миръ исчезъ между людьми отъ нарушенія закона, — когда церковъ и ея служители стали думать только о внѣшнихъ почестяхъ и богатствѣ, и когда богослуженіе сдѣлалось ремесломъ. Источникомъ всего этого зла Гусъ прямо называетъ римскій дворъ....

Упомянемъ еще нѣкоторые трактаты, гдѣ онъ говоритъ о церковныхъ неурядицахъ и злоупотребленіяхъ. Такъ, въ трактатѣ „О крови Христовой“ (De omni sanguine Christi hora resurrectionis glorificato), Гусъ, послѣ догматическихъ объясненій, восстаетъ противъ преступнаго обмана церковниковъ, которые въ Римѣ показывали мясо изъ тѣла І. Х., въ Прагѣ показывали кровь Христа и молоко Божіей Матери; восстаетъ противъ изувѣрства и шарлатанскихъ чудесъ, которыя творились подобными обманщиками въ разныхъ католическихъ странахъ и допускались самими властями, — множество примѣровъ приводится въ доказательство этого религіознаго извращенія. Не меньшей энергіей отличается латинское сочиненіе Гуса „объ отнятіи у духовенства земскихъ владѣній“, справедливость и необходимость котораго онъ доказываетъ аргументами изъ Писанія, изъ исторіи и изъ здраваго человѣческаго смысла. Когда противники стали уворать его за публичныя нападенія на духовенство, онъ отвѣчалъ новымъ трактатомъ, гдѣ съ помощью св. Писанія остроумно объясняетъ, что оставить въ покое злоупотребленія и негодность духовенства, значило бы сдѣлать большое удовольствіе Люциферу: и Антихристъ желалъ бы чтобы не трогали духовенства, потому что, говорятъ, и самъ онъ будетъ высшимъ прелатомъ католической церкви и не хотѣлъ бы, чтобы выставляли его недостатки; большинство священниковъ восстаетъ противъ обличеній и, говорятъ, нужно согласиться съ этимъ большинствомъ, — но согласиться нельзя, потому что всегда бываетъ безчисленное множество людей глупыхъ, и очень мало умныхъ; притомъ, соглашаясь съ большинствомъ, слѣдовало бы признать, что и страданія и смерть Христа были справедливы, потому что этого желало большинство еврейскихъ священниковъ и фарисеевъ.

Не меньше важны чешскія сочиненія Гуса, которыя доставляли ему множество послѣдователей изъ народа. Оставаясь только латинскимъ писателемъ, Гусъ далеко не могъ бы имѣть такого широкаго вліянія на народныя массы. Противники чувствовали это, и какъ Тома Штитный подвергался нападеніямъ за то, что отважился писать для народа то, что было для того времени достоинствомъ одной школы и латинской учености; такъ нападенія съ этой стороны встрѣтили и Гуса. Въ 1413 г. епископъ Литомышльскій въ письмѣ къ пражскому синоду находилъ необходимымъ, чтобы Гусу и друзьямъ его запрещена была проповѣдь (на чешскомъ языкѣ) и

чтобы всѣ чешскія книги, ими написанныя, были уничтожены. — Для чешской литературы сочиненія Гуса на народномъ языкѣ несравненно важнѣе, и истинный его характеръ высказывается разнообразіемъ, чѣмъ въ латинскихъ. Мы видѣли уже въ немъ защитника народной чести и интереса въ университетскомъ спорѣ: въ литературномъ отношеніи его великой заслугой почитается то, что онъ ревностно заботился о народномъ языкѣ и горячо воставалъ противъ нарушенія его старинной самобытности и чистоты смѣшеніемъ двухъ языковъ, — особенно у Пражанъ, — отчего происходила, по его мнѣнію, двойственность и непослѣдовательность въ самой жизни и въ нравственномъ характерѣ людей. Гусъ убѣждалъ князей, намовъ, рыцарей, владѣль и горожанъ заботиться о томъ, „чтобы чешская рѣчь не погибла“, и недовольство его Пражанами, мѣшавшими свой языкъ съ чужимъ, высказывалось въ весьма сильныхъ выраженіяхъ. Въ своемъ литературномъ языкѣ онъ изъ патріотизма былъ строгимъ пуристомъ, и изобрѣлъ новое правописаніе ¹⁾, которое принято было Таборитами, потомъ Чешскими Братьями; — эти послѣдніе ввели его въ XVI столѣтіи въ общее употребленіе, потомъ въ періодъ католической реакціи оно было забыто и вновь вошло съ литературнымъ возрожденіемъ, и съ нѣкоторыми улучшениями, господствуетъ въ чешскихъ книгахъ до сихъ поръ. Заботы Гуса о языкѣ высказались уже въ томъ чешскомъ сочиненіи, которое выставили Чехи въ опроверженіе нѣмецкой партіи, защищавшей права иностранцевъ въ университетѣ. Въ этомъ опроверженіи видна та же диалектика и полемическая ловкость, которая вообще отличаетъ произведенія Гуса. Но должно правильно понять чешскій патріотизмъ Гуса. Позднѣйшіе историки нерѣдко обвиняли Гуса за вражду къ Нѣмцамъ, переходившую границы по ихъ мнѣнію; но эта вражда имѣла свои достаточныя основанія: хотя Гусъ и не переходилъ на чисто политическую почву, патріотическое чувство вызывало въ немъ отпоръ противъ притѣснителей, которые притомъ явились врагами реформы уже въ первомъ спорѣ о положеніяхъ Виллефа. Обвиненіе въ возбужденіи вражды къ Нѣмцамъ сдѣлано было противъ Гуса еще на Констанцскомъ соборѣ. Онъ отвѣчалъ искренно и справедливо: „Я говорю и говорю, что Чехи въ королевствѣ чешскомъ по закону, даже по закону Божьему и по требованію природы, должны быть первыми въ должностяхъ, также какъ Французы во Франціи и Нѣмцы въ своихъ земляхъ, чтобы Чехъ умѣлъ управлять своими подданными, а Нѣмецъ — Нѣмцами. Но чтѣ была бы за польза, если бы Чехъ, не знающій нѣмецкаго языка, былъ бы въ нѣмецкой землѣ приходскимъ настоятелемъ или епископомъ? ... Столько же проку и для насъ, Чеховъ,

¹⁾ Его орфографія написана по латини и издана, съ чешскимъ переводомъ, А. В. Шемберой: *Mistra Jana Husi Ortografie česká*, 1857.

еть Нѣмца. Итакъ, зная, что это противно и закону Божию и канонамъ, я и говорю, что это непозволительно¹⁾. Гильфердингъ вѣрно замѣтилъ, что патриотизмъ Гуса стоялъ на вторыхъ планахъ, а на первомъ было требованіе христіанскаго закона. „Говорю по совѣсти, — писалъ Гусъ, — что еслибы зналъ чужеземца, откуда бы то ни было, который по добродѣтели своей болѣе любитъ Бога и стоитъ за добро, нежели мой родной братъ, то онъ былъ бы мнѣ милѣе брата. А потому добрые священники Англичане мнѣ милѣе, нежели недостойные священники чешскіе, и добрый Нѣмецъ мнѣ милѣе, нежели злой братъ“¹⁾).

Чешскія сочиненія Гуса всё имѣютъ болѣе или менѣе близкое отношеніе къ реформѣ: и посвященныя объясненію св. писаній; и полемическія — по разнымъ вопросамъ реформы, нами уже указаннымъ; и правоучительныя. Таковы, напр., его *Постилла* (*Postilla*, т. е. толкованія на недѣльные евангелія, изд. съ другими его сочиненіями въ Нюрнб. 1563), важнѣйшее изъ его чешскихъ сочиненій; *Объясненія на Символь* и проч. (*Výklad větší na páteře*, изд.: *Mistra Jana Husi kazatele slavného dědice českého dvanácti člankův víry křesťanské* обещанъ и проч. Прага, 1520 и др.); *Девять золотыхъ вещей*, богословскія разсужденія о твореніи міра, объ ангелахъ, и о вопросахъ христіанской нравственности, гдѣ Гусъ выставлялъ чисто христіанскія идеи въ противоположность условной католической морали: „кто дастъ одинъ геллеръ для Бога при добромъ здоровьѣ, тотъ больше почтитъ Господа Бога и больше принесетъ пользы душѣ своей, чѣмъ если бы по смерти столько далъ за это золота, сколько можетъ помѣститься его между небомъ и землей“ и т. п.; *О шести заблужденіяхъ*, полемическое сочиненіе о церковныхъ заблужденіяхъ касательно отпущенія грѣховъ, послушанія, церковнаго проклятія и т. д.; дальше *Ученіе о Тайной вечери* (Нюрнб. 1583), *О бракѣ*, *О святокупствѣ*, *Зерцало грѣшного чловѣка* и др. О послѣднемъ думали, что оно написано послѣдователями Гуса, въ то время, когда уже загорѣлась религіозная ненависть, — потому что „Зерцало“ выражается злобно о католическомъ священствѣ. Изъ сочиненій о христіанской нравственности наиболѣе извѣстна его *Дочка, или о познаніи истиннаго пути ко спасенію* (Dcerka, O poznání cesty pravé k spasení, издано было Ганвой, 1825); *Тройная вервь* (*Tróvazek třípramenný*, 1411)—изъ вѣри, любви и надежды и т. д. Затѣмъ важнымъ памятникомъ его литературной дѣятельности и пропаганды остались многочисленныя *письма*, латинскія и чешскія, изъ которыхъ особенно извѣстны его чешскія посланія къ друзьямъ и товарищамъ, писанныя изъ Кон-

¹⁾ Гильфердингъ, тамъ же, стр. 9.

станцкой тюрьмы, исполненныя преданности Божией волѣ и глубокаго убѣжденія и оставляющія трагически трогательное впечатлѣнїе. Наконецъ, Гусь былъ авторомъ трехъ, какъ полагають, *духовныхъ мыслей* (*Jesu Kriste štédrý kněze; Ježíš Kristus božská múdrost; Živý chlebe, kterýž's z sebe*, въ Кралицкомъ Канціоналѣ, 1576): это было началомъ гуситской духовной поэзии, которая значительно развилась впоследствии ¹⁾.

Такова была обширная дѣятельность челоуѣка, который былъ главою великой религіозно-нравственной реформы своего народа и рѣшительнымъ начинателемъ реформы въ мїрѣ западно-европейскомъ. Въ самомъ дѣлѣ, проповѣдь и сочиненія Гуса окончательно выводятъ насъ изъ среднихъ вѣковъ и ставятъ на ту нравственную почву, на которой выросло новое европейское сознаніе. Гусь былъ схоластикомъ по вѣщности своихъ трудовъ, потому что схоластика была еще единственной формой для подобныхъ трудовъ; но цѣлая пропасть дѣлать его напр. отъ Омни Аквината: въ этой формѣ высказались у Гуса самыя глубокія исканія христіанской истины и живое сознаніе господствовавшей порчи. Его національная борьба основывалась на стремленіи возвысить нравственно народную массу. Его церковная и догматическая полемика цѣлила въ нравственному освобожденію челоуѣческой личности, которой онъ въ первый разъ возвращаетъ ея внутреннюю независимость и самобытность; для нея онъ ставитъ закономъ только Писаніе, уничтожая внѣшній авторитетъ, потому что истина стоитъ выше лица и выше всякаго преданія. Единственный обязательный для челоуѣка законъ есть евангельское ученіе, которое Гусь принималъ во всей его первобытности, и собственный разумъ челоуѣка. Словомъ, въ религіозныхъ и моральныхъ понятіяхъ Гуса высказались начала той чистой челоуѣчности, которая стала впоследствии высшимъ идеальнымъ основаніемъ европейско-челоуѣческаго развитія. Непосредственное вліяніе Гуса на реформаторское движеніе въ Европѣ XV и XVI вѣка извѣстно.

Къ народно-реформаторской дѣятельности Гуса примкнули, какъ друзья или какъ противники, не только всѣ передовые ученые и образованная часть общества, но, наконецъ, и цѣлый народъ увлеченъ былъ въ начавшуюся борьбу религіозную и общественную. Литература, латинская и народная, съ самаго начала сдѣлалась орудіемъ этой борьбы, и литературная дѣятельность распространилась такъ, какъ

¹⁾ Чешскія сочиненія Гуса собраны были въ изданіи: *Místka Jana Husi Sebrané dílo české. Z nejstarších známých pramenů k vydání upravil K. J. Erben. Praha, tři tomy, 1865, 1866, 1868.* При третьемъ томѣ библиографическій обзоръ рукописей и старихъ печатныхъ изданій чешскихъ сочиненій Гуса. Ср. Иречка, *Rukopiseč*, а. в.

никогда до техъ поръ. Она была теологическая по преимуществу: освобожденіе отъ гнетущаго авторитета испорченной іерархіи, было первымъ шагомъ, который необходимо было сдѣлать средневѣковому обществу; здѣсь этотъ шагъ сдѣланъ былъ массой народа. Литература отражала характеръ времени; бурныя общественныя несогласія произвели множество сочиненій полемическихъ съ обѣихъ сторонъ.

Отъ идей Гуса развилась дѣятельность другихъ передовыхъ людей того времени; ихъ равностная пропаганда вызвала столько же дѣятельную реакцію со стороны приверженцевъ стараго порядка, а потомъ и умѣренныхъ послѣдователей реформы. Событія и затронутая народная мысль выводили все новые вопросы: такимъ образомъ, литература, сначала по преимуществу духовная, мало по малу расширила свой объемъ до предметовъ чисто общественныхъ. Она шла на двухъ языкахъ: латынь давала ей доступъ и за границу чешской земли, но дѣйствовала и дома, потому что шла сильно распространена знаніе латинскаго языка. Подъемъ образованія былъ таковъ, что въ XV—XVI вѣкѣ даже женщины писали недурно въ защиту реформы.

Изъ людей, раздѣлявшихъ пропаганду Гуса, прежде всего долженъ быть названъ другъ его, Іеронимъ Пражскій, имя котораго связано съ Гусомъ до его послѣдней судьбы. Іеронимъ, впрочемъ, былъ больше извѣстенъ какъ патріотическій и религиозный агитаторъ, чѣмъ какъ писатель. Онъ былъ лѣтъ на десять моложе Гуса (род. около 1379), учился въ Прагѣ, въ 1398 былъ бакалавромъ; въ 1399 онъ началъ свои долги странствія по Европѣ, въ промежуткахъ живя въ Прагѣ. Вернувшись, 1401, изъ перваго путешествія, Іеронимъ принялъ участіе въ пражскихъ дѣлахъ. Въ 1402 онъ привезъ изъ Оксфорда сочиненія Виллефа; въ 1403 поѣхалъ въ Парижъ, гдѣ получилъ въ Сорбоннѣ магистерство свободныхъ искусствъ, и здѣсь уже вступилъ въ религиозныя препирательства, такъ что въ 1406 долженъ былъ оттуда бѣжать. Такимъ же образомъ онъ долженъ былъ спастись изъ Кельна и Гейдельберга. Въ 1407 году онъ былъ въ Прагѣ; снова отправляясь въ Оксфордъ, откуда опять бѣжалъ. Въ слѣдующіе два года жилъ въ Прагѣ, гдѣ, принятый за „мистра“, принялъ участіе въ университетской борьбѣ. Далѣе, въ 1410, опять преіи въ Пестъ, Вѣнѣ, и опять бѣгство. Въ 1412 онъ принялъ горячее участіе въ упомянутой борьбѣ противъ индульгенцій, связалъ противъ нихъ именную рѣчь въ Карловой коллегіи и сжегъ напскія буллы объ индульгенціяхъ. вмѣстѣ съ Гусомъ, Іеронимъ удалился изъ Праги. Въ 1413, вызванный польскимъ дворомъ, онъ отправился въ Краковъ, являлся въ королю Владиславу, потомъ съ Витовтомъ ѣздилъ на „Русь“ и въ Литву. Здѣсь Іеронимъ сошелся съ православнымъ населеніемъ, принималъ участіе въ православныхъ праздникахъ, оказывалъ почте-

нѣ мощамъ и иконамъ, такъ что было мнѣніе, что онъ присоединился къ православію: этотъ фактъ послужилъ потомъ пунктомъ обвиненія съ католической стороны, а для новѣйшихъ историковъ славянофильскихъ доказывалъ внутреннее родство гуситства съ православіемъ. Когда Гусъ собирался ѣхать въ Констанцъ, Іеронимъ отговаривалъ его — оттуда ему уже не вернуться; послѣ, однако, и самъ былъ въ Констанцѣ и, наконецъ, попался въ руки собора и 30 мая 1416, какъ его другъ, былъ сожженъ. Іеронимъ Пражскій знаменитъ былъ своей ученостью, превышавшей, какъ говорятъ, ученость самого Гуса, и краснорѣчіемъ. „Никогда я не видалъ человѣка,—говоритъ его другъ и биографъ, знаменитый итальянецъ Поджіо Браччолони, — котораго бы лучше можно было сравнить съ ораторами классическихъ временъ, возбуждающими въ насъ такое удивленіе“. На кострѣ Іеронимъ показывалъ такое же спокойное мужество, какъ Гусъ. „Никогда, никто изъ стоиковъ не встрѣчалъ смерти съ такой твердой мыслью и спокойнымъ сердцемъ, какъ онъ желалъ ея“,—говоритъ тотъ же Браччолони ¹⁾. Іеронимъ писалъ, кажется, немного и то не все сохранилось; называютъ его латинское сочиненіе: „Compendiosa descriptio vitae et mortis M. Johannis de Hussinetz, нѣсколько писемъ и переводъ нѣкоторыхъ сочиненій Виклефа, сдѣланный вмѣстѣ съ Гусомъ ²⁾).

Сожженіе Гуса и Іеронима произвело сильное впечатлѣніе въ Чехіи; противъ Констанцскаго собора протестовалъ и пражскій университетъ, члены котораго съ этихъ поръ принимаютъ дѣятельное участіе въ распространеніе реформы и даютъ ей силу своимъ значеніемъ. Въ литературѣ сказалось и разнообразіе мнѣній, порожденныхъ реформой, и колебаніе общества, сильно потрясеннаго новыми идеями. Мы назовемъ главнѣйшихъ дѣятелей этого времени, выдающихся своими литературными трудами (впрочемъ, иногда только латинскими) и живымъ участіемъ въ борьбѣ, разгаръ которой наступилъ вскорѣ послѣ смерти Гуса. Таковъ былъ Яковъ изъ Стржибра (или Якубекъ, Jacobellus, ум. 1429), знаменитый ученостью и написавшій много латинскихъ трактатовъ и рѣчей, преимущественно полемиическихъ, и нѣсколько чешскихъ сочиненій ³⁾. Онъ съ самаго начала сталъ ревностнымъ приверженцемъ Гусова ученія и извѣстенъ введеніемъ религіознаго обряда, который еще при жизни Гуса отдѣлилъ гуситовъ отъ католической церкви. Это былъ знаменитый „каликъ“ (чаша), причащеніе „подъ обоими видами“, хлѣбомъ и виномъ, отчего и послѣдователи реформы получили

¹⁾ Descriptio obitus et supplicii Hieronymi Pragensis.

²⁾ Юнгманъ, стр. 41; Rukověť, I, стр. 814—817.

³⁾ Epistolů nedělní s výklady přes celý rok. изд. 1564; Kázání o poctivosti и пр., 1545; Bohomyslné kázání a rozmlouvání věrné duše s Panem Kristem, 1545; Písmo Ježíše Husá; церковныя писма.

имя „подобоевъ“, утраквистовъ и калининивовъ. Католическая сторона ставила его сочиненія на ряду съ книгами Гуса и постановленіе Констанцскаго собора, подтвержденное папскою буллою 1418, повелѣвало, чтобы сочиненія Виллефа, переведенныя на чешскій языкъ Гусомъ и Якубомъ, и затѣмъ сочиненія самого Гуса (особенно „о церкви“) и Якуба (о причащеніи подъ обоими видами, объ Антихристѣ и пр.), были сожжены. Въ раздорахъ умѣренной пражской партіи съ Таборитами, Якубежъ придерживался сначала радикальной партіи и старался помирить враждующія стороны, но потомъ сталъ на сторонѣ умѣренныхъ. Сочиненія его имѣли большое вліяніе, но встрѣчали и сильный отпоръ, какъ отъ правобѣрныхъ католиковъ, такъ и отъ радикальныхъ Таборитовъ: середина не удовлетворяла ни тѣхъ, ни другихъ. Янъ изъ Есеницъ, близкій другъ Гуса, защитникъ его въ Римѣ, авторъ латинскаго трактата противъ пражскаго богословскаго факультета въ 1412 г., и наконецъ, авторъ сочиненія въ защиту Гуса противъ Констанцскаго собора, подвергся проклятію, на которое онъ, по понятіямъ новаго ученія, не обратилъ ни малѣйшаго вниманія. Онъ былъ вообще дѣятельнымъ историческимъ лицомъ гуситской эпохи. Также болѣе практически, чѣмъ литературно, дѣйствовалъ въ пользу гуситизма мистръ Янъ изъ Рейнштейна, по прозванію Кардиналъ, который отправился въ Констанць защитникомъ Гуса и былъ потомъ ректоромъ университета (латинскій трактатъ о причащеніи подъ обоими видами въ смыслѣ Якуба). Особеннымъ вліяніемъ пользовался многосторонній ученый Христіанъ Прахатицкій (ум. 1439), медикъ, математикъ и астрономъ, оставившій важныя по своему времени чешскія сочиненія по этимъ предметамъ, нѣсколько разъ ректоръ университета и дѣятельный участникъ въ событіяхъ. Это былъ также близкій другъ Гуса: Христіанъ посѣтилъ Гуса въ Констанць, самъ былъ взятъ въ отвѣтъ за свои мнѣнія и получилъ свободу только черезъ заступничество короля Сигизмунда. Впослѣдствіи, въ спорѣ Таборитовъ съ Пражанами онъ сталъ на сторонѣ умѣренныхъ, что стоило ему преслѣдованія и изгнанія; послѣ онъ снова вернулся въ Прагу и незадолго до смерти избранъ былъ администраторомъ партіи утраквистовъ. Симонъ изъ Тишнова (гуситскій трактатъ de unitate ecclesiae и пр.) принималъ участіе въ національномъ университетскомъ спорѣ, въ защитѣ сочиненій Виллефа и, будучи ректоромъ университета, защищалъ Гуса противъ архіепископа пражскаго; въ 1417 году этотъ мистръ защищалъ трактатъ Гуса о церкви. Онъ распространялъ гуситизмъ и на Моравѣ, гдѣ повидимому, сложивъ ректорство, былъ священникомъ, но потомъ перешелъ на сторону католиковъ: haereticos acriter oppugnavit, замѣчаетъ о немъ іезуитъ Бальбинъ. Приверженцемъ Гуса былъ Прокопъ Пльзненскій, защищавшій пуб-

лично въ университетѣ сочиненіе Виллефа „De ideis“, стоявшій за Гуса въ бурномъ собраніи 1412 года, и послѣ нѣсколько разъ бывшій ректоромъ университета. Послѣ, Провопъ, не отличавшійся впрочемъ ни большой ученостью, ни талантомъ, сталъ, какъ и многіе другіе, противникомъ Таборитовъ и союзникомъ врага ихъ Яна Прибрама, и умѣренность своихъ взглядовъ простираля до того, что былъ подъ конецъ не даже отъ настоящихъ католическихъ ретроградовъ. Наконецъ, упоминаемъ еще Петра изъ Младеновицъ (ум. 1451), родомъ Моравана, который былъ въ Констанцѣ въ качествѣ секретаря Яна Хлумскаго, посла отъ пражскаго университета. Гусъ въ одномъ письмѣ изъ Констанца рекомендовалъ Петра Пражанамъ, какъ своего вѣрнѣйшаго друга. Впослѣдствіи и онъ сталъ на сторонѣ Пражанъ противъ Таборитовъ. Онъ написалъ два важныхъ разсказа о судьбѣ Гуса въ Констанцѣ, одинъ большій по латыни, другой по-чешски; нѣмецкій ученый XVI вѣка Агрикола надалъ ихъ въ нѣмецкомъ переводѣ, въ 1538 и 1548. Чешскій текстъ изданъ былъ въ Пассіоналѣ 1495, и отдѣльно, въ Прагѣ, 1533, и безъ года (1600); вновь изданъ въ Прагѣ въ 1870. Полагаютъ, что Петру изъ Младеновицъ принадлежитъ подобный разсказъ о судьбѣ Иеронима Пражскаго ¹⁾.

Были ревностные и ученые люди между противниками Гуса: они упорно защищали іерархію, которая, опираясь на нихъ, вела верхъ, когда народная сила истощилась въ борьбѣ. Станиславъ изъ Знойма считался однимъ изъ лучшихъ ученыхъ и профессоровъ пражскихъ (комментарій къ физикѣ Аристотеля: Univerzalia realia и др.): Гусъ былъ его ученикомъ. Въ началѣ Станиславъ также защищалъ Виллефово ученіе и даже превосходилъ Гуса своею ревностью, но съ 1412 совершенно отдѣлился отъ него: съ тѣхъ поръ онъ сталъ во главѣ противниковъ Гуса на церковныхъ синодахъ и университетскихъ собраніяхъ и писалъ противъ Гуса полемическіе и обличительные трактаты. Основываясь на изреченіи Августина, что послушаніе выше всѣхъ другихъ добродѣтелей, Станиславъ дошелъ, наконецъ, до крайняго фанатизма и призывалъ на еретиковъ казнь духовную и свѣтскую ²⁾. Степанъ Палечъ (ум. послѣ 1421) одинъ изъ первыхъ принялъ ученіе Виллефа, но потомъ вмѣстѣ съ Станиславомъ возсталъ противъ Гуса и на Констанцскомъ соборѣ былъ однимъ изъ злѣйшихъ обвинителей Гуса и Иеронима. Замѣчательной плодовитостью отличался также Андрей изъ Брода, стоявшій въ университетскомъ спорѣ на народной

¹⁾ Život a skonání hlavného Mistra Jeronima, a. I. et a., быть можетъ въ началѣ XVII столѣтія. Недавно Ярославъ Гомель издалъ старій текстъ этого разсказа по рукописи XV вѣка: «Vypisání o Mistru Jeronimovi z Prahy». Прага, 1878.

²⁾ О немъ въ изслѣдованіи Ал. Дювернуа: «Станиславъ Зноимскій и Янъ Гусъ». Москва, 1871; книга съ большими изысканіями, но страннымъ направленіемъ.

сторонѣ, но горячо возстававшій противъ Виклефа; на Констанцскомъ соборѣ онъ былъ также ревностнымъ обвинителемъ Гуса. Но первое мѣсто между обвинителями Гуса и Иеронима (Палечъ, Михаилъ de Saubis, Андрей изъ Брода, Янъ Протива) занимаетъ Янъ, епископъ Литомышльскій, также оставившій латинскіе трактаты противъ Гуса, эпистолы и другія сочиненія. Чешское духовенство католической партіи на свой счетъ устроило его поѣздки на Констанцскій соборъ, гдѣ онъ считался его представителемъ. Далѣе, Янъ изъ-Голешова (ум. 1436), Вацлавъ изъ-Хвалетицъ, Степанъ Долянскій (ум. 1421), авторъ многихъ противогуситскихъ сочиненій: *Anti-Viklef*, *Anti-Hus*, *Epistola investiva matris Ecclesiae contra abortivos filios* и проч. ¹⁾

Въ самомъ разгарѣ гуситскихъ волненій и войнъ является новые писатели, дѣятельность которыхъ тѣсно связана съ событіями. Въ партіи умѣренной особенно извѣстны были Прибрамъ и Рокицана. Янъ Прибрамъ (Jan z Píbrami, ум. 1448), одинъ изъ извѣстнѣйшихъ людей своего времени, выступилъ на сцену въ послѣдніе годы Гуса; былъ сначала пылкимъ послѣдователемъ Гуса и „калика“, но потомъ больше отличался враждою къ радикальному таборитству, чѣмъ ревностно къ защитѣ гуситизма; наконецъ, подобно многимъ другимъ, совсѣмъ отъ него отступался, напр. когда въ 1427, открыто присталъ къ пражскому духовенству, подчинявшемуся папѣ, и когда велъ полемику съ Рокицаной о повиновеніи папскому престолу. Его обширная литературная дѣятельность вся была посвящена опроверженію Виклефа и обвиненіямъ Таборитовъ: послѣдніа очень важны тѣмъ, что за потерей таборитскихъ сочиненій составляютъ цѣнный источникъ для изученія исторіи этого движенія. Сочиненія его, латинскія и чешскія, имѣютъ общій характеръ тогдашней литературы: это богословскіе и полемическіе трактаты, квестіи, рѣчи ²⁾. Въ особенности важна по свѣдѣніямъ о Таборитахъ его чешская книга: „Жизнеописаніе таборскихъ священниковъ“, гдѣ онъ излагаетъ ихъ ученіе и даже иногда приводитъ буквальные выписки изъ ихъ потерянныхъ теперь сочиненій ³⁾. Онъ нападалъ въ особенности на Англичанина Пена, ревностнаго Таборита, корилъ Таборитовъ, что они оставляютъ даже Гуса и Виклефа; говоря,

¹⁾ Эта латинская литература о Гусѣ и гуситахъ была собираема уже давно: таковы, напр., *Investiva contra Hussitas*; *Depositiones testium*, изъ первой половины XV вѣка; сборникъ латинскихъ и чешскихъ трактатовъ, синодальныхъ актовъ (1417—1609), и т. п., составленный въ первой половинѣ XVII вѣка Воллинскимъ. Печатные сборники: Hardt, упомянутая книга о Констанцскомъ соборѣ; Bergard Pez, *Thezaurus Anecdotorum*, 1721; изданія Гёфлера, Палацкаго и пр. Но очень многое остается еще въ рукописяхъ.

²⁾ *De condicionibus justi belli; de articulis Viklefi; De professione fidei catholicae et errorum revocatione; Articuli et errores Taboritarum* и пр. «Архивъ» Палацкаго, также «*Geschichtschreiber der hussitischen Bewegung*», Гёфлера.

³⁾ *Život kněží Táborakýchъ*, рук. 1429, изд. въ «Выборѣ», II, и въ *Savoris pro katol. duchovenstvo*, 1865.

напр., объ очищеніи грѣховъ на томъ свѣтѣ, которое отвергали Табориты, выражается такъ,—что они, „ограбивши у святыхъ ихъ силу, грабятъ теперь у бѣдныхъ душъ очищеніе отъ грѣховъ“. Прибрамъ возставалъ и противъ чешскаго богослуженія, введеннаго Таборитами, которые весьма резонно находили, что „читать на чужомъ языкѣ все равно что не читать“. Янъ Рокицана (Jan z Rokusan, или просто Rokusan, Rokicana, 1397 — 1471) также выступилъ на сцену послѣ Гуса; онъ уже рано сталъ во главѣ утраввистовъ и, хотя какъ писатель не отличался самобытностью и особеннымъ талантомъ, но имѣлъ обширное вліяніе, какъ замѣчательный проповѣдникъ и практическій дѣятель. Имя его публично было названо еще въ 1418, когда его съ другими вызывали на Констанцскій соборъ „какъ одного изъ начальниковъ Гусовой секты“. Партія „подобоевъ“ даже выбрала его архіепископомъ пражскимъ; но, защищая права подобоевъ, онъ подвергся преслѣдованіямъ короля Сигизмунда, долженъ былъ бѣжать изъ Праги и вернулся только при Юри Подѣбрадѣ, и затѣмъ до самой смерти былъ администраторомъ утраввистской церкви. Рокицана оставилъ много чешскихъ сочиненій, поученій и полемическихъ трактатовъ: всего любопытнѣе въ историческомъ отношеніи его полемика противъ Чешскихъ Братцевъ („Послание противъ заблужденій Пинартовъ“) и противъ Прибрама въ защиту причастія подѣ обоими видами („Обвиненіе пражскихъ мистровъ Прибрама и Гиларія“) и т. д. Его крутой нравъ навлекъ ему много враговъ, особенно съ католической стороны, хотя и онъ былъ расположенъ къ ней больше, чѣмъ бы слѣдовало утраввистскому архіепископу и защитнику компактовъ.

Обратимся теперь къ другой, радикальной сторонѣ гуситскаго движенія.

Несмотря на всѣ колебанія приверженцевъ реформы и даже на измѣны, гуситство уже вскорѣ стало большой силой. Университетъ былъ на сторонѣ реформы; друзья Гуса, при немъ и послѣ, бивали ректорами университета, и это чрезвычайно способствовало распространенію его ученія; живая проповѣдь его приверженцевъ мало по малу перенесла религіозный споръ въ народъ. Народная стихія начала свазываться; „мистры“, для которыхъ дѣло шло прежде объ ученой полемикѣ, стали дорожить и народными сочувствіями; литература гуситизма изъ латинской по преимуществу скоро дѣлается и чешской. Чѣмъ дальше въ XV столѣтіе, тѣмъ чаще встрѣчаются чешскіе памятники этой борьбы. Во второмъ десятилѣтіи этого вѣка вопросъ проникаетъ въ массу, въ третьемъ десятилѣтіи мы видимъ уже полное развитіе народнаго вмѣшательства въ дѣло, до тѣхъ поръ разбившееся учеными и духовенствомъ.

Это народное движеніе развивается въ самомъ дѣлѣ чрезвычайно

быстро: через четыре года по смерти Гуса болѣе смѣлая часть его послѣдователей уже отдѣляется въ особую радикальную партію, и съ 1419 года начинаются кровопролитныя гуситскія войны — такъ скоро идея, проникши разъ въ народъ, охватила его дѣятельнымъ и воинственнымъ энтузіазмомъ, противъ котораго ничего не могли сдѣлать кѣмъ крестовые походы, устроенные папами изъ вѣрныхъ всей католической Европы. Религіозное настроеніе, видѣвшее въ ученіи противника „дьявольское внушеніе“ и въ его дѣйствіяхъ „дорогу, по которой Антихристъ ведетъ къ погибели“, думавшее, что „непорядки иной стороны не должны быть терпимы“, — это настроеніе пришло наконецъ къ крайнему возбужденію. Свѣжая народная масса сильнѣе чувствовала старую неправду и нетерпѣливѣе ожидала будущей справедливости и счастья, и дѣйствительно увлеклась своими надеждами до фанатизма, который придалъ ей непобѣдимое могущество. Народъ пошелъ дальше и въ развитіи самихъ началъ реформы: равнодушный къ традиціямъ, которыя были дороги для власти, онъ скорѣе принималъ логическія послѣдствія этихъ началъ, и когда „умѣренные“ уступали на мелкихъ уступкахъ и исправленіяхъ (въ родѣ одного признанія „чаши“), онъ, разъ поднятый и раздраженный противорѣчіемъ, готовъ былъ совсѣмъ разорвать со старымъ обществомъ и основать свое новое. Таковы и были Табориты. „Они, очевидно, слишкомъ рано явились съ своими воззрѣніями, — говоритъ одинъ историкъ, — они стали противъ тогдашняго свѣта, а онъ противъ нихъ. Несомнѣнно, что до нѣкоторыхъ принциповъ, которые они высказали прямо и какъ бы неожиданно, повиднѣйшая философія додумалась только долгимъ размышленіемъ и только при помощи громаднаго ученаго матеріала, — и несомнѣнно, что ихъ социальныя стремленія не устарѣли и до сихъ поръ“.

Табориты были самымъ полнымъ (и вмѣстѣ самымъ крайнимъ) выраженіемъ гуситства, его наиболѣе послѣдовательнымъ и вмѣстѣ самымъ національнымъ развитіемъ. Появленіе таборитства было весьма естественно. Какъ скоро провозглашена была мысль, что истинный законъ заключается только въ Писаніи, что іерархія и духовенство не могутъ стѣснять человѣческаго разума и совѣсти, когда раскрыты были тѣ безобразія, къ какимъ пришла такъ-называемая „деревь“, предоставленная исключительно этой іерархіи, конечно, что церковная власть, а наконецъ общественные порядки потеряли всякую вѣру. Чтеніе библіи чрезвычайно распространилось и люди, искавшие новой жизни, находили въ библіи все, что имъ было нужно. Ревностное убѣжденіе побуждало искать способовъ къ практическому выполненію пріобрѣтенныхъ правилъ, — для этого нужна была свобода дѣй-

ствія. Надо было совершенно отдѣлиться отъ стараго общества, — это и сдѣлали Табориты.

Рѣшимость идти до послѣднихъ выводовъ не могла быть дѣломъ большинства, которое всегда предпочитаетъ болѣе сложныя средніе пути. Католиковъ оставалось уже мало въ Чехіи; но большинство, испуганное трудностями дѣла, остановилось на умѣренномъ гуситизмѣ, — въ приведенномъ нами рядѣ писателей мы видѣли, сколько людей, начавшихъ горячимъ участіемъ въ реформѣ, кончили серединой. Болѣе стойкіе и ревностные стали Таборитами. Къ сожалѣнію, всего меньше извѣстно именно объ этой части гуситства. До насъ уцѣлѣли только немногія сочиненія Таборитовъ, отъ другихъ остались случайные отрывки, такъ-что трудно составить себѣ полное понятіе объ этомъ настроеніи умовъ. Можно однако навѣрное сказать, что какъ бываетъ всегда съ народными движеніями, отвергающими авторитетъ, въ кругу Таборитовъ не было одной господствующей системы; напротивъ, мнѣнія религіозныя и общественныя были крайне разнообразны: каждый, кто былъ способенъ, дѣлался проповѣдникомъ ученія, которое считалъ истиннымъ; столкновение понятій развивало ихъ все дальше, такъ-что составилось наконецъ удивительное сплетеніе мнѣній, шедшихъ отъ умѣреннаго таборитства, признававшаго первобытное христіанство, до хилиазма, ждавшаго преставленія свѣта, и адмитства, вводившаго пантеизмъ въ религію и коммунизмъ въ жизни. „Всякія еретичества, какія только бывали въ христіанствѣ, — говоритъ современникъ Эней Сильвій, — все это собралось на Таборѣ, и каждому тамъ вольно вѣрить тому, что ему нравится“. Изъ броженія этихъ мнѣній, представители которыхъ погибали иногда, возбуждивъ людскую ненависть рѣзкимъ отрицаніемъ преданій и фантастическими новизнами, выработалась однако философія Хельчицеаго и социальнo-христіанская община „Чешскихъ Братьевъ“.

Это разнообразіе ученій, представляющее намъ чрезвычайно любопытное явленіе культуры XV вѣка, самими современниками было понимаемо весьма смутно. Извѣстія, сохранившіяся преимущественно отъ непримиримыхъ враговъ крайняго гуситства, изображаютъ всѣ равныя отрасли его дѣломъ одной секты, на которую цѣликомъ сваливались всѣ достойныя проклятія ереси. Одинъ простодушный лѣтописецъ тѣхъ временъ такъ передаетъ ожиданія и мнѣнія крайнихъ гуситовъ: „Говорили они, что черезъ нѣсколько дней будетъ судный день; поэтому нѣкоторые постылись, сѣдя въ тайныхъ мѣстахъ и ожидая этого дня (мнѣніе Хилиастовъ)... Эти священники говорили также, что всѣ грѣшники погибнуть, что останутся одни добрые; и поэтому безъ всякой милости жестоко убивали людей. Говорили тоже, что придетъ святая церковь въ такую невинность, что будутъ люди на землѣ какъ Адамъ

и Ева въ рай, что не будетъ одинъ другого стыдиться;.. что должны быть всѣ равными братьями между собой, а пановъ чтобы не было, и чтобы одинъ другому подданъ не былъ, и потому взяли себѣ имя „братья“... Также говорили, что придетъ и будетъ такая любовь между людьми, что всѣ вещи будутъ у нихъ вмѣстѣ и общія, также и жены; толкуя, что люди должны быть свободными сынами и дочерьми божьими, а бракъ быть не долженъ (мнѣніе *Адамитовъ*)... Говорили также о тѣлѣ божьемъ не не-христіанскѣи, и о крови божьей... и о всѣхъ иныхъ таинствахъ божіихъ, насмѣхаясь и ни во что ихъ не ставя... въ костелахъ служить не хотѣли, орнатъ и другихъ священническихъ вещей къ службѣ имѣть не хотѣли (общее мнѣніе *Таборитовъ*)... Пѣнье латинское въ костелахъ называли воемъ и лаемъ нсовъ“ и т. д. Много подобныхъ свѣдѣній сообщаетъ особенно упомянутый нами Прибрамъ въ книгѣ: *Articuli et errores Taberitatum*. Онъ съ точностію пересчитываетъ ихъ мнѣнія о второмъ пришествіи и о „царствѣ добрыхъ“, ихъ мнѣнія о внѣшней церкви, которую они отвергали со всѣми ея обрядами, какъ составляющими человѣческое установленіе, о единственномъ законѣ, заключающемся въ Писаніи, о почитаніи святыхъ и реликвій, въ которыя они не вѣрили, объ очищеніи въ будущей жизни, котораго они не признавали, объ отверженіи священническаго сословія, о постахъ, священническихъ изображеніяхъ и т. д. и т. д. Въ сущности всѣ эти вещи, только иногда преувеличенныя Таборитами (напр. чтеніе одной библіи и запрещеніе сочиненій всѣхъ докторовъ и „мистровъ“ и т. п.), были только примѣненіемъ къ дѣлу идей Гуса, напр. въ его „Трактатѣ о церкви“. Ученіе объ Антихристѣ, развитое особенно хиліастами, уже проповѣдовалъ въ XIV столѣтіи Матвѣй Яновскій. Изъ тѣхъ основныхъ положеній, которыя изложилъ Гусъ и которыя въ началѣ защищаемы были почти каждымъ изъ пражскихъ „мистровъ“, ставшихъ потомъ умѣренными калишниками, очень послѣдовательно могли быть выведены результаты, которые проповѣдавались разумнѣйшими Таборитами. Самъ Гусъ, быть можетъ, призналъ бы (съ нѣкоторыми исключеніями) своими послѣдователями скорѣе Таборитовъ, чѣмъ тѣхъ, которые изъ его ученія могли вынести только „каликъ“.

Одна изъ любопытныхъ подробностей этого практическаго выполненія первобытной церкви заключалась въ демократическомъ ожиданіи уничтоженія всякаго подданства и въ общности имѣній. На пражскомъ совѣщаніи враждебныхъ сторонъ въ 1420 г. — черезъ пять лѣтъ по смерти Гуса—уже обсуждался такой пунктъ таборитскаго ученія: „Въ Градицѣ или на Таборѣ ничего нѣтъ моего или твоего, но всѣ имѣютъ одинаково поровну; и всѣмъ всегда должно быть все общее, и никто не можетъ имѣть ничего про себя,—иначе, у кого есть что-либо про

себя, тотъ грѣшитъ смертельно". Уже годъ спустя эти коммунистическія начала были ограничены; въ 1422 г. уже нѣтъ упоминаній о „кадахъ“, поставленныхъ для собиранія общей кассы. Обстоятельства ввели раздѣленіе между „полевыми“ (военными) и „домашними“ Таборитами,—послѣдніе занимались работами и поставляли все необходимое для полевыхъ; Табориты переходили отъ боя въ ремесла, и наоборотъ. У нихъ были свои „владари“, „справщики“ и „гетманы“ и социалистическіе порядки сохранялись до послѣдняго пораженія Таборитовъ у Липанъ (1434). Папацій полагаетъ, что этотъ социализмъ былъ приведенъ Хилиастами, которые уже въ 1420 г. проповѣдовали о послѣднихъ дняхъ (*consummatio seculi*). Этотъ мнѣн о концѣ міра, появившійся уже въ первые вѣка христіанства, въ бурныя времена гуситства ожилъ снова. Люди съ разгоряченной фантазіей уже слышали о битвахъ, знали, что скоро возстанетъ народъ на народъ и царство противъ царства; они уже несли на себѣ ненависть за свою вѣру и видѣли мерзость заступнیا на мѣстѣ святѣ, предсказанную Данииломъ; появились „ложные пророки“ (такъ взаимно кормили другъ друга проповѣдники враждебныхъ сторонъ): послѣ этого естественно казалось ожидать, что явится по сказанію и „Сынъ человѣчскій“ въ своемъ могуществѣ и славѣ. Ученіе Хилиастовъ продержалось не долго, но принесло свои плоды: легковѣрные горожане и поселане продавали свои имѣнія и спасались „на горахъ“, отдавая имущество священникамъ, что произвело въ первый разъ нѣчто въ родѣ общаго имѣнія, и можетъ быть привело за собой таборитскій социализмъ. Въ 1431 уничтожена была военной силой секта „Среднихъ“ (*Mediocres*) на Моравѣ, главное мнѣніе которыхъ состояло въ томъ, „чтобы только законныя дани платить панамъ, имѣющимъ законное право, но чтобы другія несправедливыя тягости были уничтожены“. Изъ этого можно вывести, что кромѣ „среднихъ“, т.-е. умѣренныхъ, были и такіе, которые отказывались не только отъ незаконныхъ, но и отъ законныхъ тягостей,—какъ Хилиасты и ожидали. Такія же фантастическія увлеченія произвели, мало впрочемъ извѣстную, секту „Адамитовъ“ (*adamici*), которые, исходя изъ пифагорейскихъ началъ, можетъ быть наслѣдованныхъ отъ какой-нибудь средневѣковой ереси, утверждали, что нѣтъ ни Бога, ни дьявола, что они есть только въ добрыхъ и злыхъ людяхъ; находя святой духъ въ самихъ себѣ, они отвергали всякія книги и заповѣди; все имѣніе у нихъ было общее, бракъ они считали грѣхомъ,—нѣкоторые пробовали даже ходить нагими, предполагая въ себѣ райскую невинность; у нихъ принято было, наконецъ, извѣстное и нашему расколу божественное олицетвореніе, потому что какого-то Петра называли они сыномъ божіимъ, а одного селянина Микулаша—Моисеемъ... Этотъ образчикъ коммунизма напелъ врага въ Жижиѣ,

который и истребилъ ихъ небольшую общину, 1421. Самъ знаменитый Жижка, предводитель таборитскаго воинства, представлявшій политическiя возрѣнiя Таборитовъ, не знавшій различiя сословiй и врагъ феодальнаго панства, не былъ вовсе крайнимъ въ своихъ религиозныхъ мнѣнiяхъ, хотя при всемъ томъ былъ фанатикомъ своихъ убѣждений и не зналъ милосердiя къ тѣмъ, кого считалъ скртыными или явнымъ еретикомъ. Въ послѣднее время онъ уже расходился съ Таборитами, и его ближайше прiverженцы, назвавшiеся по его смерти (1424) „Сиротками“, составляли средину между настоящими Таборитами и калишниками. Они признавали спорное пресуществленiе, почитали святыхъ, употребляли при богослуженiи орнаты. По мнѣнiю Палацкаго, эти умѣренные Табориты стояли ближе всего къ настоящимъ взглядамъ Гуса.

Эту сторону чешской жизни XV вѣка приходится извѣгать только по историческимъ свидѣтельствамъ. Отъ литературной дѣятельности Таборитовъ остались только немногiе слѣды. Исторiя литературы должна тѣмъ болѣе обратить на нихъ вниманiе. И чешскiе и чужiе писатели свидѣлствуютъ, что между Таборитами было вообще много людей мыслящихъ и образованныхъ. Извѣстный Эней Сильный (впослѣдствiи папа Пiй II), который самъ посѣщалъ Таборитовъ и котораго трудно заподозрить въ пристрастiи къ нимъ, рассказываетъ, что въ Таборѣ его встрѣтили лучшiе горожане, священники и ученики, говоря по латини,—потому что „этотъ неблагородный народъ только то имѣлъ въ себѣ хорошаго, что любилъ науки“. Въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ, что передъ Таборитами „устыдились бы итальянскiе священники, изъ которыхъ едва кто-нибудь прочелъ вполнѣ Новый Заветъ, тогда какъ между Таборитами не найдется можетъ быть женщины, которая бы не сумѣла отвѣчать изъ Ветхаго и Новаго Завета“. Такiе ученые Табориты не разъ защищали свое ученiе на сходбахъ и въ полемикѣ съ пражскими „мистрами“, а для этого нужно было знать дѣло не хуже мистровъ.

Вотъ нѣсколько именъ этихъ защитниковъ таборитства. Пражскiе ученые всего чаще возставали противъ Петра Пѣна, прозваннаго мистромъ Англичаниномъ (Petr Payne, mistr Engliš). Изгнанный изъ Англiи за виклефизмъ, Пѣнъ нашелъ убѣжище въ Прагѣ, сдѣлался тамъ мистромъ и съ тѣхъ поръ остался въ Чехiи. Онъ былъ собственно единственнымъ настоящимъ представителемъ виклефизма у Чеховъ, которые вообще воспользовались этимъ ученiемъ весьма самостоятельно. Въ защиту Виклефа Пѣнъ написалъ нѣсколько трактатовъ, разсѣянныхъ по библиотекамъ. Изъ туземныхъ писателей въ особенности замѣчательнъ былъ молодой священникъ Мартинъ Гуска (называемый также Локвись, также Мартинекъ, или Мартинъ Моравецъ;

сожженъ 1421), изъ сочиненій котораго уцѣлѣли только небольшіе отрывки, напр., у Прибрама. Изъ сохранившихся свидѣтельствъ можно видѣть, что этотъ еретикъ, сожженный вмѣстѣ съ его послѣдователемъ Канишемъ, отличался особенной энергіей и рационалистической простотой своихъ богословскихъ понятій: „мы много говорили съ нимъ о томъ и о другомъ, — говорить о немъ Хельчицкій, — и онъ сказалъ передъ нами, что на землѣ будетъ царство святыхъ, и что добрые не будутъ больше терпѣть, и что еслибъ христіанамъ приходилось такъ терпѣть всегда, — я бы не хотѣлъ быть божьимъ слугою, — такъ онъ говорилъ“. Изъ историческихъ свидѣтельствъ можно заключить, что Мартинъ былъ изъ наиболѣе передовыхъ нововодителей въ Таборѣ: „я благодарю моего Бога, — писалъ онъ къ таборскимъ братьямъ, — что онъ освободилъ меня отъ заблужденій, и я весело ожидаю теперь смерти“. Въ своихъ мнѣніяхъ о пресуществленіи онъ сходилъ со всѣми радикальными Таборитами, не признавалъ „волдовскихъ обычаевъ“ и старался объяснить ихъ здравымъ смысломъ. Стремленія его направлялись къ такому общественному устройству, которое цѣль жизни ставитъ въ самой жизни. Нѣкоторые историки того времени считаютъ его начинателемъ и распространителемъ секты Хилиастовъ, но по мнѣнію другихъ, его рационализмъ былъ измѣненъ уже его послѣдователями, которые придали ему фантастическій характеръ. Изъ многихъ „живыхъ пророковъ“, упоминаемыхъ старыми лѣтописцами, упомянемъ еще нѣкоторыхъ, оставившихъ какуя-нибудь литературную память. Таковъ былъ, напр., священникъ Вилемъ, который женился въ Таборѣ и выступилъ противъ пражской партіи: отъ него осталась любопытная историческая записка о тогдашнихъ событіяхъ. Прибрамъ упоминаетъ, что Янъ Чапекъ, одинъ изъ воинственныхъ священниковъ гуситства, издалъ „кровожадный трактатъ“, въ которомъ „многими книгами Ветхаго Завѣта доказывалъ всѣ тѣ (гуситскія) свирѣпости, совѣтуя и приказывая, чтобы ихъ всѣ совершали, не задумываясь“. Табориты въ самомъ дѣлѣ и не щадили еретической крови. Этотъ Чапекъ, вмѣстѣ съ упомянутымъ Ловвисомъ, Бискупцемъ, Корандой, Маркольтомъ изъ Збраславицы, принадлежалъ къ главнымъ основателямъ таборитскаго ученія ¹⁾. Ольдрихъ изъ Знойма и Петръ Нѣмецъ Жатецкій (священникъ у „Сиротокъ“) были послами на базельскомъ соборѣ и написали: первый — рѣчь въ защиту пунктовъ о свободной проповѣди слова Божія (въ „Актахъ“ базельскаго собора), второй — дневникъ о переговорахъ чешскихъ пословъ на базельскомъ соборѣ 1433 и др. Выше всѣхъ ихъ стоитъ Николай изъ Пельгржимова,

¹⁾ Онъ сложилъ также пѣсню: «Dietky, Bohu zpievajme». См. Rukověť, I, 181; Památky archeolog. a místopisné, 1878.

по прозванію Вискупецъ (Mikulaš z Pelhřimova, ум. 1459, въ подѣбрадской тюрьмѣ). Онъ еще въ 1409 былъ бакалавромъ свободныхъ искусствъ; человекъ ученый и серьезный, онъ съ самаго начала шелъ дальше другихъ пражскихъ мистровъ и, наконецъ, совершенно отдѣлился отъ нихъ, къ Таборитамъ. Разногласіе мнѣній въ Таборѣ побудило его искать сближенія съ умѣренными, чѣмъ онъ надѣялся устранить окончательное распаденіе свободной чешской церкви,—но сближеніе не состоялось и вскорѣ мы снова встрѣчаемъ его въ открытой борьбѣ съ мистрами, особенно съ Прибрамомъ. Къ сожалѣнію, сочиненія его вполнѣ не сохранились; всего важнѣе изъ уцѣлѣвшаго латинская *Chronica continens causam sacerdotum Taboriensium*, до 1443, которой онъ былъ авторомъ или продолжателемъ. Упоминаются и другія его сочиненія, напр., трактатъ противъ крайняго Таборита Каниша, противъ Хельчицаго, Рокицаны и др. ¹⁾ Священникъ Янъ Лукавецъ, которому приписываютъ начало хроники Вискупца, написалъ также сочиненіе противъ Рокицаны и Пражанъ: „*Confessiones Taboritarum contra Rokicanum et alios theologos Pragenses*“, около 1431 (изд. въ Valdencia, Базель, 1668). Наконецъ, знаменитый въ таборитской военной жизни священникъ Вацлавъ Коранда старшій. Онъ былъ священникомъ въ Пильзенѣ, уже рано оказался неукротимымъ агитаторомъ и больше дѣйствовалъ своимъ вызывающимъ краснорѣчіемъ, нежели сочиненіями. Въ 1419 онъ отправился изъ своего города на происходившую тогда народную сходку и за нимъ пошла цѣлая толпа его послѣдователей, мужчинъ и женщинъ. На сходкѣ онъ возбуждалъ народъ къ защитѣ, потому что непріатели его умножились: „виноградникъ прекрасенъ вацвѣль, но подходить и возли, чтобы оборвать его“,—поэтому и ходить нужно было уже „съ мечомъ въ рукахъ, а не съ дорожной палкой“. Онъ самъ отправился на Таборъ, и сталъ однимъ изъ ревностнѣйшихъ проповѣдниковъ борьбы, сопровождая таборскія воинства и возбуждая ихъ мужество своимъ бурнымъ краснорѣчіемъ. Объ его писаніяхъ извѣстно только, что они были; напр., въ 1421 г. онъ написалъ трактатъ противъ Якуба. Во время реакціи (1437) ему запрещено было проповѣдовать и подѣ страхомъ утопленія показываться гдѣ-нибудь, кромѣ Табора; въ 1451 онъ жилъ еще въ Таборѣ, гдѣ диспутовалъ съ нимъ Эней Сильвій, назвавшій его въ своихъ запискахъ: *Venceslaus Koranda, vetus diaboli municipium*. Въ 1452, когда Таборъ былъ покоренъ Юріемъ Подѣбрадомъ, Коранда съ другими главными таборитскими священниками былъ взятъ и до конца жизни пробылъ въ заключеніи.

¹⁾ *Chronica* издана въ XVI стол. Илариномъ Флаціемъ при *Confessio Waldensium*, а теперь въ Гёфлеровыхъ *Geschichtschreiber der hussitischen Bewegung*. Ему принадлежатъ пѣсни: «O Jesu Kriste, synu matky čisté».

Литературная исторія гуситства дополняется множествомъ актовъ, посланій, постановленій общинъ, манифестовъ религіозныхъ партій, частныя писемъ, которые чрезвычайно важны для исторіи и отражаютъ оживленное движеніе времени. Нѣкоторые изъ этихъ памятниковъ отличаются чрезвычайной яркостью своего характера, напр. многія народныя воззванія и частныя посланія, между которыми замѣтно выдѣляются нѣсколько посланій знаменитаго таборитскаго вождя Яна Жижки изъ Троцнова (поздѣе, з Kalicha, ум. 1424), въ которыхъ онъ дѣйствуетъ на религіозное и народное чувство Чеховъ, напоминая имъ старыя предковъ, которые „бились и за божіе дѣло и за свое“, и требуетъ, чтобы они готовы были каждую минуту, „потому что уже пришла пора“.

Выше указано, какъ тѣсно дѣло чешской народности связано было съ гуситскимъ движеніемъ. Съ уходомъ Нѣмцевъ изъ университета и развитіемъ гуситства, народность чешская выигрывала больше и больше политической и общественной силы. Въ артикулахъ, поданныхъ отъ чешской земли королю Сигизмунду (1419), говорится уже, чтобы чужеземцы, свѣтскіе и духовные, не были допускаемы ни въ какія земскія достоинства и должности, чтобы Чехи вездѣ въ королевствѣ и въ городахъ имѣли первый голосъ. Въ этомъ случаѣ трудно обвинять Чеховъ въ нетерпимости, потому что въ Нѣмцахъ они справедливо видѣли защитниковъ привилегій, церкви и деспотизма, и потому что съ другой стороны имъ тоже не оказывали терпимости: Чехи слыли за еретиковъ и сіенскій соборъ въ 1423 запрещалъ даже всему католическому христіанству „не только купеческія сношенія съ гуситскими Чехами, но и всякія мирныя сообщенія съ ними“. Чешскій языкъ овладѣлъ, наконецъ, не только проповѣдью, но и богослуженіемъ, — что было важной побѣдой, потому что противорѣчило всѣмъ преданіямъ католицизма. Если послѣ этой побѣды народности литература не развила сильнаго поэтическаго и научнаго содержанія, — это понятно въ эпоху, когда жизнь была поглощена борьбой, не дававшей времени сосредоточиться. При всемъ томъ мы видимъ значительный успѣхъ научныхъ интересовъ, развитіе философскаго раціонализма и попытки основать демократическія стремленія гуситства не на хиліастическихъ фантазіяхъ, а на разумномъ пониманіи общественныхъ отношеній.

Переходимъ въ другимъ направленіямъ литературы. Въ разгарѣ гуситскаго движенія вопросы религіозные и общественные стали въ литературѣ на первомъ планѣ. Чешская поэзія, повидимому, забыла романтическіе сюжеты, и стала сама отголоскомъ богословскаго и политическаго памфлета. О томъ, что происходило въ области народной поэзіи, трудно сказать за недостаткомъ свидѣтельствъ; иногда только

лѣтописи и латинскія стихотворенія упоминаютъ о веселыхъ и сатирическихъ народныхъ пѣсняхъ, ходившихъ въ это время и очевидно уже новыхъ. И у Чеховъ очень распространилась средневѣковая мода на латинское стихотворство. Студенты университета сочиняли латинскія пѣсни въ свое удовольствіе, съ нѣкоторымъ юморомъ, но очень общаго содержанія; одна, еще до-гуситская, нападаетъ сильно на духовныхъ; другія, гусовскихъ временъ и послѣ, писанныя видимо католиками, жалуются на людскую испорченность и неуваженіе къ духовенству (*Monachis, fratribus, ac monialibus, Christi virginibus, ceteris fidelibus vivere nilescit... Clerici nonnulli, laicales populi facti sunt scismatici, per libros heretici Wycleff condemnati* и пр.), проклинаютъ Гуса и Виклефа и сравниваютъ Жижку съ Иродомъ. Большая латинская поэма о побѣдѣ Чеховъ у Домажлицъ надъ войскомъ пятаго крестоваго похода противъ нихъ, въ 1431, была написана Лаврентіемъ изъ Бржезова (1767 стиховъ). Были наконецъ латинскія сатиры въ стихахъ и въ прозѣ, напр., замѣчательная *Coronae regni Bohemiae Satyra in regem Ungariae Sigismundum* 1420 г., написанная чешскимъ патриотомъ. Были сатиры противъ короля Вацлава и гуситовъ, напр., *Investio satyrica in regem et proceres viam Viklef tenentes*, 1417, и мн. др. Сатира и сатирическая пѣсня, вызванная событіями дня, съ началомъ гуситскаго движенія являются и на чешскомъ языкѣ, и смѣняютъ ту неопредѣленную сатиру правовъ, о которой мы упоминали прежде, а вмѣстѣ съ тѣмъ, вѣроятно, вытѣсняютъ и старую народную поэзію. То и другое должно было уже старѣть за это бурное время.

Новая пѣсня, сочиненная и полу-народная, говорила о событіяхъ, которыя привлекали общее вниманіе; была отголоскомъ религіознаго и воинственнаго энтузіазма; наконецъ, по поводу непосредственныхъ событій, получила рѣзкій характеръ раздраженія и насмѣшки, которыя замѣняли поэтическое вдохновеніе. Такъ, уже рано появились рижованные памфлеты, напр., при самомъ началѣ движенія противъ „мистра Збышка“ (архіепископа), велѣвшаго сжечь Виклефовы книги. Старый лѣтописецъ замѣчаетъ, что „когда архіепископъ спалилъ книги, то мистръ Гусъ разгнѣвался и нѣкоторые студенты также стали гнѣваться и складывать о немъ пѣсню“. Какъ сильно распространились подобныя пѣсни, показываетъ строгій запретъ, изданный противъ нихъ королемъ Вацлавомъ. Новыя событія вынуждали новыя насмѣшливыя и злостныя пѣсни, которыя пѣлись на улицахъ и обходили всю Чехію. Такимъ образомъ, пѣсни отмѣтили много событій гуситской исторіи, начиная еще съ самыхъ временъ Гуса, борьбу съ Сигизмундомъ, котораго не разъ вѣрно характеризовала гуситская пѣсня (напр., о побѣдѣ надъ Сигизмундомъ у Вышеграда, 1420 и друг.). Не мудрено,

что всего больше было пѣсенъ и цѣлыхъ длинныхъ стихотвореній противъ римской церкви, приверженцы которой отвѣчали тѣмъ же оружіемъ и писали цѣлыя поэмы о гуситскихъ ересяхъ ¹⁾. Одно изъ такихъ стихотвореній (въ 485 стиховъ), укоряя гуситовъ въ разныхъ ихъ заблужденіяхъ, увѣряетъ, что первымъ желаніемъ гуситовъ было—грабить другихъ людей и особенно духовенство (гуситскія проповѣди объ отнятіи имѣній у духовныхъ), приводитъ противъ нихъ церковныя свидѣтельства и даетъ, между прочимъ, любопытное указаніе о народномъ происхожденіи гуситской общины: гуситы утверждаютъ, что они понадѣляли проповѣдниковъ изъ самыхъ простыхъ людей, изъ сапожниковъ, портныхъ, мясниковъ, мельниковъ и всякихъ другихъ рабочихъ и ремесленниковъ, и „také sú ženam kázati kázali“ — разрѣшили проповѣдывать даже женщинамъ; это послѣднее подтверждаетъ и Эней Сильвій. Иныя обвиненія со стороны католическихъ сатириковъ были и очень несообразительны: „Ale jakož se z kalichu parijeti ročechu,—говорили они наприимѣръ,— tak se krásti, pálliti, moždovati jechu“... Подобныя стихотворенія составляютъ наконецъ переходъ къ римованной хроникѣ; напр. пѣсня о славной для Чеховъ побѣдѣ гуситской при Устьѣ 1426, написанная ревностнымъ патриотомъ, знавшимъ подробности дѣла, называетъ по именамъ всѣхъ главныхъ героевъ этой битвы и описываетъ ихъ подвиги.

Наконецъ сохранилась военная пѣсня гуситовъ, очень популярная у новѣйшихъ чешскихъ патриотовъ, начинающаяся словами:

Kdož ste boží bojovníci
a zákona jeho,
prostěť od Boha pomoci
a doufejte v něho,
že konečně s ním vídycy zvítězíte...

Эта пѣсня, которую прежде приписывали самому Жижкѣ, характерное выраженіе религіознаго ожесточенія, сначала передаетъ вкратцѣ военныя правила гуситской битвы и потомъ возбуждаетъ мужество воиновъ, убѣждаетъ ихъ не смотрѣть на то, что ихъ только горсть противъ множества непріятелей, и кончаетъ воззваніемъ:

a tím vesele zkfikněte,
řkouc: Na ně! hrr na ně!
bran svou rukama chutnejte,
Bůh náš Pan! vzkřikněte,
bíte, zabíte,
žádného neživte ²⁾!

¹⁾ Старая латинская хроника говоритъ: Cantabant Viclefistae, componentes cantiones novas contra ecclesiam et ritus catholicos, seducentes populum simplicem, et e converto catholici contra eos...

²⁾ Настоящимъ авторомъ этой пѣсни называютъ Богуслава изъ Чехтиць. См. «Выборъ», II, 283; Rukověť, I, 133.

Наконецъ духовныя пѣсни: значительная часть ихъ происходила еще изъ стараго періода, потому къ нимъ присоединилось множество новыхъ, возникшихъ изъ новыхъ направленій религіозной жизни; любопытны въ особености духовныя пѣсни гуситовъ ¹⁾.

Римованныя хроники этихъ временъ обыкновенно не имѣютъ ни поэтическаго, ни историческаго значенія. Въ послѣднемъ отношеніи важнѣе историческія записки или настоящія хроники, которыхъ осталось значительное количество. Часто это бывали коммемлятивныя работы, начинаемы однимъ, продолжаемыя и списываемыя другими: вообще лѣтописи этого времени считаются продолженіемъ хроникъ Пулкавы и Бенеша изъ Горжовицъ ²⁾. Онѣ во всякомъ случаѣ чрезвычайно важны для исторіи гуситскихъ временъ, отличаются иногда большою живостью разсказа, иногда очень безцвѣтны. Замѣчательны, напр., разсказъ упомянутаго выше Вилема о смерти Яна Желинскаго, 1422, о походѣ Жижки въ Венгрію, 1423, гдѣ подробно объясняется и военная система Жижки. Къ числу лучшихъ источниковъ для исторіи того времени принадлежитъ латинская хроника Лаврентія изъ Бржезоны (Vavřines z Březové, род. 1370, ум. послѣ 1437, по Юнгманну 1455). Ученый пражскій мистръ, служившій потомъ при дворѣ Вацлава IV, человѣкъ съ многосторонними знаніями, близко видѣвшій событія, онъ былъ способенъ написать исторію своего времени. Лѣтопись его обнимаетъ только 8 лѣтъ (1414 — 1422, *Historia de bello Hussitico*), но тѣмъ не менѣе принадлежитъ къ важнѣйшимъ памятникамъ чешской историографіи. Она долго была любимымъ чтеніемъ и еще въ старину переведена на чешскій языкъ. „Исторія“ написана съ точки зрѣнія партіи; Лаврентій былъ строгій калишникъ и возстаетъ противъ Таборитовъ, Оребитовъ и вмѣстѣ противъ католиковъ. Къ Таборитамъ онъ былъ несправедливъ и не понималъ ихъ стремленій, — какъ, впрочемъ, всѣ почти ихъ противники ³⁾. Какъ латинскій хронистъ извѣстенъ былъ также Бартошекъ (Bartoš или Bartošek z Drahytic), хроника котораго обнимаетъ время 1419—1443 г. и имѣетъ потомъ чешскія дополненія до 1464 г., вѣроятно другого автора. Этотъ слуга

¹⁾ О старыхъ свѣтскихъ пѣсняхъ см. Фейфалика, *Alt-čechische Leiche, Lieder und Sprüche*, въ Запискахъ вѣнской академіи 1862. Всего чаще бывали авторами ходячихъ пѣсенъ школьники, такъ называемые «ваганты». Далѣе, въ «Выборѣ», т. II; у Гануша, *Malý Vybor*, стр. 98 — 99. О пѣсняхъ гуситскихъ: *Vrt'átko, Zlomky tábořské*, *Čas. Mus.* 1874, 110 — 124; *M. Kolář, Písně husitské, Památky Arch.* IX, 825 — 834; ср. Zahn, *Die geistlichen Lieder der Brüder in Böhmen, Mähren und Polen. Nürnberg.* 1874. О поэзіи духовной см. особенно Іос. Иречка, *Dějiny církev. básnictví českého, Прага* 1878.

²⁾ Ср. Палацкаго, *Stati lětopisové, Würdigung*, и новыя изслѣдованія о гуситской эпохѣ.

³⁾ Лаврентій упомянутъ выше какъ латинскій стихотворецъ; онъ перевелъ также очень популярное тогда «Путешествіе Магдалины» (*Costa po avěte*; изд. изъ Пльзеня 1510 и часто послѣ).

Сигизмунда, католикъ и роялистъ, понимаетъ вещи также весьма ограниченномъ образомъ. Выше упомянуты записки Петра изъ Младеновицъ о Гусѣ и Иеронимѣ Пражскомъ.

Наконецъ въ числѣ исторически замѣчательныхъ памятниковъ упомянемъ еще произведение, носящее имя Жижки, его *Военное устройство* (съ латинскимъ заглавиемъ: *Constitutio militaris Joannis Žižka, 1423*): оно вышло съ именемъ Жижки и всѣхъ главныхъ начальниковъ, Рогача изъ Дубы, Альша изъ Ривенбурка, Бочка изъ Кунштата и друг. Книга, назначенная для таборитскаго войска, начинается религиознымъ размышленіемъ и увѣщаетъ народъ прежде всего въ себѣ самихъ разрушить смертельные грѣхи, чтобы разрушать ихъ потомъ на короляхъ и князьяхъ, панахъ и горожаныхъ и т. д., „никакихъ лицъ не исключая“... Требуя строгаго исполненія правилъ подъ оригинально выраженными угрозами, эти военныя постановленія высказываютъ и равенство передъ закономъ.

Въ первой половинѣ XV вѣка написаны были записки о Жижкѣ: „*Kronika velmí rěkná o Janovi Žižkovi*“, которую ошибочно приписывали болѣе позднему летописцу Кутену ¹⁾.

Съ несчастной битвой у Липанъ (1434), когда городское и народное войско было разбито феодальной партией, демократія и свободная церковь Таборитовъ потеряли свою силу и вліяніе; феодализмъ и католичество могли думать о возвращеніи потеряннаго преобладанія. Идеи Таборитовъ еще продолжали жить, но положеніе Табора вообще было трудное; ему приходилось защищать свое существованіе отъ возраставшей реакціи; въ 1452 Таборъ былъ окончательно покоренъ Подѣбрадомъ. Для самой Чехіи, которая въ половинѣ XV столѣтія приобрьла короля-патріота въ Юри Подѣбрадѣ (съ 1452 „справца“ государства, съ 1458 король), при всѣхъ политическихъ успѣхахъ шелъ вопросъ о народной и политической независимости.

Чешская народность въ это время еще стояла высоко: латынь больше и больше уступала чешскому языку: многіе вліятельные люди того времени не знали по-латыни, напр. кромѣ стараго Жижки, Юрій Подѣбрадъ, Циборъ изъ Цимбурка и др. Католики продолжали видѣть вредъ въ господствѣ чешскаго языка и ратовали за церковную латынь: Павелъ Жидекъ, одинъ изъ извѣстнѣйшихъ писателей этой партіи, положительно утверждалъ, что благо государства достигается именно различіемъ языковъ. Съ другой стороны, патріоты, какъ Викторинъ изъ Вшегордъ, находили, что во главѣ управленія должны

¹⁾ Издаана въ упомянутой книгѣ Яр. Голла: *Vypsaní o Mistru Jeronymovi, etc* Прага, 1878.

быть одни Чехи, а Нѣмцы должны быть просто изгнаны изъ страны, „какъ было при священной памяти (старо-чешскихъ) князьяхъ“.

Этотъ спорный пунктъ, вмѣстѣ съ спорными пунктами религии и политики, продолжаетъ господствовать въ литературѣ второй половины XV столѣтія. Историческіе памятники этого времени продолжаютъ въ тѣхъ же направленіяхъ, латинскомъ и чешскомъ, реакціонномъ и гуситскомъ. Изъ латинскихъ хроникъ особенно извѣстны: *Chronica Procopii notarii Novae civitatis Pragensis* 1476, — этому Прокопу, католику, но кажется недругу Нѣмцевъ, принадлежать и отрывокъ римованной чешской хроники; *Nicolai de Bohemia* (Mikuláš Cech, въ половинѣ XV вѣка), *Chronicon Bohemiae*; здѣсь можетъ быть упомянута и книга, написанная по личному знакомству съ Чехіей Энеемъ Сильвіемъ Пикколомини, *Historia bohemia*, до 1458 г. (Римъ 1475 и друг.), переведенная на чешскій Николаемъ Коначемъ (Прага, 1510 и др.) и еще раньше Яномъ Гуской, въ 1487; далѣе *Chronica Taborensum*, до 1442. Чешскія историческія книги этого времени не отличаются особыми достоинствами. Большой плодovitостью отличался Павель Жидекъ (по латыни *Paulus Pauliginus* или *Paulus de Praga*, Еврей, род. 1413, ум. около 1471): ему принадлежитъ „Всеобщая исторія“ (въ ней и чешская), составляющая часть его „Справовны“, книги объ обязанностяхъ короля, писанной имъ для Юрія Подѣбрада, и наконецъ огромная латинская энциклопедія „*Liber viginti artium*“, которая приписывалась у Поляковъ знаменитому пану Твардовскому, и друг. Человѣкъ, крайне неуживчивый въ жизни, не особенно правдивый и самохвалъ, Жидекъ и въ сочиненіяхъ своихъ также не былъ особенно совѣстливъ и въ сущности былъ сторонникомъ крайней политической и религіозной реакціи ¹⁾. Такимъ же приверженцемъ ея былъ Гиларій Литомержицкій (1413 — 1469), сначала утравкистскій членъ университета, потомъ отпавшій въ Италию къ католической партіи. Въ его латинскихъ и чешскихъ книгахъ и рѣчахъ памфлетахъ противъ калишниковъ, напр. противъ Рокиданы, одинаково господствуетъ ультрамонтанская ограниченность; современники прозвали его апостатомъ и „недоукомъ“. Гиларій прямо проповѣдовалъ, что папа есть владыка всѣхъ странъ и свѣтскія власти обязаны только наблюдать за исполненіемъ его воли; если же свѣтская власть сама возстаетъ противъ папской воли (какъ у Чеховъ), то шляхта (т.-е. католическая) имѣетъ право изгнать эту власть.

Гуситская и народная сторона имѣла свои рѣзкія и характерныя выраженія въ историческихъ сочиненіяхъ этого времени. Кромѣ того, что заключается въ „Старыхъ лѣтописяхъ“, собранныхъ Палацкимъ,

¹⁾ См. объ его энциклопедіи въ «Часовникъ», 1887, 1889. Отрывки изъ «Справовны», въ «Выборъ», II.

особенно любопытны прибавки къ Далмиловой хроникѣ, написанныя около 1439: „Ročinná se krátké sebrání z kronik českých k vystraze věrných Čechův“. Это „собрание“ проникнуто патриотическимъ стремленіемъ къ охранѣ народности и имѣло кромѣ того спеціальную цѣль дѣйствовать противъ избранія въ короли Нѣмца. Вражда къ Нѣмцамъ была у неизвѣстнаго автора сознательной системой, которую онъ оправдывалъ исторически: „Чехи должны усердно заботиться и со всѣмъ стараніемъ остерегаться, чтобы не впасть въ употребленіе чужого языка, а особенно нѣмецкаго; потому что, какъ *свидѣтельствуютъ чешскія хроники*, этотъ языкъ есть наилютѣйшій къ пораженію языка чешскаго и *славянскаго*“. Хотя авторъ не совсѣмъ правдоподобно утверждаетъ, что уже при созданіи вавилонской башни Нѣмцы враждовали противъ Славянъ и что Александръ Македонскій далъ грамоту славянскому языку, но современныя отношенія своей народности онъ понималъ довольно хорошо и, рекомендуя соотечественникамъ любить божію кровь, т. е. калихъ, предостерегалъ отъ пановъ и духовенства. Изъ ревностныхъ калишниковъ извѣстенъ былъ въ это время своими чешскими полемическими трактатами Вацлавъ Коранда младшій (Wenceslaus Korandiceus, род. около 1424, ум. 1519), важнѣйшимъ трудомъ котораго былъ историческій рассказъ о посольствѣ Подѣбрада въ Римъ: Poselství krále Jiřího ¹⁾. Весьма любопытно своими подробностями описаніе другого посольства Подѣбрада—къ французскому королю Людовику XI, 1464 года: изъ этого описанія можно видѣть, между прочимъ, какую ненависть встрѣчали Чехи почти вездѣ въ Германіи въ простомъ народѣ, благодаря еретической репутаціи, созданной имъ католиками.

Вторая половина XV столѣтія принесла двѣ новыя образовательныя силы—книгопечатаніе и гуманизмъ, развивавшійся подъ вліяніемъ „Возрожденія“. То и другое не могло не подѣйствовать на литературу, расширяя объемъ и измѣняя характеръ образованія, но вмѣстѣ съ тѣмъ гуманизмъ и удалялъ умы отъ прежняго движенія, болѣе энергически стоявшаго за національные интересы.

Типографское искусство развилось у Чеховъ съ большимъ успѣхомъ. Первой печатной чешской книгой считается *Тролнская исторія*, напечатанная въ Пльзень, 1468. Но чешскіе историки находили, что хорошее исполненіе этого изданія должно предполагать предыдущіе, менѣе совершенные опыты. Изданіе гуситской пѣсни: „Chceme-li v Bohem byti“ съ 1441 годомъ, *вновь* напечатанной въ 1618, за-

¹⁾ См. «Выборъ», II. Списокъ его сочиненій и біографія въ «Rukověť», I, 392—396.

ставило предполагать, что первое издание было сделано в 1441. Чешский индекс запрещенных книг, составленный иезуитами в позднейшую эпоху гонений, приводит несколько таких старых дат, между прочим „Послание из Констанца мистра Яна из Гусинца“, с 1459 годом. Первые типографы все носят чешские имена: это опять давало повод думать, что чешское книгопечатание было как будто независимо от немецкого. Было даже предположение, которому верили ревностные славянские патриоты из Чехов и Русских, что сам Гуттенберг был „Ян Кутногорский“... Как бы то ни было, книгопечатание распространилось в Чехии очень быстро: пльзенская типография служила католикам, пражская и кутногорская (1488) — иудеям; болеславская (1500) Чешским Братьям и т. д. Полемическая литература того времени дала обильную работу этим типографиям, и распространение книгопечатания было особенно заслугой Чешских Братьев.

Тагъ называемый *гуманизмъ*, изучение классических языков и литературъ, началъ распространяться у Чеховъ со второй половины XV вѣка, при Юри Подѣбрадѣ. Въ 1462 Григорій Пражскій (иначе Castulus, Naštalský, ум. 1485) началъ въ университетѣ лекціи о латинскихъ античныхъ писателяхъ. Съ его смертію, въ университетѣ классическія изученія упали, но духъ времени оказывалъ свое влияние и число гуманистовъ опять возрасло. Янъ изъ Рабштейна, проведеній нѣсколько лѣтъ въ Италиі при папскомъ дворѣ, возвратился домой съ приобретенными тамъ классическими знаніями. Въ Пестѣ основалось ученое общество Danubiana, гдѣ соединались ученые Австріи, Венгрии и Чехіи. Но главнымъ образомъ гуманизмъ сдѣлалъ успѣхи въ царствованіе Владислава II, когда съ усиленіемъ католичества въ Чехіи начались болѣе тѣсныя связи съ Италией.

Въ концѣ XV и началѣ XVI вѣка классицизмъ имѣлъ уже много замѣчательныхъ представителей, каковы были, напр., Ладиславъ изъ Восковицъ, Турзо, Августинъ Оломуцкій, Янъ Шлекта, но въ особенности Богуславъ Гашинштейнскій изъ Лобковицъ (1462 — 1510). Хотя большая часть сочиненій Богуслава изъ Лобковицъ писана по латини, онъ имѣетъ важное мѣсто въ чешской литературѣ, какъ распространитель классицизма. Одно время онъ былъ калишникомъ, но потомъ сталъ ревностнымъ католикомъ. Свое классическое образованіе онъ получилъ въ Германіи и Италиі, имѣлъ потомъ почетное мѣсто при дворѣ и усердно занимался литературой. Его латинская сатира: „Жалоба св. Вацлава на нравы Чеховъ“, 1489, свидѣтельствуетъ о патриотизмѣ автора и представляетъ интересныя черты времени. Богуславъ былъ также знаменитъ какъ путешественникъ: отправляясь въ Иерусалимъ, онъ посѣтилъ Аравію, Египетъ, Малую Азію, Архие-

лагъ, Грецію, Сицилію, Африку и т. д. Братъ его Янъ также путешествовалъ въ далекія странствія... Богуславъ вывезъ между прочимъ и большое собраніе классическихъ авторовъ, въ книгахъ и рукописяхъ. Домъ его походилъ на академію. Но вся его ученость и многія истинно гуманныя начала, вынесенныя имъ изъ классиковъ, не избавили его отъ крайней отсталости въ религиозныхъ вещахъ: требуя гражданской свободы, осмѣивая аристократическія претензіи и т. д., онъ не замѣчалъ, что его ультрамонтанство стоитъ въ прямомъ противрѣчій всѣмъ этимъ добрымъ пожеланіямъ ¹⁾. Классическая ученость не освѣжила и другихъ головъ, напр. Станислава Турзо, епископа оломуцкаго, и Августина Оломуцкаго (Kaesenbrot), которые были непримиримыми врагами начавшейся тогда реформаціи. Латинъ была такъ распространена, что даже двѣ женщины были латинскими писательницами. Одна, панна Марта, написала „Excusatio Fratrum Valdensium contra binas literas Doctoris Augustini datas ad regem“, 1498, въ защиту реформы: упомянутый Августинъ и Богуславъ были крайне раздражены этимъ ученымъ и остроумнымъ памфлетомъ, и Богуславъ написалъ сатиру на его автора! Другая, Іоганна, изъ рода Восковицъ, была также дама ученая: она принадлежала, кажется, къ „Братской Общинѣ“, и ученые мораване Бенешъ Опатъ и Петръ Квель посвятили ей свой переводъ „Новаго Завѣта“ (съ латинскаго перевода Эразма Роттердамскаго; изд. 1555).

По смерти Григорія Пращскаго классицизмъ, какъ выше замѣчено, пришелъ въ упадокъ въ пражскомъ университетѣ. Кто искалъ классическихъ изученій, должны были отправляться въ университеты иноземныя, въ Болонью, Падую, а впоследствии въ Витгенбергъ, особенно когда тамъ дѣйствовалъ Филиппъ Меланхтонъ. Со времени Фердинанда I, когда установилось въ Чехіи нѣкоторое спокойствіе, гуманизмъ снова сталъ расширяться. Въ 1542 Матвѣй Колинскій (ум. 1566) началъ читать въ пражскомъ университетѣ о латинской и греческой литературѣ, и греческій языкъ введенъ былъ даже въ преподаваніе городскихъ школъ. Латинъ распространялась; бывали меценаты, ее поощрявшіе, и къ концу XVI вѣка не было въ Чехіи города и мѣстечка, гдѣ бы не нашлись люди съ классическимъ образованіемъ. Вторая половина XVI столѣтія ознаменована обширной массой латинскаго стихотворства, которое достигло высшаго процвѣтанія при Рудольфѣ II. Одинъ меценатъ того времени издавалъ цѣлые сборники латинскихъ стихотвореній, подъ названіемъ „Farragines“; за ними слѣдовали другіе подобныя сборники стиховъ на разные случаи, частныя и обществен-

¹⁾ К. Винаржикій сдѣлалъ переводы изъ его сочиненій и написалъ біографію: Pape Bohaslava Hasištejnského z Lobkovic věk a Spisy vybrané, Прага, 1886. Ср. газету «Narod», 1864, № 111—114; Ис. Тругларжа, въ «Часописъ», 1878.

ные. Изъ множества тогдашнихъ латинистовъ наиболѣе извѣстны были: Матвѣй Колинскій, Янъ Шентигаръ изъ Гвождянъ (ум. 1554), Симонъ Fagellus Villaticus (ум. 1549), Vitus Trajanus Жатецкій (ум. 1560), Янъ Бальбинъ (ум. 1570), Давидъ Crinitus изъ Главачова (ум. 1586), Провопъ Лупачъ (ум. 1587), Petrus Codicillus изъ Тулехова (ум. 1589), Томашъ Mitis (ум. 1591), Янъ Samranus изъ Воднанъ (ум. 1622) и проч. Какъ видно изъ приведеннаго списка, эти классики передѣлывали и свои имена на латинскій языкъ: Mitis былъ собственно Tichý, Codicillus—Knížek, Crinitus—Vlasák и т. п.

Чешскій гуманизмъ уже съ самаго начала представлялъ два несходныя направленія. Одни, чистые гуманисты, находили единственный интересъ въ самой латыни; но у другихъ классицизмъ не былъ цѣлью, а только средствомъ для усовершенствованія собственной литературы. Одни, часто рьяные католики, бывали равнодушны и къ успѣхамъ чешской народности и литературы; другимъ никакъ не приходило въ голову, что мертвая латынь можетъ замѣнить родной языкъ, классицизмъ служилъ имъ для обогащенія ихъ собственной литературы, — къ нимъ примыкали и вообще защитники своей народности.

Во главѣ дѣятелей этого послѣдняго рода ставятъ обыкновенно двухъ писателей, которые оба не были спеціально гуманистами, одинъ въ особенности, но которые прямѣе и сильнѣе другихъ представляли чисто національную сторону тогдашней литературы и ревностно защищали права народнаго языка. Имена Викторина изъ Вшегордъ и Цибора изъ Цимбурка принадлежать къ числу знаменитѣйшихъ именъ въ исторіи чешскаго права. Главныя произведенія ихъ посвящены были земскому юридическому быту, который въ это время вообще находилъ дѣятельныхъ объяснителей. Тревожныя времена гуситства, таборитскихъ войнъ и т. д. нарушали порядокъ юридическихъ отношеній, которымъ угрожало то право сильнаго, то социалистскія теоріи, такъ что естественно могла явиться мысль объ укрѣпленіи понятій права. Оттого конецъ XV и начало XVI вѣка богаты литературой юридической. Таковы, напр. „Земскіе уставы королевства чешскаго при королѣ Владиславѣ“ 1500 г., „Книга Товачовская“ Цибора, „Девять книгъ о правахъ, судахъ и доскахъ чешской земли“ Викторина; затѣмъ Desky zemské, собранія городскихъ правъ, отражающія тогдашній юридическій бытъ, споры феодаловъ съ горожанами и т. п. Наиболѣе важны три первые памятника. Общая ихъ мысль была сходна: стараясь утвердить положенія права, потрясенныя политическими и общественными волненіями, они хотятъ достигъ этой цѣли однимъ средствомъ — возобновленіемъ старыхъ юридическихъ обычаевъ. Но юридическое значеніе ихъ было различно: Земское уложеніе Владислава было прямо книгой законовъ; Товачовская книга и девять книгъ Викторина

были только частнымъ руководствомъ къ обобщенію старыхъ юридическихъ обычаевъ, одна въ Моравіи, другая въ Чехіи.

Цтиборъ изъ Цимбурка и Товачова (род. около 1437, ум. 1494) былъ однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ людей своего времени не только по литературной, но и общественно-политической дѣятельности. Родъ его былъ одинъ изъ древнѣйшихъ и извѣстнѣйшихъ въ моравской шляхтѣ. Цтиборъ, умѣренный калишникъ, былъ горячимъ приверженцемъ Юрія Подѣбрада, занялъ важное мѣсто въ королевствѣ и пользовался вообще большимъ авторитетомъ. Его юридическій трудъ: *Sepsaní obyčejů, řádů, zvyklostí starodávných a práv markrabství moravského*, или такъ называемая „Товачовская книга“, — написанный въ 1481 и дополненный въ 1486—89, составленъ съ аристократической точки зрѣнія и старательно защищаетъ на основаніи старины права пановъ. Хотя это былъ сборникъ, составленный частнымъ лицомъ, но онъ получилъ какъ бы настоящую юридическую силу. Въ чешской литературѣ Цтиборъ извѣстенъ также другимъ сочиненіемъ, написаннымъ еще въ молодости, около 1467, и посвященнымъ королю Юрию: „Споръ Правды и Лжи объ имѣньяхъ и власти духовенства“ (*Kniha hádaní Pravdy a Lži etc.*, изд. въ Прагѣ 1539). „Споръ“ изложенъ въ прозѣ на подобіе тѣхъ аллегорическихъ пьесъ, которыя въ то время были очень популярной формой въ европейской литературѣ, а затѣмъ и у Чеховъ. Пьеса не имѣетъ поэтического достоинства, но любопытна своимъ содержаніемъ. Правда ведетъ процессъ противъ Лжи, передъ судомъ божіимъ: въ судѣ засѣдаютъ апостолы, подѣ предсѣдательствомъ св. Духа; споръ Правды и Лжи, къ которымъ присоединяются всѣ добродѣтели и пороки (напр. „Гордость, княжна римская“, „Ненависть родомъ изъ Австріи“, „Лѣность изъ Польши“ и т. п.), представляетъ собственно споръ между христіанствомъ, какъ понимали его съ одной стороны гуситы, и съ другой—римская церковь; онъ рѣшается, конечно, въ пользу Правды. Гуситскія наклонности Цтиборна, обнаруженные имъ и въ другихъ случаяхъ, стояли ему проклятій противной стороны: Богуславъ Лобковицъ въ стихахъ на смерть Цтибора пророчитъ ему, что „небо заперто для него, потому что безъ лодки Петра никто не переправится къ жилищамъ блаженныхъ“, что „на вѣки не будетъ конца его наказанію и его мукамъ“¹⁾.

Книги Викторина (род. около 1460, ум. 1520) считаются вообще ключомъ къ уразумѣнію стараго чешскаго права; съ другой стороны, высоко цѣнятся его литературныя заслуги. Отецъ его былъ простой

¹⁾ О «Спорѣ»—см. статьи Баума и Рыбички, *Právníky arch. a místopisné*, 1868. Книга Товачовская была издана К. Демутемъ, въ Бѣнѣ 1858; критическое изданіе, съ вариантами рукописей и біографіей Цтибора, сдѣлалъ Винц. Брандль, тамъ же, 1868. Исслѣдованія Герменегалда Иречка и Брандля въ «Часописѣ» 1868, 1867, 1868.

горожанинъ въ Хрудимѣ; учился Викторинъ въ пражскомъ университетѣ, гдѣ, говорятъ, съ большой славой получилъ степень „истра“ свободныхъ искусствъ, тамъ же былъ потомъ профессоромъ философіи и деканомъ, но уже вскорѣ онъ оставилъ университетъ и выступилъ на общественно-юридическое поприще. Великій почитатель классической литературы, онъ былъ дружески связанъ съ извѣстѣйшими чешскими гуманистами того времени, какъ Богуславъ Лобовицъ, Янъ Шлекта, Григорій Грубый и другіе, и особенно съ Лобовицемъ. Но въ 1493 эта дружба кончилась. По поводу переговоровъ, которые шли тогда между Римомъ и чешскими калишниками, Богуславъ написалъ латинское стихотвореніе *In Summum Pontificem*; Викторинъ не могъ этого вынести и отвѣчалъ злой сатирой на папу. Юридическое сочиненіе Викторина: *Knihy devateru o pravich a sudch i o deskach země české*,—оконченное въ 1499 и вторично пересмотрѣнное въ 1508,—обширнѣе книги Цибора и даетъ много любопытнаго матеріала для изученія тогдашнихъ социальныхъ отношеній ¹⁾. Въ спорахъ феодаловъ съ городами Викторинъ принималъ сторону городовъ и вообще въ его сочиненіи можно замѣтить наклонность демократическую. Чрезвычайно важная въ историко-юридическомъ отношеніи, книга Викторина высоко цѣнится и по своему мастерскому слогу, такъ что чешскіе юристы признаютъ ее за главный источникъ юридическаго чешскаго языка. Кромѣ того, Викторинъ перевелъ на чешскій языкъ нѣкоторыя сочиненія Киприана и Іоанна Златоуста. Викторинъ былъ горячій патриотъ: въ своихъ „Десяти книгахъ“ онъ восхваляетъ старыя обычаи чешскаго права, открытый чешскій судъ и т. п.; въ предисловіи къ переводу Златоуста (напеч. въ Пльзень, 1501), онъ патриотически защищаетъ чешскій языкъ,—которымъ въ то время пренебрегали приверженцы латыни ²⁾.

Въ тѣмъ классическимъ ученымъ, для которыхъ знаніе древности служило средствомъ къ возвышенію національной литературы и языка,

¹⁾ «Десять книгъ» Викторина изданы были, отъ Чешской Матицы, Ганкой, съ предисловіемъ Палацкаго, Прага, 1841. Второе изданіе сдѣлано на счетъ юридическаго кружка «Вшегородъ», Герм. Ирецкомъ, Пр. 1874, съ биографіей.

²⁾ Приводимъ эту любопытную защиту чешскаго языка. «Я перевелъ охотно и эту книгу по той причинѣ, чтобы языкъ нашъ и здѣсь ширился, облагоулучшался и дѣлался сильнѣе; потому что онъ вовсе не такъ тѣсенъ и негладокъ, какъ нѣкоторымъ кажется. Полноту и богатство его можно видѣть изъ того, что все, что можетъ быть сказано по-гречески или по-латыни, можетъ быть сказано и по-чешски. И нѣтъ никакихъ тѣхъ книгъ ни греческихъ, ни латинскихъ, которыя бы не могли быть переведены на чешскій,—если только я не ошибаюсь, будучи увлеченъ любовью къ своему языку... Пусть другіе складываютъ новыя книги, пиша по-латыни и, поливая воды въ море, расширяютъ римскій языкъ,—хотя и тѣхъ у насъ очень мало; я, перелагая книги и писанія старыхъ и истинно хорошихъ людей на чешскую рѣчь, хочу скорѣе обогатить бѣдняка, нежели, подслуживаясь къ богатому съ вложки и ему всунувшимъ подарками, подвергаться пренебреженію и униженію. Хотя я также могъ бы писать по-латыни, какъ другіе мнѣ ровня, но зналъ, что я — Чехъ, хочу учиться латыни, но по-чешски писать и говорить».

принадлежали: Вацлавъ Писецкій (1482—1511), Янъ Шлехта изъ Вшегордъ (ум. 1522) и особенно Григорій Грубый изъ-Елени (или Gelenius; ум. 1514), литературная дѣятельность котораго заключалась главнымъ образомъ въ переводахъ и толкованіяхъ старыхъ писателей и новѣйшихъ гуманистовъ. Такъ, онъ переводилъ Златоуста, св. Василія, Цицерона, Понтана, Петрарку, Эразма Роттердамскаго, Богуслава изъ Лобковицъ и проч. Сынъ Григорія, Зигмундъ Грубый (Gelenius, 1497 — 1554) получилъ отличное классическое воспитаніе подъ руководствомъ Вацлава Писецкаго, съ которымъ жилъ въ Италіи; онъ путешествовалъ потомъ по греческимъ островамъ, во Франціи и Германіи. Въ 1524 г. онъ принялъ приглашеніе Эразма Роттердамскаго работать въ Базель надъ новымъ изданіемъ греческихъ и латинскихъ классиковъ и приобрѣлъ большую славу своею ученостью. Свой чешскій языкъ онъ зналъ хорошо, также хорватскій, и Хорваты, собираясь у него, пѣли свои народныя пѣсни. Но знанія славянскія онъ употребилъ только въ своемъ „Lexicon symphonicum“ (Базель 1536, 1544), гдѣ хотѣлъ указать сходство языковъ греческаго, латинскаго, нѣмецкаго и славянскаго. Большой извѣстностью пользовался Николай Коначъ изъ Годиштова (или Finitor, ум. 1546). Это былъ очень цѣнимый современниками дѣятельный переводчикъ и типографчикъ, — довольно типическая личность чешскаго литератора въ первой половинѣ XVI вѣка. По своимъ мнѣніямъ Коначъ былъ умѣреннымъ послѣдователемъ компататовъ, но полемика его была слаба, такъ что одинъ изъ Чешскихъ Братьевъ назвалъ Конача „добрымъ Чехомъ“, но „неумѣлымъ ревнителемъ вѣры“. Оригинальнымъ сочиненіемъ Конача считается „Книга о гореванъ и печали Справедливости, королевы и госпожи всѣхъ добродѣтелей“: это опять аллегорія — Справедливость проходитъ всѣ званія духовныя и свѣтскія, высокія и низкія, и горюетъ, нигдѣ не находя своихъ истинныхъ читателей. Въ 1515 Коначъ напечаталъ первые образчики чешской газеты. Но въ особенности онъ переносилъ въ чешскую литературу чужія произведенія: перевелъ средневѣковой романъ Филиппа Бераальда, два разговора Лукіана, чешскую хронику Энея Сильвія, „Pravidlo lidského života“, т.-е. басни Бидная изъ латинской редакціи Directorium humanae vitae и проч. Масса переводовъ была весьма значительна; писатели не всегда отличались оригинальностью и глубиной, но они были проводниками знанія, такъ что общій уровень литературной образованности былъ тогда значительно высокій. Какъ было замѣчено, вмѣстѣ съ классиками были переводимы и сочиненія новѣйшихъ гуманистовъ, а эти люди были тогда передовыми двигателями европейскаго образованія. Имена Петрарки, Воккаччіо, Лаврентія Валлы, Понтана и особенно Эразма Роттердамскаго часто встрѣчаются въ тогдашней литературѣ:

Эразмъ былъ и въ прямыхъ сношеніяхъ съ чешскими учеными, напр. Яномъ Шлехтой, Зигмундомъ Грубымъ, и довольно сочувственно относился къ идеямъ „Чешскихъ Братьевъ“. Неудивительно поэтому, что реформа Лютера и самъ Лютеръ тотчасъ завязали въ Чехіи прямыя связи, кончившіяся значительнымъ распространеніемъ германской реформаціи у Чеховъ.

Прежде, чѣмъ продолжать изложеніе литературнаго періода XV—XVI столѣтій, представляющихъ самую дѣятельную пору въ исторіи чешскаго народа, возвратимся къ судьбѣ таборитскихъ идей. Естественно было, что онѣ разбились на множество частныхъ ученій, потому что съ потрясеніемъ прежняго, казалось, неизблемаго авторитета, въ обществѣ возникъ вопросъ ни болѣе, ни менѣе какъ о своемъ нравственномъ существованіи. Этотъ глубокой вопросъ и лежалъ въ основѣ видимаго произвола личныхъ мнѣній; ихъ разнообразіе выразилось множествомъ религіозныхъ сектъ и политическихъ партій. Борьба ихъ между собою была энергическая и ожесточенная; но тѣ, въ комъ всего глубже было стремленіе къ религіозной и политической реформѣ, оставались—опять, какъ это всегда бываетъ—въ меньшинствѣ и, не смотря на героическую защиту своихъ убѣжденій въ гуситскихъ войнахъ, потеряли свое политическое дѣло. Но идеи, одушевлявшія ихъ, не погибли: онѣ продолжали жить, иногда въ тѣхъ же формахъ, которыя дало имъ первое бурное время гуситизма, и даже нашли свое дальнѣйшее философское и социальное развитіе. Представителемъ этого развитія былъ въ разныхъ отношеніяхъ достопримѣчательный дѣятель первой половины XV вѣка, Петръ изъ Хельчиць или Хельчицкій.

Нѣкоторые чешскіе историки, можетъ быть не безъ основанія, называютъ его геніальнѣйшимъ философомъ своего времени въ цѣлой Европѣ. Его біографія до сихъ поръ мало извѣстна; сочиненія также извѣстны не вполне: поэтому и трудно еще опредѣлить съ увѣренностью его значеніе въ исторіи чешской литературы и народнаго развитія. Хельчицкій родился около 1390 года, и, слѣдовательно, молодость провелъ во времена Гуса. Происхожденіе его неизвѣстно; онъ учился нѣсколько времени въ пражскомъ университетѣ, зналъ латынь довольно для того, чтобы читать св. отцовъ, и не имѣлъ ученой степени. Зато онъ ревностно искалъ живой бесѣды съ „вѣрными Чехами“. Такъ, напр., онъ самъ не читалъ всѣхъ Виклефовыхъ книгъ, „но я,—говоритъ онъ,—много говорилъ о нихъ съ вѣрными Чехами, каковы былъ мистръ Янъ Гусъ, мистръ Якубекъ, которые разумѣли ихъ лучше другихъ Чеховъ“. Онъ былъ изъ тѣхъ „свѣтскихъ проповѣдниковъ“, о которыхъ самъ говорилъ: „только тѣ, которые имѣютъ даръ божій и свѣтъ божественной мудрости, могутъ указать правду закона божія, посредствомъ разумнаго и искреннаго толкованія“. Это была, слѣдователь-

но, уже полная свобода религіознаго изслѣдованія, которое становилось авторитетомъ, если личности толкователя могъ быть приписанъ „даръ божій“. Хельчицкій искалъ самъ знанія отъ особенно уважаемыхъ учителей, каковы были, напр., Якубекъ и Прѣтива. Отъ послѣдняго, говорятъ, онъ принялъ ученіе, что „законъ Христовъ, безъ придачи людскихъ законовъ, можетъ достаточно основать и устроить здѣсь на свѣтѣ истинно христіанское вѣроученіе“. Послѣдованіе Христу было для него высшимъ правиломъ христіанской жизни; онъ хотѣлъ вѣрить *только* тому, что находится въ Евангеліи, отвергая совсѣмъ церковную традицію „докторовъ и старыхъ святыхъ“. Этимъ путемъ онъ пришелъ къ убѣжденію, что всякое употребленіе свѣтской внѣшней силы, принудительное и военное, противорѣчитъ христіанству. Потому, онъ послѣдовательно осуждалъ Матвѣя Яновскаго, Гуса и Якубка, также какъ римскихъ церковниковъ, что они стали причиной кровопролитія, что вложили народу въ руки мечъ изъ-за религіи. Когда въ октябрѣ 1419 на вопросъ Жижики и Милулаша изъ Гусинца пражскіе мистры объяснили, что въ извѣстныхъ обстоятельствахъ позволительно употреблять военную силу, Хельчицкій оспаривалъ Якубка и утверждалъ, что въ дѣлѣ вѣры не должно быть насилія. Положеніе вещей въ тогдашней Прагѣ не отвѣчало его мыслямъ; онъ удалился на свою родину, небольшую деревню Хельчицы, занимаясь своими сочиненіями и бесѣдами съ кружкомъ друзей. Здѣсь надо видѣть начало тѣхъ „сѣрыхъ священниковъ“, которые—по словамъ одного стараго автора— „какъ настоящіе христіане и истинные послѣдователи первобытной апостольской церкви не одобряли войнъ и смятеній, все терпѣли за горячее благочестіе и нравственность, Жижику и Сиротокъ называя полу-братъями, за то, что они проливали кровь“. Послѣдователи Хельчицкаго отличались и одеждой. Онъ продолжалъ и изъ Хельчицъ сношенія съ тогдашними религіозными дѣятелями; Петръ Понъ, изгнанный 1437 изъ Праги, пользовался нѣсколько времени его гостепріимствомъ. Очень толерантный въ дѣлѣ вѣры, Хельчицкій дружески бесѣдовалъ и полемизировалъ съ Рокицаной, съ Таборитами, Вискупцемъ и Корандой, самъ отправлялся въ Таборъ. Послѣ паденія Табора, 1452, вліяніе Хельчицкаго еще усилилось и, по примѣру его кружка въ Хельчицахъ, стали образовываться другія общества и братства. Значительнѣйшимъ изъ нихъ было то, которое собралось около брата Григорія, племянника Рокицаны, и съ которымъ Хельчицкій вступилъ въ ближайшую связь. Рокицана далъ о Хельчицкомъ наилучшій отзывъ, и братъ Григорій самъ отправился въ Хельчицы, чтобы лично узнать своего руководителя. Когда въ 1457 братство Григорія основалось въ Конвальдѣ, къ нему присоединились и Хельчицкіе братья.

Самъ Хельчицкій, престарѣлый человѣкъ, тамъ уже не былъ. Онъ умеръ въ 1460 ¹⁾.

Литературная дѣятельность Хельчицкаго началась повидимому поздно: ее относятъ къ 1433—43 годамъ,—въ 1443 г. онъ уже былъ позванъ на Кутногорскій сеймъ, чтобы дать отвѣтъ за свои сочиненія. Но, судя по количеству сочиненій, надобно думать, что къ этому періоду относятся только главнѣйшія изъ нихъ. Сочиненія Хельчицкаго были слѣдующія: *Сѣтъ вѣры* (Sit víry, написанная въ 1455—56, изд. 1521); *Трактатъ о вѣрѣ*, писанный въ 1437 (Traktát o víře a o paboženství, рук. въ Парижѣ); сочиненіе *объ Антихристѣ* (O šelšě a o obrazu jejím), отъ изданія котораго не сохранилось ни одного экземпляра; „о rotách českých“ (не сохранилось); „Книга толкованій на недѣльные чтенія“ или *Постилла* (написанная въ 1434—36, изд. 1522 1529 и 1532); сочиненія *О божіей милости*, *О свѣтской власти*, разные мелкіе трактаты, толкованія евангелій и т. п., изъ которыхъ особенно любопытна *Рѣчь объ основаніи челоуѣческихъ законовъ* (Řeč o základu zakonů lidských), „Psaní kn. Mikulášovi a Martinovi“ (Lupačovi), которое Коменскій называлъ „золотымъ писаніемъ“ (напеч. въ „Часописѣ“ 1874). Одинъ изъ почитателей Хельчицкаго въ XVI вѣкѣ, въ предисловіи къ изданію „Сѣти вѣры“, такъ восхваляетъ высокое достоинство его сочиненій: „Кто будетъ читать эти книги, тотъ убѣдится, что Богъ не изволилъ забыть о предкахъ нашихъ, но что онъ одарилъ и наполнилъ ихъ духомъ... И потому этотъ превосходный мужъ, избранный сосудъ Господа, имѣетъ великіе дары, данные милостью божіей, выносить старыя и новыя вещи изъ сокровищницъ Бога, написавъ и сложивъ эти книги, полезнѣйшія каждому человѣку всѣхъ сословій“,— и замѣчаетъ, что сочиненія Хельчицкаго встрѣчаются рѣдко, потому что священники, которыхъ Хельчицкій осуждалъ за пребенды, оуждали и преслѣдовали его писанія предъ людьми, называя ихъ лживыми и еретическими, но что другіе люди всѣхъ сословій любили эти сочиненія и не отвращались отъ нихъ изъ-за того, что авторъ былъ мірянинъ и не ученъ былъ латини.

Главнѣйшими сочиненіями Хельчицкаго были „Сѣтъ вѣры“ и „Постилла“. Сѣтъ вѣры есть ученіе Христова, которое должно извлекать человѣка изъ темной глубины житейскаго моря и его неправдъ. Человѣкъ не можетъ ничего утверждать, онъ долженъ только вѣрить: безъ вѣры онъ впадаетъ въ темную пропасть, гдѣ овладѣваетъ имъ ложь. Вѣра состоитъ въ томъ, чтобы вѣрить божьимъ словамъ; но теперь пришло такое время, что люди истинную вѣру принимаютъ за ересь,—и поэтому разумъ долженъ указать, въ чемъ состоитъ истин-

¹⁾ См. о немъ Палацкаго, Dějiny; Гиндели, Gesch. der böhm. Brüder, I, 13 в слѣд., 490; Шафарикъ, «Часописъ», 1874; Rukovět', I, 285—292.

ная вѣра, если кто этого не знаетъ. Тьма закрыла очи людей и они не узнаютъ истиннаго закона Христава. Для объясненія этого закона Хельчицкій указываетъ на первобытное устройство христіанскаго общества,—то устройство, которое, говоритъ онъ, считается теперь въ римской церкви гнуснымъ еретичествомъ. Хельчицкій съ злой ироніей смѣется надъ базельскими защитниками римской церкви, говоря о „глухой первобытной церкви“, которая служила безъ орнаментовъ, безъ костеловъ съ разрисованными стѣнами, безъ музыки и искусства пѣнія по нотамъ. Эта первобытная церковь и была его собственнымъ идеаломъ общественнаго устройства, основаннаго на равенствѣ, свободѣ и братствѣ. Христіанство, по мнѣнію Хельчицкаго, до сихъ поръ хранитъ въ себѣ эти основанія; нужно только, чтобы общество возвратилось къ его чистому ученію, и тогда оказался бы излишнимъ всякій иной порядокъ, которому нужны короли и папы: во всемъ достаточно одного закона любви. „Кислый вкусъ гражданскаго управленія нуженъ только для преступающихъ законъ этой любви. Поэтому отъ грѣховъ и явилась нужда въ королевскихъ порядкахъ и законахъ для отпущенія грѣховъ и непослушанія Богу; и чѣмъ больше человѣческій родъ удаляется отъ Бога и отъ его закона, тѣмъ больше нужно ему держаться этихъ (королевскихъ) правъ и опираться на нихъ. Я не говорю, чтобы человѣческій родъ твердо стоялъ на этихъ правахъ,—онъ только подпирается ими, чтобы совсѣмъ не упасть“. Никакихъ законовъ не было бы нужно, если бы сохранялся законъ любви и если бы христіанство одержало на землѣ побѣду надъ язычествомъ. Изъ этого язычества вышло все неустройство на землѣ и превозмогла свѣтская власть, которая приходитъ отъ грѣха.—Исторически, Хельчицкій относитъ упадокъ христіанства ко временамъ Константина Великаго, котораго папа Сильвестръ ввелъ въ христіанство со всеми языческими правами и жизнью: Константинъ въ свою очередь надѣлилъ папу свѣтскимъ богатствомъ и властью. Съ тѣхъ поръ обѣ власти постоянно помогали другъ другу и стремились только къ вѣнчанію славы; докторы, „мистры“ и духовное сословіе стали заботиться только о томъ, чтобы покорить весь свѣтъ своему владычеству, вооружали людей другъ противъ друга на убійства и грабежи и совсѣмъ уничтожили истинное христіанство въ вѣрѣ и въ жизни. Хельчицкій совершенно отвергаетъ право войны и смертную казнь: всякій воинъ, даже и „рыцарь“, есть только насильникъ, злодѣй и убійца... Такимъ образомъ ученіе Хельчицкаго, основавшись на первобытномъ христіанствѣ, послѣдовательно отвергало цезарскую и папскую власть, привилегіи сословій, крѣпостное право: онъ называлъ королевскихъ правителей толпой бездѣльниковъ, которая не подходитъ подъ божій законъ, потому что весь христіанскій родъ долженъ быть уравненъ въ любви и правѣ;

возставалъ противъ казни преступниковъ, которыхъ нужно только исправлять братскимъ участіемъ; не признавалъ сословій и всякихъ правъ рожденія, смѣялся надъ гербами и считалъ, что въ нынѣшнемъ устройствѣ общества и господствуетъ сила Антихриста, который занялъ твердыни, города и монастыри своимъ духомъ, противнымъ духу Христа, его жизни и закону...

Другимъ важнымъ сочиненіемъ Хельчицкаго была „Постыла“ (толкованіе недѣльныхъ евангелій), въ которой онъ собираетъ свидетельства писанія для тѣхъ идей, которыя потомъ систематически изложены были имъ въ „Сѣти вѣры“. Толкованія писанія еще до времени Гуса стали занимать значительное мѣсто въ чешской литературѣ и служили средствомъ реформаціонной пропаганды. Характеръ толкованій измѣнился съ характеромъ времени: у Миллика и Штитнаго толкованіе направлено было на безнравственность и неповиновеніе церкви; Гусъ указывалъ уже на неправильное пониманіе закона и нападалъ на самую церковь, не столько проповѣдуя новую систему, сколько отрицая существовавшій церковный порядокъ; Рокицана находить нужнымъ положить границы этому отрицанію и тѣмъ кладетъ начало реакціи. Хельчицкій опять становится на безусловную точку зрѣнія: онъ отвергаетъ мнѣнія своихъ предшественниковъ и ищетъ въ Писаніи не доказательства христіанской догматики, а старается указать въ Писаніи положительныя основы, во которыхъ должно совершиться полное измѣненіе общественныхъ отношеній.

Какъ писатель, Хельчицкій мало заботился о гладкой обработкѣ своихъ произведеній; языкъ его иногда неправиленъ, растанутъ, но большей частью оригиналенъ, силенъ и выразителенъ, какъ самая его мысль, и иногда возвышается до истиннаго краснорѣчія.

Ученіе Хельчицкаго, въ которомъ идея чешской реформы достигла своего послѣдняго высшаго развитія и выраженія, встрѣтила, какъ было естественно ожидать, не только полное осужденіе отъ католиковъ, но и оппозицію отъ самихъ евангелистовъ. Обличенія, свидѣтельствующія о томъ, какую важность и вліяніе имѣли его книги въ то время, идутъ съ XV вѣка до самаго конца XVI, когда вышло суровѣйшее изъ этихъ обличій *Srovnání víry* и пр. (изд. 1582), написанное іезуитомъ Вацлавомъ Штурмомъ. Строгость ученія Хельчицкаго сначала мало привлекла практическихъ послѣдователей, но число ихъ потомъ постоянно возрастало. Ближайшіе приверженцы его уже рано приняли имя „Братьевъ Хельчицкихъ“. Идеи Хельчицкаго о чистомъ христіанствѣ давали исходъ старымъ таборитскимъ стремленіямъ и наконецъ выразились фактически. Въ 1457 году основалось по идеямъ Хельчицкаго братство Конвальдское: въ 1467 оно избрало себѣ священниковъ и трехъ епископовъ, которые для поддержанія апостоль-

своей традиціи получили посвященіе отъ вальденскаго епископа Стефана. Это было началомъ знаменитой Общины Чешскихъ Братьевъ (Jednota bratří českých, Jednota bratrská).

Братская община, представляющая такое оригинальное и въ извѣстномъ смыслѣ энергическое явленіе религіозной исторіи, обязана была своимъ происхожденіемъ и характеромъ чисто идеямъ Хельчицкаго, хотя, какъ увидимъ, не выражала ихъ, да и не могла выразить вполне. Община была попыткой осуществить на практикѣ социальное устройство по началамъ первобытнаго христіанства, — попыткой, исполненной людьми крѣпкаго убѣжденія и нравственной силы. Это былъ послѣдній выводъ, до котораго дошла чешская реформаціонная идея въ тѣхъ предѣлахъ, которые оставила ей возставшая на нее реакція или давала историческая возможность. Здѣсь не мѣсто рассказывать трудную судьбу Чешскихъ Братьевъ, тѣхъ преслѣдованій, общія и личныя, которымъ подвергались они съ самаго перваго времени и которыя лучше люди ихъ выносили съ мужествомъ, внушающимъ глубокое уваженіе и стоившимъ лучшей участи. Довольно сказать, что гоненія, иногда очень жестокия, не поколебали искренняго убѣжденія, и принципы Общины распространились въ огромной части чешскаго и моравскаго населенія. Основная масса „Братьевъ“ принадлежала тому же простому классу народа, который поставлялъ защитниковъ идей Гуса и воиновъ Табора. Такимъ образомъ Община была столько же самобитнымъ и національнымъ произведеніемъ чешской народной жизни и мысли, какъ были самобитны первые виновники этого движенія, какъ самъ Хельчицкій, который не былъ ученымъ „мистромъ“, и братъ Григорій, первый практическій исполнитель его взглядовъ¹⁾.

„Братья“ занимаютъ важное мѣсто и въ чешской литературѣ. Съ самаго начала въ средѣ ихъ явилось множество писателей; нѣкоторые изъ нихъ принадлежать къ знаменитѣйшимъ именамъ чешской литературы. Должно, впрочемъ, сказать, что Братство не столько вело

¹⁾ Отъ этихъ знаменитыхъ Братьевъ ведутъ свое начало позднѣйшія общины, которыя основались на томъ же принципѣ и существуютъ до сихъ поръ, разсѣявшись отдѣльными колоніями въ Старомъ и Новомъ Свѣтѣ, какъ любопитный отпрыскъ чешскаго движенія XV вѣка: это Моравскіе Братья, Евангелическая Братская Община, Brüder-Gemeinde или Zinzendorfianer, Герригугеры. См. названную нами выше книгу Гиндхеля: *Gesch. der böhm. Brüder 1434—1609*, Прага 1857—58; *Dekrety Jednoty bratrské*, его и Эллера. Пр. 1865; его же *Quellen zur Gesch. des böhm. Brüder*. Wien, 1859; *Fiedler, Tottenbuch der Geistlichkeit der böhmischen Brüder*. Wien, 1863 (въ *Fontes rerum Austriacarum*); *Jar. Goll, Quellen und Untersuchungen zur Geschichte der böhm. Brüder*. Prag, 1878. Ср. также статью Ис. Ал. Гельферта: *O tak řečených blouznivcích náboženských v Cechách a na Moravě na císaře Josefa II.*, въ «Часописѣ», 1877, II, IV; 1879, II—III, —это судьба послѣднихъ остатковъ гуситства, доходящихъ до нашего времени. Кроме того, старія сочиненія Крайца: *Alte und neue Brüderhistorie* (1772), продолженіе ея Гегнера (1791—1816), заглавіи Шульце, *Von der Entstehung und Einrichtung der evang. Brüdergemeinde* (Gotha 1822), и подобныя сочиненія Шаафа (Лейпц., 1825) и Лохнера (Нюрнб., 1832).

дальше идеи Хельчицеаго, изъ которыхъ выросло, сколько популярно ихъ повторяло и примѣняло—далеко, впрочемъ, не во всю ихъ силу. Въ самомъ началѣ Братство нашло, что для достиженія единства жизни и вѣры необходимо установить извѣстные принципы, которые бы стояли внѣ спора: религиозные споры дѣлили народъ на множество сектъ и, ослабляя его силы, не давали желаемаго нравственнаго и практическаго результата. Поэтому Братья рѣшили „оставить всѣ трактаты, довольствоваться закономъ божимъ и ему искренно вѣрять“: рѣшить годность или негодность трактатовъ предоставлено было старшимъ; дѣятельность Общины направлена была на вопросъ практической, личное нравственное усовершенствованіе. Идеи Хельчицеаго Братья поняли буквально, и надѣялись, что возстановленіе первобытной церкви возможно и совершится одними мирными нравственными средствами, однимъ введеніемъ благочестивыхъ нравовъ и слегка монастырскаго отбѣна жизни: они не признавали войны, сословныхъ привилегій, не признавали судебной и другой присяги, свѣтскихъ властей и т. д., и ограничивали себя однимъ пассивнымъ противодѣйствіемъ господствующему порядку вещей, — а этотъ порядокъ, конечно, нисколько не думалъ отказываться отъ своей активной роли. Противорѣчіе, явившееся отсюда, ставило Братевъ съ самаго начала въ самыя затруднительныя положенія, заставляло ихъ придумывать софизмы, однако не уничтожавшіе противорѣчія ¹⁾. Общество, исполненное лучшихъ намѣреній, имѣвшее обширный успѣхъ благодаря силѣ своей идеи, въ практическомъ отношеніи къ жизни было въ прискорбномъ заблужденіи, свойственномъ благороднѣйшимъ идеалистамъ: — силой нравственнаго чувства оно не могло побѣдить господствовавшаго порядка и, наконецъ, заплатило за идеализмъ своимъ паденіемъ. Если чешскіе историки называютъ Хельчицеаго гениальнѣйшимъ мыслителемъ своего вѣка, то его продолжатели, замѣчательные по своимъ частнымъ усиліямъ, не повели или не въ состояніи были повести ученія дальше, — прежде всего по громадности самой задачи, по невыполнимости чистаго христіанскаго идеализма въ существующихъ условіяхъ.

Литературная дѣятельность Братевъ состояла въ развитіи нравственныхъ, но не политическо-соціальныхъ, слѣдствій идеи Хельчицеаго

¹⁾ Вотъ образецъ. По Хельчицеагому, война была преступленіемъ; Братья допустили ее (потому что иначе они должны были бы съ оружіемъ въ рукахъ востать противъ королевскихъ вербовщиковъ), но съ разными ограниченіями: братъ могъ идти на войну, если дѣло короля было справедливо, это было *conditio sine qua non*; но если можно, онъ долженъ былъ ставить наемщика, или проситься на службу въ замкѣ, въ должностъ сторожа, прислужника и т. п. «Но если бы ему все-таки нужно было идти, въ случаѣ отказа на это, — говорятъ правила Братевъ, — то онъ долженъ стараться попасть въ прислугу къ обозу; если бы было нельзя и этого, то пусть онъ сражается во имя Бога; но пусть бережется искать суетной славы; пусть онъ беретъ за мечъ съ отвращеніемъ». Gindely, I, стр. 86.

каго, въ распространеніи и полемической защитѣ своего ученія. По специальному характеру этой литературы, не будемъ входить въ подробности; достаточно указать замѣчательнѣйшихъ дѣятелей Братства. Таковъ былъ прежде всего основатель и патріархъ его, братъ Григорій (Řehoř, ум. 1474, по прозванію Крайчій, т.-е. портной), сынъ сестры Рокицаны. Послѣ перваго ученья онъ поступилъ въ монастырь, но вскорѣ вышелъ оттуда, жилъ ремесломъ портного и, какъ Хельчицкій, искалъ благочестивыхъ бесѣдъ съ „вѣрными Чехами“. Бесѣды кончились сближеніемъ съ Хельчицкимъ, сочиненія котораго одобрилъ ихъ кругу самъ Рокицана, и первымъ основаніемъ Братства. Но дѣло не установилось мирно. Рокицана не ждалъ, что Братство уже скоро пріобрѣтетъ горячихъ приверженцевъ и станетъ силой. Въ 1461, братъ Григорій былъ въ Прагѣ, и здѣсь собирались сходки релігиозныхъ друзей, вслѣдствіе которыхъ Григорій подвергся жестокому преслѣдованію: онъ былъ схваченъ, пытанъ, просидѣлъ два года въ тюрьмѣ. Рокицана посѣтилъ его въ тюрьмѣ, и пожалѣлъ о его судьбѣ „крокодиловымъ сожалѣніемъ“, по выраженію современнаго историка. Братство испытало потомъ и другія гоненія, и отдохнуло только со смертью Рокицаны и короля Юрія. Хотя человекъ не особенно ученый, братъ Григорій былъ „силенъ словомъ и перомъ“; онъ былъ горячимъ проповѣдникомъ идей Братства и оставилъ много сочиненій о христіанской морали, отчасти потерянныхъ ¹⁾. Не менѣе замѣчательнъ былъ братъ Лукашъ (ум. 1528), пражскій бакалавръ, вступившій въ Общину въ 1480, первый ученый теологъ, прочно установившій ея ученіе и одинъ изъ плодovitѣйшихъ ея писателей: онъ оставилъ цѣлую массу трактатовъ, толкованій, писемъ и полемическихъ статей по разнымъ вопросамъ братскаго ученія, отчасти также утраченныхъ ²⁾. Братство установило свое ученіе среди множества недоумѣній, сомнѣній, споровъ, преслѣдованій, и когда въ эту пору между Братьями явилась мысль, что гдѣ-нибудь на востокѣ должны быть христіане, живущіе въ первобытной чистотѣ нравовъ и ученія, для отысканія ихъ отправлено было нѣсколько человекъ, въ томъ числѣ Лукашъ, на долю котораго выпало проѣхать земли, обитаемыя Греками и Болгарами. Въ 1491, путники отправились черезъ Краковъ и Львовъ до Сучавы, гдѣ отдѣлился отъ нихъ земанъ Марепъ Коковець, поѣхавшій на Русь. Въ Константинополѣ раздѣлились остальные: Кашпаръ и Марекъ направились въ края подбалканскіе, Кабатникъ въ Малую Азію, а Лукашъ на эгейское приморье. Черезъ годъ Лукашъ возвратился; но, къ сожалѣнію, объ его путешествіи не со-

¹⁾ Rukověť, II, 163—168.

²⁾ Гяндели, въ «Часописѣ» Чешскаго Музея, 1861, приводитъ до 80 сочиненій брата Лукаша.

хранилось никакихъ извѣстій. Между тѣмъ, Лукашъ, уже братскій епископъ, приобрѣталъ въ Общинѣ больше и больше вліянія; по словамъ Благослава, онъ былъ въ ней „какъ мечъ отточенный“; мѣсто-пробываніе его, Болеславъ, становилось средоточіемъ Братства; онъ былъ всегда готовъ отвѣчать на каждое желаніе поученія, смягчить суровую дисциплину, введенную Григоріемъ, и удовлетворить потребностямъ религіознаго воображенія, украшеніемъ братскихъ храмовъ и богослуженія. Братство распространялось между шляхтой и горожанами. Лукаша называютъ истиннымъ его основателемъ и законодателемъ. По словамъ Благослава, это былъ мужъ сильный въ словѣ и дѣлѣ, вѣрный, трудолюбивый, ученый, не дающій себя превозмочь, какого нивогда въ Общинѣ не было и—,о немъ лучше совсѣмъ не говорить, чѣмъ сказать слишкомъ мало“.

Лаврентій Красоницкій (ум. 1532) былъ пражскій бакалавръ. Прокопъ, ученый бакалавръ (ум. 1507), замѣчательный въ исторіи братства тѣмъ, что подалъ поводъ къ первой реформѣ Братства—въ смыслѣ его сближенія съ дѣйствительною живнью,—предложивъ отмѣнить излишнюю строгость нѣкоторыхъ братскихъ правилъ. Онъ думалъ, что для успѣховъ Братства, ему не слѣдуетъ чуждаться людей сильныхъ и богатыхъ и заставлять ихъ отказываться отъ власти и имѣній, которыя они могли бы употреблять съ пользою для братскаго дѣла; и думалъ также, что человѣку не нужно лишать себя житейскихъ радостей, которыя запрещались прежними аскетическими правилами братства. Предложенія Прокопа, изложенныя имъ и въ своихъ сочиненіяхъ, породили споръ, въ которомъ Лукашъ, Красоницкій и вообще большинство было на сторонѣ Прокопа; но другая партія не согласилась съ его мыслями и отдѣлилась въ особую общину, которая по имени своего предводителя, брата Амоса изъ-Штегна, названа была Амосовцами (Amosičti). Далѣе къ первой эпохѣ братской литературы относятся: Ома изъ Прелучъ (Tomáš z Přelouč, ум. 1517), одинъ изъ ученѣйшихъ Братъевъ, и Янъ Таборскій (ум. 1495), оба сначала католическіе священники, потомъ перешедшіе къ Братьямъ. Изъ Амосовцевъ особенно извѣстенъ Янъ Каленецъ, замѣчательная личность, ремесломъ ножевецъ изъ Праги, рѣзко полемизировавшій противъ Братства.

Противниковъ Общины было много между католиками и между калишниками, и полемика отъ серьезныхъ догматическихъ споровъ доходила до того, что напр. нѣкто Вить, священникъ, утверждалъ, будто Братья поклоняются кресту, какъ божеству, соединяются съ сестрами и т. п. Между писателями противъ Братства могутъ быть названы упомянутый Августинъ Оломуцкій, Коранда, Мартинъ и въ особенности Янъ Бехинка.

Мы упомянули сейчасъ объ экспедиціи для отысканія христіанской общины или народа, у которыхъ бы сохранилось первобытное христіанство. Экспедиція снаряжена была въ Италію, гдѣ хотѣли ближе ознакомиться съ родственной Братьямъ святой Вальденсовъ; и на востокъ, гдѣ по преданію предполагалось первобытно-христіанское царство попа Іоанна. Изъ этихъ послѣднихъ странствій осталось описаніе только одного; это—было „Путешествіе изъ Чехіи въ Іерусалимъ и Египетъ“, 1491 — 92 ¹⁾, брата Мартина Кабатника (ум. 1503). Это предпріятіе характеризуетъ положеніе Братьевъ относительно ихъ основного принципа: они надѣялись найти своей системѣ историческую почву и отыскать преемственность, которая бы видимо связала ихъ съ древней христіанской общиной. Но попытка не удалась и на этотъ разъ: на востокѣ не нашлось настоящаго первобытнаго христіанства.

Въ началѣ XVI столѣтія, собственно говоря, заканчивается тотъ періодъ энергической національной дѣятельности, который началъ былъ впервые предшественниками Гуса въ концѣ XIV вѣка. Чешская реформа высказалась: она представила много благородныхъ усилій, много примѣровъ сильной мысли и дѣла, она открыла дорогу освобожденія... Конецъ былъ несчастливъ, но это не уменьшаетъ великости чешскаго дѣла: реформа возстала на принципы, владѣвшіе цѣлой Европой, возстала на нихъ въ предѣлахъ небольшой народности; не мудрено, что она подавлена была еще сильной реакціей. За ней остается заслуга начинанія и заслуга мужества.

Прежде, чѣмъ перейти къ послѣдующимъ временамъ, не лишнее остановиться еще на разсмотрѣнной эпохѣ. Она вообще составляетъ знаменательнѣйшій періодъ во всей чешской исторіи—періодъ самаго полнаго выраженія національности, проявленія народныхъ силъ, физическихъ, умственныхъ и нравственныхъ. Ею уже для XV вѣка заложена безповоротно вся предыдущая старина; новѣйшее возрожденіе, волею или неволею, состоитъ только въ томъ, чтобы возвратиться къ подобной нравственно-національной самобытности, и на нашъ взглядъ именно въ этомъ стремленіи, строже сознано, можетъ надѣяться на успѣхъ своей борьбы.

Въ чемъ же заключается смыслъ гуситства? Это одинъ изъ тѣхъ капитальныхъ вопросовъ, рѣшеніемъ которыхъ опредѣляется характеръ дѣльныхъ вѣковъ національной исторіи и даже дается поученіе для настоящаго. Подобные вопросы обыкновенно не легко поддаются историческому рѣшенію. До недавняго времени западно-европейскіе исто-

¹⁾ М. Кабатника *Cesta z Čech do Jeruzalema a Egypta*, первое изданіе, кажется 1542, далѣе 1577, 1637, 1691 и часто потомъ.

рики изображали Гуса только какъ предшественника реформаціи, помѣщая его между Виллефомъ и Лютеромъ, протестанты—съ сочувствіями, католики—злобно. Иные изъ чешскихъ историковъ новѣйшихъ, избѣгая его славы протестантской, говорили, что онъ только въ нѣкоторыхъ второстепенныхъ вопросахъ расходился съ католицизмомъ, но вообще дѣялъ въ немъ еще національное направленіе. Наконецъ, русскіе писатели славянофильской школы (Елагинъ, Е. Новиковъ, Гильфердингъ) выставили совсѣмъ новый взглядъ,—что Гусъ вовсе не имѣлъ въ виду протестантской реформы, но что ученіе его находится въ связи съ тѣмъ первобытнымъ славянскимъ православіемъ, которое было нѣкогда и у Чеховъ первой христіанской церковью и преданія котораго, послѣ побѣды латинства, продолжали храниться въ народныхъ массахъ,—такъ что проповѣдь Гуса являлась какъ отголосокъ этого преданія, протестовавшей противъ испорченнаго и несвойственнаго славянской природѣ католицизма, и какъ вообще стремленіе возвратиться отъ началъ романо-германскихъ къ славянскимъ. Глава чешской исторіографіи, Палацкій, оспаривалъ этотъ взглядъ, какъ вообще не принимаютъ его тѣ, которые признаютъ непосредственную связь гуситства съ реформаціей. Новѣйшій историкъ гуситства, Э. Дени, выбираетъ средній путь, повидимому самый вѣрный. Не отвергая родства гуситства съ протестантизмомъ, онъ не отвергаетъ также и существованія у Чеховъ преданій греко-славянской церкви Кирилла и Меѳодія, и разногласіе мнѣній о Гусѣ объясняетъ тѣмъ, что въ разныхъ сочиненіяхъ Гуса находятся весьма несходные оттѣнки мнѣній въ разные моменты его развитія и настроенія, такъ что изъ нихъ могутъ быть выводимы и разные заключенія объ его взглядахъ.

Основныя мысли Гуса заключались—отрицательно, въ осужденіи порчи и злоупотребленій римской церкви, положительно—въ томъ, что идеаломъ церкви было для него первобытное христіанство, и что для познанія этой церковной истины есть два источника: св. писаніе, и для настоящаго его разумѣнія—человѣческой разумъ. Такимъ образомъ, отъ его ученія можно было придти и къ протестантизму (отрицаніе римской церкви и свобода личнаго толкованія) и къ исканію сближенія съ восточной церковью—какъ это послѣднее дѣлали и умѣренные гуситы въ 1451, и Братская Община въ 1491. Вліяніе темныхъ греко-славянскихъ преданій въ гуситствѣ отвергать трудно, но у Гуса оно было скорѣе несознаваемымъ и неопредѣленнымъ; самъ онъ былъ внѣ вліянія восточной церкви, но онъ старался познакомиться съ ея ученіемъ, и его другъ и товарищъ его мученичества, Іеронимъ, „дружилъ съ православными“ въ западной Руси, куда отправлялся вѣроятно не безъ вѣдома Гуса. Далѣе, въ средѣ его собственныхъ послѣдователей выдѣлялись различныя направленія: умѣ-

ренные „каллишники“ и болѣе рѣшительные Табориты одинаково считали себя его прямыми послѣдователями, — и кто изъ нихъ правѣ могъ это думать, историки еще окончательно не рѣшили ¹⁾.

Такимъ образомъ Гусъ и движеніе, имъ вызванное, примыкаютъ, повидимому, одинаково и къ передовому Западу и къ консервативному Востоку: съ первымъ онъ исторически связанъ былъ европейскимъ складомъ чешской жизни и образованности въ „нѣдрахъ“ католицизма; со вторымъ — инстинктивнымъ преданіемъ славянской особности. Къ религиозной дѣятельности Гуса не даромъ примыкаетъ его дѣятельность въ интересѣ чешской національности (какъ бы она ни была у него второстепенна). Исторія все еще исполнена загадокъ, ей трудно еще объяснить многое въ связи событій; но должна быть глубокая причина, почему именно у Чеховъ национально-религиозная оппозиція католицизму приобрѣла въ XV вѣкѣ такіе могущественные размѣры, что ея не могла одолѣть тогда еще цѣликомъ католическая Европа — ни книгами, ни кострами, ни крестовыми походами.

Гуситское движеніе разрослось до размѣровъ, еще не виданныхъ Европою, развѣ со временъ Альбигойцевъ. Небольшая страна, окруженная религиозными и племенными врагами, предоставленная самой себѣ, не поддерживаемая единоплеменниками, долго выдерживала борьбу, не уступая. Этотъ фактъ указываетъ на присутствіе особой внутренней силы, — которая и была выражена всего характернѣе личностью самого Гуса. „Отличительная черта личности Гуса, — говоритъ Гильфердингъ, — была безусловная правдивость въ исполненіи христіанскаго закона, чуждая какихъ бы то ни было постороннихъ соображеній“. Этой правдивой ревности въ чистому христіанству въ самомъ дѣлѣ нельзя не признать въ послѣдовавшемъ религиозномъ движеніи, особенно у тѣхъ, которые не поддались внѣшнимъ (можетъ быть, политически и нужнымъ) соображеніямъ — у Таборитовъ, у Чешскихъ Братьевъ. Но вопросъ, гдѣ искать источниковъ этой серьезной религиозности, проникавшей цѣлымъ народнымъ массамъ, — остается еще теменъ. Одно „славянство“ Чеховъ (т. е. предполагаемый общій славянской племенной характеръ), однѣ преданія о нѣкогда жившей у нихъ (слишкомъ, однако, недолго) славянской церкви, едва ли объясняютъ это явленіе — подобнаго движенія не было у другихъ Славянъ; и, кажется, значительную долю вліянія надобно дать при этомъ именно нѣмецко-латинской образованности славянскихъ Чеховъ. „Мистры“ и „баккалавры“ не даромъ стояли во главѣ религиозныхъ движеній гуситства, между прочимъ и

¹⁾ Паладій въ послѣдней обработкѣ исторіи гуситства какъ будто дѣлаетъ уступку взглядамъ русскихъ изслѣдователей. Но новое поколѣніе чешскихъ ученыхъ упорно отвергаетъ связь дѣятельности Гуса съ православными преданіями. Ср. отзывъ Яр. Годля о книгѣ Эрвеста Дени, въ «Часописѣ», 1878, стр. 589—592.

наиболѣе рѣшительныхъ,—между Таборитами и Чешскими Братьями. Пражскій университетъ разсыпалъ большой запасъ образованности. Исторія гуситства представила много заблужденій, въ которыя неизбѣжно впадаютъ возбужденныя массы, желая вдругъ отыскать истину и водворить справедливость,—но также и много глубокой искренности, твердости и самопожертвованія, и эта сторона гуситства въ особенности составляетъ его нравственно-историческое величіе.

Чешскіе патриоты, при первыхъ шагахъ Возрожденія, обратились къ воспоминаніямъ объ эпохѣ Гуса, какъ славномъ періодѣ своей исторіи, и впоследствии она вызвала не мало серьезныхъ изученій; но отношеніе Возрожденія къ историческому значенію гуситства еще не совсѣмъ выяснилось; реакція, давившая чешскую жизнь съ начала XVII вѣка, еще не совсѣмъ кончилась; умы еще связаны прямо или косвенно; историческое сознаніе неполно,—но, быть можетъ, путемъ большаго изученія и опыта придетъ и болѣе энергическое пониманіе національныхъ задачъ въ будущемъ.

Чешскіе историки называютъ обыкновенно XVI столѣтіе, 1526—1620, и особенно послѣднія десятилѣтія передъ паденіемъ Чехи *золотымъ вѣкомъ* своей литературы. Но это названіе можетъ быть оправдано не столько содержаніемъ, сколько внѣшнимъ объемомъ литературы этого періода и выработкой языка. Въ самомъ дѣлѣ, XVI вѣкъ представляетъ массу писателей и книгъ, но не самостоятельное развитіе литературы, такъ что назвать этотъ періодъ *золотымъ вѣкомъ* чешской литературы можно только съ большими ограниченіями. Существенный успѣхъ XVI столѣтія заключается въ расширеніи литературнаго образованія, но литература больше и больше теряетъ собственную инициативу и оригинальность и дѣйствуетъ опять подъ чужими вліяніями. Такими вліяніями были классическое Возрожденіе и Реформація. Гиндели, историкъ Чешскихъ Братевъ, съ католической точки зрѣнія ставитъ въ особенную похвалу чешскимъ католикамъ, что они были ревностнѣйшими приверженцами классицизма,—но выше упомянуто, что классицизмъ, самъ по себѣ, еще не составлялъ успѣха національной литературы. Классическая ученость, понятая съ католической точки зрѣнія, переставала быть развивающимъ знаніемъ: Лобковицъ, и другой писатель этого рода, бывалъ бесплоденъ для чешскаго дѣла, когда умножалъ толпу безцвѣтныхъ послѣдователей искусственнаго классицизма. Бывало часто, что въ общественномъ отношеніи эти люди желали только возвращенія стараго порядка и уничтоженія всего, что было прибрѣтено въ гуситскій періодъ. Патриотическіе писатели, какъ Вшегордъ, возставали противъ этой

мертвой латыни, забывавшей о народномъ просвѣщеніи. Съ другой стороны дѣйствовала Реформація, уже скоро проникшая въ Чехію: представители чешской реформы и „Братья“ бывали въ прямыхъ личныхъ сношеніяхъ съ начинателями реформы германской—Эразмомъ Роттердамскимъ, Лютеромъ, Меланктономъ, Цвингли и пр., и ученія послѣднихъ не только нашли приѣмъ въ Чехіи, но когда реформація стала политически признанной церковью, она смѣнила въ большой степени прежнее національно-религіозное движеніе Чеховъ. Во второй половинѣ XVI вѣка, когда гоненія со стороны католицизма еще усилились, калишники и Братья стали прямо лютеранами и реформатами. Старый гуситизмъ оканчивался; „вѣрныхъ Чеховъ“ еще одушевляли гуситскія воспоминанья и отличали ихъ ревностью религіознаго чувства; но веденіе самаго дѣла принадлежало уже не имъ. Съ этихъ поръ въ чешской литературѣ рѣдки явленія сильныя и самобытныя.

Любопытнѣйшей стороной золотого вѣка остаются эти воспоминанія и отголоски стараго народнаго гуситства и новыя попытки, которымъ уже не суждено было вырасти въ крупное историческое и національное явленіе.

Чешская поэзія уже въ гуситскія времена представляла мало замѣчательнаго. Тѣмъ же бесплодіемъ она отличается въ концѣ XV столѣтія и въ теченіи всего золотого вѣка. Она отчасти состояла изъ латинскихъ стихотвореній разнаго сорта (выше исчислены главнѣйшіе латинскіе стихотворцы), отчасти изъ переводныхъ рыцарскихъ и духовныхъ романовъ, отчасти изъ подражаній нѣмецкимъ мейстерверенграмъ, наполненныхъ моралью и аллегоріей; наконецъ изъ духовныхъ пѣсенъ. Извѣстнѣйшій поэтъ этого времени есть Гинекъ Подѣбрадъ, третій сынъ короля Юрія (1452—1492), человѣкъ талантливый, но политически безхарактерный, которому принадлежитъ длинное стихотвореніе „Майскій Сонъ“ (Májový Sen), рядъ другихъ, сантиментально-аллегорическихъ пьесъ и т. д. ¹⁾

Поэзія духовная особенно развилась въ этотъ періодъ религіозной экзальтаціи, и всего больше и лучшія пѣсни принадлежали чешскимъ Братьямъ. Наиболѣе извѣстными именами здѣсь были упомянуты выше—братъ Лукашъ, Янъ Таборскій, Янъ Августа, Янъ Благославъ, Мартинъ Михалецъ изъ Литомержиць (1484—1547), Адамъ III турмъ (1530—1565), Янъ Августа (1500—1572), епископъ Общины и одна изъ замѣчательнѣйшихъ ея личностей, много писалъ по ея религіознымъ вопросамъ, былъ пламенный проповѣдникъ и духовный поэтъ; его пѣсни, больше поучительныя, чѣмъ лирическія, написаны частію

¹⁾ См. Ганки, Starob. Skládanie; о подражаніяхъ Ганки въ «Майскомъ Сонѣ» см. Гануша, Die gefälschten Ged.; Небескаго, въ «Часописѣ» 1848; также «Часописъ» 1872; Rukověť, II, 127—129.

въ заключеніи, гдѣ онъ провелъ цѣлыхъ пятнадцать лѣтъ ¹⁾. Юріи Стриць (Вг. Streyc или Streyček, Vetterus, Jirik, ум. 1599) извѣстенъ какъ переводчикъ псалтыри въ братской Библии. Изъ не-братевъ, извѣстенъ духовными пѣснями Мартинъ Замрскій (или Филдельфъ, 1550—1592), евангеличeskій священникъ, приверженецъ Лутерова протестантства, и пр. Кромѣ римованныхъ пѣсень, являются въ подражаніе классическимъ образцамъ стихотворенія метрическія; таковы изложенія псалмовъ Матуша Бенешовскаго (Philonotus, род. около 1550, ум. послѣ 1590) ²⁾ и Лаврентія Бенедикти изъ Нудожеръ (род. около 1555, ум. 1615). Словакъ родомъ, Лаврентій былъ бакалавръ пражскаго университета, ректоръ школы, потомъ мистръ и профессоръ, читавшій о математикѣ и классической литературѣ, авторъ хорошей чешской грамматики (Прага 1603) и метрической просодіи.

Изъ свѣтскихъ поэтовъ, на границѣ XVI—XVII вѣка, можно отмѣтить двоихъ. Микулашъ Дачицкій изъ Геслова (1555—1626), чешскій шляхтичъ, оставилъ, во-первыхъ, историческія записки, гдѣ пользовался старыми лѣтописями, родовыми намятами, а за г. 1575—1626 разсказываетъ собственныя воспоминанія, и, во-вторыхъ, стихотворную книгу: „Prostopravda“, 1620—собраніе пѣсень, поученій, сатирическихъ обличеній, доставляющихъ иногда любопытныя бытовыя черты времени, но по формѣ неважныхъ и иногда грубоватыхъ ³⁾. Но извѣстнѣйшимъ и самымъ плодовитымъ поэтомъ этой поры былъ Симоу Ломницкій изъ Будча (род. 1552, ум. послѣ 1622; его родовое имя было Жебравъ, что на греческій ладъ онъ переложилъ въ Ptochaeus, какъ иногда писался). Высшее образованіе Ломницкій получилъ въ іезуитской школѣ; съ молодости онъ умѣлъ находить себѣ покровителей, изъ которыхъ главнымъ былъ важный панъ Вилемъ изъ Рожберка (Розенберга): милости его онъ приобрѣлъ посвященіемъ „Пѣсень на недѣльныя евангелія“ (Прага, 1580). Какъ веселый собесѣдникъ, услужливый стихотворецъ, онъ имѣлъ много друзей въ чешской шляхтѣ и пользовался милостями императора Рудольфа. Въ 1618, наканунѣ бурныхъ событій, онъ поселился въ Прагѣ и замѣшался въ политическія дѣла, служа возставшимъ утравкистскимъ „ставамъ“ (сословіямъ), восхваляя въ стихахъ Фридриха Пфальцскаго, осуждалъ „предателей“ (Славау, Мартиница и пр.), но едва событія повернулись послѣ Бѣлогорской битвы, онъ „обратилъ плащъ по новому

¹⁾ Его біографію, какъ дальше увидимъ, писалъ его современникъ и противникъ. Благославъ, и др. «Rukověť», I, 24—36.

²⁾ Ему принадлежатъ также чешская грамматика, издавшая въ Прагѣ 1577. и «Knižka slov českýchъ vyloženýchъ, odkudъ svůjъ počatekъ mají, totiž, jakýъ jejichъ jestъ gozsh. Пр. 1587.

³⁾ Извлеченія изъ историческихъ писаній Дачицкаго въ «Часописѣ» 1827—29. Scriptores regumъ bohem. II, 448—489. Отдѣльное изданіе его «Памятей» въ Прагѣ, 1879; отрывки изъ «Простоправды» въ «Часописѣ» 1854.

вѣтру“, восхваляя тѣхъ, кого наканунѣ называлъ предателями, и обвиняя вчерашнихъ друзей, которыхъ теперь предавали казнямъ. Изъ этого можно видѣть его политическій и нравственный характеръ, а затѣмъ и поэтический. Его многочисленныя сочиненія—не поэзія, а стихотворство. Онъ писалъ вещи очень разнообразныя: духовныя пѣсни, поучительныя и сатирическія стихотворенія, стихи на разные случаи. Главными произведеніями его считаются: „Krátké naučení mladému hospodáři“, дидактическое стихотвореніе съ чертами тогдашнихъ нравовъ; „Kupidova střela“, „Pucha života“, „Tobolka zlatá proti hřichu lakomství“, „Nádaní neb rozeřte mezi knězem a zemanem“ и проч.

Духовная поэзія упомянутыхъ выше писателей „братскихъ“ собираема была въ особыхъ сборникахъ, которые составлялись въ Общинѣ для назиданія братьевъ и употребленія при богослуженіи. Объ этомъ должны были заботиться „справцы“ и „старшіе“; они выбирали лучшія пѣсни и составляли изъ нихъ такъ называемыя *канціоналы*. Мелодія для пѣсенъ бралась изъ старыхъ народныхъ мотивовъ или вновь составлялась Братьями. Каждая отдѣльная община имѣла свой канціональ. Другія церковныя общества также заводили себѣ подобныя сборники, чешскіе и латинскіе. Канціоналы были предметомъ роскоши въ братской церкви и имѣютъ свою немалую историческую цѣну: кромѣ поэтическаго содержанія, передающаго церковное и нравственное ученіе Братства, они любопытны въ музыкальномъ отношеніи своими мотивами и въ художественномъ—разрисовкой заглавныхъ буквъ. Первый братскій канціональ: „Pisně chval božích“ напечатанъ въ 1505, вѣроятно въ Младой-Болеслави, гдѣ уже въ 1500 была братская типографія. Лучшіе канціоналы изданы были во второй половинѣ XVI столѣтія. Община разрасталась, требовались большіе канціоналы, и новое изданіе поручено было Ад. Штурму, Яну Черному и Яну Благославу; но такъ какъ послѣ 1547 община была гонима въ Чехіи, то изданіе пришлось дѣлать за границей. Справцы обратились въ Польшу, и тамъ въ имѣніи расположеннаго къ братьямъ графа съ-Гурки, Шамотулахъ (Samtegn, на сѣверъ отъ Познани), изданъ былъ въ 1561 знаменитый въ свое время Канціональ Шамотульскій. При Максимилианѣ II, когда Братья опять получили больше свободы въ Чехіи, они издали еще болѣе обширный Канціональ 1576 въ Иванчицахъ, гдѣ съ 1562 основана была ими типографія, перенесенная въ 1578 въ Бралицы, имѣнье знаменитаго пана Карла изъ-Жеротина. Канціональ Иванчицкій считается едва ли не лучшей чешской книгой по типографскому и граверному достоинству изданія.

Выше упомянуто о началѣ чешскаго театра. Въ XVI—XVII столѣтіи онъ продолжалъ развиваться въ томъ же направленіи, церков-

ной мистеріи, пьесъ изъ священной исторіи и пьесъ изъ престолярнаго быта. Этотъ театръ былъ спеціальностью швольниковъ и студентовъ, въ которыхъ присоединялись и бывшіе студенты, занимавшіеся учительствомъ. Пьесы исполнялись обыкновенно въ университетѣ при началѣ учебнаго года. Университетскія власти ввели драматическія представленія, чтобы замѣнить или смягчить грубыя потѣхи при новомъ приѣзѣ учениковъ, *examen patientiae*: давались латинскія, но также и чешскія пьесы, изъ священной исторіи, отчасти изъ классической литературы или чешской исторіи. Другимъ случаемъ бывалъ мясопустъ (масляница), когда студенты отправлялись въ провинціальныя города, получая за свои представленія подарки отъ зрителей. Еще больше въ ходу былъ театръ въ іезуитской коллегіи (со второй половины XVI в.), гдѣ онъ привлекалъ множество зрителей. Пьесы исполнялись также въ частныхъ домахъ пановъ при торжественныхъ случаяхъ и т. п. Въ ряду писателей драматическихъ могутъ быть названы: упомянутый прежде Микулашъ Коначъ; Микулашъ Врана; Янъ Аввила (*Ozel z Plavče*); Янъ Кампанъ Воднянскій (драма: „Бржетиславъ и Итѣа“); Павелъ Кирмезеръ изъ Штявницъ; Иржизъ Тесакъ Мошовскій (родомъ Словакъ, утраквистскій священникъ, оригинальный писатель о церковныхъ предметахъ и эпиграмматистъ, ум. 1717), Симонъ Ломницкій и др. Были пьесы, написанныя сообща студенческими компаніями. Что театръ былъ очень популяренъ, можно судить изъ сохранившихся извѣстій объ успѣхѣ его въ публикѣ, и изъ печатныхъ изданій пьесъ, составляющихъ, впрочемъ, теперь великую рѣдкость ¹⁾.

Въ такъ-называемомъ золотомъ вѣкѣ замѣтно усиливается литературное и научное образованіе: по разнымъ отраслямъ научнаго знанія являются болѣе или менѣе важныя и самостоятельныя труды; въ Чехіи жила первостепенные ученые своего вѣка, какъ Кеплеръ, Тихо-де-Браге; являются собственные ученые—гуманисты, грамматикъ, математикъ, астрономы или астрологи, ботаники и проч. Ботаникъ, медикъ и богословъ Залужанскій (*Mathiades Hradištenus Adam*, ум. 1613),— по отзыву пражскихъ университетскихъ записокъ „такой философъ, которому его вѣкъ и народъ не имѣли равнаго“, — какъ говорятъ, на два столѣтія предварившій теорію Линнея. Является много переводовъ изъ другихъ языковъ.

Историческое знаніе также имѣло многихъ представителей, хотя литературное значеніе ихъ невысоко. Бартошъ Писаръ (или *Bartoloměj od sv. Jiljí*, ум. 1535), пражскій мѣщанинъ, по характеру вѣка предавшійся религиознымъ вопросамъ, подробно описалъ споръ,

¹⁾ Нѣсколько этихъ пьесъ напечатано въ книгѣ I. Иречка: *Staročeské divadelní hry*. I. Прага, 1878 (*Památky staré liter. české*, изд. чешской Матцеи, III).

который шелъ между калишниками и возникшей тогда партіей латеранской, причѣмъ онъ держится послѣдней. Въ его разсказѣ иногда живописно отражаются лица и событія его времени ¹⁾. Сикстъ изъ Оттерсдорфа [(ум. 1583), учившійся въ Прагѣ и въ иноземныхъ школахъ, принадлежавшій къ партіи протестантскихъ „ставовъ“ противъ партіи королевской, кромѣ другихъ трудовъ, оставилъ „Acta aneb knihy památné čili historie oněch dvou perokojnych let 1546 a 1547“. Изложеніе книги неровное; нѣкоторыя части обработаны, другія представляютъ сырой матеріалъ,—но въ ней есть очень живыя изображенія времени. Какъ онъ владѣлъ литературнымъ языкомъ, объ этомъ свидѣтельствуетъ отзывъ Благослава, который называлъ Сикста изъ всѣхъ тогдашнихъ пражскихъ докторовъ и мистровъ „лучшимъ Чехомъ“, т. е. лучшимъ знаткомъ языка ²⁾. Одно изъ извѣстнѣйшихъ именъ тогдашней литературы есть Вацлавъ Гаекъ изъ Либочанъ (ум. 1553). Судя по прозванію, онъ былъ шляхтичъ; воспитанный въ утраквизмѣ, онъ перешелъ потомъ въ католичество, почему называли его apostata, и занималъ разныя духовныя должности. Повидимому, Гаекъ извѣстенъ былъ какъ человекъ со свѣдѣніями; по крайней мѣрѣ нѣсколько чешскихъ пановъ-католиковъ вызвали его на составленіе хроники, которая дала Гайку историческую извѣстность. Хроника его отъ древнѣйшихъ временъ чешской исторіи доведена до 1527 г. Для составленія ея предоставлены были ему обильные официальные документы, выписки изъ „земскихъ досокъ“ и т. п. Книга окончена была въ 1539, и издана 1541. Встрѣченная съ похвалами, хроника Гайка долго пользовалась великимъ авторитетомъ у чешскихъ читателей и поднѣйшихъ историковъ, и особенно въ періодъ упадка была одной изъ любимыхъ книгъ, сохранившихся отъ старины, тѣмъ больше, что по своей католической точкѣ зрѣнія не вызвала возраженій, а по простотѣ языка годилась для популярнаго чтенія ³⁾. Но еще нѣкоторые изъ современниковъ стали замѣчать, что въ сочиненіи Гайка есть доля баснословія; новѣйшіе критики, начиная съ Добнера, убѣдились въ этомъ окончательно, и Палацкій не находилъ словъ для обличенія „неслыханнаго безстыдства“ выдумокъ, которыя внесены Гайкомъ въ чешскую исторію изъ собственной фан-

¹⁾ Kroniká pražská o rozdvížení jednéh proti druhým (1524—1580) издана Эрбеномъ, Прага 1851. Латинскій переводъ хроники Бартоша: Bartolomaeus von St. Aegidius Chronik von Prag in der Reformzeit, Chronica de seditione et tumultu pragensi 1524, изданъ Гёфлеромъ. Пр. 1859.

²⁾ О немъ въ «Часослѣ» 1861. Отрывки изъ его исторіи въ «Выборѣ», II.

³⁾ Второе изданіе ея сдѣлалъ Ферд. Шёнфельдъ, Прага 1819. Нѣмецкій переводъ Занделя, Прага 1596, Нюрнбергъ 1697, Лейпцигъ 1718. Латинскій переводъ, сдѣланный въ первой половинѣ XVIII вѣка шарисомъ Викториномъ а St. Cruce, изданъ былъ Добнеромъ, 1762—82, въ шести частяхъ.

таин и изъ книгъ, никогда не существовавшихъ ¹⁾). Назовемъ еще хрониста Мартина Бутена (M. Kuthen ze Sprimsberka, ум. 1564): пражскій бакалавръ, онъ въ качествѣ наставника въ панскихъ семействахъ путешествовалъ съ своими воспитанниками въ Италию, Францію и Германію, былъ хорошии латинистъ, писалъ много латинскихъ стиховъ, панегириковъ и эпиграммъ, и наконецъ „Хронику“, съ калишницкой точки зрѣнія ²⁾). Вогуславъ Вллейовскій (род. около 1480, ум. 1555) написалъ, съ точки зрѣнія умѣренныхъ калишниковъ, чешскую церковную исторію (издана въ Нюрнбергѣ, 1537, и Прагѣ, 1816).

Въ историографіи дѣятельно заявила себя и Братская Община. Она уже рано начала собирать важнѣйшіе документы, искодившіе отъ нея и отъ другихъ церковныхъ партій; она хотѣла съ одной стороны сохранить память о своемъ собственномъ началѣ и исторіи, а съ другой имѣть подъ руками нужные матеріалы для своей защиты. Такимъ образомъ, составилъ довольно богатый архивъ, которымъ завѣдовалъ особо назначаемый изъ братьевъ „писарь“, отличавшійся свѣдѣніями и дарованіемъ. Отсюда развилась братская историческая школа, имѣвшая своихъ замѣчательныхъ представителей.

Знаменитѣйшимъ изъ нихъ былъ Янъ Благославъ (1523 — 1571; имя свое онъ передѣлалъ изъ родового *Vážek*). Получивши дома заботливое воспитаніе, онъ продолжалъ занятія въ высшихъ школахъ, между прочимъ годъ пробылъ въ университетѣ Виттенбергскомъ. Рано онъ вошелъ въ братское общество, которое послало его въ Базель, гдѣ онъ ласково былъ принятъ тамошними учеными, особливо Зигмундомъ Грубымъ. Вернувшись домой, Благославъ былъ учителемъ въ братской школѣ, а въ 1552 назначенъ былъ въ помощники къ брату Черному, завѣдывавшему архивомъ Общины, а вскорѣ затѣмъ сталъ священникомъ. Занимаясь въ архивѣ, Благославъ изучилъ лучше чѣмъ кто-нибудь прошедшую судьбу общины, и написалъ исторію Братьевъ до 1554 года.

Трудъ, которымъ онъ съ любовью занимался, прерванъ былъ тѣмъ, что старинныя поручили ему серьезныя хлопоты о дѣлахъ Братства, сначала при дворѣ въ Вѣнѣ, а потомъ въ Магдебургѣ, гдѣ онъ велъ переговоры съ Флаціемъ Иллирикомъ (собственно: Влачичъ), противникомъ Меланхтона, имѣвшимъ тогда сильный голосъ въ дѣлахъ протестантства. Благославъ защищалъ въ спорѣ съ нимъ основанія братскаго ученія, и потомъ написалъ по-латыни свою защиту ³⁾.

¹⁾ Ср. *Würdigung*, стр. 278—292; *Dějiny*, I, ч. 1, стр. 31.

²⁾ *Kronika o založení země české a prvých obyvatelích, tudíž knížatech a králích* и пр. Прага 1589; 2-е изд. сдѣлано Велеславиномъ, 1585; 3-е Крамеріусомъ, 1817. Выше упомянуто, что ему приписывалась еще «Хроника о Жижѣ»; но Яр. Гольцъ относитъ ее еще къ XV вѣку.

³⁾ *Summula quaedam brevissime collecta ex variis scriptis Fratrum, qui falso Waldenses seu Picardi vocantur, de eorum Fratrum origine et actis.*

Въ 1557, на общемъ собраніи братскихъ старшинъ изъ Чехіи, Моравіи, Польши и Пруссіи, Благославъ былъ избранъ въ высшій совѣтъ и въ епископы. Поселившись затѣмъ въ Иванчицахъ, вмѣстѣ съ братьями Чернымъ и Ад. Штурмомъ онъ работалъ надъ редакціей Братскаго Канціонала, который, какъ выше упомянуто, изданъ былъ 1561 въ Шамотулахъ: Благославу принадлежитъ большая часть труда, и въ Канціоналѣ до 50 пѣсенъ составлены имъ. Онъ готовилъ изданіе братскаго исповѣданія на хорватскомъ языкѣ, перевелъ вновь съ подлинника Новый Завѣтъ (изд. 1565). Такъ какъ Община терпѣла гоненія, то въ Иванчицахъ устроена была 1562 тайная типографія (ея изданія отмѣчались: ex hortis или ex insula hortensi). Въ 1564 произошло два важныхъ событія: воцареніе Максимилиана, съ которымъ для Общины наступили болѣе спокойныя времена, и освобожденіе Яна Августи. Съ послѣднимъ Благославу пришлось много бороться, такъ какъ Августа стремился къ соединенію Братства съ лютеранами, и Благославъ всѣми силами защищалъ чистоту братскаго общества. Всего больше раздражило его то, что Августа, желая привлечь на свою сторону простѣйшихъ членовъ Общины, сталъ возставать противъ ученія и наукъ, ссылаясь на слова брата Лукаша. Благославъ выступилъ съ горячимъ опроверженіемъ ненавистниковъ просвѣщенія— оно считается однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ произведеній чешскаго краснорѣчія (напеч. въ „Часописѣ“, 1861). Онъ очень заботился объ усовершенствованіи чешскаго языка, которымъ прекрасно владѣлъ, и послѣднимъ его трудомъ была замѣчательная чешская грамматика.

Наконецъ, по мысли Благослава сдѣланъ былъ новый переводъ Библии съ еврейскаго и греческаго: это — знаменитѣйшій трудъ всей братской литературы, такъ называемая *Кралецкая Библия*, изданная на счетъ моравскаго пана Яна изъ-Жеротина, большого приверженца Братской Общины, въ Кралицкахъ, 1579—1593, въ шести частяхъ (отчего она называется šestidlná; 2-е изданіе 1596; 3-е, f, 1618). Этотъ переводъ считается до сихъ поръ высшимъ образцомъ чешскаго языка. Благославъ не дожидъ до этого изданія; но въ Кралицкую Библию вошелъ упомянутый его переводъ Новаго Завѣта.

Это былъ одинъ изъ самыхъ сильныхъ представителей Общины, и новѣйшіе историки признають, что въ Чехіи и на Моравѣ не было въ то время человѣка, который бы равнялся съ нимъ ученостью. Не по примѣру другихъ „братьевъ“ онъ заботился, чтобы братское юношество получало высшее образованіе, и посылалъ даровитыхъ юношей въ Виттевбергъ и Тюбингенъ. Замѣчательно, что при своей учености и ревности въ дѣлу Общины и стоя во главѣ ея, Благославъ избѣгалъ теологическихъ споровъ: по словамъ его, „дакъ могъ онъ писать, такъ ему не хотѣлось, а какъ хотѣлось, не могъ“.

О Благославѣ и его сочиненіяхъ, также извлеченія изъ его сочиненій см. въ «Часописѣ», 1856, 1861, 1862, 1873, 1875, 1877; въ журналѣ «Osvěta», 1873; въ трудахъ Гиндели; «Rukověť», I, 74—84.

Въ Братскомъ Архивѣ (хранящемся въ Герригутѣ), первые фоліанты, кромѣ самаго начала, составляютъ трудъ Благослава. Исторія Братской Общины состоитъ изъ двухъ частей, обвиняющихъ годы 1497—1541 и 1546—1554. «Život Jana Augusty» изданъ Фр. Шумавскимъ, Прага, 1838: стр. 1—56 принадлежатъ Благославу; остальное писалъ, вѣроятно, братъ Якубъ Вилекъ, приверженецъ Августина и товарищъ его бѣдствій. Во время составленія Канціонала, Благославъ изложилъ свои мысли о пѣвнѣ: *Musica, to jest, knížka zřevákům naležitě vřává v sobě zavirající.* Olom. 1558; 2-е изд. умноженное, въ Иванчицахъ, 1569. Чешскую грамматику Благослава издали I. Градиль и I. Пречекъ. Вѣна, 1857.—Въ переводѣ Кралицкой Библии, кромѣ Благослава, принимали участіе братья: Андрей Штефанъ, Исая Цибулька, Микулашъ Альбрехтъ изъ Каменка, Юрій Стриць, Янъ Капита (Главачъ), Павелъ Есентъ, Янъ Еффреймъ, Лукашъ Геландъ, и въ дальнѣйшемъ пересмотрѣ Самуиль Сушачкій и Адамъ Феливъ. Въ высокомъ достоинствѣ перевода соглашались и Велеславинъ и иезуитъ Штейръ. Обширная статья Юс. Шмаги: Кралицкая Библия, ея вліяніе и значеніе въ чешской литературѣ, въ «Часописѣ» 1878; о вліяніи ея на позднѣйшіе переводы чешскихъ Библий, тамъ же 1879.

Къ братской исторической школѣ принадлежитъ далѣе братъ Яфетъ (ум. 1614), который кромѣ другихъ сочиненій оставилъ „Исторію о началѣ Братской Общины и ея отдѣленіи отъ существующей церкви“, писанную въ ея защиту ¹⁾. Изъ той же школы вышелъ Вацлавъ Бржезанъ (ум. около 1619), которому приписывается чешская хроника до 1160 г., направленная противъ Гайка, и принадлежатъ историческія работы по исторіи дома Розенберговъ и Штериберговъ. Впрочемъ, его работы, цѣнныя по фактическимъ и хронологическимъ даннымъ, не имѣютъ литературнаго значенія ²⁾.

Въ связи съ Братской Общиной стоитъ имя знаменитаго Карла изъ-Жеротина (1564—1636), богатаго и знатнаго моравскаго пана, который игралъ важную историческую роль въ послѣднихъ судьбахъ чешско-моравской свободы, хотя результатъ его дѣятельности далеко не отвѣтилъ его патріотическимъ желаніямъ. Онъ былъ сынъ упомянутаго Яна изъ-Жеротина, который въ своихъ Кралицкахъ далъ пріютъ братской типографіи и переводчикамъ Кралицкой Библии: мать его была также ревностной „сестрой“. Получивъ первое воспитаніе въ этой средѣ, Карлъ высшее образованіе получилъ въ Страсбургѣ, Ба-

¹⁾ Пречекъ, «Rukověť», I, 302—303. Отрывокъ изъ этой Исторіи въ «Свѣтозорѣ» 1871.—Когда въ 1621, монастырь, гдѣ былъ похороненъ Яфетъ, возвращенъ былъ иновѣрцамъ, начальникъ монастыря велѣлъ выкопать кости Яфета и другихъ братьевъ, и сжечь ихъ.

²⁾ О немъ Фр. Марешъ, въ «Часописѣ» 1878. Бржезаново жизнеописаніе Вилема Розенберга издано въ Прагѣ, 1847.

зегъ, Женевѣ, гдѣ между прочимъ сблизился съ знаменитымъ Теодоромъ Безой. Затѣмъ онъ путешествовалъ еще въ Германіи, Голландіи, Англіи, долго жилъ во Франціи, гдѣ приобрѣлъ первую военную опытность и дружескія связи. Онъ возлагалъ надежды на борьбу Генриха IV противъ католической партіи, и однажды покинулъ только-что начатую семейную жизнь, чтобы принять во Франціи участіе въ этой борьбѣ. Но идеальныя надежды не исполнились; дома постигали его тяжелыя семейныя потери, и онъ уединился въ одномъ изъ своихъ помѣстій. Смутное состояніе Моравіи вызвало его, наконецъ, къ дѣятельности—когда его упрекнули, что онъ „дурно дѣлаетъ, что заглушаетъ въ себѣ дары божьи“. На этотъ упрекъ онъ отвѣчалъ „Апологіей“. Политическая дѣятельность Карла изъ-Жеротина доставила ему высокой нравственный авторитетъ; но, защищая интересы моравской родины и свободу религиозную для своихъ не-католическихъ соотечественниковъ, онъ поставленъ былъ передъ слишкомъ трудной задачей; его благоразумныя совѣты не устранили страшнаго столкновенія, послѣдствія котораго отразились и на немъ изгнаніемъ. Въ 1629 онъ поселился въ Силезіи, и до конца жизни продолжалъ покровительствовать Братской Общинѣ... Кромѣ упомянутой „Апологіи“, онъ составилъ важныя въ историческомъ отношеніи „Записки о панскомъ судѣ“, описаніе нѣсколькихъ моравскихъ сеймовъ, и наконецъ оставилъ обширную переписку отъ 1591—1636 годовъ ¹⁾, чрезвычайно важную для исторіи того времени и замѣчательную также по достоинствамъ литературнаго изложенія и языка.

Конецъ золотого вѣка носить у чешскихъ историковъ названіе *эпока Велеславины*, по имени писателя, который стоялъ во главѣ литературы послѣднихъ десятилѣтій XVI вѣка. Данииль-Адамъ изъ-Велеславины (или просто Велеславинъ, Велеславины, 1545—1599) можетъ служить характернымъ представителемъ этой литературной эпохи. Съ 1569 сдѣлавшись „мистромъ свободныхъ искусствъ“, онъ преподавалъ исторію въ пражскомъ университетѣ; но съ 1576, женившись на дочери извѣстнаго пражскаго типографщика Юрія Мелантриха, онъ занялся исключительно литературой и издательствомъ. По смерти Мелантриха и его сына, Велеславинъ остался единственнымъ владѣтелемъ типографіи. Онъ не отличался особенными дарованіями, оригинальностью идей; но былъ человѣкъ просвѣщенный и высоко цѣнившій литературную образованность, распространеніе которой и поставилъ себѣ цѣлью. Онъ издавалъ учебники, писалъ о предметахъ нрав-

¹⁾ «Записки» изданы В. Брандлемъ, въ Бернѣ, 1866, 2 части; имъ же изданы описанія сеймовъ и «Письма», тамъ же, 1870—72. Отрывокъ изъ дневника Жеротина въ «Mähr. Geschichtsquellen», В. Дудика, Brünn, 1850, 358—368. О Жеротинѣ см. Peter R. v. Chlumsky, Carl von Zierotin und seine Zeit. Brünn, 1862; статья Фр. Дворскаго, Рамátky, 1873, и Ант. Рыбички, въ «Часописѣ», 1873.

ственно-религиозныхъ, по географіи, особенно по исторіи, много переводилъ (напр. „*Historia Bohemica*“ Энея Сильвія, — то былъ третій переводъ этой книги послѣ Яна Гоуски и Миш. Бонача; „Хроника Московская“, Гозія и пр.), исправлялъ и издавалъ книги и переводы другихъ писателей (хроника Кутена; Еврейская исторія, Флавія; Турецкая хроника, Леунгавія), писалъ предисловія въ книгамъ, которыя у него печатались. Главнѣйшій трудъ его есть „Историческій Календарь“, изданный въ Прагѣ 1578 и 1590. Современники называли Велеславина „архитипографомъ“ и слава его книжной дѣятельности перешла въ потомство ¹⁾. Онъ удалился отъ полемическихъ споровъ и вѣ�къ принадлежалъ къ Братской Общинѣ. Для опредѣленія его литературныхъ мѣтъ важны особенно его упомянутыя предисловія. По смерти Велеславина, больше тридцати поэтовъ написали стихотворенія въ его память.

Время характеризуется тѣмъ, что Велеславинъ, не представившій ни самобытнаго направленія, ни новаго содержанія, сталъ знаменитѣйшимъ писателемъ своего времени. Онъ далъ свое имя цѣлой эпохѣ, потому, что былъ отличный стилистъ. Языкъ и стиль Велеславина и его лучшихъ современниковъ считается донинѣ образцовымъ, и современные пуристы еще ставятъ его въ примѣръ чистой, подлинной „чештины“ ²⁾.

Изъ историческихъ писателей этой поры должны быть еще упомянуты: Провопъ Лупачъ изъ Главачова (ум. 1587), пражскій профессоръ, составившій, во-первыхъ, латинскій историческій календарь: *Regum bohemicarum ephemeris seu calendarium historicum*, Пр. 1584, и во-вторыхъ, чешскую „Исторію о цезарѣ Карлѣ IV“ (Прага, 1584 и новое изданіе 1848), которая была повидимому отрывкомъ изъ обширнаго историческаго труда, оставшагося неоконченнымъ; Марекъ Выдзовскій изъ Флорентина (1540—1612), пражскій мистръ и профессоръ математики и астрономіи, въ качествѣ декана поощрявшій студентскій театръ, въ литературѣ дѣйствовалъ отчасти какъ латинскій стихотворецъ, а главное какъ историкъ, описывавшій событія времени Максимилиана II (чешское „Жизнеописаніе“, Прага, 1589) и Рудольфа II. Полякъ Бартоломей Папроцкій изъ Глоголь (1540—1614) принадлежалъ равно польской и чешской литературѣ, въ обѣихъ извѣстенъ главнымъ образомъ своими генеалогическими и историческими книгами, исторіей панскихъ и рыцарскихъ фамилій, городовъ

¹⁾ По отзыву извѣстнаго іезуита Бальбина: „*Quidquid doctum et eruditum Rudolpho II impregante in Bohemia lucem adspexit, Welleslawinum vel autorem vel interpretem vel adiutorem vel ad extremum typographum habuit.*“

²⁾ Ср. книжку Косины: *Novory Olympské, I. V Brně, a. a. (1879).*

и т. д. ¹⁾ Юрій Завѣта изъ-Завѣтиць, пражскій бакалавръ, въ спорѣ между Рудольфомъ и Матвѣемъ принялъ сторону послѣдняго, пользовался его особенной благосклонностью и былъ его придворнымъ историографомъ; кромѣ нѣсколькихъ официальныхъ сочиненій этого послѣдняго рода, онъ написалъ „Придворную школу“ (Schola aulica, Прага, 1607), которая въ свое время очень цѣнилась.

Расширеніе образованности выражалось значительнымъ числомъ книгъ географическихъ и путешествій. Въ XV-мъ вѣкѣ было уже сдѣлано и описано нѣсколько замѣчательныхъ путешествій (Кабатника—изъ Чехіи до Іерусалима и Египта; Льва изъ Рожмитала—въ западную Европу; Яна изъ Лобковиць—въ Іерусалимъ). На переходѣ къ XVI-му столѣтію слѣдуетъ назвать: Вацлава-Вратислава изъ-Митровиць (1576—1635), который 15-лѣтнимъ мальчикомъ отправился при посольствѣ Рудольфа II въ Константинополь, гдѣ потомъ, вслѣдствіе разрыва Австріи съ Турціей, былъ вмѣстѣ съ посольствомъ схваченъ и провелъ три года въ страшной турецкой тюрьмѣ. Вернувшись наконецъ домой, онъ описалъ свои приключенія въ любопытной книгѣ ²⁾. Криштофъ Гарантъ (z Polžic a Bezdružic, 1564—1621, казненный въ Прагѣ), чешскій дворянинъ, человекъ просвѣщенный, описалъ свое путешествіе въ Венецію и Св. Землю ³⁾. Фридрихъ изъ-Донина (ум. до 1617), много путешествовалъ въ Венгрии, Германіи, Италіи и оставилъ описаніе своихъ странствованій ⁴⁾.

Наконецъ, образовательная литература размножалась и въ другихъ областяхъ; рядомъ съ церковной полемикой и исторіей, развивалось знаніе литературы классической, изучалось право, начиналось естествовѣдѣніе,—и въ самостоятельныхъ опытахъ, и въ большомъ количествѣ переводовъ. Съ расширеніемъ объема литературы выработывался и книжный языкъ: чешскіе писатели еще съ конца XIV вѣка умѣли овладѣть народнымъ стилемъ; Гусъ и писатели гуситства, желая дѣйствовать на народъ, продолжали эту заботу о народномъ характерѣ книжной рѣчи, какъ въ послѣдствіи писатели Братской Общины. Вліяніе гуманизма съ другой стороны давало понятіе объ отдѣлѣ стилей...

Это внѣшнее обиліе литературы и выработка языка дали второй половинѣ XVI вѣка и кануну паденія Чехіи славу „золотого

¹⁾ «Zrcadlo markrabství moravského», Olom. 1593; «Diadochus, to jest, sukcesai, jinak poslaupnost knížat a králův českých, Pr. 1602 и пр. О Папроцкомъ см. «Часопись» 1866. Въ составленіи своихъ чешскихъ книгъ онъ пользовался сначала содѣйствіемъ Чеховъ, но потомъ самъ овладѣлъ языкомъ.

²⁾ Příhody V. Vratislava etc. изданы были въ 1777 Пельцелемъ, потомъ 1807 Крамеріусомъ, 1855 Розумомъ. Нѣмецкій переводъ, Лейпц. 1786; англійскій, А. Р. Вратислава, Лонд. 1862; русскій, К. Побѣдоносцева: «Приключенія чешскаго дворянина Вратислава въ Константинополь и въ тажкой неволѣ у Турокъ». Сиб. 1877.

³⁾ Cesta z království českého do Benátek a odtud do Sv. Země. Pr. 1608, съ рисунками, дѣланными самимъ Гарантомъ. Новое изданіе Эрбена, 1854.

⁴⁾ См. «Часопись» 1843, и журналъ «Lumír» 1858.

вѣка“;—но если обратиться къ самому содержанію этой литературы, то названіе окажется мало умѣстнымъ. Литература не отвѣчала тѣмъ задачамъ, какія ставило время, какъ не отвѣчало имъ самое общество. Глубокія идеи, затронутыя въ прежнее время, или были оставлены, или не развивались далѣе; напротивъ, реакція брала все больше верхъ, католицизмъ одерживалъ побѣду, со второй половины XVI вѣка въ Чехіи являлись иезуиты, которые съ ревностью принялись за обличеніе ересей—тогда какъ о Братской Общинѣ одинъ изъ достойнѣйшихъ ея представителей говорилъ: *ecclesiam nostram oves destitui*, и какъ ни были благородны усилія Общины достигнуть чистаго христіанства, аскетизмъ ея ученія, ея пассивность не могли, да и не хотѣли политически поднять и вооружить народныя массы. „Чистому христіанству“ приходилось имѣть дѣло съ самымъ откровеннымъ насилиемъ. Борьба еще продолжалась, но силы были разъединены, народъ оставался холоденъ къ высшимъ сословіямъ, которыя забывали о немъ; при всемъ внѣшнемъ увеличеніи литературы, чувствовалось утомленіе націи. Въ такомъ видѣ застала Чехію катастрофа 1620 года.

3. ПЕРІОДЪ ПАДЕНІЯ.

Уже съ первыхъ годовъ XVII столѣтія стало обнаруживаться это утомленіе, которое и сдѣлало возможнымъ страшный переворотъ, постигшій Чехію послѣ Бѣлогорской битвы. Эта битва нанесла послѣдній ударъ и національной самобытности и литературѣ. Семнадцатый вѣкъ представляетъ только послѣдніе ростки того, что зародилось ранѣе; литература жила еще только въ одномъ поколѣніи, воспитавшемся въ прежнее время; лучшіе, знаменитѣйшіе дѣятели ея были изгнанники.

Выше говорено о послѣдствіяхъ Бѣлогорской битвы. Побѣжденные протестанты, утрависты и Братья, большинство націи, должны были или сдѣлаться католиками, или оставить родину: множество чешскихъ семействъ разошлось по сосѣднимъ землямъ, гдѣ должно было утонуть въ чужихъ народахъ, — съ ними и послѣдніе лучшіе представители гуситства: Амосъ Коменскій, Карлъ изъ Жеротина, Павелъ Скала изъ Згоржи ¹⁾. Насталъ длинный періодъ упадка литературы, невѣжества и угнетенія народа (1620—1780): католическіе клерикалы, часто иноземцы, требовали отъ народа только исполненія обрядовъ и затѣмъ оставляли его на произволъ судьбы; книги стараго времени

¹⁾ По-русски объ этомъ времени см. Гильфердинга, въ «Исторіи Чехіи»; П. Лавровскаго, «Паденіе Чехіи въ XVII вѣкѣ. Спб. 1868 (изъ «Журн. Мин. Нар. Просв.»). Подробному описанію этого времени посвященъ еще неоконченный трудъ чешскаго историка Ганделя.

истреблялись массами, какъ зараженные ересью, — для народа положительно исчезали всѣ приобретеныя прежняго развитія. Ученые изгнанники продолжали свою дѣятельность, совершали иногда замѣчательные труды, но эти труды совершались на чужбинѣ и оставались почти безплодны для своего народа. Самая страна была крайне разорена Тридцати-лѣтней войной: население чрезвычайно уменьшилось отъ эмиграціи и истребленія, новый притокъ нѣмецкихъ колонистовъ еще усилилъ упадокъ чешской народности.

По этимъ условіямъ можно представить себѣ положеніе чешской литературы въ этомъ періодѣ. Страну покидали лучшие люди, наиболѣе образованные и богатые, которые въ особенности могли бы служить родинѣ; въ ней оставалась безпомощная масса, въ тайнѣ сберегавшая немногія прежнія преданья, но страшно обезсиленная и угнетенная; тѣ, у кого хранились какъ святыня старыя книги, должны были скрывать ихъ — иначе имъ грозило истребленіе; официально господствовала католическая ученость, во главѣ которой стояли иезуиты. Поэтому нечего искать въ этомъ періодѣ какаго-нибудь продолженія прежней жизни; съ 1620 года литература представляетъ картину постепеннаго замиранія національности. Прежняя литература продолжается еще нѣсколько времени въ средѣ эмиграціи, или иногда связывается у единоплеменныхъ Словаковъ, въ которыхъ чешскіе эмигранты принесли свои религіозныя и литературныя стремленія.

Остановимся прежде всего на литературной дѣятельности эмиграціи, такъ называемыхъ „эзулантовъ“. Корень ея лежитъ, конечно, въ предыдущемъ развитіи, котораго она была послѣдній плодъ: по достоинствамъ ея лучшихъ произведеній можно судить, сколько силъ могла бы все еще показать чешская литература, еслибъ не была прервана ужасной политической судьбой народа.

Замѣчательнѣйшей личностью всего чешскаго XVII вѣка и до первыхъ начатковъ возрожденія въ концѣ XVIII столѣтія былъ Янъ-Амосъ Коменскій (въ западной Европѣ Comenius, 1592—1670). Онъ одинъ напоминаетъ прежнія времена своей обширной дѣятельностью и характеромъ. Еще въ дѣтствѣ, Коменскій остался сиротой и ему было уже 16 лѣтъ, когда онъ началъ свое правильное образованіе. Онъ учился въ Герборнѣ и Гейдельбергѣ, откуда вынесъ первыя возбужденія къ послѣдующимъ особенностямъ своей дѣятельности — нравственно-религіозной мистикѣ и занятіямъ дидактикой: его самостоятельной мыслью было тогда рѣшеніе работать для усовершенствованія своего родного языка. Изъ Гейдельберга онъ сдѣлалъ поѣздку въ Амстердамъ, откуда пѣшкомъ вернулся въ Прагу и далѣе въ Моравію. Здѣсь онъ сталъ учителемъ въ братской школѣ, въ 1616 принялъ священство, назначенъ былъ „сравцей“ братской общины въ Фуль-

некъ; въ 1621, въ шведское нашествіе, Фульнекъ былъ разрушенъ, Коменскій потерялъ все свое имѣніе и искалъ убѣжища на земляхъ Жеротина, и жилъ въ той хижинѣ, которую по преданію построилъ братъ Григорій, основатель Братства. Между тѣмъ преслѣдованія, направленныя противъ не-католическихъ священниковъ, заставили Братьевъ подумать — куда идти, и они рѣшили искать убѣжища въ Польшѣ или въ Венгріи. Въ 1628, Коменскій, бывший тогда членомъ высшаго братскаго совѣта, переселился вмѣстѣ съ цѣлой общиной въ Лешно, въ Познани. Братья надѣялись, что изгнаніе будетъ непродолжительно; но событія чѣмъ дальше, тѣмъ больше разрушали эту надежду и уже вскорѣ Братья стали думать о томъ, чтобы установиться прочіе на чужбинѣ. Коменскому отдано было въ полное распоряженіе школьное дѣло...

Коменскій рано началъ свои ученые и литературные труды. Еще съ 1612 года онъ работалъ надъ „Сокровищницей чешскаго языка“, писалъ сочиненія историческія и церковно-поучительныя, въ 1621—24 сдѣлалъ метрическій переводъ псалмовъ (взамѣнъ потеряннаго перевода Лаврентія изъ Нудожеръ), въ 1623 былъ написанъ знаменитый „Лабиринтъ Свѣта“, въ 1625 „Centrum securitatis“. Въ первые годы изгнанія онъ ревностно работалъ надъ вопросами воспитанія и обученія. „Дидактика“ Бодэна, встрѣченная имъ въ библіотекѣ одного чешскаго пана, дала ему мысль составить подобный трудъ на чешскомъ языкѣ, и въ 1626—32 имъ составлена была „Дидактика“, затѣмъ „Informatorium školy mateřské“ ¹⁾, наконецъ знаменитая „Janua linguarum“ ²⁾, изданная сначала по-латыни, потомъ по-чешски, которая доставила Коменскому европейскую извѣстность и друзей между учеными и преданными дѣлу просвѣщенія людьми. Эти „Отворенныя золотыя Врата языковъ“ дѣлали переворотъ въ преподаваніи латыни и давали ему новую простую методу.

Между тѣмъ положеніе Братьевъ въ изгнаніи становилось все болѣе и болѣе тѣгостнымъ. Шла тридцати-лѣтняя война; бѣдствовавшіе Братья искали помощи въ протестантскомъ мірѣ, въ Швейцаріи, Голландіи, Англіи—и находили ее. Коменскій былъ однимъ изъ дѣятельнѣйшихъ членовъ Общины; кромѣ своихъ ученыхъ и учебныхъ работъ, онъ дѣйствовалъ какъ братскій администраторъ, какъ полемистъ, проповѣдникъ, какъ ревнитель соединенія евангелическихъ церквей. Въ то же время, онъ работалъ надъ новымъ трудомъ, который омытъ

¹⁾ „Дидактика“ была отыскана вновь Пурейней въ Лешнѣ въ 1841, и издана чешской „Матицей“ въ 1849; другое изданіе, болѣе исправное, сдѣлалъ д-ръ I. Беранекъ, 1871. „Informatorium“ въ новыхъ изданіяхъ 1858 и 1873.

²⁾ Janua linguarum resegata augea, издана по-латыни въ 1631; по-чешски: Zlatá brána jazykův otevřená, въ Лешнѣ, 1633, и много разъ послѣ; новое изданіе сдѣлалъ Тамъ, Пр. 1805.

возбуди́лъ внима́ніе ученаго міра. Онъ задумалъ „Pansophiam christiana-
 nam“; его друзья въ Англіи издали, въ Оксфордѣ 1637, „Conatuum
 Somenianorum praecludia“ (при „Porta Sapientiae“, Гартлиба). Трудъ
 Коменскаго возбуди́лъ большой интересъ въ Англіи, гдѣ видѣли въ
 немъ человека, способнаго выполнить планы, оставленные тогда Бже-
 новъ. „Prodromus pansophiae“ Коменскаго изданъ былъ 1639 и 1642
 въ Лондонѣ, 1644 въ Лейпцигѣ. „Долгій парламентъ“ вызывалъ Ко-
 менскаго въ Лондонъ. Коменскій дѣйствительно отправился, 1641, въ
 Англію, но политическія волненія не дали исполниться философско-
 дидактическимъ планамъ, для которыхъ его вызывали. Живя въ
 Англіи, Коменскій продолжалъ свой трудъ, и въ 1641 вышло въ Лон-
 донѣ, въ англійскомъ переводѣ Колльера, его сочиненіе, латинскій
 подлинникъ котораго, Pansophiae diatyposis, изданъ былъ въ Данцигѣ
 1643. Въ 1642, Коменскій, котораго между прочимъ звали и во Фран-
 цію, отправился въ Швецію, гдѣ ему неожиданно нашелся покрови-
 тель, богатый голландскій купецъ, фанъ-Гееръ. Въ Швеціи онъ всту-
 пилъ въ сношенія съ тамошними учеными и съ канцлеромъ Акселемъ
 Оксенштирною, — отъ котораго и политически много зависѣла судьба
 чешскихъ экзулантовъ. Шведскій канцлеръ больше важности прида-
 валъ „Дидактикѣ“ Коменскаго, чѣмъ „Пансофіи“, и Коменскій, по-
 селившись въ Эльбингѣ, работалъ надъ дидактическими предметами,
 не забывая однако и своей философіи. Между тѣмъ, въ 1648 онъ
 избранъ былъ въ епископы Братства и долженъ былъ переселиться въ
 Лешно. Въ томъ же году Вестфальскій миръ кончилъ тридцати-лѣтнюю
 войну, но въ трактатѣ не было ни слова сказано въ пользу Братства!
 Коменскій съ горечью писалъ объ этомъ Оксенштирнѣ. Опечаленный
 и семейными потерями, онъ находилъ отвлеченіе въ изданіи дидактиче-
 скихъ (латинскихъ) сочиненій, заготовленныхъ въ Эльбингѣ: они вышли
 въ 1648—51 годахъ. Ему все яснѣе становилось, что Братство прихо-
 дитъ къ своимъ послѣднимъ временамъ: выраженіемъ этого предчув-
 ствія было „завѣщаніе умирающей матери Общины“: Kšaft umřající
 matky Jednoty Bratrské, 1650. Его приглашали потомъ въ Венгрію,
 гдѣ онъ однако не нашелъ удобныхъ условий для работы. Въ 1655
 Шведы осадили Лешно, но городъ уцѣлѣлъ, благодаря Коменскому; въ
 слѣдующемъ году Поляки отомстили за это городу его сожженіемъ,
 причѣмъ Коменскій потерялъ все свое состояніе, а главное—свои ру-
 кописи, плодъ многолѣтнихъ трудовъ. Въ Лешенскомъ пожарѣ по-
 гибли: сборникъ его проповѣдей, говоренныхъ въ теченіе сорока лѣтъ;
 труды пансофическіе, изъ которыхъ онъ особенно жалѣлъ о „Silva
 pansophiae“; „Poklad jazyka českého“, надъ которымъ онъ работалъ
 съ 1612 года. Братья выселились опять; Коменскій, вызванный Гера-
 ми, поселился въ Амстердамѣ, гдѣ нашелъ нѣсколько спокойныхъ го-

довъ среди друзей, цѣнившихъ его заслуги и желавшихъ помочь ему въ довершеніи его трудовъ. Коменскій отблагодарилъ ихъ латинскимъ изданіемъ своихъ дидактическихъ сочиненій: *Opera didactica omnia*, 1657, 4 т. За судьбой Братъевъ онъ продолжалъ слѣдить, собирая и рассылая пособия чешскимъ и польскимъ эзулантамъ; по его стараніямъ выбраны были два епископа для польскихъ и чешскихъ братьевъ. Последнимъ трудомъ его было „*Unum necessarium*“ т.-е. Единое на потребу, 1668, по-латыни и по-чешски. Въ 1670 онъ умеръ въ Амстердамѣ и похороненъ въ церкви французской протестантской общины въ Наарденѣ. Въ слѣдующемъ году умеръ и зять его, Яблонскій, послѣдній епископъ чешской вѣтви Братства ¹⁾.

Лешенскій пожаръ истребилъ много трудовъ Коменскаго, но и то, что сохранилось изъ прежняго и послѣдующаго, представляетъ огромную массу разнообразныхъ произведеній,— историческихъ, религиозно-поучительныхъ, философскихъ, особенно дидактическихъ, и наконецъ поэтическихъ.

Изъ историческихъ сочиненій, посвященныхъ судьбамъ чешской евангелической церкви, особенно извѣстна *Historia o těžkých protivenstvích církve české*, вышедшая сначала по-латыни (*Hist. persecutionum* и пр. Лейденъ 1648; чешское изд. 1655), въ которой участвовалъ и Коменскій. Сочиненій религиозно-поучительныхъ Коменскій составилъ множество; сборникъ проповѣдей его погибъ въ Лешенскомъ пожарѣ; но сохранилось много другихъ сочиненій этого рода, написан-

¹⁾ О Коменскомъ существуетъ значительная литература, чешская и иностранная: — Фр. Палацкій, биографія Ком., въ «Часописѣ» 1829, и въ *Monatschrift der Gesellschaft des vaterl. Mus.* 1829. (Radhost 1871, 245—282).

— К. Шторхъ, о пансофическихъ трудахъ Ком., въ «Часописѣ» 1851, 1861.

— А. Гинделл, о судьбѣ Ком. на чужбинѣ, въ *Sitz-berichte* вѣнской академіи 1855.

— Квѣт, о метафизикѣ и естественной философій Ком., въ «Часописѣ» 1859, 1860.

— В. Григоровичъ, Амосъ Коменскій. Одесса, 1870.

— Миропольскій, Коменскій и его значеніе въ педагогіи. «Журн. Мин. Нар. Просв.» 1870, три статьи.

— Фр. J. Zoubek, *Život Jana Amosa Kom.* Прага, 1871 (къ 200-лѣтней памяти его смерти; лучшая биографія, и полный списокъ сочиненій), также въ «Часописѣ» 1871, 1872, 1876, 1877 и «Освѣтъ», 1879, № 8 (Komenského «Diogenes»).

— Comenius *Grosse Unterrichtslehre. Aus dem Latein. von Julius Beeger und Franz Zoubek. 3-te Auflage. Leipz.* (1874).

— Фр. Лерай, *Tři školní hry Komenského*, въ «Освѣтъ», 1879, № 2, 3, 5.

— J. Jireček, *Literatura exulantův českých*, въ «Часописѣ» 1874; *Rukověť*, I, 369—381.

— Я. А. Коменскій. Великая Дидактика. Изданіе редакціи журнала «Семья и Школа». Спб. 1875—77, съ краткимъ введеніемъ.

— Въ исторіяхъ педагогіи; по-русски напр. въ переводѣ «Исторія педагогіи» Карла Шмидта, т. III.

— Кромѣ упомянутыхъ чешскихъ изданій Коменскаго приведемъ еще: *Škola rapsodická*, Прага 1875; *Některé drobnější spisy*, Пр. 1876. Оба изданія сдѣлалъ Зубекъ.

внхъ для поученія и возбужденія разсѣянныхъ выселенцевъ, напр. „Nedobytedlný hrád jméno Hospodinovo etc. (т. е. Непрístupная вѣрность—имя Господне, въ которой спасается всякій въ нее убѣгающій, 1622), „Praxis pietatis“ (Лешно, 1630 и др.), „Centrum securitatis, Hlubina bezpečnosti etc.“ (Глубина безопасности, или ясное разсужденіе о томъ, какъ въ одномъ единомъ Богѣ заключается всякая безопасность, спокойствіе и благословеніе, Лешно 1633 и др.), „Vyhost svétu“ (Амстердамъ, 1663), Umění kazatelské, и др. Заглавія этихъ сочиненій уже намекають на характеръ ученія Коменскаго, гдѣ строгая религіозность—господствующая черта въ нравственномъ ученіи Братъевъ—усиливалась тяжелыми испытаніями изгнанія.

Особенно важными произведеніями Коменскаго, имѣвшими цѣну не для однихъ его современниковъ и соотечественниковъ, были его философско-педагогическіе труды — *Janua linguarum* и знаменитый *Orbis pictus* ¹⁾. Эти два произведенія, къ которымъ присоединяются другія его латинскія сочиненія, собранныя въ Opera Didactica, имѣли чрезвычайный успѣхъ въ цѣлой Европѣ; они были переведены почти на всѣ европейскіе и даже на нѣсколько восточныхъ языковъ ²⁾. Знаменитый Вейль говорилъ объ *Janua* Коменскаго: „Quand Comenius p'aurait publié que ce livre-là, il se serait immortalisé“. По этимъ своимъ пронаведеніямъ Коменскій занимаетъ въ исторіи европейской культуры весьма высокое мѣсто. Его историческое значеніе опредѣляется тѣмъ, что онъ сталъ въ ряды оппозиціи, возставшей противъ педагогической схоластики и извращеннаго классицизма, которые господствовали въ „латинскихъ школахъ“, въ университетахъ протестантскихъ и въ католическомъ, особенно іезуитскомъ воспитаніи; въ своихъ дидактическихъ трудахъ Коменскій велъ впередъ то освободительное дѣло, представителями котораго были Монтэнъ и Вейль во французской литературѣ, Бэконъ и Локъ въ англійской, и педагогъ Ратихіусъ у Нѣмцевъ. Великая заслуга его была въ томъ, что онъ вводилъ въ школу реализмъ, старался основать воспитаніе не на школьной буквѣ, а на наблюденіи человѣческой природы. Возбудила его главнымъ образомъ *Instauratio magna* Бэкона, но онъ посвятилъ предмету такое широкое и самостоятельное изученіе, что его теорія стала дѣйствительнымъ подвигомъ въ исторіи европейскаго воспитанія. Коменскій исходилъ изъ мысли, что человѣкъ дѣлается человѣкомъ только черезъ воспитаніе, что оно должно сдѣлать человѣчество счастливымъ.

¹⁾ Полное заглавіе: *Orbis Sensualium pictus quadrilinguis—hoc est: omnium fundamentalium in mundo rerum et in vita actionum pictura et nomenclatura latina, germanica, hungarica et bohémica cum titulorum juxta atque vocabulorum indice. Norimb. 1658.* Чешское изданіе: *Svět viditedlný namalovaný etc.*, вышло въ Левотѣ (у Словаковъ), 1685.

²⁾ Русскій переводъ вышелъ въ 1768; 2-е изданіе 1788.

Воспитаніе основывается на естественной, физической и духовной природѣ человѣка; оно должно обращать вниманіе на требованія этой природы, въ своихъ приѣмахъ руководиться ея указаніями и ея свойствами; обученіе должно основываться не на тупомъ заучиваніи, а на самостоятельно приобретаемомъ опытѣ и познаніи: вмѣсто механическаго набиранія свѣдѣній, воспитаніе становится у Коменскаго нагляднымъ обученіемъ и естественнымъ развитіемъ. „Orbis pictus“ долженъ былъ служить средствомъ подобнаго обученія, — это былъ первый практической опытъ рациональной педагогикі. Обученіе должно идти отъ вещей извѣстныхъ къ неизвѣстнымъ, отъ легкаго къ трудному; каждому возрасту давать соразмѣрную пищу и трудъ. Для разныхъ сторонъ своей теоріи онъ выработалъ практическія наставленія и приѣмы... Въ то же время Коменскій возставалъ противъ преувеличеннаго и часто фальшиваго классицизма тогдашнихъ школъ, который вмѣсто роднаго языка и христіанскихъ понятій все вниманіе воспитанниковъ направлялъ на Горацийевъ, Плавтовъ, Катулловъ, Цицероновъ и проч.: „отсюда происходитъ то, — говорилъ Коменскій, — что мы среди христіанства съ трудомъ отыскиваемъ христіанъ“. Мысль о христіанствѣ господствуетъ въ нравственномъ ученіи Коменскаго и составляетъ другую сторону его педагогикі, христіанство должно быть цѣлью воспитанія и проникать всѣ педагогическіе приѣмы, направленные къ нравственному развитію... Коменскій не свободенъ, конечно, отъ несовершенствъ и ложныхъ понятій своего времени, — когда, напр., въ своихъ реальныхъ попыткахъ еще замѣняетъ живую природу посредствомъ нарисованной, когда, оспаривая образовательную силу классицизма, давалъ все-таки слишкомъ много значенія латинской фразеологикі и т. п. При всемъ томъ система его была цѣльнымъ взглядомъ на естественныя условія человѣческой природы и педагогическихъ задачъ, и справедливо приобрѣла свою обширную славу. Если въ „Дидактикѣ“ Коменскаго мы видимъ симпатическія черты убѣжденнаго христіанскаго философа и вмѣстѣ ревнителя науки, то эти черты еще болѣе сказываются въ его пансофическихъ трудахъ; цѣлью ихъ было собрать разбросанныя знанія въ систему, которая была бы доступна всѣмъ образованнымъ людямъ, для того чтобы наука *она* приобрѣла болѣе распространенія, *онутри* болѣе достовѣрности. „Своими пансофическими трудами, — говорилъ Коменскій, — мы стремимся къ тому, чтобы образованность, доселѣ разлитую почти безъ границъ, не установившуюся, во всѣхъ частяхъ колеблющуюся, собрать во едино способомъ болѣе сжатымъ, крѣпкимъ и прочнымъ, — чтобы не нужно было хвастаться наукой, но знать ее, и знать не слишкомъ много вещей, но вещи добрыя и полезныя, и зпать твердо и безошибочно“. Онъ желалъ сколько можно широкаго распространенія

науки, чтобы все христиане, какого бы ни было исповѣданія, дружно искали своего общаго успѣха и радовались общему счастью. Коменскій былъ въ настоящемъ смыслѣ слова другъ человѣчества, преданный идеямъ объ его счастіи, христіанскомъ мирѣ и просвѣщеніи и всю жизнь трудившійся для этихъ идей.

Наконецъ, Коменскій былъ поэтомъ — въ томъ христіанско-философскомъ духѣ, который отличаетъ все его произведенія. Онъ составлялъ духовныя пѣсни для Братскаго Канціонала, сдѣлалъ метрической переводъ псалмовъ; но главнымъ плодомъ его поэтическихъ стремленій было произведеніе, которое принадлежитъ къ числу самыхъ извѣстныхъ и уважаемыхъ памятниковъ всей чешской литературы. Это знаменитый *Лабиринтъ Свѣта* ¹⁾. Подробное заглавіе книги даетъ понятіе объ ея общей тенденціи: „Лабиринтъ свѣта и рай сердца, т. е. ясное изображеніе того, какъ въ этомъ свѣтѣ и во всехъ его вещахъ нѣтъ ничего, кромѣ суеты и заблужденія, сомнѣнія и горестей, призрака и обмана, тоски и бѣдствій, и наконецъ досады и отчаянія; но — кто остается дома въ своемъ сердцѣ и зазирается съ однимъ Господомъ Богомъ, какъ тотъ приходитъ самъ собой къ истинному и полному успокоенію мысли и въ радости“. Авторъ совершаетъ аллегорическое путешествіе по лабиринту свѣта, передъ нимъ раскрывается вся суета его „рынка“, онъ наблюдаетъ жизнь всехъ званій и сословій общества, видитъ пустоту человѣческихъ заботъ, стремленій и надеждъ, безсиліе человѣческой науки: на своемъ фантастическомъ пути онъ встрѣчаетъ наконецъ Христа и видитъ жизнь „внутреннихъ христіанъ“, въ которыхъ и заключается его идеаль. Въ этомъ идеалѣ чисто-христіанской жизни, которая находитъ полное успокоеніе и внутреннее счастье въ вѣрѣ, не знаетъ мірскихъ заботъ, суетности и вражды, не заботится о богатствѣ и славѣ, — въ этомъ идеалѣ не трудно узнать мысли Хельчицкаго о первобытномъ христіанствѣ и основныя положенія Братской Общины. Внутреннихъ христіанъ (какими Коменскій хотѣлъ видѣть Братьевъ, и всякое христіанство), освѣщаетъ двойное свѣтило разума и вѣры: они совершенно свободны, законъ ихъ вратовъ, потому что онъ весь въ заповѣдяхъ Бога, ихъ соединяетъ общность мыслей и чувствъ, и наконецъ общность имѣнія.. „Я видѣлъ, — говоритъ онъ, — что хотя бѣльшей частью они были бѣдны тѣмъ, что свѣтъ называетъ имѣніемъ, хотя мало имѣли и въ маломъ нуждались, но почти у всякаго было однако что-нибудь свое: но такъ, что никто съ этимъ не скрывался и передъ другими (какъ

1) «Labyrint Světa a Ráj srdce» и пр., вышедшій въ 1631 въ Лешнѣ, в. I, и затѣмъ въ эпоху гоненій противъ чешскихъ книгъ — въ Амстердамѣ 1663, въ Берлинѣ 1767, при началѣ Возрожденія издавъ былъ въ Прагѣ 1782, 1809, въ Бразовеградѣ 1846, въ Прагѣ 1862. Нѣмецкій переводъ: *Philosophische satyrische Reisen durch alle Stände der menschlichen Handlungen etc.* Berlin, 1787.

это дѣлается въ свѣтъ) не утаивалъ, но имѣлъ это какъ бы для всѣхъ, отдавая охотно, что кому было нужно. Такъ что всѣ поступали между собой съ своимъ имѣнемъ не иначе, какъ поступаютъ сидящіе за однимъ столомъ, всѣ съ одинаковымъ правомъ пользуются яствами. Увидѣвъ это, я устыдился, что у насъ часто дѣлается прямо противное этому... Я понялъ, что не такова божья воля“ ... ¹⁾).

Это изображеніе первобытнаго христіанства и было поэтическимъ идеаломъ Братской Общины. Этой проповѣдью внутренняго христіанства,—которая заключается видѣніемъ божественной славы и молитвою въ концѣ „Лабиринта“,—этой проповѣдью заканчивается старшій періодъ чешской исторіи; дѣятельность Коменскаго — послѣдній результатъ гуситскаго движенія. Коменскій „затворилъ за собою дверь“ Общины какъ ея послѣдній (собственно предпослѣдній) епископъ; и послѣдній защитникъ своего національнаго дѣла, онъ сталъ вмѣстѣ равностнымъ дѣвателемъ европейской культуры. Это было характеристическимъ завершеніемъ упадавшей чешской литературы.

Изъ другихъ „эзулантовъ“ надо назвать, кромѣ упомянутаго прежде Жеротина, въ особенности Павла Скалу изъ Згоржи (1583, ум. послѣ 1640). Жатецкій горожанинъ, приверженецъ Фридриха Пфальцскаго, евангелистъ по исповѣданію, онъ выселился изъ Чехіи послѣ Бѣлогорской битвы и поселился въ Саксоніи. Онъ былъ человѣкъ классически образованный, учился въ нѣмецкихъ университетахъ, путешествовалъ по Европѣ, и въ изгнаніи написалъ, во-первыхъ, церковную хронологію, а во вторыхъ огромное сочиненіе о церковной исторіи отъ временъ апостольскихъ въ девяти фоліантахъ, гдѣ съ 3-го уже начинается описаніе событій 1516—1623 г.: наиболее любопытна, конечно, та часть сочиненія, гдѣ онъ говоритъ какъ современникъ и очевидецъ. Исторія Скалы написана съ протестантской точки зрѣнія, но онъ старался быть безпристрастнымъ; изложеніе часто слишкомъ растянута, но заключаетъ важный матеріалъ ²⁾. Далѣе, можетъ быть названъ Павелъ Странскій (1583—1657), хотя онъ извѣстенъ только какъ писатель латинскій. Приверженецъ Общины, онъ сопротивлялся, сколько могъ, католической реакціи, но

¹⁾ Книга Коменскаго отвѣчала народному настроенію. Въ нѣскѣ чешскихъ изгнанниковъ XVII вѣка она стоитъ рядомъ съ Краллицой Библіей, какъ единственное достояніе, вынесенное изъ родины:

....Nezali sme z sebou
Nic, po všem veta!
Jen Biblí Kralickou,
Labyrint světa...

(Kollár, Nar. Zpiewanky Slowákůw 1, стр. 34).

²⁾ Выписки изъ него печатались въ «Часописѣ» 1831, 1834, 1847, въ «Словахъ» Гавличка, 1850. Чешскую исторію 1602—1623 издавалъ К. Тифтрукъ, въ пяти выпускахъ, 1865—1870. (Monumenta Hist. Bohem.).

наконецъ вынужденъ былъ оставить родину, потерявши при этомъ свое имущество, не мало бѣдствовалъ и, поселившись наконецъ въ Торуню, приобрѣлъ извѣстность своей книгой и получилъ профессуру въ тамошней гимназіи. Его латинское сочиненіе: *Respublica Bojema* (Лейденъ, 1634, 1643; Амстердамъ 1713, и въ сборникѣ Гольдаста: *Commentarii de regni Bohemiae... jurgibus et privilegiis*, 1719)—извѣстно какъ замѣчательно ясное изложеніе политическихъ отношеній и внутренняго состоянія чешской земли, не потерявшее цѣны до-сихъ-поръ, какъ историческій матеріалъ, и написанное классической латынью ¹⁾.

Та часть Братъевъ „резулантовъ“, въ средѣ которыхъ дѣйствовалъ Коменскій, выселилась на сѣверъ,—туда удалялись Жеротинъ, Павелъ Скала, Странскій. Другой потокъ выселенцевъ направился на юго-востокъ, въ сѣверную Венгрію, въ „Словенско“, т. е. землю Словаковъ. Со времени Гуса у Словаковъ господствовалъ письменный чешскій языкъ; многіе Словаки жилали потомъ въ Чехіи и приняли участіе въ чешскомъ церковномъ движеніи и литературѣ, какъ, напр., Лаврентій Нудожерскій и другіе. Съ приходомъ эмигрантовъ послѣ Бѣлогорской битвы, у Словаковъ явилась значительная литературная дѣятельность „чешско-словенская“. Въ словенскихъ типографіяхъ въ Жилинѣ, Тренчинѣ, Тернавѣ, Баньской-Быстрицѣ печатались книги сначала чешскихъ эмигрантовъ, потомъ писателей своихъ, — всего больше, почти исключительно, по предметамъ религіознымъ. Такимъ образомъ, въ XVII и XVIII столѣтіяхъ, когда чешская литература все больше падала въ самой Чехіи, отприсекъ ея жилъ у Словаковъ. Здѣсь извѣстны имена Юрія Травновскаго, Эліаша Лани, Самуила Грушковица, Данила Кермана, Степана Пиларжика и другихъ, о которыхъ подробнѣе скажемъ въ изложеніи литературы Словаковъ.

Въ самой Чехіи литература со времени Бѣлогорской битвы представляетъ печальную картину упадка, каковой испытываютъ народы въ трудныя или въ послѣднія времена своей исторической жизни. Изъ среды народа вдругъ вырваны были лучшія силы, именно тѣ, которыя удаленіемъ изъ родины свидѣтельствовали о твердости своего убѣжденія; другіе, уступившіе католической реакціи, уступали потому, что уже были надломлены борьбой: господствовать остались католическіе фанатики. — Для нихъ все предъидущее содержаніе литературы было только ересью, которая требовала истребленія, и они дѣйствительно ее истребляли. Тѣмъ, чѣмъ эти фанатики хотѣли спасти и облагодѣтельствовать свою страну, привело къ такому результату, что чешская

¹⁾ На этой книгѣ, между прочимъ, опирался Гильфердингъ, говоря о восточномъ церковномъ преданіи у Чеховъ. Но чешскіе критики отвергаютъ прочность основаній, вѣявшихъ имъ изъ книги Странскаго.

литература совсѣмъ прекратилась, т.-е. что народная жизнь была порвана: старой образованности не было, народъ терялъ національное сознание,—въ этихъ условіяхъ литературѣ нечѣмъ и не для чего было существовать.

Нѣсколько именъ, которыя надо здѣсь назвать, представляютъ или отголосокъ (хотя бы формальный) прежней образованности, въ первомъ поколѣніи, — или полую оргію іезуитства и обскурантизма; или, наконецъ, въ XVIII вѣкѣ, первыя теплыя воспоминанія о старой славѣ своего народа,—которыя однако еще не могли развиться въ фактъ настоящаго возрожденія.

Важнѣйшій писатель католической партіи, временъ послѣднѣе-борскихъ, былъ извѣстный Славата (выброшенный съ Мартиницомъ и Платтеромъ изъ окна 23 мая 1618), впоследствии канцлеръ чешскаго королевства. Вилемъ Славата (Slavata z Chlumu a z Košumberka, 1572—1652) происходилъ изъ панскаго рода; отецъ его былъ приверженецъ Братской Общины, мать лютеранка, самъ онъ воспитанъ въ братскомъ ученіи; но впоследствии онъ перешелъ на католическую сторону и сталъ однимъ изъ самыхъ рьяныхъ ея дѣятелей и полу-іезуитомъ; онъ былъ въ числѣ тѣхъ чешскихъ пановъ, которые убѣждали Рудольфа II не давать свободы исповѣданія для утраквистовъ. Съ его личными дѣлами въ политикѣ связанъ и его историческій трудъ. Поводомъ къ этому труду было сочиненіе Матвѣя Турна, предводителя недовольныхъ „чиновъ“, который хотѣлъ объяснить и оправдать дѣйствія своей партіи, между прочимъ, и выбросъ изъ окна. Славата добылъ это сочиненіе и предпринялъ защиту своей стороны. Мало-помалу работа разрослась до огромнаго размѣра четырнадцати фоліантовъ, и кромѣ чешскихъ вошли въ нее также событія у другихъ народовъ. Исторія Славаты доведена съ 1527 до 1592 года и, кромѣ того, въ его личной защитѣ описаны событія начала XVII вѣка. Она имѣетъ свои литературныя достоинства, хотя часто растянута и неровна; но чрезвычайно важна во всякомъ случаѣ какъ современное свидѣтельство, гдѣ, кромѣ личныхъ „памятей“ Славаты, внесены также записки его друзей ¹⁾.

Къ числу пановъ тойже габсбургской партіи принадлежалъ графъ Германъ Чернинъ изъ-Худениць (1579—1651), который въ 1598 путешествовалъ съ Гарантомъ изъ-Польжиць въ Св. Землю, позднѣе нѣсколько разъ былъ въ посольствѣ въ Турціи и написалъ дневникъ своего путешествія въ Константинополь 1644—45 г. ²⁾ Игнатій

¹⁾ Извлеченія изданы I. Пречкомъ: «Paměti z dob 1606 — 1619». Прага, 1866—68, 2 ч. (во введеніи подробное описаніе дѣлаго сочиненія Славаты); «Děje uvertké za Ferdinanda I. Od 1526—1546». Вѣна, 1857.

²⁾ Lumír, 1856, и Миклошича, Slav. Bibliothek, II.

изъ-Штернберга оставилъ путешествіе въ западныя земли, 1664—65. Это были послѣдніе паны, писавшіе по чешски.

Бѣлогорская катастрофа нанесла поражение цѣлому движенію, совершавшемуся въ Чехіи съ конца XIV вѣка. Реакція истребляла огнемъ и мечемъ, тюрьмой и изгнаніемъ всѣхъ людей, учрежденія, литературу, носившія печать гуситства, реформы, Братской Общины; вынуждая ихъ послѣдователей въ переходу въ католицизмъ, реакція старалась изгладить въ умахъ всю память объ этомъ движеніи, или представить это прошедшее какъ гибельное заблужденіе, опасную ересь. Изъ старыхъ историковъ уцѣлѣлъ только Гаекъ; какъ говорить, изъ него особенно чешскій народъ и сохранилъ кое-какія воспоминанія о своей старинѣ.

Въ этомъ духѣ писалась въ XVII—XVIII вѣкѣ чешская исторія, и часто уже только на латинскомъ языкѣ. Первое мѣсто въ ряду этихъ писателей занимаетъ знаменитый іезуитъ, и однако чешскій патриотъ, Богуславъ Бальбинъ (1621—1688), который хотя и писалъ только по-латыни, но не долженъ быть пропущенъ въ исторіи чешской литературы по характеру и содержанію своихъ сочиненій. Взглядъ его на прошлую исторію былъ реакціонно-католическій; но іезуитство не уничтожило въ немъ правдивости ученаго историка и теплаго чувства къ родицѣ и ея прошедшему. Онъ отдался изученію чешской исторіи; но этотъ предметъ самъ по себѣ казался подозрительнымъ и когда онъ кончилъ свой главный трудъ: „*Eritome regum bohemicarum*“—книга семь лѣтъ лежала въ цензурѣ вѣнской и римской, и авторъ посланъ былъ на покаяніе. Сочиненіе вышло наконецъ въ 1677, благодаря заступничеству знаменитаго вѣнскаго бібліотекаря Ламбеція и графа Кинскаго. Въ 1680 Бальбинъ началъ издавать обширныя „*Miscellanea historica regni Bohemiae*“, заключающія множество свѣдѣній по географіи, древностямъ, исторіи. Нѣкоторыя части этого сборника, именно относящіяся къ исторіи чешскаго образованія, изданы были уже долго послѣ ¹⁾. Во время испытаннаго гоненія Бальбинъ написалъ горячую защиту чешскаго языка, для котораго начиналось тогда время наибольшаго упадка: эта книга, — одна изъ извѣстнѣйшихъ въ литературѣ славянскаго возрожденія, — не могла увидѣть свѣта въ то время и издана была только послѣ, когда съ первыми попытками національнаго движенія потребовались аргументы для его защиты ²⁾. Баль-

¹⁾ Bohemia docta. Ed. R. Ungar. Pragae, 1776—1780. Pars II. Ed. P. Candidus. Pragae, 1777.

²⁾ Dissertatio apologetica pro lingua slavonica, praecipue bohemica. (Первоначальное заглавіе: De regni Bohemiae felici quondam, nunc calamitosa statu). Издагъ Фр. М. Пельцель. Прага, 1775. Чешскій переводъ Эм. Тоннера, Прага, 1869.

бинъ побуждалъ и друзей своихъ изучать чешскую исторію: „нѣтъ радости больше, какъ радоваться тому, что наше отечество породило столько славныхъ мужей въ войнѣ и мирѣ, отечество, которое мы видимъ теперь уничтоженнымъ и оплакиваемъ“. „Трудитесь надъ чешской исторіей, когда есть досугъ—вѣдь между Чехами мало насъ, которые умѣютъ цѣнить свою родину и которые—не гости и не чужеземцы въ вещахъ отечественныхъ“.

Кромѣ Бальбина, писали о чешско-моравской исторіи: Томашъ Пешина изъ-Чехорода (1629—1680), священникъ, потомъ епископъ, написавшій *Prodromus Moravogographiae t. j. Předchůdce Moravorisu*, 1663, и нѣсколько другихъ, латинскихъ сочиненій; Янъ Бецковский (1658—1725), которому принадлежитъ „*Rozekupné starýchъ příběhův českýchъ, aneb kronika česká*“, Пр., 1700 (здѣсь напечатана одна первая часть), гдѣ сначала излагаетъ чешскую исторію по Гайку до 1526, а потомъ до Леопольда I, 1657 г., самостоятельно ¹⁾; каноникъ Янъ Гаммершмидъ (1658—1737). Изъ лицъ не-духовныхъ можно назвать Вацлава Фр. Козманецкаго (*Kozmanecius* или *Kozmanides*, 1607—1679), который оставилъ краткое описаніе тридцати-лѣтней войны, дневникъ осады 1648 года и нѣсколько латинскихъ и чешскихъ шуточныхъ пьесъ и плохихъ стихотвореній.

Но затѣмъ главный специфическій плодъ католической реакціи была цѣлая литература благочестивыхъ книгъ, поученій и т. п., писанная особенно іезуитами. Изъ этихъ писателей болѣе извѣстны: Вацлавъ III турмъ, принадлежавшій, впрочемъ, еще предыдущему періоду (1583—1601), іезуитъ, злѣйшій противникъ Братской Общины; Войтѣхъ Берличка (*Scipio Vojtěch Šebastian*, или *Berlička z Chmelce*, род. 1565, ум. послѣ 1620), іезуитъ, учившійся у знаменитаго Скарги; Юрій Плахій (или *Jiří Fegus*, 1585 — 1659); Матвѣй-Вацлавъ Штейеръ (1630—1692, *Steyr* или *Stýr*), іезуитъ, основатель „свято-вацлавскаго общества“ для изданія чешскихъ благочестивыхъ книгъ, между прочимъ трудившійся, съ іезуитами Констанцемъ и Барнеромъ, надъ „Свято-вацлавской библіей“; Феликсъ Кадлинскій (1613—1675), іезуитъ, по обычаю авторъ благочестивыхъ книжекъ, извѣстенъ какъ хорошій стихотворный переводчикъ, и въ особенности его переводный съ нѣмецкаго „*Zdorošlavíček v kratochvilnémъ háječku rostavený*“ (Прага, 1665, 1726) считается однимъ изъ лучшихъ произведеній тогдашней литературы. Наконецъ, писателемъ былъ и знаменитый въ своемъ родѣ Антонинъ Копиашъ (*Kopíšaš*, 1691 — 1760), образецъ іезуитскаго изувѣра: шпіонившій, отбравшій и сожигавшій чешскія книги. Изъ произведеній его только одно

¹⁾ Вторую часть, именно важную, началъ издавать съ 1879 Ант. Резекъ.

имѣть большую извѣстность: *Clavis haeresim claudens et aperiens*, *Klíč kacířské bludy k rozeznání otvírající, k vykořenení zamykající*, или: „Ключъ, еретическія заблужденія для узнанія ихъ отвергивающій, и для искорененія замыкающій“, или списокъ запрещенныхъ книгъ, т.-е. старой чешской не-іезуитской литературы ¹⁾.

Въ результатъ трудовъ подобныхъ дѣятелей не только упала чешская литература, но вся національная жизнь была близка къ гибели ²⁾. Высшіе классы больше и больше покидали чешскій языкъ, уже не представлявшій ни общественнаго, ни свободно-религіознаго, ни поэтическаго содержанія; литература сводилась на благочестиво-іезуитскія книжки для простонародья. Этимъ достаточно объясняется, почему чешскій языкъ упалъ и въ формальномъ отношеніи. Старое литературное преданіе было прервано не безнаказанно: грамотѣи XVII и XVIII вѣка стали перекраивать по своему книжныи языкъ и ихъ писанія прославились какъ образцы безвкусія и уродства. Таковы были чешскіе Тредьяковскіе: Вацлавъ Роса (ум. 1689), Янъ-Вацлавъ Полю (Pohl, ум. 1790) и послѣдователь Поля, Максимилианъ Шимекъ (1748—1798), написавшій, впрочемъ, по-нѣмецки нѣсколько полезныхъ книгъ по изученію Славянства. Полю, придверникъ (Камертюрхüter, камерлакей?) при императорскомъ вѣнскомъ дворѣ и вмѣстѣ учитель чешскаго языка при сыновьяхъ Маріи-Терезіи, приводилъ въ отчаяніе Добровскаго, который и печатно не разъ возставалъ противъ его нелѣпныхъ нововведеній; чешскіе историки не сомнѣваются, что нелюбовь Іосифа II къ чешскому языку надо приписать усердію Поля ³⁾.

4. ВОЗРОЖДЕНИЕ ЛИТЕРАТУРЫ И НАРОДНОСТИ.

Въ концѣ XVIII столѣтія упадокъ литературы дошелъ до послѣдней степени. Чешская книга стала рѣдкостью: новыхъ не было, старыя истреблялись. Фанатизмъ іезуитовъ уничтожалъ чешскія книги по старой памяти даже и во второй половинѣ XVIII вѣка. Балбинъ, патріотъ не по примѣру своихъ собратій, съ сожалѣніемъ говоритъ объ участи чешскихъ книгъ, которыя жглись на кострахъ и истреблялись какъ еретическія, даже если въ нихъ и не было ничего о религіи. Это было въ концѣ XVII столѣтія. Въ 1783 Карлъ Тамъ въ

¹⁾ Изданъ былъ в Kral. Hradci, 1729, 1749.

²⁾ О литературѣ іезуитской см.: Pelzel, *Böhmische, mährische und schlesische Gelehrte und Schriftsteller aus dem Orden der Jesuiten*. Prag 1786.

³⁾ *Wäre doch der Beruf, seine Majestät in der böhmischen Sprache zu unterrichten, einem Manne von Geschmack zu Theil geworden, — писалъ Добровскій въ 1792 (Gesch. der böhm. Sprache, 209).*

„Защитѣ чешскаго языка“, одной изъ первыхъ книгъ Возрожденія, рассказываетъ: „Извѣстно, что еще три года тому назадъ заведены были такъ-называемые высланцы (т.-е. жандармы), которые какъ голодные волки бѣгали по всѣмъ краямъ чешской земли, высматривали каждый уголокъ, и если находили гдѣ-нибудь какую чешскую книгу, хорошую или дурную, хватали ее и, едва заглянувъ въ нее, отнимали насильно и, ровно ничего не разумѣя въ чешскихъ книгахъ, ругались надъ ними, рвали ихъ и жгли“.

Первый толчокъ національному сознанию дало правленіе Іосифа II хотя это вовсе не входило въ его цѣли. То былъ вѣкъ „просвѣщеннаго абсолютизма“; Іосифъ былъ человекъ съ идеями французской философіи, не только не думавшій поддерживать дѣла іезуитовъ, но желавшій истребить всякіе ихъ слѣды. Самый орденъ былъ передъ тѣмъ закрытъ. Врагъ клерикальнаго обскурантизма, Іосифъ искренно желалъ просвѣщенія народа, и когда представлялся важный въ его многоязычной имперіи вопросъ о языкѣ, который долженъ стать проводникомъ просвѣщенія, онъ рѣшилъ за нѣмецкій. Съ своей точки зрѣнія онъ судилъ вѣрно: нѣмецкій языкъ (кромѣ того, что былъ политически господствующій) приобрѣталъ тогда съ Лессингомъ, Гердеромъ, съ нѣмецкими „Aufklärer“ большое литературное и образовательное значеніе,—между тѣмъ мы видѣли, въ какой черезъ-чуръ неудачной формѣ онъ узнавалъ чешскій языкъ, и хотя бы онъ зналъ даже лучшую его сторону, то все-таки чешскую литературу, оставившуюся съ начала XVII вѣка, надо было бы еще много обрабатывать прежде, чтобъ она могла съ успѣхомъ служить новому образованію. Въ 1774 г. въ чешскихъ школахъ и управленіи введенъ былъ нѣмецкій языкъ. Чехамъ грозила полная германизация: образованіе, носившее прежде безразличную латинскую форму, стало принимать теперь форму нѣмецкую, которая была еще больше опасна для народности; высшіе классы стали почти окончательно нѣмецкой аристократіей; народная масса оставалась въ невѣжествѣ.

Но задуманная германизация произвела и первыя попытки національной реакціи, ознаменовавшей новыи періодъ славянскихъ литературъ. Правленіе Іосифа II принесло само возмозможность и средства возрожденія. Нѣтъ сомнѣнія, что просвѣдительныя и гуманныя идеи XVIII вѣка, которыхъ Іосифъ былъ ревностнымъ прозелитомъ, были однимъ изъ главныхъ двигателей, которымъ чешская литература обязана своимъ восстановленіемъ. Мѣры Іосифа направлены были противъ чешской народности, но онъ же далъ и средства борьбы — ту степень гражданской и религіозной свободы, которая сама возбуждала въ дѣйствію и общественныя силы. Политика Іосифа была столько же опасна для народности, сколько и благотворна этимъ возбуждающимъ влія-

ніемъ. Лучшихъ людей чешскаго общества тяжело поразило это исключеніе чешскаго языка изъ жизни, и поставило передъ ними вопросъ: дѣйствительно-ли погибла въ народѣ всякая способность національнаго сознанія, и не должно ли, напротивъ, только пробудить его, чтобы оно возродилось? Теперь можно было сдѣлать опытъ, и національныя стремленія могли идти параллельно съ тѣмъ же духомъ времени, который породилъ политику Іосифа II. Патриотическое чувство передовыхъ людей дѣйствовало въ видахъ того же просвѣщенія и народнаго блага, только другимъ путемъ: они стали стремиться къ возбужденію національнаго духа, потому что народный языкъ считали лучшимъ проводникомъ для народнаго образованія. Съ другой стороны опасность германизации пробудила историческія воспоминанія, такъ долго подавленныя, которыя и стали другимъ орудіемъ для защиты народности. Изъ такихъ источниковъ произошло то новое движеніе чешской литературы, которое обозначаютъ именемъ *Возрожденія*.

Чешскіе историки дѣлятъ обыкновенно исторію этого Возрожденія или новѣйшей чешской литературы на три эпохи: первая—съ двухъ или трехъ послѣднихъ десятилѣтій прошлаго вѣка до 1820 года; вторая—до 1848, и третья—до настоящаго времени. Это дѣленіе дѣйствительно имѣетъ основаніе въ особыхъ чертахъ каждаго изъ этихъ періодовъ.

Обширные историческіе факты имѣютъ обыкновенно далекіе корни. Такъ и чешское Возрожденіе обнаружилось, но не началось съ послѣднихъ десятилѣтій прошлаго вѣка. Самымъ дальнимъ его источникомъ была прошлая исторія Чехіи и тотъ трудно искоренимый національный инстинктъ, который, какъ бы ни былъ угнетенъ, но если не уничтоженъ совсѣмъ, способенъ быстро возрождаться при первыхъ благоприятныхъ условіяхъ. Надъ чешской народностью совершенно было столько насилій, что, повидимому, ее можно было считать покончившей свою историческую жизнь; но, какъ мы видѣли, во времена самаго тяжкаго упадка связывалось все-таки народное чувство, привязанность къ своему языку, къ прошедшему своего народа. Къ концу XVIII вѣка, это чувство пріобрѣтаетъ новую силу: патриотическій интересъ къ народной старинѣ поддержанъ былъ общимъ развитіемъ исторической науки. Первые дѣятельные воскресители чешской народности были ученые историки, труды которыхъ (часто только латинскіе и нѣмецкіе) внушали соотечественникамъ любовь къ родинѣ, и среди инноваторовъ указывали и защищали ея историческое право. Другимъ сильнымъ союзникомъ начинавшагося движенія было все просвѣтительное направленіе эпохи, которое впервые давало выразиться свобод-

нымъ стремленіямъ общества, — старше опекуны котораго, іезуиты, сошли притомъ со сцены. Въ этихъ-то условіяхъ и могли найтись убѣжденные и преданные люди, труды которыхъ положили первое прочное основаніе Возрожденію.

По свойству дѣла неудивительно, что первыми руководителями Возрожденія были не замѣчательные писатели или поэты, а ученые историки и филологи. Старое литературное преданіе было такъ заброшено, такъ преслѣдуемо, что можно было считать, что его совсѣмъ не было; литература наличная была низменная и никакъ не способная быть исходнымъ пунктомъ. Надо было возобновить преданіе, и историческіе труды явились необходимостью. Неудивительно и то, что первые начинатели Возрожденія едва могутъ назваться чешскими писателями: они гораздо больше писали по-нѣмецки и по-латыни, нежели по-чешски.

Старѣйшимъ въ этомъ ряду дѣятелей былъ Геласій Добнеръ (1719—1790). Кончивъ первоначальное ученье, онъ рано вступилъ въ орденъ піаристовъ, который въ дѣлѣ обученія былъ первой оппозиціей іезуитству, и который въ тѣ же времена далъ замѣчательныхъ дѣятелей польскому образованію ¹⁾. Жизнь Добнера прошла въ учительствѣ и ректорствѣ въ школахъ его ордена, — и въ изученіяхъ историческихъ. Однимъ изъ важнѣйшихъ его трудовъ было изданіе (по желанію чешскихъ піаристовъ) Гайковой хроники въ латинскомъ переводѣ упомянутаго раньше Викторина: но Добнеръ не остался простымъ издателемъ и присоединилъ къ хроникѣ свой комментарий — первый опытъ чешской исторической критики, гдѣ указалъ несостоятельность многочисленныхъ баснословій Гайка. Въ то же время Добнеръ собиралъ матеріалы, написалъ много изслѣдованій по церковной и политической исторіи Чехіи, по археологіи, библиографіи и проч. Его великой заслугой было основаніе чешской исторической критики; эту заслугу очень цѣнилъ требовательный Шлещеръ, говоря, что Добнеръ былъ первый ученый, который въ чешской и польской исторіи „пересталъ безумствовать“ (*delirare desiit*). Кромѣ этого, Добнеръ принесъ и другую, практическую пользу для дѣла чешской народности: онъ воспиталъ ревностныхъ послѣдователей, и въ 1770 году они составили частное уче-

¹⁾ Полный титулъ этого ордена — *Ordo clericorum regularium pauperum Matris Dei scholarum piarum*. Основателемъ его былъ испанецъ Іосифъ Каласанца (1556—1648) въ первые годы XVII вѣка. Еще въ первой половинѣ этого вѣка піаристы или піары появились въ Австріи, Польшѣ, Чехіи и Моравіи; но орденъ былъ еще немногочисленъ. Съ конца XVII онъ сталъ здѣсь размножаться и произвелъ много замѣчательныхъ педагоговъ и ученыхъ, которые имѣли благотворное вліяніе на характеръ и расширеніе образованности. Замѣна іезуитовъ піаристами была цѣлымъ поворотомъ въ ходъ общественнаго образованія у Поляковъ и у Чеховъ. Это былъ переходъ къ новѣйшей болѣе правильной школѣ, и замѣна іезуитскаго клерикализма мягкимъ гуманизмомъ.

ное общество, посвященное математикѣ, естествознанію и изученію чешской старины, которое въ 1784 превратилось въ „Королевское Общество наукъ“¹⁾. Добнеръ писалъ только по-латыни и по-нѣмцеи.

Названное ученое общество основалось главнымъ образомъ по стараніямъ Игн. Борна (1742—1791); это былъ чешскій шляхтичъ, ученый минералогъ, вообще просвѣщенный и свободомыслящій человекъ, наконецъ „вольный каменщикъ“²⁾. Въ историческомъ отдѣлѣ общества собрались около Добнера болѣе молодыя силы: Пельцель, Фойгтъ, Длабачъ, Унгаръ, Дурихъ, Прохавка, и въ особенности Добровскій.

Франт. Мартинъ Пельцель (по чешскому написанію Pelcl, по нѣмецкому Pelzel, 1734—1801) былъ однимъ изъ наиболѣе заслуженныхъ чешскихъ патриотовъ этого времени. Опять ученикъ шаристовъ, онъ приобрѣлъ въ ихъ школѣ и въ университетахъ пражскомъ и вѣнскомъ обширныя и разнообразныя свѣдѣнія, особенно историческія и литературныя; нѣсколько лѣтъ онъ провелъ воспитателемъ въ домахъ чешскихъ аристократовъ, графовъ Штернберговъ, потомъ Ностицовъ, гдѣ имѣлъ случай завязать дружескія связи со многими учеными и патриотами; впоследствии, когда въ 1792 въ пражскомъ университетѣ основана была впервые катедра чешскаго языка и литературы, она занята была Пельцелемъ. Его многочисленныя ученые работы сосредоточены были на чешской исторіи и языкѣ. Первымъ трудомъ, обратившимъ на него вниманіе патриотовъ и ученой публики, была краткая чешская исторія³⁾, написанная по убѣжденію Борна; успѣхъ книги показывалъ, какой насущной потребности она удовлетворяла. Въ 1775, Пельцель сдѣлалъ другое характеристическое изданіе—упомянутой Бальбиновой „Защиты чешскаго языка“, которая принята была обществомъ съ такимъ горячимъ участіемъ, что, хотя книга была правильно напечатана съ доволненія цензуры, она вскорѣ была запрещена и отбираема. Далѣе слѣдовалъ рядъ историческихъ изслѣдованій, какъ біографія Карла IV, Вацлава IV, исторія чешско-моравскихъ ученыхъ изъ ордена іезуитовъ, исторія Нѣмцевъ и ихъ языка въ Чехіи, много частныхъ изслѣдованій біографическихъ, наконецъ, работы по грамматикѣ чешскаго языка и пр.⁴⁾ Онъ соста-

¹⁾ Главные труды Добнера: Wenceslai Hagek a Liboskan, Annales Bohemorum e bohemica editione latine redditi etc. Прага, 1764—86, 6 частей; Monumenta historica nusquam antehac edita, 1764—86, 6 ч., и рядъ статей въ изданіяхъ упомянутого общества.

²⁾ Между прочимъ, въ свободныя Іосифовскія времена онъ надѣлалъ шуму своею латинскою сатирой на монаховъ: Ioan. Physiophili opera; continent Monachologiam, accusationem Physiophili, defensionem Physiophili, anatomiam monachi. Aug. Vind. 1784.

³⁾ Kurzgefasste Geschichte der Böhmen, von den ältesten bis auf die neuesten Zeiten. Prag, 1774, 1779, 1782.

⁴⁾ Kaiser Karl IV, König von Böhmen, 1780—81, и Apologie des Kaisers Karl IV, 1785;—Lebensgeschichte des römischen und böhm. Königs Wenzeslaus, 1788—

виль также чешскую библиографію печатныхъ книгъ, съ ихъ перваго появленія по 1798, и обзоръ чешской литературы, но эти труды остались неизданными. Наконецъ, онъ предпринялъ переработать на чешскомъ языкѣ и подробнѣе свою исторію: это была *Nová Kronika česká*, доведенная въ трехъ выпускахъ 1791—1796 г. до 1378; 4-й выпускъ, доведенный до 1429, остался неизданнымъ. Чешскіе историки думаютъ, что своими трудами Пельцель въроятно больше всѣхъ своихъ современниковъ содѣйствовалъ пробужденію народнаго чувства, обработкѣ языка и литературы. Его „Чешская Хроника“ стала популярной книгой. Личныя отношенія съ чешской аристократіей дали Пельцелю возможность распространять и здѣсь любовь къ чешской старинѣ и народности, какъ своими книгами онъ распространялъ ее между горожанами и селянами.

Изъ другихъ ученыхъ и писателей этого круга назовемъ еще Фойгта (*Mikulaš V.*, по монашескому имени *Adaustus a S. Germano*, 1733—1787), также ревностнаго изслѣдователя старины: вмѣстѣ съ Пельцелемъ, Риггеромъ и другими, онъ издалъ портреты чешскихъ ученыхъ и художниковъ съ краткими биографіями, матеріалы для исторіи чешской литературы ¹⁾. Карлъ Унгаръ (по монашескому имени *Rafaël*, 1743—1807), ученый гуманистъ, профессоръ теологій и библиотечаръ пражскаго университета, издатель Бальбиновой „*Bohemia docta*“ (1776—80, 3 части), былъ также горячимъ патриотомъ и особой заслугой его было обогащеніе университетской бібліотеки; для нея онъ отовсюду, гдѣ могъ, собиралъ старыя чешскія книги и рукописи — которыя еще такъ незадолго передъ тѣмъ жгли іезуиты. Какъ и Фойгтъ, онъ писалъ по-латыни и по-нѣмецки. Далѣе, однимъ изъ замѣчательныхъ ученыхъ этого времени былъ Вацлавъ-Мих. Дурихъ (въ монашествѣ *Фортунатъ*, 1738—1802), ориенталистъ и ревностный славянской археологъ, возбуждавшій Добровскаго къ изученію старо-славянщины. Главный трудъ его въ этой области ²⁾ долженъ былъ заключать политическую, церковную, литературную и культурную исторію стараго Славянства, но остановился на первой части. Ученикомъ и товарищемъ Дуриха былъ Франт. Прохазка (въ монашествѣ *Фау-тинъ*, 1749—1809): онъ рано вступилъ въ пауланскій орденъ, гдѣ на его даровитость обратилъ вниманіе Дурихъ, принадлежавшій тому

90;—сочиненіе объ іезуитахъ указано выше; — *Geschichte der Deutschen und ihrer Sprache in Böhmen*, 1788—91, 2 ч.;—*Grundsätze der böhm. Grammatik*, 1795, 1798, съ помощью Добровскаго. Съ нимъ же онъ издалъ *Scriptores rerum bohemicarum*, 1782—84, 2 ч.

¹⁾ *Effigies virorum eruditorum et artificum cum breve vitae operumque enumeratione*. Pr. 1773—82, 4 части; *Acta litteraria Bohemicae et Moraviae*, 1774—83, 2 ч.

²⁾ *Bibliotheca slavica antiquissimae dialecti communis et ecclesiasticae universae Slavorum gentis*, 1793.

же ордену; Дурихъ не мало помогъ ему въ изученіи восточныхъ и классическихъ языковъ, а также чешскаго языка, исторіи и литературы. Первымъ важнымъ трудомъ Прохазки было новое исправленное имъ и Дурихомъ изданіе чешской католической Библии, сдѣланное по желанію Маріи-Терезіи. Изданіе (по Вульгатѣ) вышло въ 1778—80, и Добровскій называлъ его трудомъ классическимъ. Затѣмъ Прохазка разнымъ образомъ участвовалъ въ литературныхъ интересахъ того времени. Чтеніе старой чешской литературы дало ему такое знаніе языка, что въ то время никто не могъ съ нимъ въ этомъ отношеніи равняться ¹⁾. Заботясь о возвышеніи чешскаго языка и вида недостатковъ новыхъ сочиненій для народа, онъ сталъ перепечатывать старыя чешскія книги; затѣмъ предпринялъ снова обработку чешской Библии, и въ 1786 издалъ Новый Заветъ, вновь переведенный съ греческаго текста. Въ 1804 вышло новое изданіе чешской Библии, съ вариантами и объяснительными примѣчаніями. Между тѣмъ, его сдѣлали начальникомъ всѣхъ чешскихъ гимназій, и послѣ Унгара онъ сталъ завѣдывать университетскою бібліотекою.

Но высшимъ представителемъ движенія Іосифовыхъ временъ былъ знаменитый аббатъ Іосифъ Добровскій, котораго дѣятельность вышла за предѣлы чешской народности и имѣетъ великое историческое значеніе все-славянское. Іосифъ Добровскій (1753—1829; собственно Doubravský, но имя было неправильно записано крестившимъ его священникомъ поляка, гдѣ служилъ его отецъ). Живя дѣтскіе годы въ нѣмецкомъ городѣ, онъ воспитался на нѣмецкомъ языкѣ, по-чешски выучился только позднѣе, но чешскій все-таки называлъ своимъ роднымъ языкомъ. Въ 1768 онъ поступилъ въ пражскій университетъ, обратилъ на себя вниманіе своими дарованіями и іезуиты искали уже завлечь его въ орденъ: въ 1772 онъ дѣйствительно вступилъ въ іезуитскій новиціатъ въ Вёрнѣ (Брюннѣ), но уже въ слѣдующемъ году орденъ былъ закрытъ и Добровскій воротился въ Прагу. Здѣсь онъ ревностно принялся за изученіе восточныхъ языковъ, что сблизило его съ Дурихомъ: въ 1777 Добровскій уже посылалъ статьи для „Восточной Библіотеки“ знаменитаго Михаэлиса. Еще не окончивъ своего богословскаго курса, Добровскій приглашенъ былъ учителемъ философіи и математики въ домъ чешскаго аристократа, графа Ностица (впослѣдствіи намѣстника Богеміи), гдѣ воспитаніемъ сыновей Ностица завѣдывалъ Пельцель. Этотъ послѣдній вызывалъ Добровскаго къ изученію чешской исторіи и литературы, и возбужденія Пельцеля и Дуриха положили основаніе трудамъ и славѣ Добровскаго. Въ домѣ Ности-

¹⁾ Однимъ изъ извѣстнѣйшихъ трудовъ его были: *Miscellaneen der böhm. und mähr. Literatur, seltener Werke und verschiedener Handschriften*, Прага, 1784—85, 3 выпуска.

цовъ Добровскій провелъ лучшіе годы своей жизни, 1776—1787; по своему тонкому и изящному характеру онъ сталъ любимцемъ семейства и встрѣчался здѣсь съ лучшими людьми своей родины. Вскорѣ онъ началъ свои ученныя изысканія по чешской старинѣ и литературѣ; въ нихъ обнаружилась критическая сила, которая въ короткое время доставила ему большую ученую извѣстность. Въ 1782, Добровскій, по несчастью, опасно раненъ былъ на охотѣ пулей въ грудь; его вывели, но пуля осталась въ тѣлѣ, — этому обстоятельству Добровскій приписывалъ душевную болѣзнь, періодически постигавшую его въ поздніе годы. Въ 1786 онъ посвятился въ священники, чтобы получить ректорство въ „генеральной семинаріи“; но ректорство было недолговременно, такъ какъ по смерти Іосифа II всѣ генеральныя семинаріи были закрыты; Добровскій снова нашелъ пріютъ у Ностицовъ и исключительно предавался своимъ историческимъ трудамъ по исторіи Славянства, по чешско-моравской старинѣ и литературѣ ¹⁾.

Въ 1791, императоръ Леопольдъ, послѣ своего коронованія въ Прагѣ, присутствовалъ въ засѣданіи ученаго Общества (за годъ передъ тѣмъ обществу данъ былъ титулъ „Королевскаго“), и Добровскій въ рѣчи, имъ читанной при этомъ, высказалъ просьбу, чтобы король „охранилъ противъ насилія чешскій народъ при его материнскомъ языкѣ, этомъ драгоценномъ наслѣдіи по праотцамъ“. Въ маѣ 1792, по порученію Общества, Добровскій отправился въ Швецію для разысканія въ ея бібліотекахъ рукописей, вывезенныхъ Шведами въ тридцати-лѣтнюю войну изъ Чехіи и Моравіи, особенно изъ Праги въ 1648, хотя розыски не были особенно успѣшны ²⁾. Изъ Швеціи Добровскій проѣхалъ въ Петербургъ и Москву, что было очень важно для его изученій, и вернулся въ февралѣ 1793. Въ слѣдующемъ году, онъ путешествовалъ съ своимъ ученикомъ по южной Германіи и до Венеціи, далѣе самъ ѣздилъ по Австріи и Венгріи, а Чехію прошелъ пѣшкомъ вдоль и поперекъ. Въ 1795 его въ первый разъ постигъ припадокъ душевной болѣзни, отъ которой его долго лечили, между прочимъ занимая его садоводствомъ и ботаникой, — это подѣйствовало на него хорошо, и онъ впоследствии не безъ успѣха писалъ по ботаникѣ. Съ 1803, онъ жилъ въ Прагѣ и гостилъ у своихъ аристократиче-

¹⁾ Замѣтимъ нѣкоторые. Первымъ опытомъ его было: *Fragmentum Pragense evangelii S. Marci, vulgo autographi*, 1778, гдѣ доказалъ, что рукопись этого евангелія, хранившаяся въ Прагѣ и которую считали автографомъ апостола, писана никакъ не имъ. Съ 1779 онъ издавалъ выпусками: *Böhmische Litteratur; Ueber den Ursprung des Namens Tschech*, 1782, при Пельцелевой *Исторіи Чехіи; Historisch-kritische Untersuchung, woher die Slaven ihren Namen erhalten haben*, 1784, въ *Abhandl. einer Privatgesellschaft; Ueber die ältesten Sitze der Slaven in Europa*, 1788, при исторіи Моравіи, Монзе; *Geschichte der böhmischen Sprache und Litteratur*, 1791, въ *Abhandlungen*, и отдѣльно въ новой обработкѣ, 1792.

²⁾ Въ наше время они были дополнены Бедой Дудикомъ; а года два назадъ самыя рукописи возвращены изъ Швеціи и находятся теперь въ Бергѣ.

скихъ друзей, Ностицовъ, Штернберговъ, Черниновъ. Ученые труды по чешской древности, по чешскому и славянскому языку продолжались, приобрѣтая значеніе великаго ученаго дѣла ¹⁾. Его грамматика чешскаго языка послужила образцомъ, по которому стали составляться грамматики другихъ славянскихъ нарѣчій. По основаніи Чешскаго Музея, 1818, Добровскій съ самаго начала участвовалъ въ его управленіи, и потомъ, съ 1827, въ предпринятыхъ имъ изданіяхъ. Въ 1822 явилось знаменитѣйшее его произведеніе—первая реставрація старо-славянскаго языка: *Institutiones linguae slavicae dialecti veteris* (Вѣна). Въ 1828 съ нимъ случился новый приступъ его болѣзни, общее адоревье стало падать, и въ январѣ 1829 онъ умеръ ²⁾.

Добровскій оказалъ чешскому и вообще славянскому возрожденію великія услуги. Своими историко-филологическими изслѣдованіями онъ въ первый разъ бросилъ свѣтъ на славянскую старину, указалъ тѣсную родственную связь племенъ и нарѣчій и возможность національнаго изученія, сдѣлалъ очень много для установленія чешскаго языка. Труды его имѣли уже все-славянскій характеръ и произвели сильное дѣйствіе. Чешское національное чувство стало опираться на обще-славянскую историческую основу. Въ немъ признали патріарха славянской науки. Но результаты дѣятельности Добровскаго отчасти были болѣе широкіе, чѣмъ онъ ожидалъ, или даже такіе, какихъ онъ вовсе не предполагалъ. Именно, оживленіе чешской литературы, много обязанное его трудамъ, ему самому представлялось вовсе не близкимъ или даже невозможнымъ—развѣ только въ размѣрахъ книжности простонародной; чешская старина, исторія, языкъ казались ему только предметомъ научнаго изысканія: „оставьте мертвыхъ въ покое“, говорилъ онъ и писалъ почти исключительно по-нѣмецки, даже по-латыни, только очень немногое — по-чешски. Но научное изысканіе принесло не только отвлеченную пользу, какъ думалъ Добровскій, и другіе повели дѣло дальше уже съ открытыми національными цѣлями, которыя стали захватывать все больше мѣста въ общественности и

¹⁾ *Kritische Versuche, die ältere böhmische Geschichte von späteren Erdichtungen zu reinigen*, 1803—1819; *Lehrgebände der böhm. Sprache*, 1809, 1819; *Entwurf zu einem allgemeinen Etymologikon der slawischen Sprachen*, 1814; *Geschichte der böhm. Sprache und älteren Literatur. Ganz umgearbeitete Ausgabe*, 1818; *Cyrill und Method, der Slawen Apostel* (въ *Abhandl.* 1828); *Mährische Legende von Cyrill und Method* (тамъ же, 1827). Два сборника историко-филологическихъ изслѣдованій: «*Slavin*» (1806, и въ немъ *Glagolitica*, 1807) и «*Slovanka*» (1814, 1815).

²⁾ Палацкій, *Joseph Dobrovsky's Leben und gelehrtes Wirken*, Прага, 1833; по-русски: *Биографія Иосифа Добр.*, сочиненная Ф. Палацкимъ, перев. А. Царскій. М. 1838. Гавушъ, *Literární přehlední Jos. Dobrovského*, въ *Запискахъ чешскаго общ. наукъ*, 1867, т. XV. Только въ послѣдніе годы напечатаны отрывки изъ его перенески, напр. съ Гавушъ, въ «*Часописъ*», 1870; съ Коштаромъ, Ян. Гриммомъ и др. въ «*Архивъ*» Ягича, т. I, II, IV, и въ «*Перепискѣ Востокова*» (Сборн. Акад. V), Сиб. 1873. См. еще ст. А. Врѣтка, *Hanka a Dobrovský v poměru k sobě etc.*, въ «*Часописъ*», 1871.

народной жизни: опорой послужили тѣ научные труды Іосифовской эпохи, въ которыхъ Добровскому принадлежитъ высшее мѣсто.

Новѣйшіе писатели чешскіе ¹⁾ сожалеютъ объ одной слабости Добровскаго, раздражительномъ упрямствѣ, съ которымъ онъ противился новымъ взглядамъ, и которое они отчасти объясняли его болѣзнью. Въ примѣръ приводится „прискорбный фактъ“, что Добровскій рѣзко выступилъ противъ „древнѣйшихъ памятниковъ чешской литературы“, тогда только-что открытыхъ, которые „всего больше содѣйствовали оживленію и помолодѣнію народнаго духа“, особенно противъ „Суда Любуши“, который онъ считалъ фабрикатомъ современнаго поддѣльщика, что противъ „Суда Любуши“ Добровскій возсталъ, *еще не видѣвши* его. Но тѣже писатели признаютъ, что „его несправедливо упрекали, будто онъ былъ совершенно недоступенъ лучшему убѣжденію,—что и доказывается тѣмъ, что съ теченіемъ своихъ изысканій онъ не разъ мѣнялъ свои мнѣнія о многихъ предметахъ“; въ немъ хвалятъ „истинную скромность великаго ума“, указываютъ сохранившуюся у него всегда изящную манеру въ отношеніяхъ съ людьми. Такимъ образомъ, вражду его противъ „древнѣйшихъ памятниковъ“ чешской литературы остается объяснять тѣмъ, чѣмъ она и дѣйствительно объясняется, его убѣжденіемъ въ ихъ подложности: имѣя такое убѣжденіе, Добровскій очень могъ относиться рѣзко къ обману, затѣянному въ области науки и народнаго чувства, и могъ заподозрить „Любушинъ Судъ“, не видѣвши его, но зная людей. Если новѣйшіе чешскіе и ино-славянскіе критики снова возвращаются ко взгляду Добровскаго, то Добровскій теперь еще больше, чѣмъ прежде, представляется имъ и великимъ критическимъ умомъ и чистымъ характеромъ.

Какъ мы видѣли, начинатели чешскаго возрожденія въ Іосифовскую эпоху бѣльшей частью были лица духовныя,—безъ сомнѣнія потому, что въ этой средѣ всего болѣе было внѣшней возможности ученыхъ занятій; патриотическое чувство влекло къ изученію старины, а духъ времени въ самой Австріи изгонялъ старое изуверство и далъ мѣсто болѣе свободному отношенію къ старинѣ. Правда, и теперь власти не совсѣмъ довѣрчиво смотрѣли на пробуждающійся мѣстный патриотизмъ,—но во всякомъ случаѣ наступали другія времена. Национальное движеніе еще усилилось, когда въ помощь домашнему народному интересу возникло сознание обще-племеннаго пробужденія, связи все-славянской.

Возрожденіе, со временъ Іосифовскихъ, обнаружилось цѣлымъ рядомъ литературныхъ явленій, наглядно представлявшихъ его постепенный ростъ. Это были сначала ученныя изслѣдованія, которыя на-

¹⁾ Претекъ, Вртятко, Як. Малый и др.

правились въ чешскую старину и исторію; потомъ ревностная защита литературнаго значенія и правъ чешскаго языка; новыя изданія старой литературы, которыя должны были указать ея прежнія богатства и возобновить прерванное преданіе; наконецъ новая литературная дѣятельность.

Выше указаны обильные труды ученыхъ историковъ, довершенные Добровскимъ. Но чешскій языкъ сталъ до того простонароднымъ, что патриотамъ нужно было защищать его права, требовать къ нему уваженія, убѣждать—говорить и писать на немъ изъ любви и почтенія въ родинѣ. Въ 1774, графъ Францъ Квинскій издалъ объ этомъ нѣмецкую книжку ¹⁾; въ 1775 Пельцель, какъ прежде упомянуто, напечаталъ „Апологию“ Бальбина; въ 1778 священникъ-августинецъ Joseff od S. Wita Taborský издалъ краткое описаніе чешской земли въ старыя и новыя времена, и въ предисловіи увѣщаетъ соотечественниковъ любить родину и родной языкъ ²⁾; въ 1783 Карлъ Тамъ издалъ горячо написанную книжку объ этомъ предметѣ ³⁾, который становится съ тѣхъ поръ обычной темой патриотическихъ назиданій, и проч. Чтобы дать чтеніе на родномъ языкѣ и вмѣстѣ напоминать славную старину, начали печатать проивведенія старой литературы. Пельцель издалъ кромѣ Бальбина „Приключенія“ Вратислава изъ-Митровицъ (1777); Фаустинъ Прохазка въ 1786 — 88 цѣлый рядъ старыхъ книгъ: Болеславскую хронику (Далимила), хронику Пулгавы, путешествіе Преподобнаго изъ-Волкавова въ Венецію и Іерусалимъ; Томса печаталъ сочиненія Ломницкаго; въ 1782 изданъ былъ „Лабиринтъ Свѣта“ Коменскаго, и т. д. Добровскій началъ разысканія о древнихъ памятникахъ, и въ изданіяхъ Ганке появились разнообразные тексты старо-чешскихъ рукописей (Starobylá Skládanie, и др.).

Уже съ конца прошлаго вѣка возникаетъ цѣлый кружокъ патриотическихъ писателей, усердно работавшихъ для возстановленія литературы. Таковы были, кромѣ названныхъ ранѣе: Янъ Руликъ (1744—1812); Вацлавъ-Матѣй Крамеріусъ (1759 — 1808); Янъ Гыбль (1786—1834); Карлъ-Игнатій Тамъ (Tham, 1763 — 1816), издавшій упомянутую „Оборону“, и его младшій братъ Вацлавъ; Антонинъ-Ярославъ Пухмайеръ (1769 — 1820); Войтѣхъ Неѣдлмъ (1772—1844) и его братъ Янъ (1776 — 1835); Себастьянъ Гнѣвковскій (1770—1847); названный выше Фр.-Янъ Томса (1753—1814), между

¹⁾ Erinnerungen eines Böhmen über einen wichtigen Gegenstand, 1774.

²⁾ Krátké Wypsaní Země České, aneb Známost wssech Měst, Městců, Hradů, Zámků (по тогдашнему правописанію) и проч. Прага, 1778, съ эпитафюмъ: Turpe est peregrinum esse in patria.

³⁾ Obrana jazyka českého proti zlobivým jeho utrhačům, 1783. Моравскій ученый и публицистъ, Алоязъ Ганке изъ-Ганченштейна издалъ тогда же: Empfehlung der böhm. Sprache, 1782, 1783.

прочимъ издавшій важную по времени книжку объ историческихъ измѣненіяхъ чешскаго языка ¹⁾. На Моравѣ: Германъ Галашъ (Galaš, 1756—1840); Томанъ Фричай (Fryšaj, 1759—1839), пiаристъ Доминикъ Кинскій (1777—1848). У Словаковъ: Богуславъ Таблицъ, Юрій Палковичъ и др., о которыхъ скажемъ далѣе.

Къ этимъ писателямъ непосредственно примыкали слѣдующія поколѣнія. Дѣла было много. Первые поставленные задачи, защита правъ языка и народности на существованіе, реставрація прошедшаго, требовали работы и во второмъ поколѣніи; наконецъ нужно было создавать новую литературу, по насущнымъ потребностямъ народа, по господствующимъ формамъ и содержанію новѣйшаго времени, образовывать языкъ и пр. Между названными лицами не было таланта первостепеннаго, это были люди самыхъ скромныхъ дарованій, но ихъ задача была популярная, и они были исполнены патриотической ревности. Они издавали старыя чешскія книги, составляли грамматики и словари, — какъ, послѣ Добровскаго, Томса, Карлъ Тамъ; издавали занимательныя и поучительныя книжки для народнаго чтенія, — какъ въ особенности Крамеріусъ ²⁾; переводили изъ иностранныхъ литературъ; затѣвали чешскія газеты и журналы, — какъ Крамеріусъ, Рудивъ, Янъ Неѣдлй („Plasatel“); сдѣлали попытки чешскаго театра, — какъ братья Тамы, изъ которыхъ младшій, самъ актеръ, написалъ много пьесъ для начинавшагося театра, комедій и уже тогда появившихся патриотическихъ драмъ (vlastenské hry), и наконецъ много переводилъ съ нѣмецкаго, французскаго и итальянскаго. Начинаются собственно поэтическія попытки, Вацлава Тама ³⁾, но особенно стихотворенія Пухмайера, который сталъ главой первой ново-чешской поэтической школы, гдѣ примыкали къ нему Гвѣзковскій, Войтѣхъ Неѣдлй, Јос. Раутенкранцъ и др. Эта поэзія далеко не была самостоятельна, да и не имѣла для этого опоръ ни въ сильныхъ талантахъ, ни въ преданіи: старая литература была слишкомъ далека и не давала никакой пищи новому времени; поэзія народная не считалась еще достойной вниманія; оставались чужіе, особенно нѣмецкіе, псевдо-классическіе образцы, съ поучительнымъ направленіемъ. Публика была пока немногочисленная, мало приготовленная, съ запросами очень скромными.

Всего ближе были образцы нѣмецкіе: Бюргеръ, Глеймъ, Вейссе, также Гете и Шиллеръ. Въ началѣ нынѣшняго столѣтія господствующимъ вкусомъ чешской поэзіи стала Гесснерова идиллія: Гесснера перево-

¹⁾ Ueber die Veränderungen der čechischen Sprache, nebst einer čech. Chrestomathie, 1804.

²⁾ Книжка Ант. Рыбички: Život a působení V. M. Krameriusa. Прага, 1869.

³⁾ Básně v řeči vázané, 1785, еще очень слабыя.

дили Янъ Неѣдлѣй, Длабачъ, Ганка, Хмеля; любили также Флоріана, переводили античнаго Теоокрита, далѣе Юнговы „Ночи“, „Книдскій Храмъ“ Монтескье; нравилась морализующая идиллія и мистицизмъ. Въ собственной поэзіи также появились идиллисты и, благодаря этому направленію, имѣли большой успѣхъ сентиментальныя пѣсни Ганки... Это господство идилліи было понятно. Конецъ прошлаго вѣка вообще не зналъ поэтическаго реализма; въ популярныхъ формахъ литературы преобладала поэзія разсудочная, чувство переходило въ сентиментальность, народная жизнь въ идиллію. Какъ въ нашей литературѣ прошлаго вѣка, такъ и у Чеховъ эти мотивы вполне отвѣчали времени и обществу; Гесснеровская идиллія шла какъ нельзя лучше къ начинающейся литературѣ, къ скромнымъ желаніямъ общества, къ потребности читателя найти въ книгѣ поученіе, сентиментальныя мечтанія— и никакъ не грубую дѣйствительность, съ которой еще не помышляли бороться ¹⁾.

Какъ у насъ въ XVIII вѣкѣ, литература была вполне довольна собой и думала, что, повторяя нѣмецкихъ и другихъ чужихъ поэтовъ, она уже имѣетъ великихъ писателей и что ей некому завидовать. Писатели восхваляли другъ друга. „Вацлавъ Тамъ отличается Бюргеровымъ духомъ. Оды Пухмайера напоминаютъ возвышенность Горация, въ басняхъ онъ соперничаетъ съ Лафонтеномъ... Басни Войтѣха Неѣдлаго дышатъ духомъ Виргиліа, его стансы приближаются къ Тассовымъ. Янъ Неѣдлѣй, нашъ возвышенный Цицеронъ, доказалъ, что могъ бы быть чешскимъ Тиртеемъ и Алкеемъ... Юрій Палковичъ могъ бы стать для Чеховъ Горациемъ. Богуславъ Таблицъ будетъ намъ Тибулломъ и Галлеромъ. Въ Рожнаѣ пребывалъ духъ Анакреона и Біона... Въ исторіи проф. Кинскій своими *отрывками* показалъ, что пойдетъ по стопамъ Тацита“ и проч. Съ негодованіемъ отвергался упрекъ, что у Чеховъ „нѣтъ до сихъ поръ Гомера, Петрарки, Камозенса, Мильтона, Клопштова“, потому что всякій народъ все-таки имѣетъ что-нибудь свое, чего никто другой не имѣетъ ²⁾.

На первыхъ порахъ должно было преодолѣвать еще одну важную трудность. Съ самаго начала представился вопросъ, на долго потомъ занявшій чешскихъ писателей,—вопросъ языка. Книжный языкъ оставился на томъ, какъ засталъ его упадокъ литературы въ XVII-мъ столѣтіи; отчасти онъ былъ даже забытъ народомъ, долго не имѣвшимъ книгъ, отчасти испорченъ грамотѣями XVII—XVIII вѣка и во всякомъ случаѣ былъ недостаточенъ для новыхъ понятій. Такимъ

¹⁾ См. характеристику этого времени у Иречка: *O stavu literatury české v letech 1815—1820*, въ „Часописѣ“ 1878; Ферд. Шульда, о чешской балладѣ и романсѣ, въ журн. „Osvěta“, 1877.

²⁾ Все это въ книгѣ Себ. Гнѣзковскаго, *Zlomky o českém básnictví*. Прага, 1820, и его взглядъ вовсе не былъ исключеніемъ въ его литературной школѣ.

образомъ, если литература не хотѣла остаться позади времени или не выше элементарной народной книги, надо было создать новый языкъ. Чешскіе писатели усердно завялились этимъ дѣломъ; но уже вскорѣ открылись спорные пункты. Одни (во главѣ ихъ былъ Янъ Неѣдлный, преемникъ Пельцеля по кафедрѣ чешскаго языка въ пражскомъ университетѣ) думали, что новая литература должна принять безъ измѣненій языкъ времени Велеславина, стараго „золотого вѣка“; другіе находили справедливо, что, какими бы достоинствами ни отличался этотъ языкъ въ свое время, онъ недостаточенъ для настоящаго. Спорнымъ пунктомъ была и чешская просодія; одни, какъ Добровскій, ставили въ ея основу удареніе, другіе защищали просодію метрическую; шель наконецъ споръ о правописаніи... Послѣ многихъ усилій, недоумѣній, ошибокъ чешскіе писатели, уже въ новомъ поколѣннн, успѣли установить главныя основанія литературнаго языка; черезъ нѣсколько десятилѣтій чешскій языкъ былъ достаточно богатъ, чтобы служить удовлетворительно и поэту, и ученому. Изъ національнаго самолюбія чешскіе писатели стали крайними пуристами: имъ хотѣлось всё новыя понятія, вносимыя въ литературу, выразить чешскими словами, и они даже въ тѣхъ областяхъ научныхъ, гдѣ всё европейскіе народы не усумнились принять греческія, латинскія и др. слова (напр. физика, химія, ботаника, геологія и т. п.), сочиняли терминологию изъ народныхъ словъ, давая имъ новый смыслъ, и вообще переводили (часто буквально) слова иностранныхъ, особенно нѣмецкія, такъ что въ первое время—и довольно долго послѣ—новый литературный языкъ, *vyzoká čeština*, былъ мало понятенъ для Чеховъ же, знавшихъ обыкновенный разговорный языкъ.

Этотъ результатъ, образованіе ново-чешскаго литературнаго языка, принадлежитъ уже второй эпохѣ чешскаго возрожденія. — Тотъ przygotowительный періодъ, о которомъ мы до сихъ поръ говорили, не прошелъ даромъ: въ слѣдующемъ поколѣннн являются дѣйствительные таланты въ поэзіи, замѣчательные труды въ наукѣ, уровень національнаго сознанія повышается, вырастаютъ интересы самого общества.

Около 1820 года писатели чешскіе считаютъ вообще вторую эпоху „Возрожденія“ ¹⁾. Въ это время выступаютъ на поприще въ рядахъ

¹⁾ Любопытная судьба чешскаго Возрожденія еще не имѣетъ своей цѣльной исторіи. Попытку такой исторіи, съ начала нынѣшняго столѣтія, представляютъ книжки Ян. Малаго: *Zrodínku a úvahy starého vlastence*, Прага 1872 (одно время запрещенныя въ Австріи; русскій переводъ въ «Слав. Ежегодникѣ», II, Кіевъ 1877), и *Naše znovuzrození* (Наше возрожденіе, обзоръ чешской народной жизни за послѣдніе полъ-вѣка), Прага, 1880. — Обильный матеріалъ для подобной исторіи дали бы біографіи чешскихъ писателей. Общій ходъ политическихъ идей въ австрійскомъ Славянствѣ съ ихъ отраженіями въ литературѣ очень наглядно и безпристрастно изло-

новаго поколѣнія люди, знаменитые потому какъ сильные ученые и поэты — Юнгманъ, Шафарикъ, Палацкий, Колларъ, Челяковскій; является центръ литературно-патріотической дѣятельности съ основаніемъ Чешскаго Музея; сильное впечатлѣніе сдѣлано было открытіемъ древнихъ памятниковъ чешской литературы.

Национальный интересъ, возбужденный дѣятелями Іосифовской эпохи и ихъ ближайшими преемниками, мало-по-малу распространился въ обществѣ. Чувство народности въ массахъ очень живуче, быть можетъ, еще болѣе тамъ, гдѣ народъ окруженъ и переплетенъ съ совсѣмъ чужими стихіями, напоминающими ему объ его особности; даже послѣ вѣкового гнета, оно можетъ проснуться и вновь одушевлять умы, какъ только дается ему точка опоры. Въ Іосифовскую эпоху оно мелькнуло даже въ чешской аристократіи, какъ ни была она отмѣчена: реставрація старины могла имѣть для нея развѣ только занимательность генеалогическую, — тѣмъ не менѣе въ средѣ аристократіи нашлось два-три мецената, которыхъ общественное положеніе поддержало національныя предпріятія. Но главный контингентъ патріотовъ собирался изъ средняго, менѣе отмѣченнаго класса, и особенно изъ класса сельскаго, гдѣ чешская народность сохранялась всего чаще. Изъ сельскаго народа вышли многіе замѣчательнѣйшіе представители ново-чешской литературы.

Особенную поддержку національно-патріотическому чувству дало основаніе *Чешскаго Музея*. Въ 1818 графъ Коловратъ-Либштейнскій издалъ воззваніе къ „отечественнымъ друзьямъ наукъ“, и Музей, открытый на подписныя деньги, скоро обогатился многочисленными пожертвованіями изъ книгъ, старыхъ рукописей, древностей, коллекцій по естественной исторіи и проч. Графъ Каспаръ Штернбергъ былъ первымъ президентомъ составившагося при Музеѣ ученаго общества ¹⁾. Въ Музей поступила между прочимъ Краледворская Рукопись и въ томъ же году присланъ „Любушинъ Судъ“. Около Музея стала сосредоточиваться ученая дѣятельность: въ двадцатыхъ годахъ музейное общество начало издавать свой журналъ, продолжающійся до сихъ поръ, подъ названіемъ „*Časopis Českého Muzeu*“ и представляющій много матеріаловъ и изслѣдованій о чешской и славянской литературѣ и исторіи ²⁾. Въ 1830 при музейномъ обществѣ открыто было

женъ въ статьяхъ Іос. Первольфа: «Славянское движеніе въ Австріи 1800—1848 г.» въ журналѣ «Русская Рѣчь», 1879, кн. 7—9. Движеніе 1848—49 года рассказано имъ же въ «Вѣстн. Европы», 1879, кн. 4.

¹⁾ Исторія Музея составлена была В. Небескимъ и издана въ 1868, по-чешски и по-нѣмецки, при пятидесятилѣтнемъ юбилей основанія Музея; Срезневскій, Воспоминаніе о Чешскомъ Музеѣ, въ Зап. Академіи наукъ, 1869, т. XIV.

²⁾ *Ukazatel k prvým 50 ročníkům Časopisu Muzeu* и пр., составленный кустодомъ унив. бібліотеки Вацлавомъ Шульцомъ. Прага, 1878.

отдѣленіе для усовершенствованія чешскаго языка и литературы, а для изданія хорошихъ чешскихъ книгъ основано было особое издательское учрежденіе, подъ именемъ *Матицы* (1831), главная мысль и заботы о которомъ принадлежали другому Штернбергу, Францу.

Открытіе Краледворской Рукописи и „Суда Любуши“ произвело впечатлѣніе тѣмъ болѣе сильное, что патриотическое одушевленіе именно искало тогда пищи для національной гордости. Новая критика въ этомъ побужденіи и находитъ источникъ открытія.

Въ послѣдніе годы, какъ мы видѣли ранѣе, мнѣнія ученыхъ инославянскихъ, и самихъ чешскихъ все болѣе и болѣе склоняются къ старому мнѣнію, которое съ самаго начала заподозрило „Судъ Любуши“ и даже Краледворскую Рукопись, не говоря о другихъ произведеніяхъ. Доказательства Фейфалика; молчаніе Миклошича; многозначительныя сомнѣнія Ягича; мимоходомъ сдѣланныя, но мѣткія замѣчанія Воцеля; библиографическіе факты Гебауэра; критическія изслѣдованія Петрушевича, Шемберы, Макушева, Ламанскаго, Вашка; несомнѣныя доказательства поддѣлокъ въ „*Mater Verborum*“ Патеры; заявленныя отрицанія древности „Згорѣльскихъ отрывковъ“; доказанныя новыя подчистки въ Краледворской Рукописи, — вся эта масса аргументовъ, посыпавшихся особенно въ послѣдніе три-четыре года и мало отражаемыхъ защитниками подлинности названныхъ памятниковъ, заставляютъ безпристрастнаго наблюдателя по меньшей мѣрѣ воздержаться отъ историческихъ выводовъ о чешской древности на основаніи этихъ памятниковъ и отъ современныхъ выводовъ національныхъ.

Но чѣмъ бы ни были эти произведенія въ глазахъ новѣйшей свѣтлической критики, онѣ оказали сильное дѣйствіе на ходъ чешскаго возрожденія, — какъ еслибъ онѣ были подлинно древними. Когда они считались такими у патриотовъ, когда сомнѣнія въ ихъ подлинности приписывались у Добровскаго старческой брезгливости, у „Мефистофеля“—Копитара — недружелюбію къ чешскимъ ученымъ, они не могли не поднять національнаго чувства. Въ самомъ дѣлѣ, далекая старина пѣсень, какъ „Забой“ или „Любушинъ Судъ“, доходящая до временъ языческихъ, указывала древнюю культуру, какой не можетъ указать ни одно изъ другихъ славянскихъ племенъ; Краледворская Рукопись—небольшой отрывокъ большого пѣлаго — открывала вдругъ нѣсколько цикловъ старой поэзіи; далѣе „Згорѣльскіе Отрывки“, „*Mater Verborum*“, и довольно долго даже „Пѣсня подъ Вышеградомъ“ и пѣсня короля Вацлава, — все это составило предметъ національной гордости, и въ литературѣ другихъ племенъ признали ее вполнѣ законной. Славянскій національный романтизмъ, обратившійся тогда къ изученію и къ возвеличенію старины, напелъ въ „Судѣ Любуши“ и Крал. Рукописи одно изъ своихъ лучшихъ

преданій. Поэмы замѣчены были и въ европейской литературѣ, которая передъ тѣмъ восхищалась сербскими пѣснями Караджича. Гёте, оракуль нѣмецкой литературы, призналъ высокое значеніе Крал. Рукописи для чешскаго развитія, и это могло сдерживать враговъ національнаго движенія. Вліяніе этихъ памятниковъ на чешскую литературу не подлежитъ сомнѣнію ¹⁾.

Когда первыя сомнѣнія забылись, чешскіе историки смѣло пользовались указаннымъ впечатлѣніемъ и съ негодованіемъ отвергали скептическую критику, особенно какъ злоумышленіе на чешскую народность ²⁾. Дѣло принимало однако другой оборотъ, если бы критика была права. Противники памятниковъ могли указать, и отчасти указывали, что это дѣло въ концѣ концовъ отозвалось большимъ вредомъ для чешской литературы. Въ той или другой степени подлоги доказаны; они были, конечно, *ria graus*, но умолчаніе или защита ихъ производитъ впечатлѣніе неблагоприятное,—тѣмъ болѣе, что ими было извращаемо не только чешское, но и вообще славянское изученіе древности и создавалось призрачное прошедшее, которое отвлекало умы отъ дѣйствительныхъ достоинствъ и по истинѣ многозначительныхъ явленій чешской старины.

Остается желать, чтобы чешскіе патриоты-ученые употребили искреннія усилія — выяснитъ дѣло *sine ira et studio*, что послужитъ только къ истинной пользѣ чешскаго національнаго сознанія.

Въ концѣ прошлаго столѣтія, когда явились первые опыты національнаго интереса, и еще въ первые годы нынѣшняго столѣтія, чешскими патриотами не разъ овладѣвало тяжелое раздумье — не присутствуютъ ли они при послѣднихъ дняхъ своей народности; но это не помѣшало имъ, тѣмъ не менѣе, усиленно трудиться; по вѣрному замѣчанію одного чешскаго историка, ими руководило „благородное чувство долга“ — стоять до послѣдней минуты съ своимъ народомъ и, если можно, отвратить грозящую ему гибель. Эта дѣятельность, почти безъ надеждъ, но съ глубокой привязанностью къ своему народу, хотя бы въ послѣдній его часъ, внушаетъ глубокое уваженіе, и теперь многіе думаютъ, что начинатели дѣла въ концѣ прошлаго вѣка (какъ Добровскій) были сильнѣе умомъ и характеромъ, чѣмъ болѣе популярныя ихъ преемники въ нашемъ столѣтіи.

¹⁾ Ср. Небескаго, *Kralodv. Rukopis*, стр. 141 и далѣе.

²⁾ Изъ множества примѣровъ, укажемъ слова В. Зеленаго, въ статьѣ о чешской литературѣ, *Slovník Naučný*, т. II, отд. 1, стр. 432: «Неудивительно, что тѣ, которые будучи ослѣплены ненавистью, отрицаютъ у славянскихъ народовъ всякую самобытную образованность, всего болѣе обращаютъ свои стрѣлы на эту драгоценную рукопись (т.-е. Краледворскую), какъ на краснорѣчивѣйшее свидѣтельство славянской образованности».

Первые шаги новой чешской литературы были слабы и шатки, но усиленная работа патриотовъ сдѣлала то, что народность очулась. Кромѣ тѣхъ внутреннихъ обстоятельствъ, о которыхъ мы упоминали, на это имѣли несомнѣнно вліяніе и внѣшнія событія — именно движеніе въ славянскомъ мірѣ, пробудившее и у Чеховъ племенные сочувствія и надежды: русско-французскія войны и освобожденіе Сербіи.

Въ третьемъ десятилѣтіи нашего вѣка, когда кончилъ свое поприще Добровскій, въ чешской литературѣ дѣйствовали уже цѣлый рядъ писателей, которые въ наслѣдіи предшественниковъ нашли прочную основу для дальнѣйшихъ трудовъ, и хотя сомнѣніе закрадывалось въ нѣкоторымъ изъ нихъ, но вообще они уже съ опредѣленными надеждами работали для пробужденія народности. Между ними часто уже были настоящія дѣти народа, которыя, прошедши школу, умножали ряды среднего образованнаго класса и прививали ему свѣжую народность; вступая на литературное поприще, они не забывали потребностей простаго люда и заботились о немъ какъ объ источникѣ народной силы. Въ настроеніи дѣятелей того времени было много идеализма, помогавшаго терпѣливо работать для высокой цѣли, не смущаясь трудностями; любовь къ народности окрашена была сантиментальностью и складывалась въ романтическую теорію. Были времена Священнаго Союза; жизнь политическая не существовала, и тѣмъ болѣе патриотизмъ ограничивался мирнымъ возбужденіемъ чувства народности, воспитаніемъ общества въ этомъ смыслѣ. Область движенія была не велика; за то писатели, еще немногіе, не были раздѣлены политическими мнѣніями и, напротивъ, собирались въ кружокъ подъ давленіемъ внѣшнихъ обстоятельствъ. Здѣсь явились первые панслависты, которые или возстановляли исторически давнее единство славянскаго міра и сопоставляли его племена въ настоящемъ, или поэтически призывали славянское единеніе для будущаго. Это привлекло на чешскую литературу вниманіе славянскихъ патриотовъ въ другихъ племенахъ,—и составило ея новую историческую заслугу.

Таковъ былъ характеръ второй эпохи чешскаго Возрожденія. Остановимся на его главнѣйшихъ дѣятеляхъ.

Старѣйшимъ изъ нихъ былъ Іосифъ Юнгманнъ (1773—1847). Онъ былъ сыномъ крѣпостного, который былъ церковнымъ причетникомъ и занимался также сапожнымъ мастерствомъ. Родина Юнгманна, Гудлицы, было имѣніе князей Фюрстенберговъ и Юнгманнъ только въ 1779, при вступленіи на учительскую службу, получилъ грамоту, освобождавшую его и потомковъ отъ крѣпостной зависимости, т.-е. „отпускную“. Юнгманнъ учился сначала въ нѣмецкой школѣ ближайшаго города, потомъ въ піаристской гимназіи въ Прагѣ, наконецъ въ пражскомъ университетѣ, въ очень трудныхъ матеріальныхъ

условіяхъ; еще съ гимназіи онъ давалъ уроки, чтобы содержать себя, а потомъ еще двухъ младшихъ братьевъ. Въ университетѣ Юнгманнъ прошелъ сначала философскій факультетъ, потомъ юридическій, думая обезпечить себя юридической карьерой; курсъ онъ кончилъ въ 1799. Университетъ въ то время только-что вышелъ изъ-подъ іезуитскаго управленія, по уничтоженіи ордена: въ философскомъ факультетѣ остались еще три профессора, бывшихъ іезуитовъ (Корнова, Стёрнадъ, Выдра), которые хотя и не оставили своихъ идей, были однако чешскими патріотами и имѣли свое полезное вліяніе на воспитаніе Юнгманна. Съ другой стороны, были въ профессурѣ и представители просвѣтительныхъ идей конца прошлаго вѣка: профессоръ „визначныхъ наукъ“ былъ поклонникъ Монтеस्कьё, Руссо, Юма, Лессинга и т. д. Подъ вліяніемъ профессоровъ этого рода, Юнгманнъ заинтересовался европейскими литературами; кромѣ нѣмецкаго языка, онъ хорошо зналъ по-французски, по-англійски. Школа, пройденная Юнгманномъ, была нѣмецкая; только въ 1792 учреждена была въ пражскомъ университетѣ катедра чешскаго языка и литературы. Онъ лучше владѣлъ нѣмецкимъ, нежели чешскимъ языкомъ, но, бывши разъ на родинѣ, онъ долженъ былъ выслушать деревенскія насмѣшки надъ неумѣньемъ говорить и съ тѣхъ поръ рѣшилъ лучше изучить родной языкъ. Съ 1795 года считаютъ начало его литературной дѣятельности—съ участія въ стихотворномъ сборникѣ Пухмайера. Такъ формировалась тогда дѣятельность чешскаго писателя: въ средѣ нѣмецкой школы его образовывали прямыя впечатлѣнія жизни народной, національный патріотизмъ, пробудившійся въ эпоху Маріи-Терезіи и Іосифа II даже въ іезуитскихъ ученыхъ, и наконецъ вліянія освободительной литературы XVIII вѣка. Высшая біографія Юнгманна была очень несложная,—это жизнь педагога и ученаго: онъ былъ въ 1799—1815 учителемъ гимназіи въ Литомержицахъ (Лейтмерицъ), а затѣмъ въ Прагѣ, гдѣ и остался до конца жизни. Съ первыхъ шаговъ въ немъ сказался пламенный патріотъ: школа, гдѣ онъ былъ учителемъ, велась по-нѣмецки; онъ первый сталъ добровольно и бесплатно преподавать чешскій языкъ сначала въ гимназіи ¹⁾, потомъ въ духовной семинаріи, гдѣ онъ имѣлъ дѣло со взрослыми юношами, предназначенными къ церковному поприщу; онъ пробуждалъ въ нихъ чувство народности и готовилъ будущихъ патріотовъ,—одинъ изъ его учениковъ, Ант. Маревъ, сталъ послѣ его близкимъ другомъ и сотрудникомъ.

Первымъ значительнымъ трудомъ Юнгманна былъ переводъ „Потеряннаго Рая“ Мильтона, начатый въ 1800 и изданный въ 1811. Выборъ объясняется, повидимому, желаніемъ доказать, что чешскій

¹⁾ Гимназія равнялась приблизительно высшимъ классамъ нашихъ гимназій.

языкъ, обработанный въ свое время, хотя послѣ заброшенный, можетъ быть способенъ къ выраженію возвышенныхъ поэтическихъ идей новѣйшей литературы, и дать образчики того, какъ это можетъ быть достигаемо. Юнгманнъ явился нововводителемъ: первые дѣятели Возрожденія, какъ Пельцель, Янъ Неѣдлнй, Добровскій (къ которымъ послѣ присоединился Словакъ Юрій Палковичъ), были въ языкѣ консерваторами, настаивая, что новая чешская литература должна строго слѣдовать языку „золотого вѣка“, временъ Велеславина; Юнгманнъ признавалъ это съ формальной стороны, но думалъ, что со стороны словаря старый языкъ не въ состояніи служить новѣйшей образованности, если не обогатится запасомъ новыхъ словъ и выраженій. Поэтому онъ составлялъ новыя слова, и напр. даже прямо вводилъ слова русскія и польскія—уже мечтая о томъ (1810 г., когда написано предисловіе къ „Потерянному Раю“), что Чехамъ „надо постепенно идти на встрѣчу обще-славянскому литературному языку“. Впослѣдствіи, возникла изъ этого долго танувшаяся полемика.

Другой работой Юнгманна былъ, позднѣе сдѣланный, но раньше изданный переводъ „Аталы“ Шатобріана (1805), также значительный для развитія новаго литературнаго языка.

Съ 1806 года Янъ Неѣдлнй ¹⁾, преемникъ Пельцеля по кафедрѣ чешскаго языка въ пражскомъ университетѣ, основалъ первый важный журналъ, посвященный вопросамъ литературы: „*Plasatel český*“ (1806—1808, 1818). Въ первомъ годѣ этого изданія помѣщенъ замѣчательный „Разговоръ о чешскомъ языкѣ“, гдѣ Юнгманнъ сначала изображаетъ упадокъ чешскаго языка въ обществѣ, потомъ съ большой діалектической ловкостью и смѣлостью защищаетъ его права на новое развитіе. Дѣйствіе этого „Разговора“ было такъ велико, что чтеніе его, какъ говорятъ, именно впервые возбудило патріотическое чувство въ Шафарикѣ и Палацкомѣ. Другой энергической защитой чешскаго языка были статьи Юнгманна въ чешскомъ журналѣ, который въ 1813—14 издавалъ въ Вѣнѣ Янъ Громадко. Въ эту пору политическія событія возбуждали самое живое вниманіе Юнгманна, особенно когда близилось столкновеніе Наполеона съ Россіей; Юнгманнъ не сомнѣвался, что дѣло кончится къ успѣху Славянства, что сила Славянства спасетъ и чешскій народъ. Въ 1813 году, когда Русскіе появились въ Чехіи, Юнгманнъ во встрѣчахъ съ ними нашелъ новую опору для своего чешскаго патріотизма. Эти событія вообще подняли національное чувство въ австрійскомъ Славянствѣ; императора Александра, „великаго славянскаго монарха“, встрѣчали одами при вѣздѣ въ „равно славянскій городъ Прагу“; русскій генералъ, при вступленіи войскъ

¹⁾ О немъ въ ст. Антонина Рыбички въ «Освѣтѣ» 1877.

въ Прагу, сдѣлалъ визитъ аббату Добровскому. „Война эта прославила славянскій міръ“, говорилъ Юнгманнъ въ одномъ письмѣ 1814 г.

Съ переѣздомъ въ Прагу, дѣятельность Юнгманна расширилась большимъ личнымъ вліяніемъ, какое имѣлъ онъ на молодое поколѣніе, какъ авторитетный писатель, знатокъ языка и одушевленный патриотъ. Добровскій былъ довольно далеко отъ новаго поколѣнія писателей; консерваторъ Неѣдлль, вліятельный по своему положенію, упорно требовалъ поклоненія предъ старымъ преданіемъ и лести своему самолюбію; Юнгманнъ становился руководителемъ людей, которымъ хотѣлось идти дальше въ развитіи чешской литературы, которые искали помощи и сочувствія для своего идеалистическаго патриотизма. Столкновение двухъ обозначившихся литературныхъ партій произошло на вопросѣ о правописаніи, когда Неѣдлль защищалъ старую орфографію Братъевъ, а Юнгманнъ, Ганка и др. распространяли систему Добровскаго. Вражда Неѣдлаго къ Юнгманну дошла до полицейскаго доноса. Когда совершилось открытіе „Зеленогорской“ рукописи, Юнгманнъ принялъ ее такъ горячо, что Добровскій заподозрилъ его, какъ участника въ поддѣлкѣ, въ которой самъ былъ убѣжденъ.

Въ 1818, Юнгманнъ принялъ живѣйшее участіе въ основаніи Чешскаго Музея. Ему хотѣлось, чтобы Музей сталъ именно двигателемъ новаго развитія чешской литературы; первый совѣтъ, управлявшій Музеемъ, еще мало вѣрилъ въ силы чешскаго языка; изданіе музейнаго журнала начато было на двухъ языкахъ, но Юнгманнъ стоялъ на своемъ, и въ 1830, благодаря его усиліямъ, основалась „Чешская Матица“, какъ особое отдѣленіе Музея, предназначенное именно для развитія чешской литературы; „Часопись“ Музея вскорѣ сталъ издаваться только по-чешски, потому что нѣмецкое изданіе не шло. Самъ Юнгманнъ еще въ 1821 году, вмѣстѣ съ молодымъ тогда, извѣстнымъ натуралистомъ Яномъ Преслемъ, основалъ первый научный журналъ „Крок“, особенно съ цѣлью выработки чешскаго научнаго языка.

Между тѣмъ Юнгманнъ продолжалъ работать—всего болѣе надъ двумя капитальными трудами, составлявшими дѣло первостепенной важности для возрождавшейся литературы и давно его занимавшими. Одинъ изъ нихъ была „Исторія чешской литературы“ (1825, 2-е изданіе 1849), обширный библиографическій трудъ, снабженный краткими свѣдѣніями о ходѣ просвѣщенія, языка и книжной дѣятельности: здѣсь нѣтъ настоящей исторіи литературы, но былъ богатый указатель матеріала, доведенный до рѣдкой полноты. Другимъ трудомъ былъ „Чешско-нѣмецкій Словарь“ (5 огромныхъ томовъ in 4°, 1835—1839), надъ которымъ Юнгманнъ работалъ съ 1800 года. Этотъ трудъ важенъ не только въ смыслѣ обыкновеннаго словаря: онъ составлялся въ то время,

когда у Чеховъ шелъ вопросъ о созданіи новаго литературнаго языка, и Юнгманнъ, вмѣстѣ съ собираніемъ наличнаго запаса языка, думалъ и о другой задачѣ—собрать средства, которыя могли бы служить для выраженія новыхъ идей. Обѣ эти работы, Исторія и Словарь, представляютъ плодъ необычайнаго трудолюбія; обѣ должны были связать новую литературу съ ея историческимъ прошедшимъ и обѣ доселѣ остаются незамѣненными. Труды Юнгманна имѣли такимъ образомъ широкое національное значеніе, какъ впоследствии труды Шафарика и Палацкаго, и поставили его имя въ ряду знаменитѣйшихъ именъ славянскаго возрожденія¹⁾.

Новая литература окружена была такими препятствіями, недружелюбіемъ или настоящей враждой Нѣмцевъ и обиженныхъ Чеховъ, опасливостью и подозрѣніями властей, господствомъ нѣмецкаго языка въ школахъ и управленіи, безучастіемъ массы, что первые дѣятели чешской литературы невольно собирались въ одинъ солидарный кружокъ, гдѣ они другъ друга понимали и могли вести общее дѣло. Оттого, несмотря на очень неблагоприятныя внѣшнія условія въ эпоху Священнаго Союза и правленія Меттерниха, именно въ эту эпоху мы видимъ рядъ энергическихъ дѣятелей въ національномъ смыслѣ, которые въ разныхъ областяхъ литературы призывали на трудъ и борьбу для защиты національности.

Почти поколѣніемъ моложе Юнгманна были писатели, которые вмѣстѣ съ нимъ положили чешскому возрожденію прочное основаніе. Старѣе другихъ былъ Вацлавъ Ганка (1791—1861), одинъ изъ ревностнѣйшихъ тружениковъ новой литературы. Сынъ простаго, хотя зажиточнаго селянина, онъ встрѣчалъ въ домѣ отца проѣзжихъ торговцевъ изъ австрійскаго Славянства, польскихъ и сербскихъ солдатъ, и этимъ путемъ рано освоился съ разными славянскими нарѣчіями. Но ему было ужъ шестнадцать лѣтъ, когда родители послали его въ болѣе серьезную школу, чтобъ обезпечить его отъ солдатства. Онъ учился въ Краловеградцѣ и въ Прагѣ, отчасти въ Вѣнѣ, прошелъ гимназію и университетъ. Въ Прагѣ, Ганка съ 1813 сталъ извѣстенъ Добровскому, который и сдѣлался его настоящимъ учителемъ въ славянскихъ предметахъ. Изъ Ганки не вышелъ замѣчательный

¹⁾ Изъ сочиненій Юнгманна назовемъ еще «Slovesnost», 1820, 2-е изд. 1845, учебникъ словесности и хрестоматія; «Sevčané zprisy veršem i prozou», 1841; «Zapřisku», очень любопытныя въ біографическомъ и историко-литературномъ отношеніи, изданы лишь недавно въ «Часописѣ» 1871 (ср. Ферд. Шульца въ журналѣ «Osvěta» 1871).

Біографію составилъ В. Зеленый: Život Jos. Jungmanna, Прага, 1873—74. Въ 1873 праздновался столѣтній юбилей дня его рожденія, и тогда явились нѣсколько біографическихъ брошюръ. На русскомъ языкѣ: Нилъ Поповъ, въ «Журн. Мин. Нар. Пр.», 1873, июль; Ник. Задерацкій, I. Юнгманнъ. Кіевъ, 1874.—Упомянутыя объ Юнгманнѣ въ письмахъ Шафарика къ Погодину (М. 1880, о которыхъ далѣе).—Письма Юнгманна къ Коллару, въ «Часописѣ», 1880.

ученый, но онъ неутомимо работалъ въ розысканіи и печатаніи старыхъ памятниковъ. При открытіи Чешскаго Музея, Ганка сдѣланъ былъ его библиотекаремъ и остался на этомъ мѣстѣ до самой смерти: въ этомъ качествѣ онъ имѣлъ случай завязать много личныхъ связей съ писателями другихъ славянскихъ племенъ, что было очень важно, когда славянскія литературы имѣли интересъ во взаимныхъ сношеніяхъ, но еще слабо были знакомы между собою. Въ 1848, Ганка принялъ живое участіе въ политическомъ движеніи чешскаго общества, участвовалъ въ славянскомъ съѣздѣ, былъ однимъ изъ дѣятельныхъ членовъ политическаго клуба „Славянская Липа“, во время пражскихъ смутъ подвергался опасности, когда солдаты стрѣляли въ народный Музей... Свою литературную дѣятельность Ганка началъ еще студентомъ,—стихотвореніями въ упомянутомъ журналѣ Громадка (*Prvotiny pěkných umění*) и сборникѣ Пухмайера, потомъ въ отдѣльной книжкѣ¹⁾. Ганковы пѣсни очень нравились, такъ что нѣкоторыя изъ нихъ стали народными. Онъ издалъ потомъ сборникъ переводовъ изъ сербской народной поэзіи: *Prstonárodní srbska musa do Čech převedena*, 1817, и впоследствии переводилъ еще на чешскій языкъ польскія пѣсни, Слово о полку Игоревѣ. Но затѣмъ труды Ганки посвящены были всего больше чешской исторіи, литературѣ, археологіи, нумизматикѣ. Онъ началъ изданіемъ памятниковъ старой литературы: *Starobylá skládanie* (5 томовъ, 1817—1823), главнымъ образомъ по матеріаламъ, даннымъ ему Добровскимъ, но гдѣ однако нашли мѣсто и пѣсня о Вышеградѣ и Любовная пѣсня короля Вацлава; въ 4-мъ томѣ, 1819, въ первый разъ явилась Краледворская Рукопись. Затѣмъ слѣдовали: сборникъ старинныхъ словарей, гдѣ появляется и „*Mater Verborum*“; Далмилъ, въ чешскомъ и позднѣе въ старо-нѣмецкомъ текстѣ; трактатъ Гуса; Реймское евангеліе; Никодимово евангеліе въ старо-чешскомъ текстѣ; рядъ изданій Краледворской рукописи (и при ней „Любушина Суда“), и одно изъ нихъ — полиглотта на всѣхъ славянскихъ и многихъ европейскихъ языкахъ, и проч. Всѣ эти труды имѣли большое значеніе въ то время, когда вниманіе направлено было въ особенности на изученіе прошедшаго и народности. вмѣстѣ съ тѣмъ Ганка былъ самымъ ревностнымъ панславистомъ; въ свое время въ Прагѣ это былъ лучший практическій знатокъ славянскихъ нарѣчій и ревнитель славянской взаимности. Въ чемъ оно должно состоять — кромѣ сношеній между славянскими археологами — въ этомъ еще не отдавали себѣ яснаго отчета, но считали необходимымъ кромѣ ближайшаго отечества — Чехіи, напоминать о великомъ отечествѣ — Славянствѣ. При мысли объ этомъ идеальномъ

¹⁾ *Dvanáctero písní*, 1815, потомъ въ размноженномъ изданіи: *Hanckovy písně*. 5-е изд. 1851.

отечествѣ естественно представлялась мысль о необходимости общаго литературнаго языка, который бы связалъ разбросанныя нарѣчія: Ганка готовъ былъ думать, что этимъ языкомъ долженъ сдѣлаться русскій, принявши въ себя славянскія стихи — какъ языкъ самаго многочисленнаго и сильнаго славянскаго племени. Поэтому въ его славянскихъ сочувствіяхъ первое мѣсто занимали именно Русскіе: онъ старался распространять между своими соотечественниками знаніе русскаго языка и личными сношеніями заинтересовать Русскихъ въ панславизмѣ¹⁾. Представленія его, какъ многихъ другихъ Чеховъ, вообще мало знающихъ русскую жизнь, о славянскомъ настроеніи и планахъ русской политики были преувеличенныя, но онъ до конца надѣялся, что спасеніе Славянства отъ ига чужой власти и чужой народности заключается въ Россіи. Онъ умеръ съ послѣдними словами на русскомъ языкѣ. — Такимъ образомъ онъ не безъ основанія слылъ за руссофила, и это не было благопріятнымъ качествомъ въ глазахъ и властей, и богемскихъ Нѣмцевъ, и тѣхъ Чеховъ, которые имѣли о русскихъ порядкахъ иное мнѣніе, нежели Ганка.

Исторія поддѣлокъ еще не разъяснена; новѣйшіе критики (Шембера, Ламанскій, Вашежъ) не сомнѣваются ни мало въ ревностномъ фальсификаторствѣ Ганки, особливо относительно „Суда Любуши“ и Краледв. Рукописи, и прямо называютъ его авторомъ послѣдней наперекоръ тѣмъ, которые считали Ганку слишкомъ мало даровитымъ и слишкомъ беспомощнымъ (какъ Ганушъ, Вртятко, Иречекъ). Какъ бы то ни было, когда сдѣлано было послѣднее нападеніе, явно цѣлившее на Ганку (въ Tagesbote aus Böhmen, 1859) и въ послѣдовавшемъ процессѣ судъ призналъ намеки за клевету, Ганка былъ, какъ говорить, тяжело пораженъ, и это ускорило его смерть. Похороны его были устроены съ чрезвычайною торжественностью²⁾.

Выше упомянуты: Іосифъ Линда (1793—1834), авторъ историческаго романа изъ чешской древности: *Záře nad rohanstvem nebo*

¹⁾ О руссофильствѣ Ганки см. напр. у Малаго, *Zlouchovzení*, стр. 21.

²⁾ Біографія (панегирикъ) Ганки, писанная съ его участіемъ Легисъ-Глюкзе-лихомъ, въ нѣмецкомъ альманахѣ «Libuzza», Prag, 1852, стр. 285 — 369; рядъ біографій въ чешскихъ газетахъ 1861, особенно въ «Народныхъ Листахъ»; *Osava památky Václava Hanka v Hoříněvsi dne 7 září, 1862*, Прага, 1862; Срезневскій, въ Извѣстіяхъ II Отд. Акад. Наукъ, т. IX; П. Лавровскій, «Воспоминанія о Ганкѣ и Шафарикѣ», въ годичномъ актѣ Харьк. ун-въ. 1861; П. Дубровскій въ «Отеч. Запискахъ», 1861, № 2. «О сношеніяхъ В. В. Ганки съ Росс. Академіею и о вызовѣ его въ Россію», М. Сухомлинова, въ сборникѣ «Братская Помощь», Спб. 1876, стр. 309—318. Далѣе: Переписка Добровскаго и Ганки, въ «Часописѣ» 1870; статья А. Вртятка объ отношеніяхъ Ганки къ Добровскому, тамъ же 1871. Отзывъ Гануша въ «Die gefälschten Gedichte». Наконецъ, см. названныя прежде статьи В. Ламанскаго и книжки Шемберы и Вашежа.

Біографія Линды и Свободы выше указаны — въ «Освѣтѣ» 1879. Укажемъ еще статью І. Иречка объ оригинальныхъ стихотвореніяхъ Ганки за 1813 — 19 г., въ «Часописѣ» 1879.

Václav a Boleslav, Прага, 1818, который произвелъ въ свое время большое впечатлѣніе; и Вацлавъ-Алоизъ Свобода (1791—1749, Наваровскій), дѣятельный писатель, поэтъ и педагогъ, переводчикъ Краледворской Рукописи на нѣмецкій языкъ при ея первомъ появленіи, 1819. Обоихъ этихъ писателей привлекали также къ вопросу о поддѣлкѣ древнихъ чешскихъ памятниковъ.

Биографія Шафарика есть исторія замѣчательныхъ ученыхъ трудовъ, получившихъ великое значеніе и славу во всемъ славянскомъ мірѣ. Павелъ-Іосифъ Шафарикъ (или Шафаржикъ, 1795—1861), по происхожденію Словакъ, родился въ горной деревнѣ въ Сѣверной Венгріи, гдѣ отецъ его былъ евангелической священникъ. Это былъ оригинальный и воспримчивый ребенокъ; до 3 лѣтъ, онъ уже два раза прочелъ всю Библию. Прощедши низшіе и высшіе классы гимназіи, онъ поступилъ въ 1810 въ евангелической лицей, гдѣ провелъ пять лѣтъ студентомъ и вмѣстѣ домашнимъ учителемъ. Въ школѣ онъ имѣлъ прекрасныхъ ученыхъ наставниковъ; за то совсѣмъ забывалъ о народности, которую школа старалась искоренять. Только на 16-мъ году возникъ предъ нимъ этотъ вопросъ, когда попалъ ему въ руки упомянутый Юнгманновъ „Разговоръ о чешскомъ языкѣ“, произведшій на него сильное, рѣшительное впечатлѣніе. Подъ этимъ вліяніемъ, онъ, уже девятнадцати лѣтъ, издалъ книжку стихотвореній: *Tatranská Múza a l'gau slowanskau* (въ Левочѣ, 1814), затѣмъ съ нѣсколькими друзьями, между прочимъ съ Колларомъ, собиралъ словацкія гѣсти ¹⁾; нѣсколько стихотвореній помѣщено имъ въ журналѣ Громадка. Въ 1815, Шафарикъ отправился на свои скромныя средства въ Іену, которая была тогда на верху своей славы: здѣсь, среди изученій философскихъ, историческихъ, филологическихъ, онъ не забывалъ и славянской музы, перевелъ Аристофановы „Облака“, Шиллерову „Марію Стюартъ“, занимался чешскою просодіей. Возвращаясь домой въ 1817, въ Прагѣ онъ познакомился съ Добровскимъ, Юнгманномъ, Ганкою; въ Пресбургѣ, гдѣ онъ былъ воспитателемъ въ богатомъ семействѣ, онъ дружески сошелся съ Палацкимъ, и вмѣстѣ съ нимъ, а также и съ участіемъ Юнгманна издалъ, 1818, книжку: „*Počátkové českého básnictví*“, которая оспаривала ученіе Добровскаго о чешской просодіи (Добровскій основывалъ ее на удареніи, Шафарикъ — на системѣ метрической), а въ особенности произвела переломокъ въ старой литературной школѣ псевдо-классиковъ и идиллистовъ, такъ какъ предъявила новыя и высокія поэтическія требованія, при кото-

¹⁾ *Pjsané světské lidu Slowanského w Uhřich*; изданы были Колларомъ, Пешть, 1823—27. Во 2-й части предисловіе Шафарика. Этотъ сборникъ вошелъ во второе размноженное собраніе Коллара, 1884—85.

рых самоиѣнне старой школы несло жестокой ударъ ¹⁾. Шафарика предлагали профессору въ разныхъ евангелическихъ училищахъ Сѣверной Венгрии; но испытанное имъ самимъ притѣсненіе славянской народности въ этихъ школахъ было ему противно, и онъ предпочелъ въ 1819 приглашеніе въ Новый-Садъ, гдѣ сталъ профессоромъ и начальникомъ гимназіи сербской православной общины. Онъ пробылъ здѣсь до 1833. Новый-Садъ, въ сосѣдствѣ съ Карловцами, гдѣ жилъ сербскій патриархъ, съ Сербіей, съ Фрушскою горой, былъ своего рода сербскимъ центромъ, и Шафарикъ воспользовался этимъ для обширнаго изученія сербской книжной старины и языка, приобрѣлъ здѣсь много рѣдкихъ книгъ и рукописей. Здѣсь начался и рядъ замѣчательныхъ ученыхъ работъ, гдѣ ставились историческіе вопросы о цѣломъ Славянствѣ. Такова была первая въ своемъ родѣ все-славянская *Исторія литературы* ²⁾, гдѣ славянскія племена собраны какъ цѣлое,—трудъ почти исключительно библиографическій, но освѣщаемый философско-историческими объясненіями. Тогда же онъ принялся за переработку этой книги уже въ формѣ чисто биографической и библиографической; въ началу тридцатыхъ годовъ приготовилъ только сербо-хорватскій и словинскій отдѣлы, но съ тѣхъ поръ этотъ трудъ остался незаконченнымъ и изданъ былъ уже по его смерти ³⁾. Въ 1828 вышелъ первый трактатъ по славянской древности, затѣмъ изслѣдованіе о древне-сербскомъ языкѣ ⁴⁾. Последнее было очень важно по постановкѣ предмета и по новымъ даннымъ для рѣшенія вопроса о церковно-славянскомъ языкѣ. Между тѣмъ положеніе Шафарика въ Новомъ-Садѣ становилось неприятнымъ вслѣдствіе притѣсненій венгерскихъ властей, и онъ рѣшилъ уйти. Но уйти было некуда; одно время была рѣчь о приглашеніи его въ Петербургскую академію, дѣло однако не состоялось и чешскіе друзья вызвали его въ Прагу, гдѣ, хотя скромно, на нѣсколько лѣтъ обезпечили его складчиной: къ послѣдней потомъ присоединилась и денежная помощь изъ Москвы. Положеніе чешскихъ дѣлъ къ половинѣ 1830-хъ годовъ уже замѣчательно измѣнилось: движеніе, на которое сначала почти не обращалось властями вниманія, выросло и вмѣстѣ съ тѣмъ возбуждало подозрѣнія правительства—такъ что Шафарикъ, поселившись въ Прагѣ, не обошелся безъ шпионскихъ заботъ полиціи, которая иногда его очень разстраивала. Но работа продолжалась, и въ 1837 dokonчено было изданіе его знаме-

¹⁾ Противъ этого сочиненія Шафарика и Палацкаго направлена была, изъ старой школы, та книжка Гѣвковскаго, о которой мы выше упоминали.

²⁾ Geschichte der slawischen Sprache und Literatur nach allen Mundarten, von Paul Joseph Schaffarik etc. Ofen, 1826, VIII и 524 стр.

³⁾ Geschichte der südslawischen Literatur, herausg. von J. Jireček, Prag, 1864—65, 3 части.

⁴⁾ Ueber die Abkunft der Slawen, nach Surowiecki. Ofen, 1828; Serbische Lesekörner oder historisch-kritische Beleuchtung der serbischen Mundart, ib. 1833.

нѣтъшаго труда: *Славянскихъ Древностей* (Slovanské Starožitnosti), который съ тѣхъ поръ былъ исходной точкой всѣхъ трудовъ по изученію древней славянской исторіи ¹⁾. Книга эта доставила Шафарикъ широкую ученую славу; имя его стало однимъ изъ самыхъ сильныхъ авторитетовъ въ славянскихъ изученіяхъ. Сочиненіе было рассчитано на два отдѣла: историческій и бытовой. Вышедшая книга была первымъ отдѣломъ; Шафарикъ приступалъ и ко второму, но планъ остался невыполненнымъ, изъ второй части было напечатано лишь нѣсколько частныхъ изслѣдованій по древней этнографіи и миѳологіи ²⁾; онъ увидѣлъ, что для изображенія бытовой жизни Славянства недостаетъ еще необходимыхъ подготовительныхъ работъ, особенно филологическихъ. Онъ обратился къ филологіи—и здѣсь опять явилось нѣсколько важныхъ изслѣдованій... При всей обширной учености Шафарика, не обошлось безъ крупныхъ ошибокъ: одной изъ такихъ была статья о мнимомъ Чернобогѣ (отысканномъ въ Бамбергѣ), которому Шафарикъ повѣрилъ, благодаря Коллару, о чемъ послѣ съ досадою вспоминалъ. Въ другую и великую ошибку скептическіе критики ставятъ ему теперь изданіе древнихъ чешскихъ памятниковъ, съ учеными комментаріями, сдѣланное имъ вмѣстѣ съ Палацкимъ ³⁾, также какъ участіе въ книжкѣ графа I. M. Туна ⁴⁾: тамъ и здѣсь рѣчь шла особенно о памятникахъ заподозрѣнныхъ (а теперь и прямо отвергаемыхъ), и Шафарикъ дѣлаютъ упрекъ въ недостаткѣ критики, съ каковымъ онъ допустилъ сдѣлать изъ себя защитника поддѣлки и обмана. Въ защиту Шафарика можно сказать, что въ то время дѣло не было однако такъ ясно и, напр., даже *теперь* ⁵⁾ ученые весьма авторитетные, какъ Срезневскій, въ виду всѣхъ новыхъ возраженій и не связанные чешскими пристрастіями, упорно защищали и „Mater Verborum“ и „Судъ Любуши“. Для чешскихъ ученыхъ вопросъ о древнихъ памятникахъ чешской литературы слутывался еще враждебными отношеніями съ главнымъ представителемъ *тогдашняго* отрицанія, Копитаромъ, который однако своихъ подозрѣній или обвиненій не сопровождалъ ясными доказательствами ⁶⁾, и взгляды писателей невольно поддавали впечатлѣнію

¹⁾ Книга была переведена на польскій языкъ Боньковскимъ, 1842; на русскій — Бодянскимъ, М. 1848 (2-е изданіе, въ пяти книгахъ; 1-е не было окончено); нѣмецкій переводъ Мозига фонъ-Эренфельда и Генр. Вуттке, 1834—44.

²⁾ Въ «Часописѣ», гдѣ кромѣ того напечатано было много другихъ меньшихъ трудовъ Шафарика.

³⁾ Die ältesten Denkmäler der böhmischen Sprache. Prag, 1840.

⁴⁾ Gedichte aus Böhmens Vorzeit, Prag, 1845, съ предисловіемъ Шафарика и примѣчаніями Палацкаго. Ср. В. Ламаискаго, въ «Журн. Мин. Нар. Пр.», 1879, июль.

⁵⁾ Черезъ *сорокъ лѣтъ* послѣ книги Шафарика и Палацкаго.

⁶⁾ Выше мы уже говорили о Копитарѣ. Вражда его съ чешскими учеными все еще не разъяснена. Ср. напр. отзывы въ біографіи Шафарика, Slovník Naučný, IX, стр. 5; переписку Челяковского съ Станкомъ, въ «Часописѣ», 1871, стр. 228—229; самые враждебные отзывы о «Мефистофель»-Копитарѣ въ письмахъ Шафарика къ Погодину.

несправедливости обвиненій.... Въ 1842 Шафарикъ издалъ небольшой по объему, но капитальный трудъ опять все-славянскаго значенія: *Slovanský Narodopis*, сжатое обзорѣніе славянской этнографіи, съ первой картой славянскихъ племень ¹⁾. Неопредѣленность вѣшняго положенія такъ тяготила Шафарика, что въ 1837 онъ рѣшился принять должность, которая очень мало отвѣчала его вкусамъ—цензурство; онъ оставилъ его въ 1847, не избѣжавши неприяностей за пропускъ книгъ, весьма, впрочемъ, невинныхъ (напр. *Cesty a procházku po haličské zemi*, Запа, 1844). Еще въ 1841 г. онъ получилъ мѣсто кустода въ пражской публичной библиотекѣ.

Извѣстность его между тѣмъ возрастала. Ему предлагами славянскую профессуру въ Бреславлѣ, Берлинѣ, — тогда нашли нужнымъ оказать ему вниманіе и въ Австріи. Въ 1848, при самомъ началѣ революціонныхъ смуть онъ получалъ профессуру славянской филологіи въ пражскомъ университетѣ, но оставилъ ее въ слѣдующемъ году, сдѣлавшись бібліотекаремъ университетской бібліотеки. Въ событіяхъ 1848 года онъ принималъ дѣятельное участіе какъ членъ славянскаго съѣзда; печальный исходъ событій, наступившая реакція на него особенно тяжело подѣйствовали. Въ сороковыхъ и пятидесятыхъ годахъ Шафарикъ останавливался въ особенности на изслѣдованіи старой чешской литературы ²⁾; на старинѣ южно-славянской ³⁾, наконецъ на вопросѣ о происхожденіи глаголицы ⁴⁾. Въ этомъ вопросѣ Шафарикъ держался сначала мнѣнія, что глаголица не старѣе вириллицы и повидимому даже устроена была по ея образцу; но подъ конецъ измѣнилъ совсѣмъ свой взглядъ и утверждалъ, что глаголица и была то славянское письмо, которое было изобрѣтено Кирилломъ, а что такъ-называемая нынѣ кириллица была не что иное, какъ упрощеніе ея, сдѣланное ученикомъ славянскихъ апостоловъ Климентомъ... Здоровье его между тѣмъ падало; къ физической болѣзни присоединялись и припадки болѣзни душевной. Шафарикъ умеръ 14—26 іюня 1861 г. ⁵⁾.

¹⁾ Русскій переводъ Бодянскаго, М. 1843.

²⁾ *Rozbor starosesecké literatury*, 1842 и 1845, въ *Запискахъ чешскаго ученаго общества*; *Klavobraní na poli staroé. literatury*, въ «*Часописѣ*», 1847, 1848, 1855; старо-чешская грамматика при «*Выборѣ*», I, и проч.

³⁾ *Památky dřevního písemnictví Jihooslovanův*. Прага, 1851; 2-е изданіе 1878.

⁴⁾ *Pohled na pruvok hlaholského písemnictví*, въ «*Часописѣ*» 1852 (русскій пер. В. Войтковскаго, Журн. Мин. Нар. Пр., 1855, № 7—8); *Památky hlah. písemn.* Прага, 1853; *Glagolitische Fragmente*, ib. 1857; *Ueber die Heimath und den Ursprung des Glagolitismus*, ib. 1858. Русскій переводъ Шемякина, М. 1861. Къ этому послѣднему сочиненію относится упомянутое прежде изслѣдованіе А. Е. Викторова.

⁵⁾ J. Jireček, P. J. Schafarik, biographisches Denkmal, въ *Oesterr. Revue*, 1865, В. 8; *Slovník Naučný*, s. v., 1872. Письма Шафарика къ Коллару, очень любопытный, но еще не разработанный матеріалъ для біографіи Шафарика и для исторіи Возрожденія, въ «*Часописѣ*» 1873, 1874, 1875; въ хорватскому писателю Ми-

Послѣ Добровскаго, Шафарикъ былъ самымъ сильнымъ ученымъ авторитетомъ въ изученіи Славянства. Его „Исторія славянской литературы по всѣмъ нарѣчіямъ“, „Древности“ и „Этнографія“ были настоящимъ откровеніемъ научнаго панславизма. Хотя труды Шафарика были обыкновенно чисто спеціальныя и, несмотря на славянскій патріотизмъ, часто писаны были по-нѣмецки, они произвели чрезвычайно сильное дѣйствіе во всѣхъ славянскихъ литературахъ: онѣ нашли своихъ толкователей, которые распространяли дальше сознаніе историческаго единства племенъ въ древности и необходимости нравственнаго единства въ настоящемъ. Самъ Шафарикъ былъ ревностнымъ панславистомъ въ томъ смыслѣ, какъ эти взгляды господствовали въ то время; но, кажется, послѣднимъ ихъ выраженіемъ была горячая рѣчь на славянскомъ съѣздѣ ¹⁾, — позднѣе ему все больше представлялись слабыя и мрачныя стороны славянскаго дѣла. Въ послѣднее время противъ него слышались нареканія со стороны славянскихъ патріотовъ-идеалистовъ.

Рядомъ съ Шафарикомъ стоитъ другой руководящій представитель новой чешской литературы, иногда раздѣлявшій его труды, Палацкій, „отецъ чешской историографіи“. Францъ Палацкій (1798—1876) родился въ Преровскомъ округѣ на Моравѣ и происходилъ изъ стараго рода, который держался нѣкогда Братской Общины, хранилъ втайнѣ и послѣ Фердинандова погрома ея ученія, и по объявленіи вѣротерпимости при Юсифѣ II принималъ Аугсбургское исповѣданіе. Послѣ обученія въ низшихъ школахъ, Палацкій въ 1812 поступилъ въ евангелическую лицей въ Пресбургѣ. Ученье шло по-латыни, но Палацкій прибавлялъ къ школьнымъ занятіямъ свои собственныя, изучалъ новыя языки и ихъ литературу; онъ готовилъ себя къ поприщу евангелическаго проповѣдника, но потомъ оставилъ эту мысль, занявшись философійю Канта. Національныя стремленія возбудило въ немъ чтеніе старой и новой чешской литературы; особенное впечатлѣніе произвелъ на него, какъ на Шафарика, „Разговоръ о чешскомъ языкѣ“ Юнгманна. Въ Пресбургѣ онъ работалъ отчасти при изданіи Палковича „Tudennik“, но Палковичъ былъ человѣкъ старой школы, и Палацкій наконецъ съ нимъ разошелся. Въ литературномъ мірѣ имя Палацкаго стало извѣстно по переводу нѣсколькихъ пьесъ изъ „Оссіана“ (1817), которыя произвели тогда большое впечатлѣніе

глушичу, въ «Архивѣ» Кукульевича, XII, 1875; обильный матеріалъ въ «Письмахъ къ Погодину изъ славянскихъ земель, 1835—1861», изданныхъ Н. Поповымъ, М. 1879—80: въ 1-мъ выпускѣ этого изданія упоминаніа о Шафарикѣ въ письмахъ Бодянскаго, во 2-мъ выпускѣ 144 письма самого Шафарика, съ 1835 до 1858 года.

Изданіе сочиненій: Sebrané Spisy, Прага, 1862—65, еще не полное; въ 3-мъ томѣ—частныя изслѣдованія по древности, мнѣологіи, исторіи литературы, филологіи.

1) Первоульфъ, въ «Вѣстникѣ Европы», 1879, апрѣль.

въ кругу чешскихъ стихотворцевъ, такъ какъ Оссіанъ впервые являлся въ чешской литературѣ. Въ лицѣ и долго послѣ его занимала особенно эстетика. Выше сказано объ его сближеніи съ Шафарикомъ и объ изданіи книжки: „Ročatkové českého básnictví“. Нѣсколько лѣтъ затѣмъ Палацкій провелъ въ качествѣ домашняго учителя въ богатыхъ домахъ, продолжая литературныя занятія; нѣсколько статей по эстетикѣ явились въ журналѣ „Krok“.

Выше мы упомянули, что этотъ журналъ основанъ, въ 1821, Юнгманнъ и Янъ-Сватоплукъ Пресль (1791—1849), ученый медикъ и натуралистъ, составившій себѣ и въ области литературы большое имя своими стремленіями дать возникающей литературѣ научное содержаніе и выработать научный языкъ. Главнымъ трудомъ Пресля была обширная прикладная Ботаника (Rostlinař, 1820—35, вмѣстѣ съ графомъ Берхтольдомъ), затѣмъ рядъ популярно-научныхъ книгъ по разнымъ отраслямъ естествознанія. Небольшой журналъ его „Krok“, 1821—1837, былъ первымъ опытомъ научнаго изложенія на новомъ чешскомъ языкѣ, и прівлекалъ лучшія тогдашнія литературныя силы.

Въ 1823 году Палацкій поселился въ Прагѣ, гдѣ его дружески встрѣтили Юнгманнъ, Пресль, Добровскій, Ганка, какъ новую обѣщающую силу. Случайная работа, которую Добровскій предложилъ Палацкому исполнить для Гормайрова „Taschenbuch“—именно, исторія рода графомъ Штернберговъ, окончательно направила Палацкаго на историографическое поприще. Добровскій сблизилъ его съ графами Штернбергами, Каспаромъ и Францомъ, и послѣдній, человекъ просвѣщенный, одинъ изъ немногихъ тогдашнихъ аристократовъ, которые были и чешскими патриотами, въ особенности цѣнилъ Палацкаго, и немало помогъ его личнымъ и ученымъ успѣхамъ. По настояніямъ Палацкаго у Штернберговъ, совѣтъ Чешскаго Музея (во главѣ его стоялъ Каспаръ Штернбергъ) рѣшилъ съ 1827 г. издавать отъ Музея два журнала, одинъ на нѣмецкомъ, другой на чешскомъ языкѣ: редакторомъ для обоихъ избранъ былъ Палацкій. Мы упоминали выше, что нѣмецкій журналъ не имѣлъ успѣха, и въ 1831 былъ закрытъ; за то чешскій установился вполне и сдѣлался однимъ изъ важнѣйшихъ ученыхъ органовъ чешской литературы: это—*„Casopis Českého Muzeum“*, продолжающійся донинѣ. Палацкій редактировалъ его до 1838 г.

Между тѣмъ дѣятельность Палацкаго все расширялась. Въ 1827, чешскіе чины, въ которыхъ также стало пробуждаться національное чувство, предлагали Палацкому взять на себя продолженіе „Чешской исторіи“ писателя прошлаго вѣка Пубички¹⁾. Палацкій не отказался,

¹⁾ Chronologische Geschichte Böhmens, Prag, 1770—1808, 6 частей, до Фердинанда П. Пубичка (1722—1807) былъ писатель старой іезуитской школы; книга, хотя трудолюбиво писанная, но сухая и нескладная.

но представилъ свой собственный планъ, по которому должна бы быть написана чешская исторія; планъ былъ принятъ, Палацкаго рѣшили сдѣлать исторіографомъ Чехіи (1829), но высшія власти утвердили за нимъ это званіе официально только въ 1839. Палацкій ревностно принялся за работу, изучалъ источники историческіе и юридическіе въ чешскихъ архивахъ и въ Вѣнѣ, изслѣдовалъ старую топографію Чехіи сравнительно съ современной, сдѣлалъ нѣсколько болѣе или менѣе продолжительныхъ путешествій за границу для разысканія источниковъ чешской исторіи, разсѣянныхъ въ европейскихъ бібліотекахъ (въ Мюнхенѣ, Берлинѣ, Дрезденѣ, Римѣ и пр.). Готовя свой трудъ, Палацкій дѣлалъ изданія самыхъ источниковъ, старыхъ лѣтописцевъ, актовъ, писемъ; писалъ частныя изслѣдованія и т. п. ¹⁾ Въ 1836 году появился первый томъ его чешской исторіи, которая выходила сначала по-нѣмецки, и только съ 1848 на чешскомъ языкѣ, и въ пяти обширныхъ (двойныхъ) томахъ доведена была Палацкимъ, къ концу его жизни, до 1526 года ²⁾.

1848-й годъ вызвалъ Палацкаго на политическое поприще. Онъ былъ наиболѣе виднымъ и вліятельнымъ представителемъ національной партіи, которая въ виду стремленій франкфуртскаго парламента захватить Чехію въ нѣмецкое единство и противъ вѣнской централизаціи настаивала на историческомъ правѣ Чехіи и на федераціи, какъ единственной формѣ, которая могла бы примирить разногласныя стремленія народовъ Австрійской имперіи. Въ періодъ смуть 1848—49, Палацкій имѣлъ такой политической авторитетъ, что министерство Пиллерсдорфа предлагало ему портфель; на имперскомъ сеймѣ онъ былъ дѣятельнымъ членомъ комиссіи, которой поручена была выработка началъ конституціи, но подъ конецъ этого бурнаго времени, когда сеймъ въ Кромѣржижѣ былъ насильственно закрытъ, Палацкій очутился подозрительнымъ чловѣкомъ, за которымъ нуженъ присмотръ полиціи. Онъ оставилъ политику и снова занялся своимъ историческимъ трудомъ. Послѣ изданія „диплома“ 1860, политическая дѣятельность Палацкаго возобновилась: онъ сталъ признаннымъ политическимъ вождемъ чешскаго народа; въ 1861, онъ сдѣланъ былъ пожизненнымъ членомъ вѣнской верхней палаты. Въ это время основался газетный органъ, представлявшій его взгляды, „Narodni Listy“; но вскорѣ, въ 1863, программа Палацкаго возбудила въ новомъ

¹⁾ Таковы, напр., изданія: *Stáří letopisové čeští od roku 1378 do 1527*. Прага, 1829; *Würdigung der alten böhm. Geschichtschreiber*. Прага, 1830; *Archiv český*, 4 тома, 1840—46; съ 1862, продолженіе Архива, еще два тома; *Aelteste Denkmäler etc.*, 1840; *Popis království českého*, Пр. 1848.

²⁾ *Geschichte von Böhmen*, съ 1836 г.; *Dějiny národu českého v Cechách a v Moravě*, томы: I, III—IV, Прага, 1848—60; томъ V, часть 1-я, 1865; ч. 2-я, 1867; томъ II, ч. 1-я, 1874; ч. 2-я, 1876; новѣйшее изданіе, «для народа», съ біографіей Калоуска. Прага, 1878.

покоління оппозицію, и органомъ Палацкаго и его родственника и младшаго политическаго сотоварища, Л. Ригера, стала новая газета „Narod“, послѣ „Pokrok“.

Палацкій, изъ всѣхъ чешскихъ ученыхъ, оказалъ наибольшія услуги чешской историографіи. Важнѣйшій трудъ его, *Исторія чешскаго народа* написана съ обширнымъ, до него у Чеховъ невиданнымъ изученіемъ источниковъ и получила значеніе національное. Однимъ изъ первыхъ проблесковъ народнаго возрожденія была потребность вспомнить прошлое, восстановить свою историческую связь съ старыми поколѣніями: народъ долженъ былъ очнуться изъ безпамятства, въ которое впалъ отъ страшнаго удара, нанесеннаго ему въ началѣ XVII вѣка, и главную заслугу въ этой исторической реставраціи народнаго сознанія Чехи приписываютъ именно Палацкому. Его трудъ остановился на XVI вѣкѣ; но онъ давалъ прочное основаніе для историческаго изслѣдованія и для національнаго чувства. Что впечатлѣніе было таково, можно видѣть по тому, что въ критическую минуту историкъ сталъ и политическимъ представителемъ, признаннымъ главой своего народа ¹⁾.

Палацкій продолжалъ работать до послѣднихъ дней. Въ 1876, онъ издалъ послѣдній томъ исторіи, доведенный до 1526 года; на этомъ годѣ онъ и хотѣлъ остановиться, думая только обработать внутреннюю бытовую исторію вѣковъ XIII—XVI. Въ 1876, 11—23 апрѣля, въ Прагѣ праздновалось завершеніе историческаго труда Палацкаго; въ рѣчи, которую онъ говорилъ при этомъ, было уже предчувствіе скорого конца. Онъ умеръ слѣдующаго 14—26 мая ²⁾. „Нашъ народъ находится въ великой опасности, — говорилъ онъ между прочимъ въ своей послѣдней рѣчи, — отовсюду окруженный врагами; я однако не отчаиваюсь и надѣюсь, что народъ успѣетъ одолѣть всѣхъ, если только захочетъ. Недовольно сказать: „я хочу“, но каждый долженъ участво-

¹⁾ Изъ политическихъ сочиненій Палацкаго замѣтимъ въ особенности статью: «О централизаціи и національной равноправности въ Австріи», въ газетѣ Гавличка Narodní Noviny, 1849; далѣе: «Idea státu Rakouského», въ газетѣ Narod, 1865 и отдѣльно, также по-нѣмецки: Oesterreichische Staatsidee, Prag, 1865; наконецъ «Dobrov», его политическое завѣщаніе, въ «Radhošt», сборникъ мелкихъ статей по литературѣ, эстетикѣ, исторіи и политикѣ, 1871 — 72, 3 части. Завѣщаніе вышло и по-нѣмецки: Fr. Palacky's Politisches Vermächtniss. Прага, 1872. Ср. о немъ ст. Макушева въ «Голосѣ», 1873, № 178.

²⁾ Биографія Палацкаго была много разъ изложена; см., напр., В. Зеленаго, въ альманахѣ Máj, 1866; еще ранѣе: Reichstags-Gallerie, geschriebene Portraits der hervorragendsten Deputirten des ersten oesterr. Reichstages. Wien, 1849, Jasper, Hügel und Manz; Revue d. d. Monde, 1855, avril: L'histoire et l'historien de la Bohême; Нила Попова, въ «Соврем. Лѣтописи», 1865, № 33; въ книгѣ: Всеросс. этногр. выставка и славянскій съездъ, М. 1867; Slovnik Naučný, т. VI, 1867, в. в.

Важный матеріалъ біографическій заключаютъ собственные труды Палацкаго, именно по вопросамъ политическимъ и общественнымъ; и также его переписка: доля ея, именно любопытныя письма его къ Коллару напечатаны въ «Часописѣ», 1879.

вать, работать, жертвовать, что можетъ, для общаго блага, особенно для сохраненія народности. Чешскій народъ имѣетъ за собою блестящее прошлое. Время Гуса есть славное время: тогда чешскій народъ духовной образованностью превъшалъ всѣ остальные народы Европы.... Нужно теперь, чтобы мы себя образовывали и по указанію образованнаго разума дѣйствовали. Это — единственный завѣтъ, который я, такъ сказать, умирая, оставилъ бы своему народу“....

До сихъ поръ мы говорили о писателяхъ, извѣстность или слава которыхъ заключается въ ихъ ученой дѣятельности и которые почти не касались области собственно литературной, поэтической. Но эти имена прежде всего должны быть названы въ исторіи чешскаго „Возрожденія“ если не по строгой хронологіи, то по значенію ихъ дѣятельности—это были прямые продолжатели дѣла Добровскаго: требовалось пробудить историческое сознание, поставить литературу на уровень современной образованности, выработать новый языкъ. Мало-помалу литература расширялась въ своемъ содержаніи, и въ численности читателей. Какъ писатели шли изъ народной среды и отчасти средняго сословія, такъ отсюда же набиралась и публика. Этими условіями опредѣлялся и складъ литературы: стремясь къ пробужденію національности, литература въ то же время старалась усваивать содержаніе современной европейской науки и поэзи и съ другой стороны дать популярное чтеніе народу. Это двойное стремленіе осталось надолго господствующей чертой чешской литературы: она представила значительное количество переводовъ и общедоступныхъ изданій по разнымъ предметамъ знанія и создавала національную публику изъ пренебреженнаго и угрожаемаго чужимъ племенемъ народа. Национальное сознание проникло изъ городскихъ кружковъ въ село.

Наконецъ и чешская поэзія выступила какъ достойная сила въ національномъ развитіи, и какъ въ наукѣ вмѣстѣ съ своимъ народнымъ вопросомъ возникло сознание обще-славянскаго единства, такъ въ поэзи, рядомъ съ частнымъ патріотизмомъ, обнаружилась горячая панславянская тенденція. Первымъ и замѣчательнѣйшимъ представителемъ поэзи этого характера былъ Янъ Колларъ (1793 — 1852), родомъ Словакъ, изъ Турчанской „столицы“. Отецъ предназначалъ его для своего деревенскаго хозяйства, и только по усиленнымъ просьбамъ сына отдалъ его въ школу; когда и потомъ Колларъ не послушался настояній отца, послѣдній такъ разсердился, что Колларъ долженъ былъ оставить отцовскій домъ и только благодаря участію чужихъ людей могъ продолжать свои школьныя занятія. Въ 1812 онъ поступилъ въ евангелическую лицей въ Пресбургѣ, гдѣ мы уже видѣли Шафарика и Палацкаго. Окончивши курсъ въ 1815, и онъ сдѣлался воспитателемъ и, собравъ немного денегъ, въ 1816

отправился въ Іену; въ слѣдующемъ году, какъ іенскій студентъ онъ участвовалъ въ знаменитомъ Вартбургскомъ праздникѣ, гдѣ юная Германія, именно академическая молодежь, празднующая юбилей Реформации, заявила свою ненависть къ реакціи и обскурантизму фантастическимъ ауто-да-фе. Это настроеніе молодого поколѣнія, особенно сильное тогда въ Іенѣ, и вліяніе университета вѣроятно подѣйствовали на складъ широкихъ патріотическихъ стремленій чехо-словацкаго поэта. Къ этому присоединилось и одно обстоятельство личнаго свойства. Здѣсь, на берегахъ Салы и Эльбы, жило нѣкогда полабское Славянство, погибшее отъ нѣмецкой вражды и собственной разрозненности: національное чувство, возбужденное этими историческими воспоминаніями, слилось у Коллара съ любовью, предметомъ которой была Вильгельмина Шмидтъ, дочь нѣмецкаго евангелическаго пастора, происходившаго отъ этихъ славянскихъ предковъ (онъ женился на ней уже только въ 1835 г.). Это двойное чувство дало содержаніе поэзіи Коллара, гдѣ его личные радости и печали идутъ рядомъ съ воспоминаніями о прошедшемъ Славянства, размышленіями о настоящемъ, идеалистическими мечтами о будущемъ и возбужденіями къ національному патріотизму. Стихотворенія его явились сначала подъ простымъ заглавіемъ: „Báseň“ ¹⁾, а въ послѣдующихъ изданіяхъ были названы: „Slavy Dcera“, т.-е. *Дочь Славы* ²⁾, подъ которой понимались и возлюбленная Мина и все-славянское отечество.

„Дочь Славы“ написана звучными и иногда истинно поэтическими сонетами ³⁾, въ содержаніи ярко выразилось новое направленіе, проповѣдовавшее взаимную славянскую любовь и единство: это были или патріотическія элегіи, вызванныя воспоминаньемъ о прежней славѣ, или призывы къ единодушію, или обличенія отступниковъ; дидактизмъ занимаетъ въ поэмѣ очень много мѣста. Поэтическая дѣятельность Коллара ограничилась одной этой поэмой исключая только немногія неважныя стихотворенія. По возвращеніи изъ Іены онъ сдѣлался евангелическимъ проповѣдникомъ въ Пештѣ, писалъ проповѣди, занимался славянскою стариною и народною поэзіей, предпринималъ нѣсколько путешествій для изученія остатковъ (всею чаще мнимой) славянскою древности въ Германіи, Швейцаріи, Италіи. Таковы его „Народныя

¹⁾ Прага. 1821. Замѣтимъ кстати, что по-чешски слово «báseň» значитъ не басня, а «стихотвореніе».

²⁾ Slavy Dcera. Báseň lyricko-epická ve třech zřevích. Пешть, 1824. Далѣе: — v pěti zřevích, и при этомъ особой вышкой «Vuklad», Пешть, 1832; Пешть, 1845, въ двухъ частяхъ; Вѣна, 1852; Прага, 1862. Отдѣльные сонеты были переведены на польскій языкъ также на нѣмецкій, французскій, англійскій. На русскомъ языкѣ есть «Вступленіе» (въ размѣрѣ подлинника, пентаметромъ) и нѣсколько сонетовъ, переведенныхъ Н. Бергомъ, въ «Поэзіи Славянъ», стр. 348—353.

³⁾ Въ изданіи 1845 г. 622 сонета; въ послѣднихъ изданіяхъ 645.

пѣсни Словаковъ въ Венгрію" ¹⁾, его изслѣдованія о происхожденіи, древностяхъ и имени Славянъ (1830, 1839), его „Путешествіе“ (1843), наконецъ „Славянская Старо-Италія“. Но въ этихъ трудахъ, посвященныхъ ученымъ вопросамъ, виденъ опять не ученый, а поэтъ. Славянская древность представляется ему здѣсь въ томъ же опозитивированномъ видѣ, какъ въ „Дочери Славы“; Славяне воображались ему даже въ Италіи ²⁾. Когда начались венгерскія волненія, Коллару, который горячо защищалъ своихъ соотечественниковъ, пришлось вынести много тяжелыхъ испытаній и преслѣдованій отъ мадяроновъ; при началѣ революціи онъ удалился въ Вѣну, гдѣ въ 1849, получилъ кафедру славянскихъ древностей въ университетѣ.

Наконецъ, не меньше „Дочери Славы“ знаменито еще одно произведеніе Коллара, которое въ свое время оставило сильное впечатлѣніе въ умахъ славянской публики. Это была небольшая брошюра: *О литературной взаимности между различными племенами и нарѣчійми славянскаю народа* ³⁾. Она была внушена тѣмъ же панславянскимъ патріотизмомъ. Колларъ, при всемъ своемъ пристрастіи къ „славѣ“ своего племени, признавался, что нынѣшніе Славяне — „великаны въ географіяхъ и на картахъ, и карлики въ искусствахъ и литературѣ“; причиной этого печальнаго факта были, по его мнѣнію, раздробленіе и недостатокъ единства, и потому для утвержденія своихъ народныхъ стремленій Славяне должны соединиться въ литературной взаимности. „Въ наше время, — говорилъ онъ, — недовольно быть хорошимъ Русскимъ, горячимъ Полякомъ, совершеннымъ Сербомъ, ученымъ Чехомъ, и только исключительно, хотя бы и хорошо, говорить

¹⁾ Говоря о Шафарикѣ, мы упомянули о первомъ изданіи этого сборника. Второе, очень размноженное, было сдѣлано самимъ Колларомъ въ Пештѣ, 1834—35, въ 2 томахъ. Для своего времени Шафарикъ считалъ это изданіе лучшимъ въ славянствѣ. Sebrané Spisy, III, 408—409.

²⁾ Rozpravy o jmenách, počátkách i starožitnostech národu Slovanského etc. V Budíně 1830;—Sláva Bohyně a původ jmena Slavův čili Slavjanův. V Pešti 1839;—Cestopis, obsahující cestu do horní Italie a odtud přes Tyrolsko a Bavorsko, se zvláštním ohledem na slavjanské živly (1841) etc., ib. 1843, Прага, 1863;—Staro-italia slavjanská, —изданная послѣ его смерти, —Вѣна, 1853; 2-е изд. Прага, 1863.—Археологическія писанія Коллара всего чаще были фантазіей, къ которой съ неудовольствіемъ относились даже друзья, напр. Шафарикъ.

³⁾ Написанная сначала по-чешски, потомъ вышедшая на нѣмецкомъ языкѣ: Ueber die literarische Wechselseitigkeit zwischen den verschiedenen Stämmen und Mundarten der Slawischen Nation. Aus dem Slawischen in der Zeitschrift Hronka gedruckten ins Deutsche übertragen und vermehrt vom Verfasser. Pesth 1837. Брошюра была переведена потомъ почти на всѣ славянскія нарѣчія. Второе чешское изданіе: O literární vzájemnosti etc., переведенное съ нѣмецкаго Яномъ Слав. Томичкомъ, Прага, 1853; сербскій — «О книжной узаимности» и пр., пер. съ нѣм. Дим. Теодоровича, Бѣлгр. 1845, и въ «Заставѣ» 1878; русскіе переводы — въ «Моск. Вѣдомостяхъ» 1838, въ «Отеч. Запискахъ» 1840, № 1—2 (Срезневскаго). Книжка обратила на себя большое вниманіе и въ непріятельскомъ лагерѣ, гдѣ на нее вообще смотрѣли, какъ на манифестъ панславизма. Укажемъ, напр., статью въ «Vierteljahrsschrift aus und für Ungarn», 1843, I, 1-te Hälfte, стр. 122—130, изъ «Pesti Hirklar» (статья, кажется, Пульского).

по-русски, по-польски, по-чешски. Уже прошли односторонніе дѣтскіе годы славянскаго народа; духъ нынѣшняго Славянства налагаетъ на насъ другую, высшую обязанность, именно: считатьъ всѣхъ Славянъ братьями одной великой семьи и создавать великую все-славянскую литературу"... Для достиженія подобнаго результата Колларъ считалъ необходимымъ взаимное изученіе нарѣчій. Онъ объясняетъ, какаа опасность грозитъ Славянству отъ его раздѣленія и какаа необходимо духовное общеніе литературъ для выполненія исторической задачи славянскаго племени — вести далѣе цивилизацію и просвѣщеніе послѣ германскихъ и романскихъ народовъ, которые должны теперь уступить свое мѣсто новому, свѣжему народу. Средство, предложенное Колларомъ для литературнаго объединенія, было слишкомъ недостаточное, но тѣмъ не менѣе его книжка имѣла огромный успѣхъ: о „взаимности“ заговорили всѣ панславянскіе патріоты, находившіе въ ней панацею противъ всѣхъ бѣдствій славянскаго племени. Нѣтъ сомнѣній, что это имѣло и свои практическія послѣдствія — въ усиленіи панславянскихъ интересовъ, какаа имѣла подобное вліяніе и поэма Коллара.

„Дочь Славъ“ производила тѣмъ болѣе сильное впечатлѣніе, что ея крайній идеалистическій характеръ какаа нельзя больше соответствовалъ тому направленію, какаое мы выше указывали у защитниковъ народности: преувеличеній не замѣчали, — они были въ духѣ общаго настроенія; дидактизмъ и растянутаа не казались недостаткомъ, потому-что въ поученіяхъ давалась, хотя бы отвлеченная, программа, которой еще искало возбужденное, но еще не опредѣлившееся чувство. Возвышенный тонъ, въ которомъ ведена поэма, какаа нельзя лучше шелъ къ идеалистической задачѣ. Съ „Дочери Славъ“ открывается цѣлый рядъ поэтическихъ произведеній, повторяющихъ ту же тему все-славянскаго единства, прошедшей и будущей славы ¹⁾. Въ пяти пѣсняхъ поэмы (Sala; Labe, Rén, Weltawa; Dunaj; Lethe; Acheron) историческія воспоминанія, благословенія и строгій судъ надъ дѣяніями и дѣятелями Славянства восходятъ къ отдаленнѣйшей древности и завершаются горячими воззваніями къ согласію и труду на общую пользу. Это было самое характерное выраженіе идеа-

¹⁾ Собраніе сочиненій Коллара (впрочемъ неполное): Spisy Jana Kollára, 4 ч. v Praze 1862—63. Въ нихъ находится и любопытная автобіографія его, objaśniaющая, впрочемъ, только время его молодости (ч. IV, стр. 89—285). Единственная біографія Коллара есть статья В. Зеленаго, въ альманахѣ «Máj», 1862. Ср. Гурбана, Pohľadi, I, стр. 127—134. Для будущаго біографа накопится любопытный матеріалъ въ издаваемой перепискѣ: письма Шафарика къ Коллару, въ «Часописѣ», 1873—75; Палацкаго, *ibid.* 1879; Юнгманна, *ibid.* 1880; письма Коллара къ Н. И. Надеждину, въ «Р. Архивѣ», 1873; упоминанія о немъ и нѣсколько писемъ въ «Письмахъ къ Погодицу изъ Слав. земель», изд. Н. Поповымъ, М. 1879 — 1880. См. Пича, Очеркъ полит. и литер. исторіи Словаковъ, въ Слав. сборникѣ, т. I—II.

См. еще о Колларѣ далѣе, въ литературѣ Словаковъ.

лирическаго панславизма съ двадцатыхъ годовъ до 1848, и цитаты изъ „Дочери Славы“ у западно-славянскихъ писателей были обычнымъ подтвержденіемъ патріотическихъ призывовъ.

Приводимъ образчикъ славянскихъ призывовъ Коллара:

„Великій грѣхъ есть злое убійство, грабежъ, предательство, подлогъ, отравы — такіе люди стѣбуютъ, чтобы кровь и душа ихъ покинули тѣло подъ мечомъ суда; и ложь, высокомеріе, зависть, соблазнъ, извѣженное сладострастіе, подрывающее нравы, и всѣ тѣ мерзости, которыя прашли на землю изъ горячаго ада. — Но я все-таки знаю змѣя съ чернымъ гнуснымъ лицомъ, въ сравненіи съ которымъ эти обломки грѣха еще будутъ бѣлѣе снѣга. Этотъ одинъ и грабить, шепчетъ, учить злему, и бьетъ себя, предковъ и потомковъ, и называется: Неблагодарность къ своему народу.

„Ну-же, пока бьется молодое сердце, станемъ искать счастья милой родинѣ; бодрствующіе будите дремлющихъ, пламенные—холодныхъ, живые—все, что гниетъ. Вѣрные, толчите предательскаго змѣя; прямодушные, пристыдите тѣхъ, кто смотритъ изъ подлобыя, трудолюбивые — ту сволочь, которая поѣдаетъ плодъ кроваваго, мозольнаго труда и пьетъ кровь братьевъ: никто прекраснѣе не можетъ хвалиться со смѣлымъ челомъ, чѣмъ тотъ патріотъ, который въ своемъ сердцѣ пѣлмй народъ носитъ,—и справедливо, потому что,— пусть смѣется этому человѣкъ безъ чести,—и онъ отдастъ въ руки Божьи отчетъ за своихъ овецъ.

„Трудись каждый съ настойчивой любовью на наследственной нивѣ народа; пути могутъ быть различны, будемъ только всѣ имѣть одну волю; безумно—хотѣть неумѣлой рукой измѣрить бѣгъ планеты, какъ ногамъ, непривычнымъ къ пласкѣ, сжидать хоть небольшой похвалы. Лучше дѣлаетъ тотъ, кто работаетъ въ скромномъ кругѣ, вѣрно стоя на своемъ удѣлѣ; онъ будетъ великъ — слугою или королемъ; часто тихая хижина пастуха можетъ сдѣлать для родины больше, нежели таборъ, изъ-за котораго бился Жижка.

„Не приписывай святое имя отечества тому краю, въ которомъ мы живемъ; настоящее отечество мы носимъ только въ сердцахъ, — *тотое* отечества нельзя не умертвить, ни ограбить; сегодня или завтра мы видимъ хвастливаго убійцу родины, и народъ въ его яриѣ,—но когда мы соединимся духомъ, отечество будетъ дѣло въ каждой части союза: правда, невинному чувству дорогъ и та роща, рѣка, хижина, которую прадѣдъ оставилъ своему внуку; но тѣ несокрушимыя границы отечества, которыхъ боится тронуть насмѣшка, это только — общіе согласные нравы, рѣчь и мысли“ (Советы 241—244).

Въ советѣ 268 и слѣдующихъ Колларъ обращается къ все-славянскому отечеству, „Славин“ (или также „Все-славия“), и съ его примѣра эта воображаемая страна долго потомъ (и даже доннынѣ) возбуждала энтузіазмъ западно-славянскихъ поэтовъ, особливо чешскихъ:

Slávie! ó Slávie! ty jméno
 Sladkých zvuků, hořkých pamatek,
 Stokrát rozervané na zmatek,
 Aby vždycky více bylo ctěno, str.

(О Славянство!—има сладкихъ звуковъ, горькихъ воспоминаній, сто-
 кратъ разорванное въ клочки, чтобы все больше вызвать почтенія)...

Передъ его воображеніемъ проходить необозримые предѣлы все-славянскаго отечества: у насъ все есть, что нужно для великой роли въ человѣчествѣ—земля и море, золото и серебро, искусныя руки, рѣчь и веселыя пѣсни; недостаетъ лишь одного—согласія и просвѣщенія:

Všesko máme, věřte, mojí draží
Spoluvlastenci a přátelé!
To, co mezi velké, dospělé
V člověčenství národy nás sází;
Zem i moře pod námi se plazí,
Zlato, stříbro, ruky umělé,
Řeč i zpěvy máme veselé,
Svornost jen a osvěta nam schází! (Сон. 260).

Онъ убѣждаетъ славянскіе народы жить согласно и въ единствѣ, чтобы сдѣлать радость „милой матери“, т.-е. славянскому отечеству:

Učíte tu radost milé matce
Kuaí, Serbí, Češí, Poláci,
Žíte svorně, jako jedno stádece! (Сон. 261).

„Чужая жажда пьетъ милую намъ кровь, а сынъ, не зная славы отцовъ, еще хвастается своимъ рабствомъ!“

Nam krev milou cizí žíjeň chlastá,
A syn, slávy otců ne znaje,
Ještě svojím otroctvím se chvástá! (Сон. 263).

Въ странствіи по Дунаю, поэтъ долженъ вспомнить паденіе славянскихъ царствъ, нынѣшнее рабство Славянства, — надежды нѣтъ! „Боже, Боже, — восклицаетъ онъ, — который всегда желалъ блага всѣмъ народамъ: на землѣ нѣтъ уже никого, кто бы оказывалъ Славянамъ справедливость! Гдѣ ни ходилъ я, вездѣ горькая жалоба братьевъ омрачала мнѣ веселье моей души; о ты, Судья надъ судьями, скажи: чѣмъ же такъ виновенъ мой народъ? Ему дѣлается зло, великое зло, а нашимъ жалобамъ и нашей печали свѣтъ ругается или смѣется; но пусть хоть въ томъ просвѣтитъ меня Твоя мудрость: кто здѣсь грѣшитъ? или кто дѣлаетъ это зло; или кто это зло чувствуетъ?“ (Сон. 290).

Иногда представляются поэту свѣтлыя картины будущности Славянства, но чаще онъ скорбитъ въ сознаніи тяжелаго настоящаго, и его патриотическая печаль нерѣдко выражена въ искренней и высокой, хотя слишкомъ ученой поэзіи.

Чешскіе критики предпочитаютъ, не безъ основанія, старую редакцію поэмы Коллара, а не послѣднюю, гдѣ слишкомъ много этой учености. Ср. Челяковскаго, Sebrané Listy, Пр. 1265, стр. 314 ¹⁾.

Поэзія Коллара есть одно изъ самыхъ крупныхъ явленій всей ново-чешской литературы и наиболѣе характерное произведеніе Возрожденія. Ея историческое значеніе выясняется сличеніемъ съ предшествовавшей поэзіей. Мы видѣли, что съ конца прошлаго вѣка и почти до Коллара чешская поэзія была чисто подражательная; въ ней господствовала наивная идиллія. Первый отпоръ этому направленію

¹⁾ Судь о поэмѣ Коллара съ мадьярской точки зрѣнія въ названномъ выше «Vier-teljahrsschrift», 1848, II, 2, стр. 56—87, съ переводомъ нѣсколькихъ советовъ.

данъ былъ около 1820 года — введеніемъ въ чешскую литературу Оссиана, который направлялъ умы въ сѣдую, романтическую и таинственную древность, и появленіемъ „Любушина Суда“ и Краледворской Рукописи, которыя въ сильной степени возбудили національное чувство. Теоретическимъ отрицаніемъ псевдо-классической идилліи и неопредѣленной сантиментальности была упомянута книжка Шафарика и Палацкаго, 1818. Но эти возбужденія еще не произвели никакого яснаго національнаго настроенія. Поезія народная, у Чеховъ небогатая, мало способна была создать его и въ то время ею только впервые стали интересоваться. Такимъ образомъ Колларъ имѣлъ передъ собой едва пробуждающееся народное сознаніе. Его поэма, напротивъ, была цѣльной, глубоко чувствуемой и сильно переданной поэтической проповѣдью національнаго дѣла, которое притомъ понималось не въ тѣсномъ предѣлѣ чешскаго племени, а во всемъ славянскомъ мірѣ. Своимъ панславизмомъ Колларъ предварилъ Шафарика, и въ славянской поэзіи доселѣ не смѣненъ никѣмъ какъ проповѣдникъ взаимности и нравственно-національнаго единства. Донынѣ, черезъ два поколѣнія, „Дочь Славы“ остается единственнымъ поэтическимъ кодексомъ панславизма тогда — правда (прибавимъ) далеко не столь страшнаго, какъ изображали его противники.

Современникъ Коллара, другой поэтъ и панславистъ Францъ-Ладиславъ Челяковскій (1799 — 1852), былъ сынъ простаго столяра, но успѣлъ получить университетское образованіе и рано занялся литературой. Первыми его произведеніями были „Стихотворенія“ (Smlíšené básně, 1822) и „Slovanské národní písně“ (3 ч., 1822), за которыми слѣдовали переводы изъ Гердера, Вальтеръ-Скотта и пр. Сочиненія Челяковскаго отличались чистотой формы, замѣчательной для того времени, когда еще шло дѣло объ установленіи литературнаго языка. Настоящая извѣстность его начинается съ 1829, когда онъ издалъ „Отголосокъ русскихъ пѣсенъ“ (Ohlas písní ruských), гдѣ съ большимъ по времени искусствомъ передавалъ характеръ русской народной поэзіи. Кромѣ „Дочери Славы“, еще ни одно произведеніе новой литературы не имѣло такого успѣха, какъ эта книжка, и чешскіе критики до сихъ поръ говорятъ, что „еслибы Челяковскій не написалъ ничего больше, то одинъ „Отголосокъ“ обезпечилъ бы ему мѣсто между первыми поэтами“. Это — не одно повтореніе народно-поэтическихъ мотивовъ, но и примѣненіе ихъ къ новому содержанію. Подобный трудъ Челяковскій сдѣлалъ потомъ и относительно чешской поэзіи въ „Отголоскѣ чешскихъ пѣсенъ“ (Ohlas písní českých, 1840). Высшія обстоятельства его были довольно стѣсненныя; онъ жилъ корректурой и переводами; потомъ помогло ему патриотическое покровительство основателя Чешской Матицы, князя Рудольфа Кин-

скаго. Около 1830 шелъ вопросъ о приглашеніи Челяковскаго, вмѣстѣ съ Шафарикомъ и Ганкой, въ Россію; но, какъ раньше упомянуто, дѣло это не состоялось. Въ 1834 Челяковскій сдѣланъ былъ редакторомъ „Пражскихъ Новинъ“; при нихъ онъ сталъ издавать „Чешскую Пчелу“ (Česká Včela), которая не мало содѣйствовала оживленію литературы. Въ 1835, по смерти Неѣдлаго, Челяковскій получилъ каведру чешскаго языка въ университетѣ, и ему предстояла работа по душѣ; но одно обстоятельство нежданномъ образомъ прервало его университетскую дѣятельность. Въ теченіе польскаго возстанія, его сочувствія были вообще на сторонѣ Русскихъ, но судьба Польши все-таки тяжело на него дѣйствовала: ему хотѣлось, чтобы споръ былъ рѣшенъ въ духѣ славянскаго братства, чтобы побѣдитель нашелъ въ себѣ широкій взглядъ и великодушіе ¹⁾. По окончаніи возстанія, когда развивались бѣдственные его результаты, сочувствія Челяковскаго обратились на сторону Поляковъ, и онъ высказалъ ихъ въ своей газетѣ. Австрійская цензура не сказала ничего противъ; но русское посольство въ Вѣнѣ вмѣшалось въ это дѣло, и Челяковскій разомъ потерялъ и профессуру и редакторство газеты. Вдова князя Кинскаго опять помогла Челяковскому, сдѣлавши его своимъ библіотекаремъ. Въ это время онъ снова вернулся къ дѣятельности поэтической и кромѣ упомянутаго „Отголоска чешскихъ пѣсенъ“ издалъ „Столистую Розу“ (Růže Stolistá, 1840). Послѣдняя также пользуется большою славой; это—лирика личнаго чувства, или также резонирующая и тогда нѣсколько скучноватая поэзія, впрочемъ съ живыми эпизодами, гдѣ авторъ обращается къ національнымъ интересамъ. Потребности чешской литературы вынуждали и у Челяковскаго дѣятельность двойственную: онъ былъ поэтомъ и филологомъ, работая надъ этимологическимъ словаремъ, дѣлая официальный переводъ уголовныхъ законовъ и т. п. Въ 1842, его пригласили наконецъ на славянскую каведру въ Бреславль, гдѣ онъ сдружился съ другимъ ученымъ Чехомъ, знаменитымъ физиологомъ Пуркиней. Въ 1849, при перемѣнѣ политическихъ обстоятельствъ, онъ могъ перейти на ту же каведру въ Прагу: здѣсь онъ исключительно занялся филологіей, издалъ нѣсколько пособій для изученія славянскихъ языковъ, сборникъ всеславянскихъ пословицъ (1852). Послѣ его смерти изданы были „Чтенія о сравнительной славянской грамматикѣ“ (упомянутыя прежде) и не-

¹⁾ Въ письмѣ 17 янв. 1831, Челяковскій говоритъ: «Práví se, že z částek Polska opět království povstane. Přál bych—byl by aspoň jeden dvůr slovaanský v Evropě více a Rusové by při tom mnoho neztratili. Mělo li by se tak státi, na mou věru, vzal bych v Polště službu professorskou neb jinou, neboť Slované by tam bylo třeba po vykydání odtamtud němčinu». Пріятель его Камаритъ пишетъ въ то же время: «Dejž Bůh štěstí Vilému Orli!» Въ августѣ 1831, упоминая о приближеніи русскихъ войскъ къ Варшавѣ, Челяковскій замѣчаетъ: «Kůž by se to dobrým a velikomyslným zřábobem skončilo». См. Celak, Sebrané Listy. Pr. 1866, стр. 287, 289, 300.

давно — „Чтенія о начаткахъ славянской образованности и литературы“, идущія до 1100 г. 1).

Поэзія Челяковского была также панславянская. Въ общихъ идеяхъ онъ сходится съ Колларомъ и работаетъ для славянскаго сближенія, усваивая чешской литературѣ народно-поэтическія черты другихъ племенъ. Въ частности, въ собственно чешскихъ отношеніяхъ, впечатлительный характеръ Челяковского, раздражавшійся неудачами жизни, сдѣлалъ особенной чертой его писаній язвительную эпиграмму, которая вполнѣ и донинѣ еще, кажется, не нашла мѣста въ печати 2).

Таковы были замѣчательнѣйшіе дѣятели второй поры чешскаго Возрожденія. Дѣло шло еще въ области чисто литературной; писатели-патріоты выясняли національную идею какъ историческое право, какъ нравственный долгъ человѣка къ родинѣ; работали надъ орудіемъ литературы, языкомъ, чтобы приладить его къ новѣйшей образованности. Это было уже не время простодушной идилліи, но все-таки по преимуществу время идеализма; патріоты были еще незначительной долей общества, но, управляемые одной задачей, лучшіе люди сплотились въ солидарный кружокъ и достигали своей цѣли. Чехи съ гордостью смотрятъ на эту пору своей литературы, въ самомъ дѣлѣ представляющую одно изъ замѣчательнѣйшихъ явленій цѣлаго славянскаго движенія,—это было нравственное воскресеніе почти умиравшей національности.

Дорога была пробита; въ дальнѣйшемъ развитіи литературы, у писателей второстепенныхъ этой и ближайшей поры, мы найдемъ только продолженіе начатаго. Недостатокъ въ силахъ дѣлалъ то, что писатели первой поры Возрожденія нерѣдко соединяли специальности весьма непохожія,—Колларъ хочетъ быть археологомъ, чтобы разыскать воспѣваемую имъ древнюю „Славію“; Челяковский занимается филологіей; Шафарикъ переводитъ „Марію Стюартъ“, Юнгманъ — „Потерянный рай“, физиологъ Пуринъ переводитъ Шиллера. Въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ литература расширяется; число писателей возра-

1) „Čtení o počátcích dějin vzdělanosti a literatury národův slovanských“, Novočeská Bibl. XXI. Прага, 1877.

2) J. Malý, Fr. Lad. Čelakovský, Pr. 1852. Hanuš, Život a působení Fr. Lad. Čelakovského. Прага, 1855. Переписка Челяковского съ его друзьями, Камаритомъ, Хмеленскимъ, Винаржицкимъ, въ Sebrané Listy, Прага, 1865; 2-е изд. 1869. Другая переписка, Vzájemné Dopisy съ Валлавомъ Станкомъ, въ „Časopisъ“ 1871—72; письма Челяковского къ Пуркинѣ, ibid. 1878. Нѣсколько писемъ 1823—28 годовъ, по-русски или по-чешски—русской азбукой, напечатано въ „Слав. Ежегодникъ“ Заде-рацкаго, Киевъ 1878, стр. 285—295.

Поэтическія произведенія его были собраны въ изданіи: Fr. L. Čho Spisů básnických knihy šestery. Прага, 1847. (Novočeská Bibliothéka, č. VIII): I, Столпастая Роза; II, Отголосокъ русскихъ пѣсенъ; III, Отголосокъ чешскихъ пѣсенъ; IV, Смѣшанные стихотворенія; V, Эпиграммы; VI, Антологія (изъ славянскихъ и чужихъ литературъ),—въ одномъ томѣ.

Въ послѣдніе годы выходитъ новое изданіе Челяковского въ Прагѣ, у Кубера.

стаетъ, ихъ дѣятельность болѣе специализируется; объемъ публики увеличивается: изъ народа часто выходили и самые дѣятели возрожденія; въ среднемъ классѣ является интересъ къ своей народности, въ формѣ „властенецтва“.

Чешская поэзія стала тогда съ особенной любовью обращаться къ народнымъ мотивамъ, къ историческимъ воспоминаніямъ. Два изъ наиболѣе авторитетныхъ писателей этой поры, младшихъ современниковъ Шафарика, Коллара и Палацкаго, Воцель и Эрбенъ, опять имѣютъ равно извѣстное имя и въ поэзи и въ археологіи. Янъ-Эразимъ Воцель (1803—1871), сынъ чиновника въ Кутной Горѣ, рано обнаруживалъ особенную даровитость; въ дѣтствѣ чтеніе чешскихъ книгъ, старыхъ и новыхъ, развило въ немъ „властенецкое“ чувство, и хотя школы, которыя онъ проходилъ, были чисто нѣмецкія, оно удержалось. Еще въ гимназій онъ писалъ множество стиховъ и драматическихъ пьесъ,—послѣднія онъ иногда импровизировалъ, прямо диктуя роли товарищамъ. Эти творенія онъ самъ уничтожалъ; уцѣлѣло только то, что тайкомъ отъ него отдано было его отцомъ издателю (трагедія „Hafsa“, v Kř. Hradci, 1825). Начавши университетскій курсъ въ Прагѣ, Воцель продолжалъ его въ Вѣнѣ, куда отправился въ суровую зиму пѣшкомъ, надѣясь найти здѣсь больше средствъ къ существованію. Счастливый случай доставилъ ему учительскія мѣста въ домѣ гр. Черниновъ, потомъ маркизовъ Паллавичини, гр. Штернберговъ, Сальмъ-Сальмовъ, Гарраховъ: онъ жила въ Венгріи, на Рейнѣ, и пр. Оторванный надолго отъ родины, онъ выступилъ сначала дѣятельнымъ новеллистомъ по-нѣмецки (въ журналахъ *Jugendfreund*, *Der Gesellschafter*, *Oesterr. Wunderhorn*). Въ 1834 году, подъ вліяніемъ чтенія Чешской Хроники Пельцеля, онъ однако вернулся къ роднымъ темамъ и языку, и написалъ эпическую поэму „Премисловцы“, которая вслѣдствіе цензурныхъ проволочекъ могла выдти только въ 1839 ¹⁾. Авторъ успѣлъ немного призабыть родной языкъ, но поэма тѣмъ не менѣе имѣла большой успѣхъ благодаря основной идеѣ — стремленію къ болѣе свободному движенію народной жизни. Въ эти годы, какъ разъ появились капитальнѣйшія произведенія чешскаго Возрожденія: „Древности“ Шафарика, „Wechselseitigkeit“ Коллара (1837), первый томъ чешской исторіи Палацкаго (1836). Чешское движеніе, уже ранѣе подвергшееся присмотру полиціи, возбудило теперь и вражду нѣмецкой публицистики. Чехи защищались въ своей литературѣ, которая, однако, не доходила къ противникамъ. Воцель выступилъ на ея защиту въ рядѣ нѣмецкихъ статей въ Агсбургской

¹⁾ *Prémyslovci. Báseň epická*. Пр. 1839, 1868; 1879 (Spis, вып. 2).

газетѣ ¹⁾. Съ 1842 Воцель поселился въ Прагѣ, чтобы отдаться вполне ученой и литературной дѣятельности, тотчасъ вошелъ въ главный „властенецкій“ кружокъ и мало-по-малу во всѣ литературно-патріотическія учрежденія Праги, — въ Музей, Матицу, ученое общество, редакцію „Часописа“ и т. д. Въ 1843 онъ издалъ „Мечъ и Чашу“ (Meč a Kalich), рядъ историческихъ стихотвореній о славнѣйшихъ событіяхъ чешскаго XIV и XV вѣка ²⁾. Этотъ поэтический циклъ закончился „Лабиринтомъ Славы“, 1846. Еще ранѣе Воцель издалъ нѣмецкую книгу о чешскихъ древностяхъ ³⁾, которая была началомъ ученой дѣятельности, наполнившей остальную его жизнь. Въ 1848—49 г. онъ также принималъ участіе въ событіяхъ, былъ членомъ имперскаго сейма. Въ 1850 онъ получилъ каеедру чешской археологіи и исторіи искусства въ пражскомъ университетѣ и сталъ настоящимъ основателемъ этой новой области чешской литературы. Онъ написалъ рядъ изслѣдованій по чешской древности и исторіи искусства, и въ результатъ изысканій его о древности явилось сочиненіе: „Pravěk země české“ (2 ч., 1866—68), замѣчательнѣйшая книга чешской археологической литературы. Воцелю принадлежитъ также много цѣнныхъ статей по исторіи, праву, эстетической критикѣ ⁴⁾. Это былъ вообще одинъ изъ самыхъ серьезныхъ ученыхъ и образованнѣйшихъ людей чешскаго общества, съ великой заслугой въ возвышеніи національнаго чувства—и своей поэзіей и научными трудами ⁵⁾.

Другой заслуженный поэтъ и ученый, Карль-Яроміръ Эрбенъ (1811—1870) учился въ провинціальной гимназіи и пражскомъ университетѣ и рано участвовалъ въ небольшихъ литературныхъ журналахъ. Окончивши юридическій курсъ, онъ поступилъ на официальную службу и, кромѣ того, помогалъ Палацкому въ архивныхъ работахъ, списывалъ старыя грамоты, пересматривалъ архивы и собиралъ подобный матеріалъ по всѣмъ краямъ чешской земли. Многое изъ собраннаго вошло въ „Чешскій Архивъ“ Палацкаго. Въ 1848 году „народный выборъ“ послалъ его въ Загребъ, откуда онъ извѣщалъ Чеховъ о дѣйствіяхъ хорватскаго сейма; въ 1849 онъ участвовалъ въ комиссіи, работавшей подъ управленіемъ Шафарика надъ выработкой чешскаго юридическаго языка, въ 1850 былъ избранъ архиваріусомъ

¹⁾ Augsb. Allg. Zeitung, съ 1839 по 1846. Объ этой полемикѣ см. «Часописъ», 1849: «Naše minulé boje».

²⁾ Новое изданіе 1874 (Spisy, вып. 1).

³⁾ Grundzüge der böhm. Alterthumskunde, Pr. 1845.

⁴⁾ Эти статьи расцѣпаны въ «Часописъ», въ журналѣ Památky archaeologické a historické, въ нѣмецкихъ запискахъ чешскаго ученаго общ., Зап. вѣнской академіи.

⁵⁾ Панегирическую оцѣнку того и другаго см. въ книгѣ Вацлава Вѣлчка: Třízby vlastenecké, Pr. 1879, стр. 365—376. Фр. Рачкій о Воцелѣ, въ Rad jugoslav. akad. 1873, т. XXII; К. Шмидель, Uromínka na publicistickou činnost J. E. Vocela, въ Часописѣ Матицы моравской, 1876.

Чешскаго Музея, а въ слѣдующемъ году назначенъ былъ архивариусомъ города Праги, чѣмъ и остался до послѣднихъ дней. Дѣятельность Эрбена распалась на нѣсколько разныхъ путей. Онъ былъ во-первыхъ издатель старыхъ актовъ и произведеній старой литературы ¹⁾; далѣе этнографъ и собиратель народныхъ пѣсенъ и преданій ²⁾; археологъ (изучавшій въ особенности все-славянскую мнѳологию) и чешскій историкъ; наконецъ поэтъ. Собирая пѣсни, изслѣдуя народную жизнь и характеръ, Эрбенъ въ народныхъ мотивахъ нашелъ содержаніе для того сборника балладъ, „Вѣнка изъ народныхъ разсказовъ“ (Kytice z pověstí národních, 1853, 2-е изд. 1861), который высоко цѣнится чешскими критиками по вѣрной передачѣ народнаго духа, какъ перлъ поэзіи и образецъ чисто чешскаго стиля и языка. Въ немъ цѣнили также заботу о духовномъ сближеніи славянскихъ племенъ, и за послѣднее время видѣли главнаго посредника между чешскимъ народомъ и его единоплеменниками ³⁾.

Затѣмъ, мы только вкратцѣ укажемъ рядъ поэтовъ этого поколѣнія. Хронологически долженъ быть прежде всего названъ Милога-Здирадъ Пблякъ (собственно Матвѣй ⁴⁾), 1788—1856, ум. австрійскимъ генераломъ), который и по характеру сочиненій составляетъ переходъ отъ старой идиллической школы къ новой, народной и „властенецкой“. Онъ пользовался большою извѣстностью какъ авторъ поэмы „Vznešenost' přírody“ (Прага, 1819), заключающей описаніе различныхъ красотъ природы. Здѣсь находятъ поэтическое одушевленіе и смѣлый стиль; относительно языка, Пблякъ еще боролся съ трудностями и многимъ обязанъ Юнгманну, который старательно исправилъ языкъ поэмы, а введеніе болѣею частію написалъ самъ гекзаметромъ ⁵⁾.

¹⁾ Таковы: Regesta diplomatica nec non epistolaria Bohemiae et Moraviae, до 1253 г. Прага 1855, огромный трудъ, чрезвычайно важный для чешской исторіи. Далѣе изданія: II-го тома «Выбора изъ чешской литературы», хроника Бартоша, сочиненій Оомы Штитнаго, легенды о св. Катеринѣ, путешествія Гаранта изъ-Польши, чешскихъ сочиненій Гуса.

²⁾ Písně národní v Cechach, 3 т. Пр. 1842—45; 2-е изданіе 1852—56; 3-е изданіе: Prostonárodní české písne a říkadla, 1862. Къ пѣснямъ изданы были и Nápěvy, собранные самимъ Эрбеномъ, 3 выпуска, 1844—47, и 4-й 1860. Наконецъ, изданіе все-славянскихъ сказокъ: Slovanská čítanka, 4 вып. (однѣ томики), Прага, 1863—65.

³⁾ Его все-славянскіе интересы выразились, кромѣ упомянутой «Славянской Читанки», другой книжкой: «Vubrané báje a pověstí národní jiných větví slovanských», Пр. 1869 (въ Matice lidu). Обширный матеріалъ собралъ имъ для все-славянской мнѳологіи. Онъ перевелъ съ русскаго Несторову лѣтопись, 1867; Слово о Полку Игоря и «Задонщину», 1869.

Биографія Эрбена явилась еще при жизни его, въ альманахѣ «Máj» на 1859, стр. 95—113, напис. Вацлавомъ Зеленымъ. Далѣе см.: Květy, 1868; некрологъ, Фр. Рачкаго, въ Rad jugoslava. akad. 1871. XIV, 110—130; Н. Лавровскаго, Очеркъ жизни и дѣятельности Эрбена, въ Ж. Мин. Нар. Пр. 1871.

⁴⁾ Въ то время у патриотовъ-писателей вошло въ обычай замѣнять свои обыкновенныя имена другими, старо-чешскими или книжными, имѣвшими символическій смыслъ; или употреблялись рядомъ оба имени, и дѣятельное и сочиненное.

⁵⁾ Полное изданіе сочиненій Пбляка (Sprisy) вышло въ Прагѣ, 1862, въ двухъ частяхъ: I, Vznešenost přírody и разныя стихотворенія; II, Cesta do Italie.

Ближайшими современниками и друзьями Челяковскаго были: Иосифъ-Властимиль Камарить (1797—1833), священникъ, собиратель народныхъ духовныхъ пѣсенъ и самъ составлявшій духовныя и свѣтскія пѣсни въ народномъ складѣ; Иосифъ-Красославъ Хмеленскій (1800—1839), поэтъ, „властенецъ“¹⁾; Карлъ Винаржицкій (1803—1869), священникъ. Далѣе: Янъ-Православъ Коубекъ (1805—1854), профессоръ чешскаго языка и литературы въ пражскомъ университетѣ съ 1839 года, писавшій поэмы и стихотворенія, переводившій съ русскаго и польскаго, извѣстенъ въ особенности двумя произведеніями: „Могилы славянскихъ поэтовъ“ и юмористическимъ „Странствіемъ поэта въ адъ“²⁾; Фр. Янъ Вацекъ (1806—1869, онъ же Каменецкій), священникъ, писавшій пѣсни въ народномъ духѣ, которыя очень нравились; Вацлавъ-Яромиръ Пицекъ (1812—1851), сентиментальный поэтъ, авторъ очень любимыхъ въ свое время пѣсенъ съ патриотическимъ направленіемъ; Болеславъ Яблонскій (род. 1813, собственно Eugen Turf) священникъ, одинъ изъ любимѣйшихъ чешскихъ поэтовъ: „Písňé milosti“, „Smíšené básně“, „Moudrost otcova“; онъ—лирикъ, дидактикъ и патриотъ³⁾. Вацлавъ Штульцъ (род. 1814), іезуитъ, випеградскій каноникъ, издатель духовнаго журнала, извѣстенъ своими „Воспоминаніями на путяхъ жизни“ (Pomněnky na cestach života, 1845) патриотическими и религіозно-мистическими, переводомъ Мицкевича „Валленрода“ и новыми сборниками стихотвореній (Perly nebeské, Dumy české, Harfa Sionská, 1865—67), гдѣ патриотическая идея опять связана съ идеей церкви (католической); авторъ доказываетъ, что патриотизмъ, католичество и свобода не только легко совмѣщаются, но и поддерживаютъ другъ друга⁴⁾. Баронъ Драготинъ-Марія Виллани (род. 1818) издалъ два сборника стихотвореній (Luga a meč, 1844, и Vojenské zpěvy, 1846, 1862). Какъ поэтъ-сатирикъ и юмористъ особой извѣстностью пользовался Франт. Яромиръ Рубешъ (1814—1853). Онъ рано началъ писать и скоро приобрѣлъ популярность своими шуточными и патриотическими стихотвореніями, которыя бывали любимымъ чтеніемъ въ общественныхъ бесѣдахъ (такъ-называемыя у Чеховъ deklamovanky), по своей легкой

¹⁾ Между прочимъ онъ издавалъ въ теченіе пяти лѣтъ особый «Věsť ze zpěvů vlastenákůch uvítů a obětovanů dívkám vlastenákům, s průvodem fortepiana». Pr. 1835—39. Вѣснь «слетень» изъ патриотическихъ пѣсень всѣхъ тогдашнихъ чешскихъ стихотворцевъ.

²⁾ Sebrané Spisy, Pr. 1857—59, 4 ч., съ панегирической биографіей, К. Сабинн.

³⁾ Его «Básně», изданныя въ первый разъ въ 1841, достигли, въ разномноженномъ составѣ, пятаго изданія, 1872.

⁴⁾ Свой католическій патриотизмъ Штульцъ показалъ на дѣлѣ, когда въ одно время съ либеральными патриотами возсталъ въ 1861, съ своей точки зрѣнія, противъ министерства Шмерлинга въ газетѣ «Розогъ», за что подвергся штрафу и двухмѣсячному тюремному заключенію.

формы могли нравиться большой публике и должны были внушать ей национальное чувство. Въ 1842 онъ началъ издавать съ Фр. Гайнишемъ и Ф. Филипомъ юмористическій журналъ: „Ralešek, milovník žertu a pravdy“, и написалъ еще нѣсколько разсказовъ („Pan amapiensis na venku“, „Harfenice“), гдѣ съ юморомъ соединяется знаніе жизни и теплое чувство ¹⁾. Подобныя надежды возбуждалъ ранѣе другой писатель, Иос.-Ярославъ Лангеръ (1806—1846; его *Korřivý, Rukopis Bohdanecký, Selanky*), но онъ скоро покинулъ литературную дѣятельность.

Особнякомъ стоитъ Карлъ-Гинекъ Маха (1810—1836), рано умершій талантливый поэтъ, котораго вспоминають теперь какъ предшественника современной поэтической школы. У него были задатки для крупной дѣятельности; онъ началъ въ обычномъ народолюбивомъ стилѣ — мелкими стихотвореніями, историческими повѣстями: „Бривоклатъ“, „Цыганы“, которыя обѣщали замѣчательнаго разсказчика въ манерѣ Вальтеръ-Скотта. Но Маха былъ натура мечтательная, сосредоточенная, постоянно преданная рефлексіи, и на немъ сильно отозвалось вліаніе Байроновской поэзіи: имъ овладѣвалъ разладъ между идеаломъ и дѣйствительностью, между природой и чело-вѣческимъ обществомъ. Это настроеніе выразилось въ его главномъ произведеніи „Маѣ“, который недружелюбно встрѣченъ былъ критикою педантической, но тѣмъ больше увлекалъ младшія поколѣнія. Это отрицательное направленіе было однако, какъ говорятъ, только переходящимъ, и Маха былъ накануне возвращенія къ болѣе реальной поэтической дѣятельности, когда его постигла безвременная смерть ²⁾.

Вмѣстѣ съ обильной лирикой развились другія направленія поэзіи. Чешская драма не была богата талантами, но имѣла писателей, удовлетворявшихъ потребностямъ національной сцены. Выше упомянуто о братьяхъ Тамахъ, начинателяхъ чешскаго театра въ прошломъ столѣтіи ³⁾. За ними усерднымъ работникомъ на этомъ поприщѣ былъ Янъ-Непомукъ Штепанекъ (1783—1844), авторъ множества пьесъ

¹⁾ Сочиненія его, «*Spisy*», вышли въ Прагѣ, 1860—61, 4 ч.; 2-е изд. 1862. Его известное «властенецкое» стихотвореніе: «*Já jsem Cech*» переведено Н. Бергомъ въ «*Поэзіи Славянъ*», стр. 373—374.

²⁾ «*Máj*», лирико-эпическая поэма, вышла въ годъ смерти Маха, 1836, какъ «*Spisů K. H. Máchu díl první*»; онъ былъ и единственный. Въ 1848 начато было полное изданіе его сочиненій, но остановилось опять на 1-мъ выпускѣ, заключающемъ нѣсколько стихотвореній и обширную біографію. Наконецъ, *Sebrané Spisy* его вышли въ Прагѣ, 1862, у Кобера. Нѣмецкій переводъ: *M'-s Ausgewählte Gedichte*, Альфреда Вальдау, Прага, 1862.

О біографіи см. еще: *Uromínka* на К. Н. Máchu, К. S., въ альманахѣ «*Máj*», 1858, стр. 295—317.

³⁾ О началахъ чешскаго театра, см. Jan Hybl, *Historie českého divadla*. Пр. 1816; Leo Blass (Карлъ Сабина), *Das Theater und Drama in Böhmen bis zum Anfange der XIX Jahrh.* Prag, 1877.

оригинальныхъ и переводныхъ, которыя вообще не имѣли большого достоинства литературнаго, но, что было важно, давали матеріалъ для начинавшейся сцены. Штепанекъ ввелъ, разумѣется, и національный элементъ и бралъ сюжеты изъ чешской исторіи ¹⁾. Въ литературномъ смыслѣ гораздо больше достоинства имѣли труды его преемниковъ — Клицперы и Тыля. Вацлавъ-Климентъ Клицпера (1792—1859) былъ писатель, чрезвычайно плодовитый. Онъ оставилъ до пятидесяти пьесъ, трагедій и комедій: сюжеты свои онъ уже болѣе сознательно бралъ изъ исторіи и современной жизни, его пьесы также не свободны отъ крупныхъ недостатковъ, но было и умѣнье возбуждать интересъ, такъ что Клицпера въ особенности положилъ чешской сценѣ прочное основаніе ²⁾. Онъ писалъ также шуточные стихотворенія и историческія повѣсти. Иосифъ-Казанъ Тыль (1808—1856) былъ писатель съ легкимъ и живымъ талантомъ, впрочемъ, больше въ повѣсти, чѣмъ въ драмѣ. Еще не кончивъ ученья, онъ писалъ романъ („Statný Beneda“, 1830), за который получилъ отъ издателя въ гонораръ—поношенный сюртукъ. Но главной его страстью былъ театр, которому онъ служилъ и режиссеромъ, и драматургомъ, и актеромъ. На своемъ вѣку, Тыль перевелъ и написалъ больше 40 пьесъ ³⁾. Въ 1833 онъ взялся за редакцію журнала „Jindy a nyní“ (въ слѣдующемъ году переименованнаго въ „Květy“), гдѣ между прочимъ велъ полемику съ „Пчелой“ Челяковскаго, потомъ издавалъ нѣсколько другихъ журналовъ. Особую и наиболѣе удачную отрасль его дѣятельности составляли повѣсти и романъ, всего чаще на историческія и „властенецкія“ темы. Но прошедшее, изображаемое Тылемъ, есть не столько исторически возстановленное, сколько воображаемое, а „властенецтво“ (похожее иногда на то, что у насъ называется кваснымъ патріотизмомъ) вызвало накопецъ шутки ⁴⁾.

Какъ популярный писатель, Тыль имѣлъ несомнѣнную заслугу въ чешской литературѣ, возбуждая въ публикѣ патріотическіе интересы;

¹⁾ Напр. «Сада Праги Шведами», «Бретиславъ». Самой популярной его пьесой была комедія «Чехъ и Нѣмецъ».

²⁾ Изъ трагедій его особенно извѣстна «Soběslav», изъ комедій: «Divotvorný klobouk», «Rohovin čtverrohý», «Žižkův meč», «Lhař a jeho rod».

³⁾ Изъ ближайшихъ современниковъ Клицперы замѣтимъ еще имена Фр. Туринскаго (1796—1852) и С. Махачка (1799—1846; комедія «Zenichové» и трагедія «Záviš z Falkenšteina»).

⁴⁾ Извѣстнѣйшія: Paní Marjánka, matka pluku, Strakonický dudak, Jiřkovo vidění, Palčova dcera и Jan Hus. Въ одной изъ пьесъ Тыля находится знаменитая пѣсня: «Kde domov můj», которая стала у Чеховъ какъ бы народнымъ гимномъ.

⁵⁾ Лучшимъ романомъ считается «Dekret Kutnohorský», изъ временъ Гуса, переведенный въ «Р. Вѣстникъ», 1872, № 2—4. Въ образчикъ анахронизмовъ замѣтимъ напр., что авторъ изображаетъ ученаго нѣмецкаго профессора и его мечтательную дочку совсемъ такъ, какъ бы они жили въ наше время, и даже заставляеть этого профессора въ началѣ XV вѣка пить за завтракомъ кофе, привезенный въ Европу только въ XVI-мъ.

но спѣшность и разбросанность его работы не давали ему сосредоточиться и дать произведенія болѣе совершенныя; но безспорнымъ его достоинствомъ остается легкій разсказъ и языкъ ¹⁾.

Иосифъ-Юрій Коларъ (род. 1812), одинъ изъ извѣстнѣйшихъ чешскихъ актеровъ, есть также плодовитый драматическій писатель (трагедіи: *Monika*, *Magelona* и особенно *Zižkova Smrt*, имѣвшая огромный успѣхъ въ 1850, потомъ запрещенная) и одинъ изъ лучшихъ переводчиковъ—онъ перевелъ „Фауста“ Гёте, нѣсколько драмъ Шиллера и Шекспира. Ферд. Миковець (1826—1862) былъ знающій археологъ и драматическій писатель, которому принадлежатъ трагедіи „Гибель рода Премисловцевъ“ и „Дмитрій Ивановичъ“, т.-е. царевичъ Дмитрій ²⁾.

Богаче, нежели драма, былъ отдѣлъ новѣсти, гдѣ чешскіе писатели усердно разработывали и форму Вальтеръ-Скоттовскаго романа, и новеллу, и очерки народнаго быта. Здѣсь опять должны быть названы: Клицпера; Тыль; Рубешъ; I. Ю. Коларъ; К. Г. Маха. По времени, первымъ основателемъ чешской новеллистики считается Янъ-Индрихъ Марекъ (1801—1853; псевдонимъ *Jan z Hvězdy*), священникъ. Онъ рано выступилъ въ литературѣ съ стихотвореніями, но особенную извѣстность приобрѣлъ какъ авторъ романтическихъ разсказовъ и историческихъ романовъ (наиболѣе извѣстны: *Mastickař*—изъ временъ Генриха Хорутанскаго, и *Jarohněv z Hradku*, временъ Юрія Подѣбрада). Какъ говорятъ, строгій разборъ одного изъ романовъ, писанный Тылемъ (въ „Часописѣ“, 1846), произвелъ на него такое дѣйствіе, что именно вслѣдствіе того онъ прекратилъ свою литературную дѣятельность ³⁾. Карлъ Сабина (род. 1813), одинъ изъ дѣятельнѣйшихъ писателей, имѣлъ особенную литературную судьбу. Еще съ 1830-хъ годовъ онъ выступилъ какъ повѣствователь и публицистъ. Его дѣятельность публицистическая навлекла на него многократныя слѣдствія, аресты, тюрьму, наконецъ смертный приговоръ, замѣненный долгимъ заключеніемъ, изъ котораго онъ былъ амнистированъ послѣ 8-лѣтняго пребыванія въ тюрьмѣ. Не счастливилось и его романамъ. Въ началѣ 1840-хъ годовъ онъ написалъ романъ „Гуситы“: цензура пять разъ требовала его передѣлки и наконецъ разрѣшила, когда онъ былъ разбитъ на отдѣльные разсказы (*Obrazu z XV a XVI stolětí*, 1844). Кромѣ ряда новеллъ и романовъ историческихъ, юмористическихъ,

¹⁾ *Sebrané Spisy*, Прага. 1844, 4 ч. Другое собраніе. Прага 1857—59; при немъ біографія, пис. Вацл. Филипомъ. Второе изданіе этого собранія. Пр. 1867. Несходные отзывы Як. Малаго см. въ біографіяхъ Тыля (*Slovník Naučný*) и Челяковскаго. Новая и лучшая біографія Тыля, Ел. Красногорской, въ журналѣ „*Osvěta*“, 1878, № 2—3, 6—7.

²⁾ Онъ составилъ текстъ къ изданію *Starožitnosti a památky Země České*. Пр. 1858—63. т. I. Второй томъ обрабатывалъ К. Зап.

³⁾ *Zabavné Spisy*, Пр. 1843—47, десять выпусковъ.

правописательныхъ, онъ работалъ и для театра. Выше названа его книга по исторіи чешской литературы. Но вся эта многолѣтняя, плодovitая и стойкая о насности дѣятельность завершилась, повидимому, весьма прискорбно ¹⁾. Очень плодovitымъ новеллистомъ былъ также Прокопъ Хохолушекъ (1819—1864). Въ молодости онъ путешествовалъ въ Италію, бывалъ въ Далмаціи и Черногоріи, знакомство съ которыми пригодилось ему послѣ для романовъ; въ 1848 и слѣдующихъ годахъ онъ дѣйствовалъ какъ патріотическій публицистъ, что навлекло ему значительныя непріятности отъ властей. Онъ былъ по преимуществу историческій романистъ, не только изъ чешской, но также южно-славянской, и даже греческой, венеціанской и испанской исторіи. Въ особенности извѣстны изъ его романовъ: *Templáři v Čechách*, *Děje Otakarova*, *Dvůr krále Václava*, и собраніе рассказовъ изъ южно-славянской исторіи „*Jih*“ (Югъ, 1862). Но сами чешскіе критики, причисляя его къ лучшимъ беллетристамъ его времени, признаются, что у него недостаетъ ни оригинальности, ни историческаго колорита ²⁾. Людвигъ Риттерсбергъ (1809—1858; *Vozbroj Přemyslovců* и друг.) былъ вмѣстѣ публицистомъ.

Наконецъ—повѣсть, взятая изъ народной жизни и также писанная для народа. Въ концѣ тридцатыхъ годовъ Іос. Эренбергеръ (род. 1815), священникъ, началъ издавать правоучительныя повѣсти, въ которыхъ бывали и удачныя черты изъ народной жизни ³⁾. Гораздо выше по таланту и многочисленнѣе произведенія Войтѣха Глинки (род. 1817, псевд. Франт. Правда), также священника, который написалъ множество рассказовъ изъ народной жизни, разсѣянныхъ въ журналахъ и частію изданныхъ отдѣльно ⁴⁾. Иногда разсказы его впадаютъ въ поученіе, бывають растянуты; но есть другіе, по которымъ чешскіе критики сравниваютъ его съ Ауэрбахомъ. Но на первомъ планѣ въ этой области должна быть безспорно поставлена писательница, которая вообще представляетъ одно изъ лучшихъ явленій чешской литературы,—Божена Нѣмцова (1820—1862, рожд. Варвара Панкль). Отецъ ея, небольшой чиновникъ, былъ родомъ Нѣмецъ, мать—Чешка. Воспитаніе было на рукахъ матери и также бабушки, которую она изобразила потомъ въ извѣстной повѣсти съ этимъ именемъ. Она рано, 1837, вышла замужъ, также за чиновника, по фамиліи Іос. Нѣмца, и такъ какъ онъ часто мѣнялъ свое служебное мѣстопробываніе, Нѣмцова могла увидѣть разные края чехо-словацкой

¹⁾ Биографія въ Научномъ Словникѣ, и въ дополненіяхъ, в. v.

²⁾ По-русски переведено: «Косово Поле. Историческая повѣсть изъ эпохи покоренія Сербіи Турками». Кіевъ, 1876.

³⁾ Въ 1849 обратилъ на себя вниманіе его разсказъ, напечатанный въ «Народныхъ Повѣстяхъ»: *Jak žes se atal z Ceska Němsem, a rak žive z Němce Ceskem*.

⁴⁾ *Povídky z kraje*, 1851—53, 5 вып.; *Učitel z Milešovic*, 1856, и друг.).

земли и сблизиться съ народнымъ бытомъ, какъ рѣдко удается писателю. Ея литературные вкусы воспитаны были сначала нѣмецкой литературой, Гёте и Шиллеромъ; первую повѣсть она написала по-нѣмецки, но сожгла ее и уже вскорѣ стала писать по-чешски (съ 1839),—къ чему особенно возбудили ее „властенецкія“ повѣсти Тыля. Наконецъ, въ 1842 она поселилась съ мужемъ въ Прагѣ; здѣсь тотчасъ она сблизилась съ кружкомъ патріотовъ-писателей, и изъ нихъ въ особенности Небескій и д-ръ Чейка ознакомили ее съ литературной теоріей и указали матеріалъ въ народной жизни и поэзіи. Съ 1843 стали являться въ журналахъ ея стихотворенія, потомъ народные рассказы и этнографическіе очерки, также повѣсти изъ народнаго быта ¹⁾. Вскорѣ она опять оставила Прагу и жила въ провинціи и деревнѣ. Между тѣмъ мужъ ея вслѣдствіе событій 1848—50 былъ заподозрѣнъ въ „политическихъ проискахъ“ (rejdu, Umtriebe); года два былъ подъ слѣдствіемъ, наконецъ въ 1853 потерялъ мѣсто; семья впала въ недостатокъ; здоровье Нѣмцовой испортилось, а усиленная работа для семьи окончательно его подкопала. Лучшія произведенія Нѣмцовой: „Бабушка“ (переведенная и на русскій языкъ) и „Горная деревушка“. Прибавимъ, что ея интересы простирались и на народную жизнь другихъ славянскихъ племенъ—Русскихъ, Болгаръ, Сербовъ, и соединялись съ очень разумными общественными взглядами. Сочиненія Нѣмцовой отличаются вообще большими достоинствами—замѣчательнымъ знаніемъ народнаго быта и языка, легкимъ рассказомъ и задушевностью: она глубоко чувствуетъ поэтическую сторону простой народной жизни, умѣетъ указать ее привлекательными чертами нравовъ и характеровъ, и въ рассказѣ слышится искреннее и убѣжденное исканіе народнаго блага и желаніе ему служить. Сочиненія Божены Нѣмцовой были отраженіемъ ея личной благородной и поэтической натуры,—которая осталась и для насъ лично свѣтлымъ воспоминаніемъ ²⁾.

Указанное содержаніе чешской поэзіи, драмы и романа дополнялось значительнымъ количествомъ переводовъ изъ литературъ европейскихъ и ино-славянскихъ: Шекспиръ нашелъ дѣятельныхъ переводчиковъ, также какъ и другіе первостепенные писатели. Затѣмъ, ни у кого изъ другихъ Славянъ нѣтъ столько переводовъ изъ родственныхъ славянскихъ литературъ. Чехамъ въ тѣ годы и послѣ знакомы были въ переводахъ Пушкинъ, Лермонтовъ, Гоголь, Тургеневъ,

¹⁾ Narodní báchorky a pověsti, 1845; Babička, obrazy venkovského života, 1855; Pohoraká vesnice, 1856; Slovenské pohádky a pověsti, 1856; Sebrané Spisy, 1862—68, 8 частей.

²⁾ См. Slovnik Naučný, а. в.; «Божена Нѣмцова, біографическій очеркъ», «Р. Вѣстн.», 1871, т. 98, стр. 56—80.

Кольцовъ, Некрасовъ; Вуекъ Караджичъ, Вукотиновичъ, Боговичъ; Мицкевичъ, Залъскій, Корженёвскій, Ржевускій, Бродзинскій, Сырокомля и проч. ¹⁾).

Поэма Коллара надолго опредѣлила направленіе чешской поэзіи, утвердивши въ ней народныя и панславянскія стремленія. Колларъ высказывалъ свою программу возвышенными и рѣшительными словами. „Меньшее всегда должно быть подчинено большому, высшему: любовь къ родинѣ — любви къ отечеству. Ручьи, рѣки и потоки выливаются въ море; отдѣльныя земли, края, племена должны выливаться въ народъ (націю). У всѣхъ Славянъ есть одно только отечество“. „Прочныя границы отечества, которыя боится тронуть злоба,—говоритъ онъ въ своей поээмѣ, — лежатъ въ нравахъ, рѣчи и единодушныхъ стремленіяхъ“. Это отечество есть отечество панславянское, и оно стало общимъ идеаломъ: его принимали тогда поэты и другихъ славянскихъ племенъ, какъ только выдвигался у нихъ національный вопросъ. Но къ неопредѣленно-мистическимъ ожиданіямъ панславизма, какъ ихъ первая реальная ступень, присоединялось требованіе — развивать ближайшее національное чувство, возвышать свою собственную народность, ея языкъ, литературу и нравы.

Эти мотивы повторяетъ потомъ масса чешскихъ поэтовъ, которые воспѣвали славное прошедшее, проповѣдовали любовь къ родинѣ, къ родному языку и нравамъ, къ панславянскому отечеству. Вслѣдъ за Колларомъ, который совѣтовалъ соотечественникамъ хранить свою рѣчь и обычаи („Nechte sizich, mluvte vlastní řečí“), чешскіе поэты настойчиво убѣждаютъ соотечественниковъ говорить по-чешски и любить родину. Женщина-поэтъ внушаетъ соотечественникамъ „съ первымъ сладкимъ поцѣлуемъ вливать въ душу своихъ дѣтей чешскіе звуки и горячую любовь къ родинѣ, — называть имъ имена славныхъ отцовъ и напоминать кровь, пролитую за право“. Рубешъ посвящаетъ цѣлое длинное стихотвореніе (Já jsem Čech) выраженію восторженнаго патриотическаго сознанія:

Я Чехъ!

Коль найдется межъ народовъ всѣхъ
Кто лучше — пусть открыто скажетъ
И ясно это мнѣ докажетъ!
Моя отчизна — Чешская земля!
Ея дубравы, рощи и поля —
Ихъ видѣть каждое мгновенье —

¹⁾ Особенно работалъ въ этомъ отношеніи трудолюбивый писатель, Якубъ Малый (род. 1811), который издавалъ Bibliotéku zábavného čtení. Кроме того, онъ перевелъ цѣлый рядъ историческихъ и образовательныхъ книгъ, былъ вторымъ редакторомъ «Научнаго Словника», и въ послѣдніе годы издаетъ краткій словарь: «Stručný všeobecný Slovník věsný».

Вотъ въ чемъ для Чеха наслаждение!
 Не покидать родимый край —
 Вотъ истинный для Чеха рай!
 Чему дивиться? — нѣту болѣ
 Межь горъ красивѣе доли,
 Какъ Чехія! и проч. (Переводъ Н. Берга).

Яблонскій заявляетъ свою готовность къ бою за отечество и утверждаетъ, что чувствуетъ въ себѣ „львиную“ кровь (левъ — гербъ чешскаго королевства):

Ne dívte se, drazi moji,
 Pro národ že vždy jsem hotov k boji,
 Že se lví krev proudí v žilách těch;
 Že bych pro Vlast — pro tu máti —
 Se všemi chtěl živly bojovati, —
 Jsem ja krví, duchem Čech! и проч.

Другой поэтъ спрашиваетъ, гдѣ предѣлы славянскаго царства? Онъ ищетъ ихъ тамъ, гдѣ царь Лазарь погибъ въ славномъ бою; ищетъ этихъ предѣловъ на Дунаѣ, гдѣ воевалъ славный Зрини; на Волгаѣ, гдѣ Жишка водилъ своихъ воиновъ на святую битву за народъ; на Вислѣ; въ русской землѣ, гдѣ пламень охватилъ Москву, — и эти предѣлы все не обнимаютъ славянскаго царства. Наконецъ поэтъ находитъ ихъ:

Tám, kde jazyk Slávy syna
 Na čest otců upomíná,
 Mysl čistá, srdce vřelé
 Pro vlast koná činy smělé,
 Pobratřence láska pojí —
 Tám slovanská říše stojí!

Эти предѣлы, которые обозначались „чистой мыслью“, „горячимъ сердцемъ“, „братской любовью“, казались тогда вѣрными предѣломъ предполагаемаго славянскаго царства. На дѣлѣ, предѣлъ былъ не совсемъ надеженъ, но этого не замѣчало только-что пробудившееся и неопытное національное чувство. Славянское единство казалось обезпеченнымъ, и поэзія не уставала повторять своихъ воззваній. Русскому читателю не трудно вспомнить при этомъ подобныя воззванія Хомякова, Тютчева и другихъ поэтовъ славянофильской школы. Понятно, что національная антипатія къ Нѣмцамъ возрастала: старинные враги, столько навредившіе въ прошедшемъ и грозившіе народности въ настоящемъ, стали еще болѣе ненавистны патриотамъ, и хотя австрійская цензура очень заботливо воздерживала литературу, читатель угадывалъ между строкъ настоящія мысли патриотическихъ писателей. Колларъ совѣтовалъ вѣрнымъ сынамъ отечества „попрать предательскаго змѣя“; въ одной сельской пѣснѣ Челяковского, поселяне гово-

рять, что они заставляли льну для своихъ женъ, розъ для своихъ дѣвушекъ и конопля (на веревки) для какихъ-то бездѣльниковъ, которыхъ долженъ угадывать читатель. Должно, впрочемъ, сказать, что когда шла серьёзная рѣчь о внутреннихъ политическихъ отношеніяхъ съ Нѣмцами, чешскіе публицисты показывали вообще большую умѣренность, которая и обнаружилась на дѣлѣ примирительными актами, когда начался переворотъ 1848 года. Съ другой стороны, у лучшихъ людей литературы всегда оставалось высокое уваженіе къ нѣмецкой наукѣ, и литература, при всей оригинальности нѣкоторыхъ ея явленій, при яро-заявленномъ стремленіи къ независимости, національному характеру, развивалась вообще подъ сильнымъ нѣмецкимъ влияніемъ, или подъ влияніемъ обще-европейскимъ, при большомъ посредствѣ нѣмецкаго образованія. Не одинъ изъ крупныхъ чешскихъ писателей начиналъ даже свою поэтическую дѣятельность на нѣмецкомъ языкѣ—какъ Воцель и Божена Нѣмцова; многіе писали свои ученые труды по-нѣмецки—какъ, послѣ Добровскаго, Шафарикъ, Палацкій, Колларъ, Томекъ и проч.

Преувеличенный идеализмъ и сантиментальность тогдашняго „властенецтва“¹⁾ вызвали, наконецъ, отпоръ въ самой средѣ патріотовъ. Въ разборѣ романа „Послѣдній Чехъ“ Тыля, патріотизмъ котораго особенно отличался этими чертами, Гавличекъ нашелъ нужнымъ сказать слѣдующее: „Намъ уже начинаютъ надоѣдать эти нескончаемыя рѣчи о властенецствѣ, о властенцахъ и властенкахъ, которыми много лѣтъ немилосердно насъ преслѣдуютъ въ стихахъ и въ прозѣ наши писатели, и особенно Тыль. Было бы пора этому властенецству удостоить перейти отъ языка въ руки и въ тѣло, т.-е. чтобы мы изъ любви къ своему народу больше дѣлали, чѣмъ объ этой любви говорили; потому что, за однимъ возбужденіемъ къ властенецству мы забываемъ о просвѣщеніи народа“²⁾.

Въ такомъ настроеніи была чешская литература, когда начались событія 1848 года. Конституціонная свобода сообщила вдругъ сильное движеніе національному вопросу; народность, призванная закономъ, вдругъ усилилась замѣтно, потому что къ ней перешли люди, прежде колебавшіеся и нерѣшительные. Это оказалось даже въ Вѣнѣ. Явились славянскіе политическіе клубы, политическія газеты; свобода книгопечатанія дала литературѣ новый интересъ: ее наводнили политическія разсужденія, патріотическія воззванія и пѣсни. Но было еще много неопытности, и журнальной литературѣ предстояло развить въ своей публикѣ здравое пониманіе новыхъ общественныхъ отноше-

¹⁾ Vlast—по-чешски отечество; vlastenec, patriótъ.

²⁾ Česká Věsta, 1845.

ній и приучать ее къ гражданской самостоятельности. Чешскіе политики часто весьма разумно работали надъ этой задачей, хотя въ то же время слишкомъ вѣрили въ совершение славянскихъ надеждъ и въ прочность конституціоннаго порядка, — полученнаго безъ всякихъ особенныхъ усилій со стороны самихъ Чеховъ... Между этими журналистами, образовавшимися изъ прежнихъ поетовъ, археологовъ и этнографовъ, былъ и писатель весьма замѣчательнаго таланта. Это былъ Карлъ Гавличекъ (или *Vogovský*, 1821 — 1856). Вступивши въ молодости въ пражскую архіепископскую семинарію, Гавличекъ своими остроумными выходками и сатирическими стихами общалъ изъ себя плохого теолога и наконецъ оставилъ семинарію, къ удовольствію своему и своихъ наставниковъ. Въ 1842, онъ отправился въ Москву, гдѣ прожилъ года два въ качествѣ гувернера, въ домѣ профессора Шевырева. Жизнь въ Москвѣ оставила свой слѣдъ на его развитіи: критическій и оппозиціонный характеръ его ума опредѣлился здѣсь еще больше; онъ лучше привыкъ понимать между-славянскія отношенія и сильнѣе ненавидѣть насиліе и произволъ. Въ 1844 году онъ вернулся въ Прагу. Свою литературную дѣятельность онъ началъ статьями и письмами о Россіи, которыя въ первый разъ знакомили чешскихъ читателей съ настоящимъ положеніемъ русской дѣйствительности, — хотя у него была извѣстная доля славянофильскихъ понятій, въ средѣ которыхъ онъ жилъ въ Россіи. Между прочимъ, онъ перевелъ на чешскій языкъ нѣсколько рассказовъ Гоголя. Съ 1846 года онъ сталъ редакторомъ „Пражскихъ Новинъ“ и „Пчелы“, выходившей вмѣстѣ съ ними. Уже съ этого времени талантливый писатель приобретаетъ популярность, возрастающую съ тѣхъ поръ больше и больше: Гавличекъ умѣлъ овладѣвать вниманіемъ общества, и австрійское правительство собиралось уже запретить его журналъ, когда мартовская революція совершенно развязала руки смѣлому публицисту. Онъ принималъ самое дѣятельное участіе въ чешскихъ событіяхъ 1848—49 года и, поддерживаемый графомъ Деймомъ съ матеріальной стороны, началъ съ 1848 изданіе „Народныхъ Новинъ“ — газеты, получившей скоро огромное вліяніе на чешское общество и вообще лучшей изъ славянскихъ политическихъ изданій, выходившихъ тогда въ Австріи. Въ своихъ политическихъ мнѣніяхъ Гавличекъ держался первой конституціи и программы Палацкаго, но въ этихъ предѣлахъ онъ былъ упорнымъ защитникомъ народнаго права отъ всякихъ враждебныхъ покушеній. Онъ понималъ, какъ слѣдуетъ, октроированную конституцію 4-го марта 1849, заключавшую всѣ сѣмена послѣдовавшей затѣмъ реакціи, и рѣзко возсталъ противъ нея въ своей газетѣ. Правительство потребовало его къ суду, но присяжные оправдали его. Послѣ того начались постоянныя преслѣдованія, окончившіяся въ началѣ 1850 запре-

щениемъ „Народныхъ Новинъ“. Въ томъ же году онъ началъ издавать „Славянина“ (Slován), въ формѣ еженедѣльнаго журнала, въ Кутной-Горѣ, такъ какъ въ Прагѣ изданіе было невозможно по ея осадному положенію. Но борьба противъ реакціи была уже невозможна: въ мартѣ 1851 Гавличку запретили вѣздъ въ Прагу, потомъ запретили „Славянина“, наконецъ сослали Гавличка въ Бриксонъ, въ Тироль... Ко времени этой ссылки относятся его *Тирольскія элегіи*, не одинъ разъ переведенныя на русскій языкъ. Въ ссылкѣ постигла Гавличка тяжелая болѣзнь; ему позволили ѣхать на чешскія минеральныя воды, но въ Прагу онъ вернулся только наканунѣ смерти. Гавличекъ былъ несомнѣнный публицистическій талантъ; въ короткій періодъ своей дѣятельности онъ сдѣлалъ очень много для воспитанія общества въ томъ направленіи, къ которому оно было приготовлено всего меньше въ своихъ національныхъ заботахъ,—въ направленіи политическомъ. Его ясный умъ, простота пониманія и изложенія, остроуміе и юморъ давали ему большое вліяніе на массу, и дѣятельность Гавличка тѣмъ замѣчательнѣе исторически, что въ его пониманіи было очень много здраваго практическаго смысла, который удалялъ его отъ мечтательнаго фантазерства. Онъ еще принадлежитъ къ панславянской школѣ, но цѣнить панславизмъ только въ той степени, насколько онъ можетъ принести дѣйствительной настоящей пользы, не стѣсняя частнаго развитія племенъ. Последнимъ трудомъ Гавличка, напечатаннымъ при его жизни, были „Повѣсти“, переведенныя изъ Вольтера ¹⁾.

Съ пятидесятихъ годовъ чешскіе критики считаютъ вообще новый періодъ своей поэтической литературы. И дѣйствительно, событія 1848—49 года были въ разныхъ отношеніяхъ переломомъ. До тѣхъ поръ чешская поэзія стремилась по преимуществу, почти исключительно, къ цѣлямъ національно-патріотическимъ: у Коллара она поднималась до торжественнаго тона панславистическихъ воззваній, Чельковскій вводилъ ино-славянскіе мотивы, Воцель воссоздавалъ воспоминанія героическихъ временъ чешской свободы, Эрбенъ обработывалъ народную поэзію, роётъe minores писали властенецкія повѣсти, драмы,

¹⁾ Коротенькая біографія Гавличка у Риттерсберга, *Kapesní Slovnické novín a konceptzápisí*, Прага 1860; обширнѣе въ «Научномъ Словникѣ». Важнѣйшія статьи изъ «Народныхъ Новинъ» собраны въ книжкѣ «Duch Narodních Novin», Кутная-Гора 1861. Переводъ «Тирольскихъ элегій» Гильфердинга въ „Русск. Словѣ“ 1860, апрѣль; Н. Берга, въ «Поэзіи Славянъ», 380—384 (но Делера напрасно передѣлавъ здѣсь въ Дедеру). Отрывки изъ дневника Гавличка, конца 1840 г. въ чешской газеткѣ *Blatík*, I. Фрича, Берлинь, 1868, № на ukázku. Изданіе сочиненій его началъ В. Зелень: *Sebrané Spisy*, Прага. 1870; отсюда два письма Гавличка изъ Москвы переведены въ „Слав. Ежегодникѣ“, Задерацко, 1877, стр. 177—190. V. Zelený, *Ze života Karla Havlíčka*, въ журналѣ *Osvěta*, 1872, № 5, 7, 9 (до поправки въ Москву).

пѣсенки и т. д. Рядомъ съ поэзіей шла забота о популярно-образовательныхъ и дешевыхъ книгахъ для народа. И дѣйствительно, многое было сдѣлано. Національное чувство было пробуждено въ значительной массѣ чешскаго населенія, въ Прагѣ и въ провинціи, гдѣ по мелкимъ городкамъ и селамъ находились уже патріоты, готовые воспитать слѣдующее поколѣніе въ томъ же народномъ духѣ.

Перевоороты 1848—49 года дали выходъ этому національному чувству,—хотя очень ненадолго народъ снова послѣ двухъ съ половиной вѣковъ почувствовалъ себя свободнымъ чешскимъ народомъ. Реакція скоро упала на нешконое общество тяжкимъ разочарованіемъ. Патріотическое движеніе опять становилось почти преступленіемъ; полицейскій надзоръ снова вмѣшивался въ самыя мелкія проявленія общественной жизни, оберегалъ литературу отъ дурныхъ вліяній, запрещалъ ввозъ изъ-за границы „опасныхъ“ книгъ (въ числѣ ихъ были даже русскія!). Литература вдругъ упала изъ своего прежняго оживленія; но послѣ извѣстнаго промежутка апатіи, въ ней снова заговорила жизнь—въ другомъ направленіи...

Послѣ погрома, при господствѣ всякаго стѣсненія въ чешской поэзіи стало складываться иное настроеніе. Старый „властенецкій“ идеализмъ стали еще раньше осмѣивать; да и мудро было пѣть дионрамбы отвлеченному панславянскому отечеству, котораго въ трудную минуту на дѣлѣ не оказывалось; новое поколѣніе, кажется, извѣрилось въ прежнихъ средствахъ національной борьбы и охладѣвало къ нимъ и къ старой поэтической традиціи—и въ послѣднемъ было не со всѣмъ право. Съ другой стороны чувствовалось, что поэзія должна стать самостоятельно, не только какъ средство для достиженія общественныхъ цѣлей, но должна исполнить свою собственную роль какъ поэзіи, расширить свое содержаніе до идей обще-человѣческихъ и явиться свободнымъ отъ тенденціи выраженіемъ личности. Дѣйствительно, новая чешская поэзія стала искать этой независимости; это былъ шагъ впередъ, но не совсѣмъ иногда вѣрный.

Къ концу пятидесятихъ годовъ созрѣла и организовалась новая литературная школа въ этомъ смыслѣ. Представители ея были тогда юноши; нѣкоторые изъ нихъ приобрѣли потомъ большую славу и ставятся во главѣ новой чешской литературы. Внѣшнимъ началомъ дѣятельности этой школы былъ альманахъ „Máj“, выходившій въ концѣ пятидесятихъ годовъ. Внутренней особенностью было служеніе поэзіи какъ чистому искусству; человекъ, котораго внутреннюю жизнь хотѣла изображать эта поэзія, не былъ только „Чехъ“ или „Славянинъ“ (какъ прежде), но былъ вообще „человекъ“. Предшественникомъ этой новой поэзіи считался не Колмаръ или Челяковскій, а развѣ упомянутый выше Маха. Источникомъ и возбужденіемъ, подъ которыми

развивалась эта поэзия, была европейская литература со стороны ее обще-человѣческихъ идей и созданий: Шекспиръ и Байронъ, позднѣе Викторъ Гюго; романтическій мистицизмъ, разочарованность, бѣгство въ природу стали обычными мотивами. Новая поэзия была чрезвычайно плодотворна; цѣлая многочисленная группа поэтовъ обрабатывали всего больше—лирику, но также эпосъ и драму; наконецъ новелла и романъ развились какъ еще никогда прежде ¹⁾. Лучшими плодами ее были конечно тѣ, въ которыхъ жизнь брала верхъ надъ книжными возбужденіями.

Прежде, чѣмъ перейти къ этой новой школѣ, остановимся на писателѣ, который можетъ служить къ ней переходомъ и выражаетъ особую сторону чешскаго общественнаго движенія. Это—Иосифъ Вацлавъ Фричъ (род. 1829, псевдонимъ Бродскій), сынъ Иосифа Фрича, замѣчательнаго практическаго юриста и профессора въ Пражскомъ университетѣ. Иосифъ-Вацлавъ рано увлеченъ былъ патриотическими идеями, принялъ участіе въ событіяхъ 1848 года, былъ волонтеромъ у Словаковъ противъ Венгровъ, но взятъ былъ, раненый, австрійскими войсками, освобожденъ 1849, въ томъ же году арестованъ за связи съ революціонной партией, въ 1851 присужденъ военнымъ судомъ къ 18-лѣтнему тюремному заключенію, въ 1854 амнистированъ, въ 1858 сосланъ въ Трансильванію, въ 1859 освобожденъ подъ обѣщаніемъ эмигрировать и не возвращаться на родину. Затѣмъ онъ жилъ въ Лондонѣ, гдѣ познакомился съ Герценомъ, потомъ въ Парижѣ, гдѣ читалъ по-польски о чешской литературѣ. Послѣ многихъ лѣтъ эмиграціонной жизни онъ получилъ разрѣшеніе вернуться въ Австрію, кромѣ Праги, работалъ въ Загребѣ въ качествѣ публициста, во время послѣдней войны былъ корреспондентомъ чешской газеты въ Петербургѣ... Послѣ такой біографіи читатель угадываетъ, что поэзія Фрича должна быть ультра-романтическая. Таковъ дѣйствительно его „Упырь“, характеръ котораго есть доведенный до послѣдней крайности мистицескій романтизмъ, съ загробнымъ міромъ, необузданной страстью, туманомъ разсказа и полнымъ раздоромъ съ дѣйствительностью ²⁾. У Фрича есть несомнѣнное поэтическое дарованіе, сильный, выразительный языкъ, но его упрекаютъ, что онъ не освободился отъ вліяній романтическихъ преувеличеній и вмѣстѣ неясности, которая не даетъ прочнаго впечатлѣнія. Кромѣ лирики, Фричъ въ особенности работалъ въ драмѣ: *Kochan Ratiborsky, Vaclav IV, Huneek z Poděbrad, Ulrik Hutten, Svatopluk, Libuřin soud, Drahomíra* ³⁾.

¹⁾ О новѣйшей чешской поэзіи см. прекрасную статью Ел. Красногорской: *Obraz novějšího básnictví českého*, въ „Часописѣ“, 1877.

²⁾ По выраженію Ел. Красногорской, это—*«přeburcovaný Byron, předemovanou «démon», mystický kvas Krasínakého, Slovackého i Goštinského zároveň»* („Часописъ“, 1877, стр. 300).

³⁾ Въ 1855 онъ выдалъ альманахъ *«Lada Niola»*, въ Женевѣ 1861 *«Vybor básní»*.

Во главѣ новой литературной школы, ставится безъ всякаго спора поэтъ, который составляетъ гордость новѣйшей чешской литературы. Витезславъ Галекъ (1835—1874), какъ очень многіе изъ чешскихъ писателей, родился въ семьѣ низшаго сословія, учился въ гимназіи въ Прагѣ и въ 1858 окончилъ такъ-называемыя „философскія студіи“. Поэтъ съ ранней юности, онъ уже въ томъ же году выступилъ съ лирико-эпической поэзіей „Альфредъ“, который обратилъ на него первое общее вниманіе, и сборникъ лирическихъ стихотвореній „Ve čerpní přírodě“. Въ слѣдующемъ году онъ издалъ еще двѣ большія поэмы „Mejřina a Husejn“ и „Krásná Lejla“; а въ 1860 первую свою драму „Царевичъ Алексѣй“, за которой слѣдовали рядъ другихъ, изъ которыхъ замѣтимъ Zaviše z Falkenšteina, „Крала Вукашина“. Въ драмахъ также обнаруживался значительный талантъ, но было и слишкомъ видное подражаніе Шекспиру, излишество лирики и недостатокъ сценичности. Главную силу Галька составляли лирико-эпическія поэмы и стихотворенія, и разсказы; изъ поэмъ въ особенности дѣлятся Goag, 1864; Cerný prarok, 1867; Dedicové Bílé Hory, 1869; Devče z Tater, 1871; баллады—Frajtr Kalina, Blaznivý Janoušek. Въ прозѣ онъ оставилъ романъ „Komediant“ и рядъ разсказовъ изъ народнаго быта. Въ 1866—72 онъ редактировалъ иллюстрированный еженедѣльникъ „Květy“ и участвовалъ въ разныхъ другихъ журналахъ. Лирическая дѣятельность его завершилась сборникомъ стиховъ „V přírodě“.

Въ своихъ первыхъ пѣсняхъ Галекъ воспѣвалъ радости и печали любви, высокое значеніе поэзіи: его поэтъ—извѣстный романтическій „пророкъ“, учитель правды, добра и красоты ¹⁾. Съ этимъ представленіемъ онъ велъ всю свою поэтическую дѣятельность; но лирическія темы его бывають иногда однообразны (напр. въ „Вечернихъ пѣсняхъ“), а „пророчества“ самонадѣянны, но неопредѣленны ²⁾.

Въ Парижѣ, онъ и Л. Леже (Leger) издали книгу: La Bohême historique, pittoresque et littéraire. Paris, 1867. Въ Берлинѣ, въ 1868 году, Фричъ началъ было издавать еженедѣльную газету: Blaník, týždenník samostatné omladiny česko-moravské (съ пробнымъ выпускомъ 10 №), въ славянскомъ демократическомъ духѣ. Въ № 4—9 «Вакунин о Slovanstvu (R. 1862)», изложеніе особой теоріи, соединяющей революцію, социализмъ и панславизмъ.

¹⁾ Напримѣръ, изъ «Вечернихъ пѣсней» (XLVIII).

Rožehnaný, jenž pomazán
na pěvce rukou Páně;
on v soudy boží nahlédl
i v lidských nader báně.

On zná ten velký světů žalm
i zpěv, jež zpívá ptáče,
on srdce tlukům rozumí,
kdy plesá i kdy pláče.

Oo jiným lidem tajemstvím.
to před ním rozestřeně,
on vůdce lidu božího
do země zaslíbeně.

On králem velkých království,
on knězem lidstva spásy,
a co v něm leží pokladů,
jsou neskonale krásy.

²⁾ Напр. въ стихотвореніяхъ «V přírodě»:

Ve vonné básni květomluvně luky,

Въ эпической поэзии Галька также повторяются подобныя черты романтики; такъ, въ поэмѣ „Dědicové Bílé Hory“ къ исторической темѣ политическихъ преслѣдованій примѣшана ненужная фантастика и аллегорія, которыя только мѣшаютъ сильному впечатлѣнію болѣе простыхъ и реальныхъ эпизодовъ; *Devče z Tater*—опять поэма съ прекрасными подробностями и романтическими преувеличеніями. Къ лучшимъ произведеніямъ его принадлежатъ рассказы изъ народнаго быта, гдѣ много искренняго чувства и любви къ народу, хотя опять не безъ излишка сентиментальности ¹⁾).

Ближайшимъ сотоварищемъ Галька въ созданіи новой чешской лирики считается Адольфъ Гейдушъ (род. 1836). Онъ учился въ пражскомъ и берненскомъ политехникумѣ, и потомъ былъ профессоромъ реальной школы. Когда въ 1859 онъ собралъ свои стихотворенія („*Basně: Cigánské melodie, Písne, Růže rovažská* и пр.), онъ былъ уже замѣтнымъ дѣятелемъ новой школы. Далѣе слѣдовали „*Jízni Zvuky*“, 1864, плодъ путешествія въ Италію; „*Lesní kvítí*“; лирико-эпическая поэма „*Milota*“, но въ особенности „*Cymbál a husle*“, которыя считаются лучшимъ его произведеніемъ—это картины словацкой жизни и природы, богатые поэтическими образами. Въ послѣднее время онъ издалъ еще „*Dědův odkaz*“, аллегорическую поэму, въ которой изображается исканіе художественной красоты, тоска по идеалѣ, разладъ съ жизнью и т. д., что вообще наполняетъ внутреннюю жизнь поэта: „дѣдъ“—народный гений—научаетъ поэта волшебной музыкѣ... Чешскіе критики встрѣтили эту поэму съ величайшими похвалами ²⁾).

Гораздо разнообразнѣе дѣятельность третьяго изъ главныхъ писателей новой школы, Яна Неруды (род. 1834). Это одинъ изъ самыхъ плодovitýchъ чешскихъ беллетристовъ. Неруда началъ писать очень рано. Первые стихотворенія его, подъ псевдонимомъ

ve světě nočních lesklém výronu
ja čítám zákony všech zákonů,
jež vyšly z přírody právečné ruky.

A ptaků zpěvných zvukosnívé bědno,
motyla vznik, národů zániky
a lidstva ples i bolu výkřiky—
to zákonů těch písmo jenom jedno, и проч.

Или:—Necht' zmudřelí se hadají
o písmenu a o zákony:
mně polní kvítíko bylo vždy
nad krále i nad Salomony (?) и проч.

¹⁾ Съ 1878 выходитъ полное собраніе сочиненій Галька (*Sebrané Spisy*), при которомъ общается біографія, писанная Ферд. Шульцомъ. Статьи Ел. Красногорской по поводу Галька, въ журналѣ «*Osvěta*», 1878, стр. 868—874; 1879, стр. 582—592.

²⁾ Біографія въ журналѣ «*Svetozor*», 1877, № 7; разборъ послѣднихъ двухъ произведеній, тамъ же 1876, № 6, и «*Osvěta*», 1879, II, 952—955.

Janke Novoga, явились въ 1854; въ 1858 онъ издалъ „Hřbitovní kvítí“ (Кладбищенскіе цвѣты) и тогда же, вмѣстѣ съ Галькомъ, Фричемъ, Баравомъ, основалъ упомянутый альманахъ „Máj“. Съ 1865 онъ ведетъ критику и фельетонъ въ „Народныхъ Листахъ“. Кромѣ работъ журнальныхъ, онъ написалъ нѣсколько театральныхъ пьесъ: комедіи—*Ženich z hladu*, *Prodaná láska*, *Já to nejsem*; трагедію *Francesca di Rimini*. Еще студентомъ онъ путешествовалъ по разнымъ краямъ Австріи; съ 1863 началъ рядъ болѣе далекихъ странствій по Европѣ, въ Малую Азію, Палестину, Египеть. Въ 1864 онъ издалъ *Agabesku* и *Pařížské obrázky*, въ 1867 *Knihu veršů*. Плодомъ путешествій были рассказы и очерки: *Různí lidé* и *Obrazy z ciziny* (1872). Въ 1866 онъ затѣялъ вмѣстѣ съ Галькомъ и нѣсколько времени издалъ журналъ „Květy“, а въ 1873 съ нимъ же возобновилъ „Lumír“, гдѣ собралась группа новаго поколѣнія беллетристовъ и стихотворцевъ, о которыхъ—далѣе. Въ 1876, онъ началъ издавать собраніе своихъ фельетонныхъ (до 1879—4 выпуска), гдѣ, по словамъ чешскихъ критиковъ, есть пьесы, напр. „Thau“, которыя „дали бы ему славу гениальнаго жанриста, если бы онъ и ничего больше не написалъ“; въ 1878—„*Malostranské povídky*“¹⁾, которыя считаются иными за лучшее произведеніе Неруды. Наконецъ, „*Písňe kosmické*“ (2-е изд. 1878) — въ родѣ стихотвореній Галька „Въ природѣ“, но эта природа астрономическая и космографическая... — поэзія этихъ пѣсенъ была намъ мало понятна.

Галекъ былъ первымъ поэтомъ новой школы, но Неруду считаютъ настоящимъ реформаторомъ въ новой чешской литературѣ. Писатель равнообразный, чрезвычайно плодовитый, онъ считается по преимуществу основателемъ чешской беллетристики: онъ заявилъ требованіе литературнаго прогресса, необходимость дать мѣсто новымъ идеямъ и формамъ, и самъ представилъ образцы новой манеры²⁾.

Названные писатели стоятъ во главѣ цѣлой плеяды поэтовъ и новеллистовъ: нѣкоторые изъ нихъ имѣютъ большую славу въ чешской литературѣ. Назовемъ ихъ вкратцѣ съ ихъ главнѣйшими произведеніями.

Густавъ Пфлегеръ-Моравскій (1833—1875),—лирикъ, драматическій писатель и романистъ, вообще неровный: извѣстенъ его романъ въ стихахъ „*Pan Vyšinský*“, 1858—59, писанный подъ явнымъ вліяніемъ Мицкевича и Пушкина, съ юмористическимъ отбѣнкомъ; всего болѣе цѣнится онъ какъ романистъ („*Z malého světa*“). Рудольфъ Майеръ (1838—1865), рано умершій, талантъ котораго высоко цѣ-

¹⁾ «Малая Страна»—часть Праги, за рѣкой.

²⁾ Биографія: *Slovník Naučný*, а. в.; *Kalendář*, Арбеса, 1879, стр. 84—87; «*Světotozor*», 1878, № 42.

нится чешскими критиками: по возвышенному характеру его меланхолической поэзии, въ немъ видѣли настоящаго преемника Махи ¹⁾. Въ молодыхъ лѣтахъ умеръ и Вацлавъ Шольць (1838—1871: *Uskocí, Zřevu svatovaclavské, Naše chalourky*). Богумиль Янда (*Janda*, съ псевдонимами *Cidlinský, Lanský* и др., 1831—1875), поэтъ и новеллистъ, извѣстный особенно исторической поэмой „*Talafús z Ostrova*“. Юлий-Вратиславъ Янъ (*Jiljí Vr. Jahn*, род. 1838), лучшимъ стихотворнымъ сборникомъ котораго былъ „*Růženc*“. Алоизъ-Войтъхъ Шмиловскій (род. 1837), лирикъ и драматическій писатель, но особенно разсказчикъ изъ народной жизни. Ярославъ Голль кромѣ разнообразныхъ стихотвореній извѣстенъ также своими историко-литературными трудами. Ярославъ Мартинецъ (собственно Юсифъ Мартинъ; род. 1842) въ 1862 издалъ политико-литературный памфлетъ „*April*“, и въ 1863 сборникъ стихотвореній „*Mladému rokolení*“. Далѣе, Ганушъ-Венцеславъ Тума (*Tůma*), который въ поэмѣ „*Jagoslav*“, 1871, хотѣлъ воспроизвести эпическій стиль Краледворской Рувкоисы (*Vasně*, 1872)...

Въ послѣдніе годы чешская поэтическая литература расширилась новымъ рядомъ дѣятелей, которые повели новое ея направленіе — кажется, до предѣла.

Какъ въ концѣ пятидесятихъ годовъ выступила школа Галка съ „*Маемъ*“, такъ въ концѣ шестидесятихъ явились новые стихотворные сборники, изъ которыхъ особенно замѣтны были „*Ruch*“ (Движеніе) и „*Almanach českého studentstva*“ (1868—1870). Въ десять лѣтъ народилось новое поэтическое поколѣніе, между прочимъ съ однимъ талантомъ, которому чешская критика смѣло даетъ эпитетъ „*геніальнаго*“.

Впрочемъ, поэтъ, которому большинство голосовъ даетъ такое первенство, еще моложе этой новой поэтической группы. Это—Ярославъ Верхлицкій (*Vrchlický*, собственно Эмиль-Богушъ Фрида, род. 1853), самый юный и вмѣстѣ самый смѣлый и плодовитый поэтъ новѣйшаго поколѣнія, на котораго смотрятъ съ великими надеждами. Отецъ Фриды былъ торговецъ; съ четырехъ лѣтъ Фрида поселился у дяди, деревенскаго священника— сначала хотѣли только деревенскимъ воздухомъ поправить его слабое здоровье, но потомъ онъ совсѣмъ остался у дяди и жившей съ нимъ бабушки. Дядя, уважаемый человекъ, готовилъ его къ школѣ и воспитывалъ въ „*властенецствѣ*“; по словамъ друзей, это чувство къ своему народу кажется Верхлицкому столь же естественнымъ и необходимымъ, какъ воздухъ—оттого, по ихъ объясненію, Верхлицкій и не бралъ властенецкихъ темъ для своей по-

¹⁾ Собраніе стихотвореній его, съ біографіей, издалъ Юс. Дурдикъ, въ 1873.

звѣи. Девяти-десяти лѣтъ Фрида писалъ уже трагедіи; ему было семнадцать лѣтъ, когда въ первый разъ явились его стихотворенія въ печати—подъ псевдонимомъ, такъ какъ, будучи гимназистомъ, онъ не могъ поставить своего настоящаго имени. Потомъ псевдонимъ Верхлицкаго сталъ его обычнымъ литературнымъ именемъ. Онъ готовился было къ духовной каеедрѣ, но болѣзнь заставила его покинуть семинарію; онъ изучалъ потомъ философію и исторію и, принявъ мѣсто воспитателя въ одномъ знатномъ семействѣ, прожилъ съ нимъ годъ (1875—1876) въ Италіи. Вернувшись въ Прагу, онъ былъ одно время учителемъ, потомъ избранъ въ секретари пражской политехнической школы ¹⁾. Верхлицкій въ короткое время издалъ цѣлый рядъ сборниковъ своихъ стихотвореній—лирическихъ, какъ: „Z hlubin“; „Sny o štěstí“; „Rok na jihu“, впечатлѣнія и картины изъ итальянскаго путешествія; „Duch a svět“; „Symfonie“; эпическихъ поэмъ и сборній, какъ: „Vittoria Colonna“—изъ жизни Микель-Анджело; „Epické Básně“; „Mythy“ (двѣ части, 1879); наконецъ переводы: изъ Виктора Гюго, Леопарди; въ послѣднее время началъ имъ переводъ Данта.

Чешскіе критики—самаго высокаго мнѣнія о поэзіи Верхлицкаго. Журналы, не исключая ученаго „Часописа“, единогласны въ признаніи его гениальности ²⁾. Большое дарованіе его не подлежитъ спору; обиліе дѣятельности говорить о богатствѣ его поэтической природы,—во соотечественниковъ поэта, кромѣ содержанія, подкупаетъ обыкновенно форма, красота языка, всегда менѣе дѣйствующая на читателя иной народности; соотечественникамъ всегда памятны и ближайшія условія литературы, въ которыхъ является ихъ писатель. Намъ жѣрка чешской критики кажется преувеличенной, особенно, когда она возводитъ поэзію Верхлицкаго до значенія *европейскаго*. Для *этого* значенія нужно однако, чтобы поэтъ явился и поэтомъ своей народности, поэтомъ славянскимъ, чтобы не остаться при простомъ повтореніи европейскаго содержанія. Русскаго читателя, привычнаго къ поэзіи по преимуществу реальной, можетъ удивить фактъ, что всѣтъ, въ короткое время написавшій нѣсколько томовъ, избиралъ почти только или чужія или отвлеченно-идеальныя темы,—что поражало самихъ чешскихъ критиковъ: въ этомъ чувствуется какая-то односторонность, можетъ быть временная—поэтъ еще только начинаетъ свою дѣятельность ³⁾. Отличительная черта поэзіи Верхлицкаго—романтический идеализмъ и рефлексив-

¹⁾ Биографія: Velký Slov. Kalendář, за 1879, Арбеса, стр. 87—89; Světozor, 1878, № 37.

²⁾ I. Дурдизъ не усумнился сказать въ англійскомъ Athenaeum (1878, Dec. 28) объ упомянутыхъ сборникахъ: «These volumes... give Verchlický a foremost place among the living poets not of Bohemia only, but of Europe».

³⁾ Чешскіе критики радовались, когда въ своихъ «Мѣсахъ» Верхлицкій впервые сталъ на чешскую поэму (Osvěta, 1879, I, стр. 422 и слѣд.).

ность: поэтъ постоянно обращается къ вопросамъ общечеловѣческой мысли и исторіи. Въ этомъ смыслѣ особенно характеристиченъ сборникъ „Duch a svět“, гдѣ поэтъ хотѣлъ изобразить историческую жизнь чело-вѣческаго духа, отъ міра первобытнаго къ міру античному, сред-нимъ вѣкамъ и до новѣйшихъ задачъ чело-вѣческаго развитія; поэтъ проникнуть сочувствіемъ къ лучшимъ сторонамъ и великимъ досто-инствамъ истинной чело-вѣчности, вѣрить въ будущую побѣду духа надъ природой, — но эта поэзія всемірно-историческихъ темъ, гран-діозныхъ перспективъ, широкихъ замысловъ, поэзія очень отвлечен-ная, не выросла, конечно, изъ чешской почвы, это — поэзія вычитан-ная, книжная; уже замѣчено было сильное вліяніе Виктора Гюго (напр. особенно въ *Légende des Siècles*).

Второй, а по мнѣнію иныхъ—первый, поэтъ новѣйшей школы, послѣ смерти Галька, есть Сватоплукъ Чехъ (род. 1846): извѣстны особенно его большія поэмы „Snové“ и „Adamité“ (извѣстная секта XV столѣ-тія). Появленіе „Адамитовъ“, въ 1873, было литературнымъ событіемъ. Чехи цѣнятъ ее высоко по искусной композиціи и выработанной по-этической формѣ. Онъ есть также очень даровитый разсказчикъ, о чемъ далѣе.

Изъ этой группы могутъ быть еще названы: Ладиславъ Квисъ (Quis, род. 1846), поэтъ съ патриотическими задачами, съ любовью къ свободѣ, хотя очень неровный (сборникъ стихотв. *Z Ruchu*, 1872); Юс. Вацлавъ Сладекъ (род. 1845), у котораго преобладаетъ эгегиче-скій тонъ; живъ въ Америкѣ ввухала ему теплыя воспоминанія о родинѣ; онъ есть также переводчикъ изъ Байрона („*Vápně*“, 1875); Рудольфъ Покорный (род. 1853), патриотическій поэтъ съ темами изъ народнаго быта; Мирославъ Крайникъ (род. 1850; съ псевдо-нимами *Starohradský* и *Jag. Koreský*); Анталъ Стацекъ (*Antonín Zeman*), давній замѣчательные опыты въ поэтическомъ жанрѣ изъ народнаго быта (романъ въ стихахъ, „*Vaclav*“), въ романѣ; и мн. др.

Изъ женщинъ-поетовъ этого времени наиболѣе популярное имя есть Елизавета Красногорская (*Eliška Krasnohorská*, собственно Генриетта Пехова, род. 1847). Рано потерявши отца, она росла подъ вліяніемъ даровитой матери; въ патриотической семьѣ она узнала въ совершенствѣ чешскій языкъ, которому не училась никогда въ школѣ; въ товарищескомъ кружкѣ художниковъ, собиравшемся у ея братьевъ, развились ея художественно-литературные вкусы. Она начала стихами: „*Z máje žití*“ (1870), „*Ze Sumavy*“ (1873), драматическая поэма „*Pe-vec volnosti*“; затѣмъ принадлежитъ ей рядъ прекрасныхъ разсказовъ. Въ послѣдніе годы, поселившись въ Прагъ, она приняла участіе въ женскихъ общественныхъ предпріятіяхъ (въ женскомъ рабочемъ обще-ствѣ, основанномъ Каролиной Свѣтлой), вела редакцію „Женскихъ

Листовъ“, писала о литературѣ, музыкѣ, женскомъ вопросѣ. Объ ея характеристикѣ новѣйшей чешской поэзіи мы упомянемъ далѣе.

Могутъ быть еще названы: Альбина Дворжакова-Мрачкова (род. 1850), Верта Мюльштейнова (род. 1849), Божена Студничкова, Ирма Гейслова и пр.

Въ литературѣ драматической, кромѣ писателя стараго поколѣнія, I. I. Колара, въ особенности цѣнятся пьесы Эман. Воздеха (род. 1841), хотя предметы для своихъ драмъ онъ бралъ обыкновенно изъ чужой исторіи: трагедія „Вагон Görtz“, комедія „Zkouška státníková“, „Světá rap v žurapu“ и проч. Франт. Ержабекъ (род. 1836), напротивъ, разрабатывалъ темы vlasteneckія: онъ выступилъ на литературное поприще въ концѣ 50-хъ годовъ какъ стихотворецъ и вмѣстѣ публицистъ, но главную извѣстность дали ему драматическія его произведенія (Cesty veřejného mínění, 1865: Služebník svého rana, 1871, одна изъ популярнѣйшихъ его пьесъ; Syn člověka aneb Prusové v Čechách, изъ временъ Семилѣтней войны, и пр.)¹⁾. Талантливый драматургъ есть также Вацлавъ Вѣлчекъ (Vlček, род. 1889), написавшій нѣсколько комедій и трагедій, изъ которыхъ особенно извѣстна „Eliška Přemyslovna“. Изъ новаго поколѣнія: Ладиславъ Стронежничкій, I. O. Веселый и др. Выше упомянуто о драматическихъ пьесахъ Фрича, Галька, Неруды, Пфлегера.

Но особенно богатъ въ послѣдніа десятилѣтія отдѣлъ повѣсти и романа, въ ихъ разныхъ отрасляхъ: рассказы изъ народнаго быта, романа историческаго, общественнаго, рассказовъ юмористическихъ. Расширеніе этой области въ послѣднее время, очевидно, находится въ связи съ оживленіемъ чешской народности, когда миновали погромы реакціи 50-хъ годовъ. Но хотя эта литература часто служила обществу какъ школа „vlasteneckства“, нельзя сказать, чтобы чешскій романъ выработалъ самостоятельный стиль и реальное изображеніе жизни. Какъ въ новѣйшей поэзіи чешской очевидно вліяніе Байрона и Виктора Гюго, такъ въ повѣсти и романѣ, кромѣ Жоржъ-Занда, замѣтна особенно манера тѣхъ чужихъ писателей, которые Чехамъ всего больше извѣстны, т.-е. нѣмецкихъ.

Наиболѣе самобытна и интересна, на нашъ взглядъ, повѣсть изъ народнаго быта, гдѣ самый предметъ необходимо вызывалъ болшую простоту и искренность. Здѣсь достойной преемницей Божены Нѣмцовой является дѣятельная и заслуженная писательница, Каролина Свѣтлая (собственно Юганна Мужакова, рожд. Роттова, род. 1830): на литературное поприще она выступила въ упомянутомъ альманахѣ „Maj“ 1858 г. Затѣмъ, длинный рядъ повѣстей и романовъ, въ жур-

¹⁾ Světozor, 1878, стр. 165, 207.

налахъ и отдѣльными книжками, утвердили за ней первое мѣсто въ изображеніи народнаго быта. Лучшими считаются: *Kříž u potoka*, *Ser-
ný Petříček*, *Vesnický roman*, *Nemodlenec*, *Několik archů z rodinné
kroniky*. По литературнымъ достоинствамъ, чешскіе критики ставятъ
ее выше Нѣмцовой,—что было бы естественно, такъ какъ можно было
идти по проложенной дорогѣ; Свѣтлая плодovitѣе, богаче фантазіей,
но, намъ кажется, больше простоты не повредило бы ея рассказамъ,
которые иногда не свободны отъ натянутой романтики ¹⁾. Въ этой об-
ласти съ успѣхомъ трудился Фердинандъ Шульцъ (род. 1835), кото-
раго романъ „*Starý ráp z Domašic*“, 1878, очень цѣнится какъ удач-
ная и правдивая картина сельской жизни. Прибавимъ, что Шульцъ
есть также замѣчательный рассказчикъ исторической ²⁾. Выше были
упомянуты Вацл. Шмиловскій, Анталъ Сташекъ; послѣдній издалъ
недавно романъ „*Nedokončený obraz*“, также замѣчательный по изо-
браженію народной жизни. Могутъ быть еще названы Вацлавъ-Бе-
нещъ Тржебизскій, священникъ („*Bludné duše*“, 1879), и друг.

Историческій и общественный романъ находитъ многочисленныхъ
дѣятелей. Изъ старшихъ писателей много работалъ здѣсь I. I. Коларъ,
у котораго, впрочемъ, было больше фантазіи, чѣмъ исторической вѣр-
ности. Янда-Цидлинскій въ своихъ историческихъ романахъ осо-
бенно останавливался на эпохѣ Юрія Подѣбрада. Изъ писателей но-
ваго поколѣнія особенной извѣстностью пользуется упомянутый раньше
Вацлавъ Вѣлчекъ. Ему принадлежитъ рядъ историческихъ повѣстей:
Jan Pašek z Vratu, *Ondřej Puklice* — изъ городской жизни Чехіи
XV—XVI вѣка; *Paní Lichnická*, *Dalibor* и проч. Но наибольшей славой
пользуется его романъ изъ современной жизни: *Venec zavřínou* (Лав-
ровый Вѣнокъ, въ журналѣ „*Osvěta*“ 1872, и потомъ отдѣльно, 1877),
гдѣ въ рассказѣ о внутренней жизни поэта-идеалиста и борьбѣ его
съ эгоистической средой раскрываются черты чешской общественной жизни
и даже довольно легко угадываемые портреты. Сочиненія Вѣлчека, и
его романы и публицистика проникнуты патриотическимъ идеализ-
момъ ³⁾. Иосифъ-Юрій Станковскій (род. 1844), очень плодovitýй
писатель, есть авторъ историческихъ романовъ: „*Král a biskup*“ изъ
временъ Рудольфа II, и особливо „*Vlastencové z Boudy*“ (Патриоты съ
подмостковъ) изъ первыхъ временъ національнаго пробужденія въ концѣ
XVIII вѣка, также романа современнаго: *Milevský reformátor*“ и др.

¹⁾ О Каролинѣ Свѣтлой см. *Osvěta*, 1878, томъ II, стр. 786 и далѣе; *Květy*, 1880,
№ 2; *Světozor*, 1880. Псевдонимъ взятъ отъ мѣстечка *Světlá*, родины ея мужа, въ
сѣверномъ краѣ Чехіи, гдѣ находится и мѣсто дѣйствія ея лучшихъ рассказовъ.

²⁾ *Čeští vystěbovalci* (чешскіе эмигранты), 1876; *Z dějin poroby lidu v Čechách*,
въ „*Osvětѣ*“, 1871.

³⁾ Послѣднія собраны въ книжкѣ: *Tužby vlastenecké*, Пр. 1879. Вѣлчекъ есть
редакторъ одного изъ лучшихъ чешскихъ журналовъ, „*Osvěta*“.

Иванъ Клицпера, сынъ названнаго ранѣе драматическаго писателя, написалъ нѣсколько занимательныхъ историческихъ рассказовъ: „Čestí vuhnančí“, „Bitva u Lipan“ и друг. Венцеслава Лужицкая (Na zříceninách; рассказъ Polednice, и др.); названный ранѣе Строупежницкій и проч. ¹⁾.

Романъ общественный развился въ самое послѣднее время, такъ какъ самое „общество“, т.-е. средній кругъ и отчасти высшій только недавно возвращаются къ чешской народности. Начала были положены еще въ прежнемъ періодѣ „властенецкими“ повѣстями и романами; теперь общественный романъ распространяется все болѣе. Мы уже назвали нѣкоторыхъ писателей, дѣйствовавшихъ и въ этой литературной области, какъ Пфлегеръ, Сватоплукъ Чехъ, Вѣлчекъ, Каролина Свѣтлая, Ел. Красногорская и др. Назовемъ еще слѣдующія имена: Софья Подлипская (рожд. Роттова, сестра Каролины, род. 1833), написала нѣсколько повѣстей и романовъ, изъ которыхъ главные: „Osud a padání“, „Přibuzní“, „Nalžovský“. Алоизъ Ирасекъ (Jirásek, род. 1851, учитель въ Литомышлѣ), выступивши въ литературѣ съ 1871, успѣлъ произвести множество стиховъ, повѣстей изъ народной жизни и романовъ, въ разныхъ журналахъ и отдѣльно: „V sousedství“, 1874; „Skalaci“, 1875, „Turečkové“, 1876; „Na dvoře vedovském“, 1877; „Filosofská historie“, изъ событій 1848 года, 1878, и друг. ²⁾ Богумилъ Гавласа (1852 — 1877) провелъ короткую, но полную фантазии жизнь: онъ готовился быть купцомъ, но сдѣлался странствующимъ актеромъ; потомъ друзья помѣстили его на сахарный заводъ; въ 1875, онъ отправился корреспондентомъ „Народныхъ Листовъ“ въ Герцеговину, гдѣ испыталъ боевыя приключенія. Вернувшись домой, онъ скоро отправился опять въ странствія—въ Парижъ, Швейцарію; русско-турецкая война увлекла его въ Россію; онъ поступилъ на Кавказъ волонтеромъ въ драгунскій полкъ, былъ при Зинвиѣ и Авліарѣ, и умеръ тифомъ въ Александрополѣ, въ ноябрѣ 1877. Но въ этой короткой и кочующей жизни онъ успѣлъ написать много: „Z potulného života“, юмористическій рассказъ изъ жизни странствующихъ актеровъ, написанный 1871; „Na pádraží“; „Život v umírání“; „V družině debrodruha krále“—историческій романъ, лучшее изъ его сочиненій; „Tiché vody“ и проч. ³⁾ Другой плодовитый писатель есть Янъ-Якубъ Арбесъ (род. 1840). Онъ рано сталъ бѣлетристомъ и публицистомъ. Съ 1868 вступивъ въ газету „Народные Листы“, Арбесъ въ качествѣ ея отвѣтственнаго редактора 30 разъ былъ судимъ

¹⁾ См. замѣтки Тифтрунка: Slovo o goštanu a dějepisě českémъ въ „Часописѣ“ 1876.

²⁾ Біографія его — Světozor, 1878, № 52.

³⁾ Біографическія свѣдѣнія: Světozor, 1878, № 17—18; Osvěta, 1878, № 6.

за нарушенія закона о печати, впрочемъ разъ только былъ приговоренъ къ тюрьмѣ на нѣсколько мѣсяцевъ. Недавно онъ собралъ свои „Romanetta“, которыя, впрочемъ, по отзывамъ самихъ чешскихъ критиковъ, чрезчуръ произвольны и фантастичны. Одинъ изъ любимѣйшихъ современныхъ рассказчиковъ есть упомянутый выше Сватоцлукъ Чехъ („Povídky, a gábecky a humoresky“, три тома, 1878—80): въ его рассказахъ есть дѣйствительная веселость и живое остроуміе, но „юморъ“ понимается здѣсь, какъ вообще въ чешской литературѣ, не въ англійскомъ смыслѣ, принятомъ у насъ, а въ популярномъ нѣмецкомъ, что — двѣ вещи различныя. Наконецъ, могутъ быть еще названы: Иосифъ Штольба (род. 1846), авторъ нѣсколькихъ комедій и „гуморесковъ“: Франтъ Геритесъ (Herites, род. 1851) и друг.

Таково обширное развитіе ново-чешской художественной литературы. На лирикѣ, наиболѣе субъективной и свободной области поэзій, въ особенности замѣтно преобладающее настроеніе этой литературы. Это—направленіе обще-человѣческихъ идей, космополитизмъ, представителемъ котораго является Верхлицій. Мы замѣтили прежде, что это направленіе имѣло причины своего появленія, но имѣетъ и свои слабыя стороны.

Въ самомъ дѣлѣ, дѣйствительный космополитизмъ можетъ принадлежать литературѣ лишь тогда, когда *обще-человѣческая* возвышенность содержанія бываетъ естественно выросшимъ плодомъ сильнаго развитія *національнаго*. Истинно великіе писатели такого значенія бываютъ обыкновенно въ тоже время глубоко національны, и потому что національны; таковы Шекспиръ, Мольеръ, Гёте, Шиллеръ, Диккенсъ, Байронъ. Въ литературахъ молодыхъ, не обширныхъ, не совсѣмъ самобытныхъ, космополитическая тенденція можетъ быть только искусственной и преднамѣренной. Она можетъ и здѣсь имѣть большую цѣну, именно образовательную, внося въ литературу, частно и тѣсно національную, широкія идеи общечеловѣческаго значенія. Такъ бывало напримѣръ, въ русской литературѣ, съ прошлаго вѣка и до недавняго времени. Но и для цѣли образовательной необходимо, чтобы „космополитизмъ“ не забывалъ ближайшей почвы, т.-е. своего народа: вообще онъ можетъ быть естественнымъ и сильнымъ лишь тогда, когда общечеловѣческое будетъ органически связано съ національнымъ.

Но чешская литература вовсе не молода,—скажетъ національная гордость:—она считаетъ себя тысячелѣтіе, начиная съ „Суда Любуши“; она имѣла великую эпоху гуситства... Но, и не споря о IX-мъ вѣкѣ „Суда Любуши“, чешская литература XVIII—XIX в. есть но существу явленіе новое: съ конца прошлаго вѣка, она все начинала

сначала—съ великимъ успѣхомъ для народнаго возрожденія, но еще мало для того, чтобы уже ставить себя цѣли космополитическія.

Новѣйшая школа, какъ мы замѣчали, противопоставала себя старой, скромно (иногда простодушно) „властенецкой“ школѣ, какъ высшую поэтическую ступень, и дѣйствительно стоитъ выше ея по разнообразію матеріала и формы, но старая школа во многихъ отношеніяхъ едва ли не съ болѣе вѣрнымъ инстинктомъ чувствовала истинныя задачи чешской литературы, и наприимѣръ, необходимость тѣснѣйшей связи съ элементами народными и—обще-славянскими. Самое возрожденіе чешской литературы питалось изъ двухъ источниковъ: изъ воспоминанія о своей народности и старинѣ, и изъ идеи о связи обще-славянской. Дѣло однако далеко не кончено: народность и отношенія славянскія не сознаны вполне и понинѣ, — если только Чехи когда-нибудь ихъ сознаютъ; но безъ этого Чехія останется, матеріально и нравственно, островомъ, которому будетъ все больше и больше грозить германское море. Словомъ, чешская литература можетъ возвыситься до обще-человѣческаго значенія, лишь прошедши, во-первыхъ, черезъ дѣйствительно широкое изученіе своей національной жизни, и во-вторыхъ, черезъ изученіе и прочное установленіе отношеній между-славянскихъ,—на которыхъ, при другихъ случаяхъ, Чехи сами строятъ свои надежды и которыя однако остаются у нихъ доселѣ въ нѣкоторомъ туманѣ.

Это чувствуется и въ самой чешской литературѣ. Таковы, напр. разсужденія г-жи Красногорской въ упомянутой статьѣ о новѣйшей чешской поэзіи („Часописъ“, 1877). Она выходитъ изъ мысли,—подкрѣпленной авторитетомъ Гюго,—что искусство никакъ не есть само себя цѣль, а только средство тѣхъ равноименныхъ стремленій, которыя хотятъ сдѣлать челоуѣчество лучшимъ и болѣе счастливымъ. Тѣмъ мѣняе есть цѣлью самой себя поэзія чешская, и доказательство—то, что она замѣчательнымъ образомъ исполнила въ пору чешскаго возрожденія. Писательница съ великой ревностью защищаетъ старую поэтическую школу Коллара, Челяковскаго, Эрбена, Воцеля, которая хотѣла оживить мертвый народъ звуками чешскаго слова, и успѣла въ этомъ... Новая поэзія слишеюмъ забыла объ этихъ предшественникахъ и, задавшись „мировыми“ темами, перестала быть властительницей въ духовномъ мірѣ чешскаго народа. Наслѣдство старой поэзіи перешло скорѣе въ романъ и повѣсть, которые остались близки къ жизни и къ народу. Новая поэзія жалуются на холодность общества, но отчего же происходитъ холодность? Въ талантахъ недостатка нѣтъ; общественные интересы стали гораздо шире прежняго; людей независимыхъ и образованныхъ больше,—тѣмъ шире и завлекательнѣе могла бы быть поэзія..

Итакъ, если жалуются на недостатокъ интереса къ (новѣйшей) поэзіи, причина меньшаго успѣха поэзіи въ обществѣ зависитъ не отъ общества, а отъ самой поэзіи. Она сама чуждалась общества. Романъ счастливиѣе въ этомъ отношеніи. „Поэзія—говоритъ г-жа Красногорская—

могла бы сильнѣе привлечь къ себѣ умы тѣми же качествами, какими приобретаетъ популярности всякій хорошій романъ—пусть будетъ въ ней больше благоуханнаго реализма, больше содержанія, больше жизненной правды и конкретности; и какъ наша жизнь (безъ всякой натяжки) свое нравственное и практическое зерно имѣетъ, очевидно, въ неустанной борьбѣ за наше народное существованіе, такъ и зерномъ чешскаго искусства,—если оно хотеть достигнуть новѣйшей и вмѣстѣ всемірной высоты здраваго реализма,—долженъ быть чешскій идеалъ и народное направленіе, а вовсе не какая-то разсѣянная неопредѣленность, которая никогда и нигдѣ не давала ни одной *мировой* литературѣ ея *мирового* значенія... Всякая мировая литература есть литература національная... Ни одинъ человѣкъ не родится безъ народности, какъ нѣтъ мѣстечка на землѣ безъ своего опредѣленнаго климата; наука, философія и гуманизмъ дѣйствуютъ, правда, въ областяхъ обще-человѣческихъ, пожалуй космополитическихъ,—но все-таки на свѣтѣ нѣтъ практической космополитической жизни, народная особенность нигдѣ не стерта до абстрактной всеобщности,—наоборотъ, тамъ, гдѣ стерта первобытная народная особенность, это сталося только въліяніемъ иной народности, сильнѣйшей и нападающей. Такимъ образомъ если поэтъ выросъ изъ дѣйствительной жизни, онъ выросъ подъ вліяніемъ своего народа... и долженъ былъ изобразить или самъ собой (лирически) или созданными имъ лицами (эпически) именно идеальный типъ народнаго характера... А насъ къ одушевленному исканію чешскаго идеала вынуждаетъ не просто какое-нибудь сантиментальное „властеничество“, но повелительная судьба и *неумолимая дѣйствительность*: политическое, географическое, общественное положеніе нашего народа, настоятельный фактъ необходимости и неотвратимыя *статистическія цифры*.—и пока эти моменты не потеряютъ своей существенности, поэзія только тогда будетъ связана съ жизнью народа, когда будетъ вырастать изъ нея, будетъ изъ нея простекать какъ ея самое жаркое дыханіе“.

Таковы сужденія самой чешской критики. Разумѣется, это сужденіе—не огульное, потому-что и въ новѣйшей поэмі старое преданіе не совершенно покинуто; но въ общемъ, оно вѣрно передаетъ характеръ новой „космополитической“ поэмі (напр. ея корифеевъ: Гальба, Неруды и всего болѣе — Верклицаго) и ея существенные недостатки ¹⁾. Но съ другой стороны и романъ чешскій далекъ еще отъ истиннаго реализма. Лучшая его область — деревенская новелла, въ которой однако все еще слишкомъ много сантиментальнаго романтизма, отчасти идущаго по преданію отъ старой школы, отчасти навѣяннаго Жоржъ-Зандомъ. Такъ-называемый „общественный“ романъ также страдаетъ своего рода вычурнымъ романтизмомъ, перенатымъ, видимо, всего болѣе у Нѣмцевъ: такое впечатлѣніе производятъ они на русскаго читателя, знакомаго съ дѣйствительнымъ реализмомъ англій-

¹⁾ Ср. книгу — Косины, *Новогу Оупрскѣ*; очень тяжелая по формѣ (средствомъ изложенія принятъ разговоръ,—разумѣется, книжный), она нерѣдко очень любопытна по содержанію.

скаго романа, напр. у Диккенса, Тэккерея и проч., а въ особенности свыкшагося съ нашимъ реализмомъ со времяъ Гоголя. Въ большаиствѣ чешскихъ романовъ, нами перечитанныхъ (мы перечитали ихъ не мало) русскаго читателя удивляетъ это отсутствіе реальной простоты: лица—условны, разговоръ состоитъ иногда въ неловко риторическихкихъ рѣчахъ (какъ, напр., въ романахъ Ауэрбаха, Гейзе и другихъ Нѣмцевъ); выводятся въ чешскомъ обществѣ графы и бароны, которые въ дѣйствительности составляютъ въ немъ не типъ, а рѣдкость; дѣйствіе построено романтически и т. д. Между тѣмъ и здѣсь отсутствуетъ та основная черта чешской жизни, какову указываетъ приведенная сейчасъ критика чешской повѣи: читая романы, не видишь національно-политической борьбы, которая однако есть господствующая черта чешской „политики“, „географіи“, „статистики“ и т. д. Но затѣмъ надо признавать, что у Чеховъ очень выработана литературная техника: рассказъ хорошо ведется, сюжетъ хорошо развитъ и законченъ.

Чешская литература имѣетъ одно прекрасное свойство,—совсѣмъ забытое у насъ,—чувство солидарности, вслѣдствіе котораго всякое произведеніе, нѣсколько талантливое, тотчасъ замѣчается и осмысливается одобреніями: оно—обогащаетъ литературу. Но, къ сожалѣнію, это прекрасное свойство нерѣдко теряетъ мѣру: при этомъ „богатствѣ“, въ литературѣ является преувеличенное представленіе о наличномъ ея содержаніи, критика ослабѣваетъ и вмѣстѣ съ этимъ уменьшается исканіе новыхъ средствъ національнаго развитія.

Обращаясь къ научной сторонѣ чешской литературы, мы, по плану нашей книги, остановимся только въ частности на изученіяхъ историко-литературныхъ. Здѣсь чешская литература съ начала Возрожденія стояла въ передовомъ ряду, и въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ не потеряла своего мѣста. Продолжаютъ еще дѣйствовать нѣкоторые ветераны, младшіе современники Шафарика, Палацкаго, Коллара; народилось новое поколѣніе ученыхъ, усердно работающихъ надъ изученіемъ чешской старины и народности. Назовемъ важнѣйшія имена.

Во главѣ современныхъ чешскихъ историковъ ставится послѣ Палацкаго заслуженный ислѣдователь Вацлавъ-Владивой Томекъ (род. 1818). Прошедши въ Прагѣ курсъ философіи и права, онъ былъ одно время адвокатомъ, но главнымъ интересомъ его была исторія: первые труды его явились еще въ 1837 году. Палацкій предложилъ ему заняться исторіей города Праги, бургомистръ пражскій заинтересовался этимъ дѣломъ, и Томекъ для этой цѣли занялъ мѣсто при пражскомъ магистратѣ. Эта работа занимаетъ Томека донныѣ. Между тѣмъ, въ 1842 онъ издалъ книжку о всеобщей исторіи, въ 1843 *Děje země*

české ¹⁾, въ 1845 *Děje mocnářství rakouského*. Въ 500-лѣтнему юбилею пражскаго университета онъ составилъ, по нѣмецки, его исторію ²⁾. Событія 1848 года отвлекли его въ политическую дѣятельность; онъ былъ членомъ рейхсрата въ Вѣнѣ и Кромъѣржижѣ. Въ 1850 онъ получилъ кафедру австрійской исторіи въ пражскомъ университетѣ. Въ 1858 онъ издалъ руководство къ исторіи Австріи ³⁾, основная мысль котораго состоитъ въ томъ, что зерно австрійской исторіи составляетъ не такъ-называемый *Stammland* и зависимость отъ германской имперіи, а давняя естественная связь и общность интересовъ тѣхъ земель, которыя теперь соединены въ Австрію. Это было возраженіе тому взгляду приверженцевъ нѣмецкаго единства, что исторія Австріи (т. е. въ какой-нибудь отдѣльности отъ этого единства) не имѣетъ одной идеи и потому невозможна. Свою точку зрѣнія Томекъ еще ранѣе защищалъ въ нѣсколькихъ статьяхъ объ этомъ предметѣ: это—та самая точка зрѣнія, которая заставила Палацкаго сказать, а Елачича повторить, что если бы Австрія не было, ее слѣдовало бы создать... Въ 1855, вышелъ первый томъ „Исторіи города Праги“ (*Dějepis města Prahy*); въ 1865, „*Zaklady starého místopisu pražského*“, подробное топографическое описаніе старой Праги, что послужило основой для дальнѣйшаго изложенія ея исторіи. Въ 1879 „Исторія Праги“ доведена до четырехъ томовъ, и именно до смерти Сигизмунда; въ концѣ того же года явился новый замѣчательный трудъ Томка „*Jan Žižka*“, исторія знаменитаго героя гуситскихъ войнъ. Томекъ есть въ высшей степени трудолюбивый, спокойный и точный изслѣдователь, и названные его труды составляютъ важное дополненіе и нерѣдко исправленіе „Исторіи“ Палацкаго ⁴⁾.

Писатель болѣе широкаго стиля, котораго ставать даже высшимъ представителемъ современной чешской исторіографіи, есть Антонинъ Гиндели (*Gindely*, род. 1829). Прослушавши въ пражскомъ университетѣ лекціи факультетовъ богословскаго, философскаго и юридическаго, Гиндели былъ преподавателемъ въ реальной школѣ, потомъ профессоромъ исторіи въ Оломуцкомъ университетѣ, по закрытіи послѣдняго назначенъ былъ на профессуру въ Кошицы въ Венгрію, но предпочелъ остаться въ Прагѣ въ реальной школѣ. Въ пятидесятыхъ годахъ онъ сдѣлалъ рядъ ученыхъ путешествій по Чехіи, Польшѣ, Германіи, Франціи, Бельгіи, Голландіи, Испаніи для собранія матеріаловъ по чешской исторіи XVI—XVII вѣка. Въ 1862 онъ сталъ

¹⁾ Второе изданіе, 1850; третье передѣланное, 1864.

²⁾ *Geschichte der Prager Universität*. Prag, 1848. Авторъ началъ также издавать книгу по-чешски, въ болѣе подробной обработкѣ, но вышла только 1-я часть. Пр. 1849.

³⁾ *Příruční kniha dějepisů Rakouského*, 1-я часть, до сраженія при Могачѣ.

⁴⁾ Биографія въ «Свѣтосорѣ», 1878, № 28—29.

профессоромъ австрийской исторіи въ университетѣ и земскимъ архивариусомъ Чешскаго королевства. Результатомъ неутомимыхъ исследованийъ былъ рядъ замѣчательныхъ работъ, отчасти нами указанныхъ, — какъ „Исторія Чешскихъ Вратъевъ“, „Рудольфъ II и его время“ (оба по-нѣмецки), которыя могутъ занять мѣсто между лучшими произведеніями новѣйшей исторической литературы вообще; дажѣ, издаваемая въ послѣдніе годы, по-нѣмецки и по-чешски „Исторія чешскаго возстанія 1618 года“, кончившагося паденіемъ Чехіи (*Dějiny českého povstání*, донныи—три части); наконецъ, много важныхъ частныхъ исследованийъ, какъ біографія Благослава, исторія изгнаннической жизни Коменскаго и т. д. Наконецъ, Гиндзели основалъ изданіе: *Staré pověsti dějin českých*, важное собраніе источниковъ для исторіи XVI—XVII столѣтій¹⁾, и съ Фр. Дворскимъ издаеть „*Sněmy české*“ (дѣла чешскихъ сеймовъ, съ 1526 года).

Главнымъ популярнымъ историкомъ былъ Карль-Владиславъ Запъ (1812—1870), второстепенный, но очень дѣятельный писатель по чешской исторіи, географіи и археологіи. Пражскій уроженецъ, онъ съ 1836 провелъ восемь лѣтъ на службѣ въ Галиціи, о которой написалъ любопытную книгу. Главными его трудами были потомъ „*Průvodce po Praze*“, 1848 (другая передѣлка: *Praha, popisání hl. města kral.* 1868), и особенно „*Česko-moravská Kronika*“ (иллюстрированная), популярная исторія Чехіи и Моравіи, начатая имъ въ 1862 и доведенная въ трехъ книгахъ до 1526; по его смерти эту работу докончилъ Юс. Коржанъ, который въ трехъ другихъ книгахъ довелъ исторію до нашего времени²⁾.

Изъ историковъ Моравіи долженъ быть названъ Ант. Бочекъ (1802—1847), родомъ Мораванъ, съ 1831 профессоръ чешскаго языка въ Оломуцѣ, съ 1836 историографъ Моравіи и позднѣе начальникъ архива моравскихъ „чиновъ“. Это былъ трудолюбивый собиратель историческаго матеріала, авторъ нѣсколькихъ сочиненій по моравской исторіи и издатель богатаго сборника историческихъ документовъ³⁾. Премиикомъ Бочка въ званіи моравскаго историографа сталъ—главный нынѣ авторитетъ по моравской исторіи Беда Дудикъ (род. 1815), изъ ордена бенедиктинцевъ въ райградскомъ монастырѣ, писавшій прежде

¹⁾ Въ этомъ собраніи вошли: Декреты Братской Общины, приготовленные Эмлеромъ; Исторія Павла Скалы, изд. Тифтрункомъ; «Памяти Вилема Славаты»,—Юс. Пречковомъ; Дѣла консисторіи католической и утравнистскія,—Кл. Боровнымъ.

²⁾ Въ 1880 начато Коберомъ второе изданіе «Хроникъ».

³⁾ *Mähren unter Kaiser Rudolf I.*, Brünn 1836; *Přehled knížat a markrabat etc. v markrabatvi moravském*, v Brně 1850; *Codex diplomaticus et epistolaris Moraviae*, VI томовъ (два послѣдніе издали были по его смерти). Замѣтимъ, что критика открыла потомъ въ коллекціи Бочка документи поддѣльные,—именно такъ-называемые отрывки Мейссе, моравскаго князя и историка прошлаго вѣка (1738—1793). О Бочкѣ см. D'Elvert, *Histor. Literaturgeschichte Mährens*, стр. 362—372.

только по-нѣмецки. Имъ изданы важныя архивныя изслѣдованія ¹⁾; съ 1860 г. онъ началъ издавать свою исторію Моравіи по-нѣмецки: *Mährens allgemeine Geschichte*, которая въ вышедшихъ донинѣ выпускахъ достигла конца династии Премисловской, 1306 г.; съ 1872 началось чешское изданіе этой книги („*Dějiny Moravy*“). Чешскіе ученые упрекали первые труды Дудика въ противо-славянскомъ направленіи вѣнсвой школы; въ этомъ смыслѣ противникомъ его былъ другой моравскій ученый, Брандль, о которомъ даже. Въ 1878, благодаря хлопотамъ Дудика, возвращены были въ моравскій архивъ чешскія рукописи, захваченныя Шведами еще въ 30-лѣтнюю войну и находившіяся донинѣ въ шведскихъ бібліотекахъ ²⁾.

Историческое знаніе направилось въ особенности на собраніе и изданіе источниковъ. Здѣсь одинъ изъ дѣятельнѣйшихъ ученыхъ есть Іосифъ Эмлеръ (род. 1836). Кончивъ курсъ въ вѣнскомъ университетѣ, онъ поступилъ въ только-что основанный тогда *Institut für oesterreichische Geschichte*, гдѣ приобрѣлъ прекрасную подготовку къ самостоятельнымъ работамъ по исторіи и археографіи. Поселившись съ 1861 въ Прагѣ, онъ получилъ мѣсто при земскомъ архивѣ, потомъ при городскомъ; и по смерти Эрбена, 1870, сталъ его преемникомъ въ качествѣ архивариуса города Праги. Передъ тѣмъ, онъ получилъ мѣсто доцента вспомогательныхъ историческихъ наукъ въ пражскомъ университетѣ. Эмлеръ обнаружилъ чрезвычайную дѣятельность въ изслѣдованіи и изданіи памятниковъ ³⁾. Съ 1870 онъ есть редакторъ „Часописа“ Чешскаго Музея. Съ другой стороны, замѣчательна его дѣятельность профессорская: онъ успѣлъ образовать школу учениковъ, работающихъ въ мѣстныхъ архивахъ Чехіи и возбуждающихъ любовь въ историческимъ памятникамъ ⁴⁾.

Для Моравіи работаетъ въ этомъ отношеніи Винценцъ Брандль (род. 1834). Съ 1858 учитель исторіи въ Бернѣ, онъ старался возбуждать въ молодежи интересъ къ изученію своей исторіи ⁵⁾. Съ

¹⁾ Ceron's Handschriften-Sammlung (въ моравскомъ земскомъ архивѣ), 1850; Forschungen in Schweden für Mährens Geschichte, 1852; Iter Romanum,—изслѣдованія въ римскихъ архивахъ, 1858, 2 части.

²⁾ Světozor, 1878, № 26, 40. Мною частныхъ изслѣдованій Дудика помѣщено было въ *Oesterreichische Revue*, Запискахъ вѣнской академіи, въ «Часописѣ» моравской Матицы, Запискахъ чешскаго ученаго общества.

³⁾ Въ 1864 онъ приготовилъ къ печати *Dekrety Jednoty Bratrské*, изданныя послѣ Гинделемъ; съ 1869 онъ издаетъ «*Fokdstatky desk zemských*», сгорѣвшихъ 1561; онъ есть редакторъ «*Prameně dějin českých*», издаваемыхъ на сумму, собранную народомъ Палацкому; отъ Эрбена онъ наследовалъ «*Regesta Bohemica*» (2-й томъ, грамоты и акты до 1310 г.) и т. д.

⁴⁾ Біографіи: *Slovník Naučný*, в. v.; Světozor, 1877, № 15.

⁵⁾ Онъ издалъ тогда по нѣмецки *Handbuch der mährischen Vaterlandskunde*, 1859. Въ 1863 была имъ издана *Kniha pro každého Moravana*. Вслѣдствіи онъ написалъ статью Моравы въ «*Научномъ Словникѣ*», которая издана была и отдѣльно: *Stručný přehled vlastivědy Moravské*, 1869. *Glossarium illustrata Bohemico-Moravicae historiae fontes*, 1876.

1861 онъ сталъ начальникомъ архива мареграфства Моравскаго. Рядъ его историческихъ статей находится въ „Часописѣ“ чешскомъ и моравскомъ, въ журналѣ „Památky archeologické a historické“, и проч. Особенную заслугу его составляютъ изданія по старой письменности, какъ, напр., сочиненій и писемъ Жеротина, книги Товачовской и другихъ памятниковъ стараго юридическаго быта. Брандъ есть одинъ изъ рѣшительныхъ защитниковъ древности „Суда Любуши“.

Въ ряду историковъ литературы собственно, старѣйшій дѣятель есть Алоизъ-Войтъхъ Шембера (род. 1807). Младшій современникъ начинателей чешской литературы, Шембера былъ свидѣтелемъ и участникомъ ея тогдашнихъ трудовъ и стремленій. Юристъ по образованію, онъ занималъ въ 1830-хъ годахъ юридическую должность, потомъ профессорство чешскаго языка въ Вѣрнѣ и Оломуцѣ. Въ 1848 вызванный въ Вѣну, въ комиссію, работавшую надъ установленіемъ славянской терминологіи политико-юридической, Шембера сдѣланъ былъ профессоромъ чешскаго языка и литературы въ Вѣнскомъ университетѣ и редакторомъ чешскаго изданія имперскаго законника. Литературную дѣятельность, въ „властонецкомъ“ смыслѣ, Шембера началъ очень давно, и труды его были въ особенности направлены на историко-топографическое изученіе чешско-моравскихъ земель, на древность до-историческую; наконецъ на исторію литературы¹⁾. Въ послѣдніе годы, именно въ новѣйшемъ изданіи своей „Исторіи литературы“. Шембера явился рѣшительнымъ противникомъ подлинности нѣкоторыхъ памятниковъ, причисляемыхъ къ древней литературѣ, и къ особенностямъ „Суда Любуши“.

Наиболѣе дѣятельный изъ всѣхъ историковъ чешской литературы и болѣе ревностный защитникъ подлинности древнихъ чешскихъ памятниковъ есть Иосифъ Иречекъ (Jirěšak, т. е. собственно Йиречекъ, род. 1825). Онъ кончилъ курсъ въ пражскомъ университетѣ по юридическому факультету въ 1849, рано вошелъ въ кругъ передовыхъ чешскихъ ученыхъ, какъ Палацкій, Эрбенъ, Шафарикъ (и сталъ потомъ затѣмъ послѣдняго), и вскорѣ уже выступилъ на литературное поприще, въ 1849 вошелъ за Воцелю редакцію „Часописца“, въ 1850 поступилъ въ Вѣнѣ на службу въ министерство просвѣщенія и исповѣ-

¹⁾ Таковы: «Popis Moravy a Slezska», какъ объясненіе къ большой картѣ Моравіи (на 4 листахъ, Вѣна 1863; 2-е изд. 1870); «Paměti a znamenitosti města Olomouce, Vlna 1861; «Západní Slovane v pravěku», Vlna 1866, съ картой Германіи и Иллиріи во II-мъ вѣкѣ по Р. Х.,—гдѣ доказывается, не очень критически, что Чехи, Моравяне и Словаки обитаютъ въ своихъ земляхъ со временъ до-историческихъ (ср. рѣшенію Н. Полова въ «Древностяхъ», 1870, т. III, стр. 86 и слѣд.); «Dějiny řeči a literatury české» (1858—61; 4-е изданіе древняго періода, 1868; «Исторія литературы» состоитъ изъ списковъ памятниковъ письменности и писателей по рубрикамъ); Základové dialektologie československé, 1864. Объ его изданіи Гусовой географіи мы прежде упоминали.

даній при графѣ Львѣ Тушѣ, дѣятельно участвовалъ въ „Вѣнскомъ Дневникѣ“, основанномъ тогда чешскими аристократами, работалъ въ комисіи, которая подъ управленіемъ Шафарика трудилась надъ славянской политической терминологіей. Въ 1858—61 онъ издалъ рядъ учебныхъ хрестоматій по чешской литературѣ, занимался ея старой исторіей, печаталъ свои изслѣдованія въ „Свѣтозорѣ“, „Rozprávy filologické“ (Вѣна, 1860); въ запискахъ чешскаго ученаго общества и „Часописѣ“. Имѣлъ съ братомъ Германегильдомъ (род. 1827),—который имѣетъ почетное имя какъ авторъ названной выше книги о славянскомъ правѣ въ Чехіи и Моравіи и вообще какъ знающій юристъ¹⁾,—онъ выступилъ, въ 1862, защитникомъ Краледворской Рукописи, въ книгѣ (Die Echtheit etc.), которая до послѣднихъ лѣтъ считалась неодолимымъ опроверженіемъ всѣхъ сомнѣній въ подлинности этого памятника. Мы говорили выше (стр. 428) объ его участіи въ литературныхъ дѣлахъ „братьевъ“, русскихъ Галичанъ. Въ 1871, съ министерствомъ Гогенварта, Иречекъ получилъ портфель министра просвѣщенія и исповѣданій: за его управленіе, продолжавшееся 9 мѣсяцевъ, основана была Краковская академія и для чешскихъ школъ наступилъ поворотъ, благопріятный для народности. Черезъ нѣсколько времени послѣ отставки, Иречекъ поселился въ Прагѣ, гдѣ сталъ изслѣдовать городскими средними школами, сдѣлался предсѣдателемъ чешскаго ученаго общества, велъ новое изданіе „Памятниковъ старой чешской литературы“ (имѣ самими изданъ вновь „Далимилъ“ и „Divadelní hry“). Онъ чрезвычайно дѣятельно работалъ по изслѣдованію старой чешской литературы: было бы очень долго перечислять его труды, посвященные этому предмету и часто нами цитированные. Укажемъ въ особенности двухъ-томную „Vukovét“, составляющую богатый фактами сборникъ, какіе очень жаль было бы имѣть и по другимъ славянскимъ литературамъ²⁾.

Замѣчательный писатель, имѣющій большія заслуги въ этой области, есть Вацлавъ Небескій (род. 1818). Онъ родился близъ Мельника на сѣверѣ Чехіи, на границахъ чешской національности съ нѣмецкой, воспитывался на нѣмецкой поэзіи и наукѣ и только съ поступленіемъ въ университетъ въ Прагѣ, 1836, началъ понимать положеніе вещей и сталъ рѣшительно на сторонѣ несправедливо притѣсняемой народности. Небескій прибрѣлъ широкое литературное образованіе: еще до университета онъ читалъ въ подлинникѣ Гомера, греческихъ лириковъ и трагиковъ, переживалъ вліянія нѣмецкой философіи и нѣмецкой поэ-

¹⁾ Недавно вышелъ новый трудъ Герм. Иречка: «Svod zákonů Slovanských», Прага, 1880, представляющій памятникъ стараго законодательства почти всѣхъ славянскихъ племенъ, начиная съ старыхъ памятниковъ русскаго права.

²⁾ Биографія: Slovník Naučný, s. v.

зи, занимался теологіей, увлекался полу-мистической натурь-философіей, отъ которой освободился подъ внушеніями настоящаго естествознанія, слушая послѣ философскаго курса медицину. Литературное поприще онъ началъ стихотвореніями и критическими опытами, эпической поэмой (*Protichůdci*, 1844); въ 1848 году былъ вовлеченъ въ политическую жизнь, работалъ въ публицистикѣ съ Гавличкомъ, былъ членомъ имперскаго сейма, но ходъ дѣла былъ такъ ему противенъ, что онъ сложилъ съ себя свое званіе еще до распушенія сейма въ Кромержирѣ. Съ 1850 по 1861 онъ былъ редакторомъ „Часописъ“ и секретаремъ Музея. Его собственныя работы шли въ двѣхъ направленіяхъ: онъ писалъ историко-эстетическіе комментаріи къ памятникамъ старой чешской литературы (Краледворская Рукопись, Александра, Тристрамъ, *Majový Sen*, легенды и проч.); съ другой стороны, переводилъ Аристофана, Эсхила, Теренція, ново-греческія народныя пѣсни, писалъ о Шекспирѣ, греческой трагедіи, испанскихъ романахъ и проч. Забѣгаютъ, что поздиѣе его критика относительно нѣкоторыхъ памятниковъ старой чешской литературы была слишкомъ стѣснена предрасудками чешскаго литературнаго міра, которые сильны и по сіе время.

Литература филологическая представляетъ также многія заслуженныя имена. Старѣйшій изъ современныхъ чешскихъ филологовъ есть Мартинъ Гаттала (род. 1821). Родомъ католическій Словакъ, онъ учился въ школахъ венгерскихъ и для окончанія теологическаго курса отправился въ Вѣну. Здѣсь только пробудилось въ немъ національное сознаніе и онъ ревностно сталъ изучать словацкій языкъ, расширилъ потомъ свои изученія на близкій чешскій и другія славянскія нарѣчія. Въ 1848 онъ сталъ священникомъ и вскорѣ издалъ по-латыни словацкую грамматику ¹⁾; его вызвали преподавателемъ чешско-словацкаго языка въ Пресбургъ, затѣмъ въ пражскій университетъ, гдѣ онъ дополнилъ свои изученія сравнительнымъ языковеденіемъ, при содѣйствіи Шлейхера. Здѣсь онъ издалъ свои главнѣйшіе труды, доставившіе ему извѣстность одного изъ лучшихъ славянскихъ филологовъ ²⁾. Въ спорѣ о „Судѣ Любуши“ и Краледворской Рукописи онъ стоялъ за ихъ подлинность ³⁾.

¹⁾ *Grammatica linguae slovenicae collatae cum proxime cognata bohémica Schemnicii* (въ Штавницѣ), 1850.

²⁾ Главныя его сочиненія: *Zvukosloví jazyka staro- i novočeského a slovenského*, 1854; *Skladba jazyka českého*, 1855; *Srovnávací mluvnice jazyka českého a slovenského*, 1857; *Slovo o polku Igorevě*, 1858; *Počátky mluvnice slovenské*, Вѣна, 1860; *De continuaturum consonantium mutatione in linguis slaviciis*, Прага, 1867; *Počátečné skrupiny souhlasek česko-slovenských*, 1870, и рядъ журнальныхъ статей, напр. объ отношеніяхъ кирилловскаго языка къ нынѣшнимъ славянскимъ нарѣчіямъ („Часописъ“, 1855); объ исторической грамматикѣ рус. языка, Буслаева (тамъ же, 1862).

³⁾ *Obrana Libušina Soudu ze stanoviska filologického*, въ „Часописѣ“ 1858 —

Другой заслуженный филологъ — Янъ Гебауэръ (род. 1838), съ 1873 доцентъ чешскаго языка въ пражскомъ университетѣ. Большое число его статей по сравнительному языкованію и исторіи литературы разсыяно въ „Часописъ“, въ чешской энциклопедіи, въ „Научномъ Сборникѣ“ (Sborník vědecký), въ „Архивъ“ Ягича. Другія сочиненія изданы отдѣльно ¹⁾. Онъ перевелъ также значительное число пѣсень болгарскихъ изъ сборника Миладиновыхъ, русскихъ былинъ, наконецъ пѣсень литовскихъ, итальянскихъ, изъ санскритской повѣи. Изъ молодыхъ филологовъ въ особенности долженъ быть названъ Леопольдъ, или Лавославъ, Гейтлеръ (род. 1847). Онъ учился языкованію въ пражскомъ университетѣ у Альфреда Лудвига и Гатталы, въ Вѣнѣ у Миклопича и Мюллера. Начавъ диссертацией о современном положеніи сравнит. языкованія („Часописъ“, 1873), онъ въ томъ же году издалъ упомянутую нами прежде „Старо-болгарскую фонологию“, гдѣ на основаніи полногласія выводилъ, что русскій языкъ есть форма славянскаго языка болѣе старая, чѣмъ болгарскій или церковно-славянскій ²⁾. Въ томъ же году онъ сдѣлалъ поѣздку въ русскую и прусскую Литву для изученія живого литовскаго языка: плодомъ путешествія (описаннаго въ „Освѣтъ“ 1874) были „Litauische Studien“. Въ 1874 Гейтлеръ приглашенъ былъ на кафедру сравнительнаго славянскаго языкованія въ загребскій университетъ. Въ 1875 онъ сдѣлалъ не совсѣмъ безопасное ученое путешествіе въ Сербію и Македонію до Аона. Изъ послѣднихъ трудовъ Гейтлера упомянемъ въ особенности его изслѣдованіе по поводу „открытій“ Верковича: Гейтлеръ имѣлъ въ рукахъ всю коллекцію Верковича, и мнѣніе его складывается въ большой мѣрѣ въ пользу ея подлинности („Poetické tradice Thraciá a Bulharú“, 1878, по-чешски и также по-хорватски).

Мѣсто не позволяетъ намъ указывать подробнѣе чешскіе историко-литературные труды и мы должны ограничиться краткимъ упоминаніемъ ихъ. По исторіи должны быть еще названы: Ант. Резекъ (Zvolení a korunování Ferdinanda I za krále českého, 1878); Јос. Калоусекъ (Koruna česká, její celistost a státoprávní samobytnost, въ „Ча-

1860. Защита его съ точки зрѣнія палеографической, филологической и поэтической, въ газетѣ Prager Morgenpost 1858—59.

Статьи Гатталы «о всеславянскомъ литер. языкѣ» (Osvěta, 1871—72), и новѣйшая книжка «Brus jazyka českého», Пр. 1877, наполнены полемикой, слишкомъ неспокойной и ненаучной.

¹⁾ Etymologické počátky řeči, 1868; Slovanské jazyky, porovnávací výklad hlavních a charakteristických proměn hláskoslovných a tvarů flexivních, 1869; Příspěvky k historii českého pravopisu a výslovnosti staročeské (1871, въ Научн. Сборникѣ); Uvahy o Nové Radě pape Smila Flašky etc. (1873, тамъ же); Uvedení do mluvnice české; Hláskoslovní jazyka českého.

²⁾ Ср. замѣчанія А. Потемни, Журн. Минист., 1873, и воронежскій филолог. Записки, 1875. Къ результатамъ Гейтлера приходилъ поздне и вѣмедскій ученый, Јог. Шмидтъ (Zur Gesch. des indo-germanischen Vocalismus, 1876).

сописѣ“, 1870, и др.), Карль Тифтрукъ, Клементъ Боровый (род. 1838, по исторіи церкви), А. Ленцъ (теологическое изслѣдованіе объ отношеніи Гусова ученія въ ученію католической церкви), Ярославъ Голль, Зоубекъ и др. По исторіи литературы, и также археологін: Антонинъ Рыбичка (Skutečský, род. 1812), которымъ сдѣлано множество частныхъ, особливо биографическихъ изслѣдованій; Вацлавъ Зеленый (1825 — 75), Иос. Тругларжъ, К. Адамекъ ¹⁾ и друг. По археологін: Иос. Смоликъ, проф. Шмадекъ, Ваумъ и пр. По изслѣдованіямъ филологическихъ: Вацлавъ Зикмундъ (1816 — 1873), Фр. Бартошъ (род. 1833), Ант. Маценауеръ (изслѣдованіе о чужихъ словахъ въ славянскихъ языкахъ), Янъ Косина, Ант. Вашекъ, М. Блажекъ и пр.

Изученіе взаимно-славянское, въ основаніи котораго чешской литературѣ принадлежала такая великая заслуга въ первой половинѣ столѣтія, въ настоящее время представляетъ лишь немногіе цѣльные труды; но, кромѣ русской литературы, они не распространены нигдѣ такъ, какъ у Чеховъ. Вацлавъ Кржижекъ (род. 1832, директоръ реальной гимназін въ Таборѣ) составилъ синхронистическій обзоръ славянской исторіи ²⁾. Наболѣе дѣятельный писатель по вопросу славянской взаимности и единства есть Иосифъ Перволюфъ (род. 1841), нынѣ равно принадлежащій чешской и русской литературѣ. Прошедши философскій факультетъ въ пражскомъ университетѣ, онъ былъ съ 1864 ассистентомъ и архиваріусомъ въ Чешскомъ Музеѣ, въ 1871 занялъ кафедру славянской исторіи въ варшавскомъ университетѣ, гдѣ и понынѣ дѣйствуетъ. Онъ рано занялся изученіемъ отношеній славянскихъ народовъ; первыя работы его были печатаны въ разныхъ чешскихъ изданіяхъ. Въ 1861—1871 онъ былъ дѣятельнымъ участникомъ въ „Научномъ Словникѣ“ по славянскимъ предметамъ. Сколько намъ извѣстно, именно Перволюфу принадлежала редакція статей по ино-славянскимъ предметамъ ³⁾, причемъ значительное число ихъ было написано имъ. Сдѣлавши въ 1871 путешествіе по Россіи и основавшись въ Варшавѣ, Перволюфъ старался о распространеніи взаимнаго славянскаго пониманія, и уже съ 1872 сталъ много писать въ русскихъ изданіяхъ о новѣйшей славянской исторіи и взаимности ⁴⁾.

¹⁾ Упомянемъ изъ трудовъ Адамка въ особенности сочиненіе, котораго впрочемъ не имѣли въ рукахъ: *Doba poroby a vzkříšení. Rozhledy v kulturních dějinách král. českého v XVII a XVIII stol.* Прага 1878.

²⁾ *Dějiny národů slovanských v přehledu synchronistickém se stručným obrazem jich osvěty, literatury a umění etc. V Taborě a Jindřichově Hradci, 1871, съ 80 генеалог. таблицами.* Ср. его же статью: *Epochy a obsah dějin národů slovanských*, въ „Часописѣ“, 1877.

³⁾ Ср. *Slovník Naučný*, X, стр. 547.

⁴⁾ Вотъ рядъ главныхъ трудовъ Перволюфа:—*O vzajemnosti slovanské*, Пр. 1867; *Listy o Polsku a Rusku* (въ „Часописѣ“, 1872, 8); *Čechové i Poláci v XV—XVI stol.*

Далѣ, въ ряду чешскихъ писателей объ ино-славянскихъ племенахъ почетное имя успѣлъ уже приобрести молодой ученый Іосифъ-Константинъ Иречекъ (род. 1854, сынъ Іосифа), доцентъ пражскаго университета, нынѣ работающій въ болгарскомъ министерствѣ народнаго просвѣщенія. Онъ отдался изученію славянскихъ народовъ Балканскаго полуострова; еще въ 1872 онъ издалъ „Библиографію новой болгарской литературы“; затѣмъ, кромѣ большого числа отдѣльныхъ статей въ „Часописъ“ и „Освѣтъ“, онъ издалъ упомянутую нами раньше „Исторію Болгаръ“, которая явилась по-чешски и по-нѣмецки, и имѣла два русскихъ перевода ¹⁾. Нѣкоторые критики отнеслись сурово къ нѣкоторымъ неполнотамъ или ошибкамъ этого труда; но мы высоко цѣнимъ его не только какъ трудъ молодого ученаго, но вообще какъ замѣчательный опытъ цѣльнаго изложенія болгарской исторіи, какого еще не имѣла славянская литература. Появленіе книги счастливо совпало съ войной, положившей основаніе болгарской независимости. Книга Иречка получила оттого для Болгаръ еще особенное значеніе.—Наконецъ, какъ писатели о славянствѣ могутъ быть названы Фр. Коржинекъ (1831—74); Іосифъ-Ладиславъ Пичъ ²⁾; Примусъ Сobotка, Янъ Черный; Янъ Лепаржъ и др.

Очень усердно чешскіе писатели дѣлали также переводы изъ ино-славянскихъ литературъ; можно сказать, что у Чеховъ переводная дѣятельность въ этой области развилась больше, чѣмъ у кого-нибудь изъ другихъ Славянъ. Такъ, по русской литературѣ, есть переводы изъ Пушкина (Винц. Вендль), Лермонтова, Гоголя, Рылѣва, Некрасова (Игн. Мейснаръ), изъ Гончарова, Тургенева (Эмм. Вавра); изъ Шевченка, и т. д. По литературѣ польской: изъ Мицкевича, Словацкаго, Мальческаго, Бродзянскаго, Сыровомли, также Корженіовскаго, Крашевскаго и пр. По литературѣ южно-славянской: Іосифъ Голечекъ сдѣлалъ переводъ болгарскихъ пѣсень; Зигфридъ Калперъ (1821—79), пражскій Еврей, извѣстный давно своими поэтическими переводами сербскихъ пѣсень на нѣмецкій языкъ, по-чешски далъ поэтическую

(въ журн. «Osvěta», 1878); *Východní otázka - slovanská otázka* (тамъ же, 1878); *Slovanské hnutí mezi Poláky 1800—1830* (тамъ же, 1879).

По-русски:—Чехи и Русскіе (въ «Вѣстѣ», 1872, № 5 и 7); Славянская квинность съ древнѣйшихъ временъ до XVIII вѣка. Спб. 1874 (въ Журн. Мин. Нар. Пр. и отдѣльно; богатое сопоставленіе частныхъ фактовъ взаимности между славянскими племенами); Германизація Балтійскихъ Славянъ. Спб. 1878; Варяги-Русь и Балтійскіе Славяне (Журн. Мин. 1877, по доводу книги Геденова и Забѣлина); Александръ I и Славяне (въ «Др. и Новой Россіи», 1877, № 12); Славянское движеніе въ Австріи 1800—1848 г. (въ «Русской Рѣчи», 1879, кн. 7—9); Слав. движеніе 1848 г. (въ «Вѣстн. Европы», 1879, кн. 4).

По-нѣмецки:—*Die slawisch-orientalische Frage. Eine histor. Studie.* Prag. 1878.

¹⁾ Одинъ, въ Варшавѣ, Яковлева; другой, въ Одессѣ, Бруна и Палаузова. Важней послѣдній, къ доктору авторъ доставилъ поправки и дополненіе.

²⁾ О родовомъ бытѣ у Словаковъ и венгерской Руси, въ «Часописѣ» 1878; обширная работа его о Словакахъ (по-русски въ Слав. Сборникѣ), цитируется далѣе.

картину борьбы южнаго Славянства съ Турками по народнымъ пѣснямъ черногорскимъ ¹⁾. Есть переводы изъ Мажуранича, отрывки изъ Гундулича, изъ сербскихъ сказокъ Караджича и пр. Цѣлый сборникъ переводовъ изъ славянской поэзіи издалъ Фр. Вимазаль (Slovanská poesije, 2 части). Распространяется изученіе другихъ славянскихъ языковъ, и опять у Чеховъ всего больше учебниковъ по этой части, въ послѣднее время особенно для русскаго языка.

Но важнѣйшимъ фактомъ между-славянскихъ изученій, какъ вообще замѣчательнымъ фактомъ чешской литературной образованности, былъ много разъ нами цитированный „Научный Словникъ“. Кромѣ обычнаго содержанія справочныхъ энциклопедій, онъ замѣчателенъ въ особенности обильнымъ запасомъ статей о Славянствѣ. Редакція Словаря въ своемъ послѣсловіи съ полнымъ правомъ могла сказать, что передъ всѣми другими энциклопедіями чешскій „Научный Словникъ“ будетъ имѣть то преимущество, что „въ предметахъ славянскихъ онъ будетъ единственнымъ надежнымъ источникомъ, потому что—не говоря объ энциклопедіяхъ ино-язычныхъ, для которыхъ Славянство есть міръ неизвѣстный—въ самомъ дѣлѣ никакая другая славянская энциклопедія (и ихъ, въ сожалѣнію, очень мало) не обратила вниманія на эти отдѣлы этнографіи и исторіи въ такой мѣрѣ и такъ основательно, какъ чешскій „Научный Словникъ“ ²⁾.

Отмѣтимъ еще первый опытъ обще-славянской библиографіи (кромѣ русскоѣ): Slovanský Katalog bibliografický, который издають съ 1877 А. Михалекъ и Яр. Клоучекъ (донинѣ двѣ книги, 1877—78).

Чешско-моравская журналистика очень обильна и разнообразна, особливо въ послѣднее десятилѣтіе. Говоря относительно, по сравнительной численности племени, журналистика, какъ вообще, едва ли не богаче у Чеховъ, чѣмъ у какого-либо изъ славянскихъ племенъ. Есть газеты и журналы, или періодическіе сборники, или серіи книгъ по всякимъ отраслямъ: разныя научныя спеціальности, беллетристика, церковныя дѣла, техника и промыслы, педагогика, политика имѣютъ свои изданія. Изъ журналовъ научныхъ извѣстны особенно, кромѣ „Часописа Чешскаго Музея“, Listy filologické a paedagogické, Památky archaeologické a místopisné, „Часописъ“ Моравской Матицы, политико-юридическій журналъ „Právník“. Изъ журналовъ литературныхъ: „Osvěta“, „Květy“ (Вит. Галька, нынѣ Свят. Чеха) „Lumír“, иллюстрированный „Světozor“ и пр. Матица издаетъ сочиненія сербс-

¹⁾ Zpěvy lidu arbakéko, Пр. 1872—74. Биографія ера, Ферд. Шульца, въ «Osvěta», 1879.

²⁾ Томъ X, стр. 547—548.

наго литературно-научнаго содержанія; для изданія книгъ популярныхъ и беллетристическихъ существуетъ особая „Народная Матица“ (Maticе lidu). Наконецъ для беллетристики есть цѣлый рядъ сборниковъ: Narodní bibliotéka; Libuše, maticе zabavy a umění; Salonní bibliotéka; Laciná knihovna národní и пр. Переводы изъ иностранной поэзии издаются въ сборникѣ „Poesie světová“.

Политическая газетная литература начинается настоящимъ образомъ только съ 1848 года. Послѣ Гавличка, наступившая реакція сдѣлала публицистику невозможной, и новое движеніе открылось послѣ „патентовъ“ и „дипломовъ“ въ 1860-хъ годахъ. Руководящую роль въ политической литературѣ игралъ Палацкій и зять его, Франт.-Ладиславъ Ригеръ (род. 1818). При новомъ конституціонномъ порядкѣ они желали имѣть газетный органъ для изложенія и защиты своихъ взглядовъ. Ригеру газета не была дозволена; но дозволеніе получилъ Юліусъ Грегеръ (род. 1831), юристъ по образованію. Въ 1861 начала выходить его газета „Narodní Listy“, которая и послужила выраженіемъ политическихъ идей Палацкаго и Ригера, т. е. федералистической программы. Но полное согласіе дѣятелей старшаго поколѣнія съ младшими было непродолжительно, такъ что въ 1863 первые основали другую газету, „Národ“; позднѣе, ихъ программу выражалъ „Рокток“. Здѣсь началось дѣленіе „старо-чеховъ“ и „младо-чеховъ“. Причиной раздора было главнымъ образомъ различіе во взглядахъ на польскій вопросъ, выдвинутый тогда возстаніемъ и на внутреннюю политику: младо-чеки сочувствовали возстанію и относились очень враждебно къ Россіи; старо-чеки считали его неблагоразумнымъ; во внутреннихъ дѣлахъ младо-чеки высказывались болѣе демократически и отвергали союзъ съ аристократіей, который ихъ противники находили необходимымъ для цѣльности народныхъ сязъ. Но въ общихъ вопросахъ обѣ фракціи продолжали идти рядомъ; тѣ и другіе были федералисты и защитники историческаго права „чешской короны“. Не входя, впрочемъ, въ дальнѣйшія подробности чешской политической жизни, назовемъ только главнѣйшихъ политическихъ дѣятелей и писателей. Одинъ изъ извѣстнѣйшихъ и наиболѣе вліятельныхъ есть Янъ Скрейшовскій (род. 1831), который для болѣе успѣшной борьбы съ враждебной нѣмецкой журналистикой началъ съ 1862 изданіе извѣстной газеты „Politik“. Братъ его, Франтишекъ (род. 1837) основалъ въ 1867 упомянутую иллюстрацію „Свѣтозоръ“. Эммануиль Тоннеръ (род. 1829) еще съ 1848 принималъ участіе въ политическомъ движеніи; позднѣе онъ работалъ въ „Народныхъ Листахъ“, гдѣ въ 1863 году помѣстилъ рядъ статей: Poláci a Češi, вышедшихъ послѣ отдѣльно и именно выражавшихъ младо-чешскій взглядъ на польское дѣло. Карлъ Сладковскій (1823—

80), одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ общественныхъ дѣателей чешскаго общества, практическій политикъ въ демократическомъ духѣ, прошедшій много лѣтъ своей жизни въ тюрьмѣ и къ концу жизни принявшій православіе. Его считали главой младо-чеховъ. Винценцъ Вавра (1824—77), прошедшій бурную политическую жизнь, между прочимъ нѣсколько лѣтъ въ тюрьмѣ, въ 1849 принялъ самое дѣятельное участіе въ событіяхъ, былъ, вмѣстѣ съ д-ромъ Подлинскимъ, редакторомъ газеты „Noviny Lipy Slovanské“, тогда основанной, затѣмъ при наступленіи полной реакціи провелъ нѣсколько лѣтъ въ тюрьмѣ, затѣмъ снова дѣятельно занялся публицистивой и издавалъ съ д-ромъ Финкомъ газету „Нлаз“ до 1865, когда соединилъ ее съ „Народными Листами“. Крайняя ультрамонтская партія имѣла свой органъ въ газетѣ „Чехъ“ съ должнымъ клерикальнымъ обскурантизмомъ. Наконецъ, много мелкихъ журналовъ популярныхъ и т. д. Моравія имѣетъ нѣсколько своихъ изданій, свою „Матицу“.

Чешская литература играетъ одну изъ главныхъ ролей въ новѣйшемъ славянскомъ Возрожденіи, съ тѣхъ поръ какъ въ ея рядахъ явились первые сильные ея дѣатели: Добровскій, Шафарикъ, Колларъ. До недавняго времени въ ней дѣйствовали послѣдніе представители той первой рѣшающей поры, и здѣсь потомъ живѣе, чѣмъ у другихъ, поддерживались обще-славянскіе интересы. Вѣна, въ которой собралось столько славянскихъ элементовъ, и самая Прага, куда многіе изъ южно-славянскаго юношества приходили довершать свое образованіе, доставляли и удобство между-славянскихъ сношеній, и путь для развитія обще-славянскаго интереса у Чеховъ. На этотъ интересъ давно наводило народно-политическое положеніе Чехіи. Съ пробужденіемъ національнаго сознанія племенъ, являлась естественная мысль о солидарности австрійскихъ Славянъ для общей защиты племенной особности и историческаго права; въ волненіяхъ 1848—49 эта идея выразилась фактическими дѣйствіями, какъ славянскій съѣздъ, какъ сношенія Чеховъ съ австрійскими Сербо-Хорватами, какъ отправленіе чешскихъ волонтеровъ къ Словакамъ на помощь противъ Мадыаръ. Безучастіе Россіи и русскаго общества къ славянскому вопросу (потому что вмѣшательство Россіи въ венгерскую войну было исключительно милитарное и династическое) дѣлали то, что само Славянство въ видахъ самосохраненія считало нужнымъ не только спасать Австрію, но „создавать ее, еслибъ ея не было“—ту Австрію, отъ которой само столько терпитъ.

Внѣшнее развитіе литературной жизни, какъ мы замѣчали, весьма значительно. Широкое развитіе народной школы и средняго образованія, въ которомъ Чехи съ замѣчательной выдержкой отвоевывали

употребленіе народнаго языка, доставили чешской книгѣ обширный контингентъ читателей. — Тяжкое прежнее положеніе полу-мертвой народности требовало упорной, медленной работы, довольствующейся небольшими успѣхами; постоянное присутствіе національной опасности, лицомъ къ лицу съ врагомъ, напоминало о необходимости этой работы; Чехи приобрѣли замѣчательную выдержанность. Каждое приобретеніе радовало; цѣнился и былъ на виду самый скромный трудъ; въ литературѣ развилось чувство солидарности, которое увеличиваетъ значеніе общаго дѣла. Самые недостатки чешской критики общественной и литературной, на которые намъ случалось указывать, въ большой мѣрѣ происходятъ именно отъ постоянного присутствія противника, въ виду котораго надо на каждомъ шагѣ защищать факты своей національной жизни и своему обществу внушать довѣріе къ своимъ силамъ, — иногда, къ сожалѣнію, теряя изъ виду болѣе широкій національный горизонтъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что въ этомъ развитіи чешской литературы оказали свою помощь вліянія нѣмецкія и вліянія той государственности, въ которой Чехи поставлены. Нѣмецкая школа служила образцомъ чешской; рядомъ, подъ рукой, были богатые источники нѣмецкой литературы; конституціонная свобода общественной жизни, при всѣхъ колебаніяхъ, какія она испытывала въ Австріи, дала наконецъ просторъ и для проявленій національныхъ. Чехи воспользовались этими условіями: свободой собраній, образованія кружковъ и обществъ, которыхъ множество; національныя демонстраціи прославляли имена заслуженныхъ патріотовъ, поддерживали патріотическія предпріятія.

Въ такихъ условіяхъ и при меньшемъ интересѣ къ обще-славянскимъ вопросамъ въ другихъ литературахъ было довольно понятно, что чешская литература иногда ставила себя во главѣ славянскаго національнаго сознанія... Многія стороны и качества ея заслуживаютъ полнаго уваженія, и много содѣйствовали ея значенію въ Славянствѣ. — Въ нашемъ изложеніи указаны, однако, многія desiderata, восполненіе которыхъ становится болѣе и болѣе *необходимымъ* для того, чтобы чешская литература могла сохранить свое значеніе въ вопросѣ обще-славянскомъ.

II. Словаки.

Литература на собственномъ языкѣ Словаковъ есть новое явленіе, которое едва можетъ считать себѣ сто лѣтъ, явленіе скромное по размѣрамъ, но очень любопытное по развитію. До конца прошлаго вѣка, въ области литературной Словаки пользовались языкомъ чешскимъ, если не латынью; ихъ собственное нарѣчіе было языкомъ мѣстной народной жизни и не пыталось подниматься на литературную высоту. Возникновеніе словацкой или словенской литературы, отдѣленіе Словаковъ отъ литературы чешской есть одинъ изъ любопытныхъ эпизодовъ славянскаго возрожденія, который представляетъ иногда близкую параллель съ развитіемъ литературы малорусской. Тамъ и здѣсь шелъ споръ о правѣ „нарѣчія“ на отдѣльную литературу; главная народность въ обоихъ случаяхъ считала языкъ частной народности „нарѣчіемъ“; напротивъ, частная народность утверждала, что это нарѣчіе есть „отдѣльный независимый языкъ“; въ обоихъ случаяхъ литературныя стремленія частной народности принимались въ главной народности всего чаще съ огорченіемъ или негодваніемъ, считались гибельнымъ „сепаратизмомъ“, измѣной цѣлому, а сепаратисты, настаивая на мѣстной литературѣ какъ на необходимости для перваго, ближайшаго возбужденія народной жизни, въ тоже время оказывали иногда гораздо болѣе ревностное стремленіе къ цѣльности все-славянской.

Имя *Словакъ*, какъ съ вѣроятностью полагають словенскіе писатели, было новѣйшимъ видоизмѣненіемъ древняго обще-племеннаго имени Славянинъ („Словѣнинъ“, какъ у Нестора, у монаха Храбра и пр.): словацкая женщина есть „Словенка“; страна Словаковъ есть „Словенско“¹⁾. Подобнымъ образомъ древнее племенное имя сохра-

¹⁾ Поэтому, народъ и языкъ называется *словенскимъ*, а не *словацкимъ*, какъ бы слѣдовало отъ «Словакъ» и какъ естественнѣе кажется по-русски. У насъ всего чаще и употреблялось прилагательное въ этой послѣдней формѣ, тѣмъ болѣе, что при этомъ избѣгается смѣшеніе съ Словинцами, которые также называются Словенцами;—но чтобы не расходиться съ обычной формой, употребляемой у самихъ Словаковъ и у Чеховъ, мы также примемъ прилагательную форму «словенскій».

нилось еще только у Словинцевъ (собственно, Словенцевъ, Славянъ хорутанскихъ). „Неудивительно, — говоритъ одинъ словенскій писатель-патріотъ, — что Словакъ, какъ только пробудится въ немъ народное сознаніе, тотчасъ чувствуетъ и сознаетъ себя Славяниномъ“ ... То-есть, хотя народъ словенскій давно и въ настоящую минуту крайне угнетенъ иноземцами и очень бѣденъ, — словенскимъ патріотамъ кажется, что Словакъ есть Славянинъ по преимуществу. „Тутъ, можетъ быть, помогаютъ и историческія воспоминанія, — замѣчаетъ тотъ же писатель: — Словаки прежде многихъ другихъ Славянъ приняли христіанство, именно православіе, и притомъ отъ славянскихъ апостоловъ, св. Кирилла и Меѳодія. У словенскаго народа, на его отечественной землѣ, святые братья положили первыя начала славянской литературы переводомъ св. Писанія. У Словаковъ при князѣ Ростиславѣ и королѣ Святополкѣ велико-моравскихъ возникло первое славянское государство. Можетъ быть, нынѣшній упадокъ словенскаго народа и его притѣсненіе сильными иноплеменниками, волею-неволею, развиваютъ въ немъ мысль, что только самосознаніе славянское, славянскій духъ и славянская помощь могутъ спасти его отъ непрерывныхъ преслѣдованій и конечной гибели. Человѣкъ словенскій, нельзя этого отрицать, глубоко чувствуетъ и вѣрить, что подъ чужимъ тысячелѣтнимъ ярмомъ онъ не утратилъ своей народности, не обратился въ Нѣмца и Мадьяра, только лишь благодаря многочисленности и силѣ славянскаго племени, преимущественно же русскаго народа, который вліялъ на его угнетателей, если не прямо и непосредственно, то однимъ своимъ грознымъ бытіемъ. Все это оказываетъ на Словака, человѣка словенскаго, то дѣйствіе, что онъ чувствуетъ себя не только Словакомъ, но вмѣстѣ и Славяниномъ“ ¹⁾.

Сильный патріотизмъ есть всегда немножко поэзія. Она присутствуетъ и въ приведенныхъ строкахъ. Но и писателямъ ино-славянскимъ словенскій народъ также представляется одареннымъ особыми задатками для выраженія идеи обще-славянской. Такъ относились къ нему особенно наши русскіе панслависты. Гильфердингъ еще въ концѣ пятидесятихъ годовъ, въ особенно тяжкую пору словенскаго движенія, при крайней неустановленности литературы, говорилъ: „словацкая литература представляется какимъ-то хаосомъ; но я не сомнѣваюсь въ томъ, что изъ этого хаоса выработаются плодотворныя начала“ ²⁾. Онъ чрезвычайно высоко цѣнилъ дѣятельность Штура, еще не зная того сочиненія, которое послѣ издано было по-русски Ламанскимъ. Послѣдній видѣлъ въ Словакахъ „едва ли не самое даровитое и наиболѣе намъ, Русскимъ, сочувственное племя“. „Ближайшіе со-

¹⁾ М. Д., «Словаки» въ Журн. Мин. 1868, авг., стр. 558.

²⁾ Les Slaves Occidentaux, или въ Собр. Сочин., т. II, стр. 78.

сѣди и друзья Угорской Руси, Словаки, служатъ посредствующимъ звеномъ между Русью и Мораванами и Чехами съ одной стороны, и черезъ свои многочисленныя и цвѣтущія поселенія въ средней Угрии, между Тисою и Дунаемъ, между Русью и Сербами и Хорватами съ другой стороны. Если русскому языку дѣйствительно суждено быть обще-славянскимъ дипломатическимъ языкомъ, то его распространеніе у Славянъ произойдетъ преимущественно черезъ Угорскую Русь и Словаковъ¹⁾.

Вопросъ о словенскомъ языкѣ понимается различно съ одной стороны Чехами, съ другой—Словаками. По мнѣнію перахъ, это „нарѣчіе“ есть оторванная вѣтвь чешскаго языка, и въ древнихъ памятникахъ послѣдняго (замѣтимъ, что чешскіе критики разумѣли въ особенности „Судъ Любуши“ и Краледворскую Рукопись) находится такое сходство съ нынѣшнимъ словенскимъ, что они являются просто разнорѣчіями одного діалекта; „простой Словакъ лучше бы понималъ старую чештину, нежели нынѣшній Чехъ“²⁾. Словенскіе писатели, напротивъ, охотно говорятъ объ отдѣльности и своего народа и языка, и самъ Шафарикъ въ „Исторіи славянскихъ литературъ“ считаетъ Словаковъ особымъ народомъ, на ряду съ Чехами и Полянами, говорить объ ихъ литературѣ отдѣльно и высказываетъ сочувствіе въ разработкѣ словенскаго языка въ особый литературный типъ³⁾, хотя впоследствии, въ „Народописѣ“, призналъ Словаковъ лишь вѣтвью чешско-словенскаго народа и ихъ языкъ нарѣчіемъ, а въ другомъ случаѣ, о которомъ скажемъ далѣе, высказался противъ отдѣльности ихъ литературы. Въ большой близости этихъ двухъ языковъ нѣтъ сомнѣнія,—но вмѣстѣ съ тѣмъ для справедливой оцѣнки словенскаго литературнаго „сепаратизма“ необходимо вниенуть въ порождавшія его условія...⁴⁾.

Древнѣйшая исторія словенскаго народа, по обыкновенію, „покрыта

¹⁾ Въ изданіи сочиненія Штура: «Славянство и мѣръ будущаго», предисловіе Лажанскаго, стр. V—VI.

²⁾ Slovník Naučný, ст. Slováci. Впрочемъ, такое мнѣніе высказывалъ уже Добровский; во 2-мъ изданіи «Исторіи чешской литературы», 1808, онъ говоритъ: «Das Slavakische würde ohnehin, wenn man geringe Verschiedenheiten der neueren Sprachen weniger beachtet, mit dem Altböhmischen zu einer Mundart zusammenschmelzen». Другая причина, почему Словакъ лучше понималъ бы старую чештину, состоитъ въ томъ, что она была, какъ увидимъ, у Словаковъ дѣлше вѣка церковнымъ языкомъ, а между тѣмъ новая чештина ввела много новыхъ образованій, въ старомъ языкѣ не существовавшихъ, а потому и Словакамъ чуждыхъ.

³⁾ Gesch. der slav. Sprache etc., 1826, стр. 388—389. Ср. Пича, Слав. Сборникъ. I, 150—151; II, 106.

⁴⁾ По исторіи, географіи и этнографіи Словаковъ см.:

— J. Rohrer, Versuch über die slavische Bewohner Oesterreichs. Wien, 1804.

— L. Bartholomaeides, Comitatus Gömöriensis notitia hist.-geogr.-statistica, въ Левочѣ 1808.

— Szarlovics, Gemälde von Ungern, 2 ч. Пешть, 1829, и какъ дополненіе къ этому: Ungarn's Vorzeit und Gegenwart verglichen mit jener des Auslandes, Pressburg, 1839.

— B. Pr. Čerwenak, Zrcadlo Slowenska (изд. М. I. Гурбаномъ). Пешть, 1844.

мракомъ неизвѣстности“. Полагаютъ, что Словаки вступили на свою нынѣшнюю землю съ конца V вѣка по Р. Х., по выходѣ отсюда Руговъ, Геруловъ и Гепидовъ. Въ тѣ вѣка Словаки вѣроятно дѣлили исторію другихъ отраслей племени, Чеховъ и Мораванъ, напр. въ эпоху монархіи Велико-Моравской; но граница Словаковъ отъ Мораванъ, до позднѣйшаго политическаго раздѣленія Венгрии отъ Морави, лежала, какъ думаютъ, не на ихъ нынѣшней границѣ, а гдѣ-либо въ срединѣ самой Морави, т.-е. Словаки распространялись тогда на западъ далѣе нынѣшняго. Тѣмъ же, или родственнымъ племенемъ была занята такъ-называемая Паннонія: по уничтоженіи Аварскаго царства Барломъ Великимъ, эту опустѣвшую землю заняли Словаки изъ-подъ Татръ и изъ Морави; здѣсь владѣли мораво-словенскіе князья, напр. Прибина, князь Нитрацкій, сынъ его Коцель, потомъ Святополь. На западномъ берегу Блатенскаго озера была, по чешско-словенскимъ историкамъ, въ IX вѣкѣ граница между варѣчіемъ хорвато-словинскимъ и варѣчіемъ Мораванъ и Словаковъ.

— Mikulaš Dohnaný, Historia povstania Slovenskoho z roku 1848. V Skalici, 1850.

— Slavomil Čekanovič, Stav a děje národu na zemi uberské. Прага, 1851.

— М. Д. (одинъ изъ извѣстныхъ словенскихъ писателей), Словаки и Словенское околѣ въ Угорщинѣ. Журн. Мин. Нар. Пр. 1868, августъ, стр. 555—645.

— Franz V. Sasinek, Die Slovaken. Eine ethnographische Skizze. 2-te revid. Auflage. Prag, 1875 (короткая, но поучительная брошюра). Другія сочиненія этого писателя указаны въ текстѣ.

— Словаки и Русскіе въ статистикѣ Венгрии. «Славянскій Сборникъ», I, 1875, стр. 621—626.

— Ладиславъ Пичъ, Очеркъ политической и литературной исторіи Словаковъ за послѣдніи сто лѣтъ. «Слав. Сборникъ», I, 1875, стр. 89—205; II, 1877, стр. 101—210.

— A. V. Šembera, Mnogo-li jest Čechů, Moravanů a Slováků a kde obývají (въ чешскомъ «Часописѣ» и отдѣльно). Прага, 1877.

— Г. А. Де-Волланъ, Мадыары и національная борьба въ Венгрии. Съ приложеніемъ этнограф. карты Венгрии. Спб. 1877.

— Slovník Naučný, статья Slováci.

— Joh. Borbia, Die evangelisch-lutherische Kirche Ungarns in ihrer geschichtlichen Entwicklung nebst einem Anhang über die Geschichte der protest. Kirchen in den deutsch-slavischen Ländern und in Siebenbürgen. Nördlingen, 1861.

— Исторія Австріи; книги по исторіи Венгрии, Фесслера, Майлата и пр.

— Agaton Giller, Z podrózy po slowackim kraju, 1876. Этой книги мы не имѣли въ рукахъ.

По азбуку:

— Бернолакъ; см. въ текстѣ.

— М. Гаулага, сочиненія котораго, сюда относящіяся, указаны выше.

— A. V. Šembera, Základové dialektologie československé. Вѣна, 1864.

— J. K. Victorin, Grammatik der slovakischen Sprache. 1860, 1862, 1865.

— Jos. Loos, Wörterbuch der deutschen, ungarischen und slovakischen Sprache. Пештъ, 1870.

По исторіи литературы:

— P. J. Schaffarik, Gesch. der slawischen Sprache und Literatur, 1826, стр. 370—398.

— Б. Таблиць, Poesie; Slovensti veršovci.—см. въ текстѣ.

— J. M. Hurban, Slovensko a jeho život literárni, въ Slovenskje Pohladi.

— Лад. Пичъ, въ статьяхъ, указанныхъ выше.

Христианство появляется въ словенской землѣ еще до половины IX вѣка, изъ нѣмецко-латинскаго источника; затѣмъ уже Меодій принесъ въ Паннонію славянскую литургію. Но литургія на народномъ или племенномъ языкѣ сохранилась не надолго и должна была наконецъ уступить латинской. *Великая Моравія* соединила славянскія силы ненадолго. Съ послѣднихъ годовъ IX вѣка начались нападенія Мадьяръ, и наконецъ въ 907 году битва при Пресбургѣ окончила существованіе Великой Моравіи. Въ половинѣ X вѣка земля словенская была отвоевана у Мадьяръ чешскимъ королемъ Болеславомъ (и въ 973 причислена, въ церковномъ отношеніи, къ основанному тогда пражскому епископству); въ 999, Моравія и „Словенско“ завоеваны были Болеславомъ Храбрымъ польскимъ, но по смерти его венгерскій король Стефанъ отнялъ у короля польскаго Мечислава „Словенско“, которое съ тѣхъ поръ (1026—31) и донинѣ принадлежитъ Венгріи. Исторія Словаковъ совпадаетъ далѣе съ исторіей венгерскаго государства. Послѣдней тѣнью національной независимости Словаковъ было время *Матвѣя Тренчанскаго*, который по прекращеніи династіи Арпада (въ 1301) неизвѣстнымъ образомъ овладѣлъ почти всѣми словенскими комитатами и независимо правилъ ими до 1312, когда былъ разбитъ Карломъ-Робертомъ. Съ Матвѣемъ Тренчанскимъ пали остатки словенской самостоятельности; народное преданіе сохранило его имя какъ послѣдняго представителя и защитника свободы (и православія); Мадьяры привыкли называть словенскую землю просто „землею Матвѣя“ (Mátyas földje).

При венгерскомъ господствѣ, отдѣльныя народности, составлявшія Венгрію, сохраняли однако свою свободу. Знаменитѣйшій изъ древнихъ устроителей Венгріи, король Стефанъ (святой) держался правила, что „государство съ однимъ языкомъ и одними нравами слабо и хрупко“¹⁾, и на этомъ основаніи принялъ для Венгріи народныя учрежденія Славянъ, въ особенности жупное, комитатное устройство, сохранившееся донинѣ; въ названіяхъ государственныхъ сановниковъ Венгріи легко узнать ихъ древній славянскій источникъ²⁾. Народности были равноправны, и въ томъ числѣ Славяне, тѣмъ болѣе, что родъ Арпадовичей вступалъ въ родственныя связи съ сосѣдними князьями и былъ сильно проникнутъ славянскою стихіей; словенскій народъ имѣлъ свое княжество Нитранское, управлявшееся начальниками

¹⁾ Знаменитыя слова, сказанныя имъ въ наставленіе сыну: «Nam unius linguae, uniusque moris regnum imbecille et fragile est», и далѣе: «Grave enim tibi est hujus climatis tenere regnum, nisi imitator consuetudinis ante regnantium exstiteris regum. Quis Graecus regeret Latinos graecis moribus, aut quis Latinus regeret Graecos latinis moribus?»

²⁾ Напр. «надворникъ»—мад. nádor (лат. палатинъ, comes palatii regii); «жупанъ»—мад. izráp; «товарникъ»—мад. tárnok (латино-мадьярское tavernicus regis); и друг.

изъ королевскаго рода. Послѣ прекращенія Арпадовской династіи, эти отношенія не измѣнились, между прочимъ и потому, что на венгерскій престолъ всходили и короли славянскіе, Чехи и Поляки. Съ другой стороны, встрѣча различныхъ народностей нейтрализовалась однимъ весьма существеннымъ обстоятельствомъ, именно официальнымъ господствомъ латинскаго языка. Языкъ побѣдителей, очевидно, трудно было организовать для новыхъ сложныхъ отношеній государственной жизни и образованности, и латынь, которая была языкомъ церкви и церковной школы, стала также языкомъ политическаго быта, законодательства, наконецъ даже языкомъ разговорнымъ. — Упадокъ общественно-политическаго значенія народностей начался только при Габсбургахъ; наконецъ равноправность стала терпѣть явный ущербъ, и съ законами 1790 положено было начало тому исключительному первенству мадыарскаго народа и отождествленію государственно-венгерскаго съ національно-мадыарскимъ, — которое послужило источникомъ уорной внутренней борьбы Венгрии въ новѣйшее время и причиной крайняго бѣдствія для словенской народности.

Связь Словаковъ съ Чехо-Мораванами, повидимому, не прерывалась. Однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ проявленій ея было въ срединѣ XV вѣка господство въ словенскихъ комитатахъ знаменитаго вондотьера *Искры изъ Брандиса*, и распространеніе здѣсь гуситства. Искра приглашенъ былъ королевой Елизаветой въ 1439 для защиты правъ ея малолѣтнаго сына Ладислава. Искра, передъ тѣмъ успѣшно воевавшій противъ Турокъ съ своими гуситскими ротами, сталъ дѣйствительно усерднымъ партизаномъ Ладислава, и въ борьбѣ съ его противниками, съ Яномъ Гуниадомъ, потомъ съ Корвиномъ, въ теченіе около двадцати лѣтъ оставался властителемъ словенской земли. Въ то же время и поддѣе сподвижники Искры и словенскіе вельможи правили болѣе или менѣе независимо разными краями „Словенска“. Это господство Искры историки объясняютъ именно славянскимъ характеромъ земли, гдѣ онъ утвердился, какъ вслѣдствіе того же характера словенскіе комитаты оказывали вліяніе на призывъ чешскихъ королей Ладислава и Людовика.

Ко временамъ Искры относится и утвержденіе *гуситства*. По мнѣнію словенскихъ историковъ, оно могло стать здѣсь прочно потому, что нашло для себя подготовленную почву—въ невымершемъ преданіи о старой народной церкви. Въ древности была здѣсь церковь славянская и она вѣроятно была уже сильно распространена ко временамъ св. Стефана; но рано началось и противодѣйствіе латинства. Историки венгерскіе ставятъ Стефану въ особую славу распространеніе „христіанства“; писатели чешско-словенскіе думаютъ, что, кромѣ обра-

шенія дѣйствительныхъ язычниковъ, его дѣятельность заключалась въ томъ, что онъ обращалъ въ латинство христіанъ славянскаго обряда, которые въ древнихъ венгерскихъ памятникахъ обозначаются именемъ „*pagani*“ (какъ въ русскихъ памятникахъ наоборотъ: „поганая“ латынь). Но привязанность къ обряду славянскому была такъ велика, что борьба изъ-за него продолжалась во все теченіе Арпадовскаго періода; и хотя послѣ того онъ большей частью уступилъ латинству, но память народа сохранила нерасположеніе къ послѣднему. Гуситство оживило старыя воспоминанія и множество церковныхъ книгъ, внесенныхъ гуситами, возбудило въ Словакахъ стремленіе къ національной церкви ¹⁾.— Первое знакомство Словаковъ съ гуситами относятся еще къ 1425—30 годамъ. Во время господства Искры гуситскія роты его и призванные чешскіе колонисты осѣлись въ разныхъ мѣстностяхъ „*Словенска*“; съ войсками и переселенцами пришли чешскіе священники, и при указанныхъ условіяхъ и при близости языка и народности гуситство распространилось между самими Словаками. Гоненія на Чешскихъ и Моравскихъ Братьевъ, Вѣлогорская битва привели новыхъ эмигрантовъ, и въ концѣ-концовъ богослуженіе на чешскомъ языкѣ стало у Словаковъ почти всеобщимъ. Позднѣе, когда распространялась Лютерова реформація, она естественно распространилась у Словаковъ (сохранившихъ при этомъ чешское богослуженіе) не только въ простомъ народѣ, но и между дворянствомъ, которое, между прочимъ, рассчитывало и на матеріальную выгоду при конфискаціи церковныхъ имуществъ. У Мадьяръ въ то же время распространился кальвинизмъ. Католицизмъ, конечно, не легко сдавался: на первыхъ же шагахъ лютеранство было осуждено ²⁾; но смутное положеніе Венгрии, завоеваніе большей доли ея (собственно мадьярскихъ комитатовъ) Турками (1541—1686) не давали католической реакціи развратиться во всей силѣ. Тѣмъ не менѣе реакція дѣйствовала такъ, что произвела возстаніе, въ которомъ политическіе интересы соединились съ религіозными. Вѣнскій миръ 1606, избирательный сеймъ въ Пресбургѣ 1608, миръ линцскій 1647, наконецъ *Toleranz-Patent* Иосифа II, и особенно законы 1790 положили конецъ религіозному преслѣдованію; протестантство было признано закономъ—хотя мелкія притѣренія католицизма и внутренній разладъ въ самомъ протестантствѣ не прекратились...

Несмотря на политическую равноправность народностей по старому венгерскому государственному праву, — на которой настаиваютъ словенскіе историки противъ венгерскихъ, — положеніе Словаковъ стано-

¹⁾ М. Д., въ Журн. Мнн. 1868, авг., 606.

²⁾ *Lutherani comburantur*, — постановленіе тѣхъ временъ, сохраненное въ *Corpus Juris Hungarici*.

вилось чѣмъ далѣе, тѣмъ тяжелѣе. Къ учрежденіямъ славянскимъ уже съ первыхъ вѣковъ венгерской исторіи присоединились учрежденія феодальныя, приведшія мало-по-малу къ полному порабощенію народнои массы: народъ венгерскаго государства раздѣлился на два слоя, между которыми легла цѣлая пропасть — одинъ слой былъ, по латинской терминологіи, *populus* (аристократія и всѣ, пользовавшіеся правами дворянства; какъ у Поляковъ „народомъ“, націей была только шляхта), и *misera contribuens plebs*, представлявшая всю остальную массу населенія. Одинъ *populus* имѣлъ политическія права: на сеймахъ засѣдало высшее духовенство, магнаты, дворянство. Мѣщане вольныхъ королевскихъ городовъ въ чертѣ своего города пользовались тѣми правами, какія имѣлъ дворянинъ; но относительно „столицы“, комитата, такой городъ считался за одного дворянина; относительно всей страны, въ государственномъ сеймѣ, всѣ вольные города вмѣстѣ имѣли только одинъ голосъ. Народъ, не упомянутый *populus*, а народъ настоящій—обреченъ былъ нести на себѣ всѣ тягости: и личныя повинности къ землевладѣльцу, и государственныя подати, и военную службу. Въ первое время подданные пользовались различными льготами, и ихъ положеніе было сносно; но мало-по-малу изъ ихъ подчиненности выросло представленіе, что земля есть собственность однихъ дворянъ ¹⁾, на которой крестьяне только терпимы. Съ золотой булы 1222 и до XVI вѣка не разъ повторялись законы о свободѣ переселенія крестьянъ—безъ сомнѣнія потому, что на дѣлѣ эта свобода была дворянствомъ нарушаема ²⁾. Угнетеніе народа повело къ крестьянскому возстанію въ южной Венгріи, которое кончилось свирѣпыми казнями, истребленіемъ нѣсколькихъ десятковъ тысячъ крестьянъ и новымъ законодательствомъ (1514 г.): свобода переселенія была отмѣнена окончательно, крестьяне стали въ полной мѣрѣ крѣпостными, съ обычной потерей гражданскихъ правъ. Это бѣдственное положеніе длилось до времени Маріи-Терези, при которой введено, въ 1766, такъ называемое урбаріальное положеніе: оно опредѣляло по крайней мѣрѣ количество земли, которымъ пользуются крестьяне, и повинности, какими они за то обязаны помѣщикамъ. Сеймъ 1836 года составилъ на этомъ основаніи формальный уставъ объ отношеніяхъ помѣщиковъ и крестьянъ. При томъ и другомъ случаѣ словенское и русское населеніе были обдѣлены въ разнѣрѣ земли, но не въ количествѣ обязательнаго труда.

Феодализмъ, прямо не касавшійся національныхъ отношеній, отразился однако и на нихъ самымъ рѣшительнымъ образомъ. Сословные

¹⁾ Выраженіе: *dominus terrestris* уже въ законѣ 1405 г.

²⁾ Въ XV вѣкѣ четыре раза самый законъ временно отмѣнялъ свободу переселенія,—каждый разъ на одинъ годъ.

интересы, т.-е. простыя матеріальныя выгоды, какъ обыкновенно, стали выше національныхъ; дворянство словенское отстало отъ своего народа, вошло въ венгерскій *porulus*, т.-е. въ венгерское дворянство, а потомъ мало-по-малу пристало и къ мадьярской народности. Словенскій народъ не имѣлъ въ своемъ дворянствѣ ни представителей своихъ, ни защитниковъ. Когда, съ прошлаго вѣка, началась намѣренная мадьяризація, дворянство, за рѣдкими исключеніями, стало въ рядъ „мадьяроновъ“, и въ числѣ такихъ, напр., графъ Зай былъ однимъ изъ сильнѣйшихъ и злѣйшихъ преслѣдователей своей же народности.

Чтобы перейти къ новѣйшему времени, надо указать еще два обстоятельства, имѣвшія вліяніе на судьбу словенской народности: на католическую реакцію противъ протестантства, и начавшееся съ конца прошлаго столѣтія движеніе мадьярской народности.

Католическая реакція обнаружилась здѣсь еще съ XVI вѣка, особенно съ появленіемъ іезуитовъ. Самымъ энергическимъ представителемъ ея явился, въ концѣ этого и въ первой половинѣ XVII вѣка Петръ *Пазманъ* (изъ кальвинистской семьи), ревностнѣйшій іезуитъ, архіепископъ Остригомскій. Онъ съ успѣхомъ возвращалъ въ католицизмъ магнатскія фамиліи; достигъ того, что императоръ издалъ указъ о возвращеніи католическому духовенству имѣній, захваченныхъ дворянствомъ въ эпоху реформаціи; основалъ въ Тернавѣ сначала школу для воспитанія дворянскихъ дѣтей, потомъ въ 1637 университетъ, гдѣ преподаваніе поручилъ іезуитамъ.

Первые успѣхи ободрили католиковъ, и они безъ церемоній принялись за католическую реставрацію; на насилія и протестанты отвѣчали насиліями, и религіозный вопросъ игралъ не послѣднюю роль въ венгерскихъ революціяхъ XVII вѣка. Дворъ въ Вѣнѣ смотрѣлъ не безъ удовольствія на усиленіе католицизма, но разныя обстоятельства вынуждали къ осторожности. Въ 1681 имп. Леопольдъ долженъ былъ подтвердить свободу исповѣданій, хотя опять съ нѣкоторыми предпочтеніями въ пользу католицизма. Этотъ законъ дѣйствовалъ до Іосифа II...

Въ 1773, Марія-Терезія закрыла іезуитскій орденъ и изъ его имѣній основала университетскій и учебный фондъ (католическій университетъ изъ Тернавъ переведенъ въ Пештъ); Іосифъ II закрылъ нѣсколько другихъ орденовъ, но преподаваніе въ католическихъ школахъ осталось въ рукахъ духовенства. „*Toleranz-Patent*“ Іосифа II и особенно законъ 1790 года ввели болѣе разумныя и спокойныя отношенія исповѣданій; это было многозначительнымъ поворотомъ, но къ сожалѣнію, какъ мы замѣчали, внутренніе раздоры въ средѣ самого

протестантства опять отзывались бѣдственно на судьбѣ словенской народности.

Такимъ образомъ, многократное повтореніе законовъ о вѣротерпимости съ XVI вѣка показывало, что ея недоставало, и дѣйствительно католицизмъ отвоевалъ тогда многое у протестантства, и вмѣстѣ у народности. Во второй половинѣ XVIII вѣка положеніе словенскаго народа сравнительно улучшилось: урбаріальное положеніе облегчило судьбу крестьянъ; лютеранская часть населенія получила ббльшую церковную автономію—въ этой части народа и оказалось потомъ наиболѣе живое національное движеніе...

Но съ конца XVIII вѣка у словенской народности явился новый, непримиримый и необузданный врагъ—мадьяризація.

Съ основанія государства, Мадьяры въ теченіе 800 лѣтъ жили среди другихъ національностей, ни разу не заявивъ притязанія на исключительное господство своей народности. Даже положительный законъ говорилъ о полномъ гражданскомъ равенствѣ племенъ (законъ Матвѣя II, 1608—1609 г.). Однимъ изъ главныхъ основаній этого равенства было господство латинскаго языка, который, какъ выше замѣчено, съ древняго времени, по невозможности политическаго и образовательнаго господства полудикаго языка въ средѣ болѣе развитыхъ народовъ, принятъ былъ Мадьярами какъ языкъ церкви и сталъ потомъ обычнымъ языкомъ не только въ школахъ, но и въ законодательствѣ, судѣ, управленіи, на сеймахъ, а у высшихъ классовъ даже сдѣлался языкомъ разговорнымъ. Во время реформаціи мадьярскій языкъ началъ было входить въ церковную жизнь и печать, но католическая реакція опять дала перевѣсъ латыни. Рѣзкій поворотъ наступилъ съ теоретическо-либеральными и централистическими планами Іосифа II. Изданный имъ законъ требовалъ, чтобы въ теченіе трехъ лѣтъ въ Венгріи во всѣхъ отправленіяхъ государственной жизни введенъ былъ нѣмецкій языкъ; комитаты протестовали противъ этой мѣры, изданной мимо сейма, и законъ, по трудности исполненія, вмѣстѣ съ другими нововведеніями (кромя патента о вѣротерпимости) былъ отмѣненъ... Но это дало толчокъ мадьярскому національному возрожденію. На сеймѣ 1792 года преподаваніе мадьярскаго языка объявлено обязательнымъ для среднихъ и высшихъ школъ, — чтобы впоследствии можно было набирать чиновниковъ изъ людей, знающихъ мадьярскій языкъ. Тревоги Наполеоновскихъ войнъ не давали развиваться внутреннему движенію, но въ половинѣ 1820-хъ годовъ вопросъ поднялся снова. Онъ поставленъ былъ на сеймѣ знаменитымъ, тогда молодымъ, графомъ Ст. Сечени, національный патриотизмъ котораго произвелъ сильное впечатлѣніе и положилъ начало дальнѣйшимъ національнымъ стремленіямъ мадьярства: уже въ 1827 осно-

вана была мадьярская академія, потомъ мадьярскій театръ, потомъ національные клубы... Вопросъ о мадьярскомъ языкѣ тотчасъ получилъ характеръ политическій. До сихъ поръ подъ „народомъ Венгріи“, который представлялся сеймомъ, понимались всѣ жители Венгріи безъ различія, пользующіеся политическими правами; но теперь, когда латинскій языкъ сейма и администраціи (національно-уравнивавшій или нейтрализовавшій племенные различія) сталъ замѣняться мадьярскимъ и сеймъ домогался окончательно утвердить послѣдній какъ языкъ государственный, прежнее равенство нарушалось, и мадьярской національности присвоивалось исключительное первенство и господство.

Вскорѣ дѣйствительно явился рядъ законовъ, утверждавшихъ это господство. Законы сеймовъ 1830, 1832—36, 1839—40 г. постепенно вводили мадьярскій языкъ въ управленіе, судъ, военныя и церковныя дѣла; сеймъ 1843—44 постановилъ введеніе преподаванія въ высшихъ и среднихъ школахъ на мадьярскомъ языкѣ; сеймъ 1848 распространилъ это правило и на школы народныя.

На первый взглядъ переměна казалась очень естественной и была бы совершенно естественна для земель собственно мадьярскихъ, какъ удаленіе страннаго остатка среднихъ вѣвовъ, какъ замѣна мертваго языка живымъ; но сеймы, представлявшіе только привилегированныя сословія, рѣшали безъ народовъ, а народы были лишены существеннаго права: именно, народы не-мадьярскіе могли пользоваться защитой закона и общественнымъ правомъ, церковью и школой, лишь зная мадьярскій языкъ и, слѣдовательно, пользовались бы ими не какъ граждане своего государства, а какъ Мадьяры. На практикѣ это оказалось тотчасъ, когда суды и административныя учрежденія перестали принимать бумаги, писанныя не на мадьярскомъ языкѣ... Рѣзкое введеніе мадьярскаго языка въ школу и церковь нарушало права народностей самымъ существеннымъ и чувствительнымъ образомъ.

Понятно, что съ яснымъ обнаруженіемъ этихъ тенденцій тотчасъ явилось сопротивление не-мадьярскихъ народностей, Сербовъ, Хорватовъ, Словаковъ. Послѣдніе отнеслись къ дѣлу различно. Католики, особливо духовенство, склонялись къ мадьярству: языкъ чешскій, употребляемый протестантскими Словаками въ церкви, былъ въ ихъ глазахъ еретическимъ, гуситскимъ, словенскій слишкомъ необработаннымъ и низкимъ; притомъ мадьярство представляло и выгоды матеріальныя. Иначе отнеслись протестанты, которые цѣлѣмъ вѣка держались чешскаго языка, какъ церковнаго, и не могли легко уступить своей народности. Открылась борьба между словенскими лютеранами и мадьярскими патриотами. Въ 1839 умеръ генеральный инспекторъ лютеранской словенской церкви; мадьяры успѣли, какъ говорятъ, вся-

кими неправдами провести на это мѣсто графа Зай, упомянутого выше. Зай былъ ревностнѣйшій мадьяроманъ, и его управленіе тотчасъ отозвалось пропагандой мадьярства въ церковныхъ дѣлахъ и преслѣдованіемъ патріотической чешско-словенской школы.

Мадьярское движеніе было довольно сложное. Съ одной стороны, оно носило идеи европейскаго либерализма: здѣсь оно становилось движеніемъ оппозиціоннымъ и наконецъ революціоннымъ, направленнымъ противъ застарѣлаго лицемернаго австрійскаго деспотизма; оно обнаруживало при этомъ большую энергію, которая получила признаніе и отъ славянскихъ писателей, даже самыхъ крайнихъ ¹⁾, и тѣмъ болѣе прославлялось въ Европѣ—имя Кошута было такъ же популярно, какъ имя Гарибальди. Но, съ другой стороны, въ мадьярскомъ движеніи была та національная исключительность, о которой мы говорили: о ней въ Европѣ знали мало, или совсѣмъ не знали, и Мадьяры остались героями, а потомъ страдальцами за свободу. Ихъ противники зачислены были въ лагерь ретроградный: вѣдь они защищали и мертвый латинскій языкъ, и гнилую австрійскую монархію,—но они защищали ихъ именно потому, что въ этихъ формахъ имъ представлялась единственная возможность національнаго существованія, а при мадьярскомъ либерализмѣ, допускавшемъ только мадьярскую свободу, ихъ національности могла предстоять только смерть. Австрія была для нихъ хоть какой-нибудь клинъ противъ мадьярскаго клина.

По мадьярской теоріи,—въ которой чрезвычайно наглядно выразилась вся грубая непривлекательность національной нетерпимости,—мадьярскія стремленія представляли дѣло цивилизаціи и гражданской свободы; сопротивленіе имъ теорія представляла какъ обскурантизмъ и косность. Такимъ образомъ, стремленіе Словаковъ оказалось ненавистнымъ для Мадьяръ вдвойнѣ — и какъ сопротивленіе къ политической власти и какъ вражда къ либеральнымъ идеямъ. Въ этой нелиберальной окраскѣ противомадьярское движеніе Сербо-Хорватовъ и Словаковъ осталось въ большинствѣ европейскихъ изложеній этого дѣла: славянское движеніе было ретроградное и „панславистическое“ ²⁾.

Графъ Зай, какъ мы замѣтили, стремился ввести мадьяризмъ и

¹⁾ Ср. Гильфердинга, Собр. Сочин., т. II, стр. 115; см. также К. Adamek, *Základu vývoje Maďarův*. Пр., 1879.

²⁾ Этого характера отношеній не поняли даже такіе просвѣщенные современные люди, какъ Герценъ, конечно, по недостатку знанія обстоятельствъ. Вслѣдствіи нѣкоторые славянофильскіе писатели негодовали на то, что въ венгерскую войну 1849 года русское офицерство, какъ извѣстно, чрезвычайно симпатизировало Венграмъ: этотъ фактъ объясняется разными причинами,—во первыхъ, тѣми же основаніями, которыя произвели изреченіе: *Węgier, Polak—dwa bratanki* etc.; во вторыхъ тѣмъ, что наше офицерство не имѣло никакого понятія объ отношеніяхъ этихъ симпатичныхъ Венгровъ къ единоплеменникамъ офицеровъ; но—при этомъ незнаніи—было съ другой стороны и понятное сочувствіе къ народу, боровшемуся за свою независимость противъ Австріи, которая у насъ не бывала популярна.

въ церковную лютеранскую жизнь или сдѣлать послѣднюю путемъ для распространенія мадьярства. Онъ рассчитывалъ достигнуть этого посредствомъ кальвинско-лютеранской *унии*: такъ какъ мадьярскіе протестанты были въ особенности кальвинисты, а словенскіе—лютеране, то унія должна была и здѣсь доставить формальное право для мадьярскаго первенства. Предложенія объ унии не встрѣтили у Словаковъ сочувствія; на церковныхъ „конвентахъ“ происходили враждебныя столкновения мадьярскаго и словенскаго патриотизма и церковности—здѣсь встрѣчались предводители обѣихъ сторонъ, какъ Кошутъ и Колларъ; графъ Зай открыто преслѣдовалъ словенскихъ профессоровъ и патриотическія студентскія общества въ Пресбургѣ и Левочѣ. Обращенія Словаковъ къ „королю“, т.-е. австрійскому императору, не имѣли никакого успѣха. Въ сороковыхъ годахъ національная борьба все болѣе и болѣе обостряется; мадьярство не останавливалось передъ насиліями; словенскимъ дѣятелямъ пришлось испытать самыя наглыя преслѣдованія. Между Мадьярами были, правда, просвѣщенные патриоты, которые возмущались этими насиліями, какъ упомянутый графъ Сечени, какъ извѣстный историкъ Венгринъ, графъ Майлатъ, — но ихъ увѣщанія объ умѣренности, объ уваженіи къ чужой народности были напрасны: ихъ не слушали. Возбужденіе росло, и кончилось мадьярскимъ возстаніемъ 1848—49 года противъ Австріи, и возстаніемъ Словаковъ противъ Мадьяръ ¹⁾).

¹⁾ Событія тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ произвели дѣльную полемическую литературу. Укажемъ нѣкоторые ея факты — отчасти общіе съ упомянутой прежде полемической литературой по поводу «иллиризма».

— Венгерскіе журналы сороковыхъ годовъ: Társalkodó, Századunk, Pesti Hirlap (изданіе Кошута), Athenaeum и пр.

— Schreiben des Grafen Carl Zay an die Professoren zu Leutschau. Leipz. 1841 (противъ письма гр. Зай, напечатаннаго въ Társalkodó).

— Гр. Зай, Protestantismus, Magyarismus, Slawismus.... (отвѣтъ на предыдущее).

— Thomas Világosváry (Jan Pavel Tomášek), Der Sprachkampf in Ungarn. Agram, 1841.

— Ungarische Wirren und Zerwürfnisse. Leipzig, 1842. (Объ книжкѣ противъ мадьяризма).

— Slawismus und Pseudomagyarismus. Leipz. 1842 (противъ брошюры Зай).

— (Люд. Штуръ). Die Beschwerden und Klagen der Slaven in Ungarn über die gesetzwidrigen Uebergriffe der Magyaren. Vorgetragen von einem ungarischen Slaven. Leipzig. 1843.

— Graf Leo v. Thun, Die Stellung der Slowaken in Ungarn. Prag, 1848 (полемика съ Пульскимъ).

— Vierteljahrschrift aus und für Ungarn. Herausgegeben von Dr. Emrich Henszlmann. Leipz. 1848, III тома (съ мадьярской стороны).

— Vertheidigung der Deutschen und Slawen in Ungarn, von C. Beda. Leipzig, 1848 (противъ Vierteljahrschrift).

— S. H.***, Apologie des ungrischen Slawismus. Leipz. 1848.

— Ludw. Stür, Das neunzehnte Jahrhundert und der Magyarismus. Wien, 1845.

— Der Magyarismus in Ungarn in rechtlicher, geschichtlicher und sprachlicher Hinsicht, etc. 2-te Aufl. Leipzig. 1848.

— M. M. Hodža V. D. M., Der Slowak. Beiträge zur Beleuchtung der slawischen Frage in Ungarn. Prag. 1848 (съ любознательными историческими фактами).

— Словенскія сочиненія указываются въ текстѣ.

Венгерское возстаніе заставило и словенскихъ патриотовъ выступить на открытую политическую борьбу: они приняли участіе въ славянскомъ съѣздѣ въ Прагѣ, вошли въ сношенія съ Сербами и Хорватами, съ баномъ Елачичемъ и, наконецъ, собравши волонтеровъ, имѣли свою долю и въ военныхъ дѣйствіяхъ противъ Мадырь. Но 1848-й годъ принесъ и словенскому народу извѣстную долю свободы: феодализмъ и крѣпостное право были уничтожены; подданные получили гражданскія права; для литературы наступила свобода печати.

Какъ и всѣ Славяне, возставшіе противъ Венгровъ въ защиту Австріи, Словаки не выиграли ничего въ своемъ политическомъ положеніи относительно мадырства. Десятилѣтіе реакціи послѣ усмиренія возстанія чужими, т.-е. русскими, руками сопровождалось упадкомъ движенія, которое послужило и для самой Австріи; но тѣмъ временемъ созрѣвали новые дѣятели словенскаго патриотизма. Въ 1860-хъ годахъ движеніе снова оживилось; въ 1861 основалась словенская „Матица“, обновилась литература и дѣятельность общественная,— но политически народность все еще остается беззащитной, и это обнаружилось, когда въ половинѣ 1870-хъ годовъ „Матица“, въ которой складывался центръ словенской народной образованности, была съ грубымъ насиліемъ закрыта мадырскими властями.

Главные событія словенской исторіи.

- У вѣкъ по Р. Х.—Предполагаемый приходъ Словаковъ въ ихъ нынѣшнюю землю, по удаленіи Руговъ, Геруловъ и Гепидовъ.
- 830—Князь Нитранскій Прибина. Присоединеніе области Нитры къ Великой Моравіи.
- 860—Первое упоминаніе, въ грамотѣ, Словенской земли.
- 870—Мееодій, архіепископъ Моравіи и Панноніи.
- 907—Нашествіе Мадырь. Паденіе Великой Моравіи; покореніе „Словенска“ Мадырами.
- 955—Завоеваніе Словенской земли отъ Мадырь Болеславомъ чешскимъ.
- 973—Основаніе пражскаго архіепископства, къ которому принадлежала земля Словаковъ.
- 975—Крещеніе венгерскаго короля Гейзы I.
- 999—Завоеваніе Моравіи и „Словенска“ Болеславомъ Храбрымъ польскимъ.
- 1000—Коронованіе Стефана (св.) королемъ венгерскимъ и основаніе архіепископства Остригомскаго, къ которому присоединена значительная часть земли Словенской.
- 1026—Стефанъ завоевалъ отъ польскаго короля Мечислава „Словенско“, которое съ тѣхъ поръ принадлежитъ Венгріи.
- 1222—Король Андрей II: Bulla Aurea, основаніе государственнаго устройства Венгріи.
- 1301—Смерть Андрея III, послѣдняго изъ династіи Арпадовской.

- 1312—Пораженіе Матвѣя Тренчанскаго Карломъ-Робертомъ и окончательный политическій упадокъ Словенской земли.
 1440—1453; 1458—1462. Искра изъ Брандиса; гуситы и гуситство въ землѣ Словаковъ.
 1513—Крестьянское возстаніе въ южной Венгріи.
 1514—Усмиреніе возстанія и полное закрѣпощеніе крестьянъ.
 1526—Сраженіе при Могачѣ. Венгрія раздѣлилась между Фердинандомъ I (начало Габсбургской династіи въ Венгріи), Іоанномъ Залольскимъ и Турками.
 1696—Карловицкій миръ. Окончательное возвращеніе венгерскихъ земель.
 1705—11. Императоръ и король венгерскій Іосифъ I.
 1712—40. Карлъ III (VI).
 1740—80. Марія-Терезія.
 1780—90. Іосифъ II.
 1790—92. Леопольдъ II.
 1792—Францъ I.
 1804—Начало австрійской имперіи.
 1835—Фердинандъ V.
 1848—Францъ-Іосифъ.

Отъ древней исторической поры, отъ временъ славянскаго богослуженія, у Словаковъ не сохранилось никакого письменнаго остатка: по преданію, славянскія церковныя книги сгорѣли при взятіи Нитры Матвѣемъ Тренчанскимъ ¹⁾. Старѣйшимъ памятникомъ словенскаго нарѣчія считаются церковныя пѣсни съ словенскими глоссами Вацлава Бзенецкаго, 1385 года ²⁾. Развитіе чешской образованности въ XIV вѣкѣ, какъ надо полагать, привлекало и Словаковъ въ чешскія школы; по крайней мѣрѣ племенная связь несомнѣнно обнаружилась въ движеніи гуситовъ въ словенскую землю. Приходъ ихъ составилъ эпоху въ религиозной и литературной жизни Словаковъ: съ гуситскими воинами и поселенцами пришли гуситскіе священники; между Словаками стало распространяться новое ученіе, и съ нимъ чешскія книги, которыя были имъ очень понятны: у нихъ была потомъ таже Кралицкая библія, канціоналы и религиозные трактаты. Чешскій языкъ сталъ съ тѣхъ поръ церковнымъ и книжнымъ языкомъ Словаковъ, и господство его продолжалось почти безраздѣльно до конца прошлаго и начала нынѣшняго столѣтія. У Словаковъ-протестантовъ чешскій языкъ есть и донныи языкъ библейскій, церковный; на немъ говорится проповѣдь; книги подобнаго рода печатаются до сихъ поръ даже съ стариннымъ правописаніемъ, у самихъ Чеховъ оставленнымъ.

¹⁾ Пичъ, въ Слав. Сборникѣ, I, стр. 100, прим. По его словамъ, въ послѣднее время членами мадырской академіи найдены нѣкоторыя славянскія грамоты, но скрываются ими. Ср. Slovník Naučný, s. v. Slováci, стр. 588. Чешско-словенскія грамоты идутъ съ XV—XVI вѣка.

²⁾ Slovník, тамъ же; Иречекъ, Rukověť, I, стр. 118.

Въ началѣ XVI вѣка, словенскіе протестанты приняли ученіе Лютера; Словаки отправлялись учиться въ Виттенбергъ, но богослуженіе на славянскомъ языкѣ сохранилось неизмѣнно. Гоненіе на Чешскихъ и Моравскихъ Братевъ и окончательное паденіе протестантства въ Чехіи послѣ Бѣлогорской битвы привело въ Словенскую землю новыхъ эмигрантовъ: Чешскіе Братья приносили свои книги, свою протестантскую ревность, заводили школы—чешскій книжный языкъ распространился еще болѣе.

Со введенія у Словаковъ чешскаго протестантства начинается и ихъ собственная книжная и образовательная дѣятельность. Съ XVI вѣка мы видимъ уже значительное число хорошихъ школъ: въ Рожнавѣ 1525 г., Бановцахъ 1527, Бардѣевѣ 1539, Левочѣ 1542, Штявницѣ 1560, Кежмаркѣ 1575, Зволенѣ 1576, Тренчинѣ 1582, Пряшевѣ 1594, Кошицахъ (Капау) 1597 и проч. Это были не только народныя и среднія, но иногда и высшія школы, гдѣ бывали учителями извѣстные словенскіе писатели и ученые; учительство бывало обыкновенно приготовленіемъ къ занятію церковныхъ должностей, и учителя нерѣдко бывали люди съ высшимъ образованіемъ, полученнымъ на родинѣ и за границей. Съ 1574 при главныхъ школахъ были введены типографіи. Старѣйшія извѣстныя чешскія книги, напечатанныя у Словаковъ: Лютеровъ Катихизисъ, изданный въ Бардѣевѣ, 1581, и Катихизисъ Пруна въ Фраштакѣ, 1581 или 1583.

Такъ какъ школа получила начало отъ религіозной партіи, и образованность развивалась въ ея духѣ и назначалась для ея цѣлей, то естественно, что и литература, отсюда происшедшая, особенно въ ту пору религіознаго возбужденія, имѣла всего болѣе характеръ религіозный; и если прибавить къ этому, что многіе изъ словенскихъ писателей по обычаю времени и страны писали по-латыни, то не мудрено, что эти вѣка, до второй половины XVIII столѣтія, представляютъ мало произведеній, любопытныхъ въ чисто литературномъ отношеніи. Обыкновенно, это — молитвенники, катихизисы, церковныя пѣсни, проповѣди и т. п. Притомъ время, XVI — XVII вѣка, было страшно тяжелое: нападенія Турокъ, междоусобная война между Фердинандомъ и Іоанномъ Запольскимъ, грозные законы противъ евангеликовъ мало способствовали дѣятельности литературной. Церковныя пѣсни, идущія съ тѣхъ временъ, проникнуты чувствомъ скорбнымъ, нищимъ помощи и освобожденія. Авторами такихъ пѣсенъ въ XVI столѣтіи были: Янъ Сильванъ (ум. 1572); Юрій Бановскій, ректоръ Жилинской школы (ум. 1561); священникъ Янъ Таборскій (ум. около 1576), Янъ Пруно изъ Фраштака (ум. 1586) и другіе, пѣсни которыхъ, писанныя по-чешски, находятся въ евангелическихъ сборникахъ. Къ этому времени относятся и нѣкоторыя пѣсни историче-

скія, напр. о Могачскомъ поражениі, о Николаѣ Зринскомъ при осадѣ Сигета 1666, о Мураньскомъ замкѣ и друг., но не столько народныхъ, сколько книжныхъ, какъ подобныя гѣсни у Чеховъ того времени, и писанныя опять по-чешски ¹⁾. Въ XVII вѣкѣ времена были еще болѣе тяжкія: внутренніе раздоры, междоусобія политическія, гоненія религіозныя не были благопріятны для успѣховъ просвѣщенія. Но мы видимъ еще нѣсколькихъ писателей, составляющихъ послѣдній отпрыскъ чешской гуситской литературы у Словаковъ. Такъ, кромѣ упомянутаго выше въ чешской литературѣ Лаврентія изъ-Нудожеръ, однимъ изъ лучшихъ духовныхъ поэтовъ той школы былъ здѣсь евангелической проповѣдникъ Юрій Трановскій (1591—1637), родомъ собственно изъ Силезіи: его „Cithara Sanctorum neb žalmu a písne duchovní staré i nové“ и проч. (въ Липтовѣ, 1635) принята была какъ церковный канціональ не только у Словаковъ, но также у чешскихъ, моравскихъ и силезскихъ евангелизовъ и отчасти донинѣ осталась церковной книгой словенскихъ протестантовъ. Въ „Цитарѣ“ было нѣсколько десятковъ гѣсень, переведенныхъ съ нѣмецкаго, и 150 написанныхъ или исправленныхъ самимъ Трановскимъ. Послѣ Библии, это была самая распространенная книга: съ 1635 г. она имѣла до двадцати изданій, постоянно размножавшихъ первый сборникъ. Ранѣе Трановскаго, какъ авторы церковныхъ гѣсень, извѣстны: Эліашъ Лани (1570—1618), евангелической суперинтендентъ, ревностно защищавшій свою церковь противъ Пазмана и іезуитовъ; позднѣе его Іоакимъ Калинка (1602—1678, Рожумберскій, ум. въ изгнаніи въ Саксоніи) и друг. Степанъ Пиларикъ (ум. 1678). „справца“ нѣсколькихъ братствъ и потомъ старшина, испытывшій много преслѣдованій за свою религію и всякихъ бѣдствій въ плѣну у Турковъ, между прочимъ описалъ въ стихахъ свои приключенія: „Sors Pilarikiana“ ²⁾. Далѣе, Даниль Горчичка (Sínarius), евангелической проповѣдникъ и плодовитый религіозно-поучительный писатель второй половины XVII вѣка; въ 1673 изгнанный изъ отечества религіознымъ преслѣдованіемъ, онъ провелъ десять лѣтъ въ Силезіи и Польшѣ, и первый у Словаковъ возымѣлъ мысли о необходимости обработки своего языка, о великомъ славянскомъ племени, о необходимости хранить свою народность и т. д. Изъ его трудовъ особенно любопытенъ Neoforum Latino-Slovenicum, 1678, гдѣ находится XXX декурій словенскихъ народныхъ пословицъ, и предисловіе, гдѣ изложены его мысли о достоинствѣ славянской національности.

¹⁾ Нѣкоторыя сохранились въ рукописяхъ; другія извѣстны только по заглавіямъ въ Канціоналахъ. См. Kollar. Nag. Zpiew., I.

²⁾ Въ Жилинѣ, 1666; другое изданіе: «Ponaúsné príhody» и проч., Богуслава Таблица, въ Скалицѣ, 1804.

Къ концу XVII вѣка дѣло образованности и литературы падаетъ подѣ неблагопріятными условіями политическими, и оживаетъ опять съ начала XVIII вѣка, благодаря нѣсколькимъ ученымъ писателямъ, посвятившимъ ему свои усилія. Таковъ былъ Матвѣй Бель (Belius, 1684—1749), одно изъ знаменитѣйшихъ лицъ въ исторіи словенской образованности и вмѣстѣ „magnum decus Hungariae“. Онъ учился сначала въ мѣстныхъ школахъ, потомъ въ Галле; вернувшись домой, былъ ректоромъ сначала гимназій въ Быстрицѣ, потомъ лицей въ Пресбургѣ (и здѣсь же евангелическимъ проповѣдникомъ) и далъ этимъ заведеніямъ великую славу. Это былъ большой ученый, знатокъ въ латинскомъ, нѣмецкомъ, чешскомъ и мадьярскомъ языкахъ, и главную славу прибрѣлъ своими латинскими сочиненіями по исторіи и географіи Венгріи ¹⁾. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ высоко цѣнилъ свой чешско-словенскій языкъ, и главнѣйшимъ его трудомъ въ этомъ отношеніи былъ пересмотръ Братской Библии вмѣстѣ съ Дан. Керманомъ (изданія: въ Галле 1722, 1745, 1766); онъ перевелъ также знаменитую книгу Іоанна Арндта „объ истинномъ христіанствѣ“ и пр. Сотрудникъ его, Даниль Керманъ (Kerman, 1663—1740), также учился за границей и былъ суперинтендентомъ въ Штявницѣ: онъ былъ латинскій писатель и чешско-словенскій стихотворецъ въ метрической формѣ. Какъ и Бель, онъ обращался въ славянскому прошлому и указывалъ на племенное единство Славянъ ²⁾. Онъ умеръ въ пресбургской тюрьмѣ послѣ 9-лѣтняго заключенія. Далѣе, въ ряду чешско-словенскихъ патриотовъ и писателей долженъ быть названъ Самуиль Грушковецъ (род. въ концѣ XVII в., ум. 1748): онъ учился въ Виттенбергѣ и былъ евангелическимъ проповѣдникомъ и суперинтендентомъ; въ литературѣ заслугой его считается новое изданіе „Цитары“ Трановскаго, размноженной до 1000 пѣсенъ, между прочимъ написанныхъ самимъ Грушковецомъ. Назовемъ наконецъ Павла Долежа, дѣйствовавшего въ половинѣ XVIII вѣка: онъ былъ авторомъ нѣсколькихъ латинскихъ грамматическихъ сочиненій о чешскомъ языкѣ, особенно *Grammatica Slavico-bohemica*, 1746, съ предисловіемъ Беля, въ которой приложенъ и сборникъ словенскихъ пословицъ; — и нѣсколькихъ сочиненій по-чешски.

Указанная сейчасъ литературная дѣятельность можетъ считаться, какъ мы замѣтили, продолженіемъ чешской гуситской и братской литературы;—она и говорила языкомъ послѣдней. Въ ней отражается

¹⁾ *Hungariae antiquae et novae prodromus*, Norimb. 1723, f°; *Notitia Hungariae novae historico-geographica*, 1735—42, 4 тома и начало 5-го, и проч. Кромѣ того, много учебниковъ для тогдашней латинской школы и религіозно-поучительныхъ книгъ.

²⁾ Въ рукописи осталось между прочимъ сочиненіе Кермана: *De Slavorum origine, dissertatio de rudibus historiarum eruta*.

также тогдашняя, особенно нѣмецкая, ученость, которую словенскіе протестанты почерпали прямо въ нѣмецкихъ протестантскихъ университетахъ; въ религиозности продолжается чешско-нѣмецкій піетизмъ. То и другое во всякомъ случаѣ дѣйствовало благотворно, внушая высшія нравственныя требованія, которыя словенскихъ писателей приводили прямо къ народному самосознанію. Къ сожалѣнію, дѣятельность ихъ была крайне отягощена политической слабостью словенскаго протестантства: Бель, Керманъ, Грушковецъ и много другихъ должны были испытать религиозное притѣсненіе. Поэзія этого времени также носитъ отпечатокъ времени: это—протестантское церковное стихотворство канціоналовъ и гезангбуховъ: религиозное чувство было безъ сомнѣнія искренне, но въ духовныхъ пѣсняхъ преобладалъ мистицизмъ, пересказанный прозаическими стихами.

Къ концу XVIII вѣка положеніе вещей улучшилось. Литературная и ученая дѣятельность, какъ мы видѣли, совершалась почти исключительно въ кругу протестантскаго духовенства, и для нея открылось именно больше простора, когда наступила большая вѣротерпимость, особенно заявленная патентомъ Іосифа II. Изъ числа ученыхъ и духовныхъ писателей второй половины XVIII вѣка могутъ быть названы: М. Голко (1719—1785), прилежный историкъ, оставившій въ рукописи нѣсколько латинскихъ сочиненій, а также собиравшій народныя пѣсни, вошедшія послѣ въ сборникъ Коллара; сынъ его также былъ ученый писатель, основатель Малогонтской бібліотеки, при которой составилось и ученое общество ¹⁾. Ладиславъ Бартоломейдесъ (1754—1825), ректоръ школы, потомъ евангелической проповѣдникъ, писавшій по-латыни, по-нѣмецки и по-чешско-словенски, книги нравственнаго, учебнаго содержанія, особенно латинскія книги по описанію Венгріи, составляющія важный источникъ. Михаилъ Инститорисъ Мошовскій (1733—1803), одинъ изъ ревностнѣйшихъ дѣятелей словенскаго протестантства и образованія, авторъ проповѣдей, духовныхъ пѣсенъ и пр. на чешско-словенскомъ языкѣ. Михаилъ Семіанъ (1741—1810), учившійся дома и въ нѣмецкихъ университетахъ Галле и Іены, проповѣдникъ и авторъ духовныхъ пѣсенъ, краткой исторіи Венгріи; онъ сдѣлалъ также новое пересмотрѣнное изданіе братской Библии, 1787. Андрей Плахій (1755—1810), опять проповѣдникъ, духовный стихотворецъ и также издатель научно-литературнаго сборника *Staré Noviny* (въ Зволени, 1785—86). Степанъ Лешка (1757—1818), проповѣдникъ и суперинтендентъ, духовный и свѣтскій стихотворецъ и словенскій патриотъ, который былъ уже въ

¹⁾ *Erudita societas Kis-Hontensis*, издававшая сборникъ своихъ трудовъ: *Solemnia Bibliothecae Kis-Hontensis*, гдѣ было напечатано и нѣсколько чешско-словенскихъ сочиненій. Ср. Коллара, *Nar. Zpiew.*, I, предисловіе.

своихъ сношеніяхъ съ Добровскимъ, Юнгманномъ и другими дѣятелями чешскаго возрожденія; между прочимъ, онъ составилъ сборникъ словъ, заимствованныхъ Мадырами изъ славянскаго и другихъ языковъ ¹⁾. Юрій Рибай (Ribay или Rybay, 1754—1812), еванг. проповѣдникъ, учившійся въ Іенѣ и собравшій обширную чешско-словенскую бібліотеку: онъ много работалъ надъ чешскимъ и словенскимъ языкомъ, но работы его остались въ рукописяхъ.

Такимъ образомъ во второй половинѣ XVIII столѣтія къ прежнему, почти только протестантско-пѣтистическому содержанію все больше присоединяются научные интересы—изученіе своей страны, исторія и обращеніе къ обще-славянскому племенному корню. На этомъ пути дѣятели словенскіе встрѣчаются и вступаютъ даже въ прямую, личную связь съ чешскимъ возрожденіемъ.

Но прежде чѣмъ перейти къ этимъ новымъ отношеніямъ, должно упомянуть о другой сторонѣ литературной жизни у Словаковъ, именно о дѣятельности Словаковъ католическихъ ²⁾. То, что мы говорили до сихъ поръ, было дѣломъ Словаковъ евангелическихъ и не относилось къ католикамъ. У послѣднихъ явилась своя литература, рассчитанная по инымъ образцамъ—католическаго ханжества. Въ Тернавѣ, средоточіи католической и іезуитской пропаганды, выходили книжки, какъ „Серафимское сокровище“, „Золотой источникъ вѣчной жизни“ (въ концѣ XVII в.) и т. п. Католическія книги стали отличаться отъ протестантскихъ и по языку. Католики считали еретическимъ, „гуитскимъ“, тотъ чешскій языкъ, который вообще принимали тогда словенскіе писатели-протестанты; поэтому католики рѣшили воспользо-ваться для своихъ книгъ языкомъ мѣстнымъ ³⁾. Началось произвольнымъ смѣшеніемъ чешскихъ и словенскихъ формъ и выраженій, а въ началѣ XVIII стол. католическій Словакъ Александръ Мачай (Macsay) издалъ свои проповѣди уже на довольно чистомъ словенскомъ языкѣ ⁴⁾.

¹⁾ Elenchus vocabulorum Europaeorum imprimis Slavicorum Magyarici usus. Пештъ, 1825.

²⁾ Припомнимъ цифры Словаковъ по вѣроисповѣданіямъ. Шафарикъ считаетъ всѣхъ Словаковъ до 2.750,000, изъ которыхъ 1.950,000 католиковъ и до 800,000 протестантовъ. Чернигъ сокращаетъ (несправедливо) дѣльную цифру до 1.780,000. По «Статист. Таблицамъ» при Этногр. Картѣ Пет. Слав. Ком., всѣхъ Словаковъ до 2.220,000, изъ которыхъ до 1.580,000 католиковъ и 640,000 протестантовъ. Сасинекъ (Die Slovaken, 2-е изд., стр. 18) считаетъ всѣхъ Словаковъ въ 3 милліона, изъ которыхъ 2 1/2 сплошного населенія, но въ цифрахъ по вѣроисповѣданіямъ (стр. 23) какая-то странная ошибка.

³⁾ Любопытно сравнить, что въ началѣ чешскаго возрожденія, уже въ нашемъ столѣтіи, чешскимъ патриотамъ приходилось ставить тотъ же вопросъ: Jazyk český hovoráků-li? и давать на него объясненія. См. Записки Юнгманна, въ «Часописѣ» 1871, стр. 273.

⁴⁾ Chleby prvotin neb kázání na nedele celého roku, въ Тернавѣ, 1718. Объ языкѣ этихъ проповѣдей ср. Slovník Naučný, в. в. Bernolak; Пичъ, въ Слав. Сборникѣ, I, 119.

Послѣ него опять продолжалась эта языковая путаница, которая должна была отдѣлить словенскихъ католиковъ отъ протестантовъ, и къ концу столѣтія это отдѣленіе стало уже опредѣленной сознательной тенденціей. Ее утвердили Іос. Игн. Вайза (1754—1836), книжная дѣятельность котораго относится къ 1788—1820 годамъ ¹⁾; Юрій Фандли (Jugo Fandly), также католическій священникъ, писавшій проповѣди, историческія и хозяйственныя книги и т. п. ²⁾; но въ особенности Антонинъ Бернолакъ (1762—1813). Католическій священникъ, Бернолакъ написалъ на словенскомъ языкѣ лишь два-три сочиненія, но главнымъ образомъ имѣлъ вліяніе рядомъ трудовъ грамматическихъ ³⁾, которые должны были формально опредѣлить словенскій языкъ католическихъ писателей. Онъ составилъ также обширный словенскій словарь, изданный уже послѣ его смерти. Способъ писанія, такимъ образомъ имъ установленный и получившій названіе *бернолачичини*, одно время былъ очень распространенъ. Эти стремленія создать особый литературный языкъ встрѣтили вообще большую поддержку въ католическомъ духовенствѣ; грамматика Бернолака принята въ основаніе. Въ 1793 въ Тернавѣ составился литературный католическій кружокъ съ цѣлью изданія книгъ на новомъ языкѣ, покупка которыхъ была обязательна для членовъ кружка. Въ противоположность ему образовался въ Пресбургѣ кружокъ протестантовъ, о которомъ скажемъ далѣе; впрочемъ, общество тернавское распалось еще до смерти Бернолака. Изъ числа католическихъ духовныхъ, шедшихъ путемъ Бернолака, могутъ быть названы: Войтѣхъ-Антонинъ Газда (ум. 1817), францисканскій проповѣдникъ, издавшій нѣсколько сборниковъ проповѣдей ⁴⁾; каноникъ въ Остригомѣ Юрій Палковичъ (1763—1835), большой покровитель бернолакистовъ, издававшій ихъ книги и самъ сдѣлавшій переводъ Библии по католическому тексту ⁵⁾; Александръ Руднай (de Rudna a Divék Uifalu, 1760—1831), съ 1819 князь-примасъ Венгрии, также покровительствовавшій словенской народности и писавшій проповѣди на словенскомъ языкѣ; при его содѣйствіи изданъ былъ важнѣйшій трудъ Бернолака, не напечатанный при

¹⁾ René mládenca príhodi a skúsenosti, 1783; Slovenská dvojnásobná epigramata, 1794; Veselé učinky a řečení. 1795 и пр.

²⁾ Důvěrná zmlouva mezi mnichom a diablom o prvých počátkách etc. rehoľnických, 1789; Z Jiřiho Papanka Historie gentis Slavicae vytaħ, 1793; Příhodné a svátečné kázne, 1795.

³⁾ Dissertatio philologico-critica de literis Slavorum, Posonii, 1787 (и при ней Linguae slavicae per regnum Hungariae usitatae orthographia); Etymologia vocum slavicarum, 1791; Grammatica slavica, 1790, при которой сборникъ пословицъ, изъ Долежала и самимъ Б. собранныхъ.

⁴⁾ Fructus maturi, t. j. zralé ovoce, 1796; Hortus florum, t. j. Zahrada květná, 1798, и др.

⁵⁾ Sväté pismo starého i nového zákona, podľa obecného latinského, od sv. Rimsko-Katolickej cirkvi potvrd'eného s priróvnánim gruntovného textu, въ Остригомѣ I, 1829; II, 1833.

жизни автора—словенскій Словарь ¹⁾. Но замѣчательнѣйшимъ католическимъ писателемъ, который считается уже славой цѣлаго народа, былъ Янь Голый (Holly, 1785—1849). Онъ прошелъ духовную католическую школу и кончилъ курсъ богословія въ Тернавѣ; въ 1808 онъ сталъ священникомъ, и большую часть своей жизни, 1814—43, провелъ въ селѣ Мадуницахъ, на Вагѣ, гдѣ буквально на лонѣ природы, подъ огромнымъ дубомъ въ сосѣдней рошѣ, предавался своимъ мечтаніямъ и поэзіи. Рядъ его произведеній начинается небольшимъ сборникомъ переводовъ изъ классическихъ поэтовъ и переводомъ Виргилиевой Энеиды ²⁾. Въ 1833 явилось его первое самостоятельное и главнѣйшее произведение—героическая поэма *Святотолкъ* (Swatopluk, wít'azská Báseň we dwańásti Spewoch). Въ 1835, слѣдовала героическая поэма въ шести пѣсняхъ *Кирилло - Меводиада* (Cirillo - Metodíada). Отдѣльныя стихотворенія Голаго являлись въ альманахѣ „Zora“, выходившемъ съ 1835 года. Въ 1841—42 вышло полное собраніе его сочиненій, изданное дѣйствовавшимъ тогда въ Пештѣ кружкомъ любителей ³⁾; сюда вошелъ и метрической „Katolickí Spewník“, въ тоже время изданный и отдѣльно. Въ 1846 вышелъ другой его сборникъ духовныхъ пѣсней, римованный. Въ 1863 году вышло собраніе избранныхъ сочиненій Голага, сдѣланное I. Викториномъ и посвященное „памяти совершеннаго въ 1863 тысячелѣтнаго празднества благополучнаго прихода Кирилла и Меводія до земель Словенскихъ“ ⁴⁾.

Янь Голый, извѣстнѣйшее имя въ словенской поэзіи, есть одна изъ весьма характерныхъ личностей славянскаго возрожденія. Всю жизнь онъ провелъ въ тихой обстановкѣ своего скромнаго положенія въ сельской фарѣ; вышедши изъ среды народа, онъ никогда не покидалъ своего края; онъ не имѣлъ иного литературнаго образованія, кромѣ того, какое дала духовная схоластическая школа,—отсюда объясняется складъ его поэзіи. Его положеніе католическаго священника внушило ему духовныя пѣсни; но затѣмъ въ его поэзіи владычествуетъ чувство народности, сложившееся въ тѣхъ мечтательный національно-славянскій патриотизмъ, который мы указывали въ новѣйшей чешской литературѣ и высшимъ выраженіемъ котораго была „Дочь Славь“. Для Голага

¹⁾ Slovar Slovenaký, Česko-Latinsko-Německo-Uherský: seu Lexicon Slavicum Bohemico-Latino-Germanico-Ungaricum, auctore Ant. Bernolák nobili Pannonio Szlanczeni. Budae 1825—27, шесть томовъ.

²⁾ Rozličné Bášne Hrdinské, Elegiacké a Lirické z Wirgilia, Teokrita, Homéra, Owidia, Tirtea a Hogasa. Тернава, 1824; Wirgiliowa Eneida, Тернава, 1828—обѣ книги печатаны швабахомъ, какъ и слѣдующая поэма. Всѣ они изданы были на счетъ «нѣкотораго любителя словенской литературы». Это былъ каноникъ Юрій Палковичъ.

³⁾ Bášne Jana Hollého. Widané od Spolku Milovníkow' Reči a Literaturi Slovenské. We štíroch zväzkoch. Пештъ, 1841—42. Съ биографіей писателя.

⁴⁾ Jana Hollého Spisy básnické. So životopisom etc. Пештъ, 1863.

эта „Слава“, воображаемая мать всего Славянства, была почти реальнымъ существомъ, а не романтической отвлеченностью; поэзія Голага не вышла изъ идеальнаго круга этой „Славы“ и почти исключительно направлена именно къ первымъ вѣкамъ Славянства, которые вмѣстѣ съ тѣмъ были первые вѣка его родины, единственные вѣка ея національной самобытности. Свой край онъ считаетъ средоточіемъ Славянства и своихъ земляковъ чистѣйшими его представителями. Онъ такъ и остался въ этомъ кругѣ: современныя стремленія, заботы и страданія Славянства для него какъ будто не существуютъ; его славянской патріотизмъ высказывается, какъ у Коллара, въ воспоминаніяхъ, въ олицетвореніи „Славы“—матери, плачущей надъ погibelью своихъ сыновъ. Таковъ именно, напр., „Pláč Matky Slávy“: мать Слава скорбитъ объ исчезновеніи ея многочисленныхъ дѣтищъ, которыя не только населяли земли Балтійскаго Поморья, гдѣ пожраны были Нѣмцами, но (по нѣсколько проблематическому убѣжденію патріотическихъ археологовъ того времени) населяли страну Рейна, Бельгію и Британію. Мать Слава вспоминаетъ радостныя для нея времена этого обилія ея сыновъ и плачетъ объ ихъ послѣдующей судьбѣ, — но она знаетъ причину этой судьбы: они погибли оттого, что были благодушны, мирны, справедливы, что не любили браней и насилія ¹⁾). Жизнь стараго Славянства представлялась поэту какъ мирная идиллія; они были утѣшены, потому-что ихъ враги были злые насильники... Это содержаніе можетъ казаться слишкомъ простодушнымъ; но въ то время въ западномъ Славянствѣ любили рисовать себѣ эту идиллію: вновь начинавшаяся національная поэзія обращалась къ обществу, едва выроставшему изъ непосредственности народной массы, и была этому обществу понятна; въ этой наивной поэзіи слышалась искренняя любовь къ своему народному, къ простотѣ и справедливости. Форма поэзіи Голага

1) Než čo do tak hroznej ubohých zahrušilo bíd?
 Dobrota jích vlastná záhubu t'ahla na nich.
 Ejhlá tichý, krotký, mírný a vždycky pokojný
 J všelikej prázný úhony védli život.
 Zrabali zem, pri vodách obchodné zdvihali mesta,
 Prichodzim ze svej strajali prace hody.
 Nikdy na patrácé cudzim neslačivali statky,
 Uspokojen každý vlasti sa darmit živil.
 Neznali zbroj, ľudských ocel'ou nezbijali končim
 Bezbožnými drahej mečmi ne ľali krvi.
 Prezpoľné si mocou poddávát' nechceli krajny;
 Len bez krivdy jatou vládali slušne zemou.
 Ze vlastnej ľudskú merajúci rovnoty rovnosť
 Mysleli, jak dobre mná, tak dobre mnivat' iných.
 Mysleli, jestli ku nim spravedelnosť, jestli porádný
 Mír zadržá, že pokoj mat' sami vždycky budú.
 A hľa to všetko čo jim k veľkej malo pochvale slúžic',
 Slúžilo k nešťast' u, slúžilo k bide čirej....

(Изд. Викторина, стр. 373—374).

была плодомъ его образованія: воспитанный на классикахъ, онъ цѣлкомъ взялъ форму классической эпопеи Гомера, Виргилія и Клопштока: онъ писалъ свои поэмы въ „пѣсняхъ“, стихомъ его былъ гекзаметръ и пентаметръ, и изрѣдка—другіе классическіе метры ¹⁾. Но, какъ ни искусственна и по формѣ зановодала была поэзія Голага, она стала общественнымъ фактомъ какъ заявленіе общаго и мѣстнаго славянскаго патриотизма: ее признали одинаково обѣ стороны словенскихъ патриотовъ, католики и протестанты: Голый сталъ поэтомъ національнымъ.

Возвратимся къ сторонѣ протестантской. Направленіе Бернолака имѣло, какъ мы видѣли, черты специально-католическія: оно не признавало для Словаковъ чешскаго литературнаго языка, съ которымъ соединялись и продолжались преданія гуситства и протестантства. Какъ съ католической стороны желали распространять Бернолаковъ способъ писанія, такъ протестантскіе Словаки настаивали на сохраненіи чешскаго преданія. Образовались двѣ опредѣленные партіи. Протестанты опасались, что раздѣленіе литературное будетъ для обѣихъ сторонъ вреднымъ ослабленіемъ національнаго единства, и въ свою очередь составили „общество чешско-словенской литературы и языка“ въ Пресбургѣ, съ цѣлью сохраненія чистоты и единства чешско-словенскаго литературнаго языка и для изданія народныхъ книгъ. Это было въ 1801: главными начинателями дѣла были Таблица, Гамальяръ, Бартоломеидесъ, Годра и другіе. Общество продержалось недолго вслѣдствіе тогдашнихъ смутныхъ обстоятельствъ и также личныхъ раздоровъ, но результатомъ его усилій было основаніе каеэдру чешско-словенскаго языка въ Пресбургскомъ лицѣ, которая стала потомъ опорой словенской литературы. Въ 1812, нѣсколько патриотовъ (тотъ же Таблица, Ловичъ, Рибай, Себерини) основали другое литературное общество—„горныхъ городовъ“, съ прежними цѣлями; оно также существовало недолго, издало нѣсколько книгъ и устроило каеэдру чешско-словенскаго языка въ Штявницѣ (Schemnitz). Каеэдру въ Пресбургѣ занялъ въ 1803 извѣстный потомъ дѣятель чешско-словенской литературы (другой) Юрій Палковичъ.

Богуславъ Таблица (1769—1832), евангелической проповѣдникъ, учился въ мѣстныхъ школахъ, потомъ въ Іенѣ. Онъ былъ однимъ изъ дѣятельнѣйшихъ писателей у Словаковъ на чешскомъ языкѣ. Кромѣ книжекъ нравоучительныхъ, церковныхъ и также практически полезныхъ для народа, главными трудами его литературными были:

¹⁾ Соотечественники поэта находятъ, что Голый «превосходитъ Клопштока и по содержанію своихъ стихотвореній, и по ихъ формѣ, приближаясь въ этомъ отношеніи къ Виргилію, *иногда* и къ Гомеру» (Слав. Сборн., I, 138). Это сравненіе, доказываемое дальше сравненіями, конечно, странно сопоставляетъ вещи, въ которыхъ нѣтъ ничего общаго кромѣ перенятой внѣшности.

„Poezie“ (Вацовъ, 1806—12, четыре части)—собрание стихотвореній; стихотворенія плохія, но книга имѣетъ большую цѣну по своимъ приложеніямъ, заключающимъ свѣдѣнія о словенскихъ писателяхъ съ XVI в. до начала XIX стол. ¹⁾; такую же историко-литературную важность имѣютъ „Slovenští Veršovci“ (Скалица, 1805, Вацовъ, 1809, 2 части), небольшой сборникъ изъ сочиненій старыхъ словенскихъ писателей. Впослѣдствіи Таблица издалъ также переводъ „Опыта о чловѣкѣ“ Попа и „Поэтики“ Буало.

Таблица нашелъ мѣсто въ поэмѣ Коллара (Slavy Dcera, Lethe, сонеты 48—49, по общему счету сонеты 435—436): Колларъ осуждаетъ его, что, бывши чловѣкомъ богатымъ, Таблица ничего не удѣлилъ для просвѣщенія своего народа. Въ комментаріяхъ къ своей поэмѣ Колларъ объясняетъ это осужденіе, и замѣчаетъ: „Таблица былъ великимъ любителемъ народа, но—и денегъ. Если кто, такъ онъ могъ оставить по себѣ вѣчную память у Словаковъ и Чеховъ“. Имѣнье Таблица перешло въ руки его мадыарскихъ родственниковъ; въ тѣхъ же рукахъ, говорятъ, погубла и обширная чешско-словенская бібліотека Таблица (Ср. Гурбана, Pohladi, I, стр. 92—95).

Юрій Палковичъ (1769—1850; надо отличать его отъ каноника Палковича, названнаго выше), протестантскій Словакъ, учился въ мѣстныхъ школахъ, потомъ въ Іенѣ; вернувшись домой, занимался преподаваніемъ и въ 1803, какъ упомянуто, получилъ основанную въ Пресбургѣ каеэдру чешско-словенскаго языка и литературы. Эту каеэдру Палковичъ занималъ до 1837, когда передалъ ее на время Штуру,—и содѣйствовалъ немало распространенію славянскихъ изученій въ ту первую пору „Возрожденія“. Онъ писалъ очень много (между прочимъ поучительныхъ и практически-полезныхъ книгъ для народа) и былъ ревностѣйшимъ защитникомъ чешскаго преданія,—до того, что упрямо спорилъ съ самими Чехами, отстаивая чистоту старо-чешскаго языка отъ всякихъ нововведеній, ее нарушавшихъ. Нормой для Палковича былъ языкъ Велеславина, и онъ вмѣстѣ съ Чехами Гнѣвковскимъ и Неѣдлыми вооружался противъ новой школы, вводившей новизны въ языкъ и правописаніи,—особливо противъ Юнгманна. Впослѣдствіи однако Палковичъ соединился съ Чехами новой школы, чтобы возстать противъ стремленій основать отдѣльную словенскую литературу. Наиболѣе извѣстны слѣдующіе труды его: „Muza ze slovenskýchъ hor“ (Вацовъ, 1801), сборникъ стихотвореній; „Známost vlasti uherské“ (Пресбургъ, 1804, одна 1-я часть), въ стихахъ; въ 1812—18, онъ издавалъ „Týdenník“, небольшой популярный журналъ; въ 1832—1847 онъ издавалъ другой журналъ—„Tatranka,

¹⁾ Paměti československýchъ básníkův aneb veršovcův, kteří buďto v uherské zemi se zrodili aneb aspoň v Uhřích živi byli.

spis pokračující rozličného obsahu, pro učené, přečtené i neučené“, гдѣ съ 1840 участвовали Штуръ и Гурбанъ. Въ 1808 году онъ издалъ въ новомъ пересмотрѣ чешскую Библию. Наконецъ, очень важнымъ трудомъ для своего времени былъ чешско-нѣмецко-латинскій словарь, съ добавленіемъ моравскихъ и словенскихъ идиотизмовъ ¹⁾).

Особенное возбужденіе народнаго чувства у Словаковъ произведено было двумя писателями, которые, оба Словаки родомъ, стали тогда сильнѣйшими дѣятелями въ области дѣлаго славянскаго Возрожденія. Это были Колларъ и Шафарикъ. Словенскіе историки не безъ основанія замѣчаютъ, что развитію этого общаго національнаго направленія содѣйствовало у обоихъ вліяніе той чистоты и непосредственности, съ какими славянская стихія хранилась въ ихъ родномъ племени. Въ самомъ дѣлѣ, Словаки, съ древнѣйшихъ временъ потерявшіе политическую независимость, оставались однако въ уединенномъ положеніи, при которомъ, особенно въ горныхъ краяхъ, могло сохраниться много свойствъ характера и быта нетронутыми чужеземнымъ вліяніемъ, такъ сильно бьющимъ въ глаза особенно у Чеховъ. Отсутствіе всякой мысли о возможности отдѣльнаго политическаго бытія дѣлало то, что національное стремленіе словенскаго патріота легко обращалось въ идеализированіе Славянства вообще: у нихъ не было, какъ у другихъ племенъ, прошлаго, исторически памятнаго, которое они могли бы разумно надѣяться возстановить, и весь пылъ народнаго чувства, который у другихъ шелъ именно на это, у нихъ обращался на патріотизмъ идеальный, на отечество все-славянское, на панславизмъ—въ томъ или другомъ смыслѣ и объемѣ. Мы упоминали, что у словенскихъ ученыхъ людей задолго до собственного начала „Возрожденія“ возникали мысли этого свойства. Точно также въ новѣйшее время самыя характерныя панслависты явились именно у Словаковъ: Колларъ, котораго „Дочь Славы“, „Славянская Взаимность“ прогремѣли по всему славянскому міру, — какъ чуть ли не единственная, истинно все-славянская, поэтическая реставрація національнаго единства; Шафарикъ, который столь же все-славянскимъ образомъ реставрировалъ славянскую древность, собралъ исторію славянской литературы и считалъ этнографически славянскія племена;—таковъ же, нѣсколько позднѣе, былъ культурно-политическій и литературный панславистъ Людевитъ Штуръ, о которомъ скажемъ далѣе.

Ни Колларъ, ни Шафарикъ вообще не думали объ отдѣльной словенской литературѣ; тому и другому словенскій народъ казался только

¹⁾ Böhmisches-deutsch-lateinisches Wörterbuch mit Beifügung der dem Slowaken und Mährer eigenen Ausdrücke und Redensarten. Прага, 1820; Пресбургъ, 1821, 2 части.—Замѣтимъ еще нѣмецкую брошюру: Bestreitung der Neuerungen in der böhmischen Orthographie, 1830.

составной частью чешского племени. Шафарикъ, въ письмахъ къ Коллару, 1821—23 г., не разъ высказывается противъ отдѣльности словенскаго литературнаго языка отъ чешскаго ¹⁾; онъ вспоминаетъ о тѣсной связи Словаковъ съ Чехами по религии и по языку во времена гуситства, — оттого-то евангелическіе Словаки до сихъ поръ держатся чешскаго языка, а католики отвергаютъ его ²⁾; и онъ предпочитаетъ старыя связи. Отдѣльность словенской литературы не приходила ему въ мысль потому уже, что онъ вообще весьма мрачно смотрѣлъ на будущее своего роднаго племени ³⁾. Тѣмъ не менѣе труды Шафарика и Коллара содѣйствовали именно сепаратнымъ стремленіямъ словенскихъ патриотовъ. Они подѣйствовали не только на общее славянское чувство, — которое особенно возбуждала поэма Коллара, но и на мѣстный словенскій патриотизмъ. Въ первое время у самого Шафарика была мысль о большой особности своего племени. Въ „Исторіи славянскихъ литературъ“ онъ посвятилъ особый отдѣлъ исторіи, языку и литературѣ Словаковъ; не требуя для нихъ особой литературы, онъ требовалъ однако, чтобы въ общемъ съ Чехами литературномъ языкѣ дано было должное вниманіе особенностямъ словенскаго нарѣчія ⁴⁾. Шафарикъ и Коллару принадлежитъ и главнѣйшая заслуга въ первомъ изученіи словенской народности. Выше мы говорили, что однимъ изъ первыхъ трудовъ Шафарика въ изученіи Славянства было изданіе словенскихъ пѣсенъ (1823—27), повторенное и очень размноженное послѣ Колларомъ (1834—35).

Въ связи съ Шафарикомъ и Колларомъ дѣйствовалъ Карлъ Кузманн (1806 — 1866), одинъ изъ самыхъ заслуженныхъ словенскихъ патриотовъ. Учившись дома, потомъ въ нѣмецкихъ университетахъ, онъ былъ позднѣе профессоромъ евангелической теологіи въ вѣнскомъ университетѣ и супер-интендентомъ Пресбургскаго округа и принималъ ревностное участіе въ политическихъ дѣлахъ и литературѣ своего народа. Онъ писалъ много для народа, и въ 1836—38 издавалъ, на чешскомъ языкѣ, въ Ваньской Быстрицѣ небольшой журналъ „Нронка“.

¹⁾ См. «Часопись», 1873, стр. 121—132.

²⁾ V XVI stol. byli i Cechové i Slováci naši zaroven novo- či pravověrci. Drahá to památka! Není li ku podivu, že i dnes Evang. Slováci češtiny se přidají, katojičtí jí zavrhují! Arciže ta kovaná čeština v XV a XVI století husitsko-evangelická jest. Тамъ же, стр. 389.

³⁾ «Я не имѣю причинъ, — говоритъ онъ въ письмѣ 1824 г. — передъ вѣрными и искренними друзьями своими таиться съ тѣмъ, что явно стоитъ предъ моею мыслью и душой, т. е. что я не имѣю совсѣмъ никакой надежды, чтобы между нашими угорскими Словаками когда-нибудь было лучше. Моему сердцу очень больно, что этого убѣжденія я не могу опровергнуть никакимъ разсужденіемъ: что ни привожу себѣ на мысль противъ него, все обращается на его подтвержденіе. — Если вы думаете иначе, то благо, благо вамъ; а, къ сожалѣнію, никогда не могу сравняться съ вами въ этомъ счастьѣ» (Тамъ же, стр. 388).

⁴⁾ См. предисловіе къ «Pjansé světské», 1823, и Geschichte der slaw. Sprache und Literatur, стр. 389—390.

гдѣ, между прочимъ, въ первый разъ появилась статья Коллара о славянской литературной взаимности.

Въ тридцатыхъ годахъ, какъ мы выше упоминали, стало въ особенности усиливаться мадыарское національное движеніе, и параллельно съ нимъ возникаетъ народная реакція: какъ было въ это время у Сербо-Хорватовъ, такъ начиналось теперь особенное оживленіе и въ словенской литературѣ. Національныя теоріи „возрожденія“ вполне ему благоприятствовали. Словенскіе патриоты, предпринявъ защиту національныхъ правъ своего народа, въ концѣ-концовъ не удовольствовались чешскимъ славянствомъ своей литературы и стали настаивать на ея специально-словенскомъ характерѣ, — хотѣли быть не „Чехо-Словаками“, а именно и исключительно Словаками. Такимъ образомъ сепаратизмъ, заявленный ранѣе съ католической стороны, теперь былъ заявленъ по другимъ основаніямъ и протестантами.

Въ началѣ, протестантско-словенскіе патриоты держались еще на прежней чешско-словенской почвѣ, и только послѣ, когда самое движеніе стало бросать болѣе крѣпкіе корни въ обществѣ, они стали искать для него и формы чисто-народной, и пришли къ литературному сепаратизму.

Подъ влияніемъ возбужденія, внесеннаго трудами Коллара и Шафарика, въ словенскомъ молодомъ поколѣніи стала развиваться интересъ къ изученію Славянства. Съ конца 1820-хъ годовъ при лицеяхъ и гимназіяхъ образуются въ средѣ молодежи литературныя общества; главнымъ было то, которое устроилось при славянской кафедрѣ въ Пресбургѣ; другія были въ Левочѣ, Прашевѣ, Кежмаркѣ и др. Это пресбургское общество оставило въ особенности слѣдъ въ развитіи словенской литературы. Члены общества, изъ академической молодежи, подъ руководствомъ Палковича не только сами занимались изученіемъ Славянства, но старались объ открытіи другихъ подобныхъ обществъ и поддерживали съ ними сношенія. Различія вѣроисповѣднннхъ уже не дѣлили молодого поколѣнія патриотовъ.

Въ то же время интересъ къ литературѣ собиралъ Словаковъ въ общества и внѣ школы. Таково было литературное общество, основанное въ 1834, въ Пештѣ, словенскимъ патриотомъ Мартиномъ Гамульякомъ (1789—1859) для разработки словенскаго языка и литературы. Цѣль общества вызвала большое сочувствіе въ католическомъ духовенствѣ; въ немъ приняли участіе даже епископы, — хотя председателемъ общества былъ протестантъ Колларъ. Общество въ десять лѣтъ существованія издало четыре тома альманаха „Зора“ (1835, 1836, 1839, 1840), собраніе сочиненій Голаго, и друг. Участниками „Зори“ были Голый, Гамульякъ, Годра, Желло и другіе ¹⁾. Прес-

¹⁾ Послѣдній издалъ также отдѣльно книжку своихъ стиховъ: *Bávné od Ludowjta*

бургскіе студенты (Само Халупка, Людевитъ Штуръ, М. Годжа, Гросманъ и др.) также издали собраніе своихъ стихотвореній: „Plody zboru učenců řeči českoslowenské Prešporského“, 1836, опять въ панславянскомъ духѣ Коллара.

Между тѣмъ, Мадыары, которые вели тогда упорно свою собственную пропаганду, заподозрили словенское движеніе и въ 1837 на мѣстничество закрыло студентскія литературныя общества. Онѣ перестали существовать формально, но словенское юношество продолжало идти въ томъ же направленіи, руководимое ревностными патриотами. Въ Пресбургѣ, въ 1837, назначенъ помощникомъ къ Палковичу знаменитый потомъ Людевитъ Штуръ, одинъ изъ главныхъ дѣятелей только-что закрытаго общества; когда онъ отправился въ 1838 въ Галле для дополненія своего ученаго образованія, его замѣнилъ на время, 1838—39, другой патриотъ Прав. Червенакъ; съ 1839, опять возвратился Штуръ. Въ Левочѣ дѣйствовали подобнымъ образомъ профессоръ Михаль Главачекъ, и др.

Беньяминъ-Православъ Червенакъ (1816—1842), учившійся дома, потомъ въ Галле, былъ однимъ изъ горячихъ приверженцевъ своей народности. Изъ его трудовъ изданы были: книжка о церковной исторіи, передѣланная съ нѣмецкаго и дополненная церковной исторіей славянской (изд. безъ его имени, 1842), но въ особенности Zrcadlo Slowenska, на чешскомъ языкѣ, изданное по его смерти М. Гурбаномъ (Пештъ, 1844), съ обширнымъ введеніемъ и биографіей Червенака. Въ рукописи осталась исторія Славянства, написанная имъ для пресбургскихъ лекцій. „Зерцало“ заключаетъ въ себѣ свѣдѣнія о древнѣйшей эпохѣ Словаковъ, о старой языческой мнѣологіи, краткій обзоръ дальнѣйшей исторіи, замѣчанія о характерѣ Славянъ и въ частности Словаковъ, наконецъ о положеніи Словаковъ въ новѣйшее время подъ мадыарскимъ гнетомъ. Въ этомъ послѣднемъ отдѣлѣ (стр. 98 — 126) есть любопытные факты, которые могутъ послужить исторіку Словаковъ для картины тогдашнихъ отношеній.

Въ 1840, участники литературнаго кружка въ Левочѣ издали, подъ руководствомъ Главачка, небольшой альманахъ, гдѣ собраны были образчики ихъ литературныхъ трудовъ (Gitřenka čili výbornější práce učenců Česko-Slovenských A. W. Lewočských); и на этотъ разъ стихи студентовъ были исполнены воззваніями о славянскомъ братствѣ, взаимности, о будущей славѣ. Мадыарскія газеты указывали здѣсь возбужденіе ненависти къ мадыарству и угрозу. Графъ Зай поднималъ оффициальный вопросъ, съ формальными обвиненіями противъ левочскихъ профессоровъ. Отсюда возникла цѣлая полемика, которая велась въ мадыарскихъ и нѣмецкихъ газетахъ и брошюрахъ; со стороны Слова-

šellá. Пештъ, 1842,—на чешскомъ языкѣ. Это — главнымъ образомъ — повтореніе патриотическихъ и панславянскихъ темъ Коллара, иногда довольно удачное.

ковъ выступили въ ней особенно Чапловичъ, Штуръ, Годжа, Гурбанъ... Надъ Штуромъ въ 1843 назначено было слѣдствіе, и онъ былъ удаленъ съ кафедръ. Словенскіе студенты хлопотали объ его возвращеніи, и когда ихъ старанія остались безуспѣшны, они покинули Пресбургъ и, переселившись въ Левочъ, снова собрались здѣсь въ литературный кружокъ; вскорѣ однако и онъ былъ закрытъ властями. Черезъ нѣсколько времени славянскіе студенты Пештскаго университета подали намѣстнику просьбу объ учрежденіи кафедры славянскихъ языковъ; просьба осталась, конечно, безъ исполненія, и надъ студентами, совершившими эту дерзость, начато было слѣдствіе.

Въ такихъ условіяхъ требовались особыя усилія для борьбы съ мадьярствомъ, и дѣятельность патриотовъ приняла въ особенности два направленія: съ одной стороны шла, насколько было возможно, открытая политическая борьба противъ мадьярскихъ притязаній, о которой мы выше говорили,—защита своего права у вѣнскаго правительства, оказавшагося безсильнымъ, въ нѣмецкой печати (брошюры Штура, Годжи и др.); борьба въ церковныхъ дѣлахъ—противъ предлагаемой гр. Заемъ уни, и т. д.; и съ другой стороны, выросло окончательно стремленіе создать особую литературу на народномъ языкѣ—словенскомъ.—Извѣстно, чѣмъ разразились, наконецъ, политическія и національныя стремленія Мадьяръ. Словенскіе патриоты давно чувствовали, что дѣло идетъ къ революціонному столкновенію, и стали противъ мадьярскаго движенія: хотя лозунгомъ движенія мадьярскаго была „свобода“, и хотя сами Словаки успѣли ею отчасти воспользоваться (отмѣна крѣпостного права, свобода печати),—но вообще условіемъ „свободы“ ставилась мадьяризація. Словенскіе вожаки стали на сторону вѣнскаго правительства ¹⁾, и когда вспыхнула венгерская революція, они сами—книжные люди, профессора, священники—стали во

¹⁾ Упомянутый Червенакъ писалъ еще въ 1842 году: «Говорятъ: «будьте Мадьярами, потому что только съ этимъ между нами процвѣтетъ свобода и просвѣщеніе», или если сказать точнѣе, «только съ этимъ Венгрія можетъ отторгнуться отъ двора австрійскаго и стать самобытнымъ и славнымъ въ Европѣ». Но изъ всего ясно, что Мадьяры хотятъ этой свободы только для себя, потому что Словакамъ дѣлать что-нибудь подобное для себя не свободно... Но изъ всѣхъ этихъ толковъ ничего много не вытекаетъ, какъ только то, что подобныя ренителіи желаютъ себѣ необузданности и такого положенія вещей, гдѣ бы надъ ними не было никакой власти и никто высшей и сильнѣйшей не велъ бы къ общественному порядку и повиновенію... Что это за друзья свободы и просвѣщенія, которые напримѣръ такъ косятся на обработку словенскаго языка и словенскія книги, которые хотятъ насильно соединить евангелическихъ Словаковъ съ кальвинистами и только такъ, чтобы они сначала помадьярились?—О бѣдная, бѣдная та свобода, поворная и имени своего недостойная самобытность и жалкое просвѣщеніе, которыя могутъ быть достигнуты только съ измѣной королевскому, по праву владѣющему дому, только съ лишеніемъ шести милліоновъ людей (т. е. не-мадьярскихъ жителей Венгріи) ихъ прирожденныхъ правъ, данныхъ имъ отъ Бога, въ теченіе тысячи лѣтъ не тронутыхъ королями и земскою властью, и среди столькихъ смутъ, потрясеній и колебаній отечества заботливо до нихъ сохраненныхъ!» (Zrcadlo, стр. 104—105).

главѣ вооруженнаго возстанія своего народа противъ Мадьяръ. — Къ этому нужно было готовить свой народъ, нужно было пробуждать самосознаніе въ массахъ, и чтобы говорить съ народомъ для него понятно, надо было говорить его языкомъ—здѣсь главное основаніе того сепаративнаго движенія, которое рѣзко заявилося у Словаковъ предъ 1848 г. и противъ котораго чешскіе писатели возстали, какъ противъ національной измѣны.

Не входя въ подробности этой политической борьбы, обратимся къ дѣятелямъ литературнымъ, которые, какъ сказано, были часто и руководящіе дѣтели политическіе.

На первомъ планѣ стоитъ имя Людевита Штура. Онъ родился въ 1815, въ Угровцахъ, въ Тренчанской стѣлицѣ, въ семьѣ евангелической, учился въ раабской гимназій, потомъ въ пресбургскомъ лицей, гдѣ товарищами его были старшій братъ его Карль, впоследствии также извѣстный, какъ словенскій патриотъ и писатель; Само Халупка, и гдѣ нѣсколько позднѣе учились Гурбанъ, Годжа и другіе дѣтели словенскаго возрожденія. Пресбургскій лицей, какъ уже мы замѣчали, былъ главнымъ питомникомъ словенскаго литературнаго и патриотическаго движенія. Штуръ былъ натура пламенная и, подъ вліяніемъ сочиненій Шафарика и Коллара, сталъ однимъ изъ ревностнѣйшихъ участниковъ пресбургскаго академическаго кружка. Въ этомъ обществѣ, подъ руководствомъ Палковича, вице-президентомъ былъ сначала Само Халупка, потомъ Штуръ. Въ 1837 онъ сталъ помощникомъ Палковича на кафедрѣ, въ 1838 — 39 учился въ Галле, затѣмъ снова вернулся въ Пресбургъ. Онъ былъ душою студентскаго общества въ лицей и приобрѣлъ большое вліяніе на словенскую и сербскую молодежь, пробуждая въ ней народное чувство. Но его блестящая профессура была непродолжительна; въ 1843 онъ уже былъ вынужденъ оставить кафедру. Это окончательно обратило его къ литературѣ. Штуръ еще ранѣе принималъ участіе въ чешскихъ журналахъ, какъ „Květy“, „Vlastimil“, и въ словенскихъ изданіяхъ на чешскомъ языкѣ, какъ „Hronka“, „Tatranka“. Теперь онъ издалъ въ Лейпцигѣ названныя выше книжки на нѣмецкомъ языкѣ въ защиту правъ словенскаго народа противъ мадьярскихъ нападеній; принялъ дѣятельное участіе въ новомъ патриотическомъ обществѣ „Татринъ“, которое основалось въ 1844, подъ предсѣдательствомъ Годжи и поставило себѣ цѣлью содѣйствовать всѣми законными путями литературному и экономическому образованію словенскаго народа ¹⁾. Общество искало себѣ покровительства въ вѣнскомъ правительствѣ, но от-

¹⁾ О Татринѣ см. Гурбана, Pohladi, 1851, ч. II, стр. 54—58; Годжи, Dobro slovo Slovaikom, 1847.

ношенія были такъ запутаны и натянута, что словенскіе патриоты съ величайшимъ трудомъ могли повести свои патриотическія предпріятія. Еще въ первыхъ сороковыхъ годахъ они хлопотали о разрѣшеніи словенской газеты. До сихъ поръ словенскіе патриоты не имѣли никакого органа, для защиты интересовъ своей народности: приходилось печатать нѣмецкія брошюры въ Лейпцигѣ, писать въ Allgemeine Zeitung, въ хорватскихъ газетахъ: но если этимъ путемъ можно было отчасти отвѣтить противникамъ, то невозможно было ознакомить свой народъ съ положеніемъ его дѣлъ. Газета на своемъ языкѣ была необходима. Штуръ добился наконецъ ея разрѣшенія, хотя съ разными ограниченіями, и съ августа 1845, подъ его редакціей, стали выходить Slovenské národné Noviny, съ литературнымъ приложеніемъ „Ogól Tatranski“. Когда газета была въ первый разъ задумана, Штуръ и его друзья держались еще чешскаго книжнаго языка, но въ кружкѣ „Татрина“ уже вскорѣ поднятъ былъ вопросъ объ этомъ предметѣ, и патриоты пришли къ убѣжденію въ необходимости писать языкомъ народнымъ. „Словенскія Новины“ стали выходить на народномъ языкѣ причемъ Штуръ замѣнилъ прежнее тернавское нарѣчіе (отчасти перемѣшанное съ чешскимъ) гораздо болѣе чистымъ словенскимъ нарѣчіемъ своей родины, Тренчанской столицы. Годомъ раньше народный языкъ принятъ былъ товарищемъ его Гурбаномъ въ альманахѣ „Nitra“ (2-й вып., 1844).

Принятіе народнаго языка отчасти сблизило Словаковъ евангеликовъ съ католической стороной: патриоты обѣихъ партій собирались вмѣстѣ въ „Татринѣ“; поэтъ католическихъ Словаковъ, Голый, доживавшій свои послѣдніе годы, одобрялъ намѣренія кружка Штура и благословилъ ихъ предпріятія. Но съ другой стороны принатіе народнаго языка повело къ враждебному разрыву и въ средѣ самихъ Словаковъ, и съ чешской интеллигенціей. Нововведенію не сочувствовали, во-первыхъ, очень многіе изъ католическихъ Словаковъ, которые стояли за „бернолачину“ или предпочитали оставаться въ дружбѣ съ Мадырами; во-вторыхъ, къ нему враждебно отнеслись патриоты стараго поколѣнія, державшіеся чешскихъ преданій и книжнаго языка; наконецъ, чешская интеллигенція увидѣла здѣсь настоящую измѣну общенациональному чехо-словенскому дѣлу. Штуру и его друзьямъ пришлось вынести цѣлую бурю со стороны Чеховъ и ихъ союзниковъ словенскихъ, между которыми противъ Штура стали сами Колларъ и Шафарикъ. Чтобы поддержать свое нововведеніе, Штуръ издалъ двѣ книжки: „Nauka reči slovenskej“ и „Nárečja Slovenskuo alebo potreba pisanja v tomto nareči“ (Пресб. 1846). Чешскій Музей издалъ противъ Штура книгу, гдѣ въ осужденіе его собранъ былъ длинный рядъ

мирънй и отзывъ старыхъ и новыхъ писателей обоихъ племенъ въ пользу литературнаго единства Чеховъ и Словаковъ ¹⁾).

Изъ того, что мы говорили о положеніи Словаковъ, можно отчасти видѣть, кто былъ правъ изъ обѣихъ сторонъ. Еще въ двадцатыхъ годахъ Шафарикъ признавалъ необходимость дать въ чешскомъ книжномъ языкѣ у Словаковъ мѣсто чисто-словенскимъ особенностямъ, для того, чтобы сдѣлать его болѣе доступнымъ для народа. Въ самомъ дѣлѣ, чешскій языкъ не могъ вполнѣ служить для Словаковъ, и чѣмъ дальше, тѣмъ больше: онъ вошелъ къ Словакамъ какъ готовый языкъ книжно-церковный во времена гуситства; но *новый* чешскій языкъ, — когда чешскіе писатели принялись „обогащать“ его новыми словами и оборотами, часто буквально переведенными съ нѣмецкаго и иногда крайне искусственными, — становился непонятенъ для тѣхъ, кто знакомъ былъ съ *старыми формами*, въ предѣлахъ *старого содержанія*. Поэтому и Палковичъ могъ съ основаніемъ такъ ревностно защищать литературныя преданія Велеславина противъ новыхъ чешскихъ писателей. Колларъ пробовалъ вносить словенскія черты въ языкъ „Дочери Славы“. Церковныя книги протестантскихъ Словаковъ сохранили дониндѣ даже неуклюжее правописаніе, принятое въ старину отъ Чеховъ. Чешскій языкъ могъ бы жить у Словаковъ, еслибы раньше онъ нашелъ у нихъ почву внѣ чисто-книжной церковной области; но онъ не былъ языкомъ общественно-официальной жизни, а скудныя школьныя средства Словаковъ не дали ему возможности распространиться во всей народной массѣ. Далѣе, Словаки католическіе, гораздо болѣе многочисленные, и совсѣмъ чуждались чешскаго языка, какъ гуситскаго ²⁾... Между тѣмъ, для народной жизни Словаковъ наступали критическія минуты; для защиты народнаго права нужно было привлечь самыя народныя массы, и было очень естественно, что теоретическія соображенія о чешско-словенскомъ національномъ единствѣ уступили передъ настоятельными требованіями времени и ближайшаго народнаго интереса.

Наконецъ у самого Штура было болѣе широкое соображеніе. Его не привлекало то чешско-словенское единство, о которомъ заботилась чешская интеллигенція, потому что Штуръ уже тогда считалъ не-

¹⁾ *Plazové o potřebě jednoty spisovného jazyka pro Čechy, Moravány a Slováky*. Прага, 1846, VIII и 240 стр. Здѣсь приведены отзывы Лаврентія изъ-Нудожеръ, Амоса Коменскаго, Матвѣя Бега, Добровскаго, Таблица, Палацкаго, Юнгманна, Шафарика, Ионаша Заборскаго, Коллара, Шемберъ, Палковича, Сам. Ферьенчика, Павла Юзефи, Себерини и т. д., наконецъ разныя сборныя отзывы Словаковъ разныхъ краевъ. Подробное и обстоятельное изложеніе спорныхъ пунктовъ этого вопроса находится у Пича, Слав. Сборникъ, II, стр. 101—122. Много любопытнаго полемическаго матеріала по этому предмету у Гурбана, «Pohladi».

²⁾ На этотъ пунктъ приходилось наталкиваться и чешской литературѣ. Ср въ запискахъ Юнгманна статью: *Jazyk český husitský-li?* «Часопись» 1871, стр. 273; о наткнутой искусственности новаго чешскаго языка, тамъ же, стр. 274—275.

обходимымъ стремиться къ единству несравненно болѣе обширному, т.-е. все-славянскому, въ которому должны были бы применить равноправно та и другая народность вмѣстѣ съ остальными; между тѣмъ единство чешско-словенское, совершилось бы (по мысли чешской интеллигенціи) только для усиленія Чеховъ, въ ущербъ Словакамъ, и, доставивши Чехамъ новый контингентъ въ нѣсколько миллионѣвъ словенскаго народа, побудило бы ихъ преувеличивать свои силы, утвердило бы ихъ въ частномъ провинціализмѣ и въ результатѣ повредило бы литературному единству все-славянскому, которое (по мыслямъ Штура) именно и должно бы стать общей цѣлью не только какъ идеаль, но какъ средство спасенія...

Газета Штура, какъ говорятъ, произвела эпоху въ умственномъ и общественномъ развитіи Словаковъ; возросло народное сознаніе, стали основываться разныя полезныя предпріятія—общества трезвости, воздѣлыванія запущенныхъ земель, сберегательныя кассы и т. п. Между тѣмъ въ 1847, Штуръ былъ выбранъ депутатомъ на сеймъ отъ города Зволена и такимъ образомъ выступилъ на прямое политическое поприще. Онъ энергически, какъ талантливый ораторъ, защищалъ права своего народа на бурномъ пресбургскомъ сеймѣ; но возбужденіе Мадырь уже вело дѣла къ открытому возстанію и положеніе Штура становилось опасно: онъ оставилъ изданіе газеты, мѣсто въ сеймѣ и бѣжалъ въ Вѣну, участвовалъ потомъ на славянскомъ съѣздѣ въ Прагѣ, вступилъ въ сношенія съ Хорватами и Сербамъ, съ баномъ Елачичемъ, и снаряжалъ словенскихъ волонтеровъ въ Венгрію. Мадыры оцѣнили его голову.

Послѣ 1849 Штуръ жилъ въ уединеніи, занимаясь воспитаніемъ дѣтей своего брата Карла (1811—1851, также словенскаго писателя и патріота) и литературными трудами: „Zpěvy a písně“ (Пресбургъ, 1853), и въ особенности извѣстная книжка, уже на чешскомъ языкѣ: „O parodních písních a pověstech plemen slovanských“ (Прага, 1853). Онъ работалъ надъ большимъ историческимъ трудомъ о Славянствѣ, который остался неоконченнымъ. Онъ умеръ отъ раны, нанесенной себѣ по неосторожности на охотѣ, въ 1856. По смерти его остался еще замѣчательный трудъ, написанный *по-тѣмъски* въ 1852—53 и представляющій широкое и одушевленное изложеніе его теоріи панславизма; это сочиненіе издано было по-русски В. И. Ламанскимъ: „Славянство и міръ будущаго. Посланіе Славянамъ съ береговъ Дуная“ ¹⁾. Эта теорія—новый любопытный фактъ панславянскихъ идей, которыя

¹⁾ Въ «Чтеніяхъ» Моск. Общ. 1867, и отдѣльно. Объ этомъ сочиненіи см. въ «Вѣсти. Европн», 1878, ноябрь, стр. 334 и слѣд.

высказывались въ національномъ движеніи Словаковъ, и очень близка къ теоріямъ русскаго славянофильства ¹⁾.

Штуръ принадлежитъ къ замѣчательнѣйшимъ дѣятелямъ цѣлаго славянскаго Возрожденія. Въ памяти своихъ соотечественниковъ онъ высоко почитается какъ наиболѣе заслуженный начинатель новѣйшаго народнаго движенія у Словаковъ. „Его научное образованіе, — говоритъ одинъ изъ современныхъ словенскихъ патриотовъ, — обширное знакомство съ славянскимъ міромъ, высоко-нравственная жизнь, его огненная, увлекательная рѣчь, однимъ словомъ, вся личность Людевита Штура до такой степени возвышала и увлекала молодежь, что смѣло можно сказать, все нынѣшнее національное пробужденіе Словаковъ есть почти безспорно дѣло Людевита Штура. Изъ молодежи Пресбургскаго устава, сколько было членовъ, столько образовалось апостоловъ Славянства. Нынѣ дѣйствующее поволеніе—или товарищи, или ученики Штура, или ученики его учениковъ“ ²⁾.

Достойнымъ сподвижникомъ Штура былъ Іосифъ-Милославъ Гурбанъ (род. 1817). Онъ учился въ пресбургскомъ лицей, принимая ревностное участіе въ студентскомъ обществѣ; на счетъ этого общества Гурбанъ странствовалъ въ 1839 по Чехии и Моравии съ литературными и патриотическими цѣлями, и послѣ описалъ свое путешествіе; въ 1840 онъ сталъ евангелическимъ священникомъ. Первой его книжкой было описаніе путешествія: „Cesta Slováka ku bratrům slovanským na Moravě a v Čechách 1839“ (Пешть, 1841); съ 1842 года онъ сталъ издавать альманахъ „Nitra“ (6 книгъ, 1842—1854, и 7-я, 1877), гдѣ ему самому принадлежитъ нѣсколько стихотвореній и повѣстей ³⁾. Первая книжка „Нитры“ издана была на чешскомъ языкѣ, но со 2-й книги, 1844, Гурбанъ сталъ писать по-словенски—это было первое заявленіе Штуровой школы. Гурбанъ принималъ потомъ дѣятельное участіе въ „Татринѣ“ и въ газетѣ Штура, и съ 1846 самъ сталъ издавать научно-литературный журналъ „Slovenskje Pohladi“ ⁴⁾, во-

¹⁾ Біографія Штура ожидалась отъ его друга и сподвижника Гурбана; но этотъ трудъ еще не появился.

Теперь можно указать: біографію Штура въ «Русской Бесѣдѣ» 1860, кн. I, смѣсь, стр. 61—60; Slovník Naučný, я. ч.; К. А. Јенѣ, Serbske gymnasijalne towar'stwo w Budyšinje wot 1839 hač 1864, въ «Часописѣ» сербо-лужицкой матици, 1865; Пичъ, въ Слав. Сборн. I—II. Мысли Штура о необходимости отдѣльнаго развитія словенской народности и литературы см. въ названныхъ его книжкахъ 1846 года, въ посмертномъ сочиненіи, изд. Ламанскимъ; онъ изложены также въ любопытномъ письмѣ Штура къ Погодину отъ 1846 г. («Письма къ Погодину изъ слав. земель», стр. 465—467).

²⁾ М. Д., въ Журн. Минист. Нар. Пр. 1868, авг., стр. 619. Ср. еще болѣе восторженный отзывъ Паулини-Тота, въ его «Бесѣдахъ» (см. рассказы: Škola a život; Tri dni zo života Ludevita Štúrovho).

³⁾ Въ чешскомъ журналѣ «Květy» 1844 были помѣщены его: «Svatoplukovci, anebo rád říše velkomoravské», и отдѣльно, Прага 1845.

⁴⁾ Подробное заглавіе: «Slov. Pohladi na vědi, umějša a literaturu», часть I, выш. 1—5, в Skalici 1846, 1847, 1851; часть II, выш. 1—6 (съ 25 іюля 1851), в

обще чрезвычайно любопытный и важный, какъ выраженіе тогдашняго словенскаго движенія и какъ матеріалъ для его исторіи. Здѣсь между прочимъ помѣщена обширная статья самого Гурбана: „Slovensko a jeho život literárni“ (въ трехъ вып. 1-й части), самое подробное изложеніе литературной исторіи Словаковъ, какое донинѣ есть. Въ то же время онъ написалъ книгу объ униі ¹⁾ противъ упомянутыхъ стараній гр. Зая,—объясняя съ богословско-исторической точки зрѣнія различіе лютеранства отъ кальвинизма и доказывая невозможность ихъ униі. Книга эта доставила автору докторство богословія отъ іенскаго университета и ожесточенную вражду и полемику со стороны Мадыаръ и ихъ партіи. Рядомъ съ литературной дѣятельностью Гурбанъ работалъ для практическаго образованія своего народа; еще въ 1840 онъ завелъ въ своемъ приходѣ воскресную школу и распространялъ общества трезвости. Вмѣстѣ съ литературными идеями Штура, Гурбанъ раздѣлялъ и его политическіе взгляды, въ событіяхъ 1848—49 игралъ не менѣ замѣчательную роль и обнаружилъ даже еще болѣе неустранимой энергіи какъ народный ораторъ и предводитель. Когда Колларъ и его друзья утомились борьбой, Гурбанъ со Штуромъ и Годжей стали во главѣ народа, въ средѣ котораго приобрѣли сильное вліяніе смѣлой защитой его дѣла. Гурбанъ и его друзья вошли въ сношенія съ чешскими и сербо-хорватскими патриотами и организовали словенское восстаніе противъ Мадыаръ. Гурбанъ въ особенности приобрѣлъ великую популярность между своими соотечественниками: это былъ въ истинномъ смыслѣ слова народный дѣятель, для котораго народный вопросъ былъ не отвлеченнымъ умствованіемъ и книжнымъ идеаломъ, а прямымъ дѣломъ; онъ былъ для своего народа и религіознымъ учителемъ, писателемъ, политическимъ бойцомъ и военнымъ предводителемъ. Послѣ тревоженія революціоннаго времени Гурбанъ вернулся въ свой приходъ въ Глубокомъ, къ пасторской и писательской дѣятельности. Онъ продолжалъ „Pohladi“, альманахъ „Нитру“, издалъ въ 1855 учебную книжку евангелическаго богословія, въ 1861 опять дѣятельно вмѣшался въ поднявшійся тогда споръ о положеніи евангелической церкви ²⁾. Изъ его работъ беллетристическихъ можно упомянуть историческую повѣсть: „Gottšalk“ (въ 7—8 № „Slovan. Besed“ 1861), „Piesne na teraz“ (Вѣна, 1861) и много стихотвореній въ чеш-

Skalici, 1851; часть III (съ измѣненнымъ заглавіемъ: «Slovenské Pohľady na literatúru, umenie a život» и въ еженедѣльныхъ выпускахъ), № 1—26, v Trnave, 1852; часть IV, № 1—9, v Trnave 1852.

¹⁾ Unia čili spojenj Lutheránů s Kalvíny v Uhrách, vysvětlená etc., v Budině 1846, на чешскомъ языкѣ.

²⁾ Сюда относится книга: Cirkew Ewanjelicko-Lutheránská w její wnitřních žiwlech a bojích na swětě se zláštнім ohledem na národ Slowenský w této církwi spravení své hledající. W Skalici, 1861, 2 выпуска — на чешскомъ языкѣ, старымъ правописаніемъ и шрифтомъ (швабахомъ).

ских и словенскихъ журналахъ и альманахахъ. Многія пѣсни Гурбана становились почти народными. Въ послѣднихъ (6 и 7) выпускахъ „Нитры“ Гурбанъ возвратился къ языку чешско-словенскому, что привлекло въ число его сотрудниковъ и чешскихъ поэтовъ, какъ Гейдукъ, Руд. Покорный и др. ¹⁾ Съ 1864 онъ началъ издавать журналъ „*Čirkovní Listy*“, по дѣламъ евангелическо-лютеранской церкви, на обычномъ старо-чешскомъ языкѣ евангелической словенской церкви, съ старымъ правописаніемъ и швабахомъ въ печати.

Михаилъ-Милославъ Годжа (род. 1811), евангелическій проповѣдникъ, какъ Гурбанъ, вышелъ также изъ кружка Пресбургскаго лица 1830 хъ годовъ и шелъ тѣмъ же путемъ, какъ названные сейчасъ патріоты. Священникъ съ 1837 года, онъ въ первыхъ 1840-хъ годахъ принялъ дѣятельное участіе въ словенскихъ церковныхъ дѣлахъ, въ основаніи „Татрина“ и вообще въ національномъ движеніи; въ 1848, онъ былъ въ числѣ ревностнѣйшихъ руководителей народа, на который производилъ сильное дѣйствіе своимъ одушевленнымъ словомъ. Первымъ литературнымъ трудомъ Годжи были народныя повѣсти, потомъ книжки по вопросу о словенскомъ литературномъ языкѣ ²⁾, который Годжа, между прочимъ, защищалъ отъ нападенія чешскихъ „Голосовъ“. По изданіи церковнаго патента 1859, Годжа опять велъ упорную борьбу съ мадыарской партіей по церковному вопросу.

Пробужденіе національнаго чувства, наблюдаемое у Словаковъ съ конца прошлаго вѣка и потомъ въ двадцатыхъ и тридцатыхъ годахъ, выразилось и въ литературѣ поэтической обиліемъ новыхъ явленій, которое указывало, какая нравственная сила заключается именно въ народномъ самосознаніи. Послѣ Голага и особливо Коллара, цѣлый рядъ поэтовъ возникаетъ съ движеніемъ тридцатыхъ годовъ и въ связи съ кружкомъ пресбургскаго лица, гдѣ Гурбанъ и Штуръ были также отчасти поэтами.

Въ ряду патріотическихъ поэтовъ этого второго поколѣнія старѣйшимъ былъ Само (Самуилъ) Халупка (род. 1812). Семья его была приверженная къ народности и литературная: отецъ, Адамъ, евангелическій священникъ, писалъ стихотворенія; старшій братъ, Янъ, также священникъ, былъ драматическій писатель. Само еще въ гимназіи встрѣтилъ учителя, который рано познакомилъ его и съ чешско-словенской литературой, и съ исторіей Славянства, такъ что Само былъ уже приготовлен-

¹⁾ «Нитра», на языкѣ словенскомъ. называлась далѣ въ заглавіи: «*Dar drahím krajanom Slovenským obetuvaní*», на чешскомъ «*Dar dcerám a synům Slovenska, Moravy, Čech a Slezska obětovanú*».

²⁾ Именно, латинская книжка: *Epigenes Slovenicus. Liber primus. Tentamen orthographiae slovenicae*. Въ Левочѣ 1847; *Dobruo slovo Slovákom*, *ibid.* 1847; *Větin o Slovenčině*, *ibid.* 1848, допечатанная по отмигнѣ цензуры и потому съ прибавкой цензурныхъ исключеній.

нымъ читателемъ „Дочери Славы“. Въ пресбургскомъ лицей Халупка былъ руководителемъ между товарищами; затѣмъ онъ пожилъ въ Вѣнѣ, гдѣ сблизился съ студентами другихъ славянскихъ народностей. Въ 1834 онъ сталъ священникомъ, а въ 1840 получилъ приходъ въ Горной Леготѣ, гдѣ передъ нимъ сорокъ лѣтъ дѣйствовалъ его отецъ. Жизнь въ горной глуши не помѣшала ему участвовать въ патріотическихъ предпріятіяхъ; онъ одинъ изъ первыхъ поднялъ и вопросъ о новомъ литературномъ языкѣ. Стихотворенія Халупки появлялись еще съ сороковыхъ годовъ въ сборникахъ, журналахъ и альманахахъ; онѣ собраны были уже позднѣе (Spreu Sama Chalúpku, въ Б. Быстрицѣ, 1868). Это небольшія эпическія пьесы, баллады, и стихотворенія лирическія, которыя ставятся на одномъ уровнѣ съ произведеніями Эрбена и Чельковскаго и въ дѣйствительности, быть можетъ, стоятъ еще выше ихъ по силѣ и простотѣ, свободныя отъ романтической сантиментальности чешскихъ поэтовъ; славянское чувство у Халупки, какъ вообще у лучшихъ словенскихъ писателей, также гораздо болѣе естественно... У Халупки есть въ рукописи собраніе народныхъ сказокъ и повѣрій, которымъ пользовалась Божена Нѣмцова, у него гостившая. Онъ знакомъ съ другими славянскими литературами, изучалъ славянскую древность и, напр., къ своимъ стихотвореніямъ прибавилъ рядъ археологическихъ и историческихъ примѣчаній.

Андрей Сладковичъ (1820—72; родовое имя его Браксаторисъ) былъ сынъ евангелическаго учителя, извѣстнаго въ словенской литературѣ исторіей своего города Крупины (1810); этотъ городъ былъ и родиной Андрея. Семья была многочисленная и бѣдная: Андрей былъ 8-мъ изъ 14-ти дѣтей. Ученье шло среди крайней бѣдности, сначала въ Штавницѣ, гдѣ Сладковичъ устраивалъ литературный кружокъ съ національными цѣлями среди враждебныхъ столкновеній съ мадыарскими студентами; въ 1840, онъ перешелъ въ лицей пресбургскій, и отецъ могъ дать ему на дорогу только два бумажные гульдена. Здѣсь опять оживленная дѣятельность въ кругу товарищей, подъ вліяніемъ поэзіи Коллара и лекцій Штура. Въ 1842, Сладковичъ отправился для изученія теологіи въ Галле, черезъ два года вернулся, жилъ уроками, а въ 1847 получилъ евангелическій приходъ. Въ 1849 онъ подвергся мадыарскому преслѣдованію, отъ котораго избавило его только извѣстіе о вступленіи русскаго войска. Вскорѣ онъ сталъ однимъ изъ главныхъ людей народнаго движенія въ своемъ краѣ. Сладковичъ считается первостепеннымъ поэтомъ новѣйшей словенской литературы. Первые стихотворенія онъ печаталъ въ „Нитрѣ“ Гурбана, еще бывши въ пресбургскомъ лицей; но его слава начинается съ поэмы „Марина“, изданной въ Пештѣ, 1846. Поэма внушена личной исторіей несчастной любви: дѣвушка, которую онъ любилъ, вышла по

настоящую матери за другого; къ этому мотиву присоединились вліянія „Дочери Славн“,—такъ что „Марина“ есть не только или не столько живое лицо, сколько идеализація любви, перенесенной въ высшую нравственную сферу, сливаемой съ религіознымъ чувствомъ и любовью къ своему народу; оттого поэма является слишкомъ аллегорической и отвлеченной, но несмотря на то, и несмотря на неровность стихотворной формы высоко цѣнятся у чешско-словенскихъ критиковъ. Главное произведеніе Сладковича есть „Детванъ“ — нѣчто среднее между эпосомъ и идилліей ¹⁾). Сюжетъ отнесенъ ко временамъ Матвѣя Корвина: герой, Мартинъ—уроженецъ Детвы, горнаго словенскаго края въ Сѣверной Венгріи, и въ немногосложную исторію любви этого горскаго селянина и его мирной жизни, прерванной насильственнымъ завербованіемъ въ королевское войско, вплетены картины горной природы, народнаго быта и характеровъ. Познакомиться съ „Детваномъ“—говорятъ чешско-словенскіе критики—значить узнать Словаковъ; но замѣчаютъ, что чужого читателя удивить совершенно пассивный характеръ героя. „Иностранному читателю,—говоритъ одинъ изъ этихъ критиковъ,—сюжетъ „Детвана“, конечно, кажется нѣсколько страннымъ, и Сладковичъ несомнѣнно могъ подыскать себѣ и другого рода героевъ изъ того времени, когда, подъ вліяніемъ Чеховъ, Словаки только-что пробудились къ національной жизни,—героевъ, которыхъ понять и которымъ сочувствовать было бы легче для иностраннаго читателя; но онъ далъ намъ вѣрное изображеніе народнаго словенскаго характера, жизни и образа мыслей словенскаго простолюдина, жителя горъ, назначеніемъ котораго было—сдѣлаться храбрымъ воиномъ и проливать свою кровь за землю, которая не составляетъ для него отечества“... Гораздо слабѣ „Милица“ ²⁾, изъ сербской жизни, въ байроновскомъ родѣ, и „Svätomartiniada, národný epos“ (Пештъ, 1861), описаніе политическаго сѣзда Словаковъ 1861, въ Турчанскомъ Св. Мартинѣ. Но поэтическія достоинства являются снова въ послѣдней поэмѣ „Gróf Mikuláš Subić Zrinsky“. Наконецъ, Сладковичу принадлежитъ много мелкихъ, иногда прекрасныхъ стихотвореній ³⁾.

Оригинальнымъ лицомъ былъ поэтъ словенскій Янко Краля (род. около 1824). Онъ учился въ пресбургскомъ лицей и поступилъ—было въ адвокатскую канцелярію въ Пештъ, но подобныя занятія не под-

¹⁾ Эта поэма явилась въ 5-мъ томѣ «Нятры», 1853.

²⁾ Въ альманахѣ «Конкордія», 1858.

³⁾ Биографію Сладковича см. у Пича, Слав. Сборникъ, II, стр. 129—133, 204—206; Vit. Houdék, въ чешскомъ «Свѣтозоръ» 1878, № 19—20. Ср. «Svätienie patriatky slovenského básnika Andreja Sládkoviča (Braxatorisa) člena zakladatel'a Matice Slovenskej etc. 7 aug. 1872. Turč. Sv. Mart. 1872.

Стихотворенія Сладковича были изданы Викторинномъ: Spisy básnické, v B. Vutrici, 1861. Новое изданіе—въ чешской «Народной библиотекѣ», Кобера.

ходили къ его натурѣ живой и крайне своеобразной; въ 1848 году онъ замѣшался въ политическія волненія, проповѣдывалъ, какъ говорятъ, коммунизмъ между словенскими поселянами, полагая этимъ путемъ сильнѣе на нихъ подѣйствовать, собиралъ молодежь и готовилъ возстаніе; схваченный Мадырами, онъ былъ приговоренъ къ повѣшенію и спасся только заступничествомъ Елачича, но до 1849 г. провель въ пештской тюрьмѣ. Судя по рассказамъ, это былъ удивительный фантастъ: онъ велъ бродячую жизнь, не могъ долго остаться въ человѣческомъ жильѣ, проводилъ время въ уединеніи, въ Карпатскихъ пустыняхъ, блуждалъ, говорятъ, до Бессарабіи—вмѣстѣ съ тѣмъ онъ поражалъ своимъ талантомъ и обширными свѣдѣніями; у него не бывало съ собой книгъ, но онъ хорошо владѣлъ французскимъ и англійскимъ языкомъ, отлично зналъ Шекспира; пѣсня, написанная имъ по-мадыарски, до сихъ поръ остается въ народѣ. Колларъ, Штуръ и другіе писатели навѣщали его, когда узнавали, гдѣ онъ находится. При этомъ образѣ жизни поэтическая дѣятельность Краля только случайно достигала въ печать,—онъ обыкновенно самъ сжигалъ то, что писалъ. Послѣ своихъ приключеній въ Венгріи, онъ считалъ небезопаснымъ тамъ оставаться и жилъ нѣсколько мѣсяцевъ у однихъ друзей на Моравѣ, но затѣмъ тайкомъ ушелъ отъ нихъ, и съ тѣхъ поръ исчезъ безслѣдно. Его стихотворенія разбросаны въ моравскихъ и словенскихъ изданіяхъ, между прочимъ въ „Нитрѣ“. Стихотворенія Краля, какъ и Халупки, отличаются привлекательной простотой народнаго склада и сквозящей въ нихъ любовью къ своему народу ¹⁾).

Изъ словенскихъ новеллистовъ на первомъ планѣ стоитъ Янъ Калининчакъ (1822—71). Сынъ евангелическаго священника, онъ учился сначала въ Левочѣ, гдѣ тогда дѣйствовалъ упомянутый выше славянской патріотъ Главачекъ, потомъ въ пресбургскомъ лицѣѣ, при Штурѣ. Здѣсь онъ занялся педагогической дѣятельностью. Въ 1843, онъ былъ привлеченъ къ слѣдствію, начатому противъ Палковича, Штура, Франциски; затѣмъ, до 1845 учился въ Галле. Съ 1846 онъ былъ директоромъ гимназій въ Модрѣ и въ Тешинѣ, и сталъ въ ряду главнѣйшихъ патріотовъ: его вліяніе простиралось и на оживленіе славянскаго элемента въ онѣмеченной Силезіи; чтобы помочь своему дѣлу, онъ не усумнился отправиться въ Германію, чтобы искать помощи для бѣдной учащейся евангелической молодежи у прусскаго короля. Неудивительно, что власти желали отъ него отдѣлаться, и въ 1866 ему дали отставку. Его томило прекращеніе его дѣятельности; поселившись въ Турч. Св. Мартинѣ, онъ началъ съ марта 1870 издавать журналъ „Orol, časopis pre zábavu a poučenie“, но уже въ слѣдую-

¹⁾ Slovník Naučný, а. ч.; Пичъ, Слав. Сборн., II, 128—129, 143—145; Гурбанъ, въ «Нитрѣ», годъ VII, 1877, 364—365.

цемъ году умеръ. Въ самый день смерти Балинчака вышли его „Повѣсти“ (какъ 1-й выпускъ „Slovenského nar. Zbavníka“). Изданіе „Орла“ принялъ послѣ него его главный сотрудникъ Андрей Трухлый-Ситнянскій (Sytňanský).

Наконецъ, изъ людей того поколѣнія долженъ быть еще упомянуть Самуиль Томашикъ (род. 1813). Евангелическій священникъ съ 1833, и патриотъ, онъ писалъ въ „Позорникъ“ Фейерпатаки, въ „Гронкѣ“ и „Татранскомъ Орлѣ“, былъ авторомъ очень любимыхъ пѣсень свѣтскихъ и народолюбивыхъ, былъ участникомъ въ новомъ евангелическомъ канціоналѣ и авторомъ повѣстей (появившихся въ „Соколѣ“ Паулини-Тота, о которомъ ниже). Ему принадлежитъ авторство знаменитой у Чеховъ пѣсни: Hej, Slované, которая явилась первоначально въ словенской формѣ ¹⁾).

Событія 1848—49 годовъ не исполнили тѣхъ ожиданій, какія цитали предводители Словаковъ. По усмиреніи венгерскаго возстанія, Словаки старались вступать на государственную службу, чтобы дать опору своей національности, и въ большей части „столицъ“ словенскій языкъ былъ введенъ какъ officialный; съ 1850, этотъ языкъ сталъ въ среднихъ школахъ впервые предметомъ преподаванія—необязательнымъ, а съ 1855 и обязательнымъ; въ нѣсколькихъ гимназіяхъ чисто словенскихъ, нѣкоторые предметы читались на чешскомъ языкѣ. Но какъ скоро дѣла вѣнскаго правительства поправились и оно перестало опасаться Мадьяръ, противъ которыхъ Словаки были оружіемъ, послѣдніе потеряли и немногія полученныя выгоды; наибольше выдающіеся патриоты были переведены въ чисто мадьярскія мѣстности.

¹⁾ Подлинный текстъ ея таковъ:

Hej Slováci! ešte naša slovenská reč žije,
Dokiaľ naše verné srdce za náš národ bije:
Žije, žije duch slovenský, bude žiť na veky;
Hrom a peklo, marné vaše proti nám sú vzteky!

Jazyka dar sveril nám Boh, Boh náš hromovládny,
Nesmie nam ho teda vyrvať na tom svete žiadny!
I nechže je kol'ko ľuďí, tol'ko čertov v svete,
Boh je s nami: kto proti nám, toho Parom zmetie.

Nech sa teda nad nami aj brozná búra vnesie,
Skala puká, dub sa láme a zem nech sa trasie:
My stojíme stále, pevne, jako múry hradné;
Čierna zem pohltí toho, kto odstúpi zradne!

Эту и другія патриотическія словенскія пѣсни читатель можетъ найти въ сборникѣ: *Venies národných piesní slovenských. Uvıl a vydal M. Ch. (Drahým bratom a sestram slovenským, v samote i v družstvách rodol'ubých venovaný). V B. Bystrici, 1862.*

Старшій братъ названнаго писателя Янъ-Павель (писавшійся по-чешски Tomášek, род. 1802) держался съ Шафарикомъ и Колларомъ за единство литературнаго языка, но относился дружелюбно къ словенскимъ патриотическимъ предпріятіямъ новѣйшаго времени и защищалъ, какъ публицистъ, дѣло своихъ соотечественниковъ въ Венгріи.

сти. Между тѣмъ и политическое положеніе Мадьяръ перемѣнилось. Въ 1860, 20 октября, мадьярскій языкъ сталъ въ Венгріи языкомъ официальнымъ. Когда власть вернулась въ руки Мадьяръ, они объявили служившихъ въ словенскихъ „стѣблицяхъ“ при Бахѣ „политически умершими“ и въ видѣ „эпураціи“ удалили ихъ отъ службы...

Послѣ того усиленнаго движенія, какое совершилось въ сороковыхъ годахъ, общая реакція, наступившая въ 1850-хъ годахъ, привела и у Словаковъ періодъ застоя. „Десятилѣтіе 1850—60 годовъ,—говоритъ словенскій историкъ ¹⁾),—было по большей части и для Словаковъ десятилѣтіемъ полной, насильственно навязанной летаргіи. Но это десятилѣтіе имѣло ту неопѣнимую заслугу, что дало созрѣть имѣвшимся юнымъ силамъ, и созрѣть политически, а политическая зрѣлость въ Угріи есть необходимый и драгоцѣнный фактъ. Оно разбудило спящія, нерѣшительныя силы и освободило ихъ отъ магическаго знамени мадьярства; наконецъ, оно породило много новыхъ свѣжихъ, юношескихъ силъ“.

Въ области литературы, замѣчательнѣйшимъ событіемъ слѣдующаго времени было основаніе словенской Матицы: этимъ учрежденіемъ обыкновенно сопровождалось у западнаго и южнаго Славянства оживленіе народности.

Въ 1861, 6—7 іюля, въ Турчанскомъ Св. Мартынь произошло многолюдное народное словенское собраніе, съ цѣлью составить записку о требованіяхъ словенскаго народа для представленія въ венгерскій сеймъ. Требования состояли въ сохраненіи народной особности Словаковъ въ „словенскомъ околѣ“ Верхней Венгріи, въ національной равноправности и, слѣд., господствѣ словенскаго языка въ упомянутомъ околѣ въ жизни общественной, политической, въ церкви и школахъ. Сеймъ и вліятельные Мадьяры (какъ Деакъ, Тисса, Этвешъ) взглянули на дѣло съ большей или меньшей враждой, и патриоты рѣшились доставить свою записку особой депутаціей къ императору-королю. Депутація состоялась въ декабрѣ 1861, и во главѣ ея напелъ возможнымъ стать католическій епископъ Стефанъ Мойзесь. Депутація ничего не добила, но самое собраніе подѣйствовало возбуждающимъ образомъ на народный патріотизмъ. На томъ же собраніи положено основать литературное общество подъ названіемъ Матицы; написанъ былъ уставъ, выхлопотано высочайшее разрѣшеніе—съ разными ограниченіями проекта, — и 4 августа 1863 въ томъ же Св. Мартынь сошлось другое народное собраніе, на которомъ торжественно заявлено было учрежденіе словенской Матицы. Предсѣдателемъ ея избранъ былъ епископъ Мойзесь, распорядительнымъ вице-предсѣдателемъ—

¹⁾ М. Д., въ Журн. Мин. 1868, августъ, 639.

Кузmani, а почетнымъ и пожизненнымъ вице-предсѣдателемъ—Янъ Францисци; въ 1866, по смерти Кузmani, мѣсто его занялъ извѣстный писатель Вильямъ Паулини-Тотъ.

Самыми ревностными участниками этого дѣла были Францисци и Паулини-Тотъ. Янъ Францисци (Francisci, литературное имя Janko Rimavski; род. 1822)—нѣсколько младшій современникъ Штура, Гурбана, Годжи, и патриотъ той же школы. Онъ учился въ Левочѣ и Пресбургѣ, главныхъ пріютахъ тогдашняго патриотическаго движенія въ молодомъ поколѣннн. Это народное чувство пробудилось въ немъ рано; онъ со многими друзьями собиралъ народные пѣсни, преданья, обычаи; въ Пресбургѣ, его направленіе установилось, а вмѣстѣ съ тѣмъ начались мелкія и крупныя преслѣдованія. Къ этому времени относится его стихотвореніе „Mojim vrtovníkom“ (напечатанное въ Гурбановой „Нитрѣ“ 1844), посвященное двадцати товарищамъ, которые—послѣ устраненія Штура отъ пресбургской кафедры—въ суровую зиму ушли изъ Пресбурга въ Левочъ. Францисци запрещены были и лекціи о словенскомъ языкѣ и литературѣ въ Левочѣ. Здѣсь онъ принялъ участіе въ „Татринѣ“ и издалъ „Slovenskije povesti“ (словенскія сказки, 1845). Послѣ онъ изучалъ права, и началъ юридическую службу, когда вспыхнула революція 1848 года. Онъ поступилъ въ національную гвардію на своей родинѣ, но когда, вмѣстѣ съ Ст. Дакснеромъ и Мих. Бакулини, отказался идти противъ Сербовъ и Хорватовъ, а за ними отказались и словенскіе волонтеры, то Францисци и его друзья были приговорены къ висѣлицѣ; поражение Мадыаръ измѣнило ихъ казнь на тюрьму, изъ которой освободило ихъ вступленіе въ Пештъ Виндишгреца. Послѣ онъ вошелъ въ ряды словенскихъ волонтеровъ. По усмиреннн мадыарскаго возстанія, онъ возобновилъ службу въ администраціи и успѣлъ приобрѣсти уваженіе самихъ Мадыаръ. Въ 1861 онъ началъ издавать „Pešt-budinske Vedomosti“, въ которыхъ ревностно защищалъ права своего народа, и въ томъ же году по его идеѣ состоялось то народное собраніе въ Турч. Св. Мартинѣ, о которомъ мы сейчасъ упоминали и гдѣ онъ былъ единогласно выбранъ предсѣдателемъ; другъ его Дакснеръ былъ составителемъ меморандума, принятаго этимъ собраніемъ, о требованіяхъ словенскаго народа.

Другимъ замѣчательнымъ дѣятелемъ отчасти той же школы былъ Вильямъ Паулини-Тотъ (Pauliny-Tóth, 1826—77). Его дѣдъ, отецъ, дядя были евангелическіе священники; рано потерявъ отца, онъ остался на рукахъ матери, пламенной патриотки, которая воспитывала мальчика чтеніемъ „Дочери Славы“; но проведши два года въ мадыарской школѣ (для изученія языка), Паулини подъ вліяніемъ своего учителя увлекся такъ мадыарскими поэтами, что когда вернулся къ

матери, она ужаснулась, увидѣвши въ сынѣ готоваго Мадьяра. Нужно было исправить ошибку, и мать отдала его въ гимназію въ Модрѣ, которою завѣдывалъ Карлъ Штуръ, братъ Людевита. Но вліяніе первой школы сохранилось надолго; его словенскіе друзья-патріоты съ сожалѣніемъ упоминаютъ объ его пристрастіи къ Мадьярамъ, объ его мнѣніи, что въ дурныхъ отношеніяхъ мадьярства къ славянству виноваты не настоящіе Мадьяры, а мадьяроны, ренегаты, славянскіе „отродильцы“. Только къ концу жизни Паулини, какъ говорятъ, убѣдился, что этого различія не существуетъ. Изъ гимназіи Паулини поступилъ въ пресбургскій лицей, гдѣ еще засталъ Людевита Штура и былъ увлеченъ его личностью ¹⁾; здѣсь онъ ознакомился со всѣмъ кругомъ словенскихъ патріотовъ, участвовалъ въ „Татринѣ“, странствовалъ по краю. Въ 1846, онъ отправился въ качествѣ воспитателя въ Сербію, но вскорѣ уже вернулся на „Словенско“. Волненія 1848 года отразились на Паулини очень бѣдственно: онъ жилъ въ Крѣмницѣ, среди мадьяроновъ, и арестованный по обвиненію въ соучастіи въ словенскомъ возстаніи (о которомъ на дѣлѣ не зналъ) долженъ былъ выбирать между висѣлицей и поступленіемъ въ гонимыя. Онъ предпочелъ послѣднее и участвовалъ въ нѣсколькихъ сраженіяхъ до пораженія Мадьяръ Елачичемъ; тогда Паулини остался въ Пештѣ, помогъ освобожденію Францисци, Дакснера и др., и перешелъ въ словенское ополченіе. По усмиреніи возстанія Паулини жилъ въ Пресбургѣ и работалъ въ „Pressburger Zeitung“, которая тогда велась въ духѣ безпристрастномъ и составляетъ достовѣрный источникъ для исторіи того времени (1849—51 г.). Въ 1850, онъ поступилъ на административную службу; въ 1853, по Баховской системѣ — угнетать однѣ народности другими, Паулини назначенъ былъ комиссаромъ въ чисто-мадьярскій Кечкеметъ, пробылъ тамъ до 1861 и внушилъ къ себѣ уваженіе Мадьяръ своимъ умѣреннымъ и законнымъ способомъ дѣйствій. Здѣсь онъ женился на дочери одного изъ мѣстныхъ аристократовъ, отъ котораго перешло къ нему венгерское дворянство и прибавка къ фамиліи—Тотъ. Онъ все еще былъ привязанъ къ Мадьярамъ, но видѣлъ, что у мадьярства „растетъ гребень“, по выраженію его біографа Гурбана, и счелъ нужнымъ выступить снова за свое народное дѣло. Съ марта 1861, онъ сталъ издавать въ Пештѣ сатирическій листокъ „Сеппоклазник“, еще относясь сочувственно къ новому мадьярскому движенію, но съ Свято-Мартынскаго собранія ему стало ясно, что это движеніе не обѣщаетъ добра его соотечественникамъ, и его сатира обратилась противъ мадьярства вполне. Съ 1862 и до конца 1869, онъ рядомъ съ „Чернокнижникомъ“ велъ изданіе журнала „Соколь“ и это изданіе

¹⁾ Выше упомянуты любящія воспоминанія о Штурѣ въ повѣсткахъ Паулини.

также приобрѣло большую популярность. Паулини дѣятельно участвовалъ потомъ въ основаніи словенской Матицы и по смерти Кузmani, въ 1866, сталъ распорядительнымъ вице-президентомъ Матицы и редакторомъ ея „Лѣтописи“¹⁾. Онъ участвовалъ далѣе въ церковныхъ дѣлахъ евангеликовъ, будучи избранъ „сеніоральнымъ дозорцей“ въ Нитранскомъ округѣ, работалъ въ школьномъ дѣлѣ и проч. Его литературная дѣятельность, отчасти нами указанная, была очень разнообразная: онъ былъ популярный поэтъ, очень любимый рассказчикъ, ученый публицистъ. Разсѣянные въ журналахъ и сборникахъ, его разказы, съ патріотической и нравственной тенденціей, писаны вообще живо, съ мѣстнымъ колоритомъ²⁾.

Писатели, о которыхъ мы до сихъ поръ говорили, принадлежать евангелической части Словенскаго народа и были главнѣйшими представителями словенскаго литературнаго „сепаратизма“, столь осуждаемаго Чехами. Изъ сказаннаго можно видѣть, кажется, что „сепаратизмъ“ былъ не случайной прихотью, а естественнымъ побужденіемъ, даже необходимостью, потому что въ критическія минуты перваго самосознанія, которыя переживалъ словенскій народъ, должна была явиться потребность—говорить прямо къ своему народу, слѣд. на его языкѣ. Понятно, что именно лучшіе, наиболѣе талантливые и энергическіе люди были увлечены этимъ стремленіемъ. Понятно также, что когда ослабѣвалъ этотъ мотивъ, самые ревностные патріоты-писатели могли обращаться снова къ чешскому языку. Такъ, по-чешски издана была извѣстная книга Штура: „О славянскихъ народныхъ пѣсняхъ и сказкахъ“; такъ, Гурбанъ послѣдніе два выпуска своей „Нитры“ (VI, VII) издавалъ уже на чешскомъ языкѣ. Но „сепаратизмъ“ все-таки продолжается.

Въ послѣднія десятилѣтія особенная дѣятельность обнаружилась и въ католическомъ лагерѣ. Относительно языка новый поворотъ произвелъ названный нами прежде чешско-словенскій филологъ Мартинъ Гаттала. Первый „сепаратизмъ“, произведенный Бернолакомъ,—какъ выше сказано,—вводилъ въ книгу тернавское нарѣчіе. Тернава была однимъ изъ главныхъ пунктовъ католическаго населенія и католическаго образованія; нарѣчіе, близкое къ чешскому, не считалось под-

¹⁾ *Letopis Matice Slovenskéj*. Годъ I. Вѣна 1864; II, Турч. Св. Март. 1870; далѣе редакторомъ былъ Паулини: томи III—XI, въ Скалицѣ и Турч. Св.-Мартинѣ, 1867—74. Далѣе Лѣтопись не выходила, потому что и Матица была закрыта.

²⁾ Они собраны въ изданіи: *Besiedky*, въ Скалицѣ, 1866—70, 4 части. Есть и переводы съ другихъ языковъ, и между прочимъ съ русскаго, — увѣ, изъ О. Булгарина. Стихотворенія собраны по смерти Паулини его дочерью: *Básne Viliama Pauliny-Tótha. Sobrala jeho dcéra Maria. Turč. Sv. Martin, 1877.*

линнымъ словенскимъ,—и потому въ новой постановкѣ книжнаго вопроса у Штура, на его мѣсто введено было нарѣчіе тренчинское. Годжа, снова разбирая вопросъ о чисто-словенскомъ языкѣ, рекомендовалъ нарѣчіе липтовское. Теперь Гаттала вводилъ еще новый элементъ—нарѣчіе зволенское; въ его трудахъ, начиная съ латинской *Grammatica linguae Slovenicae*, 1850, грамматически точно определенъ словенскій языкъ съ его точки зрѣнія, и это опредѣленіе — теперь господствующее.

Въ ряду католическихъ дѣятелей особенно извѣстны Палайрикъ, Викторинъ и Радлинскій. Янъ Палайрикъ (псевдонимъ Бескидовъ, род. 1822), съ 1847 католическій священникъ, въ 1850 основалъ въ Штявницѣ церковный журналъ „Cyrill a Method“, гдѣ настаивалъ на большей церковной свободѣ и на сохраненіи народныхъ интересовъ въ дѣлахъ церкви, подвергся за это осужденію своихъ властей, заключенію на мѣсяцъ въ монастырской тюрьмѣ, и вынужденъ былъ къ отреченію отъ нѣкоторыхъ своихъ писаній. Переведенный въ 1851 въ Пешть, онъ отдалъ въ другія руки названный журналъ, и нѣсколько лѣтъ велъ здѣсь „Katolické Noviny“, гдѣ, между прочимъ, защищалъ право словенскаго литературнаго языка противъ приверженцевъ чешскаго. Особеннымъ отдѣломъ его литературныхъ трудовъ была дѣятельность его какъ писателя драматическаго—подъ упомянутымъ псевдонимомъ. Ему принадлежатъ комедіи: „Incognito“, „Drotač“, „Smiezenie“, которыя пользуются большою популярностью по вѣрному изображенію словенской жизни и удачному веденію драматическаго сюжета. Онъ считается настоящимъ начинателемъ словенскаго театра; съ 1858 являются у Словаковъ кружки любителей и особенно любимы комедіи Палайрика ¹⁾. Онъ былъ также дѣятельнымъ участникомъ въ изданіяхъ своего друга Викторина, и въ 1864 напечаталъ въ альманахѣ его „Lipa“ свою теорію славянской взаимности. Приверженецъ племенныхъ автономій, онъ стоитъ за славянскій федерализмъ противъ централизаціи и абсолютизма; взгляды этого рода, выраженные имъ и прежде въ печати и въ св.-мартынскомъ собраніи 1861, навлекли на него нападенія противной партіи, между прочимъ въ „Чернокнижнѣхъ“ Паулини. Въ послѣдніе годы Палайрикъ работалъ надъ элементарными книгами для католическихъ школъ ²⁾.

Йосифъ Викторинъ (род. 1822) учился въ католическихъ школахъ, подъ вліяніемъ Палайрика возымѣлъ народный патриотизмъ, въ 1845 познакомился со Штуромъ и сталъ сотрудникомъ основанныхъ тогда „Словенскихъ Новинъ“. Это навлекло Викторину, какъ Палай-

¹⁾ *Dramat. Spisy*. Пешть 1870. Комедіи его давались съ успѣхомъ также на сербско-хорватскомъ языкѣ.

²⁾ Биографія въ «Научномъ Словникѣ».

рику, обвиненія въ „панславизмѣ“ и слѣдствіе, какія раньше были ведены противъ Штура въ Пресбургѣ. Тѣмъ не менѣе въ 1847 Викторинъ сдѣланъ былъ священникомъ; случилось, что ему достался католическій приходъ въ сосѣдствѣ съ Гурбаномъ, съ которымъ онъ и подружился. Это былъ опять поводъ къ обвиненіямъ съ мадьярской стороны, и въ 1848 Викторинъ попалъ въ тюрьму. Въ пятидесятыхъ годахъ, онъ присоединился къ той словенской партіи (Д. Лихардь, Палайрикъ, Радлинскій и др.), которая тогда подъ покровительствомъ министра графа Туна старалась опять о распространеніи чешскаго языка, противъ Гурбана и его партіи. Викторинъ принималъ дѣятельное участіе въ полемикѣ, которая началась по этому предмету между газетами „Viden'ský Denník“ (органъ чешскихъ аристократовъ), „Pražské Noviny“ и „Slovan“ Гавличка съ одной стороны, и Гурбановыми „Pohladi“ съ другой. Въ 1858 Викторинъ издалъ альманахъ „Sopcordia“, гдѣ его статьи были написаны по-чешски, а Палайрика—по-словенски. Затѣмъ онъ издавалъ альманахъ „Lípa“ (три книги, 1860, 1862, 1864), гдѣ снова вернулся на сторону сепаратистовъ, къ досадѣ Чеховъ. Объ его словенской грамматикѣ упомянуто выше. Викторинъ есть ревностный патриотъ, заботящійся вмѣстѣ о развитіи словенской литературы (онъ издавалъ сочиненія Яна Голаго, сочиненія Заборскаго) и о сохраненіи ея связей съ чешскою.

Мы называли уже Андрея Радлинскаго: это—писатель и журналистъ, по преимуществу церковный; онъ издавалъ въ разное время „Katolícké Noviny pre dom i cirkve“, упомянутый журналъ „Cyrill i Method“ (съ приложеніемъ: Priatel' školy a literatury), проповѣди и т. п. Онъ былъ однимъ изъ ревностнѣйшихъ защитниковъ отдѣльности словенской литературы.

Выше мы упомянули Палайрика и Паулини-Тота, какъ драматическихъ писателей. Еще ранѣе на этомъ поприщѣ явился рано умершій словенскій писатель Ник. Догнаный (Mikulaš Dohnány, ум. 1852), которому принадлежитъ драма „Podmanipovci“ (изд. въ Левочѣ, 1848). Но въ особенности плодотворный драматикъ есть старѣйшій, кажется, изъ словенскихъ писателей настоящаго времени, Ионашъ Заборскій (род. 1812). Его ученье, по недостатку матеріальныхъ средствъ, было трудное; но онъ рано почувствовалъ народно-патріотическую ревность и, раздраженный нападеніями ренегатовъ на народное дѣло, послалъ Коляру оду „Къ Словакамъ“ (Na Slovákov), которая и была напечатана въ издававшейся тогда „Зорѣ“ (1836). Потомъ онъ провелъ гдѣ въ Галле со Штуромъ, Червенакомъ и Гросманомъ. По возвращеніи домой, онъ издалъ „Vajku“ (въ Левочѣ, 1840). Подвергшись также обвиненіямъ въ панславизмѣ, испытавши, кромѣ того, матеріальныя неудачи, онъ не устоялъ противъ убѣжденій—перейти въ католицизмъ.

Въ 1848 Мадьяры посадили его въ тюрьму по обвиненію въ замыслѣ возстанія; на дѣлѣ онъ не сочувствовалъ возстанію, не имѣя на него никакой надежды, такъ-что изъ-за этого Штуръ возымѣлъ къ нему непримиримую вражду. Замѣтимъ, что передъ тѣмъ Заборскій подалъ и свой „голосъ“ въ ту сборную книгу, которая издана была Чешскимъ Музеемъ противъ литературныхъ нововведеній Штура. Въ 1851, онъ издалъ сборникъ стихотвореній (*Zěhry. Básně a dvě Keři, Věna 1851*, куда вошли и прежнія басни); но они встрѣтили такой строгій, — и не несправедливый — судъ М. Догнааго и Калинчака въ журналѣ Гурбана ¹⁾, что Заборскій пересталъ писать. Онъ вернулся къ литературѣ уже въ 1860-хъ годахъ съ длиннымъ рядомъ драмъ, уже словенскихъ: двѣ изъ нихъ напечатаны были, подъ псевдонимомъ Война Іосифовича, въ „Лигѣ“ 1864; далѣе, Викторинъ издалъ его „*Básně dramatické*“ (Пешть, 1865), потомъ его „Лжедимитриады“ (*Lžedimitrijady čili búrky Lžedimitrijovské v Rusku*, Пешть, 1866) или рядъ изъ девяти драмъ, представляющихъ событія междуцарствія отъ убійства царевича Димитрія до первыхъ годовъ царствованія Михаила Романова. Наконецъ, семнадцать пьесъ издано было Паулини-Тотомъ въ приложеніяхъ къ его журналу „Соколъ“ ²⁾. Наконецъ Заборскій писалъ рассказы, мелкія сатирическія статьи и т. п. Но главное дѣло Заборскаго — его многочисленныя драмы: содержаніе ихъ вообще берется изъ старой словенской исторіи, и ему ставятъ въ особую заслугу, что онъ, избѣгая обычныхъ любовныхъ темъ, старается о вѣрномъ изображеніи событій — своимъ пьесамъ онъ предпосылаетъ историческіе рассказы о предметѣ драмы, иногда очень длинныя. Эта популяризація исторіи и можетъ считаться ихъ главнымъ достоинствомъ для литературы, небогатой подобнымъ чтеніемъ.

Основаніе словенской Матицы было новымъ оживленіемъ народности: Матица стала издавать свой ежегодникъ, „*Letopis*“; въ нее стали собираться значительныя пожертвованія книгами, археологическими предметами, деньгами. Въ „*Лѣтописѣ*“ (два выпуска въ годъ), печатались статьи въ особенности по древностямъ, исторіи, топографіи, народному быту „*Словенска*“; сотрудниками были безразлично писатели обоихъ исповѣданій — такъ появлялись здѣсь: І. Л. Голуби, Фр. Сасинець, П. З. Гостинскій, Сам. Томашиць, Юиашъ Заборскій, Гурбанъ, Само Халушка, Михаль Годра, Дан. Лихардъ и др. Въ 1860 —

¹⁾ *Slov. Pohľadí*, ч. I, 1851, стр. 185 — 198. Книжка Заборскаго написана на чешскомъ съ примѣсью словенскаго, такъ какъ онъ стоялъ за литературный союзъ съ Чехами; критики находили, что онъ только насилуетъ чешскій языкъ, за что и Чехи его не благодарятъ.

²⁾ Новое изданіе: „*Divadelné hry*“. V Skalici, 1870.

1870-хъ годахъ издавалось немало газетъ и журналовъ: Pešť'budinske vedomosti, Францисци, Мик. Феръенчика, превратившіяся послѣ въ Narodné Noviny, въ Турч. св. Мартинѣ; Orol, časopis pre zábavu a poučenie, Калинчака и Ситнянскаго; Obzor, хозяйственная газета Лихарда; Slovenske Noviny; Církevní Listy, Гурбана; Cyrill a Method, Радлинскаго; Priateľ ľudu; и друг. Мадыарское правительство, для противо-дѣйствія этой патриотической литературѣ, сочло нужнымъ имѣть словенскій органъ,—въ прежнее время такими были: „Краjan“, „Когула“, „Vlastenec“, но они не могли удержаться; теперь эту роль исполняетъ политическая газета „Svornost“.

„Матица“ была единственнымъ средоточіемъ національно-литературныхъ интересовъ и все болѣе приобрѣтала популярности въ этомъ смыслѣ. Но дни ея были уже сочтены. Въ 1874 Словакамъ пришлось испытать новое тяжкое гоненіе. Въ концѣ шестидесятихъ годовъ они успѣли основать три словенскія гимназіи (одну—католическую, двѣ—протестантскія), которыя были надеждой національнаго движенія, потому что могли давать воспитаніе на родномъ языкѣ. Мадыарская партія достигла того, что эти гимназіи, какъ „панславистическія и опасныя мадыарскому государству“, были подвергнуты слѣдствію, и хотя оно не подтвердило обвиненій, всѣ три были закрыты; вслѣдъ затѣмъ подвергнута слѣдствію и „Матица“, и дѣятельность ея прекратилась. Ея собранія, бібліотека были секвестрованы.

Это былъ, конечно, страшный ударъ для народности, которая, съ своими скромными средствами, собирала здѣсь свои національныя сокровища и должна была терять отъ наглаго насилія... Словенская литература представлялась „хаосомъ“ Гильфердингу въ концѣ пятидесятихъ годовъ. Такое впечатлѣніе она можетъ снова произвести и теперь. Мѣстныя силы не имѣютъ защиты отъ мадыарства; славянская „взаимность“ по обыкновенію отсутствуетъ; ревностнѣйшіе патриоты, какъ Гурбанъ, оставляютъ словенскій языкъ для чешскаго.

Незадолго до закрытія, „Матица“ предприняла важное изданіе: Архивъ старыхъ чешско-словенскихъ грамотъ и письменныхъ памятниковъ ¹⁾, сборникъ народныхъ пѣсенъ. Редакторомъ перваго изъ этихъ изданій былъ дѣятельный писатель и горячій патриотъ Франко-Викторъ, или Витязославъ, Сасинекъ (род. 1830). Родившись въ бѣдной семьѣ, онъ 16-ти лѣтъ былъ уже послушникомъ-капуциномъ, въ 1853 сталъ священникомъ, преподавалъ церковные предметы въ разныхъ католическихъ школахъ, въ 1863 получилъ разрѣшеніе выйти изъ ордена, и съ 1864 упомянутый епископъ Мойзесъ назначилъ его профессоромъ догматики въ семинарію въ Баньской-Быстрицѣ и проповѣдни-

¹⁾ Archiv starých česko-slovenských listin, písemností a dějepisných povídek pro dějepis a literaturu Slovákov. Turč. Sv. Martin. 1872—73, 2 выи.

комъ главнаго епископскаго храма. Сасинець обнаружилъ чрезвычайную дѣятельность, принималъ участіе во всѣхъ патріотическихъ предпріятіяхъ, и напр. въ основаніи Пешть-будинскихъ Вѣдомостей, въ основаніи „Матицы“, много писалъ, стихами и прозой, въ словенскія и не-словенскія изданія, составлялъ латинскіе учебники, духовные пѣсенники и проч. Наконецъ онъ явился главнымъ словенскимъ историкомъ: ему принадлежитъ нѣсколько сочиненій по исторіи словенской земли и Венгріи, и почти ни одна книжка лѣтописи „Матицы“ не обходилась безъ его археологической и исторической статьи ¹⁾. Съ прекращеніемъ журнала Матицы, Сасинець предпринялъ свое изданіе, посвященное словенской исторіи, топографіи, археологіи и этнографіи ²⁾.

Но и въ этомъ неопредѣленно-тяжеломъ положеніи теплится народный патріотизмъ. Въ нѣмецкой книжкѣ, выше названной, Сасинець разсказалъ и для не-словенской публики о грубыхъ насиліяхъ противъ своей народности; патріоты питаютъ надежду на правоту своего дѣла. Друзья словенскаго народа встрѣтили съ великими сочувствіями новый признакъ жизни въ словенской литературѣ, книжку „Tatry a More“ (Turč. Sv. Martin, 1880), сборникъ лирическихъ и эпическихъ стихотвореній поэта новаго поколѣнія (псевдонима) Ваянскаго. Татры—родина поэта, море есть Адриатика, гдѣ онъ посѣтилъ края родственнаго Славянства. Въ стихотвореніяхъ Ваянскаго есть отголоски чешской романтической манеры, есть неровности, но много самобытнаго характера и поэтической оригинальности; національный патріотизмъ высказывается рѣзкими чертами, особенно въ поэмѣ „Иродъ“ (Herodes), имя котораго дано національному врагу, Мадыару. Чешскіе критики встрѣтили съ большими сочувствіями книжку Ваянскаго, но не могли удержаться отъ вопроса: „Неужели навсегда разорвана тѣсная связь, которая нѣкогда соединяла Чеховъ и Словаковъ въ одинъ могущественный народъ чешско-словенскій? Развѣ нельзя уже никогда возобновить это народное единство, и не было ли бы оно полезно вамъ и намъ, и цѣлому Славянству?“ ³⁾.

Вопросъ усложняется новыми извѣстіями о начавшихся эмиграціяхъ Словаковъ въ Америку.

¹⁾ Главныя историческія сочиненія его слѣдующія:

— Dejiny drievnych národov na území terajšieho Uhorska. V Skalici, 1867, съ картой; 2-е изд. Turč. Sv. M. 1878.

— Dejiny počiatkov terajšieho Uhorska, съ картой. V Skalici, 1868.

— Dejiny kráľovstva Uhorského. Часть I, домъ Арпадовскій, 1009—1300. V B. Bystrici, 1869. Часть 2, смѣшанныя династіи, 1300—1526. Turč. Sv. M. 1871—77.

²⁾ Slovenský letopis pre históriu, topografiu, archaeológiu a ethnografiu. Первый годовою томъ или «рочникъ» вышелъ въ Скалицѣ, 1876; 2-й—въ 1877.

³⁾ См. Květy, 1880, январь, стр. 119—122, 128.

III. Народная поэзія у Чеховъ, Мораванъ и Словаковъ.

Историческія свѣдѣнія о народной поэзіи Чеховъ, также Мораванъ и Словаковъ, за древнее время очень скудны. У старыхъ латинскихъ лѣтописцевъ, начиная съ Козьмы Пражскаго, въ нѣкоторыхъ произведеніяхъ старо-чешскихъ есть упоминанія о пѣвнѣ пѣсенъ, но изъ этихъ упоминаній можно извлечь почти только голый фактъ существованія народной поэзіи, который можно было бы и безъ того предположить à priori. Основной вопросъ, который здѣсь представляется, состоитъ въ томъ: существовала ли у Чеховъ (въ историческія времена) поэзія эпическая? Обыкновенно привыкли думать, что эпика есть необходимый спутникъ древнихъ временъ, и у Чеховъ она была не только предположена, но и доказываема фактами, именно существованіемъ „Любушина Суда“ и „Краледворской Рукописи“. Такимъ образомъ мы возвращаемся опять къ тому же вопросу.

Относительно этого пункта, мы можемъ достаточно опредѣлить настоящее положеніе вопроса, указавши два противоположныя ученныя мнѣнія. Одно представлено въ книгѣ Иос. и Гермен. Иречковъ, *die Echtheit etc.*, гдѣ защищается эпосъ названныхъ памятниковъ и скудныя упоминанія древнихъ памятниковъ о народной поэзіи толкуются въ смыслѣ существованія поэзіи эпической. Другое высказано Ягичемъ ¹⁾, который (въ 1876), не отвергая прямо подлинности тѣхъ памятниковъ, но давая ясно понять свое крѣпкое въ этомъ сомнѣніе, отвергаетъ рѣшительно, чтобы по нимъ дозвоительно было дѣлать какія-либо заключенія о существованіи эпики въ исторически извѣстной чешской древности, а перебравши лѣтописныя упоминанія о пѣсняхъ, не находитъ въ нихъ также никакого намека именно на эпосъ. Въ результатѣ своихъ очень доказательныхъ изслѣдованій, Ягичъ говоритъ: „Справедливо можно сомнѣваться, чтобы чешскій народъ въ XIII и XIV вѣкѣ имѣлъ иную народную поэзію, чѣмъ теперь. Я разскажу

¹⁾ Въ упомянутой «*Gradja*» etc. или въ русскомъ переводѣ въ Слав. Ежегодникѣ Задерацкаго за 1878 г.: «О славянской народной поэзіи», стр. 179—193.

разрядъ, характеръ и весь строй, а не содержаніе отдѣльныхъ пѣсенъ. Содержаніе—какъ листья, которые осенью опадаютъ съ дерева, а весной распускаются новыя, но одинаковыя съ прежними. Это можетъ быть подтверждено по крайней мѣрѣ нѣкоторыми небольшими доводами. Въ рукописныхъ сборникахъ свѣтской, не народной, но искусственной лирики, есть еще кое-гдѣ пѣсня сплошь народная или распѣваемая какъ имитация народной... Почему мы думаемъ, что это народныя пѣсни? Именно потому, что онѣ такъ удивительно сходны съ нынѣшней народной лирикой. Слѣдовательно, въ пятьсотъ лѣтъ чешскій народъ ни мало не измѣнилъ характера своей народной лирики...“

Не приводя всей аргументаціи Ягича, замѣтимъ только, что она до сихъ поръ не была опровергнута чешской критикой, а напротивъ сомнѣнія въ древнемъ чешскомъ эпосѣ возрастаютъ.

Положительныя свидѣтельства о народныхъ *лирическихъ* пѣсняхъ восходятъ до XIV вѣка. Въ рукописяхъ сохранилось очень много если не цѣлыхъ пѣсенъ, то ихъ первыхъ словъ или стиховъ, — ради ихъ *напѣва*. Дѣло въ томъ, что составители пѣсенъ церковныхъ довольно часто приспособляли ихъ размѣръ къ напѣву народныхъ пѣсенъ, въ то время общезвѣстныхъ и любимыхъ: церковные стихотворцы безъ сомнѣнія ожидали, что ихъ пѣсни лучше будутъ удерживаться въ памяти, когда будутъ пѣться по извѣстной мелодіи. Поэтому, въ рукописныхъ, а потомъ печатныхъ, сборникахъ церковныхъ пѣсенъ обыкновенно означалось, что пѣсня поется какъ такая-то народная пѣсня, которая и указывалась первымъ стихомъ. Кромѣ размѣра, сохранился такимъ образомъ и напѣвъ: въ однихъ канціоналахъ указывалось начало народной пѣсни, въ другихъ приписывалась мелодія нотами, въ третьихъ — то и другое рядомъ. Кромѣ канціановъ, есть другія записи, на пустыхъ листахъ и обложкахъ рукописей, какъ будто сдѣланныя для развлеченія отъ скучной работы — напр. иногда въ тяжелыхъ латинскихъ трактатахъ, и т. п. На эти свѣтскія или народныя пѣсни въ старыхъ рукописяхъ давно обратили вниманіе чешскіе ученые, напр. Палацкій (въ „Часописѣ“ 1827), потомъ Ганка, Юнгманъ, Шафарикъ, Ганушъ, но съ наибольшей полнотой эти свидѣтельства и клочки пѣсенъ собраны въ специальныхъ работахъ Фейфалика и Иос. Иречка ¹⁾.

¹⁾ Julius Feifalik, *Altteichische Leiche, Lieder und Sprüche des XIV und XV. Jahrhunderts*, въ *Sitz.-berichte Вѣнской Академіи*, т. XXXIX, стр. 627—748 (ср. также нѣ другія изслѣдованія этого писателя о старо-чешской литературѣ). Здѣсь отмѣчено, для XIV—XV вѣка, 99 лирическихъ стихотвореній, въ большинствѣ книжныхъ, но есть также нѣсколько видимо чисто народныхъ (ср. стр. 641—646), каковыя Фейфаликъ считаетъ особенно № XXI—XXVI своего собранія. Иречекъ, *Zbýtky českých písní národních ze XIV do XVIII věku*, въ „Часописѣ“, 1879, стр. 44—59.

Понятно, что скудость сохранившихся остатков не дает прочного основания заключать ни о степени древности, ни о степени производительности народной поэзии у Чеховъ; эти остатки дают только возможность судить объ ея складѣ въ данныя эпохи. Понятно, что у Чеховъ и за вѣка до этихъ свидѣтельствъ была своя народная пѣсня, какъ естественное выраженіе личнаго чувства, религіозности, обряда; очень вѣроятно, что еще въ древнія времена важныя историческія событія, волновавшія народъ, вызывали и пѣсню похвалы или осужденія,—какъ масса пѣсенъ этого послѣдняго рода явилась въ гуситскую эпоху и, несмотря на всѣ запрещенія, ходила по странѣ какъ отголосокъ общественнаго и народнаго настроенія.—Но все это, особенно въ старину, не попадало въ книгу: старые лѣтописцы были обыкновенно книжники, относившіеся съ большимъ или меньшимъ пренебреженіемъ къ подобнымъ проявленіямъ народной жизни; притомъ церковь у Чеховъ, какъ и у Русскихъ, и вообще въ средніе вѣка, осуждала народную поэзію или какъ слѣдъ язычества, чѣмъ она нерѣдко и бывала, какъ забаву противную новой аскетической нравственности, или прямо какъ вещь обценную, чѣмъ пѣсня вѣроятно также бывала на дѣлѣ ¹⁾.

Равно начавшееся у Чеховъ иноземное, латино-нѣмецкое вліяніе ввело въ образованныхъ кругахъ поэзію искусственную, которая снова отдаляла на второй планъ самобытную народную. Людямъ образованнымъ поэзія народа не казалась достойной вниманія, и единственные люди, которые ею интересовались, были тѣ, которые стояли между двумя слоями, высшимъ сословіемъ и шлохой и—народомъ. Это были школьники, „жаки“, „ваганты“, именно выходившіе изъ средняго и низшаго класса и еще близкіе къ простому быту, его нравамъ и поэзіи. Они и сами бывали авторами пѣсенокъ, которыхъ не мало записано въ старыхъ сборникахъ стиховъ любовныхъ, шутивыхъ, макароническихъ, и народныхъ пѣсни, уцѣлѣвшія изъ тѣхъ временъ, оказы-

Здѣсь собрано до 133 начальныхъ стиховъ, и отчасти цѣльныхъ пѣсенъ, по старымъ сборникамъ, канціоналамъ и проч.

Прежніе труды по собранію пѣсенныхъ остатковъ указаны въ этихъ статьяхъ. См. также Rukovět, II, 121; Vybor z liter. české, II, 639—646; Malý Vybor, стр. 93—99. Ср. еще пѣсню, не вошедшую въ эти собранія: Mistr Lepič, moudrý hrněč, изъ рукописи XV в., у Шафарика, Klabouřání, въ «Часописѣ», 1848, II, стр. 271—272 (въ Собр. Сочин. текста этого нѣтъ).

¹⁾ Отъ XV-го столѣтія Фейфалнкъ (стр. 643, прим.) приводитъ любовитную цитату изъ неизвестнаго автора, который негодовалъ напротивъ, что въ его время запрещались «хорошія народныя пѣсни» и не запрещались развратныя: онъ осуждаетъ людей, qui bonas vulgares canciones prohibent, que sunt ex lege dei, sanctis ewangelijis ac epistolis et prophetis et apostolicis dictis compositae. Et non prohibent cantus meretricum qui ad lasciviam et adulteria prouocant etc. Дѣло въ томъ, что въ XV столѣтіи церковь запрещала эти «хорошія пѣсни», составленныя по предметамъ изъ Свящ. Писанія, для ибжанія поводовъ къ ереси; но вѣроятно уже не обращала вниманія на простыя пѣсни, въ числѣ которыхъ могли быть и характеризованныя какъ cantus meretricum.

ваются особенно въ сборникахъ съ серьезными учебными выписками и т. п., между которыми записаны и веселыя пѣсни.

Что пѣсни, которыя приводятся или упоминаются въ старыхъ сборникахъ, были дѣйствительно народныя, это заключаютъ по ихъ складу, по указаніямъ напѣва, который считается общеизвѣстнымъ, и наконецъ по сходству ихъ началъ съ пѣснями, доннынѣ существующими у Чеховъ, Мораванъ и Словаковъ ¹⁾.

Нельзя, разумѣется, утверждать, что это именно *тѣ самыя* нынѣшнія пѣсни, съ которыми онѣ представляютъ сходство. Въ самѣхъ старыхъ пѣсняхъ, при одинаковомъ началѣ является иногда двоякій или тройкій размѣръ, т. е. были значительные варианты и въ то время; неудивительно, что размѣръ старыхъ пѣсенъ не всегда сходится съ размѣромъ новѣйшихъ. Можно только думать, что старая и новая чешская пѣсня были однородны по складу, что по крайней мѣрѣ отъ XIV вѣка это было одно дерево, на которомъ съ новой весной являлись новыя листья.

Сколько можно заключать по этимъ немногимъ остаткамъ цѣльныхъ пѣсенъ и начальныхъ стиховъ, то народная повѣя у Чеховъ уже съ XIV вѣка была, сравнительно съ другими славянскими племенами, сильно модернизована. Это было бы очень естественно при тѣхъ встрѣчахъ съ вліаніями латино-нѣмецкими, которыя издавна дѣйствовали въ чешской жизни и сглаживали ея древнія племенные отличія. Такъ, въ Чехію рано уже проникала съ нѣмецкими нравами нѣмецкая придворная повѣя; при чешскомъ дворѣ бывали нѣмецкіе миннезингеры, *joculatores*, и еще въ XII вѣкѣ упоминается *joculator* съ чешскимъ именемъ „Dobřeta“; являются упомянутые „ваганты“—они мало-помалу популяризовали искусственную повѣю, любовную и шутливую, которая наконецъ стала вторгаться въ область народной пѣсни.

¹⁾ До сихъ поръ замѣчены слѣдующія сходства пѣсенъ:

— A kdybush já věděl, XVI вѣка (Юнгм. IV, № 201, стр. 139), съ новой моравской пѣсней у Сушила, № 200 (изд. 1860): A dybush já smutny vědzěl.

— Dobrá noc, má milá, dobrá noc, въ Кунвальдскомъ Канционалѣ 1576, съ новой словенской у Коллара: Dobrú noc, ma duša! dobrú noc vinjujem (Nár. Zpiew. I, стр. 196).

— Eliška milá, Eliško, XV вѣка (Feifalik, стр. 738), съ чешской у Эрбена, стр. 65 (изд. 1862—64).

— Na tom panákem poli, XVI вѣка, съ пѣсней у Эрбена, № 469; у Сушила, варианты къ № 655 (стр. 786).

— Nic to nic, XVI в., съ пѣсней у Эрбена № 9 (стр. 515), у Сушила № 388.

— Pověděla Sibylla dale, XVI в., ср. у Коллара, Nár. Zpiew. II, стр. 457—458.

— Proč kalina v struze stojí, XVI вѣка, съ пѣсней у Эрбена (стр. 150 и 304), у Сушила (№ 433, стр. 321), у Крольмуса, Staročeské pověsti, zpěvy etc. (II, стр. 70, первой пагинации).

— Věj, větríčku z Dunaje, въ Кунвальдскомъ Канционалѣ 1572 и др., съ моравской пѣсней у Сушила. № 622 (стр. 438).

— Vím-t' ja hájek zelený, XVI вѣка, съ моравской пѣсней у Сушила, № 837 (стр. 754).

Извѣстно, — между прочимъ по опыту нашей народной жизни, — что поэзія сельская, крѣпко держась преданія при обособленности, уединенности народнаго быта, довольно легко однако уступаетъ при встрѣчѣ съ бытомъ городскимъ, передъ относительнымъ образованіемъ, передъ новыми нравами. Обиліе пѣсенъ искусственныхъ, сочиняемыхъ на случаи среди общественныхъ волненій XV—XVI вѣка, размноженіе „вагантовъ“, позволяютъ думать, что народная пѣсня у Чеховъ до сильной степени была затронута вліяніями нѣмецкихъ нравовъ и искусственнаго стихотворства; это отразилось и въ ея содержаніи, гдѣ уже нѣтъ той природной непосредственности, какою мы встрѣчаемъ у племень, менѣе тронутыхъ городской и иноземской цивилизаціей, и въ формѣ, гдѣ въ стиху вѣроятно уже рано приросла рима.

Новое и послѣдовательное вниманіе къ народной поэзіи относится къ началу нынѣшняго столѣтія. Первый примѣръ таковаго рода находятъ въ „Prvotínach“ Громадка въ 1814, гдѣ были указаны сербское собраніе пѣсенъ Вука и русское Прача, и объяснялась необходимость собиранія чешскихъ пѣсенъ. Затѣмъ въ 1817 сдѣлалось извѣстно, что къ подобному собиранію приступаютъ у Словаковъ, и въ томъ же журналѣ стали появляться словенскія пѣсни. Ганка попробовалъ издать переводъ сербскихъ пѣсенъ, чтобы потомъ ознакомить своихъ соотечественниковъ съ народной поэзіей другихъ славянскихъ племень, — но предпріятіе не имѣло успѣха и не было продолжаемо. Наконецъ, особенный интересъ къ предмету возбудило появленіе „Любушина Суда“ и „Краледворской Рукописи“, и первый трудъ по народной поэзіи, имѣвшій успѣхъ, была названная раньше книга Челяковскаго, гдѣ кромѣ чешскихъ, моравскихъ и словенскихъ пѣсенъ, приведены образчики народной поэзіи почти всѣхъ вѣтвей славянскихъ, съ чешскимъ переводомъ ¹⁾. Въ 1825 издано было уже значительное, хотя мало исправное собраніе мелодій. Въ 1834, I. Лангеръ помѣстилъ въ „Часописъ“ нѣсколько пѣсенъ, относящихся къ свадебнымъ и другимъ обычаямъ.

Еще къ старѣйшему поколѣнію чешскихъ патриотовъ принадлежалъ ревностный собиратель древностей, народныхъ обычаевъ и поэзіи, Вацлавъ Крольмусъ (или Грольмусъ, 1787 — 1861). Выросши подъ вліяніемъ первыхъ чешскихъ „властенцевъ“, особливо Юнгманна, Крольмусъ еще во время студенчества странствовалъ по краю, изучая старину и народность. Ставши священникомъ съ 1815, онъ жилъ въ провинціальныхъ мѣстечкахъ, пріобрѣлъ вскорѣ большую популярность въ народѣ даже между не-католиками; наконецъ вздумалъ перевести

¹⁾ Slovanské národní písně, 3 части. Прага, 1822—27. Выборка отсюда въ нѣмецкомъ переводѣ: Slawische Volkslieder, von Jos. Wenzig. Halle, 1830.

католическую агенду на чешскій языкъ и производить по ней богослуженіе у не-католиковъ. Это обстоятельство, и вообще его особенная популярность навлекли ему не мало хлопотъ съ его властями, которыя переводили его съ мѣста на мѣсто, наконецъ въ 1843 дали ему отставку. Старость и болѣзненность не помѣшали ему принять участіе въ національномъ движеніи 1848 года. Онъ много трудился надъ археологіей, особенно надъ раскопками, и доставилъ много древностей для Чешскаго Музея и частныхъ собраний, сообщая много матеріала для книги Калины ¹⁾. Въ этой археологіи онъ былъ крайне ревностный изыскатель и — фантастъ: онъ съ увѣренностью говорилъ о до-исторической древности, находилъ слѣды жертвъ Чернобогу, безъ труда отыскивалъ и легко читалъ древне-чешскія руны и т. д. Мы знали его въ концѣ пятидесятыхъ годовъ драхлымъ старцемъ, который однако оживлялся, когда заговаривалъ о любимой чешской старинѣ. Это былъ типъ стараго „властенца“. Научной критики у него было очень мало, но этнографическія работы его имѣли въ свое время немалую цѣну, хотя бы иногда какъ возбужденіе вопросовъ: въ чешской археологіи онъ не прочь говорить о Вишну и Шивѣ, о Чернобогѣ и т. д., древнее Славянство представляется ему въ видѣ „Славин“, — но о современномъ народномъ бытѣ онъ даетъ не мало цѣнныхъ указаній ²⁾.

Классической книгой считается названное нами ранѣе собраніе чешскихъ народныхъ пѣсенъ, К. Я. Эрбена: въ первый разъ сборникъ его появился въ 1842—43; третье изданіе въ шестидесятыхъ годахъ ³⁾. Эрбенъ занимался и другой стороной народной поэзіи — сказкой; мы назвали прежде его книжку, сюда относящуюся. На сказки и раньше обращено было вниманіе: ихъ рассказывали и „обрабатывали“, напр., Якубъ Малый ⁴⁾, Божена Нѣмцова, I. К. Тылъ ⁵⁾, и особенно I. К. изъ-Радостова, издавший въ пятидесятыхъ годахъ обширное изданіе чешскихъ сказокъ ⁶⁾. Къ сожалѣнію, очень часто читатель — а съ нимъ и изслѣдователь — остается безъ указанія относительно того, насколько собиратели держались подлиннаго народнаго разсказа, т.-е.

¹⁾ Dr. M. Kalina von Jäthenstein, Böhmens heidnische Opferplätze, Gräber und Alterthümer. Prag, 1836.

²⁾ Главный его трудъ: Staročeské pověsti, zpěvy, hry, obyčeje, slavnosti a nářečím obhlédem na bájeslovi česko-slovanské, jež sebral V. S. Sumlork (его имя, прочитанное обратно), 13 выпусковъ или 8 частей. Прага, 1845—1851; Poslední Božístě Cernoboha s runami na Skalsku v kraji Boleslavském. Прага, 1857;—Agenda česká, Прага, 1848.

Ср. еще о немъ въ Томковомъ розысканіи о «Любушнѣ Судѣ».

³⁾ Prostonárodní české písně a říkadla. Прага, 1862—64, одинъ большой томъ.

⁴⁾ Národní české pohádky a pověsti. Прага, 1868, и особенно: Sebrané báchoroky a pověsti národní. Прага, 1846.

⁵⁾ Drobnější povídky prostonárodní, въ собраніяхъ его сочиненій.

⁶⁾ Národní pohádky, 12 выпусковъ. Прага, 1866—66; 2-е изданіе, въ двухъ томахъ, Прага, 1872.

сколько здѣсь чистаго этнографическаго матеріала и сколько литературной обработки.

Въ началѣ семидесятыхъ годовъ въ Прагѣ составился кружокъ любителей народности, повидимому главнымъ образомъ изъ академической молодежи, подъ названіемъ „Славія“, который предпринялъ собраніе и изданіе произведеній народной словесности, и поддѣле руководился указаніями Гебауэра. Кругъ этихъ произведеній былъ такой же, какой намѣченъ былъ еще Крольмусомъ, и „Славія“ принимала правиломъ вносить въ свое собраніе только вещи нежданнаы или новыя варианты ¹⁾. Между прочимъ, по совѣту Гебауэра, издатели обратили вниманіе на то, чтобы при записываніи народныхъ произведеній сохранить варіаціи мѣстныхъ говоровъ.

Для Моравіи главный и замѣчательнѣйшій собиратель есть Франтишекъ Сушилъ (1804—1868). Родомъ Мораванъ, съ 1827 священникъ, потомъ профессоръ теологіи въ Бѣргѣ, онъ былъ на Моравѣ однимъ изъ первыхъ пробудителей народно-славянскаго патриотизма, и долго послѣ главнѣйшимъ его представителемъ. Это былъ классическій ученый, богословъ, стихотворецъ и этнографъ, наконецъ ревностный дѣятель въ обществѣ св. Кирилла и Меодія (Dědictví ss. Cyrila i Methoděje), работавшемъ для народно-патриотической литературы. Онъ издалъ антологию переводовъ изъ Овидія, Катулла, Проперція и Музея, 1861; очень цѣнное сочиненіе о чешской просодіи, 1861; переводъ Новаго Завѣта съ древнѣйшихъ греческихъ текстовъ, который считается однимъ изъ лучшихъ произведеній чешской богословской литературы. Его собственныя (духовныя) стихотворенія тяжелы по формѣ, но пронизаны горячимъ патриотическимъ чувствомъ. Онъ рано задумалъ собраніе народныхъ пѣсенъ, питая опасенія, что чешскому племени грозитъ погибель, какъ Балтійскому Славянству; потому его завлекли поэтическія красоты этихъ произведеній. Первый сборникъ его вышелъ въ 1835—40 году; 2-е изданіе, 1860 года ²⁾, считается въ ряду лучшихъ собраній славянскихъ пѣсенъ по обилію матеріала, по точности изданія, по богатству народныхъ мелодій ³⁾.

Другой прилежный собиратель есть Бенешъ-Методъ Кульда (род. 1820). Родомъ также Мораванъ, Кульда учился въ бѣрненской семи-

¹⁾ Národní pohádky, písně, hry a obyčeje. Vydává péčí komise pro sbírání nár. pohádek etc. literární řečnícký spolek „Slavia“ v Praze. 1-й отдѣлъ, 4 выпуска, Прага, 1873—76. 2-й отдѣлъ, съ болѣе подробнымъ заглавіемъ: Národní písně, pohádky, pověsti, říkadla, přísloví, pořekadla, obyčeje všeobecné a zejména právní, 4 выпуска. Прага, 1877—78.

²⁾ Moravské národní písně s nářevy do textu vřádenými. V Brně, 1860, большой томъ въ 800 стр. текста въ два и три столбца, съ напѣвомъ (нотами) для каждой пѣсни.

³⁾ Ср. о характерѣ дѣятельности католическаго духовенства и общества св. Кирилла и Меодія, у Гильфердинга, Собр. Сочин., II, 99—100.

наріи и образовался вообще подъ вліяніемъ Сушила; священникъ съ 1845, онъ также сталъ горячимъ ревнителемъ народнаго дѣла, участвовалъ въ патріотическихъ предпріятіяхъ въ Моравіи и послѣ въ Чехіи, и въ обществѣ св. Кирилла и Меодія; съ 1870 онъ сталъ вышеградскимъ каноникомъ въ Прагѣ. Его литературная дѣятельность выразилась, во-первыхъ, въ религіозно-поучительныхъ книгахъ для народа—въ томъ католическомъ духѣ, который осуждается Гильфердингомъ, но достаточно объясняется тѣмъ, что католическое священство въ Моравіи составляло главную поддержку народнаго движенія; во-вторыхъ, въ очень цѣнныхъ работахъ этнографическихъ. Его „Народныя сказки и повѣсти изъ околья Рожновскаго“, или такъ-называемой моравской Валахія, вышли отдѣльной книжкой въ 1854; затѣмъ, въ 1870—1871, въ основавшемся тогда „Часописѣ“ Моравской Матицы Кульда издалъ „Народныя повѣрья и обычаи“ того же округа. То и другое онъ соединилъ потомъ въ новомъ изданіи ¹⁾. Моравская Валахія отличается, по словамъ Кульды, особенной чистотой чешско-моравской народности, и собиратель старался передать народныя сказанія во всей ихъ народной подлинности. Наконецъ, тому же этнографу принадлежитъ любопытное изображеніе чешской народной *свадьбы* съ ея обычаями, рѣчами, пѣснями и ихъ нагѣвами ²⁾.

Ранѣе Кульды собиралъ народныя сказанія моравскія и силезскія Матѣй Микшичекъ, въ сороковыхъ годахъ ³⁾.

О первыхъ изученіяхъ народной поэзіи Словаковъ мы упоминали выше, говоря о трудахъ Шафарика и Коллара. Въ ту пору, у Словаковъ и у Чеховъ это были люди, наиболѣе живо чувствовавшіе народную поэзію и наиболѣе сознательно понимавшіе необходимость ея изученія. За сборникомъ пѣсенъ Шафарика, 1823—27, слѣдовало обширное двухъ-томное собраніе Коллара ⁴⁾. Еще въ „Дочери Славы“ Колларъ прославлялъ богатство славянской пѣсни; въ объясненіяхъ къ своей поэмѣ онъ приводилъ рядъ свидѣтельствъ самихъ иноземцевъ объ этомъ поэтическомъ изобиліи ⁵⁾. Изданіе пѣсенъ исполнено

¹⁾ Moravské národní pohádky, pověsti, obyčeje a pověry. 2 книжки. Прага, 1874—75. Въ предисловіи (I, стр. 14) Кульда съ удовольствіемъ вспоминаетъ сочувственный отзывъ Гильфердинга о своемъ трудѣ.

²⁾ Svadba v národě česko-slovanském či svadební obyčeje, řeči, promluvy, přípitky a 73 svadebních písní a parěvů etc. Въ Оломуцѣ, 1862; 2-е изд. 1866; 3-е изд. 1875.

³⁾ Sbirka pověstí moravských i slezských, 4 вып. Оломуцъ, 1843—45; 2-е изд. 1850;—Národní báchorky, 2 вып. Зноймъ, 1845;—Pohádky a povídky lidu moravského. V Brně 1847.

⁴⁾ Národní zpiewanky čili písně světské Slováků v Uhrách jak pospolitého lidu tak i vyšších stavů, sebrané od mnohých, v pořádek uvedené, vysvětlenými oprátné a vydané od Jana Kollára. W Budjné, 1834—35. До этихъ изданій нѣсколько словенскихъ пѣсенъ напечатано было въ журналѣ Громадна, и въ сборникѣ славянскихъ пѣсенъ Челяковского.

⁵⁾ Въ предисловіи ко второму выпуску своихъ «Словенскихъ пѣсенъ» Шафарикъ

съ большимъ стараніемъ: оно чрезвычайно разнообразно, и это разнообразіе отгѣнено въ расположеніи матеріала; къ пѣснямъ прибавлено много историческихъ и этнографическихъ объясненій. Колларъ жаловался, что многіе его соотечественники встрѣтили его предпріятіе очень холодно, но въ тоже время оказывалось, что пѣсни обратили на себя вниманіе патриотовъ еще съ половины прошлаго столѣтія, и Колларъ могъ извлечь изъ старыхъ записей нѣсколько любопытныхъ напечатковъ старой поэзіи ¹⁾.

Отгѣтимъ еще мало извѣстное, небольшое собраніе словенскихъ пѣсень, составленное Ивм. Срезневскимъ еще ранѣе сборника Коллара, въ Харьковѣ, со словъ заходившихъ туда Словаковъ, мелкихъ торговцевъ ²⁾.

Съ основаніемъ словенской Матицы предпринято было и новое собраніе произведеній народной словесности ³⁾, — которое, кажется, не продолжалось по закрытіи Матицы. Въ этомъ изданіи соблюдались особенности народнаго мѣстнаго языка.

Первое небольшое собраніе словенскихъ сказокъ сдѣлалъ въ соро-

также съ гордостью указываетъ удивительное распространеніе пѣсни у Словаковъ, которое составляетъ обще-славянскую черту и котораго не могли не замѣтить самые непріатели Славянства. Одинъ Нѣмецъ, авторъ книги: *Freymüthige Bemerkungen eines Ungars über sein Vaterland, Teutschland* (1799) — говоритъ: «Необминовенная любовь къ пѣнію составляетъ главную и прекрасную черту Славянъ. Весело ходитъ по полямъ во время жатвы: тогда все поетъ. Рѣдко можно встрѣтить, чтобы славянская женщина молчала: она болтаетъ или поетъ. Въ нѣмецкихъ мѣстахъ, гдѣ служатъ славянскія дѣвушки, онѣ всегда по утрамъ, набравши травы, толпой возвращаются съ пѣснями. Славяне имѣютъ въ этомъ рѣшительное преимущество передъ Нѣмцами, которыхъ Райхардъ справедливо называлъ безпѣсенными (*sanglose*) Нѣмцами».

Шафарикъ приводитъ еще другое нѣмецкое свидѣтельство изъ *Gemeinnütziger und erheiternder Hauskalender für das Oesterr. Kaiserthum auf das Jahr 1828, Wien*, гдѣ описывается сборъ токайскаго винограда: «Замѣчательнѣйшу изъ группъ прилежныхъ работниковъ представляютъ Венгры. Хотя также, какъ другіе работники, они состоятъ изъ молодыхъ парней и дѣвушекъ, отъ нихъ чрезвычайно рѣдко услышишь народную пѣсню. Веселѣ идетъ сборъ винограда у Спичскихъ Нѣмцевъ. Но самая одушевленная жизнь поднимается между Словаками, которые сходятъ сюда съ горъ для собранія винограда. Они не проводятъ минутъ, не распѣвая своихъ пѣсень въ самыхъ разнообразныхъ мелодіяхъ. И словенскія народныя пѣсни дѣйствительно интересны, отчасти по ихъ особенной мелодіи, иногда чрезвычайно пріятной и утрашаемой гибкостью языка, отчасти по ихъ содержанію. Свои элегическія пѣсни Словаки поютъ съ трогательнымъ чувствомъ, и только нѣкоторыя веселыя пѣсни поютъ во весь голосъ. Большая часть ихъ пѣсень могла бы дать артисту много матеріала для превосходнѣйшихъ варіацій».

¹⁾ Шафарикъ отзывался потомъ о сборникѣ Коллара: «Это — богатнѣйшій складъ пѣсень, хорошо расположенный, исправно напечатанный и снабженный необходимыми объясненіями, складъ, какимъ въ этихъ отношеніяхъ едва ли можетъ похвалиться какаля-нибудь иная вѣтвь Славянства. Что кромѣ пѣсень чисто народныхъ издатель принялъ въ свой сборникъ и нѣкоторыя иныя, идущія отъ ученыхъ слагателей и приближа въ народѣ, это указано уже въ заглавіи и въ самой книгѣ обширнѣе объясняется и ограждается доказательствами». См. «Часопись», 1838, или *Sebrané Spisy*, III, 409.

²⁾ Словацкія пѣсни. Харьковъ, 1832. 16°, 60 стран.

³⁾ *Sborník Slovenských národních písní, povestí, príslóví, porekadiel, hádok, hier, obyčajov a povier*. Связокъ I, 1870; 1-й выпускъ 2-го связка, 1874, Turč Sv. Martin.

новых годах названный нами ранѣе Францисци, подъ псевдонимомъ Римавскаго ¹⁾). Другое собраніе предприняли въ концѣ пятидесятихъ годовъ Августъ-Гориславъ Шкультетый (Skultety) и Павелъ Добшинскій ²⁾). Последній началъ недавно изданіе новаго ряда словенскихъ сказокъ, не вошедшихъ въ первое собраніе ³⁾, отчасти съ сохраніемъ мѣстныхъ говоровъ.

По народной поэзии чешскаго племени есть, какъ мы видѣли, немало сборниковъ и хорошихъ, но историческое изученіе ея до сихъ поръ весьма недостаточно, особенно съ той критической точки зрѣнія, которая вырабатывается въ новѣйшей этнографической наукѣ. Кромѣ упомянутыхъ частныхъ комментариевъ къ пѣснямъ и преданіямъ, кромѣ отдѣльныхъ сторонъ, гдѣ изъ народной поэзии брался матеріалъ для славянской мѣологии (какъ въ изслѣдованіяхъ Шафарика, Эрбена, Гануша, русскихъ мѣологовъ), народная поэзія Чеховъ, Мораванъ и Словаковъ еще не была представлена въ цѣломъ историческомъ развитіи. Одна изъ первыхъ попытокъ общей характеристики сдѣлана была въ книгѣ О. М. Бодянскаго: „О народной поэзии славянскихъ племенъ“ (Москва, 1837). Подобный общій трудъ представляетъ книга Людевита Штура о народныхъ пѣсняхъ и сказкахъ славянскихъ племенъ ⁴⁾: живо написанная, она даетъ только изображеніе самыхъ общихъ свойствъ народной славянской поэзии, и лишь въ немногихъ словахъ указываетъ отличія ея у разныхъ племенъ (стр. 142—144).

Послѣ Штура не было, кажется, другого цѣльнаго труда ни о народной поэзии славянской вообще, ни отдѣльно въ племени чешско-словенскомъ. Укажемъ нѣсколько частныхъ работъ.

Словенскіе патриоты особенно дорожатъ своею народною поэзіею, но тѣ, которые хотѣли объяснить ея значеніе, понимали его всего чаще въ отвлеченномъ, нѣсколько мистическомъ смыслѣ. Янко Римавскій видѣлъ въ сказкахъ проявленіе самобытнаго славянскаго духа и пророчества о славянской будущности. На основаніи сказокъ, другой писатель, Петоръ-Забой Кельнеръ-Гостинскій составилъ изложеніе „Veronauky Slovenskej“ ⁵⁾. П. Добшинскій написалъ „Uvahy o slovenských povestiach“ (Turč. Sv. Martin, 1871), гдѣ на основаніи сказокъ выведена цѣлая народная философія, по рубрикамъ: báječnosť povesti, bohoveda, svetoveda, človekoveda, pomery človeka, osud и проч., но

¹⁾ Slovenskije povesti. Usporjadau a vidau Janko Rimavski. V Levoči, 1845.

²⁾ Pověsti prastarých báječných časův. Slovenské pověsti. Въ Рожнавъ и Штлявницѣ, 1858—61, 6 выпусковъ.

³⁾ Prostonárodné Slovenské povesti. Usporiadal a vydáva Pavol Dobšinský. Вып. I, Turč. Sv. Martin, 1880 (маленькая книжка).

⁴⁾ O národních písních a pověstech plemen slovanských. Прага, 1858. Эта книга, раньше нами упомянутая, была написана первоначально по-словенски и переведена на чешскій Калличакомъ. (Ср. Dobšinský, Uvahy etc., стр. 4).

⁵⁾ Въ Великой Ресудѣ, 1872.

недостает первоначальной критической обработки и, напр., выдѣленія собственно словенскихъ особенностей изъ общаго сказочнаго типа ¹⁾.

У Чеховъ изученія народной поэзіи также рѣдки; но здѣсь мы встрѣтимъ уже иные приемы изслѣдованія. Назовемъ въ особенности книгу Сobotки: *Rostlinstvo a jeho význam v národních písních, pověstech, bájích, obřadech a pověrách slovanských. Příspěvek k slovanské symbolice* (Прага, 1879). Примусь Сobotка давно началъ свои изслѣдованія о славянской символикѣ ²⁾, и расширилъ ихъ до цѣлаго трактата о растеніяхъ народной славянской поэзіи. Онъ взялъ въ основу пѣсни и преданія всѣхъ славянскихъ племенъ и руководился новыми изысканіями по мифологіи и этнографіи, въ томъ числѣ и нѣкоторыми русскими. Книга его представляетъ много любопытныхъ сличеній. Недавно появилось начало дальнѣйшаго труда Сobotки—о царствѣ животныхъ въ народной поэзіи. Очень интересную тему взялъ I. Дуновскій, въ статьѣ „о пѣснѣ нѣмецкаго народа въ отношеніи къ простонародной пѣснѣ славянской“ ³⁾: цѣль его—разсмотрѣть, какъ отражалось въ пѣснѣ взаимное вліяніе двухъ племенъ; какъ иноземный сюжетъ видоизмѣнялся, принимая славянскую одежду, какъ вошли въ славянскую пѣсню многіе чужіе элементы, иногда грубо нарушающіе славянской характеръ, какъ въ земляхъ, уже вполне онѣмеченныхъ, пробивается своеобразная струя первобытной славянской старины. Предметъ очень важенъ и заслуживалъ бы болѣе подробнаго изслѣдованія. Затѣмъ, остается упомянуть, что отдѣльныя описанія народнаго быта, частности народной поэзіи и т. п. разсѣяны въ журналахъ, ученыхъ и популярныхъ ⁴⁾.

Такимъ образомъ серьезное изслѣдованіе чешской поэзіи едва начинается. Штуръ, котораго книга еще остается авторитетной, опредѣляя относительное значеніе народной поэзіи у славянскихъ племенъ, на первомъ планѣ ставилъ поэзію старо-чешскую, затѣмъ малорусскую, сербскую и наконецъ русскую. Какъ сложны сохранить это отношеніе теперь, можно видѣть изъ мнѣній Ягича. Штуръ замѣчалъ только,

¹⁾ Укажемъ еще статьи въ «Лѣтописѣ» Словенской Матицы: *Sazinek, Slovania a hudba*, III—IV, вып. 1, стр. 14—20. Jan Bella, *Mýšlienky o vývine národnej hudby a slovenského zpevu*, X, вып. 2, стр. 10—29.

²⁾ Въ «Освѣтѣ», 1872.

³⁾ Въ журналѣ «Květy», 1879, кн. 7—12.

⁴⁾ См. напр. въ «Часописѣ» Моравской Матицы (до 1880, XI рочниковъ) статьи В. Брандла, Фр. Бартоша, Том. Шимберы и проч. Наконецъ, къ чешской народной поэзіи относятся различныя работы на нѣмецкомъ языкѣ, какъ переводы изъ чешскихъ пѣсенъ (Венцига), изъ сказокъ и преданій (Вальдау, Венцига, Громанна), этнографическія сочиненія Иди фонъ-Дюрингсфельдъ и бар. Рейнсберга, и т. д.

Замѣтимъ еще сужденіе о чешской народной поэзіи въ книгѣ Хоецкаго, *Szeszja i Szeschowje*, I, 209—215. Любопытенъ отзывъ о чешскихъ писателяхъ, которые, по мнѣнію Хоецкаго, почти всѣ—последователи народной пѣсни, но всѣ рѣдко умѣютъ передать правдиво ея характеръ: «był to wieśniak teatralny, piękniej wystrojony, ale mający w sobie tyle prawdy, ile się mogło jęj zmieścić na deskach sceny».

что позднѣйшая чешская поэзія утратила прежнюю самобытность и богатство.

Можно принять, что чешская поэзія,—насколько достигаютъ теперь историческія свидѣтельства и соображенія,—совсѣмъ не знала эпоса, какимъ владѣютъ племя русское, сербское и болгарское; она была исключительно лирическая, съ болѣе или менѣе обильнымъ элементомъ обрядовой поэзіи, гдѣ и хранилась ея главная старина. Раннія вліянія иноземныхъ нравовъ, городской жизни, школы стирали больше и больше ея первобытно-славянскія черты, которыя, какъ обыкновенно, сохранялись гораздо живѣе тамъ, куда упомянутыя вліянія не проникали: такъ, этого первобытнаго больше въ пѣсняхъ Мораванъ и Словаковъ. Повидимому гуситская эпоха могла бы дать матеріалъ для новаго эпоса, какъ сильное національное движеніе: но это движеніе было раздѣлено на двѣ стороны въ самомъ народѣ, не было цѣльнаго общаго порыва,—какъ было, напр., въ козацкихъ войнахъ, создавшихъ новый эпосъ малорусскій, да и вообще періодъ свѣжаго широкаго народнаго творчества уже миновалъ.

Достаточно сравнить чешскія пѣсни, напр., обрядовыя, съ русскими, чтобы увидѣть, что чешскія составляютъ гораздо новѣйшую формацию: въ нихъ несравненно слабѣе или вовсе отсутствуютъ тотъ архаическій элементъ, который представляетъ собою столько отголосковъ древне-народныхъ нравственныхъ взглядовъ и поэтическаго чувства, столько наивной глубины и неподдѣльныхъ красотъ. Поэтическая наклонность живетъ еще въ народѣ, но создаетъ пѣсни уже въ новой обстановкѣ всего быта,—до того, что любящіе юноша и дѣвушка являются въ моравской пѣснѣ какъ „galan“ и „galanka“ (!); внимательство новизны въ содержаніи сопровождалось измѣненіемъ въ формѣ, напр. дѣленіемъ на правильныя строфы, римой. Давно замѣчали, что подъ вліяніями нѣмецкими и городскими чешская пѣсня неблагоприятно измѣнилась и въ своемъ тонѣ... При всемъ томъ, народная пѣсня Чеховъ, Мораванъ и Словаковъ, гдѣ больше сбереглась ея старина, и затѣмъ народныя сказки, преданья и повѣрья сохранили еще много истинной поэзіи и оригинальнаго склада. Надо желать, чтобы національно-поэтическое и бытовое содержаніе всѣхъ этихъ произведеній нашло, наконецъ, опытнаго историко-этнографическаго изслѣдователя.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

БАЛТИЙСКОЕ СЛАВЯНСТВО.—СЕРБЫ ЛУЖИЦКІЕ.

Лужичане, или Сербы Лужицкіе, въ прусскомъ и саксонскомъ Лужицѣ (Лужицахъ), какъ поморскіе Словинцы и Кашубы на восточномъ прусскомъ берегу Балтійскаго моря, составляютъ нынѣ небольшою обломкомъ нѣкогда обширнаго славянскаго населенія, покрывавшаго весь сѣверъ нынѣшней Пруссіи, ограничиваясь на сѣверѣ Балтійскимъ моремъ, на западѣ Эльбой (или даже переходя Эльбу), на востокѣ Чехіей и Польшей. Это Славянство, раздѣленное на нѣсколько крупныхъ и множество мелкихъ вѣтвей и называемое у новѣйшихъ историковъ географически *Балтійскимъ* и *Полабскимъ* (т.-е. по-эльбскимъ), никогда не составляло одного національнаго и политическаго цѣлаго. Когда оно явилось впервые въ поморскомъ Балтійскомъ краѣ и по Эльбѣ, исторія не даетъ достовѣрныхъ указаній; но очень вѣроятно предположеніе, что оно двигалось съ востока на западъ изъ странъ по Вислѣ. Балтійское Славянство представляло три главныя группы: край сѣверо-западный занимали Ободриты, на востокъ и югъ отъ нихъ жили Лютичи или Вильци, за Одеромъ — Поморяне. Сербы Лужицкіе составляли родственную, но отдѣльную группу, которая отчасти имѣла и иную историческую судьбу.

По племеннымъ отличіямъ, собственно Балтійское Славянство принадлежало къ ляхской отрасли,—какъ еще Несторъ въ общемъ племени Ляховъ считаетъ, во-первыхъ, Полянъ (т.-е. Поляковъ собственно), потомъ „другихъ Ляховъ“—Лютичей, Мазовчанъ и Поморянъ. Но въ то время, какъ восточная половина ляхскаго племени объединилась въ польское государство, половина западная осталась раздробленною, не только не объединялась, но жила въ постоянномъ отчаянномъ раздорѣ и тѣмъ приготовила свою гибель. Историческія преданія рассказываютъ о природныхъ богатствахъ земель Балтійскаго Славянства, о цвѣтущихъ торговыхъ городахъ Поморья, о предприимчивости сла-

вянскихъ мореходовъ, торговцевъ и авантюристовъ; легенда изукрасила преданья о богатствахъ Волина; въ послѣднее время русскіе историки ищутъ здѣсь, въ странахъ Балтійскаго Славянства, ту смѣлую и энергическую „Русь-Варяговъ“, которые должны были положить краеугольный камень русскаго государства.

Но все это пошло прахомъ и погбло. Исторія Балтійскаго Славянства есть упорная трагическая борьба съ германскимъ племенемъ, съ Норманнами, Датчанами и Нѣмцами, тянувшаяся нѣсколько вѣвовъ и кончившаяся паденіемъ Славянства. Опасность не соединила племень; были попытки общаго дѣйствія, но чаще вражда къ Нѣмцамъ шла рядомъ съ враждой междоусобной, и Нѣмцы находили помощь у одного племени противъ другого. Карлъ Великій велъ противъ нихъ систематическую войну; въ его войсѣ уже сражались Славяне противъ Славянъ. Борьба была теперь уже не только племенная, но и религіозная: христіанское германство стремится одолѣть Славянъ политически и вмѣстѣ ввести у нихъ христіанство. Бывали искренніе и самоотверженные проповѣдники христіанства, какъ знаменитый епископъ Оттонъ Бамбергскій, но чаще введеніе христіанства было слѣдствіемъ военнаго покоренія. Разладъ въ средѣ самого Славянства, мѣстная исключительность, неспособность къ общему дѣйствию только облегчали дѣло непріятели; Датчане и Нѣмцы захватывали все больше славянской почвы, распоряжались славянскими княжествами, и во второй половинѣ XII вѣка Балтійское Славянство было или совсѣмъ покорено Нѣмцами или стояло въ полной отъ нихъ зависимости.

Паденіе Балтійскаго Славянства постоянно изображалось новѣйшими славянскими историками, какъ печально-грандіозный, трагическій урокъ. Причина паденія лежала въ немъ самомъ: это — „беззаботность существованія, умственная малоподвижность, безпечность о будущемъ, какое-то инстинктивное отвращеніе отъ далекаго расчета, отъ привычки осматриваться и взвѣшивать свое положеніе и идти впередъ путемъ сознательныхъ дѣйствій къ твердо опредѣленной цѣли; — таковой историческій порокъ обусловилъ другіе: бытовую консервативность и застой, неумѣніе жертвовать частными интересами общему благу, наклонность къ мелкой приходской враждѣ и раздору“¹⁾.

Общій историческій смыслъ этихъ событій была встрѣча двухъ разныхъ ступеней историческаго развитія. Нѣмцы, съ принятіемъ христіанства и римско-христіанской образованности, получили тѣмъ самымъ нравственный и умственный перевѣсъ; Славянство не могло противопоставить ему равносильнаго содержанія и, поворившись этому перевѣсу,

¹⁾ Котляревскій, Древности пруд. быта Балт. Славянъ. Прага 1874, стр. 59. Ср. любопытныя замѣчанія о Балтійскомъ Славянствѣ Хомякова, въ письмахъ къ Гильфердингу (въ «Р. Архивѣ» Барденева).

подчинилось и его орудію—нѣмецкой національности. Раннее принятіе христіанства и образованіе государства у Чеховъ и Поляковъ остановило здѣсь и потокъ германизаціи.

Съ окончательной побѣдой Нѣмцевъ, на всемъ пространствѣ земель Балтійскихъ Славянъ начался періодъ быстрого онѣмеченія. Водвореніе христіанства, которое само было уже слѣдствіемъ побѣды, устранило религиозные мотивы борьбы, такъ сильно дѣйствовавшіе въ Славянахъ языческихъ, и повело за собой нѣмецкую колонизацію, нанесшую послѣдній ударъ національному быту, а затѣмъ самому существованію Славянства.—Какъ только политическое господство принадлежало Нѣмцамъ, колонизація пошла быстрыми шагами. Страна, покрытая въ тѣ вѣка множествомъ лѣсовъ и болотъ, имѣла много незаселенныхъ мѣстъ; упорныя войны еще уменьшили населеніе; и когда въ новыхъ земляхъ рождены были земли нѣмецкому рыцарству, съ нимъ являлось и нѣмецкое населеніе. Въ ряды нѣмецкаго вассальнаго дворянства перешла прежде всего славянская шляхта; духовенство состояло исключительно изъ Нѣмцевъ; города, прежніе славянскіе и вновь построенные нѣмецкіе, наполнились нѣмецкимъ мѣщанствомъ, на нѣмецкихъ правахъ. Славяне остались поселянами. Съ этимъ даны были всѣ условія полнаго онѣмеченія. „Славянскій простолюдинъ слышалъ въ городѣ, въ вѣжѣ, въ церкви и шеолѣ, отъ своихъ учителей-священниковъ, наконецъ и отъ своихъ сожителей-крестьянъ только нѣмецкій говоръ. Нѣмецкій языкъ сталъ все больше и больше вліять на славянское нарѣчіе, которое, будучи достоинствомъ одного только простаго народа, не сдѣлалось литературнымъ языкомъ. Нѣмецкое вліяніе коснулось, во-первыхъ, формальной, лексикальной стороны славянскаго языка, который принялъ множество чужихъ словъ; дальше оно коснулось и матеріальной стороны языка, его грамматическаго и синтаксическаго строя, такъ что подъ конецъ славянскій языкъ представлялъ какую-то изувѣченную, безобразную массу, пропитанную насвоимъ нѣмецкимъ духомъ. На родномъ языкѣ говорили по большей части старики, а молодежь стала его забывать и предпочитать языкъ своихъ господъ и учителей“ ¹⁾.

Уже внуки знаменитаго Никлота, одного изъ послѣднихъ князей Балтійскаго Славянства, приняли нѣмецкій языкъ и обычаи и способствовали усиленію нѣмецкаго элемента надъ славянскимъ. Княжескіе роды, которые удѣляли, вообще охотно онѣмечивались, писали латинскія и нѣмецкія грамоты, окружали себя по нѣмецкимъ обычаямъ придворными чиновниками и т. д. Послѣдній представитель княжескаго рода въ Ранѣ (Рюгенѣ) Виславъ, или Вышеславъ, въ на-

¹⁾ Первольфъ, Германизація и пр., стр. 18.

чалъ XIV столѣтія, сталъ даже нѣмецкимъ миннезингеромъ. Князь Штетина, нѣкогда богатаго славянскаго города, Барнимъ, въ половинѣ XIII столѣтія былъ уже рѣшительнымъ сторонникомъ нѣмецкаго элемента и врагомъ своего племени; нѣмецкій поэтъ восхвалялъ его, какъ „кроткаго штетинскаго князя“. Здѣсь, напр., славянское происхожденіе княжескаго рода выразилось только тѣмъ единственнымъ признакомъ, что княжескій родъ продолжалъ употреблять славянскія имена — до самаго своего прекращенія, въ XVII столѣтіи.

Въ первое время послѣ покоренія, Славяне еще не исключались изъ общественнаго права, напр. могли принадлежать къ городскому сословію; но съ XV вѣка начинаются прямыя исключенія Славянъ изъ городского права и изъ важнѣйшихъ цеховъ. Позднѣе, Славянство уже прямо пренебрегается: славянское, „вендское“, происхожденіе лишаетъ правъ; „вендскій“ языкъ и обычай дѣлается предметомъ насмѣшекъ. Славянскій народъ началъ таяться передъ чужимъ человекомъ, молодня поколѣнія влеклись къ болѣе широкой жизни нѣмецкой, и народность вымирала.

Онѣмеченіе шло очень быстро. Начавшись съ XIII вѣка, оно въ главномъ уже покончилось въ XV столѣтіи, въ однихъ мѣстностяхъ раньше, въ другихъ позднѣе, по различнымъ мѣстнымъ условіямъ. Въ половинѣ XV вѣка уже очень немногіе Славяне встрѣчаются между Эльбой и Одеромъ; они удержались дольше въ области нижней Эльбы, въ юго-западной части Мекленбурга до начала XVI вѣка, а за Эльбой въ Люнебургѣ до начала XVIII; остатки Поморянъ, Кашубы и балтійскіе Словинцы, сохраняются до нашихъ дней...

Судьба Балтійскаго Славянства могла бы быть обойдена въ нашемъ изложеніи. Если есть намеки на существованіе у него письменности, то вѣроятно не было все-таки никакой литературы. Но съ другой стороны Балтійское Славянство можетъ найти мѣсто въ исторіи славянской культуры, по разнымъ основаніямъ. Во-первыхъ, какъ явленіе отрицательное: это—руина, свидѣтельствующая о гибели цѣлаго племени, чисто славянскаго, нѣкогда сильнаго, но потомъ быстро истаивающаго. Процессъ исчезновенія видѣнь, но все-таки оно загадочно по быстротѣ, съ которой совершилось. Въ новѣйшее время славянскихъ патріотовъ постоянно тяжело поражала эта историческая судьба, въ которой они видѣли урокъ—остерегающій отъ внутренняго раздора между братьями; но не надо забыть другого урока, остерегающаго отъ безпечности о будущемъ и умственной малоподвижности. Во-вторыхъ — какъ предметъ, который въ послѣднія десятилѣтія возбудилъ особенное вниманіе славянской ученой литературы.

Балтійскому Славянству посвящена въ послѣднее время обильная литература историческихъ и филологическихъ изслѣдованій, реставри-

рующихся прошлое этой руины. Изысканія опираются прежде всего на латинскихъ хронистахъ, описывавшихъ борьбу Нѣмцевъ съ этими Славянами и обращеніе послѣднихъ въ христіанство; но кромѣ этихъ свѣдѣній можно возстановлять древнюю территорію славянскихъ княжествъ по множеству славянскихъ географическихъ названій, сохранныхъ даже въ гораздо позднѣйшихъ актахъ, а отчасти уцѣлѣвшихъ, въ болѣе или менѣе испорченной и обнѣмеченной формѣ, и до настоящей минуты; наконецъ, сохранились, хотя отрывочно, свидѣтельства объ языкѣ Балтійскихъ Славянъ, которыя дали возможность раскрыть ихъ племенную принадлежность. Только отъ западной отрасли ихъ уцѣлѣли до нашего времени потомки, все-таки исчезающіе, въ Кашубахъ и Словинцахъ; отъ восточной и средней отрасли остались лишь немногіе обломки языка, случайно сбереженные.

Здѣсь, всего дольше славянскій элементъ удержался въ Люнебургѣ. Въ началѣ XVIII столѣтія только старики знали языкъ отцовъ. Въ Вустровѣ (Островѣ) въ послѣдній разъ богослуженіе исполнялось по-славянски въ 1751. По свидѣтельству Потоцкаго и Аделунга ¹⁾ славянскій языкъ вымеръ окончательно къ началу нашего столѣтія; но около 1826 нѣмецкій ученый Версебе (Wersebe) утверждалъ, что въ его время были еще старики, знавшіе славянскій языкъ.

Впервые обращено было вниманіе на эти остатки народности и языка Балтійскаго Славянства, уже какъ на предметъ научнаго любопытства, знаменитымъ Лейбницомъ. По его желанію, пасторъ въ Люховѣ, Георгъ Митгофъ, послалъ ему въ 1691 нѣкоторыя свѣдѣнія объ этихъ Славянахъ съ небольшимъ собраніемъ словъ и молитвъ; онѣ напечатаны были уже по смерти Лейбница Экардомъ (Historia studii etymolog. Ганноверъ, 1711). Затѣмъ Юг. Пфэффингеръ въ Люнебургѣ собралъ въ 1698 нѣсколько сотъ словъ, „Отче нашъ“ и одну свадебную пѣсню на „вендскомъ“ языкѣ, которыя также изданы у Экарда. Но самый богатый сборникъ сдѣлалъ пасторъ въ Вустровѣ Христіанъ Геннингъ (или Генигенъ), который давно уже собиралъ свѣдѣнія о славянскихъ жителяхъ своего прихода, записывая слова и фразы отъ крестьянина Яна Янишча (Janieschge); въ этому словарю онъ прибавилъ краткія свѣдѣнія о „Вендскомъ народѣ“ и особенно о люнебургскихъ Вендахъ, 1706. Послѣдующіе собиратели, какъ Янъ Парумъ Шульце (1698—1734), Домейеръ, пасторъ въ Данненбергѣ (въ 1743—45 г.) и другіе, главнымъ образомъ пользовались указанными тремя предшественниками. Наконецъ заинтересовались остатками „Вендовъ“ новыя славянскіе ученые: Добровскій (въ „Слованкѣ“), Челяковскій, который, какъ говорятъ, собралъ весь упомянутый ма-

¹⁾ Voyage dans quelques parties de la Basso-Saxe, 1795; Mithridates, изд. 1806, 1809—17.

теріалъ въ цѣльный словарь, но его работа, посланная 1830 г. въ Петербургъ, пропала; но въ особенности Гильфердингъ и Шлейхеръ, которымъ принадлежатъ главные труды по реставраціи языка люнебургскихъ Вендовъ или старыхъ Древанъ.

Наконецъ отмѣтимъ труды по исторіи Балтійскаго Славянства вообще. Они начаты были, особливо съ прошлаго вѣка, нѣмецкими учеными, изучавшими свою мѣстную исторію, въ началѣ которой встрѣчали Славянство. Мы указываемъ въ примѣчаніи обильный матеріалъ, доставленный ихъ трудами, которые продолжаютъ усердно и понынѣ. Въ новѣйшей литературѣ славянской, начиная съ Шафарика (въ его „Древностяхъ“), существуетъ уже цѣлый рядъ замѣчательныхъ изслѣдованій о Балтійскомъ Славянствѣ, авторами которыхъ были опять Гильфердингъ, далѣе А. Павинскій, А. Котляревскій, I. Первольфъ и другіе ¹⁾.

¹⁾ Литература о Балт. Славянствѣ представляетъ обширную массу историческихъ источниковъ и новыхъ изысканій. Древнія свидѣнія находятся у латино-нѣмецкихъ и датскихъ лѣтописцевъ и специальныхъ историковъ, каковы: Эйгардъ, биографъ Карла V. и анналистъ, ум. 840; Видукндъ, пис. около 967—968; Титмаръ Мерзебургскій, ум. 1018; Адамъ Бременскій, пис. около 1075; монахъ Эбонъ, биографъ Оттона Бамбергскаго, пис. около 1151; Гербордъ, около того же времени; Гельмольдъ, пис. въ 1172; Саксонъ Грамматикъ, пис. около 1181—1208 и пр.; далѣе въ старыхъ актахъ, которые собраны въ обширныхъ изданіяхъ, напр. Лейбница (Scriptores rerum Brunsw.), Фабриціуса (Urkunden zur Geschichte der Fürst-tha Rügen), Гасельбаха и Козегартена (Codex Pomeraniae diplomaticus), Клемпина (Pommersches Urkundenbuch), Лангебекъ (Scriptores rerum Danicarum), Риделя (Ridel: Codex diplomat. Brandenburg.), Раумера (Regesta historica Brandenburg.), Зудендорфа (Urkundenbuch zur Gesch. der Herzöge v. Braunschweig und Lüneburg und ihrer Lande) и проч.

Многочисленныя изслѣдованія по мѣстной исторіи являются еще съ прошлаго вѣка и даже ранѣе въ трудахъ нѣмецкихъ ученыхъ, которые издавна усердно занимались изученіемъ исторіи своихъ земель, нѣкогда отвоеванныхъ у Балтійскаго Славянства. Назовемъ, напр., Schwartz, Einleitung zur Geogr. der nord deutsch-slaw. Nation. Greifswald 1745;—Lützow, Versuch einer pragm. Geschichte von Mecklenburg. Berlin 1827—35;—Barthold, Geschichte von Rügen und Pommern. Hamburg, 1839—45, 4 тома;—Giesabrecht, Wendische Geschichten. Berlin, 1843, 3 тома;—Wigger, Mecklenburgische Annalen bis zum Jahre 1066, Schwerin 1860;—наконецъ рядъ болѣе специально-мѣстныхъ изслѣдованій, которыя можемъ указать только частью, какъ: Fidicin, Die Territorien der Mark Brandenburg; Klöden, Entstehung der Städte Berlin und Kölln; Jacobi, Slaven- und Teutschthum in cultur- und agrarhist. Studien, besonders aus Lüneburg und Altenburg; Hammerstein, Der Bardengau; R. Andree, Wendische Wanderstudien, и пр. Нѣмецкіе ученые обратили вниманіе и на особенную этнографическую сторону предмета. Славянскія племена тѣхъ краевъ, потерявши языкъ, не потеряли вполне своихъ этнографическихъ отличій и еще сохраняютъ ихъ въ чертахъ быта и преданійхъ. Въ этомъ отношеніи предметъ изслѣдовалъ: Hennings, Das hannoversche Wendland (Lüchow, 1862), Sagen und Erzählungen aus dem hann. Wendlande (Lüchow, 1864); Köhler, Volksglaube im Voigtlande; Ed. Ziehen, Wendische Weiden; Erzählungen aus dem wendischen Volksleben (Frankf. 1854); Geschichten und Bilder aus dem wend. Volksleben (Hannover, 1874, 2 ч.).

Въ славянскихъ литературахъ, послѣ Шафарика («Древности»; Slov. Narodopis, стр. 107—109) Балтійскимъ Славянствомъ занимались особенно русскіе ученые. Изъ новыхъ трудовъ, по исторіи см.:

Возрожденіе маленькаго племени Лужицкихъ Сербовъ, въ саксонской и прусской Лузаціи (Лужицы, Lausitz), представляетъ одинъ изъ любопытныхъ эпизодовъ современнаго славянскаго движенія. Лужицкій народецъ, издавна покоренный и окруженный Нѣмцами, успѣлъ сохранить свою народность, и въ послѣднее время, преимущественно съ 1830-хъ годовъ, посвятилъ ей такія патриотическія заботы, что повидимому обезпечилъ ея цѣлость, по крайней мѣрѣ заявилъ такъ ревностно свою народность, какъ она еще никогда не заявляла себя въ свое тысячелѣтнее рабство. Это возрожденіе началось также независимо, какъ и въ другихъ народностяхъ, развилось изъ собственныхъ мѣстныхъ потребностей маленькаго племени, — но затѣмъ, когда ему уже положено было прочное основаніе въ его внутреннемъ сознаніи, оно применило къ цѣлому славянскому движенію и вступило на путь славянской „взаимности“. Представители славянскаго движенія, ученые разныхъ славянскихъ племенъ, — Палацкій, Мацѣевскій, Штуръ, Милутиновичъ, Срезневскій, Бодянский (позднѣ Гильфердингъ, Ламанскій и др.), — посѣтили новооткрывшееся поле національной жизни и, передавши славянской публициности это новое движеніе, помогли и самимъ Лужичанамъ найти ихъ національныя связи съ остальными на-

— А. Гильфердингъ, *Исторія Балтійскихъ Славянъ*, т. I, М. 1855, и вошелъ въ *Собр. Сочин.*, т. IV, Спб. 1874.

— А. Павинскій, *Полабскіе Славяне*, Спб. 1871.

— Ф. Я. Фортинскій, *Титмаръ Мерзебургскій и его хроника*, Спб. 1872.

— А. Котляревскій, *Древности права Балт. Славянъ*, Прага, 1874; *Книга о древностяхъ и исторіи Поморскихъ Славянъ въ XII вѣкѣ*. (Сказанія объ Оттонѣ Бамбергскомъ въ отношеніи славянской исторіи и древности). Прага, 1874. Ср. Zittwitz, *Die drei Biographien Otto's von Bamberg*, въ *Forsch. zur deutschen Gesch. Gdt.* 1876. XVI.

— И. Лебедевъ, *Послѣдняя борьба Балт. Славянъ противъ овѣмеченія*. Часть I. (Борьба Оботритовъ и Литичей противъ Генриха Льва и Вальдемара I). Часть II. «Обзоръ источниковъ исторіи Балт. Славянъ съ 1131 по 1170 годъ». М. 1876.

— Г. Первольфъ, *Германизация Балт. Славянъ*. Спб. 1876.

По языку:

— Бурмейстеръ, *Ueber die Sprache früher in Mecklenburg wohnenden Obotriten-Wenden*, переведено въ «Трудахъ Росс. Академіи», 1841, IV, стр. 1—52.

— Воцель, *Památky Lutických Slovanů*, въ «Часописъ», 1849, т. II, 104—127.

— Гильфердингъ, *Памятники нарѣчія Залабскихъ Древлянъ и Галичанъ*. Спб. 1856.

— Ганушъ, *Zur Literatur und Geschichte der slaw. Sprachen in Deutschland, nam. der Sprache der ehemaligen Elbeslawen oder Polaben*, въ «Slaw. Bibliothek», Миллошича, т. II, Вѣна, 1858. Подробный библиографическій обзоръ сборниковъ стараго балтійскаго нарѣчія.

— Dr. Pful, *Pomniki Połobjan Słowjanščiny*, въ «Часописъ» сербо-лужицкой Матяці, 1868, стр. 28—67, 69—136; 1864, 139—195, 199—241.

— Бодуэнъ де-Куртенъ, *О древне-польскомъ языкѣ до XIV ст.* Лейпцигъ, 1870.

— Aug. Schleicher, *Laut- und Formenlehre der polabischen Sprache*. Спб. 1871 («Журн. Мин. Нар. Просв.», 1873, 168; II, 424—446).

— С. Микудкій, *Остатки языка полабскихъ Славянъ*. Спб. 1871.

Ср. также приведенныя выше свидѣнія объ остаткѣ поморскаго Славянства, Кашубахъ.

родами цѣлаго племени. Съ тѣхъ поръ забытое племя входитъ въ общій счетъ славянской національности, и ученое славянское пилигримство въ своихъ странствіяхъ не забываетъ Будишина (Бауценъ), гдѣ сосредоточивается образовательная дѣятельность маленькаго племени.

Нынѣшніе Лужичане составляютъ небольшой остатокъ Славянства, населявшаго нѣкогда сѣверъ нынѣшней Германіи, но, какъ мы замѣчали, и въ древнія времена были отдѣльной племенной вариацией относительно собственно Полабскихъ Славянъ¹⁾. Между Салой и Мульдой, между нынѣшнимъ Лейпцигомъ и Дрезденомъ къ сѣверу вѣроятно до „Сербища“ (нынѣ Цербстъ) и южнѣе до Чешскихъ горъ, жили Сербы, съ разными подраздѣленіями; отъ нихъ за Эльбой—Мильчане, около Будишина; на сѣверъ отъ послѣднихъ, въ низменныхъ мѣстахъ—Лужичане, и т. д. Эти славянскіе народцы извѣстны средневѣковымъ писателямъ уже съ VI—VII столѣтія, а съ VIII—IX вѣка они упоминаются подъ общимъ именемъ Вендовъ (Винидовъ, Венедовъ) или Сербовъ (Сорбовъ, Сурбовъ) и подъ болѣе частными племенными названіями. Впослѣдствіи имя Лужичанъ стало господствующимъ. Судя по немногимъ историческимъ даннымъ, бытъ Лужицкихъ Сербовъ представлялъ извѣстныя черты славянской патриархальной демократіи; но отдѣльныя общины, по славянскому обыкновению, жили особнякомъ, безъ достаточной связи между собою, и отсутствіе единства открыло дорогу нѣмецкому владычеству, которое уже со временъ Карла Великаго намѣтило свою цѣль въ этихъ славянскихъ земляхъ. Начиная съ тѣхъ поръ, эта часть Полабскихъ Славянъ мало-по-малу была покорена, сначала Сербы при Генрихѣ Птицеловѣ, потомъ Мильчане и Лужичане при Оттонѣ: къ XI вѣку племенная самостоятельность ихъ кончилась. Лужицкая земля еще долго потомъ была предметомъ феодалныхъ споровъ и переходила изъ рукъ въ руки: доставалась маркграфамъ Мейссенскимъ и Браденбургскимъ, была подъ властью Поляковъ, долго (до самаго паденія Чехіи) принадлежала чешской коронѣ,—не спасавшей, впрочемъ, ея славянской народности отъ нѣмецкаго угнетенія, — наконецъ вошла въ составъ Саксоніи, выдержала ужасы тридцати-лѣтней войны, раздѣлилась между Саксоніей и Пруссіей, которымъ теперь и принадлежать уцѣлѣвшія части лужицкаго народа.

Нѣмецкое покореніе своими ближайшими слѣдствіями имѣло раб-

¹⁾ Припомнимъ статистическія цифры. Лужичане, всего счетомъ до 186,000 дѣлятся на два племени, Верхнихъ и Нижнихъ Лужичанъ, и принадлежатъ двумъ государствамъ и двумъ исповѣданіямъ. Верхнихъ Лужичанъ—96,000, изъ которыхъ 52,000 въ Саксоніи, и 44,000 въ Пруссіи; они—протестанты, за исключеніемъ 10,000 католиковъ. Нижнихъ Лужичанъ—до 40,000 протестантовъ, въ Пруссіи.

На стр. 16-й I-го тома въ цифрахъ по исповѣданіямъ ошибка, которая легко исправляется по находящимся тамъ же другимъ цифрамъ.

ство народа и постепенное уничтоженіе народности. Покоренная земля раздѣлилась между феодальнымъ владѣльцемъ, рыцарями и церковью; свободные сельскіе люди стали крестьянами, крѣпкими землѣ, лишены были всякихъ правъ, обременены работами и податями, были безотвѣтной жертвой грабежей и насилія. Нѣсколько лучше было положеніе тѣхъ, которые подчинены были непосредственно феодальному владѣтелю земли,—но общее положеніе края представляло картину ужаснаго угнетенія и безправія. вмѣстѣ съ паденіемъ народной свободы началось паденіе самой народности: постоянные грабежи; выселеніе Славянъ въ нѣмецкія земли, гдѣ они исчезали среди чужого населенія (на Рейнѣ и Майнѣ, въ Баваріи и даже въ Голландіи); нѣмецкая колонизація, занимавшая города и отнятыя земли; вліяніе церкви, говорившей по-латыни и по-нѣмецки; наконецъ обыкновенное дѣйствіе господства чужого племени,—всѣ эти обстоятельства больше и больше подавляли славянской элементъ, который жилъ только въ поработленномъ сельскомъ населеніи и былъ для Нѣмцевъ предметомъ крайняго презрѣнія. Взаимная вражда была такъ велика, что Саксонское Зерцало должно было постановить, чтобы „Сербъ противъ Нѣмца и обратно не могъ свидѣтельствовать въ судѣ, такъ какъ извѣстно, что каждая сторона, для вреда другой, готова подтвердить присягой всякую неправду“. Въ XIII вѣкѣ сербскій языкъ еще удерживался въ церковномъ употребленіи и въ судѣ, но къ XIV столѣтію нѣмецкая народность была уже такъ сильна, что съ этого времени нѣмецкіе князья начинаютъ изгонять сербскій языкъ изъ судовъ: въ 1427 г. это сдѣлано было и въ Мейссенѣ, прежнемъ центрѣ сербскаго народа. Ко временамъ реформаціи область лужицкаго населенія уже сильно стѣснилась: Лужицкіе Сербы западнаго края были уже окончательно онѣмечены, граница нѣмецкаго языка перешла на востокъ далеко за Эльбу, и память о Славянахъ (какъ въ краяхъ нижней Эльбы, Одера, и Поморья) осталась только въ собственныхъ именахъ мѣстностей. Реформація отразилась нѣкоторымъ подъемомъ славянской народности, но и послѣ нея лужицкій край продолжалъ сжуживаться ¹⁾.

Христіанство проникло въ лужицкій край, повидимому, съ двухъ сторонъ. Проповѣдь нѣмецкаго католичества далеко не имѣла здѣсь того свирѣпаго характера, съ какимъ она была приносима къ Славянамъ Балтійскимъ, и это обстоятельство объясняютъ тѣмъ, что Лужицкіе Сербы были уже приготовлены къ христіанству проповѣдью, шедшею отъ православнаго Славянства черезъ Польшу и Чеховъ, и притомъ раньше покорились. Лужицкіе Сербы уже въ IX столѣтіи были въ связяхъ съ княжествомъ Велико-Моравскимъ, одно время даже

¹⁾ Ср. карты, приложенныя къ сочиненіямъ Богуславскаго и Рихарда Андрес. и добавка Горника, въ Слав. Сборникѣ.

принадлежали къ нему (какъ въ послѣдствіи они были въ связяхъ съ Чехами)—и потому думаютъ, что византійско-славянское христіанство Кирилла и Меодія проникло и въ края лужицкіе. Преданье говоритъ, что св. Константинъ приходилъ въ окрестности Згорѣльца (Görlitz) и тамъ, гдѣ теперь находится Гайнвальдъ, на мѣстѣ капища поставилъ христіанскую церковь. До недавняго времени сохранялся обычай благочестиваго пилигримства къ древнему кресту на горѣ Яворницкой (Jauernik), въ день св. Вацлава, короля чешскаго,—жители-протестанты присоединялись къ католической процессіи, и мольщики пѣли молитву „Господи помилуй насъ“, быть можетъ, ту самую, которая подъ именемъ молитвы св. Войтѣха („Hospodine, rošpiću pu“) осталась у Чеховъ, какъ память древняго славянскаго богослуженія. Извѣстно, что у Лужичанъ, по правую сторону Эльбы, лучше сохранявшихъ свою народность подъ политическимъ вліаніемъ Чеховъ и Польши, славянскій языкъ въ церковномъ обученіи употреблялся не только въ XI столѣтіи, при епископѣ мейссенскомъ Бенонѣ (ум. 1106), но и въ XII и даже XIII столѣтіяхъ, когда серболужицкій языкъ имѣлъ еще защитника въ епископѣ Брунонѣ, требовавшемъ, чтобы священники хорошо знали сербскій языкъ ¹⁾. Историки замѣчали и то обстоятельство, что тѣ изъ проповѣдниковъ христіанства у Балтійскихъ Славянъ, которые пользовались славянскимъ языкомъ, какъ средствомъ, были изъ сосѣдства Лужицкихъ Сербовъ: такъ еп. мерзебургскій Бозо (971) писалъ по-славянски; другой, Вернеръ (1101), велѣлъ изготovitъ себѣ книги на славянскомъ языкѣ; епископъ альтенбургскій Бруно (1156), отправляясь обращать Оботритовъ, имѣлъ съ собой готовныя славянскія проповѣди и читалъ ихъ народу ²⁾. Полагаютъ впрочемъ, что эти славянскія книги были написаны едва-ли на собственно-сербскомъ языкѣ: по крайней мѣрѣ въ лужицкомъ языкѣ находятъ слѣды вліанія языковъ старо-славянскаго и чешскаго, замѣтные несмотря на все позднѣйшее вліаніе нѣмецкаго. Исконное сходство нарѣчій могло сдѣлать чужія славянскія книги доступными для Лужицкихъ Сербовъ, особенно при тѣхъ политическихъ связяхъ и сосѣдствѣ, которыя соединяли ихъ съ Чехами. Что чешскія книги въ болѣе позднюю эпоху среднихъ вѣковъ были въ ходу у Лужичанъ, едва ли подлежитъ сомнѣнію ³⁾.

¹⁾ Bogusławski, стр. 187.

²⁾ Срезневскій, Истор. очеркъ (см. далѣе), стр. 34.

³⁾ По исторіи и этнографіи Лужичанъ см.:

— Шафарикъ, Древности, § 48—44.

— Gebhardi, Geschichte aller wendisch-slawischen Staaten. Halle, 1790, 4 т.

— Käufler, Abriss der oberlaus. Geschichte, 3 т. Görlitz, 1803.

— Knauthen, Derer Oberlausitzen Serbenwenden Kirchengeschichte. Görlitz, 1767.

— Worbs, Geschichte d. Niederlausitz. Züllich, 1824, 2 т.

Послѣ упомянутыхъ неясныхъ указаній о славянской письменности у Лужичанъ, первыя попытки ввести сербо-лужицкій языкъ въ книгу

- Scheltz, Geschichte der Ober- und Nieder-Lausitz, Halle, 1847.
- Jenč, Powieść wo Serbskich kralach, въ «Часописѣ» сербо-лужицкой Матицы, 1849.
- W. Bogusławski, Rys dziejów serbo-łużyckich. Petersburg, 1861.
- Slovnik Naučný, s. v. Lužice, Srbové Lužičti.
- Engelhardt, Erdbeschreibung d. Mark Ober- und Nieder-Lausitz. 2 тома. Dresden 1800.
- Jakub, Serbskie Horne Lužicy. Budyazyn, 1848.
- Rich. Andree, Wendische Wanderstudien. Zur Kunde der Lausitz und der Sorbenwenden. Stuttgart, 1874. Съ этногр. картой. (Противъ него Горникъ, въ «Слав. Сборникѣ»).
- Tissot, Voyage aux pays annexés. Paris, 1876 (вложено и въкоторыя замѣчанія въ журналъ Lužičan, 1877).
- По языку:
- H. Seiler, Kurzgefasste Grammatik der sorben-wendischen Sprache nach dem Budissiner Dialecte. Bud. 1830.
- I. P. Jordan, Gramm. der wendisch-serbischen Sprache in der Oberlausitz (по системѣ Добровскаго). Prag, 1841.
- Fr. Schneider, Grammatik der wendischen Sprache katholischen Dialects. Budissin, 1853.
- Smoljer' (по нѣмецкому написанію Schmalер), Kleine Grammatik der serbisch-wendischen Sprache in der Oberlausitz. Bautzen, 1852; Přeměnenja serbskeje rýče wot 18. do 16. lětstotetka, въ журналъ Lužičan, 1864, 5 выш. 24—26.
- Dr. E. T. Pful (по нѣм. написанію Pfuhl), Laut- und Formenlehre der oberlausitzisch-wendischen Sprache. Mit besonderer Rücksicht auf das Altslavische. Bautzen, 1867.
- Е. Новиковъ, О важнѣйшихъ особенностяхъ лужицкихъ нарѣчій. Москва, 1849.
- Миллошичъ, въ «Сравнит. Грамматикѣ».
- Bose, Wendisch-deutsches Handwörterbuch nach d. oberlaus. Dial. Grimma, 1840.
- Schmalер, Deutsch-wendisches Wörterbuch mit einer Darstellung der allg. wendischen Rechtschreibung. Bautzen, 1843. (XXXIX. 150 стр.).
- J. G. Zwahr, Niederlausitz-wendisch-deutsches Handwörterbuch. Spremberg, 1847 (XII. 476 стр.).
- Pful, Serbski słownik. Pod sobuskutkowanjom Handrija Seilerja (fararja we Łazu) a Mich. Hórnika (vikara w Budyšinje). W Budyšinje, 1857—1866 (8°. 1190 стр.). Serbakoněmski d'zěl.
- По литературѣ:
- И. Срезневскій, Историческій очеркъ сербо-лужицкой литературы, въ Журн. Мин. Нар. Просв. 1844, май, стр. 26—66.
- Генчъ, Stawizny i проч. (Судьбы сербской рѣчи и народности), въ «Часописѣ» сербо-луж. Матицы, 1849—54, и рядъ другихъ историческихъ статей въ томъ же изданіи.
- Гильфердингъ, Народное возрожденіе Сербовъ-Лужичанъ въ Саксоніи (Р. Бесѣда, 1856, I, смѣсь, стр. 1—35; Собр. Сочин., II, 19—49).
- Bogusławski, въ указанномъ сочиненіи; о новѣйшихъ временахъ, какъ и Гильфердингъ, пользуется разказами Смолера.
- Fr. Doucha, O postupu národnosti Srbův Lužických, въ «Часописѣ» чешскомъ, 1845.
- М. Горникъ, Reč a písemnictví lužických Srbův, въ «Часописѣ» чешскомъ, 1856; Listy Jana Kollára do Lužic, тамъ же, 1861; Entstehung und bisherige Thätigkeit der Mačica Serbska, въ Neues Laus. Magazin, т 39; Lužyczanie, въ польской еженедѣльной газетѣ «Warta» въ Познани, 1874, № 15 и слѣд.; Минувшее дѣятельнѣе у Сербовъ-Лужичанъ, въ «Слав. Сборникѣ», Сиб. 1877, II, 85—99; наконецъ рядъ мелкихъ историко-литературныхъ статей въ лужицкомъ «Часописѣ», годъ VIII и слѣдующіе.
- H. Dušman, Pismowstwo katolskich Serbow. W Budyšinje, 1869. Очень точная библиографія книгъ и биографическій списокъ писателей. Продолженіе этого труда въ «Часописѣ» сербо-лужицкой Матицы, 1873—74.

извѣстны только со временъ реформаціи. Гуситское движеніе Чеховъ не отразилось у Лужичанъ: болѣе образованная часть народа была уже нѣмецкая, и въ этомъ качествѣ въ то время ревностно держалась католичества; сельское населеніе было слишкомъ подавлено и въ разгарѣ крестовыхъ походовъ противъ гуситизма и таборитскихъ воинствъ осталось безучастно. Напротивъ, реформація Лютера, какъ дѣло нѣмецкое, имѣла обширный успѣхъ во всей странѣ, отразившись и на ея славянскомъ населеніи. Къ XVI столѣтію сербо-лужицкая народность была уже въ крайнемъ упадкѣ, но стремленіе къ распространенію и утвержденію протестантизма заставило теперь обратиться къ народному языку и дало начало первой литературной дѣятельности на лужицкомъ языкѣ, если можно назвать литературой нѣсколько духовно-учительныхъ книгъ по евангелическому исповѣданію, къ которымъ присоединилось и нѣсколько подобныхъ попытокъ духовенства католическаго. Съ этого времени появляются письменные сборники переводовъ изъ св. Писанія, необходимыхъ молитвъ, легендъ, духовныхъ пѣсень и т. п., которыя отъ священниковъ переходили къ народу. Есть извѣстіе, что въ началѣ XVI столѣтія былъ уже напечатанъ сербо-лужицкій катихизисъ, но до сихъ поръ не встрѣтилось еще ни одного экземпляра этого изданія. Позднѣе, въ собраніяхъ переводныхъ духовныхъ пѣсень начали появляться и оригинальныя сербскія.

Старѣйшимъ значительнымъ памятникомъ сербо-лужицкаго языка является Новый Завѣтъ въ рукописи 1548 г. (въ Берлинской корол. библиотекѣ), переводчикомъ котораго былъ Ник. Якубица (Mikławusch Jakubica). Переводъ сдѣланъ по Лютерову тексту съ прибавленіемъ Вульгаты и притомъ подъ очень сильнымъ вліяніемъ чешскаго перевода, которое должно означать, безъ сомнѣнія, недостаточность тогдашнихъ литературныхъ средствъ языка лужицкаго. Языкъ перевода считали сначала верхне-лужицкимъ или же среднимъ діалектомъ между верхнимъ и нижнимъ; но по подробному изслѣдованію Лескина онъ оказывается ниже-лужицкимъ, не имѣющимъ сходства ни съ какимъ изъ нынѣшнихъ мѣстныхъ говоровъ¹⁾. Затѣмъ первая извѣстная печатная книга есть небольшой канціональ съ нѣсколькими молит-

¹⁾ Небольшой образчикъ этого Нового Завѣта далъ сначала Іенчъ (Najstaršej serbskej rukopisaj, въ «Часописѣ», 1862), потомъ издано было посланіе Іакова (Der Brief des Jakobus. In wendischer Uebersetzung aus der Berliner Handschrift von J. 1548 zum ersten male mitgetheilt von Hermann Lotze, Leipzig. 1867, къ 150-лѣтнему юбилею лужицкаго проповѣдническаго общества; всего текста стран. 16 — 23); наконецъ А. Лескинъ издалъ изъ этой рукописи евангеліе отъ Марка, въ «Архивѣ» Ягича, т. I, 1876, стр. 161 — 249, съ обстоятельнымъ изслѣдованіемъ языка. Замѣчаніе о переводчикѣ, стр. 202. В. Нерингъ, въ томъ же «Архивѣ», указываетъ еще одинъ старый ниже-лужицкій отрывокъ изъ первой половины XVI в. («Archiv», стр. 514).

вами и катихизисомъ Лютера, изданный на ниже-лужицкомъ языкѣ евангелическимъ проповѣдникомъ Альбиномъ Моллеромъ, въ 1674. Въ 1610, Андрей Тареусъ (Tharaeus) издалъ вновь ниже-лужицкій катихизисъ подъ названіемъ: *Enchiridion Vandalicum*¹⁾. На верхне-лужицкомъ нарѣчїи первую книгу, малый Лютеровъ катихизисъ, издалъ уже въ 1597 священникъ Вачеславъ Ворѣхъ (Wargichius). Затѣмъ въ 1627 священникъ Григорій Мартинъ нанекачалъ переводъ семи покаянныхъ псалмовъ.—Это главное, что извѣстно отъ перваго періода лужицкой книжной дѣятельности. Замѣчаютъ, что обѣ эти книжки напечатаны были съ нѣмецкимъ текстомъ *en regard*, не только для нѣмецкихъ духовныхъ, но для приученія народа къ нѣмецкому языку. Но протестантамъ расширялся гораздо быстрее германизаци, и это наконецъ заставило позаботиться о книгахъ на народномъ языкѣ для утвержденія народа въ вѣрѣ.

XVII вѣкъ ознаменованъ былъ новыми бѣдствіями народа и упадокъ народности продолжался; тридцати-лѣтняя война и весь ходъ событій очень способствовали германизаци; но въ концѣ этого столѣтія потребности религіознаго обученія вызвали литературное движеніе, замѣчательнѣйшимъ представителемъ котораго былъ Михаилъ Бранцель (или, какъ называли его по-нѣмецки, Френцель, 1628—1706), евангелическій проповѣдникъ въ Верхнихъ-Лужицахъ. Френцель въ первый разъ широко понялъ народныя потребности и необходимость восстановленія языка, и дѣятельно трудился надъ переводомъ св. писанія: онъ перевелъ Новый Завѣтъ и нѣкоторыя части Ветхаго, причѣмъ пользовался и чешскими и польскими текстами. Поддержанный земскими чинами, онъ изготовилъ шрифтъ для лужицкихъ книгъ съ орографіей, заимствованной отъ Чеховъ, печаталъ церковно-поучительныя книжки для народа, въ 1670 издалъ первый отрывокъ своихъ переводовъ св. писанія, евангеліе отъ Матѳея и Марка, въ 1693 Псалтырь, имѣвшій впоследствии много изданій, и на старости дождался полнаго изданія своего перевода Новаго Завѣта. Но свою орографію онъ потомъ оставилъ и принялъ другую, предложенную пасторомъ Вирлингомъ въ книгѣ: *Didaskalia seu orthographia vandalica*, 1689. Эта послѣдняя была дѣйствительно довольно вандальская, именно грубо построенная по нѣмецкой, и она осталась до послѣдняго времени орографіей протестантовъ, дѣлившей ихъ отъ католиковъ. Дѣятельность Френцеля дала ему великую славу у соотечественниковъ, и лужицкіе историки думаютъ, что если бы сдѣлано было раньше то, что сдѣлалъ Френцель, то гораздо большее число Лужичанъ осталось бы при своемъ языкѣ. У Френцеля какъ будто уже были

¹⁾ Описание единственнаго экземпляра его далъ Горникъ въ «Часописѣ», 1869; филологическій разборъ Лескина въ «Архивѣ» Ягича, т. II, 126—129.

предчувствія славянскаго возрожденія; въ этомъ смыслѣ любезитно писалъ его, которое писалъ онъ къ Петру Великому, во время проѣзда царя черезъ Саксонію въ 1697, представляя ему свои переводы: Френцель съ особеннымъ чувствомъ указываетъ на тѣ связи родства, которыя соединяють его народъ съ другими Славянами и обширной Московіей¹⁾. Труды Френцели не остались безъ продолжателей, и съ его времени заботи о религіозномъ образованіи народа постоянноъ вызываютъ новыхъ дѣятелей. Онъ Михаилъ; Авраамъ Вранцель или Френцель (1656 — 1740), получивши образованіе въ виттенбергскомъ университетѣ, обратился къ историческому изученію своей земли и народа и написалъ обширное сочиненіе *De originibus linguae Sorabicae libri IV* (1693—96); другіе труды его: *De diis Slavorum et Soraborum in specie*, *De vocabulis propriis Sorabicois partium* (по мѣстной географіи) были изданы въ Гофмановыхъ *Scriptores rerum Lusaticarum* (1719). Въ своемъ большомъ сочиненіи; онъ хотя потратилъ безъ пользы много труда на сравненіе славянскаго языка съ еврейскимъ, но обнаружилъ замѣчательныя для того времени археологическія свѣдѣнія и знаніе славянскихъ нарѣчій. Много другихъ латинскихъ его сочиненій, напр., „Сербо-лужицкій словарь“, „Верхне-лужицкая исторія“, „Естественная исторія верхне-лужицкая“, „Словарь нижне-лужицкій“, остаются въ рукописяхъ, которыми отчасти пользовались послѣдующіе историки. При всѣхъ слабыхъ сторонахъ тогдашней учености, труды младшаго Френцеля замѣчательны по своему стремленію къ обще-славянскому изученію, и по тому вліянію, которое имѣли они въ свое время, обративши вниманіе на изученіе языка и народа. Онъ ожидалъ для своей народности лучшаго будущаго и прилежныхъ дѣятелей—*quos linguae Sorabicae dulcedo ac necessitas mecum in sui amorem atque studium gariet*. Семья Френцелей дала еще двухъ ученыхъ писателей: Михаила Френцеля младшаго (1667—1752), котораго *dissertatio de idolis Slavorum* помѣщена въ томъ же Гофмановомъ сборникѣ; и Саломона-Богуслава, сына Михаила Френцеля младшаго (1701—1768). Эта дѣятельность лютеранъ побудила, кажется, и католиковъ позаботиться объ изученіи языка и книгъ для народа. Первую грамматику составилъ иезуитъ Ксаверій-Яковъ Тицинъ (ум. 1693), котораго *Principia linguae vendicae, quam aliqui vandalicam vocant*, вышли въ 1679 въ Прагѣ. Затѣмъ, дѣятельнымъ писателемъ былъ Юрій-Гавштынъ Светликъ (1650—1729), который издавалъ церковныя книжки, по Вульгатѣ перевелъ цѣлую библію, оставшуюся въ рукописи, издалъ

¹⁾ Письмо это по-лужицки и по-латыни напечатано у Срезневскаго, стр. 42—45, прим. О Френцелѣ см. Jenč, Mich. Frenzel a jeho zaslůby wo serbske pismowstwo, въ «Часописѣ» лужицкой Матци, 1871, 73—92; М. Hórník, Ryč a prawopis M. Frencela před runje 200 létamí, тамъ же, 1870, стр. 55—61.

первый, именно латинско-лужицкій словарь, 1721. Со времени Френцелей въ особенности появляется много трудовъ по лужицкой исторіи и языку, напр., верхне-лужицкія грамматики Маттеи и Шмуца, словари того же Шмуца и Светлика, ниже-лужицкая грамматика и словарь Фабриція и др., исторія обычаевъ Нижнихъ-Лужичанъ Тиверія (по-латини и по-ниже-лужицки, въ рукоп.).

Съ XVIII вѣка увеличивается количество книгъ, посвященныхъ религіозному образованію народа, хотя цифра остается крайне скромной. Прежніе библиографы насчитывали до 1700 года только до 50 лужицкихъ книгъ, съ 1700 до 1800 около 200; если новыя поиски и увеличили эту цифру, но и она приблизительно вѣрно опредѣляетъ численныя отношенія этой маленькой литературы. Въ XVIII вѣкѣ въ первый разъ напечатанъ былъ полный переводъ библіи: она переведена была на верхне-лужицкое нарѣчіе соединенными трудами священниковъ Яна Ланги, Матѣя Іовуша, Яна Бѣмера и Яна Вавера: послѣ одиннадцатилѣтней работы, въ которой они сличали свой переводъ съ переводами польскимъ, чешскимъ и старо-славянскимъ, ихъ трудъ былъ напечатанъ въ 1728; это изданіе повторено было потомъ, съ небольшими измѣненіями, въ 1742, 1797, 1820, 1850, 1856; Новый завѣтъ печатался по переводу Френцеля.—Для Нижнихъ-Лужичанъ подобный трудъ предпринялъ евангелическій священникъ Богумиль Фабриціусъ (1679—1741), другъ Авраама Френцеля, родомъ Полякъ, учившійся въ Гиссенѣ и Галле, потомъ суперъ-интендентъ въ Хотебузѣ (Котбусѣ), который издалъ по-ниже-лужицки малый Литеровъ катихизисъ и переводъ Новаго Завѣта (1709). Трудъ Фабриція уже впоследствии дополнилъ Фрицо, издавшій Ветхій Завѣтъ въ 1797. Цѣлая библія вышла въ 1824.

Кромѣ переводовъ св. Писанія, важная поддержка народности состояла въ духовныхъ пѣсняхъ и проповѣди. Духовныя пѣсни (*kyrlusze*, т.-е. *kyrielejson*) были сильно распространены въ массѣ народа, и уже съ начала XVIII вѣка существовали въ значительномъ количествѣ, въ переводахъ Преторія, Аста, Маттеи и Вавера, и умножались съ каждымъ новымъ изданіемъ. Для католическихъ Сербовъ сборникъ подобныхъ церковныхъ пѣсень былъ сдѣланъ уже названнымъ выше Светликомъ; послѣ него писали церковныя и школьныя книги Киліанъ, Мерцинъ Голіанъ, Ганчга, Валда,—послѣдній составилъ самый обширный сборникъ церк. пѣсень: *Spěwawa Jězuzowa Wince*, 1787. На ниже-лужицкомъ духовныя пѣсни въ первый разъ изданы были Гауптманомъ, о которомъ далѣе.

Важнымъ ередствомъ для поддержанія народности и для нѣкотораго образованія массы служила проповѣдь. Она развилась, впрочемъ, довольно поздно и стала пріобрѣтать вліяніе только со временъ Ми-

ханла Френцеля, у втораго съ религіознымъ обученіемъ соединилось въ ней и извѣстное патриотическое чувство. Между проповѣдниками болѣе другихъ замѣчательны были, кромѣ Френцеля, пасторы: Пехъ, Якобъ, Мейкъ, Богатскій, хотя вообще проповѣдники, подражая нѣмецкимъ образцамъ, не отличались особенной оригинальностью и чистотой языка. Проповѣдь оказывала, безъ сомнѣнія, большое вліяніе на сохраненіе народности. Историки замѣчаютъ, что „ни одна серболужицкая область, гдѣ была постоянная проповѣдь на народномъ языкѣ, не обнѣмечилась“ и что, напротивъ, приходы, не имѣвшіе проповѣди, терпели чувство народности и наконецъ обнѣмечивались ¹⁾. Успѣхамъ проповѣди на народномъ языкѣ особенно благоприятствовало учрежденіе лужицкой семинаріи (для католиковъ) въ Прагѣ и проповѣдническихъ обществъ, устроенныхъ лужицкими студентами богословія при университетахъ въ Лейпцигѣ и Виттенбергѣ. Внѣшнія обстоятельства были крайне неблагоприятны для этого народнаго движенія: нѣмецкія власти и духовенство, по старой нелюбви къ Сербамъ, не хотѣли ничѣмъ помочь ему; но дѣло было сдѣлано скромными средствами бѣдной молодежи и немногихъ частныхъ лицъ. Прагская семинарія была открыта въ 1704 году; здѣсь подъ вліяніемъ сильнѣйшаго родственнаго языка, готовились и готовятся до сихъ поръ священники для небольшой горсти католическихъ Сербовъ. Проповѣдническія протестантскія общества открылись въ Лейпцигѣ 1716 и Виттенбергѣ 1749: они должны были бороться съ множествомъ препятствій, бѣдность очень мѣшала сербскимъ поселянамъ посылать свою молодежь въ университеты, общества иногда закрывались на нѣкоторое время за вѣрніемъ людей; тѣмъ не менѣе онѣ очень поддерживали народную проповѣдь и вмѣстѣ съ ней самую народность. ²⁾.

Всѣ эти усилія еще не обезпечивали однако прочности серболужицкой литературы, даже въ тѣхъ скромныхъ размѣрахъ, какіе имѣла она въ XVIII столѣтіи. Семилѣтняя война снова унала тяжелымъ бѣдствіемъ на Лужицанъ: народъ бѣднѣлъ, нѣмецкій элементъ усиливался, проповѣдническія общества упадали, какъ виттенбергское. Литература, состоявшая изъ однихъ церковныхъ книгъ, не много давала опоры для народнаго чувства и отдѣльнаго воспитанія патриотизма, какъ, напр., при 50-лѣтнемъ юбилей лейпцигскаго общества въ 1788, имѣла только минутное вліяніе. Съ семилѣтней войны сербскихъ книгъ стало появляться меньше и меньше.

Положеніе Нижнихъ-Лужицанъ было еще печальнѣе. Они лишены были даже и такихъ средствъ, какія были у нихъ сосѣдей. Со вре-

¹⁾ Bogusławski, стр. 241.

²⁾ О лейпцигскомъ обществѣ см. статью Ленца: Serbische predar'cke towarz'stvo w Lipsku wot l. 1716—1868, въ «Часописѣ» лужицкой Матанъ, 1867, стр. 465—540.

мень Богумила Фабриція до 1740 по-нижне-лужицки напечатаны были только двѣ-три книжки: прусскій король Фридрихъ-Вильгельмъ I не терпѣлъ Лужичанъ и принималъ даже насильственные мѣры для употребленія народности, — у Сербовъ, принадлежавшихъ Пруссіи, лужицкій языкъ изгонялся изъ школъ и даже изъ церкви. Дѣло мало поправилось и послѣ, по смерти этого короля: книжки печатались рѣдко, да и тѣ, какія писали, напр., пасторъ Вилль, родомъ Нѣмецъ, видѣвшій необходимость книгъ для народа (въ 1746—1771 годахъ), ограничивались катихизисомъ и нѣкоторыми переводами изъ св. писанія. Названный выше Гаутманъ, родомъ тоже Нѣмецъ, сербскій проповѣдникъ въ Любнѣвѣ, составилъ по-нѣмецки первую нижне-лужицкую грамматику (*Nieder-Lausitzsche Wendische Grammatica*, 1761) и сборникъ духовныхъ пѣсенъ (*Lubniowski azarski Sambuch*, 1769, т.-е. сербскій *Gesangbuch*), нынѣ впрочемъ уже неупотребительный. Послѣ Вилля и Гаутмана, на этомъ нарѣчїи писали братья Фриды, оба священники. Старшій изъ нихъ, Помагай-Богъ-Кристалевъ (*Gotthilf Christlieb*) Фридо, издавъ съ 1774 лютеранскій катихизисъ и нѣсколько другихъ поучительныхъ книжекъ; другой, Янъ-Фридрихъ, докончилъ, какъ мы выше замѣтили, Фабриціевы переводы св. Писанія, и достигъ при этомъ значительнаго совершенства книжнаго языка... Но тѣмъ все почти и ограничивалось, и если Верхніе Лужичане, имѣвшіе больше средствъ защищать свою народность, терпѣли отъ германизации, то у Нижнихъ она дѣйствовала неоравненно сильнѣе: въ теченіи послѣдняго столѣтія (1750—1850) отмѣчалось до пятидесяти церковныхъ прикодовъ.

Во второй половинѣ XVIII в., интересъ къ народности принесли и серьезные ученые труды, хотя латинскіе и нѣмецкіе, — напр. о церковной исторіи и литературѣ Верхнихъ Лужичанъ Клаутена (по-нѣм.), объ ихъ быччавъ Горчманскаго, по обще-славянской археологїи Верхне-Лужицчанина д-ра Карла-Готтлоба Антона (1751—1818), ученаго человека и одного изъ первыхъ все-славянскихъ патриотовъ прошлаго вѣка ¹⁾, который дѣятельно также собиралъ этнографическія свѣдѣнія и едва-ли не первый обратилъ вниманіе на изученіе сербо-лужицкихъ пѣсенъ, — его сборникъ послужилъ основаніемъ позднѣйшихъ собраній. Нѣмецкія и латинскія книги д-ра Антона, его современниковъ и предшественниковъ не слушали прямо сербо-лужицкому народу, но были несомнѣнно полезны, какъ теоретическое орудіе его возрожденія, дѣлая заботу о народности болѣе сознательною и прочною. Въ этомъ смыслѣ любопытны двѣ, рѣдкія теперь, книжки. Авторъ одной изъ нихъ, Георгъ Кёрнеръ, пасторъ въ Бокау, доказываетъ важ-

¹⁾ О немъ см. *Slovník Naučný*, а. ч.; *Lausitzisches Magazin*, 1843, стр. 198.

ность сербскаго языка и пользу его для науки ¹⁾: онъ говоритъ о приходѣ Вендовъ въ Европу съ востока, о разныхъ вендскихъ народахъ, о важности этого языка въ богословіи, исторіи, географіи, археологіи и проч., и въ концѣ приводитъ библиографическія указанія о вендскихъ книгахъ съ XVI вѣка. Среди фантастической филологіи, въ книжкѣ есть любопытныя замѣчанія. Другая, безименная книжка: *Gedanken eines Ober-Lausitzer-Wenden über das Schicksaal seiner Nation mit flüchtiger, doch unparteyischer Feder entworfen nebst Anmerkungen* ²⁾, говоритъ въ защиту вендскаго народа съ точки зрѣнія „просвѣщенія“ прошлаго вѣка. Нѣкогда это былъ великій народъ; теперь онъ немногочисленъ, потому что, побѣжденный, онъ мало-по-малу принималъ обычаи и языкъ побѣдителей и сливался съ ними въ одинъ народъ; легко заключить, что наконецъ и послѣдній остатокъ его превратится вполнѣ въ Нѣмцевъ,—но такъ было всегда на землѣ: мѣняются „случайныя отличія и наванія“, а люди неизмѣнно остаются тѣмъ же, т-е., людьми, получившими бытіе отъ одного Бога; поэтому разумный человекъ считаетъ каждаго человека своимъ собратомъ и уважаетъ человека всякаго племени, если онъ полезенъ обществу и исполняетъ свои обязанности.

Но разсужденія такого рода мало улучшали положеніе лужицкаго народа, и у патриотовъ, хотя немногихъ, не исчезла забота о сохраненіи „случайныхъ отличій“.

Съ наполеоновскими войнами положеніе сербо-лужицкаго народа снова становилось крайне затруднительнымъ. Страна была опустошена и триумфъ Нѣмцевъ послѣ войны „за освобожденіе“ еще болѣе подавлялъ лужицкую народность: образованные Сербы отказывались отъ нея; народъ былъ покинутъ, такъ что ему грозило, повидимому, близкое уничтоженіе. Проповѣдническія общества закрылись снова, и ниттенбергское уже не возобновлялось... Но именно съ этого времени, давнишаго такъ мало надеждъ, и начинается такое развитіе сербской народности, какова она еще никогда не имѣла до тѣхъ поръ. Она примыкаетъ потомъ къ славянскому возрожденію, которое сообщило ей извѣстную нравственную самостоятельность и возбуждало къ новымъ патриотическимъ усиліямъ. Въ началѣ столѣтія особенно должны быть упомянуты пасторъ Юрій Мѣнъ (Mjen, Möhn), который, желая доказать гнибость своего роднаго языка, издалъ въ лужицкомъ переводѣ нѣсколько отрывковъ Клопштововой „Мессіады“, и Янъ Дѣйка, сдѣлавшій первую попытку лужицкаго журнала, издавая въ 1809—12

¹⁾ M. G. Körner, *Philologisch-kritische Abhandlung von der Wendischen Sprache und ihrem Nutzen in den Wissenschaften*. Leipz. 1766 (посвящено членамъ лужицкаго проповѣдническаго общества въ Лейпцигѣ въ его 50-ти-лѣтнему юбилей), 74 стр. 12°.

²⁾ Anno 1782, Bautzen, 33 стр.

ежемесячно „Serbski powjedak' a kurier“. Послѣ Наполеоновскихъ войнъ, главнымъ представителемъ сербо-лужицкаго возрожденія былъ почтенный будишинскій насторъ, Андрей Любенскій (1790—1840). Будучи еще студентомъ въ Лейпцигѣ, Любенскій возстановилъ проповѣдническое общество и старался дать своимъ товарищамъ болѣе широкое понятіе объ ихъ дѣлѣ, указывая имъ, хотя еще не вполне сознательно, на интересы народности: онъ объяснялъ имъ, что презираемый „вендскій“ языкъ принадлежитъ къ великому славянскому цѣлому, и приготовлялъ свое общество къ знакомству съ панславянскими теоріями народности. Начало было трудно, и Любенскій часто терялъ надежду на возможность возрожденія, считалъ свое время послѣднимъ часомъ лужицкаго народа, но не переставалъ работать, сдѣлалъ новое изданіе Библии, писалъ и печаталъ книжки религіознаго и нравственнаго содержанія, стихотворенія и духовныя пѣсни, историческіе рассказы и т. п., занимался лужицкой исторіей и этнографіей, собралъ большіе матеріалы для верхне-лужицкой грамматики и словаря. Защиту сербской народности раздѣлялъ съ нимъ его товарищъ и другъ, д-ръ Фридрихъ-Адольфъ Клинь (1792—1855), писавшій больше по-нѣмецки и стоявшій ревностно за народныя права сербскаго населенія. Клинь былъ адвокатомъ, служилъ въ церковной и школьной администраціи, былъ членомъ земскаго сейма, и здѣсь его заступничеству на сеймѣ 1833—34 Лужичане обязаны сохраненіемъ народнаго языка въ школѣ, что было для нихъ важной побѣдой. По смерти Любенскаго, Клинь остался патриархомъ сербо-лужицкой народности; въ 1848—49 онъ былъ политическимъ руководителемъ Лужичанъ: они остались тогда рѣшительно на сторонѣ короля, который потомъ вознаградилъ ихъ расширеніемъ правъ ихъ народности. Клинь помогъ потомъ основанію сербской Матицы въ 1847, былъ до своей смерти ея предсѣдателемъ¹⁾. Переходную ступень къ новѣйшему сербо-лужицкому движенію представляетъ дѣятельность Андрея Зейлера (1804—1872). Еще студентомъ богословія въ лейпцигскомъ университетѣ онъ возобновилъ снова, послѣ Любенскаго, лейпцигское общество подъ именемъ „Сорабія“ и горячо проповѣдовалъ о служеніи своей народности. Въ 1826 онъ познакомился въ Лейпцигѣ съ Палацкимъ и Симою Милутиновичемъ, и ихъ вмѣніе еще болѣе развило его собственныя стремленія. Еще въ университетѣ онъ задумалъ издавать рукописную газету, въ которой собирались труды устроеннаго имъ общества и его собственныя поэтическія по-

¹⁾ Въ «Часописѣ» Матицы, 1848, имъ написана вводная статья, т. I, стр. 5—27. При 100-лѣтнемъ юбилей проповѣдническаго общества, Клинь написалъ его исторію. У католиковъ одновременно съ Любенскимъ издавалъ церковно-поучительныя книжки Теделльнъ Метъ.

Verein), при которомъ должна была быть и Wendische Section; Смолеръ устроилъ это отдѣленіе и побудилъ самого Рёслера учиться по-славянски; Пуржинъ былъ выбранъ въ „протекторы“ этого кружка. Въ 1839 лужицкая молодежь открыла новое ученое общество при будишинской гимназии (societas slavica Budessina)¹⁾, главнымъ начинателемъ котораго былъ ревностный лужицкій патриотъ Мосажъ-Клоскопльскій (по-нѣмецки Mosig von Aerenfeld, род. 1820). Посѣщеніе Штура еще болѣе воспламенило патриотическіе порывы сербской молодежи. Штуръ говорилъ имъ о всеславянскомъ братствѣ, напоминалъ объ ихъ старинѣ, возбуждалъ національную ревность²⁾. Затѣмъ пришло письмо отъ знаменитаго автора „Дочери Славян“ и потомъ дѣльный толкъ вникъ чешскихъ, словенскихъ, сербо-хорватскихъ, которые положили основаніе славянской библіотеки при будишинской гимназии. Въ лейпцигской университетъ будишинскіе гимназисты вступали готовыми славистами, и здѣсь также основали славянское общество. Между тѣмъ Смолеръ продолжалъ свое изученіе лужицкой народности, и уже въ 1842 г. могъ приготовить выѣстъ съ Гаунтомъ, секретаремъ згорьльскаго (гёрлицкаго) ученаго общества, изданіе верхне- и нижне-лужицкихъ народныхъ пѣсенъ, исполненное со всѣми требованіями ученаго аппарата³⁾. Въ этомъ изданіи Смолеру помогъ жившій тамъ въ то время Срезневскій; въ изданіи принято было новое чешское правописаніе; Гаунтъ, нѣмецъ, сообщилъ Смолеру находившееся у него собраніе нижне-лужицкихъ пѣсенъ и изготовилъ нѣмецкій переводъ текстовъ. Это изданіе, одно изъ лучшихъ въ славянской литературѣ, и новыя славянскія связи лужицкихъ патриотовъ привлекли на Лужицкихъ Сербовъ вниманіе славянской литературы и ихъ мѣсто въ славянскомъ возрожденіи было признано. Смолеръ обратился теперь къ другой задачѣ своей дѣятельности—распространить національное сознаніе въ самой народной массѣ; нужно было дать ей чтеніе и средства извѣстнаго образованія.

За эту мысль взялся еще въ 1842 г. другой лужицкій патриотъ, извѣстный какъ писатель и журналистъ панславизма. Янъ-Петръ Герданъ (род. 1818) учился въ пражской католической семинаріи и рано началъ свою публицистическую дѣятельность въ извѣстномъ тогда изданіи „Ost und West“. Одинъ изъ первыхъ у Лужичанъ онъ занимался

1) Объ этомъ обществѣ Гечъ: Serbske gymnasijske towarstwo w Budyšinje wot 1839 has! 1864, въ „Часникъ“ 1865.

2) Штуръ написалъ тогда статью о лужицкой народности, переведенную въ „Дениць“ Дубровскаго.

3) Pjesnički Hornych a Delnych Lužiskich Serbow, wudate wot L. Nawpta a J. E. Smolerja. Grumi 1842—43, 2 части, 4°. Къ пѣснямъ присоединены краткое историческое введеніе, свѣдѣнія географическія и статистическія, описаніе народнаго быта Лужичанъ, карта и другія приложенія.

собираемъ народныхъ пѣсенъ и указывалъ ихъ важность. Въ 40-хъ годахъ онъ много работалъ по славянскому вопросу въ нѣмецкой литературѣ. Въ это время, какъ мы раньше упоминали по поводу Чеховъ, Словаковъ и Сербо-Хорватовъ, въ Австрiи шло сильное національное броженiе; въ нѣмецкой, мадьярской, даже европейской публицистикѣ много говорилось объ опасностяхъ „панславизма“,—и въ отпоръ врагамъ Славянства необходимо было отвѣчать въ нѣмецкой литературѣ. Таковъ былъ „Ost und West“, такова публицистическая дѣятельность Воцели, Палацкаго, Штура, Годжи, графовъ Матвѣя и Льва Туновъ; къ нимъ присоединились и лужицкiе патриоты, вошедшiе въ кругъ панславянскихъ сочувствiй—упомянутый Клессольскiй и Юрданъ ¹⁾. Послѣднiй началъ издавать въ Лейпцигѣ „Slawische Jahrbücher“ которыя заключали много важныхъ славянскихъ извѣстiй. Онъ занялъ потомъ катедру славянскихъ языковъ и литературы въ лейпцигскомъ университетѣ, но славянскiй его патриотизмъ сдѣлалъ ему много враговъ въ нѣмецкой журналистикѣ, и когда въ 1848 Юрданъ сталъ открыто за интересы австрiйскаго Славянства, его успѣли вытѣснить изъ университета. Онъ началъ издавать тогда нѣмецкую газету въ Прагѣ, былъ членомъ „Славянской Лиги“, но по наступленiи реакцiи покинулъ литературную дѣятельность.

Съ января 1842 Юрданъ началъ маленькую лужицкую газету „Jutnička“ (Вара, „Утренничка“); но изданiе не удалось, между прочимъ потому, что непримиримыя читатели отталкивало новое (хотя упрощенное по чешскому образцу) правописанiе, которое Юрданъ предлагалъ сперва въ своей грамматикѣ 1841 г. Съ половины года изданiе взялъ на себя Зейлеръ, съ дѣятельнымъ участiемъ Смолера. Новая газета, „Tudzen'ska Novina“ (Еженедѣльная газета) пошла лучше и въ первый разъ дала чтенiе сельскому населенiю, на вкусъ котораго была рассчитана. Съ этого времени лужицкая литература обезпечила себѣ вѣрный, хотя и немногочисленный кругъ читателей. Добывши себѣ журналъ, лужицкiе патриоты задумали основать и *Матцу*, на подобiе другихъ славянскихъ учреждений того же имени. При содѣйствiи упомянутаго Клина, Матца была дѣйствительно устроена и въ 1847 году утверждена савонскимъ правительствомъ. Съ слѣдующаго года началъ выходить „Часописъ“ Матцы, посвященный наученiю сербо-лужицкой исторiи, этнографiи и проч.; въ немъ появились имена новыхъ ревнителей народности, продолжавшихъ дѣло, начатое Зейлеромъ и Смолеромъ. Таковы — Вельязъ, филологъ и

¹⁾ Первый есть авторъ вышедшей безименно книжки: *Slawen, Wenden, Gallen*, 1842; второй, между прочимъ, издалъ брошюру: *Der zweifache Papstthum*. Mit Anmerkungen etc. Leipz. 1847. Ср. письма Шафарика къ Погодину, II, 322 и друг.

поэтъ д-ръ Пфуль, Ленчъ, Ростокъ, Дучманъ и др. Другая задача Матицы состояла въ изданіи полезныхъ книгъ, преимущественно для народнаго чтенія. Въ числѣ изданій Матицы особенно важны подробная статистика Верхнихъ сербскихъ Лужицъ, составленная Якубомъ, и Верхне-лужицкій Словарь, составленный Пфулемъ при содѣйствіи Зейлера и Горниа.

Предпріятія сербскихъ патриотовъ нашли большое сочувствіе въ народной массѣ, которая на національныхъ сербскихъ концертахъ, въ публичныхъ собраніяхъ Матицы, въ первый разъ видѣла открытое заявленіе своей народности. Люди стараго поколѣнія, не видѣвшіе прежде ничего подобнаго, присоединились къ молодому поколѣнію, и малъ ли были скромны средства бѣднаго лужицкаго населенія, предпріятія патриотовъ имѣли успѣхъ, относительно, обширный. Въ этомъ настроеніи засталъ Лужицкихъ Сербовъ 1848 годъ. Всеобщее потрясеніе такъ или иначе не могло ихъ не коснуться. Съ одной стороны возбуждало ихъ національное движеніе сосѣднаго австрійскаго Славянства; съ другой — на нихъ тяготѣли притязанія нѣмецкихъ демократовъ, вымывавшія къ общественной и политической реформѣ, но отрицавшія ихъ народность. Предводители Сербовъ ясно увидѣли, что ихъ маленькому народу не предстояло никакой роли ни въ томъ, ни въ другомъ случаѣ, и поставили дѣло такъ, что въ результатѣ сербская народность осталась внѣ политическихъ смуть и вихря. Общество „Матица“, единственное общественное учрежденіе Лужицанъ, воспользовалось событіями и составило петицію, собранную множествомъ подписей, о томъ, чтобы сербскій языкъ получилъ въ лужицкомъ краѣ тѣ же права, какія имѣетъ нѣмецкій, именно въ школахъ, въ церкви, передъ властями и на судѣ. Сербская депутація обратилась съ своей петиціей не въ палату, а въ министерству и королю; власти, пренебрегаемыя страной, были польщены преданностью Сербовъ; въ дрезденскихъ событіяхъ только сербскій полкъ остался вѣрнѣе королю, — и потому усердіе лужицкаго народа не было забыто. По восстановленіи порядка савонское правительство удовлетворило его петицію и дало лужицкому языку право — въ народной школѣ, въ церкви и въ судѣ. Точно также держались сербскіе политики и въ спорахъ феодаловъ съ городскими демократами, и принявъ сторону первыхъ, охотъ поддержали свой частный интересъ и значительно испортили матеріальное положеніе сельскаго населенія Лужицанъ.

Официальное признаніе сербо-лужицкой народности въ Савсеніи, вниманіе къ ней членовъ королевскаго семейства, ревность сербскихъ предводителей дали совершенно новую флюидомію этой прежде забытой и презираемой народности. Она явилась открыто на общественную сцену; сербская книга стала необходимостью для сельскаго

жителя; нравственное освобожденіе отъ гнетущаго ига, мирно улаженныя отношенія съ феодальными землевладѣльцами, отразились на улучшеніи матеріальнаго быта—дворяне богатыли, и Лужицане становились лучшими сельскими хозяевами края; цѣнность земли въ короткое время увеличилась въ нѣсколько разъ. Выросло и число читателей; газета Смолера въ первые годы послѣ 1849 имѣла до 1200 подписчиковъ—весьма значительная цифра при 90,000 всего верхне-лужицкаго населенія. Въ 1854 Смолеръ задумалъ издать впервые сербо-лужицкій календарь; разошлось два изданія по 1,000 экземпляровъ. „По этой пропорціи, — замѣчаетъ Гильфердингъ, — у насъ въ Европейской Россіи мало бы было милліона экземпляровъ“.

Возвратимся къ дѣятельности Смолера. Онъ былъ неутомимъ въ трудахъ, составлявшихъ первую необходимость литературы; онъ работаетъ для газеты, составляетъ разговоры (1841), нѣмецко-сербской словарь (1849), краткую грамматику (1850), переводитъ „Отголоски русскіхъ пѣсенъ“ Чалаковскаго (1846), Краледворскую рукопись (1852). Рядомъ шли интересы обще-славянскіе, когда въ 1846 Иорданъ передалъ ему редакцію *Slawische Jahrbücher*. Въ 1848 Смолеръ переселился въ Будиницъ, принявъ отъ Зейлера редакцію газеты, получившей теперь политическій отдѣлъ (съ 1853 она называлась *Serbske Nowiny*), и велъ ее до 1869. Кромѣ того, Смолеръ былъ нѣсколько лѣтъ редакторомъ „Часовика“ Матицы, небольшого журнала „*Lužičan*“, въ пятидесятыхъ годахъ велъ новую серію *Slawische Jahrbücher* (1852—58), потомъ *Zeitschrift für slavische Literatur, Kunst und Wissenschaft* (1862—65) и *Centralblatt für slavische Literatur und Bibliographie* (1865—68), опять соединяя свой народный патриотизмъ съ широкими интересами обще-славянскими. Въ лужицкихъ изданіяхъ онъ писалъ о старой исторіи, языкъ сербо-лужицкомъ и пр.; далѣе перевелъ на нѣмецкій языкъ нѣсколько сочиненій Гильфердинга ¹⁾... Наконецъ, Смолеръ направилъ свои труды еще на новое дѣло, важность котораго не подлежитъ сомнѣнію. Въ 1863 онъ основалъ книгопродавческую фирму *Schmalzer u. Pech*, которая издавала сербо-лужицкія книги и должна была положить основаніе обще-славянской книжной торговлѣ. Компаньонъ Смолера, Янъ-Богувѣръ Пехъ (*Pjeh*, по-нѣм. *Joh. Traugott Pech*, род. 1838), учился въ будининской гимназійи и лейпцигскомъ университетѣ, изучалъ славянскія нарѣчія, и въ 1863—66 велъ названную фирму съ Смолеромъ въ Будиницѣ

¹⁾ Укажемъ еще брошюры Смолера: *Welches ist die Lehre des athanasianischen Symbolums von der dritten Person in der Gottheit etc.* (по-нѣмецки и по-лужицки), 4°, 1864; *Die slavischen Ortsnamen in der Oberlausitz (къ 300-лѣтнему юбилею будининской гимназійи)*, 1867, 4°; *Die Schmähschrift des Schmiedemeisters Stosch gegen die sprachwissenschaftlichen Wenden, beleuchtet vom Standpunkte der Wissenschaft und Wahrheit*, 1868.

(Бауценѣ), въ 1870 переселился въ Лейпцигъ, не оставляя мысли о центральной славянской книжной торговлѣ ¹⁾. Необходимость подобнаго центрального пункта не подлежитъ сомнѣнію; и если до сихъ поръ не исполнилось его прочное установленіе, это говоритъ только, какъ слабы доселѣ въ славянскомъ мірѣ потребности взаимнаго литературнаго изученія. Въ своей народной литературѣ Цехъ работалъ какъ участникъ „Лужичанина“, и между прочимъ переводилъ на сербо-лужицкій языкъ сербскія пѣсни, рассказы изъ Тургенева, Галличка, стихотворенія Шиллера, Бодештедта; наконецъ дѣйствуетъ въ нѣмецкой литературѣ.

Возрожденіе сербо-лужицкой народности не обошлось, конечно, безъ нападеній со стороны нѣмецкихъ ревнителѣй, и Смолеру, какъ главному представителю движенія, пришлось особенно испытать ихъ вражду. Однимъ изъ поводовъ было участіе двухъ или трехъ Лужичанъ, Смолера въ томъ числѣ, въ московскомъ съѣздѣ славянскихъ гостей. Смолеръ являлся въ нѣмецкой печати какъ „Vertreter einer panslawistischen Agitation“, какъ „Vorkämpfer des mosk. Byzantinismus“ ²⁾ и т. п. Если припомнить, что другіе или тѣже нѣмецкіе ревнителѣи считаютъ дѣло Лужичанъ рѣшеннымъ ³⁾,—то влостныя нападенія, которыя однако на нихъ дѣлаются съ нѣмецкой стороны, становятся похожи на мало назидательное вѣщаніе борьбы „чорта съ младенцемъ“.

Одинъ изъ дѣятельнѣйшихъ лужицкихъ патриотовъ и писателей есть Михаилъ Горникъ (род. 1838, въ Верхнихъ Лужицахъ). Послѣ сельской школы онъ учился въ будишинской гимназій, съ 1847 въ сербо-лужицкой семинаріи въ Прагѣ, и въ 1853—56 слушалъ въ университетѣ теологію, занимаясь въ тоже время славянскими нарѣчіями и преподавая въ семинаріи родной языкъ своимъ соотечественникамъ. Съ 1856 католическій священникъ, онъ былъ викаріемъ, потомъ капелланомъ въ Будишинѣ. Съ вонца пятидесятыхъ годовъ и донынѣ онъ много работалъ по верне-лужицкой литературѣ. Сначала онъ издавалъ ежемѣсячное прибавленіе къ „Сербскимъ Новинамъ“ Смолера, а въ 1860 началъ небольшой литературный журналъ „Luzičan“. Въ 1862 съ нѣсколькими католическими духовными онъ основалъ обще-

¹⁾ Отмѣтамъ любопытныя для этого дѣла брошюры Цеха, напечатанныя въ видѣ рукописи: Die Buchhandlung Schmalzer und Pech in Leipzig (früher in Bautzen). Ihre Wirksamkeit und Stellung im slavischen Buchhandel, sowie die Bedingungen ihres ferneren Gedeihens. Leipz. 1873; Die Nothwendigkeit der Errichtung einer Slavischen Buchhandlung in Leipzig. Das Programm derselben sowie die zu ihrem Betriebe erforderlichen Mittel. Leipz., 1874. 4°.

²⁾ Cp. Grenzboten, 1867, № 24, стр. 483—441 (Der Panslawismus in Bautzen); Allgem. Zeitung, 1867, № 206—207, Beilagen (Slavisches aus der Lausitz).

³⁾ «Es handelt sich beim Untergange der wendischen Sprache in der Lausitz um keinen Kampf — dieser ist lange entschieden — und nur vom friedlichen Einschlafen kann die Rede sein; keinerlei nationale Gehässigkeit liegt hier vor» etc. Rich. Andree, Wend. Wanderstudien, Vorwort.

ство Св. Виррлла и Мееодія для изданія дешовыхъ и полезныхъ книгъ для католическихъ Сербовъ; органомъ общества была „Katholski posol“, начатый съ 1868 опять подъ редакціей Горника. Для протестантовъ съ тою же цѣлью Имъинъ основалъ ewangeliske knihowne towar'stwe—такъ какъ Матица по уставу не могла издавать конфессіональныхъ книгъ. Горникъ участвовалъ потомъ въ составленіи лужицкаго словаря; переводилъ поучительныя книжки, много писалъ въ „Часописѣ“ Матицы, особенно о лужицкой народности и старой письменности, и съ 1868 есть редакторъ „Часописца“, въ которомъ много его небольшихъ работъ по сербо-лужицкой исторіи и языку. Онъ писалъ также въ Neues Lausitzisches Magazin, и въ славянскіе журналы: чешскій „Часописъ“, польскую „Варту“, русскій „Славянскій Сборникъ“, въ чешскій „Научный Словникъ“, корреспондировалъ въ чешскія газеты. Горникъ есть одинъ изъ лучшихъ знатоковъ своей народности и ея исторіи; онъ старается поддерживать ея нравственную связь съ большимъ славянскимъ міромъ, и, представитель католической доли Сербовъ, работаетъ объ улучшеніи католическихъ книгъ и объединеніи ихъ правописанія съ протестантскимъ ¹⁾.

„Часописъ“ Матицы издавался съ 1848 года подъ редакціей Смолера; съ 1864 Якуба Бука (род. 1825, педагогъ и потомъ придворный капелланъ въ Дрезденѣ), съ 1868 — М. Горника. Этотъ небольшой журналъ, котораго годовое изданіе составляетъ два выпуска, листовъ по пяти печатныхъ, есть главный органъ сербо-лужицкой литературы, гдѣ одинаково работаютъ протестанты и католики. Здѣсь помѣщали стихотворенія Зейлеръ; Вегля (Jan Radyserb), самый плодотворный и послѣ Зейлера наиболѣе цѣнный поэтъ; д-ръ Пфуль. Янъ изъ-Лины (Jan z Liny) перевелъ изъ Шекспира шесть сокетовъ (въ „Часописѣ“, 1875, стр. 78—80) и трагедію „Юлій Цезарь“ ²⁾, но послѣдняя, кажется, до сихъ поръ не издана за недостаткомъ издателя; статьи о языкѣ Смолера, Бука, Пфуля ³⁾, Горника, Кр. В. Брошица (о нижне-лужицкомъ языкѣ); по исторіи и библиографіи—Н. А.

¹⁾ Выше приведены нѣкоторые его труды. Замѣтимъ еще статейки, любопытныя для исторіи сербо-лужицкой литературы: Staroserbske słowa w magdeburgskim rukopisu 12 listst., въ „Часописѣ“, 1875, стр. 80—82; Serbska přísaha, pomnik rycie z třećeje stwórcie 15 listst. (въ будишяскомъ Stadtbuch), тамъ же, стр. 49—53; Jakub Ticius a jeho rycnica z l. 1679, тамъ же, 1879, стр. 9—17; добавки и варианты къ народнымъ пѣснямъ, и проч.

Краткая біографія и подробный списокъ статей Горника до 1869 г., у Лучмана, Pismoctwo, стр. 56—62. Замѣтимъ еще, что Горникомъ составлена „Citanka“ изъ верхне-лужицкой литературы, Vudušin, 1863, съ небольшимъ лужицко-нѣмецкимъ словаремъ.

²⁾ См. польскую газету «Wiek», 1876, № 263, въ фельетонѣ.

³⁾ Но его «Нѣчто изъ славянской старины» въ «Часописѣ» 1878 и также 1879,—странная вещь по отсутствію всякаго научнаго приѣма.

Иенча ¹⁾, Андрея Дучмана (род. 1836), Фидлера. Юл. Эд. Вьелана. Наконецъ, въ „Часописѣ“ помѣщались различныя произведенія народной поэзи. Главнымъ сборникомъ остается упомянутое выше замѣчательное изданіе Гаупта и Смолера. Въ „Часописѣ“ сообщали къ нему дополненія и варианты Зейлеръ, Роля, Горникъ, Г. Иорданъ ²⁾ и особенно Эрнестъ Мука ³⁾; Зейлеръ и Букъ собирали пословицы; Г. Иорданъ—нижне-лужицкія народныя сказки (въ „Часописѣ“ 1876, 1877, 1879).

Другое важное изданіе есть небольшой „Luzičan, časopis za zabavu a poučevaje“ (съ 1860), редакторами котораго были Горникъ, Смолеръ, К. А. Фидлеръ (учитель семинаріи въ Будшинѣ), и нѣтъ опять Смолеръ (печ. листъ въ двѣ надѣли). Тѣмъ писателямъ работаютъ въ „Лужичанинѣ“, гдѣ взаимно историко-филологическихъ предметовъ преобладаетъ легкое чтеніе; ему приписываютъ поэтому большое вліяніе на выработку языка и возбужденіе въ своей публикѣ интереса къ литературѣ. Въ 1878, „Лужичанинъ“ не выходилъ, чтобы дать мѣсто новому изданію „Lipa Serbska“ органу „молодыхъ Лужичанъ“; это изданіе встрѣчено было радушно и могло считаться установившимся, и съ 1879 „Лужичанинъ“ появился снова.

Если въ названнымъ изданіямъ мы прибавимъ еще церковныя газеты: Missionaki Possol, П. Рихтера (Рихтара), для протестантовъ, и Katholski Possol, М. Горника, для католиковъ (которыя печатались для сельскихъ читателей швабахомъ), то мы назовемъ всѣ верхне-лужицкія періодическія изданія. Затѣмъ въ отдѣльныхъ изданіяхъ являются почти только школьныя книжки, катехизисы, молитвенники, духовныя пѣсни, наконецъ немногія книги историческія и повѣствовательныя, и пѣсни свѣтскія ⁴⁾. Число книгъ очень скромное; размѣръ ихъ также; рассчитаны они на публику почти исключительно народную — но свою скромную задачу онѣ исполняютъ ⁵⁾. Для поддержанія дѣла народности, сербо-лужицкая Матица приобрѣла въ Будшинѣ землю, на которой выстроится удобный для этого общества

¹⁾ Выше упомянуты нѣкоторыя статьи Иенча. Ему принадлежатъ рядъ библиографическихъ статей: Spriswanje hornjołužiskich ewangelskich Serbow, wot 1597 hač 1800, тамъ же 1875, стр. 3—42; обзоръ сербской литер. за 1861—65 годъ, тамъ же, 1866; обзоръ за годъ 1866—70, тамъ же, 1870; о верхне-луж. протестантахъ, писавшихъ на другихъ языкахъ до 1800, тамъ же 1875; обзоръ сербо-луж. литературы за 1871—75 годъ, тамъ же, 1876; Zemrjeći spriswanje hornjołužiskich ewangelskich Serbow wot 1800—1877, тамъ же, 1877; о литературѣ рукописной и проч.

²⁾ Нижне-лужицкія пѣсни съ мотивами, 1874, стр. 65—98.

³⁾ Въ „Часописѣ“ 1872, 1873, 1875—77, и въ отдѣльной книжкѣ: Delnjołužiske pėsnje. Zgromadźij E. Muka. Будшинъ 1877 (40 стр. 8°).

⁴⁾ Назовемъ здѣсь также: Wėnc narodnych sprėwow Hornjo- a Delnjo-łužiskich Serbow s prėwodom forterijana, od K. A. Kosora. Bud. 1868.

⁵⁾ Подробности о новѣйшемъ положеніи сербо-лужицкой народности читатель найдетъ въ статьѣ Горника, Слав. Сборн., II; также въ чешскомъ журналѣ Osvěta, 1871 (ст. К. Адамка) и 1879.

домъ и доходы съ него пойдутъ на пользу народнаго образованія и литературы въ обѣихъ лужицкихъ земляхъ. Покупка осуществилась благодаря помощи русскихъ друзей, которыхъ лично просилъ Смолеръ, и лужицкіе патриоты ожидаютъ, чтобы помощь новыхъ друзей сербо-лужицкаго народа помогла скорѣе довершить начатое дѣло.

То, что мы говорили до сихъ поръ о новѣйшемъ движеніи сербской народности, относится особенно къ однимъ Верхнимъ-Лужичанамъ въ Саксоніи. Часть Верхнихъ-Лужичанъ, принадлежащая Пруссіи, хотя и не имѣетъ официальныхъ выгодъ, приобретенныхъ земляками ихъ въ Саксоніи, тѣмъ не менѣе участвовала въ ихъ успѣхахъ, раздѣляя съ ними интересы народнаго образованія. Будущинъ оставался и для нихъ нравственнымъ центромъ, къ которому они тяготѣли.

Не то было у Нижнихъ-Лужичанъ. Мы видѣли, что и прежде положеніе ихъ было гораздо хуже; забывая свое родство съ верхне-лужицкими сосѣдями, на которыхъ они могли бы нѣсколько опираться, не имѣя силы сопротивляться сильно наступающей германизаціи, они уже давно пришли въ такое состояніе, которое не обѣщало имъ будущаго. Еще въ недавнее время цѣлыя приходы обнѣмчивались; сельское населеніе, не находя опоры въ образованномъ классѣ, мало-по-малу забывало языкъ и старыя обычаи и равнодушно смотрѣло на постоянный упадокъ своей народности, на уменьшеніе ея численности. Книги были рѣдки, верхне-лужицкія изданія не находили здѣсь читателей, потому что народъ чуждался ихъ, хотя бы и могъ ихъ понимать. Въ нынѣшнемъ столѣтіи явилось нѣсколько дѣятельныхъ патриотовъ. Копфъ (ум. 1866), сельскій учитель, издалъ переводъ духовныхъ пѣсенъ, особенно погребальныхъ (*Serske spiwanske knigly*) и нѣсколько стихотвореній. Пасторъ Шиндлеръ (ум. 1841) въ началѣ столѣтія издалъ библейскую исторію, сборникъ проповѣдей, сдѣлалъ новое изданіе цѣлой Библии съ помощью прусскаго библейскаго общества. I. Г. Цваръ составилъ сербско-нѣмецкій, очень неудовлетворительный словарь (1847). При собираніи народныхъ пѣсенъ помогали Смолеру Бронишъ, Постъ и Комеръ. Волненія 1848—49 внесли нѣкоторое движеніе и къ Нижнимъ-Лужичанамъ; но книжныя ихъ успѣхи донинѣ очень слабы. Въ 1848, пасторъ Новка началъ, по указаніямъ юнкерской партіи, издавать для Нижнихъ-Лужичанъ журналъ „*Vramborski Serski Casnik*“ (бранденбургскій — какъ отличаютъ себя прусскіе Лужичане — сербскій журналъ), чтобы предохранить народъ отъ демократическихъ вліяній; съ 1852 г. изданіе взялъ пасторъ Панкъ, но журналъ велся и шелъ плохо, потому что редакторы мало знали языкъ и вкусы народа, но по крайней мѣрѣ онъ открылъ дорогу. Съ 1867 г. велъ его учитель Швеля (*Swjela*), и онъ сталъ нѣсколько разнообразнѣе. Другіе начали издавать популярныя

книжки для народа. Въ 1849 году при гимназiи въ Котбусѣ основалось такое же общество патріотической молодежи, какъ въ Будшинѣ; въ 1857 г. введено при названной гимназiи преподаваніе лужицкаго языка. Изъ новѣйшей литературы Нижнихъ-Лужицанъ можно указать лишь немного, и то имѣеть развѣ филологическій интересъ. Таковы *Faedrusowe Wasniski*, переведенныя пасторомъ въ Любневѣ, Христ. Фр. Штемпелемъ (1823 — 1864) и изданныя Смолеромъ. 1854 г.; новое исправленное изданіе цѣлой Библии, пастора Гауссига (1866 г.), при содѣйствіи пасторовъ Тешнаря, Альбина, Шадова, Брониша и Панка, на счетъ прусскаго библейскаго общества. Въ послѣднее время и здѣсь стали являться школьныя книги, катехизисы, церковныя пѣсни, духовныя сочиненія и т. п., въ особенности трудами сейчасъ названнаго Тешнаря. Пасторы и сельскіе учителя и здѣсь единственные представители литературы; одни пишутъ въ упомянутую ниже-лужицкую газету, другіе помѣщаютъ статьи, писанныя на своемъ языкѣ, въ верхне-лужицкомъ „*Часописѣ*“ и „*Лужичанинѣ*“.

Въ средѣ самихъ Лужицанъ, судьба ниже-сербскаго края не возбуждаетъ большихъ надеждъ ¹⁾.

Мы упоминали прежде, что нѣмецкая этнографическая литература обратила вниманіе на остатки славянскихъ народно-поэтическихъ преданій въ краяхъ, уже онѣмеченныхъ. Такимъ же образомъ возбуждаютъ научный интересъ и народныя преданія Сербо-Лужицанъ. Въ послѣднее время явилось два труда подобнаго рода, заслуживающіе особеннаго вниманія. Во-первыхъ, книга Векенштедта ²⁾ — богатое собраніе преданій, сказокъ, суевѣрныхъ обычаевъ, сдѣланное главнымъ образомъ у Нижнихъ-Лужицанъ, отчасти у Верхнихъ, и также у такихъ „Вендовъ“, которые говорятъ уже по-нѣмецки, но вполнѣ сохранили вендскія преданія. Во-вторыхъ, книга Шуленбурга ³⁾: это — опять преданія и рассказы Нижнихъ-Лужицанъ, записанныя въ лѣсахъ Шпрее или Спревы, преимущественно въ мѣстечкѣ Бургѣ, дилеттантомъ, который увлеченъ былъ прелестью этихъ рассказовъ и хотя знакомъ былъ съ народнымъ языкомъ, но записывалъ преданія въ нѣмецкомъ пересказѣ мѣстныхъ „Вендовъ“ (стр. XVІІІ).

¹⁾ Объ упадкѣ ниже-лужицкой народности см. напр. *Luciban*, 1867, стр. 139 и слѣд.; ср. стихотвореніе М. Косыка: *Nejmenŝy słowjanski narod*, въ „*Часописѣ*“ 1878, стр. 149—148.

²⁾ *Wendische Sagen. Märchen und abergläubische Gebräuche. Gesammelt und nacherzählt von Edm. Veckenstedt. Graz, 1880. XVI и 499 стр.*; въ концѣ образчика лужицкихъ нарѣчій.

³⁾ *Wendische Volkssagen und Gebräuche aus dem Spreewald. Von Wilibald von Schulenburg. Leipzig, 1880. XXIX и 312 стр.* Въ концѣ примѣры ниже-лужицкаго нарѣчія.

Укажемъ еще книгу извѣстнаго Тиссо, который заинтересовался Лужичанами для цѣлей политической полемики; и рассказы изъ вендской жизни: „Der Geiger Mickwausch. Erzählungen aus dem Wendischen“ (Norden, 1877), писательницы, которая назвала себя псевдонимомъ Frieda Francesko (Ср. Луїіан, 1877, стр. 108—111).

Возрожденіе лужицкой народности представляетъ въ концѣ-концовъ одинъ изъ самыхъ удивительныхъ примѣровъ славянскаго движенія. Маленькому племени, составлявшему исключительно низшій классъ общества, лишенному всякихъ матеріальныхъ средствъ, издавна грозила совершенная германизация, — но общій потокъ національнаго движенія вынесъ и эту маленькую народность. Она всплыла снова наверхъ, съ попытками на особую литературу, даже на двѣ, и, какъ мы видѣли, въ короткое время успѣла достигнуть своей цѣли: литература возникла народнымъ сочувствіемъ и, повидимому, установилась прочно. Но здѣсь же всего яснѣе видна и обратная сторона маленькихъ литературъ: эта литература осуждена остаться элементарной, ограничиваться книжками для первоначальнаго обученія и для простонароднаго чтенія. Немногочисленность самаго племени, и потому ограниченный внѣшній объемъ этой (и другой, подобной ей) литературы не даетъ возможности болѣе сильнаго развитія: ея научное содержаніе подавляется сосѣдствомъ нѣмецкой или, пожалуй, ино-славянской книги; ея поэзія стѣснена узкими предѣлами народности, для которой бы она предназначалась; наконецъ, вообще книга, выходящая за уровень элементарной и простонародной, не имѣетъ матеріальной возможности существованія, — ее некому покупать. Высшее образованіе и болѣе широкая поэзія предоставляются по необходимости чужому языку — будетъ ли это нѣмецкій или другое, болѣе сильное славянское нарѣчіе. Литература обусловливается, слѣдовательно, элементарностью народнаго образованія: и въ такихъ условіяхъ славянскія народныя литературы были бы, очевидно, не въ состояніи подвигать впередъ цивилизаціи, какъ надѣялись панславистическіе романтики 1830—40-хъ годовъ. Но какая же судьба предстоить имъ, и имѣютъ ли эти мелкія литературы свой *raison d'être*? Безъ сомнѣнія, имѣютъ, потому уже, что онѣ существуютъ, что удовлетворяютъ глубокой потребности — сохраненія народной личности; онѣ дѣлаютъ затѣмъ то прекрасное дѣло, что сколько-нибудь проводятъ въ народъ знанія, даютъ нравственное ученіе на родномъ языкѣ. Появленіе болѣе широкихъ потребностей образованія будетъ и предѣломъ этой литературы, за которымъ она не въ состояніи дѣйствовать. Что же затѣмъ? Въ настоящемъ случаѣ, недавній опытъ можетъ дать ясныя указанія. Для людей равнодушныхъ близокъ выходъ въ нѣмецкую жизнь, тѣсно охватывающую Лужичанъ, отношеніями умственными и матеріальными.

Для тѣхъ, кто дорожить національно-нравственнымъ достоинствомъ своей народности, остается одинъ выходъ—применить къ интересамъ общеславянскимъ. Руководители народнаго дѣла не должны забывать того, что даетъ имъ образованность и политическая жизнь нѣмецкая, отъ которой она получили многія средства своего народнаго возрожденія,—но только на почвѣ славянской взаимности они найдутъ вполне сочувственный отзывъ для своего народнаго дѣла, и нравственный, и даже матеріальный. Это поняли руководители сербо-лужицкой народности,—назовемъ Йордана, Смолера, Горника,—и были правы.

Дѣятели сербо-лужицкой литературы, въ небольшомъ размѣрѣ ихъ народности и при самыхъ скромныхъ средствахъ совершаютъ трудъ, заслуживающій всякаго уваженія. „E pur si muove!—писалъ однажды Крашевскій, говоря о маленькой сербо-лужицкой литературѣ: —склонимъ голову передъ ними“.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

ВОЗРОЖДЕНИЕ *).

Возрожденіе славянскихъ литературъ, которое было такимъ характеристическимъ, и часто поразительнымъ, явленіемъ въ ихъ исторіи съ конца прошлаго вѣка, произвело наконецъ фактъ, обратившій на себя европейское вниманіе. По логическому развитію самаго понятія частныя племенные возрожденія въ дальнѣйшемъ ходѣ должны были завершаться общимъ результатомъ, именно — идеальнымъ возрожденіемъ *цѣльной* славянской національности, которое должно было выразиться не только въ литературѣ и поэзіи, но и въ національной образованности и политической жизни. Идея славянскаго союза или объединенія дѣйствительно мелькала давно въ умахъ славянскихъ патриотовъ; славянская солидарность обнаруживалась фактами; это было замѣчено и посторонними наблюдателями — друзьями и врагами.

Было время, еще не очень давно, когда слово *панславизмъ* было безпрестанно на языкѣ не только славянскихъ и русскихъ политиковъ и патриотовъ, но даже политиковъ европейскихъ. Панславизмъ представлялся тогда новой силой, способной измѣнить политическій видъ Европы; славянскіе патриоты считали эту силу почти уже готовой начать новый періодъ европейской цивилизаціи взаимнѣ цивилизаціи отживающаго Запада; русскіе славянофилы надѣялись на такую пер-

*) Настоящая глава не есть заключеніе нашего цѣлаго труда, какъ было въ 1-мъ изданіи: намъ предстоитъ еще изложеніе русской литературы. Но трудъ нашъ законченъ относительно западнаго и южнаго Славянства, и до известной степени можетъ быть обобщенъ. — На послѣдующихъ страницахъ мы приводимъ въ измеченіи долю послѣдней главы 1-го изданія съ новыми дополнительными замѣчаніями. За послѣднія пятнадцать лѣтъ совершились въ славянскомъ мірѣ крупныя историческія факты, пришли новыя литературныя, общественныя и политическія проявленія и разъясненія славянскаго вопроса; но доля нашего прежняго изложенія можетъ быть повторена и теперь: хотя представленія нашего общества о славянскомъ вопросѣ значительно развились съ шестидесятихъ годовъ, но еще остается въ ходу много и такихъ мнѣній, противъ которыхъ мы въ то время спорили. Нашъ взглядъ, въ сущности, остается тотъ же; но въ разныхъ подробностяхъ онъ болѣе сформировался.

спективу еще больше, и полагали, что блестящая роль предоставлена именно русскому племени... Между тѣмъ и въ это время „панславизмъ“ былъ понятіемъ крайне неопредѣленнымъ, даже для тѣхъ, кто были самыми усердными его проповѣдниками. Въ одномъ были, повидимому, всѣ согласны; это—неминуемое будущее (болѣе или менѣе близкое) соединеніе Славянства въ одно великое цѣлое. Но какъ должно было оно совершиться, въ чемъ должна была заключаться сущность будущаго единства, у самихъ Славянъ мнѣнія крайне расходились. Одни полагали, что Славянство составитъ одинъ великій союзъ равноправныхъ народностей; другіе (польскіе панслависты) ставили во главѣ этого союза Польшу; третьимъ казалось, что „славянскіе ручьи сольются въ русское морѣ“, и что средоточіемъ славянскаго міра сдѣлается русская и православная Москва, и т. д. Словомъ, открылось обширное поприще для притязаній національнаго самолюбія; каждая крупная славянская національность рассчитывала составить себѣ славу въ этомъ будущемъ: Чехи ожидали, что они будутъ настоящими вожатами будущаго Славянства, потому что считали себя передовыми людьми славянскаго движенія; польскіе панслависты (которыхъ, впрочемъ, было вообще немного) надѣялись вознаградить въ будущемъ союзъ неудачи прежней исторіи; московскіе славянофилы рассчитывали на политическое могущество Россіи и надѣялись, что она возвратитъ на настоящій путь тѣ славянскіе народы, которые въ древности свратились съ него, вступивши въ связь съ „латинствомъ“, и т. п.

Съ другой стороны, панславизмъ съ 30-хъ и 40-хъ годовъ породилъ самія разнообразныя мнѣнія въ Европѣ и особенно возбудилъ опасенія у Нѣмцевъ австрійскихъ. Такъ какъ въ панславизмѣ одинъ изъ главныхъ вопросовъ былъ вопросъ о самобытности Славянства, не только о культурномъ, но и политическомъ освобожденіи отъ нѣмецкаго господства, то для Нѣмцевъ панславизмъ сталъ предметомъ особенной ненависти. Вслѣдъ за ними и въ западной Европѣ многіе стали вѣрить, что панславизмъ можетъ грозить европейской цивилизаціи тѣмъ-то въ родѣ новаго монгольскаго нашествія. Преувеличивая силы еще недавно забытаго и пренебрегаемаго Славянства, въ Европѣ думали, что славянскіе народы могутъ применить по первому знаку къ Россіи, которой такъ боялись въ Европѣ въ сороковыхъ годахъ, и затѣмъ пойдутъ густой массой на Европу. Начали даже думать о спасеніи Европы отъ катастрофы: Нѣмцы сильнѣе заговорили о нѣмецкомъ единствѣ; съ другой стороны, Венгры обѣщали быть оплотомъ Европы отъ славянскаго нашествія; нѣкоторые изъ писателей польской эмиграціи, не совсѣмъ послѣдовательно принимая къ западноевропейскому либерализму, утверждали, что такая роль всего прилич-

нѣе Польшѣ, которая можетъ стать во главѣ славянскаго союза и отратить его отъ Россіи...

Вопросъ о панславизмѣ составилъ цѣлую литературу, въ которой высказывались или ожиданія панславизма, предвидѣлись и обсуждались разныя возможности его развитія, или обдумывались средства остано- вить его опасное распространеніе.

Въ чемъ заключалось настоящее, реальное значеніе дѣла, изъ котораго выводились подобныя надежды и тревоги?

Панславизмъ принадлежитъ къ числу самыхъ характеристическихъ проявленій національной идеи. На немъ ясно обнаружилось и ея общед- нныя свойства: панславизмъ соединялъ въ себѣ и примѣры націо- нальнаго увлеченія, способнаго дать нравственную энергію ослабѣв- шему и запуганному обществу, и заблужденія и предрассудки, кото- рые вредятъ самымъ существеннымъ его интересамъ, когда общество выше всего ставитъ свою исключительную національность. Идея объ- единенія есть явленіе новое въ исторіи славянскихъ народностей. Встрѣчаясь и ранѣе какъ неясный инстинктъ, она, въ своей сознатель- ной формѣ, была результатомъ Возрожденія, съ конца прошедшаго столѣтія. Возрожденіе выразилось въ Славянствѣ появленіемъ новыхъ, обновленіемъ старыхъ литературъ, стремленіемъ вывести народъ изъ его нравственной апатіи, поднять образованіе, возстановить забывшіяся національныя преданія—и въ началѣ было еще далеко отъ пансла- визма. Но мысль о единствѣ все-славянскомъ, о возрожденіи націо- нальной жизни въ цѣломъ составѣ племени, была весьма понятнымъ результатомъ этого частнаго движенія отдѣльныхъ народностей. Съ одной стороны, первые усилкія національныхъ стремленій давали пищу для патріотическаго идеализма, который искалъ награды за вѣка исп- ытаній. Съ другой стороны, панславизмъ становился практически необходимымъ: идея цѣлаго Славянства должна была подтверждать стремленія отдѣльныхъ народностей, которыя не могли не сознавать своей слабости въ виду враговъ дикихъ, какъ Турки, и національныхъ противниковъ, какими были Нѣмцы, Мадьяры, Итальянцы и пр. Въ XVIII столѣтіи, политическое возвышеніе Россіи со временъ Петра Ве- ликаго несомнѣнно послужило однимъ изъ сильныхъ факторовъ сла- вянскаго Возрожденія. Въ XIX ст. это вліяніе было еще рѣшительнѣе.

Это сознаніе своей слабости, въ самомъ дѣлѣ, было такъ настоя- тельно, что каждая отдѣльная народность необходимо должна была искать себѣ опоры, нравственной и матеріальной. Онѣ стали поэтому вспоминать о силахъ цѣлаго громаднаго племени, и въ большинствѣ народностей панславянскія стремленія произошли именно изъ этого источника, а не изъ другого. По мнѣнію ревностѣйшихъ изъ пан- славистовъ, чувство племеннаго единства жило искони въ славянскихъ

народахъ и ожидало только благоприятной минуты, чтобы сказаться во всей своей силѣ, и объединеніе племени, раздѣленнаго несчастными случайностями прошедшаго, есть общій идеалъ Славянства. Намъ кажется напротивъ, что идея о племенномъ единствѣ, какъ ее изображали крайніе панслависты, была дѣломъ новѣйшаго времени. Она имѣла успѣхъ только какъ послѣднее средство общественной борьбы, въ особенности противъ иноземнаго угнетенія.

Славянскія народности стояли въ этомъ отношеніи весьма различно.

Панславянскія тенденціи всего меньше прививались у Поляковъ, почему ихъ не рѣдко обвиняютъ въ недостатокѣ славянскаго патриотизма; но дѣло объясняется проще тѣмъ, что даже при надѣніи политической самостоятельности въ Полякахъ было столько національной гордости, или самообольщенія, что они не думали опасаться за свое національное бытіе; они были увѣрены, что имъ нѣтъ нужды прибѣгать для этого къ помощи цѣлаго славянскаго союза. У немногихъ польскихъ приверженцевъ панславизма онъ является всего чаще подкладкой для той же національной гордости: Польша могла пристать къ славянскому союзу, но только съ первенствующей ролью... Для другихъ Славянъ, западныхъ и южныхъ, дѣло стояло иначе. Если только имъ предстоила политическая будущность, они сознавали, что достиженіе ея невозможно для нихъ безъ чьего-нибудь заступничества, или безъ союза съ другими народами, находившимися въ такомъ же положеніи. Въ сороковыхъ годахъ, когда повидимому близилась политическая борьба за свое національное право, западно-славянскіе и въ частности хорватскіе и чешскіе публицисты значительнымъ тономъ указывали на „славянскаго исполина“, протянувшагося „отъ Камчатки до Адриатическаго моря“; участіе Россіи въ освобожденіи Сербіи въ началѣ столѣтія подтверждало надежду, что подобное внимательство сильныхъ единоплеменниковъ можетъ помочь имъ и теперь. Но въ венгерской войнѣ Россія вступила въ союзъ не съ Славянствомъ, а собственно съ габсбургскимъ правительствомъ. Въ дѣлѣ православныхъ Сербовъ княжества руководящей мыслью была опять не панславянская идея, а сочувствія единовѣрія и частные политическіе расчеты Россіи на Балканскомъ полуостровѣ.

У Чеховъ панславизмъ былъ особенно дѣломъ ученой теоріи и поэзіи. Мысль обще-славянскаго единства несомнѣнно оказывала въ ихъ литературѣ дѣйствіе, ободряющее въ борьбѣ противъ грозившей германизации; но Чехи имѣли достаточно историческаго знанія, чтобы не ожидать практическаго осуществленія панславизма. Дѣй ствительно, въ событіяхъ 1848—49 они рассчитывали только на солидарность австрійскаго Славянства въ чисто консервативномъ, относительно Габсбурговъ, смыслѣ; они не искали ни чего, какъ только сохраненія той

Австріи, которая вовсе не была своему Славянству особенно благодарительна. Они были однако правы въ томъ отношеніи, что въ данныхъ условіяхъ Австрія была все-таки какой-нибудь гарантіей для ихъ народности противъ чистаго германизма, а рассчитывать на отвлеченнаго „славянскаго исполина“ на практикѣ было бы ребячествомъ.

У насъ панславизмъ имѣлъ мало успѣха: большинство тѣхъ, кто вообще интересовался политическими вопросами, осталось ему совершенно чуждо. Онъ усвоился только въ небольшомъ кружкѣ, который съ тридцатыхъ годовъ сталъ говорить о славянскихъ народностяхъ, о братствѣ, насъ съ ними соединяющемъ, и т. п. Но эта пропаганда (въ рукахъ Погодина) не отличалась тактомъ, такъ что надъ ней начали подшучивать, какъ надъ фантастической затѣей; мыслящая доля общества занята была ближайшими вопросами русской жизни, какъ интересы образованія, изученіе народнаго быта и исторіи, крѣпостной вопросъ. О *національности*, которая у западнаго Славянства стояла на первомъ планѣ, общество могло не заботиться: она стояла цѣлая и невредимая, и панславизмъ не имѣлъ корней въ нашемъ обществѣ тѣмъ болѣе, что „политика“ была для общества въ тѣ времена вещь строго запрещенной, и потому дѣйствительно мало развитой. Примѣръ строгости запрещенія мы указывали на исторіи кружка Костомарова,—взгляды котораго даже не достигли тогда въ печать. На чемъ же панславизмъ здѣсь основывался? Главнѣйшимъ основаніемъ его былъ національный идеализмъ: мысль о томъ, что славянскіе ручьи сольются въ русскомъ морѣ, была очень популярной у нашихъ панславистовъ, котя (кромѣ Погодина, и то излагавшаго ее въ конфиденціальныхъ запискахъ для высшихъ властей) даже ее не легко было открыто высказывать.

Что панславистическія заявленія 30-хъ и 40-хъ годовъ вызывались всего болѣе именно внѣшними обстоятельствами, которыми заставляли искать откуда бы ни было союза и помощи, а не принципиальными племенными стремленіями, которыя всегда жили въ народахъ по мнѣнію славянскихъ романтиковъ (и слѣд. должны бы представлять прочную, непремѣнную силу),—можно было видѣть изъ хронологическаго совпаденія наиболѣе настойчивыхъ заявленій съ политическими событіями (въ 40-хъ годахъ), и еще болѣе изъ того, что заявленія братства и единства были гораздо рѣже, чѣмъ проявленія крайняго партикуляризма, отчужденности, наконецъ настоящей, иногда ожесточенной вражды въ практической жизни славянскихъ народовъ. Въ этой практической жизни мы видимъ, къ сожалѣнію, цѣлый перекрестный огонь взаимныхъ антипатій. За немногими исключеніями, какъ, напр. историческія связи Россіи съ южнымъ Славянствомъ, основой которыхъ было единовѣріе, мы встрѣчаемъ между славянскими племенами или отчужденность или враж-

ду. Можно считать почти правиломъ, что дальнихъ единоплеменниковъ не знаютъ, съ сосѣдними враждуютъ. Такова вражда между Русскими и Поляками, не вполнѣ скрываемое нерасположеніе между „Москалями“ и „Хохлами“, не скрываемое — между „Ляхами“ и Малороссійцами; далѣе разныя степени нерасположенія между Сербами и Болгарами, и даже въ предѣлахъ одного племени—между Сербами и Хорватами, Чехами и Словаками и проч. Реальныя встрѣчи (кромя литературной области, о которой далѣе) между племенами крайне рѣдки, и тамъ, гдѣ онѣ происходятъ, онѣ даже при мирныхъ условіяхъ слишкомъ часто сопровождаются неудачами и недоразумѣніями, въ дѣлахъ и крупныхъ и мелкихъ. Напомнимъ встрѣчи Русскихъ (не приготовленныхъ теоріей, а обыкновенныхъ) съ Сербами и Болгарами въ послѣднихъ турецкихъ войнахъ, или эпизодъ съ чешскими и галицкими филологами въ русскихъ гимназіяхъ въ министерство гр. Толстого.

Указанныя явленія очень естественны. Все это—слѣдъ цѣлой прежней исторіи, которую, говоря вообще, славянскія племена прошли въ полномъ раздѣленіи другъ отъ друга, отчасти по необходимости, завлеченныя трудно одолжимыми историческими отношеніями, отчасти именно по малому развитію между ними чувства общаго дѣла и племенной связи. Если бы правы были панславистскіе романтики, это явленіе было бы немислимо. Если же оно неопровержимо проходитъ всю исторію Славянства до послѣдняго времени, то надо принять фактъ, какъ онъ есть, и объяснить его тѣмъ, чѣмъ онъ дѣйствительно объясняется. Въ давніе вѣка Славянство расселялось—какъ безъ сомнѣнія расселились всѣ народы—руководимое желаніемъ найти лучшія земли и большее благосостояніе, и мало заботились о сохраненіи или установленіи связей съ дальними единоплеменниками; напротивъ, слишкомъ часто дѣлилось и отъ ближнихъ междуусобной враждой и провинциализмомъ. Страшныя національныя бѣдствія были результатомъ этого разединенія племенъ между собою и въ своей собственной средѣ. Балтійское Славянство, многочисленное и богатое, исчезло окончательно; южное Славянство подпало пятивѣковому игу; Чехи были сломлены и едва уцѣлѣли; Польша раздѣлена; Россія испытала татарское иго, расчлененіе своего древняго цѣлаго, и была восстановлена въ великій народъ цѣною восточно-византійскаго деспотизма съ XVI вѣка, суровой реформы Петра Великаго и т. д. И въ настоящую минуту Славянство гибнетъ—въ прусской Польшѣ, въ Босніи и Герцеговинѣ,—въ большой степени, разумѣется, отъ отсутствія солидарности.

Такимъ образомъ, если исторически Славянство было раздѣлено; если въ настоящую минуту его солидарность и даже взаимное знакомство еще слабы; общаго національнаго дѣла на общественно-политической почвѣ (за рѣдкими, и все-таки неполными исключеніями, какъ

послѣдняя война) еще нѣтъ, — то мы въ правѣ не раздѣлять романтическихъ разсужденій о славянскомъ единствѣ, и въ частности о славянскихъ „предназначеніяхъ“ Россіи, и основаться только на историческихъ фактахъ. „Славянское единство“ не есть ни исконное преданіе, ни предопредѣленная „задача“ Славянства: это есть *нажи-ваемое*, но еще далеко не *нажитое* сознаніе необходимости союза, который указывается единоплеменностью и частію также единовѣріемъ, въ виду сродныхъ задачъ національной образованности и въ виду сходныхъ опасностей отъ вѣнскихъ враговъ ¹⁾).

Не соглашаться съ популярными толкованіями славянскаго единства, разумѣется, вовсе не значить отвергать самое существованіе чувства племенной родственности. Оно существовало издавна, какъ инстинктъ, какъ народное преданіе; но инстинктъ и преданіе, не имѣя нищѣ въ реальныхъ сношеніяхъ, должны были ослабѣвать и становиться достояніемъ только людей книжныхъ. Славянскія литературы съ древнѣйшихъ временъ даютъ не мало свидѣтельствъ объ этомъ чувствѣ племенной связи. Старѣйшій русскій лѣтописецъ имѣетъ ясное представленіе о различныхъ вѣтвяхъ славянскаго племени и ихъ отношеніяхъ; ему знакомы отчасти и преданія объ ихъ древнемъ разселеніи. Около того же времени, латино-чешскій лѣтописецъ Козьма Пражскій, латино-польскій Мартинъ Галъ (начало XII вѣка); потомъ историки болѣе поздніе: Далмицъ, Пулкава у Чеховъ (XIV вѣкъ), Богухвалъ у Поляковъ (XIII вѣкъ) и т. д., имѣютъ болѣе или менѣе понятіе о распространеніи цѣлаго славянскаго народа; чешско-польское сказаніе создало даже трехъ братьевъ, Чеха, Леха и Руса, олицетворявшихъ главные славянскіе народы среднихъ вѣковъ. Въ русской лѣтописи Несторово знаніе Славянства не продолжалось, и свѣдѣнія о немъ были случайны и отрывочны; какъ, напр., извѣстный Симеонъ Суздалецъ, въ путешествіи своемъ на флорентинскій соборъ, узналъ Хорватовъ и отмѣтилъ, что у нихъ „языкъ съ Руси, а вѣра латинская“; но объ южныхъ Славянахъ знали больше, и въ русскіе историческіе сборники вошли свѣдѣнія изъ южно-славянскихъ источниковъ. Съ XV—XVI столѣтія въ исторической литературѣ Западнаго Славянства болѣе и болѣе развивается эрудиція, и вопросъ о происхожденіи своего народа обставляется уже учеными свѣдѣніями и учеными легендами. Въ чешской книгѣ, упомянутой нами ранѣе (стр. 873): *Kratké sebraní* и пр. (около 1439 г.) является, рядомъ съ историческимъ баснословіемъ, и нѣкоторое знаніе остальнаго Славянства; историки польскіе

¹⁾ Болѣе подробное изложеніе этого вопроса сдѣлано нами въ статьяхъ: «Панславизмъ въ прошломъ и настоящемъ», въ «Вѣстникѣ Европы», 1878.

съ этого времени, какъ Длугошъ, Кромеръ, Мѣховита, Бѣльскій, польско-русскій Стрыйбовскій, были отчасти извѣстны и русскимъ книжникамъ, и послужили исходнымъ пунктомъ для нашей первоначальной историографіи XVII—XVIII вѣка. Съ XVI—XVII столѣтія ученія свѣдѣнія о цѣломъ Славянствѣ являются у сербо-хорватскихъ историковъ: таковы Мавро Орбини, Лудій, Дубровчанинъ Градичъ, Хорватъ Фаустинъ Вранчичъ (Веранціо). Феноменальнымъ явленіемъ былъ знаменитый Юрій Крижаничъ, который можетъ съ полнымъ правомъ быть названъ первымъ панславистомъ. Далматинскіе поэты, какъ Фундуличъ, Игнатій Джорджичъ, Качичъ-Міопичъ, въ своихъ патриотическихъ влеченіяхъ помнятъ болѣе или менѣе о цѣломъ Славянствѣ. Словинецъ Богоричъ въ своей грамматикѣ 1584 даетъ уже образчики разныхъ славянскихъ нарѣчій, и затѣмъ составители славянскихъ грамматикъ и словарей нерѣдко вспоминаютъ сходство нарѣчій и родство племенъ.

Съ XVIII вѣка, когда національные интересы славянскихъ обществъ еще дремали, а нѣкоторыя изъ славянскихъ народностей, какъ Чехи въ Австріи, какъ Сербы и Болгары въ Турціи, находились въ крайнемъ упадкѣ, знаніе Славянства является впервые въ настоящей ученой формѣ. Основанія этому научному знанію положены были подъ прямымъ вліяніемъ европейской науки и образованности,—у далматинскихъ Сербо-Хорватовъ въ ея итальянской формѣ, у Чеховъ, Поляковъ и Русскихъ—нѣмецкой. Начиная съ средневѣковыхъ латинскихъ историковъ, въ западной литературѣ не прерывается рядъ историческихъ и географическихъ трудовъ, составляющихъ теперь важный источникъ для изученія разныхъ странъ и вѣковъ Славянства, какъ напр. для древней Россіи путешествія Марко-Поло, Герберштейна, Флетчера, Олеарія и проч. Нѣкоторые изъ этихъ трудовъ, какъ напр., знаменитая книга Герберштейна, были уже почти учеными изслѣдованіями. Къ этой литературѣ примывала и латинская историографія славянскихъ народовъ, о которой мы сейчасъ упоминали. Въ XVIII столѣтіи, является первая систематическая постановка историческаго вопроса. Такъ въ русской литературѣ, кромѣ немногихъ попытокъ русскихъ писателей, установленіе строгой критической исторіи—до Карамзина—было дѣломъ знаменитаго Шлецера и его нѣмецкихъ предшественниковъ и послѣдователей, какъ Байеръ, Гер.-Фр. Миллеръ, Стриттеръ, Кругъ, Лербергъ. По исторіи западнаго и южнаго Славянства, важнымъ началомъ и сильнымъ возбужденіемъ были нѣмецкія работы Энгеля, Гёбгарди, Тунманна, Мейнерта, Аделунга, аббата Фортиса, философско-гуманистическія разсужденія Гердера и проч.; по исторіи древняго южнаго Славянства работы ученыхъ итальянской школы, какъ Ассемани, Бандури, Фарлати.

Славянство не имѣло въ XVIII вѣкѣ своей самостоятельной школы. Въ Россіи была нѣмецкая академія, только-что основанный московскій университетъ съ большимъ числомъ выписываемыхъ изъ Германіи профессоровъ, Кіевская академія съ латинской схоластической ученостью. Польскія школы соединяли схоластическую ученость съ нѣмецкой. Чешскій университетъ въ Прагѣ былъ въ рукахъ іезуитовъ, потомъ былъ нѣмецкимъ; католическіе Словаки были въ рукахъ іезуитовъ, протестанты учились въ нѣмецкихъ университетахъ (особенно въ Галле, Іенѣ, Виттенбергѣ). Далматинскіе Сербо-Хорваты учились въ университетахъ итальянскихъ. Сербы и Болгары не имѣли не только школы, но и самой возможности гдѣ-нибудь учиться... Такимъ образомъ европейская школа, латино-нѣмецкая, итальянская, возбуждала историческую любознательность и указывала научные приемы изслѣдованія.

Подъ этими вліяніями въ западно-славянской литературѣ съ XVIII вѣка начинается дѣятельная и самостоятельная работа. Одной изъ первыхъ потребностей образованія была мѣстная исторія, начала которой приводили къ вопросу о цѣломъ Славянствѣ; таковы были труды по исторіи разныхъ славянскихъ племенъ—Лингарта, Пеячевича, Микочи, Катанчича и проч., писанные все еще по-нѣмецки и по-латыни. Патриотическая привязанность къ своему языку и необходимость защитить его отъ чуженародныхъ притязаній вызвали рядъ апологій, говорившихъ о древности и великомъ распространеніи славянскаго языка, объ его славѣ, достоинствахъ и богатствѣ: таковы упомянутая раньше „Апология“ Бальбина, Себ. Дольчи (*de illyricae linguae vetustate et amplitudine*, 1754), Фр. Аппендини (*de praestantia et vetustate linguae illyricae*, при Словарѣ Стулли, 1806) и друг. За частными толкованіями о славянской древности слѣдуютъ попытки цѣльныхъ трудовъ, какъ, напр., книги Яна-Хр. Іордана (*de originibus slavicis*, 1745), д-ра Антона, упомянутая раньше „Исторія“ архимандрита Райча. Съ особенной живостью шло это ученое движеніе XVIII вѣка у Чеховъ—но сначала почти только на латинскомъ и нѣмецкомъ языкѣ: таковы труды Добнера, Фортуната Дуриха, Фойгта, Пельцеля и др., и особенно Добровскаго, который вообще былъ тогда главнѣйшимъ представителемъ этого движенія во всемъ славянскомъ мірѣ. Рядомъ съ нимъ, другого крупнаго ученаго дало племя словинское, въ лицѣ Копитара, друга и младшаго современника Добровскаго. У Поляковъ, въ концѣ прошлаго и началѣ нынѣшняго столѣтія интересы къ славянской исторіи были значительно возбуждены,—больше, чѣмъ въ послѣдующее время: назовемъ труды гр. Іос. Оссолинскаго (1748—1826), гр. Яна Потоцкаго (1761—1815), далѣе Нарушевича, Зоріана Ходаковскаго, Раковецкаго, Бандтке и особливо Суровецкаго, и по языку, знамени-

таго Богум. Линде. Въ нашей литературѣ, при первомъ началѣ критической исторіи были уже замѣчены южно-славянскія отношенія древней Руси: Карамзинъ въ своей исторіи посвятилъ особый трактатъ древнему Славянству; Востокъ сталъ однимъ изъ главныхъ основателей славянской филологіи; Калайдовичъ сдѣлалъ важныя изслѣдованія о древней болгарской письменности; Кёппенъ, потомъ Погодинъ положили основаніе личнымъ между-славянскимъ связямъ въ ученomъ мѣрѣ и проч. ¹⁾).

Съ этой первой порой научныхъ изслѣдованій Славянства совпало, съ конца прошлаго вѣка, возрожденіе литературное; но главнымъ, въ сущности пока единственнымъ, *общимъ* для разныхъ племенъ интересомъ была эта область науки. Изслѣдованія конца прошлаго и начала нынѣшняго вѣка были посвящены почти исключительно археологіи, отчасти этнографіи; они были однако очень важны для развитія „Возрожденія“—потому что давали слѣдующему поколѣнію возможность общаго обзора славянскаго цѣлаго. Труды Добровскаго имѣли уже этотъ обще-славянскій характеръ; онъ былъ первымъ энциклопедистомъ славянскихъ нарѣчій, и сталъ первымъ общимъ авторитетомъ.

Второе и третье десятилѣтія нашего вѣка значительно расширили это славянское знаніе: ему посвящаетъ свои труды все большее число ученыхъ силъ, и являются новыя возбужденія, съ которыми открываются новыя стороны предмета. Въ ряду такихъ возбужденій было появленіе сербскихъ гѣсенъ Караджича. Онѣ произвели впечатлѣніе и внѣ славянскихъ литературъ, стали предметомъ національной славянской гордости и новымъ орудіемъ Возрожденія, внушивши высокое понятіе о достоинствѣ подлиннаго народнаго творчества. Вскорѣ появились у Чеховъ „Судъ Любуши“ и „Краледворская Рукопись“, которые опять оказали большое вліяніе не только въ чешской, но и другихъ славянскихъ литературахъ. Изъ разныхъ областей славянскаго міра собирались новыя изслѣдованія, возбуждались новыя вопросы; наука была однако разбросана и отрывочна, и требовались обобщающіе и цѣльные труды.

Такимъ обобщеннымъ и цѣльнымъ изученіе Славянства является въ первый разъ въ трудахъ Шафарика, который сталъ тѣмъ болѣе авторитетомъ, что своимъ, съ любовью исполненнымъ обзоромъ славянскихъ литературъ, этнографіи, древностей, далъ славянскимъ изученіямъ впервые извѣстную популярность внѣ прежняго спеціальнаго круга. Дѣятельность Шафарика и ученыхъ, ему современныхъ, составила новый періодъ все-славянскаго изученія, обнявшій гораздо

¹⁾ Подробнѣе см. въ книгѣ Первозьфа, и о новѣйшемъ возрожденіи и панславизмѣ вообще—въ его же статьѣ въ «Научномъ Словникѣ», в. v. Slované, VIII, 618—644. Часть этой статьи, касающаяся собственно литературы, переведена въ Слав. Ежегодникѣ, I, Кіевъ, 1876, стр. 49—90.

болѣе обширный, чѣмъ когда нибудь прежде, кругъ предметовъ и кругъ читателей и изслѣдователей. — Но все-таки, если въ періодъ, завершенный Добровскимъ, обще-славянскій вопросъ объяснялся почти только на почвѣ археологіи, то и въ трудахъ Шафарика и его ближайшихъ современниковъ онъ оставался дѣломъ книжнымъ: число прозелитовъ умножилось, но вопросъ мало выходилъ въ настоящую дѣйствительность, изъ области книжно-ученой и романтической.

Мы упомянемъ далѣе объ учено-романтическихъ теоріяхъ славянскаго Возрожденія. — Очевидно было, что если шла рѣчь о славянскомъ единствѣ и братствѣ, о специально славянской цивилизаціи, необходимо было, чтобы измѣнилось политическое положеніе Славянства, потому что какой либо успѣхъ этого рода могъ быть достигнуть только на просторѣ національной свободы. Политическія движенія Славянства въ защиту національнаго права и начались дѣйствительно. Польское возстаніе, споры Хорватовъ и Словаковъ съ Венграми, готовившимися къ завоеванію своей національной самобытности, стали предметомъ европейскаго интереса; особливо подъ вліяніемъ нѣмецко-мадьярской публицистики, въ Европѣ заговорили о панславизмѣ, угрожающемъ европейскому спокойствію, и вспоминали (неудачное) пророчество Наполеона, что въ полстолѣтіе Европа станетъ республиканской или „козацкой“. Нѣмецкіе патріоты настаивали на включеніи Австріи въ германское единство, предвидѣли національное движеніе турецкихъ Славянъ, подозрѣвали, что панславизмъ есть мечта и интрига Россіи... Наступилъ, наконецъ, 1848 годъ. Въ событіяхъ этого времени затронуты были, очевидно, самые крупныя интересы; но очевидно также, что дѣйствительность далеко не отвѣчала ожиданіямъ ни славянскихъ патріотовъ, ни ихъ враговъ. Славянскій міръ не возсталъ какъ одинъ человекъ и на Европу не было произведено никакого козацкаго нашествія. Славянскій съѣздъ въ Прагѣ вызвалъ насмѣшливое замѣчаніе, что „обще-славянскій языкъ“ есть — нѣмецкій. Торжественный манифестъ представителей (одного австрійскаго) Славянства разувѣрилъ Европу, что ей нечего опасаться. Хорваты и Словаки, какъ по результатамъ оказывалось, боролись не за свою національность, которая ничего не выиграла, а за свою вѣрность Габсбургскому дому. Польша уклонилась отъ всякаго политическаго дѣйствія. Турецкіе Славяне остались спокойны. Россія поддержала въ Австріи законный порядокъ... Мадьяры послѣ смѣялись надъ Хорватами, что Венгрія, возставая противъ Австріи, выиграла гораздо больше, чѣмъ Хорваты, защищая ее; положеніе Хорватовъ таково, что имъ приходится и нынѣ по прежнему бороться противъ мадьярскихъ притязаній. Тяжело почувствовали себя по восстановленіи „порядка“ Чехи и другіе австрійскіе Славяне. Программа Палацкаго была, говорятъ,

дѣломъ благоразумія, потому что только Австрія можетъ дать Славянству защиту отъ германства и Мадьяръ—но надо было дѣлать предположеніе, что Австрія пожелаетъ дать просторъ славянской стихіи...

Все это показывало, что сознаніе политической солидарности было еще очень слабо даже въ австрійскомъ Славянствѣ, соединенномъ одной государственной жизнью; о связи съ другими племенами не было и рѣчи. Этому времени, до 1848 года, и принадлежать наиболѣе идеалистическія заявленія славянскаго романтизма.

Событія 1848—49 года были для Славянства съ одной стороны неудачей — онѣ не принесли ожидавшихся политическихъ выгодъ и были разочарованіемъ для идеалистовъ; но это было все-таки проба (хотя и неполная) между-племенного соглашенія, и теоріи послѣ опыта должны были видоизмѣниться...

Не останавливаясь на чисто-политической публицистикѣ (выше отчасти указанной), напомнимъ лишь основныя теоріи, обращавшіяся въ эту эпоху. Особенно популярны были тѣ, которыя исходили изъ чешскихъ источниковъ, отъ Коллара и ученыхъ идей Шафарика и его современниковъ, съ третьяго десятилѣтія нашего вѣка.

Историческія и археологическія изученія уже съ этого времени внесли въ ученый славянской міръ извѣстную нравственную связь; слависты разныхъ народностей находили себѣ общую почву, и ихъ частныя работы принимали отбѣнокъ обще-славянской. Современники Шафарика и новое поколѣніе, учившееся подъ тѣми вліяніями, какъ Палацкій, Челяковскій, Эрбень, Воцель; Мацѣевскій; Прейсъ, Бодянский, Срезневскій, Григоровичъ и др., были уже болѣе или менѣе солидарнымъ кружкомъ одного направленія. Національныя стремленія отдѣльныхъ племенъ возводились къ цѣлому; опору и защиту для частной, иногда мелкой народности указывали въ племенной себѣ, которая должна была быть сильна сочувствіемъ и согласіемъ въ общемъ дѣлѣ. Археологическія изысканія возстановили до извѣстной степени образъ стараго Славянства, принимавшій въ отдаленіи поэтическія краски, и въ особенности открывали общій національный характеръ, родственныя черты быта и преданій, и гораздо болѣе тѣсную связь, даже единство племенъ въ древности. Сама собой представлялась мысль о возстановленіи этой потерянной связи. Въ подмогу явилась еще философская теорія національнаго предназначенія и историческаго преемства расъ и народовъ. Если каждому обширному племени предопредѣлена великая историческая задача—выразить въ своемъ существованіи извѣстную идею, очевидно, что такую особую идею должно выразить и выполнить Славянство,—а идея опредѣляется національ-

ными свойствами, которыя уже указывались археологическими изслѣдованіями. Многимъ казалось, что народы западной Европы уже совершили свое предназначеніе, что ихъ жизнь идетъ теперь только путемъ разсудочности, матеріализма и духовнаго паденія, и что мѣсто ихъ въ веденіи цивилизациі должно занять еще полное свѣжими силами, неиспорченное славянское племя, которому пришло время исполнять историческую миссію.

Среди этихъ переплетающихся внушеній и впечатлѣній народнаго патріотизма, археологій, философско-историческихъ теорій создавалось идеалистическое настроеніе, для полнаго опредѣленія котораго надо указать еще одинъ элементъ—дѣйствительное присутствіе внутренней свѣжей силы, хотя неясно сознанной и нисколько не установленной. Въ правильномъ здоровомъ развитіи *этой* силы, приходившей отъ сближенія съ народомъ и отъ стремленія служить его благу, и заключалось бы будущее цѣлаго движенія...

Послѣ сказаннаго понятно, что въ первый періодъ своего развитія все-славянскія стремленія были не столько политическимъ ученіемъ, сколько патріотической поэзіей. Намъ остается напомнить въ предъидущемъ изложеніи патріотическихъ поэтовъ и идеалистовъ разныхъ племенъ Славянства,—какъ Венелинъ, Раковскій; Караджичъ, епископъ Мушицкій, владыка Петръ II, Милутиновичъ, Вукотиновичъ и остальные представители „юной Иллириі“; Водникъ; Колларъ, Челяковскій, Яблонскій; Голый, Сладковичъ, Халушка, Штуръ; Стапицъ, Вороничъ, Мицкевичъ; Шевченко, Костомаровъ и т. д. Со всѣхъ концовъ славянскаго міра слышались восторженныя надежды на будущность своего племени и цѣлаго славянства, заявленія о братской любви, о взаимности, о единствѣ. Во главѣ стала поэма Коллара, знаменитѣйшее произведеніе всей той эпохи и въ своемъ родѣ единственная во всей новѣйшей литературѣ европейской патріотическая поэма, построенная на національномъ энтузіазмѣ и—археологій. Мы говорили объ ея содержаніи, и приведемъ еще только одинъ отрывокъ, гдѣ поэтъ высказываетъ ожиданіе будущаго—и не очень далекаго: лѣтъ черезъ сто—величія Славянства, жизнь котораго разольется какъ наводненіе, языкъ котораго будетъ слышаться во дворцахъ и въ устахъ самихъ его соперниковъ, а обычаи и пѣсни будутъ господствовать на Сенѣ и на Эльбѣ ¹⁾... У поэтовъ и новаго поколѣнія ученыхъ обра-

1) „Co z nas Slávů bude o sto roků?
Cože bude z celé Evropy?
Sláváký život na vzor potopy
Rozšíří svých všudy meze kroků;

A ta kterou měli za otroků
Jen řeč, křivé Němců pochopy,

зовалось высокое уваженіе къ „народному“, которое одно у славянскихъ племенъ оставалось подлинно и непримѣно національнымъ: сборникъ Караджича указалъ, какими сокровищами обладаетъ этотъ народъ; Колларъ и Шафарикъ подтвердили это своимъ собраніемъ; новые дѣятели тогда по-своему „пошли въ народъ“ (Станко Вразъ, Срезневскій, Григоровичъ, Головацкій, Костомаровъ, Войццкій, Милутиновичъ, Курелацъ, Смолеръ и пр. и пр.). „Народное“ казалось имъ выше цивилизованнаго, какъ неспорченная патриархальность, какъ преданіе, укрѣпленное вѣками чистаго народнаго быта; мелкія литературы, которыя создавались тогда изъ этой патриархальной среды, ея людьми и для круга ея понятій, казались внутренне выше тѣхъ большихъ литературъ съ искусственными запросами, отчужденныхъ отъ простоты народной жизни и не удовлетворявшихъ ея потребностямъ. Это была цѣлая романтика своего рода; она увлекала своихъ партизановъ, но (напр. въ русской литературѣ) мало вязалась съ общимъ ходомъ литературныхъ идей; тѣсная исключительность и односторонность этой романтики многихъ охлаждала въ славянскому движенію, съ которымъ себя отождествляла. Въ извѣстной связи, но независима отъ этой ученой романтики была собственно-славянофильская точка зрѣнія, выработанная бр. Кирѣевскими и Хомяковымъ и въ примененіи къ Славянству развиваемая особенно Гильфердингомъ. Мысли этой школы выражены были въ разныхъ отгѣнкахъ. Славянство есть настоящее „избранное племя“; ему предстоитъ основать новую совершеннѣйшую цивилизацію. Въ настоящую минуту оно раздѣлено, — но ему слѣдуетъ соединиться, чтобы быть способнымъ выполнить свое историческое назначеніе. Славянство въ древности раздѣлилось между двумя враждебными мірами: греческимъ православнымъ христіанствомъ и „латинствомъ“; но по существу своему оно должно бы все быть православнымъ: оно не имѣло связей съ Римомъ, какъ племена романскія и германскія; христіанство оно приняло впервые изъ византійскаго православія, которое отвѣчало племенному характеру и въ которомъ одномъ можетъ быть снова найдено утраченное единство. Вся исторія западнаго Славянства есть внутренняя борьба истинно-

Ožývati se má pod stropy
Paláců i v ústech samých soků.

Vědy slávským potekou též žlabem,
Kroj, zvyk i zpěv lidu našeho
Bude mocným nad Seinou i Labem!“

И поэтъ прибавляетъ о себѣ:

„O kž i já raděj v tu sem dobu
Narodil se panství slávského,
Aneb potom vstanu ještě z hrobu!“

(Сопеть 376).

славянскаго начала противъ враждебной ему западной церкви и цивилизации... Наши послѣдователи романтической школы — тѣ мирные ученые (Бодянский, Григоровичъ, Прейсъ, Срезневскій), которыхъ западные обличители панславизма изображали революціонными эмиссарами русскаго правительства, не касались, даже съ особенной заботливостью избѣгали политики (которая дома вовсе не поощрялась); — но не обошлось и безъ политическихъ толкованій. Однимъ изъ первыхъ по времени была книжка графа Гуровскаго, въ 1830—31 участника польскаго возстанія, а вслѣдъ затѣмъ приверженца Россіи, которой онъ совѣтовалъ панславистическую политику. Книжка Гуровскаго считалась именно программой русскаго правительства, чѣмъ конечно не была. По его мнѣнію, южныя и западныя племена Славянства — вѣтви, отдѣлившіяся отъ своего корня, вслѣдствіе своего отдѣленія бесплодныя и своей порчей вредныя самому корню: единственное средство исцѣлить ихъ — привязать ихъ къ здоровому славянскому корню, который долженъ для ихъ же пользы поглотить ихъ въ одно славянское цѣлое. Подобныя мысли о соединеніи Славянства, но въ видахъ все-славянской любви и въ грубовато-льстивыхъ диѳирамбахъ, излагалъ Погодинъ въ своихъ конфиденціальныхъ запискахъ гр. Уварову — это была особая, ранняя, фракція московскаго славянофильства, во многомъ ему близкая, во многомъ непохожая и, къ сожалѣнію, никогда прямо имъ не отвергнутая. — Извѣстнѣйшимъ выраженіемъ польскихъ идей по славянскому вопросу была теорія, крайнимъ выраженіемъ которой былъ „Мессіаниззмъ“ Мицкевича. По этой теоріи, славянскій міръ представляетъ двѣ стороны — положительную и отрицательную: въ первой заключаются начала будущаго славянскаго и человѣческаго прогресса, братства народовъ, и совершится исполненіе христіанства это — Польша; вторая — сторона деспотическая, разрушительная, это — Россія, для которой польскій поэтъ не щадитъ темныхъ красокъ. Великая задача — вести впередъ человѣчество и дать полное выраженіе христіанской идеѣ, принадлежитъ Польшѣ (какъ, по мнѣнію славянофиловъ, — Россіи): потому и спасеніе Славянства лежитъ въ Польшѣ, которая должна занять первенствующее мѣсто въ союзѣ славянскихъ народностей. Далѣе, славянофильскія ожиданія о будущемъ Россіи нашли отголосокъ у писателя, который былъ однимъ изъ самыхъ рѣзкихъ противниковъ школы; именно, Герценъ думалъ, что русскій народъ, съ своей идеей общины, явится для Европы обновляющей стихіей, какою славянофилы и сами западно-славянскіе идеалисты (Колларъ, Штуръ) видѣли вообще во всей внутренней природѣ славянскаго племени.

Приведенные образчики теорій и поэтических мечтаній повторяются при случаѣ и доселѣ въ русской и славянскихъ литературахъ. Этотъ своего рода славянскій романтизмъ находится въ несомнѣнномъ родствѣ и съ настоящимъ романтизмомъ западно-европейскимъ. Тотъ и другой были, такъ-сказать, юношескимъ выраженіемъ новаго нарастающаго сознанія. Намъ могутъ быть ясны увлеченія и крайности; но всегда останется глубоко сочувственно стремленіе къ „народности“, т.-е. въ концѣ-концовъ—стремленіе поднять значеніе народа, внушить уваженіе къ его преданію, слѣд. къ его нравственной автономіи, и наконецъ ввести его какъ полноправнаго дѣятеля въ національную жизнь.

Романтизмъ, какъ обыкновенно, забѣгалъ впередъ дѣйствительности, предвосхищаль желаемое будущее. Что же представляли славянскія литературы на дѣлѣ?

Въ началѣ мы указывали, что и въ исторической древности, предполагаемое славянское единство не было такъ значительно, какъ думали романтики. Напротивъ, въ историческія времена мы встрѣчаемъ уже разьединеніе — географическое, политическое, этнографическое, церковное, образовательное, письменное,—которому предстояло чѣмъ дальше, тѣмъ больше выростать. Въ періодъ новѣйшаго возрожденія это разнообразіе и дѣленіе умножается. При всѣхъ заявленіяхъ народнаго братства, Возрожденіе обозначилось прежде всего появленіемъ цѣлаго ряда обновленныхъ или совсѣмъ новыхъ литературъ, упорно настаивавшихъ на правѣ своего отдѣльнаго существованія. Это явленіе было вполне естественно, и этого права нельзя было отвергнуть. Весь смыслъ Возрожденія былъ въ томъ, что въ народахъ пробуждалось сознаніе, и чтобы развивать его, слѣдовало говорить съ народомъ на его языкѣ, собрать и разработать его бытовныя и поэтическія преданія; если „народность“ вообще есть драгоцѣнное достояніе, ея права на литературное развитіе трудно было бы отрицать. Такимъ образомъ литература Возрожденія, въ началѣ еще бѣдная писателями и публикой, бѣдная по языку и содержанію, разбилась на множество вѣтвей, и каждая хотѣла быть самостоятельной. Здѣсь нужно было иногда все начинать съ начала, съ азбуки и книжнаго языка, и небольшое племя иногда добровольно отказывалось отъ близко родственной литературы, чтобы имѣть свою, чтобы развивать собственную народность. Такъ, отъ Чеховъ отдѣлились Словаки, хотя нарѣчія близки, хотя въ прежнее время Словаки пользовались чешскою литературой и сами дали ей многихъ писателей. Литература Сербовъ продолжала дѣлиться на кирилловскую и латинскую, хотя разницы въ языкѣ почти не было; самая литература православныхъ Сербовъ едва не разбилась изъ-за орографіи Вука, которая въ княжествѣ была за-

прещена. Особая литература была у Хорватовъ, особая у Словинцевъ. Въ тридцатыхъ годахъ стали появляться ново-болгарскія книги. Галицкіе Южно-руссѣ не рѣшили до сихъ поръ, держаться ли имъ русскаго языка, или своего народнаго, которымъ начинали писать въ Малороссіи; до сихъ поръ не рѣшили и вопроса правописанія. У Лужичанъ явилось двѣ литературы: одна для нѣсколькихъ десятковъ тысячъ Верхнихъ, другая для нѣсколькихъ десятковъ тысячъ Нижнихъ-Лужичанъ, и такъ далѣе.

Мы видѣли, что чистые романтики были послѣдовательны, восхваляли достоинства маленькихъ литературъ и радовались ихъ размноженію: въ самомъ дѣлѣ, является литература, значить, ожилъ еще одинъ народъ. Но другіе начинали тревожиться,—не только тѣ, кому новые расколы уменьшали объемъ литературнаго вліянія (какъ Чехи вооружались противъ раскола Словаковъ), но и тѣ, кто имѣлъ въ виду общее положеніе вещей. Тревога также была не безъ основанія. Это литературное столпотвореніе могло, какъ вавилонское, грозить окончательнымъ разбродомъ. Какой бы согласный энтузіазмъ ни одушевлялъ эти литературы, имъ трудно было ждать широкаго будущаго: ограниченныя, каждая, предѣлами сравнительно небольшого племени, онѣ должны были впередъ осудить себя на ограниченную роль элементарныхъ и популярныхъ книгъ, и въ предметахъ высшаго образованія и науки только повторять чужія болѣе сильныя литературы,— для сильнаго таланта, сильнаго научнаго ума не будетъ мѣста; ему придется или стѣснять свою дѣятельность по размѣрамъ своей среды или покидать ее для болѣе широкой народности. Исторія славянскихъ литературъ представляла множество примѣровъ послѣдняго рода.

„Возрожденіе“ не утратило этой трудности, и Колларъ, ограничившись четырьмя главными литературами, считалъ возможнымъ связать ихъ въ искусственное единство посредствомъ своей теоріи „взаимности“. Книжка его объ этомъ предметѣ имѣла большой успѣхъ, и „взаимность“ казалась полнымъ примиреніемъ между-славянскихъ затрудненій. Партизанамъ ея не приходило въ голову, что для большинства никогда не возможна будетъ такая филологическая ученость, какъ знаніе четырехъ нарѣчій, и еслибъ даже была возможна, то для дѣйствительнаго сближенія племени очень мало было бы того археолого-этнографическаго идеализма, которымъ романтики тогда по преимуществу были исполнены...

Но, какъ на практикѣ послѣ оказывалось, что „взаимность“ не свела славянскаго разнообразія къ четыремъ основнымъ цѣлымъ и мелкія литературы возростали сильнѣе и быстрѣе чѣмъ „взаимность“, такъ она вызвала и сильныя возраженія въ теоріи. Прошло едва пятнадцать лѣтъ съ перваго появленія мыслей Коллара о взаимности, какъ

намѣренный и обдуманый сепаратизмъ возникъ въ той самой народности, къ которой Колларъ принадлежалъ, противъ той, къ которой онъ присоединился, — сепаратизмъ Словаковъ противъ чешской литературы. Мы указывали выше, что по мысли Штура введеніе словенскаго языка въ книгу нужно было не только по расчету ближайшей пользы для образованія народа, но и по цѣлому принципу: Штуръ именно не желалъ сосредоточенія славянской умственной дѣятельностей въ четыре литературы, потому что съ этимъ окончательно утвердилось бы племенное дѣленіе, и Славянство западное и южное было бы навсегда осуждено на провинциализмъ, — тогда какъ, для самаго настоятельнаго общаго блага, нужно было полное единство, которое представлялось Штуру только въ одномъ общемъ всему Славянству литературномъ языкѣ. Такимъ языкомъ казался ему русскій.

Итакъ, съ болѣе широкой и реальной точки зрѣнія идеалы прежняго романтизма не только теряли свою прелесть, но казались даже прямо вредными. Подобнымъ образомъ въ русской литературѣ, въ средѣ самихъ славистовъ, романтическая точка зрѣнія отживала свое время. Думали прежде, что славянскій міръ такъ полонъ единства и братства, несетъ такую напраслину чужого ига, что Россія стоитъ тронуться, чтобы, напр., Австрія развалилась и на мѣстѣ ея выросъ грандіозный славянскій союзъ подъ руководствомъ Россіи (Погодинъ); думали, что Славянство готово смѣнить отживающую европейскую цивилизацію; высоко цѣнили маленькія славянскія литературы за ихъ патріархальную простоту (Срезневскій), и т. д. Явилась теперь новая точка зрѣнія, съ которой прежнія ожиданія не имѣли мѣста. Съ этой точки зрѣнія (которую у насъ высказывалъ особенно славистъ новаго поколѣнія, В. Ламанскій) оказывалось, что взаимныя влеченія Славянства не такъ сильны; что жалобы австрійскаго Славянства на Нѣмцевъ не вполнѣ основательны, такъ какъ Нѣмцы въ Австріи, хотя и малочисленнѣе Славянъ, но составляютъ въ ней элементъ однородный и самый сильный какъ исторіей, такъ и образованностію, а Славяне, хотя многочисленнѣе, распадаются на семь отдѣльных народностей, и самыя эти народности „представляютъ собой организмы больные, нецѣльные“, такъ какъ одни изъ нихъ сильно онѣмечены, другіе раздѣлены взаимною непріязнью, которая ослабляетъ Славянъ и усиливаетъ нѣмецкое правительство. Было замѣчено, что у славянской интеллигенціи въ Австріи панславизмъ мирно уживался съ преданностію габсбургской династіи, которая была историческимъ врагомъ Славянства; указывалось (въ 60-хъ годахъ) заблужденіе этой интеллигенціи, желавшей успѣховъ Австріи на югѣ, пріобрѣтенія ею Босніи и Герцеговины—въ надеждѣ, что Австрія станетъ славянской имперіей, хотя это пріобрѣтеніе могло ни мало не измѣнить существующаго положенія славянскихъ дѣлъ въ Австріи и

историческаго преданія династїи. Говорилось новонеецъ, что мелкія литературы не имѣютъ будущаго, такъ какъ въ наше время наука стала такою силой, безъ которой *не можетъ держаться* ни одна народность, и мелкимъ племенамъ предстоитъ или утратить мало-помалу свою народность и принять органомъ образованности одинъ изъ единоплеменныхъ языковъ, или же, сохраняя племенную особенность, принять въ литературѣ языкъ русскій ¹⁾).

Романтизмъ, о которомъ мы говорили, былъ естественной вспышкой національнаго чувства въ періодъ возрожденія; что на немъ нельзя останавливаться, видно изъ приведенныхъ сейчасъ взглядовъ, выросших не въ какомъ-либо враждебномъ лагерѣ, а на его собственной почвѣ. Съ отсутствіемъ политическаго вопроса, который могъ бы соединять племена въ общемъ интересѣ, единственнымъ выраженіемъ панславянскихъ стремленій оставалась поэзія и археологія, которыя держали вопросъ въ идеалистической окраскѣ и слишкомъ часто только раздражали фантазію. Къ сожалѣнію, на дѣлѣ, не смотря на братскія заявленія и проповѣди о взаимности, славяне чрезвычайно мало знали другъ друга; такъ было въ тридцатыхъ годахъ, и почти также до сихъ поръ,—рѣзкіе примѣры такого незнанія приводилъ тотъ же писатель, котораго мы сейчасъ цитировали. Взаимныя сношенія были развиты чрезвычайно мало и ограничивались специалистами, или встрѣчами случайными. Въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ наши слависты сдѣлали важныя ученныя путешествія по славянскимъ краямъ,—но въ смыслѣ взаимнаго ознакомленія обществъ результатъ былъ не великъ, и родилось даже не мало ошибочныхъ представленій ²⁾).

1) «Славяне въ Австріи заслуживаютъ только названіе народностей, и, какъ таковыя, *не могутъ не подчиняться Нѣмцамъ*, которые, по всей справедливости, должны быть названы націею, ибо семь народностей: Поляки, Малороссы, Чехи, Словаки, Сербы, Хорваты, Словинцы, составляющія слишкомъ 15 милліоновъ славянскаго народонаселенія Австріи, сами по себѣ такъ слабы и малочисленны, что ни одна изъ нихъ не можетъ теперь образовать независимаго, сильнаго государства и самостоятельной образованности и литературы на своемъ родномъ языкѣ. Если польская и чешская литературы иногда называются богатыми, то это совершенно относительно: онѣ очень бѣдны и ничтожны въ сравненіи съ литературами нѣмецкою, англійскою, французскою, итальянскою и даже испанскою. Не надо забывать, что чешская и польская литературы въ XV, XVI, XVII и XVIII вѣкахъ обработывались на гораздо большемъ пространствѣ, чѣмъ теперь. Что касается до южныхъ Славянъ, то они образуютъ федерацію, общимъ органомъ высшей образованности можетъ быть у нихъ только русскій языкъ. Славяне въ Австріи, изъ чувства патріотизма, не хотятъ сознаться, что они находятся къ Нѣмцамъ въ отношеніи народностей къ національности. Тутъ вводитъ ихъ въ *недоразумѣніе* мысль, что они принадлежатъ къ одному великому 80-милліонному племени, но они совсѣмъ, кажется, не обращаютъ вниманія на то, что изъ этихъ 80-ти милліоновъ, 50 принадлежитъ къ одному русскому племени, уже выработавшему себѣ одинъ письменный языкъ, а остальные 30 милліоновъ раздѣлены на 8-мь народностей, имѣющихъ каждая свою особенную литературу, находящуюся въ самыхъ неблагоприятныхъ вѣнскихъ обстоятельствахъ»...

2) Напр., у насъ пошли въ обращеніе различныя чешскія односторонности въ сужденіяхъ о разныхъ славянскихъ предметахъ, односторонности, которыя принималъ напр. даже такой большой знатокъ Славянства, какъ Гальфердингъ; у Чеховъ, подъ

Впослѣдствіи, научное знаніе Славянства очень расширилось, но оно все еще ограничивается небольшимъ кругомъ спеціалистовъ, а говоря вообще, какъ въ нашемъ обществѣ свѣдѣнія о внутренней жизни и литературѣ разныхъ славянскихъ племенъ очень скудны, такъ еще болѣе ограничено въ западномъ и южномъ Славянствѣ знаніе русской жизни и русскихъ отношеній.

Такимъ образомъ, все то чрезвычайное разнообразіе, которое исторія создала въ разныхъ областяхъ славянскаго міра, остается незнаннымъ не только племенами, но и образованными кругами общества. Оттого, племенное чувство сказывается вообще именно почти только какъ чувство, проявляется порывами (какъ въ самыхъ событіяхъ 1875—78 годовъ), мало сопровождаемое потребностью серьезнаго изученія, постояннымъ вниманіемъ и интересомъ: нелегко и предвидѣть, поэтому, проявленія этого чувства—они могутъ быть, но, при сходныхъ поводахъ, могутъ и не быть. Ясно однако, что если это племенное чувство должно развиться въ сознательное, стать „единствомъ“ (въ какой бы ни было степени: политической солидарности, единства образовательнаго, даже просто научно-литературной связи), то для этого никакъ недостаточно тѣхъ случайныхъ, неполныхъ литературныхъ отношеній, какія существуютъ до сихъ поръ. Необходима возможность непосредственнаго знакомства и бесѣды; заключили, что необходимо прежде всего „обще-славянскій литературный языкъ“.

Не будемъ перелавать здѣсь тѣхъ заявленій и попытокъ рѣшить вопросъ объ этомъ искомомъ языкѣ, какія дѣлались до сихъ поръ ¹⁾, и остановимся на предположеніи, наиболѣе распространенномъ, у насъ особенно, что этимъ языкомъ долженъ стать русскій.

Для взаимной связи Славяне нуждаются въ общемъ литературномъ языкѣ; для сопротивленія чужимъ подавляющимъ вліяніямъ, они нуждаются въ поддержкѣ обширной нравственной силы. Это средство и эту силу, которыя помогутъ имъ сдѣлаться *нацией*, можетъ доставить имъ только принятіе русскаго языка, какъ языка образованія и литературы. Только этимъ способомъ они могутъ найти прочный центръ, около котораго они могутъ собрать свои разрозненные силы. Введеніе русскаго языка подвинетъ впередъ и внутренніе вопросы западнаго и сѣвернаго Славянства, примирить племенную вражду и дать возможность бороться съ вліяніемъ другихъ націй, тяготящихся теперь

вліяніемъ встрѣчъ и сношеній только съ людьми одного круга, съ тѣхъ поръ и донынѣ господствуютъ очень странныя представленія о русской литературѣ и жизни, которыя имъ самими лично почти не изучались, и т. п.

¹⁾ Для подробностей отсылаемъ читателя къ статьямъ: «Литературный Панславизмъ», въ «Вѣсти. Евр.», 1879.

надъ Славянствомъ. Прежде всего, могли бы и должны бы принять русскій языкъ Сербы и Болгары, языкомъ науки и высшей образованности,—сохраняя пожалуй свой языкъ въ управленіи, судѣ, школѣ, въ литературѣ поэтической, и народно-практическихъ книгахъ; затѣмъ, и другіе Славяне. Русскій народъ долженъ въ этомъ помочь своимъ „бѣднымъ и слабымъ единоплеменникамъ“, отъ которыхъ отличается внѣшней силой и „богатствами духовныхъ силъ“ (Ламанскій).

Заявленія объ этой необходимости общаго литературнаго языка (или въ болѣе тѣсномъ предѣлѣ: общаго языка высшей образованности и дипломатическаго, т. е. языка взаимныхъ сношеній общественно-литературныхъ) дѣлались неоднократно не только съ русской, но и съ славянской стороны, и особенно въ пользу русскаго языка. Форма заявленій была всего чаще—убѣжденія въ важности этого вопроса и приглашенія исполнить это принятіе общаго языка. Мы сами раздѣляемъ убѣжденіе, что если бы могло осуществиться утвержденіе такого общаго литературнаго языка, это было бы великимъ приобрѣтеніемъ для Славянства; но всегда думали, что вопросъ такъ труденъ и многообъемлющъ, что въ немъ бессильны всякія частныя пожеланія подобнаго рода: онъ опредѣлится—даже не литературной средой, а широкими историческими условіями, направленіемъ цѣлой политической жизни Славянства и Россіи, и ходомъ ихъ жизни образовательной.

Разсуждая теоретически, представляется, во-первыхъ, вопросъ: необходимо ли, чтобъ Славянскія племена составили непременно одну *націю*? Славянскія племена запада и юга могли бы до извѣстной степени сосредоточиться (напр. южныя племена въ одну группу, чехословенское—въ другую, Поляки—въ третью) и вести отдѣльную жизнь, какъ ведутъ Шведы или Датчане отдѣльно отъ германства. Народность есть такая сила природы, которая живетъ и дѣйствуетъ не по отвлеченнымъ разсужденіямъ, а по собственному внутреннему стремленію и по принудительнымъ внѣшнимъ условіямъ. Какая принудительная сила одолѣвала бы здѣсь естественный инстинктъ самосохраненія народности и заставила бы, особенно западное Славянство, принять русскій языкъ?

Подобную вѣроятность можно еще принять для Болгаръ при нѣкоторой близости нарѣчій, при единствѣ народной религіи, при сосѣдствѣ, и теперь—при связяхъ политическихъ (если онѣ разовьются въ общественныя). Она меньше для Сербовъ, далеко раскиданныхъ географически, раздѣленныхъ въ религіозномъ отношеніи, частію давно испытывающихъ нѣмецкія вліянія. Еще меньше эта вѣроятность для Чеховъ, у которыхъ, при сохраненіи тойже династіи и при тѣхъ же условіяхъ политическаго сосѣдства, принятіе русскаго языка съ его послѣдствіями было бы цѣлой революціей; а при переворотѣ федеративнаго характера, который не невозможенъ, славянскія племена въ

Австріи, быть можетъ, станутъ еще ревнивѣе заботиться о своей этнографической особености.

Русскій языкъ, по словамъ теоріи, дастъ западному и южному Славянству, между прочимъ, ту выгоду, что доставитъ возможность узнать Россію, облегчитъ сравнительное изученіе славянскихъ языковъ, народнаго быта и поэзіи и т. д. Безъ сомнѣнія; но то, что мы замѣчали выше объ удивительномъ незнаніи Россіи у Славянъ, показываетъ, что есть причина незнанія болѣе существенная, чѣмъ неумѣнье читать русскихъ книгъ. Чехи и вообще австрійское Славянство могли бы читать по крайней мѣрѣ нѣмецкія сочиненія или переводы о Россіи; но мы имѣемъ основаніе думать, что и эта литература извѣстна у нихъ очень мало, — не говоря уже о томъ, что во всей западной славянской литературѣ нѣтъ о Россіи ничего, что-бы приближалось къ такимъ, писаннымъ иностранцами, книгамъ, какъ сочиненія Мэккензи Уоллеса или Рамбб. Славяне — скорѣе можно было бы сказать — не потому не знаютъ Россіи, что не читаютъ по-русски, а наоборотъ, не читаютъ, потому что не знаютъ Россіи, далеки отъ нея и не имѣютъ къ ней настоящаго, сознательнаго интереса. Нѣтъ сомнѣнія, что это незнаніе есть большой недостатокъ славянской интеллигенціи; но онъ видимо не безпричинный. Вѣроятно, въ русской литературѣ (какова она была доселѣ, и какой на сколько времени еще останется?) Славянамъ было нѣчто чуждое или нѣчто недостаточное: чуждое потому, что самая жизнь и исторія наша имъ не близки, и недостаточное — потому, что тѣмъ Славянамъ, которые искали бы въ ней предметовъ „высшей образованности“, русская литература не могла бы дать этихъ предметовъ въ ихъ искомой и должной полнотѣ.

Это приводитъ насъ къ тому аргументу теоріи, что русскій языкъ „съ каждымъ, можно сказать, десятилѣтіемъ все болѣе пріобрѣтаетъ себѣ характеръ всемірнаго языка, подобно англійскому, нѣмецкому и французскому“. Если бы русскій языкъ дѣйствительно пріобрѣлъ такое значеніе, это было бы сильнѣйшее обстоятельство, которое могло бы доставить ему литературное господство и въ славянскомъ мірѣ. Произойдетъ ли это, и когда, не беремся рѣшать; сдѣлаемъ лишь нѣсколько замѣчаній о томъ, какія условія дѣлаютъ языкъ „всемирнымъ“, и даютъ ему возможность стать языкомъ высшей образованности у племенъ, употребляющихъ, собственно говоря, другой языкъ.

Во-первыхъ, нѣкоторые изъ славянскихъ языковъ не такъ безпомощны для служенія „высшей образованности“, — на примѣръ, чешскій и польскій; и у Чеховъ въ такое короткое время образовался, хотя очень искусственный, но разнообразный литературный языкъ, что они тѣмъ болѣе дорожатъ имъ и гордятся. О польскомъ нечего и говорить. И если бы Чехи пришли къ необходимости покидать свой языкъ,

то взаимѣнъ они, — при положеніи вещей, похожемъ на нынѣшнее, — скорѣе выбрали бы нѣмецкій, нежели русскій. Славянскіе ученые, и даже горячіе патріоты, издавна и донинѣ употребляли нѣмецкій языкъ, когда шла рѣчь о широкихъ интересахъ науки или политики (Добровскій, Копитаръ, Шафарикъ, Палацкій, Колларъ, Воцель, Миклошичъ, Ткалацъ, Утѣшеновичъ, Ягичъ и мн. друг.); и русскому языку нужно сдѣлать очень многое въ области высшей образованности, чтобы приобрести въ славянскомъ мірѣ авторитетъ, достаточный для переселенія родныхъ языковъ и, въ австрійскомъ Славянствѣ очень распространеннаго, нѣмецкаго.

Французскій, нѣмецкій и англійскій языки справедливо называются всемірными потому, что дѣйствительно играли великую роль въ исторіи обще-человѣческаго развитія и потому, что имѣютъ и чрезвычайно обширное внѣшнее распространеніе. Знаніе ихъ неизбежно необходимо тому, кто хочетъ усвоить „высшую образованность“ или успѣшно для нея работать. На этихъ языкахъ высказывались самыя глубокіе вопросы и рѣшенія новѣйшей мысли, важныя не только въ собственной національной средѣ, но и всюду, гдѣ только являлась мысль о божествѣ, природѣ, человѣкѣ, обществѣ, знаніи, правѣ и т. д. Въ древнемъ мірѣ, предшественникѣ нашей цивилизаціи, это такъ-называемое обще-человѣческое значеніе принадлежало греческому языку и литературѣ; потомъ эта роль перешла къ латинскому и онъ остался языкомъ высшей образованности до конца среднихъ вѣковъ и въ нѣкоторой степени даже позже. „Всемірное“ значеніе этихъ языковъ было таково, что въ эпоху западно-европейскаго Возрожденія изученіе классической древности произвело новый поворотъ въ развитіи европейской образованности. Въ новыя времена такое значеніе принадлежатъ французскому, нѣмецкому и англійскому языкамъ вовсе не потому, что это — языки большихъ странъ и народовъ (Китай обширнѣе всѣхъ ихъ вмѣстѣ), а потому, что этимъ народамъ принадлежалъ трудъ высшаго человѣческаго знанія и величайшія произведенія поэтическія; — этою силою названные языки получаютъ и внѣшнее всемірное распространеніе, захватывая новыя части свѣта въ свою территорію. Англія шла впереди европейскаго развитія съ XVII вѣка; въ XVIII, дѣло англійскихъ мыслителей продолжала французская литература, которая становилась все-европейскою; съ конца XVIII-го и въ XIX, къ нимъ присоединяется глубокая и знаменательная дѣятельность нѣмецкой науки и поэзіи. Вотъ область, въ которой русскому языку предстоитъ завоевать „всемірное значеніе“... Простая правдивость должна признать, что русскому языку еще далеко до этого значенія. Русская литература создала въ послѣднее столѣтіе много замѣчательныхъ явленій, которыя дѣйствительно даютъ право ждать отъ нея сильнаго развитія

въ будущемъ, развитія въ размѣрахъ главныхъ литературъ европейскыхъ,—но теперь она еще далека отъ него, и ея произведенія, богатая внутреннимъ достоинствомъ и глубоко важныя въ своей средѣ, имѣютъ для другихъ народовъ интересъ все еще болѣе этнографической. Кто захотѣлъ бы искать въ нашей литературѣ плоды „высшей образованности“, скоро увидѣлъ бы свою ошибку и обратился бы къ другимъ источникамъ, гдѣ въ самомъ дѣлѣ нашелъ бы эти плоды болѣе свѣжими и цѣлыми, нежели въ нашей неполной и невѣрной передачѣ... Для всемірнаго значенія литература должна ознаменоваться великими произведеніями науки и поэзіи, исполненными со всею свободой философскаго мышленія и національнаго поэтическаго творчества; а для этого необходимы такія условія общественности, какихъ мы доселѣ не имѣли и еще не имѣемъ. Необходимость этихъ условій указывалъ Штуръ, когда (почти 30 лѣтъ назадъ) говорилъ о необходимости принятія Славянами русскаго языка, какъ общаго литературнаго языка; и когда въ пору московскаго славянскаго съѣзда, 1867, въ нашей печати снова поведена была рѣчь о принятіи Славянами русскаго языка, изъ самогò славянофильскаго лагеря сдѣлано было нѣсколько очень сильныхъ возраженій, заимствованныхъ изъ положенія нашей науки и общественности ¹⁾. Въ какомъ положеніи находится наша печать, и возможна ли при немъ литература, авторитетная для народовъ, имѣющихъ (какъ напр. Чехи; австрійскіе и прусскіе Поляки; австрійскіе Сербо-Хорваты; даже Болгары) европейскую свободу печати, объ этомъ считаемъ излишнимъ распространяться ²⁾.

Такимъ образомъ, еслибы даже знаніе русскаго языка распространилось между Славянствомъ, то при безправномъ положеніи печати, при несвободѣ науки, наша литература никакъ не уничтожитъ зависимости Славянства отъ нѣмецкой или иной образованности и литературы, и принятіе русскаго языка Славянами немислимо. Или же русская литература должна подняться до той степени, гдѣ бы она могла свободно работать для „высшей образованности“, и тогда дѣло сводится къ вопросу о свойствахъ нашей общественности. Не видѣть этого—можно только добровольно закрывая глаза на факты.

Наконецъ предположимъ, что наша литература приобрѣла тѣ общественныя условія, о которыхъ мы говоримъ, приобрѣла свободу науки

¹⁾ Ср. Штура, «Славянство и мѣръ будущаго», стр. 174, 181—182; газету «Москва», 1867, № 86, 97.

²⁾ Приведемъ лишь примѣръ, что въ послѣдніе годы не могли проникнуть въ нашу печать столь умѣренныхъ сочиненій, какъ книга Лекки объ исторіи рационализма и даже известная книга Финлея по исторіи Византіи. Съ другой стороны, у Сербовъ былъ напр. возможенъ переводъ книги Ренана.

Припомнимъ еще, что у насъ до послѣдняго времени не допускаются изданія русской галицкой литературы, журналы австрійскихъ Сербовъ (напр. „Стража“), не допускались въ 1860-хъ годахъ (см. выше) патріотическія изданія болгарскія. О книгахъ польскихъ нечего и говорить.

и свободу печати. Это, безъ сомнѣнія, чрезвычайно подвинуло бы ея развитіе и ея вліяніе въ Славянствѣ; но и послѣ того вопросъ еще нельзя считать рѣшеннымъ. Если говорили, что наша литература (при всѣхъ трудностяхъ) растетъ съ „каждымъ десятилѣтіемъ“, то также или сильнѣе растутъ литературы, съ которыми ей пришлось бы соперничать, и съ каждымъ десятилѣтіемъ въ новыхъ литературахъ славянскихъ укрѣпляется ихъ чувство отдѣльности, которая должна становиться для нихъ тѣмъ дороже, чѣмъ съ большими усиліями претивъ иноплеменнаго вліянія она ими охраняется.

Писатели старыхъ поколѣній уже думали объ этихъ предметахъ, и умнѣйшіе изъ нихъ указывали въ вопросѣ еще одну сторону, безъ сомнѣнія чрезвычайно важную, именно — что нравственно-литературное единство могло бы быть достигнуто лишь великими историческими дѣяніями, вліяніе которыхъ почувствовалось бы цѣлымъ Славянствомъ ¹⁾.

Если бы случилось (и нашъ взглядъ, это было бы большимъ счастьемъ для славянскихъ народовъ), что это объединеніе литературно-образовательное совершится, мы также думали бы, что литературнымъ средоточіемъ могъ бы быть только русскій языкъ — не только по многочисленности народа, не только по значенію политическому, гдѣ русскій народъ является (или: могъ бы явиться) единственнымъ сильнымъ представителемъ Славянства, — но особенно по соображеніямъ, касающимся литературы. Нѣтъ сомнѣнія, что въ наше время національная жизнь, широкая и прочная, невозможна безъ сильнаго развитія науки, что „безъ науки не можетъ удержаться ни одна народность“ (т.-е. которой коснется культурное соперничество); чрезвычайно сложная наука нашего времени требуетъ большихъ матеріальныхъ средствъ, а эти средства можетъ представить только сильная національность. По этому основанію и по тѣмъ богатымъ задаткамъ, какія уже даются нашей наукой и поэзіей, мы думали бы, что нравственно-национальнымъ и образовательнымъ центромъ славянства могла бы быть только Россія, — но этого не понимаетъ какъ слѣдуетъ ни русское общество (мы говорили выше о положеніи нашей науки и литературы), ни славянскій міръ, и послѣднему непониманіе извинительнѣе, когда пониманія нѣтъ у насъ самихъ.

Такимъ образомъ успѣхи нашего вліянія въ славянскомъ мірѣ и самое направленіе національнаго развитія Славянства лежатъ, существен-

¹⁾ Шафарикъ, по поводу «все-славянскаго» языка и письма, еще въ 1826 писалъ слѣдующее (въ переводѣ съ чешскаго): «Какое изъ славянскихъ нарѣчій и какая славянская азбука будутъ всеславянскими, будетъ рѣшать уже не перо, рѣшить это только мечъ; потоки крови проведутъ черту — тамъ, гдѣ ихъ больше потечетъ, тамъ возникнетъ все-славянская рѣчь и алфавитъ» (въ чешскомъ «Часописѣ», 1874, стр. 68). Ср. слова Кошутара и Добровскаго, сличаемыя В. Ламанскимъ въ Ж. Мин. Н. Просв., 1880, іюнь, стр. 336.

нымъ образомъ, въ положеніи науки и вообще образованія, общественности и литературы, въ самой Россіи....

Если *долго* не измѣнятся условія и не явится возможности широкаго и свободнаго развитія нашей образованности, то было уже и ранѣе высказано и теперь опять возникаетъ у самихъ партизановъ Славянства мнѣніе, что славянское движеніе можетъ пойти *мимо* Россіи. Къ сожалѣнію, нельзя сказать, чтобы послѣднее время не давало къ этому мнѣнію поводовъ, особенно когда въ Австріи, повидимому, явилась наклонность къ признанію славянскаго національнаго права, мѣстныхъ автономій и языка. Улучшеніе политическаго положенія, очень вѣроятно, можетъ ослабить общественный, а затѣмъ и литературный интересъ къ Россіи и—къ славянскому единству...

Послѣ этихъ мечтаній о славянскомъ единствѣ, подъ русскимъ главенствомъ, остается сказать нѣсколько словъ о фактѣ, который составляетъ ихъ противоположность и который нерѣдко смущалъ горячихъ приверженцевъ единства,—т. е. о современномъ дѣленіи славянскихъ литературъ. Оно все какъ будто возрастаетъ. Были случаи, что сами дѣятели и энтузіасты славянскаго Возрожденія возставали противъ новыхъ литературъ, забывая, что все обновленіе славянской національной жизни произошло изъ того же источника, который производилъ новыя маленькія литературы. Такъ возставали Чехи въ названномъ прежде сборникѣ („Hlasové“), противъ литературы словенской; такъ у насъ негодовали на малорусскія литературныя попытки. О томъ и другомъ мы раньше подробно говорили. Вопросъ о правѣ мелкихъ литературъ на существованіе немислимъ тамъ, гдѣ вообще не подвергается сомнѣнію право литературы. Если онѣ возникаютъ, это есть уже ихъ право; если дѣятели ихъ преувеличиваютъ силы своей народности, это обнаружится само собою; принудительное противодѣйствіе ихъ развитію вредитъ какъ тѣмъ, что вноситъ въ племенные отношенія новую дозу вражды, такъ и тѣмъ, что стѣсняетъ, заглушаетъ проявленія народности, которыми справедливо дорожили первые дѣятели Возрожденія, какъ распускающимся цвѣтомъ нравственно-національнаго сознанія. Литература большого народа, идущая къ тому, чтобы стать въ рядъ „всемирныхъ“, только обогатилась бы, имѣя подлѣ литературы филиальныя, надъ которыми все-таки господствовала бы, а притѣсненіемъ ихъ она компрометируетъ свое достоинство. Господство языка и литературы должны достигаться силою ихъ внутренняго авторитета, а не принужденіемъ и содѣйствіями администраціи.

За послѣднія десятилѣтія мало измѣнились общія отношенія славянскихъ литературъ. Все еще слишкомъ недостаточны ихъ силы; по-

прежнему грозятъ славянскимъ народностямъ опасности чужеземнаго ига, или еще оно гнететъ ихъ и продолжается паденіе національности; „взаимность“ слаба; тѣ первоначальныя цѣли, которыя должны стоять предъ литературами славянскихъ народовъ и заключаются во взаимномъ сближеніи, соглашеніи и примиреніи, далеко не достигнуты. Но многое сдѣлано, и есть признаки лучшаго будущаго.

Знаменательнѣйшимъ событіемъ послѣднихъ лѣтъ было вступленіе въ славянскій кругъ новой свободной народности—болгарской; оно было безъ сомнѣнія и крупнымъ фактомъ славянскаго сознанія. Правда, въ этомъ событіи есть неясности, есть „явленія неразгаданныя“ для чужихъ, да и для своихъ наблюдателей;—еще трудно сказать, какими путями, но въ немъ дѣйствовала славянская солидарность. Надобно думать, что неразгадываемое теперь будетъ больше и больше дѣлаться видимой и сознательной силой. Съ болгарской стороны, въ сверженіи ига и установленіи новаго порядка участвовали старые и молодые патріоты, боровшіеся въ церковномъ вопросѣ, работавшіе въ литературѣ и школѣ, строившіе планы освобожденія и томившіеся ими въ эмиграціи. Другимъ важнымъ событіемъ было недавнее расширеніе національной равноправности въ Австріи. Въ области литературной должно замѣтить новое развитіе ученой дѣятельности, выразившееся основаніемъ двухъ славянскихъ академій—въ Загребѣ и Краковѣ, и вообще расширеніемъ историко-этнографической литературы. Славянскія изученія возрастаютъ въ разныхъ направленіяхъ, и гораздо больше, чѣмъ прежде является примѣровъ взаимнаго изученія и изученія все-славянскаго. Послѣ перваго поколѣнія славистовъ, во главѣ которыхъ стояли Шафарикъ, какъ ученый, и Колларъ, какъ поэтъ панславизма, и въ рядахъ которыхъ вліятельно работали первые русскіе профессора „славянскихъ нарѣчій“, дѣйствовалъ и дѣйствуетъ новый рядъ замѣчательныхъ ученыхъ, какъ Миклошичъ, Ягичъ, Гильфердингъ, Ламанскій, Макушевъ, Котляревскій, Рачкій, Первольфъ и др., съ интересомъ все-славянскимъ въ различныхъ областяхъ историко-филологическаго знанія. Въ кругѣ взаимныхъ изученій укажемъ въ особенности труды Богшича по изученію южно-славянскаго юридическаго быта и по законодательству Черногоріи, и работы Константина Пречка-младшаго, который далъ Болгарамъ исторію ихъ отечества къ самой минутѣ ихъ освобожденія.

Еще не мало національныхъ иллюзій, но историческій опытъ накопляется и научаетъ болѣе критическому отношенію и къ прошедшему и къ современной дѣйствительности.

Не примирены (и вѣроятно, долго еще не примирятся) старая вражда; но можно отмѣтить хотя зачатки невиданнаго явленія: попытокъ примиренія, идущихъ съ обѣихъ сторонъ, между двумя братьями,

двумя историческими врагами—русской и польской національностью, попытокъ, которыхъ нельзя не привѣтствовать съ лучшими пожеланіями и которыя должны бы умножаться по мѣрѣ того, какъ развивается безпристрастная, т.-е. истинно-историческая критика.

Желаніемъ, чтобы такая историческая критика разъяснила славянскому, и въ томъ числѣ русскому, ученому міру и обществу истинные интересы Славянства, мы кончимъ свой настоящій трудъ.

7 іюля 1880.

ДОПОЛНЕНИЯ И ПОПРАВКИ.

Стр. 3. «Histoire de la littérature contemporaine chez les Slaves, par C. Courgière». Paris, 1879.

Стр. 20. «Сравнительныя этимологическія таблицы славянскихъ языковъ». Составилъ Ф. В. Ржица. 2 вып. Спб. 1877—1878. 4°.

Стр. 36. Другіе русскіе труды о Кириллѣ и Меѳодіи, между прочимъ вышедшіе въ послѣдніе годы, укажемъ въ дальнѣйшей части нашего труда.

Стр. 47. В. Тешловъ, Матеріалы для статистики Болгаріи, Фракіи и Македоніи (съ приложеніемъ карты распредѣленія народонаселенія по вѣроисповѣданіямъ). Спб. 1877. 4°.

— Путешествіе по славянскимъ областямъ Европейской Турціи. — Мекензи и Эрби. Съ предисловіемъ Гладстона. Пер. съ англ. Въ двухъ томахъ. Спб. 1878.

— Народы Турціи. Двадцать лѣтъ пребыванія среди Грековъ, Болгаръ, Албанцевъ, Турокъ и Армянъ, — жены и дочери консула. Въ двухъ томахъ, переводъ съ англійскаго. Спб. 1879.

— Южное Славянство. Турція и соперничество европейскихъ правительствъ на Балканскомъ полуостровѣ. Историко-политическіе очерки. Соч. Л. Доброва. Спб. 1879.

— К. Jireček, Knížectví bulharské, въ журналѣ Osvěta, 1878, № 5—6.

— F. Kanitz, Donau-Bulgarien. III Bd. Mit 46 Illustrationen im Texte, 10 Tafeln und 1 Original-Karte (въ масштабѣ 1 : 420,000). Leipzig, 1879.

Съ послѣдними событіями явился въ слав. и европ. литературѣ цѣлый рядъ сочиненій, прямо или косвенно относящихся къ балканскому Славянству. Было бы долго перечислять ихъ, и отчасти чуждо нашей цѣли, такъ какъ главный интересъ ихъ политическій. Быть можетъ, мы возвратимся къ нимъ при другомъ случаѣ.

Стр. 48. А. Куникъ и баронъ В. Розенъ, Извѣстія Ал-Бекри и другихъ авторовъ о Руси и Славянахъ. Спб. 1878 (стр. 118—161: о родствѣ Хагано-Болгаръ съ Чувашиами по славяно-болгарскому именику, и дал.).

— Ф. Брунъ, Догадки касательно участія Русскихъ въ дѣлахъ Болгаріи въ XIII и XIV столѣтіяхъ. Журн. Мин. Н. Просв. 1878, дек., 227—238.

— Матвій Соколовъ, Изъ древней исторіи Болгаръ. I. Образованіе болг. національности. II. Принятіе христіанства болгарскими Славянами. Спб. 1879.

— Фед. Успенскій, Образованіе второго болгарскаго царства. Одесса, 1879 (Зап. Новоросс. унив. XXVII). Съ приложеніемъ неизд. документовъ; его же бібліотечныя изслѣдованія памятниковъ языка и болг. исторіи, Журн. М. Н. Пр. 1878—79.

— Архим. Антонинъ, Пѣздка въ Румелию. Спб. 1879. 4°. Подробный разборъ, П. А. Сыркъ, въ Ж. Мин. Н. Пр. 1880, июль — июль.

Стр. 54. Стоянъ Новаковичъ, «Бугари и ѣихова књижевностъ», въ журналѣ «Отачбина», 1875, годъ I, кн. 3, 283—291, 396—406, 625—640 (окт., ноябрь и декабрь). В. Ягичъ, О языкѣ и литературѣ современныхъ Болгаръ (перевед. въ «Еженед. Нов. Времена», 1880, № 82—83).

Стр. 108. Къ Паясию см. еще въ ст. Ламанскаго, «Болг. словесность XVІІІ вѣка», въ Журн. Мин. 1869, IX, 107—123.

Стр. 114. «Габровско-то училище и неговн-тъ първи попечители». Царьградъ 1866. Иеромонахъ Неофитъ Рылецъ издалъ «Описание болгарскаго священнаго монастыря Рыльского». Софія, 1879.

Стр. 117. Къ литературѣ болгарскаго первоначнаго вопроса прибавимъ еще нѣскольکو изданій болгарскихъ и не-болгарскихъ:

— Ἀπάντης εἰς τὸν λόγον τοῦ κυρίου Ε. Καραθεοδῶρη, (67 стр. «1860. Представитель болгарски Х. П. Х. Минчоолу»). Переводъ съ болг.

— Воззваніе къ господамъ представителямъ и настоятелямъ, отъ бранльскаго общества (печ. въ Болградѣ) 1861. 25 ноября. 16 стр.

— Опроверженіе на възраженіето на великата църква противъ издаденнѣтъ отъ правительството проекты за рѣшеніето на болгарскія въпросъ. Превелъ отъ первообразното Н. Михайловскій. 47 стр. (печатано въ тип. «Македонія»).

— Окружно писмо святаго болгарскаго синода къмъ самостоителныи православни църкви. Въ отговоръ на окружно патриаршеско писмо къмъ свящныи църкви И. П. Ч. Цариградъ, 1871. 27 стр., и тоже по гречески: Ἐυχόλιος Ἐπιστολὴ и пр. Кювст. 1871, 30 стр.

— Избираеніето на болгарскій екзархъ. Цар., въ тип. «Македонія». 1872. 32 стр., мал. форм.

— Въздуваніята на Фенеръ и изверженіята му. Цар., въ тойже тип. 1872. 36 стр., также.

— «Писмо до болгарскій екзархъ» (Антимъ 1-ий), Вълка Нейчова, ноября 1872, Бейкоглу (8 стр. 8°).

— Το οἰκόμεν. πατριαρχειῶν καὶ οἱ Βουλγάροι ὑπὸ Ε. Κανσοκλήσου. 1874. в. 1. Книжка аеонскаго моваха, грека, въ пользу болгарскаго дѣла.

Эти изданія, какъ и еще нѣкоторыя другія рѣдкія болгарскія изданія (даже) были намъ сообщены П. А. Сырку, молодымъ ученымъ, сдѣлавшимъ любопытное путешествіе въ Болгарію въ 1878—79 г. и отъ котораго наука можетъ ожидать важныи трудовъ по изученію балканскаго Славянства, стараго и новаго.

Стр. 122. Любенъ Каравеловъ (род. 1834) умеръ въ Русукѣ 21 янв. 1879. Болгарскаго патриота очень цѣнили и Сербъ какъ посредника между болгарскою и сербскою интеллигенціей. Ср. «Заставу», 1879, № 18, и «Серб. Зорю», 1879, № 2.

Стр. 123. Въ ряду новыхъ писателей должно назвать еще Т. К. Станчева, которому принадлежитъ рядъ популярныхъ книжекъ, весьма разнообразнаго содержанія: это—наставленія религиозныя, педагогическія; повѣсти (напр. «Ружница отъ Елюграда, древно събитіе», 1870); историческія коротенькія драмы (напр. на событія послѣдней войны); комедіи нравоучительныя (и также: «Бивонсфилдъ, смѣшна позрища игра»). Кира Петровъ—учитель и патриотъ, погибшій передъ началомъ русско-турецкой войны, былъ также популярнымъ писателемъ (объ его судьбѣ см. въ названной дажѣ книжкѣ Радославова). Никола Живковъ—патриотическій стихотворецъ. Но лучший изъ новыхъ поэтовъ есть, кажется, И. Вазовъ: «Тѣжнѣ на България», Бук. 1877, и «Избавленіе, современни стихотворенія», Бук. 1878.

Назовемъ еще писателя изъ болгарскихъ протестантовъ, Андрея С. Цанова, который издывалъ въ 70-хъ годахъ религиозно-поучительныя книжки въ Вѣнѣ. Ему принадлежитъ также: «България въ источній въросъ» (Шлоадивъ, или Филиппополь, 1879). Одну поучительную книжку перевела и Марія А. С. Цановъ.

Изъ протестантскаго круга выходилъ въ 60-хъ годахъ въ Царьградѣ рядъ книжекъ подобнаго рода, отличающихся протестантскимъ рационализмомъ и піетизмомъ: Пана-та и римско-католическа-та църква, 1861; Иди при Исуса, 1863; Калугерство (Вѣна, 1867; противъ монашества); Слово за постъ (т. е. о постѣ, собственно противъ поста), 3-е изданіе, 1868 и друг.

Протестантство сдѣлало много возбудженіемъ интереса въ образованію и школѣ.

Стр. 123—124. Къ сочиненіямъ Раковскаго укажемъ еще: «Българскій въпросъ» извѣстенъ въпросъ съ фанаротіятъ и голѣмая мечтатѣйна идея панеллинзма, мал. 4° съ румунскимъ переводомъ en regard, 111 стр.; «Български тѣ хайдутѣ. Тѣхното начало и тѣхна та постоіана борба съ Турци тѣ отъ паденія Българій до днѣшнѣ тѣ времена. Книжица първа». Букурещъ 1867; 6. 8°, 39 стр. Къ сожалѣнію, одной первой книжкой (всѣхъ должно было быть пять) и ограничилось, гдѣ идетъ рѣчь о древнемъ болг. царствѣ; въ 5-й главѣ должно было находиться «описание развитія народнаго духа и болѣе обширное движеніе политической жизни съ 1821 до 1867». Общій взглядъ Раковскаго на значеніе гайдучества вкратцѣ указать въ предисловіи.

Стр. 124. Къ литературѣ болгарской патриотической эмиграціи упомянемъ изданія болгарскаго центрального комитета:

- *La Bulgarie devant l'Europe*. Яссы, 1867.
 — *Les plaies de la Bulgarie*, Галацъ, 1867 (см. Слав. Зарю, 1867, стр. 179).
 — Уставъ на българскія революционни централни комитети, Женева, 1870. Мал. форм. 21 стр. Цѣль комитета—«освобожденіе Болгаріи черезъ революцію, моральную и съ оружіемъ въ рукахъ».
 — «Българскіи гласъ. Отъ Б. Р. Ц. К.» (т. е. отъ болг. рев. центр. комитета). Женева. 1870. Мал. 8°, 24 стр. Призывы къ освобожденію.
 — Ат. А. Черневъ, Русчуките тѣмници или българската революція на 1867-а година. Букурещъ, 1876. Мал. 8°, 142 стр.
 — О гайдучествѣ: Н. Д. Козлевъ, «Исторія на Хайдуть Сидера и на неговътъ биволь Голя. По народно преданне». Одесса 1876.
 — Упомянемъ наконецъ любопытную книжку Р. Радославова: «Слѣдствія отъ Кримейската война на 1854—866 год. За память на 1876 год. по выставіето въ Търновското оръжіе, описаніе на Търновскія тѣмници». Тѣрново 1878. 73 стр. мал. 8°.

Стр. 125. Биографія М. С. Дринова въ чешскомъ «Свѣтозоръ», 1877, № 21.

Стр. 134. Кажется, еще ранѣе выхода «Ведь», образчики ея пѣсень, по сообщеніямъ Я. Шафарика и Дозона, даны были въ книгѣ Дюмона (*Alb. Dumont, Le Balkan et l'Adriatique*. 2-me éd. Paris 1874, стр. 164—173, 378—380). Доля книги, посвященная Славянству, впрочемъ, весьма поверхностна.—Книжку Гейтлера о цѣломъ сборникѣ Верковича мы упомянули выше. Назовемъ еще брошюру: *Dr. Fligier, Ethnologische Entdeckungen im Rhodope-Gebirge*, Wien 1879 (изъ *Mittheil. der anthropolog. Ges. in Wien*, IX). Загадочный вопросъ долженъ выясниться съ изданіемъ новыхъ пѣсень, которое дѣлается Верковичемъ въ Петербургѣ.

Къ трудамъ послѣдняго прибавимъ: «Описаніе бита Болгарь, населяющихъ Македонію», М. 1868, 46 стр. (изъ Моск. Унив. Извѣстій).

Стр. 136. Къ народной словесности упомянемъ еще: четыре «народныя болг. сказки», уцѣлѣвшія изъ сборника Миладиновыхъ и сообщенныя К. Ж. (Жизнифовымъ) въ Филолог. Запискахъ, Воронежъ, 1866, выш. 4—5, стр. 85—92.

— Сборникъ отъ разны болгарскы народни приказки и пѣсни. Събрали и издали Г. Х. Н. Лачоглу, Н. М. Астарджиевъ. Русчукъ 1870 (отчасти извѣстныя отчасти новыя).

— Тончо Мариновъ, «Български народни гатанки. Българска мадрость» (посвящ. князю Д.-Корсакову). Книжка первая (брошюра). Софія, 1879. Въ томъ числѣ издатель и самъ сочинилъ загадки, но, къ счастью, отгвѣтилъ ихъ въ концѣ.

— Упомянемъ еще переводы—чешскій: Юс. Голечка, *Jupáské řípné písně bulharského* (Poesie světová, VIII). Прага, 1875; и нѣмецкій: Розена, *Bulgarische Volksdichtungen*. Gesammelt und ins Deutsche übertragen. Leipz. 1879.

Стр. 137. Освобожденіе вызвало въ Болгаріи оживленную дѣятельность, большое броженіе общественныхъ элементовъ, которыя отразились въ литературѣ, преимущественно газетно-политической. Развязаны были руки старымъ дѣтелямъ, явились новые: основано было много газетъ, отчасти эфемерныхъ, отчасти удержавшихся. Назовемъ главныя: «Болгаринъ», основанный въ Румуніи, издается въ Русчукѣ; «Марица», основанная въ 1878 Дановымъ, въ Филиппополѣ; «Цѣлоушная Болгарія» издавалась Славейковимъ въ Тѣрново, потомъ въ Софіи (прекратилась); «Остенъ», сатирическая газета, издавался нѣсколько мѣсяцевъ также Славейковимъ въ Тѣрново во время народнаго собранія и любопытенъ для исторіи этого собранія; «Витоша» издается въ Софіи; «Болгарскій Гласъ»—тамъ же; «Народенъ Гласъ», Манчева, въ Филиппополѣ; «Болгарская Иллюстрація»—съ 1879, въ Софіи. Т. Х. Станчевъ, учитель въ главномъ Тѣрновскомъ училищѣ, въ 1872—73 издававшій духовный журналъ «Слава», въ Русчукѣ, въ 1879 началъ издавать «Славянинъ, народенъ листъ за наука». Р. И. Блесковъ въ 1877—78 издавалъ «Славянско братство, политическо-литературно списаніе».

Появляются книги популярно-историческія, какъ Болгарская исторія Т. Шишкова; «Русско-турска война 1877—1878 (очерки и расказы)», Тѣрново 1879, С. С. Бобчева, который писалъ и по-русски (Очерки изъ бита Болгарь, Р. Вѣстн. 1879).

Вопросъ политическій между Сербами и Болгарами о Македоніи и верхней Албаніи,—кому принадлежатъ ихъ славянское населеніе,—поднялъ и вопросъ исторіи и этнографіи. Сюда принадлежатъ книжки:

— Деспот Бацовић (изъ Македоніе), Којој словенској грани припадају Словени у горњ-ј Албаніји и у Македоніји. Вѣлгр. 1878. 48 стр.

— Дим. Алексіевић (изъ Росока, у околини Дибре), Старо-Срби. Вѣлгр. 1878. 48 стр.

Признавая некоторую долю болг. населенія въ этомъ край, оба писателя находятъ, что жители этого края составляютъ особую славянскую разновидность, которая однако и по исторіи и по этнографіи принадлежитъ Сербамъ, а не Болгарамъ.

Для нарѣчія отмітити книжки: «Годѣма българска Читанка или втора-та часть на българскій букварь, на нарѣчіе по-вразумително за Македонскитѣ Българи Нарѣдіяль Единъ Македонецъ». Издаде Андрей Анастасовъ Рѣсенецъ. Царьгр. 1868; «Кратко землеописаніе» — на томъ же нарѣчіи, того же издателя. Цар. 1868.

О новой Болгаріи ср. Немировича-Данченка: Послѣ войны. Слб. 1880.

Стр. 139. Статьи Нила Попова: «Сербія послѣ парижскаго мира», въ «Бесѣдѣ» 1871, кн. VI, стр. 165—224; «Сербія и Порта въ 1861—67 гг.», въ «Вѣстн. Европы», 1879, кн. 2—3.

— Јастребовъ (бывшій русскій консулъ въ Призренѣ), Податци за историју српске прије. Бѣлгр. 1879 (очень важныя).

— Freih. v. Schweiger-Lerchenfeld, Bosnien, das Land und seine Bewohner. geschichtlich, geographisch, ethnographisch und social-politisch geschildert. Wien, 1878.

— Arthur J. Evans, Illyrian Letters. Lond. 1878.

Стр. 140. О Сербамъ въ Венгріи см. J. H. Schwicker, Politische Geschichte der Serben in Ungarn. Nach archivalischen Quellen dargestellt. Budapest, 1880. (Исторія ихъ съ 1690, т.-е. съ переселенія, до 1792). Тому же Швикеру принадлежитъ нѣм. переводъ книги Гунфаллы: «Ethnographie von Ungarn», Budapest. 1877, гдѣ есть свѣдѣнія о Сербамъ, Болгарахъ Венгріи и Словакахъ; и книги Калла (Kállay), Geschichte der Serben. Budap. 1878.

— Гавр. Витковичъ, Критички поглед на прошлост Срба у Угарској, въ «Гласникѣ», 1870—71.

Стр. 165. По исторіи Хорватовъ: И. Н. Смирновъ, очеркъ исторіи хорватскаго государства до подчиненія его угорской коронѣ. Историческое изслѣдованіе по источникамъ. Казань, 1880.

Стр. 166. Только-что вышла книга: Storia della letteratura slava (serba e croata) dalle origini fino ai giorni nostri, del prof. Melchioro Lucianović. Volume primo. Spalato, 1880. Эта первая часть объиμαетъ древній и средній періодъ сербо-хорватской литературы.—Замѣтимъ здѣсь и неупомянутый ранѣе трудъ С. Либича: Ogljedalo književne poviesti jugoslavjanske, II. 1869.

Стр. 175. Ср. «Хорватскія пѣсни о Радославѣ Павловичѣ и итальянскія поэмы о гѣвномъ Радѣ», А. Н. Веселовскаго, въ «Ж. Мин. Н. Просв.», 1879, январь.

Стр. 189. О поэмѣ Гундулича, изслѣдованіе Романа Брандта: «Историко-литературный разборъ поэмы Ивана Гундулича «Османъ». Кіевъ, 1879; ср. еще—о композиціи «Османа», Ст. Луки Зоры, въ «Радѣ», 1877, т. XXXIX. «Прибавка къ толкованію Османа, Ст. Новаковича, въ «Словинцѣ», 1879, № 5.

Стр. 190. «Dubrovnik ponovljen, eros u XX djevalja i Didone tragedija Jaketa Palmotića Gjonović» изданы книгопрод. Претнеромъ, Дубровникъ, 1878.

Стр. 199. Vrtić. Pjesme Franje Krsta marketa Frankorana, kneza tršakoga. Izdao Ivan Kostrenčić. Загребъ, 1871.

Франкопанъ былъ послѣдній потомокъ этого рода. Сестра его, Анна-Катерина, женщина замѣчательнаго ума, была жена Петра Зринскаго и известна какъ хорватская писательница. Франкопанъ погибъ вмѣстѣ съ Зринскимъ (казненъ въ Вѣнѣ 1671 г., 30 лѣтъ отъ роду). Его стихотворенія — лирическія, особенно эротическія, отчасти въ формѣ народныхъ пѣсней, — не замѣчательны, представляя подражаніе Итальянцамъ, но любящія исторически; писаны на хорватско-словенскомъ нарѣчіи.

Стр. 205. «Жизнь Досоея Обрадовича по его автобиографіи и разборъ его произведеній со стороны языка и содержанія», Е. Гацкевича, см. въ Варшав. Универс. Извѣстіяхъ, 1879, № 5—6.

Стр. 217. Митіне Шафарика, 1822 г., противъ рѣзкости Вуковой реформы, въ перепискѣ съ Колларомъ, «Часопись», 1873, стр. 124. — Укажемъ еще ст. Либена Каравелова, «В. Ст. Караджичъ», въ Филол. запискахъ, Воронежъ, 1867, I, 1—16; ранѣе ст. Ягича: Zašluge V. St. Karadžića, Загр. 1864. Знаемъ только по указанію брошюры: Н. Розена, Вукъ Ст. К. Бѣлградъ, 1864 (?).

По матеріаламъ Караджича изданъ: Deutsch-serbisches Wörterbuch, Wien. 1877.

Стр. 219. «Лукіанъ Мушицкий и его литературная дѣятельность» составляютъ

предметъ статьи Дж. Райковича въ «Лѣтописѣ» сербской Матицы, 1879, т. 120. Въ 1877 Сербѣ вспоминали 100-лѣтнюю годовщину рожденія Мушицкаго.

Стр. 220. «Матица српска (1826—1876)», А. Хаджича, въ воспоминаніе ея 50-лѣтія, въ «Лѣтописѣ» Матицы, томъ 121, 1880. Въ «Лѣтописѣ» являлся также автобіографія Савы Текелія. См. также І. Субботича, «Живот Саве Текеліје». Будимъ, 1861.

Стр. 224. Статья Светислава Вуловича: «Сима Милутиновић Сарајлија песник српски», въ «Годишницѣ» Чупича, II, 280—348.

Стр. 227. Біографія Змай-Іована Іовановича (род. 1833), котораго соотечественники считаютъ въ ряду первыхъ, даже первымъ современнымъ поэтомъ сербскимъ, въ журналѣ «Српска Зора», 1879, № 1. Собраніе его сочиненій выходитъ въ послѣдніе годы въ Новомъ-Садѣ.

Въ недавней и современной сербской новеллистикѣ наиболѣе популярны имена: Як. Игнатовичъ, Милорадъ Шабзанинъ, Юрій Якичъ (недавно умершій) и Степанъ Митровъ Любича. Послѣдній, умершій въ 1878, началъ писать подъ конецъ своей жизни и своими разказами изъ черногорскаго и далматинскаго быта и старины (*Prigoviesti spnogotake i prigotake Dubrovnik 1875*) приобрѣлъ большую популярность не только у Сербовъ, но и у Хорватовъ, которые не долюбивали его по политическимъ отношеніямъ. (Некрологъ въ хорватскомъ *Wiener*; воспоминаніе То дора Стефановича Вилковскаго, въ «Слав. Альманахѣ» 1879. Рядъ разказовъ Любичи печатался въ послѣднихъ годахъ «Сербской Зоры»).

Кромѣ того, пользуются болѣею популярностью разказы Стевана В. Поповича («Из српскога живота», Н. Садъ 1880,—изъ бывшей Войводины), Панты Поповича, Владана Джорджевича (Скупьеме Приповетке, 2-е изд. 1879), Лаза Костича.

«Песме» Бр. Радичевича вышли 6-мъ изданіемъ, 1879. Воспоминанія о немъ въ «Серб. Зорѣ» 1879, № 2.

Стр. 228. Переводъ книги Дм. Милаковича: *Storia del Montenegro del cavaliere Dem. Milaković, traduzione di G. Aug. Kaznačić. Ragusa, 1879.*

Опечатка: годъ изданія «Исторія о Черной Горы» не 1851, а 1754.

Стр. 230. Еще краткая біографія Петра II, Вука Врчевича въ журналѣ «Slovinac», 1878, № 7. Укажемъ письма Петра II, въ «Чтеніяхъ» Моск. Общ. Ист. и Древн., 1847, кн. 7, свѣсь, стр. 31—32; въ перепискѣ Станка Врза; гдѣ то въ «Р. Старинѣ».

Стр. 232. «Живот и рад д-ра Божидача Петрановића» издалъ Іов. Сундечичъ. Дубровникъ, 1879 (изъ журнала «Словинацъ»).

— Краткая біографія М. Бана въ «Словинцѣ», 1879, № 17.

Стр. 233. Къ Боснѣ относятся слѣдующія книжки, вызванныя послѣдними событіями:

— Босна је српска или одговор на «Разговоре» Дон-Мих. Павлиновића и два писма проф. А. А. Мајкова о Босни. 2-е изд. Н.-Сад 1878.

— Л. Петровић, Крвави дани у Босни. Истинити догађај из српско-турског рата. 1878.

— Васа Пелагић, Историја босанско-херцеговачке буне у связи са српско- и руско-турскимъ ратомъ. Будимпешта 1880.

Стр. 237. Съ выхода 1-го тома нашей книги мы можемъ указать еще рядъ важныхъ и любопытныхъ работъ Стояна Новаковича: «Српска Грамматика», ч. 1, 3, 4. Бѣлградъ 1879; изслѣдованія по исторической географіи Сербіи, въ «Годишницѣ» Чупича; о планѣ Даницячева сербо-хорватскаго словаря, въ «Радѣ», 1878. XLV; «Приповетка о Александру Великому» (сербская редакція Александренди), Бѣлградъ 1878; «Леѣан град и Пољаци у српској народној појевни», въ «Лѣтописѣ» сербской Матицы, 1879, т. 120. (Ср. объ этомъ предметѣ въ «Письмахъ къ Погочину», письмо Шафарика, II, 392). Ein Beitrag zur Literatur der serbischen Volkspoesie, въ «Архивѣ» Ягича, т. III.—Другія работы упомянуты въ дополненіяхъ, въ своемъ мѣстѣ.

Стр. 238. Миланъ Миличевичъ издалъ въ послѣдніе годы нѣсколько сочиненій новаго рода: «Јурмуса и Фатима или турска сила сама себе једе. Прича о ослобођењу шест округа 1832—34». Бѣлгр. 1879, и «Зимѣе Вечери. Приче из народног живота у Србији», Бѣлгр. 1879 — разказы изъ народнаго быта, которые съ большими похвалами приняты сербской критикой. Далѣе: «Село Зноселица» и пр. Бѣлгр. 1880, гдѣ авторъ касается національно-политическаго вопрса.

Біографія Миличевича въ «Свѣтозорѣ» 1878, № 7.

Стр. 286. Биография Чедомила Миятовича, экономиста и историка (род. 1842), въ «Сербской Зорѣ», 1880, № 1.

Стр. 248. О Гаѣ, см. еще: «Открытое письмо доктора Л. Гаѣ къ М. П. Погодину и документы къ нему», въ Современной Лѣтописи, 1867, № 21. «Людевитъ Гаѣ въ Россіи въ 1840 году», Никола Попова, въ «Древн. и Новой Россіи», 1879, № 8.

Стр. 249. «Черногорцы или смерть Смаиль-аги Ченгича», и пр. Переводъ А. Лукьяновскаго. Псковъ, 1877.

Стр. 258. Краткая биография Антуна Казначича (1784—1874) въ «Словникѣ», 1879, № 14. Его «Рјесте газлика» съ биографіей вышли у Претнера, Дубровникъ, 1879.

Стр. 254. Краткая биография Прерадовича въ «Словникѣ», 1879, № 15.

Стр. 257. О Евг. Кватерникѣ, исторія его авантюризма въ газетѣ «Застава», 1878, № 55—56.

Стр. 258. О хорватскомъ движеніи см. еще: «Hrvati od Gaja do godine 1850», Ивана Мильчетича и «Hrvatska narodna zadaća» въ альманахѣ хорватской омадны: Hrvatski Dom. Загребъ, 1878, стр. 152—207, 234—242.

Стр. 259. Биография Ягича въ чешскомъ «Свѣтозорѣ», 1877, № 44; въ далматинскомъ «Словникѣ», 1880, № 10.

— Краткая биография Фр. Рачкаго въ «Словникѣ», 1879, № 14.

Стр. 261. Нѣсколько дополнительныхъ словъ о сербо-хорватскихъ изданіяхъ. У Сербовъ прибавилось съ 1878 учебное изданіе—«Годишница», издаваемая на сумму, завѣщанную Чуичемъ для научно-образовательныхъ предпріятій. Иллистрированы «Српска Зора», издаваемая Тодоромъ Стеф. Вилковскимъ съ 1876, между прочимъ слѣдитъ за новостями другихъ славянскихъ литературъ. Съ 1880 возобновлено Влад. Джорджевичемъ изданіе учено-литературнаго журнала «Отаѣбина», въ Бѣлградѣ. Основалась независимая газета «Видело», и съ 1878, въ Новомъ-Садѣ, либеральный журналъ «Стража», подъ ред. Л. Пачу.

Въ Далмацин, именно въ Дубровникѣ, издается «Slovinac», гдѣ съ латинской печатью является и вѣрловская; здѣсь собираются далматинскія сербо-хорватскія силы, между прочимъ много работъ Сундеича.

У Хорватовъ лучшее литературное изданіе есть еженедѣльный Vienac, редакторъ котораго Авг. Шеноа считается лучшимъ хорватскимъ новеллистомъ.—Въ 1878 основана замѣчательная политическая газета «Sloboda».—Къ научнымъ изданіямъ прибавился «Věstnik» хорватскаго археологическаго дружества, въ Загребѣ. Академія продолжаетъ дѣятельно издавать свой «Rad»; продолжаютъ «Monumenta» для югославянской исторіи. Кукульевичемъ издано было, и послѣ упомянутыхъ нами, нѣсколько книгъ его «Архива».

Стремленіе къ сербо-хорватскому примиренію не ослабѣваетъ. Въ этомъ смыслѣ написана между прочимъ любопытная брошюра: «Упознајмо се!» (написана Илѣја Гутеца. Загреб 1880). Припомнимъ кстати прекрасные стихи Змай-Ювановича въ память Прерадовича.

Стр. 267. Ожидавшееся изданіе сербо-хорватскихъ пѣсень изъ старыхъ рукописей сдѣлано Богичичемъ въ 1878: «Народне пјесме изъ старихъ најнише приморскихъ записа, скупно и на свѣѣт изdao В. Богичић. Књига прва, с расправомъ о «бугарштицама» и с рјечникомъ. Бѣлгр. 1878 (142 и 430 стр.)—богатое и въ высокой степени важное изданіе.

Стр. 279. Краткія биографическія свѣдѣнія о Гроу Мартитѣ въ журналѣ «Slovinac», 1878, № 10.

Стр. 280. Пѣснямъ о косовскомъ боѣ Ст. Новаковичъ посвятилъ историческое изслѣдованіе: «Српске народне несме о боју на Косову», въ «Годишникѣ» Чуича, II, 97—177, и «Архивѣ» Ягича, III, 413—462,—направленное противъ названой выше книжки Армяна Павича.

Укажемъ еще:—«Песме народне. Скупіо и изdao Милошъ Милисављевичъ. Часть I». Бѣлгр. 1869. Всего 104 болѣею частью небольшихъ пѣсень; сборникъ замѣчательнъ тѣмъ, что пѣсни собраны исключительно изъ восточной, пограничной съ Болгаріею, Сербіи.

— Въ имени издателя черногорскихъ пѣсень (стран. 280, строка 3) опечатка: онъ называется Филиппъ Радичевичъ.

— «Царъ Лазар у народнимъ песмама». Панчево, 1880.

— Пѣсни о Косовѣ перевели недавно на греческій языкъ Кумануди и Ахилъ Параскось; но книжки мы не имѣли въ рукахъ.

— Назовемъ наконецъ богатое собраніе «Южно-славянскихъ народныхъ пѣсень» (именно сербо-хорватскихъ; нѣсколько болгарскихъ), которое началъ въ 1879 Фр. Кухачъ съ мелодіями (всего до 1600). Текстъ даетсяъ кирилл. и латинскимъ шрифтомъ, въ Загребѣ.

— Народно-поэтический матеріалъ сообщали въ журналѣ «Slovinac» Вукъ Врчевичъ, Видъ Вулетичъ и др.

— О свойствѣ археологическихъ трудовъ Милоевича любопытныя разъясненія даетъ книжка Величка Трипѣна: Милош С. Милојевић у Призрену и његовој околини. Бѣлгр. 1880.

Стр. 282. Обширная біографія и указаніе трудовъ Богшича — въ чешскомъ «Свѣтозорѣ», 1879, № 39—40.

Стр. 283. Лучшій словинскій словарь: Deutsch-Slovenisches Wörterbuch, Люблина, 1860.

Стр. 294. Біографія Прешерна въ «Свѣтозорѣ», 1878, № 50, и въ «Сербской Зорѣ» 1879, № 6, на основаніи біографій, которыя писали словинскіе писатели І. Стричаръ и Фр. Левецъ; біографія Блейвейса — въ «Свѣтозорѣ» 1878, № 46, и въ «С. Зорѣ», 1879, № 3.

Стр. 299. О Кошитарѣ укажемъ еще: упоминаніа о немъ въ перепискѣ Чельковскаго, «Часопись», 1871 (письмо В. Станка, стр. 228—229); крайне враждебныя отзывы Шафарика, въ «Письмахъ къ Погодину», ч. II; переписку Добровскаго съ Кошитаромъ въ «Архивѣ» Ягича; нѣсколько писемъ Кошитара въ чешскомъ «Часописѣ», 1872, въ «Архивѣ» Кукулевича, XII, 1875; статью Дж. Райковича, въ журналѣ «Српска Зора», 1879, № 4—5) и статьи Ламанскаго, о «Новѣйшихъ памятникахъ древне-чешскаго языка» въ Журн. Мин. 1879, и особенно ст. въ июньской книгѣ, 1880, которая кажется намъ наиболѣе справедливой оцѣнкой замѣчательнаго словинскаго ученаго.

Стр. 306. Послѣ вышелъ и 2-й томъ сборника Чубинскаго, такъ что изданіе закончено. Оно получило Уваровскую премію, по рецензіи А. Н. Веселовскаго.

Стр. 307. Иванъ Новицкій, Очеркъ исторіи крестьянскаго сословія юго-западной Россіи въ XV—XVIII вѣкѣ. Кіевъ, 1876 (предисловіе къ 1-му тому VI части «Архива юго-зал. Россіи»).

Стр. 308. М. А. Колосовъ, обзоръ звуковыхъ и формальныхъ особенностей народнаго русскаго языка. Варшава, 1878 (стр. 253—266, заключенія объ отношеніяхъ нарѣчій велико- и мало-русскаго).

— Dr. Emil Ogonowski, Studien auf dem Gebiete der ruthenischen Sprache. Lemberg, 1880.

Стр. 311. Д-ръ Яр. Влахъ (Vlach), Die ethnographischen Verhältnisse Südrußlands in ihren Hauptepochen, въ Зап. вѣнскаго геогр. общ., 1880. Мы не имѣли этого въ рукахъ.

Стр. 341. Новое изданіе «Самовѣдца» вышло потомъ въ свѣтъ: Лѣтопись Самовида по новооткрытымъ спискамъ, съ приложеніемъ трехъ малороссійскихъ хроникъ: Хмельницкой, «Краткаго Описанія Малороссіи» и «Собранія Историческаго». Издана Врем. Комиссією etc. Кіевъ, 1878. Стр. 81 и 468.

Стр. 346. О старинной малороссійской драмѣ см. обширную статью Н. И. Петрова: «Южнорусская литература XVIII вѣка, преимущественно драматическая» въ «Русскомъ Вѣстникѣ», 1880, май и слѣд.

Стр. 354. О запискахъ Чепы см. у Бавтышъ-Каменскаго, Ист. Малой Россіи, 2-е изд., т. I, VIII.

Стр. 360. Въ 1878, 18 ноября, праздновалась въ Харьковѣ, Кіевѣ, Петербургѣ столѣтняя память рожденія Квятки. О петербургскомъ празднованіи см. «Новое Времѣ», 1878, 20 ноября.

Стр. 370. Въ пражскомъ изданіи Шевченка находятса также воспоминанія о немъ и о кирилло-меоодіевскомъ братствѣ, Н. И. Костомарова.

См. еще: Омелянъ Огоновскій, Житє Тараса Шевченка. Читанка для селянъ и мѣщанъ. Львовъ 1876 (брошюра); Vaslav Dunder, Taras Ševčenko, въ журналѣ Osvěta, 1872, № 9, 11; Поминки Т. Г. Шевченка 25 февраля 1879 года въ Одессѣ. Сост. А. Т. Одесса, 1879.

Стр. 373. О біографіи Костомарова ср. еще въ «Исторіи Петерб. Университета», 1868,

Стр. 382. Некролог Алексѣя Стороженка въ «Одесскомъ Вѣстникѣ» и въ «Правдѣ», 1875, 522—524.

Стр. 394. Костомарова. Историческое значеніе южно-русскаго нар. пѣсеннаго творчества, — рядъ статей въ журналахъ «Бесѣда», 1872; «Исторія козачества»... въ южнор. нар. повѣи, въ журналѣ «Русская Мысль», 1880, рядъ статей.

Стр. 397. Alfred Rambaud, L'Ukraine et ses chansons historiques, въ Revue d. d. Mondes, 1875, IX. Новой французской книги Ходзько мы не имѣли подъ руками.

Стр. 406. «Изъ исторій разочарованій австрійскихъ Славянъ. Посольство угорскихъ Русскихъ въ Вѣнѣ въ 1849 году». К. Д. Кустодіева, «Р. Вѣстникъ», 1872, № 4, стр. 377—407.

Стр. 409. Въ упоминаніи о событіяхъ 1846 года сдѣлана ошибка: возстаніе противъ помѣщиковъ произведено было крестьянствомъ не русскихъ, а польскихъ округовъ Галиціи.

Для опредѣленія русинско-польскихъ отношеній важный матеріалъ фактовъ и разсужденій собранъ въ книгѣ: Polityka Polaków względem Rusi. Napisał Stefan Kaszała. Львовъ, 1879, 367 стр.

Стр. 410. Статья Головацкаго о лит.-умств. движеніи Русиновъ переведена была съ немецкаго Н. Бунаковимъ (изъ Slaw. Centralblatt, 1866, № 37—40) въ Филол. Запискахъ, 1867.

Стр. 816. Литература о Краледворской Рукописи возрастаетъ. Гебауэръ и Машекъ опровергаютъ Вашку и даютъ новыя доказательства подлинности рукописи; Шембера установилъ наконецъ свое мнѣніе и въ новой книгѣ высказывается противъ подлинности Рукописи: «Kdo вернулъ Královdvorskú rukopis roku 1817?» Вѣна, 1880. На этотъ вопросъ Шембера отвѣчаетъ, что авторомъ эпическихъ пѣсней Рукописи былъ В. А. Свобода, а лирическихъ—Ганка; писцомъ былъ Линда. Противъ Шембера выступилъ уже съ нѣкоторыми мѣткими указаніями его недосмотровъ, P. S. въ «Свѣтозорѣ» 1880, № 29—30.

Въ нашей литературѣ укажемъ работу студ. Андрея Стороженка: «Очеркъ литературной исторіи Зеленогорской и Краледв. рукописей» въ кievскихъ «Универс. Извѣстіяхъ», 1879—80.

Стр. 825 и 829. Мы привели обычное предположеніе чешскихъ историковъ, что «Ткадечекъ» изъ чешской литературы перешелъ въ нѣмецкую. Обратное мнѣніе см. въ наданіи нѣмецкаго текста: Der Ackermann aus Böhmen. Herausg. und mit dem tschechischen Gegenstück Tkaďeček verglichen von Joh. Knieschek. Prag, 1877. (Bibl. der mittelhochdeutschen Liter. in Böhmen, herausg. von E. Martin). Книшекъ утверждаетъ, что Ткадечекъ ваятъ съ нѣмецкаго.

Стр. 830. Mastičkař, по мнѣнію неутомимаго обличителя Шембера, за radělaný roznán a z literatury vuvržen г. 1879. Его обвиненія категорически отвергаетъ Гебауэръ въ журналѣ Listy filolog. a paedag. 1880, и въ «Архивѣ» Ягича, т. IV.

Стр. 990, 967. Упомянутой книги Як. Малаго: Naše zločinnosti, вышель 2-й выпускъ, посвященный 48—49 году.

Стр. 995. Биографія Конст. Иречка въ «Сербской Зорѣ», 1879, № 9.

— Jos Lad. Pič. Ueber die Abstammung der Rumänen. Leipz. 1880.

Стр. 1008. Emil Černý, Slovenská Čítanka. Вѣна и Б. Быстрица, 1864—65.

Стр. 1039. Къ наложенію словенской поэтической литературы должно прибавить еще имя Яна Ботто (род. 1829). Онъ учился въ Лембурѣ, потомъ въ петтскомъ университетѣ и затѣмъ сталъ землемѣромъ. Въ Лембурѣ онъ проникся патристическимъ настроеніемъ переселившихся туда изъ Пресбурга учениковъ Лад. Штура. Главное его произведеніе есть поэма о «Яношикѣ», любимомъ героѣ народнаго преданія и поэзіи, съ которымъ связаны идеи о народной самобытности и свободѣ.—Выше мы замѣчали, что чешскіе поэты въ послѣднее время не разъ обращались къ странѣ и жизни Словаковъ и искали въ нихъ пищи для своей поэзіи: Галекъ, Гейдукъ, Руд. Покорный. Два послѣдніе участвовали и въ словенскихъ изданіяхъ, и теперь возмѣли мысль издавать «Knihovnu česko-slovenskou», съ дѣльно знакомить Чеховъ съ литературой Словаковъ и проложить путь къ восстановленію единства. «Správu» Яна Ботто были первымъ выпускомъ этого изданія, 1880.

Руд. Покорный изложилъ свои мысли объ этомъ предметѣ въ брошюрѣ «Literární shoda česko-slovenská», 1880, которой мы, къ сожалѣнію, не имѣли въ рукахъ въ теченіе своей работы.—Въ томъ же смыслѣ Jos. Голечекъ издалъ брошюру: «Podejme

ku Slováku» (1880). Чешские патриоты предоставляют Словакам употребление ихъ языка въ поэтической литературѣ, но рекомендуютъ для трудовъ научныхъ языкъ чешскій.

Стр. 1046. Словенскій патриотъ, Андрей Радлянскій, умеръ въ апрѣлѣ 1879.

Стр. 1057. Fr. M. Vřana, Mogauské národní pohádka a pověsti, выходятъ, съ 1880, выпусками, и собиратель старается особенно о вѣрной передачѣ самаго народнаго разсказа.

ПОПРАВКИ КЪ ГЛАВѢ IV.

Стран.	Выѣто:	Чтгай:
598, строка 27	Учрежденный во Львовѣ 1817 университетъ	Учрежденный во Львовѣ 1784 университетъ
598, > 6	Воронинъ	Вороничъ
601, > 14	1828 г.	1829 г.
608, > 2	Костюшко	Косцюшко
608, > 17	Каминьскаго	Каминскаго
	30 «Maz i Zona» и «Sluby rajjeńskie»	«Maz i Żona» Sluby rajnieńskie
611, > 24	To lubi	To lubię
634, > 83	въ Заосѣ	въ Заосѣ
655, > 35	Штамлеру	Штатлеру
686, > 34	вплоть до 1848 г.	вплоть до 1838 г.
691, > 20	Корженевскій	Корженіовскій
692, > 5	Niedokończony	Niedokończony
	33—34 , и который одинъ защищалъ его въ 1829 передъ товарищами; Даніелевичъ	; Даніелевичъ, который одинъ защищалъ его въ 1829 передъ товарищами,
707, > 28	нѣтъ З. К.	нѣтъ С. К.
709, > 32	время (1837)	время (1836)
731, > 7	лѣто 1843 года	лѣто 1842 года

Въ исчисленіи пособій должно прибавить сочиненія замѣчательнаго филолога, ксендза Франца Малиновскаго (род. 1808 близъ Торна, съ 1851 поселился въ Познань): Krótka grammatyka języka polskiego, Poznań, 1869; Grammatyka waukruska, 3 выпуска, Poznań, 1878. Много сочиненій его остается еще въ рукописи.

Во время печатанія настоящаго сочиненія, исторія польской литературы обогатилась нѣсколькими новыми книгами и источниками:

— Ant. Małecki, Grammatyka historyczno-porównawcza języka polskiego. 2 tomu. Lwów, 1879.

— Сочиненія, написанныя въ первой молодости С. Красинскаго (Gasztold, Teodoro król bogów, Zamek Wilezki), изданы 1880 В. Г. въ Познань.

— St. Ptaszyci, Mikołaj Rej z Nagłowic i Ks. Jozef Wereszczynski. Wilno 1880.

— Въ варшавскомъ журналѣ «Niwa» начались съ мая 1880 печатаніемъ публичныя лекціи профессора Гарновскаго о Янѣ Кохановскомъ.

УКАЗАТЕЛЬ.

Скобками [] отмѣченн писатели ино-славянскіе и ино-язычине, писавшіе о Славянствѣ.
 Съ 449 стр. указанія относятся ко 2-му тому.

<p>Августа, Янъ 893. 899. 900.
 Авраамъ, еп. фрейз. 285.
 Аврамовичъ 59.
 Адамекъ, К. 994. 1011.—88.
 [Аделунгъ 1066. 1100.]
 Аквила, Янъ 896.
 Аксаковъ, Ив. 630.
 Аксаковъ, К. 20. 811. 814.
 Аксаковъ, Н. 760.
 Алексѣевичъ, Дим. (см. въ Дополненіяхъ).
 Альбертранди 600.
 Альбинъ 1090.
 Альбрехтъ, Микудантъ, изъ Каменка 900.
 Амартоль 153.
 [Ами Буэ 47. 188. 215. 230.]
 Ангсбергъ 551.
 Ангеларъ 54.
 Андрей изъ Дубы 832.
 Андрей, Русинъ 333.
 [Андрез, Рихардъ 1067. 70.—72.—86.]
 Андричъ, А. 228.
 Антоновичъ, Карлъ 778.
 Антонинъ, архим. (Допол.)
 Антоновичъ, В. Б. 307. 344. 391. 397.
 Антоновскій, М. 357.
 Антонъ, Карлъ - Готтлобъ 4. 1078. 1101.
 Антонъ Далматинъ, см. Далматинъ.
 Авчичъ 176.
 [Аппендинъ 165. 166. 180. 189. 1101.]</p> | <p>Априловъ, В. 96. 113.
 Арбесъ, Янъ-Якубъ 976. 978. 982. 983.
 [Аретинъ 285]
 Арсеній, игуменъ 406.
 Артемій, старецъ 332.
 Артемовскій - Гулакъ, П. 369. 360. 363. 376. 432.
 Асникъ, Адамъ 727. 776.
 [Ассеманъ 173. 1100.]
 Астъ 1076.
 Атамацковичъ, Богобой 227.
 Атанацковичъ, П. 229.
 [Ауэрсбергъ, гр.-см. Грюнъ]
 Аванасій, мнхъ 67. 82.
 Аванасъевъ, А. Н. 27. 81. 811.
 Аванасъевъ (оф. ген. шт.) 404.
 Аванасъевъ - Чужбинскій 370.
 Бабуничъ, В. 244.
 Базилекъ, Киприанъ 496.
 Базиловичъ, Іоанникій 441.
 [Байеръ 1100.]
 Байза, Іос.-Игн. 1020.
 Бакамогу 109.
 Бакунинъ, Мих. 974.
 Балабановъ 118.
 Балинскій 455. 530. 601.
 Балудянскій, Андрей 441.
 Балудскій 777.
 Бальбинъ, Богуславъ 833. 902. 915—917. 921. 922. 927. 1101.
 Бальбинъ, Янъ 876.</p> | <p>Бановскій, Юрій 1015.
 Бандтке 319. 1101.
 Бандуловичъ 176.
 [Бандури 179. 1100.]
 Бантышъ - Каменскій, Д. 307. 394.
 Банъ, Матія 232. 233. 253. (Доп.).
 Барановичъ, Юрій 191. 264. 265.
 Баракъ 976.
 Барановичъ, Лазаръ 339.
 Баратынскій, Евгений 647. 649.
 Барвинскій, Ал. 432. 436. [Барклеј, Barckley, 47.]
 Барнеръ 916.
 Барсовъ, Е. В. 326.
 Бартечевъ, П. 123.
 Бартоломендесъ, Лад. 1002. —18.—23.
 [Бартольдъ 1067.]
 Бартошевичъ, Юліанъ 453. 454. 470. 578. 774.
 Бартошевъ изъ Драгиницъ 870.
 Бартошъ Писаръ 896. 897. 960.
 Бартошъ, Фр. 785. 994. 1060.
 [Бартъ, Г. 47.]
 Бархатцевъ 633.
 Бастіанъ 231.
 [Батталъ 370.]
 Батюшковъ, П. 319.
 Баумъ 819. 820. 877. 994.
 Бачовичъ (Бачовид), въ Доп.</p> |
|---|---|---|

- Башкинъ, 42.
 Башко, Годиславъ 468.
 Беда Дудикъ, см. Дудикъ.
 Беда, К. 1012.
 Безольди 354.
 Безоново, Петръ 112. 113.
 128. 130—134. 262—264.
 280. 401—404.
 [Бейдтель 241.]
 Бейла, Ярошъ, см. Рже-
 вускій, Генрихъ.
 Белла, Янъ 1060.
 Белостенецъ, Ив. 166. 199.
 Белчиковскій, Ад. 532. 536.
 612.
 Бель, Матвѣй 1017.—18.
 —32.
 Бѣмеръ, Янъ 1076.
 Бендль, Винц. 995.
 Бенедикти, Лавр. см. Ну-
 дожерскій.
 Бенедиктовъ, В. 250. 649.
 Бенешовскій, Матушъ 894.
 Бенешъ изъ Горжовицъ,
 см. Горжовицъ.
 Бепювскій 722—724.
 Бентковскій, Феликсъ 453.
 Беранекъ, Т. 906.
 Бергъ, Н. В. 662. 815. 950.
 962. 968. 971.
 Берлича, Войтѣхъ 916.
 Берличъ, А. I. 165.
 Бернатовичъ 600.
 Бернолакъ, Антон. 1008.—
 20.—21.—23.—44.
 Беровичъ, Петръ (или Ве-
 ронъ) 109. 110.
 Берхтольдъ, графъ 946.
 Берчичъ, Иванъ 89. 175.
 Бескидовъ, см. Паларикъ.
 Бетондичъ, Юзо (Бетгон-
 ди) 266.
 Бетондичи, Иосифъ и Яковъ
 192.
 Вехинна, Янъ 886.
 Вецкій, 368. 370.
 Ведковскій, Янъ 916.
 Венедикъ, Валлавъ 1014.
 [Видерманъ 11. 405.]
 Вилековскій, Богусъ 898.
 Вилекъ, Якубъ 900.
 Вильбасовъ, В. 35.
 Вильдъ, Янежъ 296.
 Виларскій, П. 20. 96. 804.
 Вирковский, Фабианъ 529.
 Вирлингъ 1074.
 Бискупецъ, см. Пельгржи-
 мова, изъ Ниволай.
 Благовѣщенскій, Н. 59.
 Благославъ, Янъ 890. 898.
 893—895. 897—900. 988.
 Блажекъ, М. 994.
 Блажикъ 302.
 [Бланки, А. 47.]
 Блассъ, Лео, см. Сабина.
 Блейвейсъ, Янъ 294. 296.
 (Доп.)
 Близинскій 777.
 Бльсковъ, И. (или Блес-
 ковъ) 123. 126.
 Бльсковъ, Р. 118. 123. (Доп.)
 Бобогинскій, Леонтій 343.
 Бобржинскій, Михаилъ
 454. 461. 462. 776.
 Бобровичъ, Янъ-Непомумъ.
 549.
 Бобровскій 404.
 Бобчевъ, С. С. (Доп.)
 Богатскій 1077.
 Богашиновичева, Лукре-
 ція 192.
 Богдановичъ, Ипол. 350.
 Богедайнъ, Бернардъ 779.
 Богшичъ, Балгазаръ 267.
 262. 1119. (Доп.)
 Боговичъ, Мирко 244. 249.
 252. 256. 967.
 Богоевъ, см. Богоровъ.
 Богомилъ, пошъ 65. 82.
 Богомолецъ, В. 117.
 Богомолецъ, Францискъ
 581.
 Богоричъ, Адамъ 287. 289.
 290. 295. 1100.
 Богоровъ, И. А. 97. 114.
 118. 128.
 Богуславскій, Войт. (поль-
 скій драматургъ) 582.
 590. 601. 608.
 Богуславскій, В. (исто-
 рикъ) 1070—1072.—77.
 Богухвалъ 1099.
 Бодуэнъ-де-Куртень, Ив.
 301. 465. 1068.
 Бодянский, О. М. 4. 35. 88.
 54. 262. 272. 280. 299.
 310. 311. 326. 341. 351.
 354. 362. 364—366. 394.
 405. 447. 811. 943—945.
 1059.—68. 1104.—07.
 (Доп.)
 Божичевичъ 181.
 Бозвели, см. Неофитъ.
 Воздекъ, Эм. 980.
 Бозе 1072.
 Бончъ 220.
 Болеславита, см. Крашев-
 скій.
 Болобанъ, Гедсонъ 388.
 [Бонншоъ 834.]
 Бончовъ, Н. 123.
 Боньковскій 943.
 [Боппъ 5. 20. 270. 300.]
 Борбисъ, Иог. 1003.
 Борекскій, Иовъ 333. 336.
 338. 340.
 Борковский, Александръ
 (Тешекъ) 751.
 Борковский, Иосифъ 751.
 Борнъ, Игн. 921.
 Боровиковскій 362.
 Боровскій, Леонъ 628. 636.
 Боровый, Кл. 988. 994.
 Босковицъ, Иоганна 875.
 Босковицъ, изъ Ладиславъ
 874.
 Ботто, Янъ (Доп.)
 Бочекъ, Ант. 988.
 Бошквичева, Анида 192.
 Бошквичъ, матем. 179.
 Бошквичъ, Петръ 192
 [Боурингъ, Джонъ 272.]
 Брадашка, Франьо 296.
 Бравсаторисъ, см. Сладко-
 вичъ.
 Брандъ, Винц. 784. 815.
 816. 832. 877. 901. 989.
 990. 1060.
 Брантъ, Ром. (Доп.)
 Бранковичъ, Коста 226.
 Бранковичъ, Юрій (дес-
 потъ и историкъ) 149.
 158. 201.
 Бранцель, см. Френцель.
 Браунъ 549.
 [Брахелли 11—17.]
 Брашничъ 165.
 Брзозачскій 200.
 Бржезанъ, Вацлавъ 900.
 Бржезова, изъ Лаврантъ
 883. 870.
 Бржоскій, Янъ 523.
 Брода, изъ, Анд. 857. 858.
 Бродзинскій, Казимиръ 611
 —615. 617. 620. 734. 770.
 967. 995.
 Бродовичъ, Феодосій 427.
 Броневскій, Влад. 238.
 Броннишъ, Кр. В. 1067.—
 89.—90.
 Бронскій, Христофоръ 383.
 338.
 Броспусъ, Янъ, см. Бршо-
 нскій.
 [Брофи 47.]
 Брунъ (Brunn) 995. (Доп.)
 [Брюггенъ 551.]
 Бруеровичъ (Бруеръ) 194.
 Будиловичъ, А. 12. 37. 784.
 Буданскій, В. 379.
 Буйницкій, Карлъ 750.
 Букъ, Якубъ 1087—88.
 Булгаковъ, см. Мазаринъ.
 Булгаринъ, Ф. 629. 630. 650.
 Булгарисъ, Евгеній 206.
 Буничи 179. 180. 191.
 Буничъ, Иосифъ 255.
 Буничъ-Вучичевичъ, Ив.
 191.

- Бургадели 196.
 [Бурмейстеръ 1068].
 Бурповъ 329.
 Бусбекъ 264. 298.
 Буслевъ, Ѳ. 20. 27. 38.
 54. 69. 78. 80. 89. 319.
 398. 408. 811. 992.
 Бучичъ, Михайлъ 198.
 Бѣдковский, Маревъ 902.
 Бѣчковъ, А. Ѳ 323.
 Бѣжанъ, С. 119.
 Бѣлевскій, Августъ 406.
 446. 454. 456. 498. 751.
 Бѣлобродовъ 119.
 Бѣлозерскій, В. М. 371.
 373. 376.
 Бѣловскій, Н. 341.
 Бѣльскій, Іоакимъ 514.
 Бѣльскій, Мартинъ 514.
 1100.
 Бѣлявскій 581.
 Бѣляевъ, И. Д. 319.
 [Бегеръ, Beeger, 908.]
 Бажю, Огюстъ 677. 684.
 [Бюдингеръ, Максъ 812.
 815. 816.]
- Ваверь, Янъ 1076.
 Вавра, Вицленгъ 998.
 Вавра, Эмм. 995.
 Вагилевичъ, Ив. 411. 415.
 416. 446.
 [Вакумутъ, В. 241].
 Вада 1076.
 Вальевскій, Антонъ 454.
 515.
 [Валентинелли, Джуз. 165.]
 Валентичъ, 253.
 Валицкій, Альфонсъ 770.
 Вальвазоръ, І. Вейнг. ба-
 ронъ 283. 290. 291.
 [Вальдау, Альфредъ 962.
 1060.]
 Вальдгаузеръ, Конрадъ
 791. 837. 846.
 Вальявецъ, Матія 260. 281.
 301. 302.
 Ваповскій, Барнатъ 514.
 Варшевицкій 513.
 Василевскій, Эдмундъ 751.
 Василий Петровичъ, влады-
 ка черн., см. Петровичъ.
 [Ваттенбахъ 804].
 Вацекъ, Фр. Янъ 961.
 „Вацерадъ“ 806. 818—820.
 Вацликъ 228.
 Вашекъ, Антония 816.
 822. 932. 940. 994. (Доп.)
 Ванскій 1049.
 Веберъ, Ад., см. Тваль-
 чевичъ.
 Вегла, Jan Raduzerb 1087.
 Вегнеръ, Леонъ 469.
- Везенковъ, Стоянъ 130.
 Везиличъ, Алексій 211.
 [Векенштедтъ, Эдм. 1090.]
 Велеславинъ, Дан. Ад.
 834. 898. 900—902. 930.
 936. 1024—32.
 Велешинъ 818.
 Величко, Сам. 307. 341. 342.
 Вельгманъ 123.
 Вельянтъ 1083.
 Венгерскій, Ома-Казтанъ
 558. 559.
 Венглинскій, Левъ Евг.
 429. 436.
 Венелинъ, Юрій 96. 102
 110—113. 128. 1105.
 Вейжикъ, Францискъ 600.
 Венцигъ, Іос. 826. 839.
 1064—60.
 Веранцио, см. Вранчичъ.
 Верещинскій, Іосифъ 500.
 513 (Доп.)
 Верковичъ, Ст. И. 128.
 134—136. 993. (Доп.)
 [Версебе 1066].
 Вертовецъ, М. 295.
 Верхлицкій, Яросл. (Эмпль
 Богушъ Фрида) 977—
 979. 983. 985.
 Верховаць, Максимъ 200.
 Верхратскій, Иванъ 436.
 Веселиновъ, 119.
 Веселовскій, Александръ
 Ник. 27. 61—63. 69. 75.
 397. 398. (Доп.)
 Веселый, І. О. 980.
 Весель-Косескій, Іованъ
 295. 296.
 [Весселеньи 241.]
 Ветраничъ-Чавчичъ 180.
 184. 185.
 [Витгеръ 1067.]
 Видаковичъ, Милованъ
 139. 212. 213.
 Викторинъ а St. Сгисе
 897. 920.
 Викторинъ І. К. 1003.—
 21. 1038. 1045—1047.
 Вигторинъ-Корнелий изъ
 Вшегордъ, см. Вшегордъ.
 Вигторовъ, Ал. Ег. 39. 54.
 323. 944.
 Вилагошвари, см. Тома-
 шекъ.
 Вилемъ 865. 870.
 Виллани, Др. М. 961.
 Вилль, 1078.
 Вилловскій, Тодоръ Сте-
 фановичъ (Доп.)
 [Вилькинсонъ 165. 228.]
 Вильионскій, Августъ 748.
 Вильхаръ, Мирославъ 296.
 Вимазаль, Фр. 996.
- Винаржицкій, Карлъ 875.
 957. 961.
 Винцентій, лѣт. 830.
 Вислицы, Янъ, изъ 481.
 Виталичъ 191.
 Витвицкій 611. 672.
 Витвицкій, Степанъ 741.
 Витезовичъ, Павелъ (Рит-
 теръ) 31. 191. 199.
 Витковичъ, Гавр. (Доп.)
 Вишенскій или Вишнев-
 скій, Іоаннъ 384. 336. 390.
 Вишневскій, Гедeonъ 339.
 Вишневскій, Михайлъ 317.
 319. 323. 332. 453. 751.
 Владиміръ, кн. волынскій
 322.
 Владиміръ-Мономахъ 318.
 410.
 Владиславовъ, Стойко, см.
 Софроній.
 Владиславъ, Грамматикъ
 96.
 Власакъ, см. Кричитусъ.
 Влаховичъ (Влаовичъ) 228.
 231.
 Водникъ, Валентинъ 291—
 293. 296. 298. 302. 1105.
 Воеводскій, Юстинъ 583.
 Возаровичъ, Григ. 208.
 Воинвичъ, Іов. 280.
 Войкашинъ, см. Цейкова.
 Войниковъ, Д. 123.
 Войтковскій, В. 406. 944.
 Войтъхъ, еп. пражск. 471.
 803. 804. 1071.
 Войницкій, Каз.-Влад. 402.
 453. 455. 615. 750. 1106.
 Войцѣховскій, Тад. 454.
 Волконская, Зинаида, кн.
 649. 653. 656.
 Водчехъ (Vlček), Вацл.
 959. 980—992.
 Волянецъ 379.
 Вольтмеръ, Леоп. или Ла-
 вославъ 292.
 Вольскій, Владиміръ 750.
 Вольскій, см. Бѣльскій.
 Вольтиджи 166.
 [Ворбъ 1071.]
 Вороничъ, Янъ-Павелъ
 596—599. 1105.
 Ворѣхъ, Вячеславъ 1074.
 Востокъ, А. X. 20. 37.
 54. 61. 272. 285. 299.
 300. 925. 1102.
 Воцель, Янъ-Эраз. 5. 784.
 814. 815. 827. 932. 958.
 959. 969. 971. 984. 990.
 1068.—83. 1104.—15.
 Вразъ, Станко 244. 248.
 254. 298—295. 299. 300.
 302. 1106.

- Врамель, Антонъ 196.
 Врана, Микулашъ 896.
 Врана, Фр. М. (Доп.)
 Вранчиць (Vergazio) 263.
 Вранчиць, Фаустинъ 1100.
 Вратиславъ, А. Р. 903.
 Вратиславъ изъ Митро-
 видъ, см. Митровиць.
 Вронченко 649.
 Врѣтко, Ант. 815. 839.
 870. 925. 926. 940.
 Врублевскій, Валеріанъ
 464.
 Врчевачъ, Вузь 230. 279.
 281. (Доп.)
 Вунчъ 220.
 Вукмановиць 158.
 Вукотиновиць, Людевитъ
 244. 248. 249. 254. 256.
 260. 967. 1105.
 Вузь Караджичъ, см. Ка-
 раджичъ.
 Вулетиць, Видъ (Доп.)
 Вуловиць, Свет. 230. (Доп.)
 [Вутке, Генр. 943.]
 Вуяновскій, Ст. 204.
 Вшегордъ, Викторинъ -
 Корнелій 28. 827. 871.
 876—878. 892.
 Быль, Хв. 379—381.
 Выджга, Янъ-Стефанъ 543.
 Выдра 935.
 Ваземскій, П. А., кн. 647.
 649. 691.
 Вонцлевскій, Сиг. 481. 498.
 628.
 Габделичъ, Юре 199.
 Гаминскій, Янъ 532.
 Гавласа, Богумилъ 962.
 Гавликъ, епископъ 245.
 Гавличекъ, Карлъ, Vogov-
 ský 912. 969—971. 992.
 997. 1046—86.
 Гавриловичъ, Тов. 136. 217.
 238.
 Гаекъ, Вацлавъ, изъ Ли-
 бочанъ 831. 835. 897. 898.
 900. 915. 916. 920. 921.
 Гада, Войтъхъ-Ант. 1020.
 Гай, Людевитъ 200. 241—
 245. 247. 248. 251. 254.
 260. (Доп.)
 Гайнишъ, Фр. 963.
 Галашъ, Германъ 928.
 Галекъ, Витезславъ 974—
 980. 985. 996. (Доп.)
 Галва, Андрей, изъ Доб-
 чина 472.
 Галва, Іеремія, см. Косто-
 маровъ.
 [Галъ, Мартинъ 468. 1099.]
 Гальбо, Игнатій 446.
 Галытовскій, Іоанннкій
 339.
 Гаммершмидъ, Янъ 916.
 [Гаммерштейнъ 1067.]
 Гамальяръ 1023.
 Гамулякъ, Мартинъ 1027.
 Ганель, Яроміръ 260. 784.
 Ганка, Вацлавъ 39. 806.
 806. 811. 812. 814. 816.
 819. 822. 825. 830. 881.
 833. 852. 878. 883. 925.
 927. 929. 937—941. 946.
 956. 1051—54. (Доп.)
 Ганке изъ Ганкенштейна,
 Алоизъ 937.
 Ганченко, Е. 370.
 Ганушъ, І. І. 804. 814. 815.
 819. 830. 839. 870. 893.
 925. 940. 957. 1051.—59.
 —68.
 Ганчка 1076.
 [Ганъ, Г. 47. 138.]
 Гарантъ изъ Польжидъ,
 Криштофъ 908. 914. 960.
 Гаркави, 5.
 Гартнохъ 549.
 Гарчинскій, Стефанъ 655.
 657. 662. 663. 685. 707.
 Гасиштейнъ, см. Лобко-
 виць.
 [Гассельбахъ 1067.]
 Гаттала, Мартинъ 20. 785.
 815. 992. 993. 1008—44—
 45.
 Гатцукъ, А. 324.
 Гатцукъ, Н. 382.
 Гауптманъ 1076—78.
 Гауптъ, Л. 1082—88.
 Гауссигъ 1090.
 Гацкевичъ, Е. (Доп.)
 Гаминскій, Конст. 692.
 694. 697. 700. 734. 742.
 Гаштальскій, см. Григорій
 Пражскій.
 Гвозденица, см. Феричъ.
 Гебауэръ, Янъ 785. 815.
 820. 827. 828. 833. 932.
 993. 1056. (Доп.)
 [Гебгарди 784. 1071. 1100.]
 [Геблеръ, Вильг. 283.]
 [Гебнеръ 885.]
 Гедеоновъ 454. 995.
 Гейденштейнъ, Райнг. 514.
 Гейдукъ, Адольфъ 975.
 1036. (Доп.)
 Гейслова, Ирма 980.
 Гейтлеръ, Леопольдъ 20.
 37. 260. 993. (Доп.)
 Гекторевичъ 180. 185. 264.
 285.
 Гелиць, Лукашъ 900.
 [Гельфертъ, І. А. 833.
 840. 885.]

- Гяйдичъ, Н. 350.
 Говорскій 385. 423.
 Гоголь-отецъ 359. 432.
 Гоголь, Н. В. 123. 218.
 236. 296. 315. 350. 359.
 374. 375. 387. 393. 426.
 432. 966. 970. 986. 995.
 Гогоцкій 379.
 Годжа, М. М. 1012. 1028—
 1030.—35.—36.—42.—45.
 —83.
 Годра, Мих. 1023—27.—47.
 Голембевскій, Лукашъ 402.
 Голечекъ, Иос. 995. (Доп.)
 Голешова, изъ, Янъ 858.
 Голіанъ, Мерцинь 1076.
 Голко, М. 1018.
 Голы, Ярославъ 857. 871.
 885. 891. 896. 977. 994.
 Головацкій, Иванъ 427.
 428.
 Головацкій, Яковъ 307.
 324. 328. 403. 405. 410.
 411. 415. 418—423. 425...
 432. 435. 442—447. 1106.
 (Доп.)
 Головинскій, Игнатій 513.
 746.
 Голубевъ, С. 332.
 Голубя, І. Д. 1047.
 Голубинскій, Е. 48. 55. 56.
 64. 67. 90. 91. 94. 96.
 102. 103. 105. 108. 111.
 117. 166.
 Голый, Янъ 1021—1023.—
 27.—31.—36.—46. 1106.
 Гомичковъ, Николай 442.
 Гонсіоровскій, Альб. 634.
 Гончаровъ, Ив. Ал. 236.
 995.
 Гончевичъ, Спирид. 228.
 Гораздъ 54. 55.
 Горенецъ, Лавославъ 296.
 Горедкій, Антоновъ 741.
 Горжалчинскій, А. 370.
 Горжовскій, Маріусъ 690.
 Горжовичъ, изъ, Бенешъ,
 833. 870.
 Горизонтовъ, И. 397.
 Горнякъ, Мих. 1070.—72.—
 74.—75.—81.—84. 1086
 —1088. 1092.
 Городенчувъ, см. Федько-
 вичъ.
 Горскій 54. 56. 319.
 Горчанскій 1078.
 Горчичка, Даниль (Sina-
 rius) 1016.
 Гостинскій, Петоръ-Забой
 1047—59.
 Гоудекъ, Вит. 1038.
 Гоуска, Янъ 902.
 Гофманъ 1075. [Гоштеттеръ 47.]
 Гоцинскій, Северинъ 607.
 611. 619. 623—628. 659.
 672. 681. 749. 973.
 Грабовскій, Мих. 378. 375.
 619. 623. 746. 749. 772.
 Грабянка 307. 342. 343.
 353. 354. 366.
 Градиль, І. 390. 900.
 Градичъ 1100.
 Гребенка, Евг. 359. 362.
 Грегеръ, Юліусъ 997.
 Грель 565.
 Гречулевичъ 374. 385.
 Гречъ, Н. И. 310. 351.
 Грибождовъ, Ал. 608.
 Григорій, „братъ“ 881. 885.
 887. 888. 906.
 Григорій Пражскій, Castu-
 lus, Naitalsky 874. 875.
 Григорій, пресвитеръ 57.
 Григорій, изъ Санока 467.
 469.
 Григорій Цамвлякъ, см.
 Цамвлякъ.
 Григоровичъ, Вит. Ив.
 3. 4. 38. 39. 48. 59. 78.
 90. 91. 94. 103. 109. 128.
 139. 147—149. 158. 203.
 272. 908. 1104.—06.—07.
 Григоровичъ, протоіерей
 322.
 [Гризбахъ 47. 59.]
 [Гримъ, Як. 5. 20. 39.
 270. 281. 925.]
 Гродекъ, Эрнестъ 605.
 628. 629. 636.
 Гроза, Александръ 749.
 Грольмусъ, см. Крольмусъ.
 Громадко (пишется и Нго-
 matko), Янъ 936. 939.
 941. 1054—67.
 Громанъ 1060.
 Гросманъ 1028. 1046.
 Гротковскій 531.
 Гроховскій, Стан. 496.
 Грубий, Григорій, изъ
 Елени 878. 879.
 Грубий, Зигмундъ 879. 880.
 898.
 Груевъ, І. 96. 128.
 Грушковичъ, Самуиль 913.
 1017.—18.
 Грифъ, см. Марцинков-
 скій, Альб.
 Гронъ, Анастасіусъ 302.
 Губе, Ромуальдъ 462.
 Гулакъ-Артемовскій, см.
 Артемовскій.
 Гуляевъ 86, 87.
 Гундуличъ, Иванъ 179.
 185. 187—191. 245. 249.
 253. 264. 303. 986. 1100.
 Гундуличъ 191.
 [Гунфальви (Доп.)]
 Гурбанъ, Иос. Мил. 952.
 1002—1025. 1028—1037
 —39. 1042 ... 1048.
 Гурицкій, Лука 514.
 Гуровскій, гр. 1107.
 Гуска, Мартинъ (Локвись,
 Мартинекъ, Мартинъ
 Моравецъ) 864. 865.
 Гуска, Янъ 872.
 Гусъ, Янъ 42. 324. 388.
 783. 784. 790. 791. 800
 804. 838. 834. 836.
 839 864. 868. 871.
 880. 881. 884. 889—892.
 903. 913. 939. 949. 960.
 963
 Гутеша, Илія (Доп.)
 Гуда, см. Вевелинъ.
 Гушалевичъ, Иванъ 426.
 428. 429. 432. 434. 446.
 447.
 Гымбъ, Янъ 927. 962.
 [Гюйссенъ, Генрихъ 463.]
 [Гюппе, Зигфридъ 450.
 455.]
 Давидовичъ, Дим. 139.
 213. 216. 219. 221. 222.
 [д'Аврилъ 280.]
 Даянко, Петръ 283. 293.
 302.
 Дакснеръ, Ст. 1042—43.
 Далнимилъ 283. 821. 825.
 827. 831. 886. 872. 927.
 939. 991. 1099.
 Далматинъ, Антоновъ 173.
 175. 287.
 Далматинъ, Юрій 287. 289.
 290.
 Даниловичъ, Игн. 319. 323.
 403. 634.
 Даничичъ, Юрій (Дьюро)
 20. 94. 140. 155. 156. 161.
 186. 216. 220. 236—238.
 260. 261. 281. (Доп.)
 Данилевичъ 692—694. 700.
 731. 732.
 Данилевскій, Игнатій 781.
 Даниль, истор. серб. 155.
 Даниль Заточникъ 410.
 Даниль, игуменъ 304. 317.
 318.
 Дановъ (Доп.)
 Дантискъ, см. Фляксби-
 деръ.
 Даржичъ, Маринъ 186.
 Даржичъ, Юрій 179. 181.
 182. 264.
 Даскаловичъ 116.
 Дачидкій, Милулашъ, изъ
 Геслова 894.

- Дворжакова - Мрачкова, Альбина 980.
 Дворскій, Фр. 901.
 Деволланъ, Г. А. 406. 1003.
 Дейва, Янъ 1079.
 Дейчманъ, см. Дучманъ.
 Делла-Белла 166. 191.
 Дембожницкій, Войт., изъ Коноядъ 543.
 Деметеръ, Дмитрій 250. 253.
 Демуть, К. 877.
 [Дени, Эрнестъ 834. 890. 891.]
 [Депре, Ипп. 47. 138.]
 Де-Пуле 393.
 Державинъ, Г. Р. 295.
 Держичъ, см. Държичъ.
 Децій 514.
 Дешко 403.
 Джорджевичъ, Владанъ (Доп.).
 Джорджевичъ, Миланъ 236.
 Джорджичъ (Georgi), Игватій 178. 180. 182. 191—193. 248. 266. 1100.
 Дзѣдушницкій, М. 508.
 Дивковичъ, Матв. 176.
 Дмитровичъ, Никола 186.
 Димитцъ, А. 283.
 Дюклеийскій священникъ, см. Дуклянскій.
 Діонисій, болг. инс. 92.
 Длабачъ 921. 929.
 Длугошъ, Янъ 467—469. 493. 1100.
 Дмитриевъ, М. 404.
 Дмитриевъ-Петковичъ, см. Петковичъ.
 Дмоховскій, Ф. Кс. 567. 572. 581. 582. 601. 606. 615.
 Добнеръ 897. 920. 921. 1101.
 Добрета 1053.
 Добровскій, Иосифъ, а66. 20. 33. 35. 37. 39. 104. 283 288. 292. 298. 785. 804. 805. 811. 813. 814. 822. 921 941. 946. 949. 969. 998. 1002. —19.—32.—66. 1101.—02.—15.—17. (Доп.).
 Добровъ, Л. (Доп.).
 Добрянскій, Адольфъ 441.
 Добшинскій, Павелъ 1059.
 Довгалевскій 346.
 Догнаный, Миклулашъ 1003. —46.—47.
 [Дозонъ, Dozon 97. 130. 134. 136. 272. (Доп.)]
 Долежалъ, Павелъ 1017.—20.
- Доленга-Ходаковскій, см. Ходаковскій.
 Доленга, см. Новосельскій, Антонъ.
 Доленецъ, Викторъ 297.
 Дольча, Себ. 1101.
 Долянскій, Степанъ 858.
 Домейеръ 1066.
 Домейво 633. 657. 672.
 Доментіанъ 155. 156. 237.
 Домина, изъ, Фридрихъ 903.
 Досиеей, см. Обрадовичъ.
 Доуха, Фр. 785. 1072.
 Дошенъ, Видъ 195. 204.
 Драгиницъ, изъ, Бартошешъ, см. Бартошекъ.
 Драгомановъ, М. П. 81. 307. 344. 379. 391. 393. 396—398. 410. 432. 433.
 Драшковичъ, графъ Янко 243. 246 250.
 Дрезнеръ, Оома 524.
 Дриновъ, М. Ст. 38. 49. 61. 66. 97. 101. 106. 108. 116. 117. 125. 132. 136. 137. (Доп.).
 Друшевъ, Василій, потомъ еп. Климентъ 123. 128.
 Дубравскій, Янъ 826.
 Дубровскій, Петръ 410. 940. 1082.
 Дубы, изъ, Андрей, см. Андрей.
 Дудникъ, Беда 784. 901. 924. 988. 989.
 Дуклянскій пошъ 174. 189. 262.
 Дулишкевичъ 406. 442.
 Дундеръ (Доп.).
 Дуновскій 1060.
 Дупничанинъ, см. Павловичъ, Хр.
 Дурдикъ, Иос. 977. 978.
 Дурихъ 921—923. 1101.
 Дутевичъ 583.
 Духинская, г-жа 634. 655. 667.
 Духинскій 313. 381.
 Духновичъ, Александръ 441. 442. 446. 447.
 Дучичъ, Никифоръ 12. 140. 228. 231. 238.
 Дучманъ, Гандрія 1072.—87.—88.
 Душанъ, см. Стефанъ Душанъ.
 Дѣдицкій, Б. 415. 425. 427. 428. 431. 433. 437.
 [д'Эльвертъ 784. 988.]
 Дювернуа, А. 287. 857.
 [Дюмлеръ 36.]
 [Дюмонъ (Доп.)]
- [Дюрингфельдъ, фонъ Ида 1060.]
 Дячанъ 411.
 Евоний, патр. Терновскій 67. 92—94. 157.
 Евоний, Зигаденъ 64. 93.
 Ежъ, Оома-Федоръ, см. Милловскій.
 Евзерскій, Ф. С. 587.
 Езерскій, Яцекъ 589.
 Ексархъ, А. 118.
 Елагинъ 890.
 Енишъ, см. Яноцкій.
 Енишъ, К. К., см. Павлова.
 Ержабекъ, Фр. 980.
 Ерличъ, Іоакимъ 543.
 Есеницъ, изъ, Янъ 856.
 Есентъ, Павелъ 900.
 Ефименко 396.
 Ефреймъ, Янъ 900.
- Жатецкій, Петръ Нѣмецъ 865.
 Жебравскій 453.
 Желота-Паули 416. 436. 446. 455. 532.
 Желиговскій, Эдуардъ 750.
 Желло, Людевитъ 1027.—28.
 Земля 294.
 Жеротинъ, Карлъ 895. 900. 901. 904. 906. 913. 990.
 Живковичъ, Ст. 220.
 Живковъ (Доп.).
 Жидекъ, Павелъ 871. 872. 873. 863. 864. 867. 868. 870. 871. 881. 987.
 Жинанфовъ, Кс. Ив. 118. 122. 129. 134. 135. (Доп.)
 Житавскій, Петръ 830.
 Житецкій, П. 20. 308. 311. 312. 319. 325. 326. 351. 390. 391. 445.
 Жминовская, Нарциза 750.
 Жолгаръ, М. 302.
 Жуксовскій, В. А. 367. 636. 650.
 Заблоцкій, Францъ 558. 581. 582. 608.
 Заборовскій, Стан. 470.
 Заборскій, Ионашъ 1032.—46.—47.
 Забѣлинъ, Ив. Ег. 373. 454. 995.
 Завадскій 593.
 Завиша, Крест.-Станисл. 528. 543.
 Завѣта, Юрій 903.
 Загуровичъ, Геронимъ 101.

- Задеракскій, Ник. б. 784.
 988. 957. 971. 1060.
 Зай, графъ 1011—12 1028.
 —29.—35.
 Закревскій, Н. 307. 391.
 394. 446.
 Залевскій, Казимиръ 777.
 Залюкаръ, Янежъ 294.
 Залужанскій 896.
 Залускій, Андрей-Хриво-
 стомъ 542.
 Залускій, Иосифъ-Андрей
 547, 548.
 Залъскій, Иосифъ-Богданъ
 253 611. 615. 619—623.
 626 672 742. 749. 967.
 Залъскій, В. см. Ольска,
 изъ, Вацлавъ.
 Замрскій, Мартинъ-Фла-
 дельфъ 894.
 Зандель 897.
 Занъ, Оома 611. 633. 634.
 636. 639.
 Занъ, К. Вл. 944. 964. 988.
 Заревичъ 434.
 Затей, Гуго 662.
 Захарьевъ, Ст. (болг. пис.)
 47.
 Захарьясевичъ, Иванъ 774.
 Зборовскій, В. 425.
 Зборславичъ, изъ, Мар-
 колдъ 865.
 Збылтовскій, Петръ 500.
 Згарскій, Евг. 431. 434.
 Зденчай, А. 244
 Зейлеръ, Гандрия 1072.
 1080. 1087.
 Зейшнеръ 455.
 Зеленко 293.
 Зеленскій (оф. ген. штаба)
 404.
 Зеленый, Вацлавъ 983. 938.
 948. 952. 960. 971. 994.
 Земка, Тарасій 337.
 Зенкевичъ, Ромуальдъ 402.
 Зерниновъ, Адамъ 339.
 Зигель 159.
 Зизаній, Тустановскій, Ла-
 вренцій 329. 336. 338.
 339.
 Зикмундъ, В. 785 994.
 Зиморовичъ, Иосифъ-Варо.
 531. 532.
 Зиморовичъ, Шимон. 531.
 Златаричъ, Динко 180. 186.
 187.
 Златаричъ, Маринъ 189.
 194.
 Змаевичъ, Винц. 173.
 Змай-Иовановичъ см. Ио-
 вановичъ.
 Зморскій, Романъ 750.
 Змаенскій, П. 332.
- Знойма, изъ, Станиславъ
 857.
 Знойма, изъ, Ольдрихъ 865.
 Зоммеръ 784.
 Зоре, Лука (Доп.)
 Зорка, Самуилъ 342.
 Зоубежъ 908. 994.
 Зринскій, Ник. 1016.
 Зринскій, Петръ 198. 268
 (Доп.)
 Зринскій, Юрій 198.
 Зубрицкій, Денисъ 406.
 417. 422. 425. 434. 435.
 [Зудендорфъ 1067.]
 Зузорицева, Флора 186.
 Зѣновіевъ, см. Климентій.
 Иванншевичъ 191.
 Иванншевъ, Н. Д. 381. 395.
 Ивановъ, И. 118. 123.
 Иващенко, П. С. 396.
 Ивичевичъ 193.
 [Ивансъ, Еванс, 139. (Доп.)]
 Игнатовичъ, Якубъ 227.
 Игнатковъ 442.
 Извъковъ, Д. 340.
 Икономовъ, 128.
 Иларіонъ, еп. 67. 92.
 Иларіонъ (рус. пис.) 410.
 Иличъ, Іованъ 227. 234.
 Иличъ, Лука 165.
 Иллпрікъ, Фладій, см. Фла-
 цій.
 Илломигарскій, С. 397.
 Иловайскій 48. 90 426. 454.
 Илькевичъ, Григ. 415. 416.
 446.
 Имбрихъ, Доминъ 200.
 Имшигъ 1087.
 Инстититорскій 1018.
 Ипполитъ 290.
 Ирасекъ, Алоузъ 982.
 Ирби, г-жа, см. Меклензи
 и Ирби.
 Иречекъ, Герменегильдъ
 784. 812. 815. 832. 877.
 878. 991. 1050.
 Иречекъ, Иосифъ 134. 242.
 280. 390. 428. 472. 785.
 812. 815. 816. 822. 825—
 827. 831. 835. 839. 853.
 870. 896. 900. 908. 914.
 926. 929. 940. 942. 944.
 988. 990. 991. 1014.—50.
 —51.
 Иречекъ, К. І. (младшій)
 13. 38. 48. 52. 56. 90. 91.
 94. 96. 101—103. 116. 117.
 123. 125. 129. 132. 134.
 995. 1119. (Доп.)
 Исаяловичъ 226.
 Исхандеръ, см. Герценъ.
 Ишимова, г-жа 374.
- Исемловскій, Николай 543.
 Иенчъ, К. А. 1034. — 72.
 —84.—88.
 Иеремія, поплъ болгарскій
 72. 81—89.
 Иеронимъ, св. 172.
 Иеронимъ, Пражскій 783.
 791. 840. 854. 855. 857.
 871. 890.
 Иоаннъ, экз. болгарскій 55.
 56. 64—66.
 Иосафъ, болг. пис. 96.
 Иовановичъ, Владиміръ
 235. 236
 Иовановичъ, Георгій 233.
 Иовановичъ, Дим. 221.
 Иовановичъ, Змай-Іованъ
 227. 234. (Доп.)
 Иовановичъ, Павелъ 227.
 Иовановичъ, Петръ 226.
 Иовановичъ, Ходжа-Най-
 денъ 128.
 Иозефи, Павелъ 1032.
 Иокунъ, Матѣй 1076.
 Ионашъ, К. 785.
 Иорданъ, Г. 1088.
 Иорданъ, Янъ-Петръ 4. 89.
 410. 785. 1072.—82.—
 83.—85.—92. 1101.
 Иосифовичъ, Воанъ, см. За-
 борскій.
 Иохеръ, Адамъ 453.
 Кабатникъ 887. 889. 903.
 Кабога 178.
 [Каверанъ 370]
 Кадлинскій, Феликсъ 916.
 Кадлубекъ 468. 569.
 Кадичъ, Антоанъ 173.
 Казали (Казаличъ), 253.
 256.
 Казначичъ, Августъ 253.
 (Доп.)
 Казначичъ, Антонъ 185.
 194. 253. (Доп.)
 Калайдовичъ, К. Ѳ. 54.
 403. 1102.
 Каленецъ, Янъ 888.
 Калина, Антоанъ 777.
 Калина, von Jäthenstein
 1055.
 Калинка, В. 551. 554.
 Калинка, Іоахимъ 1016.
 Калининчакъ, Янъ 1039.—
 40.—47.—48.—59.
 Калининмахъ 469. 481.
 [Калистъ, патр. Конст.
 91.]
 Калоусекъ, Іос. 784, 947.
 993.
 Камарскій, Генрихъ 736.
 Камаритъ, Іосифъ-Власти-
 миль 856. 957. 961.

- Каминский, Янъ-Нене-
 мукъ 608.
 Кампанусъ, Янъ, изъ, Вод-
 нянъ 876. 896.
 Канавеличъ, Петръ 180.
 191.
 Кандидусъ, П. 915.
 Канижличъ, Антуъ 195.
 [Каницъ 47. 48. 103. 138.]
 Канишъ 865. 866.
 Кантемиръ, Антиохъ 345.
 348.
 Кантепкій, Климентъ 552.
 691. 769. 770.
 Капитъ, Янъ 900.
 Капнистъ, В. 350.
 Капнеръ, Зигфридъ 271.
 272. 280. 995. 996.
 Каравеловъ, Любенъ 48.
 96. 118. 121—123. 126.
 130. 235. (Доп.)
 Караджичъ, Вильгельмина
 281.
 Караджичъ, Вукъ-Стефа-
 новичъ 104. 127. 128.
 138. 140. 151. 160. 161.
 204. 213—221. 228. 230.
 233. 236. 237. 239. 242.
 243. 260. 263. 270—272.
 276—281. 294. 299. 303.
 447. 623. 933. 967. 996.
 1054. 1102... 1108. (Доп.)
 Каразинъ, В. 356.
 Караманъ, Матвій 173.
 174.
 Карамзинъ, Н. М. 218. 372.
 573. 595. 630. 632. 1100.
 —02.
 Карано-Тврговицъ 140.
 Каратаевъ, И. 328.
 Карвицкій 545.
 Кардиналъ, Янъ 856.
 Карнарутичъ 191.
 Каро, Янъ 455. 461.
 Карпенко, см. Паливода.
 Карпинский, Францискъ
 558. 580. 581.
 Карповичъ, Леонтій 336.
 Карповъ 373.
 Каррара 272.
 Касабовъ 118.
 Кастеличъ, Миха 293.
 Кастеллецъ, Матія 290.
 Кастильоне 514.
 Кастулусъ, см. Григорій
 Пражскій.
 Каталиничъ 165.
 Катанчичъ, Матія-Петръ
 165. 195—197. 1101.
 Катковъ, М. Н. 385. 423.
 Катрановъ, Н. Д. 128.
 Катичъ, Ансельмъ 193.
 Качала, Стеф. (Доп.)
- Качанский, Стеф. 294.
 Качичъ-Миошичъ, Андрей
 182. 192. 193. 195. 197.
 239. 267—269. 1100.
 Качковский, Мих. 425. 431.
 437.
 Качковский, Сягизм. 753.
 766—768. 774.
 Кватерникъ, Евг. 256. 267.
 303. (Доп.)
 Кватерникъ, Иос. Р. 256.
 Квашъ, Ладиславъ 979.
 Квятка, Гр. Ф. (Основа-
 ненко) 356. 359—364.
 381. 382. 432. 619. (Доп.)
 Квятъ 908.
 [Кейфферъ 1071.]
 [Келеръ 1067.]
 Кельнеръ-Гостинскій, см.
 Гостинскій.
 Кеневичъ 769.
 Кеппенъ, П. 7. 12. 54. 285.
 1102.
 Керенскій, Ф. 89.
 Керманъ, Данилъ 913.
 1017.—18.
 Кермпотичъ, Иосифъ 196.
 [Кёрнеръ, Георгъ 1078.—
 79.]
 Керстникъ, Янъжъ 290.
 Кертеличъ 199.
 Кзель, Петръ 875.
 Килианъ 1076.
 Кимакъ, Кирилъ 442.
 Кинскій, Дом. 928. 929.
 Кинскій, Фр. графъ 927.
 Кипиловскій, см. Стояно-
 вичъ
 Киприанъ, рус. митр. 94.
 Кира Петровъ (Доп.)
 Кирилъ, св. (Констан-
 тинъ) 11. 35—42. 54—56.
 166. 172. 235. 737. 801.
 804. 944.
 Кирилъ и Меодій 822.
 890. 925. 1000.—21.—46.
 —48.—56.—57.—71.—87.
 Кирилъ Туровскій 317.
 410.
 Киргоръ, А. 4. 376. 408.
 Кирмезеръ, Павелъ 896.
 Кирѣвскій, Ив. В. 674.
 675.
 Кирѣвскій, П. В. 403.
 Кирѣвскіе, бр. 647. 1106.
 Китовичъ, Андрей 590.
 Клевановъ, А. С. 834.
 [Клѣдень 1067.]
 Клементовичъ 437.
 [Клемпичъ 1067.]
 Кленовичъ, Себастьянъ
 481. 500—504. 572. 575.
 615. 755. 780.
- Климмахъ 153.
 Климентій Эвноміевъ 365.
 Климентъ, седмичисла-
 никъ 54. 55. 944.
 Климентъ (Дружевъ) см.
 Дружевъ.
 Климовичъ, Ес. 431.
 Клинъ, Фр.-Адольфъ 1060.
 —81.—83.
 Клинцера, В. Кл. 963. 964.
 Клинцера, Иванъ 962.
 Клосопольскій, Москва
 (Mosig von Aegenfeld)
 943. 1082—83.
 Клоучекъ, Яр. 996.
 Клуцъ, В. Ф. 283. 289. 290.
 303.
 Клячко, Юліанъ 895. 774.
 [Клуцекъ 1071.—78.]
 Кнежевичъ, Петръ 194.
 Книжекъ, Книжка, см. Бо-
 дицкилусъ.
 [Книшекъ (Доп.)]
 Книжничъ, Я. Б. 581.
 Князичъ, Францъ-Діом.
 558. 581.
 Ковалевскій, Ег. П. 228.
 230. 303.
 Ковачевичъ, Гавр. 212.
 Ковачевичъ, Тома 282.
 Кодицкилусъ 834. 876.
 Козачинскій, Эммануилъ
 202. 212.
 [Козегартенъ 1067.]
 Козловъ, Ив. 649. 651.
 Козманецкій, В. Фр. 916.
 Козьма, пис. болг. 66. 77. 82.
 Козьма, Пражскій 808. 824.
 830. 831. 1050. 1099.
 Козьминъ 600.
 Коларжъ, Иосифъ 250. 804.
 Коларжъ, М. 870.
 Коларъ, Иос.-Юрій 964.
 980. 981.
 Колинскій 875. 876.
 Колларъ, Янъ 64. 112. 341.
 242. 596. 912. 931. 938.
 941. 943. 944. 948... 956.
 967... 972. 984. 986. 988.
 1012. — 16. — 18. — 22.
 1024... 1040.—46.—53.—
 57.—58.—82. 1104... 1109.
 —15.—19. (Доп.)
 Колодскій, М. 411.
 Колотай, Гуго 556. 587.
 588. 603.
 Колосовъ (Доп.)
 Коль 165. 228. 230.
 Кольбергъ, Оскаръ 455.
 [Колькъ 16.]
 Кольцовъ 967.
 Коменскій, Амосъ 882.
 904—913. 927. 968. 1023.

- Комеръ 1089.
 Конарскій, Станиславъ 548. 549.
 Коначъ, Николай изъ Годишткова 872. 879. 896. 902.
 Конашевичъ - Сагайдачный, гетманъ 336. 340. 344. 622. 623.
 Кондратовичъ, Людв. (Сырокомля) 250. 370. 453. 482. 532. 753. 760—765. 967. 995.
 Конечный 785.
 Конисскій, Георгій, еп. 346. 354. 365—367. 394.
 Конисскій, Александръ 332. 434.
 Коницъ, см. Хойнацкий.
 Константиновичъ, Мих. (Янычаръ) 472.
 Константинъ, см. Бирилъ.
 Константинъ, еп. пис. болгарскій 56.
 Константинъ Костенчскій (Философъ) 93—96. 154. 157.
 Константинъ, вн. Острожскій, см. Острожскій.
 Констанць, изв. 916.
 Консулъ, Стефанъ 287.
 Контримъ, Казимиръ 632. 636.
 Коляшъ, Антонинъ 916. 917.
 Коперникъ 467. 586.
 Колинскій, Исаия 332. 336.
 Копитаръ, Бартоломей 20. 37. 39. 104. 213. 216. 217. 283... 289. 293. 297—300. 324. 623. 811... 822. 925. 932. 943. 1101.—15.—19. (Доп.).
 Копфъ 1089.
 Копчинскій, Онуфрій 556.
 Копыстенскій, Захарій 332. 333. 338. 339.
 Коранда, Вацлавъ, старшій, 865. 866. 881. 888.
 Коранда, Вацлавъ младшій 873.
 Корева 404.
 Коржанъ, Иос. 988.
 Корженіовскій, Иосифъ 691. 749. 753. 770—772. 967. 995.
 Коржинекъ, Фр. 995.
 Коржистка, Б. 784.
 Корзонъ, Тадеушъ 450. 553.
 Корниловичъ, А. 581.
 Корнова 935.
 Королевъ, Райчо 64.
 Короновичъ, В., см. Врублевскій, В.
 Коротынский, В. 634.
 Коротынский, Вивентій 762. 766.
 Корсагъ, Юлианъ 742.
 Корсунъ 363.
 Корчевскій, Витъ 493.
 Корытко 302.
 Косикъ, М. 1090.
 Косина, Янъ 902. 985. 994.
 Коссовскій, Варлаамъ 339.
 Коссовъ 337. 343.
 Коста, Эббинъ 293. 296.
 Костенчскій, Конст., см. Константинъ.
 Костичъ, Лазо (Доп.).
 Костомаровъ, Н. И. 81. 83. 306—308. 314. 315. 342—344. 348. 357... 401. 431. 432. 1097. 1105.—6. (Доп.).
 Бостреничъ, Ив. 287.
 Котляревскій, А. А. 5. 310. 811. 815. 1063.—67.—68.
 Котляревскій, Ив. П. 356—360. 363. 415. 432.
 Котошихинъ 348.
 Коттъ, Фр. 785.
 Коубекъ, Янъ Прав. 961.
 Кохановскій, П. 489. 636.
 Кохановскій, Янъ 481. 482. 488—496. 500. 501. 526. 538. 612. 755. 780.
 Коховскій, Нечуя, Веспасіанъ 492. 531. 537—542. 734.
 Коцоръ, К. А. 1088.
 Кошловичъ, М. 307. 333.
 Крайковъ, Яковъ 101.
 Крайникъ, Мар. 979.
 Крайчій, Григорій, см. Григорій, „братъ“.
 Краль, Янко 1038—39.
 Крамеріусъ, В. М. 898. 903. 927. 928.
 [Кранцъ 885].
 Краснскій, Сигизмундъ 452. 654. 664. 677. 688. 689. 690—741. 768. 770. 973.
 Красицкій, Игнатій 558. 563—572. 574. 580. 610. 633.
 Красногорская, Елиз. 964. 973. 975. 979. 980. 982. 984.
 Красонницкій, Лавр. 888.
 Крашевскій, Игнатій-Иосифъ 408. 551. 563. 614. 615. 745—747. 749. 750. 760. 772—774. 995. 1092.
 Крева, Левъ 332.
 Крекъ, Григорій 5. 20. 38. 280. 296. 302.
 Крель, Себаст. 287.
 Бремеръ, Иосифъ 732. 754. [Кремль, Ант. 283. 294.]
 Креть, 290.
 Крестовичъ, см. Кръстьевичъ.
 Кржижекъ, В. 11. 176. 994.
 Кржицкій, Андрей 481.
 Кржижанчъ, Юрій 30. 31. 199. 264. 1100.
 Кржижкъ 302.
 Кринтусъ 876.
 Кристиановичъ 165.
 Крольмусъ, Вацлавъ 1053—1056.
 Кромеръ, Мартинъ 514. 1100.
 Кронинскій 600.
 Кросьна, Павелъ, изъ 481.
 Крстичъ, Ник. 238. [Кругъ 1100.]
 [Круммель, Л. 815.]
 Кручинскій, Ф. 732.
 [Круссъ, Srouse, 48.]
 Кръстьевичъ, Г. 48. 118. 125.
 Круднеръ, г-жа 642.
 Кубаль, Л. 505.
 Куземскій, Мих. 429.
 Кузани, Карлъ 1026.—27.—42.—44.
 Кузманчъ, А. 253.
 Кузьминскій, О. 453.
 Кузльевичъ-Савцинскій, Иванъ 67. 156. 158. 165. 166. 174. 176. 180. 181. 186. 187. 199. 244. 250—252. 258. 281. 287. 945. (Доп.).
 Куличковскій, Адамъ 453.
 Кулишъ, Пант. 306. 307. 334. 348. 355. 358—361. 363. 367. 368. 371. 373—377. 384. 386. 393. 430. 432. 620.
 Кулда 1056—57.
 Кумердей 291—293.
 Кунякъ, А. А. 815. (Доп.) [Куно 5.]
 [Кузь 5. 20.]
 Купчанко, Г. И. 396. 405.
 Курбскій, А. М., вн. 329. 380. 332. 334. 338.
 Кургановъ, 117.
 Курѣладъ 260. 281. 1106. [Куррьеръ (Доп.)].
 Куряпешичъ 263.
 Кутенъ, Мартинъ 871. 898. 902.
 Бухаренко, Я. Г. 382. 432.
 Бухарскій 159. 882.

- Бухачъ (Доп.)
 Кыпинскій, Алекс. 402.
 Козьминъ, Никлавъ 301.
 Козьминъ, Степ. 301.
 [Кюнберъ, (Cunibert), 139.]
- Лаврентій изъ Бржезова, см. Бржезова.
 Лаврентичъ 199. 200.
 Лавровскій, Ник. 69. 980.
 Лавровскій, П. А. 35. 36. 140. 166. 248. 307. 310. 311. 351. 781. 904. 940.
 Лагуна, Стославъ 468.
 Лазаревичъ 211.
 Лазаревичъ, Лазаръ 225.
 Лазаревскій, А. М. 396.
 Ламанскій, В. И. 54. 96. 102. 104. 126. 140. 236. 310. 311. 439. 474. 812. 816. 819. 932. 940. 943. 1001.—2.—33.—34.—68. 1110.. 1119. (Доп.)
 Ланга, Янъ 1076.
 [Лангбекъ 1067.]
 Лангеръ 962. 1054.
 Лани, Элиашъ 913. 1016.
 Лебедевъ, И. 1068.
 Лебедкинъ, Мих. 306.
 Леваковичъ, Рафанъ 173.
 Левенфельдъ, 488. 490.
 Левецъ (Доп.)
 Левицкий, Ив. 382. 432. 434. 436.
 Левицкий, Иосифъ 410. 411. 416. 423. 446.
 Левицкий, О. 307.
 Левицкий 64.
 Левстикъ 293. 294. 296.
 Левченко, М. 308.
 [Легисъ-Глокселихъ 940.]
 [Лежанъ 11. 12. 48. 138. 146.]
 [Леже, Луи (Leger) 35. 36. 784. 974.]
 [Лейбницъ 1066.—67.]
 Лелевелъ, Иоакимъ 319. 454. 574. 611. 628—632. 634. 636. 650. 658. 686. 689. 750. 768.
 Ленартовичъ, Теофилаъ 774. 775.
 Ленгнихъ 455. 549.
 Ленцъ, А. 894.
 Леонидъ, архим. 67. 94.
 Леонтовичъ 165.
 Лепаржъ 908.
 Лепаржъ, Янъ 995.
 [Лербергъ 1100.]
 Лермонтовъ 227. 236. 296. 966. 996.
 [Лескини, Leskien, 87. 1073.—74]
- Леша, Степанъ 1018.
 Лещинскій, Станиславъ 546. 547. 552.
 Лещинскій, Филоея 339.
 Либельтъ, Карлъ 732.
 Либенфельсъ 233.
 Ливчакъ, О. 426.
 Ливгартъ, Антонъ 283. 291. 292. 1101.
 Линда, Иосифъ 806. 814. 816. 940. (Доп.)
 Лянде, С. Богум. 402. 447. 455. 595. 596. 1102.
 Липинскій 445.
 Липинскій, Тимотеусъ 455.
 Липскій, Андрей 532.
 Липы, изъ, Янъ 1087.
 Лисенекскій, Сим. 416.
 Лисенко, Н. В. 396.
 Литомержницкій, Гиларій 872.
 Литомышльскій, еп. Янъ 858.
 Лихардъ, Данилъ 1046—1048.
 Лобковичъ, Богуславъ, Гашинштейнскій 874. 875. 877—879. 892.
 Ловичъ 1023.
 Ловричъ, Дзюв. 165. 270.
 Лодий, Петръ 413.
 Лошинскій, I. 411. 416. 428. 446.
 Локвистъ, см. Гуска.
 Ломницкій, Симонъ, изъ Буда 894—896. 927.
 Лоначевскій, А. И. 396.
 Ломоносовъ, М. В. 164. 349. 351. 393.
 Лоосъ, Иос. 1003.
 Лопатинскій, Теофилактъ 339.
 [Лотце, Германъ 1073.]
 [Лохнеръ 855.]
 Лушицкая, Венцеслава 982.
 Лукавецъ, Янъ 866.
 Лукаричъ, Франъ 178.
 Лукашевичъ, Леславъ 453.
 Лукашевичъ, Платонъ 393. 446.
 Лукашевичъ, Иосифъ 319. 332. 403. 522.
 Лукашъ, чешскій „братъ“ 887. 888. 893. 899.
 Лупачъ 827. 876. 902.
 Луцкановичъ М. (Доп.)
 Луцкій 164. 174. 1100.
 Лучичъ, Ганнибалъ 182. 183. 185. 248.
 Лучкай, Михаиль 411. 446.
- Лысковскій, Игнатій 780.
 Лѣськевичъ, Н. 434.
 Любенскій, Андрей 1080.
 Любичъ 185. 260. (Доп.)
 Любовскій 777.
 Любомыръ Гердеговацъ, см. Мартичъ.
 [Люцовъ 1087.]
 Лямъ, Янъ 777.
 Лящевскій, Варлаамъ 346.
- Мавро Орбини, см. Орбини.
 Магарашевичъ, Юрій 159. 208. 220.
 Магнушевскій 694.
 Мажураничъ, Антонъ, 138. 166. 189. 249.
 Мажураничъ, Иванъ 189. 244. 249. 250. 254. 256. 279. 296. 996. (Доп.)
 [Майерсъ, К. 283.]
 Майеръ, Рудольфъ 976.
 [Майлатъ 1003.—12.]
 Майковъ, А. А. 139. 153. 159. 236. 256. (Доп.)
 Майоркевичъ, Янъ 453.
 Макарий (Булгаковъ) 94. 382.
 Максимовичъ, Иоаннъ 339. 345.
 Максимовичъ, М. А. 310. 346. 351. 364—367. 373. 392. 393. 414—416. 430. 445.
 Максимовъ, С. В. 88. 397.
 Макушевъ, Вик. 4. 47. 140. 165. 187. 190. 193. 228. 231. 281. 804. 812. 816. 822. 932. 948. 1119.
 Малаваничъ, Фр. 295.
 Малевскій 628. 633.
 Малетичъ, Юрій 226. 256.
 Малешевацъ, Иванъ 286.
 Малиновскій, М. Русинъ 429.
 Малиновскій, М. пол. пис. 634. 650.
 Малиновскій, Николай 761.
 Малиновскій, Фр. (Доп.)
 Малишкевичъ, Ад. Мелешко 563.
 Малинъ, Якубъ 996. 990. 940. 957. 964. 967. 1065.
 Мальчевскій, Антонъ 615—619. 623. 625. 712. 995.
 Малецкій, Антонъ 20. 453. 455. 456. 474. 528. 541. 645. 677. 713. 774.
 Манчевъ Д. 123.
 Марекъ, Янъ-Индрихъ 964. (Jan z Hnědy).

- Марешъ, Фр. 900.
 Маринковичъ 226.
 Маркевичъ, Н. А. 307.
 341. 345. 346. 394.
 Марковичъ, Яковъ 353.
 Марковичъ, М. А., г-жа
 (Марко-Вовчокъ). 332.
 387. 432.
 [Мармъ, Кс. 228.]
 Марта, панна 875.
 Мартинекъ, см. Гуска.
 Мартинецъ, Яр. 977.
 Мартинчичъ 181.
 Мартинъ 888.
 Мартинъ, Григорій 1074.
 Мартинъ Галлъ, см. Галлъ.
 Мартичъ, Грго (онъ же
 Любомиръ Герцеговацъ,
 Радованъ, Ненадъ По-
 знановичъ) 279. (Доп.).
 Маруличъ, Марко (Ма-
 рули) 174. 178. 180. 181.
 183.
 Мардинковскій, Альбертъ
 747.
 Масловъ, В. 370.
 Матвѣй изъ Янова, см.
 Яновскій Матвѣй.
 Матей, Дьуро 266.
 Материна, Йсько, см. Бо-
 дяскій.
 Матисовъ 406.
 Матичъ 226.
 Матиевичъ, Степ. 176.
 Матковичъ, Петръ 260.
 Маттеи 1076.
 Матуличъ 181.
 Матушевичъ, Марцинь
 544. 549.
 Маха, К. Г. 962. 964. 972.
 Махачекъ, С. 963.
 Мачевичъ 453.
 Маденауръ, Ант. 994.
 Мапуъ, Ив. 283. 296.
 Мацвевскій, В. А. 4. 324.
 332. 453. 456. 504. 513.
 596. 1068. 1104.
 Мачай, Александръ 1019.
 Машекъ (Доп.).
 Машъ, Матія 296.
 Медаковичъ, Данилъ 139.
 206. 227. 235.
 Медаковичъ, Милорадъ
 227. 228.
 Медо-Пучичъ, графъ, по-
 итальянски *Orgato-Poz-
 za*, 180. 253. 256. 280.
 Межовъ, Влад. 370. 410.
 [Мейнертъ 1100.]
 Мейснаръ, Игн. 995.
 Мейчетичъ, Владиславъ
 191.
 Менчетичъ - Влаховичъ,
- Шинко 179. 181. 182.
 264.
 Менчетичъ, Шинко, млад-
 шій 191.
 Мѣнь 1077.—79.
 Мерчеричъ 287.
 Месичъ, Мато 165. 260.
 Метелко, Ф. С. 283. 293.
 Метлинскій, Амвр. 362.
 364. 393.
 Метъ Теделниъ 1080.
 Мехержинскій 453. 468.
 Меоодій, св. 11. 35 — 42.
 53. 54. 55. 56. 166. 167.
 172. 285. 456. 787. 801.
 803. 804. 1004. (См. еще:
 Кириллъ и Меоодій).
 Мизлеръ, Лавр. 548.
 [Михали 166.]
 Миклошичъ, Фр. 4. 20. 36.
 37—39. 54. 61. 97. 140.
 236. 237. 260. 262. 265—
 267. 281. 285. 297. 299—
 301. 310. 311. 351. 411.
 812. 814. 914. 932. 993.
 1068.—72. 1115—19.
 Миклушичъ, Тома 200.
 944. 945.
 Миковецъ, Ферд. 964.
 Микочи 165. 1101.
 Микучичъ 281.
 Микуцкій, С. 1068.
 Микшичекъ, Матѣй 1057.
 Миладиновы, бр. Дм. и
 Бонст. 118. 129. 130. 263.
 993. (Доп.).
 Милаковичъ, Д. 228. 230.
 232. (Доп.).
 Милетичъ, Светоз. 235.
 236.
 Милисавлѣвичъ (Доп.).
 Миличевичъ, Миланъ 12.
 139. 238. 264. (Доп.).
 Миличъ, Янъ 791. 837.
 838. 839. 846. 884.
 Милковскій, Сигизм. 775.
 Миллеръ, Всеволодъ 134.
 Миллеръ, Гер.-Фр. 1100.
 Миллеръ, О. О. 27. 397.
 Милоевичъ 130. 280. (Доп.).
 Милутиновичъ, Сима 139.
 222—225. 228—230. 279.
 1068.—80. 1105—06.
 Мильчетичъ (Доп.).
 Мирко Петровичъ, 231.
 278.
 Мирковичъ 12.
 Миропольскій 908.
 [Митгофъ, Георгъ 1066.]
 Митисъ, Томашъ 876.
 Митровицъ, изъ, Брати-
 славъ, 264. 903. 927.
 Михайловичъ, Дим. 227.
- Михайловскій, Н. болг.
 пис. 123.
 Михалекъ, А. 996.
 Михалекъ, Мартинъ 893.
 Михаловскій, Вареоламей
 748.
 Михалонъ, Литвинъ 323.
 Михальевичъ-Буничъ, Лу-
 ка 194.
 Михальевичъ, Г. 195.
 Мицкевичъ, Адамъ 3. 253.
 280. 362. 402. 452. 453.
 480. 482. 556. 559. 601.
 604. 609. 611. 612. 621.
 623. 628. 631. 634—676.
 679. 681. 683—685. 689.
 690. 693—695. 697. 700.
 707. 720—726. 733. 734.
 740—743. 754. 764. 768.
 961. 967. 976. 995. 1105.—
 07.
 Мицкевичъ, Алекс. 770.
 Мицкевичъ, Ладиславъ
 634. 636. 674.
 Миятовичъ, Чедом. 99. 140.
 238. 264. (Доп.).
 Миятовичъ, Э. Л. г-жа
 140. 281.
 Мишковичъ 282.
 Младеновицъ, изъ, Петръ
 857. 871.
 Млака, Данило 434.
 Мовинскій, Михайлъ см.
 Красицкій, Игн.
 Могила, Амросій см. Мет-
 линскій.
 Могила, Петръ, митр. 332.
 335—339. 344. 523.
 Могиляницкій, Антонъ
 427.
 Модржевскій, Андрей
 Фричъ 474. 496.
 Мозигъ фонъ-Эренфельдъ
 см. Клосопольскій.
 Мойзесь, Стефанъ, см.
 1041.—48.
 Молдеръ, Альбинъ 1074.
 Момчиловъ, Ив. 97. 123.
 Монсе 988.
 Моравецъ 784.
 Моравецъ, Мартинъ см.
 Гуска.
 Моравскій, Теодоръ 454.
 Морачевскій, Андрей 454.
 750.
 Мордвиновъ, Влад. 406.
 Мордовцевъ, Д. Л. 370.
 382. 394.
 Моревскій, Францъ 750.
 Морешкинъ, Мих. 603.
 Морштынъ, Андрей 530.
 531. 540. 541. 552.
 Морштынъ, Иеронимъ 540.

- Морштынь, Станиславъ 540.
 Моурекъ, В. Е. 785.
 Мохнацкій, Маврикій 611.
 Мохнянь, А. Н. 137.
 Мошовскій, Иржигъ, см. Тесагъ.
 Мошовскій, Мих. см. Инститориць.
 Мразовичъ, Авр. 204.
 Мронговіуць 780—782.
 Мстиславецъ, Петръ 325.
 Мужилловскій, Андрей 333.
 Мука, Эрнестъ 1088.
 Мурко 283, 292. 293.
 Муршець, І. 295.
 Мустаковы 109. 114.
 Мустиновичъ, Ст. 429.
 Мутіевъ, Д. 118. 123. 128.
 Мухаръ 283.
 Мучковскій, Іосифъ 500. 501.
 Мушицкій, Лукіанъ 219. 220. 225. 1105. (Доп.).
 Мухкатировичъ, Іов. 211.
 Мѣховита 514. 1100.
 [Маккензи и Ирби, г-жи 47. 103. 114. 138. 264. 280. (Доп.)].
 [Мюллеръ, Максъ 5].
 Мольштейнова, Берта 980.
 Мярка, Карлъ 779.
 Мясковскій, Касперъ 496.
 Надеждинъ, Н. Ів. 20. 952.
 Надлеръ, В. 833.
 Найденъ Геровъ см. Геровъ.
 Нальешковичъ, Никола 178. 186.
 Наленчъ - Корженіовскій, Аполлонъ 775.
 Нарбуттъ, Теодоръ 319. 323. 343. 403. 454. 749.
 Наржимскій 777.
 Нарушевичъ, Адамъ 454. 558. 572—580. 588. 599. 633. 1101.
 Нарѣжнй 350.
 Наталичъ 181.
 Наумовичъ, Иванъ 405. 425. 428. 431.
 Наумъ, одинъ изъ седми- численниковъ 54.
 Небескій, Вапл. 815. 825. 830. 893. 931. 933. 966. 991. 992.
 Невоструевъ, Капитонъ 54. 56. 319. 804.
 [Неймаиъ 12].
 Некрасовъ, Ів. 815.
 Некрасовъ, Н. А. 434. 967. 995.
 Нелли, Анджело 187.
 Неманя, Стефанъ см. Стефанъ Нем.
 Ненадовичъ, Любомиръ 227. 230. 234.
 Ненадовичъ, Павелъ 202.
 Неновичъ, Василій 109.
 Неофитъ, Бозвели, Хилендарскій 114. 116. 117.
 Неофитъ, Рымльскій 96. 113. 114. (Доп.).
 Нерингъ, Влад. 453. 541. 662. 665. 777. 1073.
 Неруда, Янъ 975. 976. 980. 985.
 Несепкій, Касперъ 549.
 Несторъ, лѣтон. 30. 57. 283. 304. 308. 309. 317. 343. 410. 468. 960. 1000.—62. 99.
 Нечуй см. Левицкій, Ів.
 Нечуй-Вітеръ, А. 382.
 Нечуй-Коховскій см. Коховскій.
 Неѣдлый, Войтѣхъ 927. 928. 929. 1024.
 Неѣдлый, Янъ 927. 928. 929. 930. 936. 937. 956. 1024.
 Никетичъ 140.
 Николаевичъ, Юрій 222. 232.
 Николай, кн. черног. 231.
 Николичъ, А. 140. 158. 221. 280.
 Никонъ, патр. 348.
 Новаковичъ, Стоянъ 79. 89. 102. 140. 150. 153. 158. 159. 161. 176. 220. 235—238. 260. 277. 280. 281. 370. (Доп.).
 Новиковъ, Евг. 804. 883. 890. 1072.
 Новицкій, Ів. 397. (Доп.).
 Новичъ, 234.
 Новка 1089.
 Новосельскій, Антонъ 747. [Нодъ, Шарль 270. 272].
 Номисъ, М. Т. 382.
 Норвиды, Людвигъ и Бяпріанъ 750.
 Носовичъ 404.
 Носъ, Ст. 382.
 Нудожерскій, Лаврентій, Бенедикт. 894. 906. 913. 1016.—32.
 Нѣгошъ, Петръ, см. Петръ П.
 Нѣмецъ, Петръ, см. Жатецкій.
 Нѣмцевичъ, Юліанъ - Урсинъ 556. 589. 590. 600. 606. 685.
 Нѣмпова, Божена 965. 966. 969. 1087.—55.
 Нѣмчичъ 250.
 Оболенскій, кн., сотрудникъ Курбскаго 330.
 Оболенскій, М. А. 332.
 Обрадовичъ, Доснѣй 205—211. 216. 239. 242. 243. 255. (Доп.).
 Обрадовичъ 282.
 [Обристь, Георгъ 370].
 Обручевъ, Н. 405.
 Огняновичъ, Е. 114.
 Огоновскій, Ом. 370. 415. 431. 436. (Доп.).
 Огряво, Іосафатъ 541. 548.
 Одилицкій, см. Почобутъ.
 Одивецъ, Эд. Ант. 611. 615. 684... 677. 741.
 Окольскій 342.
 Овэнцкій 501.
 [Олесарій 348. 1100].
 Одельковичъ, Дм. 382.
 Олзаровскій, Фома 742.
 Оломудскій, Августъ 874. 875. 888.
 [Ольбрехтъ 3].
 Олѣска, изъ, Вацлавъ 414. 416. 436. 445. 446. 455.
 Опалинскій, Христофоръ 532.
 Опатовицкій монахъ, лѣт. 890.
 Опатовичъ, Стеф. 383.
 Опатъ, Бенегъ 875.
 Орбини Мавро (Орбинъ, Урбинъ) 106. 178. 187. 197. 1100.
 Оржельскій, Свентославъ 514.
 Оржековский, Станиславъ 474. 505—507. 764.
 Оржешко, Элиза 777.
 Орлай 406.
 Орсаъ Почичъ, см. Медо-Пучичъ.
 Орфелинъ, Захарій 204.
 Осадца 411.
 Осинскій, Людвигъ 601. 613. 691.
 Основьяненко, см. Кытка.
 Осокинь, Н. 64.
 Осостовичъ - Стрышковскій, см. Стрышковскій.
 Осодлянскій 415. 416.
 Оссолинскій, Іос., гр. 1101.
 Остапешскій, Спирид. 436.
 Островскій, В. 456.
 Острожскій, Константинъ, кн. 330. 331. 338. 339. 411.

- Остророгъ, Янъ 469. 470
474.
Отвиковскій, Эразмъ 543.
Оттерсдорфа, изъ, Сиесть,
см. Сиесть.
- Павинскій, А. 544. 1067.
—68.
Павичъ, Арминъ, 166. 183.
260. 263. 280. 308. (Доп.).
Павлиновичъ, Мих. 231.
234. (Доп.).
Павлова, К. К. (урожд.
Енишь или, въриѣ,
Янишь) 652.
Павловичъ, Александръ
442. 446. 447.
Павловичъ, Ив. 156. 238.
Павловичъ, Стеф. 296.
Павловичъ, Тодоръ 220.
221. 243.
Павловичъ, Христаки, Дуп-
ничанинъ 96. 108. 114.
Павловскій, Ал. 307. 415.
Павловъ, Платонъ 307.
Павонскій, Петръ, см.
Скарга.
Пагловицъ 290.
Падалица см. Фипгъ, Зе-
нонь.
- Падуря, Тимко (собствен-
но Ёома) 438. 619.
Пансій, іеромонахъ 90.
106—108. 127. (Доп.).
Пансій, пнс. серб. 157.
Панчъ, 228.
Палаузовъ, Н. 118.
Палаузовъ 995.
Палаузовъ, Спиридонъ 13.
54 55. 90. 97. 101. 117. 128.
Палацкій, Франт. 4. 159.
784. 800. 809.. 815. 819.
822. 881. 832. 834. 837.
839. 846. 858. 868. 870.
872. 878. 882. 890. 891.
897. 908. 925. 931. 936.
988. 941.—949. 952. 955.
958. 959. 969. 970. 986—
990. 997. 1082.—51.—68.
80.—83. 1103.—04.—15.
Палечъ, Степанъ 857. 858.
Пальвода-Карпенко 482.
Палковичъ, Юрій, катол.
Словакъ, 1020.—21.
Палковичъ, Юрій, Словакъ
протест. 928. 929. 936.
945. 1023. — 24. — 27.—
28.—30.—32.—39.
Пальмотячъ, Ювій 185.
189—191. 264. (Доп.).
Пальмотичи, Юрій и
Яновъ 190.
Паларикъ, Янъ 1045.—46.
- Памва Беринда 329. 337.
Панайотъ см. Хитовъ.
Панъ 1089.—90.
Папаличъ 181.
Папроцкій, Бартошъ 514.
835. 902. 903.
Парапатъ, Янежъ 296.
Пардубицъ, изъ, Смиль
см. Смиль.
Паркошъ, Янъ 470.
Партицкій, Омел. 370. 431.
432. 436. 437.
Парумъ - Шульце, Янъ
1066.
Паричъ 166.
Пареній Зографскій 128.
Пассекъ, Янъ 528. 530.
543. 544.
Пастричъ, Янъ 173.
Патера, Ал. 804. 812. 819.
820—822. 932.
[Патонъ, А. А. 47. 138].
Паулини-Тотъ, Вильямъ
1034—40. 1042—1047.
Паулиринусъ, см. Жидекъ.
Пачу, Л. (Доп.).
Певарскій, П. П. 328. 332.
340... 350.
Пеллагичъ, Васа (Доп.).
Пелегриновичъ 185.
Пельгржимова, изъ, Нико-
лай, Бискупецъ 865. 866.
881.
Пельбель 908. 915. 917.
921—924. 927. 930. 936.
958. 1101.
Первольфъ, I. I. 21. 30.
587. 595. 931. 945. 994.
995. 1064.—67.—68. 1119.
Пергошичъ, Иванъ 198.
Пержина, Фр. Яр. 785.
Петковичъ - Дмитриевъ,
Константинъ 59. 228.
Петрановичъ, Боголюбъ
277. 279.
Петрановичъ, Божидаръ
или Тодоръ 64. 222. 232.
253. 261. (Доп.).
Петрановичъ, Герас. 222.
232.
Петренко 363.
Петровичъ, Василій, влад.
черног. 228.
Петровичъ, Л. (Доп.).
Петровскій, М. П. 137.
250. 272.
Петровъ, Н. 139. 391. (Доп.).
Петрушевичъ, Ант. 406.
435. 436. 812. 816. 932.
Петръ II Петровичъ, Нѣ-
гошъ 224. 227—230. 233.
234. 278. 279. 1106.
Пехникъ, Александръ 662.
- Пехъ, пасторъ луж. 1077.
Пехъ, Янъ-Богунъ 1085.
—86.
Пенина, Томашъ, изъ Че-
хорода 916.
Печатевичъ 139. 158. 1101.
[Пико, Picot, 140. 158. 241.
257].
Пиларикъ, Степанъ 913.
1016.
Пиларъ 784.
Пилатъ 583. 777.
Писаревскій, 363.
Писарскій, Ахатій 532.
Писаръ, Бартошъ см. Бар-
тошъ.
Писецкій, Вацлавъ 879.
Пискуновъ, Ф. 308.
Пицекъ, В. Яр. 961.
Пичъ, Іос. Лад., 952. 995.
1002.—03.—14.—19.—
32.—34.—38.—39. (Доп.).
Платеръ 17.
Плахий, Андрей 1018.
Плахий, Юрій (Fergus) 916.
Плетершникъ, 12. 293.
Плетневъ, П. А. 373.
Плиска, Максимъ 341.
Плоль-Гердвиговъ 281.
Плючанскій, В. 425, 426.
Пльзенскій, Прокошъ 856.
857.
Побѣдоносцевъ, К. 903.
Поглянь, Маркъ 291.
Погодинъ, М. П. 35. 37.
310. 351. 938. 943. 952.
1034.—83.—97. 1102.
1110. (Доп.).
Подлинская, Софья 982.
Подлинскій, д-ръ 998.
Поднавнишній 302.
Подѣбрадъ Гинекъ 893.
Познановичъ, Ненадъ см.
Мартичъ.
Покорный, Руд. 979. 1036.
(Доп.).
Полевой, Н. А. 647.
Поликарповъ, Ѳеодоръ 329.
Полонскій, Я. П. 370.
Полоцкій, Симеонъ 339.
345.
Поль, Вик. 753—760. 764.
Поль (Pohl), Янъ-Вацлавъ
917.
Польжицъ, Гарантъ, см.
Гарантъ.
Полякъ, Милота-Здирадъ.
960. 961.
Попарковъ 119.
Половичъ, В. 123.
Половичъ, Гавр. 226.
Поповичъ, Иванъ 292. 293.
Поповичъ, Іов. Ст. 222. 225.

- Поповичъ, Милошъ 221.
 225. 235.
 Поповичъ, Матвій 286.
 Поповичъ, Памта (Доп.).
 Поповичъ, Райно 114.
 Поповичъ, Стеф. 236. 279.
 (Доп.).
 Поповичи, братья 280.
 Поповъ, Алекс. Н. 228.
 230. 262. 272. 323.
 Поповъ, Андрей 54. 57.
 83. 90... 96.
 Поповъ, Нилъ Ал. 135.
 139. 442. 938. 945. 948.
 952. 990. (Доп.).
 Порфирій Успенскій 59.
 Порфирьевъ, И. 69.
 Посиловичъ, Павелъ 176.
 Пососковъ 348.
 [Поссартъ 139].
 Постъ 1089.
 Потебня, А. 20. 308. 311.
 351. 390. 993.
 Потоцкій, Вацлавъ 531—
 537. 568.
 Потоцкій, гр Янъ 1066.
 1101.
 Поточникъ, Блаже 294.
 Почобуть 556. 603.
 Правда, Фр., см. Глинка,
 Войтъхъ.
 Правзицкій, Спиридонъ,
 см. Красинскій.
 Правдовскій см. Камен-
 скій, Генрихъ.
 [Прангеръ 283].
 Праусъ 252.
 Прахатицкій, Христіанъ
 856.
 Прачъ 1054.
 Првановъ, Н. 97.
 Прейсъ, П. 39. 262. 272...
 276. 280. 781. 1104.—07.
 Прелучъ, изъ, Оома 888.
 Прерадовичъ, Петръ 253.
 254. (Доп.).
 Пресль, Янъ-Сватошлукъ
 937. 946.
 Преторій 1076.
 Префать, изъ Волканова.
 927.
 Прешернъ, Франц. 298.
 294. 299. (Доп.).
 Пржездецкій, Алекс. 468.
 Пржедавскій, Јосифъ 634.
 650. 652. 746.
 Пржиборовскіе, В. и І. 454.
 488. 500. 619. 677.
 Пржиэнцкій, Стан. 532.
 Прибрамъ, Янъ 857. 858.
 859. 865.
 Пропоповичъ, Теофанъ
 187. 339. 340. 346. 349. 353.
- Пророкъ, аббатъ 803.
 Пророкъ, лѣт. 872.
 Пророкъ, чешскій „братъ“
 888.
 Протива, Янъ 858. 881.
 Прохазка, Л. 461.
 Прохазка Фаустинъ 831.
 832. 921—923. 927.
 Пруно, Янъ 1015.
 Прыжовъ, И. 308. 365.
 Псевдо-Конисскій см. Ко-
 нисскій.
 Пубичка 946.
 Пулдава 831. 832. 870.
 927. 1099.
 [Пульскій 951. 1012].
 Пурвине 906. 956. 957.
 1081.—82.
 [Пуфендорфъ 342].
 Пухмайеръ, Ант. Яр. 927.
 929. 935.
 Пучичъ, Медо см. Медо.
 Пушкениъ, А. С. 218. 236.
 237. 253. 272. 295. 362.
 366. 387. 393. 416. 426.
 609. 635. 638. 650. 651.
 656. 669. 675. 679. 722.
 966. 976. 995.
 Пфеффингеръ, Јог. 1066.
 Пфлегеръ-Моравскій, Гу-
 ставъ 976. 980. 982.
 Пфулъ 20. 1068.—72.—84.
 —87.
 Пянь Петръ, Англичанинъ
 858. 864. 881.
 Пясецкій, Павелъ 542.
- Рабштейна, изъ, Янъ 874.
 Равникаръ 293.
 Радзивиллъ, Альбрехтъ
 543.
 Радивилловскій 339.
 Радичевичъ, Бранко 227.
 233. 234. (Доп.).
 Радичевичъ, Филиппъ 280.
 (Доп.).
 Радинскій, Андрей 1045.
 —46.—48. (Доп.).
 Радованъ см. Мартичъ.
 Радолинскій, А. 429.
 Радославовъ (Доп.).
 Радостова, изъ, І. Б. 1055.
 Радуловъ, С. 128.
 Райковичъ, І. 227.
 Райковичъ, Д. (Доп.).
 Ранчъ, архим. 48. 139. 158.
 159. 204. 205. 209. 211.
 212. 264. 1101.
 Раичъ, Викентій 212.
 Раковецкій, Игнатій 596.
 814. 1101.
 Раковецъ, Драг. 244. 248.
 Раковскій, Георгій Стой-
- ковъ 13. 109. 118. 123—
 125. 129. 130. 135. 136.
 1105. (Доп.).
 Раковскій, Ив. 442.
 [Рамбо, Альфр. (Доп.)].
 [Ранке, Леоп. 139. 144.
 145. 215. 262].
 Ранкъ, Јос. 785.
 Раньина, Динко 182. 186.
 187. 248. 264.
 Рапацкій, Вл. 405.
 Раткай, Юрій 199.
 Раутенгрантъ, Јос. 928.
 Рафай 199.
 Рачинскій, Э., графъ 590.
 Рачій, Франьо 35. 54. 64.
 139. 165. 282. 258. 259.
 261. 282. 959. 960. 1119
 (Доп.).
 [Рауль, Густавъ 228].
 Раячичъ 139.
 Резекъ, Ант. 916. 993.
 Рей, изъ, Нагловиць 482
 —488. 491. 666.
 [Рейнбергеръ, бар. 1060].
 Рельковичъ, Јос.-Ст. 195.
 Рельковичъ, Матія - Ан-
 туъ 195. 204. 267.
 Рембовскій 546.
 [Реппелъ 455. 551].
 [Реслеръ 1081].
 Ретгаль 36.
 Ржевускій, Генрихъ 646.
 650. 654. 665. 693. 742—
 749. 766—768. 967.
 Ржевускій, Северинъ 588.
 Ржига (Доп.).
 Ржонжевскій, Ад. 537. 770.
 Рибай, Юрій 1019.—23.
 Ригельманъ 354. 394.
 Ригеръ, Фр. Лад. 4. 800.
 948. 997.
 Римавакскій, Јанко, см. Фран-
 цисцї.
 Ристичъ, І. 140.
 Ристичъ, Коста 280.
 Риттербергеръ, Людвикъ
 965. 971.
 Риттеръ, см. Вязезовичъ
 Риттихъ, А. 405.
 Рихтеръ, Игн. 456.
 Рихтеръ, П. (Рыхтаръ)
 1088.
 [Робертъ, Сиприенъ 47. 138.
 742].
 [Робинсонъ, г-жа, см. Таль-
 ви].
 Робовскій, А. 123.
 Ровинскій, П. А. 262. 272.
 Рожмитагъ, изъ, Левъ 903.
 Рожная 929.
 Роза (Ружичъ), Степанъ
 174. 196.

- Розенбергъ, панъ 832.
[Розенъ 132. (Доп.)].
Розенъ, В. (Доп.).
Розенъ, Н. (Доп.).
Розкоханый 818.
Розумъ 903.
Рокицана 834. 859. 866.
872. 881. 887.
Ролие 712.
Роля 1088.
[Рореръ 1002].
Роса, Вацлавъ 917.
Роскевичъ 12. 138.
Ростовскій, Дмитрій 839.
345. 848. 853.
Ростокъ 1064.
Рубанъ, В. 307.
Рубешъ, Фр. Яр. 961. 964.
Руваратъ 157.
Рудавскій, Лаврентій 542.
Руданскій, Ст. 382. 434.
Рудный, Алекс. 1020.
Рудченко, И. Я. 396.
Ружницкій, Карлъ 673.
Ружичъ, см. Роза.
Руликъ, Янъ 927. 938.
Руссовъ, А. А. 396.
Рыбича, Ант. 816. 877.
928. 936. 994.
Рыбниковъ 26.
Рыгъевъ, К. Ф. 295. 995.
Рымаревичъ 777.
Рыхлицкій, см. Двѣду-
шницкій.
Рѣсенецъ (Дом.).
- Сабина, Карлъ 785. 961.
962. 964. 965.
Сабляръ 243.
Сабовъ, Бирнлъ 442.
Сава, седмичисл. 54.
Сава, св. серб. 142. 154.
155. 156. 237.
Савчинскій 425.
Сагайдачный, см. Кона-
шевичъ.
Садникъ-пана, см. Чай-
ковский, Мих.
Сазавскій, монахъ 830.
Савовичъ 332. 336. 344.
Салатичъ, Иванъ 194.
Самаринъ, Юрій 340. 375.
Самецъ, Максим. 296.
Самовидецъ 307. 341. 342.
354. 866. 394. (Доп.).
Санока, изъ, Григорій, см.
Григорій.
Сапоцкій, Мих. 326.
Сапуновъ, Петръ 109.
Сарбѣвскій 532.
Сарницкій 390.
Сасинекъ, Фр. Вит. 1003.
—19. 1047—1049.—60.
- Сатановскій, Аросвій 337.
Сафоновичъ, Θεодосій 337.
343.
Свентоховскій 777.
Свенцицкій, Павлинъ 436.
437.
Светичъ, Милошъ см. Хад-
жичъ.
Светликъ, Юрій-Гавштынъ
1075—1076.
Свидерскій, Титъ 541.
Свѣй, Павелъ см. Свен-
цицкій.
Свобода, В. 815. 816. 940.
941. (Доп.).
Свѣтлая, Каролина (Му-
жакова) 979—982.
Себерини 1023.—32.
Селянъ 165. 246. 247.
Семеновскій, Луцианъ 615.
619. 641. 655. 657. 751.
Сементовскій, А. И. 396.
404.
Семанъ, Мих. 1018.
Семъ-Шаржинскій, Ни-
колай 495.
Сенековичъ, М. 195.
Сенкевичъ, Генрихъ 777.
Сенковскій, О. 633. 650.
[Сень-Блеръ 47.]
Серафимъ, изъ Эски-За-
гры 109.
Сиесть, изъ Отгердорфа
835. 897.
Сильванъ, Янъ 1015.
Симеонъ, царь болг. 49.
50. 53—56. 92. 93.
Симеонъ, Суздальскъ 1089.
Симонидъ, см. Шимно-
вичъ.
Симоновскій, Петръ Ив.
307. 353. 354. 394.
Синапусъ, см. Горчичка.
Ситнянскій, см. Трухлий.
Скабалановичъ, М. 333.
Скала изъ Згоржи, Па-
велъ 904. 912. 913. 988.
Скальковский, А. 307.
Скарга, Петръ, иез. 333.
506—513. 529. 578. 596.
916.
Скаршевскій 531.
Сковорода 356.
Скоморовскій, К. 428.
Скорина, Францискъ 323.
324. 325. 328. 411.
Скрейшовскій, Фр. 997.
Скрейшовскій, Янъ 997.
Славата, Вилемъ 894. 914.
988.
Славяковъ, Петко Рай-
човъ 102. 118. 121. 122.
128. (Доп.).
- Славинецкій, Елифаній
337. 339.
Сладекъ, Иос. — Вацлавъ
979.
Сладковичъ, А., Браксато-
рисъ 1087.—38. 1105.
Сладковскій 997. 998.
Словацкій, Евсевій 628.
677.
Словацкій, Юлій 452. 645.
649. 672. 677... 740. 749.
758. 765. 767. 973. 995.
Сломшекъ, Ант. 294. 297.
Слопуховскій, Андрей, изъ
Слуца 471.
Смилъ изъ Пардубицъ,
Фланка 826—829. 831.
836. 938.
Смирновъ, И. Н. (Доп.).
Смирновъ, I. 69.
Смирновъ, М. 406.
Смолеръ, Янъ-Эрнестъ
(Schmalzer) 4. 303. 1072.
—81.—89.—92. 1106.
Смолицъ, Иос. 994.
Смотрницкій, Мелетій 202.
203. 329. 333. 339.
Сняденцкій, Андрей 601.
633. 680.
Снядецкій, Янъ 556. 588.
592. 593. 601—605. 611.
628. 630. 638. 645. 658.
Соболевскій, С. 647. 656.
Соботка, Прии. 995. 1060.
Совинскій, Л. 370.
Совичъ, Матія 173. 174.
Соколовъ, Авдѣй 815.
Сомоловъ, Матвѣй (Доп.).
Соларичъ, Павелъ 211.
Соловьевъ, С. М. 306. 307.
348. 551. 632.
Солтановичъ 180.
Сопиковъ 323.
Сорочевичъ 192.
Сорочевичъ, Петръ 189.
192.
Софроній, еп. Врачанскій
108. 109. 137.
Спасичъ, М. 226. 238.
Спасовичъ, Вл. Д. 544.
753.
Срезневскій, И. И. 4. 20.
37. 39. 54. 56. 69. 70.
102. 184. 153. 217. 218.
237. 272. 307. 310. 364.
367. 393. 406. 804. 811.
812. 816. 819. 981. 940.
943. 951. 1058. — 68. —
71.—72.—75.—82. 1104
—06.—07.—10.
Срезъковичъ 158. 298. 282.
Стадницкій, К. 406.
Стальмахъ, Карлъ 779.

- Стаматовичъ, Пав. 221.
 Станекъ, В. 943.
 Станиславовъ 102
 Станковскій 981.
 Станичъ, Вал. 294.
 Станчевъ, Т. X. (Доп.).
 Старицкій, М. 272. 383.
 Старовольскій, Симонъ
 528. 549.
 Старчевичъ, Антуъ 256
 —258.
 Стахурскій см. Свенциц-
 кій.
 Станекъ, Анталъ 979. 981.
 Сташицъ, Станиславъ 583
 —587. 600. 1105.
 Стеячъ 226.
 Степанъ, Истриининъ 173.
 Стернадъ 935.
 Стефановичъ, Юрій Ко-
 новъ 281.
 Стефанъ Думанъ 28. 143.
 149. 157—159. 179. 274.
 277. 300.
 Стефанъ Неманя 141. 149.
 152—155. 161. 162.
 Стефанъ Первовѣнч. 141.
 142. 149. 154. 156.
 Стойко Владиславовъ, см.
 Софроній Врачанскій.
 Стойковичъ, Ас. 212. 215.
 Стоичъ 178.
 Сторожено, Алексій 378.
 382. 432. (Доп.).
 Сторожено, Андр. (Доп.).
 Стоядиновичева, Милица
 227.
 Стоядовичъ, Анастасъ
 (Кипиловскій) 109.
 Стояновичъ, Милъ 281.
 Стояновъ-Бурновъ 118.
 Стоячковичъ, А. 227.
 Странскій 912. 913.
 Страншевскій, Мавр. 601.
 Стремлеръ, П. 781.
 Стржибра, изъ Якубекъ
 см. Якубекъ.
 Стритаръ (Доп.).
 [Стриттеръ 1100.]
 Стрицъ, Юрій 894. 900.
 Строевъ, П. М. 54.
 Струпажницкій, Лад.
 980. 982.
 Стрѣйковскій, Матвѣй,
 Ососовичъ 343. 514.
 515. 1100.
 Студичкова, Божена 980.
 Стулинъ 166. 1101.
 Ступницкій, Г. 405.
 Субботичъ, Василій 227.
 Субботичъ, Юванъ 140.
 216. 221. 227. 230. 249.
 256. (Доп.).
 Судѣенко, М. 307.
 Сумгоръ, см. Крельмусъ.
 Сундечичъ, Тов. 231. 232.
 234. 255. (Доп.).
 Суровецкій 4. 942. 1101.
 Сухомлинновъ, М. И. 340.
 940.
 Сушиль, Фр. 1053.—56.
 Сушицкій, Самуилъ 900.
 Сушковъ, Н. 113.
 Счастнѣй, Саламонъ 446.
 Сырку, П. А. (Доп.)
 Сырокомли, см. Кошдра-
 товичъ.
 Таблинъ, Богуславъ 928.
 929. 1003.—16. —23. —
 24.—32.
 Таборскій, Иосифъ 927.
 Таборскій, Янъ, чешскій
 „братъ“ 888. 893.
 Таборскій, Янъ, Оловакъ
 1015.
 Таланковичъ 446. 447.
 Тальки, (г-жа Робинсонъ)
 3. 224. 270—272. 278.
 280. 783.
 Тамъ, Вацлавъ 927—929.
 962.
 Тамъ, Карлъ 906. 917.
 918. 927. 928. 962.
 Тареусъ, Андрей 1074.
 Тарновскій, Стан., гр.
 474. 606. 607. 641. 662.
 663. 677. 690. 719. 741.
 776.
 Татомиръ, Лупіанъ 456.
 Твардовскій 342. 582.
 [Тебельки, см. Вейдтель.]
 Текелій, Сава 245. (Доп.)
 Темберскій 391.
 [Теммель 11. 138.]
 Теодоровичъ, Дим. 951.
 Тенловъ (Доп.).
 Терлаичъ, Григ. 203. 211.
 Тернескій 245. 250. 254.
 Терпичъ (Доп.).
 Терстенакъ, Даворинъ
 295.
 Тесалъ, Иржикъ Момов-
 скій 896.
 Тесовскій 117.
 Тешнаръ 1090.
 Тиверай 1076.
 Тироль 221.
 [Тиссо 1072.—90.]
 Тифтрунъ, Каръ 785.
 800. 912. 982. 988. 994.
 Тихій, см. Митясъ.
 Тихонравовъ, Н. С. 54.
 61. 69. 75. 84. 161. 328.
 345. 346.
 Тицинь 1075.
 Тиннова, изъ, Симонъ
 856.
 Ткадичекъ 825. 829.
 Твалацъ, Имбр. 249. 252.
 254. 1115.
 Ткальчичъ, Адольфъ (Ве-
 беръ) 260.
 Ткальчичъ, Ив. 165. 260.
 Товачова, изъ, Цтиборъ,
 см. Цтиборъ.
 Товянскій 621. 624. 634.
 669—673. 726. 727. 733.
 736.
 [Тозеръ 47.]
 Томанъ, Ловро 286.
 Томашекъ, Янъ-Павелъ
 (Вилагошвари) 1012. —
 40.
 Томашикъ, Самуилъ 1040.
 —47.
 Томашичъ, Никола 250.
 Томекъ, В. В. 784. 815.
 831. 833. 969. 986. 987.
 1056.
 Томичевъ, Янъ Сл. 951.
 Томиссо, Ниволо, см. То-
 машичъ.
 Томса, Фр. Янъ 927. 928.
 Тоннеръ, Эмм. 916. 997.
 Топаловичъ, Мато 260.
 Топола, Кирилъ 862.
 Торбаръ 256.
 Тординацъ, Юрій 250.
 Торонскій 432. 447.
 Транквилионъ, Кирилъ,
 Ставорецкій 336. 338.
 344.
 Травновскій, Юрій 913. 1016.
 —17.
 Траянусъ, Вагъ, Жатец-
 кій 876.
 Трдина 283.
 Тредьяковскій, В. К. 416.
 Тржебекій, Станиславъ
 559—562. 566. 573. 580.
 588. 589. 599.
 Трембицкій, Исидоръ 437.
 Трентовскій, Бромиславъ
 732.
 Тржебескій 981.
 Тржепецкій 483.
 Трizza, Иосифъ 338.
 Трофимовичъ, Исаия 337.
 838.
 Труберъ, Примусъ 286—
 290.
 Тругларъ, Иосифъ 875.
 994.
 Трухлий-Ситнянскій, Ан-
 дрей 1040.—48.
 Тудичевичъ, Мароѣ 192.
 Тума, Гамушъ-Венц. 977.
 [Тунманъ 1100.]

- Тунъ, гр., Левъ 756. 1012.
—46.—83.
- Тунъ, гр., Матвій 812.
815. 1083.
- Туный, см. Яблонскій.
- Тургеневъ, Ив. С. 236. 296.
370. 382. 387. 426. 966.
995. 1086.
- Турзо 874. 875.
- Туринскій, Фр. 963.
- Турнь, Матвій 914.
- Туровскій, І. К. 453. 513.
528. 614.
- Турскій 562. 599.
- Турчиновичъ, О. 319.
- Тустановскій, см. Звзаній.
- Тыль, Іос. - Казтанъ 963.
964. 969. 1055.
- Тышкевичъ, графъ 403.
- Тышынскій 760.
- Тютчевъ, Ѳ. Ив. 968.
- [Убичини 11. 138.]
- Уваровъ, А. С. 5.
- Украинець, см. Драгома-
новъ.
- Унгаръ, Карлъ (Рафаэль)
915. 921—923.
- [Унгвенттеръ, Ф. 11.]
- Унгнадъ, баронъ 173. 286.
288.
- Ундольскій, Вуколь 54.
55. 57. 326. 326. 328.
- [Уокеръ, Мэри, Walker,
47.]
- Урбинъ Мавро, см Орбинъ
- Успенскій, см. Порфирій
- Успенскій, Ѳ. 734. (Доп.)
- Устіановичъ, Корнило 434.
- Устіановичъ, Н. 425. 427.
432. 487.
- Устряловъ 330.
- Утѣшеновичъ, Огнеславъ
227. 256. 1115.
- Уѣйскій, Корнелій 774.
- Фабриціусъ, Богумилъ
1076.—78.
- [Фабриціусъ 1067.]
- Фагелдусъ Виллатикусъ,
Симонъ 876.
- [Фальмерайеръ 8. 59.]
- Фальковский, І. 690.
- Фандли, Юрій 1020.
- Фарнашъ, см. Вукотино-
вичъ.
- [Фаряты 1100.]
- [Фатеръ 270.]
- Фастеръ, К. 785.
- Федьковичъ, Юрій-Осипъ
Городенчукъ 432—434.
- Фейерпатаки, 1040.
- [Фейфаликъ, Юліусъ 812.
815. 816. 823. 827. 828.
832. 870. 932. 1051.—52.]
- Фелинскій, Алоицій 600.
770.
- Фелинь, Адамъ 900.
[Фелычетти 283.]
- Фельдманъ, Ѳ. 405.
- Феричъ, Юрій 194.
- Ферьенчикъ, Мик. 1048.
- Ферьенчикъ, Сам. 1032.
[Фоссеръ 1003.]
- [Фицинь 1067.]
- [Фидлеръ, І 4. 406. 885.]
- Фидлеръ, К. А. 1088.
- [Фиккеръ 11. 12.]
- [Фикъ 5. 20.]
- Филадельфъ, см. Запрскій.
- Филаретъ, рижскій и чер-
ниговскій 35. 94. 380.
382—334. 338. 357. 365.
366.
- Филипекъ, Вацл. 964.
- Филипекъ, Ф. 962.
- Филиповичъ, Асанацій
332.
- Филиповичъ, Ив. 166.
- Филиповъ, Тертіій 116.
117.
- Финкъ 998.
- Финшъ, Зенонъ 348. 373.
747.
- Фиоль или Фьоль, Швай-
польтъ 323. 324. 328. 411.
- Флацій, Иллириць 866. 898.
- Флеровъ, І. 332.
[Флетчеръ 348. 1100.]
- Фляксиндеръ, Янъ 481.
- Фляшва, Смиль, см. Смиль.
[Фогель 271.]
- Фойгтъ, Адаутъ 833. 921.
922. 1101.
- Фортинскій, Ѳ. Я. 1068.
[Фортисъ, аббатъ 165. 263.
269. 270. 1100.]
- Фотиновъ, К. 114. 118.
- Франкопанъ (Доп.).
- Франтишекъ, гѣт. 830.
- Франциски (Янко Рямав-
скій) 1039. — 42.—43.—
48.—59.
- [Францеско, Фрида 1091.]
- Фредро, Александръ, гр.
606—609.
- Фредро, сынъ 777.
- Фрѣликъ 140.
- Френцели: Михамль, Ав-
раамъ, Михамль-млад-
шій, Саломонъ - Богу-
славъ 1074—1076.
- Фрида, Эм. Бог., см. Верх-
лицкій.
- Фридрихъ 228. 231.
- Фрицо, Помагай - Богъ-
Кристалюбъ и Янъ-Фрид-
рихъ 1076.—78.
- Фричай, Томашъ 928.
- Фричь, Іосифъ - Вацлавъ
(Бродскій) 971. 973. 974.
976. 990.
- Фричь - Модржевскій, см.
Модржевскій.
- Фрушничъ 213. 221.
- Фрушничъ, Стеф. 227.
- Хаджичъ, А. (Доп.)
- Хаджичъ, Іованъ (Милешъ
Светитъ) 216. 219 —
222.
- Халупка, Адамъ и Янъ,
1036.
- Халупка, Само 1028.—30.
— 36.— 37.— 39.— 47.
1105.
- Халивскій, О. 357.
- Ханенко 356. 394.
- Хвалетичъ, изъ, Вацлавъ
858.
- Хальчкскій, Петръ 866.
880—887. 911.
- Херасковъ 212.
- Хидья, Юрій 194.
- Хиждеу 357.
- Хитовъ, Паналотъ 120. 125.
132. 137.
- Хлебовскій, Брониславъ
543.
- Хлумецкій, Петръ 901.
- Хлѣдовскій 751.
- Хмелевскій, Іос. Красосл.
957. 961.
- Хмеля 929.
- Хмелевскій, Петръ 563.
620. 625. 633. 641. 652.
677. 725. 742. 766. 776.
- Хованскій, А. 781.
- Ходалковский, Зоріанъ До-
ленга (Ад. Чарноцкій)
4. 402. 403. 414. 445. 596.
1101.
- Ходзько, Александръ 134.
742. (Доп.)
- Ходзько, Игнатій 742.
- Хоецкій, Эдм. 784. 1060.
- Хойницкій 781.
- Холева, Матвій, герба 690.
- Холоневскій, Станиславъ
747.
- Хомяковъ, А. С. 295. 387.
968. 1063. 1106.
- Хологушекъ 965.
- Хоминевскій, Іосифъ 780.
- Храбръ, монахъ 56. 1000.
- Хрстаки-Павловичъ, см.
Павловичъ.
- Христіанъ Прахатидкій,
см. Прахатидскій.

- Христофоръ Фидалець, см. Бронскій, Христофоръ.
- Цамблякъ, Григорій 93. 94. 154—156.
- Цанковы, А. и Д. 96. 97. 118.
- Цановъ (Доп.).
- Цанъ 870.
- Царскій, А. 926.
- Цафъ, Орославъ 295.
- Цваръ, I. G. 1072.—89.
- Цебриновъ 404.
- Цегнаръ, Фр. 296.
- Цейнова, Флоріанъ 781.
- [Цейсбергъ, Генрихъ 468.]
- Цельтестъ, Конрадъ 469. 481.
- Цертелевъ, кн. 364. 392. 414.
- Цибулька, Исакъ 900.
- [Цигенъ, Эд. 1067.]
- Циммерманъ, Янъ-Нено-мукъ 806.
- Цирниусъ, см. Пржедлавскій.
- Цойсъ, Зигмундъ 292. 298.
- Цтиборъ изъ Цимбурка 871. 876—878.
- Цуцери, Бернардо 191.
- Цуцери, Флора, см. Зуроричева.
- Цыбульскій, В. 641.
- Цыновскій 707. 732.
- Чайковскій, Антонъ 750.
- Чайковскій, Мих. 742.
- Чапекъ, Янъ 865.
- Чайковичъ, Ив. 165. 1002.—29.
- Чарикова, изъ, Янко 468.
- Чарнопій, Адамъ, см. Ходаковскій.
- Чадкій, Феликсъ 588. 603. 604.
- Чеваловичъ, Гергуръ 196.
- Чейка, д-ръ 966.
- Чекановичъ, Славомилъ 1003.
- Челяковскій, Фр. Л. 20. 112. 445. 785. 839. 931. 943. 954—957. 961. 963. 971. 972. 984. 1067.—54.—57.—66.—81.—85.—1104.—06. (Доп.).
- Чена 354. (Доп.).
- Черва, Серафимъ 179. 180.
- Червенакъ, Бенъяминъ-Православъ 1002.—28.—29.—46.
- Черневъ (Доп.).
- [Чернигъ, Szoernig, 11—17. 283. 1019.]
- Чернинъ; изъ Худениць, графъ, Германъ 914.
- Черновичъ, Арсеній 9.
- Черновичъ, Юрій 164.
- Черничъ, Ив. 174.
- Черный, Янъ, чешскій „братъ“ 895. 898. 899.
- Черный, Янъ 995.
- Чехлицъ, изъ, Богуславъ 869.
- Чехъ, Микулашъ (Nicolaus de Bohemia) 872.
- Чехъ, Сватоплукъ 979. 982. 983. 996.
- Чечотъ 455.
- Чинтуловъ 123.
- Чистовичъ, И. 340.
- Чоламовъ 121. 130.
- Чръевичъ, Илья 178.
- Чубинскій, П. П. 17. 306. 396—398. (Доп.).
- Чубраковичъ, Андрия 185.
- Чубръ Чойковичъ, см. Минутковичъ.
- Чупичъ (Доп.).
- Чуръ 839.
- [Шаафъ 885.]
- Шабчанинъ, М. (Доп.).
- Шагуна, А. 406.
- Шадовъ 1090.
- Шайноха, Карлъ 819. 454. 456. 532. 569. 753. 769.
- Шараневичъ 406. 435.
- Шаржинскій, см. Семпъ-Шаржинскій.
- Шатовилленъ, графъ, см. Морштинъ, Андрей.
- Шафарикъ, Пав. Јос. 3. 4. 7. 11—17. 20. 33. 38. 39. 54—56. 89. 104. 111. 112. 138. 140. 153... 159. 166. 176. 180. 194. 205. 220. 223. 242. 243. 283. 285. 299. 301. 306. 319. 351. 376. 388. 406. 415. 623. 785. 804. 811. 812. 814. 819. 822. 825. 882. 931. 936. 938. 941—946. 949. 951. 952. 955. 959. 969. 986. 990. 998. 1002.—03.—19. 1025... 1032.—40. 1051.—52. 1057—1059.—67.—71.—83. 1102—1104.—06.—15.—17.—19. (Доп.).
- Шафарикъ, Янко 95. 140. 156. 226. (Доп.).
- Шафонскій 354.
- Шанкевичъ 415. 416. 421. 426—428. 432. 446.
- [Шваммель, Эд. 815.]
- [Швандтверъ 174.]
- [Шварцъ 1067.]
- Шведаръ 165.
- [Швейгеръ-Меркенфельдъ (Доп.)]
- Швела 1089.
- [Швинеръ (Доп.)].
- Шевченко, Тарасъ 122. 123. 363. 367—370. 373. 376. 377. 381. 383. 387. 388. 431. 432. 437. 439. 619. 620. 627. 995. 1105. (Доп.).
- Шевиревъ, Ст. 37. 647. 649. 970.
- Шейля, П. В. 405.
- [Шельдъ 1071.]
- Шембера, А. В. 784. 785. 812. 816. 820. 822. 851. 982. 940. 990. 1003.—32. (Доп.).
- Шемжикъ 944.
- Шенлебенъ 290. 291.
- Шенов (Доп.).
- Шентигаръ, Янъ 876.
- Шенфельдъ, Фрих. 897.
- [Шербъ 228.]
- Шершеневичъ 649.
- Шеховичъ 425.
- Шимбера, Том. 1060.
- Шимель 189. 917.
- Шимичъ, Н. 211.
- Шимоновичъ, Шимонъ 481. 497—500. 615.
- Шиндлеръ 1069.
- Шипацкій-Илничъ 394.
- Шинковъ, адмир. 650. 814. 815.
- Шинковъ, Т. (Доп.).
- Ширняръ 292.
- Шкудельтмй 1059.
- Шлейхеръ, Августъ 5. 20. 37. 310. 992. 1067.—68.
- Шлехта, Янъ 874. 878. 890.
- Шлѣдеръ 4. 104. 920. 1100.
- Шмага, Јос. 900.
- Шмалеръ, см. Смолеръ.
- [Шмедесъ 405.]
- Шмедекъ, Карлъ 969. 994.
- [Шмидтъ, стат. 11.]
- [Шмидтъ, Јог. 5. 20.]
- [Шмидтъ, Карлъ 908.]
- Шмиловскій, Алоизъ-Войтъхъ 977.
- Шмиловскій, Вацл. 981.
- Шмитъ, Генрихъ 454. 551.
- Шмуцъ 1076.
- Шнейдеръ, Фр. 1072.
- Шнигоцкій 649.
- [Шнурреръ 287.]
- Шольдъ, Вацлавъ 977.
- [Шопенъ 138.]
- Шнилевскій 404.

- [Шпрингеръ, Антоъ 417. 784.]
 Шрай 292.
 Штейръ, 900. 916.
 Штемпель, Хр. Фр. 1090.
 Степанекъ, Янъ - Непомукъ 962. 963.
 Штернберга, изъ, Игватий 914—915.
 Стефанъ, Андрей 900.
 [Штиглицъ 2:8]
 Штитный, Ома 838—842. 850. 884. 960.
 Штифтеръ 295.
 Штольба, Иос. 983.
 Шторхъ, К. 908.
 Штосъ, Павелъ 250.
 Штросмайеръ, Иос.-Юрий еп. 129. 258.
 Штульцъ, Вацлавъ 36. 961.
 Штурмъ, Адамъ 893. 895. 899.
 Штурмъ, Вацлавъ 884. 916.
 Штуръ, Карлъ 1030.—33.—43.
 Штуръ, Людевятъ 241. 280. 439. 1001.—2.—12.—24.—25. 1028... 1047.—59.—60.—68.—82.—83. 1105.—07.—10.—16. (Доп.).
 Штырмеръ, Людвигъ 746.
 Шуйскій, Иосифъ 454. 551. 583. 776.
 Шудекъ, Богославъ 166. 260.
 [Шуленбургъ, 1090].
 Шульгинъ, В. 307.
 Шульце 885.
 Шульцъ, Вацл. 931.
 Шульцъ, Ферд. 824. 825. 929. 938. 975. 981. 996.
 Шумавскій, Фр. 785. 900.
 Щоголевъ 363.
 Эйнцилеръ, Андрей 297. [Экардъ 1066].
- Экономовъ (Икономовъ?) 134.
 Эмлъръ, Иосифъ 820. 885. 988. 969.
 [Энгель 48. 139. 164. 405. 1100.]
 [Энгельгардтъ 1072.]
 [Эней Сильвий 861. 864. 866. 869. 872. 879. 902].
 Эрбенъ, К. Я. 785. 811. 822. 839. 853. 897. 903. 958—960. 971. 984. 989. 990. 1037.—53.—55.—59. 1104.
 Эренбергеръ, Иос. 965.
 Эркеръ 319.
 Эстрейхеръ, Карлъ 453.
 Юзифовичъ, М. В. 371.
 Юкичъ, Ив. Франьо, 47. 138. 279. 282.
 Юнгманъ, Иос. 447. 785. 814. 839. 855. 870. 931. 934—938. 941. 945. 946. 952. 957. 960. 1019.—24.—32.—51.—53.—54.
 Юричъ, Юрій 287.
 Юричъ, Иосифъ 296. 297.
 Яблоновскій, Янъ 545. 546.
 Яблонскій, Болеславъ (Eugen Tyru) 961. 1105
 Яворскій, Стефанъ 339. 340.
 Ягичъ, Ватрославъ 4. 20. 21. 27. 37. 38. 54. 57. 58. 61. 63. 69. 78. 82.—85. 89. 95. 102. 126. 138. 140. 150. 153. 156—158. 160. 161. 165. 166. 174. 180. 182. 186. 197. 201. 216. 217. 220. 237. 258. 267. 280. 281. 311. 391. 398. 439. 816. 925. 932. 993. 1050.—51.—60.—73. 1115.—19. (Доп.).
 [Якоби 1067.]
- Якобъ 1077.
 Яковенко, О. 434.
 Яковлевъ, В. 784. 995.
 Якубекъ, изъ, Стржибра 845. 855. 856. 866. 880. 881.
 Якубица, Ник. 1073.
 Якубъ 1072.—84.
 Якушкинъ, П. 81.
 Якшичъ, Юрій 227. 234. 256. (Доп.).
 Якшичъ, Влад. 12. 238.
 Ямбрешичъ, Андрей 166. 199.
 Янда-Цидлинскій, Богумилъ 977. 981.
 Яндричъ, Мат. 200.
 Янежичъ, Антонинъ 20. 283. 285. 295. 302.
 Яницкй, Климентъ 481.
 Янковичъ, Ем. 212.
 Янковичъ де-Миріево 203.
 Яновскій, (изъ Янова), Матвѣй 791. 838. 840. 862. 881.
 Яновскій, Θεодосій 339.
 Яноцкй (Евишъ) 547.
 Янъ, Юлій-Врат. 977.
 Янычаръ, см. Константиновичъ.
 Япель, Юрій 291. 293.
 Ярохъ 830.
 Ярникъ, Урбанъ 293.
 Яроховскій, Казиміръ 515. 776.
 Ярошевичъ 319. 332. 403.
 Ясинскій, Варлаамъ 339.
 Ястребовъ (Доп.).
 Яффетъ, „братъ“ 900.
 Θεодоровъ, Иванъ 338.
 Θεодосій, терновскій, болг. святой 91—92.
 Θεодосій, монахъ 96.
 Θεодосій, архим. 114.
 Θεофанъ Прокоповичъ, см. Прокоповичъ.

UNIVERSITY OF MICHIGAN

3 9015 03191 6193

